

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

уч. Кош. М. Ф. П.

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

МАЙ и ІЮНЬ.

1868.

Шкафъ 72.

Полка 1.

№ 2

456.

49/13

~~Ch. X 22~~
~~156 ✓~~

Пр 206

Зубовъ М. П. П.

ЗАР

ЗАПИСКИ

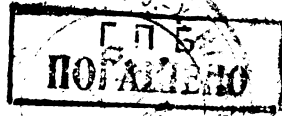
ДЛЯ
ЧТЕНИЯ

ЧТЕНИЯ,

ИЗДАВАННЫ

К. ТРУБНИКОВЫМЪ.

МАЙ И ЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкъ, 5.

1868.

2964

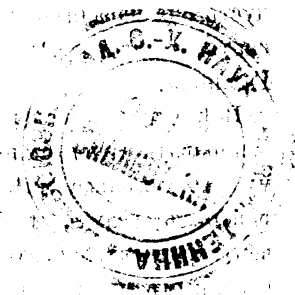
٥٧ ٤٢٢

٥٧ ٤٢٢

AP50
23
May-Aug.
1868

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. ВЫРОСЛА И ОТПВѢЛА, КАКЪ ЦВѢТОКЪ, главы I—XVII. Повѣсть анонимнаго автора	1
II. ГОЛУБКА ВЪ ОРЛИНОМЪ ГНѢЗДѢ. Часть вторая, главы I—IV. Романъ миссъ Юнджъ	122
III. О МЕЖДУНАРОДНОЙ МОНЕТѢ. В. Халютина.	170
IV. ПРОМЫШЛЕННАЯ И НАУЧНАЯ ХРОНИКА	183
V. О ПРЕДПОЛОЖЕННОМЪ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПРОВІАНТ- СКАГО ДОВОЛЬСТВІЯ ВОЙСКЪ. К. Плющевскаго.	198
VI. УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ ГОРОДОВЪ ВѢНЫ И БЕР- ЛИНА. I. Городъ ВѢНА. А. Н. Куломзина.	214
VII. ВЪ БАТАВИИ. (Изъ воспоминаній о кругосвѣтномъ плаваніи 1865—1867 года). В. В—ова.	257
VIII. О РАСКЛАДѢ ДЕНЕЖНЫХЪ ПОВИННОСТЕЙ МЕЖДУ СЕЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ. Э. фонъ-Траутфеттера.	266
IX. ХИВА И БУХАРА. Вамбери	278
X. ЖИЗНЬ ЮЖНОАФРИКАНСКАГО ФЕРМЕРА НА ОРАНСКОЙ РѢКѢ	283
XI. МОРЕ И ЕГО МІРЪ	291
XII. ИСТОРИЯ ОДНОГО УРОДА. Повѣсть безъ конца. Проспера Пожровскаго	307

ВЫРОСЛА И ОТЦВѢЛА, КАКЪ ЦВѢТОКЪ.

АВТОБИОГРАФІЯ.

Повѣсть въ одной части, анонимнаго автора *).

ГЛАВА I.

«Когда я умру, я желаю, что бы меня похоронили подъ тѣмъ старымъ ясеневымъ деревомъ, на которомъ я и Долли вырѣзали наши имена моимъ тупымъ перочиннымъ ножикомъ, гдѣтъ десять тому назадъ. Положительно отрекаюсь отъ приготовленнаго для меня мѣста въ семейномъ склепѣ. Я вовсе не считаю удовольствіемъ гнить рядомъ съ прахомъ какаго нибудь дѣдушки или бабушки. У насъ, въ Англіи, всякій порядочный джентльменъ или леди привыкли при жизни имѣть свой собственный уголь; зачѣмъ же послѣ смерти измѣнять своей привычкѣ? Итакъ, когда настанетъ моя очередь отправляться къ праотцамъ, прошу вырыть мнѣ просторную яму на правой сторонѣ моего милаго ясеневаго дерева. Я улягусь тамъ, по возможности, покойно, не обращая вниманія на червей и прочихъ гадовъ. А Долли (если она меня переживетъ; я этого не желала бы, но увѣрена, что она непременно меня переживетъ) завѣщаю посадить кустъ розановъ у меня въ головахъ, кустъ пѣтушьяхъ гребешковъ въ ногахъ, а по бокамъ моей могилы—

*) Съ англійскаго.

пусть она насадитъ нарцисы; буду я тамъ преспокойно себѣ спать, и никакихъ сновъ не увижу, что тамъ ни толкуй нашъ Гамлетъ.

Всѣ эти разсужденія я вела сама съ собою, слѣдовательно оспаривать меня было некому. Говорила я не вслухъ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, человѣкъ съ самимъ собою говоритъ вслухъ только на сценахъ Дрюриленскаго и Ковентгарденскаго театровъ; притомъ я разговаривала съ единственнымъ моимъ собесѣдникомъ, моимъ собственнымъ сердцемъ.

(Во время моихъ мысленныхъ разсужденій, я облокотилась на низенькую каменную ограду, отдѣлявшую нашъ огромный лугъ, по величинѣ самый замѣчательный во всемъ околѣдкѣ, отъ кладбища. На мнѣ было платье изъ небѣленаго полотна, весьма почтенной древности. Происходило все это въ лучшій часъ дня, то есть въ девять часовъ вечера, въ лучшій день лучшаго мѣсяца въ цѣломъ году, т. е. въ маѣ. Въ продолженіе цѣлаго дня не было вѣтра, но при закатѣ солнца вдругъ подулъ откуда то легкій вѣтерокъ; онъ былъ до того душистъ и тепелъ, что я подумала, не съ неба ли онъ дуетъ. Старые вязы такъ ему обрадовались, что весело зашевелили вершинами и заговорили между собою тихо, съ достоинствомъ, на языкѣ, понятномъ только имъ, да вѣтру. Мнѣ кажется, что они шептались о томъ, какъ весенній сокъ бѣжитъ по ихъ вѣтвямъ, и какъ приятно имъ видѣть внизу, у своихъ корней, цвѣты, покрытые свѣжею росой. Трава, серебристая отъ сумерекъ, и та что то говорила, потому что я видѣла, какъ былинки качались и гнулись одна къ другой.

Славное у насъ было кладбище! такъ бы тутъ, кажется, и легъ! Видѣ его не только не напоминалъ ничего страшнаго; даже грусти онъ не возбуждалъ. Не было возможности думать о трупахъ, черепахъ, смерти, глядя на небольшіе холмики, покрытые зеленою бархатною травой, на эти гладкія плиты, освѣщенныя послѣдними лучами заходящаго солнца, которое точно прощалось съ ними, прежде чѣмъ скрыться за горами. Конечно, когда человѣкъ умираетъ и его заколачиваютъ въ дубовый ящикъ, ему совершенно все равно: сунуть ли его въ общую могилу съ другими гробами, или набожно опустятъ въ душистую землю, подъ тѣнь маленькой, сѣрой колокольни, какъ наша церковная. Но когда человѣкъ еще живъ и назна-

ченный ему гробъ — не гробъ еще, а какое нибудь вѣтвистое дерево, о! тогда — помириться съ общею могилою не много трудно. Мы неводно воображаемъ, что вотъ, лежа въ могилѣ, до насъ будетъ доноситься запахъ гвоздики; что мы станемъ любоваться на игру солнечныхъ лучей надъ нашею головою; что мы будемъ слушать жѣсни птицъ, поющихъ намъ весною надгробные гимны; что зимою мы будемъ забнуть подъ снѣгомъ, или дрожать отъ мителей.

Побуда я предавалась такимъ мрачнымъ мыслямъ, локти мои почти онѣмѣли отъ холоднаго камня; я опомнилась наконецъ, приподнялась, и начала съ нѣжностію растирать ихъ.

«Какъ бы мнѣ попасть на кладбище», говорила я (все себя самой). Тамъ я, по крайней мѣрѣ, покойно посидѣла бы на памятникѣ мистриссъ Барлоу, а пожалуй нацло бы вдохновеніе, такъ я даже сочинила бы и элегію не хуже Грея. Будь здѣсь Долли, конечно, сейчасъ бы начались наставленія, что это неприлично, что взрослой дѣвушкѣ не годится лазить черезъ ограды. Но вѣдь Долли нѣтъ, ну, и Богъ съ ними, съ приличіями! Меня здѣсь никто не увидитъ, кромѣ летучихъ мышей, да развѣ привидѣній».

Сказано — сдѣлано; я перелѣзла черезъ ограду, запуталась правда въ травѣ, но всетаки добралась до могилы мистриссъ Барлоу, сѣла на плоской плитѣ и задумалась. Читать надписи на могиллахъ мнѣ надобло: онѣ всѣ на одинъ ладъ, да я ихъ развѣ двадцать уже читала.

Но теперь, прямо противъ меня, возвынялся гладко отполированный камень, надгробная надпись котораго произвела на меня сильное впечатлѣніе. Вотъ она:

«Когда архангела труба
Изъ праха возведетъ умершихъ
Межъ вами многіе тогда
Мнѣ позавидуютъ, что умерла я рано!»

«When the Archangel's trump shall sound
And souls to bodies join
Thousands shall wish their stay on earth
Had been as short as mine!»

Нѣсколько разъ сряду перечитала я это мрачное пророчество, написанное вѣроятно на могилѣ ребенка, и удивлялась неправильности стиха неизвѣстнаго автора. Вдругъ сзади меня кто то сильно хлопнулъ валипкою. Я вздрогнула и повернула

*

голову. Архангелы, умершій, ребенокъ, риѣмы, все мигомъ вылетѣло у меня изъ головы. Сквозь сумерки я завидѣла тѣнь мужчины. Если это былъ духъ, то очень сильный, потому что духи калитками не хлопаютъ, да притомъ право я никогда не слыхивала, что бы они могли насвистывать ариѣ Мейербеера. Что это былъ не могильщикъ, въ этомъ я также была увѣрена; могильщикъ нашъ горбатъ, ему лѣтъ 60, и онъ скорѣе легъ бы тутъ въ одну изъ могилъ, чѣмъ сталъ бы бродить по кладбищу въ сырой майскій вечеръ, да наживать ревматисмы. Это уже никакъ не Джонъ Смисъ и никто изъ Брауновъ, потому что эти господа не привыкли совершать сантиментальныя прогулки по ночамъ, для посѣщенія могилъ Бэтсей, Аннъ и Мартъ, здѣсь лежащихъ; наконецъ, при свѣтѣ потухавшаго дня, я успѣла разглядѣть, что вошедшее лице былъ *настоящій* джентльменъ. Онъ, казалось, сначала меня не замѣтилъ, остановился среди дорожки, ведущей къ церкви, и засунулъ руки въ карманы; у него была цинковая трубка во рту, и онъ видимо любовался ландшафтомъ, который открылся передъ его глазами.

Терпѣть не могу очутиться съ глазу на глазъ съ личностію, которая и не подозрѣваетъ о моемъ присутствіи. Мнѣ дѣлается сейчасъ стыдно, точно будто я подслушиваю или подсматриваю. Я тихо кашлянула, что бы дать знать таинственному джентльмену, что прямо насупротивъ него, на могильномъ камнѣ, сидитъ, въ видѣ привидѣнія, молодая дѣвушка. Кашлянувъ, я страшно сконфузилась, и не смѣла уже поднять головы, что бы видѣть послѣдствіе моего маневра. Полагаю, что маневръ удался, потому что онъ не выразилъ никакихъ знаковъ удивленія, пройдя мимо меня своею спокойною, ровною походкою, и направляясь прямо къ церкви.

«На кого бы онъ былъ похожъ?» спрашивало мое пылкое девятнадцатилѣтнее сердце. — «А что вамъ за дѣло, миссъ?» отвѣчало приличіе. — «Конечно есть дѣло», возражало любопытство. Надо посмотрѣть. Я и посмотрѣла. Въ ту минуту, какъ онъ проходилъ, я взянула на него, онъ на меня, и наши глаза встрѣтились.

Взглянулъ онъ вовсе не дерзко, но и не съ восторгомъ, какъ бы слѣдовало взглянуть герою романа на дѣвушку, которая, какъ видно будетъ изъ послѣдствій, должна или ему гелову вскружить, или самой въ него влюбиться. Взглядъ его выразилъ скромное любопытство, съ которымъ каждый англійскій

юноша оглядываетъ женщину, встрѣчающуюся ему въ первый разъ. «Какая вы тамъ—хорошенькая или дурная? Теперь право не разберешь», — говорили его темносѣрые глаза, и вотъ все, что они сказали. Я вспыхнула—почему? до сихъ поръ не сумѣю опредѣлить; но лобъ, шея, уши—все у меня покраснѣло. Словомъ — я превратилась въ рака. Не знаю навѣрное, но мнѣ показалось, что подъ его длинными, бѣлокурными усами мелькнула легкая улыбка, и тотчасъ же исчезла, удержанная законами свѣтсваго приличія и хорошаго воспитанія.

Что бы тамъ ни было, но онъ не остановился, прошелъ мимо, сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на могильной плитѣ, почти противоположной моей, и продолжалъ курить свою трубку и смотреть въ сторону.

Я готова была исколотить себя до крови зато, что вздумала покраснѣть: «Точно горничная», говорила я мысленно съ злостію, «точно школьница, которая отродясь мужчины не видывала!» Странное положеніе наше представилось мнѣ въ очень карикатурномъ видѣ. Сидятъ себѣ два челоуѣка на могильныхъ плитахъ, другъ противъ друга, сидятъ, и торжественно молчатъ. Это показалось мнѣ до того смѣшно, что осталъся я еще немного, я непременно расхохоталась бы; но, вспомнивъ, что время уже позднее, я встала, и побрела къ калиткѣ.

— Позвольте мнѣ!... послышался густой, грудной голосъ сзади меня; незнакомецъ вѣжливо всталъ и отворилъ мнѣ калитку. Затѣмъ онъ снялъ шляпу, обнаживъ при этомъ лѣсъ кудрявыхъ, бѣлокурныхъ волосъ, и улыбнулся. Я не ожидала этого и снова сконфузилась. «Благодарю васъ», пробормотала довольно невѣжливымъ тономъ, хотѣла было ему поклониться, да споткнулась, наступивъ на платье, и чуть чуть не растянулась передъ нимъ. Воображаю какъ бы онъ удивился, получивъ отъ меня поклонъ въ восточномъ вкусѣ.

ГЛАВА II.

Хотя я почти бѣгомъ бѣжала всю дорогу, но на часахъ нашей конюшни пробило уже десять, когда я остановилась, едва переводя духъ отъ усталости, передъ тяжелою, усѣянною гвоздями дубовою дверью нашего дома; она была едва замѣтна изъ подъ

густаго плюща и мѣсячныхъ розъ, переплетшихся между собою, и образовавшихъ темный сводъ надъ крыльцемъ.

У насъ былъ большой домъ, но люди мы были маленькіе — по крайней мѣрѣ въ настоящее время; когда то мы стояли высоко въ обществѣ, но обстоятельства пригнули насъ. Люди, передъ которыми мы, гдѣ пятьдесятъ тому назадъ, драли носъ, теперь драли носъ передъ нами. Наши предки приплыли изъ за моря съ Вильгельмомъ Нормандскимъ; они проливали свою кровь, какъ воду, подъ знаменами Ричарда Левиное Сердце, за Святую Землю; получили въ награду множество сытныхъ аббатствъ отъ Генриха Многоженца; женились на богатыхъ наследницахъ, словомъ поднимались на самый верхъ колеса счастья, и благо имъ было! Но увы позднѣе Ипсомъ и Ньюмеркетъ, игорный домъ Крокфорда и оперныя Фрины, чужія жены, которыхъ мы увозили, и вообще многія милны дурачества, поглотили все наше богатство; тысячи превратились въ сотни, и наши роскошныя нивы перешли во владѣніе манчестерскихъ богачей, съ круглыми, гладко выбритыми, лицами; людей, привывшихъ употреблять крупныя слова тамъ, гдѣ они вовсе не нужны были. И такимъ образомъ нашъ бѣдный старый домъ сильно поразрушился, а денегъ не хватало даже на то, что бы побѣлить его почтенныя стѣны. Однако я пустилась въ генеалогическія семейныя подробности, а между тѣмъ стою до сихъ поръ у дверей дома. И такъ продолжаю. Окунувъ на минуту лице въ цѣлый букетъ душистыхъ палевыхъ розъ, сильный аромат которыхъ разносился далеко по вечернему воздуху, я переступила порогъ мрачной, старой залы. Въ ночное время эта зала казалась таинственною и страшною, какъ селенъ. Комната была большая, темная, съ огромными балками подъ потолкомъ; дубовыя ея стѣны давно уже требовали полировки; развѣшенные по нимъ гербы свидѣтельствовали о знаменитыхъ нашихъ связяхъ съ разными древними родами; громадныя кабаньи головы съ выпученными стеклянными глазами, и попорченные временемъ фамиліные портреты довершали убранство комнаты. Много потребовалось бы гаса, что бы освѣтить ее, какъ слѣдуетъ; вмѣсто же гаса горѣла одинокая и дешевая сальная свѣча, тускло мерцавшая на большомъ покоробившемся столѣ, посреди комнаты. Свѣтъ отъ огня падалъ на семейную библію, лежавшую на столѣ; ее то именно я каждое утро и вечеръ читала вслухъ прислугѣ, стараясь поддѣлаться подъ торжественный

церковный тонъ. Остальная часть комнаты тонула въ мракѣ. Когда я вошла, мнѣ встрѣтился старикъ, весь согбенный подъ тяжестью лѣтъ; онъ какъ бы составлялъ часть нашего дома, потому что на его дряхлой личности лежали обязанности дворецкаго, буфетчика, камердинера, виднаго лакея, грума и пажа; отецъ держалъ его болѣе изъ состраданія, но также и потому, что мѣнять людей терпѣть не могъ.

— Чай готовъ, миссъ! замѣтилъ этотъ почтенный слуга, выступивъ изъ тѣни мрака въ небольшое освѣщенное пространство.

— Готовъ? повторила я, не находя ничего, болѣе умнаго, ему отвѣтить, и начала приглаживать пальцами свои жесткія упрямыя кудри. Не измѣнивъ нисколько своего туалета изъ страха, что бы не заставить ждать отца, я быстро пересочила черезъ двѣ или три ступеньки истертой каменной небольшой лѣстницы, ведущей въ столовую, и очутилась въ комнату, также очень большой и темной, съ почернѣвшими же дубовыми стѣнами и съ большимъ еще количествомъ семейныхъ портретовъ, краски которыхъ стерлись отъ времени, хотя и теперь было видно, что родъ Лестранжей, въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи, въ былыя времена отличался красотой. Не знаю, можетъ быть, въ настоящее время типъ ихъ и переродился. На столѣ посреди комнаты было накрыто на два прибора; бѣдный освѣщеніемъ и еще болѣе бѣдный стоявшими на немъ кушаньями, столъ нашъ казался всетави оазисомъ среди пустыни. Отецъ мой сидѣлъ уже въ своемъ креслѣ, крытомъ бархатомъ, облокотившись на столъ, и опустивъ голову на руки. Не нужно было видѣть его лица, что бы рѣшить, что это былъ человѣкъ, измученный горемъ и заботами, которому не легко жилось: судьба унизила древній его родъ; тернии заглушили ливандскій кедръ; онъ и домашніе его заняли послѣднее мѣсто тамъ, гдѣ, бывало, занимали первое; онъ не могъ примириться съ этимъ положеніемъ, и чувствовать, что не переживетъ своего позора. Какъ храбрый спартанскій юноша скрывалъ подъ плащомъ грызущую его лисицу, такъ бѣдный старикъ таилъ свое горе отъ вѣчно любопытнаго свѣта, съ жадностію добирающагося узнать, гдѣ рана ближняго.

Я подкралась къ нему кошечкою: «Ну! сказала я весело, кажется, чай простылъ, ты разсердился, и начнешь меня сейчасъ

раскзывать, такъ что ли, отецъ?» Я нагнулась и поцѣловала его сѣдую голову.

— А? Что? спросила она, вздрогнувъ, оторванный отъ своихъ мрачныхъ мыслей, видомъ свѣжаго, молодого лица дочери, и стараясь отбиться отъ красной пряди непокорныхъ кудрявыхъ волосъ, которая спустилась съ моей головы на его щеку, — право, Нелли, я въ эту минуту даже забылъ о твоёмъ существованіи.

— Въ самомъ дѣлѣ? А что же такое, позвольте спросить, могло изгнать изъ вашей памяти такой милый образъ, какъ мой? спросила я со смѣхомъ.

— Да то, что гонитъ отъ меня всё веселыя мысли, отвѣчала она.

— Опять вѣрно счеты долговъ, возразила я, надувшись. Долги, долги, долги! вотъ арія, которую распѣваетъ весь нашъ домъ съ утра до ночи. Ни на какомъ языкѣ, мнѣ кажется, нѣтъ слова, подходящаго къ нему по множеству неприятностей, съ нимъ связанныхъ. Папа, послушай ты меня хотя одинъ разъ, начни новую систему. Забудь о долгахъ, какъ будто бы ихъ и не было; чистый воздухъ, солнце, ты, да я — чего намъ больше для счастья? А придется уже очень скверно — ну, въ тюрьму вѣстѣй пойдемъ, тамъ насъ будутъ кормить, одѣвать и даже стричь даромъ. О чемъ тутъ беспокоиться?

Отецъ покачалъ головою. — Хорошо тебѣ говорить, Нелли, не беспокоиться! Это зависитъ не отъ моей воли, дитя.

Я между тѣмъ успѣла разливать чай. — А помнишь, что сказано въ св. писаніи «не пейтеса о завтрашнемъ днѣ»?

— Да, но вѣдь тамъ также сказано, что человѣкъ рожденъ для скорби. И отецъ тяжело вздохнулъ.

— Если ты будешь такъ вздыхать, возразила я, ты всё свѣчи потушишь.

Отецъ ничего не отвѣтилъ, и мы оба начали молча ѣсть въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Но въ ту пору моей жизни молчаніе было вещь, невыносимую для меня.

— Папа, начала я снова.

— Ну?

— Не угодно ли вамъ меня выслушать? Я хочу вамъ рассказать коечто, но для этого вамъ нужно прежде спуститься съ облаковъ, гдѣ вы всетаки надъ землею.

— Я слушаю.

— Вы должны знать, что, по милости вашего дурнаго расположенія духа, я отправилась сегодня на кладбище.

— И что же? Ты тамъ вѣрно нашла какого нибудь пріятнаго собесѣдника между мертвецами?

— Конечно, я даже очень люблю общество мертвецовъ. Они никогда мнѣ не противорѣчатъ; притомъ, въ разговорѣ съ ними, я никогда не думаю о содержаніи своей рѣчи. Но сегодня я вовсе не мертвеца видѣла, вовсе нѣтъ! Отгадайте кого?

— Поросятка?

— Нѣтъ.

— Плачущую вдову?

— Нѣтъ.

— Привидѣніе?

— Пустаки какіе.

— Ну, я больше отгадывать не могу, сказалъ отецъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: «Оставь меня, Бога ради, въ покоѣ!»

— Нѣтъ, нѣтъ, отгадывайте! закричала я.

— Да ну ихъ всѣхъ! почему я знаю, кого ты тамъ видѣла. Можетъ быть, кого изъ домашнихъ! что объ этомъ толковать!...

— Во все не домашнихъ, у насъ во всемъ домѣ нѣтъ такого красиваго человѣка. Я видѣла мужчину!

— Старика Эйкена что ли?

— Можетъ быть и его, но только я видно девятнадцать лѣтъ сряду ошибочно судила о его наружности, потому что у нынѣшняго Эйкена кудрявые бѣлокурые волосы и онъ шести футовъ росту, а старикъ Эйкенъ, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ совсѣмъ другія примѣты!

— Ну, Джона Барлоу, или какого нибудь прикащика изъ Нантфорда? ихъ вѣдь не отличишь въ настоящее время.. всѣ стали джентльменами!.

— Милый папа, неужели вы думаете, что я не сумѣю отличить мѣди отъ золота? Неужели я могу ошибиться, признавъ какого нибудь выскочку за родоваго джентльмена? Извините-съ, у моего таинственнаго незнакомца превоспительная наружность, а вѣдь мы съ тобою, отецъ, имѣемъ слабость къ военнымъ. Не такъ ли?

— У меня слабость къ спокойствію, душа моя, и потому я

попросилъ бы тебя допивать свой чай, а меня не тормозить. Вѣроятно твой незнакомецъ былъ одинъ изъ Бургуйновъ; сама ты такъ уже убѣждена, что это не Эйгенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это вовсе не Бургуйнъ. Я ихъ обоихъ знаю. Джонъ горбать, а Чарльсъ косить; они оба пребезобразные мальчишки, а это былъ, я вамъ повторяю, *мужчина*.

Отецъ ласково улыбнулся, видя мое восторженное настроеніе при воспоминаніи о вечернемъ незнакомцѣ.

— Что ты называешь мужчиною, Нелли? спросилъ онъ меня. Джонъ Бургуйнъ очень удивился бы, узнавъ, что ты его включаешь изъ разряда мужчинъ. Я полагаю, что онъ самъ себя считаетъ едва ли не выше всѣхъ.

— Пускай его, возразила я, допивая вторую чашку чая; я обь *встѣхъ* не говорю, но знаю только, что онъ ниже на два вершка моего знакомаца.

— Жаль Нелли, что мы не можемъ съ точностію опредѣлить его имени: *мой незнакомецъ*,— выраженіе очень неясное.

Я захохотала, несмотря на то, что ротъ мой былъ набитъ хлѣбомъ и масломъ.

— Да, отецъ, плохо то, что и слово *мой* невѣрно. Вѣдь онъ моимъ быть, конечно, не можетъ. Но разузнать объ немъ я очень желала бы. Ты не повѣришь до чего онъ красивъ! Ну право точно ты, когда пріодѣнешься.

— Ну, уже это мало говорить въ пользу его величественной наружности, съ улыбкою замѣтилъ старикъ, намекая на свои согнутыя плечи и сторбленную спину. Но на мои глаза отецъ былъ красивъ какъ древній Діонисій. Любимый человекъ въ глазахъ нашихъ не можетъ старѣться, и отецъ, для моего пламеннаго сердца, всегда оставался молодымъ.

— Что же онъ... вѣрно уже пожилой? Если такъ, то я начинаю лучше объ немъ думать, заговорилъ снова отецъ. Я было вообразилъ, что это какой нибудь вертопрахъ, молокососъ, болтунъ.

— А если бы и да? Я чрезвычайно люблю вертопраховъ; они гораздо веселѣе и любезнѣе, чѣмъ старые ворчуны. Ты, пожалуйста, не вообрази, папа, что это я тебя старымъ ворчуномъ называю.

— Да и я, другъ мой, вовсе не хотѣлъ оскорбить твоего знакомаца, предполагая въ немъ вертопраха. Вѣрь мнѣ, что

въ эту минуту я сама желала бы быть молодымъ и превратиться въ вертопраха, что бы только повеселить тебя.

— Да развѣ люди только въ молодости могутъ быть веселы?

— Большею частію такъ, я полагаю.

— Такъ уже лучше умереть молодой! вскричала я, и вслѣдъ затѣмъ предаюсь чувствительнымъ мечтаніямъ о томъ, какая я буду интересная, когда умру; какъ меня положить на катафалокъ въ красной залѣ со сложенными на груди блѣдными руками, какъ меня всю покроютъ цвѣтами.

— Ты умрешь, дитя мое, когда Богу будетъ угодно, возразыль отецъ, и голосъ его слегка задрожалъ. Быть можетъ. Онъ возьметъ тебя къ Себѣ очень рано, какъ твою дорогую мать, а не то оставитъ на землѣ бороться съ горемъ и испытаніями до глубокой старости. На все воля Его святая!

Онъ всталъ; я подбѣжала къ нему, взяла его подъ руку, и мы чинно вышли изъ комнаты.

ГЛАВА III.

Слѣдующій затѣмъ день, 18-е мая 18..., былъ замѣчательнымъ днемъ моей жизни. Я его ждала цѣлую недѣлю, съ трепетомъ и отчасти съ восторгомъ. Это былъ день моего первого выѣзда на парадный обѣдъ. Да-съ, хотя мнѣ уже минуло девятнадцать лѣтъ, но я еще ни разу не присутствовала на подобнаго рода церемоніи, составляющей для истаго англичанина идеаль торжественности. Во всю мою жизнь, я два или три раза только выставила на показъ публикѣ свои голыя руки и шею, и всего одинъ разъ была на балѣ. Зато этотъ балъ считается важною эпохою въ моей жизни. Я веду отъ этой эры мое лѣтосчисленіе, какъ греки отъ Олимпіады, а римляне отъ основанія Рима.

Долли—надо прежде объяснить вамъ, что Долли моя сестра и старше меня четырьмя годами; у нея была предурная привычка затирать меня вездѣ; я и мои прелести (если таковыя существовали) вѣчно оставались на заднемъ планѣ въ ея при-

сукствѣи. Сестра любила свѣтъ всѣмъ сердцемъ и душою, всѣми силами своими, словомъ, какъ настоящая французенка.

Впрочемъ, я была очень довольна тѣмъ, что оставалась въ тѣни, куда усадила меня сестрица. Свѣтъ еще не успѣлъ меня одурманить своимъ очарованіемъ, и я немного хлопотала объ удовольствіяхъ. Жила я себѣ со своимъ старичкомъ отцомъ, и вмѣстѣ съ нимъ ухаживала за нашимъ прекраснымъ садомъ, окруженнымъ скалами; тамъ у насъ росли голубки, бѣлая гвоздика, лиліи разныхъ цвѣтовъ и роста, съ ресничью, невиданною мною въ самыхъ богатыхъ цвѣтникахъ. Милый, дорогой мой старикъ! не ходитъ намъ съ тобою болѣе рука объ руку въ этомъ саду! Уже я не буду для тебя *твоею* Нелли тамъ, на небесахъ. Да и тебя то я тамъ едва ли узнаю... Я могу себѣ представить твой дорогой образъ только въ одной формѣ, старикомъ, согнутымъ подъ бременемъ земнаго креста. Мнѣ легче было бы, если бы я могла забыть тебя, дорогой отецъ! Съ какою радостію вернулась бы я снова въ нашъ старый Ракрентъ-Кестль, гдѣ мы жили вмѣстѣ съ тобою! Какъ покойно бродила я, бывало, по саду, съ густою, непокорною косою, свернутою на затылкѣ въ огромный узелъ, въ какомъ нибудь долиномъ обноскѣ, полиняломъ платьѣ, съ трудомъ натянутомъ на мои полныя плечи! Приходили мнѣ, правда, подъ часъ, въ голову такого рода мысли, что не мѣшало бы и мнѣ выплыть въ свѣтъ, разодѣтой въ одинъ изъ тѣхъ пышныхъ модныхъ туалетовъ, отъ которыхъ моя сестра приходитъ въ умиленіе, и перестать носить тѣ несчастныя чужія платья, которыя или лѣзли у меня съ плечъ долой, или жали нестерпимо въ груди. Я однажды до того размечталась, что видѣла уже себя проходящею мимо цѣлой толпы пламенныхъ юношей, лица которыхъ смахивали всѣ вообще на туманный образъ нѣкоего бѣднаго капитана Гордона, съ которымъ я на знаменитомъ балѣ танцевала восемь разъ сряду, за что и получила отъ Долли личную головнойку.

Помню, что тогда я сильно возмущилась противъ моего домашняго рабства, и затѣяла горячій споръ съ сестрою. Но Долли имѣла твердый характеръ, а я слабый; я была глиняный горшокъ, она чугунный, и наша ссора кончилась, какъ всегда, слезами съ моей стороны. Я покорилась и просила униженно прощенія у сестры. «Видно!» говорила я мысленно, высунувшись изъ окна для того, что бы освѣжить мое лицо, распухшее

отъ слезъ: «видно мнѣ уже такъ на роду написано. Долли красивица, Летранжи всегда славились красотою; она и должна поддерживать честь дома. А я уродъ, а какъ въ нашемъ родѣ уродовъ никогда не бывало, то мнѣ и нужно жить въ уединеніи. Да уродъ ли я полно? Этотъ вопросъ сильно меня занималъ утромъ и вечеромъ, когда я смотрѣлась въ зеркало. Могу ли я своимъ лицомъ возбудить страсть въ мужчинахъ, могу ли зажечь огонь въ ихъ глазахъ, или, глядя на меня, всѣ останутся равнодушны? Въ самомъ дѣлѣ, хороша я или дурна? Грустно, нерѣшительно, а я всетаки сознавалась въ справедливости послѣдняго.

Иногда, я просто была убѣждена въ своемъ безобразіи. Черты у меня неправильныя, выраженіе лица вовсе не кроткое, а въ добавокъ у меня волосы красныя. Сколько вздоховъ, сколько слезъ они мнѣ стоили!

Разъ какъ то, я дерзнула спросить у Долли ея мнѣніе на счетъ моей наружности. Долли была сама по себѣ личность не совсѣмъ хорошая; ей въ семьѣ никто не умѣлъ угодить; не смотря на старшинство ея и на то, что она была единственная моя сестра, я не очень то ей подчинялась, но въ этомъ вопросѣ считала ея мнѣніе непогрѣшимымъ. Итакъ, въ одно зимнее утро, мы съ нею вдвоемъ сидѣли въ первой залѣ. Долли, въ темномъ дубовомъ креслѣ съ высокою рѣзною спинкою, пристроилась очень удобно къ огромному камину, гдѣ пылалъ и трещалъ цѣлый костеръ дровъ; огонь ярко освѣщалъ полинялый утрехтскій бархатъ кресла, свѣтлоголубое платье Долли и ея чистый профиль. Я же въ это время взгромоздилась въ весьма неграціозной позѣ на средину длиннаго стола, тянувшася вдоль оконъ, на одну ступень выше пола, и, обнавъ рукавами приподнятыя колѣни, смотрѣла сверху на сестру. Долли была очень хороша собою: продолговатое лице, мягкіе кроткіе глаза, искусно принимавшіе выраженіе ласки и мольбы, коротенькій, острый, чрезвычайно правильный носикъ, прекрасный ротъ, составляли вмѣстѣ прелестный ensemble. Прибавьте къ этому выраженіе лица, не то монахини, не то голубки, не то мадонны, и вы готовы были бы поспорить, что моя сестра проводить всю жизнь только въ молитвѣ. (А въ этомъ я сильно сомнѣваюсь.) Я глядѣла на Долли съ дѣтскимъ восторгомъ, смѣшаннымъ съ завистію.

— Долли! заговорила я наконецъ, какъ бы я желала быть такою хорошенькою, какъ ты!

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала сестра, не поднимая глазъ отъ работы (съ мною вѣдь нечего было кокетничать).

— Право такъ, я готова бы ежедневно просить Бога о такой милости, да вѣдь этимъ не поможешь.

— Конечно, не поможешь.

— Зачѣмъ, право, Богъ такъ много даетъ нѣкоторымъ людямъ на землѣ? вѣрно уже намъ, дурнушкамъ, на томъ свѣтѣ будетъ лучше, чѣмъ намъ.

— Ну, объ этомъ лучше толкуй съ мистеромъ Баульсамъ, а не со мною, возразила сестра.

Надо вамъ сказать, что мистеръ Баульсъ нашъ приходскій священникъ; это такая личность, къ которой я чувствовала безотчетное, непреодолимое отвращеніе которое возбуждаютъ нѣкоторые мужчины въ такихъ молоденькихъ дѣвочкахъ, какъ я.

— Долли, замѣтила я съ укоромъ. Вотъ такъ то ты мнѣ всегда отвѣчаешь! Право, я больше никогда не стану обращаться къ тебѣ съ вопросами.

— И не обращайся.

— Кстати, сказала я, вся вспыхнувъ и крѣпко сжавъ мои колѣни; скажи мнѣ пожалуйста... какъ ты думаешь?... очень ли дурна?

— Я никогда объ этомъ не думаю, отвѣчала холодно Долли.

— Ну, подумай теперь, Долли, прошу тебя!.. настанвала я довольно робко.

Сестра подняла свои бархатные глаза, и спокойно осмотрѣла мою смущенную фигуру.

— Я отъ тебя не въ восторгѣ, сказала она, но это еще не причина, что бы и другіе то же чувствовали. На вкусъ мастера нѣтъ; пожалуй, найдутся охотники и на красные волосы, и на большой ротъ.

Я покорилась своей судьбѣ. И такъ рѣшено, я безобразна. Мнѣ нужно отличиться умомъ или хотя эксцентричностью, если я красотою взять не могу. Мнѣ даже совѣстно стало за разговоръ свой съ сестрою. И потому, собираясь съ отцомъ на званный обѣдъ, я уже не поднимала щекотливаго вопроса. Долли на это время уѣхала гостить къ какому то обожавшему ее

семейству, въ отдаленное графство, и это отсутствіе было отчасти причиною моего дебюта въ свѣтѣ. Отецъ и я втайнѣ радовались, что сестры не было дома. Мы другъ другу объ этой радости ничего не говорили, но, кажется, понимали хорошо въ чемъ дѣло. По правдѣ сказать, наша мадонна держала насъ всѣхъ въ рукахъ, и давала себя подѣ часъ крѣпко чувствовать. Не разъ приходила мнѣ въ голову грѣшная мысль: ну, какъ Долли умереть, буду ли я въ состояніи плакать и прилично горевать объ умершей сестрѣ? Кажется, нѣтъ, а вѣдь слѣдовало бы! Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, я сама стою на краю гроба, а Долли въ полномъ еще цвѣтѣ счастья и здоровья. Когда я умру, ей ничего не будетъ стоить притвориться, если нужно, и она, пожалуй, горько еще расплачется, при видѣ исхудалаго бѣднаго тѣла сестры, которая теперь дѣйствительно очень не красива собою!..

ГЛАВА IV.

Вечеромъ, въ половинѣ шестаго, въ тотъ достопамятный день, когда я переступила порогъ, отдѣляющій дѣтство отъ юности, раздался голосъ моего отца, внизу винтовой лѣстницы, ведшей въ мою дѣвственную спальню: «Нелли, Нелли», кричалъ онъ, «экипажъ готовъ!»

Я между тѣмъ, одѣтая наимеожможнѣйшимъ образомъ, стояла посреди комнаты, глядѣлась въ зеркало, и съ горечью трунила надъ своими красными волосами, задавая себѣ вопросъ, можетъ ли встрѣтиться въ Англіи еще другая личность съ такою физиономіею, какъ моя. Отъ злости я готова была разбить зеркало!

— Иду, иду, папа! отвѣчала я, продолжая корчить себѣ разные гримасы. Уродъ здакой! — Вотъ отецъ опять зоветъ. Гдѣ мои перчатки? Господи, куда я ихъ дѣла! Сію минуту, папа! Что у меня за рожа! Дѣлать нечего, нужно ѣхать! И, махнувъ рукою, я стрелглавъ бросилась внизъ.

Когда я остановилась передъ отцомъ, тотъ взглянулъ на меня какъ то странно.

— Я въ вашихъ тряпкахъ ничего не понимаю, Нелли, началъ

онъ перѣшительно, но мнѣ сдается, будто твое платье, какъ сказать... узко, что ли, или черезчуръ поношено.

— Я изъ него выросла, папа, мнѣ и пришлось выпустить въ длину два дюйма, да вставить новое подолнище. Вы знаете, шарлатанъ сталъ такъ дорогъ...

Облако налетѣло на кроткое лице старика отца.

— Зачѣмъ же ты мнѣ раньше объ этомъ не сказала, началъ онъ снова; но я его перебила:

— Пожалуйста, не тревожьтесь. Будь тамъ хотя это чело-вѣкъ, право, никто не замѣтитъ моего присутствія, не только что платья.

Отецъ сдѣлался еще мрачнѣе.

— Мнѣ хотѣлось бы, что бы ты была одѣта не хуже другихъ; я не желаю подать повода думать, что я до того бѣденъ, что не могу даже прилично одѣть своихъ дочерей.

— Э! папа, если они всё не снобсы, не чванные люди, такъ, право, ничего не скажутъ. А если и скажутъ, мы не услышимъ.

— Не хочу я, что бы мою дѣвочку затирали какія нибудь миссъ Коксы, настаивалъ отецъ, съ горечью вспоминая тѣ дни, когда онъ, бывало, самъ говаривалъ, что папенька этихъ же самыхъ миссъ Коксъ почелъ бы за счастье вычистить ему сапоги.

Я засмѣялась.—Отецъ! сказала я, будь я во вретницѣ и подъ пеломъ, или въ шляпѣ и въ шпорахъ, я всетаки больше походила бы на леди, чѣмъ эти здоревенныя, разряженныя коровницы. Нечего намъ объ этомъ и толковать съ тобою.

Три мили ѣхали мы по извилистой дорогѣ, среди богато засѣянныхъ полей; затѣмъ мы вѣхали подъ арку, построенную въ греческомъ вкусѣ, на которой красовался гербъ Коксовъ, высланный въ прошедшемъ мѣсяцѣ изъ герольдіи. Это была какая то фантастическая птица, не то пѣтухъ, не то гриффъ, безобразный клювъ и громадные когти которой красовались въ каждой нишѣ и въ каждомъ выступѣ дома, словомъ вездѣ, гдѣ только можно было умѣстить этого уroda.

Толпа лангеевъ огромнаго роста, въ красныхъ плюшевыхъ ливреяхъ, съ напудренными головами, цѣлое море свѣта и настоящее вавилонское смѣшеніе голосовъ—до того смутили меня, при входѣ въ домъ, что я совсѣмъ растерялась, и опомнилась не ранѣе, какъ въ ту минуту, когда отецъ представилъ

меня какой то толстой барынѣ, съ красными, голыми руками, унизанными тяжеловѣсными золотыми браслетами, повидимому, только что присланными изъ лавки ювелира. Надъ собачьею ея мордочкою возвышалась драгоценная діадема въ видѣ крѣпостной стѣны.

Пройдя сквозь мытарство представленій, я опустилась въ кресло, и, собравшись съ духомъ, начала осматриваться. Огромная гостиная далеко не походила на нашу. Множество канделябръ съ восковыми свѣчами обдавали ее свѣтомъ. На потолокѣ красовались нарисованные амурь и психей; по стѣнамъ сіяли мадонны Карла Дольче и ландшафты Клода. Золото, рѣзба и бѣлый цвѣтъ господствовали повсюду. Тутъ сидѣла огромная компанія важныхъ землевладѣльцевъ, скотопромышленниковъ, лордовъ и депутатовъ съ лысыми головами и румянными лицами. Вырощенные среди здороваго воздуха скотнаго двора, они сами напоминали собою быковъ. Ближе ко мнѣ возсѣдали матроны съ двойными подбородками; въ складкахъ ихъ жирныхъ шей и плечъ сверкали безчисленныя нити брилліантовъ; были тутъ и юноши, живыя копіи модныхъ картинокъ, и миссы, напоминавшія собою стаю мохнатыхъ голубей. Охъ! уже эти мнѣ молодья леди! Я могла вынести общество надменныхъ вдовствующихъ матронъ, могла примириться съ чопорными офицерами, баронетами и прочею мужскою знатью; но барышеньъ — я действительно переварить не могла! Если мое несчастное платье, у насъ дома, при скромной обстановкѣ дубовой мебели и такихъ же стѣнъ, выглядѣло поношеннымъ и узкимъ, то представьте себѣ, чѣмъ оно должно было казаться среди пышныхъ туалетовъ, этихъ chef-d'oeuvre M-me Descou и Elise! Мнѣ, право, сдавалось, что оно какъ будто само себя стыдилось: оно облипло и обвисло вокругъ меня, точно я въ немъ выкупалась; къ довершейю горя, я открыла, что и прическа то у меня была старинная. Ее носили годъ тому назадъ, а теперь она бросалась въ глаза. Словомъ, я очутилась между своими соотечественниками точно дикая изъ Камчатки. У меня не было ни одной души знакомой, и потому, когда многіе (въ особенности мужчины) смотрѣли на меня пристально, я приписывала это вниманіе моему заморскому наряду.

«Они вѣрно дивятся: что это за пугало сидитъ въ такихъ трапкахъ!» сказала я сама себѣ съ горечью. «Недли Летранжъ! Бѣдная ты дѣвочка! лучше бы тѣбѣ сидѣть дома, въ старинной

своей столовой, въ холстинковомъ старомъ платьѣ, да пить чай съ холодною бараниною! Я оробѣла, какъ дитя, и мнѣ до того стало грустно, что даже слезы навернулись на глазахъ, когда я взглянула на свои руки, сложенные на колѣняхъ, въ широкихъ перчаткахъ, стоявшихъ восемнадцать пенни. Въ то самое мгновеніе, какъ дворецкій доложилъ, что кушанье подано, въ комнату вошелъ джентльменъ, опоздавшій вѣроятно въ слѣдствіе излишнихъ заботъ о своемъ туалетѣ. Это былъ высокій широкоплечій мужчина, съ бѣлокурыми волосами, къ которому очень бы шелъ воинственный нарядъ короля Олафа. Я его тотчасъ же узнала: то былъ мой владбищенскій герой. Отецъ, проходившій въ это время мимо меня, вмѣстѣ съ леди Бланкъ, которую онъ велъ подъ руку къ обѣду, повернулъ голову, взглянулъ на меня черезъ плечо, и улыбнулся. Я также улыбнулась, и тутъ же перестала горевать о своемъ коротенькомъ платьѣ и о старомодной прическѣ. Всѣ мои скорби превратились въ робкое чувство удовольствія, когда я убѣдилась, что моему вице-королю отданъ приказъ вести меня къ обѣду. Но онъ, какъ кажется, не очень то жаждалъ возобновить наше странное знакомство, потому что очень равнодушно довелъ меня до столовой, усадилъ въ бархатное кресло, рядомъ съ собою, и принялся ѣсть свой супъ, предоставляя мнѣ разсматривать на свободѣ его наружность. Быть можетъ, онъ зналъ, что на него пріятно глядѣть каждому, и потому рассчитывалъ заранѣе, что красота его расположитъ меня въ его пользу. А впрочемъ, можетъ быть и то, что онъ вовсе не заботился о моемъ мнѣніи.

Я никогда не ѣла супа, и потому занималась тѣмъ, что искося оглядывала сосѣда. Волосы у него были чисто саксонскаго цвѣта и сильно кудрявые до того, что иной завистливый товарищъ офицеръ, пожалуй, заподозрилъ бы тутъ помощь парикмахерскихъ щипцовъ (помоему, такое подозрѣніе было бы неблагородно); затѣмъ я замѣтила бронзовый цвѣтъ лица; спражъ отъ сабельнаго удара, вдоль щеки, близъ самого уха; ни бакенбардъ, ни бороды не оказалось, но зато были густые усы пепельнаго цвѣта.

«Хотя бы онъ заговорилъ!» думала я просебя. Но можетъ быть онъ не знаетъ что сказать; красавцы вѣдь рѣдко обладаютъ даромъ слова, какъ я слышала отъ Долли. Что до меня касается, то я скорѣе рѣшилась бы отрѣзать себѣ языкъ, чѣмъ начать разговоръ съ совершенно незнакомымъ человекомъ, и

нотому молчала, мысленно размышляя о томъ, гдѣ это мой сосѣд могъ получить сабельный рубецъ. Наконецъ, онъ какъ будто догадался о томъ, что я думаю и, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— Я, кажется, васъ испугалъ тогда, помните, ночью? И онъ улыбнулся.

— Не очень, отвѣчала я отрывисто, отвернувшись вскользя рукою, какъ это дѣлають застѣнчивыя дѣвушки.

— За кого же вы меня приняли, сважитесь за этого дура или вампира, внушающаго себѣ жертвы? продолжала онъ съ некогда фамильярнѣе. Мнѣ показалось, что онъ сохотѣлъ съжечь, что я еще молода и совершенный новичекъ въ большомъ свѣтѣ, следовательно съ мною переменитья не стоило.

— Ни за кого, отвѣчала я, потому что—и остановилась. Хотѣлось было мнѣ грянуть: «что вы слишкомъ красивы для вампира», но, къ счастью, я во время съехватилась, вспомнивъ, что, по законамъ высшего свѣтскаго приличія, молодой леди не слѣдуетъ дѣлать комплименты незнакому джентльмену.

— Потому что? повторилъ онъ.

— Потому что, потому что, продолжала я, замявшись, и съ радостію свхатившись за первую попавшуюся мнѣ мысль, какъ она ни была глупа, докончила: потому что я никогда не слыхивала, что бы у вампировъ были желтые волосы.

— У меня вовсе не желтые волосы, отвѣчала онъ спокойно; рѣдко можно найти подобный цвѣтъ; это исключительно песочный.

— Песочный цвѣтъ совсѣмъ не такой, возразила я гордо.

— А какой же? смѣю спросить.

— Да вотъ, лице мистриссъ Кокеръ песочнаго цвѣта, быстро заговорила я, указавъ глазами на хозяйку дома: помоему, это прегадко!

— Очень сожалѣю, что вы находите ее гадкою, отвѣчалъ онъ холодно; она моя сестра.

Я готова была провалиться. Я поираспѣла до корней волосы которые, если читатель помнить, были также пламеннаго цвѣта. Опусивъ со стыдомъ глаза на тарелку, я принялась разсматривать хлѣбъ расписаннаго на ней пшуга. Извиняться я и не думала, а просто остолбенѣла. Густой голосъ, едва сдерживая смѣхъ, раздавался вблизи самого горѣвшаго моего уха.

— Не бойтесь! Я не перескажу. Притомъ же, мистриссъ

Консь вовсе мнѣ не сестра, я сказала это для того только, что бы испугать васъ.

Я ужасно разволновалась, но у меня отлегло отъ сердца.

— Къ чему же вы все это выдумали? спросила я съ укоризною.

— Я совсѣмъ не выдумалъ, возразилъ онъ едва, замѣтно передразнивая мой голосъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, она конечно мнѣ сестра. Мы всѣ братья, неправда ли? Такъ покрайней мѣрѣ гласить нашъ воскресный молитвенникъ. Тамъ мы другъ друга обыкновенно называемъ «возлюбленными братьями».

— Какое конюнство! сказала я съ сердцемъ. Я глубоко уважала священныя книги, и не любила, когда говорили объ этомъ предметѣ съ насмѣшкою. Его, кажется, немного удивило, что деревенская дѣвочка смѣетъ учить свѣтскаго человѣка; но онъ ничего не возражалъ, а только рѣзко переменялъ разговоръ.

— А въ вашей сторонѣ вѣрно принято, что бы молодыя леди сидѣли по вечерамъ на кладбищѣ? спросилъ онъ снова.

— Я о другихъ не знаю, а сама сижу тамъ часто.

— Видно сейчасъ, что вы съ сильнымъ характеромъ. Моихъ сестеръ вкнутомъ не притянешь вечеромъ на четверть версты отъ кладбища.

— Въ самомъ дѣлѣ? А много у васъ сестеръ?

— Двѣ.

— Похожи онѣ на васъ?

— Ни капли. Онѣ гораздо лучше меня.

Я не повѣрила, но скрыла на этотъ разъ свое недовѣріе.

— Вы здѣсь давно? начала я опять.

— Съ прошедшаго вторника.

— И собираетесь долго пробыть?

— Это будетъ зависеть отъ того, какъ мнѣ поживется. Нужно вамъ еще что нибудь знать?

— Ахъ, извините, мнѣ, право, совѣстно, что я васъ такъ много спрашиваю, сказала я робко, чувствуя, что снова согрѣшила противъ законовъ приличія. Увѣрю васъ, что я не хотѣла быть невѣжливою.

— Невѣжливою? перебилъ онъ меня, какіе пустяки! развѣ такой хорошенькій ротикъ можетъ быть невѣжливъ, когда онъ говоритъ.

Это было очень безстыдно съ его стороны, и мнѣ слѣдовало

бы его остановить, но, говоря эти слова, онъ взглянулъ на меня своими темносѣрыми глазами такъ, какъ еще ни одинъ человѣкъ на меня не глядѣлъ; голосъ у меня замеръ, меня всю пробрала дрожь, но не отъ холода, увѣряю васъ. Я чувствовала, что, не обращая вниманія на вкусные «*beignets aux huitres*» (блюдо, лучше котораго я ничего не знаю), онъ слѣдитъ за мною, и еще болѣе растерялась.

— Не сердитесь, Бога ради, произнесъ онъ наконецъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, нагибая свою прекрасную голову къ моему опущенному лицу, я не хотѣлъ этого сказать: у меня сорвалось!

— Я не за это сержусь, проговорила я съ трудомъ, то есть не сильно сержусь; но мнѣ вотъ что обидно: что вы меня считаете глупою деревенщиною, которой можно говорить все, что вздумается.

— Честію увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, возразилъ онъ серьезно, я думаю... впрочемъ, лучше не говорить что я объ васъ думаю.

— Да вы обо мнѣ и думать ничего не можете, сказала я, потому что наше знакомство началось только четверть часа тому назадъ.

— Что бы узнать нѣкоторыхъ людей, нужно немного времени.

— Такъ они пусты въ нашихъ глазахъ, не правда ли? замѣтила я колко.

— Стыдно вамъ! вы знаете очень хорошо, что я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ говорю. Развѣ вы никогда не слыхали, что между людьми могутъ внезапно возникать симпатіи, непонятныя влеченія?

Слышать то я, конечно, слыхала, да въ первую минуту мнѣ не хотѣлось въ этомъ признаться.

— У меня дома не къ кому чувствовать симпатій или влеченій, возразила я, кромѣ отца, стараго нашего слуги, да еще, пожалуй, могильщика.

— Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ вы нигуда не выѣзжаете?

— Нигуда. Долли часто ѣздитъ, а я никогда.

— Кто это Долли? спросилъ онъ, улыбаясь моею наивности. Извините, мнѣ слѣдовало бы выразиться иначе: кто эта *миссъ* или *мистрисъ* Долли?

— Долли — сестра моя.

— О-о! старшая или меньшая?

— Она старше меня четырьмя годами; ей въ январѣ минуло двадцать три, а мнѣ будетъ девятнадцать въ этомъ мѣсяцѣ.

— Какъ вы откровенны!

— А что такое? Почему же мнѣ не быть откровенною?

— Конечно, конечно! Ну-съ, такъ Долли, или, виновать, миссъ Долли... живете съ вами только вдвоемъ?

— Вдвоемъ? О нѣтъ! Мы живемъ съ отцомъ, вотъ онъ напротивъ сидитъ.

Много еще семейныхъ подробностей передала бы я своему сосѣду, подъ вліяніемъ неудержимаго порыва откровенности, если бы я не замѣтила, что мистриссъ Кохъ наклонила голову въ ту сторону, гдѣ сидѣла первая по рангу старука, вслѣдъ зачѣмъ всѣ дамы закумѣли, зашуршали платьями и вышли изъ столовой. Какъ охотно я осталась бы съ мужчинами, подъ покровительствомъ отца и въ веселомъ сосѣдствѣ моего бѣлугаго короля Олафа! Съ возвращеніемъ въ гостиную, ко мнѣ вернулся чувство одиночества, стыдъ, что у меня прегадкое платье, а главное я снова не знала, куда мнѣ дѣться съ рукави. Всѣ эти барыни и барышны, я убѣждена, вовсе не желали выказать невниманіе или пренебреженіе къ бѣдной, неловкой, молоденькой гостьѣ, да уже такъ обстоятельства видно сложились. Добрая, ласковая леди Амисъ всячески старалась вызвать меня на разговоръ, распрашивая, гдѣ мнѣ лучше нравится жизнь: въ Брайтонѣ или въ Скарборо, но, видя, что я ни малѣйшаго понятія объ этихъ мѣстностяхъ не имѣю, оставила меня въ покоѣ.

Всѣ провіа леди были хорошо знакомы между собою: онѣ жили въ одномъ и томъ же кругу, имѣли тѣ же привычки, тѣ же занятія и тѣ же интересы. Одна я сидѣла, дрожа какъ въ лихорадкѣ, за магическою чертою, отдѣлявшею насъ другъ отъ друга. Я сидѣла какъ духъ прошлаго столѣтія, вернувшійся послѣ смерти въ домъ, гдѣ въ прежнія времена все молчалилось и слушалось его, а теперь тамъ же раздаются голоса людей, но онѣ не понимаютъ ихъ языка. Ну, что я могла внять о домашней дѣвѣ герцогини А, или о балѣ милой леди Б? Я въ глаза не видѣвала герцогиню, а о балахъ могла судить только по несчастному образчику даннаго въ нашемъ маленькомъ город-

кѣ бала въ пользу инвалидовъ. И потому я съ какимъ то томленіемъ ожидала возвращенія кавалеровъ, надѣясь, что они выручатъ меня какъ нибудь изъ моего тягостнаго положенія. Но дерзкая увѣренность, что мой новый бѣлокурый покровитель опять займется мною, разбилась въ прахъ. Онъ прямо направился къ фортепіано, гдѣ живая маленькая брюнетка распѣвала, какъ птичка легвія, французскія пѣсни; онъ подошелъ къ ней, прислонился спиною къ стѣнѣ; и время отъ времени нагибался впередъ, что бы шепнуть нѣсколько словъ на ухо хорошенькой артисткѣ; отъ словъ этихъ черные глаза ея сверкали еще ярче и выразительнѣе. Я почувствовала безумное желаніе спѣть также что нибудь; пѣть я умѣла; это былъ мой единственный талантъ, но никто не выразилъ желанія послушать меня, и потому я осталась на мѣстѣ съ талантомъ, скрытымъ въ карманѣ. Затѣмъ четверо старыхъ толстяковъ сѣли играть въ вистъ они снимали, сдѣвали, срѣзывали, ссорились между собою какъ вообще всѣ старики дѣлаютъ, а другіе плѣшивые старцы собрались группами въ разныхъ углахъ комнаты, и хвастали одинъ предъ другимъ своими комолами коровами. Мало по малу, молодежь подсаживалась къ тѣмъ дамамъ, которыя имъ нравились, и между ними завязывались интимныя бесѣды, къ удовольствію обѣихъ сторонъ; даже и я со своею неловкостію нашла себѣ товарищей.

Мнѣ представили двухъ или трехъ мужчинъ, но я приписала ихъ вниманіе весьма похвальному чувству состраданія ко мнѣ; такъ твердо я была увѣрена въ своемъ безобразіи. Я чуть шея не свернула, поворачивая безпрестанно голову, что бы отвѣчать всѣмъ четверымъ, когда они, окруживъ меня, заговорили наперерывъ одинъ передъ другимъ. Всѣ они были превѣжливые, особенно одинъ, веселый, небольшого роста, черноволосый господинъ, уже далеко не первой молодости, котораго всѣ называли сэръ Гуго; онъ былъ любезенъ, какъ я теперь сужу, даже черезчуръ. Когда мы начали прощаться съ хозяйкою дома, король Олафъ покинулъ брюнетку, все еще воспѣвавшую вино и любовь, и подалъ мнѣ руку, что бы вести въ экипажъ. Мы остались въ первой залѣ на одну минуту вдвоемъ; надѣвая на меня шаль, онъ нагнулся и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Какъ я ни была невинна и чиста душою, однако выраженіе его глазъ отуманило меня.

— Нужно мнѣ будетъ завтра вечеромъ идти на кладбище? спросилъ онъ торопливо, въ полголоса.

— Право, не знаю, отвѣчала я холодно, и отвернулась. Пойдете вы или нѣтъ, это до меня не касается.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, очень жаль! сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ.

Мнѣ стало очень досадно, зачѣмъ у меня вырвались эти слова.

Отецъ кликнулъ меня; я быстро убѣжала, и когда мы поѣхали, то я видѣла, какъ фонари нашей кареты освѣтили строгое классическое лице моего красавца, все еще стоявшаго подъ портякомъ подъѣзда.

ГЛАВА V.

— А сѣверянъ то опять поколотили, Нелли, сказалъ весело мой отецъ на другой день утромъ, когда я появилась въ столовую въ обычномъ своемъ утреннемъ неглиже (въ точномъ смыслѣ слова) и съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ; тутъ были и красные махровые левкои, и великолѣпная сирень, и разноцвѣтные васильки.

— Неужели? отвѣчала я. Подѣломъ имъ, мошенникамъ! я очень рада!

Отецъ и я сильно занимались политикою; мы могли смѣло выдержать самый строгій экзаменъ въ исторіи американской войны. По правдѣ сказать, я не очень сильно заботилась о томъ, кто кого поколотить; но, желая разсѣять меланхолію отца, я толковала съ нимъ до упаду о всевозможныхъ политическихъ вопросахъ; притомъ, я такъ горячо любила старика, что все то, что интересовало его, невольно интересовало и меня.

Всѣ эти мысли бродили у меня въ головѣ, пока я ѣла свою размазню, и изрѣдка взглядывала на отца, почтенная голова котораго была скрыта отъ меня за листами газеты «Times».

— А что, папа? спросила я вдругъ, мнѣ, право, иногда хочется, что бы Долли никогда болѣе не возвращалась домой. Отлично она сдѣлала бы, если бы вѣкъ не разставалась съ Граф-

тонами, которые умѣютъ ее цѣнить кажется лучше, чѣмъ мы съ тобою.

— Не годится тебѣ говорить это, Нелли, возразилъ отецъ, внезапно оторванный отъ береговъ рѣки Потомака, но я замѣтила, что въ тонѣ его голоса не было строгости.

— А почему же? если я это чувствую? ты и я, мы очень счастливы вдвоемъ, папуса, не такъ ли?

— Еще бы! объ этомъ и говорить нечего, отвѣчалъ отецъ, и глубоко вздохнулъ.

Помоему, всякій вздохъ невольно отрываетъ наши мысли отъ земнаго; это какъ будто голосъ души, томящейся жизнію *тутъ*, и жаждущей покоя *тамъ*.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, продолжала я, что бы жизнь наша текла постоянно такъ, какъ теперь! жили бы мы здѣсь, вдвоемъ вѣчно, вѣчно! съ поросятами своими, съ курами, съ огородомъ, только денегъ было бы побольше, да совсѣмъ не было бы долговъ.

— Ты просто Диогенъ, по умѣренности, Нелли: тебѣ даже и бочки не нужно.

— Необходимъ для меня только ты одинъ, папа.

— Бѣдная дѣвочка! придетъ пора, ты будешь иначе думать. Заведешься мужемъ, дѣтьми, а старика отца скоронишь.

— Папа! когда ты умрешь, объявила я рѣшительно, умру и я. Мнѣ не пережить этой потери. Въ ту минуту я была твердо убѣждена въ справедливости своихъ словъ.

— Пустяки, дитя мое! отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Видала ли ты, какъ бросаютъ камень въ воду? Сначала слышится плескъ, потомъ видны круги на водѣ, а затѣмъ все сглаживается. Такъ и послѣ моей смерти: сначала будутъ слезы и рыданія; затѣмъ толки обо мнѣ въ дружескихъ кружкахъ, и наконецъ — вся семья придетъ въ обычный порядокъ, и горе мало по малу забудется!

Я до того оскорбилась этимъ сравненіемъ, что ложка размазни засѣла у меня въ горлѣ, и чуть не задушила меня.

— Это все равно, что воспоминаніе о миломъ гостѣ, прогостившемъ только сутки, продолжалъ отецъ, облокотившись головою на руку; поплачутъ по немъ, погрустятъ; но явится новое лице на вакантное мѣсто и память о первомъ утонетъ въ вѣчности! Вотъ участь всѣхъ людей, будь они даже умнѣе и достойнѣе насъ.

Нужно сказать, что я очень слезлива. Въ слѣдствіе словъ отца, я не преминула захныкать, спрятавшись за чайникъ.

— Какъ, Нелли! ты уже плачешь? спросилъ отецъ, услыхавъ мои всхлипыванія. Перестань, дитя мое, я еще не умеръ; дай время заказать гробъ, а тамъ уже начинай свою роль плакальщицы!

— Ты... пре... гад... кій! говорила я, рыдая: я съ тобою говорить никогда не стану. Ты мнѣ все о своей смерти толкуешь. Хотя бы это слово вычеркнули изъ всѣхъ словарей!

— Не было бы смерти, страшно стало бы жить, Нелли, возразилъ отецъ серьезно. Каждому человѣку пришлось бы носить тогда проклятіе Каина на челѣ.

— Давай говорить о другомъ, замѣтила я съ сердцемъ. Терпѣть не могу такого рода разговоровъ!

— Конечно, лучше толковать о веселомъ. Ну, хотя о вчерашнемъ вечерѣ, на примѣръ, замѣтилъ иронически авторъ моихъ дней.

— А вечеръ право былъ не такъ дурень, какъ я думала, отвѣчала я, улыбаясь и утирая слезы.

— Ну, какъ у тебя тамъ шли дѣла, со всѣми важными дамами? спросилъ отецъ ласково.

— Такъ себѣ! Я ими не очень много занималась; по мнѣ мужчины лучше. Если бы я постоянно должна была выѣзжать, то я всегда ѣздила бы въ такіе кружки, гдѣ только мужчины — и ни одной дамы.

— Будь я на твоемъ мѣстѣ, Нелли, я держалъ бы у себя на умѣ такого рода мнѣніе, а не высказывалъ бы его откровенно.

— Неужели? Да что же мнѣ дѣлать, если на мои глаза всѣ женщины любопытны и хитры? Покуда я съ ними говорю, я знаю навѣрное, что онѣ критикуютъ или фасонъ моего воротничка, или рассчитываютъ что стоитъ аршинъ матеріи моего платья. А съ мужчинами совсѣмъ другое дѣло! Будь только хорошенькая и любезная, даже если и этого нѣтъ, какъ на примѣръ я, они вовсе не обратятъ вниманія на тряпки, а поймутъ тебя, какъ ты есть.

Отецъ мнѣ не противорѣчилъ болѣе.

— Кстати, о мужчинахъ, замѣтилъ онъ спустя немного; этотъ сэръ Гуго Ланкастеръ, кажется, славный молодой человекъ; мы съ нимъ много толковали.

— Ты говоришь вѣрно объ маленькомъ чернышкѣ господнѣ, котораго ты мнѣ представилъ? спросила я съ пренебреженіемъ. Молодой человекъ, нечего сказать!.. Если онъ молодъ, такъ и Маусайль былъ юноша, когда умиралъ.

— Бѣдный Маусайль, замѣтилъ отецъ, 966 лѣтъ прожить на свѣтѣ! Какъ, я думаю, ему жизнь надоѣла! почти тысячу разъ сраду онъ встрѣтилъ весну, лѣто, осень и зиму, и все жилъ, жилъ!..

Я стала въ тудикъ, не смѣя вмѣшиваться въ философскія разсужденія отца.

— Неужели же онъ не сдѣлалъ ровно ничего замѣчательнаго въ эти девять слишкомъ столѣтій, продолжалъ отецъ задумчиво: преданіе говорить только о томъ, какъ онъ родился, жилъ, накормилъ дѣтей и умеръ.

— Папа, ты слишкомъ уже отдалился отъ сѣра, какъ его тамъ зовутъ, замѣтила я робко.

— Сейчасъ, моя милая, вернусь къ нему, если ты желаешь, но дѣло въ томъ, что объ сэрѣ Гуго я знаю гораздо еще меньше, чѣмъ о Маусайлѣ.

— По моему мнѣнію, они оба одинаково не интересны, отрывала я, и тѣмъ прекратила разговоръ о достойномъ баронетѣ.

Часто случалось мнѣ слышать, какъ дѣвушки, лишенные матери съ дѣтства, оплакиваютъ свое сиротство, и завидуютъ тѣмъ подругамъ, которыя пользуются заботами и ласками своихъ матерей, но меня постоянно удивляли эти чувства. По правдѣ сказать, я искренно была довольна тѣмъ, что мать моя умерла рано. Когда я встрѣчалась съ чопорными раскрахмаленными дочками, пріютившимися подъ крыло толстыхъ маменокъ, я невольно радовалась своей свободѣ; отецъ былъ дороже для меня, чѣмъ десять матерей, взятыхъ вмѣстѣ. Будь моя жива, я была бы у отца на второмъ планѣ; онъ ее, конечно, больше бы любилъ чѣмъ, меня, а одна эта мысль дѣлалась уже для меня невыносимою. При матери меня заставляли бы чинить перчатки, аккуратно причесывать волосы, барабанить на фортепіано, и, что всего хуже, приучали бы шить. Нѣтъ, мать моя истинная счастливица! Умерла она рано, въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты; умерла, страстно любимая всѣми, не успѣвъ надоѣсть никому!

Впрочемъ, надо сознаться, что, несмотря на мою пылкую безграничную привязанность къ отцу, я всетаки не могла быть

постоянно при немъ, и что онъ самъ предпочиталъ иногда свои книги моей дѣтской пустой болтовнѣ.

Случалось и такъ, что онъ по цѣлымъ часамъ обѣзжалъ свои заложенныя и перезаложенныя фермы одинъ верхомъ на спокойной, маленькой съ кургузымъ хвостомъ и взъерошенной гривой, лошади, которая, равно какъ и ея хозяинъ, видала лучшіе дни.

Два дня спустя послѣ моего перваго выѣзда въ свѣтъ, отецъ соблазнился теплымъ майскимъ воздухомъ, веселымъ гнѣиемъ сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ, велѣлъ осѣдлатъ лошадь, и отправился кататься послѣ вечерняго чая.

Я осталась одна, предоставленная самой себѣ, незная за что приняться для развлечения.

Если бы я послушалась своего сердца, то немедленно отправилась бы на кладбище, что бы видѣть: придетъ ли туда мой незнакомецъ, намекнувшій мнѣ объ этомъ довольно ясно; но меня остановили два обстоятельства. Вопервыхъ: если я его найду тамъ, то отъ стыда не рѣшусь взглянуть ему прямо въ глаза; во вторыхъ: если я пойду ему навстрѣчу, и онъ не придетъ, если я его буду искать и не найду, то каково будетъ мнѣ перенести это униженіе? Впрочемъ, милое, старое кладбище, раскинутое на склонѣ горы, и безъ этого интереса невольно тянуло къ себѣ. Отбросивъ въ сторону надежду встрѣтить тамъ коекого, я просто хотѣла посидѣть въ тиши уединенія, да погрустить. Когда мы молоды и счастливы, на насъ часто нападаютъ мгновенные припадки грусти; мы съ какимъ то наслажденіемъ ищемъ случая потосковать. Зато, подъ старость, человекъ и желалъ бы отогнать мрачныя мысли, его осаждающія, да нѣтъ, онъ его душать, давятъ, какъ змѣи, и точать его жизнь. Въ молодости, когда горячая кровь бьетъ ключомъ въ жилахъ, мы точно вызываемъ жизнь на борьбу: мы вооружены, готовы къ битвѣ. Въ девятнадцать лѣтъ, смерть кажется вещью невозможною, а до старости такъ далеко, далеко!...

Я любила сидѣть по цѣлымъ часамъ на кладбищахъ, плитахъ поросшихъ мхомъ, фантазируя безъ устали о жизни здѣсь лежащихъ молодыхъ дѣвушекъ, о ихъ воспитаніи, любви, счастьи, горестяхъ и проч. Но сегодня нечего было туда собираться: мнѣ слѣдовало поискать болѣе практическаго, полезнаго занятія. Нашъ садъ, какъ я выше сказала, очень заглохъ. Куриная

слѣпота и крестовникъ возвышали свои плебейскія головы среди царскихъ кудрей и другихъ душистыхъ цвѣтовъ; имъ какъ будто хотѣлось заглушить голубыя немofilы, только что развернувшія свои нѣжные лепестки. Я нагнулась, что бы освободить горшокъ душистыхъ гвоздикъ отъ дерзкаго репейника.

— Не поработать ли мнѣ лучше въ саду, что бы убить какънибудь время, сказала я самой себѣ, а то силъ нѣтъ какъ оно тянется, даромъ что я перевела всѣ часы на полчаса впередъ.

Я побѣжала за садовыми перчатками и рогожнымъ коврикомъ, стада на немъ на колѣни, и начала полоть, перекапывать цвѣты, и скрести землю желѣзными граблями. Чрезвычайно приятно приносить пользу, особенно если знаешь, что это рѣдко случается а какъ меня никакъ нельзя было сравнить съ трудолюбивою пчелою, то въ эту минуту я чувствовала необыкновенное довольство собою.

Работая, я невольно замечталась о недавней моей встрѣчѣ съ интереснымъ незнакомцемъ, мысленно предлагала ему острые вопросы, давала довгие отвѣты, и ломала себѣ голову: почему сѣроглазый красавецъ такъ долго и выразительно смотрѣлъ на меня въ минуту отъѣзда отъ Коксовъ. «Неужели я ему показалась хорошенькою?» спросила я себя, теряясь въ догадкахъ касательно этого взгляда, при одномъ воспоминаніи о которомъ у меня сердце прыгало отъ радости и счастья!

Въ волненіи, я приподнялась, уронила грабли, застухъ, и отбинула отъ горячаго лба широкія поля моей садовой шляпки. «Невозможно!» воскликнула я громко. Найдти меня хорошенькою! Чего я не выдумаю! А Долли что сказала? Она въ этомъ дѣлѣ толкъ знаетъ, даромъ что злая. Нѣтъ, это невозможно!»

Живя въ уединеніи, мы невольно увлекаемся бездѣльями, и изъ мухи дѣлаемъ слона. «Мнѣ сдается, миссъ Нелли, что вы просто жалкая дурочка!» Произнеся эти слова вслухъ, я никакъ не вообразала, что бы меня могъ слышать ктонибудь, кромѣ голубковъ и махровыхъ розъ, которыя я привязывала къ палочкамъ. Подумайте, каково же было мое удивленіе, когда отвѣтили на мое надестное замѣчаніе о самой себѣ. Чей то голосъ, у самаго моего плеча произнесъ: «Неужели это правда? Вѣдь никакъ не думать бы?» Я вздрогнула, точно меня ударило ядромъ; вскочила на ноги, и очутилась лицомъ къ лицу съ героемъ моей мечты. Онъ стоялъ передъ мною на дорожкѣ, стройный, высокій, прямой, какъ дубъ, и улыбался моему смущенію.

— Мнѣ очень жаль, что вы имѣете такое дурное мнѣніе о себѣ, продолжалъ онъ, радуясь, что я не могу придти въ себя отъ стыда.

Я ничего не отвѣчала, стараясь только вслѣски припомнить, что я именно сказала вслухъ, послѣднюю ли только фразу, или всю мысль сначала.

— Что же вы не поздоровались со мною? Или сегодня вечеромъ вы даже и руки мнѣ не подадите, миссъ Летранжъ, говорилъ мой мучитель, переставъ смѣяться.

— Едва ли это возможно, отвѣчала я съ принужденнымъ смѣхомъ, показывая ему руки, перепачканныя въ землѣ.

— О! эта грязь ничего не значить, она здоровѣе чѣмъ другое что, притомъ ваши руки, въ этомъ видѣ, напоминаютъ мнѣ дѣтство, когда мы всѣ бывали заняты дѣланіемъ пирожковъ изъ земли.

Быстро сорвала я перчатку, и подала ему свою длинную, стройную руку.

— Дерзко я поступилъ, войдя къ вамъ безъ всякаго приглашенія? спросилъ онъ, удерживая, какъ бы нечаянно, мои дрожащія пальцы въ своей рукѣ, и смотря на меня сверху внизъ (хотя я и была высока ростомъ, но, рядомъ съ нимъ, исчезала совершенно).

— О нѣтъ! отвѣчала я, это не бѣда, только вы меня очень испугали!

— Въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ очень досадно; но я бродилъ тамъ, въ полѣ, въ самомъ несчастномъ расположеніи духа; вдругъ вижу: кто то (я предчувствовалъ, что это вы) стоитъ нагнувшись, на колѣняхъ, въ саду. У меня не хватило силъ бороться съ искушеніемъ: такъ неодолимо захотѣлось придти, и поговорить съ вами. Въ этой пустынѣ, знакомое лице живаго существа просто влады! Посудите сами, могъ бы ли я отвернуться отъ него?

— Неужели не могли бы?

— Неужели не могли бы? повторилъ онъ мои слова съ упрекомъ въ голосѣ. Видно вамъ больше нечего мнѣ сказать? Беже! какъ вы жестоки, холодны, чопорны!..

— Все нѣтъ! перебила я его очень наивно.

При этихъ словахъ, моя шляпа упала мнѣ на спину; онъ невольно выпустилъ мою руку, что бы поднять ее. Надвѣвъ шляпу мнѣ на голову, онъ продолжалъ:

— Отчего вы были такіа сердитыя на обѣдѣ?

— Вовсе я не была сердитая.

— Нѣтъ были, даже *очень* сердитыя. Въ жизни своей не встрѣчала я такой сердитой дѣвушки. И чѣмъ это я могъ васъ разгнѣвать? Послѣ вашего отъѣзда, я ломала себѣ голову, припоминая, что я такое сдѣлала, или сказалъ, что бы возбудить гнѣвъ въ такой молодой леди; хотя, признаюсь, слова *молоденькая леди* были у меня замѣнены совершенно другими.

— А какими это? спросила я, подстрекаемая женскихъ любопытствомъ.

— А вамъ что за дѣло? По имени я васъ, конечно, не называла потому, что не знала и не знаю его до сихъ поръ. Но не можете ли вы, хотя теперь, мнѣ сказать, какъ васъ зовутъ.

— Меня зовутъ Нелли.

— Нелли, Нелли! Прекрасное имя! Неужели васъ такъ-таки и окрестили этимъ именемъ?

— Нѣ...ѣ...тъ! отвѣчала я протяжно. Кажется, что нѣтъ. Меня окрестили Элеонорою, но теперь Элеонорою меня зовутъ только прислуга. А у васъ какое имя?

— Ричардъ.

— Ричардъ? а еще?

— Ричардъ-Гарольдъ.

— Ну, Ричардъ-Гарольдъ, а еще какъ?

— Понимаю: вамъ нужно знать мою фамилію: Мэкъ-Грегоръ. Я думала, что вамъ она извѣстна.

— Вовсе неизвѣстна, отвѣчала я.

Славныя у него имена, подумала я, а всетаки Олафъ лучше: оно какъ то романтичнѣе. Я снова стала на колѣни, и хотѣла приняться за работу, но Ричардъ-Гарольдъ Мэкъ-Грегоръ возсталъ противъ этого.

— Нѣтъ, пожалуйста, бросьте это отвратительное полонье и чистку, сказалъ онъ, схвативъ мои грабли, и держа ихъ высоко надъ мною. Посмотрите: вѣдь вы всѣ въ жару, отъ работы. Пойдемте лучше, сядемъ тамъ, на каменную скамью и поговоримъ немного. Сжальтесь надъ мною, несчастнымъ, я умираю отъ тоски, что не съ кѣмъ поговорить.

— Мнѣ не о чемъ съ вами разговаривать, отвѣчала я, невольно въ то же время повинувась егѣ приглашенію, и сядя на

старую скамью, всю поросшую мхомъ и лишайми. Онъ же легъ на траву, у моихъ ногъ, вытянувшись во всю длину.

— Вы такъ и проводите всю свою жизнь въ этомъ старомъ заглохшемъ саду? спросилъ онъ снисходительно, осматривая наши розовые кусты, капусту, смородину, которыя росли въ перемежку другъ съ другомъ.

— Да, я провожу всю жизнь здѣсь, въ домѣ и на птичьемъ дворѣ.

— Невеселая жизнь, по правдѣ сказать, замѣтилъ онъ, сравнивая, вѣроятно, мысленно свою шумную свѣтскую жизнь съ моею.

— Я не нахожу, возразила я.

— Значитъ, вы предпочитаете ее всякому другому образу жизни, не такъ ли?

— Я иначе никогда не жила, какъ же я могу сравнивать? отвѣчала я. Притомъ, безъ отца, всякая другая жизнь мнѣ не понятна.

— Какъ сильно вы его любите! сказалъ онъ, и проворчалъ себѣ подъ носъ, что то похоже на: «экой счастливый старикъ!»

— Надѣюсь, возразила я съ особеннымъ удареніемъ.

— Вамъ даже и въ голову не приходитъ подумать, что вы можете полюбить когонибудь больше отца? спросилъ онъ, сорвавъ длинный стебель травы, и кусая его.

— Нѣ...ѣ...тъ, не думаю, лукаво отвѣтила я.

— Какъ я желалъ бы, что бы меня ктонибудь такъ любилъ, продолжалъ онъ, взглянувъ мнѣ пристально въ лицо.

Я была твердо убѣждена, что онъ говоритъ это относительно своихъ сестеръ, матери или какогонибудь друга, но противныя мои щеки, ни съ того, ни съ сего, вновь вспыхнули нектати, и я поневолѣ могла заставить его вообразить, что принимаю его намекъ на свой собственный счетъ. Спасибо ему, онъ отвернулся и жевалъ еще усерднѣе траву. Давъ время мнѣ успокоиться, онъ повернулъ снова голову ко мнѣ.

— Мнѣ сдается, что мы отлично могли бы вмѣстѣ жить, сказалъ онъ вдругъ, какъ вы думаете?

Я кивнула головою. — Да, я тоже думаю, отвѣчала я, срывая маргаритку.

— Дадимъ же другъ другу торжественную клятву, и соста-

внѣ договоръ въ томъ, что бы свято и ненарушимо хранить вѣчную взаимную дружбу. Хотите? спросилъ онъ.

Меня ошеломила и его посѣвшность и новость положенія.

— Не знаю, право, отвѣчала я, запинаясь: вамъ будетъ очень непріятно, если, давъ слово быть моимъ другомъ, вы вдругъ убѣдитесь, что я вовсе не такая хорошая дѣвушка, какъ вы воображаете.

Въ чистотѣ моего сердца, вообразила, что онъ дѣйствительно находитъ меня хорошею.

Онъ засмѣялся.

— Не такая хорошая дѣвушка, какъ я воображаю? повторилъ онъ. Прекрасно! Послѣ этого мнѣ нечего и рисковать спрашивая, какого вы мнѣнія обо мнѣ. Жизнь такъ коротка, что ее жаль тратить на объясненія.

— Да, жизнь коротка, повторила я наставительнымъ тономъ.

— Страшно коротка, сказалъ онъ, опять вздыхая, ну, а если я васъ полюблю, и вы меня полюбите, что тогда? Кстати, любите ли вы меня?—Онъ поднялся на локти такъ, что его лице приходилось прямо насупротивъ моихъ колѣнъ, и ядалъ моего отвѣта.

— Да, люблю, отвѣчала я медленно, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько васъ знаю, а это не много значить.

— Дайте же мнѣ вашу ручку, что бы утвердить нашъ договоръ.

Я немного смутилась отъ такого быстрого сближенія, въ какія нибудь десять минутъ знакомства, но подала ему руку, и въ ту же самую минуту мой отецъ, дорогой мой отецъ, показался на углу аллеи. Когда онъ увидалъ прелестную живую картину, которую мы устроили для него сюрпризомъ въ саду, то его лице выразило полнѣйшее удивленіе, смѣшанное съ неудовольствіемъ. Впрочемъ, могъ ли ожидать бѣдный старикъ, что его любимица дочь будетъ сидѣть въ сумерки въ саду; что у ногъ ея будетъ лежать человекъ, котораго она видѣла всего два раза въ жизни, и что этотъ же человекъ будетъ держать ея руку въ своей и, какъ кажется, съ ея разрѣшенія. Нечего говорить, что насъ всегда поражаютъ сильнѣе тѣ вещи, которыя рѣже случаются. Будь у насъ ежедневныя грозы, или землетрясенія, мы перестали бы обращать на нихъ вниманіе. Такъ и теперь: навлечь на себя гнѣвъ отца было для меня большою радостью.

отца, и потому на меня напалъ смертельный ужасъ при мысли, что въ эту минуту я вполне заслужила его негодованіе. Я вырвала свою руку, и вскочила на ноги.

— Отецъ идетъ! проговорила я съ трудомъ. Мистеръ, или, какъ я въ послѣдствіи узнала, майоръ Мэкъ-Грегоръ, не очень сконфузился. Онъ поднялся съ земли, и пошелъ навстрѣчу отцу. Тотъ сухо приподнял шляпу, и произнесъ ясно, вѣжливо, отчетливо, точно отчеканилъ каждое слово.

— Здравствуйте, сэры! Вотъ не ожидалъ такого удовольствія! Могуимъте смѣлость спросить: какъ васъ зовутъ?

— Моя фамилія Мэкъ-Грегоръ, отвѣчалъ Ричардъ, снимая шляпу очень вѣжливо и слегка покраснѣвъ, я долженъ извиниться, что явился въ такой неурочный часъ, но дѣло въ томъ, что мистриссъ Коксъ прислала со мною порученіе къ вашей дочери; передавъ его, я осмѣлился попросить позволенія осмотрѣть вашъ садъ, о которомъ много слышалъ, и миссъ Летрамъ показала мнѣ его.

— Развѣ ротъ и широко раскрывъ глаза, выслушала я всю эту путанную рѣчь. «Неужели мой герой умѣетъ лгать?» подумала я. Отца, кажется, онъ не умѣлъ провести. Отецъ произнесъ только. «Гмъ!» довольно сухо, затѣмъ рѣшительно сталъ на дорожку между мною и гостемъ, и взглянулъ выразительно на часы, какъ бы говоря: «а скоро уберешься?». Гость понялъ. «Я васъ, кажется, задерживаю?» спросилъ онъ вѣжливо, и, повернувшись ко мнѣ, съ какимъ то смѣшнымъ выраженіемъ лица, прибавилъ: «Вы не забудете порученія мистриссъ Коксъ?» приподнял снова шляпу, и ушелъ.

Отецъ и я медленно пошли по его слѣдамъ. Я вся дрожала отъ смущенія. Отецъ заговорилъ первый.

— Не люблю я этихъ штукъ, сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ, прошу также, что бы онѣ не повторились. Ты еще молодая и не опытная, Нелли; я увѣренъ, что ты не хотѣла ничего дурнаго сдѣлать, но удивляюсь, какъ ты не могла сама понять, что молодой дѣвухкѣ неприлично сидѣть въ саду въ девять часовъ вечера, съ глазу на глазъ, съ долговымъ малымъ, который растянулся у твоихъ ногъ, да еще взялъ тебя за руку.

Я готова была заплакать, но, услышавъ слово *растянулся*, рассердилась на отца, и удержала слезы.

— Что онъ такое дѣлалъ съ твоею рукою? строго спросилъ отецъ.

— Право, не знаю, проговорила я, запинаясь; мнѣ кажется, онъ хотѣлъ со мною проститься. У меня не хватило смѣлости признаться въ истинѣ, и я не рѣшилась открыть отцу тайну нашего дружескаго договора.

— Дрянный фатъ! воскликнулъ отецъ, все болѣе и болѣе приходя въ азартъ. Его хорешенько поколотить слѣдуетъ, вотъ что! Какая дерзость: ворваться въ чужой садъ, и даже не дать себѣ труда спросить, позволятъ ему это, или нѣтъ! Такъ могутъ себя держать пригнатики въ Манчестерѣ, или Бруммаге-мѣ, только не у меня въ домѣ. Нѣтъ, уже извините!....

— Онъ вовсе не изъ Манчестера и не изъ Бруммаге-ма, осмѣлилась я проговорить, не замѣчая глупости своихъ словъ.

— Откуда бы онъ ни былъ, возразилъ отецъ, а уже сюда *нечаянно* онъ никогда больше не попадетъ! нѣтъ! уже не попадетъ!... и старикъ стукнулъ выразительно своею палкою по землѣ.

— Я не думаю, что бы онъ самъ пожелалъ вернуться въ домъ, гдѣ его встрѣтили такъ привѣтливо, какъ у насъ, замѣтила я колко.

— Можеть быть, можеть бытъ! Чѣмъ дальше онъ будетъ, тѣмъ лучше! продолжалъ горячиться отецъ.

Въ это время мы дошли до дома. Я поднялась на лѣстницу, гордо поднимая голову, но, дойдя до своей спальни, бросилась на постель, и зарыдала. Мое самолюбіе было глубоко оскорблено.

«Какъ! Мое поведеніе неприлично! А онъ пригнатиъ изъ Бруммагема!» Легко ли это было выслушать!.....

ГЛАВА VI.

Я прожила на свѣтѣ двадцать лѣтъ, видѣла много дурнаго и хорошаго на своемъ вѣку (хорошаго даже, пожалуй, и больше); сравнивала обѣ стороны жизни, перебрала все несмѣтное количество легкихъ и тяжелыхъ крестовъ, которые взвалены на плечи бѣднаго человѣчества, и разсуждала, какой крестъ легче всего нести въ жизни. Много разъ мѣняла я свое мнѣніе и копчи-

*

ла тѣмъ, что убѣдилась твердо въ слѣдующемъ: самый страшный, самый тяжелый крестъ человѣка — это *бѣдность*. Я не разумѣю подъ словомъ «бѣдность» такое положеніе человѣка, когда онъ можетъ покупать все необходимое на наличныя деньги; когда у него вмѣсто швейцара и лакея — служить горничная; когда онъ ходитъ пѣшкомъ, а не ѣздитъ; покупаетъ женѣ ситцевыя платья, вмѣсто шелковыхъ; посылаетъ сыновей въ кембриджскій университетъ, а не въ Итонъ; нѣтъ, я разумѣю ту бѣдность, которую мы терпѣли съ отцемъ. Жили мы въ огромномъ домѣ и съ ничтожнымъ доходомъ; не могли вспомнить о завтрашнемъ днѣ, не говорю о будущемъ мѣсяцѣ, безъ того, что бы намъ въ голову не пришли полицмены. Такого рода бѣдность совершенно уничтожаетъ веселое расположеніе духа; она дѣлаетъ насъ завистливыми, злыми, скупыми; день для насъ становится адскою мукою, ночь бессоннымъ бредомъ; жизнь въ такомъ положеніи есть бремя невыносимо тяжкое для человѣка, и разстаться съ нею, какимъ бы то ни было способомъ, дѣлается любимомъ мечтою страдальца! Есть и другое испытаніе въ нашей земной жизни, почти равное бѣдности: это потеря тѣхъ людей, которые составляютъ, такъ сказать, наше второе я, съ которыми мы сжились, срослись сердцемъ и душою. Но, по счастью, у каждаго изъ насъ такихъ *близкихъ* очень мало, и потому, въ теченіе шестидесятилѣтней жизни, человѣку горевать такимъ образомъ придется всего два или три. И всетаки легче переносить внезапный ударъ, чѣмъ ежедневную борьбу съ нищетою!

На другой день послѣ моего неприличнаго поведенія, я сидѣла, по обыкновенію, въ первой залѣ на полу, покрытомъ полинялымъ турецкимъ ковромъ. Солнце ярко освѣщало всю комнату, сквозь разрисованныя стекла оконъ, на которыхъ были очень некстати изображены Каинъ и Авель. Я держала въ рукахъ огромную штопальную иголку и чинила очень медленно и неискусно свои чулки. Это было для меня самое противное занятіе, но, не имѣя горничной, я поневолѣ каждую недѣлю упражнялась въ немъ. Штопая и ворча себѣ подъ носъ, я безпрестанно колола свои пальцы; вдругъ дверь, ведущая въ людскія комнаты, скрипнула, и оттуда высунулась голова нашей старой кухарки, экономки тоже. Жила она у насъ уже лѣтъ двадцать; такой доброй души, занимающейся жаркими и соусами, трудно было найти; я ее очень любила; но въ настоящую ми-

нута ея появленіе показалось мнѣ чѣмъ то зловѣщимъ. Обѣдъ я давно заказала, слѣдовательно я ей нужна была для одного: для выдачи денегъ кому нибудь изъ многочисленныхъ кредиторовъ, любезно толпившихся всегда у нашихъ дверей.

— Пожалуйста сюда, мамъ, на два слова! таинственно шептала кухарка.

— Зачѣмъ вамъ? спросила я, и мое сердце дрогнуло. Войдите сами сюда; я одна.

Успокоенная кухарка пробралась осторожно въ комнату, и остановилась передъ мною. Это была плотная почтенная женщина среднихъ лѣтъ.

— Ну? сказала я, поднявъ глаза отъ работы, въ чемъ дѣло?

— Пожалуйста, мамъ, мясникъ пришель.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это мило съ его стороны!

— Да-съ, онъ пришель, мамъ, и принесъ вовсе не такую говядину, какъ слѣдуетъ. Вы заказали ему бокъ, а онъ принесъ хребтовую часть; онъ итакъ все это время не доставляетъ намъ хорошаго мяса; говоритъ, будто ему нужно сберечь лучшія части для богатыхъ покупателей.

— Дѣлать нечего! отвѣчала я покорно. Впрочемъ, для дѣвочки въ девятнадцать лѣтъ, совершенно все равно что ни ѣсть, бокъ, или хребтовую часть говядины.

— Да это не все еще, мамъ, продолжала неугомонная мистриссъ Смитсъ, которую сильно оскорбило мое стоическое хладнокровіе; онъ принесъ опять свой счетъ.

— Провались онъ съ своими счетами! возразила я сердито.

— Онъ говоритъ, что девятый разъ приноситъ его, и теперь требуетъ непремѣнно уплаты.

— А кто ему далъ право требовать?

— Да онъ увѣряетъ, что ему необходимо нужны деньги; онъ получилъ огромный заказъ къ будущей недѣлѣ, а безъ денегъ его не выполнить.

— Они всѣ поютъ одну и ту же пѣсню, возразила я, спокойно разсматривая огромную дыру на пяткѣ своего чула.

— Это правда, мамъ, но что же прикажете ему сказать? Вѣдь онъ ждетъ.

— Скажите, что я была бы очень счастлива заплатить ему нашъ долгъ, если бы онъ научилъ меня, какъ это сдѣлать. Денегъ я не кую, а на лице у меня всего одна согнутая шести-

пенсовая монета, которая виситъ тутъ на цѣпочкѣ; если онъ желаетъ ее получить, то я съ удовольствіемъ готова выдать ему ее.

— Какъ же мнѣ это передать, мамъ? Нельзя ли вамъ хотя часть долга выплатить; только бы успокоить его немного.

— Повторяю вамъ, что объ этомъ и говорить нечего, сказала я рѣшительно. Я не лгу; у меня нѣтъ и полупенни въ карманѣ. На прошлой недѣлѣ, я выдала вамъ послѣдній свой шиллингъ на уголья, и папа объявилъ, что ранѣе конца будущаго мѣсяца онъ не можетъ дать мнѣ ни фартинга.

— Ахъ, вы, моя милая, вѣдь это плохое дѣло, очень плохое! проговорила печально нашъ chef de cuisine, покачивая своею почтенною головою: а мнѣ, право, неловко какъ то возвращаться съ пустыми руками къ этому человѣку; онъ такой грубый, увѣряю васъ!

— Какъ, грубъ! воскликнула я въ негодованіи. Негодья! Зачѣмъ же вы его не вытолкаете изъ дома?

Но мистриссъ Смитсъ возмущилась противъ такого неблагороднаго приказанія.

— Ахъ, моя дорогая, возразила она кротко, да развѣ мнѣ въ правѣ это сдѣлать? Вѣдь онъ пришелъ за *своими* деньгами! Попробуй мы только его вытолкать, да онъ насъ осрамитъ на весь околотокъ. Мигнуть не успѣемъ, какъ всѣ должники налетятъ вслѣдъ за нимъ.

Минуты двѣ мы обѣ молчали. Мистриссъ Смитсъ потирала свой, или, лучше сказать, *свои подбородки* (ихъ у нея было два), какъ бы ища вдохновенія, а у меня между тѣмъ роились въ головѣ дикія мысли, въ родѣ того: нельзя ли сочинить такую книгу, изъ за которой передрались бы всѣ книгопродавцы, или выйдти замужъ за гнусаваго стараго холостяка, дядю Коксовъ, и принудить его подписать три четверти всѣхъ своихъ доходовъ въ пользу папа. Наконецъ мистриссъ Смитсъ заговорила.

— Нельзя ли вамъ потолковать съ папа объ этомъ?..

Я перебила ее.

— Конечно можно, мнѣ даже ничего больше не остается дѣлать.

— И прекрасно, мамъ; надо же чѣмъ нибудь кончить; можетъ быть, онъ и получилъ откуда нибудь деньги; вѣдь намъ всего бездѣлицу нужно, только бы зажать ротъ мяснику на сегодняшній день. Бѣда не велика, если вы папеньку спросите. Ступай-

те теперь, добрая барышня! Вонъ и самъ папенька идетъ по саду. Боже ты мой! какъ онъ сгорбился въ послѣднее время!

— Не пойду ни за что! вдругъ крикнула я съ запальчивостію. Вотъ вамъ и все! Онъ сегодня очень не хороше съ утра, и я ни за что не рѣшусь его беспокоить. Прокадайте вы совсѣмъ, и вы, и мясникъ!

Совершенно уничтоженная, мистриссъ Смитсъ стояла передъ мною, какъ воплощенное отчаяніе, въ лиловомъ ситцевомъ платкѣ, а у меня передъ глазами зацрыгали полисмени. Наконецъ я рѣшилась переломить свою гордость.

— Мистриссъ Смитсъ, заговорила я, не лучше ли вамъ пойти къ мяснику, и сказать, что мы очень жалѣемъ, но что въ настоящую минуту у насъ нѣтъ денегъ. Поговорите съ нимъ поласковѣе, можетъ быть, онъ и согласится подождать до будущей недѣли? Положительно говорю, до будущей недѣли! Я до стану къ этому времени денегъ, во что бы то ни стало.

— Попробую, отвѣчала старушка. (Она была образецъ доброты и мягкосердія). Боюсь только, что мое объясненіе не много принесетъ пользы. Она исчезла за дверью, а я снова принялась за штопанье. Кредиторы были такими обычными нашими посѣтителями, что если мнѣ только удавалось спасти отца отъ ихъ преслѣдованія, то мнѣ уже легче было переносить всѣ ихъ грубости.

Прошелъ довольно длинный промежутокъ времени, и мой депутатъ вернулся съ разстроеннымъ лицомъ.

— Ну, что? спросила я.

— Ушелъ! ну, его совсѣмъ! сказала старушка, употребляя при этомъ какое то странное выраженіе, смыслъ и значеніе котораго остались для меня навсегда загадкою. Выжила я его таки изъ дома, а уже какъ трудно было! Онъ бранился, клялся, на силу ушелъ. Уже какъ мнѣ стыдно было, что другіе слышали его крики. — Нѣтъ, мистриссъ Смитсъ, кричалъ онъ, во всемъ графствѣ не найдете вы такого снисходительнаго кредитора, какъ я, вотъ что-съ! И подаль мнѣ свой счетъ, объявивъ, что требуетъ непременно, что бы я отдала его вамъ въ *собственныя руки*.

Я взяла у ней изъ рукъ бумагу; на ней написана была сумма: 34 ф. стерл. 5 пиллинговъ и 4½ пенса.

— Ну, полпenni то мы уничтожимъ, сказала я, грустно

улыбаясь. Что же? согласился онъ подождать до будущей недѣли?

— Нѣтъ, мамъ, и слышать объ этомъ нехочетъ. Онъ опять придетъ въ вторникъ; пришелъ бы даже и въ понедѣльникъ, да въ Хантфордъ ярмарка. А если въ вторникъ онъ не получитъ всего долга сполна, то пойдетъ прямо къ барину, и раздѣляется съ нимъ.

— Отлично! сказала я насмѣшливо. Хотя бы этотъ мясникъ, и булочникъ, и свѣчникъ, всѣ исчезли съ лица земли! Сгорѣли бы, что ли! Они всю мою жизнь отравили!

Однако мнѣ всетаки дали отсрочку, хотя короткую, но дали — и полегче. Лучше ждать висѣлицы завтра, чѣмъ сегодня. Я была молода, полна силъ и здоровья; какъ только горе нѣсколько поотдало, веселыя мечты и надежда на будущее снова заронились въ моей головѣ, и я безсознательно стала ожидать какой то перемѣны къ лучшему.

ГЛАВА VII.

Тридцать четыре фунта, пять шиллинговъ, четыре пенса и полпенни — огромная сумма для человѣка, у котораго ничего впереди нѣтъ, тѣмъ болѣе, что для уплаты этого долга дано срока всего три дня. Такъ думала я, сидя одна, во все продолженіе дѣянаго послѣобѣденнаго времени, ломая себѣ голову надъ вопросомъ: какое прискать средство для того, что бы выйти изъ затруднительнаго положенія и достать хотя часть денегъ? Занять мнѣ не у кого было. Правда, у меня были двѣ богатныя тѣтки, прескупныя весталки. Во всю свою жизнь, онѣ ни мнѣ, ни Долли, не прислали ни фартинга; подарили какъ то однажды двѣ брошки изъ рѣзной кости, выращенныя въ красную краску, съ изображеніемъ какихъ то цвѣтовъ и фруктовъ, но брошки эти были велики только по размѣру, по цѣнѣ же совершенно ничтожны. Тетушки бережно везли эту дрянъ, по морю и посуху, прямо изъ Рима, и прислали намъ ихъ, какъ замѣчательный сувениръ вѣчнаго града. Прибѣгнуть къ помощи старыхъ скопидомокъ, было для меня вещью невысказанною; я скорѣе согласилась бы умереть.

Перебирая свое бѣдное имущество, я придумывала, нельзя ли продать чтонибудь. Драгоценностей у меня не было. Долги овладѣла всѣми вещами, принадлежавшими нашей покойной матери, прежде чѣмъ я достигла возраста, когда и мнѣ могли бы понадобиться наряды. Единственная вещь, которую я обрѣла, и которая стоила, какъ кажется, не болѣе нѣсколькихъ шиллинговъ, были старыя карманные большіе часы, принадлежавшіе бабушкѣ моей матери. Доска этихъ часовъ была золотая съ камнями и съ странными выпуклыми фигурами, обдѣланными въ золото же. За неизмѣнимъ другихъ часовъ, я ежедневно носила ихъ. Но шли они предурно, то отставали, то бѣжали впередъ, то вдругъ совсѣмъ не шли. У меня мелькнула мысль спустить эту древность за что бы то ни стало. Но спрашивается: кому нужна эта рѣпа? Кому, наконецъ, предложу я ее купить? Время шло, и я все болѣе и болѣе падала духомъ. Утро вторника недалеко, а тутъ явятся фуріи, воплощенные въ фигуру противнаго мясника въ синей блузѣ. Несмотря на всѣ мои предосторожности, онъ доберется до милаго моего отца, измучить его, истерзаетъ до полусмерти. Мы въ это время уже помирились съ старикомъ; болѣе часа наши столкновенія не могли длиться, и я сегодня, по обыкновенію, совершила съ нимъ утреннюю прогулку по полямъ. Разговоръ у насъ велся обычный; то, что мы говорили вчера, станемъ говорить и завтра. Мы нашли, что бурая корова что то нехорошо выглядить, и приказали выдать ей отрубей въ кормъ; помечтали вмѣстѣ о выгодной продажѣ лучшихъ нашихъ свиней; осудили на преждевременную смерть черныхъ цыплятъ, и накормили собственоручно морковію старую, сѣрую лошадь.

Въ часъ мы отобѣдали; чай должны были пить въ восемь, и мнѣ предстояло провести одной длинную вереницу послѣобѣденныхъ часовъ. Согласитесь, что это прескучная перспектива для молодой дѣвушки, которой оставалось одно занятіе: размышлять о семейныхъ несчастіяхъ и нуждахъ. И день то, какъ нарочно, былъ душный; солнце скрылось за туманомъ, и красные лучи его не согрѣвали, а жгли. Въ воздухѣ пахло грозой и бурей. Задыхаясь отъ жары въ комнатѣ, я вышла въ садъ, и стала печально бродить между роскошными цвѣтами. Но сегодня мнѣ и садъ не нравился; мнѣ казалось, что я наизусть уже знаю всѣ вѣточки. Работать мнѣ не хотѣлось; притомъ воспоминаніе о происшествіи, связанномъ съ моимъ пребываніемъ

въ саду, было еще слишкомъ свѣжо въ памяти. Низенькій заборъ отдѣлялъ нашъ садъ отъ поля; я перелѣзла черезъ заборъ и начала пробираться по краю поля, засѣянаго пшеницею, въ сосновую рощу, которая росла недалеко. Гулять одна по большой дорогѣ я не любила, того и гляди встрѣтишь бродягъ или сѣрвавшихся лошадей; тутъ же, среди высокихъ сосенъ, опасности не было. Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ въ рощѣ; я любовалась прекрасными арками и аллеями, естественно образовавшимися среди разчищеннаго лѣса. Подъ ногами у меня хрустѣли душистые иглы сосны. За лѣсомъ: тянулся лугъ, сплошь покрытый ранункулами, а въ концѣ его журчалъ ручей, граница моихъ прогулокъ. Дойдя до него, я сѣла на траву, мысленно не расставаясь съ мясникомъ. Грубо сдѣланный мостикъ былъ перекинутъ черезъ шумный, игривый ручей; прямо насупротивъ меня возвышалась водяная мельница, старинный домъ фермера, окруженный соломенными ульями, а подъ окнами домика цвѣла гряда голубаго огурешника. Мельница дѣйствовала, вода кипѣла, и разсыпалась брызгами вокругъ колеса. Я вообще люблю водяныя мельницы, и въ состояннн просидѣть цѣлыя часы подлѣ нихъ, слушая неумолкаемый ропотъ воды. А теперь мнѣ было еще прнятнѣе: передъ глазами моими открылась прелестная картина. Желтая насыдка съ цыплятами копошилась на берегу ручья; жена мельника вышла изъ дома съ чашкою въ рукахъ, и, скликая птицъ, начала бросать имъ пригоршнями какой то кормъ. Три сытныя бѣлыя утки, кваная и кивая головами, хотѣли было прилечь къ берегу, но вдругъ повернули, и, нырнувъ, спустились внизъ по ручью. Наконецъ, мельничиха ушла; цыпляты наѣлись, и разсыпались по угламъ; мнѣ надоѣло слѣдить за утками. Я звѣнула, и хотѣла уже отправиться домой. Вдругъ я замѣтила, на противоположномъ берегу ручья, какого то человѣка, пробиравшагося между низенькими ольхами. Онъ былъ одѣтъ въ полный охотничій костюмъ изъ коричневаго плиса, и шель съ удочкою въ рукахъ. Въ послѣднее время мое сердце приняло преглушую привычку, какъ то особенно сильно биться, при видѣ мужчины издали. Не разъ приходилось мнѣ разочаровываться, когда, вмѣсто ожидаемаго героя мечты, я встрѣчалась съ лѣснымъ сторожемъ, или съ какимъ нибудь работникомъ. Теперь я опять пришла въ волненнн, но не напрасно: появившійся вдали человекъ оказался маіоромъ Мэкъ-Грегоромъ. Онъ наконецъ выбрался изъ чащи, и какъ видно сильно усталъ. Улыбаясь, онъ

перешелъ мостъ. Какъ онъ былъ милъ! Да, въ эту минуту я невольно созналась, что люблю его сильно, хотя мнѣ даже и теперь неловко останавливаться на этомъ щекотливомъ вопросѣ.

Я, глупенькая, отвернула голову, дѣлая видъ, что не замѣчаю его; красныя мои щеки скрылись за широкими полями моей шляпы, и я погрузилась въ созерцаніе форелей, прыгавшихъ изъ воды за мухами. Притворяться было не къ чему: каждый шагъ его по мягкой травѣ отдавался какъ громъ въ мои уши.

— Какъ поживаете, миссъ Летранжъ? сказалъ онъ весело.

Моя коричневая поношенная шляпа сдѣлала быстрый поворотъ; всплывшее мое лицо уже не могло скрыться, и я съ замѣшательствомъ проговорила: «какъ ваше здоровье?» протянувъ ему, въ то же время, свою изящную руку въ весьма изящной перчаткѣ, и стараясь быстро скрыть ее въ широкой рукѣ маіора.

— Надѣюсь, что на этотъ разъ меня никто не срѣжетъ, сказалъ онъ, смѣясь: вы такъ явно отвернулись, когда я поклонился вамъ съ того берега, что я боялся даже подойти сюда.

— Я васъ не замѣтила, начала я торопливо, то есть, не то что не замѣтила... И я замолчала, достаточно уже выдавъ свою тайну несладкою формою рѣчи.

— Хорошо! пусть будетъ такъ, продолжалъ онъ добродушно, желая выручить меня. Я васъ прощу, если вы даже дѣйствительно хотѣли меня срѣзать, но съ однимъ условіемъ: не гоните меня прочь!

Его честные, темносѣрые глаза посмотрѣли на меня съ такимъ умоляющимъ, убѣдительнымъ выраженіемъ, съ какимъ никто еще на меня не смотрѣлъ. Мнѣ этотъ взглядъ очень понравился, хотя показался отчасти страннымъ. Я собралась съ духомъ, побѣдила свою робость, и рѣшилась быть любовною.

— Я гнать васъ не могу, хотя бы и желала этого, отвѣчала я. Этотъ лугъ, трава, даже цвѣты, не мнѣ принадлежать, вы на нихъ имѣете столько же права, сколько и я.

— Но вы сами желаете, что бы я ушелъ? — Молчаніе.

— Миссъ Летранжъ, желаете вы этого?

— Снова молчаніе.

— Ну, что же? спросилъ онъ нетерпѣливо, нагибаясь, что бы взглянуть мнѣ въ лице.

Я замѣтила его нетерпѣніе и обрадовалась. Онъ хочетъ, что бы я сказала *нѣтъ*, а я скажу *да*. Духъ противорѣчія овладѣлъ мною. Почему мнѣ не быть *agaçante, espiègle* (мало ли у фран-

цузовъ выраженій для этого характера). Итакъ я взглянула прямо ему въ глаза, и, смѣясь, отвѣтила:—Да, я желаю, что бы вы ушли.

— И прекрасно! возразилъ онъ равнодушно; я уйду! Онъ поднялъ удочку, которую бросилъ было на траву, приподнял шляпу, и ушелъ.

Читатель, я испытала въ жизни много огорченій, — кто изъ насъ ихъ не имѣлъ?—но едва ли когда нибудь мнѣ случалось испытать такой быстрый переходъ отъ радости и счастья къ горю, какъ теперь. Вотъ, къ чему привела неумѣстная игривость! И зачѣмъ было мнѣ скрывать? Оставалась бы я всегда природною простушкой. А то вздумала острить! И шутка то пристала ко мнѣ, какъ къ коровѣ сѣдло! Въ порывѣ отчаянія, я вскочила на ноги, и кинулась было бѣжать за нимъ, но, вспомнивъ свой возрастъ, положеніе отца, если бы онъ увидѣлъ меня, бѣгущею по полю за «молодымъ малымъ изъ Бруммагема», я упала опять на траву, и залилась слезами, между тѣмъ какъ Ричардъ быстро удалялся, ни разу не обернувшись. Онъ, по правдѣ сказать, некрасиво ходилъ, подобно тому, какъ ходятъ спѣшившіеся драгуны; но даже и эта походка казалась мнѣ ангельскою.

Объ фореляхъ я забыла и думать. У меня все мелькала надежда не остановится ли онъ, не вернется ли обратно! Можетъ быть, я снова увижу его шагающимъ черезъ кусты, и, убаюканная сладкою мечтою, я просидѣла здѣсь до глубокихъ сумерекъ; роса пала на землю, цвѣты заснули, и юнскій мѣсяцъ тихо выплылъ изъ за роши. Долго еще сидѣла я, горько плача о миломъ, миломъ Ричардѣ, о своемъ дѣлѣ съ противнымъ мясникомъ и вообще объ себѣ. Это случилось въ субботу. На другой день, въ воскресенье, добрые люди обѣдаютъ рано, и почти у всѣхъ подають ростбифъ за столомъ. Утренняя служба въ церкви нашего имѣнія началась въ 11 часовъ; началась она гимномъ; я управляла пѣвчими. Хорошій голосъ, какъ я прежде сказала, былъ единственнымъ замѣчательнымъ моимъ талантомъ. Впрочемъ, по правдѣ сказать, замѣчательнѣе всего были у меня глаза. Голосъ же мой былъ густой контръ-альтъ, низкія ноты котораго напоминали даже басъ.

Церковный хоръ нашъ состоялъ: изъ меня, двоихъ нашихъ слугъ, боявшихся пѣть при мнѣ громко, и потому едва раскрывавшихъ ротъ, изъ влерка и, наконецъ, изъ молодого плотника,

который всегда старался украшать трелями и руладами самые простые гимны. Не разъ выдерживала я сильныя стычки съ юнымъ артистомъ, по поводу его неумѣстныхъ фантазій. Въ церкви было два входа: большой и малый; черезъ большой входилъ весь приходъ, а черезъ малый наше семейство, да еще семьи двухъ или трехъ фермеровъ. День стоялъ жаркій, обѣ двери были отперты, и оттуда, какъ изъ рамокъ картинъ, виднѣлись могилы съ ихъ крестами, деревьями и безчисленными маргаритками. Прямо насупротивъ малаго входа, находилась наша ложа съ полинялыми красными занавѣсками. Недалеко отъ нея бѣлѣлъ мраморный надгробный памятникъ сэра Ловеласа Леттринжа, возвышавшійся надъ фамильнымъ склепомъ, гдѣ много уже почило сэровъ Лозеласовъ, сэровъ Бріановъ, и сэровъ Адриановъ. Я встала, и, откашлянувшись, запѣла гимнъ «Іерусалимъ небесный!» Не знаю! о! не знаю!... Пѣла я громко и съ чувствомъ, между тѣмъ какъ птицы вторили мнѣ въ воздухѣ. Пока я пѣла, высокій бѣлокурый господинъ, нагнувшись, переступилъ черезъ порогъ малаго входа, вошелъ въ церковь, и сталъ около меня. Въ первую минуту, я хотѣла замолкнуть, предоставивъ молодому плотнику разводить свои трели и рулады, но я совладѣла съ собою на этотъ разъ. «Я должна пѣть, подумала я, будь тутъ хотя двадцать бѣлокурыхъ маіоровъ», и, чувствуя, что это мой долгъ, я пѣла лучше чѣмъ когда нибудь. Всю душу перелила я въ пѣніе. Любовь, страсть слышались въ каждой нотѣ. «Пусть онъ послушаетъ, какъ я умѣю пѣть», думала я, невольно припоминая противную брюнетку, на обѣдѣ у Коксовъ, и ея слабое щебетаніе.

Когда я опустила книгу съ гимнами, то посторонній наблюдатель съ трудомъ могъ бы различить цвѣтъ моихъ щекъ отъ розъ на шляпѣ. Впрочемъ, я не поддавалась искушенію, не взглянула даже мелькомъ искоса на Ричарда Львиное Сердце (другаго названія я ему не придумала: такъ велика показалась мнѣ смѣлость его вторично явиться моему отцу на глаза), но я по инстинкту знала, что онъ сидитъ насупротивъ меня, въ ложѣ мистера Гарриса изъ Гомъ-фермы, пріютившись въ уголкѣ. Я старалась не смотрѣть не только на него, но даже и въ его сторону; старалась молиться о грѣхахъ своихъ, и умоляла Бога простить меня, напоминая себѣ, что, въ день страшнаго суда, мнѣ ни къ чему не послужитъ красота Мэкъ-Грегора. Но и это не помогло! Бывало, ночью, лежа въ постели, при одной мысли

о страшномъ судѣ, меня пробирала дрожь, но теперь какъ нарочно: солнце свѣтило такъ ярко, на душѣ у меня было такъ легко и весело, что не было возможности представить себѣ мрачную картину смерти, иначе какъ на второмъ планѣ. Молодость и любовь брали верхъ надъ благочестіемъ. Я опустила голову на свой толстый молитвенникъ, и, вперивъ глаза въ изсохшій анютиныхъ глазокъ, понавшій какъ то между страницами, машинально повторяла молитву о здравіи королевы, принца-супруга и всего августѣйшаго дома. Я всѣми силами старалась изгнать изъ головы всѣ мысли и попеченія о земномъ: даже о мясникѣ съ его счетомъ, и о срочномъ поведѣльникѣ, грозившемъ своею близостію. Я не хотѣла объ нихъ думать. «Нѣтъ, прочь всѣ работы и скорби земныя, думала я, стану молиться».

Но образъ Ричарда настойчиво вторгнулся въ мое сердце, и я продумала о немъ во все время службы. Пока мой отецъ говорилъ проповѣдь, я мечтала о новой встрѣчѣ на кладбищѣ, которая казалась мнѣ на этотъ разъ неизбѣжною. Мнѣ ясно представлялось, какъ мы будемъ оба стоять подъ вѣтромъ на тропинкѣ, ведущей въ церковь. Отецъ поморщится сначала, но послѣ смиляется. Онъ такой вѣдь у меня добрый, славный! Я же, полная счастья, но попрежнему неловкая, буду на седьмомъ небѣ; а Ричардъ? — быть можетъ, думала я, увлекаясь постепенно, отецъ пригласилъ его къ намъ завтракать; онъ согласится идти... но тутъ я вспомнила неволью, что у насъ подается только кость холодной баранины къ чаю. Эта страшная мысль преслѣдовала меня въ продолженіе всей проповѣди.

— И въ заключеніе — произнесъ отецъ, и «въ заключеніе» повторила я мысленно, «у насъ всетаки будетъ къ чаю только холодная баранина.» Минуть двадцать спустя, отецъ отпустилъ насъ, произнесъ благословеніе, и, не сходя съ каеэдры, началъ укладывать свои очки въ футляръ, подозрительно всматриваясь въ волва, который пробрался въ его стадо въ скромной овечьей шкурѣ. Бѣдный проказникъ волкъ! Есть тутъ овечка въ стадѣ, которая готова протянуть тебѣ дружескую лапку. Да вѣдь овцы часто не знаютъ что дѣлаютъ! Конгрегация начала расходиться; жены фермеровъ пожимали другъ другу руки; Джонъ Барлоу не преминулъ остановиться у могилы своей матери, что бы лишній разъ съ самодовольствіемъ прочесть надгробную надпись, сочиненную имъ самимъ, и затѣмъ вся толпа, чинно разошлась по дорогѣ, ведущей въ деревню. Сзади всѣхъ

слегка раскачиваясь, шелъ злосчастный драгунъ; онъ то и дѣло оборачивался, и видалъ на меня отчаянные взгляды.

Я, между тѣмъ, стояла у церковной арки, стуча нетерпѣливо ногою по гробницѣ какой то Элеоноры Летранжъ. Я обыкновенно ждала пока отецъ разоблачался, а это никогда не длилось долѣе двухъ секундъ. Но сегодня мнѣ пришлось ждать гораздо дольше. Можетъ, я это только воображала, но мнѣ казалось, что отецъ нарочно медлитъ, нарочно заговаривался съ старымъ Эйкеномъ.

— Беззубый, право! что это онъ мнѣ жѣмаетъ! говорила я, колотя ногою плиту моей тѣзи еще съ большимъ ожесточеніемъ. Но ропотъ мой и негодованіе не помогли дѣлу. Долго спустя, отецъ вышелъ изъ церкви, веселый, разговорчивый; я же, напротивъ, молчала и дулась; мы оба отправились домой въ то время, когда рослая фигура Ричарда едва видѣлась подъ горою на поворотѣ.

— Зачѣмъ попалъ сюда этотъ щеголь сегодня? не понимаю, сказалъ отецъ добродушно, смотря ему вслѣдъ. Я не отвѣчала ни слова, кусая отъ злости костяную ручку моего зонтика. Волкъ уже не пришелъ болѣе къ вечерней службѣ въ церковь Летранжа, и старый Эйкенъ, вздумавшій было вступить въ разговоръ съ отцомъ послѣ службы, получилъ приказаніе замолчать.

ГЛАВА VIII.

Въ пять часовъ вечера, въ воскресенье, я проходила по за-
лѣ, едва волоча ноги отъ тоски одиночества, какъ вдругъ отецъ позвалъ меня изъ библіотеки.—Нелли, Нелли! это ты? послышался его голосъ.— Да, папа! крикнула я, прибѣжала къ нему. Онъ сидѣлъ въ своемъ старомъ креслѣ, погруженный въ чтеніе, и поднялъ голову, только когда я вошла.

— А! пришла? сказалъ онъ. У меня есть для тебя порученіе.

— Какого рода? спросила я.

— Видишь, я обѣщала послать буліону старухѣ Бойль: возьмишь ли ты отнести его къ ней?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ отвѣчала я, въ восторгѣ, что могу улизнуть отъ обязательнаго чтенія книги: «Рассказы миссіонера объ евреяхъ», поучительное содержаніе которой составляло, уже лѣтъ семь сряду, мое единственное воскресное чтеніе. Я мигомъ исчезла изъ комнаты. Мистриссъ Смитсъ вручила мнѣ небольшой жестяной кувшинчикъ, наполненный какою то грязною неапетитною жидкостію, долженствующею изображать бараній буліонъ; я съ покорностію выслушала ея наставленіе, что бы какъ нибудь не облить своего праздничнаго платья, и полетѣла изъ дома. Пробѣжавъ гористое поле, засѣянное фасолью, затѣмъ другое, покрытое клеверомъ, я спустилась по дугу, на которомъ пасся худой осленокъ, принадлежавшій горшечнику, въ широкую долину, всю испещренную глубокими бороздами и холмиками изъ красноватаго песчаника. Наконецъ, я очутилась передъ воротами дома вдовы Бойль. Меня обдало запахомъ свиного хлѣва и невыносимымъ запахомъ какой то травы; я вылила поскорѣе буліонъ въ чашку, поданную мнѣ хозяйкою дома, выслушала ея никакой благодарности, и отправилась въ обратный путь. Шла я тихо, взбираясь по временамъ на крутые холмы за крупными цвѣтами бетоники, и рвала ихъ безъ всякой жалости. Усѣвшись на травѣ, близъ дороги, я начала связывать букетъ изъ нихъ. Мимо меня прошли двое дѣтей, также съ цвѣтами, затѣмъ пара влюбленныхъ, робкій молодой человекъ и смѣющаяся дѣвушка, а за ними—какъ онъ сюда попалъ, не понимаю!—высокій, благородной наружности, воинъ, имя которому было Ричардъ Мэкъ-Грегоръ. Вѣроятно онъ еще не забылъ стараго, и не простилъ меня, потому что сдѣлалъ видъ, будто не хочетъ остановиться, и, поравнявшись со мною, только приподнялъ шляпу. Но я не выдержала. Съ сердцемъ трудно сладить: я вскочила на ноги; мой кувшинъ и цвѣты полетѣли въ сторону: я бросилась впередъ, стала на дорогѣ, и протянула ему руку.

— Пойдите! крикнула я, задыхаясь. Вы не сердитесь на меня, скажите? Простите, если я, была вчера невѣжлива!

Надо было бы имѣть каменное сердце, что бы устоять противъ такой просьбы, выраженной свѣжими пунцовыми губами молодой дѣвушки, а какъ читателю извѣстно, что мой герой отличался далеко не ледянымъ темпераментомъ, то равнодушное выраженіе лица его мгновенно измѣнилось, и онъ весело улыбнулся.

— Кто вамъ сказалъ, что вы были невѣжливы? спросилъ онъ. Кто? я, по крайней мѣрѣ, ни слова вамъ не говорилъ.

— Не говорили, а подумали, иначе вы не ушли бы такъ скоро!

— Какъ же бы я смѣлъ не уйти, если вы приказали!

Я опустила голову.

— Не всегда думаешь то, что говоришь, произнесла я съ разстановкою.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень радъ это слышать, но я долженъ вамъ признаться, что вы меня жестоко оскорбили въ ту минуту; впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, вы дали себѣ задачу мучить меня постоянно.

— Я не намѣрена никого мучить, произнесла я ласково. Вѣдь я уже вамъ сказала, что вовсе не думала о томъ, что говорила. Я пошутила только. Сегодня утромъ, послѣ службы, мнѣ хотѣлось передать вамъ всю правду, да старшій Эйкенъ задержалъ отца.

— Въ будущей разъ я всё ребры переломаю этому старому мистеру Эйкену, попадись онъ мнѣ только!

— Ахъ! онъ прескучный, глухой, глухой такой! Ну, что же? спросила я, убѣдитесь ли вы наконецъ въ томъ, что я не хотѣла васъ прогнать намедни? И я пристально взглянула на него.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Посмотримъ! У меня преисполнительный характеръ. Мнѣ на все нужно доказательство.

— Какое же я могу вамъ дать доказательство? спросила я съ удивленіемъ.

Онъ вдругъ переѣхнулъ тонъ.—Позвольте мнѣ проводить васъ до дома, сказалъ онъ серьезно.

— Пожалуйста! живо возразила я, до напихъ воротъ всего пять минутъ ходьбы.

Онъ потушился.—Всего пять минутъ ходьбы! повторилъ онъ. Дѣлать нечего, пойдемте потише, что бы вышли цѣлыя десять минутъ. А что? это все ваши цвѣты разсыпаны по дорогѣ? Позвольте я ихъ вамъ подберу.

Я сѣла на траву, и смотрѣла, какъ онъ, опустившись рядомъ со мною, собиралъ цвѣты. Онъ выпросилъ за труды самую крупную бетонку, и когда я подала ему цвѣтокъ, онъ пристально, съ вѣжностію, взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, и сказалъ:

— Погодите уходить, прошу васъ! Будьте же милостивы такъ какъ умѣете быть строги!

Сознавая въ нѣкоторомъ родѣ чувство собственного достоинства, я милостиво снизошла на его просьбу. Бояться нечего, думала я, отецъ никакъ не понадесть сюда.

— Не находите ли вы, что по воскресеньямъ день тянется страшно долго? началъ онъ, слегка потягиваясь. У васъ тутъ я рѣшительно не знаю что съ собою дѣлать. Какъ славный малый, но далеко не веселый товарищъ; мистриссъ же Какъ (помните ту, у которой волосы несочнаго цвѣта) только и толкуетъ объ родословныхъ англійскихъ перовъ. Что это за разговоры!

Меня невольно увололъ его тонъ.—Если вамъ такъ скучно жить въ нашей сторонѣ, сказала я, зачѣмъ вы не уѣдете? Васъ тутъ, кажется, ничто не удерживаетъ?

— Вы такъ думаете? спросилъ онъ холодно, и затѣмъ въ прежнемъ тонѣ продолжалъ: признайтесь лучше, что вы по воскресеньямъ ложитесь спать часомъ ранѣе, чѣмъ въ другіе дни (всѣ вѣдь такъ дѣлаютъ), и что читать цѣлый день проповѣди вамъ очень скучно.

— Я вовсе не читаю цѣлый день проповѣдей, возразила я. Всю нѣтъ; я по воскресеньямъ только прислугѣ читаю ихъ вслухъ, и то утромъ, по одной, а потомъ для себя что нибудь серьезное, а все прочее время проходить у меня въ томъ, что я кормлю цыплятъ, смотрю какъ доятъ коровъ, и все въ этомъ родѣ.

— Ну, и это не очень то весело!

— Мы не должны веселиться по воскресеньямъ, замѣтила я наставительно.

— Не должны? находите вы. Я, право, не знаю, что мы должны дѣлать, и чего не должны. Поучите-ка меня, пожалуйста!

— Чему же?

— Да чему нибудь... Для меня все равно. Мнѣ только хочется, что бы вы меня поучили.

Я опустила глаза и начала ощипывать лепестки цвѣтовъ. «Такъ вотъ какъ молодые люди разговариваютъ съ дѣвушками», подумала я.

— А вѣдь вы не могли бы быть очень строгою наставницею, не правда ли? продолжалъ онъ снова, опершись головою на руку. Шляпа у него съѣхала на глаза. Я тихо засмѣялась.

— Славная мысль сдѣлать изъ меня наставницу! отвѣчала я. Во всей Европѣ нѣтъ такой дуры, какъ я.

— Но вы встали прелестная дурочка! произнесъ онъ медленно, съ какимъ то особеннымъ удареніемъ. Я вспыхнула. Съ его стороны некорошо было говорить мнѣ въ глаза такія вещи; это могла быть пустая любезность, конечно, но зачѣмъ же говорить напраду? Бросивъ на него взглядъ, полный негодованія, я собрала всѣ цвѣты, и готовилась уйти.

— Вы не имѣете никакого права говорить мнѣ такія вещи, воскликнула я съ жаромъ. Это ни на что непохоже! Я вовсе не прелества, вы это сами хорошо знаете, и говорите только для того, что бы посмѣяться надъ мною. Вѣрно вы воображаете, что я глупая провинціалка, которая повѣритъ каждому вашему слову.

Онъ немного покраснѣлъ, и приподнялся съ земли. — Дай Богъ, что бы было побольше такихъ провинціалокъ, сказалъ онъ, разгорячившись не хуже моего. Вы меня никогда не поймете, и вѣчно будете воображать, что я желаю васъ оскорбить. Я можетъ быть дерзко выражаюсь, да что же мнѣ дѣлать? При васъ я забываю все! Вы хороши, страшно хороши! Я не могу удержаться, что бы не высказать своего мнѣнія. Вотъ же вамъ! Сердитесь, сколько душѣ угодно!

Видно было, что онъ находится въ возбужденномъ состояніи. Смуглое лице его все вспыхнуло при послѣднихъ словахъ; видно было, что онъ ждалъ новой бури. Но бури не было. Я отхвѣтила совершенно. Такъ вотъ образецъ тѣхъ эксцентриковъ, о которыхъ столь насмѣшливо отзывалась Долли! Я наконецъ нашла человѣка, которому красные волосы и большой ротъ пришлись по вкусу.

Прошло нѣсколько минутъ неловкаго молчанія.

— Ну, что же? спросилъ онъ тихо и довольно робко. Вы очень разсердились? Вѣрно я уже такъ провинился, что меня и простить нельзя?

— Не знаю, право, отвѣчала я, отворачиваясь, что бы скрыть свое пылающее лице: нѣтъ, вы... вы... не очень провинились, по моему мнѣнію, но вы только меня сконфузили. Я не привыкла слышать, что бы мнѣ говорили такія вещи... Не лучше ли мнѣ домой идти... заключила я, совсѣмъ растерявшись отъ смущенія, и, вставъ съ земли, вооружилась своимъ кувшиномъ.

— Нѣтъ, Бога ради, не уходите! произнесъ онъ послѣдно.

*

Дадъ вамъ слово, что не буду больше грубить! Скорѣе позволю себѣ отрѣзывать языкъ, чѣмъ смутить васъ. Дайте хотя еще пять минутъ срока. Мнѣ нужно многое вамъ передать.

— Передайте это въ другой разъ, сказала я торопливо.

— Да въ томъ то и камень преткновенія! отвѣчалъ онъ, грустно взглянувъ на меня своими сѣрыми глазами. Когда я васъ увижу въ другой разъ? Развѣ можно рассчитывать постоянно на нечаянныя встрѣчи? Неужели для меня навсегда закрыта дверь вашего дома?

Я опустила глаза, и толкнула ногою камешекъ.

— Зачѣмъ этотъ вопросъ? Развѣ я могу отвѣчать на него? возразила я.

— Кого же мнѣ спрашивать? Не вашего же батюшку! Вы помните, какъ онъ любезно меня встрѣтилъ въ тотъ вечеръ? Ему такъ и хотѣлось меня вытолкать изъ вашего сада. Я по лицу его это замѣтила. Правду я говорю?

Я молча раскачивала за ручку свой жестяной кувшинъ.

— Правда... отвѣчала я, немного спустя, то есть онъ не хотѣлъ васъ вытолкать, нѣтъ; но онъ нашалъ, что я, то есть, что мы, не должны были сидѣть вдвоемъ въ саду. Не понимаю, отчего онъ разсердился. Мы ничего, кажется, дурнаго не сдѣлали.

Я такъ невинно посмотрѣла на него, ожидая разрѣшенія вопроса о нашемъ преступленіи, что мнѣ въ голову не пришло подумать, хороши ли были въ эту минуту мои большіе синіе глаза, вперившіе въ Ричарда свой дѣтскій вопросительный взглядъ. Но онъ, какъ видно, былъ знатокъ по этой части. Теперь, когда я уже опытиѣе, то, припоминая это обстоятельство, должна сознаться, что мой оригинальный поклонникъ не пропустилъ случая оцѣнить меня какъ слѣдуетъ.

— Дурнаго! воскликнулъ онъ съ жаромъ. Надѣюсь, что нѣтъ, Хорошъ былъ бы тотъ человекъ, который рѣшился бы сдѣлать вамъ что нибудь дурное. Ну, вотъ! Я опять промахнулся! Дадъ вамъ слово, а опять принялся за любезности. Клянусь вамъ, не могу удержаться!

Я молча опщивала цвѣтокъ.— Отецъ очень рѣдко на меня сердится, почти никогда, но въ тотъ вечеръ онъ былъ сильно разсерженъ, сказала я. Онъ меня предупредилъ, что бы подобнаго рода вещи въ другой разъ никогда не случались.

Ричардъ задумчиво провѣлъ руками по усамъ.

— Пожалуй, онъ и въ правѣ былъ это сказать. Онъ вѣрно

нашегъ, что я сдѣлать большую дерзость, войдя къ вамъ безъ позволенія; оно и было дерзко, если хотите, но если ему представилось... гмъ!...гмъ!... что я хочу завести съ вами тайное знакомство, то онъ сильно ошибся. Я самъ терять не могу ничего тайнаго. Мнѣ очень хотѣлось бы завтра придти къ нему, да не знаю, какъ это сдѣлать. Признайтесь, очень онъ меня честилъ, по уходѣ моемъ въ тотъ несчастный вечеръ?

Изношенная, коричневая шляпа моя не могла скрыть яркаго румянца, разливавшагося у меня по лицу при этомъ пытливымъ вопросѣ. Впрочемъ, мое лицо такъ часто вспыхивало и горѣло во время нашего свиданія, что не успѣвало остывать. Лице, фигура, покрой платья, самый тонъ голоса Ричарда, такъ были далеки отъ физиономіи приващиковъ изъ Бруммагама, что я не имѣла духу передать ему эпитетъ, которымъ наградила его мой родитель.

— Не конфузьтесь, сказалъ онъ, смѣясь, я знаю, что безъ брани не обошлось. Быть можетъ, со временемъ, отецъ вашъ убѣдится, что я не такъ дуренъ, какъ онъ думаетъ. Буду жить надеждою!

— Конечно, отвѣчала я робко. Я увѣрена, что онъ полюбилъ бы васъ, если бы узналъ поближе.

— Очень радъ, что вы находите, что я выигрываю отъ близкаго знакомства; вѣрно и вы объ мнѣ иначе думали, когда мы мечтали порознь, хотя и сидѣли вмѣстѣ, помните, тамъ, на нашемъ живописномъ кладбищѣ?

Я ничего не отвѣчала, но вынула часы, что бы посмотреть время. Мнѣ всегда было стыдно вынимать при другикъ мой антикъ, смахивавшій больше на рѣпу, чѣмъ на часы, и теперь я всячески старалась прикрыть, своими длинными пальцами уродливую форму несчастныхъ часовъ. Но зоркіе глаза Ричарда равсмотрѣли таки золотой шаръ въ моихъ рукахъ.

— Что за великолѣпные старинные часы! сказалъ онъ почти съ уваженіемъ. Вѣдь это антикъ, не правда ли?

— Я безъ васъ знаю, что это антикъ, отвѣчала я, надувшись, подозрѣвая насмѣшку тамъ, гдѣ ея вовсе не было; такой антикъ, что почти все внутреннее устройство его испортилось, и я должна заводить его каждые два часа. Да что же дѣлать, если у меня лучшихъ часовъ нѣтъ: поневолѣ должна носить и эти, прошу васъ не смѣяться! Задѣтая заживое, я проговорила все это, не останавливаясь.

— Помилуйте! Я и не думалъ смѣяться, возразилъ Ричардъ. Можно мнѣ взглянуть на часы? Благодарю. Да, это антикъ, и, какъ кажется, весьма цѣнный. Подобная отдѣлка часовъ рѣдкость въ наше время. Знатокъ дали бы за нихъ дорого.

— Неужели? И вы не шутите? спросила я радостно.

— Право, нѣтъ; я немного знаю толкъ въ антикахъ, потому что папан, виновать, мать моя, до страсти любить всѣ *objets de vertu*, какъ ихъ называютъ, и дома у насъ ведутся нескончаемые толки о древностяхъ. Отъ матери и сестеръ я поневолѣ наслушался многого. Отъ этой рѣпы старуха моя пришла бы въ неописанный восторгъ, хотя, по правдѣ сказать, я ничего безобразнѣе и не видывалъ.

Мясникъ съ его счетомъ такъ и завертѣлся у меня передъ глазами.

— Какъ вы думаете? купить эти часы ваша матушка? спросила я, вся дрожа отъ волненія.

— А развѣ вы хотите продать такую драгоценную наследственную вещь? Вѣдь эти часы, вѣроятно, хранились въ вашемъ семействѣ нѣсколько сотъ лѣтъ сряду?

— Не знаю, отвѣчала я равнодушно. Мнѣ и дѣла до этого нѣтъ. Часы принадлежали какой то моей прабабушкѣ, которую въ глаза не видывала, и которую, вѣроятно, я даже любить не могла бы. Я вообще ненавижу старухъ.

— Ага! я открываю безпрестанно новыя черты въ вашемъ характерѣ, замѣтилъ Ричардъ; какая вы сребролюбивая! Уже нѣтъ ли въ вашихъ жилахъ еврейской крови?

— Нѣтъ, нѣтъ, право, я не сребролюбива! воскликнула я въ отчаяніи. Пожалуйста, не думайте этого. Мы никакого сношенія съ евреями не имѣемъ. Мнѣ только теперь деньги нужны, очень нужны!... Слезы навернулись у меня на глазахъ, при воспоминаніи о моемъ старичкѣ отцѣ, котораго горе и нужда могутъ преждевременно свести въ могилу.

Неописанное чувство удивленія выразилось на лицѣ милого драгуна. Онъ, вѣроятно, слышалъ коечто о нашей страшной бѣдности—она не могла быть тайною—и въ эту минуту онъ видимо припоминалъ людскіе толки объ отцѣ. Искреннее состраданіе отуманило его веселые глаза.

— Если вамъ въ самомъ дѣлѣ надобны часы, ласково замѣтилъ онъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ моихъ слезъ, то въ такомъ случаѣ, я повезу ихъ съ собою, въ слѣдующій разъ, въ

городъ. Тамъ у меня много знакомыхъ магазиновъ, гдѣ я могу выгодно продать ихъ. Дайте только время. Надѣюсь, вамъ сибѣннть не къ чему.

— Нѣтъ! мнѣ нужно скорѣе! сказала я, хватаясь какъ утопающій за соломенку. Если я завтра не получу денегъ, пользы не будетъ. Мнѣ онѣ очень нужны... для одного дѣла... для покупки одной вещи. Я солгала для того, что бы онѣ не догадался о преслѣдованіяхъ мясника.

— Какъ? вамъ деньги нужны къ завтрашнему дню? повторишь онѣ, широко раскрывъ глаза. Такой срокъ очень уже коротокъ; вѣдь мнѣ нужно ѣхать въ городъ для продажи чашовъ.

— Неужели? Но вѣдь я вовсе не хочу вводить васъ въ расходы и хлопоты изъ за меня, замѣтила я съ жаромъ.

— Что тутъ толковать о хлопотахъ! я самъ очень радъ немного провѣтриться; у меня голова отяжелѣла отъ бумагопрядильныхъ фабрикъ Кокса. Но вѣдь до завтра срока мало.

— Можно и до вторника утра отложить; пораньше во вторникъ. Ахъ, мнѣ такъ сов...

— Сдѣлайте милость, замолчите! молчаніе есть лучшее украшеніе женщины. Притомъ и сказать вы собирались что то очень несообразное. Обѣщанія я вамъ не даю, но постараюсь все сдѣлать, что возможно, и увѣряю васъ — самой поѣздѣ я чрезвычайно радъ!

— Какой вы добрый ко мнѣ,—ахъ, какой добрый! и за что это, въ самомъ дѣлѣ? сказала я, поднимая на него глаза, полные благодарности.

— Да, я добрый малый, очень добрый. Удивляюсь, какъ это вы раньше не замѣтили. Но вотъ въ чемъ вопросъ: если мнѣ дѣло удастся (а я убѣжденъ въ успѣхѣ), какъ же мнѣ дать вамъ знать?

— Въ самомъ дѣлѣ! какъ же мы сдѣлаемъ?

— Развѣ намъ опять здѣсь сойдтись, или гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ, завтра вечеромъ? Мнѣ совѣстно васъ безпокоить, да вѣдь иначе устроить нельзя.

— Мнѣ не хотѣлось бы... пробормотала я.

— А почему?

Много камешковъ разбросала я ногою, обдумывая, какимъ бы образомъ мнѣ вывернуться. Спроситься у отца? — откажетъ; не спрашиваться? — будетъ тайное свиданіе.

— Олицетворенная вы честность! что же мнѣ остается дѣлать? идти въ вашъ домъ, что бы разгнѣванный родитель вытолкалъ меня оттуда въ шею? Я отъ природы очень храбръ, но на этотъ случай, признаюсь, храбрости у меня не достанетъ.

Я улыбулась, и покачала головою. Или прикажете идти на черную лѣстницу и подкупить лакея или горничную, что бы передать вамъ записку отъ меня?

— О, конечно нѣтъ! сказала я выразительно.

— Что же дѣлать? Я жду вашего приказанія. Вы ничего не говорите, слѣдовательно, поразсудивъ хорошенько, я...

— Нельзя ли вамъ... прислать деньги въ конвертѣ по почтѣ, по крайней мѣрѣ.

— Можно, конечно, да я не хочу!

— Какъ же вы увѣрили, что будете повиноваться моимъ приказаніямъ, сказала я, желая принять повелительный тонъ, что ко мнѣ вовсе не пристало.

— Да, я готовъ слушаться васъ во всемъ, кромѣ этого случая. Это исключеніе изъ общаго правила. Надобно кончить чѣмънибудь наше совѣщаніе. Видите что: вы останетесь на своей землѣ, то есть, выйдете на конецъ сада, къ забору, гдѣ растутъ сирени. Я васъ задержу не болѣе какъ на одну минуту, честное слово, и, вклянусь, не уволю васъ! Скажите же *да, да!* вы не повѣрите какъ легко произнести это слово...

— Да!

— Великолѣпно! у васъ пропасть законисма, но благодарю, что, по крайней мѣрѣ, сказали это слово; я больше не стану вамъ надобдывать, хотя казните! Итакъ, въ среду утромъ, среди бѣлаго дня, я явился, подъ крыломъ мистриссъ Коксъ, засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе; безъ мистриссъ Коксъ ни шагу, иначе я буду похожъ на провинившагося шюльнича, который пришелъ просить прощенія.

Пока онъ говорилъ, я отцѣнила часы отъ цѣпочки, и положила ихъ ему въ руку.—Теперь пора идти! сказала я. Не задерживайте меня ни минуты болѣе, иначе отецъ можетъ придти за мною сюда.

— Сейчас! Сейчас!.. Смотрите, не забудьте выйти въ садъ, завтра, около девяти часовъ вечера. Весенніе вечера не вредны, притомъ звѣзды...

— Прощайте! прервала я нить его красворѣчія, и протянула ему руку.

— Прощайте, если такъ! сказалъ онъ, сжимая очень сильно мои пальцы. Право, я думала, что онъ ихъ раздавитъ въ своей огромной рукѣ. Но я была терпѣлива, какъ герой, и ни однимъ звукомъ не выдала себя.

ГЛАВА IX.

Возможно ли, что бы человѣкъ въ продолженіе всей своей жизни оставался неизмѣненъ? Не вѣрнѣе ли, напротивъ, что человѣкъ въ каждомъ изъ четырехъ возрастовъ является представителемъ четырехъ различныхъ существъ? Физическій организмъ нашъ остается тотъ же; у человѣка въ 5 лѣтъ и въ 50 лѣтъ все то же тѣло, подвергнувшееся только различнымъ измѣненіямъ, въ слѣдствіе лѣтъ, погоды, болѣзней и образа жизни; странно повѣрить, что бы толстый, живой, румяный ребенокъ и едва движущійся желтый скелетъ, близкій къ смерти, были олицетвореніемъ одной и той же личности. Однако это такъ! Но мысли наши, чувства, подвергаются ли и онѣ такому же рѣзкому измѣненію? Конечно. Напѣть взглядъ на свѣтъ и на людей, наши привычки, привязанности, вкусы, до того дѣлаются противоположными въ различные возрасты нашей жизни, что намъ самимъ не вѣрится, что бы мы могли такъ судить въ известную эпоху; что бы мы могли любить и ненавидѣть тѣхъ людей, о которыхъ, подъ конецъ жизни, у насъ осталось лишь одно слабое воспоминаніе! Кто знаетъ? уже не переходятъ ли наши души изъ одного существа въ другое? Я сознаюсь, что такого рода предположеніе несовмѣстно съ здравымъ смысломъ; но не высказать его я не въ состояніи. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, что бы я, настоящая я, и та молодая, свѣжая дѣвушка, которая стояла однажды въ майское утро, на верху лѣстницы, привязывая мѣсячныя розы къ рѣшеткамъ зальныхъ оконъ въ домѣ Летранжа, были одно и то же лице?

Въ платьѣ изъ полинялой зеленой кисеи, съ молоткомъ въ одной рукѣ и гвоздями въ другой, я стояла на лѣстницѣ, тихо напѣвая просебя пѣсню. Сидѣвшіе въ гнѣздѣ, подъ навѣсомъ крыши, молодые скворцы высунули головки изъ своего теплаго убѣжища, и, раскрывъ клювы, ожидали червяковъ, къ которымъ

ихъ вѣроятно приучила нѣжная мать, еще не вернувшаяся съ охоты.

«И лѣтомъ солнце омычатся,
И листья розъ упадутъ...»

пѣла я, думая въ то же время: жаль, что упадутъ, мнѣ надо еще ихъ высушить. Въ раю вѣрно розы не вянутъ. Что бы однакоже случилось, если бы свѣжія розы безпрестанно нараждались, а старныя цвѣли вѣчно? Вѣдь на землѣ мѣста отъ розъ не было бы!

«Но въ томъ краю не меркнетъ радость,
«Нѣтъ гора, нѣтъ и слезъ...»

продолжала я пѣть. Рѣзкій вѣтеръ дулъ всю ночь напролетъ, и сбилъ мои розы съ рѣшетки. Зато теперь, какъ тиковъ водухѣ! Вдали я слышу гудить машина на фабрикѣ; на сосѣдней фермѣ лаетъ обиженная кѣмъ то собаченка; близъ меня садовникъ косить росистую траву, и губить тысячи маргаритокъ, а тамъ, въ тѣни густой зелени, неутомимо воркуетъ пара лѣсныхъ голубей, однообразная, любовная бесѣда которыхъ прерывается жужжаніемъ скромной, трудолюбивой пчелы, собирающей капли меда на голубыхъ колокольчикахъ.

Я вспоминаю объ этомъ майскомъ утрѣ, и въ то же время о себѣ самой, какъ вспоминала Ева о потерянномъ раѣ. Преступления я никакого не совершила, но моя грусть и тоска по цвѣтамъ, полямъ, по воздуху милой моей родины, вѣроятно также искренни и тяжки, какъ скорбный плачъ нашей общей пра-матери по райской отчизнѣ, съ ея душистыми лотосами и живописными, таинственными берегами рѣкъ Востока.

Въ ту эпоху, о которой я вспоминаю съ такою нѣжностію, конечно, шли и дождь, и снѣгъ, были туманы и грозы, какъ всюду; но все, что было дурнаго, исчезло изъ моей памяти. Теперь мнѣ не иначе представляются старыя деревья нашего парка, какъ покрытыя вѣчною зеленью; розы, душистый горошекъ и риттершпоры вѣчно цвѣтущими. А тогда я даже и не знавала своего счастья! Вотъ что скверно въ нашей жизни: мы никогда не цѣнимъ настоящаго счастья, и тогда только начнемъ вспоминать и скорбѣть о немъ, какъ о потерянномъ раѣ, когда настанетъ горе.

Бывало, и я не умѣла цѣнить ни здоровья, ни веселаго расположенія духа. Болѣзнь и грусть казались мнѣ ненормальнымъ

состояніемъ человѣка. Были у меня своего рода неприятности; конечно, приходилось носить обноски сестры; приходилось даже засыпать со слезами на глазахъ, но искренно плакала я только при видѣ поникшей головы моего милаго старичка-отца, сѣдые волосы котораго замѣтно рѣдѣли отъ горя и заботы. Въ то утро, о которомъ я заговорила въ началѣ главы, былъ базаръ въ мѣстечкѣ Летранжъ. Телѣги, возы, кабриолеты, то и дѣло сновали мимо нашего дома. Я безпрестанно оборачивала голову, что бы полюбоваться на хорошенькія шляпки фермерши, а это зрѣлище отрывало меня отъ дѣла.

Время отъ времени, всадники разнообразили картину: то работникъ ѣхалъ на водопой на простомъ жеребенкѣ; то пасторъ медленно трясся на старомъ пѣгомъ пони, который, по своей жирной комплекціи, могъ соперничать только съ лошадейю отца. Но вдругъ послышалась правильная, отчетливая рысь хорошаго скаковаго коня. Я быстро обернулась; всадникъ остановился у нашихъ воротъ, и рукояткою хлыста старался отпереть ихъ. Лошадь сильно горячилась подъ нимъ.

«Кто бы это такой?» подумала я. «Агентъ Бинбоу, что ли?» Надо знать, что Бинбоу былъ довѣренный отца, и агента его я считала своею *bête noire*, потому что каждый таинственный его прїѣздъ приносилъ съ собою горе въ нашъ домъ. Я влѣзла на самый верхъ лѣстницы, и пристально начала вглядываться. Всадникъ и лошадь скрылись на время за густою зеленью вязовъ, и я видѣла только какъ трепетали листья ихъ на солнцѣ; наконецъ, лошадь снова показалась у вторыхъ воротъ, саженяхъ въ пятидесяти отъ меня. Тутъ уже ошибиться не было возможности. Я узнала всадника немедленно; но будь это самъ Робъ-Рой, я не бросилась бы съ такою поспѣшностію съ лѣстницы, какъ теперь. Спрыгнувъ, какъ сумасшедшая, на землю, я овраметью побѣжала къ дому, безъ памяти пронеслась мимо толстыхъ, напудренныхъ, старыхъ и молодыхъ Летранжей, и прямо влетѣла въ святилище, обитаемое мистриссъ Смитсъ, которую я, по обыкновенію, застала за вычисленіемъ какихъ то цифръ, — занятіе, которое она никогда не могла привести въ концы.

— Мистриссъ Смитсъ! кричала я, задыхаясь и едва переводя духъ отъ волненія. Сэръ Гуго Ланкастеръ прїѣхалъ сейчасъ, сію минуту, вѣдь онъ попалъ прямо къ завтраку!.. Отчаяніе на молодыхъ лицѣ — это сцена изъ трагедіи; но на старомъ и при-

томъ очень жирномъ — оно комично. Я расхохоталась; однако веселость моя была непродолжительна.

— Вы знаете, какой папа гостеприимный; онъ его непременно пригласить остаться. Онъ все забываетъ, что у насъ *ничего нѣтъ* къ завтраку!

Состоя въ качествѣ нашего домашняго провіантмейстера, старушка обидѣлась:—Ну,—у! миссъ Летрантъ! Уже будто и ничего? У насъ всегда есть баранина, а не дальше какъ вчера, нѣтъ виновата, третьяго дня, я вамъ послала прекрасное блюдо жареной рыбы!

— Нельзя ли ее подать и сегодня? У меня сердце прыгнуло отъ радости.

— Голубушка моя! Да вѣдь вы ее всю въ субботу скушали, а этотъ противный старикъ мясникъ и носу сюда не показыва-
етъ. Впрочемъ оно и лучше, по моему мнѣнію.

— Я этому мяснику задамъ такой урокъ, сказала я, величественно поднявъ руку, что онъ его вѣкъ не забудетъ!

— Да, да, задайте, конечно! отвѣчала нѣсколько недовѣрчиво моя собесѣдница, но теперь не лучше ли намъ промислить чтонибудь къ завтраку?

— Какъ мы себѣ головы не будемъ ломать, а отъ этого въ буфетъ ничего не придеть, отвѣчала я. Есть ли, по крайней мѣрѣ, въ птичной курѣ?

— Д-д-а, осталось четыре или пять старыхъ кохинкинокъ, да и тѣ гуляютъ въ огородѣ. Гдѣ ихъ теперь сыщешь, вѣдь уже скоро 12 часовъ.

— Господи Боже мой!

— Да вотъ, баранина есть, замѣтила старушка, прибѣгая къ послѣднему средству.

— Баранина! мистриссъ Смитсъ! сказала я съ упрекомъ; точно вы забыли, что всю эту недѣлю только и подавали что баранину. Вѣдь отъ нея остались однѣ кости!

— У насъ есть яйца, есть свинина.

— Яйца и свинина? Помилосердуйте, неужели мы дошли до этого? Судариня! подумайте хорошенько о томъ, что вы сказали. Пригласить сэра Гуго Ланкастера на яйца и свинину. Вѣдь это все равно, если бы я вздумала угощать его пирогами изъ песку!

— Эка бѣда! Люди почище его ѣдятъ такія бушанья, да еще бывають очень довольны. Кто такіе это Ланкастеры? Скажите

пожалуйста! Важность какая! Ихнему роду далеко до вашего папеньки, а онъ себѣ кушаетъ, что подадутъ, не разбирая.

Я посмотрѣла на нее, на потолокъ, на мухъ на окнѣ. Ростбишу и сочныхъ еп'геевъ никакимъ волшебствомъ не достанешь. Лучше и не мечтать объ нихъ. Изъ ничего, ничего не сдѣлаешь. Удрученная горемъ, я подѣлась съ соломеннаго стула, на который бросилась въ первую минуту отчаянiя, и, выразительно помахивая молоткомъ, торжественно объявила:

— Видно ничего не подѣлаешь, подавайте яйца и свинину, но я умываю руки въ этомъ преступленiи. Я не хочу быть свидетельницей нашего домашняго позора. Я скорѣе въ постель лягу, чѣмъ явлюсь къ завтраку! Если меня позовутъ, то велите Коллинсу сказать, что я больна. Я должна слечь! непременно слечь!... Вѣдь отъ этого, право, заболѣешь!... Затѣмъ я встала, прокралась, какъ кошка, мимо библіотеки, гдѣ слышался громкій голосъ сэра Гуго и голосъ отца, весело ему отвѣчавшій. Добравшись до маленькой моей комнаты наверху, которая выходила на востокъ, и откуда я часто любовалась на заходящее солнце, я сѣла на край своей постели, забила горе, и начала стронть воздушные замки. Въ моихъ мечтахъ владѣтелями замковъ были мы съ Ричардомъ; отцу назначались лучшія комнаты, а Долли положительно изгонялась.

На часахъ въ столовой пробило часъ. Я сползла на полъ, охватила руками приподнятыя колѣни, и снова замечталась. Прошло половеину втораго. Пять минутъ спустя, дверь отворилась, и вошла мистриссъ Смитсъ съ блюдомъ чернаго хлѣба и масла.

— Вѣдь вы себя тутъ съ голода уморите, сказала она; притомъ, я право не понимаю, почему вамъ не сойдти бы внизъ?

— Объ этомъ ни слова! произнесла я, уписывая хлѣбъ съ масломъ. Кстати, завтракъ поданъ?

— Сейчасъ только отпустила, передъ уходомъ къ вамъ; отличный завтракъ, могу сказать: кусокъ холодной жареной баранины, великолѣпное блюдо тертаго картофеля, огромная порція свинины и пропастъ яицъ.

— А много ли? спросила я, невольно вспоминая тѣ изящныя, легкія кушанья, которыми меня угощали на обѣдѣ у Коковъ. Не можете ли сказать, сколько именно отпущено яицъ?

— Да вотъ видите ли: баранины то было маловато, а куры въ настоящее время хорошо несутся, я и рѣшилась подать полдюжины.

При этихъ словахъ, въ мою дверь снова постучались, и Мери, наша горничная, вошла въ комнату.

— Миссъ, сказала она, баринъ проситъ васъ пожелать вина *немедленно*.

Я вскочила какъ оурия.—Какъ! крикнула я: развѣ Колинсу не приказано доложить, что я нездорова, если меня спросятъ.

— Да, миссъ, онъ такъ и доложилъ, но папѣнка вамъ сказала, что не вѣрить, что вамъ дурно; они вамъ кланяются и приваляли сказать: пожалуйста внизъ, хотя на пять минутъ. Васъ, кажется, какой то джентльменъ желаетъ видѣть.

Я опустила руку съ хлѣбомъ, и застонала. Мистриссъ Смитъ съ всегдашнею готовностію схватила щетку, и начала приглаживать мои волосы съ обѣихъ сторонъ лица; Мери раза три обдернула мнѣ платье, особенно спереди, потому что оно было, по обыкновенію, коротко для моего роста, и затѣмъ я спустилась внизъ. Кавалеры перешли уже въ столовую, и я готова была провалиться отъ робости, когда мнѣ пришлось отворить дверь и войти.

Усѣвшись на первомъ мѣстѣ за столомъ, я обобрѣла всю обстановку его. Нашъ обѣденный столъ былъ очень великъ, широкъ, и баранья нога, изъ разряда некрупныхъ, исчезала на немъ совершенно. Это было темное пятно на бѣломъ океанѣ сватерти. Объ лицахъ и свиниѣ нельзя было сказать того же: они своимъ количествомъ рѣзали глаза.

— Надѣюсь, что вашей головѣ лучше, миссъ Летранжъ? сказалъ вѣжливо сэръ Гуго, благоразумно уклонившійся отъ баранины. Онъ въ эту минуту ѣлъ съ величайшимъ аппетитомъ жирный кусокъ поджареной свинины.

— Моей головѣ? спросила я, поднявъ на него глаза съ удивленіемъ.

— Ну, да, *моей головѣ*, нетерпѣливо повторилъ отецъ. Колинсъ доложилъ, что у тебя мигрень, и сэръ Гуго желаетъ знать легче ли тебѣ; развѣ ты не понимаешь?

— Ахъ да! я вспомнила: благодарю, мнѣ легче, гораздо легче, благодарю васъ! Я вся выныхнула, и смѣшалась.

Сэръ Гуго оставилъ меня въ покоѣ послѣ этого, за что я ему была искренно обязана. Мнѣ оставалось только наблюдать, съ какимъ добродушіемъ отецъ предлагалъ гостю наше скудное угощеніе. Но онъ не извинился передъ нимъ, не сожалѣлъ, что не можетъ угостить его, какъ слѣдуетъ; нѣтъ, онъ не выдалъ

себя ни чѣмъ предъ постороннимъ человѣкомъ, хотя мнѣ, коротко изучившей его характеръ, ясно было, какъ онъ искренно совѣстился, и тяготился своимъ положеніемъ.

Сэръ Гуго былъ роста небольшого, по собою недурень. Наружность у него была веселая, безъ большого выраженія впрочемъ; смѣяться онъ былъ охотникъ; уменъ на столько, на сколько человѣку нужно, что бы быть приличнымъ въ обществѣ, и не казаться умнѣ другихъ. Но отъ него никто не слыхалъ ни особенно умнаго, ни особенно остраго выраженія. Маменьки гонялись за нимъ, но онъ такъ любезно уклонялся отъ ихъ преслѣдованія, что завлекалъ ихъ еще сильнѣе; дочери еще улыбались ему; онъ отвѣчалъ имъ также улыбкою, но такъ какъ онъ улыбался всѣмъ вообще, то рассчитывать на него ни одна изъ нихъ не дерзала. Общаніями въ вѣрности онъ никогда себя не связывалъ, а между тѣмъ темные волосы его быстро сѣдѣли, и большой красный его домъ все еще оставался безъ хозяйки. Онъ въ жизни никого особенно не любилъ, даже самаго себя, а любилъ всѣхъ вообще. Неудачи и горести не касались его; онъ былъ относительно ихъ не уязвимъ. Спустя нѣсколько времени, онъ заговорилъ со мною снова. Вѣроятно, онъ заранѣе готовился мнѣ что нибудь сказать, не зная еще навѣрно, съ чего начать разговоръ, онъ колебался, какъ видно, въ томъ, какой ему выбрать предметъ, что бы заинтересовать меня.

— Такъ ваша сестрица скоро сюда будетъ? спросилъ онъ.

— Да-съ.

— Вы, я думаю, очень рады ея возвращенію?

— Да-съ.

— Одной вѣдь очень скучно жить, не правда ли?

Я ободрилась, и языкъ у меня развязался. — Нѣтъ, вы ошибаетесь; я очень люблю быть одна; думать одной очень весело; свои собственные мысли подчасъ гораздо пріятнѣе общества.

— Ага! Это вы въ меня камешекъ бросили? но я, право, сомнѣваюсь, могутъ ли думать о чемъ нибудь дамы, кромѣ своего званія. Ну, о чемъ, напримѣръ, можете думать вы, когда остаетесь однѣ? Не понимаю!

Я нашла, что такого рода наставленіе приличнѣе было бы читать пятилѣтней дѣвочкѣ, а не мнѣ.

— Не стойте объ этомъ говорить, возразила я сухо; конечно не объ телятахъ и не о гуано.

Онъ нѣсколько сконфузился.

— Ну, конечно такъ. И что вамъ вздумалось назвать два такіе неинтересные предмета. А! вижу! вы, вѣроятно, считаете меня способнымъ говорить только объ этомъ. Прекрасно! прекрасно!

Отецъ всталъ, видимо недовольный.—Нелли, заговорилъ онъ, пожалуйста, не дѣлай привычки рѣзко отвѣчать другимъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего отвратительнѣе женщины съ рѣзкимъ языкомъ. Сэръ Гуго! Не угодно ли вамъ пройтись по усадьбѣ? заключилъ онъ, обращаясь вѣжливо къ гостю.

Сэръ Гуго видимо силится сказать мнѣ что нибудь привѣтливое, но у него неостало способности придумать фразу; онъ одобрительно мнѣ улыбнулся, и пошелъ вслѣдъ за отцомъ, оставивъ меня, погруженную въ сознаніе, что я совершенно уничтоженная молодая дѣвушка.

ГЛАВА X.

Въ этотъ вечеръ, голубое небо покрылось сѣрыми облаками, которыя неслись низко надъ землею, и въ четверть десятаго часа пошелъ мелкій дождь, зарядившій повидимому на всю ночь. Въ половинѣ девятаго часа, я свернула въ огромный узелъ свои красивые волосы, надѣла два браслета изъ деревянныхъ бусъ, подаренные мнѣ Доли, въ порывѣ необычайной щедрости, въ день моего рожденія, и этимъ ограничила свои приготовления къ свиданію съ предметомъ своей любви. Въ пять минутъ десятаго, я сбѣжала внизъ, схватила съ вѣшалки старую шаль, и начала искать дождевой зонтикъ, какъ вдругъ услышала медленные шаги отца, возвращавшагося изъ бібліотеки. Я исчезла въ одно мгновеніе. Накинувъ шаль на голову, я побѣжала по дорожкѣ, уснанной крупнымъ несомъ, прямо на мѣсто свиданія, и остановилась у рѣшетчатыхъ воротъ, продѣланныхъ въ заборѣ изъ сиреневыхъ кустовъ. Это были двери, отдѣлявшія мой эдемъ отъ грѣшнаго міра. Я посмотрѣла сквозь рѣшетку воротъ, потомъ сквозь заборъ—ни души нигдѣ! Сердце мое сжалось. «Не идетъ!» сказала я со вздохомъ.

Наконецъ, черезъ три минуты, показавшіяся мнѣ вѣчноюстію, я увидѣла вдали, сквозь туманъ, что то темное: это могла быть лошадь, или корова, домъ или конна сѣна. Но на этотъ разъ

я ошиблась: темный предмет превратился въ высокаго улыбающагося молодого человека, въ черномъ бархатномъ пальто

— Раньше назначеннаго срока пришли? сказалъ онъ весело, подходя къ воротамъ; вотъ что значить продать свои часы. Теперь еще безъ пяти минутъ девять.

Я не поздоровалась съ нимъ, а только смотрѣла на него молча, со страхомъ ожиданія.

— Какъ? ни одного слова? продолжалъ онъ. Уже говорить ли вамъ всю правду? вѣдь вы дрожите отъ волненія, я могу васъ испугать! Ну, какъ же мы едимъ? Левъ ли пойдетъ къ овечкѣ, или овечка выйдетъ до льву?

— Овечка.... конечно овечка.... я хочу сказать... что я выйду къ вамъ.... пробормотала я, не зная сама что говорю, и, отворивъ ворота, вышла на мокрый, мягкій лугъ, гдѣ воды было столько, что мнѣ показалось, будто я взяла ножную ванну.

— Ну? произнесла я, едва переводя духъ отъ страха и сжавъ крѣпко руки.

— Ну, миссъ Летранжъ? что же вамъ угодно?

— Какъ что? вѣдь вы сами знаете, чего я жду... хорошаго извѣстія.

— Хорошаго извѣстія? Если хотите, у меня ихъ цѣлый коробъ. Фонды упали на 84%; архіепископъ какой то умеръ; старшая миссъ Коксъ выходитъ замужъ кажется, за меня такъ, по крайней мѣрѣ, я слышала сегодня утромъ.

— Если вы меня вызвали сюда затѣмъ только, что бы потѣшаться надо мною, такъ я лучше домой пойду, сказала я, чувствуя, что мой, отъ природы неангельскій характеръ, сильно возмущается такого рода обращеніемъ.

— Что бы я васъ вызвалъ сюда въ такую гадкую погоду, зная, что вы можете легко просудиться? Что бы я смѣлъ играть вами? Боже меня сохрани!

Я повернула къ дѣлу въ нѣмомъ негодованіи.

— Неужели вы уходите? Жаль, право, очень жаль! Такъ приятно разговаривать, стоя вдвоемъ въ этой лужѣ! А гадкая погода, не правда ли? Впрочемъ, и время то года сырое, иначе и быть не можетъ.

Я дергала рукою заперъ у воротъ, задыхаясь отъ злости.

— Ваше остроуміе, сэръ, замѣтна и въ голосѣ мой раздраженъ; я высприлась съ достоинствомъ на столько, на сколько мое узенькое платье это позволило, ваше остроуміе можетъ и въ

виться въ гостиной мистера и мистриссъ Коксъ, но въ разговорѣ съ миссъ Летранжъ оно неумѣстно. Желаю вамъ добраго вечера!

— Добраго вечера, миссъ Летранжъ! сказалъ онъ, отворяя настежь ворота, и почтительно обнажая свою прекрасную голову, на которую полилъ дождь. Кстати, позвольте мнѣ вручить вамъ небольшой свертокъ, какъ кажется, принадлежащій вамъ.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку банковыхъ билетовъ, и подалъ ихъ мнѣ. Я сначала колебалась: швырнуть ли мнѣ ихъ съ гнѣвомъ въ его насмѣшливое лице, или удовлетворить сначала своему жадному любопытству, и узнать: сколько тутъ денегъ? Любопытство превозмогло, какъ это и всегда случается съ женщинами. Лучшимъ примѣромъ служить наша праматерь Ева, повергшая весь родъ человѣческой въ гибель, изъ за желанія вкусить запрещеннаго плода.

Я развернула пачку дрожащими пальцами, отдѣляя аператно бумажки, одну отъ другой, и наслаждалась невольнo шелестомъ этихъ новенькихъ билетовъ. Сколько тутъ фунтовъ: десять или двадцать? Сколько бы ни было, а это порядочный кушъ, которымъ можно заткнуть пасть моего Цербера. Размышляя такимъ образомъ, я начала считать: разъ, два, три, четыре, пять. Пятью десять—пятьдесятъ. Пятьдесятъ фунтовъ за старомодную рѣпу, съ испорченнымъ ходомъ, за безобразную, никуда негодную вещь!.. Въ послѣдствіи въ моей душѣ возникло сильное подозрѣніе, что мои старинные часы не переступали порога магазиновъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и что эти 50 ф. стерл. просто были вынуты изъ изящнаго кармана щедраго, добраго Дика Мекъ-Грегора. Но въ ту эпоху ни малѣйшее сомнѣніе не омрачало моего счастья; я вѣрила всему, что слышала, даже всему, что читала. Опустивъ голову, стояла я, терзаемая раскаченіемъ; затѣмъ, протянула ему обѣ руки, и едва слышно произнесла: О!.....

— Ну, миссъ Летранжъ, чѣмъ же я опять провинился? Что я такое сдѣлалъ? Вѣдь я уже не остря, кажется, право нѣтъ!

— Перестаньте! перестаньте! закричала я, и вдругъ зажала, закрывъ лице лѣвою рукою, и доставая правою платокъ изъ кармана. Шаль, не придерживаемая ничѣмъ, упала у меня съ головы прямо въ лужу, и я очутилась подъ проливнымъ дождемъ, въ одномъ платьѣ, съ непокрытыми волосами.

Онъ поднялъ шаль, и началъ ее стряхивать.

— Вамъ вѣрно очень жарко, миссъ Лэтранжъ? Вы такъ равнодушно сбрасываете съ себя покровы? Если я смѣю выразить свое мнѣніе, то здѣсь ни время и ни мѣсто брать дождевныя души.

Я отняла руку отъ лица, и робко подала ее ему.

— Пожалуйста, не смѣйтесь! Я, право, не могу этого винить. Я думала, что вы пришли, что бы только насмѣхаться надъ мною. У меня характеръ нехорошій. Если бы вы знали, что я почувствовала все это время, вы не стали бы меня дразнить!.

Затѣмъ, я снова горько заплакала, сама не зная отчего. Милый мой Дикъ! милый, ненаглядный мой! Какой ты былъ добрый въ то время! Хорошо ли тебѣ тамъ, въ этомъ неизвѣстномъ мірѣ? Узнаешь ли ты меня, когда мы встрѣтимся въ загробной жизни? или пронесешься, какъ духъ, безстрастно, холодно мимо меня? Боже сохрани отъ этого, безцѣнный мой король Олафъ! Но ты мирно почиваешь, подъ волнами Сѣвернаго моря, и нѣтъ отсюда отвѣта на призывъ моего пламеннаго сердца!.....

.....Слезы были, какъ оказалось, хорошимъ адвокатомъ у такого судьи, какъ Ричардъ. Я этого однако не замѣтила въ первую минуту, и только негодовала на себя за неумѣстное малодушіе. Если бы его бабушка, старая тетка, или хозяйка квартиры, или даже старуха нищая, заплакали передъ нимъ, онъ вѣроятно растерялся бы. А тутъ хорошенькая молодая дѣвушка рыдаетъ отъ его жестокости, даже до того, что у ней носъ весь побагровѣлъ, а глаза страшно распухли. Улыбка исчезла мигомъ съ его лица; въ темносѣрыхъ глазахъ его выразилось чувство глубокаго раскаянія и жалости; онъ мнѣ напомнилъ тѣхъ большихъ породистыхъ собакъ, которымъ дѣлается совѣстно, если онѣ обидятъ маленькую собаченку. Въ первую минуту онъ не зналъ что и дѣлать, затѣмъ вспомнилъ о моей шали, накинулъ ее мнѣ на плечи, и, заботливо укутывая меня, торопливо говорилъ:

— Полноте! полноте! не плачьте! не плачьте! милое мое дитя! Стыдно портить такіе чудные глаза. Я не смѣлъ васъ обидѣть, право, нѣтъ! Я скорѣе позволилъ бы отрѣзать себѣ правую руку, чѣмъ тронуть хотя одинъ волосъ на вашей головѣ!

Онъ такъ меня запеленалъ, что я не могла пошевеливаться. Я засмѣялась сквозь слезы.

— Вы меня такъ закутали, что я руками владѣть не могу, сказала я. Я стою, какъ дура.

Онъ засмѣялся. — Неужели, милая моя Нелли? Бѣдные дѣти! какъ съ нею дурно обращаются.

Онъ нагнулся, что бы поправить на мнѣ шаль, и не отвлекъ рукъ отъ моей талии. Крупныя капли дождя падали съ его плечей, съ кудрявыхъ бѣлокурыхъ волосъ, и впитались по смуглымъ его щекамъ. Я робко, но съ восторгомъ взглянула на него, на это честное, ласковое, прекрасное лице; на страстные, глубокие глаза, и совсѣмъ забыла про дождивъ, про мокрую траву, про дурное свое поведеніе; я забыла все въ эту минуту, и вся отдавалась чувству какого то невѣдомаго до сихъ поръ колпаго счастья.

— Ну, что же? Не нужно васъ дразнить? Уйди мнѣ? оставьте васъ въ покое? Скажите? Я уйду, если вы желаете; смерти какъ не хочется, но прикажите—и я уйду.

Онъ напечатывалъ эти слова, между тѣмъ какъ его свѣтлыя кудри почти касались моихъ красныхъ волосъ. Картина была недурна, увѣряю васъ. Мнѣ далеко не хотѣлось, что бы онъ уходилъ, но я не сказала ни да, ни нѣтъ.

— Вѣднѣй потянувшись домой захотѣлось? А если я вздумаю васъ задержать въ плѣну? Останетесь, хотя на минутку. Далече вамъ надо идти, что бы смснать человека, который сумѣлъ бы васъ такъ любить, какъ я!

Вмѣсто отвѣта, я кричалась головою къ его груди, и щеки мои вспыхнули отъ счастья. Онъ тихо поцѣловалъ меня. Я забыла стонуться.

— Нелли! сказать вамъ правду? Вѣдь я васъ очень люблю. Шутки въ сторону!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, люблю, и вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно имѣть право цѣловать хорошенькую дѣвушку, любить ее, дразнить подчасъ; вы не воображайте, что я уже никогда больше не буду васъ дразнить. Я подняла голову, и сдѣлала слабое движеніе, что бы освободиться отъ его объятій. — Если вы такъ будете обращаться со мною, я сейчасъ уйду, сказала я.

— Уйдите, уйдите, если только можете! Клянусь, я такъ глубоко въ глаза не видывалъ; точно китайскій сарфору!

— Прекрасное сравненіе!

— Да вѣдь я вамъ не говорю, что у васъ глаза хороши; они пре-

огромные, въ нихъ какое то дѣтское выраженіе, вообще взгляды у васъ слишкомъ наивныя, а что бы ваши глаза были хороши — я не нахожу.

— Я минуты больше не останусь.

— Раньше двухъ часовъ не отпущу, да и то не иначе какъ съ выкупомъ; я требую по крайней мѣрѣ двадцати пондусовъ и столько же сверхъ счета.

Такое неприличное объявленіе, и остается безъ отвѣта; я еще тщательнѣе прячу лице въ бархатные обшлага пальто, и не имѣю силъ возражать.

— Хорошо ли вамъ, миссъ Летранжъ?

— Очень!

— Прекрасная погода, неправда ли, какъ я уже имѣлъ честь докладывать, когда вы расъсвирѣпли на меня?

— Пожалуйста, не напоминайте мнѣ этого.

— Почему же нѣтъ, миссъ Нелли? вы напрасно прячете лице свое; увѣрю васъ, что такого рода необузданность характера можетъ (замѣтите, я не говорю *непремѣнно*, потому что современные законы снисходительны), довести васъ до галеръ.

— За что? не зато ли, что я васъ убью?

— Да съ зато, что вы выпарапаете мои прекрасные глаза, отнесите мнѣ носъ; Богъ знаетъ, что тамъ еще со мною сдѣлается!... Красавица моя, какъ это я прожилъ 28 часовъ безъ васъ!

Теплый дождь такъ и поливалъ наши головы; кустъ бѣлой сирени, опустивъ листья, равсплался надъ нами шатромъ, и свѣжіе цвѣты его обдавали насъ своимъ ароматомъ.

— Природа что то уже сильно плачетъ надъ нашею любовію, Нелли, замѣтите Днѣ. Дай Богъ, что бы это не было дурнымъ предвѣщаніемъ!

— Тсъ! говорите тише! Я слышу шаги по песку.

— Нустяги!

— Слышу, говорятъ вамъ! Тсъ! тсъ!

Мы притаили дыханіе. Дѣйствительно, слышны были явственныя шаги по дорожкѣ, усыпанной пескомъ.

— Это отецъ! Онъ часто гуляетъ послѣ чая, но сегодня я думала, что онъ не выйдетъ, по случаю дождя. Если я сейчасъ побѣгу, то скроюсь раньше, чѣмъ онъ услышитъ сюда придетъ; онъ еще не дошелъ до калитки сада!

— Что бы... провались отъ совѣтъ! И зачѣмъ онъ не остался въ комнатахъ? Мы за нимъ сами пришли бы!

Я засмѣялась.—Прощайте! пустите меня, скорѣе, скорѣе!

— Не пушу, пока вы не скажете: прощай, мой милый! Я буду держать васъ такъ, пока отецъ не дойдетъ до насъ, и тогда громко заговорю. Клянусь вамъ не пушу, пока отецъ не увидитъ васъ въ моихъ объятіяхъ. Идетъ! идетъ! ну, говорите же скорѣе: прощай, мой милый! А не то достанется намъ обоимъ на орѣки!

Я уступила настойчивому требованію, далеко не съ такою робостію, какой можно было ожидать отъ меня; затѣмъ поспѣшась домой, и влетѣла въ свою комнату, запыхавшись, съ расстрепанными волосами, но счастливая!

ГЛАВА XI.

Провлечь будъ тотъ, кто увѣряетъ, что на землѣ счастье возможно. Неужели милосердный Творецъ создалъ безчисленные милліоны людей только для того, что бы они всю жизнь свою страдали? Неужели Онъ на то даровалъ человѣку способность сознавать радость и горе, что бы онъ испытывалъ одни мученія? Если бы человѣкъ былъ сотворенъ единственно для страданій, то жизнь его не была бы такъ кратковременна. Неумолимый Творецъ осудилъ бы его на безсмертіе, что бы мученія его не прекращались, какъ они прекращаются теперь—смертію. Паскаль выразилъ глубокую истину, сказавъ, что только христіанская религія не внушаетъ человѣку ужаса и трепета, а внушаетъ любовь къ своему Творцу. Богъ христіанъ создалъ человѣка для счастья, заповѣдавъ ему идти путемъ истины; но полного счастья всетаки нѣтъ на землѣ; какъ мы ни бьемся, что бы достигнуть его, оно не дается. Самая организація человѣка мѣшаетъ ему наслаждаться счастьемъ безусловно. Его пугаетъ то одно, то другое; сомнѣніе, страхъ, воспоминаніе прошлаго, мало ли преградъ къ невозмутимому довольству настоящимъ! Притомъ, душа наша не можетъ быть удовлетворена земными благами; она имѣетъ слишкомъ высокое значе-

нѣ въ природѣ человѣка, и потому въ Богѣ одномъ можетъ она найти свою цѣль. Не помню, кто то замѣчалъ, что восклицаніе: «какъ я счастливъ!» рѣдко слышится между людьми. Обыкновенно говорятъ «какъ я *былъ* счастливъ!» или: «какъ я *буду* счастливъ!» Да и будетъ это такъ до тѣхъ поръ, пока алчущая, вѣчнаго мира душа наша не почиетъ вѣчнымъ сномъ.

Въ эту ночь сознаніе моего счастья было совершенно полное. Но я не умѣла любить покойно, благоразумно, нѣтъ! страсть моя была безграничная, бѣшеная, одурающая.

Какъ я не простудилась, не понимаю! Мнѣ даже въ голову не пришло лечь въ постель, или снять мокрое платье. Часъ за часомъ сидѣла я, молча, не двигаясь, между тѣмъ какъ насквозь промокшее платье облило вокругъ моего тѣла, а густая распущенная коса тяжело висѣла на плечахъ. Въ эту минуту я смахивала нѣсколько на Офелію, за исключеніемъ цвѣтовъ, которыхъ у меня не было.

Я сидѣла у открытаго окна, съ горшкомъ резеды передъ носомъ. Сначала свѣча слабо мерцала въ подсвѣчникѣ, затѣмъ потухла, заразивъ комнату запахомъ сала, и лѣтній сумракъ воцарился въ комнатѣ. Итакъ — я влюблена! влюблена по уши! Все это случилось внезапно, неожиданно, а между тѣмъ я успѣла такъ свѣннуться съ любовью, какъ будто бы лѣтъ десять уже любила. Мнѣ казалось, что я нашла перлъ, которому по красотѣ и цѣнѣ во всемъ свѣтѣ не было равнаго.

Дождикъ пересталъ идти, и яркая звѣздочка, дрожа и сверкая, пробилась сквозь тучи. Я вперила въ нее свои воспаленные отъ бессонницы глаза. Есть ли люди въ надзвѣздномъ мірѣ? подумала я. Похожи ли они на насъ? Есть ли между ними красноволося влюбленные дѣвушки и красивые мужчины? Понимаютъ ли они что значить земное счастье, подобное моему? Такъ ли былъ счастливъ отецъ, когда онъ привезъ мою мать въ свое имѣніе, и когда они вмѣстѣ сажали плющъ, который покрываетъ теперь весь южный фасадъ нашего дома? Мать вѣрно была въ сѣромъ платьѣ, съ талією подъ мышками, съ буфами на рукавахъ и съ коротенькими буклями на лбу. Такъ, по крайней мѣрѣ, покойница была изображена на миниатюрномъ портретѣ, висѣвшемъ на супротивъ кресла отца въ библиотекѣ. Могли ли они быть такъ счастливы, какъ я? Я рѣшила, что нѣтъ.

Желала бы я такъ же знать что чувствовала Долли, когда

ее обручили съ красноглазымъ юнымъ богачемъ, умершимъ, отъ чахотки, за недѣлю до свадьбы. Я перебирала въ памяти всѣ выраженія, вырвавшіяся у нея въ минуту сантиментальнаго настроенія, когда она рисовалась въ роли бѣднаго полоумнаго Креза. Сколько я помню, самое нѣжное ея замѣчаніе о милomъ женихѣ было слѣдующее: «Онъ право не такъ глупъ, какъ кажется!»

Когда онъ скончался, я помню, она немного поплакала, надѣла трауръ, и даже однажды выразила искреннее сожалѣніе, зачѣмъ она не вдова этого добраго малаго; вдовы ченчики такъ граціозны, такъ шли бы къ ней, что она съ радостію почтила бы память умершаго друга, одѣвшись со вкусомъ.

— А что бы съ мною было, если бы Дикъ вдругъ умеръ? сказала я громко, облокотившись локтемъ на подоконникъ, и обращаясь въ одно и то же время и къ звѣздочкѣ, и къ горшку съ резедою. Я грянулась бы на мѣстѣ, какъ мертвая, или бросилась бы на его тѣло, и тутъ же бы умерла, цѣлуя его, какъ Гера Леандра:

«И на гробъ его она
Взоръ безжизненный вперяетъ;
Но не стонетъ, не рыдаетъ:
Недвижима, холодна!..»

Въ то время мнѣ казалось, что видѣть Дика мертвымъ, и пережить его, смотрѣть спокойно на его гробъ, вещь для меня невозможная.

Но если, по какому нибудь чуду, я останусь жива, если смерть отвернется отъ меня, что тогда? Тогда я отравлюсь. Нѣтъ ничего легче, какъ принять мышьяка, которымъ травятъ крысъ. Но вѣдь отъ этого яда человѣкъ, пухнетъ, лице его страшно измѣняется. Неужели и со мною тоже случится? Надѣюсь, что нѣтъ!

Занялась заря на востокѣ. Солнце тихо выплывало на горизонтѣ, птицы проснулись, и веселія ихъ пѣсни служили радостнымъ гимномъ ясному дню. Я встала, и начала ходить по комнатѣ, скрестивъ на груди руки. «За что я такъ счастлива? развеждала я. Чѣмъ могла я заслужить это? За что Богъ ко мнѣ такъ милостивъ? За что выбралъ Онъ меня между всеми смертными? Или Онъ далъ мнѣ это блаженство съ тою цѣлію, что бы въ послѣдствіи отнять его, и тѣмъ сильнѣе по-

разить меня? Я упала на колѣни, умоли Господа послать мнѣ всякое другое испытаніе, кромѣ этого; изразить меня какимъ-нибудь страшнымъ недугомъ, ужасною смертію, но не отнимать отъ меня моего милаго! Внялъ ли Господь этой грѣшной, безумной молитвѣ, читатель: узнать въ послѣдствіи. Поднявшись съ колѣвъ, я опустила руку въ карманъ, и вынула банковые билеты, о которыхъ совсѣмъ было забыла. Я расплывала каждую бумажку, въ той надеждѣ, что всѣ онѣ были въ рукахъ Ричарда, и заперла ихъ въ комодъ, рядомъ съ моею правдивною шляпою и народною Библіею; затѣмъ, услышавъ, что люди въ дождь проснулись, я раздѣлась, легла, и проспала мертвымъ сномъ до тѣхъ поръ, пока краснотелка Марри не пришла ко мнѣ въ спальню съ горячею водою.

Слѣдующій затѣмъ день долженъ былъ ознаменоваться двумя горестными для меня обстоятельствами: вомерытъ, отецъ увѣзжалъ на цѣлую недѣлю къ какому-то приятелю въ гости, а, воторыхъ, въ тотъ же самый день Долли возвращалась домой. Мнѣ кажется, что эти два обстоятельства были въ нѣкоторой зависимости другъ отъ друга; что отецъ, по непростительной въ его лѣта трусости, просто бѣжалъ отъ прелестной Доротей. Милый мой старичокъ! я отъ души ему простила его бѣгство, потому что готова была послѣдовать его примѣру. Я напоила его чаемъ, уложила его вещи, переложила все бѣлье вѣточками лавенды, что бы онѣ ему напоминали домъ и его меньшую дочь, благословила его и отпустила въ дорогу.

— Прощай, папуса! говорила я, кинувшись ему на шею. Не простудись, пожалуйста, не теряй носовыхъ платковъ, не оставляй меня надолго въ нѣжномъ tête à tête съ Долли, и возвращайся скорѣе домой.

Вскорѣ послѣ него пріѣхала Долли. Сидя наверху въ своей каморкѣ, я услышала стукъ колесъ ея экипажа, подкатившаго къ крыльцу. Тихо поднялась я съ мѣста, и медленными шагами отправилась въ ней навстрѣчу. Полуденное солнце ярко освѣщало мѣдныя украшенія входной двери, и сгорбленную фигуру драглаго Коллинса, который, стоя на ступеняхъ крыльца, трясъ головою, ванъ фарфоровый мандаринъ, частію въ слѣдствіе лихорадки и частію въ слѣдствіе глубокаго уваженія къ сестрѣ. Кэбъ, въ которомъ пріѣхала Долли, былъ нагруженъ чемоданами, и бѣдная лошадь, вся въ пѣнѣ отъ усталости, стояла, печально понутивъ голову, то и дѣло отмахиваясь хвостомъ отъ приста-

завпики къ ней мухъ. Молча стояла я у двери, невольно любясь, какъ изъ экипажа выходила Долли, изящно одѣтая, свѣжая, чистенькая, точно она совершила все путешествіе, завернутая въ хлопчатую бумагу и спрятанная въ какую нибудь корбочку, а не ѣхала въ грязномъ омнибусѣ по пыльной дорогѣ.

— Ну, Нелли? сказала она, подставляя мнѣ свою щеку, свѣжую какъ персикъ; какъ ты поживаешь? По старому, кажется: волосы кошною, а платье съ прорѣхами?

Я ничего не отвѣчала на ея любезное привѣтствіе, и кротко послѣдовала за нею, всячески остерегаясь, какъ бы не наступить на ея длинный шлейфъ. Сестра сказала мнѣ только нѣсколько словъ, но въ пять минутъ свиданія она уже успѣла столкнуть меня на самый задній планъ картины. Безъ нея я чувствовала нѣкоторую способность быть любезною, ловкою, даже очаровательною дѣвушкою; но появилась она, и я обратилась снова въ неловкую, глупую, ненаходчивую школьницу.

ГЛАВА XII.

Кончился завтракъ, и мы отправились въ большую залу, потому что гулять въ саду было бы слишкомъ жарко; въ залѣ опустили шторы, сквозь которыя солнце слабо освѣщало полинялые синіе и красные узоры турецкаго ковра и вытертое шитье по кантѣ на прямыхъ спинкахъ стульевъ. Тишина въ домѣ была страшная; она нарушалась только жужжаніемъ мухъ, бившихся о стекла рамъ. Долли бросилась—виновата, этотъ глаголъ выражаетъ слишкомъ быстрое движеніе, несомвѣстное съ изящнымъ спокойствіемъ миссъ Долли—она не бросилась, а тихо опустилась въ начинающееся кресло, и, сидя въ немъ, граціозно покачивалась взадъ и впередъ.

Старшая миссъ Летранжъ никогда не читала, и рѣдко разговаривала въ семейномъ кругу. Мнѣ кажется, что она большую часть времени размышляла. Въ настоящую минуту, она молча визала, точно хорошенькая Ундина Андерсена, и, судя по наружности, находилась въ благочестивомъ настроеніи духа. Я вскарабкалась

на высокую скамью, на супротивъ стола, поставленнаго около самаго окошка. Болтая ногами, какъ журавль, и облокотясь локтями на толстый фоліантъ, я стала читать, и прочла ровно полторы страницы. — Книга эта была: *Трактатъ о меланхолии*, Бертона, вовсе меня не интересовавшая. Я выбрала ее въ библиотекѣ, потому что она была больше всѣхъ и толще, и соблазнилась ее громкимъ заглавіемъ, обѣщавшимъ доставить мнѣ много научныхъ свѣдѣній. Сейчасъ было видно, что мнѣ, неопытной въ дѣлѣ логики ученицѣ, неизвѣстно было нравило, что чѣмъ толще книга, тѣмъ меньше въ ней дѣльныхъ мыслей. По правдѣ сказать, я была очень не довольна сама собою и своими познаніями. Долли имѣла полное право презирать меня. Я положительно ничего не знала. Кто составлялъ такой то билль въ парламентъ; кто былъ побѣдителемъ при Фонтенуа; какъ звали героевъ извѣстныхъ битвъ, все это было для меня тараторскою граматой. Такъ, пожалуй, я и Дика разочарую, подумала я; познакомившись съ мною ближе, онъ найдетъ, что я очень глупа, и что съ мною не о чемъ говорить.

Желая искренно поправить дѣло, я обратилась къ Бертону, надѣясь найти въ немъ что нибудь новое. Фактовъ, интересныхъ фактовъ побольше, вотъ чего жаждала моя голова! Но, къ несчастію, трактатъ Бертона состоялъ только изъ перечня болѣзней человѣческаго организма, которыя служатъ, по его мнѣнію, единственнымъ источникомъ меланхолии. Мнѣ надобно читать эту сухую матерію. Новая мысль мгновенно озарила мою голову.

— Долли! сказала я. И мой голосъ какъ то странно отозвался въ комнатѣ, гдѣ царствовало мертвое молчаніе.

— Ну, что тебѣ? отозвалась сестра.

— Долли, ты очень много знаешь?

— Что, наиримѣръ? безстрастнымъ тономъ спросила она.

— Да всякихъ ученыхъ предметовъ! Наиримѣръ: исторію, біографію великихъ людей, мало ли что можно знать?

— Полагаю, что знаю ихъ на столько, на сколько всѣ знаютъ. Вазальныя спицы ея усердно застучали.

— Но довольно ли ты образована, что бы быть моимъ учителемъ? продолжала я приставать къ ней.

— Я полагаю для этого не нужно много знать.

Пропустивъ насмѣшку, какъ будто я ее не поняла, я продолжала: — Такъ ты можешь давать мнѣ уроки? Вотъ, наиримѣръ,

мы когда то вѣстѣ учились пошвещанію. Помнишь, Долли? Нельзя ли намъ опять принятъся за этотъ языкъ?

— Покорно благодарю! Нельзя ли отъ этого уволить! Длинный, сѣрый челекъ быстро рѣсь подъ нѣжными пальчиками сестры. Она морщила свой гладкій лобъ, усмиваясь считать петли.

— А какъ бы я стала стараться, какъ бы слушалась тебя во всемъ! Мнѣ такъ тяжело быть невѣждою. Долли! Это точно камень на моей душѣ!

— Очень жалѣю. Я убѣждена, что ты была бы отличною ученицею, но только не моею. Я вовсе не намѣрена записываться въ гувернантки, хотя, по всему вѣроятію, мнѣ и придется кончить этимъ свою карьеру.

Сестра совсѣмъ меня уничтожила, и я съ горя принялась за свое усыпительное чтеніе. Цѣлый часъ мы провели въ молчаніи и тишинѣ; вдругъ дальнія ворота зашрипѣли на своихъ ржавыхъ петляхъ, щебень въ аллеѣ затрещалъ подъ ногами идущихъ людей, и послышались голоса.

Долли, не чуждая любопытству, осторожно привстала, и украдкою выглянула изъ нодъ занавѣси въ окно.—Это мистриссъ Коксъ! сказала она — и съ мужчиною (съ оживленіемъ). Онъ не дурень! (съ жаромъ) Даже очень недурень! (въ волненіи). Кто бы это могъ быть? Ты не знаешь, Нелли?

— Нѣ.....ѣ.....ѣтъ! съ трепетомъ пробормотала я, кажется.. не знаю.

— Неправда, знаешь! возразила она, слегка поблѣднѣвъ отъ злости. Не понимаю, къ чему лгать изъ за мустяговъ. Если его имя тайна, я и безъ твоей помощи съумѣю ее разгадать.

Голосъ ея вдругъ измѣнился, и перешелъ изъ грознаго въ мягкій, потому что въ дверяхъ показался Коллинсъ съ докладомъ, что мистриссъ Коксъ и маіоръ Мекъ-Грегоръ пожаловали.

Голосъ Долли былъ самый послушный инструментъ; онъ могъ, смотря по надобности, переходить отъ самаго высокаго тона, выражающаго гнѣвъ, бурю, къ тихому, ласкающему контральту. Я, конечно, не могла разчитывать, что бы мой герой кинулся мнѣ на шею, или началъ оспать меня пламенными поцѣлуями, но у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, когда намъ пришлось холодно и прилично подать другъ другу руку, точно онъ былъ сэръ Гуго или мистеръ Боульсъ. Мистриссъ Коксъ

представила ея Долли, которая притомъ задумчиво улыбнулась, и опустила глазки.

Я не сдѣлала ни малѣйшей попытки, что бы занять гостей, и вернулась въ своей свамейкѣ и къ Фоліанту. Помню, что я рѣзъ шесть пересчитывала какое то мѣсто; не видя почти буквъ, и не понимая ни одного слова. Дать поднести къ столу, и посмотрѣть въ бинту черезъ мое плечо.

— Какою это легкою литературою вы тутъ занимаетесь? спросилъ онъ.

Я отвернула заглавный листъ, и молча, съ нѣкоторою важностію, указала ему слова: «Трактатъ о меланхолии, Бертона.»

— Гмъ! превеселое заглавіе. Нѣтъ ли тутъ и портрета самаго Бертона?

Кудрявая античная голова его нагнулась еще ниже, бѣлокурые усы щекотали мое ухо:

— Хорошо ли ты вчера дошла домой Нелли? шепчетъ Динъ.

— Хорошо.

— И не простудилась?

— Нѣтъ.

— Тебя не поколотили?

— Нѣтъ.

— И прекрасно. А гдѣ теперь отецъ?

— Уѣхалъ въ Беркшайръ на недѣлю.

— Гмъ! значитъ, когда кота дома нѣтъ... Эта что ли миссъ Долли?

— Да, не правда ли она прехорошенькая?

Глухая я! Въ простотѣ сердца, мнѣ было невдомекъ, что опытный мужчина никогда не станетъ хвалить красоту одной женщины въ глаза другой.

— Не знаю, право, не замѣтилъ, отвѣчалъ Ричардъ, непрежнему въ полголоса. Я только и думаю о томъ, какъ хороша дружка, мнѣ знакомая, миссъ.

— Кто такая? спросила я, взглянувъ на него самымъ невиннымъ образомъ; но что то особенное въ взглядѣ его милыхъ глазъ до того взволновало меня, что у меня руки задрожали, неровнѣйшіе желтѣвшіе листы старинна Бертона. Голосъ Долли прекратилъ мое замѣшательство; она нѣжно взывала ко мнѣ черезъ всю комнату.

— Нелли, душа моя, потрудись обѣгать за меня портфе-

лемъ съ рисунками; мистриссъ Коксъ на столько любезна, что желаетъ ихъ видѣть; ступай, дитя мое: они лежатъ на лѣвой сторонѣ въ шифоньерѣ. Ты ихъ сейчасъ тамъ увидишь.

Я встала, и нехотя повиновалась. Долли все выдумала. Никвѣхъ рисунковъ не было на лѣвой сторонѣ шифоньерки; ихъ совсѣмъ тамъ не оказалось; я потеряла цѣлыя десять минутъ въ напрасныхъ розыскахъ, и отыскала ихъ вовсе въ другомъ мѣстѣ. Вернувшись, я нашла огромную переѣмку въ декорацияхъ, и разозлилась еще болѣе. Оказалось, что Дикъ покачивается, сидя на треногомъ стулѣ, на четверть аршина разстоянія отъ Долли; она же, положивъ вязанье на колѣни, и переливъ всю душу во взглядъ, впилась въ него глазами, и съ какимъ то меланхолическимъ выраженіемъ на лицѣ слушала довольно тривиальный анекдотъ изъ его вседневной жизни. Я поставила маленькій столикъ передъ мистриссъ Коксъ, положила на него книгу, и удалилась въ свой уголокъ, въ полной надеждѣ, что мой красивый рыцарь придетъ раздѣлить мое уединеніе. Собирался ли онъ это сдѣлать, или нѣтъ, составляетъ теперь въ нѣкоторомъ отношеніи историческій вопросъ, въ родѣ слѣдующихъ: какая переѣмка случилась бы въ исторіи Англій, если бы королева Елисавета вышла за Филиппа? или, что случилось бы въ нашемъ королевствѣ, если бы Ричардъ Кромвель былъ похожъ на своего отца? Что бы Ричардъ Мекъ-Грегоръ ни думалъ, Долли предупредила исполненіе его плана.

— Мистриссъ Коксъ! воскликнула она, падая вдругъ на колѣни, въ прелестной позѣ отчаянія передъ этою близорукою, курносою леди, которая держала почти педь носомъ одно изъ художественныхъ произведеній моей сестры, какъ бы желая обонять его достоинство. — Ахъ, мистриссъ Коксъ, мнѣ никогда въ голову не приходило, что бы вы дали себѣ трудъ разсматривать съ такимъ вниманіемъ мои бездѣлки! Вѣдь тутъ столько же ошибокъ, сколько звѣздъ на небѣ... Мнѣ слѣдовало бы запретъ ихъ куда нибудь подальше. Майоръ Мекъ-Грегоръ (почтительно, нѣсколько дрожащимъ голосомъ) нельзя ли вамъ потрудиться, если вы только можете быть на столько любезны, взять вотъ этотъ эскизъ, и поддержать его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мистриссъ Коксъ. Вотъ такъ! Благодарю васъ! Отлично! Ахъ, какой вы добрый!

Несчастная мистриссъ Коксъ шагиваетъ впередъ, шуритса,

силится разсмотрѣть, и видать только какія то синія, зеленныя и желтыя пятны.

— Гмъ! гмъ! да, да! говорить она, не зная что именно слѣдуетъ сказать. Какое освѣщеніе! Какъ вы отлично расположили свѣтлую тѣнь на темныхъ горахъ.

— Это не тѣнь, мистриссъ Коксъ, это бѣлая корова, нѣжно поправляетъ ее Долли.

Мистриссъ Коксъ сидитъ спиною ко мнѣ, но, по колебанію ея огромнаго голубаго пера на шляпкѣ, я вижу, что она сконфужена. Я глупо улыбаюсь.

— Мнѣ совѣстно васъ обременять такъ долго, маіоръ Мекъ-Грегоръ, говорить Долли съ какою то робостію, желая показать, что она не привыкла говорить съ незнакомыми. Нелли мастерица показывать картины знатокамъ, но сегодня она что то не хороіщо себя чувствуетъ, отъ жары ли или отъ чего другаго, не знаю.

— Я очень хорошо себя чувствую, коротко и рѣзко возражаю я.

— Въ самомъ дѣлѣ, душа моя? очень рада, что я только ошиблась. Видите, маіоръ Мекъ-Грегоръ, вы у насъ единственный кавалеръ, вотъ ми всѣ и вольничаетъ надъ вами; не такъ ли, мистриссъ Коксъ? Кроткіе глаза газели ищутъ его въглядая съ какою то жадною робостію, затѣмъ быстро опускаются, и яркій румянецъ покрываетъ бархатныя щеки миссъ Долли. Дитъ, конечно, протестуетъ, что для него нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ, вытянувъ руки, держать акварели по цѣлымъ часамъ передъ глазами знатоковъ. Онъ, можетъ быть, и лжетъ въ эту минуту самымъ безсовѣстнымъ образомъ, но зато дѣлаетъ это такъ ловко, что его слова легко можно принять за истину. Я, между тѣмъ, кусаю свои ногти, свой карандашъ, и рада укусить каждаго, кто попадетса. Акварелей было омоло ста; надъ каждою изъ нихъ мистриссъ Коксъ считала своею обязанностію произнести свое сужденіе. Наконецъ, дошли до послѣдняго рисунка, и наши гости поднялись, что бы уѣхать. Мнѣ вдругъ блеснула смѣлая мысль; удержать меня никто не посмѣетъ; я закусила удила. Я рѣшилась отпереть сама выходную дверь, и проводить до нея гостей.

— Нелли, милая, воркуетъ сестрица; потрудись позвонить, что бы Коллинсъ отперъ двери.

— Не хочу, отвѣчаю я со злобою, я не позволю. Я сама отпру двери.

Дневъ въ эту минуту смотрѣлъ на Долли, и она не рѣшилась отгрызнуться; но мнѣ сдается, что она записала мою выходку въ свою памятную книжку. Что бы ни было, а я дѣло выиграла; побѣдила и отперла дверь; пока Долли оставалась во внутреннихъ комнатахъ. Мистриссъ Коксъ прошла первая, и пройдя догадалась не оглянуться.

Дакъ умѣрилъ шагъ, и, пользуясь тѣмъ, что широкій заступокъ мистриссъ Коксъ обращенъ былъ къ намъ, всталъ мое лице въ обѣ свои широкія руки.

— Неудача! полная неудача, Нелли! связалъ онъ грустно. Мы пяти словъ не успѣли перевинуть сегодня.

— Да, связала я, и мое лице дрогнуло. Теперь вы, пожалуй, никогда больше говорить со мною не станете. Долли не даромъ пріѣхала.

— Преваль ея возьми, возразилъ онъ непоколебительно. Мы съ нею сумѣемъ сладить, если она намъ мѣшать задумаетъ! но она этого не сдѣлаетъ, повѣрь мнѣ. У нея, какъ видно, доброе сердце; она еще намъ поможетъ.

— Я знавала голову.

— Ноцѣлуй меня, моя красавица, одинъ разъ только, на дорогу. Никто не увидитъ.

— Наши губы слились: радостно, страстно. Трудно было раставаться.

— Еще разъ, Нелли!

— Довольно, довольно! Мистриссъ Коксъ обернется.

— Мистриссъ Каксъ ни за что не обернется; она порядочная женщина, и въ чужія дѣла носа не сунетъ.

— Праве, довольно! говорила я, смѣясь и отбиваясь отъ его объятій; ступайте лучше, отперите ей ворота.

— Сію минуту, сію минуту! Нелли, не спиши, Бога ради, вѣдь ты чудо какъ мила сегодня! Щечки только блѣдны, нащипать ихъ нужно хорошенько, что бы покраснѣли.

— Омъ у мѣни всегда блѣдныя, румянецъ былъ бы нестати.

— Дѣлать нечего: нужно примириться съ ними, какъ онѣ есть. Куда ты приделаешь, Нелли, сегодня вечеромъ, что бы встрѣтиться съ мною?

— Я пристально вглянула на него, и не могла оторваться отъ его безподобнаго лица. Въ эту минуту, я могла бы за нимъ всюду, въ тюрьму, на вѣсели, въ петлю, пожалуй, могла бы. Но вдругъ дверь изъ передней тихо отворилась, и Дневъ спустился.

мою руку, точно обжогъ себѣ пальцы. Входить Долли, ясная, невозмутимая, какъ благодѣтельная фея.

— Я думала, сказала она мягко, обращаясь къ Ричарду, что это ваша палка, и что вы ее забыли у насъ.

И съ этими словами она показала ему трость, служившую отцу для прогулокъ лѣтъ двадцать сряду. Она очень хорошо это знала.

— Благодарю, благодарю! палка не моя. Я взялъ свою съ собою. Однако, что же это я на жарѣ васъ держу, прощайте! И, сказавъ это, Ричардъ убѣжалъ. Бѣшенство и ненависть къ сестрѣ закипѣли у меня въ груди.

— Ты знала, что это не его палка, Долли! сказала я сдержанно.

Она пожала плечами.

— Что же? а если бы и такъ? Что же изъ этого? Одна хитрость стоитъ другой! Ты схитрида дверью, а я палкою, мы квиты, чего же больше?

Въ цѣлый вечеръ послѣ этого, я не только не сказала ни слова съ Долли, но даже не удостоила взглянуть на нее.

ГЛАВА XIII.

.....Ибо зима уже прошла, дожди миновали, цветы на землѣ показались, наступила тѣсной пора, и голосъ горлицы слышенъ въ землѣ нашей (Пѣснь Пѣсней Соломона, глава II, стихъ 11 и 12). Псалмовъ въ разговорѣ не принято употреблять, но я не могу удержаться, что бы не привести эту великолѣпнѣйшую, повѣстическую пѣснь любви. Самыя слова ея дышатъ весною. Весна на дворѣ, весна въ моемъ сердцѣ, воркованіе горлицъ отзывается въ каждомъ моемъ чувствѣ. Свѣтъ такъ хорошъ! «Господи! хвала тебѣ за жизнь, дарованную намъ», декламирую я, переходя, безъ церемоніи, отъ Пѣсни Пѣсней, Соломона, къ стихамъ Смита. Въ тотъ день, о которомъ я вспоминаю, я была въ состояніи читать наизусть цѣлые томы стихотвореній. Проза не удовлетворяла меня; это пыльная дорога, въ сравненіе съ роскошнымъ лугомъ. Я высунула голову изъ окна убор-

ной, протянувъ свою длинную шею сквозь рѣшетки, (у насъ въ этой комнатѣ были желѣзныя рѣшетки въ окнахъ), и жадно вдыхала ароматическій майскій воздухъ, настоящій bouquet de printemps, который составилъ бы славу какихъ нибудь Любена или Легранда, если быони ухитрились выдумать духи, подобныя ему. «Господи! благодарю Тебя за жизнь!» повторила я снова съ глубокимъ благоговѣнiемъ, и облокотилась подбородкомъ на руки.

— Ты благодарить Бога за жизнь? спросила вдругъ Долли, сидя за столомъ, и перелистывая модный журналъ. Неужели? Немногимъ же ты довольна. Жизнь въ такомъ старомъ баррактѣ, какъ нашъ домъ, безъ денегъ и ни съ чемъ впереди, едва ли можетъ возбудить восторженное состоянiе въ человѣкѣ. Отъ этого произойдетъ скорѣе стонъ и скрежетъ зубовъ!

— Будь я на твоемъ мѣстѣ, Долли, я поостереглась бы скрежетать зубами, замѣтила я ѣдко (насмѣшка надъ сестрою была опаснымъ для меня оружиемъ, потому что обыкновенно я сама же себя имъ ранила, но сегодня я не удержалась). Ты можешь сломать себѣ зубы, и тогда твои фонды сильно упадутъ на житейскомъ базарѣ!

— На житейскомъ базарѣ? скажите! возразила Долли, отрываясь нехотя отъ описанiя «toilette de promenade». Эта несчастная никогда базара не видала, и завидуетъ мнѣ! Рви, сдѣлай милость, себѣ зубы, домай ихъ сколько хочешь, отъ этого никто въ потерѣ не будетъ. Увы! для такихъ чушекъ, какъ ты, нѣтъ даже покупателей въ нашей глуши!

— Зачѣмъ, скажи Бога ради, ты всегда возвращаешься въ эту глушь, надъ которою такъ смѣешься? кто тебя проситъ? кому ты нужна? кричала я, въ досадѣ вытаскивая свою голову изъ рѣшетки, и страшно обдирая себѣ уши.

— Вѣдь нужно же, время отъ времени, возвращаться домой, возражаетъ покойно Долли (она никогда не кричитъ; это по ея мнѣнiю mauvais ton). Иначе люди могутъ сказать, что я изгнана изъ родительскаго дома за дурное поведенiе, или что мой отецъ въ тюрьмѣ, или что я подвидышъ; мало ли что можно насплетничать?...

«На что намъ праздники, на что палаты?

Спокойный уголъ свой—я мы богаты!...»

напѣваю я громко, будучи не въ силахъ сладить съ своимъ поэтическимъ настроенiемъ.

— Что касается до палатъ и дворцовъ, замѣчаетъ Долли, то они не по моей части, развѣ когда меня возьмѣтъ къ епископу, въ комитеты распространенія Евангелія, обращенія негровъ и т. п. Но что касается до праздниковъ и баловъ, то отчего намъ не повеселиться? Ты правду сказала: свой спокойный уголокъ лучше всего на свѣтѣ, и потому, если не обращать вниманія на не-окрашенныя стѣны нашего дома, на черезчуръ неизысканную кухню и на совершенное незнаніе грѣлокъ для постелей, этого вѣрнаго признака цивилизаціи; если не обращать на все это вниманія, то наша баронская резиденція, безъ сомнѣнія, можетъ считаться единственною въ своемъ родѣ. Ты кощунствовала, безсовѣстно кощунствовала, воспѣвая ее!

— Какъ воскликнула я, вытягиваясь во весь ростъ и заикаясь отъ желанія скорѣе высказаться; какъ и ты ставишь окраску стѣнъ, хорошей столъ и грѣлки (я начинаю горячиться) выше чести, выше славы героевъ Кресси! И д'Ажанкура (далѣе мои историческія свѣдѣнія не распространяются) ты ставишь выше всего этого?... Не понимаю!...

— Пустяки всѣ эти д'Ажанкуры, Кресси!.. Ну, что намъ за прибыль въ томъ, что 400 лѣтъ тому назадъ толпа грубыхъ солдатъ переколола такую же толпу неприятелей! Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно, а ты осталась такимъ же пугаломъ, какъ и была.

— Ты всетаки имѣешь полное право сказать, что ты не простаго происхожденія, возразила я гордо.

— А интересно бы слышать, продолжала Долли, вытягивая свои херошенькія ручки и зѣвая,—Боже мой! какъ въ эту жару спать хочется!—интересно бы слышать: есть ли у этого храбраго рыцаря, какъ его тамъ зовутъ, ну, да тотъ, что вчера и у насъ былъ... есть ли у него предки?

— Пропастъ! прервала я ее послѣшно, и отвернувшись, боюсь, что бы сестра не взглянула мнѣ въ лице. Затѣмъ, мнѣ пришло въ голову, что я очень необдуманно поступила, увѣряя ее въ томъ, въ чемъ сама не была убѣждена. Очень могло статься, что Мекъ-Грегоръ также мало зналъ исторію своего дѣда, какъ и его пріятель Коксъ.

— А ты почему все это знаешь? спросила Долли, развѣ онъ таскаетъ муміи своихъ предковъ всюду за собою?

Я громко расхохоталась.—Нѣтъ, я этого не видала, но вѣдь и мы сами не можемъ передать съ точностію біографіи на-

*

шихъ предковъ. Я полагаю, что Мекъ-Грегоръ хорошая фамилія... то есть.... что это историческое имя.

— Что касается до исторіи, то чего тебѣ лучше фамилія Сохе? (Коксъ) *) Первые Cocks, пѣтухи, вышли съ Ноемъ изъ ковчега, они клевали зерна, и пѣли на вершинахъ горы Арарата.

Я прижимаю свою щеку, которая багровѣетъ не хуже пѣтушиного гребня, къ желѣзной рѣшеткѣ огня, и замѣчаю почти-тельно:—Ну, а помнишь, что сэръ Вальтеръ Скоттъ говорить?

— Да, вотъ что! возражаетъ Долли, сложивъ свои хорошенькія губки такъ, какъ будто бы она собиралась свистнуть (она, впрочемъ, удержалась). Скажите! Такъ это Робъ-Рой, знаменитый разбойникъ! Надобно велѣть осмотрѣть нашихъ коровъ и свиней; онъ, пожалуй, соблазнится ими, что бы доказать свое происхожденіе!

— Я вѣдь не говорю *навѣрное*, скромно прервала я сестру; я ничего не знаю, но это такая оригинальная фамилія... такая звучная.... И я умоляла, спутавшись окончательно.

— Не думаю, что бы онъ былъ *изъ важныхъ*, продолжала сестра, все въ томъ же презрительномъ тонѣ (она взяла карандашъ и стала чертить какія то рожи на клочкѣ бумаги); иначе онъ не жилъ бы у Коксовъ. Коксы лѣзутъ вверхъ: это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что мы полземъ внизъ; но они еще недостаточно оперлись для этого. Имъ нужна подставка; вотъ они и ищутъ раззорившихся дворянъ древняго рода, что бы помощію ихъ плечъ подняться повыше. Ловкіе люди, нечего сказать!

— А развѣ ты забыла, что лордъ Фремptonъ обѣдаетъ часто у Коксовъ, сэръ Гуго Ланкастеръ точно также, вскричала я съ жаромъ. Дорого дала бы я за возможность держать въ эту минуту въ рукахъ родословную Ричарда, что бы имѣть право швырнуть ее надменно на столъ, подъ самый носъ недовѣрчивой Долли.

— Фи! возразила сестра, однимъ уже этимъ словомъ уничтожая меня окончательно. Сэръ Гуго такой кутила, что готовъ быть за панибрата съ каждымъ мелкимъ адвокатомъ въ Нантфордѣ, а лордъ Фремptonъ очень хорошо помнитъ, что выборы въ члены парламента биваютъ черезъ каждые семь

*) Тутъ есть непереводаемый казанбуръ: фамилія *Сохе* выговаривается какъ *Cocks*—пѣтухи.

лѣтъ, слѣдовательно онъ съ радостію поѣдетъ обѣдать даже къ старому Нику, лишь бы тотъ подалъ свой голосъ за его втораго сына. Но обѣдъ—дѣло выходящее изъ ряда. Человѣкъ, это образованное животное, имѣетъ одного руководителя—желудокъ. Старое бургундское и изящный столъ стоять, я думаю, того, что бы нарушить иногда строгія сословныя преграды. Но *этотъ* господинъ, какъ видно, въ домѣ Коксовъ считается домашнимъ другомъ.

Молчаніе водворяется въ комнатѣ, Долли продолжаетъ чертить каррикатуры (она такая искусница въ нихъ), а я сижу, кусая ногти, и ломаю себѣ голову: какое привести бы доказательство тому, что Дигъ не интимно знакомъ съ Коксами, что все-му причиною его доброе сердце, или приличіе, или, наконецъ, дѣла. Но фактовъ у меня нѣтъ подъ рукою, и я ограничиваюсь слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Долли! говорю я, вѣдь онъ самъ находитъ, что Коксы люди нехорошаго тона; онъ мнѣ какъ то, смѣясь, сказалъ, что у мистриссъ Коксъ страшная слабость къ родословной пэровъ Англій.

— А что въ это сказать? возразила Долли. Какой признакъ дурнаго воспитанія! Уже по этому одному видно, какого низкаго происхожденія долженъ быть этотъ человѣкъ, если онъ рѣшается проводить цѣлыя недѣли въ домѣ какого то торговца, и послѣ этого позволяетъ себѣ злословить, за глаза, семейство, гдѣ его ласкаютъ, какъ ручнаго кота. Я положительно утверждаю, что онъ не *rig sang!*

Маіоръ Мекъ-Грегоръ не можетъ быть *неправъ*, шепчетъ мое неутомимое сердце, и я, всплывъ окончательно, начинаю кричать на сестру:—Неправда, онъ ничего не злословилъ; онъ сказалъ только, что мистриссъ Коксъ любитъ толковать о родословныхъ пэровъ: это все равно, что сказать о тебѣ, что ты страстно любишь наряды, свѣтъ, удовольствія; развѣ это злословіе? Это только передача истиннаго факта.

— Я думала, отвѣчала миссъ Летранжъ очень спокойно, что ты разразилась этою громкою рѣчью, съ цѣлію доказать, что онъ не интименъ въ домѣ Коксовъ. Если тебѣ навѣрно извѣстно, что онъ не хотѣлъ злословить Коксовъ, ты все-таки мнѣ ничѣмъ не доказала древняго происхожденія его рода.

Цвѣты душистой полевой жимолости обдавали нашу комнату своимъ ароматомъ, а смѣлыя вѣтки ея такъ и лѣзли къ намъ

въ окно. Глядя на это популярное въ Англии растеніе, которое одинаково роскошно, и въ саду богача, и въ бѣдномъ цвѣтникѣ фермера, я невольно забыла сословные предразсудки, и примирилась съ скромнымъ происхожденіемъ Дика.

— А Робъ-Рой, кажется, недавно здѣсь на сценѣ, начала опять Долли. Мнѣ помнится, что въ мое время наша глушь не была осчастливлена его присутствіемъ. Онъ вѣроятно разбойничалъ тогда на своей родинѣ. Ты давно съ нимъ знакома?

— Д...да.... то есть.... не очень давно.

— А какъ?

Ну, какъ мнѣ было сказать ей? Судя по чувству, мнѣ казалось, что мы знакомы сотни лѣтъ; судя же по глупому людскому календарю, всего недѣлю, или двѣ.

— Да, мнѣ кажется, недѣли двѣ будетъ, отвѣтила я съ разстановкою. Я отвернула голову, но чувствовала, что Долли опустила свою изящную работу, и смотрѣла на меня въ упоръ. Одна моя надежда была на то, что въ настоящую минуту Долли, несмотря на все свое искусство изучать физиономію ближняго, не будетъ въ состояніи разсмотрѣть степени моего волненія. Передъ ея глазами были только спинка моего платья изъ небѣленаго полотна и огромный узелъ красныхъ волосъ.

— А гдѣ именно, позвольте спросить, продолжала Долли съ лукавою усмѣшкою, встрѣтился храбрый рыцарь съ знаменитою красавицею?

«Мы встрѣтились на балѣ, подавъ другъ другу руки,
Онъ крѣпко сжалъ мою, я отвѣчала тѣмъ же!..»

Такъ, что ли, у васъ было?—Я съ достоинствомъ молчу.—Нельзя ли, милое дитя, сдѣлать мнѣ одолженіе, и повернуть свою физиономію сюда, ко мнѣ; вѣдь вы не Янусъ, надѣюсь!

Меня съ дѣтства приучали повиноваться слѣдующимъ правиламъ:

«Иди—куда скажутъ,
Дѣлай—что прикажутъ,
Двери за собою запирай,
Что бы тебѣ не былъ нагоняй!»

Ну, послѣднее то невѣрно: нагоняи мнѣ давались безпрестанные, поэтому повиноваться я привыкла.

— Гдѣ вы встрѣтились? настойчиво спрашивала сестра.

— На кладбищѣ, отвѣтила я тихимъ, робкимъ голосомъ, считая святотатствомъ отдавать чистую тайну нашей первой встрѣчи на поруганіе Долли.

— Какъ! свиданіе на кладбищѣ? Что же это такое? Развѣ старый Эйкенъ уступилъ ловкому шотландцу свой передникъ и заступъ, что бы тотъ заработалъ себѣ честный пенни, копя могилы?

«Пусть бы онъ тебѣ выкопалъ могилу, да тебя въ нее зарылъ бы», думаю я просебя. Будь самый миролюбивый человекъ на моемъ мѣстѣ, и тотъ не выдержалъ бы моей пытки!

— Это случилось въ воскресенье? спросила Долли.

— Нѣтъ.

— Такъ какимъ же ты способомъ попала на кладбище?

— На ногахъ пришла.

— Ахъ, какъ остро! Смѣю спросить, кто же представилъ Sandy *); его имя Sandy, неправда ли? Кто же представилъ Sandy его Нелли?

— Никто.

— Неужели? Впрочемъ, пріятель Коксовъ вѣроятно считалъ это ненужнымъ. Я думаю, что въ кругу ситцевыхъ фабрикантовъ представленіе считается совершенно лишнимъ общественнымъ стѣсненіемъ.

Бѣшенство душило меня, но я старалась сдерживаться.

— Воображаю эту сцену! говорила Долли, закидывая свою маленькую головку на подушки дивана, и разсматривая меня изъ подъ полузакрытыхъ вѣкъ; воображаю, какъ она была мила. Увидѣвъ другъ друга, вы вѣрно воскрикнули въ одинъ голосъ, и винулись одинъ къ другому въ объятія!..

Эти слова превзошли всякую мѣру терпѣнія.

— Лжешь! крикнула я, соскочивъ съ окна и топая ногами, мы этого никогда не дѣлали, а если бы даже это и случилось, то мы у тебя не стали бы спрашивать позволенія. Кидайся сама на шею, кому хочешь, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Я уже конечно тебя не остановлю. Я еще помогу, лишь бы отъ тебя избавиться, хотя, по правдѣ сказать, самъ сатана затруднился бы, какъ тебя проучить за насмѣшки надъ людьми, у которыхъ ты недостойна развязать ремень на ногахъ!.....

*) Тутъ есть опять непереводимый казамбуръ. *Sandy* есть сокращенное имя Александра, и словомъ *Sandy* (санди) называется также песочный дѣтъ волосъ.

Я до того разозлилась, что не могла принскать лучшаго выраженія для этого случая, хотя читателю вѣроятно извѣстно, что Дикъ не носилъ никогда сандалій. Долли широко раскрыла свои темные глаза, обыкновенное выраженіе которыхъ годилось бы только въ сераль любого паши. Быть *оборванною*, какъ выражаются горничныя, сестра не привыкла.

— Довольно! замѣтила она холодно. На дворѣ слишкомъ жарко для такихъ стычекъ. Притомъ, я тебѣ совѣтую не очень топтать по гнилому полу: легко можетъ случиться, что ты провалишься, попадешь въ погребъ, и очутишься, въ граціозной позѣ, въ пустой винной бочкѣ.

Я начала утихать понемногу, какъ море послѣ бури.

— Право, Нелли, я думала, продолжала серьезно Долли, совершенно измѣняя интонацію голоса, что ты умѣешь понимать шутки. Неужели ты могла предполагать, что я подозреваю дочь Летранжа въ фамилярныхъ сношеніяхъ съ какимъ нибудь протеже Коксовъ. Никогда! Правда, что мы въ свѣтѣ не можемъ стоять на прежней высокой точкѣ, но унизить и стереть насъ совершенно никто не въ состояніи. Конечно, въ послѣдствіи, поколѣнія черезъ два, если наши средства не улучшатся, надъ нашимъ родомъ можетъ сбыться пророчество: «что люди, одѣтые въ виссонъ и бархатъ, облеклись въ рубище», но тогда я считала бы это карою судьбы!

Я молчу, сознавая въ тайнѣ, что пророчество начинается уже сбываться.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжала сестра, слегка обмахиваясь листкомъ объявленій газеты «Times», нужно, что бы все дѣлалось въ порядкѣ: пѣтухи пусть родятся съ курами, а Летранжи съ родовыми дворянами. Если этотъ господинъ такъ пришить къ юбкѣ мистриссъ Коксъ, если онъ ходитъ и ѣздитъ всюду за нею, то, повѣрь, тутъ кроется своя причина: онъ вѣрно помолвленъ съ Амарилією, и бѣлая ность его (нужно, впрочемъ, хорошенько еще увѣриться, точно ли онъ бѣлая ность) смѣшается съ нею положительно черною ностью.

— Онъ Амарилію даромъ не возьметъ! вскричала я, возмал ногти своей правой руки въ ладонь лѣвой.

— Гмъ! возразила Долли, цинически пожимая плечами, годной собагѣ всякой кормъ по зубамъ, а приданнымъ Амариліи можно очень хорошо поправить разоренный клочекъ земли, которыми онъ владѣетъ гдѣ нибудь въ углу Шотландіи.

— Ты видно на днѣ моря видишь больше, чѣмъ другіе! возразила я колко.

— Неправда, я вижу только то, что у меня подъ носомъ дѣлается. Оборони Богъ, что бы я стала когонибудь сватать; предоставляю это вульгарное занятіе людямъ празднымъ. Но въ этой глуши такая смертная тоска, развлеченія ровно никакого нѣтъ: поневолѣ станешь интересоваться чужими дѣлами.

— Интересоваться ими, пожалуй, можно, но выдумывать клеветы на другихъ, я никогда не рѣшилась бы, возразила я съ негодованіемъ, и, боясь сдѣлать новый промахъ, медленно повернула въ темныя двери, и исчезла въ первой залѣ.

ГЛАВА XIV.

Слово *природа*, по моему мнѣнію, звучитъ очень сухо и непривѣтливо; это какое то отвлеченное понятіе, далеко не напоминающее намъ зеленыхъ полей, луговъ, коровъ, жеребятъ, рѣкъ и лѣсовъ, этихъ настоящихъ представителей природы. Но пока нашъ бѣдный языкъ не подобралъ еще лучшаго выраженія, я должна довольствоваться и этимъ. Итакъ дорогая мать природа всетаки въ тысячу разъ милѣе многихъ образчиковъ человѣческой породы. Люди ей страшно надобаютъ, то хвалебными гимнами, то упреками зато, что она не сочувствуетъ вздохамъ тощихъ бардовъ. Это несправедливо: она конечно не вдыхаетъ съ ними, но она искренно сочувствуетъ имъ. Она не портитъ своего прекраснаго образа, не обливается слезами, когда мы умираемъ—это такъ; да и къ чему? Она знаетъ очень хорошо, что и ея конецъ наступитъ когданибудь. Когда мы умираемъ, природа съ нѣжностію принимаетъ насъ, какъ мать дитя, въ свои гѣдра, и одѣваетъ свѣжимъ, душистымъ покровомъ земли. Зато при жизни—что это за милнй товарищ! она никогда не сентиментальничаетъ, всегда внимательно слушаетъ, что бы мы ни говорили; никогда не противорѣчить, не даетъ наставленій, словомъ не умничаетъ. Такъ думала я однажды, утромъ, снимая свою старенькую шляпу, цѣною въ 7½ пенса, служив-

шую три лѣта сряду, съ вѣшалки, и отправляясь чрезъ людскія въ кухню. Потолокъ въ кухнѣ былъ съ переводами, печка огромная. Тоненькая голубая струйка дыма вилась изъ трубы, потому что не стоило разводить большаго огня для скромной нашей трапезы. Времена переменялись съ тѣхъ поръ, какъ въ замкѣ Летранжъ жарили цѣлыхъ быковъ и варили октябрское пиво. Когда послѣдняя представительница дома Летранжей вступила въ совершеннолѣтіе, то кажется и цыпленка не нашлось для чествованія этого дня. Не велика бѣда! Съ нами изсякнетъ нашъ родъ, а тамъ будь, что будетъ!

Я нашла мистриссъ Смитъ сидящею у окна, на солнышкѣ, передъ горшкомъ съ апельсиннымъ деревомъ, которое она выростила при помощи кухонной атмосферы. Старушка лушила бобы, ссыпая ихъ въ рѣзное блюдо изъ ивы. Видно дѣла плохи, если уже къ завтраку готовить свинину и бобы. Бобы ничего не стоятъ, а свинина очень мало: не мудрено, если эти продукты составляютъ почти ежедневный нашъ столъ. Я остановилась передъ мистриссъ Смитъ, и простояла передъ нею минуты двѣ въ глубокомъ молчаніи. Предполагая, что я, какъ привидѣніе, ожидаю вопроса, старушка подняла свое добродушное лице и спросила:

— Вамъ видно скучненько сегодня, голубушка моя? Папа то вашъ уѣхалъ. Дай ему Господи благополучнаго путешествія! я что то не довѣряю желѣзнымъ дорогамъ. А миссъ Долли что? Она, кажется, вамъ не товарищъ?

— Нѣтъ, отвѣтила я коротко, взявъ нустый бобъ и внимательно разсматривая его сердцевину; да мнѣ и не нужно обшества. Затѣмъ я удалилась, оглянувшись еще разъ на освѣщенную яркимъ солнцемъ старушку, въ чистомъ бѣломъ чепчикѣ, съ полинялыми пунцовыми лентами, на ея блюдо съ блѣднорозовыми бобами и на тощее апельсинное дерево. Я прошла черезъ дворъ, гдѣ толстая, свѣжая кухарка съ красными руками стирала что то въ корытѣ. Недалеко отъ нея нашъ домашній котъ дремалъ, сидя около стѣны дома, и обвивъ хвостомъ свои лапки. Старый плутъ прищурилъ одинъ глазъ, а другимъ внимательно слѣдилъ за безпечною, едва оперившеюся, глупою птичкою, которая порхала по вѣткамъ березы прямо надъ нимъ. Мнѣ рѣшительно нечего было дѣлать. Вороты, выходящія на нашъ сѣновосный лугъ, были отворены; я пошла туда. До сѣновоса оставался еще цѣлый мѣсяцъ. Тог-

да трава и цвѣты обращаютъ лугъ въ душистый букетъ. Я очень люблю наблюдать, изъ своей комнаты, какъ рано на зарѣ длинный рядъ косцовъ дружно взмахиваетъ косами. Въ полдень являются ихъ жены съ вилами, и здоровыми, загорѣлыми руками начинаютъ сгребать, воротить и метать душистое сѣно въ копны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я сама умѣла отлично складывать копны; но мой высокій ростъ и насмѣшки Долли положили конецъ этому изящному занятію. Несмотря на то, я должна признаться, что даже теперь, когда я вступила на поприще свѣтской барышни, обзавелась даже поклонникомъ, меня такъ и тянуло къ запрещенному плоду. Не обращая вниманія на вредъ, наносимый мною молодой травѣ, я легла на нее, вытянувшись во весь ростъ, и нѣжилась подъ тѣнію дикаго влѣна, который попалъ сюда какъ то нечаянно. Трава такъ высока, что покрываетъ меня на цѣлую четверть. Мошки выются вокругъ цвѣтовъ. Закинувъ руки за голову, я тихо лежу, такъ тихо, что маленькая голубая стрекоза садится мнѣ на грудь, и то свертываетъ, то развертываетъ свои прозрачныя крылушки подъ лучами яркаго солнца. Зеленныя мухи доврчиво жужжать около моего лица, и, летая, едва не задѣваютъ носа. Направо, черезъ поле, вьется дорога, на устройство которой, лѣтъ 50 тому назадъ, мой достойный дѣдъ, у котораго деньги текли какъ вода, истратилъ сотни фунтовъ, но въ настоящее время по этой дорогѣ мало кто и ходитъ. Въ настоящую же минуту положительно никого не видать: полдень тихъ какъ полночь.

Я лежу, не шевелясь, и, псднявъ глаза, разсматриваю голубое небо, которое видно сквозь густую листву. Моимъ глазамъ становится больно отъ солнечнаго свѣта; я поворачиваю голову на бокъ. Пчела принимаетъ мой глазъ за цвѣтокъ, и показываетъ намѣреніе сѣсть на него. Это очень лестно, но, что бы предупредить ея любезность, я закрываю оба глаза. Когда человѣку спокойно лежать, когда у него на душѣ нѣтъ преступленія, и когда майскій день жарокъ, вѣтра нѣтъ, а глаза закрыты, результатъ остается одинъ—заснуть, что я и дѣлаю. Богъ знаетъ, что я за сумбуръ вижу во снѣ; но вдругъ я просыпаюсь, и, вздрогнувъ, вскакиваю. Передъ мною стоитъ человѣкъ, это не Дикъ, не сэръ Гуго: имъ нечего дѣлать на нашемъ лугу; нѣтъ, это просто маленькій плѣшивый стари-

чекъ, словомъ Коллинсъ, въ полосатой полотняной курткѣ и вообще въ домашнемъ неглиже, въ которомъ онъ имѣетъ привычку щеголять послѣ обѣда.

— Какъ вы меня испугали! говорю я.

— Позвольте, мамъ (Коллинсъ, какъ благовоспитанный дворецкій древняго дворянскаго рода, не смѣлъ никогда называть меня миссъ); позвольте, мамъ: у насъ въ библиотекѣ сидитъ какой то господинъ, и миссъ Летранжъ послала меня доложить вамъ объ этомъ: пожалуйста къ нимъ.

— Какой же это господинъ? вскричала я, какъ новая Миронда, у которой знакомыхъ мужчинъ были только двое: ея папа и прелестный Калибанъ. И зачѣмъ это миссъ Летранжъ за мною послала?

— Да-съ, онѣ приказали васъ искать, гдѣ только возможно. (Ну! это навѣрно Дикъ, сказала я просебя. Спасибо же тебѣ, Долли, ты лаешь только, но не кусаешься).

— А какъ фамилія этого господина? спрашиваю я, желая убѣдиться въ истинѣ.

— Извольте видѣть, я вышелъ, когда они пріѣхали. Ганна отворила имъ дверь, и она влинется, божится, что это самъ сэръ Гуго Ланкастеръ.

— Сэръ Гуго Ланкастеръ! воскликнула я съ непреодолимымъ отвращеніемъ: зачѣмъ же вы раньше мнѣ этого не сказали?

И я опять повалилась на траву.

— Ступайте, Коллинсъ, я не приду.

— Позвольте, мамъ, а какъ же миссъ Летранжъ?

— Мнѣ что за дѣло до миссъ Летранжъ. Скажите, что вы меня не нашли.

Коллинсъ въ смущеніи удаляется, и какъ только его лысая голова и широкія плечи исчезаютъ за угломъ, я перемѣняю намѣреніе. «На безрыбьи и ракъ рыба, а живой человекъ, хотя не тотъ, котораго я хотѣла бы видѣть, всетаки лучше, чѣмъ ничего», рассуждаю я мысленно. Съ достоинствомъ, медленными шагами, отправляюсь я къ дому, и вхожу въ библиотечку съ видомъ дерзкаго равнодушія.

— А! а! вотъ и вы наконецъ, восклицаетъ весело сэръ Гуго, вскакивая съ мѣста. Прекрасно!

У него какая то особенная интонація голоса, ему одному свойственная. Сэръ Гуго прозванъ «весельчакомъ», какъ Адамъ Видъ почтеннымъ. Гуго напоминаетъ героевъ Диккенса. Онъ

олицетвореніе веселія, здороваго, искренняго веселія, которое согрѣваетъ человѣка, какъ хорошій огонь въ морозное утро. — Коллинсъ нашель тебя? спрашиваетъ Долли. — Конечно, иначе зачѣмъ же бы я пришла, говорю я, надувшись.

Долли никогда не дуется въ обществѣ. Она хорошо помнитъ правило, *de laver son linge sale à la maison*, и не угощаетъ имъ знакомыхъ.

— Гдѣ ты была?

— На лугу. Я спала, а онъ разбудилъ меня. Я такъ испугалась. (Я снова надуваю губы.)

— Вы наслаждались сестрою? спрашиваетъ Гуго; отличная вещь въ такую жару. Изнемогаешь отъ нея, право! Мой управляющій, который очень вѣрно предсказываетъ погоду, увѣряетъ, что на дняхъ будетъ непременно сильная гроза.

— Дай Богъ, томно возражаетъ Долли, по крайней мѣрѣ, воздухъ очистится, а то мы всѣ разстаемъ отъ жары.

— Я надѣюсь, что жары не будетъ, ворчу я сердито.

— А почему это? спрашиваетъ Гуго.

— Потому что я ее до крайности боюсь. Развѣ весело думать, что живой человѣкъ въ одну минуту можетъ почернѣть, какъ уголь, и умереть внезапно?

Сэръ Гуго оскаливаетъ свои передніе зубы, говорю свои, потому что они натуральные, а не вставные, и кохочетъ. Онъ смѣшливъ, какъ ребенокъ, сидящій въ пантоминномъ театрѣ.

— Оно, конечно, не весело быть убитымъ громомъ, особенно послѣ вашего описанія, но вѣдь эти случаи очень рѣдки, изъ милліона одинъ. Притомъ мнѣ странно слышать, что вы ничего ровно не боитесь.

— Напротивъ. Спускаясь въ погребъ, я всегда закрываю глаза. Правда, Долли?

— Я не могу подтвердить, что бы ты обладала *физическою* храбростію, возражаетъ Долли, слегка ударяя на слово физическою. Но по моему храбрость въ женщинѣ качество совершенно ненужное. Не всѣмъ же быть Юдьями или г-жами Роландъ; не такъ ли, сэръ Гуго?

Тотъ отвѣчаетъ, «конечно!» и разговоръ прекращается.

Сестра и я сидимъ рядомъ на диванѣ.

— Милое дитя мое, произноситъ Долли тѣмъ материнскимъ наставительнымъ тономъ, который заставляетъ старыхъ леди увѣрять, «что миссъ Летранжъ настоящая мать своей младшей

сестрѣ»; милое дитя мое, что это съ тобою сегодня случилось? Ты вся покрыта травой, вѣтками, пескомъ! Она у меня настоящая лѣсная нимфа, сэръ Гуго.

Сэръ Гуго колеблется: онъ боится и обидѣть сестру противорѣчіемъ, и разсердить меня согласіемъ; потому онъ молчитъ, но смотритъ такъ, какъ будто у него есть что то сказать, но онъ удерживается. Мы всѣ сидимъ насупротивъ окна, и Долли пристально смотритъ въ него. Вдругъ она встаетъ, и быстро, но граціозно, идетъ прямо къ окну.

— Не лучше ли намъ опустить стору? говоритъ она. Солнце такъ сильно печетъ послѣ обѣда. И, не дожидаясь нашего согласія, она опускаетъ её.—Нелли, продолжаетъ сестра, ты знаешь, какую неудачу потерпѣлъ сегодня сэръ Гуго? Онъ пріѣхалъ затѣмъ, что бы переговорить съ папа о малоросломъ шпалерникѣ грушѣ. Не заступишь ли ты мѣсто папа, что бы показать его сэру Гуго?

— А зачѣмъ ты сама не идешь? спрашиваю я грубо.

— Я? Она смѣется и пожимаетъ плечами. Ну что я понимаю въ шпалерахъ? Я совершенная неучъ по части садоводства.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я могу для этого пріѣхать въ другой разъ; зачѣмъ утруждать миссъ Элеонору, добродушно говоритъ сэръ Гуго, хотя внутренно, какъ страстный садоводъ, онъ чувствуетъ себя обиженнымъ. Человѣку невесело пріѣхать за дѣломъ, и отправляться ни съ чѣмъ. Я стараюсь помочь горю, вспомнивъ, какъ отецъ рѣзко меня остановилъ, когда я вздумала грубить сэру Гуго.

— Нѣтъ, мнѣ право все равно, возражаю я довольно сухо. Пойдемте!

— Пройдите черезъ садовую калитку: она отверена, говоритъ Долли, идя за нами, что бы убѣдиться, что мы послѣдовали ей совѣту.

— Отъ чего бы тебѣ съ нами не пойдти, Долли? спрашиваю я сестру. Гуго не прочь выразить то же желаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ (она сладко улыбается, напоминая актера въ роли благороднаго отца, который въ послѣднемъ актѣ драмы говоритъ, поднимая глаза къ небу: «Дѣти мои, благословляю васъ!»). Гдѣ двое, тамъ третій лишній; притомъ у меня отъ солнца голова болитъ. Мы уходимъ.

— Отчего ваши рододендроны такъ хороши, въ сравненіи съ

нашими? спрашиваетъ сэръ Гуго, нагибаясь надъ роскошными лиловыми цвѣтами, отчего это, скажите?

— Мы ихъ опилками удабриваемъ, отвѣчаю я, смотря внизъ на свои ноги, и удивляясь, какъ это мой спутникъ не замѣчаетъ, что на лѣвой ботинкѣ моей огромная прорѣха.

— А у васъ земля, какъ кажется, обрабатывается вплоть до дому?

— Да, какъ видите, отвѣчаю я со вздохомъ, не очень дорожа тѣмъ, знаетъ ли сэръ Гуго степень нашей бѣдности, или нѣтъ. Мы нѣсколько времени гуляемъ молча. Мнѣ кажется, что сэръ Гуго размышляетъ о томъ, какъ бы половче предложить денегъ бѣдному джентльмену Летранжу.

— Какое у васъ прелестное имѣніе! Какъ я желалъ бы перенести его поближе къ Вэнтворту.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчаю я нехотя.

— Да, право такъ! Видите ли, моя матушка очень дряхлѣетъ. Сюда ей ѣздить не подъ силу. Уже она далеко не такая дѣятельная, проворная, какъ была прежде. А мнѣ очень хотѣлось бы, что бы вы поворооче познакомились и сошлись съ нею.

Что бы я и леди Ланкастеръ сошлись? Да что же это такое? Меня послѣ этого не удивить, если онъ выразить желаніе, что бы я и герцогиня Кембриджская сдѣлались интимны; *bien obligée*; но едва ли эта дряхлая, окаменѣлая леди годится мнѣ въ подруги.

Гуго глядитъ вдаль. «Она до неприличія невинна», думаетъ онъ вѣроятно.—Вотъ бы хорошо было, если бы вы и ваша сестрица согласились переѣхать къ намъ въ Вэнтвортъ, пока сэра Адриана дома нѣтъ, говорить онъ; васъ, можетъ быть, моя матушка пугаетъ? не бойтесь ея, она хотя и рѣзка подчасъ на языкъ, да вѣдь старушки всѣ на одинъ ладъ.

— Да, старыя женщины всѣ почти сердитыя, сказала я съ увѣренностію. Впрочемъ, и пожилые мужчины также, поправились я.

— Но если вы соберетесь къ намъ, то приѣзжайте поскорѣе, продолжаетъ Гуго, между тѣмъ какъ мы вмѣстѣ топчемъ маргаритки, растущія подъ нашими ногами; черезъ двѣ или три недѣли старуха моя уѣдетъ въ городъ.

— Вы также съ нею уѣдете?

— Конечно, хотя эти поѣздки стоятъ у меня поперегъ горла. Разъѣзжать по улицѣ Сентъ-Джемсъ въ парадномъ костюмѣ,

толкаться на лѣстницѣ какой нибудь важной вдовствующей леди, все это не въ моемъ вкусѣ. Я лучше стану рѣпу сѣять, или сажать картофель. Проклятая яма этотъ Лондонъ! Сэръ Гуго былъ направленія буколическаго, какъ видите.

— Ахъ, какъ странно! воскликнула я съ наивнымъ удивленіемъ; а я напротивъ дорого дала бы за удовольствіе сѣздить въ Лондонъ, посмотрѣть Тоузэръ, музеумъ и особенно кабинетъ восковыхъ фигуръ. Лондонъ представлялся въ моемъ воображеніи чѣмъ то волшебнымъ. Сэръ Гуго покатился со смѣху.

— Создатель мой, что за оригинальное желаніе! Ну, стоитъ ли платить деньги за то только, что бы, проѣхавъ сто двадцать миль, пойдти любоваться на Рѣйша, *) Пальмера, **) Тоунлея ***) и другихъ, которые будутъ смотрѣть на васъ стеклянными глазами.

Я никогда не имѣла большаго уваженія къ своей мудрости, но, увидѣвъ, что мое послѣднее замѣчаніе возбудило насмѣшку, замолчала, и очень обрадовалась, когда мы подошли къ цѣли нашего путешествія, огороду. Я позвала къ себѣ на помощь старика садовника, который могъ смѣло записаться въ члены общества умѣренности, такъ скромень былъ его завтракъ, состоявшій изъ куска сыра и пучка лука. Я нѣсколько времени стояла подлѣ нихъ, лакомясь молодыми стручками гороха. Смѣшно было слышать, какъ сэръ Гуго и садовникъ выговаривали французскія слова на англійскій ладъ, называя разные сорта грушъ: *bons chretiens*, *beugrés d'Alambert* и пр. Вдругъ послышались шаги по алеѣ и два голоса: я оборачиваю голову; Гуго дѣлаетъ тоже самое.

— Э! да вонъ и сестрица ваша идетъ! говорить онъ. Кого это она подцѣпила? Какого то длиннаго верзилу! Ба! Да это г. Грегоръ, влянусь честью! я не зналъ, что вы знакомы.

*) Рейшъ анатомъ, родился въ Лейденѣ, докторъ анатоміи, профессоръ ботаники. Онъ знаменитъ разными анатомическими открытіями. Его кабинетъ купленъ Петромъ I. въ 1717 г.

**) Пальмеръ, знаменитый актеръ, родился въ 1741, умеръ въ 1784 на сценѣ Дрюиленскаго театра во время представленія *Misanthropie et Repentir* отъ горя, которое его поразило при вопросѣ: Здоровы ли всѣ ваши дѣти? Онъ потерялъ передъ тѣмъ сына.

***) Тоунлей (Чарльзъ), англійскій антикварій, родился въ 1737, умеръ въ 1805. Былъ богатъ, много путешествовалъ по Италіи и Греціи, и составилъ большой музей древностей, который теперь присоединенъ къ лондонскому.

Долли держитъ въ рукахъ сѣрый зонтикъ, на головѣ у нея повязана кружевная косыночка; она въ бѣломъ платьѣ, и идетъ скромно, опустивъ глаза: подумаешь, что она готовится къ конфирмаціи. Мекъ-Грегоръ тяжело двигается рядомъ съ нею.

— Что? Мекъ-Грегоръ! милый другъ, здоровъ ли ты? Я думала, что ты уѣхалъ отсюда недѣлю тому назадъ. Что это значить, что ты пропалъ? Маіоръ Мекъ-Грегоръ снимаетъ передъ мною шляпу. Я вѣрно въ опалѣ: мнѣ руки не протягиваютъ. — Я намекнулъ было, что хочу побывать у тебя, да онъ не догадался предложить мнѣ лошадь, а въ эту жару я не охотникъ до пѣшаго хожденія.

— А ты все еще между курочками?

— Да.

— Ну, какъ идутъ дѣла? что ситцевыя барышни, любезны ли? спрашиваетъ Гуго d'un ton de persiflage.

— Увы, другъ мой, нынѣ военнымъ нѣтъ хода; на мундиры и не смотрятъ. Въ настоящее время краснымъ сукномъ только быковъ дразнятъ.

Гуго оборачивается, что бы винуть еще разъ нѣжный взглядъ на грушевыя деревья.

— Какая раскаленная нечъ этотъ садъ! говоритъ Долли, жалѣя, вѣроятно, что ея petit fichu не тюрбанъ. Притомъ она страшно боится веснушекъ.

— Пойдемте, пожалуйста, домой. Мы насилу васъ нашли; вы такъ увлеклись садоводствомъ, что мы принуждены были за вами придти, не будучи впрочемъ увѣрены, довольны ли вы останетесь нашимъ приходомъ.

— Что вы говорите? спрашиваетъ Гуго, подходя къ намъ, но никто ему не отвѣчаетъ, и мы идемъ домой обратно; ego et tunc meus, т. е. Гуго и я, во главѣ, а другая пара за нами слѣдомъ.

Коллинсъ проваживаетъ лошадь сэра Гуго по дорожкамъ сада; она свѣтлогрѣдая съ бѣлыми чулками. Конюховъ у насъ нѣтъ и въ заводѣ.

— Хорошая старуха! говоритъ Гуго, глядя ее по крутой шеѣ; ты уже не молоденькая, какъ и твой хозяинъ, но красавица до сихъ поръ. Посмотрите! вѣдь это картина, а не лошадь.

— Какой у нея жидкій хвостъ, говорю я, стараясь тѣмъ доказать, какое у меня ясное понятіе о статьяхъ лошади. Другая

пара подходитъ къ намъ въ эту минуту, и Долли восклицаетъ: — О, сэръ Гуго, вы вѣрно останетесь полдничать съ нами, не правда ли? Это будетъ очень дурно съ вашей стороны, если вы вздумаете бѣжать отъ насъ такъ скоро!

Я помертвѣла, и стою, разиня ротъ, рискуя проглотить муху.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю! возражаетъ Гуго очень торопливо. Онъ видно не забылъ бараньей кости, и, какъ кажется, не вѣрнѣе пословицъ, *что чѣмъ ближе къ кости, тѣмъ слаще мясо*. — Я никогда не полдничая, развѣ разъ въ мѣсяцъ; это портить обѣдъ. Прощайте, миссъ Летранжъ; миссъ Элеонора, до свиданія. (Какъ утѣшительно!) Прощай, Мекъ-Грегоръ, пріѣзжай къ намъ, пріятель, поскорѣе, если соскучишься. И Гуго уѣзжаетъ верхомъ, а мы трое стоимъ и любуемся покроемъ его сюртука и крысьимъ хвостомъ его лошади.

ГЛАВА XV.

Провидѣніе избираетъ иногда своимъ орудіемъ самыя ничтожныя личности, что бы выручить насъ изъ бѣды. Примѣромъ тому служитъ Коллинсъ, безсознательно оказавшій мнѣ въ этотъ день огромную услугу. Когда сэръ Гуго и боевой конь его (эта лошадь когда то служила въ кавалеріи) исчезли за воротами, Коллинсъ таинственно вызвалъ Долли, для сообщенія какой то хозяйственной тайны. Въ послѣдствіи я узнала въ чемъ заключался секретъ: у насъ не было пива (это не диковинка; у насъ и многого не доставало), и старикъ предупреждалъ сестру, что бы она не вздумала предлагать Мекъ-Грегору этого напитка. Я и мой поклонникъ остались tête-à-tête.

— А этотъ господинъ, кажется, пріударяетъ за тобою, Мелли, замѣтилъ Дикъ съ горечью.

— Прощу не говорить о томъ, чего вы не знаете, отвѣтила я насмѣшливо, мгновенно повеселѣвъ. Если къ намъ пріѣзжаютъ гости, то мы должны быть съ ними вѣжливы, надѣюсь. Это не то, что вы. Вы приходите въ садъ непрошеные, а сэръ Гуго не дерзнетъ этого сдѣлать.

Дикъ захохоталъ, но на лицѣ его остались слѣды неудовольствія. — Не напоминай мнѣ пожалуйста моихъ промаховъ. Про-

живи я еще сто лѣтъ, и мнѣ не забыть выраженія глазъ твоего отца въ этотъ несчастный день! Ну, что же ты намѣрена дѣлать сегодня вечеромъ, Нелли?

— А развѣ у меня есть когда нибудь дѣло?

— Такъ приходи къ ручью, туда, ниже мельницы, гдѣ ольхи; знаешь?

Мы стоимъ такъ близко другъ отъ друга, что онъ владеть руку на мое плечо, къ великому удовольствію горничной Мэри, которая въ эту минуту высунула голову изъ окна. У меня не достаетъ силы отказать ему, не достаетъ даже умѣнія придать большую цѣну моему согласію маленькимъ колебаніемъ; я прямо говорю:—Хорошо! приду, какъ это весело! А въ какое время?

— Мы сегодня обѣдаемъ въ семь часовъ, вмѣсто восьми. Коксъ ѣдетъ въ городъ съ ночнымъ дилижансомъ; я могу уйти изъ дома немного раньше; но не поздно ли это будетъ для тебя? Приходи въ половинѣ девятого... можешь? Теперь по вечерамъ свѣтло до десяти часовъ, а тамъ луна взойдетъ.

Не будь на свѣтѣ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, а вмѣсто ихъ одна сальная свѣча, что бы свѣтить намъ въ минуту свиданія, я и тогда не задумалась бы.—Приду въ половинѣ девятого, сказала я.

Дикъ едва успѣлъ кивнуть головою въ знакъ согласія, какъ Долли появилась на сцену.

— Я не смѣю приглашать васъ къ полднику, маіоръ Мегъ-Грегоръ, сказала она, потому что знаю навѣрное, что вы не останетесь.

Это она почему узнала? Ну, конечно, сестрица все перепутала! Ей сказали, что пива нѣтъ, а она вообразила, что нечего подать къ завтраку. Бѣдный Дикъ поневолѣ долженъ былъ удалиться. Его лишили права на табуретъ или на стулъ при дворѣ королевы Доротей.

— Вы не ошиблись, отвѣчалъ онъ; я также держусь правила Ланкастера, что полдникъ портить обѣдъ, а у Коксовъ обѣдъ дѣло не шуточное, увѣряю васъ. Надобно силы и силы, что бы сладить съ нимъ. Бѣдный Коксъ! Онъ старается изъ всѣхъ силъ, что бы его гостепримство напоминало гостепримство старинныхъ домовъ, но это очень утомительно. Прощайте!

Онъ кидаетъ мнѣ выразительный взглядъ, какъ бы говоря: «не забудь!» Я отвѣчаю едва примѣтнымъ наклоненіемъ головы.

*

Во мнѣ неведется какое то чувство самодовольства, смѣшанное со стыдомъ. Совѣсть шепчетъ, что я поступаю не совсѣмъ благоразумно.

— Что у васъ тутъ за перешептыванія съ Санди? Вы, кажется, оба охотники до секретовъ. Коллинсъ видно кстати меня вызвалъ, говоритъ сестра, стараясь придать шутливый тонъ своему голосу, но я чувствую когти подъ бархатною лапкою.

— Онъ мнѣ передавалъ, какъ страстно онъ влюбленъ въ Амарилію, отвѣчаю я съ неожиданною находчивостію. Мы совѣтывались на счетъ гретнагринскаго кузнеца и похищенія невѣсты.

— Вздоръ! Говори, въ чемъ дѣло?

— Бреккелекесъ! Коксъ! Коксъ! *) кричу я, подражая безознательно Аристофану. Долли видитъ, что рабы взбунтовались, и отступаетъ.

Тяжело носить тайну на сердцѣ въ молодые годы, а особенно тяжело, когда подѣлиться ею не съ кѣмъ. Я удовольствовалась въ этотъ день тѣмъ, что ходила по всему дому, распѣвая:

«Пойдемъ въ садъ, Маргарита!...»

и удивляясь, какъ это никто не догадывается что я скрываю подъ этою пѣснью. Совѣсть громко заговорила во мнѣ тогда только, когда я вспомнила объ отцѣ. Если онъ разсердился за то, что я сидѣла въ саду, глазъ на глазъ съ молодымъ человекомъ, въ семь часовъ вечера, то что сказалъ бы онъ, узнавъ, что я сижу съ тѣмъ же господиномъ, въ девять часовъ вечера, въ четверти версты отъ дома. Отецъ очень строго смотритъ на поведеніе дѣвушекъ; образецъ добродѣтели, по его мнѣнію, долженъ быть вѣчно затануть въ корсетъ приличія. Идти ли мнѣ? Или остаться дома, чинить чулки, и слушать какъ Долли критикуетъ своихъ друзей подъ формою похвалы, и утѣшаетъ меня правоученіями а ла Роншоуко. А Дикю предоста-вить гулять одному по сырости, въ лаковыхъ сапогахъ? Нѣтъ, нѣтъ! уже если неповиновеніе родителямъ считается преступленіемъ, то нарушеніе даннаго слова точно также грѣхъ; а если намъ приходится выбирать между двумя грѣхами, то выберемъ тотъ, который пріятнѣе.

Прошу читателя вѣрить, что я отца любила во сто разъ боль-

*) У Аристофана, въ комедіи «Лягушки», есть хоръ, начинающійся такимъ образомъ: «Бреккелекесъ! Коксъ! Коксъ.»

ше Дика. Я не принадлежала къ числу тѣхъ пламенныхъ натуръ, у которыхъ страсть затемняетъ рассудокъ. Право нѣтъ; притомъ англійскія женщины не сотворены для того, что бы горѣть, страдать, таять; онѣ вообще не легко воспаляются, что тамъ романисты ни толкуй. Въ туманной Англїи не могутъ родиться Сафо. Какъ только мои мысли остановились на моемъ милomъ старичкѣ, то я уже не могла удержать ихъ. «Что то онъ подѣлываетъ тамъ?» думалось мнѣ. «Не растерялъ ли платковъ носовыхъ? Шесть изъ нихъ не были мѣчены. Помнить ли онъ, что у него подагра, и что портвейна пить не слѣдуетъ? Притомъ перемѣна кухни Летранжа на другую такъ же опасна, какъ опасенъ для коровъ сытный кормъ изъ клевера послѣ тощей соломы. Хотя бы онъ, милый, немного духъ перевелъ отъ своего горя. Окрѣпъ бы, набралъ бы свѣжихъ силъ! Онъ не велѣлъ переслать ему писемъ, адресованныхъ на его имя, и хорошо сдѣлалъ. По толстымъ синимъ конвертамъ и грубому почерку на адресахъ, можно догадаться, отъ кого эти посланія. Не даромъ отецъ не сибѣигъ вскрывать ихъ. Я рѣшаюсь писать къ нему сама; трудъ этотъ былъ очень для меня нелегокъ, потому что мнѣ въ цѣлый годъ приходилось писать писемъ три или четыре раза, не болѣе.

«Голубчикъ папа!

«Мнѣ кажется, что ты уже цѣлый вѣкъ, какъ уѣхалъ, между тѣмъ какъ мы разстались только вчера! Скоро ли ты вернешься? Надѣюсь, что тебѣ въ гостахъ не такъ хорошо, какъ дома. Воображаю, какъ они всѣ вокругъ тебя хлопочутъ, вѣрно больше чѣмъ я! Долли возвратилась домой. Она здорова; навезла себѣ кучу новыхъ платьевъ; любезна постарому. Сэръ Гуго Ланкастеръ былъ у насъ сегодня утромъ, что бы посоветоваться съ тобою на счетъ *espaliers pains* (я посмотрѣла въ лексиконѣ это слово, что бы не ошибиться). Ему было очень досадно, что ты уѣхалъ, а французское названіе шпалеръ онъ выговаривалъ такъ же гадко, какъ и ты. Маіоръ Мекъ-Грегоръ, господинъ, котораго ты не жалуешь, былъ у насъ съ визитомъ. Жеребенокъ здоровъ, куры также, кромѣ хохлатой, которая сломала себѣ ногу, упавъ въ угольную яму. Больше мнѣ не о чемъ писать; цѣлую тебя двадцать разъ; люблю безъ памяти и остаюсь навѣки

твоя Нелли.»

Чайная церемонія въ кухнѣ Летранжа должна быть превесе-

лаго характера, судя по взрывамъ громкаго хохота, долетающаго до насъ, несмотря на двойныя двери. Мнѣ кажется, что Коллинсъ, въ офціальнаго своего положенія, отличается необыкновеннымъ юморомъ, а Ганна остроуміемъ. Зато господскій чай, въ большой столовой, вещь прескучная. Долли погружена въ размышленіе, и въ цѣлый вечеръ ограничилась однимъ вопросомъ, обращеннымъ ко мнѣ.

— Отъ тебя, что ли, я слышала, Нелли, что сэръ Гуго третьягодня завтракалъ у насъ?

— Да, отвѣчала я.

Послѣ чая весь нашъ домъ погрузился въ мертвый сонъ, точно въ сказкѣ «Спящая красавица»; это сравненіе пришло мнѣ въ голову, когда я заглянула сквозь стеклянную дверь въ бібліотеку. Сестра, какъ сказочная царевна, лежала тамъ на одинокой постели, и крѣпко спала.

Наступала минута нарушенія моего нравственнаго долга; я умылась; умастила бы даже себѣ голову благовоніями, если бы только этотъ восточный обычай былъ въ ходу въ нашей сѣверной странѣ, перемѣнила платье, прокралась черезъ калитку сада, полетѣла какъ стрѣла мимо оранжерей, и остановилась только передъ сосновою рощею. Въ воздухѣ было тихо. И борен, и зефиры, спали видно по своимъ пещерамъ, какъ медвѣди по берлогамъ; но сосны, по обыкновенію, тихо перешептывались своими верхушками. Только что я переступила границу звѣтной рощи, какъ и умѣрила шагъ, новинуясь тому чувству благоговѣнія, съ которымъ человѣкъ снимаетъ шляпу, при входѣ въ храмъ. Вдали показалась кавалерія. Смѣлѣ! Меня не замѣтили, между тѣмъ какъ я ясно вижу драгуна, шагающаго черезъ ольхи. Робко пробираюсь я по ранункуламъ и ночнымъ фіалкамъ, которыя моются въ росѣ, передъ отходомъ ко сну. Ноги мои промокаютъ насквозь.

— А я, право, думалъ, Нелли, что сэръ Гуго опять пріѣхалъ осматривать грушевыя деревья, сказалъ Дикъ, улыбаясь, и подавая мнѣ руку, когда мы сошлись.

Мнѣ сильно захотѣлось его поддразнить. — Что вы шутите? тогда, пожалуй, ваши фонды могли бы упасть очень низко. Онъ *барометръ*, а вы простой смертный. Но, къ вашему счастью, ему видно мамаша не велѣла выходить по ночамъ: ножки можетъ промочить.

— Какъ вы промочили свои, отвѣчалъ Дикъ, смотря на мои

ботинки, покрытыя росю. Развѣ онъ общалъ быть опять завтра?

— Можетъ быть; кто знаетъ, что можетъ случиться!

— А онъ, какъ видно, ищетъ вашего знакомства; давно онъ въ здѣшней сторонѣ?

— Онъ пріѣхалъ третьягодня, сказала я коротко.

— Гм! не понимаю! какъ это можно навязываться безпрестанно въ чужой домъ. Онъ, какъ мужчина, могъ бы и въ трактирѣ остаться.

— Скажите, пожалуйста, возразила я, а кто этотъ господинъ, который къ намъ пріѣхалъ вчера съ визитомъ съ мистриссъ Боксъ, и сегодня былъ опять одинъ? Не слыхали ли вы?

Мы шли рядомъ; пройдя ольховые кусты, мы спустились внизъ по берегу ручья, что бы не быть на глазахъ мельника и его жены, которые легко могли бы подсмотрѣть за нами. У Дика было накинута легкое пальто сверхъ сюртука. Рубашка его не вышита спереди; драгоценныхъ запонокъ также нѣтъ. Ему двадцать восьмий годъ, а въ этомъ возрастѣ мужчины уже не носятъ никакихъ украшеній въ туалетѣ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до этого, отвѣтилъ онъ очень сухо на мой насмѣшливый вопросъ.

— Неужели? спросила я, взглянувъ на него очень невинно. Но черезъ минуту мнѣ стало досадно на себя, потому что я замѣтила, что онъ сердится.

— Если вы сами того не замѣчаете, значитъ, я ошибся, сказалъ онъ холодно, и, вздернувъ носъ, пошелъ, вытянувшись какъ столбъ.

— Да что же я должна замѣтить? Я вижу, что вы вдвое выше сэра Гуго, и что онъ премиленькій крошка, въ сравненіи съ вами. Если бы я захотѣла, то могла бы очень покойно положить свой подбородокъ ему на голову.

Дикъ опустилъ носъ и взялъ меня за талию.

— Я могу стать на колѣни передъ тобою, Нелли, и тебѣ легко будетъ сдѣлать тоже самое съ мною; быть такимъ долговязымъ, какъ я, очень непріятно; никто никогда не приластаетъ.

Мы дошли до мѣста, гдѣ, мѣсяца три тому назадъ, возвышался огромный вѣтвистый дубъ, корни котораго купались въ ручьѣ. Теперь онъ срубленъ, и лежитъ тутъ же подлѣ своего друга, который грустно журчитъ надъ нимъ прощальную пѣ-

сенку. Мы съ отцомъ вынуждены рубить каждое годное дерево въ имѣніи, лишь бы выручать себѣ что нибудь. Оставшіяся гнилыя ольхи такъ стары, что не годятся даже на гробъ бѣдняку.

— Сядемъ здѣсь, Нелли, сказалъ Дикъ. Мы отъ мельницы ушли далеко, а у нихъ тамъ, вѣроятно, биноклей не водится.

— Надѣюсь! отвѣчала я, смѣясь. Иначе мнѣ пришлось бы бѣжать отсюда, особенно если бы они видѣли, что съ мною дѣлаютъ. Я намекала на то, что Мекъ-Грегоръ обнялъ меня обѣими руками.

— Я прежде никогда не понималъ, что значить ревность, и считалъ Отелло чистымъ дуракомъ, продолжалъ Дикъ, смотря на меня своими честными сѣрыми глазами; но теперь другое дѣло. Меня сильно тревожитъ этотъ господинъ. Зачѣмъ ты мнѣ все имъ надоѣдаешь?

— А почему я должна знать, что его имя можетъ вамъ не нравиться? спросила я весело. Вы казались такими друзьями сегодня; «любезный другъ,» «ты,» то и дѣло слышалось у васъ въ разговорѣ. Я, напротивъ, думала, что вамъ очень пріятно слышать, что онъ коротокъ у насъ въ домѣ.

— Мы познакомились въ Индіи, во время возмущенія. Онъ великолѣпнѣйшій стрѣлокъ, и мы бывало заставляли его, на поддержку, цѣлить въ любого изъ черныхъ дьяволовъ. Онъ ни разу не давалъ промаха.

— Что же вы въ Индіи, что ли, такъ подружились?

— Гдѣ мнѣ съ нимъ дружить! Мы были только въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ славный малый, хотя пороха не выдумаетъ; хорошо ѣздитъ верхомъ, и пользуется скромнымъ ежегодиннымъ доходомъ въ тридцать тысячъ фун. стерлинговъ. Это извиняетъ многое.

— Я думаю. А пріятно быть богатымъ? спросила я у Дика.

— Знаешь что, Нелли? отвѣчалъ онъ, страшно поблѣднѣвъ, и на лицѣ его выразилось страданіе. Знаешь что? Вѣдь у меня въ карманѣ шести пенсовъ нѣтъ. Я бѣденъ, какъ Ирѣ.

Я киваю головою утвердительно.—Да, я это знаю.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Никто.

— Такъ какъ же ты узнала? Развѣ я по наружности глиму нищамъ?

Я прислонилась щекою къ его плечу.—Я чувствовала, что вы

бѣдны; красивые люди всегда бываютъ бѣдны, а богатые зато всегда карлики, старые, безобразные. (Въ эту минуту я вспоминаю объ одномъ знакомомъ мнѣ господинѣ.)

Солнце скрылось за горизонтомъ, окрасивъ все небо пурпуромъ: вечерняя румяная заря далеко не похожа на блѣднорозовую утреннюю сестру свою. Вершины виазовъ на владбищѣ блестятъ какъ позолоченныя, и рѣзко выдаются, рядомъ съ темною церковною башнею. Ручей тихо журчитъ у нашихъ ногъ, и сонныя маленькія рыбки прачутся на ночь въ песокъ. Между тѣмъ, большія рыбы, тихо вынырнувъ на поверхность, нѣжась, плывутъ по теченію воды къ берегу, гдѣ густая, зеленая осока опустила свои тонкія вѣтки, похожія на волоса перендѣ.

— Мнѣ кажется, началъ мой бѣдный драгунъ грустнымъ голосомъ, опуская глаза и дергая себя за усы, мнѣ кажется, что, прослуживъ честно свой срокъ, я сейчасъ вышелъ бы въ отставку, если бы только зналъ, что этимъ могу достигнуть какой нибудь цѣли; но безъ цѣли нести служебное ярмо очень трудно! Добро бы еще у меня было повышеніе въ виду; тогда стоило бы продолжать службу. Нелли! Я тебя такъ сильно полюбилъ, что, право, забылъ, и о долгахъ, и о своихъ средствахъ; но не могъ молчать. Кстати: что думаетъ объ этомъ сестра?

— О чемъ?

— Да объ нашихъ отношеніяхъ съ тобою, конечно!

— Я, право, не знаю, что она обо мнѣ думаетъ; полагаю, что лестнаго немного. Но объ васъ она говоритъ, что вы помолвлены съ Амарилією Коксъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она сказала сегодня утромъ.

— Помолвленъ съ Амарилією? Упаси Господи! возразилъ Дикъ съ жаромъ. Я скорѣе жерновъ мельничный себѣ на шею надѣну, да въ море брошусь. Кстати же и Амарилія то сама, или Эмии, какъ ее сестры называютъ, толста и тяжела, какъ жерновъ. Нѣтъ, видно сестрица твоя праваго отъ виноватаго различить не умѣетъ.

— Она такъ положительно утверждала, что я начала думать, уже не ошибаюсь ли я. Мнѣ приходила даже въ голову мысль, какъ бы устроить свою судьбу иначе.

— Вижу, вижу! Тутъ и грушевыя деревья пошли въ ходъ. Но шутки въ сторону, Нелли: неужели она не видитъ въ чемъ дѣло? Для этого, кажется, очковъ не нужно.

— Слѣпы бываютъ тѣ, которые не хотятъ видѣть, возражаю я пророческимъ голосомъ.

— А ты сама ничего ей не рассказывала?

— Уже это извините! Я ей никогда ничего не рассказываю. У Дика выражается удивленіе на лицѣ.

— Такъ и есть. Я видно ошибся. Я воображалъ, что между вами, какъ всегда между сестрами, никакихъ тайнъ не существуетъ. (Дикъ забылъ, что не всѣ сестры одинаковы). То то я сегодня утромъ заговорилъ съ нею, о тебѣ, а она сейчасъ прервала разговоръ. Притворилась, будто не понимаетъ, на что я намекаю, и пережѣнила тонъ.

Наступили сумерки. Коровы, которыя паслись недалеко, съ жадностію принялись ѣсть сочную росистую траву; днемъ жаръ и мухи не давали имъ покоя, и онѣ, бѣдныя, простояли до вечера по колѣно въ водѣ. Громкое ихъ чавканье ясно слышится въ свѣжемъ вечернемъ воздухѣ, и этотъ звукъ сливается съ журчаніемъ ручья, по которому несутся зеленые листья и вишневый цвѣтъ со стороны мельницы. Шляпы, моя и Дика, лежатъ на травѣ, и поднявшійся изъ за лѣса мѣсяцъ серебрить наши волосы. Да, настанетъ время, когда не луна, а годы посеребрятъ богатую, бѣлокурую гриву моего драгуна. Странно подумать, но я никакъ не могу себѣ представить Дика старикомъ, съ ввалившимся ртомъ и съ тусклыми глазами!

Дикъ басомъ продекламировалъ какіе то стихи.

— Читаешь ли ты стихи, Нелли? спросилъ онъ.

— Да, очень часто, и я назвала нѣсколько стихотвореній на выдержку. Тутъ были, и комическіе стихи, и элегіи, и стихи духовнаго содержанія. Дикъ засмѣялся странному смѣшенію поэзіи. Я обидѣлась.—Вы меня спросили что я читала; ну, я и передала вамъ названія стихотвореній; не моя вина, если авторы ихъ неодинаковаго направленія.

— Извини, пожалуйста! сказалъ онъ покорно, хотя насмѣшливая улыбка не сходила съ его губъ. Расскажи лучше, чему ты учишься; я не буду смѣяться.

— Да что тутъ рассказывать, возразила я грустно. Напа все знаетъ; Долли знаетъ многое, а я ничего. Вотъ вамъ и отвѣтъ. Вы признались, что у васъ нѣтъ денегъ, а я признаюсь, что я ничему не училась, да врядъ ли и выучусь чемунибудь. Сказавъ это, я отвернула голову, и заплакала.

— Послѣднему я не повѣрю, а на первое не обращаю ни

малѣйшаго вниманія, сказалъ Дикъ, взявъ меня за подбородокъ, и поворачивая мою голову къ себѣ.

— Можеть.... можетъ быть.... говорила я, всхлипывая, и смотря прямо на складки его рубашки, — вы меня поучите чему нибудь. Долли я просила объ этомъ, да она отказалась.

Дикъ засмѣялся, и погладилъ меня по головѣ.

— Гдѣ мнѣ быть твоимъ учителемъ! Маршировать, дѣлать картечи, этому научу тебя, если хочешь, но дальше не спрашивай!...

На церковной башнѣ пробило десять. Я вскочила на ноги.

— Пора домой, а не то запрутъ ворота.

— Мы тогда домоваго подкушимъ, сказалъ Дикъ, вставая, и встряхиваясь, какъ огромный ньюфундлендъ.

— Право, я опоздаю къ вечерней молитвѣ, а я вѣдь читаю ее въ слухъ людямъ..

— Такъ вы, сударыня, умѣете даже читать?

— Да-съ, но только по складамъ.

— Зачѣмъ же сама миссъ Летранжъ не исправляетъ должности пастора? У васъ въ семьѣ, видно, понятія о правахъ старшинства не имѣють.

— Долли не любитъ общей молитвы. Она находитъ, что это комедія, и что если человѣкъ хочетъ помолиться, то онъ можетъ гораздо лучше сдѣлать это одинъ, а не собирать весь домъ къ себѣ.

— Значить, сегодня службы въ домѣ Летранжъ не будетъ, полагаю.

— Навѣрно нѣтъ. Что дѣлать! (Я вздыхаю.) А мнѣ здѣсь очень пріятно было. Покойной ночи!

— Я готовъ повторить тебѣ тоже самое желаніе хотя тысячу разъ сряду, но не воображай, что ты этимъ отъ меня отдѣлаешься. Теперь дѣло идетъ о Ланкастерѣ. Кто его знаетъ; можетъ быть, онъ сидѣтъ гдѣ нибудь тутъ за угломъ.

И мы тихо побрели рядомъ, оставляя за собою слѣды на мокрой травѣ. Вѣдная, но счастливейшая въ мірѣ, чета влюбленныхъ забыла и думать о ревматизмѣ, флюсахъ и воспаленіи, этихъ спутникахъ сырой лѣтней ночи. Хотя мы и шли черепашьимъ шагомъ, однако черезъ десять минутъ остановились у границы поля. Тутъ произошла сцена изъ Гугенотовъ.

— Надѣюсь, Нелли, что съ тобою ничего не случится, если

ты одна дойдешь до крыльца. Прощай, моя душа, миленькая моя! Вѣдь ты моя миленькая, а не Ланкастера? не правда ли? Ну, Господь съ тобой!

— Я твоя, если возьмешь меня, если нѣтъ, я ничья, отвѣчала я серьезно, и мы двадцать разъ сразу поцѣловались на старомъ мѣстѣ, подъ вустомъ бѣлой сирени.

ГЛАВА XVI.

Хозяйство, во главѣ котораго стоитъ одна женщина, домъ, гдѣ нѣтъ и признаковъ мужскаго элемента, вещи прескучныя. Я узнала это по опыту, въ продолженіе недѣльнаго отсутствія отца.

Мужчина въ семьѣ можетъ иногда, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, стоять гораздо ниже женщины; случается, что мужъ и въ умственномъ развитіи уступаетъ женѣ. Онъ въ жизни въ нѣкоторомъ родѣ воплощенный матеріалізмъ. Отдавшійся весь торговлѣ, службѣ, полевому хозяйству, аптекарскимъ счетамъ, мужчина какъ будто не живетъ для семьи. Тѣмъ не менѣе, звукъ его тяжелыхъ шаговъ по лѣстницѣ, его глухой, жодчасъ непривѣтливый, тонъ, чрезвычайно хорошо гармонируютъ съ легкою, нѣсколько кошачьею, походкою женщины и съ ея тоненькимъ торопливымъ голоскомъ.

Мнѣ всегда отрадно смотрѣть на отца семейства за обѣдомъ, слушать его анекдоты, какъ бы односторонни они ни были; это всетаки отголосокъ виѣшняго міра. Онъ ими вноситъ свѣжій элементъ въ однообразную будничную домашнюю жизнь.

Умъ женщины, впрочемъ, способенъ скоро мельчать отъ ежедневныхъ домашнихъ занятій; самый характеръ ея легко портится (всѣ лучшія женскія натуры подвержены желчи); нужно непременно, что бы въ домѣ былъ мужчина, который могъ бы служить ей руководителемъ въ жизни, или который могъ бы побороть ее за дѣло, поспорить съ нею, а подчасъ и приласкать.

Какъ скучно мнѣ было дома всю эту недѣлю! Точно всѣ вымерли, и лежать въ склепѣ съ нашими предками. На дворѣ пѣли дрозды, кричали пѣтухи, лаяли собаки, пахари посвистывали на лошадей, а мнѣ смертельно хотѣлось собрать ихъ всѣхъ въ себѣ въ комнату, или въ залу, или въ галерею, куда бы ни было, и велѣть имъ всѣмъ пѣть, кричать, шумѣть, лишь бы нарушить это гробовое молчаніе; я чувствовала, какъ будто заживо меня зарыли въ могилу. Долли сидѣла цѣлые часы напролетъ безмолвная, какъ статуя, погруженная, какъ индійскій богъ, въ созерцаніе собственной красоты и величія. У меня руки чесались отъ желанія хорошенько ее поколотить, опрокинуть ея кресло, словомъ, чтонибудь съ нею сдѣлать, лишь бы вырвать ее изъ этого вѣчнаго довольства самой собою и огромнымъ сѣрымъ чулкомъ, размѣры котораго явно говорили, что онъ назначается на мужскую ногу, хотя, сколько мнѣ извѣстно, нашъ отецъ никогда такихъ чулокъ не носилъ. Боже! какая была тоска! время тянулось, какъ вѣчность, отъ завтрака до обѣда, отъ обѣда до чая, безъ всякаго измѣненія. Что было сегодня, того надо было ждать и завтра!....

«Хотя бы изъ трубы выинуло, или потолокъ обрушился, или собаки взбѣсались! Хотя бы чтонибудь случилось», думала я просебя. Нужно, непременно нужно чтонибудь изобрѣсти, что бы нарушить однообразіе моей жизни.

И я начала ломать свою хорошенькую голову—я имѣю полное право назвать ее такою, потому что объ ней въ настоящую минуту можно говорить, какъ о красотѣ древнихъ женщинъ, Елены или Аспазіи; итакъ я начала ломать ее, выдумывая какую бы такую оригинальную непозволительную выкинуть штуку.

Не убить ли мнѣ Долли ваннъ нибудь новымъ, остроумнымъ образомъ? не совершить ли интереснаго самоубійства? Броситься, наприкладъ, въ садовый прудъ, что бы мое тѣло нашли тамъ съ распущенными красными волосами, покрытое водяною тиною? Или зарѣзаться гдѣ нибудь, въ потаенномъ углу, гдѣ меня отыщутъ плавающею въ крови, съ запискою въ блѣдной рукѣ?

Два ничтожные случая спасли меня отъ осуществленія одного изъ этихъ кровожадныхъ замысловъ, и дали моимъ мы-

самъ другое направленіе. Героемъ перваго случая былъ мясникъ, а героями втораго сэръ Гуго Ланкастеръ и она.

Однажды утромъ, я стояла на берегу садоваго пруда, и спокойно смотрѣла на покрывавшую его тину, думая: неужели она забьется мнѣ въ ротъ, въ уши и въ глаза, когда я утоплюсь въ немъ, съ горя, что Дикъ мнѣ измѣнилъ или убить на войнѣ? О какой войнѣ я тогда думала, право, не помню; притомъ французы, кафры, индійцы были для меня безразличны. Вдругъ я увидѣла, что мистриссъ Смитъ, вся блѣдная, испуганная, шагаетъ черезъ гряды лука, вапуста и гороха, пробираясь ко мнѣ.

— Миссъ Нелли! дорогая! Мясникъ пришелъ, говорила старушка, едва переводя духъ. Какъ боевой конь вздрагиваетъ при звукѣ трубы, такъ вздрогнула я при этомъ страшномъ имени.

— Я всё силы употребила, уговаривая его подождать до будущей недѣли, продолжала мистриссъ Смитъ: тогда у насъ свиньи продадутся, и у папа будутъ деньги; да онъ слышать не хочетъ; онъ теперь въ комнатахъ, и ругается на чемъ свѣтъ стоитъ.

Я подняла камень, и бросила его въ прудъ, прямо въ тину.

— Я была у миссъ Долли, умоляла ихъ сойдти къ нему; онѣ такія ловкія на то, что бы ублажить человѣка; уже чего намется легче было бы, да нѣтъ, не согласились. «По мнѣ, онъ у васъ хотя стѣны ломай», говорила барышня, «мнѣ дѣла нѣтъ до него».

Я подняла на палку стебель водяной травы, покрытый голубыми звѣздочками. — Не надѣйтесь на князи... свазала я важно... то есть на миссъ Долли, потому что котя она и не княгиня, но должна ею быть.

— Кабы я знала! говорила мистриссъ Смитъ, всплескивая своими жирными руками, что это такъ будетъ, то я его, на порогъ дома не пустила бы! Провались они совсѣмъ, эти дерзкіе негодяи! Я на свѣтѣ не видывала такихъ грубияновъ, какъ эти мясники! Уже я вамъ говорю, что отъ нихъ пути не будетъ.... Я молча продолжала удить водяные цвѣты.

— Боже ты мой! вослищала старушка, поднимая руки къ небу, ну что я этому мерзкому человѣку скажу? Вѣдь я какъ дитя малое передъ нимъ!..

Я прекратила мое уженье, взяла въ руки свѣжій стебель

голубыхъ цвѣтовъ, и начала ихъ пристально разглядывать, между тѣмъ какъ вода такъ и лилась мнѣ на платье.

«Хорошенькіе цвѣточки! говорила я пресебя; желала бы я знать, такого ли цвѣта у меня глаза? Надо спросить у Дика.»

Затѣмъ, обращаясь къ мистриссъ Смитъ, я продолжала громко:

— Я знаю что ему отвѣтить, мистриссъ Смитъ; не трудитесь, пожалуйста, ломать себѣ голову! Не далѣе какъ черезъ десять минутъ, я съ нимъ покончу. Затѣмъ я оставила прудъ съ его флорю, и побѣжала наверхъ, гдѣ, невидимо отъ Доли и мистриссъ Смитъ, у меня хранились банковые билеты Дика. Вооруженная ими и счетомъ мясника, я пошла навстрѣчу неприятелю, и вступила въ апартamentъ мистриссъ Смитъ, вздернувъ гордо голову и носъ вверху. Что бы я дала за повтореніе славныхъ подвиговъ прежнихъ Летранжей, которые, вооруживъ 20 копѣеносцевъ, распорядились съ этимъ народомъ по своему!.. Блаженные были тѣ времена, когда дворяне жили богато и кредиторовъ не существовало! Итакъ, я вошла въ комнату, поднявъ гордо голову, и спрятавъ деньги въ карманъ, Презрѣнный разночинецъ, краснорозій, дерзкій мясникъ сидѣлъ за стаканомъ пива, который мистриссъ Смитъ предложила ему, въ видѣ мировой сдѣлки. Онъ молча тянулъ эту кислую, вовсе не пѣнистую, влагу, и смотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза. — Вы требуете расчета? спросила я надменно, между тѣмъ какъ мистриссъ Смитъ сзади дергала меня за юбку, съ видомъ отчаянія.

— Да, миссъ, какіе бы слѣдовало рассчитаться, отвѣчалъ мой кредиторъ. Я ждалъ, ждалъ, да и усталъ ждать цѣлне двѣнадцать мѣсяцевъ. Видно жданьемъ у васъ въ домѣ ничего не подѣлаешь.

Я выкинула ему на столъ счетъ и четыре банковые билета.

— Давайте сдачи, сказала я величественно, и сію минуту вонъ изъ дома!

При этихъ словахъ великанъ оробѣлъ, и готовъ былъ упасть на полъ. Его круглые бычачьи глаза забѣгали; онъ не могъ пошевелить ни рукою, ни ногою.

— Живѣе! крикнула я еще повелительно, и топнула ногою. Если его не хватилъ параличъ, то только потому, что голо-

ва у него была бритая. Деньги тутъ, на лице, чего ему больше?

— А странно, проворчалъ онъ, какъ это Летранжи изворачиваются! И, опустивъ свою лапу въ карманъ, онъ вытащилъ кошелекъ, отсчиталъ сдачу, и спросилъ перо для списка.

— Тетеры! сказала я—глаза мои заблестали; родовая кровь разлилась по всему лицу!—теперь вонъ изъ дома! сейчасъ же вонъ!... (я показала ему рукою на дверь) что бы ваша нога не смѣла переступить нашего порога. Убирайтесь сию минуту!.. Онъ скомкалъ деньги, засунулъ ихъ вмѣстѣ со счетомъ въ карманы панталонъ, и приготовился уходить.

— Ухожу, ухожу! сударыня! сказалъ онъ, ослабляясь; не извольте горячиться. Посмотримъ только, найдете ли вы другаго такого торговца, который вамъ отпускалъ бы хорошее мясо, безъ денегъ, на книжку! Посмотримъ! Будьте здоровы, миссъ!

Онъ былъ грубъ, это правда; но его аргументъ имѣлъ основаніе.

ГЛАВА XVII.

Между всѣми семействами, жившими въ нашихъ окрестностяхъ, не было ни одного, которое не осаждаю бы богатой крѣпости, въ видѣ сэра Гуго Ланкастера. Домъ Летранжей не отставалъ отъ прочихъ. Онъ видѣлъ, въ видѣ опыта, свое первоначальное чадъ. Много труда стоилъ этотъ походъ; но разбитая амазонка вернулась безъ добычи, хотя совершенно невредимая, по наружности. Она никогда не билась въ первыхъ рядахъ; никогда не стояла во главѣ осаждающихъ, а вела подземную, невидимую для другихъ, войну, стрѣляла мѣтко, какъ ей казалось, но ни разу не попала въ цѣль.

Мины, подведенныя ею подъ непріятеля, рылись такъ искусно; стрѣлы взглядовъ посылались такъ осторожно, что, вернувшись домой, послѣ окончательнаго пораженія, прелестная Долли могла быть увѣрена, что никто и не догадывается о неудачномъ ея походѣ, кромѣ самой крѣпости и еще одной зритель-

ницы, которая издали равнодушно слѣдила за приступомъ. Долли, несмотря на національную гордость, очень ясно сознавала свое поражение; она вторично не пошла въ бой, не стала подводить новыхъ минъ, подставлять лѣстницы; нѣтъ, она сложила оружіе, перевела пушки на другую сторону, и стала выжидать случая, какъ бы поразить непріятеля новымъ способомъ.

Должно быть, что природа создала сэра Гуго на другой ладъ, чѣмъ остальныхъ мужчинъ. Онъ былъ единственное существо мужскаго пола, на которое не дѣйствовала чарующая сила глазъ Долли, сводившихъ съ ума каждую мужскую голову. Человѣкъ положительно дурѣлъ отъ взглядовъ моей сестры, и чувствовалъ послѣ нихъ что то въ родѣ головокруженія, какъ послѣ крѣпкаго вина. Гуго же какъ будто и не замѣчалъ ихъ. По окончаніи осады, Долли оставалась въ очень вѣжливыхъ отношеніяхъ съ нимъ. При встрѣчѣ, она всегда старалась шепнуть ему чтонибудь любезное, но за глаза она не пропускала ни малѣйшаго случая, что бы какънибудь не уязвить его честнаго имени. Она его ненавидѣла съ адскою злобою. Если бы сэръ Гуго и Долли были выброшены вдвоемъ на необитаемый островъ, я убѣждена, что каждый изъ нихъ поселился бы въ отдѣльной пещерѣ, пилъ бы воду изъ разныхъ источниковъ и питался бы бананами съ разныхъ деревьевъ. Можетъ быть, имъ пришлось бы иногда произвести дружелюбный обмѣнъ фруктовъ или дикихъ кореньевъ, но дѣло всетаки кончилось бы тѣмъ что въ одну свѣтлую лунную тропическую ночь Долли подкралась бы къ тѣнистой пальмѣ, подъ сѣнію которой спалъ бы сэръ Гуго, и перерѣзала бы ему горло каменнымъ ножомъ, или задушила бы его своими тонкими, бѣлыми пальцами; она сняла бы съ него богатую печать и дорогіе часы, скорбя о томъ, что они могутъ даромъ пропасть; затѣмъ зарыла бы его аккуратно подъ густымъ слоемъ раковинъ и песку на берегу моря, что бы его трупъ не заражалъ ея чистаго воздуха, и усѣлась бы спокойно, недалеко отъ могилы, наслаждаться безмятежно восходомъ солнца.

Тоскливая недѣля подходила къ концу, а отецъ все еще не подавалъ признаковъ намѣренія возвратиться къ своему кожаному креслу, къ прекраснымъ дочерямъ и къ кредиторамъ. Разъ утромъ, Долли и я сидѣли, какъ водится, tête-à-tête, за завтракомъ. Премило было глядѣть на сестру, какъ она съ полузакрытыми глазками кушала тартинки. Волосы у нея были заче-

саны назадъ гладко, живописно, такъ что прелестныя, точно форфоровыя, ушки открыты были совсѣмъ. Коса, свернутая бантомъ, лежала низко на затылкѣ. Тайну этой прически Долли не ввѣряла никому. Платье, изъ прозрачной лѣтней матеріи яркаго голубаго цвѣта, обрисовывало ея изящныя формы; на бѣлой шеѣ висѣлъ золотый медаліонъ на цѣпочкѣ. Въ медаліонѣ скрывалось фотографическое изображеніе послѣдней ея жертвы. Она перебирала полученные съ почты пакеты, и, не распечатывая ихъ, дѣлала на каждомъ какое нибудь замѣчаніе.

— Знаю, счетъ! сказала она, бросивъ одинъ пакетъ въ сторону. Опять письмо отъ этого глупаго мальчишки! Какая тоска! Я принуждена буду снова отвѣчать, и № 2 полетѣлъ туда же. Это что? Почеркъ леди Ланкастеръ? Неужели? На этотъ разъ тартинка владется на столъ, пакетъ вскрывается, и Долли погружается въ чтеніе. Я также получила письмо, писанное смѣлымъ, размахистымъ, твердымъ почеркомъ; на каждой строчкѣ умѣщалось не болѣе какъ два или три слова. Вотъ его содержаніе:

«Ненаглядная моя! Мой отпускъ кончится въ пятницу; просиль отсрочки — отказали. Имъ вѣрно надоѣло получать мои отзвы: «по важнымъ домашнимъ обстоятельствамъ»; приходится, видно, *пхатъ*; дѣлать нечего. Вернется ли твой отецъ до моего отъѣзда?... Мнѣ крайне нужно переговорить съ нимъ, а о чемъ — ты вѣрно сама догадаешься. Напиши мнѣ хотя одну строчку, только поласковѣе, а то мнѣ страхъ какъ горько уѣзжать.

Нѣжно тебя любящій

Р. Г. М. Грегоръ».

Пока я не вскрыла пакета, аппетитъ у меня былъ отличный, и я смотрѣла на мясо съ жадностію; но, прочитавъ письмо, я думала, что подавлюсь. Руки у меня задрожали; кровь бросилась въ голову. Вдругъ сестра, съ обычною мягкою интонаціею голоса, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «Не желаешь ли прочитать?» и подала мнѣ записку леди Ланкастеръ, испещренную мелкими кривыми буквами. На заглавіи листка былъ громадный гербъ съ девизомъ. Почеркъ руки былъ прескверный, всѣ буквы переплетались между собою.

«Милая миссъ Летранжъ!» писала старуха, сынъ передалъ мнѣ, что вы и ваша сестрица въ настоящую минуту дома одѣ. Не приѣдете ли вы обѣ завтра, погостить къ намъ,

дня на три, такъ какъ мы ждемъ къ себѣ нѣкоторыхъ друзей. Прошу извинить, что я раньше васъ не приглашала: я не знала, что вы вернулись домой.

Преданная вамъ

А. Д. К. Н. Ланкастеръ.

Р. S. Майоръ Мекъ-Грегоръ съ которымъ вы кажется знакомы, будетъ также у насъ».

Почеркъ старой леди, какъ я сказала, былъ очень дурень. Одно слово казалось другимъ, а смахивало на о, к на п. Но я быстро пробѣжала записку, отложивъ до будущаго времени критику слога.

— Ну, что же, Долли? поѣдемъ мы? спросила я, прикрывая ротъ рукою, что бы скрыть радость, сіявшую невольною улыбкою. Какъ легко приходитъ и въ отчаяніе, и въ восторгъ молодость! Съ лѣтами, мало по малу, исчезаетъ впечатлительность природы, и человѣкъ невозмутимо, хладнокровно воспринимаетъ всѣ радости и скорби житейскія.

Въ дѣтствѣ мы радуемся всему, начиная съ грязныхъ дешевыхъ лакомствъ; горюемъ, если насъ заставляютъ лишній разъ умыться или прочитать длинную молитву. Въ юности, жизнь въ напихъ глазахъ гладкое поле, по которому мы катимся, не обращая вниманія на толчки и косогоры; у насъ въ виду одна цѣль, наслажденіе. Въ зрѣломъ возрастѣ, прелесть очарованія нѣсколько ослабляется опытомъ; мы уже далеко не такъ довѣрчиво поручаемъ себя судьбѣ и случаю. А подъ старость, мы дѣлаемся похожи на разбитую дурною дорогою телѣгу, которая, дребезжа и скрипя, тихо подѣзжаетъ къ послѣдней станціи—могилѣ.

Я уже держусь за черную завѣсу, отдѣляющую меня отъ этой черты. Настанетъ весна, зацвѣтутъ деревья, и я должна буду приподнять мрачный покровъ: что ждетъ меня за нимъ? Ахъ, друзья мои, я уже болѣе не вернусь, что бы передать вамъ рассказъ о загробной жизни. Вы не услышите моихъ стонъ; не увидите моего блаженства; что бы со мною ни было — для васъ останется тайною!...

— Что же, Долли, поѣдемъ мы? спросила я.

— За *тебя* я не могу отвѣчать. Что касается до меня, то я поѣду.

— Отчего же и мнѣ также не ѣхать бы, Долли?

Я встала съ мѣста и опустилась на колѣни передъ сестрою,

*

подставляя ей свои губы, съ намѣреніемъ поцѣловать ее. Я до того была счастлива, что готова была обнять каждаго (хотя, по правдѣ сказать, сестру не такъ искренно). Долли нехотя нагнулась, и приложила свою бархатную щеку къ моей. Она находила, что двумъ женщинамъ цѣловаться—значить во зло употреблять лучшей божій даръ, нѣжность.

— Препятствія къ этому не предвидится, отвѣчала она, холодно улыбаясь, развѣ только въ томъ, что у тебя не платя,— а лохмотья!

Я быстро вскочила на ноги, забывъ о нѣжности.

— Тѣмъ лучше для тебя, сказала я съ горечью; ты еще рѣзче выдашься рядомъ съ мною.

— Мнѣ и такъ выгодно быть рядомъ съ тобою, возразила Долли, и, довольная нанесеннымъ мнѣ ударомъ, удалилась.

Прошли сутки, и судьба перенесла меня изъ древняго нашего замка, гдѣ однѣ крысы оспаривали мою власть, въ громадный каменный дворецъ сѣраго цвѣта, гдѣ счастливо проживали Гуго Ланкастеръ и его маменька съ домашними пенатами.

Въ старомодную, желтую карету, на высочайшихъ рессорахъ, карету, въ которой отецъ и мать наши совершили свое свадебное путешествіе, запрягли пару старыхъ лошадей (одну съ шпатою, другую съ опухолью на колѣняхъ) и въ этомъ экипажѣ я и сестра отправились въ Вэнтвортъ Паркъ. Въ десять часовъ вечера, явились мы въ желтую гостиную, гдѣ военная молодежь и дамы находились уже всѣ на лице. Между ними были и хорошіе люди, но немного.

Кавалеры, только что оторванные отъ стараго портвейна 47 года, стояли, большею частію прислонившись къ дверямъ или къ стѣнѣ. Всѣ они были одѣты въ черные фраки, бѣлые галстуки, и отличались граціею, свойственною только англичанамъ. Дамы, въ голубыхъ, розовыхъ, пунцовыхъ платяхъ съ изящно сплоенными оборками, разукрашенныя натуральными и поддѣльными гирляндами, букетами, перьями, бабочками, томно раскинулись на желтой мебели. Желтый атласъ любимая матерія и цвѣтъ леди Ланкастеръ. Она приняла въ соображеніе цвѣтъ своихъ собственныхъ щекъ, и покрыла желтою обивкою всѣ диваны, кресла и оттоманки.

Позвольте сдѣлать вамъ краткое описаніе общества, въ которое я попала въ настоящую минуту. Вотъ сэръ Гуго въ фракѣ и въ весьма веселомъ расположеніи духа; его матушка

вся въ морщинахъ и въ алансонскихъ кружевахъ; худоцавый герцогъ съ красавицею женою, на полной шеѣ которой находящееся ожерелье куплено на сумму годового дохода ея супруга; господинъ въ очкахъ, котораго считаютъ гениемъ потому что онъ вѣчно молчитъ, и умѣетъ показывать два или три глуше фокуса; молодой судья, который, къ великому прискорбію его знакомыхъ, слишкомъ сильно вдался въ политическую экономію; высочій юноша въ сильномъ насморкѣ; другой низенькій, у котораго запонки въ видѣ мертвыхъ головъ, и который постоянно острить; пріятный старичекъ, не вѣрящій ниво что, и страстно любящій говорить двусмысленности; молодая женщина съ выдавшимися лопатками; другая съ злымъ языкомъ; вдова въ платѣ, сплошь покрытомъ чернымъ стеклярусомъ, и которая служитъ постоянной цѣлю анекдотовъ стараго весельчака; высочій, красивый господинъ по имени Мекъ-Грегоръ, и двѣ скромныя дѣвственницы, по имени Летранжъ.

Судья увлекъ веселаго скептика въ уголь, и сталъ развивать передъ нимъ новый вопросъ политической экономіи.

— Мы должны улучшить бытъ бѣдныхъ землепашцевъ, дорогой сэръ, вотъ что мы должны сдѣлать, говоритъ онъ конфиденціально, какъ будто сообщаетъ неслышанный дотолѣ секретъ. Мы должны произвести санитарныя реформы въ этой странѣ; вотъ о чемъ я твержу постоянно. Я вамъ доложу (понижая голосъ), что совершенное отсутствіе помойныхъ ямъ въ многихъ сельскихъ хозяйствахъ поразительно, увѣряю васъ.

— Да, да, вы правду сказали, именно такъ, отвѣчалъ несчастный скептикъ, не зная какъ вырваться изъ плѣна; на его лицѣ было писано полнѣйшее равнодушіе къ тому, существуютъ или не существуютъ помойныя ямы на всемъ Великобританскомъ островѣ. Онъ вспомнилъ какой то пріяный анекдотъ, и ждетъ, не дожидется, какъ бы передать его молодой вдовушкѣ.

— Я встрѣтилъ надняхъ вашего тезку, говорилъ господинъ въ катаррѣ, юношѣ съ мертвыми головами; это былъ когнетъ десятаго полка; у него было тамъ какое то прозвище; *досъ*, кажется?

— Что-о?

— Досомъ его звали, знаете, потому, что у него былъ длинный досъ, говорилъ онъ, трогая, для большей ясности, свой распухшій носъ.

— Какъ онъ, бѣдный, простудился! замѣчаетъ жирная герцогиня, тономъ состраданія.

— Легъ бы лучше въ постель, несчастный кавалеръ, колко вмѣшивается язвительная молодая дама. Леди съ выдавшимися лопатками тихо помахиваетъ вѣеромъ, и вздыхаетъ.

— Неужели вы не устали стоять? шепчетъ Долли такъ тихо, какъ зефиръ, перешептывающійся съ цвѣтами. Слова ея относятся къ полному, высокому господину, который стоитъ, наклонясь надъ ея кресломъ.

— Это вѣрно намекъ, что бы я убирался, отвѣчалъ толстякъ, не дѣлая впрочемъ ни малѣйшаго движенія, что бы удалиться. Сестра въ полголоса произноситъ:

— О, нѣтъ! и томно закрываетъ вѣками скромные глаза.

Долли сидитъ на низенькомъ стулѣ, прямо подъ громаднымъ канделябромъ, гдѣ сверкаетъ цѣлая сотня восковыхъ свѣчей, свѣтъ которыхъ такъ и обдаетъ ея серебристое бѣлое платье, открытыя плечи мраморной бѣлизны, и нитки коралловъ, которыми перенезаны ея сизочерные волосы. Долли ничего дурнаго не дѣлаетъ, ровно ничего; она сидитъ и смотритъ, но смотреть такъ, какъ я не умѣю смотрѣть, и за это я ее ненавижу. Дикъ облокотился руками на спинку ея стула; онъ особенно хорошъ сегодня вечеромъ, и какъ видно не въ нормальномъ состояніи; его бѣлокурые усы касаются ея уха; онъ говоритъ что то тихо и съ большимъ жаромъ, время отъ времени бросая на меня свирѣпые взгляды.

Что касается до меня, то я была въ такомъ положеніи, что охотно бы помѣнялась ролями съ любую изъ сидѣвшихъ здѣсь леди, захоти онѣ только предложить мнѣ обмѣнъ. Я возсѣдаю на диванѣ (желтомъ, конечно), рядомъ съ сэромъ Гуго, и мы оба держимъ на колѣняхъ книгу съ картинами (она поконится частію на его, частію на моихъ ногахъ). Онъ упорно старался приблизить свою голову къ моей, какъ я ни отклонялась отъ него. Издали, каждый наблюдатель, посмотрѣвъ на насъ, рѣшили бы, что мы влюбленная пара, и что онъ за мною сильно ухаживаетъ.

Прямо противъ меня огромное зеркало; я изрѣдка посматриваю туда. Вижу маленькую головку, съ вѣнцомъ изъ красныхъ волосъ; вижу большіе, голубые глаза, съ дѣтскимъ, испуганнымъ выраженіемъ, готовые заплакать, и, наконецъ, правильно очерченный пунцовый ротикъ съ дрожащими отъ волненія губами.

Мы разматриваемъ гравюры Лендсира.

— Славной породы собака, говорилъ сэръ Гуго, указывая на одну картину. Неправда ли? У меня была точно такая же, только у нея на мордѣ было больше подпалынѣ. Великолѣпнѣйшая охотничья собака! Кончила только дурно: бѣдная попала ногою въ западню, и ее принуждены были застрѣлить. Меня никогда въ жизни ничто такъ не поражало какъ ее смерть!

— Можетъ быть, бормочу я разсѣянно.

— Что можетъ быть? восклицаетъ сэръ Гуго.

— Развѣ я что сказала! извините пожалуйста, я не совсѣмъ разслушала вашъ разсказъ. А отчего? Уши у меня давно были насторожѣ, стараясь уловить слова Долли. Уши у меня хотя и маленькія, но слухъ очень тонкій.

— Неправда ли, какъ сегодня Нелли интересна? говорила сладкимъ голосомъ сестра. Дорого я дала бы за свѣжестъ ея впечатлѣній. Для насъ, людей отжившихъ, удовольствіе уже не имѣетъ настоящаго букета. Неправда ли?

Отвѣтъ Дика проносился за ея спиною, такъ что я слышать его не могла.

— И женщина, и дитя въ одно время, право! Посмотрите, какъ она ловко соединила два развлеченія, повлонника и книгу съ картинками? Дикъ кусаетъ свои золотистые усы; его сѣрые глаза мечутъ искры.

— Ей должно быть пресесело, если только разговоръ Ланкастера *можетъ* ее занимать, сказалъ онъ.

— О! не думаю! она такъ молода и... и... Знаете что Мегъ-Грегоръ, я завидую ея способности увлекаться. При такомъ характерѣ, въ обществѣ не можетъ быть никогда скучно, не то что намъ! Не такъ ли?

Адская стрѣла вылетѣла изъ черныхъ, страстныхъ, пламенныхъ глазъ. Если сердце Дика осталось нетронуто, то его кровь не могла не взволноваться.

— Вы поете, бисъ Сейбуръ? спрашиваетъ юноша въ катаръ барыню съ выдавшимися лопатками.

— Иногда, для друзей только, изрѣдка. А вы?

— Дѣтъ! но очень люблю пѣніе. Знаете вы романсъ: «Тайна Бегги?»

Миссъ Сеймуръ кусаетъ вѣрвь, въ смущеніи.

— «Тайна Бегги»? нѣ... ѣтъ! не слыхала: чье же это? А — а!

Вы вѣрно хотите сказать: «Тайна Меэпи»; какъ я глупа, что не догадалась!

Оказывается, что миссъ Сеймуръ знаетъ романсъ, очень любивъ его, и споетъ, если джентлменъ желаетъ. Мой Гуго и я, доходимъ, наконецъ, до изображенія послѣдней собаки въ книгѣ.

— Гмъ! конецъ уже? говоритъ Гуго, стараясь раздѣлить послѣдній листъ на двое, своимъ толстымъ пальцемъ. Не жалѣйте, у меня еще много такихъ альбомовъ.

Онъ всталъ, что бы достать новой пищи моимъ глазамъ и головѣ; я протянула умоляющую руку.

— Пожалуйста! въ другое время! Довольно смотрѣть картины. Я... я... немного устала. Достойный баронетъ взглянулъ на меня Испугъ рѣзко выразился на его широкомъ смугломъ лицѣ.

— Устали? вздоръ! Неужели? Не хотите ли хересу съ содовою водою? Матушка! посмотрите, миссъ Летранжъ такъ утомлена, что двинуться не можетъ. Что намъ съ нею дѣлать?

Леди Ланкастеръ, въ своихъ алансонскихъ кружевахъ, къ счастью, сидѣла далеко; притомъ старая леди была туговата на ухо.

— Бога ради! тише, тише, это пройдетъ! Въ комнатѣ слишкомъ жарко! говорила я, задыхаясь.

— Ахъ, правда! я и не сообразилъ, что здѣсь дѣйствительно жарко, какъ въ печкѣ; никакъ не могу убѣдить матушку, что бы она приказала окна отпирать; пойдете въ слѣдующую комнату, тамъ свѣжѣе, и мы будемъ совершенно одни. «Вотъ положеніе то!» думала я. Восковья свѣчи ярко пылаютъ; звуки чьего то пѣнія рѣжутъ мнѣ уши; желтый атласъ такъ и бьетъ въ глаза, а прямо передо мною возвышается античная греческая голова, съ злымъ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ. «Ну, за что онъ сердится? что я такое сдѣлала? Чѣмъ я могу дѣло поправить?»—Пойдете; мы тамъ будемъ совершенно одни! повторяетъ простодушный сэръ Гуго, ни мало не понижая своего громкаго голоса. Старый скептикъ вырвался наконецъ изъ плѣна, и передаетъ уже свой пріянный анекдотъ молодой вдовѣ, которая хихикаетъ, прикрываясь носовымъ платкомъ съ траурною коемкою. Въ комнатѣ сильно пахнетъ пачулею эссъ-буветомъ, и душистыми гарденіями. Въ горлѣ у меня дѣлаются истерическія спазмы; я вижу лице злаго Дика, какъ сквозь туманъ. Я сейчасъ зарыдаю! Я сцену сдѣлаю! Я одурачусь!...

Быстро вскочивъ съ мѣста, я опрокидываю соломенный стулъ,

двухъ китайскихъ божковъ, пробѣгаю черезъ всю комнату, и скрываюсь за толстою портіерою. Я, наконецъ, одна въ пустой прохладной гостиной, но увы! Гуго, крайне удивленный моею неприличною поспѣшностію, летитъ по моимъ слѣдамъ. Голосъ Долли, ея полусострадательный съ полуматеринскимъ сочувствіемъ тонъ, зарѣзали меня окончательно.—Бѣдняжка Нелли! говорила сестра, какъ у нея граціозна вышла *cette manière empressée*. Неправда ли?

(Окончаніе будетъ.)

ГОЛУБКА ВЪ ОРЛИНОМЪ ГНѢЗДѢ.

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Двухглавый орель.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, когда стрѣльба въ птицу на шесть была въ полномъ разгарѣ на турнирѣ, упражненія были прерваны посланнымъ отъ городского головы, объявившимъ, что, по полученному имъ извѣстiю, императорскій дворъ прибудетъ черезъ сутки въ городъ.

Начались приготовления. Арена была усыпана свѣжимъ пескомъ. Какъ на галереяхъ внутри, такъ и снаружи, на домахъ и балконахъ, развѣшены были разноцвѣтныя твани; фонтанъ на рыночной площади, началъ бить рейнскимъ виномъ; весь Ульмъ поднялся на ноги, что бы не ударить лицомъ въ грязь передъ императоромъ, а Эббо стоялъ среди всей этой суматохи, и выводилъ палочкою своего арбалета черточки на песокъ; чванство, нерѣдко свойственное очень молодымъ людямъ, мучило его; ему казалось, будто императоръ и король римскiй придутъ въ Ульмъ нарочно затѣмъ, что бы уничтожить его личную независимость, и что вся Германiя сторожитъ мигнуту его униженiя.

— Посмотри! посмотри! закричалъ вдругъ Фридель, что это такое тамъ, на выступѣ, около башни собора? Человѣкъ это или птица?

— Что за вздоръ! Какую же птицу можно разглядѣть отсюда, кромѣ развѣ одного орла, сказалъ Эббо. Безъ сомнѣнія, тамъ поднимаютъ флагъ.

— Здѣсь не существуетъ такого обычая, возразилъ Казимиръ.

— Я вижу его, перебилъ Эббо. Однако же удалая долженъ онъ быть голова! Мы поднимались на эту высоту, вплоть до балкона; дальше нѣтъ лѣстницъ, только закраина и выступы надъ карнизами.

— И остатки отъ сломанныхъ лѣсовъ, прибавилъ Фридель. Вѣроятно, плотникъ пришелъ ихъ осмотрѣть. Глядите. Онъ лѣзетъ все выше и выше!

— Плотникъ! сказалъ Эббо; какъ бы да не такъ! Нѣтъ, только охотникъ за сернами можетъ похвалиться такою головою и ногою. Такая вышина стоитъ Орлинаго Гнѣзда, Фридель!

— Да, конечно! отвѣчалъ Фридель; онъ словно муха ползаетъ.

— Новсе разочарованіе! пробормоталъ Эббо; я думалъ, что ни одинъ горожанинъ не можетъ превзойти насъ, когда придется лѣзть на такую вышину, что голова кружится. Кто бы могъ это быть?

— Гляди, гляди! закричалъ Фридель. Господи помилуй! Онъ тамъ на самой вышинѣ и на самой узкой закраинѣ—мѣрять.

— Боже мой! Онъ ухватился за гнилые лѣса: ай да молодецъ! вскрикнулъ Эббо. Ахъ, лѣса подломились!

— Спаси, Господи! закричалъ Вильдшлоссъ, съ отчаяніемъ въ лицѣ, котораго мальчики не замѣтили, оттого, что Фридель закрылъ свои глаза, а Эббо вытаращилъ свои съ ужасомъ: онъ вмѣрилъ уже глазами высоту 380 футовъ, съ какою приходилось падать смѣльчаку. Потомъ, взглянувъ опять наверхъ, закричалъ: — Я вижу его! вижу! Слава Богу! Онъ спасенъ! Онъ тамъ ухватился за каменный зубецъ.

— Гдѣ? гдѣ? покажите мнѣ! вскрикнулъ Вильдшлоссъ, схвативъ руку Эббо.

— Вонъ тамъ высоко! Онъ виситъ надъ выступомъ карниза.

— Я не вижу. У меня потемнѣло въ глазахъ и рябитъ, ска-

залъ Вильдшлоссъ. Боже милостивый! Это новое испытаніе, ниспосылаемое Провидѣніемъ! Что съ нимъ теперь, Эббо?

— Спускается ниже, цѣпляясь за каменные зазубрины. Теперь ему легко, если голова и руки не измѣняютъ ему послѣ того, какъ онъ оборвался.

— Ну, вотъ! прибавилъ Фридель, переведа духъ, онъ на нижнемъ парапетѣ, гдѣ начинается лѣстница. Вы не знаете кто онъ такой?

— Пойдемте къ нему на встрѣчу, тогда узнаемъ, сказалъ Вильдшлоссъ.

Дверь отворилась; изъ нея вышелъ рыцарь очень высокаго роста, въ короткой испанской эпанчѣ, воротникомъ которой можно было прикрывать лице. Онъ посмотрѣлъ направо и налево, и взялся было рукою за воротникъ, какъ вдругъ, узнавъ Казимира, протянулъ къ нему руки, и воскликнулъ:— Ба, Адлерштейнъ! легокъ на поминъ! Я рассчитывалъ съ тобою встрѣтиться здѣсь. Не снимай шапку: я еще не пріѣхалъ. Я въ Страсбургѣ съ императоромъ и эрцгерцогомъ; мы явимся на торжественную встрѣчу въ полномъ парадѣ. Я пріѣхалъ отъ скуки осмотрѣть городъ. Скажи, пожалуйста: откуда ты добылъ себѣ такую славную парочку пажей?

— Это не пажи мои, ваше высочество, сказалъ рыцарь; напротивъ того, вотъ этотъ юноша глава нашей фамиліи. Позвольте представить вамъ фрейгера фонъ-Адлерштейна. — Онъ обратился къ Фриделю, но тотъ поспѣшно отступилъ.

— Ты и самъ не можешь ихъ различить! сказалъ король Максимилианъ. И когда юноши хотѣли снять свои шапки, и поклонить колѣно, онъ поспѣшно ихъ остановилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! вы такъ соберете около меня цѣлую толпу! Поберегите выраженія вашего благоговѣнія для императора Фрица. — Потомъ онъ взялъ дружески Казимира подъ руку, и сказалъ: Теперь я припоминаю. Ты ѣздилъ за наслѣдствомъ послѣ стараго мышелова Спорнаго Брода, и вдругъ какіе то два подкидыши, плодъ супружества съ крестьянкою, обошли тебя.

— Извините, ваше высочество, баронъ вступилъ въ бракъ съ горожанкою, столько же прекрасною, сколько и добродѣтельною, и которая, несмотря на всѣ препятствія, дала этимъ юношамъ хорошее и благородное воспитаніе.

— Вотъ что! сказалъ король, круто повернувшись къ близ-

нецамъ. Согласны ли вы оставить грабежъ, и идти со мною, въ крестовый походъ противъ Турокъ?

— Пойду, куда угодно, съ такимъ предводителемъ! воскликнулъ Эббо съ восторгомъ.

— Какъ? и туда наверхъ? сказалъ Максимилианъ, улыбаясь, Ты, какъ я вижу, долженъ быть ловкій охотникъ.

— Фридель былъ на Красномъ Гнѣздѣ, воскликнулъ Эббо; потомъ, спохватившись, что сказалъ глупость, онъ покраснѣлъ.

— Что же это такое Красное Гнѣздо? спросилъ весело король.

— Это утесъ, возвышающійся надъ нашимъ замкомъ, скромно сказалъ Фридель.

— Никто другой не былъ тамъ, прибавилъ Эббо, замѣтивъ любопытство слушателя; братъ увидѣлъ, что орелъ несъ въ гнѣздо козленка бѣдной вдовы, и, должно быть, это придало ему крылья, потому что ни прежде, ни послѣ него, мы не могли туда попасть; вотъ и перо, которое онъ самъ взялъ изъ гнѣзда. И Эббо показалъ дрянное перо, которое было на шляпѣ, прикрытое другимъ посвѣжѣе.

— А ты не расскажешь, подхватилъ Фридель, что вы пришли, и вытащили меня изъ оврага, гдѣ мнѣ пришлось бы провести всю ночь?

— Это и съ нами бывало! сказалъ король; намъ случилось висѣть между небомъ и землею; даже разъ отслужили обѣдную за упокой моей души, потому что считали меня погибшимъ въ горахъ. Адлерштейнъ? Скала ваша надъ Браунвассеромъ? Когда нибудь вы мнѣ покажете это ваше Гнѣздо, и мы посмотримъ, можемъ ли удивить нашихъ братцевъ, орловъ. Мы увидимся завтра при дворѣ нашего отца, прибавилъ онъ мило- стиво. Эббо сдѣлалъ поклонъ, въ знакъ согласія.

— Вотъ, сказалъ король, когда, по уходѣ братьевъ, онъ сталъ прогуливаться съ Казимиромъ, не браните меня за удалство и неблагоразуміе. Здѣсь верхъ колокольни оказался верхомъ политической мудрости. Она сдѣлала изъ мышелова вѣрнаго подданнаго.

— Благодарю Бога, что вы привлекли къ себѣ вѣрное, хотя и гордое, сердце! сказалъ Вильдшлоссъ; но духъ грабительства былъ изъ него изгнанъ уже прежде умнымъ воспитаніемъ матери.

— Сколько имъ лѣтъ?

— Около шестнадцати, ваше королевское высочество.

— Вотъ что значить жизнь въ горахъ!

Между тѣмъ, Эббо и Фридель возвращались домой въ восторженномъ настроеніи, какое обыкновенно чувствуютъ всѣ пылкіе юноши, при встрѣчѣ съ величіемъ, или съ блестящими качествами.

Максимиліанъ, болѣе чѣмъ кто другой, отличался этими блестящими качествами. Послѣдній изъ рыцарей, несмотря на многіе недостатки, онъ былъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и наслѣдственному вліянію длиннаго ряда предковъ, настоящимъ властителемъ людей, и по ви́шнему виду, и по обращенію, не смотря на крайнюю простоту и безпечность. Ему было въ то время лѣтъ около тридцати двухъ; онъ былъ необыкновенно высокъ, исполненъ жизни и огня, что не мѣшало ему казаться величественнымъ, бѣлокурый, съ благороднымъ, хотя и загорѣлымъ, лицомъ, съ темно сѣрыми глазами, длинными, волосами, орлинымъ носомъ и съ едва отвисшею губою, характеристическою чертою австрійскаго дома, которая въ немъ проявлялась еще не особенно рѣзко. Выраженіе лица его было надменное, по временамъ задумчивое, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, исполненное проникательности и юмора. Способности у него были замѣчательныя; намѣренія, особенно въ этотъ періодъ его жизни, самыя благородныя и достойныя перваго государя христіанскаго міра; если же жизнь его и была неудачна, а слава недостойна его дарованій, то причины этого заключаются, по видимому, въ недостатокъ послѣдовательности и настойчивости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Необычайная даровитость какъ будто ослѣпляетъ иногда того, кто ею надѣленъ, производитъ путаницу въ его стремленіяхъ, заставляетъ разбрасываться въ разныя стороны, и, не окончивъ начатаго дѣла, приниматься за другое. Такимъ образомъ Максимиліанъ занимаетъ въ исторіи далеко не столь видное мѣсто, какъ его внукъ Карлъ V, котораго онъ однако превосходилъ, во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ одного качества, самаго главнаго изъ всѣхъ, а именно силы воли. Такимъ же точно образомъ отдаленный потомокъ его, Фердинандъ Штирійскій, достигъ своихъ цѣлей, между тѣмъ какъ даровитый и блестящій Іосифъ II умеръ съ разбитымъ сердцемъ, называя свое царствованіе неудачнымъ и ошибочнымъ. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя сказать того же самаго о Мак-

симиліанѣ, по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ имперіи. Разница, между положеніемъ Германской имперіи, до начала его царствованія и по его воцареніи такъ же велика, какъ разница между хаосомъ и порядкомъ. До него не было ни настоящей централизаціи власти, ни правосудія. Сосѣдъ объявлялъ войну сосѣду; кулачное право было признаннымъ закономъ въ странѣ, и, за исключеніемъ вольныхъ городовъ и тѣхъ мѣстностей, гдѣ попадался, въ видѣ счастливой случайности, здравомыслящій государь, положеніе Германіи было едва ли не хуже положенія Шотландіи отъ Брюса и до соединенія ея съ Англіею. При Максимилианѣ, сеймъ получилъ дѣйствительное значеніе; кулачное право было уничтожено; независимость бароновъ разбойниковъ сокрушена; цивилизація вступила въ свои права, введена система обруговъ, и Германія, вмѣсто средоточія анархіи и безпорядковъ, обратилась въ первенствующую европейскую державу. Никогда Карлъ V не достигъ бы того значенія, какое онъ имѣлъ, если бы онъ наслѣдовалъ обыкновенному человѣку, а не способному и проникательному реформатору, какимъ былъ Максимилианъ, на котораго смотреть, между тѣмъ, какъ на какую то фантастическую каррикатуру странствующаго рыцаря, обезславленную скупостію и слабостію воли.

Въ ту эпоху, о которой мы пишемъ, ни одна изъ дурныхъ сторонъ Максимилиана, еще не успѣла проявиться. На немъ сосредоточивались всѣ надежды Германіи, и его ослабѣвшій отецъ считался единственною помѣхою на его пути, мѣшавшею ему привести въ исполненіе его благородныя намѣренія: возстановить миръ и порядокъ въ имперіи, и созвать общій крестовый походъ противъ турокъ, успѣхи которыхъ грозили самою страшною опасностію христіанскому міру. Поэтому имя его часто упоминалось горожанами, между которыми онъ былъ очень популяренъ, не столько по непринужденности и свободѣ своего обращенія, сколько по своему образованному вкусу, любви къ живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и механикѣ, благодаря которымъ онъ усовершенствовалъ огнестрѣльное оружіе, и покровительствовалъ живописцамъ и граверамъ, общество которыхъ предпочиталъ обществу своего тогдашняго тупаго и невѣжественнаго дворянства.

Эббо такъ много слышалъ о совершенствахъ короля римскаго, что заранѣе приготовился ненавидѣть его; но мальчикъ,

отъ природы великодушный, впечатлительный и восторженный, не могъ устоять противъ обаянія его геройскаго духа и обворожительнаго обращенія; онъ и братъ его съ нетерпѣніемъ ждали торжественнаго вѣзда.

На слѣдующій день, Христина, въ черномъ бархатномъ платьѣ и съ жемчугомъ на головномъ уборѣ, любимомъ одѣяніи ея сыновей, сидѣла возлѣ тетки, облокотившись на балконъ, съ котораго спускался богатый коверъ; между ними сидѣла маленькая Текла, которую отецъ ввѣрилъ ихъ попеченіямъ, что бы показать ей процесію. Звонъ колоколовъ и музыка въ церквахъ, раздававшаяся и на улицахъ, веселый говоръ и радостныя лица суетящагося народа, понравились малюткѣ; она прыгала и удивлялась, зачѣмъ люди живутъ въ монастыряхъ, когда на свѣтѣ такой просторъ и веселье. Іоганна старалась набожно растолковать ей что то о свѣтскихъ искушеніяхъ и о мирномъ монастырскомъ житіи, но Текла перебила ее, и, прижавшись къ Христинѣ, завричала:—Какъ бы да не такъ! я, напротивъ, всегда скверною дѣвочкою, когда я съ матушкою Людмилою въ монастырѣ, а я знаю, что никогда не буду скверною здѣсь, съ вами и съ фрейгерами; мнѣ будетъ хорошо.

Процесія двинулась навстрѣчу императору. Сначала шли ландскнехты и городская стража съ пищалями и алебардами. Гильдія за гильдіею слѣдовали одна за другою, каждая съ своими значками, на которыхъ были изображены эмблемы ихъ мастерства: котель гончара, штаны портнаго и т. п.; младшіе ученики были впереди; старшіе ремесленники вооружены были самострѣлами и алебардами. За ними шла нестройная толпа студентовъ, буйныхъ юношей, собранныхъ изъ всѣхъ частей Германіи и Швейцаріи; несмотря на мелькавшія мѣстами серіозныя озабоченныя наукою лица, общій видъ этихъ будущихъ представителей духовенства и воспитателей юношества Германіи былъ не особенно внушительнъ. За ними шли профессоры университетовъ, затѣмъ бургомистры съ городскимъ главою. Между ними шелъ Готфридъ въ богатой одеждѣ, подбитою мѣхомъ, съ золотою цѣпью на груди; проходя мимо балкона, гдѣ сидѣли его жена и племянница, онъ кивнулъ головою, и весело улыбнулся. Христина вспомнила о тѣхъ дняхъ, когда видѣтъ его въ такомъ нарядѣ было для нея величайшимъ торжествомъ.

Тутъ послышалось бряцаніе шпоръ и топотъ лошадей всадниковъ, и показались шапки, украшенныя перьями, и легкія ман-

тии вооруженныхъ юношей. Молодой графъ Ридигеръ, посмотрѣвъ на балконъ, ловко привѣтствовалъ дамъ вѣжливымъ поклономъ, а вслѣдъ за нимъ, съ улыбкою и поднятыми лицами, проѣзжала пара юношей, которыхъ черные глаза и волосы и стройный станъ отмѣчали среди молодежи германскаго происхожденія. Каждый изъ нихъ махалъ шапкою, а блестящіе глаза сверкали отъ удовольствія, при видѣ милой «мамаши».

Христина внимательно посмотрѣла также на короля римскаго, потому что ей предстояло дать отчетъ — видѣла ли она его? Текла вскрикнула отъ радости, при взглядѣ на отца, верхомъ на вороной лошади, высокаго, роскошно одѣтаго, который ей улыбнулся, и отвѣсилъ такой низкій, почтительный поклонъ Христинѣ, что это было замѣчено даже тѣми, при чемъ приближеніи дамы вставали, а шапки мужчинъ снимались.

Среди всадниковъ, на сѣрой лошади, ѣхалъ старикъ въ пурпуровой бархатной мантии, и кланялся на обѣ стороны: это былъ императоръ. Около него, съ одного бока, ѣхалъ Максимилианъ, который, подмѣтивъ поклонъ Казимира и бросивъ бѣглый взглядъ на балконъ, лукаво улыбнулся, къ величайшему смущенію Христины, которая въ слѣдствіе этого проглядѣла предметъ шумнаго восторга г-жи Иоганны, красиваго юношу, молодаго государя Нидерландовъ, ѣхавшаго съ другаго бока императора. Процессія замыкалась рейтарами, изъ императорскихъ тѣлохранителей, наемными солдатами, въ стальныхъ латахъ, которыхъ провожали враждебные взгляды уличныхъ зѣвакъ. Разныя церемоніи, міеологическаго характера, безпрестанно замедляли шествіе, такъ что, не ранѣе какъ черезъ два часа, мальчики усталые вернулись домой.

Эббо долженъ былъ немедленно одѣваться къ обѣду, назначенному въ залѣ ратуши. Въ слѣдствіе большого стеченія гостей, не хватало мѣста, а потому Готфридъ рѣшилъ исключить младшаго брата изъ числа приглашенныхъ. Фридель простилъ ему это охотнѣе, чѣмъ Эббо, который сердился за обиду, нанесенную его двойнику, но какъ онъ ни дулся, а долженъ былъ ѣхать безъ него, съ Казимиромъ и Сорелемъ.

Вернувшись домой, Эббо рассказалъ брату, какъ милостивъ былъ къ нему императоръ, и что король римскій спрашивалъ о немъ. — Но ты увидишь его завтра, потому что завтра насъ посвятятъ въ рыцарское достоинство, сказалъ онъ.

— Какъ! Уже! вскрикнулъ Фридель, и щеки его разгорѣлись.

— Да, сказалъ Эббо. Римскій король говорилъ, что бы подождать, когда мы выслужимъ себѣ шпоры; но императоръ сказалъ, что въ моемъ положеніи я могу занять мѣсто между рыцарями; я поблагодарилъ его, такъ и ты будешь раздѣлять со мною эту честь.

— Императоръ, сказалъ Вильдпlossъ, не такой человекъ, что бы выпустить изъ рукъ плату за рыцарское достоинство. Король хотѣлъ бы избавить васъ отъ этого притѣсненія, и сдѣлать васъ рыцарями своею собственною шпагою, подъ знаменами имперіи; но теперь уже нельзя этого сдѣлать, и вы должны собрать оброкъ съ вашихъ вассаловъ.

— Моихъ вассаловъ? сказалъ Эббо; что же могутъ они прислать?

— Извѣстный налогъ за рыцарское право на достоинство наследника.

— Но что же съ нихъ взять? У нихъ ничего нѣтъ! сказалъ Фридель. Они съ трудомъ платятъ намъ мукою и живностію для нашего ежедневнаго обѣда; если бы мы стали сдирать съ нихъ живыхъ кожу, то всетаки не вытянули бы изъ нихъ всѣхъ и шестидесяти грошей.

— Сущая правда! сказалъ Эббо мрачно. Мы должны ждать, пока заслужимъ рыцарство.

— Никакъ нельзя; вы приняли предложеніе, сказалъ Вильдпlossъ. Король такъ любитъ свою кубышку, что не откажется отъ васъ. Вы должны приготовить деньги для канцлера, за шпори, плату герольдамъ и для раздачи народу.

— Мама, ваше приданое, сказалъ Эббо.

— Къ твоимъ услугамъ, мой милый, сказала Христина, которой хотѣлось разогнать уныніе сына.

Нельзя было не роптать на жадность Фридриха IV, заставлявшаго молодыхъ людей непомерно дорого платить за рыцарское званіе, и Эббо видѣлъ, что хозяйственныя улучшенія должны быть отложены, по случаю оказанной имъ чести, которую они желали бы лучше заслужить, чѣмъ купить.

— Если ваши вассалы не могутъ заплатить оброка, то не позволите ли вашему родственнику?.. началъ было Вильдпlossъ.

— Нѣтъ! прервалъ его Эббо съ негодованіемъ; нѣтъ, милостивый государь! Скорѣе же мать, братъ и я, мы всѣ возвратимся

въ эту же ночь въ свои горы, вновь на полную свободу, чѣмъ принять одолженіе отъ кого бы то ни было!

— Не горячись, господинъ Фрейгеръ, сказалъ серіозно Готфридъ. Ты перебилъ своего благороднаго крестнаго отца, и еще не выслушалъ меня. Ты и твой братъ — единственные наследники послѣ меня, старика, и потому вы не подвергаетесь никакому оскорбительному обязательству, взявъ впередъ то, что будетъ принадлежать вамъ по праву. Я хочу, что бы мои племянники ни въ чемъ не нуждались, не хуже другихъ рыцарей.

Мать съ безпокойствомъ смотрѣла на Эббо. Онъ наклонилъ голову, и, покраснѣвъшись, сказалъ. — Благодарю, мой добрый дядя. Я научился принимать благодаренія отъ васъ, какъ отъ отца роднаго.

— Но только, прибавилъ Фридель, если положеніе брата требуетъ посвященія въ рыцари, то я конечно могу остаться оруженосцемъ.

— Ни за что, Фридель! вскрикнулъ Эббо. Я ничего не хочу безъ тебя.

— Справедливо, сказалъ Сорель, что слѣдуетъ одному, то слѣдуетъ и другому. Я не хочу исключать тебя, если уже мнѣ не суждено посвятить тебя въ таинства моего ремесла.

— До завтра! сказалъ Фридель. Итакъ мы сегодня проведемъ всю ночь въ бдѣніи за молитвою.

— Юноша думаетъ, что мы живемъ во времена Роланда и Карла Великаго, сказалъ Вильдшлоссъ. Ему хотѣлось бы караулить свое оружіе при свѣтѣ луны въ соборѣ! Увы, мой другъ! Рыцарство нашего времени требуетъ только подмазыванія колесъ, а не доблестныхъ дѣлъ.

— Несносный человѣкъ! вскричалъ Эббо, какъ скоро заперъ дверь комнаты, которая была у него общая съ братомъ. Если я завтра запишусь въ лгу, то единственно ради того, что бы сбить съ него спѣсь покровительствомъ, которое онъ намъ оказываетъ, и отнять у него право думать, что насъ терпятъ изъ уваженія къ нему.

— Ты хочешь присоединиться къ лигѣ; ты примешь подданство, воскликнулъ Фридель, какъ обрадуется мамаша!

— Если уже зависимость неизбежна, то я лучше желаю зависѣть отъ славнаго императора и этого благороднаго короля, чѣмъ терпѣть вмѣшательство нашего родственника въ

*

наши дѣла, сказалъ Эббо. Теперь я буду ему равный, и перестану числиться въ ряду тѣхъ придворныхъ недорослей, въ обществѣ которыхъ я находился сегодня. Глупцы! они не знаютъ ничего, кромѣ охоты. Невѣжество ихъ поразительно. Любимый разговоръ ихъ о кушаньяхъ и о винахъ. Когда каждый сталъ пить за здоровье той, которую болѣе всего любить, то я сказалъ, что люблю мою милую мамашу болѣе всего на свѣтѣ, а они стали насмѣхаться надъ мною, какъ надъ простачкомъ горцемъ, уважающимъ свой долгъ. Потомъ, когда слуги принесли чашу, я подумалъ, что это подаютъ ключевую воду, для освѣженія желудка послѣ всѣхъ ихъ горячихъ напитковъ... Какъ бы не такъ!

— Это розовую то воду, Эббо? ну, немудрено, что они смѣялись! И здѣсь послѣ обѣда обносили кругомъ чашу, что бы каждый макалъ въ нее свои пальцы.

— А! ты замѣчаешь всѣ ихъ финикійскіе обычаи. Положимъ, что я ихъ не знаю, но зато у меня не такая пустая башка, какъ у нихъ. Большая часть изъ нихъ призналась, что ненавидить книги. А молодые нидерландцы, пріѣхавшіе съ эрцгерцогомъ, хуже всѣхъ. Они всѣ говорили между собою пофранцузски, и съ такимъ же презрѣніемъ относились къ нѣмецкой молодежи, съ какою та отнеслась ко мнѣ. Когда городской голова обратился къ эрцгерцогу, хохотавшему вмѣстѣ съ ними, съ вопросомъ, то онъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его, пока не загремѣлъ голосъ отца: «Это что за новости, Филиппъ? Твои нѣмецкія уши стали глухи въ родному языку.» Римскій король — рыцарь изъ рыцарей, Фридель. Я готовъ слѣдовать за нимъ на край свѣта.

Фридумундъ подошелъ къ окну, и задумался. Воспитанный въ уединеніи, на разказахъ, выливавшихся изъ чистой материнской души, непричастный испорченности свѣта, Фридумундъ смотрѣлъ на рыцарство, хотя и униженное въ то время, какъ на священный обѣтъ, такъ же какъ и Эбергардтъ, который ни въ чемъ не отставалъ отъ брата. Хотя они и не провели ночи на стражѣ у оружія, но, тѣмъ не менѣе, не ложились спать, и рано утромъ, когда всѣ спали, отправились въ церковь исповѣдаться. Хотя мысль о томъ, что онъ былъ послѣднимъ, дѣйствительно *свободнымъ*, барономъ Адлерштейномъ и удручала Эббо, но, съ другой стороны, его трогало доброжелательство Фридриха и Максимилиана, и онъ понималъ, что подчиненіе, лишив-

шее его весьма ограниченной и даже почти мнимой власти, влекло за собою сношенія съ цивилизованнымъ міромъ, и отрывало ему путь къ истиннымъ почестямъ.

По окончаніи присяги, имъ поднесли шпаги, и они были произведены въ рыцари. На обѣдѣ, данномъ по этому случаю, юноши сидѣли съ старшими сановниками, и съ удовольствіемъ слушали ихъ разговоры о войнѣ и о политикѣ, потому что умъ обоихъ братьевъ былъ развитѣе, чѣмъ у сверстниковъ ихъ, но зато они стояли ниже ихъ въ знаніи свѣта.

Пустота и тупоуміе большей части знатныхъ господъ были причиною, что они съ радостію возвратились къ обычной домашней жизни, когда дворъ оставилъ Ульмъ. Оба брата сидѣли съ матерью, каждый за любимымъ своимъ занятіемъ, когда дверь тихо отворилась, и они услышали голосъ, заставившій ихъ вздрогнуть и подняться съ мѣста.

— Да, господинъ бургомистръ, мнѣ хотѣлось бы видѣть ваши художественныя произведенія. Ба! вотъ наши двойники, новые рыцари! И Максимилианъ вошелъ въ простой одеждѣ всадника, въ сопровожденіи Готфрида и Казимира Вильдшлосса.

Христина хотѣла незамѣтно ускользнуть, но король снялъ уже шанку съ своихъ мудравыхъ волосъ, и, наклонивъ голову, сказалъ: — Прекрасная баронесса фонъ-Адлерштейнъ, примите мое привѣтствіе и благодарность императора и мою собственную зато, что воспитали для насъ двухъ вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ.

— Желаю, что бы они доказали это на дѣлѣ, государи! сказала Христина, низко присѣдая.

— И не простыхъ вѣроподданныхъ, но и съ образованнымъ умомъ, что встрѣчается рѣже между нашею молодежью. Что это у тебя за книга, молодой рыцарь? Виргилій Маронъ? Развѣ ты читаешь полатыни? прибавилъ онъ на этомъ языкѣ.

— Не такъ хорошо, какъ бы мнѣ хотѣлось, ваше королевское высочество, живо отвѣчалъ Эббо полатыни; ми до пріѣзда сюда учились только у матери.

— Это все равно, милый мой, сказалъ король, засмѣявшись. Знаешь ли что? Наши многоученые профессора считали меня до десятилѣтняго возраста слишкомъ тупымъ для ученія. А двойникъ твой что дѣлаетъ? Рѣжетъ на деревѣ? Вотъ какъ! Ты талантливый художникъ, молодой рыцарь!

— Помогаетъ мнѣ старику, сказалъ Готфридъ, но у него та-

кіе ловкіе приемы, какіе не даются ни одному изъ мсихъ подмастерьевъ.

— Это врожденная способность, сказалъ Максимилианъ. Не краснѣй молодой рыцарь, подхватилъ онъ, замѣтивъ, что Фридель сконфузился болѣе потому, что чувствовалъ, какъ Эббо стыдился за него. Это рѣдкій даръ: я могу сдѣлать сто рыцарей въ день, а создать геніевъ не въ моей власти.

Максимилианъ, желавшій иллюстрировать сочиненное имъ описаніе своей жизни подъ заглавіемъ «Вѣлнй Король» (Der weisse König), часто посѣщалъ художниковъ, что бы толковать съ ними о предметѣ, который такъ сильно занималъ его. Онъ хотѣлъ представить въ картинкахъ свой счастливый, хотя короткій, бракъ съ Маріею Бургундскою и свое ученіе языкамъ отъ природныхъ иностранцевъ—чешскому отъ мужа и съ корзиною лицъ, англійскому отъ бургундскихъ изгнанниковъ, которые внучили его также употребленію длиннаго лука, строенію отъ архитекторовъ и каменщиковъ, живописи отъ художниковъ; онъ сочинялъ и фантастическія картины, напримѣръ: онъ изучаетъ астрологію по необыкновенному огненному шару на небѣ, а чернокнижію учитъ его колдунья, вдохновляемая демономъ, сидящимъ у нея на плечѣ съ длиннымъ хвостомъ.

Эббо, удивляясь многостороннимъ знаніямъ короля, боялся, что бы онъ не поручилъ Фриделю иллюстрировать свою автобіографію! Несмотря на свою преданность Максимилиану, онъ боялся этого порученія, такъ какъ оно навлекло бы насмѣшки дворянъ на барона ремесленника. Однако же, Максимилианъ видѣлъ, что механическая сторона въ работѣ Фриделя не равнялась его генію, и, поощряя его къ продолженію занятій, онъ совѣтовалъ ему познакомиться съ Дюреромъ, въ Нюренбергѣ, который, какъ онъ слышалъ, уже изумлялъ всѣхъ своими произведеніями.

— А это что за группа? спросилъ король.

— Голубка въ орлиномъ гнѣздѣ, отвѣчала Казимиръ, это произведеніе моихъ молодыхъ родственниковъ, и изображаетъ избранный ими девизъ.

— И исполненіе и выборъ одинаково хороши, сказалъ Максимилианъ. Хорошо было бы, если бы городскія голубки почаще залетали въ орлиныя гнѣзды. Многіе изъ моихъ дворянъ готовы были бы перерѣзать мнѣ горло, за такую преступную

мысли! Но вѣдь здѣсь я въ безопасности, не правда ли, Казимиръ? Прощайте, орленки, воспитанные голубкою. Мы познакоимся съ вами покороче, когда понесемъ крестъ противъ невѣрныхъ. Братья поцѣловали его руку.

Вышедши съ Казимиромъ, король съ улыбкою обратился къ нему:—Красивая бѣленькая голубка! она, пожалуй, перелетитъ и въ другое Орлиное Гнѣздо.

— Ваше королевское высочество полагаете, что можно получить на это согласіе? спросилъ Вильдшлоссъ.

— Отъ императора? Фц, тебѣ такъ же хорошо, какъ и мнѣ, знакомъ золотой ключъ къ его согласію. Такъ ты хочешь опять попытать счастье? У тебя нѣтъ наслѣдника мужескаго пола?

— Мнѣ хотѣлось бы дать добрую мать моей малюткѣ. Давно ношу я въ душѣ ея очаровательный кроткій образъ, давно ищу ея взаимности, и теперь, кажется, успѣлъ ей понравиться. Видя, что она сдѣлала изъ своихъ сыновей, я чувствую, что лучшаго выбора я не могъ бы сдѣлать и между нашею знатью.

— Никакимъ образомъ, сказалъ король. Я уважаю тебя зато, что въ тебѣ нѣтъ нашей германской спѣси, и ты способенъ понять, что наши вольные города воспитываютъ самыхъ образованныхъ и самыхъ скромныхъ дамъ. Желаю вамъ успѣха, Адлерштейнъ, но я предсказываю тебѣ, что одинъ изъ этихъ молодцевъ едва ли будетъ у тебя податливымъ и покорнымъ пасынкомъ.

ГЛАВА II.

Соперникъ.

Эббо надѣялся, что родственникъ его Вильдшлоссъ отправится вслѣдъ за дворомъ. Онъ и братъ его были очень довольны, что начались приготовления къ отъѣзду въ Адлерштейнъ, также какъ и мать ихъ, которой желанія были исполнены: сыновья ея мирно сошлись съ дядею и покорились императору.

Однажды, послѣ обѣда, когда Христина помогала теткѣ хозяйничать, Готфридъ вошелъ къ нимъ съ такимъ довольнымъ видомъ,

что обѣ женщины вскричали: — Вѣрно нашелся капиталъ на окончаніе собора? другая: — Конечно васъ выбрали городскимъ головою?

— Ни то, ни другое, былъ отвѣтъ. Развѣ вы не слышали лошадиного топота? Фрейгеръ Адлерштейнъ-Вильдшлоссъ былъ у меня въ полномъ парадѣ; онъ формально просилъ руки нашей Христины.

— Христины! вскрикнула Іоганна съ восторгомъ; вотъ это отлично: наша племянница дѣлаетъ честь своему воспитанію. Второй знатный господинъ дѣлаетъ ей предложеніе, и еще такой, который можетъ обеспечить ее богатыми доходами!

— Онъ такъ и хочетъ сдѣлать, сказала Готфридъ. Для свадебнаго подарка онъ обѣщаетъ фермы и земли въ Грюнау, богатыя лѣсами и пахатными полями, также ея вдовью часть изъ Вильдшлосса гдѣ, находятся богатыя пастбища и не менѣе трехъ мельницъ, которыя приносятъ хорошій доходъ землевладѣльцу. Кромѣ того, замокъ его былъ отдѣланъ наилучшимъ образомъ къ его свадьбѣ съ первою женою; по великолѣпію и роскоши въ убранствѣ, онъ могъ бы служить жилищемъ хотя бы для курфирста, и хотя брилліанты баронесы Валесской должны перейти, по наслѣдству, къ его дочери, но у него есть собственныя, еще богаче, доставшіеся ему отъ предковъ, и которые будутъ принадлежать Христинѣ.

— Вотъ уже свадьба, такъ свадьба! воскликнула Іоганна; мы знатно попируемъ. Надѣну скорѣе чепецъ, и пойду тотчасъ къ сосѣдкѣ, Софѣ Лемебергъ, которая была женою помощника разсѣльнаго маркграфскаго келлермейстера. Она разкажетъ мнѣ всѣ затѣи, какія приличны въ церемоніяхъ на свадьбѣ вдовствующей баронессы.

Бѣдная Христина сидѣла все это время, понутивъ голову и сжавъ руки; слеза скатилась у нея на кольцо, снятое съ широкой руки того, котораго она не могла забыть; въ ушахъ ея снова зазвучали умоляющія, но гордые слова: «Теперь, малютка, ты перестанешь заираться отъ меня»; но покровительство было такъ необходимо въ эти суровыя времена, и вторичныя браки такъ часты, что отказъ ея непремѣнно сочли бы непростительною слабостію. Она знала, что дядя съ теткою никогда не повѣрятъ, что первый бракъ ея былъ заключенъ столько же по склонности, сколько и по принужденію. Кромѣ того, привычка къ повиновенію было такъ въ ней сильна, что она опомнилась

уже тогда, какъ тетка встала, готовясь идти посовѣтоваться съ кумою, и она, собравшись съ духомъ, съ трудомъ выговорила.

— Остановитесь, любезная тетушка, мои сыновья..

— Чего же лучше еще? и для нихъ будетъ хорошо, дуня моя. Ты дѣлала для нихъ чудеса, но теперь они въ такомъ возрастѣ, что не могутъ быть безъ отцовской острастки. Я не говорю о Фриделѣ; онъ смиренъ и благочестивъ, хотя и пылокъ, но братъ его!.. Глазами и характеромъ весь въ покойника брата Гуго, твоего отца, Стина. Зато я люблю его еще больше, но и боюсь за него. Онъ точь въ точь напоминаетъ мнѣ брата Гуго, до поступленія его въ подмастерья къ оружейнику; сколько было отъ него огорченій!

— Да, точно, сказала Христина, поднявъ свои глаза: много было бы мнѣ огорченій отъ Эббо, если бы я дала отцовскую власть надъ нимъ тому, кого онъ не любилъ бы.

— Онъ, пожалуй, вспылитъ и разозлится! сказалъ старшій бургомистръ съ неудовольствіемъ; а никто не показывалъ ему болѣе расположенія, никто не могъ бы лучше помогать ему при дворѣ и по городскимъ дѣламъ. Мальчикъ взялъ волю. Я тебя не виню, душа моя, но надобно его держать въ уздѣ, по твоимъ собственнымъ словамъ.

— Увы, дядюшка, вините меня, но теперь уже поздно. Мой сынъ будетъ управлять собою изъ любви къ Богу и къ своей матери, но онъ не потерпитъ ничьей власти надъ собою особенно теперь, когда онъ сдѣланъ рыцаремъ, и воображаетъ себя совершеннѣйшимъ. Дядюшка, вы меня лишите обоихъ сыновей, потому что одна душа соединяетъ обоихъ братьевъ. Не лишайте меня дѣтей! умоляла она.

— Милая моя! воскликнулъ Готфридъ, подумай: возможно ли отказаться отъ такого жениха, ради своеговольнаго юноши.

— Постой, подхватила тетка, пусть племянница выслушаетъ меня; она будетъ благоразумна. Ея сыновья были съ нею ласковы и милы, пока росли, но теперь они почти взрослые. Они уѣдутъ ко двору и на войну, къ невѣстамъ, и, наконецъ, женятся; что тогда будетъ съ нею, съ такою еще прекрасною и молодою женщиною? Не лучше ли ей имѣть степеннаго мужа, быть въ почетѣ и любимую?

— Правда, продолжалъ Сорель, и хотя она слишкомъ благочестива и умна, что бы думать о такихъ глупостяхъ, однако я

скажу ей, что бы польстить ея воображенію, что Казимиръ любить ее рыцарскою любовію, а любовь опытнаго сорокашестилѣтняго мужчины дороже вспыхни молодой головы.

— Мой Эбергардтъ любилъ меня! проговорила Христина почти про себя, но тетка поймала ее на словѣ.

— Что толку то было въ этой любви? Онъ принудилъ тебя къ тайному браку, и бросилъ оную на произволь судьбы.

— Попадите! воскликнула Христина, поднявъ голову, и вспыхнувъ. Мой мужъ любилъ меня истинною и великодушною любовію! Я одна знаю, какъ онъ любилъ меня. Ни слова болѣе, въ укоръ его нѣжному сердцу; я не буду васъ слушать.

— Оставимъ его въ покоѣ, возразилъ Готфридъ, желая помириться; ни слова болѣе объ этомъ славномъ Эбергардтѣ. Твоя тетка не хотѣла злословить. Надобно сказать правду, что я не ожидалъ твоего отказа на такое выгодное предложеніе, и далъ за тебя слово Казимпру; онъ прійдетъ завтра съ графомъ Каульвицемъ, который будетъ свидѣтелемъ, и обручится съ тобою, а я, съ своей стороны, хотѣлъ пригласить городскаго голову.

— Позвольте мнѣ просить васъ объ одной милости, умоляла Христина. Не говорите объ этомъ никому, прежде чѣмъ я увижу моихъ сыновей, и позвольте мнѣ уйдти въ мою комнату.

— Ступай, мой другъ, и подумай хорошенько; будь благоразумна, сказалъ дядя.

Она ушла въ свою комнату въ большомъ волненіи, и залилась слезами. Условія брака считались тогда такимъ важнымъ дѣломъ, что они обсуживались главами семействъ, а женихъ съ невѣстою не имѣли ни голоса въ этомъ дѣлѣ, ни права собственнаго выбора, особенно женскій полъ. Христина сама была не увѣрена, что ея отвращеніе отъ вторичнаго брака и жаркая симпатія къ сыну Эббо не были неповорностію во лѣ старшихъ. Между тѣмъ образъ перваго мужа, живѣе, чѣмъ когда либо, вставалъ передъ ея глазами. Она вспомнила его нѣжные взгляды, жарвое, любящее сердце, его почтительную любовь къ ней. Ей припоминался также самый жестокий упрекъ, какой она когда либо слышала отъ свекрови: что она, недавняя вдова, молодая мать дѣтей Эбергардта, удрученная горемъ, старалась прельстить нынѣшняго своего обокателя. Теперь упрекъ этотъ получалъ нѣкоторое оправданіе, и щеи ея

горѣли отъ стыда. Христина долго обдумывала свое положеніе, и съ нетерпѣніемъ ждала дѣтей. Вдругъ Эббо вбѣжалъ въ комнату съ восклицаніемъ:

— Мама, мама, какова дерзость!

— Тише, Эббо! я просила дядю позволить мнѣ поговорить съ тобою.

— Такъ это правда? сказалъ Эббо, хлопнувъ шапкою объ полъ. Я порядкомъ прибилъ этого зубоскала подмастерья зато, что онъ рассказывалъ Гейнцу.

— Слухи носятя по всему дому, мама! сказалъ Фридель, но мы не хотѣли вѣрить.

— Я повѣрилъ, подхватилъ Эббо, потому что давно подозревалъ коечто, но я думалъ, что Вильдшлоссъ знаетъ съ кого начать. Развѣ онъ не знаетъ кто глава дома Адлерштейновъ, что обращается къ ремесленнику, который снимаетъ шапку передъ каждымъ дворянникомъ! Я умѣлъ бы зажать ему ротъ!

— Неужели слухи вѣрны? спросилъ Фридель, покраснѣвъ до ушей, потому что онъ былъ застѣнчивъ, какъ дѣвочка. Мама, мы знаемъ, что бы вы сказали, прибавилъ онъ, упавъ на колѣни возлѣ нея; онъ обхватилъ ея талию, приложилъ щеку къ ея платью, и устремилъ на нее глаза.

Она наклонилась, и поцѣловала его.—Ты зналъ это, Фридель; теперь помоги же мнѣ остаться вѣрною вдовою твоему отцу, и удержать Эббо отъ буйства.

Эббо пересталъ бѣгать по комнатѣ, положилъ руку на ея кресло, и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Мамаша, я буду удерживать себя, если вы дадите мнѣ слово, что не убѣдите отъ насъ.

— Нѣтъ, Эббо, сказалъ Фридель, не нужно связывать словомъ мамашу, которая насъ такъ любить.

— Дѣти, отвѣчала она, выслушайте меня терпѣливо. Я разсуждала сама съ собою, и чувствую, что не могу любить никого другаго, кромѣ того, кого вы знаете только по имени; но кто для меня остается живымъ лицомъ. Никто, не станетъ между вами и мною. Не бойся, Эббо. Я думаю никто, изъ матерей и сыновей на этомъ обширномъ, многолюдномъ свѣтѣ, не цѣнитъ такъ другъ друга, какъ мы. Но бѣшенство и неблагодарность не умѣстны. Подумай только: развѣ мало чести, что такой знатный господинъ просить руки твоей матери, простой горожанки?

— Онъ знаетъ, что знатныя дамы не лучше разукрашенныхъ куколъ, проворчалъ Эббо.

— Притомъ же, продолжала Христина, твой дядя чрезвычайно радуется этому предложенію, и не вѣритъ, что бы я могла отказать. Онъ не понимаетъ моей любви къ твоему отцу, и имѣеть въ виду много выгодъ для насъ всѣхъ. Я замѣчаю, что у него нѣтъ и мысли, что бы я могла пойти противъ его воли, а твое сопротивленіе онъ считаетъ нестоющимъ вниманія. Чѣмъ болѣе ты будешь злиться и бѣситься, тѣмъ болѣе онъ будетъ убѣжденъ, что окажетъ тебѣ услугу, отдавъ тебя подъ опеку.

— Уѣдемъ, мама. Пусть Гейнцъ приготовить лошадей въ сумерки, а когда я попаду въ своей Адлерштейнъ, то мы покажемъ кто господинъ!

— Такой побѣгъ едва ли доказалъ бы наше благоразуміе, сказала Христина, не смѣшно ли увести мать, подобно любовнику въ балладѣ. Нѣтъ, я лучше потолкую съ дядею, и сама поговорю съ господиномъ Казимиромъ, что бы показать ему, что онъ напрасно хлопочеть. Потомъ мы уѣдемъ въ Адлерштейнъ, не оставляя за собою оскорбленій, въ отплату за доброе къ намъ расположеніе.

Эббо былъ принужденъ обѣщать не спорить съ бургомистромъ, но онъ былъ угрюмъ и молчаливъ.

Ждали посѣщенія Казимира, и когда Христина отказалась переѣхать въ одежду, что считалось доказательствомъ, что молодая вдова не прочь отъ новаго замужства, Готфридъ обратился къ братьямъ близначамъ.

— Я боюсь, господа, сказалъ онъ, что вы мучите вашу добрую мать бесполезнымъ споромъ о томъ, что должно непременно состояться.

— Простите мнѣ, дядюшка, отвѣчалъ Эббо, но я не соглаенъ на предложеніе, сдѣланное моей матери господиномъ Казимиромъ, и благодарю за честь.

Готфридъ улыбнулся.—Сыновья не могутъ быть судьями въ подобныхъ случаяхъ, фрейгеръ Эбергардтъ.

— Быть можетъ, отвѣчалъ онъ, но мать сама отказывается, и никто не долженъ насильно выдавать ее.

— Потому что вы такъ хотите, намекнулъ Готфридъ; я вѣрю, что вы ее искренно любите. Но хорошо ли оставлять ее скучать, и лелѣять мечту, когда она еще въ цвѣтѣ лѣтъ, и когда ее

ждать новое счастье, полнѣе того, которымъ она наслаждалась?

— Она счастлива съ нами, сказалъ Эббо.

— Хорошо, но вы не можете быть вѣчно съ нею; вы жени-тесь, и она останется одна, возразилъ Готфридъ.

— Можетъ статься, я женюсь, сказалъ Эббо, покраснѣвъ, но если я сдѣлаю это не ради счастья моей матери, то назовите меня вѣроломнымъ рыцаремъ.

— Нѣтъ не то, подхватилъ добродушно Готфридъ, но скажи рыцарски правду: вѣдь вся причина вашего сопротивле-нія заключается въ нежеланіи покориться вотчиму.

— Признаюсь, я вовсе не желаю состоять подъ его началомъ, отвѣчалъ Эббо. Я не понимаю также, за что вы накликаете такую напасть на насъ. По крайней мѣрѣ Фридель никогда не давалъ вамъ повода къ неудовольствію; и, право, дядюшка, воля матери скорѣе наставитъ меня на путь истинный, нежели рука чужаго человѣка. Если бы я думалъ, что мать моя имѣетъ къ этому человѣку хотя малѣйшую долю той любви, которую она чувствуетъ къ моему покойному отцу, то я постарался бы все перенести; но мы, поистинѣ, нашли ее въ слезахъ; она просила защитить ее отъ него. Я, конечно, мальчикъ, но у меня доста-нетъ силы, что бы избавить ее отъ насильственнаго брака.

— Такъ ли, Фридель? спросилъ Готфридъ, на котораго послѣднія слова подѣйствовали болѣе, чѣмъ все прежде сказанное. Ахъ, я считалъ всѣхъ васъ гораздо разумнѣе. Но говорила ли мать вамъ о различныхъ предложеніяхъ Казимира? о вниманіи къ нему римскаго короля? мало того: объ исходатайствованіи вамъ дворянскаго диплома и герба этого дома для пополненія пробѣла на вашемъ щитѣ?

— Мой отецъ никогда не спрашивалъ дворянка ли она, ска-залъ Эббо, и я не промѣняю ее на пробѣлъ щита.

— Вотъ это сказано помолодецки, подхватилъ самодоволь-но дядя. Ея превосходство научило тебя придавать мало цѣны такимъ пустякамъ! Однако же часто, въ сношеніяхъ съ вашимъ собственнымъ надменнымъ родомъ, вы будете предметомъ пре-зрѣнія, которое не легко переносить. Это отзовется не столько на тебѣ, господинъ фрейгеръ, сколько на Фриделѣ и на тво-ихъ сыновьяхъ; они не будутъ выбираться на почетнѣйшія должности въ рыцарствѣ, дающія доходы.

Фридель обратилъ на это мало вниманія, а Эббо сказалъ:

— Мы будемъ рыцарями Голубки Адлерштейна; съ насъ этого довольно.

— Упрямая голова! всё вы упрямы, съ вздохомъ произнесъ Готфридъ. Романическая свадьба всёхъ взбаламутила.

Баронъ фонъ-Адлерштейнъ-Вильдшлоссъ, не предугаданный объ оппозиціи, которая ожидала его, ѣхалъ по улицѣ въ полномъ парадѣ и съ порядочною свитою въ блестящихъ одеждахъ. Женихъ вошелъ прямо въ семейное собраніе. Христина встала, и сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, и присѣла такъ же низко, какъ онъ поклонился. — Сударыня, сказалъ онъ, я предпочелъ сдѣлать вамъ предложеніе чрезъ ваше-го почтеннѣйшаго дядю, который былъ такъ добръ, что согласился быть моимъ другомъ.

— Вы слишкомъ добры, милостивый государь. Я благодарна вамъ за честь, но второе замужество не въ моихъ правилахъ.

— Вотъ теперь то, бормоталъ Эббо своему брату, когда рыцарь сѣлъ возлѣ ихъ матери, въ виду всёхъ, теперь то этотъ сладкорѣчивый молодецъ наговоритъ ей съ три короба. Охъ! уже это мнѣ предсказаніе цыганки!

Вильдшлоссъ не говорилъ какъ молодой женихъ; такіе годы прошли для обоихъ; но онъ говорилъ какъ серьезный и достойный человекъ, глубоко проникнутый истиннымъ уваженіемъ и привязанностію. Онъ сказалъ, что, при первомъ же свиданіи, онъ былъ пораженъ ея миловидностію и скромностію, и тотчасъ же избавилъ бы ее отъ ея заточенія, но онъ былъ связанъ условіями, уже сдѣланными съ Траутбахами, которые были опасными сосѣдями для Вильдшлосса. Онъ откладывалъ ненавистный для него бракъ до послѣдней возможности, и онъ принесъ ему только неудовольствія и ссоры: у него дѣти не жили; осталась въ живыхъ только Текла, его единственная наслѣдница, какъ бѣльмо на глазу у своего корыстолюбиваго дяди, графа Траутбаха, и его почти диваго сына Ляссла; между тѣмъ, право на баронію Вильдшлоссъ, которое стало теперь сворнымъ, благодаря правамъ Эббо, какъ наслѣдника по мужской линіи, неизбежно поведетъ къ раздорамъ и кровопролитію въ будущемъ. Эти причины побуждаютъ его къ безотлагательной женитбѣ, и столько же по склонности, сколько для блага своей маленькой Теклы, онъ обратился къ баронессѣ фонъ-Адлерштейнъ. Онъ подкрѣплялъ свое домогательство вѣжливыми комплименами, также какъ представленіемъ необходимости

материнскаго воспитанія для его малютки, между тѣмъ какъ для братьевъ близнецовъ нуженъ былъ руководитель отецъ, намекая при этомъ о всѣхъ выгодахъ, которыя онъ могъ имъ доставить.

Христина чувствовала его расположеніе, и вполнѣ вѣрила его добрымъ намѣреніямъ. Ей трудно было выговорить «нѣтъ», но она не хотѣла оставлять ему никакой надежды, и, когда онъ сказалъ, что даетъ ей подумать, и будетъ ждать, она повторила, что никакое размышленіе не перемѣнитъ ея мыслей. Готфридъ выступилъ впередъ, и, изъявляя ему свою благодарность, далъ обѣщаніе образумить ее.

— А я, господинъ рыцарь, сказалъ Эббо съ сверкающими глазами и глухимъ гнѣвнымъ голосомъ, прошу васъ, отъ имени старшаго рода Адлерштейновъ, уволить насъ отъ такой чести.

Онъ вытянулся во весь ростъ, и очень обидѣлся, получивъ въ отвѣтъ насмѣшливый поклонъ и улыбку отъ Казимира, который вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Готфрида.

— Бургомистръ Сорель! сказалъ мальчикъ, стоя посреди комнаты, когда дядя вернулся; позвольте мнѣ узнать: имѣетъ ли моя личность какое нибудь значеніе въ этомъ домѣ, или нѣтъ?

— Племянникъ фрейгеръ, спокойно отвѣчалъ Готфридъ; у насъ, въ Германіи, не принято быть подъ командою юношей, еще не достигшихъ возмужалости.

— Въ такомъ случаѣ, мама, сказалъ Эббо, мы завтра же утромъ оставляемъ это мѣсто. И когда она кивнула головою въ знакъ согласія, старикъ же казался глубоко огорченнымъ, а хозяйка его стала громко упрекать въ неблагодарности: — Не правда, отвѣчалъ Эббо вспыльчиво. Мы уѣдемъ такіе же бѣдные, какъ и пришли, въ платьяхъ домашняго издѣлія и на старой кобылѣ.

— Тихе, Эббо! сказала мать, вставая не говори ни слова. Умоляю васъ, тетушка, простите, дядюшка, прошу васъ. Ахъ, зачѣмъ всѣ, которые меня любятъ, не позволяютъ мнѣ дѣлать то, что я признаю за лучшее!

— Душа моя, сказалъ дядя, я не могу видѣть, какъ повелѣваютъ тобою молодые люди, всѣ поступки которыхъ доказываютъ, что ихъ надобно держать въ уздѣ.

— Я тоже этого не люблю, сказала Христина. Но я сама

противъ этого замужества. Мои сыновья только заодно со мною, и если я прошу, дядюшка, вашего согласія на отъѣздъ нашъ домой, это только для того, что бы посѣщеніе наше, которое сдѣлало насъ такими счастливыми, не было омрачено спорами и раздоромъ! Нѣтъ, нѣтъ, вы не можете сердиться на моего сына, за его любовь ко мнѣ.

— За эгоистичность этой любви! возразилъ Готфридъ. Для удовлетворенія своей гордости, онъ не хотѣлъ видѣть тебя обогащенною и облагороженною другимъ, и теперь хочеть увлечь тебя въ нищету. Нѣтъ, фрейгеръ, не въ оскорбленіе тебѣ будь сказано, вспыльчивость твоя дѣлаеть тебя жестокимъ къ матери.

— Не жестокимъ! подхватилъ быстро Фридель. Мамаша сама такъ хочеть, и право лучше намъ ѣхать домой. Пребываніе здѣсь было для насъ очень полезно; мы научились любить и уважать васъ; но мы, признаться, дикіе горцы, и когда сердце у насъ болитъ отъ страха потерять нашу дорогую мамашу, мы едва ли можемъ быть терпѣливыми, или покорными, какими мы были бы, если бы воспитались у строгаго отца. Мы всегда разсуждали и дѣйствовали самостоятельно, и намъ трудно сдерживать себя, когда мысли наши взволнованы.

— Фридель, сказалъ Эббо важно, я не хочу, что бы ты извинялся въ томъ, что мы заступаемся за мать. Не учишь быть сладенькимъ подлецомъ.

— Охъ, ты, упрямецъ! ворчалъ полусердито Готфридъ. Зачѣмъ все это не случилось десять лѣтъ раньше, когда ты былъ бы стоворчивѣе? Со всѣмъ тѣмъ, я долженъ сознаться, что едва ли воспитаніе между знатью могло образовать душу, болѣе возвышенную и болѣе любящее сердце въ юношѣ, прибавилъ онъ, смягчась, при взглядѣ на красивое, величавое лице, правда, исполненное дерзкой самоувѣренности, но глядѣвшее умоляющимъ взоромъ на мать, смягчавшимъ влажный блескъ черныхъ глазъ. Убъжайте къ себѣ, я не хочу ссориться съ вами, и можетъ статься, какъ Фридель говорить, намъ будетъ лучше по-ровнь. Вы привыкли поступать посвоему, а намъ это не по душѣ.

— Итакъ, сказалъ Эббо, успокоившись немного, я увезу мать, а вы, пожалуйста, не поощряйте болѣе искательства Казимира.

— Не буду, господинъ баронъ, хотя не могу не повторить

что другаго такого покровителя вамъ не найти, сказалъ Готфридъ.

— Мать моя не нуждается въ покровителѣ, когда покровителемъ у ней я, отвѣтилъ Эббо, но она любитъ васъ, милостивый государь, и всѣмъ обязана вамъ, слѣдовательно я не хочу быть съ вами во враждѣ, и вотъ моя рука.

Онъ произнесъ это, словно какой нибудь императоръ, примиряющійся со всѣми ганзейскими городами въ одномъ лицѣ.

Между тѣмъ, въ семействѣ Траутбахъ узнали о намѣреніяхъ Вильдшлосса, и распространили такіе обидные слухи на счетъ баронессы фонъ-Адлерштейнъ, что Казимиръ послалъ съ графомъ Каульвицемъ вызовъ, требуя объясненія, не какъ женихъ ея, но какъ единственный совершеннолѣтній представитель рода Адлерштейновъ. Готфридъ боялся, что бы слухи не дошли до Эбергардта, потому что онъ захотѣлъ бы самъ расправиться съ клеветникомъ, а между тѣмъ онъ считалъ силы шестнадцатилѣтняго юноши не равными силамъ дикаго Ляссла Траутбахъ. Онъ вздохнулъ свободно только тогда, когда, рано утромъ, путешественники отправились въ обратный путь домой, въ одеждѣ и обстановкѣ, гораздо болѣе приличной той, въ которой они пріѣхали въ городъ.

Вильдшлоссъ съ своимъ племянникомъ Траутбахомъ имѣли жаркій поединокъ на границѣ своихъ владѣній, въ которомъ оба были жестоко ранены; но Казимиръ, поборовъ Ляссла, далъ ему помилованіе, съ тѣмъ только, что бы тотъ отказался отъ всего, что онъ сказалъ оскорбительнаго про баронессу Адлерштейнъ. Хитрый Готфридъ послалъ извѣщеніе объ этомъ поединкѣ къ Христинѣ въ такой формѣ, что бы возбудить въ ней состраданіе и благодарность къ ея защитнику, и убѣдить сыновей, что противникъ до того жестоко наказанъ, что повтореніе вызова невозможно.

ГЛАВА III.

Орелъ и змѣя.

Примирившись съ Сорелемъ, Эббо считалъ себя въ правѣ воспользоваться приданнымъ матери для улучшенія замка

и принадлежащихъ къ нему земель. Комнаты были убраны и отдѣланы, по возможности, съ комфортомъ; дворъ вычищенъ; скотъ переведенъ на особый дворъ, гдѣ выстроены конюшни и хлѣбъ; новыя поля распаханы и обнесены заборомъ; разведены виноградники на скатѣ горы; вассаламъ розданы сѣмена, и предложена плата за ихъ трудъ.

Выписали священника для домовой церкви, таковаго, который могъ бы быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, и учителемъ для молодыхъ людей. Джобстъ Шенъ было настоящее его имя, но оно было замѣнено другимъ: Иодокусъ Пульхеръ. Онъ былъ очень ученый человѣкъ, слушалъ лекціи во всѣхъ тогдашнихъ университетахъ, и былъ безъ мѣста отъ того, что, по сонливости своей и разсѣянности, не могъ справиться и держать въ порядкѣ своихъ буйныхъ студентовъ.

Фридель помогалъ брату во всѣхъ реформахъ, также какъ и мать, своею опытностію въ хозяйствѣ, но вассалы желали лучше, что бы онъ возвратился грабителемъ, чѣмъ нововводителемъ. Зачѣмъ было распахивать новыя поля, когда старыя было достаточно для ихъ отцевъ? Разработка новой земли была для нихъ ненавистна. Что же касается предлагаемой платы деньгами, то они имъ не нужны; лучше оставили бы ихъ валяться на солнцѣ или спать въ дыму. Объ виноградникахъ и не слыхивали на Адлерштейнской горѣ: это было нарушеніемъ обычая предковъ, а всему причиною была безпокойная бюргерская кровь, текущая въ жилахъ молодыхъ бароновъ: по ея винѣ, они не могли оставить въ покоѣ добрыхъ людей.

Эббо громилъ не только бранными словами, но и тумаками; потомъ стыдился своихъ насильственныхъ поступковъ, и старался загладить ихъ дарами и ласковыми словами. Если бы не Коппель и нѣсколько молодыхъ людей, поддавшихся его вліянію, то едва ли онъ могъ бы выполнить свои сельскохозяйственныя задачи; но увѣренія Фриделя не были безуспѣшны: его терпѣніе и настойчивость превозмогли, мало по малу, лѣны и упрямство вассаловъ.

Графъ фонъ-Шлангенвальдъ возвратился домой. Онъ жилъ въ послѣднее время въ своемъ замкѣ, въ Штирїи, но, въ одной изъ жестокихъ стычекъ съ кѣмъ то изъ своихъ сосѣдей, онъ потерялъ своего старшаго сына, и миръ, къ которому его принудилъ король римскій, взбѣсилъ его до того, что онъ уѣхалъ оттуда. Съ этихъ поръ возобновились тѣ же самыя непрїязненныя

дѣйствія, которыя существовали, когда Христина впервые пріѣхала въ Адлерштейнъ, но которыя въ послѣднее время затихли. Пастухъ приѣхалъ со слезами отчаянія. Трое шлангенвальдцевъ на лошадахъ увели у него четырехъ лучшихъ овецъ, и били его самого алебардами, хотя онъ былъ на адлерштейнской землѣ. Потомъ фитель, брошенный шлангенвальдскимъ всадникомъ, сжегъ всю груду нарубленныхъ Джобстомъ дровъ. Свиньи не пришли однажды домой, и ихъ нашли проколотыми стрѣлами; большой быкъ съ огромными рогами, котораго Эббо пригналъ изъ Ульма, попался къ непріятелямъ, и затѣмъ узнали, что его посодили на зиму въ Шлангенвальдѣ.

Христина старалась увѣрить, что эти насилія были дѣломъ слугъ, и совѣтовала написать письмо, не обвиняя графа, и жалуясь только на беспорядки, причиняемые его вассалами. Письмо было послано съ монахомъ; всякій другой посланный не былъ бы безопасенъ. Отвѣтъ заключался въ слѣдующемъ письмѣ:

«Да будетъ вамъ извѣстно, Эбергардтъ фрейгеръ фонъ-Адлерштейнъ, что вашъ домъ оскорбилъ меня мыслию, словомъ и дѣломъ. Вашъ прадѣдъ присвоилъ себѣ мои земли около брода. Вашъ дѣдъ увелъ мой скотъ, и сжегъ мои мельницы. Потомъ онъ убилъ на войнѣ моего брата Юганна, и на всю жизнь искалѣчилъ моего кузена Маттіаса. Вашъ отецъ убилъ моихъ восмерыхъ вассаловъ, и испортилъ мои хлѣба на поляхъ. Вы сами имѣете притязанія на мою землю у брода, и берете себѣ добычу, которая по праву принадлежитъ мнѣ. Слѣдовательно, я объявляю вамъ войну, и стало быть я врагъ вамъ и всѣмъ вашимъ, вашимъ помощникамъ и помощникамъ вашихъ помощниковъ. И поэтому я буду поддерживать мою честь противъ васъ и вашихъ.

Вольфгангъ, графъ фонъ-Шлангенвальдъ

Гиромъ, графъ фонъ-Шлангенвальдъ,

его кузень

и пр., и пр., и пр.

Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ именъ, родственныхъ Шлангенвальду, и огромная печать, съ змѣею Шлангенвальда была приложена къ письму.

— Старый безбожникъ! закричалъ Эббо, это вызовъ на войну!

•

— Вызовъ на войну! воскликнулъ Фридель; это запрещено закономъ.

— Закономъ? Очень нуженъ ему законъ! То то и есть! Развѣ можно такъ поступать членамъ лиги? Не вглялись ли мы не посылать такихъ вызововъ, и не прибѣгать къ кулачному праву?

— Мы должны жаловаться маркграфу Виртембергскому, сказалъ Фридель.

Не желая ни за что на свѣтѣ просить совѣта или ходатайства Вильдшлосса, Эббо немедленно собрался въ дорогу, къ марграфу, главѣ швабской лиги, обязанному оказать ему правосудіе. Онъ поручилъ брату, котораго оставилъ дома, бегать мать и замокъ.

Голубое знамя прибыло благополучно вновь домой, но Эббо былъ мраченъ и разсерженъ. Маркграфъ Виртембергскій былъ очень вѣжливъ съ молодымъ фрейгеромъ; но смѣялся надъ письмомъ, какъ надъ застарѣлою привычкою Шлангенвальда, на которую не стоитъ обращать вниманіе. А что касается покражи быка и другихъ обидъ, то лига не обязана вмѣшиваться въ такіе пустяки.

Одинъ рыцарь, который выѣхалъ изъ Штутгарта вмѣстѣ съ Эбергардтомъ, сказалъ ему, что нѣтъ ничего удивительнаго въ пріемѣ, оказанномъ ему маркграфомъ, потому что Шлангенвальдъ былъ старый пріятель маркграфа; Швабія же объявлена леннымъ помѣстіемъ Виртемберга, такъ что прямая покорность, принесенная Эббо императору, помимо маркграфа, не расположила послѣдняго въ его пользу.—Что же мнѣ дѣлать теперь? спросилъ Эббо.

— Сожгите нѣсколько шлангенвальдскихъ хижинъ, и научите ихъ уважать вашу собственность, сказалъ рыцарь.

— Бѣдные вассалы не виноваты.

— Ха, ха, ха! какъ будто они не грабили вашихъ вассаловъ. «Зубъ за зубъ», вотъ какихъ правилъ держится имперія, милостивый государь. Пошлите ему въ отвѣтъ такое же письмо, съ длиннымъ рядомъ подписей въ концѣ, и научите его уважать васъ.

— Но я поклялся, что отказываюсь отъ кулачной расправы.

— Много вы выиграете отъ подобнаго отказа! Если лига

не хочеть безпоконтъся, и защититъ ваши права, защищайте ихъ сами.

— Я буду жаловаться императору, и скажу ему, какъ распоряжается лига.

— Молодой рыцарь, если бы императору пришлось беречь каждую корову въ его владѣнiяхъ, то ему было бы слишкомъ много дѣла. Вы никогда ничего не выиграете у него, если не имѣете никого, кто поддержалъ бы вашу искъ. Нѣтъ ли у васъ сестры, которую вы могли бы выдать за придворнаго человека, что бы онъ помогалъ вамъ своею сильною рукою и разумною головою?

— Нѣтъ, у меня есть только братъ, мой близнецъ.

— А! адлерштейнскiе близнецы! я вспоминаю теперь. Не сватался ли другой Адлерштейнъ за госпожу вашу мать? Конечно, не надо вамъ лучшей помощи. Онъ правая рука молодого короля Макса.

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ, сказала Эббо гордо, зная, что и дядя посовѣтовалъ бы ему тоже самое. Онъ вернулся домой въ такомъ расположенiи духа, что Гейнцъ и Гатто обрадовались, надѣясь на возвращенiе прежнихъ дней, между тѣмъ, какъ мать страшно встревожилась.

— Достанется же Шлангенвальду, если онъ еще разъ осмѣлится нарушить мои права! сказала Эббо. Пусть не говорятъ больше, что я, трусъ, обратился къ закону, потому что не умѣлъ самъ разсчитаться.

Случай представился съ наступленiемъ первыхъ зимнихъ холодовъ. Партия всадниковъ прiѣхала разорить пограничное поле, гдѣ Ульрихъ посѣялъ небольшое количество ржи. Вѣсть дошла до замка во время, такъ что два брата, съ Гейнцомъ, съ двумя ульмскими конюхами, Коппелемъ и толпою вассаловъ, напали на мародеровъ прежде, чѣмъ они успѣли нанести много вреда, и въ то время, какъ нѣкоторые остались тушить огонь, остальные преслѣдовали врага до шлангенвальдской деревни.

— Сожгите ее, господинъ Фрейгеръ, закричалъ Гейнцъ, разгоряченный побѣдою. Проучите ихъ зато, что вздумали опустошать наши посѣвы.

Но толпа полунагихъ существъ выползла изъ хижинъ, скорбя о большихъ дѣтяхъ и старухахъ, изувѣченныхъ дѣдалъ, и, упавъ на колѣни, протянула руки къ молодому барону. Эббо

отвернулъ голову, со слезами на глазахъ.—Фридель, что намъ дѣлать?

Фридель бросился остановить Копшеля, который зажегъ связку сухаго папоротника, и готовился бросить ее на соломенные крыши домовъ.

— Я васъ милую, сказалъ Эббо. Вы мнѣ не дѣлали зла. Но подите, скажите вашему господину, что если онъ придетъ ко мнѣ съ копьемъ и шпагою, то онъ увидитъ, что Адлерштейнъ не трусь.

Спасаясь отъ ихъ благодарственныхъ восторговъ, онъ увидѣлъ, что, близъ хижины угольщика, двое изъ его вассаловъ держатъ угрюмаго плѣнника, уже порядочно избитаго.

— Привяжите его повѣсить, спросилъ Ульрихъ, на томъ же самомъ деревѣ, гдѣ вашъ дѣдъ повѣсилъ трехъ ландскнехтовъ?

— Живо! и что бы я больше объ этомъ не слышалъ, сказалъ Эббо, отвернувшись и сѣбша уйдти.

— А видѣлъ ли онъ священника? спросилъ Фридель.

Мужики не обратили вниманія на его вопросъ.

— Стой, Ульрихъ! закричалъ Эббо. Гансъ, сходи въ замокъ, попроси сюда отца Йодюса.

Вассалы казались весьма недовольными.

— Прежде этого не бывало, замѣтилъ Гейнцъ. «Лови и вѣшай!» было слово.

Начался ропотъ; Фридель остановилъ брата. — Намъ нельзя уйдти, они замучаютъ его до смерти, прежде чѣмъ придетъ священникъ.

— Ты знаешь, что я не могу выносить такихъ зрѣлищъ, да ты и самъ блѣденъ, какъ полотно, воскликнулъ Эббо.

Вдругъ послышался хохотъ въ народѣ, собравшемся во кругъ плѣнника.

— Что тамъ такое? спросили братья.

— Этотъ подлець попросилъ пить, отвѣтила одна женщина, а жена мясника подала ему воды изъ ручья за бойнею, гдѣ бьютъ свиней.

— Мерзавцы! загремѣлъ Эббо, прокладывая себѣ дорогу между народомъ ударами шпаги, плашмя, направо и налѣво, и обрѣзая ремень, врѣзавшійся въ руки плѣнника, станутя на спинѣ. Между тѣмъ, Фридель, выплеснувъ кровавую воду, поднесъ ему чистую.

Гансъ вернулся, и доложилъ, что отецъ Йодюсъ такъ углу-

бился въ чтеніе, что пробормоталъ только «иду», потомъ впалъ опять въ размышленіе, и, на всѣ старанія Ганса пробудить его, отвѣчалъ только: «иду, пусть подождетъ.»

— Слушай, подлець! сказалъ Эббо, ты заслужилъ веревку, но зато, что мы долго тебя промучили, если ты можешь сказать слово въ свое оправданіе, или если обещаешь не трогать моихъ земель, то я могу смилостивиться твоему приговору.

Глухой ропотъ поднялся между мужиками, обратившійся въ громкіе крики:—Отпустить мерзавца? Нѣтъ! Нѣтъ! Схватимъ-ка его! Онъ не посмѣетъ!

— Не посмѣю! прогремѣлъ Эббо съ свергающими глазами. Ахъ, вы мошенники; вы думаете запугать меня? Хотите, что бы я плясалъ по вашей дудкѣ? Ступай, дурень, бѣги отсюда! Туда, чрезъ проходъ въ горы! а тотъ, кто погонится за нимъ, пускай бѣжитъ на свою голову!

Плѣнникъ пустился со всѣхъ ногъ къ проходу, у котораго встали оба брата съ обнаженными шпагами, для безопасности его побѣга. Никто не отважился слѣдовать за нимъ, и недовольные мужики разошлись, ворча просебя.

Когда братья шли рука объ руку домой, Фридель сказалъ, улыбаясь:—Я зналъ, что ты его не повѣсишь.

— Это былъ такой жалкій плѣнникъ! возразилъ Эббо. Однако же меня будутъ презирать за это! Уже лучше бы я кончилъ разомъ зачѣмъ ты задержалъ меня!

Даже удовольствіе матери не могло много утѣшить Эббо; онъ былъ въ такихъ лѣтахъ, когда возбудить смѣхъ кажется страшнѣе самаго преступленія. Мать боялась за его пылкій характеръ, тѣмъ болѣе, что необходимость имѣть при себѣ вооруженныхъ людей поддерживала въ немъ наслѣдственные привычки къ буйству. Она трепетала всякій разъ, когда онъ отлучался съ братомъ, думая о судьбѣ своего мужа. Съ наступленіемъ зимы, непріятель сталъ не столь опасенъ, и сыновья меньше разлучались съ нею.

Уединенная жизнь тяготила Эбергардта, но Фридмундъ никогда не скучалъ: онъ находилъ удовольствіе въ всѣхъ своихъ занятіяхъ. Въ старшемъ, охотился ли онъ, фехтовалъ ли, улыбался ли, подтягивалъ ли пѣсни брата, все замѣтно было безпокойное раздраженіе; сомнѣніе въ будущемъ дѣлало его нетерпѣливымъ въ настоящемъ, и малѣйшая обида воспламеняла его.

Фридель слышалъ, какъ онъ повторялъ даже во снѣ:

«Чепецъ замужней женщины замѣнить покрывало вдовы», и не разъ вырывались у него эти самыя слова, когда онъ, облокотясь на зубецъ стѣны, смотрѣлъ вдаль, на Ульмъ... Фридель старался успокоить его, но Эббо отвѣчалъ нетерпѣливо:—Что то грозить намъ, Фридель; я желалъ бы, что бы скорѣе растаялъ снѣгъ, и я узналъ бы тогда что это такое!

ГЛАВА IV.

Мостъ у Брода.

Снѣгъ растаялъ; ручей сдѣлался широкою рѣкою; Эббо показалъ брату повозки, подвѣзавшія къ Броду, и сказалъ: Теперь переправа трудна. Онъ непремѣнно увязнуть. Я соберу имъ людей на помощь.

Онъ затрубилъ въ рогъ, и прибавилъ:—Плуты прибѣжали бы скорѣе, если бы надѣялись на добычу.

— Погляди-ка! (И Фридель показалъ на рошу около рѣки). Не плангенвальдцы ли тамъ, въ лѣсу? Мнѣ кажется, я вижу, какъ блестятъ ихъ латы.

— Такъ и есть! Мерзавцы засѣли тамъ, въ ожиданіи путешественниковъ. И, приложивъ опять рогъ къ губамъ, Эббо протрубилъ извѣстный призывъ къ оружію.

Мальчики побѣжали за своими легкими шлемами и щитами. Они наскоро объяснили матери въ чемъ дѣло. Христина поблѣднѣла, и просила ихъ вооружиться хорошенько.

— Не бойтесь, милая мамаша, намъ некогда, надобно спѣшить; вы только приготовьте хорошій обѣдъ, для угощенія нашихъ плѣнниковъ.

Оба брата стали поспѣшно на колѣни, и, принявъ ея благословеніе, роздали оружіе своимъ людямъ, и быстро спустились съ горы.

Христина наблюдала изъ замка; она видѣла, какъ двѣ повозки проѣхали благополучно, а третья завязла; лошади, дѣлая усилія вытащить ее, барахтались, и повалили ее на бокъ. Между тѣмъ

какъ путешественники старались высвободить лошадей, и помочь вожатымъ, на нихъ напала партія вооруженныхъ людей. Завязалась драва; громъ оружія и крики долетали до замка.

Вдругъ раздался крикъ: «Орелъ на вырубку!» Вотъ показались два стройные рыцаря, въ блестящихъ шлемахъ! Боже, помилуй ихъ! Не вѣрный имъ грѣховъ ихъ предковъ. Вотъ нѣкоторые изъ сражающихся обратились въ бѣгство. Одинъ упалъ! О, Боже! съ чьей стороны? Бѣглецы направились къ шлангенвальдскимъ лѣсамъ. Благодареніе Богу! наши побѣдили.

Четверть часа спустя, веселыми шагами кто то поднялся наверхъ, и радостный Фридель воскликнулъ. Увѣнчайте вашихъ рыцарей, мама, за побѣду! Если бы вы видѣли, какъ Эббо поразилъ главнаго оруженосца! старикъ графъ не присутствовалъ! Какъ бы вы думали, кого мы освободили, кромѣ венеціанскихъ торговцевъ? Пріятеля дяди, архитектора, о которомъ онъ рассказывалъ, мастера Морица Шлейермахера.

— Морица Шлейермахера? Я знала его мальчикомъ.

— Онъ разбивалъ садъ для римскаго короля въ Инспрукѣ. Онъ лежалъ замертво, когда мы увидѣли его. Когда онъ пришелъ въ себя, то вытаращилъ глаза отъ изумленія, и вскричалъ: «Неужели это адлерштейнскіе близнецы! вашъ дядя не ожидаетъ, какъ вы съ нами поступили!» Но мы ему объяснили, какъ было дѣло, и что орлы не ведутъ себя какъ змѣи. Пришлите намъ подъ гору сосисокъ, щавелю, мяса, вина и пива, потому что поковки останутся здѣсь до утра, а мы должны ихъ караулить, что бы шлангенвальдцы опять не напали на нихъ.

Братья не спали всю ночь, ѣли, пили съ купцами, пѣли пѣсни подъ звуки Фриделевой лютни; нѣкоторые изъ промышленниковъ заснули, другіе весело разговаривали.

— Жаль, сказалъ архитекторъ Морицъ, что нѣтъ моста черезъ бродъ, для предохраненія отъ опасности и грабежа.

— А кто можетъ построить мостъ? спросилъ Эббо.

— Вы сами, сообща съ ульмскими гражданами: земля и матеріалы ваши, а наши труды и искусство. Мы назначимъ затѣмъ пошлину съ проѣзжающихъ, которые охотно заплатятъ ее, лишь бы избѣжать опасности и задержки.

Оба брата восхитились этою мыслию, а купцы согласились, что мостъ былъ бы кладомъ для всѣхъ торговцевъ изъ Констанца, Ульма и Аугсбурга. Что касается мѣста, гдѣ поставить мостъ, то лучше было бы избрать его повыше брода, но здѣсь

только одинъ берегъ принадлежалъ Адлерштейну, между тѣмъ какъ ниже брода оба берега принадлежали ему; только тутъ работа пошла бы медленнѣе и сопряжена была бы съ большими расходами.

Проводивъ купцовъ, Эббо остался въ ожиданіи отъ нихъ письма; его мрачныя думы разсѣялись; онъ разсуждалъ, что съ дохода отъ проѣзжающихъ онъ построитъ мельницу, и посадить своихъ слугъ за работу, что бы они не были олухами и лѣнливцами, какъ ихъ отцы. А когда онъ поѣдетъ съ императоромъ, то за нимъ будетъ такая свита, что никто не скажетъ, что бы Адлерштейнъ не умѣлъ вести свои дѣла.

Письма пришли изъ Ульма съ извѣстіемъ, что двѣ гильдіи бакалейщиковъ и виноторговцевъ съ радостію принимаютъ предложеніе, и приглашаютъ фрейгера фонъ-Адлерштейна на совѣтъ въ ратушу. Сорель приглашалъ всѣхъ троехъ къ себѣ въ гости, но Христина, боясь близкаго сосѣдства съ Казимиромъ, осталась дома съ своимъ сенешаломъ Гейнцомъ, а сыновья поѣхали въ городъ. Эббо нашель, что его послѣдній подвигъ и его новый планъ сдѣлали изъ него болѣе значительную особу, въ глазахъ дяди, чѣмъ въ первое посѣщеніе, и въ слѣдствіе этого его обращеніе было гораздо свободнѣе и любезнѣе. У него были на рукахъ дѣла, и онъ чувствовалъ себя возмужавшимъ больше чѣмъ на одинъ годъ.

Но эти двѣ гильдіи предпочитали мѣсто выше брода, и рѣшили написать къ графу Шлангенвальду, предлагая включить его въ дѣло, присуждая ему часть доходовъ, сообразную съ его участіемъ. Хотя Эббо досадовалъ на оборотъ, который приняло дѣло, но долженъ былъ согласиться приложить свою подпись вмѣстѣ съ гильдейскими мастерами.

Письмо было отправлено съ герольдами.

Въ день ихъ ожидаемаго возвращенія, было назначено собраніе въ ратушѣ. Самые почетные граждане сидѣли на своихъ рѣзныхъ стульяхъ, въ большой старой залѣ; младшіе члены на скамейкахъ; глаза Эббо, сидѣвшаго въ креслѣ, слишкомъ обширномъ для его тоненькой фигуры, встрѣтились съ глазами Фридела, въ которыхъ онъ прочель, что его веселый братъ вспоминаетъ о лягушкѣ и волѣ. Герольды вошли, смѣлые, умные люди, съ городскими гербами по всему платью, гдѣ только можно было помѣстить ихъ.

— Достопочтенные господа, сказали они, мы не принесли никакого письменнаго отвѣта отъ графа фонъ-Шлангенвальда.

— Онъ ничего не сказалъ вамъ? спросилъ Шлейермахеръ.

— Какъ же, милостивый государь! но едва ли прилично повторять его отвѣтъ передъ почтеннымъ собраніемъ. Когда ихъ стали принуждать, то они сказали: «графъ изволилъ ругаться за то, что онъ называлъ дерзостію города посылать къ нему герольдовъ, какъ будто, сказалъ онъ, «собаки», то есть ваша милость, «ему равныя». Потомъ, выбравивъ вашу милость, онъ проклиналъ почеркъ господина писаря Дидрихсона, и позвалъ домового священника прочесть ему письмо. Господинъ священникъ едва успѣлъ прочесть, заикаясь, три строки, касавшіяся брода. «Никогда, сказалъ графъ, не соглашусь поставить мостъ; это хитрая уловка», такъ сказалъ онъ, «что бы отнять у него права на то, что посылаетъ ему рѣка.»

— Но, спросилъ Эббо, обратилъ ли онъ вниманіе на наше объясненіе, что если онъ не даетъ верхняго берега, то мы построимъ ниже, гдѣ оба берега принадлежать мнѣ?

— Онъ не пропустилъ этого совершенно безъ вниманія, отвѣчалъ посоль.

— Что же онъ сказалъ? повторите его слова! спросилъ Эббо, поблѣднѣвъ и тихимъ голосомъ, который часто маскировалъ его волненіе.

— Онъ сказалъ (пусть господинъ фрейгеръ не прогнѣвается, что я повторяю эти слова): «скажи хвастуну адлерштейн-ской помѣси, что лучше онъ сидѣлъ бы покрѣпче на собственномъ сѣдлѣ, чѣмъ разсылать письма, а если онъ тронетъ хотя одинъ камень Браунвассера, я заставлю его раскаяться. Прежде чѣмъ ваши горожане сговорятся съ нимъ, пускай они хорошенько разузнали бы, имѣетъ ли онъ какое право распоряжаться въ этомъ дѣлѣ.»

— Его право неоспоримо, сказалъ Готфридъ; мы имѣемъ полныя доказательства на то, и они признаны самимъ императоромъ, что само по себѣ служить для него документомъ. Все это пустыя угрозы, и придуманы затѣмъ, что бы поселить раздоръ между фрейгеромъ и городомъ.

— Я такъ ему и докладывалъ, господинъ бургомистръ, сказалъ герольдъ; но графъ захохоталъ во все горло, и спросилъ: «потребовалъ ли императоръ доказательствъ о смерти его отца?»

— Все пустыя придирки, возразилъ Сорель, между тѣмъ какъ племянники вздрогнули отъ изумленія. Смерть его доказана очевидцемъ; не съ вами ли онъ, господинъ фрейгеръ?

— То то нѣтъ, отвѣчалъ Эббо; онъ остался въ Адлерштейнѣ; имя его Гейнрихъ Вауерманнъ, но прованію Шнейдерлейнъ; онъ ландскнехтъ, и одинъ остался въ живыхъ, изъ свиты моего отца; и часто рассказывалъ намъ, какъ умеръ мой отецъ; какъ онъ, раненный въ грудь, истекъ кровію, вскорѣ послѣ того, какъ послалъ послѣднее «прости» моей матери.

— Получено ли тѣло обратно? спросилъ догадливый совѣтникъ Ульрихъ.

— Нѣтъ, сказалъ Эббо. Почти вся наша свита погибла, и когда отравили монаха за тѣлами, то онъ ничего не нашель, и полагалъ, что злодѣй ихъ сжегъ; только голова дѣда была послана на сеймъ!

Все собраніе рѣшило, что донесенія герольда не стоили вниманія, однако опредѣлило остановить дѣло до совершеннѣйшаго рыцаря Эбергардта. Это опредѣленіе не удовлетворяло Морица, равно какъ бакалейщиковъ и винооторговцевъ, которымъ пришлось бы ждать четыре года, и терпѣть постоянные убытки. Да къ тому же они не были увѣрены, что молодой баронъ, въ теченіе этого промежутка, не возвратится къ привычкамъ своихъ предковъ. Эббо самъ горѣлъ нетерпѣніемъ юности, и желалъ начать постройку немедленно.

— Это повлечетъ раздоръ и кровопролитіе, сказалъ Сорель серьезно.

— Чего же можно добиться, если бояться ссоры и кровопролитія? сказалъ Эббо съ огненнымъ взглядомъ.

— Молодые люди всегда храбрятся; имъ все ни почемъ, провнесъ съ вздохомъ Готфридъ.

— Если бы было иначе, возразилъ совѣтникъ, то никто не думалъ бы о предпріятіяхъ!

Рыцари, сѣвъ на коней, ѣхали подороги молча; вдругъ Эббо воскликнулъ: «Фридель!»—и братъ его очнулся. «О чемъ ты мечтаешь?»

— А какъ ты думаешь, сказалъ Фридель, обративъ на него сіяющіе глаза.

— Я думаю только, что это хитрость стараго змѣя; онъ боится лишиться добычи.

— А я вспомнилъ, что генуэзскій купецъ говорилъ намъ давно о германскомъ дворянинѣ, который былъ проданъ маврамы своими врагами.

— Какія глупости! Это не могло относиться въ отцу, пото-

му что онъ разсказывалъ о недавнемъ случаѣ. И неужели ты думаешь, что старый Гейнцъ сталъ бы насъ обманывать?

— Онъ могъ сдѣлать это безъ всякаго умысла. Но мнѣ хотѣлось бы побѣхать на постоянный дворъ, и развѣдать объ этомъ, сказалъ Фридель.

— Измѣнникъ, хозяинъ его, получилъ достойную мзду: онъ былъ колесованъ за убійство мелочнаго торговца, съ годъ тому назадъ, отвѣтилъ Эббо. Я желалъ бы знать, гдѣ похороненъ мой отецъ, что бы перенести къ намъ его кости. Но о томъ, что онъ живъ, не слѣдуетъ и заикаться мамашѣ; зачѣмъ возобновлять ту грусть, которая у нея теперь прошла? Онъ не стоилъ ее, какъ говорить Сорель. И какого же человѣка могло образовать бабушкино воспитаніе?

— Тебѣ не слѣдуетъ этого говорить, возразилъ Фридель, тѣмъ болѣе, что онъ научился любить нашу мамашу.

— Только это одно достоинство и было у него, но она, безъ сомнѣнія, и любила его только потому, что они недолго жили вмѣстѣ, сказалъ Эббо; если же она вообразить, что онъ въ тюрьмѣ или въ неволѣ, ты подумай, какъ будетъ терзаться ея нѣжное сердце!

— Итакъ мы будемъ хранить это въ тайнѣ, сказалъ Фридель, и, пріѣхавши домой, сталъ опять допытываться у Гейнца, который, обидясь, отвѣчалъ.

— Неужели вы думаете, что я оставилъ бы барона, если бы онъ былъ живъ?

Фридель успокоилъ стараго воина, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ мыслей, осаждавшихъ его, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе погружался въ какое то раздумье, словно человѣкъ, у котораго зрѣтъ какой то планъ.

Эббо дѣятельно занялся постройкою моста, и Морицъ Шлейермахеръ былъ постояннымъ его гостемъ.

ГЛАВА V.

Фридмундъ въ облакахъ.

Камень для постройки моста добывался высоко на горѣ, и для того, что бы удобнѣе было подвозить его къ водѣ, проложили пря-

мую дорогу, отчего замокъ выигрывалъ со стороны удобства сообщенія, но проигрывалъ со стороны неприступности. Фридель мало занимался постройкою, и чаще уходилъ на гору, гдѣ любилъ мечтать о томъ, какъ дознаться: живъ или умеръ ихъ отецъ?

Въ августѣ пришло извѣстіе о смерти императора Фридриха III. Его смерть не должна была повлечь за собою большихъ перемѣнъ въ правленіи, которое было передано его сыну. Въ это время король римскій (потому что титулъ императора получался отъ папы при коронаціи, а Максимилианъ никогда его не получилъ) былъ въ Инспрукѣ, гдѣ собиралъ войска для освобожденія Штиріи и Каринтіи отъ орды вторгнувшихся турокъ. Виртембергскій маркграфъ послалъ оповѣстить всю швабскую лигу, что новому монарху пріятно будетъ получить поздравленія въ своемъ лагерѣ, куда рыцари должны явиться во главѣ своихъ вооруженныхъ тѣлохранителей.

Наконецъ то открывался путь для славы и доблестей, и молодые адлерштейнскіе рыцари ревностно занялись приготовленіями, снаряжали своихъ вассаловъ, и послали въ Ульмъ нанять трехъ или четырехъ воиновъ на ихъ жалованъ, что бы составить свиту въ двадцать копьевъ на долю Адлерштейна. Было рѣшено, что Христина проведетъ время ихъ отсутствія въ Ульмѣ, куда проводить ее сыновья, отправляясь въ лагерь. Однажды вечеромъ Христина выслушала пылкій разговоръ Эббо о его планахъ удивить своего героя, короля римскаго, постройкою моста, и получить полное признаніе своихъ правъ на спорный берегъ.

Не видя около себя Фриделя, Эббо пошелъ за нимъ, и нашелъ его на горѣ, погруженнаго въ мечты.

Подсѣвъ къ брату, онъ воскликнулъ: Ты опять здѣсь, мечтатель!

Фридель, по старой дѣтской привычкѣ, обхватилъ его шею рукою. — Мнѣ хотѣлось наглядѣться на здѣшніе сѣрые туманы.

— Ты не разъ еще наглядись на нихъ, сказалъ Эббо. Шлейермахеръ говорилъ мнѣ, что это не янычары, но простая орда невѣрныхъ: они не общаются ни славы, ни опасности.

— Я не знаю, сказалъ Фридель, но мнѣ кажется, что я прощаюсь съ всѣми этими лощинами и вершинами горъ, уходящими въ облака, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился...

— Только не иди въ монахи! вскрикнулъ Эббо, ты даль мнѣ слово.

— Нѣтъ, не то; но я убѣдился, что мой долгъ стараться раз-
узнать о смерти моего отца. Слушай; я не говорю, что это
твой долгъ. Твоя обязанность быть здѣсь.

— Искать мертваго? проворчалъ Эббо, ужасно нужно!

— Нѣтъ, ты не правъ, отвѣчалъ Фридель; я думаю: нельзя ли
будеть узнать въ лагерѣ, отъ людей Шлангенвальда, или отъ
него самого, что сдѣлалось съ моимъ отцемъ. Говорять, что
сынъ Шлангенвальда, тевтонскій рыцарь, совсѣмъ инаго сор-
та человѣкъ, чѣмъ его отецъ. Отъ него, можетъ быть, мы узна-
емъ чтонибудь. Если показаніе Шнейдермейна подтвердится,
то совѣсть наша будетъ спокойна. Если же отецъ нашъ томит-
ся у нихъ въ какомънибудь подземельѣ...

— Глудости! можетъ ли это быть...

— Бывали люди, которые томились по восемнадцати лѣтъ
подъ душными сводами, сказалъ Фридель, и когда я подумаю,
что онъ страдалъ въ теченіе всей нашей жизни, въ то время,
какъ мы были свободны, и на его собственной горѣ, мнѣ про-
тивны становятся и луга, и небеса.

— Если только злодѣй Шлангенвальдъ осмѣлился сдѣлать
это, воскликнулъ Эббо, хотя и не вѣрю, что бы это могло быть,
то мы подняли бы на него всю лигу, и срыли бы до основанія
его замокъ!

— И я съ трудомъ вѣрю, сказалъ Фридель, но меня, болѣе
чѣмъ когда либо, преслѣдуетъ образъ добраго германца, ско-
ваннаго между деками на корсарской галерѣ. Я объ этомъ по-
стоянно думаю. И знаешь что, Эббо?.. Я вспомнилъ предсказаніе,
которое такъ тревожитъ тебя. Можетъ быть, та черная женщи-
на знала чтонибудь о Востокѣ и о тамошнихъ невольникахъ.

Эббо встрепенулся, но продолжалъ тѣмъ же тономъ:—Такъ ты
хочешь начать свои странствованія, какъ Гильдебертъ и Гиль-
дебрандъ въ саду розъ? Берегись! Такіе поиски оканчиваются
борьбою на смерть между неизвѣстнымъ отцемъ и его сыномъ.

— Я узналъ бы его, сказалъ Фридель съ энтузіасмомъ, или
по крайней мѣрѣ, онъ узналъ бы во мнѣ сына моей матери,
и, если бы я не могъ выкупить его, я взялся бы грести за
него.

— Выгодный промѣнъ для моей матери и для меня, глухо

засмѣлся Эббо, потерять тебя, лучшаго изъ насъ, и получить грубаго, дикаго господина, который начнетъ съ того, что сломаешь все, что мы сдѣлали, и будетъ бранить и мучить нашу милую мамашу зато, что она лучше образована, чѣмъ онъ...

— Стыдись, Эббо! вскричалъ Фридель, или, быть можетъ, ты шутишь?

— Совсе не шучу, и увѣренъ, что тебѣ не придется странствовать, могущественный Гильдебертъ, возразилъ Эббо, притянувъ его ближе къ себѣ. Знай, что я тоже намѣренъ отыскать его останки, куда бы ихъ ни спряталъ злодѣй, и похороною ихъ съ честію въ часовнѣ св. Фридмунда.

Давай Богъ, но прежде чѣмъ я узнаю, что онъ умеръ, я постараюсь его найти, и я увѣренъ, что святой Фридмундъ поможетъ мнѣ, сказалъ Фридель. Когда я сходилъ съ горы, я видѣлъ въ облакахъ самого святаго Фридмунда и себя на колѣняхъ передъ нимъ; онъ давалъ мнѣ свое благословеніе.

Эббо захохоталъ. -- Знаешь ли что сказалъ мнѣ Шлейрмахеръ? Что всѣ наши видѣнія призраковъ происходятъ отъ преломленія солнечныхъ лучей въ парахъ, поднимающихся надъ оврагомъ! Видишь, Фридель, я пошелъ искать тебя въ часовнѣ, и, встрѣтивъ на дорогѣ отца Норберта, сталъ на колѣни, и просилъ его благословенія на дорогу. У меня была дѣйствительность, а у тебя мечта, миражъ!

— Пусть будетъ по твоему, сказалъ кроткій Фридель съ легкою досадою: не вѣрь; пусть я напрасно воображалъ, что получилъ благословеніе святаго, но я всетаки не откажусь отъ моего намѣренія.

— Пстой! закричалъ Эббо, обрадованный случаю переменить разговоръ. Кто это пробирается тамъ, вокругъ скалы? Что тебѣ надобно, мошенникъ?

— Ничего худаго, перебилъ оборванный мальчикъ.

— Откуда ты? Изъ Шлангенвальда? Ты пришелъ высмотрѣть что бы такое украсть...

— Перестань! унималъ его Фридель. Можетъ быть, онъ пришелъ и съ добрымъ намѣреніемъ.

— Меня мать послала къ вамъ. Я скажу вамъ (мальчикъ обратился къ Фриделю), вамъ, а не тому, который бранится... Зато, что вы не сожгли нашихъ хижинъ и барыня давала намъ хлѣба, когда мы приходили зимою къ замку, моя мать не хотѣ-

ла, что бы наши ландскнехты разорили ваши постройки, и прислала меня предостеречь васъ.

— Что ты говоришь, добрый мальчикъ? воскликнулъ Эббо; но мальчикъ не отвѣчалъ ему. Фридель долженъ былъ повторить вопросъ.

— Всѣ ландскнехты и рыцари собрались въ замкѣ, и графъ отнялъ для нихъ у моего отца всѣхъ молодыхъ ягнятъ, чортъ бы его побралъ. Нашимъ людямъ приказано придти завтра утромъ на сборную гору, каждому съ пучкомъ соломы и сосновымъ фагеломъ, и Берентъ сказалъ, что графъ поклялся не уѣзжать на войну, пока не сожжетъ моста до послѣдняго бревна, пока не потопитъ всѣхъ камней и не повѣситъ всѣхъ рабочихъ до одинаго.

Эббо, въ порывѣ негодованія и благодарности, бросилъ мальчику горсть грошей, и поспѣшилъ собрать наскоро свой военный совѣтъ, состоявшій изъ двухъ братьевъ, матери, Морица, Гейнца и Гатто. Рѣшено было перевести рабочихъ съ ихъ семействами въ замокъ, равно и болѣе цѣнные материалы, и приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля. Христина совѣтовала бросить на произволъ врагу все, что можно было исправить въ послѣдствіи, и не начинать частной войны, когда императорское знамя развѣвалось въ полѣ. Пускай графъ прибѣгаетъ къ насилію. Этимъ онъ дастъ Эббо правильный предлогъ обвинить его передъ императоромъ и лигою, и все устроится къ лучшему.

Архитекторъ совѣтовалъ послать въ Ульмъ, и пригласить обѣ заинтересованныя гильдіи на помощь, но Эббо сказалъ, что, для его чести и славы его дома, не слѣдуетъ ни давать волю врагамъ разорять начатое дѣло, ни звать на помощь ульмцевъ, и что двухъ десятковъ его воиновъ, не считая каменщиковъ, плотниковъ и вассаловъ, будетъ достаточно для того, что бы заставить раскаться стараго змѣя... «Милая мамаша приготовьте хорошій ужинъ для всѣхъ насъ», сказалъ Эббо, и поспѣшно вышелъ, не слушая болѣе ни чьихъ совѣтовъ.

ГЛАВА VI.

Сраженіе у брода.

Раннимъ сентябрьскимъ утромъ, роща укрывала засаду адлерштейнскихъ всадниковъ, за которыми стояли вассалы и рабочіе съ топорами, косами, сошниками, иные съ самострѣлами, а Джобстъ съ сыновьями были вооружены вочергами. Впереди всѣхъ стояли Мориць и два брата рыцаря, всѣ трое въ шлемахъ, панцыряхъ и въ стальныхъ перчаткахъ, съ шпагами и съ изобрѣтенными тогда только что пистолетами. Долго ждали они; наконецъ послышались шумъ и бряцаніе оружія. Они узнали главнаго врага по дракону, изображенному на его шлемѣ и на щитѣ, и хотѣли уже выступить изъ засады, но Шлейермахеръ удержалъ ихъ.—Пускай врагъ обнаружитъ свои намѣренія, что бы послѣ не сказали про насъ, что мы зачишники.

Когда непріятельское войско, за которымъ несли солому и фитили, выступило на лугъ, графъ остановился и, казалось, отдавалъ приказанія.

— Бездѣльники! онъ уже приказываетъ! Теперь пора? спросилъ Эббо.

— Нѣтъ, мы еще не имѣемъ улики, что онъ не мирный путешественникъ, отправляющійся въ лагерь, отвѣчалъ Мориць.

Шлангенвальдъ подѣхалъ такъ близко, что они могли слышать его громкій возгласъ:— Лѣнвивыя собаки еще не встали, достой-ка мы ихъ разбудимъ! Впередъ съ факелами!

— Теперь! И Эббо на своей бѣлой лошади выступилъ впередъ; за нимъ вышло все его войско.

— Кто трогаетъ моихъ рабочихъ на моей землѣ? закричалъ Эббо.

— Я знать не хочу кто ты такой, отвѣчалъ графъ, но если чужіе безъ моего позволенія вступаютъ на мою землю, я сожгу ихъ хижины.—Начинайте, ребята!

— Прочь, ребята! воскликнулъ Эббо. Кто тронетъ хотя щепку на адлерштейнской землѣ, тому достанется порядкомъ!

— Вотъ какъ! сказалъ графъ, это мѣщанское отродье, мѣщанинъ, лакей, называетъ себя адлерштейномъ! Мальчишка! тебя слѣдуетъ хорошенько проучить. Если бы ты былъ чистой крови, я охотнѣе поддержалъ бы мои права противъ тебя. Трусь

ты этакой! даже не принялъ моего вызова. Не стоитъ даже беспокоиться сметать тебя съ моей дороги.

— Графъ! я, какъ истинный фрейгеръ и рыцарь, вызываю тебя! Я провозглашаю мое право на эту землю, и кто обижаетъ тѣхъ, кого я тутъ ставлю, тотъ долженъ сражаться со мною.

— Изволь, такъ и быть, сказалъ графъ, взявъ отъ оруженосца свое тяжелое копье. Онъ поворотилъ назадъ свою лошадь, что бы дать ей больше простора разбѣжаться. Эббо сдѣлалъ тоже. Съ одной стороны, Фридель съ другой Гиромъ Шлангенвальдъ, удерживали людей въ боевомъ порядкѣ, въ ожиданіи слѣдствій единоборства двухъ предводителей.

Они сошлись на полномъ скаку, съ дрожавшими копыями; лошади становились на дыбы, ударили передними ногами; по ни одинъ не нанесъ вреда другому. Каждый вынулъ свою шпагу, и напалъ на другаго; вдругъ Гейнцъ замѣтилъ, что одинъ шлангенвальдець прицѣливается въ Эббо лукомъ самострѣломъ; онъ яростно бросился на него, и схватка сдѣлалась общою: стрѣляли изъ арбалетовъ, палили изъ ружей, пистолетовъ. Фридель потерялъ изъ виду брата съ графомъ.

Раздались крики побѣды и стоны агоніи, и обѣ партіи увидѣли, что ихъ предводители упали. Каждая сторона бросилась къ своему. Фридель увидѣлъ брата подъ лошадью, которая вздрагивала, барахталась, и непріятеля, наступавшаго на его горло; онъ, мигомъ подоспѣвъ на выручку брата, прокололъ врага своею шпагою, и, желая прогнать непріятелей по инстинкту какъ можно далѣе отъ своего брата, дрался съ какимъ то бѣшенствомъ, кричалъ изъ всей силы своимъ людямъ и скакалъ по сухому оврагу; онъ стремился впередъ въ какомъ то свирѣломъ опьяненіи, чуждомъ его кроткому характеру, отъ пылаго желанія спасти брата. Когда предводители пали, непріятель бѣжалъ въ смятеніи, несмотря на свое численное превосходство, передъ яростно нападавшими на нихъ адлерштейнцами. Какъ скоро Фридель увидѣлъ, что непріятель уже далеко отъ мѣста стычки, онъ, оставивъ свою свиту гнаться за бѣглецами, вернулся съ архитекторомъ къ брату.

Съ помощію двухъ случившихся тутъ рабочихъ, они стащили умирающую лошадь съ Эбергардта, который не могъ удержаться отъ стоновъ, когда осматривали его раны, причемъ узнали, что нанесенная ему въ грудь шпагою графа не причинила столько боли, какъ отъ ружейной пули, которая, прежде чѣмъ войти въ

*

тѣло лошади, пробила на пролетъ бедро Эббо, и что нога его была помята и вывихнута, въ слѣдствіе судорожныхъ движеній лошади. Онъ былъ почти безъ памяти, и едва дышалъ, но, когда Моригъ омылъ его лице, и смочилъ губы, въ то время какъ онъ лежалъ на рукахъ брата, его глаза просвѣтлѣли, и онъ спросилъ:—Убилъ ли я его? Не онъ, а выстрѣлъ повалилъ меня. Живъ ли онъ? Посмотри, Фридель, ты самъ. Заставь его отдать оружіе.

Передавъ Эббо на руки Шлейермахера, Фридель повиновался, и пошелъ къ падшему врагу. Обиды Адлерштейну были отомщены; кровь лилась изъ глубокой раны выше ключицы, и обезсиленная рука блуждала безсознательно около застежки латнаго нашейника.

— Дайте, я вамъ помогу, сказалъ Фридель, ставъ на одно колѣно, и проникнувшись жалостію къ умиравшему человѣку; онъ забылъ наставленіе отобрать у него оружіе, отбросилъ шлемъ, и разсматривалъ сѣдую голову и суровое лицо, потемнѣвшее отъ непогоды и воспламененное отъ невозддержанія, такъ что оно не поблѣднѣло даже и по приближеніи смерти. Угроза злобной ненависти отражалась въ глазахъ; въ нихъ промелькнуло изумленіе, когда они остановились на лицѣ юноши. «Опять ты,—ты, щенокъ? Я думалъ, что покончилъ съ тобою,» проворчалъ онъ неслышно для Фриделя, который, занятый одною мыслию и живо чувствуя важность минуты, наполнилъ шлемъ опять водою. Освѣживъ ею лице умирающаго и поднеся ее къ губамъ его, онъ сказалъ: «Господинъ графъ, раздоры и битвы теперь кончены. Ради Бога, скажите: гдѣ я могу найти моего отца!»

— Что?... ты хочешь найти его? возразилъ Шлангенвальдъ, устремивъ свой взглядъ на оживленное лице юноши, между тѣмъ, какъ его рука, съ нервнымъ волненіемъ умирающаго, шарилъ около пояса.

— Я вамъ буду вѣчно благодаренъ, если вы уважете мнѣ, гдѣ я могу его найти, сказалъ Фридель.

— Знай же, сказалъ графъ протяжно и приковывая къ себѣ взоръ молодаго рыцаря стальнымъ блескомъ своихъ свѣтлыхъ сѣрыхъ глазъ, — знай же, что мерзавецъ твой отецъ турецкій невольникъ, а если его тамъ нѣтъ, то онъ тамъ, куда, надѣюсь, отправится за нимъ его ублюдокъ сынъ.

Вслѣдъ затѣмъ что то сверкнуло, раздался выстрѣлъ: Фридель отскочилъ назадъ, зашатался и упалъ. Эббо приподнялся, и

съ ужасомъ въ глазахъ громкимъ врикомъ сталъ звать брата. Мориць вскочилъ на ноги, крича: «Позоръ! измѣна!»

— Я призываю васъ въ свидѣтели, что я не сдавался, свазалъ графъ. Теперь покончено съ этимъ исчадіемъ. И съ насмѣшливою гримасою онъ вытянулся и закрылъ глаза, прежде тѣмъ разсвирѣпѣвшіе ремесленники бросились на него, горя дикимъ мщеніемъ.

Все это произошло въ одно мгновеніе ока, съ быстротою молніи. Фридель, черезъ минуту послѣ паденія, ринулся къ брату; опершись на одну руку, онъ обнялъ другою Эббо, и свазалъ: «Не бойся, это пустяки». Онъ наклонился, что бы взять голову брата къ себѣ на колѣни; но вдругъ хлынулъ потокъ темной крови изъ его лѣваго бока. Мориць вскрикнулъ:—Ахъ! господинъ Фридель, злодѣй сдѣлалъ свое дѣло! Это не легкая раца.

— Гдѣ? какъ? Негодяй! вскричалъ Эббо, приподнимаясь на локоть, что бы взглянуть на брата, который задумчиво приложилъ руку къ своему боку, и, смотря на свѣжую кровь, окрасившую ее, свазалъ:—Я ничего не чувствую. Это скорѣе тупое онѣмѣніе, чѣмъ боль.

— Худой знакъ, свазалъ Мориць тихо одному изъ рабочихъ, съ которымъ онъ совѣтовался, какъ перенести въ замокъ двухъ молодыхъ рыцарей, которые оставались еще на берегу. Одна часть туловища Эббо лежала на землѣ, другую поддерживали колѣно и рука Фриделя, который сидѣлъ, поникнувъ надъ нимъ головою; оба пристально смотрѣли другъ на друга, какъ будто потерявъ сознаніе обо всемъ, что вокругъ нихъ происходило.

— Господинъ фрейгеръ, свазалъ Мориць: въ состояніи ли вы затрубить въ вашъ рогъ, что бы призвать назадъ людей, преслѣдующихъ неприятеля?

Эббо попытался было, но у него не достало силы, а Фридель, вышедши изъ оцѣпенѣнія, схватилъ рогъ, и заставилъ горное эхо прозвучать призывъ, но это усиліе сопровождалось потерей большаго количества крови.

Въ это время Гейницъ, восхищенный побѣдою, возвратился, но восторгъ его смѣнился бѣшенствомъ и отчаяніемъ, при видѣ того состоянія, въ которомъ находились оба барона. Шлейермахеръ предложилъ положить ихъ на доски, приготовленныя для постройки, и снести домой новою дорогою.

— Мнѣ кажется, свазалъ Фридель, что я могъ бы ѣхать, если бы меня подняли на лошадь; это менѣе поразило бы мать.

— Прекрасно, сказалъ Эббо, поѣзжай, и успокой ее. Покажи ей, что, по крайней мѣрѣ, ты можешь сидѣть на сѣдлѣ, прибавилъ онъ, и испустилъ болѣзненный стонъ.

Фридель перекрестилъ его, и помогъ положить на доски, потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, и сказалъ:—Мы скоро будемъ вмѣстѣ. Рабочіе подняли Эббо на плечи, а Фридель попробовалъ ѣхать при помощи Гейнца, но повалился назадъ. Шлейермахеръ совѣтовалъ ему лучше лечь на носилки.

— Нельзя! мать испугается. И притомъ мнѣ хочется проѣхаться, можетъ быть, въ послѣдній разъ на моей доброй лошади, говорилъ онъ.

Фриделя опять усадили на лошади, которая стояла смирно и терпѣливо, какъ бы понимая критическое положеніе своего господина; онъ сѣлъ прямо, и махнулъ рукою, проѣзжая мимо носилокъ брата. Эббо сдѣлалъ знакъ, что бы онъ поторопился приготовить мать. Дорогою съ Фриделемъ безпрестанно дѣлались обмороки, и Гейнецъ едва могъ справиться съ нимъ. Не поддерживаемый присутствіемъ брата, онъ едва держался на сѣдлѣ, но когда увидѣлъ мать у рѣшетки замка, то опять собралъ свои силы, приказалъ Гейнцу отнять прочь свою руку, и, съ сверхъестественнымъ усиліемъ, сдѣлавъ рукою привѣтствіе, закричалъ весело:— Побѣда, милая мамаша. Эббо повалилъ графа, и вы не должны горевать о томъ, что это стоило немного крови.— Уви сынь мой, вотъ все, что могла произнести Христина, потому что его усилія казаться веселымъ плохо согласовались съ сѣроваатымъ мертвеннымъ оттѣнкомъ, покрывавшимъ прекрасное молодое лице, съ его окровавленными доспѣхами и мокрыми растрепанными волосами, и даже съ принужденною неземною его улыбкою.

— Нѣтъ, мамаша, прибавилъ онъ, когда она подошла такъ близко, что онъ могъ обнять рукою ея шею, не горюй, потому что ты будешь очень нужна брату Эббо. Знаешь, мамаша (и лице его просвѣтлѣло), какая радость ожидаетъ тебя. Только мнѣ хотѣлось бы его привезти. Онъ не умеръ подъ шпагою шлангенвальдца.

— Кто? не Эббо? вскричала ошеломленная мать.

— Вашъ собственный Эбергардтъ, нашъ отецъ, сказалъ Фридель, приблизивъ ея лице къ себѣ рукою, и, увидѣвъ ея растерянный взглядъ, прибавилъ: жестокой графъ признался въ этомъ

передъ кончиною. Онъ турецкій невольникъ, и конечно небо возвратитъ его вамъ на утѣшеніе, хотя мы не предвидимъ никакихъ средствъ освободить его! Я давно думалъ объ этомъ, мамаша, и благодарю Бога, что вывѣдалъ эту тайну, заплативъ за нее своею жизнію.

Послѣднія слова онъ произнесъ почти безсознательно, и чуть не свалился, когда возбужденіе прошло; но, когда его сняли съ лошади, онъ наклонился, и поцѣловалъ лоснящуюся шею своей лошади. — Ахъ, бѣдная моя, и ты тоже останешься одна. Хотя бы Эббо поѣздилъ на тебѣ!

Матери некогда было предаваться печали. Ея сердце уже давно наболѣло. Одно желаніе близнецовъ, быть неразлучными, было исполнено; ихъ положили на большую кровать въ верхней комнатѣ. Эббо лежалъ въ обморокѣ отъ боли при переноскѣ, а Фридель легъ такъ, что бы встрѣтить его первый взглядъ, когда онъ придетъ въ себя. Эббо открылъ глаза, и братья долгое время молча наблюдали другъ друга, потомъ Эббо сказалъ: — Братъ! не смертною ли блѣдностію подернулось твое лицо?

— Я такъ думаю, отвѣтилъ Фридель.

— Всегда неразлучны, сказалъ Эббо, держа его руку. Но бѣдная мамаша! Зачѣмъ я послалъ тебя къ злодѣю?

— Ахъ! она скоро найдетъ утѣшеніе, сказалъ Фридель. Ты не слышалъ? Онъ признался, что мой отецъ у турокъ.

— А я то удержалъ тебя! воскликнулъ Эббо. Ахъ Фридель, если бы я послушался тебя, ты не былъ бы въ этой несчастной схваткѣ!

— Нѣтъ, развѣ не лучше никогда не разлучаться. Мамаша найдетъ средство выкупить его чрезъ ульмскихъ купцовъ.

— Мамаша, вы засвидѣтельствуете ему тогда наше сыновнее почтеніе. И онъ опять улыбнулся.

Христина, какъ будто во снѣ отвѣчала ему улыбкою. Она разсматривала рану Фриделя, и нашла, что ея искусство лечить оказывается теперь недостаточнымъ; она старалась только унять кровь, пока не придетъ помощь, потребованная изъ Ульма. Быть неразлучными казалось братьямъ достаточнымъ утѣшеніемъ, и когда явился священникъ исполнить послѣдніе обряды церкви, Эббо умолялъ его помолиться, что бы ему недолго приходилось быть въ чистилищѣ. Онъ каялся въ гордости, въ небрежности розысковъ пропащаго отца, въ упря-

рямомъ противорѣчіи добрымъ совѣтамъ благоразумныхъ людей. — Фридель, сказалъ онъ, схвативъ руку брата, былъ всегда святымъ, какъ мученикъ Севастіанъ, но я никогда не былъ такимъ. Я вѣрно буду наказанъ тѣмъ, что меня оставялъ одного, когда онъ будетъ въ раю!

— Нѣтъ! сказалъ Фридель, очнувшись, общее раскаяніе, общій крестъ, общая надежда! и впалъ опять въ оцѣпенѣніе.

Помощь пришла прежде, чѣмъ ее ожидали; врача встрѣтили на дорогѣ, въ свитѣ какаго то барона. Мать, столь же блѣдная, какъ ея сыновья, приняла его съ безнадежною благодарностію. Онъ объявилъ, что Фридель былъ безнадеженъ, но что другого юношу есть надежда спасти. Фридель открылъ глаза и съ неземною улыбкою сказалъ:—Вотъ видите, мамаша!

Врачъ приказалъ положить ихъ на разныя кровати. Эббо лежалъ въ обморокѣ, а Фридель, вздохнувъ, согласился перейти и только сказалъ:—Хорошо, скажите ему, что я иду молиться и оставляю его стражаться Милый, милый Эббо! Мы соединимся когда нибудь и навсегда! Я оставляю тебя для твоей же пользы. Фридель съ большимъ усиліемъ перекрестилъ лобъ брата, и приложась къ нему, долго и горячо цѣловалъ его; потомъ, протянувъ руку къ Гейнцу, сказалъ: Возьми меня, пока не очнулся Эббо, что бы не растревожить его. Послѣдняя жертва, пропепталъ онъ, когда его несли въ другую комнату.

Когда Эббо, опомнившись, не нашелъ возлѣ себя блѣднаго отраженія своего собственнаго лица на подушкѣ, ни холодной, влажной руки, обнимавшей его, онъ впалъ въ безумный, бредъ, и его беспокойныя движенія срывали перевязки врача; вдругъ изъ отворенной двери послышался пріятный, тихій голосъ, который пѣлъ знакомую пѣсню.

«Фридель!» прошепталъ онъ, и обратился весь въ слухъ, удерживая дыханіе. Пѣніе церковныхъ гимновъ, рыцарскихъ пѣсенъ и легендъ продолжалось весь вечеръ; это было средствомъ сообщенія между двумя братьями. Эббо и прежде заставлялъ по вечерамъ пѣть брата, пріятный голосъ котораго ему чрезвычайно нравился, а теперь онъ благотворно подѣйствовалъ на него. Пріятная дремота сомкнула его глаза; мать незамѣтно вошла въ комнату, и сѣла возлѣ больнаго Эббо. Онъ открылъ глаза и сказалъ. —Онъ теперь не поетъ.

— Онъ поетъ тамъ, гдѣ мы не можемъ его слышать, отвѣ-

чала она, его послѣднимъ словомъ было: «и они наконецъ придуть ко мнѣ!» И тихій тонъ ея голоса, какъ воркованіе голубки, и нѣжное безмятежное ея лице производили такое же волшебное дѣйствіе на Эббо, какъ и замолкшее пѣніе. Онъ впалъ въ дремоту, убаюиваемый еще его отголоскомъ.

(Окончаніе будетъ.)

О МЕЖДУНАРОДНОЙ МОНЕТѢ.

Вопросъ, стоящій въ настоящее время на очереди, разрѣшеніе котораго ожидается всѣми просвѣщенными людьми, есть вопросъ о международной всемірной монетѣ. Вопросъ этотъ не новый: еще въ 1824 году составлялись въ Англіи общества, для введенія десятичной системы монеты по образцу французской; но онъ испугалъ тогда большинство; введеніе международной монеты казалось химерою, а измѣненіе орудія мѣны, къ которому привыкли, казалось ужаснымъ. До сихъ поръ есть противники этого нововведенія, доказывающіе, что введеніе новой системы поведетъ къ вреду, къ ломкѣмъ закоренѣлыхъ привычекъ и къ несправедливости въ отношеніи прежнихъ кредитныхъ сдѣлокъ. Такимъ образомъ этотъ вопросъ подвергся такимъ же нападеніямъ, какъ и всѣ великія экономическія преобразованія, при своемъ введеніи. Припомнимъ какъ было встрѣчено введеніе паровыхъ машинъ; есть цѣлые трактаты, утверждающіе, что введеніе машинъ есть страшное зло, которое со временемъ дастъ себя почувствовать, оставивъ громадное число рукъ безъ работы и хлѣба. Въ желѣзныхъ дорогахъ видѣли такое отягощеніе народовъ, которое поведетъ къ всеобщему обѣднѣнію. Нынѣ эти разсужденія могутъ быть приводимы въ доказательство, какъ люди могутъ искренно и добросовѣстно ошибаться. Если эти вопросы уже порѣшены, то вопросъ о международной монетѣ въ настоящее время есть еще пред-

метъ спора, хотя можно надѣяться, что придетъ и его пора, когда онъ будетъ неоспоримымъ.

Введеніе машинъ и улучшеніе путей сообщенія, произведенное въ XIX столѣтіи, неимоვნно увеличило производство продуктовъ; достаточно указать здѣсь на нѣсколько статистическихъ цифръ, что бы показать поразительное развитіе производительности. Такъ желѣзо, одинъ изъ важнѣйшихъ металловъ, по общеупотребительности его, производилось въ Европѣ, 60 лѣтъ тому назадъ, въ количествѣ 772,000 тоннъ, а нынѣ ежегодное производство его считается около 6.000,000 тоннъ. Производство хлопка, который воздѣлывался прежде почти только въ одной Сѣвер. Америкѣ, не превышало въ началѣ нынѣшняго столѣтія 10,000 кипъ; въ 1860 году произведено его 5.200,000 кипъ. Бумажной ткани въ одной Англии производилось, 40 лѣтъ тому назадъ, столько, что можно было ея обернуть землю девять разъ; нынѣ считается годовое производство ея такое, что можно обернуть ея землю сто разъ. Увеличеніе механической силы въ послѣднее столѣтіе еще поразительнѣе. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Европѣ не было еще ни одного собою локомотива; теперь ихъ считается 16,500; они замѣняютъ собою силу 7.700,000 лошадей, или силу 38.500,000 человѣкъ, т. е. силу цѣлаго государства, какъ напр. Франція: такъ уменьшаютъ они потребную на то животную силу, удешевляя, и въ то же время ускоряя передвиженіе.

Желѣзныя дороги и телеграфныя линіи, распространяясь повсюду, облегчили сообщенія и уничтожили границы; затѣмъ, заключеніе новыхъ коммерческихъ союзовъ и уничтоженіе стѣснительныхъ правилъ для обмѣна, увеличили международное сношеніе, и сблизили народы; тогда то съ разныхъ сторонъ раздались голоса въ пользу мѣръ, способствующихъ этому сближенію, къ числу которыхъ принадлежитъ уединеніе системъ вѣса, мѣры и монеты. Стоитъ просмотрѣть таблицу монетъ всѣхъ государствъ, что бы видѣть разнообразіе громадной коллекціи всѣхъ употребляемыхъ монетъ; нужно быть нумизматомъ, что бы распознать ихъ всѣхъ; при переводахъ же однихъ на другія, не рѣдко составляются мельчайшія дробы, неизобразимыя никакою частію монеты. Сколько является приэтомъ неудобствъ, какъ для путешественниковъ, такъ и для коммер-

ческихъ сношеній! Прежде путешествовали одни богачи, теперь же всѣ классы общества, даже рабочіе, отправляются за границу, привлекаемые удобствомъ или интересомъ; они встрѣчаютъ не мало неприятностей и затрудненій отъ обязанности употреблять иностранную монету, не зная положительно ея цѣны; приэтомъ, вопервыхъ, приходится терять отъ мѣны, и какъ бы ни была мала эта потеря, но весьма приятно было бы и ее избѣгнуть; вовторыхъ, отъ обмана, который весьма возможенъ при разнообразіи монетъ и непрерывной мѣнѣ ихъ. Кромѣ того, въ слѣдствіе этого разнообразія монетъ, происходятъ остановки, задержки и разныя мелкія неприятности, которыя возбуждаютъ путешественниковъ противъ націй, по территоріи которыхъ они проѣзжаютъ, напр., при путешествіи съ одной стороны Рейна на другую, приходится, въ продолженіе дня, переходить отъ талера къ флорину на Рейнѣ, отъ флорина на Рейнѣ, къ флорину Австріи, отъ зильбергроша къ крейцеру и т. д.; тутъ невольно ругнешь нѣмцевъ со всѣми ихъ безчисленными независимыми княжествами и королевствами; вообще это производитъ раздраженіе, которое возбуждаетъ враждебное предубѣжденіе, и вредитъ добрымъ отношеніямъ между націями. Сколько удобствъ доставляетъ недавно заключенная монетная конвенція между Франціею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею, въ слѣдствіе которой, проѣзжая отъ устья Шельды до подножія Этны, можно употреблять одну и ту же монету.

Для коммерческихъ сношеній, при нынѣшней взаимности монетныхъ рынковъ, введеніе повсюду одинаго знака обращенія было бы громаднымъ улучшеніемъ. Было время, когда съ драгоцѣнными металлами было тоже, что съ хлѣбомъ въ древніе вѣка, когда каждая нація, движимая эгоизмомъ, употребляла всѣ усилія собрать у себя сколь можно большое количество провизіи, увеличивая тѣмъ бѣдствіе сосѣдей; тѣ, въ свою очередь, старались еще жесточе отплатить имъ. Нынѣ деньги и хлѣбъ могутъ направляться во всѣ рынки, гдѣ есть требованіе и приманка высокой цѣны. Какъ вода стремится въ пустоту, что бы быть всегда на одномъ уровнѣ, такъ всѣ продукты, а съ нимивмѣстѣ и деньги, стремятся изъ страны, гдѣ ихъ много, туда, гдѣ ихъ недостаточ-

но; большая ошибка дѣлается въ наше время, когда дѣйствуютъ противъ естественнаго движенія къ равновѣсію, вмѣсто того, что бы содѣйствовать этому движенію. Одна общая для всѣхъ монета конечно будетъ, къ общему благу, способствовать этому движенію. Наконецъ, настоящій характеръ капиталовъ, которые стали космополитами, требуетъ монетной реформы. Теперь не довольствуются добываніемъ продуктовъ только своей страны, но дѣлаютъ предпріятія въ далекихъ чужихъ странахъ, что бы воспользоваться разработкою нетронутыхъ богатствъ въ менѣ цивилизованныхъ странахъ. По всей Европѣ и за океаномъ, кромѣ государственныхъ займовъ, предлагаются капиталы, необходимые для постройки желѣзныхъ дорогъ, для эксплуатаціи рудниковъ, открытія банковъ, улучшенія земледѣлія, прорытія перешейковъ, однимъ словомъ предпринимаются работы въ цѣломъ свѣтѣ. Для перемѣщенія капиталовъ изъ одной страны въ другую, гдѣ, употребленные съ большою пользою, они могутъ обогатить, какъ заимодавца, такъ и заемщика, необходима звонкая монета, а когда эта монета будетъ однообразна и одной цѣнности, то обращеніе капитала изъ одной страны въ другую будетъ такъ же легко, какъ теперь въ предѣлахъ своей націи. Что потребность однообразія въ счетахъ достаточно ощущается и теперь, можетъ служить доказательствомъ не такъ давно за ключенная телеграфная международная конвенція, гдѣ всѣ расчеты между государствами принято дѣлать на франки.

Какъ извѣстно, два драгоцѣнные метала, золото и серебро, приняты всѣми народами, какъ орудіе мѣны, но одни избрали нормою обмѣна золото, другіе серебро, а третьи одновременно оба метала; первыя двѣ системы называются системою одной нормы, а третья двойной нормы. Такъ Англія имѣетъ систему одной нормы, потому что тамъ нормальная монета золотая; называется она суверень или фунтъ стерлинговъ. Германія тоже имѣютъ систему одной нормы, но только тамъ нормою служитъ серебряная монета: талеръ и флоринъ; тамъ серебряная монета одна имѣетъ привилегію закономъ опредѣленнаго курса. У насъ система двойной нормы, потому что при серебряной единицѣ, рубль, имѣются закономъ установленныя золотыя монеты, имперіаль

и полуимперіаль. Въ Франціи также принята система двойной нормы, и нормальной монетою служитъ серебряный экю въ 5 фран. и золотой наполеондоръ въ 20 фран., которые оба принимаются во всѣ платежи по обязательному курсу. Что бы обезпечить одновременное обращеніе золотой и серебряной монеты, французскій законъ опредѣлилъ постоянное отношеніе цѣнности между двумя этими металлами, которое выражается цифрами, какъ 1 къ $15\frac{1}{2}$; по этому закону долгъ въ 200 франковъ можно заплатить 64 гр. 51 центигр. золотомъ (въ переводѣ на нашъ вѣсъ это будетъ 15 зол. 11,475 долей), или 1 килограммъ серебромъ (на нашъ вѣсъ 2 ф. 42 зол. 40,54 долей); если платежъ дѣлается въ монетѣ, то она должна быть отчеканена такъ, что бы $\frac{9}{10}$ было чистаго металла и $\frac{1}{10}$ лигатуры. Этотъ законъ, желая для облегченія обмѣна ввести въ обращеніе оба металла, на самомъ дѣлѣ произвелъ только затрудненіе. Напрасно законъ объявилъ, что одинъ килограммъ золота стоитъ $15\frac{1}{2}$ килограммъ серебра, потому что этого никакимъ закономъ установить нельзя: относительная стоимость этихъ двухъ металловъ зависитъ отъ количества его производства и потребленія, и подчинена законамъ спроса и предложенія. А такъ какъ можно платить любимымъ металомъ, то выбираютъ тотъ, который дешевле опредѣленной закономъ нормы, а слѣдовательно которымъ выгоднѣе платить. Такъ, напримѣръ, до открытія золотыхъ источниковъ Калифорніи и Австраліи, золото стоило дороже серебра болѣе чѣмъ въ $15\frac{1}{2}$ разъ; въ слѣдствіе того, въ Франціи серебро было почти единственнымъ дѣятелемъ обращенія. Золотая монета была роскошію, и въ случаѣ нужды покупалась у мѣняль съ премією отъ 5 до $10\frac{0}{10}$. Когда же на рынокъ явилось золото Австраліи и Калифорніи, то отношеніе цѣнности двухъ металловъ измѣнилось въ пользу серебра; тогда послѣднее исчезло изъ обращенія, и замѣнилось золотомъ. Когда же серебро стало сильно требоваться на Востокъ, для оплаты индокитайскихъ товаровъ, ввозъ которыхъ быстро увеличивался, тогда не только крупная, но даже мелкая серебряная монета ушла по направленію, противоположному солнцу, съ Запада на Востокъ, и въ обращеніи осталась одна только истертая монета; въ 1856, и 1859 же годахъ спросъ серебра для Индіи былъ такъ великъ, что и истертость мо-

неты не удерживала ее въ обращеніи на Западѣ. Тогда бельгійское и швейцарское правительства, желая исправить такое положеніе вещей, рѣшили понизить пробу въ золотой монетѣ, и приняли какъ за норму серебряный франкъ, отказавшись принимать въ платежи золотую монету; но мѣра эта не удалась; населеніе, привыкшее къ совершенному единообразію монеты съ Франціею, продолжало принимать въ платежи наполеондоры, несмотря на запрещеніе закономъ; въ слѣдствіе того золото, принимаемое частными лицами и отвергаемое правительственными учрежденіями, произвело столь сильное затрудненіе и неудовольствіе, что Швейцарія и Бельгія противъ воли должны были принять двойную систему монетъ. Тогда золото, торжествуя повсюду, сдѣлалось главнѣйшимъ орудіемъ мѣны. Никто, конечно, не жаловался бы на то, что, вмѣсто большой тяжелой серебряной монеты, вошли въ употребленіе удобныя и элегантныя золотыя, если бы только вывозъ серебра не увлекъ съ собою мелкой монеты, которая необходима для хозяйства и для платы рабочимъ. Сильныя жалобы на это, заставили прибѣгнуть къ мѣрѣ, примѣръ которой подала Англія; еще въ 1816 году англійское правительство понизило пробу серебряной монеты, объявивъ въ то же время, что она не обязательна для пріема въ платежи, свыше суммы 2 фунтовъ стерлинговъ. Но сдѣлать то же въ странахъ съ одною серебряною системою монетъ или съ двойною системою было нельзя, не потрясая тѣмъ всей системы, а потому правительства этихъ странъ рѣшили понизить пробу только въ мелкой серебряной монетѣ, доводя ее до цѣнности мѣди. Закономъ 31 января 1860 года, Швейцарія понизила пробу въ двухъ, однофранковыхъ и 50-сантим. монетахъ съ 900 на 800-тысячную часть чистаго металла, но эю въ 5 франковъ остался нетронутымъ. Франція, закономъ 25 мая 1865 г., тоже не трогая эю, понизила пробу въ 50 и 20-сантим. монетахъ съ 900 на 835 тысячную часть чистаго металла. У насъ въ Россіи, указомъ 22 марта 1860 года, проба мелкой монеты, начиная съ двугривеннаго, понижена съ 84 до 72, и наконецъ къ 1867 году проба этой монеты понижена до 48, но при этомъ надо замѣтить, что единица, серебряный рубль, остался нетронутымъ, и попрежнему долженъ чеканиться 84 пробы,

а приемъ мелкой монеты обязательенъ для приема не свыше 3 руб. сер. Одна Бельгія осталася вѣрна системѣ XI года, а потому и должна было довольствоваться одною истертою мелкою монетою; что бы избавиться отъ такого непріятнаго положенія, бельгійское правительство предложило французскому созвать конференцію, что бы съ общаго согласія произвести реформу старинной монетной системы. Предложеніе это было хорошо принято въ Парижѣ, и тогда французское правительство предложило правительствамъ Италіи, Бельгіи и Швейцаріи составить международную комиссію, для отысканія лучшаго условія фабрикаціи и обращенія монетъ, и для введенія общаго посредника мѣны. Правительства этиохотно согласились, и международные комиссары собрались въ Парижѣ, въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; каждое изъ четырехъ правительствъ выбрало людей, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, и засѣданія комиссіи начались 20 ноября 1865 года подѣ председательствомъ вице-президента государственнаго совѣта, г. Парье. Всѣ были проникнуты важностію дѣла, которая могла быть достигнута только взаимною уступкою и добрымъ согласіемъ. Всѣхъ засѣданій было пять, и результатомъ ихъ вышла монетная конвенція, заключенная, 23 декабря 1865 года, между Франціею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею. Такое быстрое рѣшеніе можетъ служить доказательствомъ, съ какою легкостію націи могутъ придти къ соглашенію, когда, оставивъ излишнюю щекотливость и эгоизмъ, онѣ занимаются только истинными и обоюдными интересами.

По постановленію этой конвенціи, для всѣхъ четырехъ странъ принято два рода монетъ: золотыя въ 20, 10 и 5 франковъ и серебряный эвю въ 5 франковъ; эти монеты сохранили свою прежнюю пробу. Монеты въ 2, 1 и $\frac{1}{2}$ франка были, помощію уменьшенія пробы въ 835 тысячныхъ чистаго метала, доведены до цѣнности мѣдной или билонной монеты. Швейцаріи дано время до 1878 года, что бы вынуть изъ обращенія ея мелкую монету, фабрикованную въ 0,800 часть чистаго метала; до того же времени эта монета также принимается во всѣхъ четырехъ союзныхъ государствахъ. Количество выпуска мелкой монеты пониженной пробы ограничено, до истеченія срока конвенціи, т. е. до 1-го января 1880 года, согласно народонаселенію каждаго государства,

полагая по 6 франковъ на каждаго жителя, что составило бы для Франціи 289 милліоновъ, для Италіи 141 м., для Бельгіи 32 мил. и для Швейцаріи 17 мил. франковъ; и изъ этихъ цифръ выпуска ни одна изъ договорившихся странъ не смѣла выйти. Это необходимо было постановить, потому что внутренняя цѣнность легкой монеты была ниже номинальной, а это дало бы возможность спекулировать какою либо странѣ, скупая крупную монету и передѣлывая ее въ мелкую. Кроме того необходимо было отнять право у дебиторовъ расчитываться одною только монетою, имѣющею цѣнность жѣди, для чего въ конвенціи постановлено, что частныя лица могутъ отказываться принимать мелкую монету въ расплату до 50 франковъ (сумма эта заимствована у англичанъ). Для того же, что бы обезпечить обращеніе мелкой монеты другихъ государствъ, положено, что общественныя кассы принимаютъ ее въ платежѣ до 100 франковъ; но каждая договорившаяся страна обязуется вынимать изъ обращенія мелкую монету прежняго выпуска, и замѣнять ее, по предъявленіи подобной же цѣнности, ходячею золотою и серебряною монетою. Этимъ предотвращемъ излишній выпускъ, ибо излишекъ тотчасъ же будетъ представленъ въ обмѣнъ, пока цѣнность мелкой монеты опять не поднимется до нормальной. Наконецъ, конвенція обязываетъ договорившіяся государства публиковать ежегодно количество выпущенной золотой и серебряной монеты, и давать отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ, относящихся до взаимнаго обращенія этихъ монетъ. Такъ заключился этотъ братскій международный договоръ, и онъ есть предвѣстникъ лучшаго времени, когда довѣріе и добрыя отношенія замѣнятъ недоувѣріе и непріязненные чувства, которыя еще такъ часто раздѣляютъ народы.

Въ заключеніе, конвенція приглашаетъ и другія страны присоединиться къ этому союзу; но однимъ изъ главныхъ препятствій къ тому представляется то, что конвенція приняла двойную норму монетъ, на что страны, имѣющія одну нормальную золотую монету, никогда не согласятся. Защитники двойной системы говорятъ, что они ввели двухъ законныхъ агентовъ обращенія для лучшаго снабженія страны монетою; такъ, напр., профессоръ политической экономіи въ Парижѣ, г. Вольскій, дѣлаетъ сравненіе

двойной системы съ металлизмомъ у часовъ: баль металлизъ уравниваетъ ходъ часовъ, такъ оба метала, неравномѣрнымъ расширеніемъ, вознаграждаютъ другъ друга, и дѣлаютъ тѣмъ монетное движеніе правильнѣе. Но опытъ убаваль, что и при двойной системѣ страна остается почти всегда съ однимъ агентомъ обращенія, а именно съ подешевѣвшимъ. Много было писано и противъ двойной системы; такъ извѣстный писатель Локкъ давно уже высказывалъ недостатки ея. «Два метала, какъ серебро и золото, говорить онъ, не могутъ служить, въ одно время въ одной и той же странѣ, мѣриломъ обмѣна, потому что необходимо, что бы это мѣрило было всегда одно, и оставалось бы въ одной пропорціи цѣнности. Брать для мѣрила коммерческихъ цѣнностей предметы, которые не имѣютъ между собою постояннаго и точнаго отношенія, это все равно, что брать для измѣренія такой матеріалъ, который можетъ растягиваться или сокращаться. Надобно, значитъ, что бы въ каждой странѣ былъ одинъ металл, который былъ бы ходячею монетою, залогомъ контрактовъ и мѣриломъ цѣнности.» Къ этому изрѣченію можно еще привести слѣдующій примѣръ, подтверждающій справедливость идеи Локка. «Если взять кубъ желѣза и кубъ торфа, объявить ихъ одной пробы и одной цѣнности, и сдѣлать ихъ одинаково обязательными при приѣмѣ въ платежъ, тогда торговецъ станетъ употреблять то одинъ, то другой вѣсь, смотря по состоянію атмосферы. Если будетъ сыро, онъ будетъ принимать желѣзо, если сухо, то торфъ, и такимъ образомъ будетъ пользоваться частію товаровъ.» Никогда золото и серебро не обращалось правильно въ одно и то же время, когда оба метала были признаваемы нормою обмѣна и имѣли закономъ опредѣленную относительную цѣнность. Напримѣръ, у насъ полуимперіалъ, содержащій въ себѣ 1 золотникъ 39 долей чистаго золота, стоитъ по закономъ опредѣленной таблицѣ 5 руб. 15 коп. на серебро, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ полуимперіала; купить по этой цѣнѣ нельзя вздорожаніе золота, относительно серебра, сдѣлало невыгоднымъ обращать золото въ монету; такимъ образомъ золото давно уже вышло изъ обращенія; хотя и серебряныхъ рублей мы теперь почти не видимъ въ обращеніи, и законная цѣна ихъ измѣнилась, но тутъ уже причиною не-

пропорциональный выпуск бумажных денег, и въ слѣдствіе того прекратившіяся разбить ихъ, а также и пониженіе пробы въ мелкой монетѣ, почему серебряные рубли стало выгодно передѣлывать въ мелкую монету. Слѣдствіемъ всей этой монетной пертурбаціи вышло то, что законъ остался только при буквѣ, потому что и казенныя кассы вынуждены принимать монету по торговой или биржевой цѣнѣ; такъ теперь государственный банкъ скупаетъ рубли по 1 руб. 17 коп.

Затѣмъ, въ случаѣ принятія одной нормы, является вопросъ: какой металл избрать для того, золото или серебро? Но въ этомъ вопросѣ болше вѣсто на сторонѣ золотой монетѣ, какъ монетѣ болшихъ торговыхъ дѣлъ и наиболше цивилизованныхъ націй. Страны, гдѣ закономъ установлена одна серебряная монета, не могли обойтись безъ излщной золотой монеты. Такъ, напримѣръ, во всей Германіи обращаются нанолеондоры. Принять золотую монету за норму, не значитъ совершенно исключить серебряную; она не изчезнетъ изъ обращенія, но низведется на цѣнность мѣдной, т. е. будетъ играть такую же роль, какъ теперь мѣдная и биллонная монета, и будетъ только вспомогательною мелкою монетою.

Послѣ заключенія монетной конвенціи въ 1865 году, стали раздаваться многіе голоса и не въ договорившихся странахъ въ пользу этой конвенціи: такъ въ Англии, на одномъ митингѣ, въ началѣ нынѣшняго года, гдѣ собрались выборные коммерческихъ палатъ, выражено было такое мнѣніе: «Монетная конвенція, недавно заключенная между Франціею, Италіею, Швейцаріею и Бельгіею, есть мѣра, достойная полнаго одобренія, потому что она будетъ имѣть послѣдствіемъ облегченіе и оживленіе операций международной торговли, банковъ и обмѣна, не только между договорившимися странами, но и съ другими націями.» Наконецъ, правительства другижъ государствъ, видя большой успѣхъ конвенціи 1865 года, несмотря на обязательный курсъ бумажныхъ денегъ въ Италиі, рѣшились послать депутатовъ на конференцію, собравшуюся въ Парижѣ, во время всемірной выставки, подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона. Въ этой конференціи участвовали представители 20 государствъ Европы, и въ томъ числѣ представите-

♦

ли Турціи и Соединенныхъ Штатовъ. Засѣданія ея начались 17 іюня, и продолжались по 6 іюля 1867 г.

Прежде всего ей предстояло рѣшить: искать ли начало всесвѣтнаго монетнаго союза въ совершенно новой системѣ, или заняться исправленіемъ какой либо уже существующей системы; вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу существующей уже системы, такъ какъ созданіе новой системы могло бы надолго отложить введеніе ея въ дѣло. Потому вниманіе конференціи остановилось на конвенціи 1865 года; она приняла въ основаніе все то, что сказано въ конвенціи о золотой монетѣ, и въ слѣдствіе того она приняла слѣдующія начала: золото сдѣлается единственною международною нормою; золотая монета въ пять франковъ принимается какъ единица международной монетной системы; она служитъ общимъ знаменателемъ для всѣхъ другихъ типовъ золотыхъ монетъ; чистаго метала въ монетѣ должна быть девяностотысячная часть или $\frac{9}{10}$ метала и $\frac{1}{10}$ лигатуры; и наконецъ подраздѣленіе монетъ должно быть десятичное.

Труды этой конференціи офиціально препровождены къ различнымъ государствамъ, причемъ французское правительство просило каждое государство высказать свое мнѣніе и, въ случаѣ благопріятнаго отзыва, собрать новую конференцію, гдѣ новыя основанія будутъ окончательно утверждены и будетъ разрѣшенъ вопросъ приложенія новой системы на практикѣ. Отвѣтъ отъ разныхъ государствъ ожидался не ранѣе 15 февраля 1868 года, послѣ чего и можно будетъ разсуждать о практическихъ результатахъ конференціи 1867 г.

Пока же, какъ за хорошее предзнаменованіе, можетъ быть принято недавнее рѣшеніе этого вопроса Австріею. Тотчасъ же послѣ конференціи, она предложила договориться съ государствами монетнаго союза 1865 г., принявъ за основаніе начала, опредѣленныя конференціею 1867 г. Предложеніе это было принято французскимъ правительствомъ, и вскорѣ же началось его обсужденіе въ Парижѣ, между представителями французскаго правительства и австрійскимъ представителемъ на конференціи 1867 г., барономъ Гоккомъ; слѣдствіемъ этихъ обсужденій вышелъ проектъ конвенціи, представленной теперь на обсужденіе другихъ государствъ монетнаго союза.

По этому проекту, Австрія обязана принять конвенцію 1865 г., касательно золотой монеты, почему она обязывается не выбивать золотой монеты инаго тина, какъ только принятаго конвенціею; что бы достигнуть этого, она не оставляетъ своей монетной единицы серебрянаго флорина, но только примѣняетъ его къ опредѣленной цѣнности франка, для чего дѣлаетъ флоринъ цѣною 2 фр. 50 сантимовъ, вмѣсто 2 фр. 46 сантимовъ, какъ теперь. Двойный флоринъ, стоящій 2 фр. 50 сант., будетъ какъ разъ 5 франковъ, и будетъ золотой, затѣмъ будутъ еще выбиваться золотыя монеты въ 4 флорина или 10 франковъ, въ 8 флориновъ или 20 франковъ; эти монеты суть именно тѣ, которыя приняты конвенціею 1865 г.

Кромѣ того, еще введена монета въ 25 франковъ или 10 флориновъ; монета эта принята согласно желанію конференціи, какъ содѣйствующая присоединенію къ союзу Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Австрійская золотая монета будетъ имѣть тотъ же вѣсъ, то же названіе, ту же отливку и одинъ и тотъ же діаметръ; кромѣ того, она будетъ имѣть на штемпелѣ обозначеніе цѣнности на флорины и въ то же время на франки. Приэтомъ условіи, австрійская монета, безъ затрудненія, войдетъ въ обращеніе не только въ странахъ монетнаго союза, но и въ другихъ. Введеніе этой конвенціи въ силу предполагается съ 1 января 1870 г. По разсмотрѣніи проекта государствами союза и въ случаѣ ихъ согласія, будетъ созвана новая конференція, которая ратификуетъ этотъ проектъ, и введетъ его въ силу.

Россія тоже можетъ примкнуть къ монетному союзу безъ особаго затрудненія: серебряный рубль стоитъ 4 фр. 4, 9 сантима; понизивъ цѣнность его на 4, 9 сант., получимъ рубль = 4 франкамъ, а сдѣлавъ полуимперіаль цѣностію равною 5 р., получимъ 20 франковую золотую монету, ибо полуимперіаль будетъ стоять тогда ровно 20 франковъ; нынѣ же онъ стоитъ 20 фр. 66 сантимовъ. Это уравненіе можно сдѣлать почти незамѣтно, и оно приблизитъ серебряные рубли къ нынѣшней пониженной достоинствомъ мелкой монетѣ.

Если, какъ надо полагать, проектъ Австріи утвердится, то имъ будетъ сдѣланъ важный шагъ, относительно цѣли кон-

Ференци 1867 г., ибо сто миллионѣвъ душъ будетъ имѣть одну общую монету. Перспектива такого результата показываетъ значеніе монетной конвенціи 1865 г.: ей предстоитъ честь и слава быть основательницею всеобщей монетной реформы.

В. Халомингъ.

ПРОМЫШЛЕННАЯ И НАУЧНАЯ

ХРОНИКА.

Часы для рабочих. — Молочный экстракт. — Швейные машины. — Замена деревянных желез под рельсами железными. — Контрольный аппарат. — Горное масло, как топливо. — Петролеумъ. — Величина железныхъ дорогъ и телеграфовъ. — Развитие путей сообщения. — Толщина между Франціею и Англіею. — Ружье съ электрическимъ приборомъ. — Фотографія на аэролатахъ. — Гидрометръ. — Паскаль — соперникъ Ньютона. — Изслѣдованіе метеорического жѣлѣза. — Отчетъ Катража объ успѣхахъ антропологіи во Франціи.

Несмотря на всѣ крики пессимистовъ, за новѣйшею промышленностію нельзя не признать стремленія распространить дары свои и на бѣднѣйшіе классы общества. Какое множество вещей считалось нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ роскошью богачей, которая теперь служитъ для ежедневнаго употребленія простыхъ рабочихъ! Каждое десятилѣтіе, едва ли не каждый годъ, увеличивается число такихъ вещей, удешевляя и упрощая производство ихъ. Недавно швейцарскій часовщикъ Роскопфъ сдѣлалъ доступнымъ для бѣднѣйшихъ предметъ, считавшійся до сихъ поръ недостигаемою для нихъ роскошью. Это являлось средство дѣлать необыкновенно дешевыя и прочныя часы, названныя имъ «Le prolétaire» (Пролетарій). Часы эти оправлены въ новое серебро, лишены всякаго украшенія, могутъ падать и получать толчки, нисколько не портясь, такъ какъ на нихъ даже нѣтъ стекла; стоимость же ихъ всего отъ 15 до 20 фр. Для производства

ихъ не нужно нѣсколькихъ рабочихъ: ихъ легко дѣлаеть одинъ человекъ, и такъ какъ всѣ они одинаковой величины, то, въ случаѣ порчи, легко замѣнить сломавшуюся часть механизма нововою. Отчетъ промышленнаго и торговаго общества въ Невшателѣ рекомендуетъ это изобрѣтеніе публикѣ, ругаясь за прочное и дѣйствительно хорошее устройство этихъ часовъ.

Въ Швейцаріи появилась отрасль промышленности, имѣющая большое значеніе для этой страны, изобилующей молочными скопами. На парижскую выставку 1867 г. были представлены образцы молочнаго экстракта, приготовляемаго англоамериканскимъ обществомъ въ кантонѣ Цугъ, и сохраняющаго въ себѣ на весьма продолжительное время всѣ свойства хорошаго неиспорченнаго молока. Приготавливается этотъ экстрактъ слѣдующимъ образомъ: свѣжее молоко выпариваютъ въ безвоздушномъ пространствѣ, примѣшавъ къ нему предварительно нѣсколько мелкаго сахара. Когда молоко сгустится до сиропа, его наливаютъ въ герметически закупоренныя жестяныя бутылки. Такимъ образомъ оно сохраняется чрезвычайно долго, и, съ примѣсью $4\frac{1}{2}$ или 5 частей воды, нисколько не отличается отъ свѣжаго молока съ сахаромъ. Либихъ, усердно занимающійся всѣмъ, что касается до питанія людей, говоритъ, что онъ былъ изумленъ превосходствомъ этого экстракта. До тѣхъ поръ онъ никакъ не думалъ, что, при концентрированіи молока, можно избѣжать отдѣленія масла и части казеина, а теперь совершенно убѣдился въ томъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ это концентрированное молоко уже входитъ въ употребленіе, и можно сказать, что производство его имѣетъ важное экономическое значеніе вездѣ, гдѣ развито скотоводство. Надобно надѣяться, что это полезное производство быстро распространится, и избавитъ жителей большихъ городовъ отъ необходимости питаться дряннымъ молокомъ за невозможностію достать хорошаго.

Наврядъ ли какому нибудь изобрѣтателю удалось при жизни видѣть такіе блестящіе результаты своихъ трудовъ, какъ Эліасу Гоуе, творцу швейной машины, умершему въ прошедшемъ году и нажившему своимъ изобрѣтеніемъ милліоны. Количество требованій на эти машины дѣйствительно изумительно. Въ одинъ 1867 г. 11 фабрикъ въ Степихѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ) приготовили 151,135 машинъ, а три фабрики въ Кеттенштихѣ 18,970 машинъ. Прибавивъ къ этому число машинъ, изготовляемыхъ на другихъ фабрикахъ и въ Европѣ, можно

безошибочно сказать, что ихъ выдѣлывается не менѣе 250,000 въ годъ.

Въ постройкѣ желѣзныкъ дорогъ постоянно дѣлаются новыя усовершенствованія, съ цѣлю удешевленія или улучшенія ихъ постройки. Давно уже дѣлались попытки устраивать лежни не изъ дерева, а изъ какого нибудь болѣе прочнаго материала. Въ настоящее время Гаиандъ получилъ въ Нью-Йоркѣ привилегію на изготовленіе желѣзныкъ лежней, устройенныхъ такъ, что на нихъ рельсы держатся крѣпко безъ гвоздей, и легко могутъ быть передвигаемы. На рейнской желѣзной дорогѣ применяется другая система устройства рельсовъ. Рельсы закапываются въ дресву, покрытую землею, такъ что изъ подъ нея выставляется только верхушка ихъ. Обѣ полосы рельсовъ соединяются, чрезъ каждые 3 — 4 фута, поперечными желѣзными полосами. Если эта система постройки окажется прочною, то она будетъ очень удобна въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ.

Для контроля кондукторовъ локомотивовъ механикъ Гиппъ изобрѣлъ весьма интересный электрическій аппаратъ, показывающій скорость ѣзды въ данномъ мѣстѣ, гдѣ именно въ известное время находится паравозъ и сколько колесъ въ вагонахъ поѣзда. Устроенъ этотъ аппаратъ такимъ образомъ: чрезъ каждые 1000 метровъ въ рельсы вдѣланъ клавишъ, въ родѣ телеграфнаго, сообщающійся посредствомъ электрической проволоки съ письменнымъ приборомъ на главной станціи; всякій разъ, какъ поѣздъ нажимаетъ клавишъ, письменный аппаратъ дѣлаетъ на бумагѣ рядъ точекъ. Число точекъ въ ряду равняется числу колесъ поѣзда. По времени, когда дѣлаются эти знаки и по величинѣ промежутковъ между рядами точекъ, можно судить, о мѣстѣ нахождения поѣзда и о скорости его движенія.

Для удешевленія движенія паравозовъ въ настоящее время начинаютъ употреблять вмѣсто дровъ или угля горное масло. Недавно полковникъ Геври Футъ, изъ Тенесси, получилъ патентъ на изобрѣніе пароваго аппарата для сжиганія горнаго масла. Онъ два года занимался этимъ изобрѣтеніемъ, и устроилъ, вмѣстѣ съ своимъ компаніономъ, Винзоромъ, изъ Пенсильваніи, небольшой локомотивъ, двигающійся помощію этого топлива. Морское министерство обратило на него вниманіе, и назначило комиссію для излѣдованія этого аппарата. Комиссія дала о немъ самый благопріятный отзывъ и тогда его поставили для пробы на небольшой пароходъ «Палось». Испытаніе ока-

залось вполне удачнымъ. Аппаратъ очень простъ и дешевъ: онъ состоитъ изъ небольшого желѣзнаго ящика, окруженнаго *обихималъщиками*, постоянно нагрѣвающимъ дно его. Масло вливается въ него сквозь небольшую желѣзную трубу, и тотчасъ превращается въ парь. Парь проводится въ желѣзную трубу, гдѣ онъ сильно накаляется и разлагается; газъ промодитъ въ реторту, куда, въ то же время, пропускаютъ сильный токъ воздуха: газъ загорается ярнымъ голубымъ пламенемъ, наполняетъ всю печку, и расходится по трубамъ. Жаръ необыкновенно силенъ. При горѣнии не развивается дыма, и огонь легко можетъ быть усиленъ или потушенъ поворотомъ крана. Аппаратъ такъ простъ, что въ случаѣ поврежденія каждый механикъ легко можетъ исправить его, и каждый мало мальски смышленный человекъ можетъ управлять имъ. Кроме того, онъ необыкновенно чистъ и удобенъ и, что главное для пароходовъ, занимаетъ очень мало мѣста. Необходимое для топлива количество масла займетъ въ 7 разъ меньше мѣста чѣмъ уголь, такъ что остальное пространство можетъ быть предоставлено товарамъ и пассажирамъ. Самая скорость ѣзды увеличивается отъ употребленія этого рода топлива. Такъ «Налось», при пробныхъ рейсахъ съ горнымъ масломъ, ѣхалъ на $\frac{1}{4}$ раза скорѣе чѣмъ прежде, когда его топили лучшими сортами антрацита. Изъ всѣхъ горныхъ маселъ самое удобное для топлива петролеумъ. Это новое примѣненіе еще болѣе увеличитъ пользу, доставляемую имъ. Вопросъ о томъ, въ какихъ горныхъ формаціяхъ берутъ начало ключи петролеума представляеть въ настоящее время столько же практическаго, сколько и научнаго интереса. Г. Гичкокъ, знаменитый сѣвероамериканскій геологъ, недавно помѣстилъ въ «*Geol. Mag.*» очень интересную статью о петролеумѣ въ Америкѣ. По его вычисленіямъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ послѣднія 6 лѣтъ, добыто 450 мил. галлоновъ петролеума. Среднее количество ежедневнаго производства его равнялось въ 1866 г. 12,000 бочекъ (въ бочкѣ 14,520 литръ). Прежде предполагали, что петролеумъ находится только въ мѣстностяхъ девонской и силурийской формацій. Но г. Гичкокъ сообщаетъ, что въ Америкѣ онъ добывается, въ огромномъ количествѣ, въ 14 различныхъ формаціяхъ. Несомнѣнно однако, что главные источники его находятся въ девонской и силурийской формаціяхъ, и они особенно многочисленны тамъ, гдѣ эти формаціи не покрыты наслоеніями другаго происхожденія. Въ бывшемъ королевствѣ ГанOVERскомъ и

въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ, гдѣ горное масло также добывается, хотя не въ такомъ количествѣ, какъ въ Америкѣ; оно находится въ сравнительно новѣйшихъ горныхъ породахъ. Докторъ Экъ, въ Берлинѣ, недавно помѣстилъ въ журналъ «*Zeitschrift für das Berg-Hütten-und Salinenwesen in dem preussischen Staate*», подробное изслѣдованіе этого предмета, и доказалъ, что въ Германіи горное масло встрѣчается въ дилувіальномъ пескѣ, въ бѣлой юрѣ, въ глинѣ темной юры и въ сланцѣ. Всѣ же попытки добыть петролеумъ и тому подобныя вещества въ породахъ, лежащихъ ниже сланца, оказались безуспѣшными. Въ Сѣверной Америкѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ девонская и силурійская формація покрыты каменноугольными наслоеніями, можно предположить, что петролеумъ происходитъ именно изъ этихъ наслоеній. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что петролеумъ растительнаго или животнаго происхожденія: онъ образовался посредствомъ медленнаго разложенія и новаго соединенія элементовъ растений и животныхъ, отложившихся въ земней корѣ. Если мы даже предположимъ, какъ доказали опыты Сентъ-Клера Девиля, что углеводородистыя соединенія, составляющія петролеумъ, перешли внутри земли изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, то во всякомъ случаѣ необходимыя элементы для образованія петролеума доставляются растениями и животными. Многие сѣвероамериканскіе геологи предполагаютъ, что минеральное масло медленно дистиллируется изъ угля и окружающихъ его смолистыхъ слоевъ, въ слѣдствіе жара внутри земной коры. Но подобное предположеніе не можетъ быть справедливо. Принявъ его, мы должны предположить, что слои, содержащіе въ себѣ минеральное масло, находятся на глубинѣ 7,500 — 8,000 футовъ; только на такомъ разстояніи подъ поверхностію земли можетъ быть температура кипѣнія воды, и только при такой температурѣ минеральное масло можетъ дистиллироваться, и потому стучаться въ верхнихъ слояхъ. Между тѣмъ, мы никакъ не можемъ принять, что бы горное масло вытекало изъ такой страшной глубины, тѣмъ болѣе, что тогда оно само должно было бы имѣть температуру кипѣнія воды, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Скорѣе можно предположить, что масло выдавливается изъ каменнаго угля и сланца, тяжестію лежащихъ на немъ слоевъ, и, подобно водянымъ источникамъ, выдавливается въ разсѣлины, съ которыми сообщаются буровыя скважины. О дистилляціи же не можетъ быть и рѣчи. Петролеумъ, употребленіе котораго на па-

ровозахъ принесеть много несомнѣнныхъ выгодъ, давно уже примѣняется для выдѣлки гаса. Недавно профессоръ Гирцель, въ Лейпцигѣ, получилъ привилегію на изобрѣтенный имъ способъ добыванія гаса изъ остатковъ при дистилациі сыраго петролеума; газъ этотъ состоитъ изъ чистаго углеводорода, и во всѣхъ отношеніяхъ превосходить освѣтительный газъ, добываемый изъ каменнаго угля. Для опыта надъ воспламеняемостію петролеума, г. Куэла устроилъ въ Вѣнѣ особеннаго рода аппаратъ, который показалъ, что масло это слишкомъ легковоспламеняется, и потому вовсе не годится для домашняго употребленія. Впрочемъ, въ Вѣнѣ же изобрѣтена гг. Бошау и Коми. безопасная лампа, устраняющая всякую возможность воспламенѣнія петролеума, и уничтожающая дурный запахъ при наливаніи его.

Введеніе горнаго масла, вмѣсто угля, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, которое удешевить расходъ на топливо до того, что пароходъ, употребляющій его, можетъ дѣлать на каждый рейсъ, между Лондономъ и Нью-Йоркомъ, экономіи въ 3,000 ф. стер., вѣроятно дастъ возможность строить новыя желѣзныя дороги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было до сихъ поръ. А между тѣмъ и существующія въ настоящее время желѣзныя дороги занимаютъ не малое пространство. По таблицамъ, составленнымъ Э. Бемомъ, въ Франціи проведено желѣзныхъ дорогъ на 1,955 миль, въ Англии на 2,882 мили, въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ 7,002 мили, въ Пруссіи на 1,257 миль, въ Австріи на 831 миль, въ Россіи на 602 мили и во всей Европѣ на 10,778 миль. Профессоръ Нейманъ высчитываетъ, что всѣ желѣзныя дороги на земномъ шарѣ простираются на 21,178 географическихкихъ миль, т. е. онѣ почти могли бы четыре раза параллельными линіями обойти экваторъ, и проѣздъ по нимъ занялъ бы 5 мѣсяцевъ времени. Основные капиталы всѣхъ желѣзныхъ дорогъ равняются 46,625 мил. фр., и, что бы давать хотя 4% онѣ должны приносить ежедневно болѣе 5 милл. франк. дохода. Для выдѣлки рельсовъ на всѣ желѣзныя дороги всѣ фабрики Франціи должны работать 55 лѣтъ. На всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ находится нынѣ 40,000 паровозовъ и 1.200,000 вагоновъ, которые перевозятъ ежедневно 3 мил. людей и 270 мил. пуд. товара. Служба при желѣзныхъ дорогахъ занимаетъ постоянно отъ милліона до 1.200,000 человѣкъ.

Величина телеграфной проволоки на всей землѣ еще поразительнѣе: она равняется 116,786 географическимъ милямъ,

т. е., пройдя двое разстояніе между землею и луною, она могла бы еще почти въ три раза обвиться вокругъ земли. На 12,000 телеграфныхъ станцій, съ 30,000 аппаратовъ, работаетъ постоянно отъ 36—38,000 человѣкъ, и въ одной Европѣ ежедневно пересылается 58,000 телеграммъ.

Изобрѣтеніе книгопечатанія можно назвать одною изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни человѣчества, эпохою, рѣзко разграничившею цивилизацію, предшествовавшую ему, отъ цивилизаціи послѣдующихъ эпохъ. Но можно смѣло сказать, что изобрѣтеніе пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ оказало не меньше вліянія на развитіе человѣчества. Они создали безчисленное множество новыхъ отраслей промышленности, обогатили бесплодныя мѣстности, сблизили чуждые народы, развили обмѣтъ не только произведеній почвы, но и продуктовъ ума. Европа тѣсна для своихъ обитателей. Пароходство открываетъ имъ новыя мѣстности, дѣвственная природа которыхъ въ состояніи прокормить многіе милліоны переселенцевъ. Одинъ бассейнъ Миссисипи можетъ дать средства въ жизни для 200 мил. людей, а что сдѣлало его доступнымъ, если не пароходство.

Колумбъ ѣхалъ въ Америку 44 дня, а въ настоящее время пароходъ пріѣзжаетъ туда черезъ 12 дней. Тридцать лѣтъ тому назадъ, никто еще не считалъ возможнымъ перевозить на пароходахъ пассажировъ черезъ Атлантическій океанъ; въ настоящее время толпы голодныхъ ирландцевъ и праздныхъ путешественниковъ ежедневно высаживаются на пароходныхъ пристаняхъ въ гостепріимныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ. Новое поколѣніе, непонимающее какъ могли люди обходиться безъ желѣзныхъ дорогъ, съ трудомъ вѣрять, что, сто лѣтъ тому назадъ, путешественниковъ перевозили изъ Дрездена въ Берлинъ, разъ въ 2 недѣли, а изъ Дрездена въ Лейпцигъ, Хемницъ и Цвикау, разъ въ недѣлю. Увеличеніе народнаго богатства, въ слѣдствіе развитія желѣзныхъ дорогъ, въ высшей степени изумительно. Въ Франціи, напр., 13,570 километр. желѣзныхъ дорогъ стоили 6,824 милл. франковъ; этотъ капиталъ составилъ изъ сбереженій французовъ съ 1840 по 1865 г., по 7 милл. фр. въ годъ. Своимъ появленіемъ желѣзныя дороги вызвали множество предпріятій и затратъ капиталовъ, не существовавшихъ до тѣхъ поръ, и въ то же время государственный долгъ утроился, а сдѣланъ онъ былъ равнымъ образомъ изъ сбереженій французскаго народа. Эти желѣзныя дороги дали въ 1865 году

валоваго дохода 578.856,871 фр., а чистаго 312¹/₂ милл. франк. Въ Англии желѣзныя дороги приносятъ еще больше дохода. Въ 1865 году, количество выданнаго акціонерамъ дивиденда равнялось 455¹/₂ милл. франк. Но это ничто въ сравненіи съ выгодой, приносимою дорогами всему населенію вообще. Въ 1835 г. проѣздъ одной англійской мили стоилъ 4 пенса. Товаровъ перевозилось по рѣкамъ и каналамъ 20 милл. тоннъ, по сухому пути 3 милл. тоннъ. Провозъ по водѣ стоилъ за каждую тонну 4 пенса на англійскую милю, по дорогамъ 12 пенса. Въ 1865 г. проѣхало въ Англии на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ 252 милл. пассажировъ, и перевезено 115 милл. тоннъ, что стоило бы, по прежнимъ цѣнамъ, 108 милл. ф. стер., а въ настоящее время стоитъ всего 35.890,000 ф. стер., такъ что англичане экономятъ, помощью желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, 72 милл. ф. стер. ежегодно, т. е. болѣе чѣмъ всю сумму своихъ налоговъ. Въ Франціи почтовые экипажи, въ прежнее время, дѣлали 10 километр. въ часъ. Въ настоящее время, при средней скорости французскихъ желѣзныхъ дорогъ, 40 килом. въ часъ, 84 милл. пассажировъ, на желѣзныхъ дорогахъ, сдѣлавъ въ 1864 г. 3,361 милл. килом., сэкономили 252 милл. часовъ, т. е. 10¹/₂ милл. дней или 28,760 лѣтъ. Въ Англии средняя скорость ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ равняется 50 килом., такъ что тамъ экономія времени еще значительнѣе. Удешевляя перевозку, сокращая разстоянія, сближая отдаленныя мѣстности, желѣзныя дороги даютъ возможность болѣе правильному и выгодному распредѣленію труда. Въ Англии, напр., въ восточныхъ графствахъ, мало удобныхъ для хлѣбопашества, оно замѣнено скотоводствомъ, представляющимъ болѣе выгоду, и, благодаря удобству путей сообщенія, жители этихъ графствъ никогда не будутъ терпѣть недостатка въ хлѣбѣ, никогда не будутъ затрудняться въ сбытѣ своихъ продуктовъ.

Давно уже составлялись проекты о соединеніи Франціи и Англии посредствомъ туннеля. Г. Алисонъ, посвятившій всю свою дѣятельность на предварительныя работы для исполненія этого гигантскаго предпріятія, сообщаетъ слѣдующія данныя. Наибольшая глубина моря между Дувромъ и Булонью, равняется 43 метр., а средняя около 18 метр. Туннель долженъ имѣть въ длину 28 англ. миль (45,061 метр.), и проходить на 18 метровъ подъ уровнемъ морскаго дна. Такъ какъ эта глубина недостаточна, для предупрежденія просачиванія воды, то Алисонъ предлагаетъ

провести подь вѣтъ тоннелемъ водопроводныя трубы, которыя будутъ оканчиваться бассейнами на обоихъ берегахъ. Вентиляція будетъ производиться помощію трубы съ отдушниками, проходящей внутрь тоннеля и раздѣленной по срединѣ его; испорченный воздухъ будетъ выкачиваться изъ этой трубы, а свѣжій накачиваться въ нее посредствомъ двухъ паровыхъ машинъ, устроенныхъ на обоихъ берегахъ. Алисонъ предлагаетъ обшить тоннель желѣзными листами, находя это дешевле и удобнѣе обкладыванія его кирпичемъ. По приблизительнымъ исчисленіямъ, все это предпріятіе будетъ стоить около 6.000,000 ф. стер., и можетъ быть окончено въ четыре года. Сумма расхода и работы невелика, если взять въ соображеніе громадность предпріятія. Вопросъ только въ томъ: удобоисполнимо ли оно?

До сихъ поръ электричество являлось благодѣтельнымъ гениемъ, помогавшимъ промышленности рѣшать великія задачи современной цивилизаціи. Теперь изобрѣтатели вздумали примѣнить эту благотворную силу къ орудіямъ смерти и истребленія. На всемірной выставкѣ, явилось ружье, зарядъ котораго воспламеняется посредствомъ электрической искры, изобрѣтеніе гг. Георга Ле-Барона и Ферд. Дельма. Вотъ въ главныхъ чертахъ устройство этого ружья. Прикладъ его полый и содержитъ въ себѣ приборы, необходимые для освобожденія и проведенія электричества; одна изъ стѣнокъ этого приклада выдвигается, и устроена такъ, что даетъ возможность осмотрѣть всѣ составныя части ружья. Первая изъ нихъ, по направленію отъ приклада къ стволу, маленькій столбъ двуххромовислаго кали, выходящій прямо на средину бляхи приклада. Изъ противоположной стороны этого столба выходятъ два проводника, которые идутъ къ индуктивному вороту, снабженному конденсаторомъ и къ магниту, который, лежа на прерывателѣ, задерживаетъ его колебанія, и мѣшаетъ ему дѣйствовать, пока находится на немъ. Концы проводниковъ доходятъ до патрона, гдѣ сдѣлано небольшое углубленіе, въ срединѣ котораго и появляется искра. Весь механизмъ начинаетъ дѣйствовать послѣ простаго прикосновенія пальцемъ къ небольшой пуговкѣ, находящейся въ ружейномъ замкѣ.

Для избѣжанія несчастнаго случая, эта пуговка прикрыта особенною крышечкою, хотя она и не выходитъ наружу. Преимущество этого оружія состоитъ въ отсутствіи гремучекислой соли, воспламеняющейся очень легко, слѣдовательно въ отсут-

ствіи капсулей, въ большей силѣ, въ мѣткости удара и наконецъ въ скорости, съ какою производится выстрѣлъ, не требующій заряженія, какъ въ орудіяхъ другимъ системъ. Впрочемъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, новое оружіе гг. Ле-Барона и Дельма, не можетъ еще войти въ общее употребленіе. Оно требуетъ многихъ усовершенствованій особенно упрощенія электрическаго прибора.

Давно уже ученые мечтаютъ воспользоваться фотографією, для снятія видовъ во время воздушныхъ путешествій въ аэростатахъ. Въ настоящее время, г. де Фонвиель, предпринимавшій воздушное путешествіе съ цѣлю изслѣдованія условий, необходимыхъ для занятія фотографією во время воздухоплаванія, сообщаетъ весьма утѣшительныя свѣдѣнія по этому вопросу. Хотя шаръ по большей части поднимался весьма не плавно, съ постоянными колебаніями и очень неравномѣрнымъ движеніемъ, но по временамъ колебанія его почти совершенно прекращались, такъ что онъ казался неподвижнымъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Иногда шаръ былъ окруженъ какъ бы покрываломъ изъ облаковъ, сквозь которыя можно было легко глядѣть на солнце. Приобрѣтѣя необходимое умѣніе для управленія шаромъ, можно ставить его въ такое положеніе, что эти облака будутъ служить вмѣсто экрана, защищающаго отъ избытка свѣта, и станутъ способствовать ясности изображеній. Хорошій фотографъ долженъ внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ аэростата, и пользоваться его секундными остановками. Самое удобное время, бываетъ во время вѣтра, когда онъ дуетъ то съ одной, то другой стороны: надобно только умѣть пользоваться промежутками затишья между двумя порывами. Самое лучшее если фотографъ самъ умѣетъ управлять аэростатомъ, потому что все зависитъ отъ направленія шара.

Измѣреніе воды въ трубахъ весьма важно въ настоящее время, когда столько городовъ получаютъ воду только посредствомъ водопроводовъ. Для измѣренія жидкостей, напр. спирта, тамъ, гдѣ винокуреніе обложено налогомъ по количеству выкуренаго вина, употребляютъ слѣдующаго рода аппаратъ: въ сосудѣ, служащемъ для измѣренія, дѣлаются два клапана, одинъ сверху, другой снизу; черезъ первый жидкость вливается въ сосудъ, черезъ вторыи выливается. Оба они соединены съ какииъ нибудь тѣломъ, плавающимъ на поверхности жидкости, и соединены такъ, что когда сосудъ наполнится до извѣстной

степени, то верхній клапанъ закрывается, а нижній открывается. Когда вся жидкость изъ сосуда выльется, то клапаны снова принимаютъ свое первоначальное положеніе. Для исчисленія сколько разъ наполнился сосудъ, устроенъ особенный числительный аппаратъ, соединенный съ плавающимъ тѣломъ. Гидрометры такого рода не годятся при слишкомъ сильномъ давленіи жидкости, такъ какъ тогда клапаны не будутъ легко отворяться, а это необходимо, потому что плавающее тѣло не можетъ превышать известныхъ размѣровъ. Для избѣжанія этого неудобства устраиваютъ двукамерный открытый гидрометръ, который начается на горизонтальной оси, и можетъ принимать два различныя положенія. При одномъ изъ нихъ первое отдѣленіе наполняется жидкостію, а второе выливаетъ содержащуюся въ немъ жидкость; при противоположномъ положеніи, оба отдѣленія отправляютъ и противоположныя назначенія. Каждое отдѣленіе должно въ разрѣзѣ имѣть форму трехугольника, и горизонтальная ось должна проходить черезъ вершину ихъ такъ, что весь аппаратъ представляетъ тѣло въ неустойчивомъ равновѣсіи. Въ другихъ гидрометрахъ такого же рода отдѣленія дѣлаютъ цилиндрическими, и прикрѣпляютъ къ двумъ концамъ двулучнаго рычага; числительный аппаратъ всегда прикрѣпляется къ оси, на которой качается аппаратъ. Кромѣ того, устраиваютъ еще вертящіеся гидрометры: три, четыре и болѣе сосуда, служащіе для измѣренія, прикрѣпляютъ къ горизонтальной оси, вокругъ которой они равномерно обращаются. Сосудъ, наполнившись жидкостію, въ слѣдствіе своей тяжести, опускается внизъ, выливаетъ содержащуюся въ немъ жидкость, и тогда снова поднимается вверхъ, что бы снова наполниться. Для примѣненія этихъ аппаратовъ жидкость не должна вливаться въ нихъ съ большой высоты, но, по выходѣ изъ нихъ, она, равнымъ образомъ, не можетъ безъ помощи другаго двигателя и подниматься выше уровня сосуда. Для соблюденія этого условія, необходимаго въ нѣкоторыхъ водопроводахъ, устраиваютъ аппараты съ поршнями; жидкость, вливаясь съ одной стороны цилиндра и выливаясь съ другой, приводитъ въ движеніе поршень, и этимъ обуславливаетъ съ одной стороны открываніе и закрываніе клапановъ, впускающихъ и выпускающихъ жидкость, а съ другой стороны дѣйствуетъ на числительный аппаратъ, показывающій количество вливающейся въ сосудъ жидкости. Гидрометры такого рода дѣлаются и съ вертящимися поршнями; впрочемъ устройствомъ ихъ

не представляет особенныхъ удобствъ и потому мало распространено.

Необыкновенною точностию измѣренія отличаются такъ называемые гидрометры съ діафрагмою: въ водопроводъ вставляется сосудъ, раздѣленный на двѣ части упругою эластичною перегородкою изъ каучука; посредствомъ особеннаго аппарата, каждое изъ этихъ отдѣленій соединено съ трубою, черезъ которую жидкость вливается въ нихъ или выливается. При этомъ эластичная перегородка попеременно приближается то къ одной, то къ другой стѣнкѣ сосуда: соединивъ ее съ числительнымъ аппаратомъ, не трудно замѣтить сколько разъ наполнится сосудъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ аппаратовъ, въ которыхъ вода измѣряется вливаніемъ въ сосуды, существуетъ еще гидрометръ особеннаго рода, отличающійся необыкновенною простотою и удобствомъ. Онъ состоитъ изъ небольшихъ вертящихся волчковъ, число оборотовъ которыхъ показываетъ какое количество воды проходить черезъ нихъ. Гидрометры этого рода очень распространены въ Германіи, Англии и Америкѣ. На сколько вопросъ объ изобрѣтеніи аппаратовъ, для измѣренія жидкостей, занимаетъ вообще умы въ западной Европѣ, можно судить потому, что въ 40 лѣтъ, съ 1825 до 1864 годъ, 122 человѣка въ одной Англии получили привилегію на изобрѣтеніе лучшихъ гидрометровъ.

Французской академіи наукъ предстоитъ рѣшить интересный процессъ, который можетъ отнять у Ньютона большую часть его безсмертной славы, въ случаѣ невыгоднаго для него рѣшенія. Дѣло въ томъ, что нашлись доказательства того, что законъ притяженія массъ былъ открытъ до него Блезъ-Паскалемъ. Г. Фожеръ, помощникъ директора въ французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, открывшій и издавшій въ 1842 году нѣсколько неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ сочиненій Паскаля, узналъ, что у г. Шале есть письма Паскаля къ физику Роберту Бойлю, въ которыхъ говорится о законѣ и притяженія.

Первое изъ этихъ писемъ, отъ 8 мая 1652 г., не имѣетъ отношенія къ вопросу, во второмъ же, отъ 2 сентября 1654 г., Паскаль дѣйствительно ясно высказываетъ свое мнѣніе. Онъ говоритъ о притяженіи тѣлъ, которое мы не можемъ наблюдать около большихъ горъ, но которое легко замѣтить даже въ чашкѣ кофея, гдѣ пѣна всегда стремится приблизиться къ окра-

намъ. Въ припискѣ къ этому письму высказана еще важнѣе мысль: сила притяженія зависитъ отъ относительной величины притягивающей массы при равныхъ разстояніяхъ, а при различныхъ разстояніяхъ пропорціональна притягивающей массѣ, раздѣленной на квадраты разстоянія. Слова эти совершенно близко подходятъ къ формулѣ Ньютонова закона. Но подлинность представленныхъ г. Фожеромъ писемъ возбудила подозрѣніе, и парижская академія назначила комиссію для изслѣдованія ихъ. Прежде всего всякаго, читающаго эти письма, поражаетъ, что Паскаль дѣлалъ наблюденія надъ чашкою кофея. Кофей вошелъ въ употребленіе въ Англіи въ 1652 г., въ Парижъ же былъ онъ завезенъ, путешественникомъ Тевенотомъ только въ 1657 г. Конечно, на этомъ доказательствѣ нельзя еще основать обвиненія въ подложности писемъ. Но въ нихъ и кромѣ того много подозрительнаго. Во-первыхъ, съ какой стати Паскаль пишетъ къ Роберту Бойлю, занимавшемуся, правда, въ то время химіею, но не сдѣлавшему еще никакихъ новыхъ изслѣдованій, и о которомъ Паскаль говоритъ, въ своихъ сочиненіяхъ 1660 г., какъ объ un gentilhomme anglais nommé M. Boyle. Во-вторыхъ, самый слогъ писемъ непохожъ на обыкновенный слогъ Паскаля, и наконецъ въ нихъ попадается слѣдующее выраженіе: «comme les planètes font leur revolution autour du soleil et que deux d'entre elles (Jupiter et Saturne) ont des satelliles». Не странно ли, что Паскаль говоритъ, въ сентябрѣ 1654 г., о спутникѣ Сатурна, когда открытіе этого спутника произведено было только въ мартѣ 1655 г. и опубликовано только нѣсколько лѣтъ спустя. Но, оставя въ сторонѣ вопросъ о подлинности этихъ писемъ, Паскаля все же нельзя назвать творцомъ закона тяготѣнія. Онъ ничего не говоритъ о взаимномъ притяженіи тѣлъ. По мнѣнію Ньютона, падающее яблоко испытываетъ притяженіе земли, но въ то же время и само притягиваетъ ее. Луна тяготеетъ на землю, также какъ земля на луну. Паскаль, напротивъ, ясно различаетъ притягивающія тѣла отъ притяжимыхъ. Что массы обладаютъ силою тяготѣнія, это было извѣстно и до Ньютона. Главная заслуга Ньютона состоитъ въ математическомъ доказательствѣ этого закона, а это математическое вычисленіе могло быть сдѣлано не ранѣе 1669—1670 годовъ, когда появилось первое вѣрное измѣреніе земли, сдѣланное Пикардомъ.

При изслѣдованіи нѣкоторыхъ металловъ, какъ, напримѣръ, ан-

*

гдйскаго желѣза, платины и золота, г. Грагамъ сдѣлалъ наблюдёніе, что можно узнать происхожденіе этихъ металловъ по газу, выходящему изъ нихъ. Слѣдовательно газъ, заключающійся въ аеролитѣ, происходитъ изъ атмосферы, въ которой находился аеролитъ въ состояніи горѣнія. Кусокъ всѣмъ извѣстнаго метеорическаго желѣза Ленарто, достаточно разогрѣтый и испытанный посредствомъ аспиратора Шпренгеля, далъ водороднаго газа въ три раза болѣе своего объема; обыкновенное же желѣзо даетъ этого газа только въ половину своего объема. Изъ этого можно заключить, что метеорическое желѣзо выходитъ изъ атмосферы, густо наполненной водороднымъ газомъ—атмосферы, которую мы, по словамъ г. Грагама, должны искать по ту сторону легкой кометной матеріи. Новѣйшія спектральныя наблюденія ясно доказали, что водородъ составляетъ элементъ большинства неподвижныхъ звѣздъ; поэтому мы можемъ легко предположить, что желѣзо Ленарто принесло намъ водородъ изъ звѣзднаго міра.

Вопросъ о происхожденіи рода человѣческаго сильно занимаетъ умы. Имъ стараются объяснить нравственныя и соціальныя явленія, причины которыхъ ускользаютъ отъ наблюденія. Нужно ли объяснить появленіе монотеизма—говорятъ, что многобожіе противно семитической расѣ; надобно ли найти причину процвѣтанія свободы въ Англіи и стремленія къ монархизму французовъ—дѣло не трудное, сопоставляютъ несчастныя свойства латинской расы съ характеромъ англосаксонской. Антропологіи имѣетъ, правда, свою собственную точно опредѣленную область, но нѣтъ науки, которая имѣла бы дѣло съ такимъ множествомъ разнообразныхъ фактовъ: естественная исторія и лингвистика нуждаются съ ея помощью, и въ то же время помогаютъ ей; кромѣ того, антропологія, какъ наука еще новая, занимается преимущественно собраніемъ и проверкою фактовъ, и ей постоянно приходится наталкиваться на самые интересные вопросы. Напрасно откладываетъ она рѣшеніе ихъ до собранія болѣе точныхъ данныхъ; дилеттанты въ наукѣ не ждутъ этой точности: они схватываютъ на лету каждый изъ этихъ вопросовъ, и рѣшаютъ ихъ по своему. Г. Катржажъ представилъ недавно мастерскій очеркъ успѣховъ антропологіи въ Франціи. Очеркъ этотъ сдѣланъ вполнѣ искусною рукою, какъ по ясности изложенія, такъ и по множеству интересныхъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ. Можно упрекнуть почтеннаго ученаго только въ двухъ

недостаткахъ. Взавшись говорить объ успѣхахъ антропологій въ одной Франціи, онъ принужденъ былъ умолчать о важныхъ трудахъ англійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на развитіе этой науки въ Франціи. Можно ли разсматривать какое нибудь знаніе въ отдѣльной мѣстности, безъ отношенія къ другимъ странамъ? Кто можетъ рѣшить на сколько слава какого либо открытія принадлежитъ человѣку, сдѣлавшему его, а не людямъ, подготовившимъ своими долгими, добросовѣстными трудами возможность этого открытія? Другая ошибка г. Катрфажа заключается въ томъ, что онъ раздѣляетъ всѣхъ ученыхъ, труды которыхъ обсуждаются, на два класса: на моногенистовъ, признающихъ одинаковость происхожденія всего человѣческаго рода и на многогенистовъ, раздѣляющихъ человѣческій родъ на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ. Это дѣленіе проходитъ черезъ весь трудъ Катрфажа, какъ будто въ антропологій нѣтъ истинъ, соединяющихъ всѣ партіи. Неужели надобно непременно съ самаго начала признать одну изъ этихъ гипотезъ, которыя обѣ еще вполнѣ не доказаны. Ставъ подъ знамя которой нибудь изъ нихъ, придется, по логическому ходу мыслей, принять и рѣшеніе вопросовъ, на которые можно отвѣчать только послѣ долгихъ наблюденій.

О ПРЕДПОЛОЖЕННОМЪ ПРЕОБРАЗОВАНІИ ПРОВІАНТСКАГО ДОВОЛЬСТВІЯ ВОЙСКЪ.

Прочитавъ въ № 5 «Военнаго Сборника», за 1866 годъ, «Предположеніе о преобразованіи продовольственной части» и «разработки вопросовъ, до провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ относящихся», нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ трудамъ комитетовъ генераловъ Лауница и Кренке, какъ равно нельзя и не порадоваться, что русскій солдатъ впервые еще будетъ вполнѣ и правильно обеспеченъ насущнымъ хлѣбомъ и достаточными средствами для приготовленія пищи, сообразной съ гигиеническими условіями и служебною его дѣятельностію, и что онъ будетъ находить эти средства во всѣхъ обстоятельствахъ служебнаго своего быта, и внѣ всякой зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ, а главное, что желудокъ солдата не обязанъ будетъ помнить къ какой категоріи онъ причисленъ, и сообразно таковой требовать для себя пищи.

Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ выше статей, мы узнаемъ, что солдату для ежедневнаго пропитанія предложено отпускать:

	Фунта.	Золот.
Хлѣба ржанаго	3	—
Говядины	—	48

	Фунта.	Золот.
Капусты	—	50
Крупы	—	40
Муки пшеничной 2-го сорта . .	—	4
Луку	—	8
Масла или сала	—	5
Соли	—	13
Перцу	—	0,16

что составить общій вѣсь солдатскаго суточнаго раціона $4\frac{5}{6}$ фунта пици, и что раціонъ этотъ будетъ отпускаемъ не на 360 дней въ году, какъ было доселѣ, а на 365 и на 366 дней въ году. Отпускъ этотъ будетъ поставленъ внѣ всякой зависимости отъ расходовъ на разные предметы ротнаго хозяйства, удовлетворяемыхъ теперь изъ сѣбственныхъ экономическихъ суммъ, назначеніемъ на эти расходы суммы на цѣлый годъ, въ размѣрѣ, на полную роту, эскадронъ, батарею и проч., по 100 р., а на мѣстную команду, полуроту, полуэскадронъ и т. п., по 50 руб., и, сверхъ того, артельными лошадямъ будетъ отпускаемъ фуражъ наравнѣ съ подъемными.

Возражать противу этого предположенія, или дѣлать какое либо на него замѣчаніе, когда оно есть слѣдствіе трудовъ комитета генерала Лауница, состоявшаго изъ представителей всѣхъ родовъ войскъ, съ которымъ почти вполнѣ согласился и комитетъ генерала Кренке (съ уменьшеніемъ только изъ суточной дачи, противу предположенія комитета генерала Лауница, на человѣка 8 золотниковъ крупы), составленный изъ 15 лицъ, специально знакомыхъ со всѣми отраслями продовольственной администраціи, по нашему, было бы не только бесполезнымъ, но даже неумѣстнымъ.

Сознавая не только законность, но и необходимость предположенной суточной дачи для солдата дачи, и поставленія ея внѣ всякой зависимости, остается только, не ограничиваясь *импющимся въ виду свѣдѣніями и данными*, истерпать всевозможныя средства и произвести, если это признано будетъ необходимымъ, новые опыты, для достиженія, что бы предположенная суточная дача солдату обошлась казнѣ возможно дешевле.

Въ отношеніи приварочныхъ припасовъ намъ кажется,

что опредѣленіе цѣнъ на нихъ будетъ ближе къ дѣйстви-
 тельнымъ, если вмѣсто ежегоднаго опредѣленія ихъ, какъ
 предположено комитетомъ генерала Кренке, будетъ *наз-*
начаемо по помудно, по военнымъ округамъ военно-
 окружными совѣтами, такъ какъ и утвержденіе цѣнъ на фу-
 ражъ предположено тѣмъ же комитетомъ возложить на во-
 еннookружные совѣты, и въ такомъ размѣрѣ удовлетворять
 войска за 3 мѣсяца впередъ, съ разрѣшенія тѣхъ же военно-
 окружныхъ совѣтовъ, что бы не задерживать удовлетворенія
 войскъ приварочными деньгами; ожидать же окончательнаго
 утвержденія опредѣленныхъ цѣнъ военнымъ совѣтомъ нѣтъ
 надобности, такъ какъ эта санкція есть одна только форма,
 а всѣ свѣдѣнія о цѣнахъ сосредоточиваются въ военно-
 окружныхъ совѣтахъ. Расходъ въ годовой смѣтѣ на покушку
 приварочныхъ припасовъ можетъ быть показываемъ при-
 мѣрно.

Нельзя сомнѣваться, что, при строго правильномъ хо-
 зяйствѣ, цѣны, назначенныя войскамъ *на приварочные*
припасы, какъ бы онѣ ни были близки къ дѣйстви-
 тельнымъ, всетаки дадутъ сбереженіе, достаточное для покрытія ра-
 сходовъ на празднованіе пасхи, полковыхъ и ротныхъ праз-
 дниковъ, на винныя порціи и т. п., на которые комитетомъ
 генерала Кренке не предположено опредѣлять отъ казны
 особаго денежнаго отпуска; потому что нѣтъ такого экс-
 перта на свѣтѣ, который былъ бы въ состояніи опредѣ-
 лить предварительно цѣну какому нибудь продукту въ об-
 рѣзъ, съ такою точностію, что бы въ ней не было остатка.
 Предоставлять же право начальникамъ дивизій, опредѣ-
 лять вычетъ соотвѣтственнаго процента изъ заработныхъ
 денегъ нижнихъ чиновъ, по нашему, несправедливо: это
 есть посягательство на святое право собственности. Въ отно-
 шеніи провіантскаго довольствія, комитетъ генерала Кренке,
 несмотря на имѣющіяся въ распоряженіи его свѣдѣнія и
 данныя, почерпнутыя изъ долготѣльныхъ опытовъ, что *три*
фунта печенаго хлѣба солдатъ сѣдаетъ только при уси-
ленныхъ трудахъ, на походѣ, въ лагеряхъ и т. п., и пред-
полагая еще въ настоящее время удвоить дачу крупы про-
тиву прежней, что само собою уменьшить необходимость
употреблять больше хлѣба,—всетаки въ предположеніи сво-

емь опредѣляетъ отпускать солдату въ сутки по 3 ф. печенаго хлѣба.

Согласившись въ началѣ, что предполагаемая суточная дача солдату хлѣба и приварка не только законна, но и исполнѣ необходима, мы не можемъ не высказать, что, при удвоенной дачѣ крупы и принятой во всѣхъ частяхъ войскъ ѣдѣ хлѣба сообща (или безъ вѣса) а не въ ровнь, остатокъ или экономія отъ назначенныхъ 3 фун. хлѣба будетъ неизбѣжно значителенъ, и недостатка въ хлѣбѣ при такой дачи солдату никогда быть не можетъ.

Такимъ образомъ, обеспечивши существованіе солдата исполнѣ, справедливость требуетъ отнестись нѣсколько строже и съ большею расчетливостію къ назначенію количества муки, для полученія 3 фун. печенаго хлѣба, имѣя въ виду, какъ заявилъ комитетъ генерала Кренке, что паекъ и раціонъ должны поступать исключительно *на одно только продовольствіе* нижнихъ чиновъ, на всѣ же другія потребности назначаются отъ казны особыя суммы, и что передача хотя 4-хъ золотниковъ муки въ сутки на человѣка составляетъ напраснаго расхода для казны въ годъ слишкомъ 200 тыс. руб. сер.

Комитетъ генерала Кренке предполагаетъ исполнѣ достаточнымъ отпускать по $2\frac{1}{4}$ фунта муки, для полученія 3-хъ фунтовъ печенаго хлѣба. Отпускъ этотъ болѣе чѣмъ достаточенъ и даже излишній, такъ какъ получить 3 фунта печенаго хлѣба можно изъ 2 фун. муки, а при самой неудовлетворительной мукѣ изъ 2-хъ фун. и 8-ми золотниковъ *овиннаго* приготвленія, или даже если мука и сыромолотнаго приготвленія, но если въ ней произошелъ уже процессъ горѣнія. Само собою разумѣется, что достигнуть этого можно при хорошо устроенныхъ печахъ и при знающихъ свое дѣло хлѣбонекяхъ. Вотъ почему, въ виду достиженія столь значительнаго сбереженія отъ уменьшеннаго отпуска муки, можно образовать по одному спеціальному хлѣбопеку въ ротѣ, эскадронѣ, и т. д. во всякой части, и ввести устройство печей Штихенвирта, отнеся расходъ на этотъ предметъ на значительныя скопленныя харчевыя суммы въ означенныхъ частяхъ распорядительностію ихъ командировъ. Это будетъ полезно и исполнѣ справедливо.

Въ Россіи едва $\frac{1}{10}$ часть арміи довольствуется провіан-

томъ сыромолотнаго заготовленія, дающаго мало припека, и едва окажется $\frac{1}{100}$ часть людей этой арміи, получающая провіантъ заготовленія того года, въ который онъ снятъ съ полей; обыкновенно же заготовленіе происходитъ въ періодъ съ 1-го августа одного года по 1-е августа втораго года, такъ что провіантъ, приготавливаемый въ одномъ году, идетъ на довольствіе во второмъ, третьемъ, а иногда и въ четвертомъ, въ особенности при настоящихъ нашихъ путяхъ сообщенія.

Согласившись, что собираемая съ полей рожь въ одномъ году, по приготвленіи муки, употребляется на довольствіе едва во второмъ или въ третьемъ году, мы обратимся къ тѣмъ выводамъ, признаннымъ наукою за несомнѣнные, что въ подобномъ провіантѣ, когда совершится неизбѣжный процессъ горѣнія весною, теряется вѣса на четверть муки, въ 7 пуд. 10 фун., отъ 12 до 18 и 30 фун. (смотри сочиненіе Рошера о хлѣбной торговлѣ); но на сколько такая мука теряетъ въ вѣсѣ отъ горѣнія и усышки, на столько въ ней прибавляется, при выпеченіи хлѣба, припека.

Всѣ свѣдѣнія и данныя въ отношеніи количества припека, какими располагалъ комитетъ генерала Кренке и какія объяснены на стран. 109 № 5 го «Военнаго Сборника», подъ заглавіемъ «Разработка вопросовъ, до провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ относящихся», кажется, составлены по большей части самими потребителями провіанта, войсками, крайне заинтересованными въ томъ, что бы дача провіанта не была уменьшена, а поэтому строить предположенія на этихъ данныхъ необходимо съ особенною осторожностію; по нашему, только тотъ, чьи интересы непосредственно были замѣшаны въ достиженіи возможно большаго припека, и кто могъ слѣдить безотлучно съ минуты закваски хлѣба, вымѣшиванія, посаженія въ печь, до вынутія хлѣба,— тотъ только можетъ утвердительно сказать, что самый меньшій припекъ бываетъ изъ пуда муки $1\frac{1}{2}$ пуда хлѣба, не считая, само собою, такой муки, которая сдѣлана изъ ржи, въ одномъ мѣсяцѣ снятой съ поля, въ другомъ вымолоченной, а въ третьемъ перемолотой и выпеченной въ хлѣбъ, какою мукою войска наши, какъ сказано выше, почти нигдѣ не довольствуются.

Не могу не указать здѣсь на одинъ изъ многихъ фак-

товъ, доказывающихъ, что потеря въ вѣсѣ муки отъ усушки и горѣнія, весною и лѣтомъ, даетъ тотъ же излишекъ въ припекѣ, — фактъ, довольно солидный и официальный, и подтвержденный самими потребителями муки, войсками. Кутаисскій генераль-губернаторъ, въ 1861 году, предписалъ командующему войсками въ Абхазіи, гдѣ находилось пять линейныхъ баталіоновъ въ полномъ составѣ, кромѣ другихъ мелкихъ частей войскъ, произвести опыты, сколько бываетъ усушки въ мукѣ отъ горѣнія за лѣтніе мѣсяцы, а затѣмъ и въ теченіе цѣлаго года, и сколько такая мука даетъ припека при выпеченіи хлѣба. Въ слѣдствіе этого предписанія, приказомъ командующаго войсками въ Абхазіи, того же 1861 года, за №56, назначена была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ одного изъ баталіонныхъ командировъ, извѣстнаго ховаяскою опытностію, и такихъ же ротныхъ командировъ, по одному изъ каждаго наличнаго баталіона. Постановленные этою комиссіею акты, о произведенныхъ испытаніяхъ, того же 1861 года, 8-го апрѣля, 6-го іюля, 15-го октября и 10-го іюля 1862 года, подтверждаютъ, что, по мѣрѣ убыли въ вѣсѣ провіанта отъ усушки и горѣнія весною и лѣтомъ, припекъ увеличивается; такъ, напримѣръ, 15-го октября 1861 года, изъ 277 фунт. муки вышло печенаго хлѣба 436 фунтовъ, т. е. больше чѣмъ въ полтора раза хлѣба противъ муки; затѣмъ, при окончателномъ испытаніи въ іюль 1862 года, та же мука, пролежавшая годъ опечатанною, при выпеченіи въ хлѣбъ, дала хлѣба уже *вдвое* противъ муки, между тѣмъ какъ вѣса потеряла 8%. Можно ли сомнѣваться въ дѣйствительности существованія большаго припека, когда всѣ расходы, на которые не отпускалось изъ казны особыхъ денежныхъ выдачъ, не только покрывались припекомъ изъ муки, но и составлялись еще изъ него значительныя артельныя харчевныя суммы? А сколько еще не гласно расходовалось провіанта должностными лицами въ частяхъ войскъ? Изъ магазина же провіантскаго лишняго провіанта вахтеръ не отпускаетъ, да вѣрно не давалъ себя и обвѣшивать.

Наконецъ, установившееся вполнѣ справедливое убѣжденіе, какъ въ самыхъ войскахъ, такъ и въ провіантскихъ довольствующихъ учрежденіяхъ, въ безусловной и довольно значительной избыточности мучной дачи, оправдывалось

тѣмъ только, что избытокъ муки необходимъ войскамъ, для покрытія другихъ хозяйственныхъ расходовъ, не обеспеченныхъ казенными отпусками, какъ то:

а) На пріобрѣтеніе солдату крупы, недостающей къ отпускаемой отъ казны, которая обходилась ему дороже муки, и за которую онъ съ радостію отдавалъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фун. муки за 1 фун. крупы. Въ настоящее время комитетомъ генерала Кренке предположено добавить въ сутки на человѣка 16 золотниковъ крупы, и уменьшить дачу муки на 16 золотниковъ. Замятъ этотъ, *допускаемый закономъ*, обеспечилъ и въ этомъ отношеніи солдата отъ излишняго расхода муки на пріобрѣтеніе крупы, которая, какъ объяснено выше, обходилась ему дороже; по этой одной статьѣ можно было бы если не удержать вдвое муки за крупу, то, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза, то есть за 16 золот. набавляемой крупы, уменьшить дачу муки на 24, или не менѣе какъ на 20 золотниковъ.

и б) На говѣнье нижнихъ чиновъ, канцелярскіе припасы, содержаніе артельныхъ котловъ, посуды и другіе расходы по приготовленію пици, также на ремонтъ и ковку артельной лошади, заведеніе и содержаніе пововки, сбруи и проч., предположено комитетомъ генерала Кренке отпускать постоянную сумму на цѣлый годъ; сверхъ того, артельнымъ лошадямъ отпускать фуражъ наравнѣ съ подъемными, но, въ замѣнъ этого отпуска, пополнявшагося до сего войсками изъ мучной дачи, уменьшенія отпуска муки не предположено.

Такимъ образомъ, послѣ признанія всѣми, что отпускъ муки былъ довольно избыточный, и послѣ замѣны всѣхъ расходовъ въ войскахъ, покрывавшихся этимъ избыткомъ муки, новыми отпусками отъ казны, не уменьшить самой дачи муки, хотя на 16 золот. изъ суточной дачи на человѣка (замѣну 16 золот. муки 16 золотниками крупы, съ явною пользою войскъ, и такъ какъ такая замѣна допускается закономъ, уменьшеніемъ дачи муки назвать нельзя), а напротивъ еще, увеличить вѣсь того же, признаннаго избыточнымъ, пайка на $13\frac{1}{2}$ фун. въ годъ на всякаго человѣка, по нашему, можетъ быть названо излишнею щедростію и большою неразсчетливостію; тѣмъ болѣе, что и набавляемые $13\frac{1}{2}$ фун. въ годъ къ пайку одного человѣка

составляютъ въ годъ совершенно лишняго расхода для казны болѣе 200 т. руб.

Повторяемъ, мысль наша далека отъ того, что бы опредѣлить солдату меньше трехъ фунт. хлѣба, несмотря на то, что опытомъ дознано, что солдатъ съѣдаетъ три фунта хлѣба только при усиленныхъ работахъ, что почти невозможно, когда въ частяхъ ѣдятъ хлѣбъ безъ вѣса, но мы не видимъ ни малѣйшей необходимости, что бы чрезъ лишній отпускъ муки *артельныя суммы* возрастали бесполезно до значительныхъ размѣровъ попрежнему.

Назначенный отпускъ муки щедрою рукою, пожалуй, могъ бы и оставаться, если бы можно было надѣяться, что чрезъ 2 или 3 года послѣ опыта, отпускъ этотъ можетъ быть измѣненъ, но у насъ вообще преобразованія не легко даются, чему примѣромъ служитъ настоящій паекъ солдата, установленный Петромъ Великимъ 150 лѣтъ тому назадъ. Предполагая, что новое преобразование можетъ послѣдовать въ настоящее время, пожалуй, гораздо и раньше, и хотя на половину скорѣе, то есть, чрезъ 75 лѣтъ, и принимая въ расчетъ допускаемую нами возможность, на основаніи приведенныхъ данныхъ, уменьшить изъ предполагаемыхъ къ отпуску $2\frac{1}{4}$ фун. муки въ сутки на человѣка хотя 16 золотниковъ, то получимъ сбереженія, при настоящей численности довольствующихся людей, въ годъ, болѣе 800 т. руб. сер., а въ теченіе 75 лѣтъ значительную сумму для государства. По нашему, предметъ этотъ довольно важенъ, и заслуживаетъ особеннаго вниманія и изысканія всѣхъ средствъ къ достиженію возможности уменьшенія дачи муки на 16 золот. въ сутки на человѣка, противъ предположенной дачи, въ настоящее время, комитетомъ генерала Кренке по $2\frac{1}{4}$ фун. муки.

Коль скоро онаятъся возможнымъ уменьшеніе отпуска муки до 2 фун. и не болѣе 2-хъ фун. и 8 золот. въ сутки на человѣка, то сбереженіе это дастъ полную возможность не оставлять въ видѣ *временной мѣры* довольствія части войскъ отъ обывателей, изъ экономическихъ расчетовъ, а *нынѣ же* осуществить предположенный въ принципѣ комитетомъ генерала Кренке одинъ только видъ провіантскаго довольствія нижнихъ чиновъ—изъ котла, внѣ всякой зависимости отъ обывателей, чѣмъ исполнится да-

внѣшнее стремленіе правительства, нравственно справедливое, поставить всю армію въ то независимое отъ постороннихъ источниковъ положеніе, которое составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій благоустройства арміи, и прекратить *однажды на всегда* отношенія, справедливо названныя въ статьѣ г. Е. Е. X. «нравственно унижательными» для военнаго сословія, которое, въ данномъ случаѣ, обязывается какъ бы заискивать расположеніе обывателей, для улучшенія своего насущнаго пропитанія.

Иначе оно и быть не можетъ. Въ настоящее время, какъ солдатъ, такъ и поселянинъ умѣютъ подраздѣлять правду отъ неправды, и если солдатъ, будучи на квартирѣ у обывателя, привыкнувъ получать суточный свой рационъ, изъ 3 фун. хлѣба $\frac{1}{2}$ фун. говядины и соотвѣтственнаго приварка, потребовалъ бы отъ хозяина подобной же питательной пищи, — а тотъ ему отвѣтилъ бы, что за 1 пуд. и $27\frac{1}{2}$ фун. получаемой имъ муки въ мѣсяцъ давать ничего подобнаго не можетъ, да и закономъ къ тому не обязанъ, то солдату, если онъ не желаетъ остаться голоднымъ, оставалось бы только заискивать. Поэтому, по нашему мнѣнію, крайне несправедливо за продовольствіе солдатъ на широкихъ квартирахъ у обывателей выдавать послѣднимъ одинъ паекъ муки безъ приварка, или отпуска денегъ за него; по нашему мнѣнію, всю опредѣленную суточную дачу солдату, какъ муки такъ и приварка, слѣдуетъ отдавать полностью, въ натурѣ или деньгами, какъ окажется удобнѣе, обывателямъ, за довольствіе войскъ, и тогда только солдатъ нравственно будетъ убѣжденъ, что онъ *въ правѣ* требовать себѣ пищи отъ обывателя.

Если рѣшено будетъ въ какой либо мѣстности выдавать обывателямъ деньгами за довольствіе расположенныхъ у нихъ на квартирахъ солдатъ, то нельзя не отдать предпочтенія предложенію бывшаго комитета генерала Лауница, предъ всѣми другими мнѣніями, что бы деньги эти «никогда не зачитались ни въ подати, ни на другія повинности, но выдавались неизменно на руки домохозяевамъ; наблюденіе же за исполненіемъ этого закона возложить на ротныхъ командировъ».

Мысль эта основана на дѣйствительной жизни солдата у обывателя. Вамъ живо представляется солдатъ и по-

селянка, спорящая съ нимъ за его продовольствіе, и упрекающая солдата, что она не знаетъ за что и почему кормить его, и получить ли когда либо его паекъ или какое либо зато вознагражденіе (а теперь подобные случаи будутъ чаще и чаще), и безвыходное положеніе офицера или ротнаго командира, если бы онъ приэтомъ случился,— не имѣющаго никакой возможности увѣрить бабу, что она получитъ то, что солдату назначено, за продовольствіе его, ибо самъ офицеръ не знаетъ, когда это будетъ, а кабинетныя соображенія и аргументы, какъ контрмарки, боны, подати, зачеты и повинности, не разубѣдятъ бабу (да и какая необходимость военному вѣдомству распространять свою опеку надъ поселянами, что бы выданныя имъ деньги за довольствіе войскъ не были пропиты: отдай поселянину что слѣдуетъ по закону и справедливости, а онъ имѣетъ свою опеку надъ собою): у нея свой разумъ, и какъ ее не разубѣряйте, а она всетаки менѣе сытно накормитъ солдата, въ ожиданіи полученія вознагражденія за довольствіе, чѣмъ если бы она ежемѣсячно получала на руки ей слѣдуемое и притомъ же постоялецъ нахлѣбникъ, да еще все то, что солдату опредѣлено.

Предположеніе комитета генерала Кренке, о замѣнѣ натуральнаго отпуска муки и крупы денежнымъ окладомъ, для деньщиковъ, неспособныхъ II и III статей и неслужащихъ инвалидовъ, равно солдатскихъ женъ и дѣтей, вполне рационально, потому что мѣрою этою достигается упрощеніе *расчетовъ* и уменьшеніе количества ежегоднаго заготовленія провіанта на 300 т. четвертей, равно приѣма и храненія его, до отпуска по принадлежности, но что бы предполагаемая мѣра была столько же *справедлива*, на сколько она разумна, то, намъ кажется, необходимо всѣмъ поименованнымъ лицамъ, которымъ предполагается вмѣсто отпуска провіанта выдавать деньгами, выдавать ихъ въ томъ размѣрѣ, во что ежегодно обойдется казнѣ заготовленіе провіанта, по всѣмъ мѣстностямъ отдѣльно, а не выдавать по разъ на всегда опредѣленному назначенію и для всѣхъ мѣстностей одинаково, какъ это предполагено дѣлать для деньщиковъ; это будетъ похоже на категорическія деньги, которыя, какъ въ комитетѣ генерала Лауница,

такъ и генерала Кренке, не допущены; тѣмъ болѣе это невозможно, что, при обширности Россіи, цѣны на провіантъ бываютъ различны; такъ что, въ одно и то же время, въ одной мѣстности пудъ муки продается по 35 коп., а въ другой доходитъ цѣною за пудъ до 2 руб. сер., и если хотя одинъ человѣкъ — изъ неспособныхъ II и III статьи и неслужащихъ инвалидовъ — остается голодный, по случаю назначенія денежнаго содержанія вмѣсто провіанта и въ одномъ размѣрѣ для всѣхъ мѣстностей, то предполагаемое достиженіе упрощенія отчетности выкупить этого не можетъ; положимъ, для деньщиковъ эта мѣра, хотя не вполне справедливая, но возможна, такъ какъ деньщикъ при своемъ офицерѣ голоднымъ не останется; но инвалида поставить въ невозможность пріобрѣсть себѣ въ сутки 3 фун. хлѣба, это уже несправедливо.

По мнѣнію комитета генерала Кренке, увольненіе нижнихъ чиновъ, въ свободное отъ службы время и согласно ихъ желанію, на вольныя работы, не должно лишать ихъ за это время казеннаго содержанія, какъ полагалъ комитетъ генерала Лауница, и заработанныя деньги должны представляться въ ихъ собственность.

Означенное мнѣніе комитета генерала Кренке вполне справедливо не съ экономической, а съ нравственной точки зрѣнія, и въ одномъ только случаѣ, если солдаты назначаются, по распоряженію правительства, на работы, цѣлыми дивизіями, на устройство полотна подъ желѣзныя дороги и проч., въ этомъ случаѣ необходимо, смотря съ точки зрѣнія справедливости, какое нибудь обоюдное соглашеніе.

Мнѣніе же бывшаго комитета генерала Лауница по этому предмету, *что бы исключать съ казеннаго продовольствія нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ на вольныя работы,* нельзя иначе, по нашему мнѣнію, назвать, какъ *несогласно справедливому* (какъ его наименовалъ и самъ комитетъ генерала Лауница) съ точки зрѣнія экономической, какъ имѣющимъ довольно серьезное экономическое значеніе въ общемъ развитіи новой продовольственной системы, и съ точки нравственной, какъ въ предполагаемомъ правилѣ не заключается ничего обязательнаго.

Отъ солдата правительство не требуетъ, что если онъ не

пойдетъ сегодня на частную работу, то лишится дневнаго своего раціона; напротивъ сиди и кушай; но если солдату, изъ разныхъ своихъ соображеній и расчетовъ, или просто въ видѣ развлеченія или перемѣны однообразной изъ котла пищи, захочется побывать на свободѣ, *внѣ всякой опеки*, и вспомнить свою прежнюю деревенскую жизнь, то, по нашему, мнѣнію, вполне справедливо, оставить въ казнѣ определенное солдату въ сутки количество провіанта и приварка, чѣмъ, по возвратѣ его съ работы, усчитывать въ полученныхъ имъ за работу деньгахъ, которыми онъ желалъ, быть можетъ, дать другое назначеніе, а можетъ статься и израсходовалъ уже ихъ пока ворочался домой. Изъ подобной мѣры выходитъ слѣдующее: солдатъ, будучи на работѣ у хозяина, тамъ же у него, въ особенности говоря о работѣ по деревнямъ, и поѣстъ что Богъ далъ, а по возвращеніи съ работы, ему никто не возвращаетъ ни слѣдуемаго ему въ сутки хлѣба (что и невозможно сдѣлать, при ѣдѣ хлѣба безъ вѣса сообща) и приварка, да еще и изъ заработанныхъ денегъ берутъ часть, если больше половины, о чемъ знаютъ только близкія къ нему власти. Подобною мѣрою, по истинѣ сказать, отбивается охота у солдата ходить на частныя работы, а общество лишается многихъ рабочихъ рукъ. Трудно рѣшить вопросъ, при существующей системѣ удерживанія части изъ зарабатываемыхъ солдатомъ денегъ: ходили ли до настоящаго времени солдаты на работы, *согласно собственному желанію*, или ихъ посылали тѣ же ближайшія власти, которыя, по возвратѣ солдатъ съ работы, усчитывали ихъ въ заработанныхъ деньгахъ. Исповѣдь, по этому предмету, солдатъ могла бы многое уяснить.

По этому по мнѣнію нашему, необходимо объявить всѣмъ солдатамъ, что солдатъ можетъ идти на вольныя работы, только по *собственному желанію*, и тогда его суточная дача муки и приварка будетъ оставаться въ казнѣ, по зато прикасаться къ его заработаннымъ деньгамъ никто не въ правѣ. При объявленіи подобнаго постояннаго правила, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что солдаты общимъ голосомъ благодарности встрѣтятъ это правило.

Въ отношеніи мнѣнія, высказаннаго въ статьѣ г. Е. Е. Я.,

что бы за людей, увольняемыхъ на вольныя работы, *приварочное* довольствіе ихъ оставлять въ казнѣ, а провіантъ, въ видѣ печенаго хлѣба, выдавать нижнимъ чинамъ на руки или обращать въ экономическую сумму, можно только сказать, что половина неправды, или цѣлая неправда, одинаково вредно дѣйствуютъ на нравственность человѣка. И поэтому въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, остается признать, или мнѣніе комитета генерала Кренке, или предположеніе бывшаго комитета генерала Лауница, или уже, въ крайнемъ случаѣ, имѣя въ виду серіозное экономическое значеніе послѣдняго предположенія, допустить эту мѣру въ видѣ опыта на 3 или на 6 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, установляя эту мѣру, необходимо изыскать *правильный* и точный контроль отпускаемымъ на вольныя работы нижнимъ чинамъ, согласно ихъ желанію, что не можетъ представить особаго затрудненія, при добросовѣстномъ исполненіи своей обязанности меньшими начальниками частей какъ на гуртовыя такъ и на одиночныя, работы; послѣднія, въ экономическомъ отношеніи, имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ первыя. А что сумма сбереженія, если будетъ принято предположеніе комитета генерала Лауница, будетъ очень значительна, въ этомъ кажется и сомнѣваться нельзя.

По мнѣнію, какъ комитета генерала Кренке, такъ и генерала Лауница, да и всѣхъ вообще въ арміи, признано, что опредѣленная отъ казны суточная дача для солдата на его довольствіе была далеко не достаточна для его существованія. Мнѣнія эти вполнѣ подтверждаются, какъ ассигнованными, сверхъ смѣты въ 1865 году, на увеличеніе приварочнаго довольствія войскъ, дополнительными кредитами болѣе милліона руб. сер., такъ и предполагаемую нынѣ къ отпуску суточною дачею солдату провіанта и приварка, значительно увеличенную противъ прежней.

Убѣждаясь въ этомъ, мы не можемъ рѣшиться признать, что существующія въ настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ значительныя экономическія харчевыя суммы, составились, прежде всего, *«отъ избытковъ продовольственныхъ средствъ, отпускавшихся правительствомъ»*, какъ это высказываетъ въ статьѣ своей г. Е. Е. Я. Суммы эти, по

нашему, составились прежде всего собственными трудами нижних чиновъ, и, пожалуй, отъ излишка усердія командировъ частей, желавшихъ выказать особенную свою распорядительность, приращеніемъ харчевыхъ суммъ, а при ошибочности взгляда и односторонности ихъ, нельзя не усомниться, что приращеніе харчевыхъ суммъ не всегда сопровождалось безукоризненнымъ продовольствіемъ нижнихъ чиновъ; поэтому суммы эти, какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ, есть полная и законная собственность нижнихъ чиновъ тѣхъ частей, въ которыхъ онѣ составились.

При такихъ данныхъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Е. Е. Я., которымъ признается за военнымъ министерствомъ полное административное и *моральное* право распорядиться, *по своему усмотрѣнію*, экономическими харчевыми суммами, да еще, «въ тѣ части, гдѣ экономическихъ суммъ окажется недостаточно на хозяйственныя обязательства, перечислять таковыя уравнительно изъ другихъ, въ которыхъ онѣ окажутся въ излишествѣ»; по нашему, подобное дѣйствіе военнаго министерства было бы посягательствомъ на право собственности, и нельзя быть увѣреннымъ, что бы подобное дѣйствіе, какъ вполнѣ несправедливое, могло благотворно подѣйствовать на нравственность солдатъ.

Мы вполнѣ надѣемся, что комитетъ генерала Кренке, по предмету харчевыхъ суммъ придетъ къ болѣе справедливому заключенію; съ нашей, же стороны, полагаемъ, что какъ всякій изъ солдатъ нынѣ хорошо знаетъ, сколько въ той части, въ которой онъ служить, находится артельныхъ денегъ, и что эти деньги есть неотъемлемая собственность солдатъ, то отнятіе этихъ денегъ можетъ нецпріятное произвести впечатлѣніе на нихъ; за употребленіе же этихъ денегъ, для покрытія нѣкоторыхъ расходовъ по благоустройству тѣхъ же частей войскъ, въ которыхъ составились значительныя харчевыя суммы ни одинъ изъ солдатъ претендовать не будетъ, въ особенности, если суммы эти обращены будутъ на лучшее устройство школъ грамотности и на другія полезныя для солдата устройства.

Наконецъ, если и за этими расходами будутъ еще остат-

*

ки, то помѣстить ихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ или въ билетахъ внутренняго 5% займа, и проценты обратить, или на ежегодную выдачу семействамъ, или на воспитаніе дѣтей тѣхъ изъ солдатъ, которые оставили по себѣ, въ той части, гдѣ служили, геройствомъ и самоотверженіемъ во славу русскаго оружія, память навсегда, и имена ихъ записаны первыми въ тѣхъ частяхъ, и что бы о всякомъ дѣлаемомъ подобномъ расходѣ читано было при сборѣ всѣхъ чиновъ этой части.

Если мѣра эта окажется возможною для осуществленія, и будетъ установлена хотя въ десятой части войскъ всей арміи, то не сотни, а тысячи прибавятся въ арміи героевъ, готовыхъ на самоотверженіе: обеспеченіе для семьи насущнаго хлѣба, да еще воспитаніе для дѣтей, слишкомъ сильно дѣйствующее средство для возбужденія самопожертвованія.

Въ отношеніи же на будущее время имѣющихъ образоваться харчевыхъ суммъ въ частяхъ войскъ, то, за удовлетвореніемъ изъ нихъ расходовъ, на которые изъ казны отпускать денегъ не предполагается, какъ на празднованіе пасхи, полковыхъ и ротныхъ праздниковъ, на винныя порціи и т. п., военное министерство будетъ имѣть полное административное, а пожалуй и моральное, право, современемъ, при накопленіи такихъ суммъ, распорядиться ими по своему усмотрѣнію, такъ какъ онѣ, дѣйствительно, могутъ образоваться только отъ избытка продовольственныхъ средствъ, отпускаемыхъ правительствомъ и отъ излишка отпускаемыхъ денегъ для покупки самими войсками приварочныхъ припасовъ, при измѣняющихся цѣнахъ и при вполнѣ достаточной предположенной суточной дачѣ для солдата, какъ это предположено дѣлать комитетомъ генерала Кренке и съ остаточными фуражными деньгами.

Въсказывая свое мнѣніе: а) о вознагражденіи обывателей за довольствіе солдатъ, б) объ отпускѣ денегъ вмѣсто провіанта деньщикамъ, неспособнымъ II и III статьи, неслужащимъ инвалидамъ и для солдатскихъ женъ и дѣтей, в) объ увольненіи на работы нижнихъ чиновъ, согласно ихъ желанію и объ оставленіи въ казнѣ слѣдсмаго имъ, за то время, довольствія и г) о харчевыхъ суммахъ, имѣющихся въ разныхъ частяхъ войскъ, и о имѣющихся вновь образоваться,

при новомъ устройствѣ довольствія войскъ, мы старались, по возможности, быть ближе къ великимъ словамъ: «*Да правда и милость царствуетъ въ судахъ*», услышаннымъ нами еще въ 1856 году, и постепенно, съ того времени, во всѣхъ начинаніяхъ осуществляемымъ. Всѣ въ настоящее время понимаютъ, что нравственность, а при ней и благо для всѣхъ, возможны только при царствѣ правды.

1867 г.

Константинъ Плющевскій.

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОВЪ ВЪНЫ И БЕРЛИНА.

I.

ГОРОДЪ ВЪНА

Быстрое возрастаніе городского населенія, въ большей части городовъ западной Европы, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ явленій современной исторіи. Кто посѣщаль въ послѣднее десятилѣтіе значительнѣйшіе города, какъ то: Лондонъ, Парижъ, Вѣну, Франкфуртъ, Берлинъ, Дрезденъ, Миланъ, тотъ не могъ не быть пораженъ тѣми переимѣнами въ улицахъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу; цѣлыя новыя кварталы возникли въ послѣдніе годы, и, во внутреннихъ частяхъ городовъ, не рѣдко дома увеличились на этажъ или на два. Большіе города сдѣлались центрами всемірныхъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ; въ слѣдствіе этого все движеніе торговое, промышленное, политическое и умственное, разбивавшееся на множество мелкихъ центровъ, сосредоточивается въ настоящее время все болѣе и болѣе въ большихъ городахъ, въ ущербъ малымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ значительныхъ центрахъ, съ чрезвычайною быстротою, развились всевозможныя удобства общественной и частной жизни, всѣ ресурсы умственного развитія. Привлеченные комфортомъ и удобствами городской жизни, всѣ мелкіе капита-

листы, вся та свободно движущаяся часть населенія, которая живетъ доходами отъ накопленныхъ вѣковымъ трудомъ капиталовъ, эти — *gentiers*, которые составляютъ большинство такъ называемаго среднего сословія на Западѣ, и почти совершенно неизвѣстные у насъ, переѣзжаютъ изъ деревень и маленькихъ городковъ въ большіе центры городской жизни; за ними слѣдуютъ и всякаго рода рабочіе и мастеровые, привлеченные въ города увеличивающимся спросомъ на ихъ трудъ, и всюду раздаются жалобы на окончательное опустѣніе маленькихъ городовъ. Понятно, что, при такомъ новомъ движеніи, прежнія учрежденія городского управленія не удовлетворяютъ возникающимъ новымъ требованіямъ, и повсюду городское управленіе преобразовывается, или высказываются требованія къ его преобразованію.

Въ нашемъ отечествѣ также замѣтно нѣкоторое оживленіе городовъ, нѣкоторое ихъ увеличеніе и распространеніе, и еще болѣе чувствуется сильнѣйшая потребность къ преобразованію ихъ управленія. Между тѣмъ, какъ сельскія общины, благодаря высочайшимъ положеніямъ о крестьянахъ, помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ, получили самыя благоприятныя для самостоятельнаго развитія ихъ учрежденія между; тѣмъ какъ эти сельскія общины получили самую полную самостоятельность въ хозяйственныхъ ихъ дѣлахъ, и дѣйствуютъ безъ всякаго контроля посторонней административной власти, въ дѣлахъ раскладки повинностей, учрежденія всякихъ общепольныхъ заведеній, установленія новыхъ сборовъ на общественныя надобности; города наши прикованы до сихъ поръ къ застарѣлымъ формамъ, стѣснены со всѣхъ сторонъ въ самой простой хозяйственной ихъ дѣятельности, необходимостію испрашивать разрѣшенія у административной власти, въ разныхъ ея инстанціяхъ, на каждый новый расходъ, на каждое новое общепольное учрежденіе. Даже въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ введено новое устройство, множество стѣсненій въ распоряженіяхъ города, касающихся предметовъ внутренняго его устройства, множество расходовъ, вовсе не касающихся нуждъ города, но тѣмъ не менѣе обязательныхъ для него, тяготеютъ надъ развитіемъ городского управленія, и постоянно служатъ ему препятствіемъ.

Расходуя свои суммы на предметы, чуждые ихъ потребностямъ, города уже не находятъ средствъ на предметы первой необхо-

димости: образованіе, мощеніе снабженіе городовъ водою и т. д. Вотъ причины, по которымъ, какъ намъ кажется, сравнительное изученіе результатовъ и характера дѣятельности городского управленія главнѣйшихъ центровъ западной Европы и С.-Петербурга, представляетъ въ настоящее время несомнѣнный и живой интересъ. На первый разъ мы возьмемъ Берлинъ и Вѣну, съ управленіемъ которыхъ намъ удалось ближе познакомиться при неоднократномъ посѣщеніи ихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; по числу населенія и по величинѣ своей, они болѣе другихъ подходятъ къ С.-Петербургу, и здѣсь ближе всего можно прослѣдить въ цифрахъ плодотворныя послѣдствія тѣхъ реформъ, которыя были предприняты въ нихъ въ теченіе послѣдняго времени.

Какъ бы ни были различны города, начиная отъ ихъ названій и географическаго положенія, до народности, языка и обычаевъ ихъ жителей, общественное ихъ управленіе достигаетъ истинной своей цѣли тѣмъ ближе, чѣмъ болѣе отстраняется отъ него сложная опека властей, постороннихъ самой общинѣ. Посторонняя забота приноситъ всегда гораздо болѣе зла, чѣмъ добра, человѣку, если онъ самъ о себѣ не заботится; для сильнаго характера посторонняя забота есть оскорбленіе, для слабаго — полное оправданіе для его недѣятельности и равнодушія къ тѣмъ вопросамъ и нуждамъ, которыя, казалось бы, должны были всего болѣе его занимать. Этимъ мы не хотимъ сказать, что государственная власть должна быть вовсе устранена отъ управленія общинами; это даже и невозможно, при существованіи государственной жизни народа, — но мы думаемъ, что твердая государственная власть, законное ея вліяніе на дѣла отдѣльныхъ общинъ, состоитъ не въ легионѣ посредствующихъ лицъ, не въ массѣ стѣснительныхъ формальностей, а въ общемъ твердомъ основномъ законѣ муниципальнаго устройства, подъ вліяніемъ котораго всѣ составныя элементы общины получили бы свое соотвѣтственное значеніе и вліяніе на общественное управленіе, который служилъ бы огражденіемъ слабыхъ частныхъ интересовъ отъ злоупотребленій со стороны сильныхъ — государственныхъ началъ народной жизни и государственныхъ интересовъ, отъ возможнаго вреда со стороны мѣстныхъ претензій, и охранялъ бы общія нравственныя начала отъ забвенія во имя частнаго эгоизма.

Вліяніе подобной дѣятельности государственной власти, на

характеръ общиннаго управленія, всего яснѣе выскажется, при сравненіи муниципальныхъ учрежденій и положенія городского хозяйства въ Вѣнѣ, за 10 лѣтъ тому назадъ, съ настоящимъ ихъ состояніемъ.

Городъ Вѣна, занимая пространство 1,04 квадратной мили, или около 5,312 десятинъ, имѣетъ въ настоящее время населеніе, равняющееся, согласно расчетамъ лицъ, занимающихся официальной статистикою, 560,000 душъ и по даннымъ 1863 года до 9,704 домовъ.

Изданіе закона городского устройства Вѣны. До 1850 года городъ Вѣна, какъ и всѣ тогдашніе города Австрійской имперіи, управлялся не выборными отъ города властями, а особымъ, по назначенію правительства, магистратомъ, который непосредственно подчинялся штатгальтеру, какъ начальнику провинцій Нижней Австріи, и ему давалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Граждане города не имѣли никакого участія въ управленіи городскомъ, никакого контроля надъ опредѣленіемъ слѣдующихъ съ нихъ, на городскія потребности, сборовъ и надъ расходоуваніемъ ежегодно собиравшихся съ нихъ суммъ.

Постоянно возникавшія, въ слѣдствіе такого устройства городского управленія, жалобы мѣстныхъ жителей на своеволие и на незаконные поступки городскихъ властей, на бесполезную расточительность городскихъ суммъ и неудовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія, были причиною изданія, въ 1850 году, во время министерства Баха, особаго положенія о городскомъ управленіи Вѣною, которое и нынѣ остается въ силѣ и дѣйствіи.

Согласно этому закону, городъ Вѣна съ предмѣстіями, состоявшими нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, соединены въ одну, подъ однимъ управленіемъ, и съ раздѣленіемъ на девять округовъ или частей, изъ которыхъ одна часть составила изъ такъ называемаго стараго города и 8 изъ прежнихъ предмѣстій.

Права гражданства. Прежде всего законъ этотъ опредѣлилъ тѣ условія, съ которыми связывается право гражданства въ городѣ, и какъ активное, такъ и пассивное право выбора въ члены учреждений, образующихъ городское управленіе. До тѣхъ поръ неопредѣленность условій для достиженія этого права вела постоянно къ множеству процессовъ и несогласій. Въ силу новаго закона, всѣ проживающіе въ Вѣнѣ раздѣляются на иностранцевъ и на членовъ общины, а послѣдніе под-

раздѣлены на принадлежащихъ къ общинѣ (Gemeinde Angehörige) и на собственно гражданъ (Buerger).

1) Правомъ принадлежности къ вѣнскому городскому обществу пользуются не одни только домовладѣльцы, но оно приобретаетъ, или по рожденію, или безпрепятственнымъ въ городѣ пребываніемъ пзвѣстнаго числа лѣтъ, когда притомъ, въ теченіе этого времени, лице пользовалось безукоризненною репутаціею, и имѣло постоянное ремесло, званіе или собственность, обеспечивающія его существованіе. Кромѣ того, всѣ, находящіяся на государственной службѣ, также духовныя лица и учителя, когда, по долгу службы, имѣютъ пребываніе въ Вѣнѣ, тѣмъ самымъ получаютъ право принадлежать къ обществу.

2) Правами гражданства пользуются въ Вѣнѣ лишь тѣ, которые имѣли это право при изданіи упоминаемаго закона, и ихъ потомки. Затѣмъ городскому управленію предоставлено раздавать это право, по своему усмотрѣнію, лишь съ соблюденіемъ условій, что бы лице, получающее это право, пользовалось безукоризненною репутаціею, и имѣло средства къ своему существованію.

Самое управленіе городское состоитъ въ Вѣнѣ изъ двухъ учреждений: общей думы (общиннаго совѣта, Gemeinde Rath) и магистрата.

Активное право въ выборахъ. Право быть избирателями имѣютъ:

I. Всѣ лица, пользующіяся правомъ полного гражданства.

II. Изъ числа лицъ, пользующихся правомъ принадлежности къ городскому обществу:

1) Тѣ, которые съ недвижимаго имущества, въ городской чертѣ расположеннаго, или съ какого либо промысла, уплачиваютъ не менѣе 10 гульденовъ, или съ какого либо другаго дохода не менѣе 20 гульд. подоходной государственной подати.

2) Служащіе или отставные, платящіе съ своего жалованія или пенсіи не менѣе 10 гульд. подоходной подати.

3) Офицеръ, принадлежащіе къ постоянной милиціи.

4) Приходскіе священники всѣхъ религій.

5) Доктора всѣхъ факультетовъ, признанные однимъ изъ австрійскихъ университетовъ.

6) Начальствующіе въ народныхъ школахъ, а также учителя и профессора среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Лица, состоящія подъ опекою или родительскою властію,

пользующіяся общественнымъ призрѣніемъ и живущія поединкою, на это время исключаются изъ числа избирателей. Во все же не допускаются: совершившіе преступленіе, влекущее за собою потерю политическихъ правъ, банкроты, не доказавшіе свою невинность, и лица, за которыми числится какая либо податная недоимка.

Пассивное право въ выборахъ. Право быть избираемымъ въ общественную должность подчиняется тѣмъ же условіямъ, какъ и право быть избирателемъ; къ нимъ лишь присоединяется условіе 30 лѣтняго возраста, не нахождения на дѣйствительной военной службѣ и на службѣ по опредѣленію или найму при городскихъ учрежденіяхъ.

Способъ и порядокъ выборовъ. Для выбора гласныхъ общей думы, всѣ, имѣющіе право голоса, жители Вѣны дѣлятся на три отдѣленія, изъ которыхъ каждое выбираетъ по 40 гласныхъ.

Первое отдѣленіе состоитъ изъ тѣхъ землевладѣльцевъ или домовладѣльцевъ Вѣны, которые уплачиваютъ не менѣе 500 гульд. поземельнаго или домоваго налога, и изъ лицъ, платящихъ не менѣе 100 гульд. промысловой или подоходной подати.

Второе отдѣленіе составляютъ тѣ изъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, которые уплачиваютъ поземельной или домовой подати менѣе 500 и болѣе 10 гульденовъ, и всѣ лица, пользующіяся правомъ принадлежности къ городскому обществу и подходящія подъ условія, исчисленныя подъ цифрами 2 и до 6.

Третье отдѣленіе составляютъ лица, подлежащія платежу промысловой или подоходной подати въ размѣрѣ отъ 20 до 100 гульденовъ.

Выборы гласныхъ производятся въ каждомъ изъ упомянутыхъ округовъ города; самое же число, слѣдующихъ къ выбору въ каждомъ округѣ города, гласныхъ, по каждому изъ трехъ отдѣленій, опредѣляется числомъ жителей въ каждой части города. Въ каждомъ округѣ выборы происходятъ подъ руководствомъ особой комиссіи, состоящей изъ одного гласнаго общей думы, одного члена магистрата, четырехъ полноправныхъ горожанъ и одного правительственнаго комиссара.

Подача голосовъ производится въ присутствіи комиссіи, закрытыми записками, и выбранными считаются получившіе абсолютное большинство. Окончательная повѣрка выборовъ производится общею думою. Гласные выбираются на три года и, каждый годъ выбываетъ третья ихъ часть (первые два года

по жребію, а затѣмъ по очереди). Общая дума выбираетъ изъ среды своей, на три года, бюргермейстера, который, въ одно и то же время, предсѣдательствуетъ, какъ въ общей думѣ, такъ и въ магистратѣ. Кромѣ того, общая дума выбираетъ ежегодно двухъ кандидатовъ къ бюргермейстеру, изъ которыхъ одинъ, въ случаѣ его отсутствія или болѣзни, исправляетъ его должность.

Составъ магистрата. Магистратъ состоитъ изъ бюргермейстера, особаго вицебюргермейстера, который долженъ быть юристомъ и 19 совѣтниковъ юристовъ.

Вицебюргермейстеры и члены юристы магистрата *назначаются въ должность пожизненно* общою думою. Они должны имѣть всѣ необходимыя условія, которыя требуются для вступленія въ государственную службу, и должны отказаться отъ судебной практики. При открытіи вакансіи должности члена юриста, магистратъ вызываетъ желающихъ занять это мѣсто посредствомъ публикацій въ газетахъ, повѣряетъ право заявившихъ желаніе, и составляетъ списокъ кандидатовъ, въ который можетъ вносить и лица по своему усмотрѣнію. Изъ составленнаго такимъ образомъ списка общая дума избираетъ окончательно лицо, для замѣщенія открывшейся вакансіи.

Окружная собранія. Кромѣ общей думы и магистрата, въ каждомъ изъ 8 округовъ города (за исключеніемъ стараго города) находится еще собраніе представителей, (Bezirks-Ausschuss) по 6 стъ каждого изъ трехъ названныхъ отдѣленій гражданъ. Каждое изъ этихъ мѣстныхъ собраній выбираетъ изъ среды своей (Bezirks-Vorsteher) предсѣдателя, которому, вмѣстѣ съ окружнымъ собраніемъ, принадлежитъ однако лишь исполнительная власть въ чертѣ округа, подъ распоряженіемъ магистрата, и право представительства интересовъ своего округа передъ общою думою. На этомъ основаніи предсѣдатели округовъ присутствуютъ въ засѣданіяхъ общей думы, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Право юродскаго управленія. Двумъ помянутымъ учрежденіямъ, общей думѣ и магистрату, предоставлено закономъ почти совершенно независимое завѣдываніе городскими общественными интересами, и самое представительство ихъ передъ правительственными властями.

Они завѣдываютъ совершенно самостоятельно, въ границахъ

закона, общественнымъ имуществомъ, доходами и расходами; отъ нихъ зависить назначеніе всѣхъ городскихъ чиновниковъ, завѣдываніе всѣми общественными дѣлами, какъ то: освѣщеніе города, чистота уличная, снабженіе города водою, учрежденіе общественныхъ купаленъ, санитарная, равно какъ рыночная и строительная полиціи, охраненіе города отъ огня, завѣдываніе пожарною командою, раздача права гражданства, общественное призрѣніе бѣдныхъ и устройство городскихъ школъ.

Кромѣ распоряженія по всѣмъ этимъ дѣламъ, на городское управленіе возложены закономъ нѣкоторыя обязанности мѣстной государственной власти, какъ то: объявленіе законовъ, собраніе государственныхъ податей, дѣла по рекрутству, по пересылкѣ арестантовъ, по подводной и квартирной повинностямъ и выдача разрѣшеній на вступленіе въ бракъ.

Надзоръ правительства. Непосредственное вліяніе правительства на городское управленіе опредѣляется слѣдующими предметами:

1) Бюргермейстеръ утверждается въ должности императоромъ.

2) Предсѣдатели окружныхъ городскихъ собраній подлежатъ утвержденію штатгальтера города Вѣны, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть начальникъ провинціи Нижней Австріи.

3) Штатгальтеръ извѣщается о каждомъ предстоящемъ собраніи общей думы, и имѣеть право присутствовать въ этихъ засѣданіяхъ; ему же сообщаются для свѣдѣнія и постановленія общей думы.

4) Въ случаѣ, если штатгальтеръ замѣтитъ, что какое либо постановленіе общей думы противно интересамъ города или существующимъ законамъ, то, останавливая его исполненіе, онъ въ первомъ случаѣ передаетъ дѣло на разрѣшеніе обѣихъ законодательныхъ палатъ, а во второмъ самъ уничтожаетъ постановленіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вторую инстанцію составляетъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

5) Штатгальтеру приносятся жалобы на отказы городского управленія, въ признаніи за кѣмъ либо правъ принадлежности къ городу.

6) Наконецъ, въ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ, правительство имѣеть право распустить общую думу; но, въ такомъ случаѣ, оно обязано распорядиться о производствѣ горо-

жанами, въ четырехъ недѣльный срокъ, новыхъ выборовъ гласныхъ. То же право предоставлено, какъ самому правительству, такъ и общей городской думѣ, относительно окружныхъ городскихъ собраній и ихъ предсѣдателей, съ соблюденіемъ, относительно ихъ, той же обязанности о производствѣ новыхъ выборовъ въ четырехъ недѣльный срокъ.

Между общею думою и магистратомъ, сосредоточивающими въ себѣ городское управленіе Вѣны, раздѣлены: самая власть и истекающія изъ нея обязанности.

Права общей думы. Общая дума, или иначе общинный совѣтъ, отъ имени городского общества, окончательно постановляетъ, рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ, касающимся городскихъ интересовъ, производить контроль надъ всѣми дѣйствіями магистрата, и, въ силу этого, имѣеть право требовать представленія себѣ отчетовъ, производить ревизію дѣлопроизводства, счетовъ и т. д. Она постановляетъ рѣшенія по всѣмъ жалобамъ частныхъ лицъ на дѣйствія магистрата; на ея обязанности также лежитъ устанавленіе должностей городского управленія, назначенія по нимъ жалованія и пенсій.

Фискальныя права общей думы. Но главнѣйшія права и обязанности общей думы касаются управленія городскимъ имуществомъ, обложенія городскихъ жителей податями и налогами, на удовлетвореніе нуждъ городского управленія.

Общая дума обязана прежде всего вести полный инвентарь всему движимому и недвижимому городскому имуществу, и надзирать затѣмъ, что бы оно было управляемо съ наибольшею для народа выгодною.

Затри мѣсяца, до наступленія каждаго года, магистратъ представляетъ въ общую думу проектъ бюджета городскихъ доходовъ и расходовъ на предстоящій годъ.

Бюджетъ этотъ разсматривается общею думою, которая окончательно его утверждаетъ.

Для уравниванія городскихъ доходовъ съ необходимыми расходами, общая дума имѣеть право увеличивать существующіе городскіе налоги (не изъ числа надбавочныхъ къ государственному centimes additionnels) до двойнаго, противъ существующаго, размѣра, и назначать надбавку къ государственному податямъ, не свыше однако 25% послѣднихъ.

Общая дума имѣеть право постановлять о приобрѣтеніи или

отчужденіи недвижимыхъ городскихъ имуществъ и заключать займы отъ имени города.

Относительно распоряженія городскими имуществами и обложенія жителей податами, существуютъ однако слѣдующія ограниченія. Для установленія новой подати, или налога, для назначенія надбавочнаго къ государственному налогу свыше 25% его величины и для увеличенія существующаго городского налога болѣе чѣмъ вдвое, а также для отчужденія недвижимаго городского имущества или заключенія займа на сумму 10,000 гульденовъ или болѣе, не достаточно одного постановленія общей думы. Въ этихъ случаяхъ подобное постановленіе, если оно имѣетъ за себя абсолютное большинство всего числа гласныхъ общей думы, и если при составленіи его, въ собраніи находилось на лицѣ не менѣе $\frac{2}{3}$ всего числа гласныхъ, представляется на утвержденіе законодательныхъ палатъ и императора.

Наконецъ, на обсужденіе общей думы, магистратъ ежегодно представляетъ, не позже 4 мѣсяцевъ по истеченіи года, отчетъ о поступленіи и расходованіи городскихъ доходовъ; по разсмотрѣніи этого отчета, дума постановляетъ свое опредѣленіе о правильности или неправильности произведенныхъ расходовъ.

Права магистрата. Магистратъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю исполнительную власть по дѣламъ города. Бюргермейстеръ представляетъ городъ, какъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ, такъ и въ гражданскихъ процессахъ. Онъ исполняетъ постановленія общей думы; однако ему, наравнѣ съ штатгальтеромъ, принадлежитъ право остановиться исполненіемъ такого постановленія общей думы, которое кажется ему противнымъ интересамъ города, или самому закону, и передать дѣло на обсужденіе законодательной палаты. Это же право имѣетъ бюргермейстеръ и относительно постановленій магистрата, и въ такомъ случаѣ онъ немедленно передаетъ дѣло на обсужденіе общей думы.

Искальняя права магистрата. Завѣдываніе городскими доходами и имуществомъ производится магистратомъ, подъ руководствомъ и отвѣтственностію бюргермейстера. При этомъ магистратъ обязанъ строго держаться утвержденнаго общедумою бюджета. Послѣдній служитъ однако окончательнымъ руководствомъ, для производства расходовъ, только въ тѣхъ статьяхъ, которыя въ немъ подробно обозначены, и составля-

ють предметъ ежегодныхъ расходовъ, по однажды установленнымъ штатамъ (жалованіе чиновникамъ городского управленія), или опредѣлены особыми постановленіями общей думы (какъ то платежи по заключеннымъ контрактамъ); прочіи же суммы предполагаемыхъ расходовъ обозначаются въ бюджетѣ лишь общими цифрами (поддержаніе мостовъ, ремонтъ строеній, чистка улицъ и возведеніе новыхъ построекъ); потому въ этихъ статьяхъ магистратъ самъ разрѣшаетъ всякій единовременный расходъ, не превышающій 1,000 гульденовъ, и всякій постоянный расходъ не болѣе 100 гульденовъ; о расходѣ же, превышающемъ эти цифры, хотя бы и въ границахъ бюджета, магистратъ представляетъ на особое утвержденіе общей думы со всѣми надлежащими документами.

Затѣмъ, о всякомъ назначеніи расхода по какой либо статьѣ бюджета, свыше означенной въ немъ цифры, магистратъ испрашиваетъ предварительнаго утвержденія общей думы. Лишь въ случаяхъ крайней необходимости, когда предварительное испрошеніе разрѣшенія на какой либо расходъ могло бы повести къ значительному ущербу или опасности, бюргермейстеръ можетъ произвести его подъ личною своею отвѣтственностію, но съ обязанностию немедленно же представить его на обсужденіе общей думы.

Въ огражденіе интересовъ города отъ возможныхъ въ денежныхъ дѣлахъ злоупотребленій, законъ постановляетъ, что всѣ акты, выражающіе принятіе городомъ какого либо, относительно третьяго лица, обязательства, подписываются не членами магистрата, а бюргермейстерами и двумя гласными общей думы.

Бухгалтерія и ея значеніе. Такое же значеніе имѣетъ бухгалтерія особенное устройство при магистратѣ. Она состоитъ изъ главнаго бухгалтера и его чиновниковъ, которые назначаются на эти должности не непосредственно самимъ магистратомъ, а — главный бухгалтеръ общею думою, его же чиновники — магистратомъ, по его представленію. Бухгалтеръ и его чиновники приносятъ также присягу на повнновеніе не магистрату, а общей думѣ; магистрату же лишь обзываются помогать въ дѣлахъ городской отчетности. Всякая ассигновка магистрата на городское казначейство сперва пропускается бухгалтеріею, которая наблюдаетъ, что бы магистратъ не выходилъ въ своихъ расходахъ изъ предѣловъ бюджетныхъ статей. Наго-

нецъ, при представленіи магистратомъ годоваго общей думѣ отчета, послѣдній составляется на основаніи книгъ бухгалтеріи, и главный бухгалтеръ обязанъ представить общей думѣ свое заключеніе, относительно правильности произведенныхъ расходовъ.

Результаты 10-лѣтняго управленія. Результаты 10-лѣтней дѣятельности вѣнскаго городского управленія, составленнаго на основаніяхъ закона 1850 г., мы находимъ въ опубликованномъ въ 1863 г., въ вѣнскомъ календарѣ, обзорѣни бюджетовъ Вѣны за 1852 — 1861 годы. Если справедливо, что нѣтъ лучшаго средства изучить характеръ государственныхъ учреждений и управленія цѣлой страны, какъ разобравъ подробно ея бюджетъ, то это заключеніе столь же относится и къ городскому хозяйству. Дѣятельность городского управленія исполнѣ характеризуется, если вычислить какая часть городскихъ доходовъ употребляется имъ на народное образованіе, на улучшеніе городскихъ мостовыхъ, и средствъ сообщенія, на снабженіе города водою, на поддержаніе общественнаго здравія, на необходимыя и полезныя, или, напротивъ, на излишнія постройки. Производительная трата городскихъ доходовъ на предметы общепользныя свидѣтельствуетъ о пониманіи управленіемъ города истинныхъ общественныхъ его интересовъ, и, возвышая, какъ нравственное такъ и матеріальное благосостояніе его жителей, имѣетъ прямымъ своимъ послѣдствіемъ и самое увеличеніе денежныхъ средствъ городского бюджета.

Съ 1852 по 1861 годъ, общая сумма обыкновенныхъ расходовъ Вѣны возрасла съ 2.835,278 гульд. до 4.471,987 гульд. т. е. на 57%. Между тѣмъ расходы на различные предметы городскихъ потребностей, входящіе въ составъ этихъ итоговъ, увеличились въ совершенно неравномѣрной степени. Такимъ образомъ, въ теченіе этого же періода времени:

Расходы на городское управленіе

« « увеличились . . .	съ 606,705 фл.	до 718,000 т. е.	на 18%
« « на чистоту улицъ	« 79,997 ф.	« 233,545 т. е.	на 191%
« « на поливку улицъ	« 35,359 ф.	« 65,856 т. е.	на 83%
« « на освѣщеніе города	« 198,617 ф.	« 295,576 т. е.	на 48%
« « на содержаніе и очистку водосточ. канал.	съ 31,419 ф.	« 88,715 т. е.	на 182%
« « на водопроводы . . .	« 47,368 ф.	« 76,676 т. е.	на 61%

Расходы на обществ. бойни	22,279 ф. ф.	35,758 т. е. на 60%
« « на мѣры въ пользу охраны общественнаго здравія	« 9,456 ф. «	12,324 т. е. на 30%
« « на охраненіе города отъ пожар. и наводн. (содерж. пожарной команды)	съ 17,864 ф. «	61,285 т. е. на 243%
« « на народ. образованіе	« 186,692 ф. «	301,611 т. е. на 61%
« « на содержаніе общей полиціи (падающіе на городъ лишь частію)	съ 213,646 ф. «	367,500 т. е. на 72%

Мы видимъ такимъ образомъ, что при значительномъ, можно сказать, поразительномъ увеличеніи расходовъ на предметы первыхъ насущныхъ потребностей общественной жизни и народнаго благосостоянія, расходы по управленію получили лишь самое незначительное увеличеніе.

За тотъ же періодъ времени, ежегодные чрезвычайные расходы возросли съ 955,736 ф., въ 1852 г., до 1.088,136, въ 1861 году; но въ нѣкоторыхъ изъ промежуточныхъ годовъ они много превышали эти двѣ цифры, и дошли въ 1857 году до 2 м. флор. Въ числѣ этихъ расходовъ, до 25% составляютъ расходы на мощеніе города и проведеніе новыхъ улицъ; до 12% расходы на покупку земель для расширенія улицъ, около 9% на проведеніе новыхъ каналовъ для стока нечистотъ, до 8% на постройку школъ, до 12% на постройку мостовъ черезъ рѣку Вѣну и на выкладку набережныхъ и до 9% на расширеніе водопроводовъ; такъ что изъ общаго числа чрезвычайныхъ расходовъ до 75% употребляются на развитіе самыхъ необходимыхъ, для общественнаго благосостоянія, учреждений.

Естественно, что, при такомъ сильномъ увеличеніи городскихъ расходовъ, потребовалось значительное увеличеніе городскихъ средствъ, и потому неудивительно, если въ теченіе этого десятилѣтія общая сумма городскихъ обыкновенныхъ доходовъ почти удвоилась, а именно возрасла съ 3.066,266 ф. до 5.444,776 фл.

Но вѣнское городское управленіе, притомъ не увлекалось, какъ это случилось въ послѣднее время во многихъ другихъ городахъ западной Европы, своими общепольными предпріятіями, и, во имя возвышенія благосостоянія настоящаго поколѣнія жителей города, не обременило будущія поколѣнія тягестію не-

оплатныхъ долговъ. При быстромъ увеличеніи городскихъ обыкновенныхъ доходовъ, оно не много лишь увеличило ежегодную цифру чрезвычайныхъ доходовъ, составляющуюся преимущественно изъ заключаемыхъ ежегодно займовъ; цифра эта въ тотъ же періодъ времени возрасла съ 724,139 ф. до 1.124,745 ф.

Сравненіе общаго состоянія актива и пассива городского имущества, въ 1852 и 1861 годахъ, всего яснѣ намъ выкажетъ результаты десятилѣтней дѣятельности городского управленія.

Цѣнность недвижимыхъ, приносящихъ доходъ, городскихъ имуществъ возрасла

въ первый періодъ
времени съ . . . 7.500,000 ф. до 10.000,000 т. е. на 2.500,000

Въ то же время сумма городскихъ капиталовъ съ . . . 6.700,000 ф. до 11.100,000 т. е. на 4.400,000

Сумма наличныхъ денегъ и оборотныхъ капиталовъ увеличилась на 508,000

Число недоплаченныхъ за прежніе годы расходовъ уменьшилось на 491,000

Итого сумма городск. имущ. увелич. на 7.899,000

Количество же долговъ городскихъ возрасло . . . съ 1.582,000 ф. до 3.481,000 т. е. на 1.898,000 ф.

Такимъ образомъ, за вычетомъ изъ общей выражающей возрастаніе городского имущества суммы вновь образовавшихся долговъ, останется всетаки значительная цифра, до 6.000,000 ф., выражающая дѣйствительное за это время увеличеніе стоимости городского имущества. Такихъ блестящихъ результатовъ могла достигнуть лишь вполнѣ бережливая администрація, не расточающая городскихъ доходовъ на бесполезное украшеніе города, или на развитіе роскоши, а занятая удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, какъ матеріальнаго, такъ равно и нравственнаго, развитія городского населенія. При такомъ благотворномъ направленіи дѣятельности городскихъ учреждений, новые займы не составляютъ обременительной для города тягости, а лишь служатъ къ возвышенію его благосостоянія.

Попеченія о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи жителей окружають ихъ жизнь наилучшими условіями, и не удивительно, если послѣдствіемъ такихъ мѣръ является быстрое возрастаніе числа жителей города, притягивающаго къ себѣ, удобствами жизни, передвижные элементы населенія страны.

Такимъ образомъ населеніе Вѣны, въ 1850 году не превосходившее 431,000 жителей, въ настоящее время доходитъ до 560,000 жителей; число же домовъ, равнявшееся въ 1854 году 8,447, въ настоящее время доходитъ до 9,704.

Бюджетъ города. Намъ легко будетъ получить полное обзорѣніе дѣятельности вѣнскаго городского управленія, если мы подробнѣе разберемъ городскіе доходы и расходы по главнымъ ихъ статьямъ, согласно бюджету 1864 года.

Бюджетъ Вѣны раздѣляется на двѣ части:

1) Первая содержитъ въ себѣ доходы города, какъ частнаго лица съ принадлежащей ему собственности, и расходы, отсюда истекающіе.

2) Вторая содержитъ въ себѣ доходы и расходы, вызванныя общественными интересами.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Доходы.

Съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ . . .	454,668 ₰
» капиталовъ города	510,697 »
» городской привилегіи за распродажную продажу (городъ сохранилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это феодальное право)	3,967 »
Отъ возврата капитала, долгаго городу . . .	555,500 »
	<hr/>
	1.224,832 »

Расходъ.

На уплату государственныхъ податей съ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ города	125,405 »
» ремонтъ и содержаніе городскихъ имуществъ, страховыя преміи, освѣщеніе и проч.	35,434 »
На погашеніе долговъ	693,270
» уплату по нимъ процентовъ	140,728 »

На судебные расходы, уплату пошлинъ и т. д. 12,569 ф.
1.007,406 ф

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Доходы. I. Обыкновенные.

1. Прямые налоги: а) самостоятельный по 4 ⁰ / ₀ налогъ съ наемной цѣны помѣщеній (уплачивается жильцами)	1.160,000 ф.
б) Налоги прибавочные къ правительственнымъ, по 24 ⁰ / ₀ съ домовою подати, платимой правительству (уплачивается домохозяевами)	1.087,999 »
По 17 ⁰ / ₀ съ поземельной подати	3,672 »
» 17 ⁰ / ₀ съ промысловаго налога, платимаго правительству	200,940 »
» 17 ⁰ / ₀ съ доходной подати	438,708 »
» 1 ¹ / ₁₀ ⁰ / ₀ съ дохода домовладѣльцевъ, собираемая на помѣщеніе проходящихъ войскъ (уплачивается домовладѣльцами)	29,000 »
Отъ единовременныхъ взносовъ	773 »
<hr/>	
Итого прямыхъ налоговъ	2.921,092 »

2. Прибавочный налогъ къ правительственному октруа (при впускѣ съѣстныхъ припасовъ въ черту города)	1.136,000 фл.
3. Съ мясниковъ и мясной кассы	209,051 »
4. Съ рыночныхъ пошлинъ (15 различныхъ наименованій)	68,524 »
5. За выкупъ гражданами разныхъ повинностей	67,655 »
6. Пошлины, взимаемыя при различныхъ официальныхъ дѣйствіяхъ общинной администраціи	91,909 »

Въ томъ числѣ:

За утвержденіе въ правахъ гражданства	3,377 »
За могилы и памятники	24,108 »
За осмотръ домовъ, при ихъ выстройкѣ	3,591 »
Канцелярская пошлина	43,000 »

За право приглашенія музыки для танцевъ въ частныхъ домахъ	21,000 ф.
При подачѣ объявленій о смерти	2,700 »
При выдачѣ свидѣтельствъ о смерти	510 »
Штрафныхъ	12,523 »
7. Пошлины за пользованіе общественными мѣстами и учрежденіями	98,054 »

Въ томъ-числѣ:

За выставку стульевъ передъ кофейнями, вывѣшиваніе маркизъ, за поставку ларей, будокъ и т. д.	6,460 »
За занятіе улицы строительными матеріалами при постройкѣ домовъ	1,123 »
Доходовъ съ городскихъ водопроводовъ. изъ нихъ 25,224 фл. ежегод. вносомъ » » 36,348 фл. единовременныхъ.	61,562 »
За пользованіе водосточными каналами.	6,072 »
За пользованіе другими городскими учрежденіями	867 »
За проданныя старья вещи	18,350 »
Отъ продажи собранныхъ съ улицъ нечистотъ	3,610 »
8. вспомошествованіе отъ правительства за квартированіе и прокормленіе проходящихъ войскъ	31,046 »
(За генерала 1 ф., за офицера 35 крейц. и за солдата 17 крейц.; въ этой цѣнѣ квартира и пища.)	
9. Разныхъ мелочныхъ доходовъ	179,551 »

Въ томъ числѣ:

Съ духовныхъ мѣстъ	21 »	(оста-голь ес-одавша-го до-хода.)
Платы за ученіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ	102,543 »	
Отъ покровителей школъ	20,184 »	
Отъ разныхъ учреждений и фондовъ за расходы по управленію ими	44,639 »	

Отъ частныхъ лицъ за разныя, въ пользу ихъ, дѣйствія, какъ то: за поливаніе, по желанію домовладѣльцевъ, такихъ переулковъ или дворовъ, которыхъ поливаніе не требуется общественнымъ интересомъ, съ извозчиковъ за очистку биржъ, за осмотръ мертвыхъ тѣлъ и ихъ выставку и тому под.	12,164 »
10. Другихъ доходовъ, истекающихъ изъ древнихъ феодальныхъ правъ города.	34 »
<i>Итого обыкновенныхъ доходовъ 4 803,689 ф.</i>	
II. Доходы чрезвычайные.	
Отъ продажи мѣстъ подъ постройки	19,132 ф.
Остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ	306,498 »
<i>Итого чрезвычайныхъ доходовъ 325,630 ф.</i>	
Всего обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ	5.129,319 ф.

*Расходы. I Обыкновенные:**A. Расходы управленія вообще.*

1. На центральное управленіе	465,913 ф.
<i>Въ томъ числѣ:</i>	
Содержаніе бюргермейстера	12,000 ф.
Расходы на общую думу	21,020 »
Жалованіе членамъ магистрата	144,648 »
Бухгалтерія	52,416 »
Строительная комиссія	41,448 »
Городское казначейство	46,116 »
Регистратура, архивъ и пр.	57,481 »
Пособія причисленнымъ чиновникамъ	16,291 »
Поденная плата временно занимаемыхъ по найму.	18,684 »
Жалованіе и квартирные деньги нижнимъ служителямъ	43,932 »
Ливреи служителей.	6,378 »
Жалованіе запатнымъ чиновникамъ	5,499 »
2. Расходы на управленіе частей города	47,846 ф.

3. Пенсіи и пособія чиновникамъ, ихъ вдовамъ и на воспитаніе дѣтей.	174,339 ф.
4) вспомошествованія и награды	5,400 »
5) На канцелярскіе припасы	47,581 »

Въ томъ числѣ:

На бумагу	12,000 ф.
На экипажъ для разъѣздовъ по городскимъ дѣламъ	6,000 »
На рисунки и карты	4,300 »
На переплетчиковъ.	4,200 »
За печатаніе протоколовъ об- щей думы и друг.	5,000 »
6) Освѣщеніе, отопленіе, чистота, ремонтъ город- скихъ помѣщеній и наемъ таковыхъ . . .	61,206 ф.
Итого расходовъ по отдѣлу А.	802,285 »

*В. Расходы на полицейскія обязанности
городскаго общества:*

7) На очищеніе улицъ	209,890 »
8) На поливку улицъ	142,593 »
9) На мощеніе улицъ и содержаніе шоссе въ нѣ- которыхъ улицахъ	109,925 »
10) На содержаніе плотинъ, мостовъ на берегахъ рѣки Вѣны и прочіе расходы на содержа- ніе въ исправности путей.	20,446 »
11) На содержаніе парковъ	23,773 »
12) На освѣщеніе улицъ	304,586 »
13) Содержаніе и очистка каналовъ, для стока воды и нечистотъ	91,215 »
14) Содержаніе водопроводовъ Фердинандова водо- провода	93,785

Въ томъ числѣ:

Личный составъ	9,362 ф.
Содержаніе и ремонтъ	23,713 »
Разные расходы	12,710 »
Топливо.	48,000 »

Содержаніе прочихъ водопродовъ	14,668 ф.	
15) Содержаніе городскихъ боенъ		88,002 ф.

Въ томъ числѣ:

Чиновникамъ и нижнимъ служителямъ	18,895 ф.	
Содержаніе и ремонтъ строеній	40,000 »	
Отопленіе и освѣщеніе	1,995 »	
Содержаніе машинъ	2,863 »	
16) Расходы на мѣстное санитарное управленіе		30,948 »

Въ томъ числѣ:

Личный составъ	7,792 ф.	
На кладбище	8,570 »	
На камеры для мертвыхъ тѣлъ	2,714 »	
Медикамъ за безденежное при- витіе оспы	436 »	
За спасеніе жизни	1,093 »	
На общественныя купальни	4,400 »	
17) Расходы на рыночную полицію		91,609 »

Въ томъ числѣ:

Расходы на рыночную комиссію	51,345 »	
Расходы на бюро для наблюде- нія за вѣсами и мѣрами	21,676 »	
18) Расходы на пожарную команду		106,768 »
19) Расходы на мѣры противъ наводненій		23,912 »

Въ томъ числѣ:

Содержаніе въ исправности гѣст- ницъ	11,570 »	
Содержаніе и устройство спа- сительныхъ лодокъ	1,293 »	
Итого расходовъ по отдѣлу В.		1.352,120 ф.

*С. Расходъ на общественную правитель-
ственную полицію.*

20 Правительству на содержаніе полиціи	294,000 ф.
--	------------

а именно:

На содержаніе собственнo полиціи	252,000	ф.
За помѣщеніе городскаго гарни-		
зона	29,000	»
На содержаніе тюрьмы.	13,000	»
Итого по отдѣлу С.	294,000	ф.

*Д. Расходы на благотворительныя и обще-
полезныя заведенія.*

21) На богадѣльни	657,641	ф.
22) На больницы.	76,559	»
23) Въ инвалидный фондъ	34,949	»
24) За больныхъ, содержимыхъ въ иногородныхъ больницахъ.	950	»
25) вспомошествованіе разнымъ учрежденіямъ	15,154	»

Въ томъ числѣ:

Музыкальному обществу	2,000	ф.
Обществу стрѣлковъ	277	»
Торговой палатѣ	3,693	»
Слушателямъ техническихъ наукъ	300	»
Дѣтскому пріюту	840	»
Единовременныя пособія разнымъ обществамъ	7,396	»
Итого по отдѣлу Д.	785,253	ф.

*Е. Расходы на церковныя учрежденія и
народное образованіе.*

26) На содержаніе церквей, церковныхъ домовъ, на религиозные обряды, процесіи и проч.	20,243	»
27) На народное образованіе.	415,136	»

Въ томъ числѣ:

На среднія учебныя заведенія	74,550	ф.
На народныя школы	333,710	»
На школы гимнастическія	6,876	»
Итого по отдѣлу Е.	435,379	ф.

Г. Расходы на отправленіе городовъ обязанностей высшей инстанціи правительственной административной власти.

28) Расходы на взиманіе государственныхъ прямыхъ податей	79,813 ф.
29) Расходы по рекрутству, народноисчисленію и на конскрипцію	35,025 »
30) Расходы на расквартиров. войскъ	73,814 »
31) На содержаніе арестантовъ	10,558 »
32) На разные мелочные расходы	15,056 »
Итого по отдѣлу Г.	214,266 »
Итого обыкновен. расход.	3.883,303 ф.

II. Расходы чрезвычайные.

33) На постройку новыхъ городскихъ зданій	70,688 ф.
34) На постройку новыхъ школъ	154,000 »
35) На устройство новыхъ мостовыхъ и возобновленіе старыхъ	176,000 »
36) На устройство водосточныхъ каналовъ	170,000 »
37) На постройку новыхъ мостовъ	42,400 »
38) На устройство набережныхъ на рѣкѣ Вѣгѣ	50,000 »
39) На увеличеніе Фердинандовскихъ водопроводовъ	45,000 »
40) На разные общепользныя сооруженія	229,867 »

Въ томъ числѣ:

На устройство рынковъ	100,000 ф.
» » купалень	12,000 »
» » писуаровъ	10,000 »
» украшеніе парковъ и друг.	70,000 »
41) На разные чрезвычайные расходы	166,333 »

Въ томъ числѣ:

На покупку мѣстъ и домовъ для расширенія улицъ	80,000 ф.
» постройку башни св. Стефана	15,000 »
» статистику	5,000 »
» празднованіе годовщины дарованія конституціи	8,000 »

На предварительныя работы для

новыхъ водопроводовъ	50,000 ф.
42) Расходы на расширение города	300,000 ф.
43) Отложено въ резервный фондъ	110,000 »
44) На уплату расходовъ за прежніе годы	517,422 »

Итого чрезвычайныхъ расходовъ 2.031,710 »

Всего же расходовъ чрезвычайныхъ и обыкновенныхъ 5.915,013 ф.

Сводъ обѣихъ частей бюджета будетъ представлять слѣдующія цифры:

По 1-й части бюджета <i>доходовъ</i> 1.224,832 ф.	<i>расходовъ</i> 1.007,406 ф.
» 2-й » » <i>обыков. доход.</i> 4.803,689	<i>обыков. расход.</i> 3.883,303 »
» » » » <i>чрезвыч.</i> » 325,630	<i>чрезвыч.</i> » 2.031,710 »
Итого » 6.354,151 ф.	» 6.922,419 ф.

Такимъ образомъ образуется дефицитъ въ 568,268 флор. *)

Приведенныя нами цифры говорятъ сами за себя, и еще болѣе подтверждаютъ тѣ выводы, которые сдѣланы были изъ статистическаго обзорѣнія бюджета Вѣны за десять лѣтъ. Если взять совокупность расходовъ за 1864 годъ по первой части бюджета 1.007,406 ф. и обыкновенныхъ по второй части бюджета 3.883,303 ф., то *изъ составляющейся суммы 4.990,709 ф.*, которую можно принять за сумму *ежегодныхъ обыкновенныхъ расходовъ*,

расходы на управленіе (управ., вспомошествов., канцеляр. расходы, освѣщен., отопленіе и проч. город. помѣщ.)	составятъ	16%
» » уплату процентовъ по долгамъ	состав. около	3%
» » погашеніе долговъ		14%
» » благотворительныя и общественныя заведенія		16%
» » народное образованіе.		8%

*) Бюджетъ на 1864 г., изъ котораго извлечены эти данныя, составленъ не на 12, а на 14 мѣсяцевъ, по случаю того, что начало финансоваго года, бывшее прежде 1-го ноября, перенесено на 1-е января 1865 года; но однако же предположенія на 12 мѣсяцевъ, которыя нами и извлечены, отдѣлены отъ предположеній на 2 дополнительные мѣсяца. Такимъ образомъ дефицитъ, образовавшійся преимущественно отъ увеличенія чрезвычайныхъ расходовъ, весь покрывается, согласно бюджету, доходами города за 2 дополнительные мѣсяца, такъ что въ 1865 году образуется даже небольшой остатокъ.

Расходы на мощение, чистоту, поливку и поправку набережных		10%
»	» освѣщеніе улицъ	6%
»	» содержаніе водосточныхъ каналовъ, на санитарное управленіе и бойни	4%
»	» снабженіе города водою	2%
»	» содержаніе пожарной команды	2%
»	» содержаніе общей полиціи	6%
»	» содержаніе рыночной полиціи до	2%

Такимъ образомъ:

Управленіе города поглощаетъ 16% общей суммы обыкновенныхъ расходовъ.

Содержаніе полиціи » 8%

Городской долгъ » 17%

а на развитіе учреждений, обеспечивающихъ матеріальное и нравственное благосостояніе жителей города, расходуется . 48%

Затѣмъ остальные расходы составляютъ 11% общей суммы.

Изъ чрезвычайныхъ расходовъ до 45% идутъ также на предметы развитія народнаго благосостоянія: на устройство мостовыхъ, проведеніе новыхъ водосточныхъ трубъ, на постройку школъ, проведеніе водопроводовъ, устройство рынковъ, купальень и т. д.

Что бы вполне охарактеризовать дѣятельность вѣнскаго городского управленія, мы постараемся нѣсколько подробнѣе рассмотреть принятые имъ способы устройства главнѣйшихъ учреждений общественнаго благоустройства.

1. Устройство полиціи.

Изъ обзоренія городского управленія и бюджета мы видѣли, что въ Вѣнѣ значительная часть обязанностей мѣстной полиціи находится въ завѣдываніи города.

Онъ устраиваетъ рыночную полицію и надзоръ за мѣрами и вѣсами, надзоръ за бѣдными и попеченіе о нихъ, санитарную полицію; онъ же заботится объ уличной чистотѣ и чистотѣ водосточныхъ каналовъ, на его же обязанности лежитъ строительная полиція, охраненіе города отъ наводненій и соединенная съ тѣмъ рѣчная полиція и наконецъ содержаніе пожарной команды и завѣдываніе ею.

Затѣмъ, на обязанности собственно правительственной полиціи лежитъ лишь охраненіе общественнаго порядка, т. е. предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и полицейскій надзоръ за городскимъ, какъ постояннымъ, такъ и пришлымъ, населеніемъ.

Полицейская власть сосредоточена въ рукахъ особаго полицейскаго управленія, которое не вмѣшивается въ распоряженія городского управленія, но обязано, съ тѣмъ вмѣстѣ, содѣйствовать городскимъ властямъ въ завѣдываніи тѣми отраслями полицейскаго надзора, которыя предоставлены имъ въ силу закона.

Въ полицейскомъ отношеніи городъ Вѣна и нѣсколько вблизи его лежащихъ общинъ, соединены въ одинъ районъ съ площадью въ 21,938 іоховъ (11,439 десятинъ), съ населеніемъ въ 680,000 душъ, подъ начальствомъ оберъ-полиціймейстера (Polizei Director) перваго класса, въ чинѣ надворнаго совѣтника, который получаетъ 4,200 фл. содержанія, 1,515 прибавочныхъ, 630 на экипажъ, а всего 6,345 флориновъ и казенную квартиру. Ему подчинена канцелярія изъ 8 отдѣленій; самый же районъ раздѣленъ на 14 округовъ, во главѣ которыхъ находятся окружные оберъ-коммиссары (Bezirks-Commissare) съ ихъ канцеляріями.

Общее число чиновниковъ полицейскихъ, какъ въ канцелярії оберъ-полиціймейстера, такъ и въ округахъ, слѣдующее:

1) Полиціймейстеръ полиціи-вицедиректоръ съ содержаніемъ въ 3,150 фл. и 315 квартирныхъ; 9 совѣтниковъ, получающихъ жалованія отъ 1,680 до 2,100 фл. и 210 фл. квартирныхъ, 26 оберъ-коммиссаровъ съ жалованіемъ отъ 1,260 до 1,470 фл. и 210 фл. квартирныхъ; 52 коммиссара съ жалованіемъ отъ 840 до 1,050 фл. и 210 фл. квартирныхъ; 14 актуаріусовъ и 119 подчиненныхъ чиновниковъ.

Оберъ-полиціймейстеръ непосредственно подчиненъ штат-гальтеру провинціи; въ отношеніи къ городскому управленію, онъ пользуется равными, съ властями городского управленія, правами, и потому сносится съ ними отношеніями.

Въ непосредственномъ его завѣдываніи и подчиненіи находится полицейская команда, которая раздѣляется на: 1) гражданскую и 2) военную.

1) Гражданская команда состоитъ изъ одного инспектора, получающаго 472 фл. жалованія.

236 нижнихъ чиновъ, получающихъ отъ 315 до 420 фл. жалованія.

13 полицейскихъ служителей.

35 ординарцевъ съ жалованіемъ въ 262 фл.

и 4 домовыхъ служителей съ жалованіемъ въ 226 фл.

Команда эта набирается изъ вольнонаемныхъ людей, и носить общее гражданское платье; но каждый изъ служащихъ въ ней имѣетъ при себѣ знакъ въ видѣ бляхи, для предъявленія въ случаѣ необходимости.

Главная обязанность команды состоитъ въ надзорѣ за подозрительными личностями, въ постоянномъ надзорѣ за общею безопасностію, въ виду предупрежденія преступленій и немедленнаго преслѣдованія ихъ виновниковъ. Она, въ извѣстномъ числѣ, расположена какъ при центральномъ бюро оберъ-полиціймейстера такъ и по округамъ. Она производитъ надзоръ за гостиницами и правильнымъ предъявленіемъ останавливающимися въ нихъ лицами паспортовъ; за нищими и общественными гуляніями и удовольствіями; за соблюденіемъ полицейскихъ правилъ, со стороны хозяевъ, въ построеніи находящихся домовъ, магазинчиковъ и содержателей трактировъ, питейныхъ заведеній и кофеенъ; производитъ предварительныя дознанія въ случаяхъ чрезвычайныхъ происшествій, наблюдаетъ за дозволенными обществами, словомъ «обращаетъ свое вниманіе на все то, что можетъ угрожать какъ общественной безопасности, спокойствію и нравственности, такъ и собственности, чести и жизни каждаго отдѣльнаго гражданина.»

Лица, составляющія эту команду, получаютъ мѣсячное жалованіе, въ дисциплинарномъ отношеніи подчинены оберъ-полиціймейстеру, и живутъ на частныхъ квартирахъ.

2) Военная команда, состоящая въ распоряженіи оберъ-полиціймейстера, образована изъ 1,196 человекъ и 104 лошадей.

Ея составъ слѣдующій:

1) Штабъ, въ которомъ:

Подполковникъ съ жалованіемъ 2,876 фл. и три столовые пайка.

4 подчиненные офицеры и 9 нижнихъ чиновъ.

2) Пѣшая команда, сформированная изъ:

4-хъ капитановъ съ жалованіемъ отъ 1,511 до 1,757 фл. и пользующихся каждый 2-мя столовыми пайками.

4-хъ поручиковъ съ жалованіемъ 1,020 фл. и 1 пайкомъ.

4-хъ подпоручиковъ съ жалованіемъ отъ 924 до 972 фл., 1 пайкомъ, и 5-ю клафтерами дровъ.

90 унтеръ-офицеровъ.

7 горнистовъ.

966 нижнихъ чиновъ и 12 деньщиковъ, получающихъ, кромѣ содержанія, пищи и одежды, поденную плату въ 35 крейцеровъ.

3) Конная команда, въ составъ которой входятъ:

1 подпоручикъ.

8 унтеръ-офицеровъ.

1 трубачъ.

84 нижніе чина и 1 деньщикъ.

При этой командѣ 11 офицерскихъ лошадей и 93 солдатскихъ.

Служба военной полицейской команды состоитъ, какъ въ заведеніи обыкновенныхъ полицейскихъ постовъ, которыхъ, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ по городу отъ 50 до 75, такъ и въ содержаніи ночныхъ патрулей по всему городу, и въ общемъ наблюденіи за порядкомъ на улицахъ и при народныхъ стеченіяхъ. Словомъ, обязанности ея ограничиваются такъ называемою наружною полиціею.

Составляется она изъ нижнихъ чиновъ, высылаемыхъ изъ полковъ, изъ числа наиболѣе способныхъ. Чины эти назначаются послѣ двухлѣтней въ полку службы, изъ холостыхъ или бездѣтныхъ вдовцевъ, безпорочнаго поведенія, никогда не бывшихъ ни подъ судомъ, ни подъ слѣдствіемъ и, по возможности, знающихъ грамотѣ. При первоначальномъ назначеніи въ составъ полицейской команды, они поступаютъ на 3 мѣсяца на предварительное испытаніе, и если оказывается, что присланы завѣдомо негодные люди, то отсылаются обратно на счетъ высланныхъ ихъ военныхъ начальниковъ.

На практикѣ, однако же, мы лично слышали въ Вѣнѣ жалобы оберъ-полиціймейстера на то, что изъ полковъ рѣдко присылаютъ дѣйствительно годныхъ людей, а большею частію, изъ менѣе способныхъ, и что этотъ способъ замѣщенія даетъ хотя дешевую, но недостаточно опытную и расторопную, полицію.

Военная команда расположена въ казенныхъ квартирахъ и казармахъ; частныхъ квартиръ чинамъ ея имѣть не дозволяется.

Унтеръ-офицеры и даже офицеры рѣдко берутся изъ арміи, но большею частію производятся изъ составляющихъ команду нижнихъ чиновъ.

Общая стоимость содержанія вѣнской полиціи равняется 773,270 фл., изъ которыхъ до 335,756 фл. стоитъ одна военная команда. Изъ общаго числа расходовъ 250 т. до 300 тыс. фл. уключиваетъ городъ, остальные расходы падаютъ на государство.

Кромѣ собственно полиціи, содержится полицейскимъ управленіемъ, исключительно на счетъ города, такъ называемая ночная стража, состоящая изъ 10 надзирателей и 92 нижнихъ чиновъ, и имѣющая исключительно своею обязанностію наблюдение, въ ночное время, за цѣлостію запоровъ въ нижнихъ этажахъ, въ воротахъ домовъ и въ магазинахъ.

Такимъ образомъ, общій составъ вѣнской полиціи равенъ:

- 1 начальнику.
- 221 чиновнику.
- 289 лицамъ гражданской команды.
- 1,196 человѣкамъ военной команды.
- 102 лицамъ ночной стражи.

Всего же 1,809 человѣкъ.

Эта малочисленность личнаго состава полиціи, бросающаяся сама по себѣ въ глаза всякому постороннему наблюдателю, еще болѣе поражаетъ, если принять въ расчетъ, то страшное движеніе, которое происходитъ на узкихъ, большею частію, улицахъ Вѣны, о которомъ можно себѣ составить нѣкоторое понятіе по числу общественныхъ экипажей.

Число послѣднихъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

извозничьихъ каретъ считается въ Вѣнѣ	714.
Общественныхъ городскихъ каретъ	111.
Простыхъ двуконныхъ извозниковъ (коляски и маленькія каретки)	942.
Одноконныхъ извозниковъ	653.
Омнибусовъ	1,046.
Носилокъ	89.

Всего 3,555 общественныхъ экипажей.

Еще достойнѣе удивленія малочисленность полиціи, если обратить вниманіе на то, что, сверхъ обыкновенныхъ обязанностей ея, на ней лежитъ и постоянное наблюдение за порядкомъ на станціяхъ 6-ти желѣзныхъ дорогъ, по которымъ,

кроме громаднаго товарнаго движенія, ежедневно отходить и прибываетъ до 60 однихъ пассажирскихъ поѣздовъ.

2) Пожарная команда.

Одно изъ наилучше устроенныхъ городскихъ учрежденій Вѣны составляетъ ея пожарная команда, которая содержится вся на счетъ города, и находится въ зависимости исключительно отъ городскаго управленія, въ непосредственномъ подчиненіи у строительной городской комиссіи (Stadt-Bau-Amt). Личный составъ пожарной команды состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

- 1 начальникъ, строительный инженеръ.
- 2 экзерцицмейстера.
- 9 лешмейстеровъ.
- 9 ихъ помощниковъ.
- 100 лешмановъ (тушилщиковъ) пожарныхъ.
- 52 трубныхъ.
- 44 гучера.

Всего же 217 человекъ.

При командѣ 88 лошадей постоянныхъ и
48 резервныхъ.

Постоянныя лошади содержатся при пожарныхъ депо, а резервныя берутся у подрядчиковъ только въ случаѣ нужды.

Вся пожарная команда распределена слѣдующимъ образомъ: главное депо находится въ центрѣ стараго города, и кроме того въ остальныхъ восьми округахъ (Bezirke) города восемь отдѣленій (Filiale).

Въ каждомъ отдѣленіи постоянно пребываютъ 4 гучера и 4 трубы, и, сверхъ того, ежедневно наряжаются отъ главнаго депо на дежурство по 5 пожарныхъ и лешмейстеръ или его помощникъ. Въ каждомъ отдѣленіи находятся двѣ большія трубы, одна малая, одна ручная труба, одна бочва, 62 ручныхъ ведеръ, 10 лѣстницъ и другіе мелкіе инструменты, 10 трубныхъ рукавовъ, длиною въ 10 австрійскихъ клафтеровъ каждый. Въ главномъ депо 10 трубъ, при нихъ 10 большихъ рукавовъ, большія лѣстницы, 28 бочекъ, 6 ящиковъ для воды (hydro-transporteur) и 2 линѣйки для перевозки людей и наконецъ снарядъ съ 6 бутылками для сгущеннаго воздуха, для прохода въ наполненныя дымомъ помѣщенія, въ случаѣ пожара въ повалахъ.

Вся команда набирается изъ вольнонаемныхъ людей, исклю-

чительно изъ холостыхъ, и притомъ по преимуществу изъ плотниковъ и каменщиковъ.

Весьма приэтомъ важно и существенно то, что въ главѣ пожарной команды находятся техники, а именно строительные инженеры; таковъ начальникъ пожарной команды, который постоянно находится въ депо, и распоряжается всѣмъ личнымъ составомъ. Кромѣ того, при депо постоянно дежурятъ *два юродскіе архитектора* строительной комиссіи, надѣвающие на это время пожарную форму; изъ нихъ одинъ, въ случаѣ пожара, отправляется съ пожарной командою, и распоряжается ея дѣйствіями на пожарѣ, между тѣмъ какъ начальникъ команды всегда находится при депо.

Такой порядокъ имѣетъ существенныя выгоды, ибо только строительный инженеръ можетъ съ знаніемъ дѣла опредѣлить степень опасности для команды, при дѣйствіяхъ внутри домовъ, и слѣдовательно куда можно проникнуть, до какихъ поръ та или другая лѣстница можетъ сдержатъ народъ, гдѣ балка прогорѣла на столько, что потолокъ можетъ провалиться, гдѣ слѣдуетъ подпереть его и т. д.

Начальникъ команды (брандъ-маіоръ) получаетъ до 1,000 гульд. жалованья и квартиру. Экзерцицмейстеры получаютъ отъ 500 до 600 флор. и также квартиру.

Пожарные лешманы получаютъ жалованья 80 грейцеровъ въ день; трубины 60 грейц.; сверхъ того, тѣ и другіе 12 флор. на сапоги въ годъ. Пожарные, равно какъ и трубины, получаютъ, кромѣ того, верхнее платье, состоящее изъ суконнаго полукафтана, панталонъ и двухъ паръ того же платья изъ парусины, которое надѣвается сверхъ суконнаго. Все это дается на одинъ годъ. Наконецъ, они получаютъ еще ватное пальто на четыре года.

Всѣ люди помѣщаются въ обширныхъ комнатахъ; каждому дается желѣзная кровать, два тюфяка (одинъ нижній соломенный, другой верхній набитый шерстью,) двѣ головныя подушки, два покрывала шерстяныя и простыня.

У каждаго человѣка вычитается изъ поденной платы 16 грейц. на пищу, которая готовится общая для всѣхъ (супъ, мучное блюдо и говядина).

Единственнымъ пунктомъ для наблюденія за пожарами служить соборная колокольня св. Стефана, откуда видѣнъ весь городъ; часовой, находясь въ центрѣ квадранта, тотчасъ опре-

дѣляетъ мѣсто пожара, и даетъ знать, посредствомъ электрическаго телеграфа, въ главное депо; начальникъ послѣдняго телеграфируетъ въ отдѣленіе той части города, гдѣ произошелъ пожаръ. Само собою разумѣется, что о пожарахъ внутреннихъ и внѣшнихъ извѣщаютъ какъ сами жители, такъ и полиція.

При обыкновенныхъ пожарахъ, на мѣсто отправляется изъ центрального депо *одна труба и двѣ бочки*; изъ отдѣленія той части города, гдѣ произошелъ пожаръ, одна труба и люди съ бочкою; воду берутъ изъ многочисленныхъ крановъ отъ водопроводныхъ трубъ, расположенныхъ по городу. Въ случаѣ большого пожара, отправляется помощь изъ центрального депо, состоящая изъ бочекъ, линѣекъ съ людьми и запасныхъ трубъ, и изъ трехъ отдѣленій, ближайшихъ къ мѣсту пожара. Пожарная команда, кромѣ дѣйствій въ городѣ, отправляется, въ случаѣ пожара, за черту города, на разстояніе отъ него не далѣе 15 верстъ.

При отправленіи на пожаръ, сверхъ своего платья, пожарные имѣютъ каждый поясъ съ двумя кольцами, чрезъ плечо сложенную веревку, для поднятія, въ случаѣ нужды, трубныхъ рукавовъ въ верхніе этажи домовъ, а равно и для поднятія и спуска самихъ людей; у каждаго за поясомъ находится, въ жестью обшитомъ кожаномъ футлярѣ, кирка; топоры же находятся при трубахъ (при каждой 2).

Въ такомъ незначительномъ числѣ, пожарная команда города Вѣны совершенно удовлетворяетъ своему назначенію для охраненія отъ пожаровъ, несмотря на то, что число пожарныхъ случаевъ бываетъ довольно значительно. Такъ, въ 1863 году, они доходили до 365, изъ числа которыхъ было до 35 большихъ пожаровъ.

Издержки города на содержаніе пожарной команды по бюджету города за 1864 г. составляютъ:

Личный составъ . .	47,518	флорин.
Содержаніе еге . .	3,685	»
Отопленіе, освѣщеніе, чистота помѣщеній.	6,217	»
Содержаніе лошадей .	28,487	»
Содержаніе пожар- ныхъ снарядовъ . .	7,405	»

Помѣщенія (въ томъ числѣ наемъ домовъ для отдѣленій) . .	12,774 флорин.
Разныхъ расходовъ . .	682 „
<hr/>	
Итого . .	106,768 флорин.

3) *Снабженіе города водою.*

Честь первоначальнаго устройства водопроводовъ для города Вѣны принадлежитъ правительству, которое въ 1855 г. приступило къ устройству такъ называемыхъ Фердинандовскихъ водопроводовъ, на капиталъ въ 100,668 флорин., собранный по подпискѣ.

Сверхъ того, немедленно послѣ начала устройства водопроводовъ, средства къ тому были извлечены изъ разныхъ постороннихъ источниковъ, какъ то: изъ фондовъ общепольныхъ заведеній было взято до 50,000 фл.; 18 предмѣстій города купили себѣ право постоянного снабженія водою, вносямъ единовременнымъ по 6 фл. 30 крейц. за эймеръ (ведро), на сумму 415,025 фл.; разнымъ общественнымъ заведеніямъ было уступлено право постоянного снабженія водою въ размѣрѣ 5,130 ведеръ, по 15 фл. за ведро, на сумму 76,950 фл.; общинѣ Лерхенфельдъ было уступлено такое же право на 1,400 эймеровъ, по 9 фл., на сумму 12,600 фл., городскія учрежденія приобрѣли 770 эймеровъ. Всего же было раскуплено общественными учрежденіями и частями города 57,600 эймеровъ; частными лицами до 7,200 эймеровъ.

Но такъ какъ всѣхъ этихъ источниковъ не было достаточно для покрытія расходовъ на устройство водопроводовъ, доходившихъ между 1835 и 1843 годами уже до 739,135 флор., то правительство рѣшилось все это дѣло передать общинѣ города Вѣны, которая приняла на себя и значительные долги по этому предпріятію.

Между тѣмъ, по мѣрѣ устройства и расширенія водопроводовъ, увеличилось и число покупаемыхъ единовременными вносами ведеръ. Такимъ образомъ, между 1843 и 1850 годами, было куплено частными лицами и общественными заведеніями 6,545 ведеръ, между 1850 и 1857 годами 9,330 ведеръ; способы покупки были облегчены, и въ слѣдствіе этого между 1857 и 1863 годами было куплено вносами единовременными, по 15

фл. 25 крейц., до 6,025 ведеръ; погасительными въ 10 лѣтъ вносами 3,735 ведеръ; погасительными въ 20 лѣтъ вносами 11,345 ведеръ, а пользование 3,515 ведрами оплачивается 6% вносами съ капитала, ихъ стоимость представляющаго. Всего же общественная касса получила за проданную воду 359,090 флор. единовременными вносами и 59,891 фл. погасительными вносами. Всѣ эти суммы употребляемы были на устройство и распространіе водопроводовъ. Сверхъ того, всѣ, купившіе право пользованія водою единовременными вносами, обязаны участвовать въ ежегодныхъ расходахъ на содержаніе водопроводовъ, уплатою 55 крейцеровъ за эймеръ. Всего было, на устройство Фердинандовыхъ водопроводовъ, употреблено:

1) На покупки земель, дома для машинъ, на приобрѣтеніе самихъ машинъ и на устройство канала 1.025,889 флор.

2) На укладку трубъ и устройство бассейновъ 1.155,321 флор.

Всего же 2.181,210 фл., изъ которыхъ истрачено въ первый періодъ производства работъ, т. е. съ 1835 по 1843 годъ, 776,092 фл., а во второй періодъ, т. е. между 1843 и 1863 годами, 1.405,718 флорин.

Въ 1843 году водопроводы эти давали 64,800 эймеровъ (ведеръ) воды въ день.

Въ 1863 году водопроводы эти давали 136,500 эймеровъ воды въ день.

Устройство ихъ слѣдующее: вдоль рѣки Дуная, за чертою города Вѣны, параллельно съ рѣкою и на разстояніи отъ нея въ 100 австрійскихъ клафтеровъ, расположенъ вытяжный каналъ, длиною въ 170 клафтеровъ и ниже уровня воды на 16 футовъ. Самый каналъ, въ 5 футовъ ширины и 12 футовъ вышины, выложенъ изъ кирпичныхъ стѣнъ, сплоченныхъ цементомъ. Съ наружной стороны этотъ каналъ обложенъ фильтрующимъ слоемъ изъ камня и песка. Вода, просачиваясь изъ рѣки сквозь слой земли въ 100 клафтеровъ, отдѣляющій рѣку отъ канала, такимъ образомъ подвергается процессу естественной фильтраціи, и наконецъ, проходя сквозь фильтрующій слой отверстіями, сдѣланными въ стѣнахъ канала, проходитъ въ самый каналъ. Каналъ этотъ оканчивается бассейномъ, изъ котораго вода выкачивается сквозь трубу посредствомъ машинъ, которыя въ то же время переводятъ ее въ другія трубы, и нагнетаютъ въ резервуары.

Машины работают по очереди: двѣ низкаго давленія (Ватта), по 60 силъ каждая, и одна высокаго давленія (Вольфа) въ 120 силъ. Первыя двѣ могутъ доставить въ день каждая по 100,000 эймеровъ, а послѣдняя одна 200,000 эймеровъ въ день.

Вода, выходя изъ канала, накачивается въ три резервуара: 1-ый въ 2,500 эймеровъ, 2-ый въ 5,000 и 3-ий въ 10,000 эймеровъ. Изъ этихъ резервуаровъ, расположенныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ (послѣдній находится на высотѣ 180 футовъ надъ уровнемъ Дуная), вода уже естественнымъ своимъ теченіемъ, посредствомъ трубъ, проходитъ во весь городъ до самыхъ верхнихъ этажей домовъ. Каналь предполагается продлить еще на 100 клафтеровъ, и тогда онъ будетъ доставлять до 200,000 эймеровъ воды въ день.

Кромѣ Фердинандовскихъ водопроводовъ, городъ снабжается еще и другими водопроводами ключевой воды, проведенной посредствомъ простыхъ трубъ безъ всякихъ машинъ. Эти водопроводы даютъ сравнительно небольшое количество воды и то лишь зимою *).

Въ виду этого обстоятельства и недостаточности Фердинандовскихъ водопроводовъ, городской магистратъ и общая дума занялись въ послѣднее время изысканіемъ способовъ къ устройству новыхъ водопроводовъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, для провода воды изъ горныхъ источниковъ.

Потребности города, при быстротѣ его разрастанія въ послѣднее время, стали значительно увеличиваться, и сдѣланъ былъ, особою комиссіею думы, расчетъ, на основаніи котораго, при населеніи 1 милл. жителей и при такой потребности на фонтаны, какъ въ Парижѣ, при поливкѣ улицъ по 4 раза въ день, при такомъ потребленіи воды промышленностію, какъ было въ Лондонѣ въ 1850 году,—ежедневная потребность города Вѣны въ водѣ выражается громадною цифрою до 1.600,000 эймеровъ.

Изъ того числа:

На домашнее употребленіе . . .	600,000 эймеровъ
» промышленность	250,000 »
» поливку улицъ внутри города.	220,000 »

*) Лѣтомъ же они высыхаютъ, и потому не могутъ служить значительнымъ источникомъ для снабженія города водою. Этихъ водопроводовъ всего пять, но всѣ вмѣстѣ они даютъ не болѣе какъ отъ 4.109 до 17.470 ведеръ въ день, смотря по времени года.

На поливку внѣ города	80,000 эймеровъ
» фонтаны, бани, резервуары	430,000 »
» писуары, бойни, рынки	200,000 »
	<hr/>
	1.600,000 эймеровъ.

Предположенная стоимость постройки этихъ водопроводовъ равняется:

на устройство 3 резервуаровъ	1.083,000 флориновъ.
» водопроводныя трубы	3.951,506 »
» устройство 1000 уличныхъ кра- новъ для поливки и для пожар- ныхъ случаевъ	300,000 »
» покупку земель подъ резерву- ары	100,000 »
	<hr/>
	5.434,506 флориновъ.

Въ настоящее время общео думою уже назначена коммиссія изъ 30 инженеровъ, для изученія на мѣстѣ проекта, на составленіе котораго уже ассигновано городомъ до 100,000 флориновъ.

4) *Застрахованіе домовъ отъ огня.*

Домовладѣльцы Вѣны страхуютъ свои дома, частію въ акціонерныхъ компаніяхъ, а частію въ провинціальномъ обществѣ взаимнаго застрахованія (K. K. privilegirte wechselseitige Brandschaden-Versicherungs-Anstalt).

Общество это обнимаетъ, какъ и всѣ подобныя въ Австріи^{*)}, цѣлую провинцію Нижней Австріи; вступленіе и выходъ изъ него свободны для всякаго, какъ городского, такъ и сельскаго домовладѣльца; дѣйствія его могутъ распространяться на всѣ области Австріи, и теперь оно страхуетъ дома въ Вѣнѣ, въ Нижней Австріи и Галиціи. Оно существуетъ уже сорокъ лѣтъ, но послѣдній уставъ его утверждёнъ 30 октября 1860 г.

*) Общества взаимнаго застрахованія существуютъ въ Моравіи и Силезіи, въ Богеміи, въ Грецѣ, въ Каринтіи. Въ Верхней же Австріи, Зальцбургѣ и Тироли страхование земское, и управляется провинціальнымъ земскимъ совѣтомъ.

По отчету 1863 года, въ этомъ обществѣ было участниковъ. 54,855.

Строеній застраховано 102,013, на сумму 62.787,827 флорин.

Въ 1863 г. (особенно тяжелою, и не имѣвшимъ себѣ подобнаго во всѣ 40 лѣтъ) было 382 пожара, отъ которыхъ пострадали 1,117 членовъ общества и 2,302 строенія на сумму 536,924 флорина.

Всѣхъ расходовъ по обществу потребовалось:

На центральное управленіе. 32,610 фл. 87 крейц.

» оцѣнки, путей. издерж. и пр.. . . . 12,629 »

Всего же потребовалось разложить на членовъ 582,164 фл., т. е. 94 крейц. на 100 флориновъ оцѣночнаго капитала.

Среднимъ числомъ, домовладѣльцы Вѣны платятъ въ разныя общества и компаніи годовой преміи до 60 крейцеровъ съ каждыхъ 100 фл. оцѣночнаго капитала, т. е. до $\frac{2}{3}$ %. Въ слѣдствіе такихъ высокихъ премій, общая дума имѣетъ въ настоящее время въ виду устроить отдѣльное страховое общество для города, такъ какъ большинство пожарныхъ убытковъ случается по деревнямъ, а городскіе жители, участвующіе въ разныхъ страховыхъ компаніяхъ, принуждены такимъ образомъ нести на себѣ тяжесть отъ этихъ пожаровъ. Кромѣ того, какъ общество взаимнаго страхованія, такъ и компаніи акціонерныя, пользуясь защитой пожарной команды для застрахованнаго у нихъ имущества, въ расходахъ на нее участія не принимаютъ. Общая дума уже распорядилась приготовительными работами для проекта особаго общества для города Вѣны, и занята собраніемъ свѣдѣній отъ домовладѣльцевъ о величинѣ платимыхъ ими премій. Компетентные судьи, изъ числа членовъ городского управленія, полагаютъ, учрежденіемъ въ Вѣнѣ отдѣльнаго общества домовладѣльцевъ, для взаимнаго отъ огня застрахованія, понизить страховую премію до 10 крейц. съ 100 флор. оцѣночнаго капитала, т. е. до $\frac{1}{10}$ %.

5) Освѣщеніе города.

Уже въ 1850 году, т. е. черезъ два года послѣ учрежденія въ Вѣнѣ управленія на выборномъ началѣ, управленіе это вступило въ соглашеніе съ обществомъ англійскихъ капиталистовъ для устройства гасоваго освѣщенія города.

Компаніи этой была дарована двадцатипятилѣтняя привилегія, въ силу которой общество обязано было принять на себя всѣ расходы, какъ первоначальнаго устройства, такъ и ежегодные расходы для освѣщенія города, и выставить требуемое число фонарей, по указанію, однако же, магистрата.

Такимъ образомъ въ настоящее время городъ освѣщается:

4,377 фонарями, горящими въ теченіе половины ночнаго времени, за которые городъ уплачиваетъ 35 фл. 70 крейц. въ годъ.

2,975 фонарями, горящими всю ночь, за которые городъ уплачиваетъ по 66 фл. 15 крейц. въ годъ.

90 фонарями, зажигаемыми лишь въ лѣтнее время, за которые платится отъ 15 до 21 фл. въ годъ. Всѣ же 7,442 фонаря стоятъ городу 304,586 фл., такъ что каждый фонарь обходится въ 40 фл. или около 25 р.

Количество сожигаемаго каждымъ фонаремъ гаса опредѣлено контрактомъ, и городское управленіе имѣетъ, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, нѣсколько пробныхъ фонарей въ разныхъ частяхъ города, и особое отдѣленіе магистрата производить еженедѣльные опыты и пробы посредствомъ особаго снаряда, и ежемѣсячно доносить о результатахъ полному собранію магистрата.

6) Водосточные каналы.

Подъ улицами города Вѣны проведены водосточные каналы, которые, составляя огромную сѣть, всѣ сосредоточиваются въ нѣсколькихъ главныхъ каналахъ, и истокомъ своимъ имѣютъ одинъ изъ рукавовъ рѣки Дуная. Расходы на первоначальное устройство этихъ каналовъ покрываются на *два трети* городомъ, а на *одну треть* домохозяевами прилегающихъ съ каждой стороны канала домовъ; стоки же изъ каждаго дома въ уличный каналъ устроиваются самими домохозяевами на ихъ счетъ.

Съ 1852 года, вѣнское городское управленіе, по конецъ 1864 года, истратило на устройство новыхъ каналовъ до 1.000,000 флориновъ.

Ежегодная ихъ очистка производится посредствомъ отдачи съ торговъ по частямъ частнымъ подрядчикамъ. Приэтомъ, для контроля надъ этими работами, непосредственное надъ ними

наблюденіе поручено окружнымъ начальникамъ или предсѣдателямъ (*Bezirks Vorsteher*) города. Кромѣ того, по мѣрѣ производства подрядчикомъ очистки своего участка, онъ представляетъ о томъ вѣдомость городской строительной комиссіи, которая, чрезъ своего чиновника, удостоверяется въ дѣйствительности произведенныхъ работъ. Поэтому и плата подрядчикамъ производится по четвертямъ года.

7) Мощеніе улицъ.

Мощеніе улицъ и устройство тротуаровъ давно уже не составляетъ натуральной повинности для жителей города Вѣны, а принято городскимъ управленіемъ въ число расходовъ *городскихъ*. Городское управленіе, образовавшееся по введеніи закона 1850 года, вполне сознало всю важность возможныхъ улучшеній въ этой части, и съ 1852 года, въ числѣ своихъ чрезвычайныхъ расходовъ, удѣляло значительныя суммы на устройство новыхъ прочныхъ мостовыхъ. На этотъ предметъ, съ 1852 года по 1864, истрачено городскимъ управленіемъ болѣе 2 милл. фл. Оно постоянно занималось изысканіемъ улучшенныхъ способовъ устройства мостовыхъ и тротуаровъ, выписывало образчики плитъ и камней изъ разныхъ частей Австрійской имперіи и Германіи, и производило различныя опыты, какъ относительно употребленія различныхъ матеріаловъ, такъ и относительно самыхъ способовъ устройства мостовыхъ. Послѣдствіемъ этихъ опытовъ было изданіе городскимъ управленіемъ нормальныхъ правилъ для отдачи работъ этихъ съ торговъ, для самаго ихъ производства, и для принятія ихъ уполномоченными отъ города. Въ новѣйшее время, городскимъ управленіемъ, въ производствѣ работъ по мощенію улицъ, принять, какъ наилучшій, слѣдующій способъ: потребныя камни и матеріалы заготовлять изъ каменоломенъ хозяйственнымъ отъ города образомъ; самое же мощеніе отдавать на подрядъ по частямъ и съ торговъ.

Тягость расходовъ на устройство мостовыхъ не могла не сдѣлаться чувствительною для городского управленія, въ особенности же при быстромъ увеличеніи города, замѣтномъ въ теченіе послѣднихъ годовъ. Потому естественно, что городское управленіе старается часть этого бремени свалить на обывателей. Съ этою цѣлію общая дума постановила, что, при устройствѣ новаго дома или перестройкѣ стараго, устройство

передъ этимъ домомъ тротуара, законной ширина и качества и дальнѣйшая его поддержка, должны падать на собственный счетъ домовладѣльца.

8) Чистка и поливка улицъ.

Чистка улицъ, выметаніе грязи лѣтомъ и вывозъ снѣга зимою, также составляютъ не натуральную повинность жителей города Вѣны, а производятся городомъ на его счетъ хозяйственнымъ образомъ. Этимъ дѣломъ заняты:

13 надсмотрщиковъ, съ платою отъ 1 фл. 30 крейц. до 1 фл. 60 крейц. въ день.

51 главный работникъ, съ платою отъ 1 фл. 10 крейц. до 1 фл. 30 крейц.

448 поденщиковъ, съ платою по 63 кр. въ день, и въ разное время нанимается въ теченіе года до 184 денныхъ работниковъ.

Поливка улицъ отдается въ подрядъ по частямъ города.

9) Снабженіе города припасами.

Мѣры для снабженія города припасами, къ удешевленію ихъ цѣнъ и, въ особенности, къ отстраненію колебаній въ этихъ цѣнахъ, наконецъ мѣры для надзора за свѣжестью припасовъ, всегда составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности городского управленія всѣхъ городовъ западной Европы. Въ прежнее время, выраженіемъ этой дѣятельности служили мѣры, лишь стѣснявшія торговлю и земледѣльческую промышленность и ставившія произволь управленія выше законовъ конкуренціи; таковы были таксы на цѣны разныхъ предметовъ потребления и свѣстныхъ припасовъ, запрещеніе вывоза хлѣба изъ извѣстной мѣстности, предназначаемой администраціею къ снабженію города хлѣбомъ и припасами, запрещеніе покупки скота иностранными торговцами на извѣстныхъ рынкахъ и другія тому подобныя мѣры.

Съ самаго введенія новаго управленія въ городѣ Вѣнѣ, оно поняло всю несостоятельность подобныхъ мѣръ, весь вредъ, который онѣ приносятъ торговлѣ и самымъ жителямъ города. Оно обратилось къ другому роду мѣръ, изъ которыхъ самыми главными было устройство городскихъ боенъ и кассы для

мясниковъ, и наконецъ устройство центрального аукціоннаго рынка.

Въ началѣ 1850 года городское управленіе приступило къ построенію двухъ городскихъ боенъ, и обязало мясниковъ бить свой крупный скотъ не иначе, какъ на этихъ бойняхъ. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ огромнаго двора, среди котораго построены цѣлый рядъ, параллельныхъ другъ другу, каменныхъ строеній, изъ которыхъ каждое содержитъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ помѣщеній, которыхъ числомъ въ каждомъ дворѣ до 80. Въ помѣщеніяхъ этихъ, устланныхъ камнемъ, проведена вода для мытья пола и самой говядины; здѣсь и производится убой скота.

При каждомъ помѣщеніи имѣется хлѣвъ для скотины, которая иногда пробываетъ тамъ и до недѣли, и складочное мѣсто для корма скота. Каждое такое помѣщеніе отводится одному или двумъ мясникамъ, которые и приводятъ сюда свой скотъ съ рынка; по всему двору проведена вода изъ Дуная, и накачивается особою машиною; среди же двора находится огромный бассейнъ для поила пригоняемаго скота. За пользованіе помѣщеніемъ, мясники платятъ съ каждой штуки приводимаго скота по 70 крейц.

Съ этимъ учрежденіемъ связана и касса для мясниковъ. Цѣль ея доставлять мясникамъ готовыя деньги на покупку скотины, и, обеспечивъ продавцамъ немедленную расплату, тѣмъ привлечь къ вѣнскому рынку большее число продавцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удешевить и самый скотъ, возбужденіемъ между продавцами конкуренціи.

Касса, основанная городомъ въ 1850 году, на капиталъ въ 250,000 флориновъ, ссуженный городу правительствомъ (нынѣ давно уже обратно выплаченный казнѣ), открываетъ каждому мяснику кредитъ въ 2,000 фл., подъ представляемые ими залогъ, или, если этого кредита ему недостаточно, то въ размѣрѣ стоимости продаваемаго имъ, въ теченіе одной недѣли, мяса. На сумму этого кредита касса уплачиваетъ за него скотопрмышленникамъ за купленную у нихъ тѣмъ мясникомъ скотину, подъ недѣльные акцептованные мясникомъ векселя, выдаваемые на него рыночнымъ маклеромъ. За этотъ кредитъ касса взимаетъ 4% съ суммы открытаго кредита и по 1 флорину съ головы покупаемаго мясникомъ скота. Для огражденія интересовъ этой кассы, тотъ же налогъ, по 1 фл. съ головы, платятъ иногородные покупатели за купленный ими на вѣнскомъ рын-

кѣ скотъ, а также и вѣнскіе мясники за скотъ, купленный ими внѣ рынка.

Обороты кассы въ 1862 г. простирались до 15.699,893 фл.; доходы же ея состояли:

Изъ 4% процентнаго вноса за ссуды	23,560 фл.
Налога по 1 фл. со штуки скота	101,759 »
Отъ иногородныхъ покупателей	58,449 »
Разныхъ полученій	222 »
Итого	183,990 »

Чистаго же дохода касса принесла 109,760 »

Капиталь же ея состоялъ въ 262,000 »

Въ настоящее же время, капиталъ увеличенъ до 300,000 флор., такъ что сумма еженедѣльно производимыхъ ссудъ равняется 350,000 флор. Наконецъ въ 1863 году устроенъ и центральный аукціонный рынокъ. Цѣль его доставить отдѣльнымъ производителямъ сѣстныхъ припасовъ вѣрный сбытъ, и тѣмъ опять расширить районъ, снабжающій городъ своими произведеніями, и, возбудивъ такимъ образомъ конкуренцію, удешевить самые предметы потребленія.

Рынокъ этотъ состоитъ изъ ряда аукціонныхъ залъ, въ которыхъ публичные отъ города приставленные аукціонеры продаютъ съ публичнаго торга присылаемый на этотъ рынокъ, отъ частныхъ лицъ, товаръ. Во главѣ этого рынка, устроеннаго городскимъ управленіемъ на суммы города, находится комитетъ изъ семи гласныхъ общей думы, назначаемыхъ послѣднею и изъ подчиненныхъ имъ директора, его помощниковъ и 8 факторовъ, по роду припасовъ: мясо, домашняя птица, дичь, рыба, яйца и молочный, равно и сальный товаръ, овощи (бобы, горохъ и т. д.), зелень (капуста, огурцы и т. д.), плоды.

Припасы присылаются продавцами въ извѣстной предписанной упаковкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, по адресу прямо въ аукціонный рынокъ, и здѣсь, въ тотъ же или слѣдующій (не позже) день, продаются съ аукціона приставленными къ каждому изъ 8 видовъ товара факторами; деньги высылаются продавцу, за вычетомъ расходовъ на доставку и въ пользу рынка отъ 5% до 2%, смотря по роду товара (5% обложены предметы роскоши: фазаны, ананасы, фиги и т. д., а 2% предметы первой необходимости). Изъ этихъ процентныхъ денегъ $\frac{1}{3}$ идетъ въ пользу города, а $\frac{2}{3}$ въ пользу факторовъ.

10) Народное образованіе.

Особенною ревностію къ увеличенію средствъ народнаго образованія отличалось городское управленіе Вѣны въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Въ 1848 г., когда дѣло народнаго образованія въ Вѣнѣ было передано на попеченіе городского управленія, городъ имѣлъ не болѣе 64 приходскихъ школъ, изъ которыхъ 52 школы двухклассныхъ и только 12 трехклассныхъ. Не болѣе половины изъ числа этихъ школъ помѣщалось въ собственныхъ домахъ и нерѣдко на три или даже на семь классныхъ комнатъ было не болѣе одного учителя. На каждую классную комнату приходилось до 88 учениковъ, а жалованіе учителей не превосходило отъ 200 до 350 фл. для младшаго и 600 фл. для старшаго. Мы уже видѣли выше, что между 1852 и 1861 годами ежегодные расходы Вѣны на народное образованіе увеличились отъ 186 т. до 300 т. фл. Въ тотъ же промежутокъ времени городъ израсходовалъ, изъ чрезвычайныхъ своихъ средствъ, до 760,945 флор. на постройку новыхъ школъ. Результаты этой дѣятельности выразились въ томъ, что въ 1862 году городъ Вѣна имѣлъ уже одно высшее реальное училище, два среднихъ и 73 народныхъ школы, изъ коихъ 27 для мальчиковъ, 29 для дѣвочекъ и 17 смѣшанныхъ. Въ нисшихъ народныхъ школахъ состояло 31,699 учащихъся, 68 старшихъ и 312 младшихъ учителей, и наконецъ 26 ихъ помощниковъ. Въ настоящее же время, число народныхъ школъ доходить уже до 80. Уже въ 1863 г. принято было за правило, что бы число учениковъ, помѣщающихся въ одной классной комнатѣ, не превосходило 50; число классныхъ комнатъ увеличено съ 326 (столько ихъ было въ 1850 году) до 589; содержаніе же учителей возвышено: старшихъ до 800 и 1,000 фл., а младшихъ, по разрядамъ, отъ 360 до 600 фл.; помощникамъ же назначено до 250 флоринновъ.

Таковы результаты, добытые усиленною дѣятельностію городского управленія Вѣны со времени организациі его на новыхъ началахъ самоуправленія. Цѣль, достиженіе которой предположило себѣ городское управленіе въ Вѣнѣ, была, какъ мы видѣли: доставленіе наивозможно большихъ удобствъ для жизни, наилучшая организациа тѣхъ предметовъ общественнаго благоустройства, которые составляютъ ежедневную насущную потребность городскихъ жителей, наконецъ, развитіе гигиеническихъ, нравственныхъ и экономическихъ условій народной

жизни. Мы видѣли съ какою энергіею, съ какимъ постоянствомъ вѣнское городское управленіе стремилось къ осуществленію этихъ цѣлей и какихъ блистательныхъ результатовъ оно достигло. Такъ бываетъ всегда, когда постороннія условія не тяготѣютъ надъ дѣятельностію городскихъ общинъ; только въ этомъ случаѣ развитіе городскихъ расходовъ ведетъ не къ обремененію жителей, а лишь къ удешевленію средствъ жизни, къ расширенію способовъ всѣмъ классамъ народонаселенія пользоваться всѣми благодѣяніями просвѣщенія и цивилизаціи.

А. Н. Куломзинъ.

ВЪ БАТАВІИ *)

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КРУГОСВѢТНОМЪ ПЛАВАНІИ
1865—1867 ГОДА).

«Нидерландская Индія» (такъ называютъ голландцы свои владѣнія на ондскихъ островахъ) составляетъ одинъ изъ остатковъ тѣхъ богатыхъ колоній, которыми когда то владѣла Голландія во всѣхъ частяхъ свѣта. Большая часть этихъ колоній перешла въ руки англичанъ, и только какимъ то чудомъ голландцы удержали за собою колоніи на Зондскихъ островахъ,

*) Объ островѣ Явѣ и голландскихъ колоніяхъ на немъ писано у насъ пока очень мало. Путешественники наши, оставившіе намъ свои записки, какъ Гончаровъ и Вышеславцевъ, только проходили мимо острова Явы, а потому напрасно стали бы мы искать въ ихъ запискахъ чего нибудь кромѣ описанія прекрасныхъ видовъ и растительности Зондскихъ острововъ, этого «сада вселенной». Поэтому, мнѣ кажется излишнимъ каждый очеркъ, что либо прибавляющій къ общей характеристикѣ мѣстности. Въ моихъ «Письмахъ изъ кругосвѣтнаго плаванія», помѣщавшихся въ «Запискахъ для Чтенія», есть нѣсколько словъ о Батавіи, набросанныхъ на скорую руку, во время моего пребыванія тамъ. Въ письма эти вообще не вошло многое, что хотѣлось бы мнѣ сказать, а потому я намѣренъ, время отъ времени, пополнять нѣкоторые пробѣлы воспоминаніями, составленными по замѣткамъ, набросаннымъ на мѣстѣ. На первый разъ предлагаю маленькій очеркъ изъ воспоминаній моихъ о Батавіи.

которые, при своей изумительной производительности, составляютъ лакомѣе кусокъ, чѣмъ южная оконечность Африки, съ миссомъ Доброй Надежды, и другія владѣнія, перешедшія въ руки англичанъ.

Вотъ бѣглый перечень главнѣйшихъ событій, изъ исторіи острова Явы.

Туземцы начинаютъ свое лѣтосчисленіе со временъ полумифической личности Адль-Сака, занесшей къ нимъ, какъ кажется, изъ Индіи, первыя начала цивилизаціи и, между прочимъ, азбуку. Это было около 73 года до Р. Х. Дальнѣйшія событія представляютъ рядъ междоусобныхъ войнъ, рассказы о которыхъ сдѣлались достояніемъ народныхъ легендъ. Положительно извѣстно только то, что мелкія владѣнія на островѣ Явѣ соединились наконецъ въ одно государство, Маджапутъ. Въ этомъ видѣ застали Яву арабы, завоевавшіе ее въ 1406 году. Съ появленіемъ арабовъ, язычество замѣнилось исламомъ, но общій характеръ жизни народа остался тотъ же. Опять пошли междоусобныя войны, дробленія царствъ, завоеванія одного другимъ, и тому подобное. Въ 1579 году, появились на Явѣ португальцы, основавшіе здѣсь свою колонію. Въ 1594 году, португальцы были прогнаны голландцами. Въ это же время, и англичане пытались завести колонію на Явѣ, но голландцы вытѣснили и ихъ. Послѣ долгаго ряда войнъ, голландцамъ удалось наконецъ забрать въ свои руки почти весь островъ. Къ концу XVIII столѣтія, большая часть Явы принадлежала уже голландцамъ непосредственно; остальная же часть управлялась туземными раджами, подъ верховною властію Голландіи. Въ 1811 году, англичане завладѣли было Явою, но по вѣнскому миру 1815 года, должны были снова уступить ее голландцамъ, которые съ тѣхъ поръ и владѣютъ ею совершенно спокойно.

Ява составляетъ самую важную часть такъ называемой Нидерландской Индіи. Голландскія колоніи на островахъ Борнео, Суматрѣ и другихъ, до сихъ поръ еще очень мало развиты; хроническая война тянется тамъ до нынѣ съ непокорными туземными племенами. Зато Ява, съ своею столицею Батавією, сполна вознаграждаетъ за все это. Громадные доходы, получаемые голландскимъ правительствомъ съ острова Явы, совершенно оправдываютъ ту заботливость, съ которою голландцы охраняютъ свои владѣнія отъ всякихъ случайностей, могущихъ вырвать изъ ихъ рукъ эту драгоценность. Са-

мую большую опасность представляеть съ этой стороны восьмимилліонное туземное населеніе, сдерживаемое въ покорности силами какаго нибудь десятка тысячъ европейцевъ. Единодушное возстаніе этого угнетеннаго населенія можетъ быть окончательно гибельнымъ для голландскаго владычества въ Батавіи. Зато нужно отдать полную справедливость голландцамъ, принявшимъ всѣ возможныя мѣры противъ этого.

Городъ Батавія составляетъ торговый и административный центръ всѣхъ голландскихъ владѣній въ этихъ мѣстахъ. Здѣшній генераль губернаторъ, или, какъ его обыкновенно титулуютъ, вицекороль Нидерландской Индіи, живетъ въ Батавіи, съ царскою роскошью, получая громаднѣйшее содержаніе. Въ дворцѣ этого вице короля, при всякаго рода сношеніяхъ, соблюдается самый строгій этикетъ. Выходы, аудіенціи, торжественныя приемы,—все это при богатой обстановкѣ и низкихъ поклонахъ мѣстной аристократіи, производитъ чрезвычайное обаяніе на туземное населеніе. Для туземца съ именемъ вице короля невольно связывается понятіе о высшей власти на землѣ. Стоитъ только этой власти не заявлять себя какими нибудь, возмутительными даже для полудикаго малайца, поступками, и любовь подданныхъ явится сама собою. По самому складу своихъ понятій, туземецъ считаетъ даже самый капризный азіатскій деспотизмъ совершенно законною принадлежностію верховной власти, и всегда готовъ преклониться предъ нею. Всѣ чиновники правительства, служащіе въ колоніи, вознаграждены также чрезвычайно хорошо, и тоже живутъ маленькими царями, среди бѣднаго туземнаго населенія, въ потѣ лица едва зарабатывающаго себѣ на горсть риса въ день. Прибавьте къ этому неговорящихъ голландскихъ, англійскихъ и другихъ, съ ихъ свитами, личнымъ составомъ ихъ конторъ и проч., а также нѣсколькихъ содержателей ремесленныхъ учрежденій высшаго полета, и вы получите почти полный личный составъ батавской аристократіи, истокроваго европейскаго происхожденія. Къ этому же классу отчасти причисляютъ и потомковъ туземныхъ раджей и князей, отказавшихся отъ своихъ владѣній, и получающихъ за то громадныя пенсіоны.

Среднее сословіе въ Батавіи составляютъ китайцы. Это племя съ давняго времени стало переселяться въ Батавію, и, благодаря своему трудолюбію и предприимчивости, завладѣло сперва монополіею мелкой промышленности и мелочной торговли,

*

а потомъ, мало по малу, стало расширять свои операціи, и даже взялось за плантаторство. Въ настоящее время въ Батавиі уже много китайцевъ капиталистовъ, живущихъ очень роскошно, и при всемъ томъ держащихся совершенно особнякомъ. Средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, и привычки ботатыхъ людей, отдѣлили ихъ отъ мелкотравчатыхъ единоплеменниковъ; чистокровная же бѣлая аристократія гнушается китайцемъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ.

Третій классъ батавскаго населенія составляютъ всевозможныя помѣси, происшедшія отъ разноцвѣтныхъ расъ, обитающихъ въ Батавиі. Личности, происшедшія отъ смѣси европейца съ яванкою, извѣстны подъ именемъ *липпансы*, а отъ смѣси китайцевъ съ яванками происходятъ такъ называемые *пернаки*. По общимъ отзывамъ, личности смѣшаннаго происхожденія составляютъ самую порочную часть батавскаго народонаселенія. Липпансы и пернаки умѣютъ наследовать всѣ пороки своихъ родителей, не наследуя ни одного изъ ихъ хорошихъ качествъ.

Наконецъ четвертое сословіе въ Батавиі составляютъ коренные яванцы туземцы. Яванцы отрасли малайскаго племени, народъ большею частію чрезвычайно стройный и красивый, съ смуглокоричневымъ цвѣтомъ кожи. Маленькіе ростомъ, гибкіе и поворотливые, малайцы несутъ на себѣ всю тяжесть такъ называемаго чернаго труда, начиная отъ изнурительныхъ работъ на плантаціяхъ до переноски тяжестей при нагрузкѣ судовъ. Странно какъ то смотрѣть, какъ эти полунагіе малорослые люди взваливаютъ себѣ на плечи гибкія бамбуковыя жерди, и вдвоемъ съ товарищемъ несутъ громадныя мѣшки съ кофеемъ, рисомъ и тому подобнымъ. Бѣдность этого класса поразительна; трудъ его окупается чрезвычайно скупо, и не мудрено: рабство здѣсь уничтожено только очень недавно.

Перечень составныхъ частей Батавиі даетъ уже понятіе о томъ, какую пеструю картину должна представлять общая физіономія этаго города. Прибавьте къ этому еще индусовъ, арабовъ, мавровъ. Представьте себѣ чистыя, широкія улицы съ газовыми фонарями и старинныя дома тяжелой голландской архитектуры, въ перемежку съ легкими красивыми и глэджами на англійскій манеръ, съ террасами и верандами. Окружите все это фономъ вѣчно зеленыхъ пальмъ, банановъ и кокосовъ, выглядывающихъ почти изъ за каждаго дома, и вамъ не трудно

уже будетъ составить себѣ понятіе объ общемъ видѣ Батавіи. Лучше всего знакомиться съ Батавіею передъ закатомъ солнца, когда даже мѣстная аристократія рѣшается оставлять свои покои, и, пользуясь наступающею прохладю, дѣлать передобѣденный моціонъ. Къ сожалѣнію, эта прогулка продолжается очень недолго. Темная тропическая ночь вдругъ, почти безъ сумерекъ, накрываетъ городъ, и разгоняетъ гуляющихъ. По улицамъ загорается яркій гасъ, чрезвычайно эффектно освѣчивающійся на темнозеленомъ фонѣ тропической растительности, окружающей зданія, и въ водѣ многочисленныхъ каналовъ, изрѣзывающихъ Батавію во всѣхъ направленіяхъ. Ночью Батавія красивѣе, чѣмъ днемъ; не видно ни пыли, покрывающей зелень, ни грязножелтаго цвѣта воды въ мутныхъ каналахъ, а прохлада, которую особенно начинаешь цѣнить послѣ палачаго дневнаго зноя, разливаютъ по всему организму какое то особенное ощущеніе благосостоянія, такъ что все окружающее производитъ болѣе приятное впечатлѣніе, чѣмъ обыкновенно. Прибавьте къ этому, что наслаждаться тропическою ночью въ Батавіи приходится большею частію послѣ обѣда, а голландцы въ Батавіи, несмотря на географическое положеніе мѣстности, охотники покушать, и покормить на убой.

Однажды послѣ обѣда, я сидѣлъ съ однимъ моимъ знакомымъ, давнишнимъ жителемъ Батавіи, на террасѣ гостиницы. Мирно бесѣдовали мы, запивая элемъ ароматическій дымъ манильской черутты.

— Какъ бы убить (сегодняшній вечеръ? спросилъ я моего собесѣдника; что вы дѣлаете по вечерамъ въ Батавіи?

— Да что дѣлать то сегодня? Оперы, кажется, сегодня нѣтъ.

— Да и Богъ съ нею, съ вашею оперою... Мнѣ пришлось очень не по вкусу ваши французы. Вѣдь ихъ изъ Европы выгнала положительная невозможность пользоваться хотя какимъ нибудь успѣхомъ, даже на провинціальныхъ ярмаркахъ.

— Ну, для насъ и это всетаки лучше, чѣмъ ничего. А то давайте убьемъ вечеръ, какъ обыкновенно мы его убиваемъ здѣсь. Пойдемте въ клубъ Гармоніи или Конкордіи; можетъ быть, составимъ партію виста, а то поиграемъ на биліардѣ.

— Нѣтъ, уже за это благодарю! Это мнѣ и въ Петербургѣ пріѣлось. Дайте мнѣ чего нибудь мѣстнаго, чего нибудь не данного, не испытаннаго мною.

— Въ такомъ случаѣ поѣдѣте въ стойлы. Тамъ вы увидите дѣйствительно новое для васъ.

— Что это за стойлы? И что за мысль знакомиться съ батавскимъ скотоводствомъ ночью?

— А вотъ увидите! Эти стойлы такого рода, что ихъ посѣщаютъ не иначе, какъ ночью... Итакъ, поѣдѣте! Только предупреждаю: откиньте всякую мысль о брезгливости. Мы окунежса въ море вони и грязи.

Сказано, сдѣлано. Нѣсколько непонятныхъ мнѣ малайскихъ словъ, произнесенныхъ моимъ спутникомъ, по видимому, были отлично поняты малайцемъ извозчикомъ, съ особенною торопливостію отворившимъ намъ дверцы своей коляски.

Скоро миновали мы аристократическую часть города съ домами негоціантовъ и чиновниковъ, свернули въ вонючій китайскій кварталъ, и, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, очутились въ такой дальней и заброшенной части города, гдѣ даже малайцамъ не возбранено строиться. Проѣхавъ двѣ, три классически грязныя улицы, мы остановились у забора съ воротами, за которыми видѣнъ былъ небольшой дворъ. По срединѣ двора, у костра, сидѣло нѣсколько китайцевъ, съ чрезвычайнымъ азартомъ игравшихъ въ кости. Груда мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, лежавшихъ передъ игроками на землѣ, доказывали, что игра идетъ нешуточная. Играющіе курили свои уродливыя трубки, и потягивали какую то дрянъ изъ глиняныхъ кружекъ. Полюбовавшись нѣсколько времени на чрезвычайно оживленныя физіоміи игроковъ, такъ и впивавшихся глазами въ бросаемыя кости, мы пошли далѣе, и подошли къ дверямъ, у которыхъ съ насъ взяли по 2½ голландскихъ гульдена за входъ, и затѣмъ впустили въ длинный сарай безъ пола и потолка, тускло освѣщаемый двумя фонарями, висѣвшими подъ крышею на двухъ разныхъ концахъ зданія. Во всю длину сарая, направо и налево, тянулись ряды сплетенныхъ изъ тростника дверей.

— Ну, вотъ мы и въ стойлахъ, сказалъ мой спутникъ.

— Какихъ же животныхъ держать въ этихъ стойлахъ? спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ увидите, сказалъ онъ, и, вслѣдъ затѣмъ, проговорилъ что то старику малайцу, почтительно провожавшему насъ по сараю. Малаецъ скомандовалъ что то громкимъ голосомъ, и вдругъ почти всѣ тростниковыя двери отворились, и изъ каждой изъ нихъ вышла малайская женщина.

Всѣ эти женщины остановились каждая у своей двери, такъ что передъ мною были двѣ длинныя шеренги женщинъ, выравнившихся какъ во фронтѣ, и одѣтыхъ въ самый тропическій костюмъ, состоявшій изъ короткой, до колѣнъ, юбочки и перетянутого черезъ плечо куска пестрой бумажной ткани.

Я все еще не могъ догадаться для чего при этихъ стойлахъ столько женщинъ и къ чему здѣсь такая военная дрессировка ихъ. Мы пошли между двумя этими шеренгами, расплескивая грязь, обильно скопившуюся на немощенномъ полу. Мимоходомъ заглянуль я въ одну изъ неплотно притворенныхъ дверей, надеясь встрѣтить тамъ помѣщеніе для какого нибудь животнаго, но увидалъ, вмѣсто этого, тѣсную каморку съ кроватью, прикрытую лохмотьями, и едва теплящійся ночникъ на убогомъ плетеномъ столикѣ...

Оказалось, что женщины, находящіяся здѣсь, держатся не для присмотра за скотомъ, помѣщаемымъ въ стойлахъ, а сами живутъ въ нихъ, и въ настоящее время выполняли, по командѣ, изъ своихъ каморокъ для обычнаго своего дѣла: показывать свои прелести вновь прибывшимъ посѣтителемъ...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ слѣдующее:

Голландское правительство въ Батавіи всѣми мѣрами старается поддерживать въ туземцахъ самое высокое понятіе объ европейцахъ. Бѣлый въ Батавіи долженъ быть непременно бариномъ; ему запрещенъ закономъ всякій трудъ, считающійся почему нибудь унижительнымъ; запрещено даже занимать должность слуги у частной личности, какъ бы высоко она ни была поставлена по своему значенію и богатству. Ниже прикащика или комиссіонера европеецъ не имѣетъ права спуститься въ общественной іерархіи Батавіи. Мало этого; европеецъ въ Батавіи не можетъ быть даже подвергнутъ никакому позорному наказанію. Въ случаѣ совершенія имъ преступленія, его вывозятъ, для суда и исполненія приговора, въ Голландію. Законы эти распространяются одинаково на оба пола, и, само собою разумѣется, ремесло женщины, торгующей своею красотой, какъ самое позорное, строже другихъ запрещено для блага племени. Цѣломудренное голландское правительство подозрительно смотритъ даже на всякое, сколько нибудь двусмысленное, поведеніе бѣлой женщины. Высылки женщинъ европейскаго происхожденія изъ колоній за невиннѣ приличный образъ жизни случались не разъ, и до сихъ поръ случаются.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, голландское правительство сочло всетаки необходимымъ хотя какъ нибудь организовать протитуцію, и вотъ описанныя мною стойлы и служатъ приютомъ для туземныхъ «погибшихъ, но милыхъ созданий.» Нужно прибавить къ этому, что организація этой части въ Батавии самая скверная. Медицинополицейскаго надзора почти нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ на столько недостаточенъ, что самыя отвратительныя болѣзни свирѣпствуютъ сплошь и рядомъ.

Я прошелся, взадъ и впередъ, вдоль по сараю, заглядывая въ нѣсколько стойлъ и убѣдился, что вездѣ одна и та же обстановка. Полное равенство господствуетъ въ этой помойной ямѣ... Двѣ или три двери оказались запертыми.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Заняты, былъ лаконическій отвѣтъ.

Я началъ вглядываться въ женщинъ. Почти всѣ онѣ были чрезвычайно молоды, на мой взглядъ, такъ отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ отъ рода, и большею частію очень недурны собою. Огромное большинство ихъ принадлежало къ чистому малайскому племени: то были коренныя яванки. Было нѣсколько субъектовъ съ большею или меньшею примѣсью бѣлой крови. Одна женщина даже кинулась мнѣ въ глаза своимъ совершенно европейскимъ типомъ и чрезвычайно высокимъ для малайки ростомъ. Я пробовалъ обращаться къ ней съ вопросами на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но она не понимала ни одного изъ нихъ.

Между тѣмъ удушливый запахъ кокосоваго масла, преобладавшій въ сараѣ, скоро заставилъ насъ почувствовать самую настоятельную потребность въ чистомъ воздухѣ. Мы вышли, и сѣли въ коляску, ожидавшую насъ. Группа игравшихъ у костра китайцевъ увеличилась болѣе прежняго, и игра, повидимому, сдѣлалась азартнѣе...

Вотъ вамъ и мѣстный игорный домъ на открытомъ воздухѣ... Зачѣмъ онъ помѣстился именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ? Быть можетъ, для того, что бы, вопреки пословицѣ, счастливые въ игрѣ имѣли подъ рукою возможность наслаждаться и счастьемъ въ любви. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ, потому что одинъ изъ китайцевъ, выигравшій большой кунгъ, всталъ, и, несмотря на крики и ругательства своихъ партнеровъ, исчезъ за дверями, ведущими въ стойлы...

Больше смотрѣть было не на что, и мы тронулись въ путь. Пара дюжихъ лошадей едва вытаскивала нашу коляску изъ липкой грязи немощенныхъ улицъ этой заброшенной части города. Мало по малу, мы выбрались въ болѣе чистыя улицы. Былъ уже первый часъ ночи, и нигдѣ не видно было ни души. Вся Батавія спала глубокимъ сномъ.

В. В—овъ.

С.-Петербургъ,
1868 года.

О РАСКЛАДКЪ

ДЕНЕЖНЫХЪ ПОВИННОСТЕЙ МЕЖДУ СЕЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНИЕМЪ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что, для удовлетворенiя государственныхъ и земскихъ повинностей, самымъ простымъ способомъ представляется прямое обложенiе податями сельскаго населенiя по дворамъ, или по дымамъ. Подушная система исчисленiя податей представляетъ уже нѣкоторое вниманiе въ подробности положенiя платящихъ подати, и, при незначительности сборовъ съ сельскихъ обывателей, система эта могла показаться удовлетворительною. Дѣйствительно, въ продолженiе многихъ лѣтъ, она до такой степени вкоренилась въ умахъ, какъ самыхъ плательщиковъ, такъ и администраторовъ нашихъ, что на сходкахъ для раскладки податей и не задумываются о приисканiи другаго болѣе удобнаго способа. Исключенiя бываютъ очень рѣдки, и то развѣ подъ руководствомъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ; сами же крестьяне другаго исхода не находятъ. Система эта кажется совершенно доступною, а если кому и приходится тяжело отъ такого распредѣленiя податей, то онъ того убѣжденiя, что иначе и быть не можетъ. Накопляется на немъ недоимка: от-

бирають послѣдній скотъ у него, для пополненія ея, и на слѣдующій годъ, по мірскому приговору, его самого отдадутъ въ заработки, а онъ, какъ и другіе, все свалитъ только на горькую долю бѣдника. Администраторы знаютъ только, что такъ заведено, что на то законная воля общины съ своею татарскою круговою порукою, что всетаки пользованіе земельными угодіями соотвѣтствуетъ взиманію податей, и наконецъ, что такой способъ удобнѣе и для надзирающихъ.

Подати же, отъ присоединенія оброчной платы, или выкупной за землю, — которая, въ сущности, составляетъ полувѣсковый налогъ въ пользу прежнихъ господъ, — увеличились больше чѣмъ вдвое, противъ прежнихъ. Несмотря на это, всетаки держатся душевой системы сбора податей. Общинное владѣніе при душевомъ надѣлѣ, или при дворовомъ у колонистовъ, еще не скоро замѣнится другимъ; окладные листы долго еще будутъ составляться по государственной росписи, по стольку то съ души, и пока сельское народонаселеніе, перешедшее изъ разныхъ вѣдомствъ, сформируется въ однородную массу, невозможно придержаться другаго способа распредѣленія податей. Даже, можно сказать, и иной способъ, которымъ уравнильнѣе были бы расчитаны подати по деревнямъ, или по губерніямъ, имѣли бы весьма мало вліянія на общее благосостояніе ихъ, потому что все равно: причтется ли съ души 10 руб., или 10 руб. 10 коп. обыватель бѣдной среды бѣдствуетъ и разоряется отъ 40 руб. недонки; такъ же, какъ и отъ 45 р.; онъ знаетъ только, что нѣтъ ему исхода, что онъ такъ поставленъ, и что, при всемъ стараніи, нельзя ему сдѣлаться исправнымъ плательщикомъ. Этимъ значительно объясняются въ характерѣ народа и праздность, и пьянство. Съ увеличеніемъ же государственныхъ потребностей, душевая раскладка налоговъ все болѣе и болѣе разоряетъ крестьянство. Число несостоятельныхъ противъ казны, въ особенности между крестьянами, прежде состоявшими во власти помѣщиковъ, которые и отвѣчали за ихъ подати, увеличивается съ каждымъ годомъ, точно такъ же, какъ и число несостоятельныхъ къ міру, а еще болѣе размножается число несостоятельныхъ содержателей и воспитателей молодого поколѣнія, изъ которыхъ только и можно ожидать будущихъ бобылей.

Не имѣя намѣренія раскрывать всѣ болячки и распространяться о всѣхъ извѣстныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ народа,

считаю только необходимымъ изложить мнѣніе о болѣе правильномъ и удовлетворительномъ способѣ раскладки сельскими обществами податей, исчисленныхъ въ окладныхъ листахъ казенными палатами на дѣйствующемъ законномъ порядкѣ. Считаю второстепеннымъ вопросомъ говорить о размѣрѣ общей суммы податей, числящихся на цѣломъ обществѣ, т. е. объ уравненіи податей между деревнями одной губерніи, или даже распространяющихся на все государство, на томъ соображеніи, что всякое общество, живя въ какой бы то ни было мѣстности, извлекаетъ изъ того или другаго источника свои доходы или заработки. Даже бѣлорусскія губерніи даютъ жителямъ въ обыкновенные годы свое скудное пропитаніе и заработки. Быть можетъ, при предоставленіи имъ возможности перехода изъ одной мѣстности въ другую, болѣе благопріятную, переливомъ народо—населенія, остающимся становится просторнѣе и вольнѣе; переселяющимся же въ малолюдныя страны отрываются новыя приращенія дѣятельности, и тогда на каждомъ мѣстѣ останется именно столько народа, сколько тамъ можетъ безбѣдственно существовать. Не въ примѣръ важнѣе слѣдить за тѣми обстоятельствами, которыми обуславливается справедливое и чрезъ это необременительное участіе каждаго двора во вносѣ податей.

Отвѣтственнымъ плательщикомъ считается домохозяинъ, какъ глава семейства и отвѣтчикъ за всѣхъ членовъ его, тѣломъ, варманомъ и пожитками; онъ же получаетъ и земельный надѣлъ. Слѣдовательно, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ обязанности плательщика, и, съ другой стороны, является полнымъ распорядителемъ своего семейства.

Признавая за нимъ три источника дохода: землю, рабочикъ и скотоводство, разберемъ каждый источникъ порознь.

1) Земля находится въ прямомъ его пользованіи подъ полями, лугами; въ общинномъ же, для пастбища скота, находятся выгонъ, поля и луга въ извѣстное время года. Пользуясь посѣвами и травой, соотвѣтственно числу душъ, состоящихъ въ его семействѣ, совершенно справедливо онъ долженъ быть привлеченъ и къ уплатѣ извѣстной доли податей, соотвѣтственно числу душъ.

2) Но какъ пользованіе пастбищемъ на всѣхъ угодіяхъ зависитъ отъ числа скота, имѣющагося у каждаго домохозяина, то справедливость требуетъ уплаты другой доли податей по

числу имѣющагося у каждаго семейства скота. Если даже крестьянинъ занимается посѣвами на наемной землѣ, то скотъ почти вездѣ находится при немъ на его глазахъ. Кромѣ того, въ скотоводствѣ почти повсемѣстно выражается степень благосостоянія крестьянина. Сельскіе промыслы и заведенія также отражаются на численности скота, и въ ней же выражается его трудъ въ сборѣ произведеній съ полей и луговъ.

3) Еще болѣе рабочая сила выражается въ числѣ находящих-ся въ распоряженіи домохозяина рабочихъ силъ, чѣмъ бы онѣ ни были заняты, все равно, женскія, или мужскія. Этотъ источникъ равносильнъ съ прежними двумя, почему и долженъ каждый домохозяинъ нести извѣстную долю податей, сообразно своему рабочему капиталу, т. е. числу рабочихъ въ его семействѣ.

Сельскіе промыслы сюда вовсе не слѣдуетъ относить, потому что всякаго рода промышленность и торговля, сопряженная съ денежными затратами, обложены пошлинами за право торговли и промысловъ; кромѣ того, земство въ особенности имѣетъ стремленіе покрывать, главнымъ образомъ, свои надобности налогами, сообразно съ взимаемыми пошлинами въ казну. Земству слѣдовало бы также обратить вниманіе на пчеловодство, садоводство, посѣвы и скотоводство на сѣмной землѣ, и т. д.

Итакъ мы имѣемъ, съ одной стороны, окладный листъ податей, а съ другой домохозяина съ его средствами трехъ родовъ: 1) посѣвами и сѣнокошеніемъ, 2) скотомъ и 3) рабочими. А мірскій сходъ *), которому предоставлено разверстать пода-

*) Во всякомъ важномъ и ничтожномъ обстоятельствѣ нашъ крестьянинъ привыкъ повиноваться начальству: что укажетъ, то и исполнять; въ самомъ существенномъ и роковомъ дѣлѣ, все предоставляется обществу съ противорѣчавшими въ немъ стремленіями бѣднаго съ богатымъ, дряхлаго съ брѣжкимъ всякій же готовъ свою шкуру сберечь на чемъ свѣтъ стоитъ, а съ начала вѣка, въ глазахъ общинниковъ, другой раскладки, кромѣ какъ по душамъ, нѣтъ, и въ концѣ всѣ споры этимъ кончаются. Чувствуютъ иногда и богатые, что тутъ что то неладно, но что же дѣлать, если и богатому, и бѣдному ничего другаго не представляется! А если иной бѣдный, понимая, и выскажется, такъ на него же всѣ накиннутся, и онъ замолчитъ, хотя совершенно увѣренъ въ правотѣ своей безвинной бѣдности, и что онъ страдалецъ и жертва, а помочь горю всетаки общество не въ силахъ.

ти, самъ не понимающій своего дѣла, оставленъ безъ всякаго руководства. Какъ при раскладѣ податей необходимо имѣть въ виду простоту и общедоступность самаго способа раскладки, и какъ основаніемъ можетъ служить одинаковая важность всѣхъ трехъ источниковъ то я предполагалъ бы, взявъ въ образецъ черноземный, преимущественно земледѣльческій, край, вмѣнить обществу въ обязанность раздѣлить всѣ денежные повинности, значущія въ окладножъ листѣ, а также и другіе сборы, прежде всего на три равныя части, и каждую часть распредѣлить слѣдующимъ порядкомъ:

Одна треть разложится приговоромъ между всѣми домохозяевами, смотря по способу надѣла или владѣнія земли, и составить *поземельный оброкъ*. Тутъ не можетъ быть никакого затрудненія, потому что въ каждой сельской расправѣ имѣются о томъ свѣдѣнія, и каждый крестьянинъ будетъ помнить сколько ему нужно платить за каждую половину.

Для раскладки второй трети, мірскій сходъ можетъ составлять списки количеству скота у каждого домохозяина, по показаніямъ пастуховъ, считая 5 овецъ или свиней или 2 телатъ и жеребятъ за одну крупную скотину, не различая, разумѣется, лошадей отъ коровъ. Вывода общее число скота въ деревнѣ, обществу предоставляется обложить каждого домохозяина соразмѣрно этому числу; это составитъ *исколотный оброкъ*.

Для распредѣленія послѣдней трети требуется только выписка изъ ревизскихъ сказокъ числа рабочихъ, считая таими женскаго пола съ 16 по 41 годъ и мужскаго съ 16 по 51 годъ, что составитъ *рабочій оброкъ*.

Разумѣется, общество должно исключать изъ списка рабочихъ: слабыхъ, больныхъ, увѣчныхъ или сданныхъ въ рекруты, или отданныхъ замужъ, и наконецъ умершихъ, дѣлая это каждое полугодіе. Женщины должны быть непременно включены въ число рабочихъ, какъ почти равносильная производительная сила съ мужскою, что подниметь ихъ въ собственномъ ихъ мнѣніи, и еще болѣе будетъ содѣйствовать уравниенію правъ обоихъ половъ.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ которыхъ преобладаетъ коннозаводство, слѣдуетъ вмѣнить обществу половину всѣхъ сборовъ по числу скота, какъ посекотный оброкъ, а по $\frac{1}{4}$ части считать поземельный оброкъ и рабочій оброкъ; въ среднихъ же, пре-

имущественно промышленныхъ, губерніяхъ, половинную часть всѣхъ сборовъ и податей общество обязано было бы разложить на рабочихъ, а по $\frac{1}{4}$ части на поземельный и поскотный оброки.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, для населенія горныхъ заводовъ, башкиръ и т. д., можетъ быть допущено другое распредѣленіе, или учетъ, между тремя этими источниками. Тамъ слѣдовало бы требовать отъ обществъ раскладку всѣхъ сборовъ пополамъ, на рабочій и поскотный оброки.

Въ повинности людьми, наше рекрутство утратило свой тягостный характеръ; уничтожены откупа всякаго рода и рабство; доживемъ и до того, что всѣ денежные повинности также устроятся правильнѣе, и во дуть въ плзнь русскую, безъ всякихъ потрясеній и нарушенія порядка.

Предлагая свое мнѣніе на усмотрѣніе мыслящихъ людей, забочащихся о благѣ народа и призванныхъ правительствомъ къ охраненію его интересовъ, я не претендую на новостъ, но думаю, что оно можетъ значительно послужить къ уясненію давно возбужденнаго вопроса; принявъ же безотлагательно эту систему главнымъ основаніемъ при раскладкѣ, простыми приемами достигнотоя почти все, и со временемъ можно будетъ ввести одно улучшение за другимъ.

Слѣдующею таблицею объясняется примѣненіе предложеннаго мною способа сельскому сходу для раскладки податей. Приэтомъ не нужно забывать, что, изъ за 10 руб. недоимки, въ первомъ году отбирають у крестьянина скотъ, во второмъ отдають его въ заработки, а далѣе отнимають постройки и землю, въ слѣдствіе чего голодающіе бобыли могутъ появиться въ страшномъ множествѣ.

По овладному листу казенной палаты значится въ деревнѣ 150 душъ ревизскихъ мужскаго пола, и причитается податей и разныхъ сборовъ всего 1,525 руб. Содержится въ деревне душъ обоого пола 350, состоитъ рабочихъ обоого пола 125, имѣется головъскота съ мелкими, по переводу на крупный, 400. Итого приходится:

Поземельнаго сбора всего	525 р.,	на единицу податную	$3\frac{1}{2}$ р.
Рабочаго	«	«	500 «
	«	«	4 «
Поскотнаго	«	«	500 «
	«	«	$1\frac{1}{4}$ «

№ по порядку.	Число душъ ревизс. муж. или женщ.	Общее число налч. душъ обоого пола.	Рабочихъ обоого пола.	Головъ скота.	Ревизская подать и сборовъ.	ОБРОКИ ПО РАСКЛАДѢ.					Прибавится + убавится —
						Поземельный.	Рабочий.	Поселочный.	Всего.	Рубля мн.	
1	4	9	4	10	40	14	16	12 ¹ / ₂	42 ¹ / ₂	+ 2 ¹ / ₂	
2	1	4	3	13	10	3 ¹ / ₂	12	16 ¹ / ₄	31 ³ / ₄	+ 21 ³ / ₄	
3	4	10	2	3	40	14	8	3 ³ / ₄	25 ³ / ₄	— 14 ¹ / ₄	
4	5	11	3	5	50	17 ¹ / ₂	12	6 ¹ / ₄	35 ³ / ₄	— 14 ¹ / ₄	
5	2	6	3	12	20	7	12	15	34	+ 14	
6	3	5	1	6	30	10 ¹ / ₂	4	7 ¹ / ₂	22	— 8	
7	и	т.	д.								
Итого 30 дворов.	150	350	125	400	1525	525	500	500	1525	+ 300 — 300	

Эрнестъ фонъ Траутбеттеръ.

ХИВА И БУХАРА.

(По Вамбери.)

Караванное путешествіе венгерскаго филолога Вамбери, по туркменской степени въ Хиву, принадлежит къ замѣчательнымъ подвигамъ на пути расширенія нашихъ географическихъ свѣдѣній. «Сорокъ станцій» по туркменской степи подвергаютъ путешественника болѣе серьезнымъ опасностямъ и трудностямъ, чѣмъ «сорокъ арабскихъ станцій», которыя приходится сдѣлать каравану пилигримовъ изъ Дамаска въ Мекку. Они ежедневно встрѣчаютъ свѣжія цистерны, наполненныя водою; ихъ ждетъ хлѣбъ, всякая пища и тѣнистыя мѣста отдохновенія. Въ туркменской степи нѣтъ цистернъ; надо брать съ собою мѣхи съ водою, а путникъ подвергается постоянной опасности погибнуть отъ жажды, быть засыпаннымъ пескомъ, лишиться всего своего имущества, или умереть отъ руки убійцы. Въ видѣ утѣшенія и развлеченія, передъ глазами его постоянно рисуются города, башни и замки. Спутники Вамбери относились къ этимъ явленіямъ оптическаго обмана съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ. Они видѣли въ нихъ тѣни нѣкогда бывшихъ и теперь исчезнувшихъ городовъ и народовъ; предводитель каравана утверждалъ, и въ его словахъ нѣтъ ничего невѣроятнаго,— что онъ постоянно видитъ одни и тѣ же видѣнія на однихъ и тѣхъ же мѣ-

стахъ. «Если бы караванъ, прибавляя оныя набожно, погибъ въ степи, то тѣла путешественниковъ долгіе годы носились бы надъ мѣстомъ катастрофы.» Если бы этотъ человекъ получилъ классическое образованіе, то оныя утѣшился бы на случай такого печальнаго событія гораціевскимъ: «*non omnis moriatur.*»

Хивинскій ханъ ведетъ далеко не завидную жизнь, и какойнибудь парижскій топтатель мостовой едва ли промѣнялъ бы свою, полную приключеній, уличную жизнь на среднеазиатское однообразіе и величіе. Въ крѣпости, за двойными стѣнами и за двойнымъ карауломъ, находится зданіе, соперничающее, по удобству, съ открытымъ сараемъ: тамъ проводятъ министры хана часы своихъ служебныхъ занятій. Дворецъ хана хивинскаго просто мазанка, какъ всякая другая мазанка, неосвѣщенная окнами, но украшенная коврами, софами, подушками и ящичкамъ, великолѣпнѣе другихъ туркменскихъ жилищъ. Ханъ носитъ такую же тяжелую баранью шапку, такія же неуклюжіе сапоги, набитые холстинными лоскутками, потѣтъ подъ такими же ватными бумажными или шерстяными одеждами, какъ и всѣ его подданные. Только огромная толпа слугъ показываетъ, что ему живется лучше, чѣмъ другимъ. Главное призваніе его — внушать страхъ, исключаящій всякую любовь, даже со стороны близкихъ родственниковъ, жены* и дѣтей; оныя не безопасены отъ яда и кинжала. Кромя того, оныя должны быть образцомъ мохамеданской добродѣтели; малѣйшее уклоненіе отъ того, что считается добродѣтельнымъ, вызываетъ ждніе пересуды подданныхъ. Добродѣтелию же считается преимущественно, что бы не сказать исключительно, предписанное закономъ посѣщеніе мечети. До солнечнаго восхода ханъ уже долженъ вставать на утреннюю молитву, продолжающуюся болѣе получаса; потомъ, за чаемъ, муллы ведутъ богословскія прѣнія; во время котораго хану можно немного подремать. Часа черезъ два, три, начинаются аудіенціи и занятія государственными дѣлами. Потомъ начинается собственно завтракъ изъ «легкихъ» кушаньевъ, для сваренія которыхъ нуженъ, по европейскимъ понятіямъ, желудокъ добраго поденщика. Для успокоенія читателей замѣтимъ, что туркменцы перевариваютъ его отлично. Потомъ ханъ играетъ въ шахматы до самой полуденной молитвы, продолжающейся часъ. Послѣ того, ханъ садится на террасу и принимаетъ своихъ подданныхъ всякаго возраста, званія и пола, выслушиваетъ ихъ жалобы, и чинитъ надъ ними судъ

и расправу. Произнеся нѣсколько смертныхъ приговоровъ, или разобравъ тяжбы, цѣнностію въ булку, или помиривъ какихъ нибудь ссорящихся супруговъ, онъ, для отдохновенія, отправляется на послѣполуденную молитву. По окончаніи ея, ханъ, для возбужденія аппетита, катается верхомъ, потомъ прочитываетъ вечернюю молитву, и послѣ нея садится за роскошный, по туркменскимъ понятіямъ, ужинъ, во время котораго являются пѣвцы, музыканты и фокусники. Черезъ два часа послѣ захожденія солнца, ханъ отправляется въ гаремъ, и занавѣсъ падаетъ для всѣхъ зрителей. Вообще, хивинскій дворъ славится своею нравственностію среди всѣхъ восточныхъ дворовъ. Настоящій ханъ довольствуется половиною дозволенныхъ кораномъ женъ, именно только двумя, и тѣ, по обычаю, должны избираться изъ царскаго семейства. Эти госпожи могутъ быть спокойны, что ханъ не измѣнитъ супружеской вѣрности: прочее населеніе гарема состоитъ изъ персидскихъ рабынь, далеко уступающихъ въ красотѣ узбекскимъ женщинамъ, даже нецарскаго рода. По наивному патриархальному обычаю, ханъ употребляетъ только тѣ одежды, ковры и матеріи, которыя супруги его вполне или отчасти, сами изготовили. У хивинскихъ узбековъ браки обыкновенно заключаются по любви, хотя повидимому и устраиваются родителями. Несмотря на то, они все еще довольно дороги, потому что хиванцы, при исчисленіи калыма, имѣютъ странное обыкновеніе помножать на девять. У жениха, какъ у покупщика, спрашиваютъ: «сколько разъ девять?» т. е. сколько разъ дастъ онъ: девять овецъ, девять коровъ, девять верблюдовъ, девять лошадей или девять дукатовъ отцу невесты, и каждый, даже самый бѣдный, долженъ отвѣчать по крайней мѣрѣ: дважды девять. Впрочемъ все имѣетъ границу; въ Хивѣ свадебная таблица умноженія оканчивается 9×9 , такъ какъ не болѣе того платитъ ханъ за своихъ женъ. Кромѣ этого умноженія, выгоднаго для отца, женихъ долженъ озаботиться о нарядѣ невесты, а это стоитъ не мало, такъ какъ украшенія требуются повсюду, даже для ноздрей.

Хлѣбъ считается лакомствомъ въ Хивѣ. Мясо они называютъ, подобно англичанамъ, «опорою жизни». Самымъ вкуснымъ мясомъ считается баранье, потомъ козлятина, говядина, лошадиное, и наконецъ верблюжье. Изъ лошадиныхъ внутренностей выдѣлываютъ колбасу, считаемую лакомствомъ. Сообща-

емъ рецептъ любимаго хивинскаго блюда «палау», которое Вамбери ставитъ несравненно выше знаменитаго пиллау персовъ и пиллафа турокъ. Вотъ этотъ рецептъ: въ кострею распускаютъ нѣсколько ложекъ жира (въ Средней Азіи обыкновенно курдючное сало), и, пока онъ горячъ, бросаютъ въ него небольшія кусочки мяса; когда сало до половины изжарится, въ кострею наливаютъ на 3 пальца воды, и кипятятъ ее пока мясо не размякнетъ. Потомъ его посыпаютъ перцомъ и мелко изрубленною рѣпою, а сверху кладутъ рисъ, очищенный отъ его слизистыхъ частицъ. На рисъ наливаютъ еще немного воды, и когда онъ вберетъ ее въ себя, то огонь подъ крѣпко закрытою кострею уменьшаютъ, и держатъ ее на горячихъ угольяхъ, пока рисъ, мясо и рѣпа не размячатся достаточно въ своемъ собственномъ парѣ. Черезъ полчаса крыша съ костреи снимается, и кушанье выкладывается на блюда, такими же слоями, какими лежало и въ кострею. Въ самомъ низу находится рисъ, плавающий въ жирѣ, потомъ рѣпа и наконецъ мясо, которое и ѣдятъ прежде всего. Употребительнѣйшіе напитки у горожанъ—чай, у пастуховъ гумысь, или перебродившее молоко кобылъ. Кофей совершенно неизвѣстенъ, также какъ и въ Персіи, гдѣ его пьютъ только въ провинціяхъ Фарсъ и Иракъ.

Одинъ изъ благочестивыхъ спутниковъ Вамбери, желавшій посѣтить своихъ родственниковъ въ Кунградѣ, уговорилъ Вамбери отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ. Кто хочетъ изъ Хивы ѣхать водою въ Кунградъ, окольнымъ продолжительнымъ путемъ, чрезъ Хезаресль, тотъ долженъ отправиться по каналу, а потомъ по Аму-Дарьѣ, но большинство предпочитаетъ прямую дорогу, по хорошо обработанной и густо населенной странѣ въ Яни-Ургеджъ, большой промышленный городъ Хивинскаго ханства, откуда недалеко до Аму-Дарьи. Путешествіе отъ туда до Кунграда, т. е. почти до впаденія Аму-Дарьи въ Аральское море, продолжается пять дней. Солнце сильно жгло путешественниковъ. На суднѣ устроили палатку, въ которой гребцы сидѣли поочередно, вмѣстѣ съ пассажирами, и воздухъ которой они заражали нестерпимою вонью, такъ что путешественникамъ приходилось выбирать между туранскимъ зноемъ и туранскимъ зловоніемъ. Къ немалому удивленію, нашъ путешественникъ замѣтилъ на берегу рѣки большіе гѣса. Потому появились горы съ роскошною растительностію, развалины ста-

рыхъ замковъ, на уступахъ скалъ, и наконецъ гора Шейхъ-Джели, сквозь которую Аму-Дарья пробила себѣ дорогу «нѣсколько уже дунайскихъ желѣзныхъ воротъ». Налѣво гора оканчивается крутымъ обрывомъ, а направо спускается въ видѣ террасы. Пройдя гору, рѣка снова течетъ по равнинѣ. Около Кипчака вновь начинаются лѣса, которые на правомъ берегу тянутся до Кунграда, и простираются въ глубину страны часовъ на восемь, девять вѣдъ. На третій день пути, при Ходжей ли, рѣка съ «страшнымъ ревомъ» падаетъ съ трехъфутовой высоты. Этотъ порогъ для Хивинскаго ханства и для Бухарскаго эмирства важнѣе самой сильной крѣпости: не будь онъ, русскіе пароходы давно проникли бы съ Аральскаго моря въ глубь Туркестана. Правда, новѣйшее мореходное искусство съ умѣньемъ справиться съ этимъ препятствіемъ, и если русскіе серьезно примутся за дѣло, то они откроютъ для своихъ пароходовъ путь, или взорвавъ порогъ, или прорывъ обходный каналъ съ шлюзами. Вверхъ Аму-Дарья судоходенъ, по замѣчанію Вамбери, только до Керки, лежащаго на югъ отъ столицы Бухары. Выше Керки ходятъ только паромы, сплавляющіе лѣсъ изъ лѣсистаго Бадахшана въ безлѣсныхъ степи средняго теченія рѣки. Вамбери считаетъ Аму-Дарью неудобною для парокходства, какъ въ слѣдствіе пороговъ и быстринь, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что она безпрестанно мѣняетъ свое русло, и откладываетъ новыя отмели. Впрочемъ американцы преодолѣли на многихъ своихъ рѣкахъ, какъ напр. на Красной, гораздо большія затрудненія, а что сдѣлали американскіе пароходы, то могутъ сдѣлать и русскіе. Недостатокъ горючаго матеріала кажется самымъ важнымъ препятствіемъ для плаванія по Аму-Дарьѣ: пароходъ, который долженъ вести съ собою весь свой запасъ топлива, не уйдетъ далеко по этой быстрой рѣкѣ *).

Одно насъ удивило въ книгѣ г. Вамбери: какъ можетъ онъ придавать какое бы то ни было значеніе предположенію сэра Генри Раулинсона о томъ, что Аральское море не существовало въ древности? Какъ извѣстно, по мнѣнію греческихъ и римскихъ географовъ, Оксусъ (Аму-Дарья) и Яксартесъ (Сыр-

*) Въ 1859 году флигель-адъютантъ А. И. Бутаковъ (нынѣ контръ-адмиралъ) поднимался на пароходѣ по части Аму-Дарьи.

Дарья) вливаются не въ Аральское, а въ Каспійское море. Но о прикаспійскихъ странахъ древніе имѣли самыя смутныя понятія, и, что всего удивительнѣе, большая часть заблужденій ихъ въ этомъ отношеніи распространилась, по замѣчанію А. Гумбольдта, послѣ походовъ Александра Македонскаго на Востокъ. Геродотъ еще зналъ, что Каспійское море закрытое, но, послѣ македонскихъ войнъ, утвердилось мнѣніе, что это море—заливъ азіатскаго Ледовитаго океана. Смѣлость выдумки доходила до разсказовъ, что будто корабли, послѣ непродолжительнаго плаванія изъ Индіи, вдоль восточнаго берега Азіи, начинавшагося сряду за Гангомъ, вѣзжали въ этотъ заливъ. Послѣ этого, какую же цѣну можемъ мы придавать свѣдѣніямъ древнихъ, если они такъ дурно знали тамошнюю мѣстность? Точно такъ же нельзя утверждать, что и въ четырнадцатомъ вѣкѣ по Р. Х. Аральскаго моря не существовало, потому что Бальдучи Пеголетти не упоминаетъ о немъ. Бальдучи, прикащикъ флорентинскаго торговаго дома Барди, жилъ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія въ Сиріи, на Кипрѣ и въ Малой Арменіи. Ни чѣмъ нельзя доказать, что бы онъ доѣзжалъ даже до Дона. Эготъ флорентинецъ оставилъ намъ описаніе пути, по которому въ его время караваны ходили отъ Дона, вокругъ Каспійскаго моря, до Пекина. Но описаніе это занимаетъ всего двадцать четыре строчки, и содержитъ въ себѣ не больше двѣнадцати названій мѣстъ, гдѣ остапавливаются караваны. Бальдучи не упоминаетъ объ Аральскомъ морѣ, какъ не упоминаетъ многого другаго, между прочимъ, китайской великой стѣны, описанія которой мы не находимъ и у Марко-Поло. Сообщаемъ это мѣсто изъ его сочиненія; оно такъ коротко, что мы можемъ привести его цѣликомъ. «Отъ Сараканка (при Каспійскомъ морѣ) до Старо-Ургенджа (Органси) считается двадцать верблюжьихъ переходовъ. Кто везетъ съ собою товары, тому лучше идти черезъ Ургенджъ, гдѣ онъ найдетъ имъ легкій сбытъ. Отъ Ургенджа до Отрара (Олтраре) считаютъ отъ тридцати пяти до сорока переходовъ на верблюдахъ и въ экипажахъ. Но кто отпраляется изъ Сараканка прямо въ Отраръ, тотъ сдѣлаетъ этотъ путь въ пятьдесятъ переходовъ, такъ что безъ товаровъ лучше не заходить въ Ургенджъ». Бальдучи писалъ руководство для купцовъ, а не географію; отъ того онъ и не упоминаетъ объ Аральскомъ морѣ, какъ не упоминаетъ и о Каспійскомъ морѣ, объ Оксусѣ и

объ Яксартесѣ. Потому намъ въ высшей степени неосновательно дѣлать какіе либо выводы изъ его умолчанія.

Кромѣ того, мы находимъ много извѣстій объ Аральскомъ морѣ у арабскихъ географовъ, называвшихъ его Джорджаускимъ озеромъ за четыре столѣтія до Бальдучи. И наконецъ, долго ли еще придется доказывать, что древніе имѣли понятіе объ Аральскомъ морѣ? Мы сошлемся не на Геродота и Страбона, имѣвшихъ, по словамъ Гумбольдта, весьма смутное представленіе объ Аралѣ (Centralasien I. стр. 514), а на Амміана Марцеллина, у котораго находимъ весьма точныя свѣдѣнія о Туркестанѣ, и даже отчасти о Китаѣ. У него прямо сказано: «Сырѣ-Дарья образуетъ обширное озеро, заимствовавшее отъ нея свое названіе». *«Amnis Agias faciens lacum ingentem eodem vocabulo dictitatum»*. Слѣдовательно, онъ звалъ Яксартесъ и Аральское море даже подъ ихъ нынѣшними именами. Относительно Оксуса еще можно предположить, что эта рѣка когда нибудь вливалась въ Каспійское море, но относительно Сырѣ-Дарьи подобное предположеніе будетъ чистою нелѣпностію: между Аральскимъ и Каспійскимъ морями лежитъ возвышенность Усть-Юртъ, на которую должна бы подняться рѣка, что бы дойти до Каспія. Равнымъ образомъ, нельзя допустить, что Сырѣ-Дарья проходила черезъ Аральское море и нынѣшнее устье Оксуса, и, въ соединеніи съ этою рѣкою, вливалась въ Каспійское море: ей и тогда пришлось бы течь въ гору, такъ какъ, при впаденіи своемъ, Аму-Дарья, по описанію Вамбери, проходитъ по весьма возвышенной мѣстности. Если существовалъ Яксартесъ, то должно было существовать и Аральское озеро, которое составляетъ лишь источникъ водъ Оксуса и Яксартеса. Если и дѣйствительно Оксусъ когда нибудь вливался въ Каспійское море, то всетаки Аральское озеро должно было существовать, хотя въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ теперь.

Правда ли, что Оксусъ когда нибудь вливался въ Каспійское море, или что онъ (по мнѣнію Гумбольдта, это возможно) образовывалъ два рукава, изъ которыхъ одинъ текъ въ Каспійское, другой въ Аральское море,—этого въ настоящее время нельзя рѣшить. По дорогѣ въ Хиву, г. Вамбери попалъ около Каспійскаго моря высохшее русло рѣки, и проводники каравана объясняли, что это ирженее русло Оксуса. Никто никогда не слѣдилъ въ пустынѣ за этимъ русломъ, а увѣренія азіатцевъ

имѣютъ мало значенія для географа. Можетъ быть, это загадочное русло и въ древнія времена наводило жителей каспійскаго побережія на ложную мысль, что вѣроятно Аму-Дарья когда нибудь протекала тамъ: иначе они не умѣли объяснить себѣ этого явленія.

Самый городъ Кунградъ представляется на видъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ южныя города Хивы, и не вознаграждаетъ за труды путешествія. Обратнo Вамбери отправился сухимъ путемъ, и посѣтилъ Кене-Ургенджъ, древній Ургенджъ, или Органси, такъ называемый на средневѣковыхъ картахъ. Прежняя столица хивинскаго оазиса, о величинѣ которой можно судить по сохранившимся развалинамъ, теперь грязный, бѣдный городишко.

Въ другой, весьма интересной, части своего сочиненія, Вамбери описываетъ огромную производительную силу Туркестана, каторымъ русскіе могутъ легко вполне овладѣть. Вамбери утверждаетъ, что, по богатству почвы, Туркестанъ далеко превосходить не только Авганистанъ и Персію, но даже Азіатскую Турцію. Климатъ, какъ и надо ожидать въ центрѣ такого огромнаго материка, представляетъ самыя рѣзкія противоположности. Отъ Керки до устья, Аму-Дарья замерзаетъ каждую зиму. Снѣгъ по цѣлымъ недѣлямъ покрываетъ землю, и рѣзкій холодный вѣтеръ дуетъ съ сѣвера. За суровою зимою, слѣдуетъ немолимо знойное лѣто. Но рѣки, орошающія страну, помогаютъ плодородной почвѣ давать богатые жатвы въ Хивѣ, и особенно въ Вухарѣ. Около Яни-Ургенджа растетъ лучший хлопокъ, около Хезарсепа превосходныя тутовныя деревья, около Герлена отличнѣйшій рисъ. Воды Оксуса оплодотворяютъ почву наравнѣ съ Ниломъ, но и Заревшанъ (разсвѣтатель золота), Шери-Зебцъ и притоки Сыръ-Дарьи оказываютъ земледѣлю немалыя услуги. Оазисъ Хивы, или Ховаресмъ, превосходить плодородіемъ всю остальную страну. Съ одного танаба собираютъ 100 батмановъ (пшеницы?), а каждый батманъ вѣситъ 40 фунт. Замѣчательны также хивинскія дыни; они бываютъ 4 сортовъ; но еще замѣчательнѣе дыни, 10 сортовъ лѣтнихъ и 5 зимнихъ; послѣднія зрѣютъ съ октября до февраля, и теперь уже привозятся въ Россію. Мы надѣемся, что желѣзныя дороги вскорѣ завезутъ ихъ далѣе на Западъ. «Европеецъ не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія о вкусѣ этого плода, замѣ-

чаетъ Вамбери. Необыкновенно мягкое, ароматическое мясо таетъ во рту, и, отвѣдавъ его съ хлѣбомъ, можно смѣло сказать, что это лучший даръ природы.» Бухара, напротивъ, гордится персиками и виноградомъ; хивинскій шелкъ превосходитъ персидскій изъ Гилана и Мазендерана, но уступаетъ кованскому. Въ Туркестанѣ неизвѣстна еще болѣзнь шелковичныхъ червей, но въ Хивѣ всетаки производится мало шелка; зато имъ изобилуютъ окрестности Бухары и Самарканда. О хлопкѣ трехъ ханствъ Вамбери говоритъ: «онъ лучше остиндскаго, персидскаго и египетскаго, и вполнѣ можетъ равняться знаменитому американскому.» Замѣтимъ, что египетскій хлопокъ почти не уступаетъ лучшимъ сортамъ американскаго *). Среднеазиатскій хлопокъ можетъ сдѣлаться важнымъ предметомъ торговли только тогда, когда на Сыръ-Дарьѣ откроются прядильни и ткацкія фабрики, чего англичане сильно боятся.

Изъ числа домашнихъ животныхъ овцы приносятъ наибольшую пользу въ хозяйствѣ. Онѣ доставляютъ самое вкусное мясо, а такъ называемые курдюки дають, кромѣ того, отъ 3 до 4 батмановъ (120—160 ф.) сала. Но шерсть изъ жестка, и годится только на ковры, дорожные мѣшки и попоны. Туркменская лошадь мало уступаетъ арабской въ красотѣ, быстротѣ и выносливости, а узбекская отличается болѣе силою, чѣмъ скоростію бѣга. Бухарскій осель, высокое, сильное животное, замѣчательно по своему проворству. Верблюды принадлежатъ къ бактрійской породѣ двугорбыхъ; они необыкновенно послушны, тихи, и никогда не позволяютъ себѣ тѣхъ злобныхъ хитростей, которыми отличаются арабскіе верблюды. Породы рогатаго скота весьма малочисленны; мясо его еще жестче и хуже, чѣмъ въ Турціи и Персіи, а потому идетъ въ пищу только бѣднѣйшимъ классамъ народа. «Разбой, война и убійства, а не бѣдность окружающей природы, говоритъ Вамбери, превращаютъ въ пустыни берега Оксуса. Въ Бухарѣ, а особенно въ Хивѣ, земледѣліе почти исключительно находится въ рукахъ рабовъ, которыхъ въ этомъ послѣднемъ ханствѣ насчитывается болѣе 80,000. Огрубѣлость нравовъ дѣлаетъ мечъ необходимымъ спутникомъ туземца.

*) Эти похвалы хивинскому и бухарскому хлопку преувеличены г. Вамбери. Ред.

Плугъ считается орудіемъ, употребленіе котораго наноситъ безчестіе, и потому предоставляется рабамъ.» Исторія представляетъ намъ весьма немного примѣровъ, когда завоеваніе является необходимостію, единственнымъ путемъ къ распространенію цивилизаціи. Такимъ примѣромъ можетъ служить Туркестанъ, и мы согласны съ г. Вамбери, что русское правительство исполнить общія желанія Европы, и заслужить искреннее одобреніе, если постарается распространить въ Туркестанѣ блага разумно организованной власти.

Вамбери дѣлитъ всѣ народы Средней Азіи на восточныхъ турковъ и иранцевъ. Первыхъ онъ предлагаетъ называть туркотатарами, потому что турки, у которыхъ онъ замѣтилъ болѣе или менѣе смѣшанный монголокалмыкскій типъ, стоятъ, по его мнѣнію, ближе къ монголамъ, чѣмъ индійцы и персы къ иранскому племени. Во главѣ восточныхъ турковъ онъ ставитъ бурятъ или черныхъ киргизовъ, у которыхъ чище другихъ сохранился калмыкскій типъ; потомъ идутъ киргизы (казаки) Малой, Средней и Большой орды (подраздѣленіе, котораго сами они не признаютъ); каракалпаки, или люди въ черныхъ мѣховыхъ шапгахъ, и женщины которыхъ замѣчательны бѣлизною кожи, большими глазами и обиліемъ черныхъ волосъ, и славятся красотою въ Средней Азіи; бѣлокурые, по большей части турмены, удалившіеся съ Мангышлака, при Каспійскомъ морѣ, на югъ, въ ихъ настоящее мѣстопробываніе, и, наконецъ, узбеки, утратившіе, въ слѣдствіе смѣшеній съ другими породами, большую часть признаковъ монгольскаго племени. Всѣ прочіе, неперечисленные нами, народы принадлежатъ къ иранскому племени, изъ нихъ шафи или седшестане сохранились чище остальныхъ.

ЖИЗНЬ ЮЖНОАФРИКАНСКАГО ФЕРМЕРА

НА

ОРАНСКОЙ РЪКЪ.

Извѣстный путешественникъ Голлендеръ, долгое время прожившій въ Африкѣ, чрезвычайно интересно описываетъ въ своихъ очеркахъ жизнь фермера на Оранской рѣкѣ, въ южной Африкѣ.

Необозримые луга разстилаются по берегамъ этой рѣки. Ивы, лавровыя и оливковыя деревья живописно разнообразятъ обильную зелень, охватывающую ея мутныя воды до самаго Атлантическаго океана. Но это первая зелень, которую путешественникъ видитъ, послѣ нѣсколькихъ дней долгаго, утомительнаго пути, переѣхавъ горы, перерѣзающія Капскую землю. Все остальное на сѣверъ и на югъ отъ рѣки сѣро и мертво; только въ началѣ лѣта, въ сентябрѣ или октябрѣ, когда пойдутъ первые дожди, пустынные равнины и высокія горы покрываются свѣжею, почти тропическою, зеленью.

Невыносимая жара слѣдуетъ тотчасъ же, почти безъ всякаго промежутка, за холодною, но сухою зимою; нѣтъ душистой весны, нѣтъ плодоносной осени, и какъ природа и климатъ однообразны, такъ же однообразны сдѣлались и люди. На каждомъ шагу попадаются стада, сытыхъ по горло, барановъ, которые стоятъ на припекѣ, неподвижно, другъ возлѣ друга,— стада лошадей и быковъ, томящихся жаждою, или жадно пьющихъ изъ

какойнибудь лужи. Медленными кругами носятся надъ ними стаи коршуновъ, пресыщенныхъ падальою, и усталыхъ отъ продолжительнаго и сытнаго обѣда.

Всѣ рѣки высохли; антилопы и сайги давно уже оставили берега Оранской рѣки, и убѣжали во внутренность страны. Палящіе лучи солнца все изсушили: люди, звѣри, земля, все ждетъ освѣжающаго дождя. Въ этой странѣ угасла всякая поэзія! И всетаки, въ такой, до безконечности жалкой, глуши, живутъ люди съ чувствами, бьются сердца, которыя ищутъ родной себѣ души. Правда, люди, живущіе подъ небомъ этой страны, принадлежатъ къ какой то особенной породѣ; это, по большей части, потомки тѣхъ *французскихъ* семействъ, которыя, въ слѣдствіе Нантскаго эдикта, были изгнаны изъ своего отечества, и, черезъ Голландію, перешли на мѣсь Доброй Надежды. Конечно, уже ни въ чертахъ лица, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ, у нихъ не осталось и слѣда французскаго характера; на сотни ладовъ они перероднились съ голландцами, нѣмцами и датчанами, а языкъ ихъ представляетъ непріятную смѣсь нѣмецкаго, голландскаго и датскаго. Домъ южноафриканскаго фермера стоитъ, или вполнѣ скрытый въ горахъ, гдѣ сонливо протекаетъ какая-нибудь рѣченка, или прислоненъ къ горѣ, передъ которою далеко и широко разстилается долина. Онъ крытъ соломой или тростникомъ, выложенъ кирпичами и известью, и въ немъ рѣдко бываетъ больше двухъ комнатъ, которыя два раза въ году бѣлятся, а земляной полъ, состоящій изъ смѣси бычачьей крови съ кусками муравейника, каждую недѣлю мажется разжиженнымъ коровьимъ навозомъ, что бы уложить пыль, и, хотя отчасти, истребить неизмѣримое количество блохъ, страшно размножающихся отъ жары. На маленькомъ деревянномъ столѣ постоянно стоитъ кофейникъ, нагрѣваемый раскаленнымъ сухимъ навозомъ. На окнѣ всегда лежатъ: старая голландская библія, псалтирь, календарь послѣдняго года и нѣсколько голландскихъ книгъ духовнаго содержанія съ удивительными заглавіями, какъ, на примѣръ: «Трубинъ гласъ будущей жизни», «Громовый ударъ для богоотступника», «Чудодѣйственный виллемскій бальзамъ»; и тому подобное.

Одежда фермера состоитъ изъ короткой куртки, въ боковыхъ карманахъ которой онъ постоянно держитъ свои руки, и изъ широкихъ панталонъ, доходящихъ впрочемъ только до щиколотки, и оставляющихъ на виду ноги, обутыя въ башмаки соб-

ственного издѣлія. Шляпа съ шпировыми полями, твердая какъ колъ, желтоватосѣраго цвѣта, сидящая на затылкѣ, довершаетъ его туалетъ. Въ немъ онъ спитъ, принимаетъ гостей, ходитъ въ церковь, и причащается—словомъ, эта одежда не сходитъ у него съ плечъ, ни днемъ, ни ночью. Только что встаетъ солнце и фермеръ поднимается съ своего ложа. Одна посуда съ водою служить для всей семьи; въ ней умываютъ всѣ лице и руки, и потомъ вытираютъ ихъ тряпкою, переходящею отъ одного члена семьи къ другому. Мыло считается роскошью; оно употребляется только въ большіе праздники. Туалетъ не беретъ много времени, такъ какъ ложатся спать въ одеждѣ: стоятъ только мужчинѣ напаялить на голову свою шляпу, а женщинамъ ихъ жестеія, черныя шапки.

Послѣ первой чашки кофея, слѣдуетъ пѣніе псалма, причемъ мать семейства управляетъ хоромъ. Потомъ мужъ беретъ въ руки свою трубку, а жена садится у окна, и предается религіознымъ размышленіямъ. Въ девять часовъ утра обѣдаютъ: обѣдъ состоитъ изъ баранины, молока и хлѣба; въ одиннадцать часовъ опять пьютъ кофея, а въ пять часовъ чай.

Теперь начинается для фермера самое важное и трудное занятіе; онъ становится передъ входомъ въ краль, и начинаетъ считать быстро прыгающихъ туда овецъ, возвратившихся съ пастбища. Краль—это квадратное мѣсто, обнесенное стѣною въ четыре фута вышины, куда загоняются на ночь быки, лошади и овцы. Здѣсь любимое мѣстопробываніе фермера; сюда онъ прежде всего ведетъ гостя, потому что онъ ничего другаго не можетъ показать. Главнымъ предметомъ разговора бывають, кромѣ библіи и священныхъ книгъ, тонкошерстный меринось, испанской или французской породы, дойная корова, сильный быкъ или хорошая лошадь.

По другую сторону дома находится такъ называемый садъ съ нѣсколькими персиковыми и тутовыми деревьями, нѣсколькими жалкими виноградными лозами, дынями, огурцами и капустою; все это выращивается съ большимъ трудомъ, и отправляется на продажу въ городъ, куда все это доходитъ завялымъ и засушеннымъ. Сами хозяева пользуются только арбузами и отвратительными безвкусными огурцами, достигающими до ста фунтовъ вѣса.

За садомъ разбросано нѣсколько хижинъ, крытыхъ соломой; тамъ живутъ лѣндивые кафры и ни на что негодные готтентоты,

составляющіе челядь фермера. Кафровъ легко отличить отъ готтентовъ по дырочкѣ въ лѣвомъ ухѣ, и потому, что у нихъ нѣтъ лѣваго верхняго глазнаго зуба: онъ выбивается дѣтямъ камнемъ, вскорѣ послѣ появленія вторыхъ зубовъ.

Когда кончится занятіе счета овецъ, между шестью и семью часами, слѣдуетъ ужинъ; опять появляются на столъ баранина, молоко и хлѣбъ. Потомъ хозяинъ дома говоритъ импровизированныя молитвы, что продолжается двадцать минутъ, и, наконецъ, приходитъ готтентотъ съ чашкою теплой воды, что бы вымыть ноги хозяйкѣ дома; мыла на это конечно не употребляется. Та же самая чашка, съ тою же водою, какъ утромъ, переходитъ отъ одного къ другому, и когда это занятіе кончится, всѣ поскорѣ ложатся спать. Съ послѣднимъ пѣтухомъ засынаетъ послѣдній житель фермы, и тогда далеко вокругъ господствуетъ полная тишина.

Такъ идетъ время изъ году въ годъ. Когда дѣтамъ минетъ тринадцать лѣтъ, начинается время ученія, время приближающейся конфирмаціи, къ которой они должны получить извѣстное религиозное образованіе. Когда это время благополучно сойдетъ съ рукъ, и юноша, между куреніемъ, развѣздами туда и сюда и чтеніемъ библіи, дожилъ наконецъ до девятнадцати лѣтъ, то начинаютъ думать о женитьбѣ. У него есть около трехъ сотъ штукъ овецъ, нѣсколько лошадей и быковъ: этого достаточно, что бы жить своимъ хозяйствомъ, вмѣстѣ съ такимъ же количествомъ скота, которое его будущая жена принесетъ ему въ приданое. Но сладкія надежды первой любви не возбуждаютъ въ немъ никакихъ поэтическихъ чувствъ; часто онъ долженъ далеко идти искать себѣ жену; иной разъ придется недѣлю даромъ переходить съ одного двора на другой, пока не найдется подходящая ему невѣста.

Тогда начинаются для него первыя неспосныя формальности. Въ субботу готтентотъ долженъ вычистить и приготовить самую лучшую лошадь; ей надѣваются новыя уздечка и сѣдло; главную роль играетъ чапракъ изъ краснаго или желтаго сукна, украшенный кругомъ красными и бѣлыми кистями. Когда все въ порядкѣ, юноша одѣвается въ самое лучшее праздничное платье, расчесываетъ и напояживаетъ свои волосы, и мчитъ во весь галопъ къ своей избранной. Тамъ, въ кругу ея семейства, онъ сидитъ молча, и курить трубку, ни слова не говоря о своихъ намѣреніяхъ. Такимъ образомъ онъ выйдетъ, когда,

послѣ ужина и всѣхъ слѣдующихъ за нимъ церемоній, родители не удалятся въ спальню. Тогда онъ дергаетъ за платье свою красавицу, съ которою до тѣхъ поръ ни разу не сказалъ двухъ словъ, и даже иначе не видалъ, какъ только украдкою, съ боку, и шепотомъ спрашиваетъ у нея: не останется ли она съ нимъ? Вотъ все, что онъ пока говорить. Молча, съ зажженной трубкою, онъ опять садится; молча сидитъ и она возлѣ него. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, во время котораго онъ по-сматриваетъ то на свои сапоги, то ей въ лице, и когда свѣча догараетъ уже къ концу, онъ становится нѣсколько оживленнѣе: выколачиваетъ о сапогъ выкуренную имъ трубку, подвигаетъ свой стулъ поближе къ невѣстѣ, и наконецъ, собравшись съ духомъ, беретъ ее за руку, и произноситъ знаменательныя слова: *«Хотители, что бы наши овцы паслись вмѣстѣ?»* Вотъ вопросъ, котораго она ждала весь день, и который теперь вызвалъ яркую краску на ея щекахъ. Еще разъ долженъ юноша повторить великое слово, прежде чѣмъ получить робкій отвѣтъ, что онъ долженъ спросить объ этомъ у ея родителей. Такимъ образомъ они переговорили, и, даже не пожавъ другъ другу руки, уже не говоря о поцѣлѣу, каждый ложится спать: дѣвушка въ комнатѣ съ родителями, молодой человекъ на скамьѣ въ первой комнатѣ, гдѣ заботливая хозяйка уже постлала перину и шерстяное одѣяло.

На слѣдующее утро, отецъ не находитъ никакихъ возраженій противъ помолвки, и счастливый женихъ остается весь день у будущаго тѣста, и покуриваетъ съ нимъ трубочку. Разговоръ вертится на засухѣ, на томъ, что папаша молодаго человѣка страдаетъ ревматизмами, а мамаша разстройствомъ желудка и головою болью; наконецъ, къ вечеру, дѣло доходитъ до овецъ нареченной невѣсты. Разговаривать съ невѣстою нѣтъ въ за-водѣ: оба счастливы, довольны; что имъ еще разговаривать?

Вотъ наступаетъ забота о подвѣнечномъ нарядѣ. Это вопросъ немаловажный, потому что не въ томъ дѣло, гдѣ невѣстѣ купить подвѣнечное платье и прочія принадлежности для торжественнаго дня, но какъ все это добыть подешевле. Буда же потомъ дѣветъ жена фермера, не приносящая никогда въ приданое ничего, кромѣ того, что на ней надѣто, шелковое платье, вуаль и прочее? что ей съ ними дѣлать послѣ свадьбы?

Изобрѣтательная промышленность и на Мысѣ Доброй Надеж-

ды помогаетъ, въ этомъ случаѣ, горю; въ городахъ существуютъ лавки, гдѣ желающіе вступить въ сладкія узы Гименея могутъ получать напрокатъ подвѣчный нарядъ со всѣми принадлежностями. Но, что бы воспользоваться такимъ нарядомъ, надобно имѣть много вкуса и гениальное соображеніе, потому что то одной невѣстѣ талія никакими судьбами не сходится, то для другой она слишкомъ широка: то юбка слишкомъ коротка, то слишкомъ длинна; одной вѣнокъ падаетъ на глаза, другой не лѣзетъ на голову, и проч. и проч.

Для жениха также играетъ не послѣднюю роль промышленникъ, дающій на прокатъ платье; его наружность также должна принять изящный видъ, при помощи шляпы и фрага, которые уже, можетъ быть, лѣтъ десять какъ отслужили свою службу въ Лондонѣ. Когда женихъ и невѣста нарядятся въ лавкѣ, иногда даже оба въ одной комнатѣ, тогда быстрыми шагами направляются къ церкви, куда колоколъ уже созвалъ всѣхъ, ожидающихъ своей счастливой участи. Такъ какъ для вѣнчанія обыкновенно назначается понедѣльникъ, то вѣнчаются нѣсколько паръ заразъ. Въ назначенное время является пасторъ, наскоро читаетъ молитвы, потомъ мѣняются кольцами, и, минувъ въ двадцать, кончается весь торжественный обрядъ. Въ стыдливомъ смущеніи каждая пара спѣшитъ къ выходу, и подъ руку идутъ по улицѣ, приводя въ удивленіе черное населеніе, особенно готтентотовъ. Въ лавкѣ снимается ватный напрокатъ нарядъ; экипажъ уже заложенъ, и, не больше какъ черезъ полчаса послѣ свадьбы, съ козелъ раздается громкое «трекъ!» (пошедель!) Свиснетъ хлыстъ въ тридцать футовъ длиною, и во весь галопъ помчатся молодые на родину. Въ глубинѣ экипажа, на ящикѣ, или на чемъ то въ родѣ стула, сидитъ молодая, и лакомится гостинцами, свадебнымъ подаркомъ своего сунруга, а счастливый сунругъ съ довольнымъ видомъ курируетъ трубку, и правитъ лошадьми. Когда они пріѣзжаютъ домой, начинается свадебный пиръ. Такъ какъ въ домѣ только одна спальня, то, на первую ночь, новобрачнымъ готовятъ постель въ удобномъ большомъ экипажѣ. На слѣдующую ночь, все приходитъ въ обычный порядокъ: отецъ и мать, сынъ и невѣстка, большія и малы дѣти, всѣ спятъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

Самое ужасное мѣсто для европейца въ южной Африкѣ, это тамошнія кладбища. «Съ мертвыми не надобно жить!» говорятъ

строгіе пуритане, и только этии нѣсколько объясняется отвратительная небрежность, съ какою содержатъ здѣсь кладбища. Умершаго, только что онъ успѣетъ закрыть глаза, иногда еще теплаго, завертываютъ въ бѣлую простыню, и выносятъ въ пустой сарай; тамъ онъ и остается до похоронъ. Потомъ приглашаются сосѣди; въ комнатахъ поютъ псаломъ, и покойника кладутъ на дроги, запряженные четырьмя волами. «Трекъ» кричитъ возница, и поѣздъ медленно трогается къ кладбищу, въ сопровожденіи однихъ мужчинъ. Тамъ, безъ всякихъ церемоній, гробъ опускается въ мать сырую землю. Послѣ этаго все присутствовавшіе на похоронахъ получаютъ полкроны (75 к. сер), и даже самый богатый фермеръ съ удовольствіемъ кладетъ къ себѣ въ карманъ это подаваніе. Нѣсколько брошенныхъ одинъ на другой камней означаютъ мѣсто, гдѣ похороненъ близкій родной, любимая жена, нѣжная мать или милый ребенокъ. Кладбище ничѣмъ не огорожено: свиньи, собаки и овцы расхаживаютъ тамъ на свободѣ; никогда никто и не вздумаетъ навѣстить чью нибудь могилу; онѣ остаются совершенно заброшенными. «Съ мертвыми не надобно жить!» Между тѣмъ въ домѣ покойника готовится большой пиръ. Сперва обѣдаютъ мужчины; когда они кончатъ, то остальное мясо (иногда жарятъ цѣлую корову) предоставляется женщинамъ; онѣ всегда начинаютъ ѣсть только тогда, когда мужчины уже выйдутъ изъ за стола. Въ сущности, главная власть въ домѣ въ рукахъ женщинъ: имъ принадлежитъ послѣднее слово во всѣхъ обстоятельствахъ; но, несмотря на это, по старинному обычаю, за обѣдомъ онѣ даютъ преимущество мужскимъ членамъ семьи.

Черезъ шесть недѣль послѣ похоронъ, фермеръ уже снова женится; все опять идетъ своимъ порядкомъ въ старомъ фермерскомъ домѣ, а объ умершей женѣ и матери никогда больше не вспоминается. Чѣмъ старше была первая жена, тѣмъ моложе бываетъ вторая; отъ этого часто случается, что мачиха гораздо моложе своихъ падчерицъ и пасынковъ; даже случается такъ, что отецъ и сынъ женятся на двухъ сестрахъ, изъ которыхъ зачастую младшая выходитъ за отца.

Для африканскаго фермера толщина составляетъ высшій идеалъ красоты. Онъ съ гордостію показываетъ знакомымъ и друзьямъ своихъ лошадей, воловъ и овецъ, если они очень жирны. И женщина также считается красавицею, если очень тол-

ста; поэтому всѣ женщины стремятся достигнуть этого идеала красоты, сидячею, бездѣйственной жизнью. Это имъ удается до удивительной степени. Климатъ и растительная пища довершаютъ остальное, что бы образовать такіа чудовища толщины, какія едва ли можно найти въ другой странѣ.

Такъ протекаетъ жизнь южноафриканскаго фермера. Онъ живетъ самъ себѣ господиномъ; ему нѣтъ дѣла ни до чего на свѣтѣ; его не смущаютъ никакіа тревожныя мысли; 2,000 овецъ, 50 воловъ и столько же лошадей совершенно достаточно, что бы сдѣлать его вполне независимымъ. Умъ его неподвиженъ почти до безчувственности; онъ проживаетъ свою скучную жизнь безъ всякаго благотворнаго вліянія на болѣе обширный кругъ людей. Можетъ быть, онъ счастливѣе миллионъ дѣятельныхъ и развитыхъ людей! И если простота, какъ говорится, дѣлаетъ счастливымъ, то онъ конечно достигъ высшаго счастья.

МОРЕ И ЕГО МІРЪ *).

I.

ИСТОРИЯ МОРСКАГО КАМЕШКА.

Прогуливаясь, рано утромъ, по одному изъ южныхъ береговъ Англіи, мы разсматривали попадавшіеся намъ на пути изумительныя зданія невидимыхъ строителей: морскіе камни и раковины. Сопровождавшій насъ англійскій морякъ, пламенный любитель микроскопическихъ изслѣдованій, оживлялъ нашу прогулку своими разсказами о образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ кроющихся на камняхъ и въ раковинахъ жителей моря, этихъ малютокъ, недоступныхъ наблюденію невооруженнаго глаза. Чудны, почти невѣроятны, казались мнѣ его разсказы; что бы убѣдиться въ ихъ справедливости, морякъ посоветовалъ мнѣ взять съ собою, лежавшій на берегу моря, небольшой и некрасивый, покрытый пескомъ и плѣсенью, камешекъ, положить его,

*) Источниками для настоящей статьи служили: а) Lebensbilder von einem Steinchen, напечатанная въ «Die Natur». — б) Meeres Tiefe und Meeres-Boden, статья Отто Уле; тамъ же. — в) Das Wasser, ст. Молешота, напечатанная въ «Aus der Heimath». — д) Das Wasser des Meeres, ст. Отто Даммера, напечатанная тамъ же.

по возвращеніи домой, въ сосудъ съ морскою водою, и наблюдать, какъ можно чаще и продолжительнѣе, черезъ лупу. Вымывъ камешекъ, я завернулъ его тщательно въ бумагу; выпилъ съ друзьями бутылку вина только для того, что бы наполнить ее морскою водою, и далъ себѣ слово изучить образъ жизни этихъ малютокъ океана какъ можно подробнѣе. При помощи присланной мнѣ однимъ изъ моихъ друзей превосходной лупы, мнѣ удалось выполнить мое намѣреніе въ тотъ же самый вечеръ.

Мои наблюденія открыли мнѣ новый міръ, доставившій мнѣ наслажденія, которыхъ я не испыталъ бы даже и тогда, когда этотъ камешекъ, не болѣе и не менѣе, какъ кусочекъ (около двухъ дюймовъ въ длину и полутора дюйма въ ширину и толщину) грубаго песчаника, превратился бы въ блестящій переливами драгоцѣнный алмазь, знаменитый «кохъ и нуръ» (гора свѣта). Кто бы думалъ, что этотъ, безжизненный и исцещренный бѣлыми камневидными жилками, кусокъ могъ превратиться въ оживленный и разнообразный міръ?

Наливъ морской воды въ стеклянный сосудъ, я прикрѣпилъ камень къ тонкой проволоцѣ такимъ образомъ, что бы его было можно повѣсить посреди сосуда; поставилъ позади этого послѣдняго двѣ зажженные свѣчи, и, вооружившись лупою, началъ мои наблюденія. При первомъ взглядѣ на мой камешекъ, онъ показался мнѣ необитаемымъ царствомъ: я увидалъ покрывавшія его зданія, цѣлые города и селенія, по которымъ какъ будто бы пронеслось дыханіе смерти и лишило ихъ обитателей. Ужели же, подумалъ я, эти каменные замки, эти жилища и лагуны оставались, отъ самаго ихъ основанія, необитаемыми? Нѣтъ, природа не производитъ ничего безъ цѣли; если она создала рядъ жилищъ, то необходимо должны были существовать и ихъ обитатели. Съ этою мыслию, я продолжалъ наблюдать увеличенныя (при разсматриваніи въ лупу) зданія и башни, съ спирально извивающимися лѣстницами, покрытія прихотливыми украшеніями и ищещренныя самыми разнообразными красками. Но вотъ, среди этихъ мертвыхъ зданій, я замѣтилъ вдругъ, одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ особенности въ красивомъ замкѣ, построенномъ изъ известняка, что то похожее на движеніе обитателей, которые съ перваго взгляда показались мнѣ, не болѣе и не менѣе, булавочными головками;

еще мгновение—и жизнь исчезла: снова наступила мертвая тишина. Кто знаетъ съ какою цѣлю появились эти крошечныя созданія? кто знаетъ, не были ли то ночные стражи этого микроскопическаго государства, на которыхъ лежала обязанность извѣщать его обитателей о необыкновенныхъ событіяхъ въ странѣ? Быть можетъ, изумленный невиданнымъ свѣтомъ двухъ лучеварныхъ свѣтилъ,—которыя, въ сущности, были не болѣе, какъ пламя отъ моихъ свѣчей,—они скрылись для того, что бы сообщить о томъ своимъ согражданамъ. И, дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, все населеніе пробудилось; началась та кипучая жизнь, подобіе которой мы видимъ въ нашихъ городахъ во время рѣдкихъ церемоній, когда толпа за толпою стремится съ любопытствомъ въ мѣсту торжества. Изъ дворцовъ и замковъ моего камешка показались ихъ обитательницы, блестящія золотомъ и алмазными переливами; изъ другихъ, болѣе скромныхъ, жилищъ появились малютки красавицы въ бѣлоснѣжномъ нарядѣ и полныя жизни юности. Все это населеніе, конечно не безъ основательной причины, оставалось внутри своихъ жилищъ, показываясь только у ихъ выходовъ и оконъ. Несмотря на подобную затворническую жизнь, обитатели моего камешка, по образу жизни и нравамъ, представляли до того обширное и любопытное поле для наблюдений, что невольно приковывали къ себѣ всѣ чувства, и заставляли забывать все окружающее, кромѣ этого маленькаго, но причудливаго, міра.

Можно сказать, что это крошечное, но многолюдное, государство было въ то же время и единственное во всей вселенной, по мирному образу своей жизни: война и кровопролитія были неизвѣстны. Сталкиваются два обитателя на морской ловлѣ, и одинъ изъ нихъ, безъ всякаго сопротивленія, удаляется въ другое мѣсто, предоставляя владѣть частію морской воды тому, кто успѣлъ захватить ее ранѣе.

Большая часть этихъ странныхъ существъ принадлежала къ роду такъ называемаго морскаго желудка (*Balanus*), именно это была одна изъ его самыхъ мелкихъ формъ, отличающаяся непрерывною дѣятельностію и граціозностію своихъ движеній.

Съ необыкновенною быстротою выскакиваетъ это микроскопическое животное изъ своего домика, распускаетъ своихъ 6 лопастей, снабженныхъ каждая чрезвычайно тонкими нитями, и, при помощи ихъ, образуетъ въ водѣ круговоротъ, который, увлекаетъ

своимъ движеніемъ мелкихъ животныхъ, приносить ихъ въ жертву ненасытной алчности морскаго желудка.

Въ организаціи этого миниатюрнаго созданія, едва ли не болѣе, чѣмъ гдѣ либо, выказалась изумительная изобрѣтательность и искусство Творца вселенной. Не только 6 лопастей, но даже и самыя нити, устроены такимъ образомъ, что, въ томъ случаѣ, если животному угрожаетъ какая либо опасность, то онѣ мгновенно сжимаются, и, входя въ соотвѣтственные промежутки противоположной стороны, образуютъ плотно замкнутую со всѣхъ сторонъ массу, которая, не медля же, скрывается въ свой домикъ, замыкаетъ его крышечкою, и остается въ немъ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность. Впрочемъ покой этого малютки никогда не бываетъ продолжителенъ: еще мгновеніе, и онѣ снова появляется на поверхности воды, снова кружить ее, ловить лакомую для него пищу, и поглощаетъ ее съ новымъ аппетитомъ. Только весьма рѣдко это животное остается неподвижнымъ нѣсколько минутъ, и принимаетъ при этомъ звѣздообразную форму; но даже и въ подобномъ случаѣ его покой только кажущійся, потому что, выпуская два свои нижнія щупальца, оно схватываетъ помощію ихъ всякій разъ добычу, и увлекаетъ въ центръ звѣздъ, гдѣ ее ожидаетъ ненасытная пасть прожорливаго малютки.

Напрасно пытался я нѣсколько разъ сосчитать число этихъ хищныхъ обитателей моего драгоцѣннаго песчаника; едва успѣвалъ я насчитать ихъ до 20, какъ снова ихъ появлялось по крайней мѣрѣ 40 штукъ. Далѣе, между населеніемъ моего камешка, я замѣтилъ животныхъ коричневаго цвѣта, которыя отличались однообразными монотонными движеніями, и потому, не останавливая долго на нихъ вниманія, я перешелъ къ наблюденію другихъ обитателей этого фантастическаго міра, которые, въ противоположность первымъ изъ нихъ, оставляли свои жилища только съ крайнею осмотрительностію, какъ будто бы вѣруя въ изрѣченіе англичанъ: «my house is my castle»^{*)}. Каждое изъ животныхъ этой породы, морской трубы (*Serpula*), обитаетъ не только въ собственномъ своемъ замкѣ, но точно такъ же, какъ и морской желудъ, само создаетъ для себя жилище.

*) Мой домъ, это моя крѣпость.

Морская труба, собирая непрерывно строительные материалы, известные атомы, заключающиеся въ морской водѣ, увеличиваетъ все болѣе и болѣе размѣры своего жилища, и сообщаетъ ему рогообразную форму. Во время сна и опасности, выходя изъ него закрывается крышечкою, которая, увеличиваясь постепенно, достигаетъ до $\frac{1}{3}$ дюйма длины, выдается на подобіе трубы наружу, и блеститъ яркочерпуровымъ цвѣтомъ и самыми разнообразными переливами и отбѣнками... На ея то оконечности и показываются многочисленныя щупальцы, которыя, распускаясь мгновенно зонтикомъ, поражаютъ своими красками малиновою и бѣлою. Этотъ блестящій уборъ хорошъ до того, что, видя его въ первый разъ, не возможно удержаться отъ громкаго и восторженнаго восклицанія. Но вотъ, такъ же моментально, какъ появилось, это чудное видѣніе исчезаетъ снова; не распалось ли оно, какъ призракъ, какъ очарованный дворецъ Аладина? Тише, наблюдатели! И малютка является вторично. Ободренные смѣлою попыткою одного изъ отважныхъ товарищей, десятки морскихъ трубъ (*Serpulae*) выдвигаютъ свои трубообразныя крышечки, и оперяютъ ихъ разноцвѣтными букетами, которые искрятся тысячею переливовъ, и мѣняютъ ихъ, смотря по тому, какъ преломляются лучи свѣта. Я видѣлъ одновременно на моемъ каменикѣ не менѣе 38 морскихъ трубъ, во всемъ блескѣ ихъ красоты. На днѣ моря живетъ видъ этого животнаго, отличающійся большею величиною (*Serpula contortuplicata* *)).

Самыми точными наблюденіями надъ жизнію этого животнаго и его описаніемъ, мы обязаны эднбургскому профессору Госсе. У морской трубы не существуетъ ни рта, ни головы, въ собственномъ смыслѣ; мѣсто перваго изъ нихъ занимаетъ находящееся посрединѣ крышечки *отверстіе желудка*, а мѣсто головы *шляпка*. Тонкія перовидныя щупальцы морской трубы подъ увеличительнымъ стекломъ представляются состоящими каждое изъ 20 до 30 отдѣльныхъ волоконъ, и, въ свою очередь, каждое подобное волокно подъ микроскопомъ оказывается прозрачною роговою желтаго цвѣта нитью, оканчивающеюся небольшою четырехраздѣльною головкою, изъ каждаго раздѣленія которой выходитъ клинообразный подвижный зубчикъ.

*) Описанный же нами видъ есть *Serpula triquetra*.

Прелесть картины, представляемой моимъ камешкомъ, еще болѣе увеличивали обширные лѣса и парки изъ морскаго сала-та (*Ulva latissima*), окружавшіе со всѣхъ сторонъ миниатюрныя замки этихъ странныхъ обитателей. Въ тѣни ихъ считались толпы безпріютныхъ и кочующихъ племенъ, изъ которыхъ одни напоминали своею формою рака, а другія мнѣологическаго дракона, со всѣми его ужасными атрибутами; далѣе на моемъ камешкѣ видѣлись лѣса животныхрастеній (зоофитовъ), поросшихъ какъ бы мелкимъ кустарникомъ, покрытымъ серебристою пылью, напоминавшею собою ишей, осѣдающій на вѣтвяхъ нашихъ деревьевъ въ морозныя осеннія утра.

Въ началѣ эти одушевленные лѣса, простиравшіеся между городами и селеніями моего миниатюрнаго государства, я принялъ было за осадокъ морской воды, который могъ быть пагубенъ для жизни его обитателей. Совершенно не подозрѣвая того, что этотъ осадокъ могъ имѣть какое либо значеніе, я нѣсколько разъ очищалъ отъ него поверхность камешка концомъ тонкаго пера; но на слѣдующій день онъ постоянно появлялся снова. Одинъ изъ моихъ друзей, знакомый болѣе меня съ микроскопическимъ міромъ, заставъ меня за этимъ занятіемъ, помогъ стили мой камешекъ подъ микроскопъ, и сказалъ мнѣ: «Взгляни теперь на эту плѣсень, на этотъ осадокъ: это цѣлѣе лѣса одушевленныхъ существъ!» И точно, я изумился передъ представившеюся моимъ взорамъ картиною безконечнаго ряда очаровательныхъ зоофитовъ, напоминавшихъ своею формою листья папоротника. Мой товарищъ прикоснулся къ нимъ перышкомъ, и въ то же мгновеніе они свернулись, и превратились въ небольшую массу студенистаго вещества, но чрезъ нѣсколько мгновеній они снова явились во всемъ ихъ блескѣ, снова заголыкались ихъ вѣтви, какъ будто мелкій кустарникъ, волнуемый вѣтромъ.

Кто могъ бы думать, что на этомъ камешкѣ кипѣла столь дѣятельная жизнь, что на немъ непрерывно развивались новыя творенія? Начиная однажды мои наблюденія, я замѣтилъ вдругъ, что въ моемъ маленькомъ государствѣ появилась новая колонія съ нѣсколькими сотнями обитателей, поселившимися не въ старыхъ, а въ новыхъ, созданныхъ ими самими, жилищахъ, походившихъ на средневѣковыя башни рыцарскихъ замковъ. Едва ли въ самой даже Америкѣ возникали города съ такою быстротою, какъ въ моемъ новомъ свѣтѣ. Всѣ эти новыя аданія отли-

чались въ высшей степени оригинальною архитектурою: круглыя, темнаго, совершенно непрозрачнаго, коричневаго цвѣта снизу, они становились вверху свѣтлыми и прозрачными, какъ кристаллы. Я замѣтилъ до 10 подобныхъ башенъ, но, сличая ихъ между собою, я скоро убѣдился, что, несмотря на общее сходство, они были различны въ томъ или въ другомъ отношеніи; такъ сказать, каждая изъ нихъ отличалась своимъ стилемъ и притомъ стилемъ, до того своеобразнымъ, что его нельзя причислить ни къ готическому, ни къ греческому или византійскому, коротко сказать ни къ одному изъ видовъ его, известныхъ въ архитектурномъ искусствѣ. На основаніи этого различія въ постройкѣ башенъ, я долженъ былъ заключить, что онѣ необходимо принадлежать обитателямъ различныхъ племенъ, которыя, быть можетъ, стеклись сюда изъ самыхъ отдаленныхъ и противоположныхъ уголковъ моего двухъ дюймоваго материка. Мелкія подробности моихъ наблюденій надъ ними, безъ чертежей и рисунковъ, показались бы читателямъ, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ сухими, а потому я и ограничусь только наиболѣе характеристическими чертами изъ жизни этихъ любопытныхъ существъ.

Мнѣ удалось видѣть, какъ одна изъ этого рода башенокъ, постепенно ушлатываясь, приняла чрезвычайно быстро форму тонкаго и прозрачнаго острія иглы; вслѣдъ затѣмъ, она превратилась въ блестящую звѣздочку, имѣвшую до двадцати лучей. Во время движенія, эти звѣздообразныя живые цвѣтки испривались переливами всевозможныхъ цвѣтовъ. Притомъ я долженъ замѣтить, что каждый лучъ этой перламутровой звѣздочки совершалъ движенія очевидно независимо отъ всѣхъ прочихъ лучей; только по временамъ, побуждаемые общими имъ властелиномъ, желудкомъ, всѣ лучи одновременно съ необыкновенною быстротою и пунктуальною точностію сближались между собою, для принятія пищи, и снова расходились во всѣ стороны.

Эти новые поселенцы, такъ же, какъ и морскія трубы, принадлежали къ классу *Annelidae*, и представляли собою не менѣе прекрасную и любопытную форму этого рода животныхъ, обитающую преимущественно на морскихъ камняхъ и раковинахъ.

Большая часть новыхъ поселенцевъ моего песчанива принадлежала къ числу хищныхъ кородъ, потому именно, что един-

ственнымъ для нихъ источникомъ питанія служили другія, значительно меньшія по величинѣ, животныя. Конечно, многимъ изъ моихъ читателей покажется, быть можетъ, страннымъ и преувеличеннымъ выраженіе: *«значительно меньшія»*, и они предложатъ мнѣ вопросъ: ужели же есть еще существа, которыя, сравнительно съ этими микроскопическими животными, могли бы назваться пигмеями? Да, они малы до того, что, при самомъ сильномъ увеличеніи, длина ихъ не превышаетъ $\frac{1}{8}$ дюйма—величины, недоступной для невооруженнаго глаза! Мало того, есть животныя, которыя подъ стекломъ даже самаго сильнаго микроскопа представляются не болѣе, какъ едва замѣтными пылинками. Вообще, какъ бы ни было могущественно стекло наблюдателя, во всякомъ случаѣ онъ встрѣтитъ цѣлый рядъ твореній, недоступныхъ наблюденію, по своей малости.

Я представилъ читателямъ очеркъ частицы морскаго міра, но при этомъ долженъ замѣтить, что я имѣлъ въ виду не ученыхъ зоологовъ и микрографовъ, а простыхъ любителей природы. Какъ ни утомительны подобнаго рода наблюденія для глазъ, но, во время ихъ, забываешь все въ мірѣ, и отдаешься невольно безмолвному созерцанію этихъ чудныхъ городковъ и обитателей моря, этого міра малыхъ, который, даже на ничтожномъ камешкѣ, изучмляетъ волнотою жизни и безконечнымъ рядомъ формъ и обрзовъ.

Восхищавшіе насъ, въ лѣта младенчества, рассказы о подводныхъ чертогахъ фей, перестануть, послѣ знакомства съ этимъ міромъ, казаться чистымъ вымысломъ. На днѣ моря мы встрѣтимъ всюду фантастическое величіе и блескъ; даже самый ничтожный изъ его обитателей, и тотъ владѣетъ крѣпкимъ замкомъ или башиней; каждый изъ нихъ, вооруженный нужными для защиты средствами, смѣло встрѣчаетъ порывы бурь, и переноситъ беззагазанно столбновенія съ гѣбовыми утесами.

II.

Морская вода.

Вода вообще столько же необходима для жизни населяющихъ ее животныхъ, сколько воздухъ для жизни человека и другихъ существъ, обитающихъ на поверхности земнаго шара. Безъ нея

большая часть существъ, населяющихъ нашу планету, неизбежно вымерла бы, вымерла бы потому именно, что вода составляетъ не только одно изъ важнѣйшихъ неорганическихъ питательныхъ веществъ, но въ то же время она есть одна изъ главнѣйшихъ составныхъ частей всѣхъ органическихъ тѣлъ природы. Водный міръ, и въ особенности міръ морей, это міръ, до того полный разнообразія, до того изумляющій безконечнымъ рядомъ формъ и образовъ, міръ, до того чудный, что невольно, при мысли о немъ, спрашиваешь самъ себя: уже ли же всѣ эти разнородныя существа поддерживаютъ свою жизнь одною и тою же морскою водою? Уже ли въ водѣ морей сосредоточиваются всѣ элементы, нужные для ихъ существованія? Что бы отвѣчать на эти вопросы, необходимо предварительно познакомиться ближе съ составомъ морской воды.

Что морская вода солена, т. е. содержитъ въ себѣ поваренную соль, это знаетъ почти каждый; но, и кромѣ поваренной соли, въ ней заключается еще цѣлый рядъ другихъ веществъ, заготавливаемыхъ въ ея нѣдрахъ малѣйшими изъ всѣхъ животныхъ существъ. Такъ микроскопическія корненожки выдѣляютъ известь, и притомъ каждая изъ нихъ сама по себѣ отдѣляетъ, по своей малости, до того ничтожное количество этого вещества, что его смѣло можно назвать микроскопическимъ; но, совокупною своею дѣятельностію, міриады этихъ животныхъ достигаютъ результатовъ, изумляющихъ своими громадными размѣрами. Некрасивыя растенія, напоминающія формою болотную тину, поглощаютъ углекислоту; и такимъ образомъ преобразуютъ растворимую въ водѣ известь (двууглекислую ¹⁾), въ нерастворимую (одноуглекислую) ²⁾; послѣдняя, осѣдая постепенно на мелкихъ водоросляхъ, покрываетъ ихъ наконецъ въ такомъ количествѣ, что они погружаются подъ ея тяжестью на дно моря, и здѣсь содѣйствуютъ образованію известковыхъ пластовъ.

Я упомянулъ до сихъ поръ только объ одномъ веществѣ,

¹⁾ Т. е. состоящую изъ двухъ частей угольной кислоты и одной части кальція.

²⁾ Т. е. состоящую изъ одной части угольной кислоты и одной части кальція.

известны; но въ зелѣ растеній и животныхъ ³⁾ заключается также и другія соли ⁴⁾, которыя, всѣ безъ исключенія, должны выдѣляться этими организмами изъ морской воды; притомъ надо замѣтить, что каждое изъ этихъ веществъ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе. Такъ двууглекислая известь даетъ углекислоту, которою питаются морскіе водоросли. Гипсъ служитъ пищею упомянутымъ нами выше корненожкамъ и моллюскамъ. Далѣе, въ организмѣ этихъ животныхъ, тотъ же самый гипсъ ⁵⁾ превращается, посредствомъ жизненнаго процесса, въ углекислую известь, которая служитъ матеріаломъ для образованія ихъ костнаго остова, т. е. блестящихъ самыми разнообразными колерами раковинъ. Въмѣстѣ съ поваренною солью, потребляемою, безъ исключенія, всѣми обитателями океана, мы встрѣчаемъ въ морѣ почти всюду соли горькозема (магнезіа), сѣру, хлоръ и фосфорную кислоту (т. е. соединеніе фосфора съ кислородомъ).

По морскимъ берегамъ Франціи и Англіи, послѣ большихъ бурь, обитатели собираютъ выбрасываемые на нихъ волнами морскіе порослы (Fucus), сушатъ и сжигаютъ ихъ въ особыхъ ямахъ, для добыванія изъ ихъ золы чистой соды ⁶⁾. Въ настоящее время водоросли могли бы потерять все свое значеніе для промышленности человѣка, потому что наука открыла возможность добывать соду гораздо легче изъ поваренной соли, но химія нашла въ нихъ два новыя вещества, которыя до того времени составляли химическую рѣдкость, а именно іодъ и бромъ, получившіе въ наше время обширное приложеніе въ медицину и технику. Іодъ, кромѣ своей цѣлебной силы, важенъ, какъ одинъ изъ главныхъ фотографическихъ матеріаловъ; бромъ же употребляется, между прочимъ, для прижиганія въ болѣзняхъ рака. Эта два вещества, находящіеся въ морской водѣ въ

³⁾ При сжиганіи растенія или животнаго остается зола, состоящая изъ неорганическихъ (минеральныхъ) веществъ, входящихъ въ его составъ.

⁴⁾ Соединеніе какой либо кислоты съ окисію образуетъ то, что въ химіи носитъ названіе соли.

⁵⁾ Гипсъ есть сѣрнистая известь, т. е. соединеніе сѣрной кислоты и кальція.

⁶⁾ Подъ именемъ соды, извѣстно соединеніе углекислоты и содія или натрія.

весьма маломъ количествѣ, сосредоточиваются въ водоросляхъ, и такимъ образомъ дѣлаются доступными человѣку. Безъ этихъ посредниковъ, для полученія самаго ничтожнаго количества іода или брома, намъ пришлось бы выпаривать громадную массу морской воды.

Что бы дать моимъ читателямъ понятіе о количествѣ твердыхъ веществъ въ морской водѣ, я замѣчу только, что въ 100 фунтахъ морской воды заключается $3\frac{1}{2}$ фунта различныхъ твердыхъ веществъ. Калий, содій, магній, кальцій, желѣзо, кремнеземъ, фосфорная кислота, сѣрная кислота, хлоръ, бромъ, іодъ, соединяются между собою, и образуютъ рядъ солей. Въ томъ, что мы встрѣчаемъ всѣ эти вещества въ морской водѣ, нѣтъ ничего удивительнаго уже по одному тому, что море можно безошибочно назвать сборнымъ пунктомъ всѣхъ растворимыхъ тѣлъ, существующихъ на поверхности земли, а рѣки, въ свою очередь, путями, по которымъ стекаются къ морю растворенныя вещества. На сушѣ распространены преимущественно простыя тѣла (элементы)*). Такъ, напримѣръ, мышьякъ находится въ шелухѣ картофеля; мѣдь въ крови виноградныхъ улитокъ; іодъ въ многихъ сухопутныхъ и водяныхъ растеніяхъ; короче сказать, хотя конечно въ небольшомъ количествѣ, мы можемъ, помощію химіи, добыть изъ различныхъ тѣлъ почти всѣ извѣстные элементы. Почему же, послѣ этого, не допустить ихъ присутствія и въ океанѣ? Нерастворимыхъ вполнѣ тѣлъ въ природѣ не существуетъ. Можно смѣло сказать, что, рано или поздно, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, въ морской водѣ будутъ открыты всѣ элементы, въ особенности если наука тщательно изслѣдуетъ составъ морскихъ растений, которыя, подобно тому, какъ водоросли сосредоточиваютъ въ себѣ іодъ и бромъ, поглощаютъ другія простыя тѣла. Кто бы думалъ, напримѣръ, что въ морѣ содержится серебро? Замѣтите притомъ, что хлористое серебро растворяется чрезвычайно трудно, а въ морской водѣ можетъ заключаться только исключительно этотъ родъ серебра, потому именно, что всѣ серебряныя соли, находящіяся въ ней, необходимо должны приходиться въ соприкосновеніе съ по-

*) Т. е. такія, которыя не состоятъ изъ другихъ составныхъ тѣлъ, или, иначе сказать, не могутъ быть разложены, помощію химическихъ средствъ, а составныя свои части.

варенною солью (состоящею изъ хлора и содіа), и при этомъ соприкосновеніи, въ слѣдствіе химическаго соединенія, образовывать хлористое серебро. Несмотря на все это, при осмотрѣ обломковъ караблей, было не разъ замѣчено, что они, оставаясь долгое время въ водѣ, пропитываются серебромъ.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе того, откуда берутся въ морской водѣ всѣ эти вещества, а замѣтимъ только: вотъ тѣ элементы, которые даютъ морской водѣ возможность быть источникомъ жизни мириадъ самыхъ разнообразныхъ твореній.

III.

ГЛУБИНА ОКЕАНА И ЕГО ДНО.

Большая часть великихъ открытій сдѣлана человѣкомъ не столько подѣ влияніемъ чисто научной любознательности, сколько по побужденію его жизненныхъ потребностей. Такъ, зародышъ геологій лежитъ въ стремленіи человѣка къ приобрѣтенію сокровищъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли; точно такъ же мореплаваніе вызвало къ жизни астрономію, а промышленность послужила къ развитію химіи и физики. Подобнымъ же путемъ люди дошли и до открытія силы земнаго магнетисма, знакомства съ морскими и воздушными теченіями и наконецъ разоблачили сокровеннѣйшую тайну природы, глубину океана. Конечно, легко быть можетъ, что не разъ мореплаватель, несся по синимъ волнамъ океана, мечталъ проникнуть въ тайны морской пучины; нѣтъ никакого сомнѣнія, что у него могло зародиться чувство, сходное съ тѣмъ, которое овладѣваетъ астрономомъ, при созерцаніи въ тихую ночь звѣзднаго неба, чувство желанія измѣрить и проникнуть пучину моря, точно такъ же, какъ астрономы измѣрили безконечный небосклонъ, и проникли въ его зѣирное пространство. Но, несмотря на все это, до тѣхъ поръ, пока не былъ разрѣшенъ вопросъ, какую пользу можетъ принести измѣреніе глубины океана, эти мечты и оставались не болѣе какъ мечтами. Онѣ осуществились только тогда, когда была сознаана практическая польза измѣренія глубины океана, а именно вмѣстѣ съ открытіемъ электрическаго теле-

эрафа, которому было суждено соединить два противоположные материка, и стать проводникомъ человеческой мысли.

Первоначально измѣреніе морей производилось въ высшей степени простымъ способомъ, а именно помощію чрезвычайно незатѣйливаго снаряда, — *лота*, т. е. тяжелаго тѣла, прирѣпленнаго къ крѣпкой льняной или шелковой бичевкѣ. При погруженіи лота въ воду, по легкому сотрясенію и удару, или ослабленію бичевки, опредѣлялся моментъ, въ который его тяжесть достигала до дна, а по длинѣ нити, въ свою очередь, узнавалась глубина моря въ извѣстной точкѣ. Но, при этомъ способѣ измѣренія, по мѣрѣ увеличенія глубины, уменьшалась его вѣрность, потому именно, что, при излишней тяжести лота, бичевка легко могла перерваться; при легкости же лота, напротивъ, бичевка безъ труда увлекалась движеніемъ морскихъ теченій. Такимъ образомъ, глубина океана, несмотря на многочисленныя попытки, оставалась неопредѣленною съ точностію, до тѣхъ поръ, пока сѣвероамериканецъ Бруке, не изобрѣлъ снаряда, который, несмотря на простоту устройства, пролилъ совершенно новый свѣтъ на морскую пучину.

Снарядъ Бруке, въ его первоначальномъ видѣ, состоитъ изъ пушечнаго 25—96 фунтоваго ядра, прирѣпляемаго не непосредственно къ бичевкѣ, а именно посреди ядра находится отверстіе для желѣзнаго стержня, къ верхнему концу котораго и прирѣпляется веревка, между тѣмъ какъ самое ядро виситъ на шнурахъ, выходящихъ изъ нарочно придѣланныхъ къ стержню рукоятокъ, сходныхъ по устройству съ ножницами. Какъ скоро вершина стержня достигаетъ до дна моря, то ядро тотчасъ же, въ слѣдствіе собственной тяжести, спускается внизъ, шнуры разрываются, и рукоятки опускаются. Послѣ того стержень, освободившійся при ударѣ отъ ядра, можно уже легко и безъ всякаго опасенія извлечь изъ моря. На нижнемъ ударяющемся концѣ стержня находится небольшое отверстіе, наполняемое обыкновенно саломъ, или смолою, почему къ нему легко пристають небольшія животныя и обломки морскихъ камней, а не рѣдко на немъ оставляютъ даже свой отпечатокъ и твердые подводные камни. При помощи этого то снаряда и микроскопа, человекъ дошелъ до того, что наконецъ воспроизвелъ картину морскаго дна, и проникъ въ его соврѣнные тайны.

Мы не будемъ входить въ подробное описаніе измѣненій, сдѣланныхъ въ послѣдствіи въ этомъ снаряждѣ, а замѣтимъ только, что съ этихъ поръ было открыто, что на днѣ океана кроется рядъ горъ, пропастей и ущелій, короче сказать, что и здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же самыя неровности, какъ и на поверхности материка. Человѣкъ пошелъ далѣе; для него не осталась тайною и тотъ подводный міръ, который поэты описываютъ такими живыми красками, и населяютъ фантастическими существами. Но, передъ судомъ науки, подъ стекломъ микроскопа, приврачныя существа морской пучины исчезли; отъ нихъ не осталось и слѣда; зато передъ взорами наблюдателя открылся не менѣе чудный міръ малыхъ.

Что на днѣ морей не существуетъ животныхъ значительныхъ размѣровъ, это давно уже доказанный фактъ; они не могутъ жить тамъ, потому что не нашли бы необходимыхъ для ихъ жизни условій, и уже одно сильное давленіе воды разрушило бы ихъ тѣло, и лишило жизни. Можно сказать вообще, что существа высшей организаціи не могутъ оставаться долго на глубинѣ больше 1,000 футовъ. Рыбы живутъ или на самыхъ мелкихъ мѣстахъ, или около береговъ; въ открытомъ же морѣ мореплаватель встрѣчаетъ почти исключительно только одинокихъ китовъ.

Какъ ни полонъ вымысловъ водный міръ, созданный прихотливымъ воображеніемъ поэтовъ; но, тѣмъ не менѣе, при изученіи жизненнаго міра на днѣ океана, невольно приходитъ мысль, что и въ поэтическихъ о немъ сказаніяхъ есть доля правды, что поэты только преувеличили и разукрасили этотъ и безъ того чудный міръ. Отрывки морскаго дна, извлеченные со дна океана, на самой различной глубинѣ, помощію снаряда Бруке, по своему наружному виду, походятъ вообще на чрезвычайно мелкій свѣтлокоричневый илъ, въ которомъ замѣчаются промежутки, состоящіе изъ частичекъ (около $\frac{1}{100}$ дюйма въ поперечникѣ каждая) жирнаго студенистаго вещества. По высыханіи, этотъ илъ принимаетъ бѣлый или краснобѣлый цвѣтъ, и становится похожимъ на мѣловый порошокъ. Довольно долгое время его считали за обыкновенную глину, но, наконецъ, микроскопическія изслѣдованія показали, что въ немъ заключается извѣстное количество округлыхъ тѣлецъ, состоящихъ, какъ кажется, изъ нѣсколькихъ, окружающихъ маленькое прозрачное зерно (ядро),

оболочекъ. Эти глыбы, напоминающія съ перваго взгляда клеточки красноснѣжна (Protozoëns) и были названы колитами. Кромѣ того, въ этомъ илѣ не рѣдко встрѣчается примѣсь угловатыхъ обломковъ твердаго и прозрачнаго минерала, надо думать, по всей вѣроятности, кварца, а иногда, сверхъ того, еще обломки особаго прозрачнаго зеленого цвѣта минерала, достигающіе очень часто величины горошины.

Впрочемъ, большая часть студенистаго вещества, приблизительно до $\frac{9}{10}$ частей его, состоитъ изъ довольно тяжелыхъ, почти непрозрачныхъ, и при яркомъ свѣтѣ представляющихся бѣлыми, известковыхъ скелетовъ, принадлежащихъ преимущественно, быть можетъ, самому обильному на земномъ шарѣ роду животнаго міра.

Эти микроскопическіе остатки умершихъ организмовъ суть ничто иное, какъ безчисленныя разновидности или различныя степени развитія малѣйшихъ животныхъ, такъ называемыхъ Globigerina. Рядомъ съ ними встрѣчаются не менѣ замѣчательныя кремневые скелеты другихъ инфузорій, а именно довольно большая (конечно относительно) и красивая форма Coscinodiscus. Эти микроскопическія животныя изумляютъ быстротою своего размноженія, до того сильною, что, несмотря на свою малость, они въ состояніи запрудить цѣлыя каналы и выходы изъ гаваней. Въ Виргиніи, на Бермудскихъ островахъ, и даже подъ южнымъ полюсомъ, около 78° южн. шир., Гукеръ открылъ известковыя отмели, простравшіяся на 400 англ. миль въ длину и на 120 миль въ ширину, и состоявшія почти исключительно изъ остатковъ инфузорій. Наконецъ къ ихъ числу въ морскомъ илѣ присоединяются остатки другихъ подобныхъ же существъ, и, между прочимъ, обломки губки (Spongolitharia).

Вотъ тѣ обитатели морской пучины, которые, по своей малости, долгое время ускользали отъ наблюдательности человека.

Трудно рѣшить: дѣйствительно ли обитаютъ они на этой глубинѣ моря, или, напротивъ, морское дно служить для нихъ послѣднимъ пріютомъ, могилою? Начинается ли царство этихъ малѣйшихъ существъ тамъ, гдѣ лежитъ предѣлъ, за который не переходитъ ни одно существо высшей организаціи, или, напротивъ, здѣсь собирается только добыча смерти?

Кто знаетъ, не трудится ли надѣя Европа этотъ тихій міръ, невидимо для взоровъ человека, для того, что бы воссоздать изъ своихъ труновъ новыя страны, которыя, быть можетъ, суждено, по пророчествіи вѣщавъ, подняться съ дна океана, и открыться цвѣтущими городами? Сколько таинственности, сколько поэзіи, въ этомъ тихомъ мірѣ магіическихъ существъ!

ИСТОРИЯ ОДНОГО УРОДА.

НОВѢСТЬ БЕЗЪ КОНЦА.

(Посвящается Эсперу Погровскому).

ГЛАВА I.

— Нѣтъ, Дуня, ты какая то странная. Ты меня, просто, удивляешь. Въ первый разъ отъ роду вижу такую дѣвушку, какъ ты. Ты какая то сухая; черствая ты натура, вотъ что! И въ кого ты уродилась такая? Господь тебя знаетъ! Да уже какъ ты тамъ себѣ ни мудри, а нужно, нужно дѣвушкаѣ замужъ выйти!

— Маменька, вскрикнула Дуня, стремительно выскочивъ изъ за пялецъ, за которыми сидѣла, и прилежно вышивала какія то оборочки, опять, опять вы пишите меня этою невыносимою фразою. Она, какъ припѣвъ въ сказкѣ о бѣломъ бычкѣ, заканчиваетъ всѣ ваши правоученія. Сколько разъ я просила, умоляла васъ, не рѣзать меня этимъ убійственнымъ: «нужно, нужно выйти замужъ!» а вы всетаки каждый день повторяете тоже самое. Господи, что же это такое, наконецъ! Это просто съ ума можно сойти!

И дѣвушка нетерпѣливо зашагала по комнатѣ.

— Ну, всплыла! что это за характеръ, Господи Боже мой! настоящій отецъ! И по комнатѣ то бѣгаетъ, точно онъ, чуть, бывало, погладишь не по шерсткѣ. Да уже, какъ ты тамъ себѣ

*

хочешь, сердись, не сердись, а нужно, нужно дѣвушка замужъ выйти.

— Да зачѣмъ нужно то? зачѣмъ нужно? почти закричала Дуня, останавливаясь передъ матерью. Вѣдь вы сами говорите, что всѣ мужчины подлецы?

— Да, это, конечно, правда, что всѣ мужчины подлецы, съ убѣжденіемъ повторила Пелагея Васильевна.

— Не вы ли говорите, что всѣ они измѣняютъ своимъ женамъ? Наконецъ, не испытали ли вы на себѣ всю сладость супружеской жизни? не говорите ли вы, что мужчины всегда отравляли ваше существованіе, что всѣхъ горестей вашихъ причиною мужчины, что если вы преждевременно состарѣлись, то виною этому опять мужчины; что и въ болѣзняхъ вашихъ виноваты все тѣ же мужчины? Не здѣсь ли, не въ этой ли самой гостиной, не на этомъ ли самомъ диванѣ, вы сто разъ повторяли мнѣ все это?

— Да, конечно, со вздохомъ промолвила Пелагея Васильевна, мужчины много горя причиняли мнѣ въ моей жизни. Отецъ твой, — я ему зла не желаю; я давно простила ему все, я всегда молюсь за упокой его души, но не могу не сознаться, что онъ истерзалъ меня въ теченіе тѣхъ ужасныхъ десяти лѣтъ, которые я выжила съ нимъ. Господи! чего я только не переиспытала, какихъ обидъ, какихъ оскорбленій не вынесла, и все за что же? Зато, что я любила его; другой вины я за собою не знаю.

И полился жаркій разговоръ о прошедшихъ страданіяхъ. Пелагея Васильевна забыла о нравоученіяхъ, которыя за минуточку читала дочери, забыла, что рассказы, которыми она съ малолѣтства питала ее молодое воображеніе, мало способствовали развитію въ дѣвушкѣ тѣхъ мягкихъ и женственныхъ чувствъ, отсутствіе которыхъ въ дочери огорчало ее, и служило темою нескончаемыхъ жалобъ и выговоровъ. Она все забыла; она помнила только о пережитомъ горѣ, и страстныя, полныя ненависти и желчи, рѣчи потокомъ лились изъ ея устъ.

Дуня также забыла о своемъ гнѣвѣ, забыла объ ежедневныхъ ссорахъ съ матерью, забыла ее старческую придирчивость, неспосную мораль, пережившую и свой вѣкъ, и свой спросъ, но которая, тѣмъ не менѣе, выдавалась Пелагеею Васильевною за сливки человѣческой мудрости. Она съ жадностію слушала въ сѣтій разъ повторяемый разговоръ о притѣсненіяхъ и оскорбле-

нiяхъ, которыя наносились ей матери, — женщинѣ — ей отцомъ, мужчиною. Она въ сотый разъ переживала вмѣстѣ съ нею прошедшее горе, и негодованiе, злоба, оскорбленная, въ лицѣ матери, женская гордость кипѣли въ ея душѣ. Въ своихъ разсказахъ Пелагея Васильевна всегда страдала, не какъ личность, а какъ женщина; всѣ оскорбленiя, наносимыя ей въ минувшее время мужемъ, братьями и другими мужчинами, съ которыми сталкивала ее судьба, наносились ей не просто какъ человѣку, не какъ извѣстной единицѣ, не какъ Пелагеѣ Васильевнѣ, а какъ женщинѣ. Трудно передать, какъ волновали эти разсказы Дуню; сколько горькихъ слезъ пролила она; какiя тяжелыя минуты пережила, выслушивая эпопею о страданiяхъ матери. Пелагея Васильевна и не подозрѣвала, какой ядъ вливала она въ сердце дочери, какiя темныя, мрачныя силы вызывала въ ея душѣ. Молодая дѣвушка чуть ли не съ колибели слушала вѣчно одну и ту же пѣсню о жалкой женской долѣ, устроенной женщинѣ мужчиною, и привыкала видѣть въ этомъ послѣднемъ своего вѣчнаго, непримиримаго врага. Пелагея Васильевна такъ мало подозрѣвала о всемъ этомъ, что серьезно, наивно, искренно удивлялась и огорчалась тѣмъ, что не замѣчала въ дочери никакихъ обыкновенныхъ дѣвичьихъ свойствъ, которыя она привыкла считать украшенiемъ своего пола: женственности, бывшей впрочемъ, въ понятiяхъ Пелагеи Васильевны, чѣмъ то очень сбивчивымъ и неяснымъ, милой наивности, игривости, невинности, скромности, и тому подобныхъ, прекрасныхъ качествъ, безъ которыхъ дѣвушка въ ея время рисковала не найти себѣ мужа, разумѣется, если за нею не было стотысячнаго приданаго, которое замѣняло собою всѣ качества, и остаться старою дѣвою на всю жизнь, что казалось Пелагеѣ Васильевнѣ величайшимъ несчастiемъ. По какому то странному и непонятному противорѣчiю, Пелагея Васильевна, искренно ненавидя мужчинъ, серьезно увѣряла, что отъ нихъ воняетъ козломъ, и считая ихъ, и ихъ однихъ, виною всѣхъ женскихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ слезъ, считала бѣдствiемъ для женщины прожить вѣкъ безъ мужчины. Будучи глубоко убѣждена, что счастливыхъ браговъ не бываетъ, и не можетъ быть, потому что всѣ мужчины подлецы, какъ она выражалась, она не постигала возможности прожить вѣкъ, не вступивъ въ бракъ съ однимъ изъ этихъ подлецовъ.

Такъ и теперь она закончила свою рѣчь обычнымъ припѣ-

вомъ:—Я, можетъ быть, неосторожно поступаю, говоря съ тобою объ обидахъ, нанесенныхъ мнѣ моимъ мужемъ, который, какой онъ тамъ ни былъ бы человекъ, а всетаки отецъ тебѣ, а дѣти обязаны уважать и любить своихъ родителей, несмотря на всѣ ихъ недостатки. Таковъ законъ, предписанный самимъ Богомъ...

— Да за что же любить те ихъ, если они северные люди? рѣвно перебила Дуня, снова вдаваясь въ одинъ изъ нескончаемыхъ споровъ съ матерью.

— Зато, что они тебѣ дали жизнь.

— Да вѣдь я ихъ объ этомъ не просила.

Пелагея Васильевну возраженіе это нѣсколько озадачило, но, несмотря на это, она не затруднилась въ отвѣтъ.

— Такъ Богъ приказалъ, а разсуждать не наше дѣло, строго замѣтила она.

— Да какъ же не разсуждать, когда разсужденія сами просеются на языкъ.

— Вотъ въ томъ то и бѣда наша съ тобою, что мы очень любимъ разсуждать, да умничать. Эхъ, Дуня! повѣрь мнѣ: я старѣе тебя, я больше тебя жила на свѣтѣ, я опытнѣе, и лучше знаю людей, и жизнь; повѣрь мнѣ, что умничаніе не дастъ тебѣ счастья. Повѣрь, что всѣ мужчины будутъ бояться и обѣгать тебя, и не найдешь ты себѣ жениха, и просидишь ты вѣтъ старую дѣвкою.

— Ну, что же! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Какая же неволя идти въ ваторгу? Богъ мой! да я сама не хочу замужъ; я никогда, никогда не пойду замужъ.

— Нельзя такъ вѣтъ прожить дѣвушкѣ; нужно, нужно замужъ выйти.

— Опять! да зачѣмъ, да зачѣмъ же? Богъ ты мой!

— Зачѣмъ, что бы любить и быть любимой!

Дуню передернуло. Она не могла выносить этой фразы наравнѣ съ нервою.

— Да вѣдь вы же говорите, что всѣ мужья измѣняютъ своимъ женамъ; такъ гдѣ же тутъ любовь?

— На это нужно смотрѣть снисходительно; мужчины уже такъ созданы; они безъ того жить не могутъ.

— А я не хочу смотрѣть на это снисходительно; вѣдь если я вздумаю измѣнить мужу...

— Шш, шш, перебила испуганнымъ голосомъ Пелагея Ва-

сильнее, какъ тебѣ не отидно говорить такія вещи? Давнѣе неприлично и подумать объ этомъ, а ты, членъ доброго, и при постороннемъ думашь что нибудь подобное. Видѣ у тебя рѣшительно никакого тафта нѣтъ. Ты рѣшительно не знаешь, о чемъ можно говорить, и о чемъ нельзя.

— Да, я полагаю, говорить можно обо всемъ, что думаешь. Уже вели мнѣ пришло что въ голову, такъ захватъ же я должна скрывать?..

— Ну, пошла! пошла! съ отчаяніемъ перебила Пелагея Васильевна. Господи! что это за дѣвушка! Ты ей слово, а она тебѣ десять. Дерзкая, непокорная дѣвочка, вотъ ты кто! За какой грѣхъ, Создатель, наказалъ Ты меня такимъ сорвицею! Неблагодарная, неблагодарная! за мою любовь и попеченія ты отплачиваешь мнѣ недослушаніемъ. Господи! что я за несчастная такая; всю жизнь страдаю отъ тѣхъ, кого люблю. Уже нажестя я ли не добрая, не снисходительная мать, а вотъ чѣмъ награждаетъ меня родная дочь!

Пелагея Васильевна ударилась въ слезы, а Дуня, хлопнувъ дверью, убѣжала въ свою комнату, и заперлась тамъ на ключекъ.

Подобныя сцены были не новостію въ маленькомъ сѣренскомъ деревенскомъ домикѣ, гдѣ жила вдова отставнаго гвардіи штабсъ-капитана, Пелагея Васильевна Шанина, съ своей единственной дочерью, Дуней. Пелагея Васильевна не понимала, что она сама бывала зачинщицею ихъ ссоръ, что она, такъ сказать, награждалась на дерзости своей дочери. Негодна на гордый, непокорный, раздражительный нравъ Дуни, на ея, дѣйствительно, необыкновенную настойчивость, она не понимала, что сама же первая развила въ ней эти качества, и ожесточила ея нравъ самымъ нещаднымъ обращеніемъ. Но мало ли чего не понимала Пелагея Васильевна? Наумилась, откуда ввались у Дуни всѣ эти названія свойства, она не понимала, что Дуня наследовала ихъ отъ нея же самой, отъ своей родной матери. Пелагея Васильевна считала себя самою кроткою, снисходительною и услужливою изъ женщинъ...

У Пелагеи Васильевны была хорошая даровитая натура, несомнѣнный природный умъ и доброта, но отсутствіе образованія, недѣлѣнное воспитаніе, адская, дѣйствительно, сумрачская жизнь, искажали, изуродовали въ ней все, чѣмъ такъ много надѣлала ее природа. Это было, въ полномъ смыслѣ

слова, загубленное существо. Всѣ качества, которыя, при болѣе счастливой обстановкѣ, развились бы въ хорошую сторону, теперь проявлялись только своими дурными сторонами. Энергія и сила воли превратились въ глупое упрямство; страстная, порывистая жажда дѣятельности, не находя себѣ исхода, развилась въ мелкое желаніе властвовать, и распорядиться не только чужими поступками, но и чужою волею, мыслями и желаніями. Къ всему этому, постоянныя болѣзни, бывшія тоже слѣдствіемъ горькой, несчастной жизни, притупили въ ней природный умъ, и, наоборотъ, развили сильную раздражительность. Въ настоящее время, она была несноснѣйшею, безтолковнѣйшею старухою, съ страшными притязаніями. Дочку свою, Дуню, она пилила, именно пилила, какъ та выразилась, несноснѣйшимъ образомъ, несмотря на то, что, дѣйствительно, страстно любила ее. Она серьезно, глубоко страдала, не видя въ ней осуществленія своего идеала женщины, не понимая, что идеаль этотъ былъ уже потому неосуществимымъ, что устарѣлъ и не подходилъ подъ современныя условія. Она осталась все съ тѣми же понятіями, все съ тѣмъ же міросозерцаніемъ, какое было ходячею монетою въ тридцатыхъ годахъ, годахъ ея молодости. Она рѣшительно не постигала, что и время не то, что и требованія, и условія не тѣ, да и вкусы не тѣ. Она считала себя непогрѣшимою, сама того не сознавая, и безпрестанно твердя другимъ о смиреніи и наивно выставляя себя, образцомъ этого смиренія. Она была до того самолюбива, что считала себя знатною, и въ свѣтскихъ приличіяхъ, и въ женскихъ нарядахъ, хотя судила и о томъ, и о другомъ, съ точки зрѣнія опять тѣхъ же тридцатыхъ годовъ. Желая безпрекословно господствовать надъ мнѣніями и чувствами дочери, она въ то же время хотѣла распорядиться малѣйшими бездѣльями въ туалетѣ дочери. Та не могла надѣть ленточки, не взявъ на то права съ боя.

Пелагея Васильевна была высокая, статная женщина, сохранившая въ лицѣ, изможденномъ физическими и нравственными страданіями, слѣды замѣчательной красоты. Въ глазахъ ея, впавшихъ и потухшихъ, свѣтились еще порою проблески ума и чувства, но въ складкахъ рта замѣчалось что то упрямое и тупое. Она, дѣйствительно, отупѣла, и отъ лѣтъ, и отъ болѣзни. Многого она уже вовсе не понимала, почти все забывала, не только что говорили другіе, но и что сама сказала за пять минутъ. Упряма была она невообразимо. Если ей очевиднымъ, неопровер-

жимить, оскорбительнымъ образомъ доказывали, что она ошибалась, хотя бы дѣло шло о еущей бездѣлицѣ, она никогда не сознавалась въ ошибки, а искала лазейки, и ловко увертывалась отъ докучливаго сознания.

На Дуню она давно перестала имѣть вліяніе. Дуня росла, и развивалась особнякомъ, сама по себѣ. Всѣ перебивавшія у ней гувернантки, какъ нарочно, были безличныя существа, незамѣтными образомъ подчинившіяся упрямой, умной дѣвочкѣ. Для матери же она всегда была закрытою книгою, и рано привила тайтъ отъ нея свою внутреннюю жизнь. И не то, что бы она не любила матери; напротивъ того, было время, когда Дуня страстно любила свою мать, но та никогда не умѣла обращаться съ своеюравною дѣвчонкою, и рано ожесточила ее своимъ слишкомъ грубымъ пестовательствомъ на ея душу и умъ. Упрямая и гордая натура матери столкнулась съ не менѣе гордою и упрямой натурою дочери; между ними завязалась борьба, и не мать вышла изъ нея побѣдительницею. Не мало также способствовало этому и болѣзненное состояніе здоровья Пелагеи Васильевны. Вѣчно хворая, вѣчно страдающая, она была слишкомъ занята своими немощами, какъ она выражалась, и ей не хватало ни силъ, ни времени систематически гнуть и ломать дочь на свой ладъ. Кромѣ того, она сама, своими разсказами и рѣчами, подрывала свое собственное дѣло, и изъ Дуни образовалась вовсе не такая личность, какую въ ней желала бы видѣть Пелагея Васильевна. Передавая Дуни грустную повѣсть своего дѣтства въ богатомъ родительскомъ домѣ, гдѣ всѣ заботы и ласки падали на долю сыновей, а дочерямъ доставались одни щелчки и пренебреженіе; гдѣ сыновей поили чаемъ и кормили лавашками, а дочери смотрѣли надале и облыжались; гдѣ сыновей развѣстили по учебнымъ заведеніямъ, считавшимся въ то время самыми блестящими, а дочерей приходскій дьячокъ ввучель читать и писать порусски съ грѣхомъ пополамъ, да тѣмъ и закончилось все ихъ образованіе; гдѣ братъ, прибывшій сестру, былъ всегда правъ, а прибитая сестра всегда виновата, гдѣ все родительское нищество раздѣлилось между одними сыновьями, а дочерямъ дали въ придачу только тряпки, — Пелагея Васильевна съ раннихъ поръ пробудила въ душѣ своей дочери чувство справедливаго и несправедливаго, и жаркій протестъ противъ несправедливаго. Понятно, что всѣ разлагольствованія ея о примиреніи, покор-

ности и терпѣнн, о необходимости безропотно нести свою крестъ, были гласомъ вопиющимъ въ пустынь. Понятно, что мать даромъ тратила свое краснорѣчье, когда, испуганная дѣйствіемъ своихъ разсказовъ на маленькую Дуню—дѣвочка обливалась обыкновенно при этомъ слезами, и кричала «судніе, противныя дѣдушка съ бабушкой, не люблю, не люблю ихъ, терпѣть ихъ не могу!»—она старалась успокоить ее, и увѣрить, что юдѣ старинныхъ нужно снести все безропотно. Въ эти минуты Пелагея Васильевна жестоко раскаявалась, что брала дочь въ повѣренныя своихъ прошедшихъ горестей, и дала себѣ слово впредь не дѣлать этого; но не надолго. Ей не съ кѣмъ было дѣлиться своими чувствами, кромѣ маленькой дочери; наибольшее горе выбивалось наружу, а маленькая дѣвочка такъ хорошо понимала, такъ внимательно слушала, такъ живо сочувствовала, что Пелагея Васильевна не могла противиться желанію высказаться передъ такимъ внимательнымъ и задумчивымъ слушателемъ.

Исторія замужества Пелагеи Васильевны и ея жизни съ отцомъ Дуни, тоже оставили глубокіе слѣды на душѣ ребенка. Дуня не помнила отца; отъ умеръ, когда она еще была очень мала, не ненавидѣла его, и ненавидѣла не столько какъ человѣка, притѣснявшаго ея мать, сколько какъ мужчину, обижавшаго женщину.

Пелагея Васильевна была несправедлива въ своихъ разсказахъ, особенно въ выводахъ, изъ которыхъ самымъ рѣзкимъ былъ, какъ мы видѣли выше, выводъ о всеобщей мужской подлости. Мужъ ея, дѣйствительно, былъ не очень хорошій человекъ, но Пелагея Васильевна, своимъ властолюбивымъ, неуравновѣшеннымъ характеромъ, доводила его до бѣшенства, и заставляла находить наслажденіе дразнить ее. Онъ хотѣлъ выжить ее изъ дома, но этому не удалось.

«Кого Богъ соединилъ, того человекъ да не разлучаетъ», сказала себѣ Пелагея Васильевна, и, несмотря на всѣ оскорбленія, побѣдоносно осталась въ домѣ мужа до самой кончины его, и закрывала ему глаза, хотя тотъ до самой смерти глядѣлъ ее отъ себя, и оборачивался къ стѣнѣ, когда она подходила къ нему съ утѣшеніями и соболѣзлованіями.

Оставшись одна съ дочерью, Пелагея Васильевна ревностно принялась было за ея воспитаніе, и мечтала объ осуществленіи въ ней своего туманнаго идеала женщины, но ни одно изъ ея

ожиданій не сбылось. Натать съ того, что Дуня росла страшною дурнушкою, что обидно щекотало самолюбіе бывшей красавицы.

— И въ кого она уродилась такая черномазая, не постигаю, понаривала обыкновенно Пелагея Васильевна пріѣзжавшимъ сосѣдкамъ. Отецъ билъ кровь съ молокомъ, а я была такъ была, что, бывало, родные братья удивляются. Подкрадется потихонько кто нибудь изъ нихъ, намочитъ уголокъ носоваго платка, и потретъ мнѣ щею, все думая, не набѣдилась ли я.

Дуня слыхала эти толки. Пріѣзжавшія сосѣдки тоже не церемонились, и говаривали съ сожалѣніемъ, трепли ее по щекамъ: «бѣдная дѣвочка, какая она дурнушка!» Дуня привыкла читать такое обидное соболѣзнованіе въ глазахъ всѣхъ пріѣзжавшихъ гостей. Самолюбивая дѣвочка начала всѣхъ дичиться, и вся утѣдилась въ свой собственный внутренній крошечный міръ. Уже по натурѣ склоненнй къ мечтательности и гипокондрии, характеръ ребенка, съ каждымъ днемъ, становился угрюмѣе. А тутъ еще постоянные толки матери о жалкой женской долѣ. Все это тяжело вліяло на дѣвочку. Развивалась она необыкновенно быстро, не по лѣтамъ, но въ одну сторону. Удивительно, какъ рано запала тоска въ душу этого ребенка. Безпричинная, тяжелая, гнетущая тоска съ малолѣтства снилась съ сердцемъ Дуни. Крошечное міросозерцаніе дѣвочки отличалось необыкновенною мрачностію. Воображеніе у ней было огненное, но рисовало ей одшѣ грустныя картины. Даже религіозность Дуни была отмѣчена этою черною краскою. Пелагея Васильевна была глубоко и серьезно набожна и богомолва, хотя безъ малѣйшаго отбѣнка ханжества и изувѣрства. Эта сторона ея нравственнаго существа была тѣмъ, что сохранилось въ ней наилучшаго. Молилась она много, долго и съ наслажденіемъ. Религія, дѣйствительно, служила для нея опорой и утѣшеніемъ. Къ Богу прибѣгала она: повѣряла Ему свои скорби, плакала, молясь, и выходила изъ церкви успокоенная и умиротворенная. Все лицо ея измѣнялось поемъ молитвы. Глаза мигло свѣтились, губы кротко улыбались; чѣмъ то мирнымъ вліяло отъ ея желчной фигуры; да и характеръ ея измѣнялся на время. Она переставала брюжжать, разумѣлся, до первой стычки съ дочерью. Впрочемъ, послѣдняя также несовершенно была права, по отношенію къ матери. Она слишкомъ рѣзко, иногда безъ нужды рѣзко, давала ей отпоръ, и не брала въ расчетъ

ни ея лѣтъ, ни болѣзни, ни страстной, хотя и безтолковой и нелѣпой любви къ ней. Но, что же дѣлать? Дуня сама была не изъ мягкихъ натуръ, а притворяться никогда не умѣла.

Свою религіозность, или, лучше сказать, свои вѣрованія Пелагея Васильевна передала и дочери, но у дочери религіозное чувство приняло вовсе другой характеръ, характеръ мрачный, какъ мы сказали выше, и угрюмый. Дуня не была набожна, не любила молиться, да и не умѣла. Она долгое время глубоко вѣрила во все, что съ малолѣтства почиталось вокругъ нея святынею; но вѣра не была для нея утѣшеніемъ. Религія поракала ее своею грозною и мрачною стороною. Богъ не являлся ей, какъ Пелагеѣ Васильевнѣ, добрымъ и снисходительнымъ другомъ и отцомъ, но грознымъ и карающимъ судьей. Еврейскаго Іегову, строгаго и неумолимаго, видѣла она въ своихъ представленіяхъ о Божествѣ, и образъ этого суроваго и мстительнаго Божества вытѣснялъ собою кроткій и человѣчный образъ христіанскаго Бога. Дуня съ ужасомъ думала о загробной жизни; мученія, ожидающія грѣшниковъ — а себя она считала ужасною грѣшницею — пугали ея молодое воображеніе. Мысль эта отвращала ея существованіе съ самаго дѣтства. Она часто со слезами повѣрала матери, что больше боится Бога, нежели любить Его, и это вается ей тяжкимъ смертнымъ грѣхомъ, за который вѣроятно будутъ ее мучить на томъ свѣтѣ.

Мать утѣшала и успокоивала молодую грѣшницу, и, когда ей исполнилось 14 лѣтъ, повезла ее говѣть въ одинъ изъ ближайшихъ монастырей, славившійся своею святостію.

Монастырь произвелъ на Дуню потрясающее впечатлѣніе. Всю недѣлю, которую онѣ прожили тамъ, она рѣкою разливалась о своихъ грѣхахъ. Тоска и страхъ сжимали ей сердце, когда она стояла въ монастырской церкви, а по угламъ виднѣлись черныя тѣни, медленно наклонившіяся вплоть до земли, и перебиравшія четками. Ей казалось, что ее заживо скоронили въ какую то страшную могилу, и что расплата за ея грѣхи уже начинается. Она проплакала весь канунъ, и всю ночь передъ исповѣдію, и въ церковь пришла съ распухшими отъ слезъ глазами, и стѣсненною отъ рыданій грудью. Долго не рѣшалась она идти за ширмы, отдѣлявшія въ углу церкви священника, исповѣдавшаго наредѣ. Монахини толпою окружали дѣвушку, утѣша-

ли и ободрали ее. Что подумали эти смиренные отшельники, и въ какомъ преступленіи мысленно заподозрили молодую грѣшницу?.. Старонькій сѣденькій священникъ едва разслышалъ, сквозъ вздохи и рыданія произнесенную, страшную исповѣдь: «я Бога больше боюсь, чѣмъ люблю!» Почтенный старичекъ, не привыкшій къ такимъ тонкостямъ, выслунивавшій постоянно о болѣе осязательныхъ и вещественныхъ, такъ сказать, грѣхахъ, и, при видѣ отчаянія молодой грѣшницы, приготовившійся выслушать какое нибудь страшное, въ обыденномъ смыслѣ, признаніе, съ доброю улыбкою проговорилъ: «Ну, хорошо, что хотя боитесь, хуже было бы, кабы и не любили, и не боялись. Идите съ миромъ. Богъ милостивъ!»

Послѣ причастія Дуня нѣсколько успокоилась; но хорошее и мирное расположеніе духа длилось не долго. Послѣ обѣдни, къ нимъ подошла одна монахиня, и пригласила къ себѣ на чашку чая. Идя съ молодою дѣвушкою по церкви, она остановилась передъ однимъ рѣзнымъ, изъ слоновьей кости, образомъ, и сказала по-французски: «*Vouez, mademoiselle, le bel ouvrage!*» Дуню неприятно поразила эта французская фраза. «За чѣмъ заговорила эта монахиня со мною по-французски? что же похвастаться что ли она захотѣла знаніемъ иностраннаго языка? Какая суетность, неприличная въ монастырѣ», подумала она, и тутъ же раскалась. «Вотъ не успѣла причаститься, и уже согрѣшила, а что будетъ на томъ свѣтѣ тѣмъ, кто осуждаетъ ближняго: за языкъ того повѣсятъ, говорить няня.»

Впрочемъ въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, Дуня уже не думала, что ее повѣсятъ за языкъ на томъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже восемь лѣтъ, и въ жизни Дуни готовился важный переломъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и на природу. Священникъ, у котораго она говѣла въ послѣдній годъ, уже не отпустилъ ее съ миромъ, а строго предостерегъ о замѣчаемой въ ней склонности къ нечувствительности, и наложилъ на нее эпитимію, по 30 поклоновъ утромъ и вечеромъ. То былъ уже не старенькій сѣденькій монастырскій священникъ. Того уже не было на свѣтѣ; Дуня говѣла въ губернскомъ городѣ у молодого, незадолго передъ тѣмъ выпущеннаго изъ духовной академіи, священника съ магистерскимъ крестомъ.

Но объ этомъ рѣчь впереди.

Съ годами Дуня хорошѣла, *выразилась*, какъ говорится, но,

въ глазахъ Пелагеи Васильевны, у которой былъ свой идеаль женской драготы въ головѣ, она оставалась все тою же дурнушкой. Хотя давно уже перестала смуглая Дуня читать въ книжкахъ поэтителей, въ особенности мужичинъ, обидное соболѣзнованіе, а читала въ нихъ вовсе иное чувство, однако Пелагея Васильевна все попрежнему повторяла, задумчиво качая головою: «и въ кого она уродилась такая черномазая? Отецъ былъ кровь съ молокомъ», и проч. и проч.; слово въ слово, какъ было приведено выше, не выключая обстоятельства о недовѣрїи братцевъ, и окончилъ платка, нускавшемся въ ходъ для уличенія ея въ мнимомъ употребленїи бѣлилъ.

Нравственное отчужденіе между матерью и дочерью дѣлалось съ каждымъ днемъ все сильнѣе; все больше расходились эти двѣ женщины, все рѣвче обозначалось различіе взглядовъ, мнѣній, вкусовъ. При всемъ томъ, сцены, подобныя приведенной нами въ началѣ этого разсказа, начинали дѣлаться рѣже. Дуня хотя и ожесточалась съ каждымъ днемъ сильнѣе, но научалась умнѣнью владѣть собою и безмолвному протесту противъ материнскихъ посягательствъ на ея личность. Да и самыя посягательства эти становились слабѣе. Пелагея Васильевна, какъ говорится, рукою махнула. Она инстинктивно поняла, что ей не осилить дочери; она даже начинала бояться ее, а если еще и пилила, и читала мораль, то уже безъ всякой другой цѣли, кромѣ жалобы на свою собственную горестную участь.

Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Придя въ свою комнату и заперевъ дверь на крючекъ, Дуня бросилась на диванъ, стоявшій въ углу комнаты, забила съ ногами въ уголь, и закрыла глаза. Съ нѣкоторыхъ поръ, это сдѣлалось ея привычкою, и она просиживала такъ по нѣскольکو часовъ сряду, безмолвно и неподвижно, а по истеченїи этого времени вставала *вся зеленая*, какъ выражалась Пелагея Васильевна, которая, увидѣвъ въ первый разъ свою дочку въ такомъ положенїи, сначала было прикрикнула на нее: — «что это, Дуня, ты сидишь, сложа руки? Какъ я не люблю этого въ молодой дѣвушкѣ! Пошла бы, занялась бы чѣмънибудь... Да что ты оглохла, или спишь?» продолжала она, видя, что дочь не шевелится, и ни слова не отвѣчаетъ: Дуня, «Дуня, съ тобою я говорю или нѣтъ?» И, подойдя къ ней, мать взяла ее за руку. Но тутъ только замѣтила она блѣдное искаженное лице дочери, ея стиснутые

зубы, и конушанными уже голосомъ спросила:—Дуня, Дуня, что съ тобою, мое дитя?

Дуня открыла глаза.

— Не мѣшайте мнѣ, маменька! я думаю.

И снова закрыла глаза.

Пелагея Васильевна поняла, что съ ея дочерью творится что то недоброе, и что не время приставать къ ней съ правотченіями. Она тихонько перекрестила ее, и молча отошла.

Впрочемъ, на этотъ разъ, Дуня не долго просидѣла на диванѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, она вскочила, и зашагала по комнатѣ.

— Господи! какая пытка! Что это за взглядъ на женщину, какъ на товаръ, для котораго необходимо сбытъ? Неужели, если не найдется мужчины, который захочетъ облагодѣтельствовать меня женитьбою, то я погибла? Неужели, неужели нельзя прожить безъ мужчинъ, безъ этихъ самыхъ мужчинъ, которые такъ уничтожаютъ, оскорбляютъ женщинъ? И что всего обиднѣе, продолжала она съ отчаяніемъ, въ этихъ толкахъ есть какъ будто нѣкоторое основаніе. Ну, что, если мать права? Ну, что, если одной дѣйствительно не прожить? А вѣдь пусто, тяжело, не достаетъ чего то? И занятія не помогаютъ! Чего же не достаетъ то? чего? Уже не любви ли?

— Любить и быть любимою! съ ироніею продолжала она. Пустыя фразы! Да нѣтъ, вздоръ все это! Я знаю, отъ чего пусто-та на душѣ. Я знаю, чего не достаетъ мнѣ! Дѣла, серьезнаго дѣла! Цѣли опредѣленной въ жизни нѣтъ; вотъ гдѣ причина, разгадка всей этой тоски. Посади самаго умнаго мужчину на мое мѣсто; да заставь его тянуть ляжку, какъ меня, изъ дня въ день, живя, самъ не зная зачѣмъ, да не видя конца и исхода этой жизни. Я посмотрѣла бы тогда, что бы онъ зачѣлъ? Да, но вотъ въ чемъ дѣло: мужчина не останется въ такомъ положеніи, да для него оно и невозможно; такъ или иначе онъ выйдетъ изъ него, а я... Правда, и мнѣ указываютъ на возжеланный исходъ. Выходи замужъ и рожай дѣтей!!! Покорѣйше благодарю!! Господи! я чувствую, что готова ненавидѣть весь міръ и самую природу.

Дуня кинулась на постель, и уткнула лице въ подушки. Такъ пролежала она нѣсколько минутъ. Вдругъ послышался стукъ въ дверь. Дуня вдрогнула, и вскочила съ постели.

— Дуня, Дуня, послышался голосъ Пелагеи Васильевны,

опять ты заперлась? Что за глупая привычка! Выходишь ты, что ли тамъ? Да отзовись, мать моя!

— Что вамъ угодно, маменька?

— Пойдемъ гулять: вечеръ чудесный.

— Маменька, у меня голова болитъ.

— Будешь болѣть, какъ будешь сидѣть все на одномъ мѣстѣ, какъ насѣтка какая нибудь. Пойдемъ прогуляться; воздухъ о-свѣжитъ тебя.

— Нѣтъ, маменька, я уже лучше останусь дома: право, мнѣ не здоровится.

— Ну, какъ знаешь, я тебя не принуждаю. И Пелагея Васильевна сердито отошла отъ дѣри.

— Эгонстка, нераздѣлиная, проворчала она.

ГЛАВА II.

На другой день Дуня встала успокоенная. За ночь печальныя мысли и тревожныя чувства улеглись. День былъ чудный; солнце яркими лучами вривалось въ комнату; отъ сердца отлегло, молодость взяла свое, и Дуня почти весело поздоровалась съ матерью.

Въ тѣ рѣдкія минуты, когда тоска покидала Дуню, она испытывала недоумѣніе и тревожное ожиданіе, знакомое людямъ, испытавшимъ сильную и продолжительную зубную боль. Все удивляешься: какъ же это не болить, и ждешь: вотъ, вотъ, сейчасъ заболить.

За чаемъ горничная подала Дунѣ большой свертокъ, со словами:—Александра Петровна приказали вланяться, и прислали вотъ это.

Развернувъ свертокъ, Дуня радостно вскрикнула: «книги!» и принялась за разборку ихъ. Тутъ было нѣсколько историческихкихъ сочиненій, нѣсколько книжекъ различныхъ русскихъ и французскихъ журналовъ и нѣсколько томовъ сочиненій Бѣлинскаго, увидѣвъ которые, Дуня проговорила, откладывая ихъ въ сторону: А, вотъ Бѣлинскій, прочитавъ котораго, я примирюсь съ мужчинами, увѣраетъ Александра Петровна. Посмотримъ посмотримъ!.

Александра Петровна была богатая сосѣдка, умная и образованная, постоянно снабжавшая Дуню книгами.

— Ну, уткнеть теперь носъ въ книги, сердито проговорила Пелагея Васильевна. Хотя бы ты, по крайней мѣрѣ, матери то почитала въ слухъ.

— Маменька, вѣдь вы знаете, что я не могу читать въ слухъ? Вы знаете, что мнѣ это тяжело, и что я тотчасъ же начну зѣвать...

— Не не можешь, а не хочешь!

— Право, маменька, не могу.

— Не говори ты мнѣ пустяковъ; ты просто эгоистка, нераздѣлимая; ты даже и чужими мыслями не хочешь подѣлиться съ матерью, все себѣ одной забрала бы.

Споръ рисковалъ затянуться, и ожесточиться съ обѣихъ сторонъ, но въ эту минуту Пелагею Васильевну позвали по хозяйству, а Дуня, воспользовавшись отсутствіемъ матери, забрала книги, и ушла въ свою комнату.

Чтеніе въ слухъ было однимъ изъ постоянныхъ источниковъ спороу между матерью и дочерью. Пелагея Васильевна постоянно требовала отъ дочери, что бы та ей читала въ слухъ, а Дуня, кромѣ того, что, въ самомъ дѣлѣ, не могла читать въ слухъ, потому что съ первыхъ же строкъ громкаго чтенія, несмотря на весь интересъ книги, начинала зѣвать, но не любила также этого чтенія и потому, что оно неминуемо вело къ неприятностямъ.

Пелагея Васильевна понимала читаемое вкривъ и вкось, что не мѣшало ей пускайся въ длинныя и прескучныя разсужденія о прочитанномъ. Хотя Дуня сто разъ давала себѣ обѣщаніе не оспаривать мать, и предоставлять ей разглагольствовать всласть, но не всегда выдерживала, и какъ нибудь проговаривалась, а тамъ, слово за слово, глядишь и загорится жаркій споръ. Пелагея Васильевна въ подобныхъ случаяхъ тотчасъ же начинала давить ее авторитетомъ своихъ лѣтъ, и выставляла ей на видъ, что она старше, опытнѣе ея, больше жила на свѣтѣ, больше знаетъ людей, и проч. и проч. А когда разсерженная Дуня замѣчала ей, что лѣта ровно ничего не значать въ этомъ случаѣ, и что одни лѣта не даютъ знаній, то Пелагея Васильевна, въ свою очередь, обижалась, и начинала укорять дочь въ дерзости, непокорности и неблагодарности.

Споръ кончался обыкновенно тѣмъ, что мать и дочь съ гнѣвомъ расходились въ разныя стороны.

Но и молчаніе не помогало въ подобномъ случаѣ, и не было способо́въ дешево отдѣлаться отъ Пелагеи Васильевны. Она точно такъ же обижалась за молчаніе, какъ и за противорѣчіе, и, приписывая послѣднее дерзости, непокорности и неблагодарности, относила первое къ эгоизму и нераздѣлимости дочери.

— Что же ты молчишь? что же ты молчишь, какъ рыба? или уже и мыслями тебѣ жаль подѣлиться съ матерью. Господи! въ кого она уродилась у меня такую?

Какъ ни вертись, а дѣло кончалось споромъ и слезами.

Но бывали, впрочемъ, случаи, когда чтеніе въ слухъ и не влекло за собою бури, а напротивъ совершеннѣйшую тишину, прерываемую только легкимъ храпомъ Пелагеи Васильевны. Но этотъ мирный исходъ дѣла бѣсилъ Дуню, можетъ быть, еще болѣе, нежели укоры и жалобы катери.

«И зачѣмъ она просить меня читать вслухъ, если засыпаетъ подъ чтеніе? думала Дуня, лучше бы заставила няню рассказывать себѣ сказки.»

Придя къ себѣ въ комнату, Дуня сѣла съ ногами на диванъ; часть книгъ положила къ себѣ на колѣни, часть возлѣ, на диванъ, придерживая ихъ одною рукою, а другою раскрыла седьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго, и принялась читать.

Вотъ что читала она:

«Въ Россіи женщины мало пишутъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться: въ Россіи и мужчины почти совсѣмъ не пишутъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, вы увидите, что у насъ женщины пишутъ, именно не больше и не меньше того, сколько могутъ онѣ писать. Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Живыиъ взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Этотъ взглядъ, запрещающій женщинѣ выходить изъ заколдованнаго круга простыхъ свѣтскихъ отношеній, не есть принадлежность собственно русскаго общества: онъ равно принадлежитъ и просвѣщенному западу Европы. Правда, тамъ, какъ и у насъ, женщина давно уже приобрѣла право говорить печатно, — но какъ и о чемъ говорить? вотъ вопросъ, подробное рѣшеніе котораго завело бы насъ далеко — далеко.... въ самую Азію. Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгаетъ пошлыхъ намековъ и названія сняго чулка, каковъ бы

ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный. Никто тамъ не оспариваетъ у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великимъ творческимъ талантомъ; никого не оскорбляетъ и не соблазняетъ зрѣлище пишущей женщины; но въ то же время, едва ли кто упуститъ случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностію женскаго ума, болѣе, будто бы, приравловеннаго для курни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчинъ: если они давно перестали бить женщинъ, то еще не отстали отъ привычки грозить имъ кулакомъ, или дразнить языкомъ, въ ознаменованіе права своей силы. Привычка — вторая натура, и потому отстать отъ нея трудно. Для женщины писательницы это первое, и притомъ еще самое меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно — вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже и дѣти, но которыя, тѣмъ не менѣе, считаются почтенными. Нельзя употребить большаго насилія надъ женщиною, нельзя оказать ей большаго презрѣнія! Конечно, ей не воспрещается закономъ быть оригинальною и глубокою въ своихъ мысляхъ, могущественною и великою въ творествѣ, — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько не воспрещается это закономъ мужчинъ; но если законъ оставить женщину въ покоѣ, тогда противъ нея дѣйствуетъ общественное мнѣніе. Тысячеглавое чудовище объявляетъ ее безнравственною и безпутною, грязнить ея благороднѣйшія чувства, чистѣйшіе помыслы и стремленія, возвышеннѣйшія мысли, — грязнить ихъ грязью своихъ комментаріевъ; объявляетъ ее безобразною кометою, чудовищнымъ явленіемъ, самовольно вырвавшимся изъ сферы своего пола, изъ круга своихъ обязанностей, что бы употъ свои разнузданныя страсти и наслаждаться шумною и позорною извѣстностію... Неправда ли, что это возмутительно несправедливо».

До сихъ поръ все шло хорошо. Дуня съ восторгомъ читала эту благородную защиту непризнанныхъ правъ женщинъ смѣлаго и честнаго бойца, всю жизнь боровшагося съ насиліемъ и ложью. Прочитавъ дальнѣйшія страницы, гдѣ идетъ историческій перечень женскихъ именъ, подвизавшихся на русскомъ литературномъ поприщѣ, и разборъ сочиненій Зинаиды Р—вой,

*

по поводу которых и написана была вся статья, Дуня дошла до слѣдующихъ строкъ:

«Мы совершенно согласны съ авторомъ на счетъ превосходства женщинъ надъ мужчинами въ дѣлѣ любви; мы принимаемъ это превосходство за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнiю, и только стараемся, какъ сумѣемъ, объяснить причину такого явленiя».

«Начнемъ съ того, что женщина болѣе, чѣмъ мужчина, создана для любви самую природою. Женщина—представительница земнаго производительнаго начала, тогда какъ мужчина представитель начала умственнаго, отвлеченнаго, олимпійскаго...»

Но Дуня уже рыдала истерически, а книга, со смятою страницою, летѣла подъ столъ.

— А, такъ вотъ что выходитъ въ окончательномъ результатѣ всѣхъ этихъ великодушныхъ разсужденiй! *Женщина болѣе, чѣмъ мужчина, создана для любви самую природою.* Боже! неужели это правда? Но вѣдь если это правда, то, значить, женщина ниже мужчины, и, значить, нечего и толковать, нечего и защищать ея мнимыхъ правъ на умственную жизнь. Нѣтъ у ней этихъ правъ. Создана природою для любви, ну, и живи для любви. Ха, ха, ха, а вѣдь маменька, значить, права! Кто бы могъ это думать?? *Начнемъ съ того, что женщина, болѣе чѣмъ мужчина, создана для любви самую природою.* Да, вѣдь, это повторенiе эго знаменитой фразы: *женщина должна любить и быть любимой*, то есть, въ переводѣ на простой языкъ, это значить: мужчинѣ умственная жизнь, мужчинѣ наука и искусство, а женщинѣ кухня и дѣтская. И это говоритъ Бѣлинскiй, гуманистъ, защитникъ, который долженъ примирить меня съ мужчинами. Но вѣдь это самое, слыхала я, говорила до сихъ поръ и наука. У женщины мозгу меньше, и мозгу худшаго качества, чѣмъ у мужчины. Но вѣдь если это правда, то что же тогда за насмѣшка природы надъ женщиною? Если она только представительница земнаго производительнаго и хранительнаго начала, т. е., по просту безъ затѣй, не болѣе, какъ производительная машина, то къ чему ей тогда и тотъ слабый смыслъ, который у ней есть? Уже не для того ли, что бы мужчинѣ было веселѣе? Значить, я могу только понимать, какъ высокъ генiй моего властелина, мужчины, но сама возвыситься до этого генiя не могу? Рожай дѣтей, услаждай жизнь твоего господина, мужчины, и

будеть съ тебя! потому что, какъ они тамъ не подслащай пилюли, а все сводится къ этому. А я не хочу утѣждать ни чьей жизни; я хочу жить сама по себѣ одна, какъ цвететъ женщина. Я хочу открывать законы природы, создавать храмы Петра и Фаустовъ!...

«Попробуй!» говорятъ они съ насмѣшкою, и правы! Я не могу ихъ создать. Я могу только понять, что это высоко и недостижимо для меня, потому что я женщина, нисшее существо!!!

Но, можетъ быть, они врутъ, можетъ быть, это вѣковое рабство измѣнило, унизило, умалило женщину, размягчило ей мозгъ. Но, нѣтъ, не можетъ быть: гений выбивается изъ рабства; для гения не существуетъ рабства, а хотя бы одинъ самостоятельный женскій гений!.. Нѣтъ, нѣтъ, ни одного имени, ни одного. Бесплодная пустыня. Во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни женщины являются блѣдными подражательницами мужскаго гения! Ни одного Шекспира, ни одного Ньютона, ни одного Моцарта, ни одного Пушкина даже!

Такъ, такъ, женщина ниже мужчины. Женщина только и отличается отъ остальныхъ самокъ сознаниемъ своего безсилія и ничтожества. Ты не сознаешь, а я сознаю, что я ниже моего самца! Онъ царь, а я его раба!!!

Дуня вскочила съ дивана.

— Философы, мыслители, гуманисты, благодѣтели рода человѣческаго! Я спрашиваю васъ: каково жить съ такимъ сознаниемъ??!

— Дуня, Дуня, послышался у двери недовольный голосъ Пелагеи Васильевны, иди, мать моя, обѣдать. Уткнетъ носъ въ книгу, и знать ничего не хочетъ. Я уже третій разъ зову тебя.

— Сейчасъ, маменька.

Дуня провела рукою по лицу, и направилась къ двери.

— Что же ты вычитала хорошаго? спросила мать, разливая супъ.

— Что женщина создана на то, что бы любить и быть любимой, и что ей необходимо замужъ выйти, съ злобною усмѣшкою отвѣчала Дуня.

— Ну вотъ видишь!.. ну! вотъ, значить, я права, вотъ и въ книгахъ тоже пишутъ, а ты матери не вѣришь. Мать дура, мать изъ ума выжила, а вотъ и умные люди тоже самое говорятъ.

— Только тамъ, маменька, не сказано, что мужчины подле-

цы, а, напротивъ, говорятъ, что они цари, продолжала съ тою же усмѣшкою Дуня.

— Ну, уже это они врутъ, вскрикнула разсерженная Пелагея Васильевна, какіе они цари!

Пелагея Васильевна повела рассказъ о подлости мужчинъ и о томъ что пришлось выстрадать ей на своемъ вѣку, благодаря этой подлости.

На этотъ разъ Дуня невнимательно слушала мать. Задумчиво сидѣла она, опершись рукою на столъ. Черныя мысли бродили у ней въ головѣ, а холодная, тяжелая тоска тихо, тихо сосала ей сердце.

ГЛАВА III.

Прошло полгода послѣ описанныхъ нами сценъ. Утро одного яснаго, морознаго дня застало обитателей маленькаго сѣреньяго домика, въ знакомой уже намъ гостиной, въ обществѣ третьяго лица, молодаго человѣка, маленькаго роста, бѣлокурога, курчаво и замѣчательно нескладнаго.

Молодой человѣкъ только что съ мороза. Это видно по его красному лицу и по заиндевелѣвшей бородѣ и усамъ. Онъ сидитъ на диванѣ, рядомъ съ Дунею, и съ жаромъ ей объясняетъ:

— Я не могъ быть у васъ всю эту недѣлю, Авдотья Николаевна. Мнѣ сильно не здоровилось. Зато сегодня мы вознаградимъ потерянное время. Я привезъ вамъ человѣчка изъ папье маше, о которомъ говорилъ въ прошедшій разъ. Послѣ обѣда мы займемся его внутренностями.

— Ахъ, скажите, какъ это интересно, любезно вмѣшалась Пелагея Васильевна, которая сидѣла тутъ же, у окна, и вязала филе.

Молодой человѣкъ не обратилъ никакого вниманія на это восклицаніе, и продолжалъ, обращаясь къ Дунѣ:

— А вы прочитали, Авдотья Николаевна, статью о пищевареніи, которую я вамъ оставилъ?

— Нѣтъ, Платонъ Петровичъ, еще не успѣла.

— Не успѣли, вспльчиво закартавилъ онъ — онъ говорилъ необыкновенно быстро и часто, и сильно картавилъ—какъ не

успѣли? Что же вы дѣлали? Вотъ, всѣ вы женщины таковы, продолжалъ онъ съ презрѣніемъ, ничѣмъ серіознымъ не можете заниматься долго. Сейчасъ и надоѣсть! Что же вы дѣлали? въ пальцахъ вышивали?

— Она все читала, вступилась за Дуню Пелагея Васильевна.

— Что же вы читали, какую нибудь ерунду, романы?

— Я читала Прудона, Платонъ Петровичъ.

— Пру-до-на, протянулъ Платонъ Петровичъ, не знаю-съ, не слыхалъ!

— Это извѣстный французскій философъ и публицистъ, Платонъ Петровичъ.

— Философъ и публицистъ, проворчалъ Платонъ Петровичъ, а вѣрно не умѣлъ отличить вены отъ артерій.

За обѣдомъ Пелагея Васильевна много разсуждала, и вдругъ, какъ то случайно, упомянула слово *лимфа*. Платонъ Петровичъ, дотолѣ не обращающій никакого вниманія на разглагольствованія Пелагеи Васильевны, точно онъ былъ глухъ, или разговоръ происходилъ на незнакомомъ ему санскритскомъ языкѣ, вдругъ навестила уши:—Вотъ вы сейчасъ, Пелагея Васильевна, сказали слово лимфа. Позвольте васъ спросить; вы знаете: что такое лимфа? При такомъ категорическомъ вопросѣ, Пелагея Васильевна замялась, и хотѣла отдѣлаться ловкимъ оборотомъ рѣчи. Но Платонъ Петровичъ не допустилъ ее до этого, безжалостно отрѣзалъ ей всѣ пути къ отступленію, и заставилъ сознаться, что она не знала буквальнаго точнаго опредѣленія лимфы, какъ оно стоитъ въ медицинскихъ учебникахъ, а слыхала только «звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ», по выраженію уже самого Платона Петровича. Совершивъ свою славную экспедицію противъ непріятели, вторгнувшася дерзко въ его область, и казнивъ Пелагею Васильевну за дерзостное употребленія слова, входящаго въ магическій кругъ медицинскихъ терминовъ, не доступныхъ простымъ смертнымъ, не посвященнымъ во всѣ таинства медицины, Платонъ Петровичъ принялся опять кушать супъ, съ видомъ чловѣка, которому нѣтъ никакого дѣла ни до чего въ мірѣ, лишь бы не забирался въ его собственныя владѣнія безъ спроса.

Послѣ обѣда, Дуня сѣла у стола въ гостиной. Платонъ Петровичъ помѣстился возлѣ, и принялся объяснять ей строеніе чловѣческаго тѣла.

Онъ говорилъ ясно и толково; видно было, что предметъ свой онъ зналъ хорошо, и любилъ его.

Дуня внимательно слушала. Нѣсколько часовъ сидѣли они такимъ образомъ. Наконецъ Платонъ Петровичъ всталъ и сказалъ.

— Въ слѣдующій разъ мы займемся сравнительною анатоміею; конечно всѣ эти занятія съ куклами изъ папье маше пустяки; нужно бы было показать вамъ все это на настоящемъ трупѣ, да что будешь дѣлать: въ этой проклятой глуши не достать человѣческаго трупа ни за какія деньги. Я привезу вамъ атласъ сравнительной анатоміи, и нѣсколько скелетовъ небольшихъ животныхъ, а пока внимательно читайте курсъ физиологій, который я вамъ далъ.

— Ахъ, кстати, сказала Дуня, мнѣ прислали одно сочиненіе по этому же предмету: Физиологію обыденной жизни, Льюиса.

— Не читайте, съ живостію перебилъ Платонъ Петровичъ.

— Отчего?

— Не стоитъ, ди-ле-тантъ! презрительно протянулъ онъ, взявъ шляпу, раскланялся и уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ Дунею, въ жизни ея произошелъ окончательный переворотъ. Взглядъ Дуни на природу, на людей, на все окружающее измѣнился радикально. Хотя эта перемѣна давно подготовлялась, но окончательно совершилась она въ слѣдствіе одного обстоятельства, имѣвшаго важныя для Дуни послѣдствія.

Дуня отстояла много правъ себѣ. Безконтрольное чтеніе уже давно сдѣлалось ея неотъемлемымъ правомъ. Пелагея Васильевна сначала сильно возставала, но должна была уступить тѣмъ болѣе, что сама не знала ни одного языка, кромѣ русскаго, а въ слѣдствіе этого обстоятельства контроль ея уничтожился самъ собою. Дуня много читала. Въ послѣдніе два года, какъ она отказалась отъ выѣздовъ и свѣтской жизни въ губернскомъ городѣ, къ великому отчаянію Пелагеи Васильевны, которая съ каждымъ годомъ все больше и больше теряла надежду видѣть дочь замужемъ, — она только это и дѣлала. Долгое время чтеніе ея было безтолково. Она переходила отъ одной книги къ другой, отъ одного писателя къ другому, безъ всякой системы и связи. Въ головѣ удерживались смутныя понятія; но въ окончательномъ результатѣ выходилъ сумбуръ.

За полгода передъ этимъ, Дуня случайно набрела на геологическую статью въ одномъ французскомъ журналѣ. Это была почти первая статья естественноисторическаго содержанія, прочитанная ею. До того она читала сочиненія историческія, поли-

тивоекономическія и такъ называемую изящную словесность. Произошло это чисто случайнымъ образомъ, въ слѣдствіе того, что бібліотека богатой сосѣдки, о которой упоминалось выше, и которая снабжала главнымъ образомъ Дуню книгами, была бѣдна естественнoисторическими сочиненіями. Прочитанная Дуною геологическая статья была чисто научная, безъ всякаго полемическаго характера. Спокойно, просто, ясно излагались въ ней неопровержимые факты, добытые наукою, и противорѣчившіе всѣмъ первоначальнымъ понятіямъ Дуни о вселенной и о человѣкѣ.

Статья произвела на Дуню невыразимое дѣйствіе. Новымъ свѣтомъ озарилось ея голова. «Такъ вотъ какъ,» сказала она себѣ, и все прежнее міросозерцаніе съ трескомъ рухнуло. Одно чувство проснулось въ ея душѣ съ небывалою силою, любовью и знательностью. «Учиться хочу», сказала она себѣ, и случай помогъ ей.

Къ богатой сосѣдкѣ пріѣхалъ молодой докторъ, Платонъ Петровичъ Петровский, только что покинувшій университетскую скамью, фанатически преданный своей наукѣ, и видѣвшій спасенія: онъ съ презрѣніемъ относился ко всему, кромѣ своей медицины. Фактическую сторону вспомогательныхъ естественныхъ наукъ онъ зналъ также хорошо, хотя и смотрѣлъ на нихъ, какъ на средство, а цѣлю была всетаки его дорогая медицина. Платонъ Петровичъ, несмотря на свои безспорныя медицинскія познанія, былъ въ сущности человѣкъ въ высшей степени необразованный и крайне неразвитый. Къ тому же, школьная самонадѣянность еще не покинула его. Смѣшно и дико было слышать его разсужденія обо всемъ, что не касалось медицины. Исторіи и философіи онъ не признавалъ, хотя зналъ о нихъ только по слуху; искусство презиралъ; поэзію называлъ вздоромъ, но тоже по слуху, потому что въ жизнь не прочиталъ ни одного поэтическаго произведенія, и даже не зналъ о существованіи многихъ именъ, извѣстныхъ всякому маломальски начитанному человѣку. Довольно тупый и ограниченный отъ природы, онъ и въ медицинѣ то зналъ и видѣлъ одни факты, а до выводовъ ему не было никакого дѣла. При всемъ томъ, для Дуни онъ былъ находкою. Онъ зналъ то, чего она не знала; онъ зналъ *факты*, и могъ передать ихъ ей. Они познакомились случайно, и скоро сблизились, благодаря страстному желанію учиться съ одной стороны, и не менѣе стра

стному желанію учить съ другой. Между ними образовались самыя простыя пріятельскія отношенія. Платонъ Петровичъ называлъ женщинъ не иначе, какъ самками, и въ сущности отъ души презиралъ ихъ. Къ Дунѣ относился онъ нѣсколько милостивѣе, т. е. онъ просто никогда не думалъ объ ея полѣ, и видѣлъ въ ней только прилежнаго, и дозольно понятливаго ученика. Дуня знала о взглядѣ Платона Петровича на женщину, но онъ ни мало не оскорблялъ ее. Онъ даже казался ей гораздо менѣе обиднымъ, въ своей грубой откровенности, нежели *любезный* взглядъ на женщину губернскихъ франтовъ, съ которыми она встрѣчалась, въ былыя времена, въ обществѣ. Ихъ ухаживаніе, умильные взгляды, наружное, мнимо благоговѣнное почитаніе женщины, прикрывавшее не менѣе грубый, въ сущности, но болѣе пошлый взглядъ на женщину, казалось ей гораздо оскорбительнѣе отношенія къ женщинѣ Платона Петровича.

«Онъ называетъ женщину самкою, и въ сущности правъ, потому что она дѣйствительно самка. Этотъ взглядъ по крайней мѣрѣ научный и вѣрный природѣ.

«Они называютъ женщину цвѣткомъ. Это уже совсѣмъ вздоръ, со всѣхъ сторонъ, и въ всѣхъ отношеніяхъ, нелѣпость, бессмыслица, возведенная въ перлъ созданія, и нисколько не уважительнѣе, и не лестнѣе названія самки, потому что ложь не можетъ быть лестнѣе правды.

«Онъ презираетъ женщину, но за ея невѣжество. Явись передъ нимъ женщина докторъ, равная ему по знаніямъ, онъ отнесется къ ней съ непритворнымъ уваженіемъ.

Они презираютъ женщину потому, что не умѣютъ уважать ни кого, ни даже самихъ себя, и нѣтъ того женскаго совершенства, къ которому они могли бы отнестись съ уваженіемъ.»

Платонъ Петровичъ началъ усердно заниматься съ Дунею, которая выказывала необыкновенное рвеніе къ занятіямъ. При всемъ томъ дѣло подвигалась плохо; недостатокъ элементарныхъ познаній ученицы безпрестанно останавливалъ и ее, и учителя. Дунѣ приходилось начинать съ азбуки въ тѣ годы, когда мужчины уже самостоятельно работаютъ, и сами дигаются науку. Ей въ двадцать два года приходилось учить то, чему въ гимназіяхъ учатъ десятилѣтнихъ мальчиковъ. А тутъ еще латинь... Дѣло выходило дрянъ.

Дуня была неизмѣримо выше, и по развитію, и по уму, и по

способностямъ, своего учителя, но онъ правильно и во время прошелъ всю лѣстницу, ведущую къ знанію, и Дуня, несмотря на несомнѣнное природное превосходство, пасовала передъ нимъ. Бездѣлицы, которыя дались ему постепенно и незамѣтнымъ образомъ, останавливали ее, и задерживали весь ходъ ученія.

Несмотря на это, она старалась изъ всѣхъ силъ, хотя отчаяніе и сомнѣніе уже начинали по временамъ закрадываться въ ея душу.

— Не поздно ли? твердилъ одинъ голосъ.

— Полно, доступно ли это женскому уму? подхватывалъ другой, еще коварнѣйшій.

А тутъ Руссо съ своимъ взглядомъ на женщину, а вѣдь былъ великій мыслитель, гениальный человѣкъ, и естественныя науки отчасти зналъ. Знаніе естественныхъ наукъ стало въ глазахъ Дуни верхомъ человѣческой мудрости. А тамъ Бѣлинскій, съ своимъ дѣленіемъ жизни, на жизнь сердца и на жизнь умственную, олимпійскую.

Здѣсь Прудонъ... ну, тотъ только бранится, обидно, площадно; грубо бранится, но бездоказательно. Тамъ Бюхнеръ—этотъ уже совсѣмъ естествоиспытатель—доказываетъ, что у женщинъ мозга меньше, чѣмъ у мужчинъ.

У Дуни кружилась голова, и что то страшное поднималось со дна души.

ГЛАВА IV.

Черезъ три дня, Платонъ Петровичъ явился къ Дунѣ съ цѣлымъ музеемъ скелетовъ, препаратовъ и другихъ хитрыхъ вещей.

Между прочимъ, онъ привезъ микроскопъ и живую лягушку, что бы показать Дунѣ кровообращеніе въ лапкѣ и брюжжейкѣ.

Пелагея Васильевна тоже полюбопытствовала взглянуть на привезенныя диковинки, но съ отвращеніемъ отвернулась, промолвивъ: — Ахъ, какая гадость!

Платонъ Петровичъ свирѣпо взглянулъ на нее. «Сама ты гадость!» ясно выразилось у него на лицѣ, такъ ясно, что въ словахъ не было ни малѣйшей надобности.

Все утро они занимались; но урокъ шелъ дурно. Платонъ Петровичъ захотѣлъ проэкзаменовать Дуню изъ прочитаннаго ею въ курсѣ физиологiи, который онъ ей далъ. Оказалось, что Дуня многого не запомнила, а многого не поняла; оказалось, что, для яснаго пониманiя физиологiи, нужно знать ос нованiя химiи, а Дуня въ химiи, какъ говорится, ни въ зубъ толкнуть; дальше и дальше оказалось, что приходится разбрасываться въ разныя стороны, и начинать съ нѣсколькихъ азбукъ разомъ. А всего рельефнѣе оказалось, что занятiя въ томъ видѣ, въ какомъ они шли до сихъ поръ, занятiя чисто дилеттантскiя, и къ серьезному знанiю науки не приведуть. Нужно было.... но что нужно было?

Вопервыхъ, пройти гимназическiй курсъ. Бездѣлица!

Вовторыхъ, заниматься въ настоящихъ лабораторiяхъ, аудиторiяхъ, слушать лекцiи съ настоящихъ каедръ, въ зданiяхъ, называемыхъ университетами, медикохирургическими академiями, и проч., т. е., по просту безъ затѣй, сначала быть гимназистомъ, а потомъ студентомъ.

А безъ того не видать науки, какъ своихъ ушей, а только пользоваться крупницами ея, перепедающими иногда съ стола богатыхъ.

А такъ какъ гимназiи, университеты и медикохирургическiя академiи, по праву, а до сихъ поръ и по дѣлу, существуютъ не для женщинъ, а для мужчинъ, то и оказалось, что занятiе наукою пока не женскаго ума дѣло.

На Дуню это простое открытiе произвело печальное дѣйствiе; но пусть она сама расскажетъ намъ свои ощущенiя.

Дневникъ Дуни.

Какъ мнѣ тяжело, какъ я страдаю, какая томительная, безысходная тоска гложетъ, точить мое сердце! И такъ изъ дня въ день, безъ конца, безъ просвѣта. Ничто не помогаетъ, ничто: ни чтенiе, ни занятiя, ни размышленiя. А убiйственнѣе всего то, что нужно носить эту тоску въ себѣ, да такъ и умереть, ничего не повѣдавъ о ней мiру, людямъ, которымъ нѣтъ до нея дѣла. Что страданiя всѣхъ генiевъ, сравненiи съ моими, съ страданiями мелкой, ничтожной букашки! У нихъ *была воля*, для передачи своей тоски людямъ! Они въ звукахъ, какъ Шопенъ, они въ пѣсняхъ, какъ Байронъ, они въ жаркомъ

и громко заявленномъ протестѣ противъ существующаго порядка, какъ Руссо, могли повѣдать міру свою міровую печаль. Они могли сказать: «люди-братья! смотрите, какъ можетъ страдать человѣкъ. Вы жалуетесь на свои горести, а знаете ли вы, до чего можетъ доходить скорбь человѣческая? Смотрите: вотъ, вотъ что пережили, что выстрадали мы, не павъ въ борьбѣ съ страданіемъ. Смотрите и учитесь! Вотъ какъ долженъ бороться человѣкъ, и затѣмъ умереть съ сознаниемъ: мы не даромъ жили, мы не прошли безслѣдно по землѣ.»

А я..... О! Оберманнъ, ты, носившій въ груди тяжелое сознание своего безсилія, ты медленно изнывавшій съ мыслию о своемъ ничтожествѣ, одинъ ты могъ бы понять меня! Одинъ ты зналъ, что такое *желать*, и *не мочь*. Одинъ ты оцѣнилъ трагизмъ разлада между *волею* и *силою*. Да, ты понялъ бы, что кровію пишу я эти строки, и какое холодное отчаяніе въ мысли: я умру, не сдѣлавъ ничего полезнаго, не оставивъ слѣда на землѣ! И таковъ удѣлъ всѣхъ женщинъ, будто бы предназначенный имъ самою природою. Такъ говорятъ мнѣ всѣ мыслители, къ которымъ я обращаюсь за совѣтомъ! Не матеріальная, грубая сила мужчины подавила, поработила васъ, женщинъ. Вздоръ! говорятъ они, не мужчины виноваты въ томъ низкомъ, нравственномъ и умственномъ уровнѣ, на которомъ стоятъ женщины; не мужчины поработили васъ силою, случаемъ. Нѣтъ, вы сами подчинились намъ, потому что мы нравственно выше васъ. Не физическая сила на нашей сторонѣ, а умственная. Геній мужчины—вотъ гдѣ разгадка его преобладанія, его господства! Велика власть женщины надъ мужчиною, и если бы она хотѣла, то она перевернула бы весь строй образованной жизни. *Но она не хочетъ этого, потому что не можетъ!* потому что природою отведено ей нисшее мѣсто въ ряду существъ.

«Въ болѣзняхъ родити чада»—вотъ ея назначеніе, ея удѣлъ. Съ нимъ не мирится другое дѣло, а если она отвернется отъ своего назначенія, то падетъ подъ бременемъ своего безсилія, не оставивъ міру другаго памятника, кромѣ безсильныхъ попытокъ, отмѣченныхъ ничтожествомъ ея способностей и мысленія. Такъ говорятъ мнѣ всѣ мужскіе геніи, къ которымъ я обращаюсь за отвѣтомъ. Да, производить дѣтей; вотъ единственное назначеніе женщины, говорятъ они мнѣ хоромъ; отвернется она отъ него, она урокъ нравственный и физическій, а

уроды развѣ производили когда нибудь что нибудь могучее и живучее?

«Женщина болѣе, чѣмъ мужчина, создана для любви самою природою. Женщина—представительница земнаго производительнаго и хранительнаго начала, тогда какъ мужчина представитель начала умственнаго, отвлеченнаго, олимпійскаго.»

Вотъ что говорить Бѣлинскій.

«При союзѣ половъ, каждый равно содѣйствуетъ общей цѣли, но не одинакимъ образомъ. Изъ этого различія рождается первая разница, которую можно опредѣлить, нравственными отношеніями одного и другаго. Одинъ долженъ быть активнымъ и сильнымъ, другой пассивнымъ и слабымъ: необходимо нужно, что бы одинъ хотѣлъ и могъ; достаточно, чтобы другой слабо сопротивлялся. Изъ этого начала вытекаетъ, что женщина спеціально создана на то, что бы нравиться мужчинѣ.»

Дальше развивается выпеприведенная мысль Бѣлинскаго, только рельефнѣе, и послѣдовательно приводитъ къ слѣдующему положенію:

«Всякая ученая дѣвушка останется дѣвушкой всю жизнь, даже когда на землѣ будутъ только разсудительные мужчины!»

Это говоритъ Руссо. А вѣдь былъ боецъ за свободу всякую, умственную, какъ и матеріальную, о правахъ человѣка ратовалъ; только *человѣкомъ* считалъ онъ одного мужчину.

Ошибался тутъ его геній, или нѣтъ?

Вотъ вопросъ, на который жизнь не даетъ мнѣ до сихъ поръ отвѣта! Да дастъ ли мнѣ она его? А наука до сихъ поръ даетъ мнѣ слѣдующее:

«Извѣстно, какъ женскій полъ вообще умственно ниже мужскаго. Соответственно этому, Пикокъ напелъ, что, среднимъ числомъ, вѣсъ мужскаго мозга значительно больше женскаго. Средній вѣсъ мозга у мужчины простирается, по словамъ Пикокъ, до 50 унцовъ, у женщины же до 40 унцовъ.»

Вотъ что говоритъ наука въ лицѣ Бюхнера. И затѣмъ, всѣ философы, мыслители, ученые хоромъ повторяютъ: женщина по своей организаціи ниже мужчины, и должна быть ему подчинена.

Ея назначеніе—жизнь сердца и семейная жизнь.

Полно, такъ ли, правы ли вы, философы? и не ошибается ли тутъ ваша наука?

— Я хочу умственной жизни, вдругъ проговорится какаянибудь женщина.

— Ну, такъ ты уроды! отвѣчаютъ ей.

— Но я страдаю.

— Намъ нѣтъ до того дѣла. Подчинись закону необходимости, закону природы, и ты будешь счастлива. Такъ ли, есть ли такой законъ необходимости, есть ли такой законъ природы? спрошу я ихъ, въ свою очередь. И какъ быть, если подчиненіе и примиреніе невозможно, если, несмотря на всѣ доводы разума, олицетвореннаго въ лицѣ мужчины, женщина не мирится съ своею долею, отворачивается отъ счастья спеціальнаго назначенія на то, что бы нравиться вамъ, услаждать вашу жизнь? Если она такой неисправимый уродъ? Спрашиваю васъ, философы, мыслители, гуманисты, благодѣтели рода человѣческаго, спрашиваю васъ: что тогда?

Будьте логичны и послѣдовательны въ своемъ отвѣтѣ, идите до конца, и не пугайтесь крайняго вывода вашихъ положеній.

Въ Спартѣ физическіе уроды не терпѣлись; ихъ, при самомъ рожденіи, уничтожали. О нравственныхъ уродахъ исторія умалчиваетъ.

Древняя жизнь, не столь сложная и болѣе естественная, вѣроятно не поражала ихъ, а можетъ быть они и являлись, эти нравственные уроды, въ средѣ плотовъ, осужденныхъ работать на своихъ господъ, но съ этими уродами поступалось столь же рѣшительно и логично, какъ и съ физическими уродами. Уродъ ты, слѣдовательно лишній и даже вредный членъ общества. Нѣтъ тебѣ въ немъ мѣста: ступай вонъ! Коротко, ясно, сильно, а главное логично.

Но новѣйшая жизнь пришла къ другому заключенію, выработала новое начало, начало гуманности. Новѣйшіе философы, мыслители, законодатели, отступаютъ передъ *простою* взгляда древнихъ философовъ, мыслителей, законодателей. На смерть меня, нравственнаго урода, они не осудятъ.

Что же? не самой ли мнѣ осудить себя?

Да, осудить и доставить *мнѣ* случай съ спокойною и гордою увѣренностію мудреца, постигшаго все, и успокоившагося въ величіи сознанія собственной силы и мудрости, напутствовать меня надгробнымъ словомъ:

«А вѣдь пустая была, въ сущности, личность этой женщины».

Нѣтъ, философы, мудрецы, довольные собою олимпійцы, я не доставлю вамъ этого торжества. Я буду жить наперекоръ себѣ, вамъ, всей природѣ. Я буду фальшивою нотою въ вашемъ стройномъ, согласномъ хорѣ. Я буду зловѣщимъ, безпокойнымъ голосомъ, нарушающимъ ваше спокойное ликованіе, и въ то время, какъ почтительные и усердные моралисты и художники будутъ докладывать вамъ, что все обстоитъ благополучно, мое существованіе будетъ говорить вамъ: нѣтъ, не все обстоитъ благополучно; внутри васъ самихъ, вашего общества, есть разладъ, есть тайная развѣдающая рана, залогъ вашей Судущей смерти, и причина вашей настоящей болѣзни, которую вы напрасно сплитесь залечить паліативными средствами. Или ваши мыслители лгутъ, или они подписываютъ вашу собственный приговоръ! Весь этотъ порядокъ обрушится на вашу же голову. Вы изгоняете женщину съ вашего Олимпа, а она, въ свою очередь, стащитъ васъ съ этого Олимпа за собою въ грязь.

Вы съ гордостію говорите: «умственная жизнь не для женщинъ, а для насъ, царей созданія,» а она не дастъ вамъ жить этою жизнію. Она вездѣ будетъ преградой, камнемъ преткновенія на пути вашемъ къ этой жизни. Она не дастъ вамъ создавать боговъ, а заставитъ лѣпить горшки, потому что въ этихъ горшкахъ варится пища для нея и ея дѣтей, а другой пищи, кромѣ матеріальной, для нея не существуетъ, по вашему же рѣшенію.

Вы захотите быть художниками, учеными: она заставитъ васъ быть поденщиками и работать на нее же.

Вы захотите быть гражданами: она сдѣлаетъ васъ взяточниками.

Вы захотите быть свободными, а она приведетъ васъ связанными къ ногамъ деспотовъ, жрецовъ, которые черезъ нее будутъ властвовать и надъ вами.

Слѣпые, близорукіе мыслители: неужели вы не видите связи всего этого?

И напрасно будете вы выбиваться изъ подъ ярма, напрасно напрягать гигантскія, не человѣческія мышцы: все будетъ тщетно.

Съ недоумѣніемъ будете вы вопрошать себя и другихъ: гдѣ разгадка тщеты этой борьбы добра съ зломъ, свѣта съ мракомъ; напрасно вы обвините природу, предковъ, прошедшее, настоящее.

Разгада въ вашемъ собственномъ тупоуміи. Причина въ вашемъ узкомъ, непросвѣщенномъ себялюбіи!

Читатели! досказывать ли мнѣ вамъ исторію моей героини? По настоящему, не можетъ же не быть конца у всякой исторіи. Увы, читатели! у моей исторіи нѣтъ конца, если я только не соглашусь навратъ и присочинить беллетристическій книжный конецъ. Въ жизни много бываетъ исторій безъ конца. Въ повѣстяхъ этого какъ будто не бываетъ. Но это только *кажется*, что конецъ повѣсти именно тамъ, гдѣ захочетъ авторъ. Читателю всегда является возможность спросить: «ну, а дальше что было?» Одна маленькая дѣвочка даже о сказкахъ, доведенныхъ до благополучной развязки, опредѣляемой въ французскихъ сказкахъ фразою: *Ils vécurent heureux et eurent beaucoup d'enfants*, ухитрялась спрашивать: «ну, а дальше что было?»

Да и какой конецъ присочинить мнѣ? Уморить ли мнѣ мою героиню чахоткою? Но вѣдь уловка эта ни къ чему не послужитъ. Вы ясно поймете, что это обычный сочинительскій приемъ, употребляемый съ цѣлію избавиться отъ неудобнаго героя.

Просперъ Покровский.

№ 2278

21/257. Учен. 4. 577.

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ

ИЗДАВАННЫЯ

К. ТРУВНИКОВЫМЪ.

ЮЛЬ И АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛІТІА»
по Мойкѣ, 5.

1868.

7/1/12

10/1/12

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
I. ВЫРОСЛА И ОТЦВѢЛА, КАКЪ ЦВѢТОКЪ. <i>Повѣсть анонимнаго автора. (Окончаніе).</i>	1
II. ГОЛУБКА ВЪ ОРЛИНОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ миссъ Гондаль. <i>(Окончаніе).</i>	135
III. СЛАВЯНСКІЙ ГОРОДЪ ВЪ БОГЕМИИ. <i>(Изъ путевыхъ замѣтокъ).</i> В. Т.	182
IV. ПРИЗЫВЪ КЪ ТРУДУ. <i>Екатерины С.</i>	191
V. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Объ употребленіи лошаднаго мяса во Франціи.— Искусственное либиковское молоко. II. н—ва.	211
VI. РОГОЖНЫЕ И ПОКРЫШЕЧНЫЕ МАТЕРІАЛЫ. <i>Константина Плющевского</i>	226
VII. ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ. <i>(Разсказъ Эдмона Абу.)</i>	230
VIII. ПОВѢЗДКА ПО НИЛУ	253
IX. АНГЛІЙСКАЯ ПАЛАТА ОВЩИНЪ	260
X. АНГЛІЙСКАЯ ПОЛИЦІЯ.	272
XI. ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ГЕНЕРАЛЬ-ПОЧТМЕЙСТЕРА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. <i>А. Чаруковского</i>	326

ВЫРОСЛА И ОЦВѢЛА, КАКЪ ЦВѢТОКЪ.

АВТОБЮГРАФІЯ.

Повѣсть въ одной части, анонимнаго автора.

(Окончаніе).

ГЛАВА XVIII.

«Сколько бы человекъ ни жилъ, говоритъ Соусей, первые 20 лѣтъ его жизни всегда будутъ казаться ему самыми продолжительными.» Интересно было бы знать, можетъ ли это относиться къ допотопному человеку, жившему нѣсколько столѣтій сряду? Неужели люди той эпохи играли въ бублы и лошадки (если только въ то время существовали куклы и лошадки) до 50 лѣтъ, этого ребяческаго возраста ихъ безконечной жизни? Мнѣ даже смѣшно подумать, что бы человекъ, двухъ сотъ лѣтъ отъ роду, могъ ухаживать и мечтать о какой нибудь стопятидесятилѣтней красавицѣ. Впрочемъ, зачѣмъ ломать голову надъ тѣмъ, что не можетъ быть выяснено?... Мнѣ случалось читать въ романахъ, и слышать отъ многихъ умныхъ людей, будто первый утренній завтракъ въ Англии есть одно изъ пріятнѣйшихъ и самыхъ веселыхъ семейныхъ сборищъ. Опровергаю смѣло всѣхъ авторовъ и повѣствователей, утверждающихъ этотъ фактъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, человекъ, это интересное животное, этотъ любопытный субъектъ для наблюдателя въ теченіе всего дня, за утреннимъ завтракомъ представляетъ прескуч-

ное зрѣлище. Онъ несовсѣмъ еще разгулялся отъ сна, не размялся, такъ сказать, для дневныхъ занятій. Будь я основательницею вновь организованнаго общества, я издала бы законъ, запрещающій человѣку завтракать публично, а главное публично полоскать ротъ и мыть руки: отвратительная церемонія, которая совершается у насъ публично на всѣхъ пышныхъ обѣдахъ.

Завтракъ въ Вэнтвортѣ кончился. Множество копченой семги и языковъ было уже уничтожено, но разговоръ плохо клеился. Долли, корѣнно помня правило, что на все свое время, не соблазнила еще ни одного мужчину своими глазками, хотя раза три уже стрѣльнула ими въ Дика, котораго судьба усадила какъ разъ противъ нея.

Всѣ встали изъ за стола: одни начали прохаживаться по столовой, натагивая перчатки, другіе принялись за «Тэймсъ», а третьи отправились за шляпами.

У крыльца, при свѣтѣ яркаго весенняго солнца, стояло множество лошадей, осѣдланыхъ помужски и подамски, и шарабанъ для двухъ человѣкъ, запряженный парю рѣзвыхъ корабельныхъ лошадей. Почти всѣ дамы были въ амазонкахъ. Вдовушка была въ числѣ ихъ; ея щеки горѣли, какъ вишни. Я была въ обыкновенномъ платьѣ (въ жизнь мою я не сиживала на спинѣ лошади, я каталась только на ослахъ). По всему было замѣтно, что мы предпринимаемъ экспедицію. Многіе изъ насъ охотно бы остались дома; всѣ эти пикники, подъ часъ, скучная и даже очень непріятная вещь.

Нѣкоторыхъ молодыхъ людей сильно тянуло поудить форелей въ источникѣ, шумно бѣгущемъ по тучнымъ пажитямъ сэра Гуго; другихъ соблазняла охота съ красноглазыми терьерами, и они съ радостію промѣняли бы на это развлечение свою должность конюховъ въ кавалькадѣ. Нечего дѣлать! На сегодняшній день пестря розовотѣлныя форели могутъ спокойно плескаться и прыгать въ водѣ. Ни малѣйшая удочка, какъ бы тонка она ни была, не нарушить ихъ покоя.

Насъ собираются развлекать, волею или неволею, не такъ, какъ мы хотимъ, а какъ хочетъ леди Ланкастеръ. Я принадлежу къ числу невинныхъ жертвъ. Проплакавъ всю ночь напролетъ, я конечно не могу быть интересною; вѣки мои распухли, глаза красные. Однако, не взирая на красные глаза, на красный носъ и на впалыя щеки, я всетаки сажу на верхней ступени

широкой витой лѣстницы, спускающейся изъ столовой на крыльце.

Немного ниже меня, на одну ступень, не больше, стоитъ кудрявый Дикъ, какъ всегда, напоминающій Нью-фаундленда; онъ смотритъ на корабельныхъ лошадокъ и, улыбаясь, говоритъ мнѣ: «Не перевести ли ихъ въ другое мѣсто, Нелли? Имъ тутъ жарко на солнцѣ.» Его голосъ, вѣроятно, пробудилъ мое замолкнувшее горе, потому что я горько заплакала.

Улыбка мгновенно слетѣла съ лица Дика; онъ прислонился къ притолкѣ, и сдѣлался мраченъ какъ ночь. Около насъ не было никого. Долли еще не сходила съ верху. Сэръ Гуго распевалъ какого то гужа. Терять времени было нельзя. Я встала и положила руку на его плечо. — «Дикъ», сказала я (я еще ни разу такъ не называла его). — Ну? (очень мрачно). — «Что я вамъ сдѣлала? За что вы на меня сердитесь?»

— Я не сержусь! (отворачиваетъ голову, но голосъ его мягче).

— А если не сердитесь, то повезите меня въ шарабанъ, не ѣздите верхомъ. Вы знаете, что я ѣздить не умѣю. Пожалуйста, милый Дикъ! Въ ту минуту, какъ я сдѣлала это неприличное воззваніе, голосъ у меня задрожалъ, и сердце забилося, какъ птичка въ клеткѣ.

Дикъ быстро повернулъ голову.

— А что въ самомъ дѣлѣ? Если бы мнѣ это удалось! Экая ты милая какая! Но вѣдь шарабанъ не мой, а Ланкастера: кто его знаетъ, можетъ и...

Сэръ Гуго подошалъ и прервалъ его и.

— А ты вѣрно верхомъ поѣдешь? неправда ли, Мекъ-Грегоръ? Вѣдь ты не мастеръ править; по крайней мѣрѣ, прежде не любилъ. А для тебя пѣгую осѣдали.

— Спасибо, другъ любезный, отвѣчалъ Мекъ-Грегоръ, но, признаться сказать, мнѣ сильно хотѣлось бы править корабельными. Ну, что за удовольствіе парадировать верхомъ по большой дорогѣ!

Сэръ Гуго измѣнился въ лицѣ.

— И прекрасно, отвѣчалъ онъ (но глаза говорили: скверное дѣло!), какъ хочешь: только ты берегись лѣвой лошади, она дѣлается чортомъ, если зашлынуть, что ктонибудь сзади ѣдетъ. А вы, миссъ Летранжъ, не будьте въ претензій, если она копытами угодитъ вамъ прямо въ лице.

Долли, стоявшая недалеко, услышала это. Она граціозно при-

*

подняла юбку амазонки одною рукою, а другою начала смакивать хлѣстикомъ пыль съ низшаго высокаго сапожка.

— Не лучше ли тебѣ взять съ собою плащъ, Нелли, замѣтила она; бѣгъ можетъ, мы запоздаемъ при возвращеніи.

— Пожалуй! сказала я, и побѣжала за нимъ наверхъ, пересаживая черезъ двѣ ступеньки разомъ. Долли пошла за мною, сдѣлала одно или два замѣчанія на счетъ моего туалета, и спустилась обратно внизъ. Долго пришлось мнѣ искать своего плаща; онъ лежалъ на днѣ чемодана; отыскавъ его, я вернулась въ сѣни. Долли исчезла; всѣ всадники также; но шарбанъ оставался у крыльца.

Сэръ Гуго тутъ, но Ричарда не оказалось. Я остолбѣла.

— Я думала, что меня повезетъ маіоръ Мекъ-Грегоръ, сказала я.

Сэръ Гуго оскалилъ зубы; глаза его улыбались.

— Да, онъ собрался было садиться, но сестрица заша- все дѣло уладила. Таковой молодецъ! вѣдь уговорила его!

— Какъ? что такое? произнесла я съ трудомъ.

— Какъ же! она ему сказала, что вы до смерти боитесь лошадей, и что я васъ очень напугала рассказомъ о штукахъ, которыя выдѣлывала одна изъ нихъ. Я все выдумалъ: понимаете? Она у меня смиренная, какъ теленокъ.

— Ну, что же, дальше! сказала я, стиснувъ зубами свою нижнюю губу.

— Что? да то, что онъ долго не поддавался, пока она ему, наконецъ, не передала—такая ловкая, право!—что вы ей намекнули, не желая высказаться передъ нами; будто вы предпочитаете ѣхать со мною. Только что она это сказала, онъ сейчасъ уступилъ: вѣдь онъ славный малый! Однако не мора ли ѣхать? Осторожнѣе! не попадите въ колесо.

Мое сердце озаменѣло. Я сѣла въ шарбанъ безозвательно.

— Пусти поведья! крикнулъ сэръ Гуго груму, и мы понеслись. Кораковая пара была отлично выѣзжена, и бѣжала дружно. Сейчасъ можно было замѣтить, что лошади выкормлены овсомъ. Мимо насъ мелькали фермы, амбары съ хлѣбомъ и прочныя каменные строенія, свидѣтельствовавшія о зажиточности землевладѣльца. Гуго старался обращать мое вниманіе на всѣ замѣчательности своего помѣстья.

— Видите вы этотъ лѣсокъ, окруженный частымъ кустарникомъ, говорилъ онъ, тамъ, въ ложбинѣ?

— Вижу.

— Ну, здѣсь лучшее мѣсто для охоты; всегда водится дичь; прошедшую осень я стрѣлялъ безъ промаха.

— Неужели?

Я находилась въ сѣвернѣйшемъ расположеніи духа, и рѣшила отвѣчать, какъ можно короче. Между тѣмъ погода стояла великолѣпная; окружавшая насъ мѣстность могла служить образчикомъ прелестнаго пейзажа для живописца. Заборы, сплошь покрытые бѣлыми цвѣтами шиповника; яблони въ огородахъ въ полномъ цвѣтѣ; черные дрозды громко пѣвшіе въ тѣни деревьевъ; все это вмѣстѣ должно было бы развеселить мои мрачныя мысли. Немудрено, если сэръ Гуго былъ веселъ безконечно.

— Вотъ красивый домикъ, продолжалъ онъ, указывая хлыстомъ на чистонѣйшій коттеджъ, потонувшій въ вишневыхъ деревьяхъ и зелени. Отецъ мой выстроилъ его для стараго своего доѣзжачаго. Тамъ у меня воспитывается нѣсколько своръ борзыхъ.

Я молчу.

— Вы любите охотиться съ борзыми?

— Нѣтъ.

Пунктомъ соединенія общества служила красивая мѣстность, въ 14 или 15 миляхъ отъ Вэйтворта, принадлежавшая извѣстному графу, у котораго столько помѣстій, что онъ находится въ затрудненіи, гдѣ ему поселиться. Лица, отправившіяся пѣшкомъ, достигли цѣли раньше, чѣмъ всадники и чѣмъ мы съ Гуго; они шли напрямикъ ложбинами и такими тропинками, гдѣ лошади, а тѣмъ болѣе четырехъ-колесный шарабанъ, не проѣхали бы ни за что. Наше прелестное tête-à-tête длилось часъ и три четверти, и наконецъ мы вѣхали сквозъ желѣзныя рѣзные ворота, ведущія въ Вильтонъ-Тоуэръ; тамъ дорога пошла уже паркомъ, между огромныхъ дубовыхъ пней, густыхъ зарослей изъ папоротниковъ, гдѣ, говорятъ, водится даже красней звѣрь. Rendez-vous было назначено на берегу большаго озера, служившаго притономъ водянымъ курочкамъ, дикимъ уткамъ и гусямъ: озеро отличалось скорѣе величиною, чѣмъ красотою.

Здѣсь мы нашли большую часть компаніи, усталую, измученную. У всѣхъ почти были недовольныя лица. Главною цѣлю, можно сказать, душою подобнаго рода прогулокъ, служить всегда ѣда, и потому, отпускная пѣшеходовъ изъ дома, хозяйка

нагрузили ихъ сумками, узлами, корзинами и банками. Мы остановили нашу рѣзвую кораквовую пару у главнаго пункта. Лошади были въ пѣнѣ.

— Погодите немного! сказалъ сэръ Гуго, бросая возжи на руки груму, не спѣшите выходить: я подамъ вамъ руку. Въ-сто отвѣта, я прыгнула прямо на землю. Прямомъ мой былъ такъ неожиданно быстръ и неловокъ, что я упала ничкомъ на траву. Человѣкъ шесть мужчинъ винулись меня поднимать; но я предупредила ихъ, вскочила на ноги, и отдѣлалась только двумя пятнами на платьѣ на обѣихъ колѣнахъ. Когда неудача человѣка доходить до послѣдняго градуса, тогда фонды его снова поднимаются—это уже положительно извѣстно. Такъ было и со мною.

Жаръ, слѣпны, комары и сильная головная боль, слѣдствіе солнечнаго вліянія, довели все наше общество до самаго мрачнаго настроенія духа. Полчаса спустя послѣ моего паденія, все неожиданно повеселѣли. Вильтонъ Тоуэръ оказался прекраснымъ помѣщеніемъ, и самая перспектива 12-ть миль обратнаго пути не представляла уже ничего ужасающаго. Въ этотъ краткій промежутокъ времени, два грума разостлали на травѣ, подъ тѣнію дуба, огромную, бѣлую какъ снѣгъ, скатерть; она была такихъ размѣровъ, что могла бы служить налаткою для 12-ти человѣкъ. Серебряныя вилки и ложки засверкали при солнечныхъ лучахъ, свозившихъ между листьями; высокія бутылки съ длинными горлышками были опущены въ воду для охлажденія. Въ воздухѣ запахло какимъ то соусомъ; передъ нами явились пастеты, жареные цыпляты, сочнее жаркое изъ барашка, красные гомары, обложенные зеленымъ латукомъ, и прощастъ пирожнаго.

Мы дружно усѣлись вокругъ всѣхъ этихъ яствъ, на молодой травѣ, и сдѣлали честь гостепріимному хозяину.

— Отличный сотергъ! воскликнулъ свентикъ-ходостаякъ, поднимая рюмку на свѣтъ, и любуясь на золотистыя искры вина! Гдѣ это его достаетъ Данцастеръ? Я въ шести погребкахъ перебывалъ, и ничего подобнаго не находилъ.

— Да, прекрасное вино, откликнулась ему вдовушка, приклебивая изъ рюмки.

— Кстати о сотергѣ: рассказывалъ ли я вамъ анекдотъ объ остротѣ лорда, покойнаго вонечно, не теперешняго.

И онъ подвинулся къ ней ближе, лукаво подмигивая глазомъ,

съ явнымъ намѣреніемъ, что бы весь букетъ анекдота остался между ними двумя.

— Нѣтъ, не помню, пожалуйста, расскажите.

— Неловко, знаете, ну, да куда ни шло, анекдотъ то очень хорошъ, не могу не рассказать. Голосъ его перешелъ изъ громкаго въ тихій шепотъ. Вдова наклонила къ нему ухо, и замѣтила, какъ она краснѣла подъ вліаніемъ сотерна и двусмысленностей, повидимому, очень грязныхъ.

— Славная у тебя вороненькая лошадка, Ланкастеръ, говоритъ худощавый лордъ: она покойна, какъ кресло. Ты на ней охотишься?

— Нѣтъ, отвѣчала Гуго; она меня не сдержитъ, особенно по такому каменистому грунту, какъ нашъ. Вотъ тебѣ она годится. Она у меня № 1 по конюшнѣ.

— Есть ли съ нами горчица? спрашиваетъ катарральный юноша. Миссъ Сейбуръ проситъ горчицы. Чхи! а-а! чхи!

— Que Dieu vous benisse, шепчетъ миссъ Сеймуръ.

Я сидѣла рядомъ съ хозяиномъ; мнѣ казалось даже, что для меня всюду нарочно оставляли незанятое мѣсто подлѣ него. Сначала я старалась всячески уклониться отъ этой чести, но мнѣ не удавалось. Гуго пилъ бутылками ниво, острилъ и дѣлил свое вниманіе между безмолвною голубкою, сидѣвшею около него, и между голубинимъ пастетомъ, который онъ ѣлъ. Дикъ Мекъ-Грегоръ и Долли Летранжъ были, повидимому, лишены всякаго аппетита: они ѣли меньше меня, т. е. почти ничего.

Я замѣтила, что кокетство имѣетъ большое сходство съ остроуміемъ: оно разнообразно до безконечности. И то, и другое въ каждомъ человѣкѣ выражается по-своему.

Въ этотъ день Дикъ и Долли прошли весь курсъ этой мудрой науки. Они начали съ того, что непрерывно играли словами, потомъ замолчали, какъ будто дулись другъ на друга, и наконецъ перешли въ интимный шепотъ. Лице Дика выражало гнѣвъ и страданіе; онъ, какъ новый полубогъ, лежалъ на берегу озера, окруженный желтымъ ирисомъ и осокою. Онъ снялъ шляпу, и лучи солнца обдали его прекрасную голову потокомъ свѣта. Бѣдный Дикъ! ты не былъ безмятежно чистъ въ эту минуту; нѣтъ! земныя страсти сильно бушевали въ твоей честной груди; гнѣвъ и ревность исказили даже твое лице.

Въ жизнь мою не встрѣчала я женщины, которая могла бы

сравняться съ Долли въ искусствѣ разжигать страсти въ мужчинѣ. Въ настоящую минуту она имѣла въ виду пустить въ ходъ эту дьявольскую науку и сдѣлать опытъ надъ Дикомъ. Я видѣла, какъ страсть загоралась въ его глазахъ, и какъ лице его, сначала грустное, страдальческое, мало по малу измѣнило свое выраженіе.

Долли была не красавица, такъ, по крайней мѣрѣ, всё находили: худошавая отъ природы, она много теряла въ глазахъ нѣкоторыхъ цѣнителей женской красоты, въ сравненіи съ полными женщинами. Сидя на травѣ и облокотясь на изящную ручку, она похожа была скорѣе на дѣвочку, чѣмъ на взрослую. Темносиняя драповая амазонка плотно облегла ее стройную, точно выточенную, талію. Бѣлая, нѣжная шея рѣзко отдѣлялась отъ темнаго лифа. Но, несмотря на свою дѣтскую наружность, она, даже на мои глаза, была соблазнительна.

Les yeux noirs
Vont au purgatoire.

говорила она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ. — Вѣдныя черныя глаза! за что на нихъ такъ нападаютъ французы.

— У васъ вовсе не черныя глаза, а каріе, отвѣчалъ Дикъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, черныя; посмотрите хорошенько.

Она раскрыла глаза съ дѣтскою наивностію, и начала пристально глядѣть на него. Нѣсколько секундъ сряду они, молча, не спускали глазъ другъ съ друга; затѣмъ Долли заговорила опять вполголоса:

— Луна, я думаю, взойдетъ, когда мы станемъ возвращаться домой. Вотъ будетъ отлично... не правда ли? Какъ хорошо она освѣтитъ ручей! но что же это я мечтаю! Я забыла..... Она умогла, какъ будто въ смущеніи.

— Что вы забыли? спросилъ Дикъ съ живостію.

— Я забыла, что, можетъ быть, совсѣмъ не придется съ вами ѣхать; вы поѣдете въ кавальбадѣ съ другою; притомъ я думала.....

— А что именно? Онъ нагнулся къ ней ближе, что бы поймать взглядъ ея опущенныхъ глазъ.

— Ничего, ничего особеннаго! Я только такъ... Я подумала, что, если бы вы не со мною поѣхали, то красота лунной ночи, ручей, вообще все, не было бы уже для меня интересно.

Большіе бархатные глаза ея такъ и дышали страстію. Онъ не могъ оторваться отъ нихъ. Да и какой мужчина былъ бы въ силахъ сладить съ собою въ эту минуту? Дикъ, вонечко, не устоялъ. Лице его вспыхнуло; глаза заговорили. Между Долли и имъ, завязался тотъ нѣмой пламенный разговоръ, который изобрѣтенъ адекою силою на мученіе другимъ.

— А отчего же бы намъ не ѣхать вмѣстѣ домой? нѣжно спросилъ онъ.

Сестра играла дѣвтами ириса, лежавшими на ея колѣняхъ.

— Можетъ быть, я вамъ надоѣлъ, наскучилъ: развѣ это не возможно?

— Развѣ женщины не надоѣдаютъ мужчинамъ? Право, я гдѣ то читала разсказъ о томъ, какъ легко мужчины измѣняютъ женщинамъ!

— Да, но не ~~все~~ ^{всѣ} ~~мужчины~~, вонечно, были такіа женщины, на которыхъ ни дѣта, ни время не имѣли вліянія: Клеопатра, напримѣръ.

Долли, улыбаясь, подачала головою. — Клеопатра единственный примѣръ въ этомъ родѣ, отвѣчала она; иначе имя ея не сохранилось бы въ дѣтописяхъ исторіи. Намъ вѣрить нельзя разсчитывать на подобное же счастье.

Она вздохнула, и я увидѣла съ своего мѣста, какъ грудь ея поднималась подъ синимъ сукномъ лифа.

— Миссъ Летградъ, право, подумаешь, что вы воздухомъ дышаетесь, проговорилъ басомъ сэръ Гуго, смотря на меня съ упрекомъ,

Съ любовію въ сердцѣ,

Съ пирогомъ во рту.....

— Съ чего вы это взяли? отвѣчала я рѣзко, копченая семга не воздухъ, кажется. Дѣло въ томъ, что я положила себѣ на тарелку немного копченой семги, но не знала, куда съ нею дѣться. Проглотить ее—я была не въ силахъ; для меня казалось это также трудно, какъ съѣсть самого Гуго. Напротивъ, я охотнѣе пустила бы и тарелку, и семгу въ прелестную головку миссъ Долли, а если не въ нее, то въ кого нибудь другаго. Не подозрѣвая бури въ стаканѣ воды, въ такомъ близкомъ соедѣствіи отъ себя, Гуго—невинный Гуго, прервалъ нить разговора, и началъ другой. Добрый малый былъ охотникъ, кажется, разсуждать.

— Мы послѣ завтрака сейчасъ же и домой поѣдемъ, я полагаю. Что за охота бродить по безконечнымъ комнатамъ лор-

да Стенклиффа и разсматривать его дрянную картинную галерею? У него тамъ поддѣлокъ и северныхъ коній больше, чѣмъ во всей Англiи.

(Ахъ! кабы мнѣ угодить этимъ граненымъ графиномъ прямо въ переносицу Долли! хотя бы ей ктонибудь глаза подбилъ! неистовствую я просебя). — Неужели? отвѣтила я громко сэру Гуто.

— Право, такъ! И охота кому ѣздить любоваться на эту дрянь? Въ жизни моей я не встрѣчалъ еще человѣка, который считалъ бы это за истинное удовольствiе. А вы любите осматривать картинныя галереи? Для меня это страшная тоска. Не правда ли?

— Правда, это очень скучно; но вѣдь на бѣломъ свѣтѣ не однѣ картины надоѣдаютъ: есть и люди, очень скучные.

Сэръ Гуто лѣниво захохоталъ. Шампанское, весеннiй жаръ и сытный завтракъ дѣлають человѣка неспособнымъ обижаться пустяками. Я его разсмѣшила, какъ попугай, который каждому кричить: «дуракъ!»

— Ага! это въ мой огородъ камень? За что это вы все на меня такъ нападаете?

Я смотрѣла прямо передъ собою, и притворилась, что не слышу.

— Впрочемъ, Богъ съ вами! сказалъ онъ добродушно. У меня кожа крѣпкая, выдержитъ; притомъ, я охотнѣе приму отъ васъ ударъ, чѣмъ поцѣлуй отъ другой.

Гуто, произнося этотъ нѣжный спичъ, и не думалъ понижать голоса. Для него не существовалъ глаголъ *шептать*ся; орать, рычать свои признанiя въ любви, это онъ умѣлъ. Слушай кто хочетъ: ему нечего было стыдиться своихъ чувствъ. Дикъ услышать, конечно, все, и сильно насунилъ брови. Долли не пропустила также ни одного слова, и съ милую! ипривомъ улыбкою замѣтила:

— Влюбленные сорятся! Бѣдная дѣвочка! Надѣйся, онъ ее не обманываетъ.

А бѣдная дѣвочка, между тѣмъ, вертѣла между пальцами толстый жгутъ изъ носоваго платка, и кусала его отъ бѣшенства. Названiе сельскiй праздникъ звучитъ очень хорошо на словахъ, но на дѣлѣ оно вовсе не заманчиво. Не въ десять ли разъ приятнѣе обѣдать дома, на столѣ изъ краснаго дерева,

подъ которыми не скачутъ зеленые кузнечики, въ прохладной столовой, гдѣ не водится ни слѣпней, ни комаровъ?

Въ этотъ день вильтонскіе мошны и комары въласть напитались нашею кровію. Мы безропотно перенесли эту новую пытку, потому что намъ пришлось потерпѣться и безъ нея довольно. Очень равнодушно осмотрѣли мы домъ богатаго лорда, его мадоннъ фламандской школы, пейзажи. Еще равнодушіе взглянули мы на фамильные портреты и выслушали безконечныя семейныя легенды, переданныя намъ словоохотливою экономкою. Намъ показали богатую часовню, гдѣ были ложи для господъ и мѣста для горничныхъ и слугъ, а также росписанныя окна съ изображеніями апостоловъ на желтомъ фонѣ. Вездѣ и всюду сэръ Гуго слѣдовалъ за мною, какъ тѣнь.

ГЛАВА XIX.

Время—*ничто* въ сравненіи съ вѣчностію! сказала какой то извѣстный философъ (я всегда забываю авторовъ великихъ изреченій). Что же послѣ этого наша жизнь? Утлый челнъ, плывущій по океану въ вѣчность. И почему намъ кажется страшно умереть? Секундою раньше, секундою позже — неумолимая смерть все-таки унесетъ насъ своею волною, и мы исчезнемъ въ безднѣ, какъ исчезали до насъ миллионы людей. Такія разсужденія о вратности нашей жизни должны были бы, новидимому, совратить нѣсколько нашу обратный путь въ Вентвортъ-Паркъ; но нѣтъ, путешесвіе мимо столѣтнихъ дубовъ и березъ вильтонскаго помѣстія, прятня алей и крутые повороты парка, показались мнѣ теперь еще безконечнѣе, чѣмъ прежде.

Было ли это совокупное дѣйствіе любви и шампанскаго, или только одной любви, а можетъ быть и одного шампанскаго, не знаю; но дѣло въ томъ, что, на возвратномъ пути домой, сэръ Гуго разнѣжился до неприличія. При свѣтѣ лѣны, онъ талъ, а въ тѣни алей еще того хуже. Я просто прикинула въ отчаяніе, при мысли, что грумы, вхавшіе садъ, подслушаютъ его позвныя любовности.

— Поглядите на луну. Что за ирелесть! точно честерский сыр! говорили онъ, ослабляясь. Боже мой! Луна, это божественное свѣтило, которому посвящено столько сонетовъ и романсовъ, которую Ромео призывалъ въ свидѣтели, а Мильтонъ зрѣлъ:

Плывущую межъ бѣлыхъ облаговъ...

Ее сравнивать съ честерскимъ сыромъ!...

— Какое поэтическое сравненіе! сказала я насмѣшливо.

— Знаю, знаю. Куда мнѣ лѣзть въ поэзы. Я для поэзіи не гожусь; впрочемъ, если бы я только зналъ, что вы меня полюбите, право, ударился бы и въ стихошметство.

Любовь и вино придали его старческимъ темнымъ глазамъ какое то сантиментальное выраженіе; онъ не спускалъ ихъ съ меня.

— А скоро мы пріѣдемъ домой? спросила я отрывисто, смотря на него въ смущеніи, и думая, въ то же время: какъ ясно видны при лунѣ лапки подъ его глазами.

— Домой! Да вѣдь мы недавно выѣхали. Мы еще не доѣхали до четвертаго верстоваго столба у Торнъ-Гилля.

— Неужели?

— А зачѣмъ вы то такъ спѣшите домой? Мнѣ, право, очень хорошо сидѣть рядомъ съ вами, и править моими смиренными тележками; да, такъ хорошо, что я готовъ ѣхать хотя на край свѣта!

Мы подѣхали къ заставнымъ воротамъ. Заспавный сторожъ вышелъ въ легкомъ ночномъ костюмѣ, отперъ ворота, и сейчасъ же, вслѣдъ за нами, заперъ ихъ. Отсюда дорога шла, на разстояніи четверти версты, совершенно рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги. Такое сосѣдство, весьма опасное для проѣзжающихъ, вызвало протестъ со стороны мѣстныхъ обывателей. Мы ѣхали колною рысью. Въ воздухѣ стояла тишина невозмутимая; она нарушалась только топотомъ копытъ нашей паровой пары и стукомъ колесъ шарабана. Вдругъ раздался пронзительный свистъ машины, и локомотивъ вылетѣлъ изъ туннеля, позади насъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Гуго; никакъ поѣздъ идетъ? Дай Богъ, что бы заставныя ворота были отперты!

Я повернула голову; фонари, какъ два красные глаза фантастическаго чудовища, быстро приближались къ намъ. Пыхти и фыркая, поѣздъ несся все ближе и ближе. На одну секунду

лошади наши стали, дрожа отъ ужаса; потомъ, съ бмоторотою молнии, круто повернули въ сторону. Дышло крѣпнуло, и мы понеслись обратно по той дорогѣ, откуда прѣехали; обломкомъ дышла началъ бить по ногамъ лошадей, и довелъ ихъ до бѣшенства. Одна изъ нихъ то и дѣло лягала задними ногами въ передокъ шарабана.

— Проклятая! ворчалъ Гуго, стиснувъ зубы. Нелли, сидите спокойно! Нечего было меня предупреждать. Я окаменѣла отъ ужаса. Прижавшись къ углу шарабана, я крѣпко ухватилась рукою за него. Мимо насъ мелькали вязы, березы, луга, заборы; покрытые шиповникомъ; вдали видѣлась застава.

— Чортъ побери, проговорилъ окришимъ голосомъ Гуго, сторожъ заперъ ворота!

Я видѣла, какъ онъ, стиснувъ зубы, уперся въ передокъ шарабана, и, втянувъ туго возли, яростно дергалъ лошадей. Жилы напряжились на его мускулистыхъ рукахъ. Все напрасно: ничто не могло укротить бѣшеннаго бѣга. Опустивъ головы, закусивъ удила, лошади неслись, какъ вихрь; черезъ двѣ минуты, мы должны были надѣтись на ворота, и насъ разбило бы въдребезги. Гуго мгновенно дернулъ правую возжу; предвидя послѣдствія, я невольно ухватилась одною рукою за него, другою за край шарабана, и мы полетѣли внизъ головою: черезъ высокій заборъ изъ шиповника.

Когда я очнулась, то увидѣла, что стою вверхъ ногами, среди кустовъ фіалокъ; первымъ моимъ движеніемъ было, конечно, перевернуться на ноги; хочу оглядѣться — не могу; голова идетъ кругомъ и въ ухахъ страшный звонъ. Наконецъ, я замѣтила, что Гуго, въ свою очередь, старается выкарабкаться изъ шиповника, среди котораго онъ завязъ, и что лошади наши бѣшено мчатся далѣе, бросая изъ стороны въ сторону несчастный шарабанъ. Въ глубокой канавѣ стоялъ одинъ грумъ; съ поля доносился голосъ другаго, который отчаянно вопилъ, спрашивая: живы ли мы? Гуго, качаясь, какъ пьяный, подошелъ ко мнѣ.

— Нелли? ушиблись вы? Голосъ его дрожалъ; хмѣль выско-чилъ изъ головы.

— Нѣ...ѣ...тъ! Не...очень! Но...я, кажется, уми...раю. Помню выраженіе ужаса на лицѣ Гуго; помню, что онъ протянулъ къ мнѣ обѣ руки, что я безъ чувствъ упала прямо къ нему въ объятія, и затѣмъ совершенно потеряла сознание. Долго ли я была

въ обморокѣ—не знаю; но когда я пришла въ себя, и потянула воздухъ носомъ, то слезы градомъ похились у меня изъ глазъ, потому что я вдохнула въ себя запахъ какого то отвратительнаго спирта, который услужливый Гуго подставилъ мнѣ въ бутылкѣ прямо подъ носъ.

Я оттолкнула бутылку рукою и открыла глаза... Гдѣ я? Предъ мною незнакомая комната; должно быть, зало какого то трактира. Воздухъ сильно пропитанъ табакомъ и простымъ кивомъ; на стѣнахъ желтые обои съ крупнымъ коричневымъ узоромъ. На каминѣ виситъ картина, изображающая лорда Стенклифа, въ шляпѣ съ перомъ и въ красномъ мундирѣ, а за нимъ происходитъ неизвѣстное мнѣ сраженіе, о которомъ онъ и не догадывается. По бокамъ его красуются: Адамъ и Ева au naturel и вдова самарянка съ сильно развитыми формами. На потологѣ виситъ разбитая люстра и двѣ кривыя лампы; около стѣнъ стоять три или четыре стула съ волосяною обивкою.

Сама я лежу на весьма жесткомъ диванѣ, обитомъ также волосяною матеріею; передъ мною стоитъ старушка, очень чисто одѣтая, и держитъ у меня подъ носомъ, бутылку съ водкою.

И затѣмъ—о позоры! о ужаст! Гуго поддерживаетъ мою голову своею рукою, а его лице, съ старческими глазами и морщинами вокругъ нихъ, его смуглое лице, все въ кровавыхъ рубцахъ, красуется не болѣе какъ на вершокъ отъ моего носа. Гуго заботливо нагнулся надъ мною, точь въ точь какъ нѣжная маменька надъ своимъ младенцемъ.

— Что, лучше? спросилъ онъ робко.

Въ одно мгновеніе я приподнялась, и отвѣтила ему, сидя:

— Да, благодарствуйте, мнѣ гораздо лучше. Не пора ли домой? Починили ли шарбанъ?

Гуго засмѣялся.—Вы спрашиваете: починили ли его? Не совсемъ еще! По крайней мѣрѣ, слуховъ объ немъ пока нѣтъ. Если шины не допнули, то онъ катить, я думаю, далеко за Вильтономъ. Я послалъ Джексона за этою бѣшеною парой, да, чертъ его знаетъ, не ѣдетъ назадъ до сихъ поръ.

Я съ удивленіемъ раскрыла глаза.—Да какимъ же образомъ мы вернемся домой? спросила я.

— Въ томъ то и штука, сказалъ онъ, нашимъ дома въ голлову не придетъ, въ какую мы западню попали. Я отправилъ Смита (другаго грума) въ Вентвортъ, приказавъ идти какъ можно скорѣе и привести сюда экипажъ.

— А какъ онъ можетъ вернуться?

Онъ вынулъ часы.—Четверть часа тому назадъ, онъ ушелъ; теперь пять минутъ одиннадцатаго, а ему нужно пройти добрыхъ восемь миль до Вэнтворта; часъ съ половиною, два часа съ половиною, три часа; ну, такъ! часа черезъ три, пожалуй, придетъ. Да дѣло въ томъ, что онъ былъ подъ хмѣлькомъ, когда мы выѣхали изъ Вильтона, а наше паденіе совсѣмъ его отуманило. Боюсь, что онъ не туда попадетъ.

Покойный даже веселый тонъ Гуго взбѣсилъ меня.

— Если вы не были увѣрены въ томъ, что онъ придетъ во время, зачѣмъ же, скажите Бога ради, вы сами не пошли за экипажемъ? сказала я рѣзко.

— Какъ? уйдти и оставить васъ? съ упрекомъ воскликнулъ Гуго, стоя попрежнему на колѣнахъ.

Добрая старушка не пропустила, повидимому, ни одного слова, ни жеста изъ нашего разговора. Она покашливала про себя, и глядѣла, а можетъ и притворялась, что глядитъ, на самарянку. Я вскочила съ дивана, какъ ужаленная, и начала ходить по комнатѣ. Ноги у меня распухли и ныли; я горячо желала, что бы Гуго догадался выйдти изъ комнаты, и далъ бы мнѣ возможность осмотрѣть число и свойство моихъ ушибовъ.

— Не угодно ли будетъ леди чего нибудь покушать? спросила съ достоинствомъ почтенная старуца.

Леди отказалась отъ всего, но джентльменъ подхватилъ:

— Покушать? Конечно! мы еще цѣлый вѣкъ до дома не доберемся. Принесите скорѣе чаю и чего нибудь съѣстнаго: хотеть, ветчины, яицъ, чего нибудь, да нѣтъ ли у васъ порядочнаго пива?

— Конечно, пиво есть, и не только приличное, но даже великолѣпное, по крайней мѣрѣ такъ почтенные посѣтители находятъ, отвѣтила трактирщица, приглашая Гуго пожаловать за стойку. Они оба удалились въ маленькій корридоръ, и заперли за собою двери. Оставшись одна, я сѣла къ окну, проклиная судьбу свою и кровныхъ лошадей, и начала пересчитывать свои синяки, ссадины и ушибы на ногахъ. Черезъ нѣсколько времени, трактирщица вернулась съ чистою скатертью и чайнымъ приборомъ.

— Джентльменъ сейчасъ будутъ назадъ, мемъ, сказала она успокоительнымъ тономъ.

— Очень рада.

— Они уже выбѣгали на дорогу посмотрѣть, не ѣдетъ ли слуга съ лошадьми.

— Въ самомъ дѣлѣ! замѣтила я очень равнодушно.

— А какъ вы себя теперь чувствуете, мэмъ?

— Благодарю, хорошо.

Она начала устанавливать на столѣ черный глазурованный чайникъ, двѣ чашки, два блюдечка, и снова возобновила противъ меня атаку.

— Уже какъ же я благодарила Бога, когда вы очнулись, мэмъ!

— Неужели?

— Да-съ, уже очень джентельмена жалко было, какъ они убивались! Боже ты мой! Уже я думала, съ ума бы не сошли совсѣмъ.

Я видѣла, что она косится на мою лѣвую руку, ища на ней кольца.

«Пусть бы его рехнулся», подумала я, «миѣ рѣшительно все равно». — Да онъ, можетъ быть, не видывалъ, какъ въ обморокъ падаютъ? сказала ей громко. Онъ вѣрно полагалъ, что я умерла?

— Что говорить, мэмъ! когда я васъ увидѣла въ первый разъ, такъ тоже подумала: не умерли ли вы полно? Они васъ на рукахъ несли; головка ваша лежала у нихъ на плечѣ, ротикъ былъ открытъ; личико блѣдное, преблѣдное—ну, точь въ точь, эта скатерть! Я такъ и положила, что вы покойница.

Я молчала. Но слова ея, какъ змѣи, точили мое сердце. Какъ! я лежала въ объятіяхъ Гуго, головою на его плечѣ, и съ открытымъ ртомъ! Какая отвратительная картина! И не только что отвратительная, но публичная! Свидѣтелями ея были два грума и трактирщица: пожалуй, не они одни, но, можетъ быть, даже цѣлая толпа зѣвавъ!.....

Черезъ четверть часа, Гуго вернулся ии съ чѣмъ; объ его телятахъ и помину не было; мы сѣли пить чай. Я невольно должна была сознаться, что наше положеніе сильно напоминаетъ путешествіе въ медовый мѣсяцъ только что обвинчанныхъ молодыхъ. Я наливала Гуго чай; онъ рѣзалъ миѣ котлеты. Я не чувствовала никакой потребности ѣсть, но лучше уже чай пить, чѣмъ сидѣть, вытаращивъ другъ на друга глаза. Когда трактирщица вошла опять, что бы принять приборы, она застала насъ обохъ сидящими на низенькомъ онѣ. Мы любовались на кусты смородины и крыжовника, росшихъ передъ домомъ въ полисадникѣ, рядомъ съ базиликомъ, мятою и ноготками. Мой

Отелло напѣвалъ что то на ухо совершенно равнодушной Дездемонѣ. Никто не повѣрилъ бы, что эти рассказы въ полголоса состояли, большею частію, изъ воспоминаній о разныхъ приключеніяхъ на сушѣ и на морѣ.

— Какъ я испугался, говорилъ Гуго когда вы закричали, что умираете! Меня ужасъ взялъ при мысли, что я васъ убійца! Что бы со мною было, если бы это несчастіе дѣйствительно случилось, говорилъ онъ сентиментальнымъ голосомъ, переходя, отъ севастопольской войны и экспедиціи въ Индіи, къ сегодняшнему приключенію.

— Вы хотите знать что бы съ вами было? возразила я насмѣшливо. Да ничего особеннаго! Вы похоронили бы здѣсь мое тѣло, выпили бы пива, и понеслись бы назадъ, въ Вэнтвортъ, доложить обо всемъ Долли.

— Этого уже я никогда не сдѣлалъ бы.

Не знаю, ожидалъ ли онъ, что бы я его спросила: что именно онъ сдѣлалъ бы, но дѣло въ томъ, что я отвернулась, и начала считать кусты крыжовника. Видя, что предлога для ея присутствія въ комнатѣ нѣтъ, трактирщица, къ великому моему прискорбію, вышла. Мнѣ стало досадно, что я не слышу шурканія ея зеленого шелкового платья; этотъ звукъ, вмѣстѣ съ пріятнымъ звяганьемъ ложекъ, достаточно замѣнялъ разговоръ. Когда старушка вышла, тишина въ комнатѣ начала раздражать мои нервы. Скажите: развѣ пріятно сидѣть въ мракѣ ночи, на нивенькомъ огнѣ, глазъ на глазъ съ человѣкомъ, который, черезъ каждыя пять минутъ, придвигается къ вамъ все ближе и ближе, и который не спускаетъ съ васъ глазъ?

— Странно, что эта женщина какъ будто не знаетъ кто вы такой, сказала я, что бы сказать хотя что нибудь. Она васъ называла все джентльменомъ.

— Васъ удивляетъ это? Да вѣдь она не здѣшняя, бѣдная старуха. Воображаю, какъ она себѣ ломаетъ голову надъ тѣмъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ мы состоимъ другъ къ другу!

— Я съ радостію готова ей объяснить, что родства между нами никакого нѣтъ, сказала я колко.

По корридору стучали сапоги съ гвоздями; простой народъ пилъ пиво въ сосѣдней комнатѣ за прилавкомъ, и толковалъ о чемъ то очень громко. Смѣхъ, грубья шутки, визгливые отвѣты женщинъ, смѣшивались въ одинъ безобразный гулъ. Всѣ

они курили; запахъ отвратительнаго табаку пробрался сквозь щели дверей и душилъ меня.

— Который часъ? спросила я.

— Двадцать пять минутъ двѣнадцатаго.

— Только то!

— А развѣ время кажется вамъ такъ длинно, Нелли?

Оказалось, что его рука успѣла уже пробраться за меня.

— Да, оно страшно тянется, съ нетерпѣніемъ возразила я. Пожалуйста, не называйте меня: Нелли; я не люблю этого.

Вскорѣ послѣ этого, водворилась темнота; гости разошлись по домамъ, гдѣ ихъ, вѣроятно, ждалъ сильный нагоняй отъ женъ; туземцы ложились спать. Гуго и я остались одни — одни передъ очами звѣздъ и матери ихъ ночи! Чудная, таинственная ночь! олицетвореніе смерти! Сколько грустныхъ мрачныхъ видѣній сыплешь ты иногда на изголовье спящаго чловека! Погруженный въ мракъ, онъ невольно вспоминаетъ тотъ страшный часъ, когда, отмѣченный рукою судьбы, онъ долженъ готовиться на вѣчную разлуку съ семьею, съ друзьями; передъ его глазами рисуется картина прощанія съ нимъ его близкихъ; ему слышатся стоны, слезы дѣтей и жены! Онъ мысленно исповѣдуется передъ Богомъ, и вся прошлая жизнь въ нѣсколько минутъ проносится мимо его, какъ волшебная панорама!... Въ ту противную ночь, о которой я говорю, мнѣ не о чемъ было думать, кромѣ странности своего положенія. Дорого я заплатила бы за счастье быть одной! Несчастный Гуго! Онъ, по настоящему, ни въ чемъ не былъ виноватъ, кромѣ желанія намагнетизировать меня своими взядами, но бѣда была въ томъ, что его глаза и вся его наружность лишены были способности привлечь мое сердце. Я попросила его положить часы на столъ, что бы постоянно слѣдить за временемъ. Въ сильномъ волненіи ходила я изъ угла въ уголъ по комнатѣ, то и дѣло справляясь съ часами. Стрѣлки ихъ точно замерзли: минутная ползла такъ же тихо, какъ часовая. Я не могла спокойно сидѣть, точно подъ мною были горячіе уголья! Не зная за что взяться, что бы утолить свое страданіе, я начала внимательно осматривать комнату: на полѣ лежало нѣсколько книгъ, стояли нарцисы въ стаганѣ воды. Я бросилась читать заглавія книгъ: «Библия», «Молитвенникъ», «Воззваніе Аллеина къ язычникамъ», «Великія страданія Куммина». На двухъ послѣднихъ

книгахъ сдѣланы были надписи: «Подарокъ Мартѣ Гаррисъ, отъ ея преданнаго друга, пастора Смита.»

Заглавіе книги Кумминга показалось мнѣ очень заманчивымъ.

Я усѣлась читать ее, въ надеждѣ, что описаніе великихъ страданій займетъ меня, и заставитъ нѣсколько забыть противное мое положеніе и еще болѣе противнаго Гуго.

Прочитавъ полстраницы, я справилась который часъ; смотрю: половина втораго.—Пора бы ему, кажется, вернуться, свазала я, смотря съ отчаяніемъ на лице Лотаріо, освѣщенное двумя сальными свѣчами.

— Онъ скоро будетъ, успокойтесь! отвѣчалъ Гуго весело. Вѣрно дома всѣ спали, когда онъ дошелъ: ему пришлось долго стучать въ ворота, а тамъ еще провозились съ лошадьми.

Я снова принялась за чтеніе. Печать въ книгѣ была мелкая; описанія такого рода, что у робкаго человѣка волосы стали бы дыбомъ. На меня же они наводили только тоску. Я перевертывала страницы, не дочитывая ихъ, заглядывала на конецъ главъ, звѣвала, и затѣмъ украдкою взглянула на Гуго. Онъ сидѣлъ, облокотившись на локоть, и, защитивъ рукою глаза отъ свѣта, повидимому, изучалъ мои прелести. Какое то внутреннее чувство оскорбленной скромности заставило меня рѣзко замѣтить:

— Нельзя ли вамъ глядѣть такъ пристально на что нибудь другое, а не на меня.

— А отчего бы мнѣ не глядѣть на васъ, если мнѣ это нравится?

Я сердито перевернула нѣсколько страницъ сряду.

— А потому, что это утомительно и глупо; вы могли бы заняться чѣмъ нибудь другимъ.

— Что же я буду дѣлать, если лучшаго занятія для меня нѣтъ?

Я обернулась къ нему спиною и мысленно назвала его животнымъ.

— Нелли!

— Я васъ просила не называть меня Нелли.

— Какъ же мнѣ васъ называть? Можно сказать: Элеонора? Миссъ Летранжъ звучитъ такъ холодно!

— Не называйте меня никакъ.

Часы чикаютъ; наверху кто то храпитъ.

— Зачѣмъ вы повернулись ко мнѣ спиною?

*

— Затѣмъ, что я терпѣть не могу, когда на меня пристально смотрять, отвѣчала я, надувшись.

— Да, когда я такъ смотрю: не правда ли? Дѣло другое, если бы долговязый Мекъ-Грегоръ былъ на моемъ мѣстѣ...

— Это была первая выходка ревности со стороны невозмутимаго Гуго Ланкастера. Я быстро повернулась къ нему лицомъ.

— Вы не имѣете никакого права такъ выражаться! крикнула я съ жаромъ. Вамъ дѣла до этого нѣтъ: это очень низко съ вашей стороны.

— Низко? возразилъ онъ съ горечью, въ первый разъ въ жизни позволилъ я себѣ сказать это слово! Онъ замолчалъ. Видно было, что онъ понималъ всю глубину нашего положенія. Вдвоемъ, ночью, въ кабакѣ—и вздумали ссориться!

— Впрочемъ, ничего, продолжалъ онъ, вы пользуетесь особенною привилегіею: говорите что хотите!

Свѣчи почти догорѣли въ подсвѣчникахъ; утренній вѣтеръ рѣзко вылъ на дворѣ. Звѣзды погасли.

— Этотъ идіотъ вѣрно сбился съ дороги, какъ я и предполагалъ! сказалъ Гуго, измятое лице котораго еще болѣе прогнывало при дневномъ свѣтѣ.

— Да, замѣтила я съ упрекомъ, а если бы вы сами пошли за лошадьми, какъ я просила, то мы давно были бы дома!

— Развѣ я виноватъ, что не могъ оторваться отъ васъ, возразилъ онъ, глубоко оскорбленный моими рѣзкими отвѣтами. Нелли! неужели вы не простите меня зато, что я такъ дорожилъ вашимъ присутствіемъ?

Онъ такъ кротко, такъ покорно высказалъ эти слова, что мнѣ сдѣлалось жаль его. Я стояла у окна, слѣдя за зарею. Утромъ, даже въ лѣтній день, въ эту пору всегда холодно.

Меня начало знобить.

— Вамъ холодно? спросилъ Гуго.

— Да, очень, и рука что то болитъ. Вѣрно я ушибла ее, когда падала.

Я завернула рукавъ, что бы осмотрѣть руку. На мужчинѣ сильнѣе всего дѣйствуетъ красивая женская рука. У меня руки были полныя, круглыя, точно мраморныя; на локтѣ и у кости были ямочки. Оказалось, что лѣвая рука моя была покрыта синими пятнами, и на бѣлой кожѣ были три огромныя кровавыя ссадины.

— Больно, сказала я, жалобно взглянувъ на Гуго, точно ма-

ленькая собаченка, которая занозила лапку, и, поднявъ ее, смотритъ умоляющими глазами на хозяина. Лица пожилыхъ людей легко принимаютъ выраженіе нѣжности. Гуго взглянулъ на меня съ любовію, а я, неблагодарная? Вѣдь и мнѣ слѣдовало бы отвѣтить тѣмъ же! Отчего бы мнѣ не пасть прямо въ его объятія, на его честную грудь, въ ту минуту, когда онъ стоялъ передъ мною, нечесанный, небритый, грязный, послѣ безсонной ночи? Упасть въ его объятія—это значило получить двѣнадцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода и сдѣлаться хозяйкою богатаго дома. Меня ожидали наряды, отличный столъ, роскошная обстановка....

— Бѣдная ручка! сказалъ онъ; намъ нужно обложить ее пластыремъ. Дайте мнѣ поцѣловать больное мѣсто.

Онъ едва успѣлъ прикоснуться усами къ моей рукѣ, какъ я вырвала ее изъ подъ его носа, какъ изъ пасти гѣны. Я пренебрегла двѣнадцатью тысячами фунт., точно 12 мѣдными фартингами.

— Оставьте меня въ покоѣ! крикнула я въ бѣшенствѣ, кида на него самые свирѣпыя взгляды. Неужели вы не чувствуете, что я васъ ненавижу? Въ эту минуту я была зла, какъ тигръ. Гуго поблѣднѣлъ, какъ полотно, какъ случается со всѣми мужчинами въ минуту сильнаго волненія. Эта блѣдность равняется нашимъ потовамъ слезъ.

— Да, правда, я ошибся, сказалъ онъ тихо, но вамъ нечего больше тревожиться: теперь я все понялъ. Мы разошлись по угламъ, одинъ мрачнѣе другаго. Въ домѣ все проснулось; послышались ходьба, голоса людей. Дѣвушки и конюхи обмѣнивались любезностями; трактирщица явилась къ намъ въ туфляхъ и паниоткахъ съ вопросомъ: что прикажутъ господа къ завтраку? Господи Боже мой! Неужели опять завтракать *tête à tête*? Мнѣ разливать чай для Гуго, ему рѣзать ветчину и чистить яйца? Меня пробрала дрожь отъ отчаянія; миссисъ Гаррисъ предложила подать бараньи котлеты для сэра Гуго; изъ дверей кухни доносился запахъ жареной свинины — и вдругъ! О, счастье! я услышала стукъ колесъ!

Я опрометью кинулась въ двери, выбѣжала на крыльце, и, защитивъ глаза отъ яркаго лучей утренняго солнца, начала вглядываться. Тамъ, тамъ: это большія гнѣдныя лошади и коляска, въ которой леди Ланкастеръ, въ своемъ желтомъ парикѣ, каждую недѣлю ѣздитъ въ церковь. Я побѣжала назадъ къ Гуго, съ ра-

достнымъ крикомъ: «Экипажъ ѣдетъ! Ура!» и начала сказать, пригаты, какъ сумасшедшая. Точно мы гибли на морѣ, послѣ кораблекрушенія, и я увидѣла парусъ. Гуго молча, вопросительно смотрѣлъ на мои гимнастическія упражненія; затѣмъ вышелъ, и началъ бранить своихъ слугъ.

— Кой чортъ васъ держалъ тамъ такъ долго? кричалъ онъ яростно; затѣмъ вы раньше не приѣхали? Какъ вы осмѣлились заставить меня такъ долго дожидаться!— Двадцать лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ права совершеннолѣтняго наслѣдника, послѣ своего отца, но слуги еще ни разу не видали его такимъ злымъ. Слуги удивились, и исподтишка смѣялись. Долговременное отсутствіе свое они объяснили такъ: Смитъ, какъ баринъ и предполагая, сбился съ дороги, и попалъ въ гостиницу Краснаго Льва, на разстояніи почти цѣлой мили отсюда. Тамъ онъ опохмѣлился и пришелъ въ Вентвортъ, только полтора часа назадъ. Мистриссъ Гаррисъ принуждена была сама кушать жареную свинину и пить кофею. Гуго сѣлъ править на козлы, вмѣсто кучера, и мы ровно въ девять часовъ подѣхали къ ступенямъ крыльца большаго сѣней въ Вентвортъ. Внизу еще никого не было; я полетѣла черезъ корридоръ и галерею прямо въ свою комнату; повалилась на постель, и заснула мертвымъ сномъ, забывъ всѣ свои скорби и страданія въ кабакѣ.

ГЛАВА XX.

Я проспала до полудня; солнце обошло весь домъ, и, ударивъ лучами прямо на мою постель, разбудило меня. На окнахъ моей комнаты не были опущены шторы. Когда я проснулась, то почувствовала сильную головную боль. Нѣсколько минутъ сряду лежала я неподвижно, въ какомъ то полузабытѣ. Я ни о чемъ не думала, ничего не желала, и чувствовала только жаръ, тошноту и головокруженіе. Я совсѣмъ проснулась только въ ту минуту, когда кто то тихо повернулъ ручку замка у двери, вошелъ въ мою комнату, подошелъ къ моей постели и нагнулся надъ мною. Это была Долли.—Проснулась; ну, что? отдохнула

ли ты послѣ своего похода? говорила она такъ тихо и нѣжно, что звукъ ея голоса скорѣе ласкалъ, чѣмъ раздражалъ мой больной черепъ. Отличная изъ нея вышла бы сидѣлка! Я пришла въ полное сознание. Все, происходившее вчера, ясно представилось моей памяти. «Долли предательски поступила съ мною; я не могу ей этого простить, и должна быть на ногахъ съ нею», думала я. Не поднимая головы отъ подушки, я вперила въ нее глаза.

— Я съ тобою говорить не хочу, сказала я; ты лгуныя.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразила Долли съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Что же дѣлать! Въ свѣтѣ всѣ понемногу лгутъ; люди, слишкомъ откровенные, неприятны для общества; нѣкоторая доза двуличности необходима въ свѣтской жизни. Развѣ для тебя это новость?

Я не поддавалась ея намѣренію увлечь меня въ отвлеченности.

— Ты наслетничала на меня Дигу! Ты уговорила его не ѣхать кучеромъ въ шарабанѣ, закричала я такъ громко, что страшная боль ударила меня, какъ ножомъ, въ голову.

— А если Дигъ, какъ ты его называешь, простилъ меня; отчего бы и тебѣ не сдѣлать тоже самое? отвѣчала сестра. Дигъ простилъ ее! Эти слова просто ужалили меня. Я начала метаться по постели.

— Съ какой цѣлю ты это устроила? Для чего? Неужели для того только, что бы повредить мнѣ?

Долли улыбнулась, и сѣла у меня въ ногахъ. Видя, что стучка между нами неизбежна, она рѣшилась начать ее не иначе, какъ усѣвшись заранѣе самымъ удобнымъ образомъ.

— Что ты за провазница, подумаешь, право! легла въ постель совсѣмъ одѣтая! начала она ласково, развѣ въ платьѣ удобно спать? Вѣдь ты вечеромъ будешь желтая, какъ лимонъ.

— Ты мнѣ это на зло сдѣлала? повторила я, не слушая ея наставленій.

— Только врагъ можетъ дѣлать такія вещи на зло другому, возразила спокойно Долли, а я совсѣмъ тебѣ не врагъ. Мнѣ и въ голову не могло придти желаніе повредить тебѣ въ этомъ случаѣ.

— Тебѣ самой, что ли, хотѣлось ѣхать съ нимъ? настаивала я; ты вѣрно въ него влюблена?

Долли улыбнулась какою то сострадательною улыбкою, и пожала плечами.

— Неужели ты меня считаешь способною влюбиться въ человека зато, что у него длинныя ноги и что онъ нищій? Это вѣдь два главныхъ отличительныя свойства твоего милаго Дюда. Не такъ ли?

— Ты ему кидала вчера такіе выразительныя взгляды, что, посмотрѣвъ со стороны, можно было подумать, что ты въ немъ нашла много и другихъ достоинствъ, возразила я колко.

— Другъ мой! Развѣ я виновата, что Богъ далъ мнѣ такіе глаза, которые кажутся другимъ выразительными? Вина природу, а не меня.

— Если онъ нищій, какъ ты говоришь, изъ за чего же ты такъ хлопотала? Зачѣмъ сплетничала? Зачѣмъ сдѣлала меня несчастною, добиваясь того, что не стоило вниманія, потво-ему?

— Милое дитя! На этотъ разъ ты нивагъ не можешь меня упрекнуть въ эгоизмъ. Неужели ты мнѣ и теперь не вѣришь? сказала Долли игриво, прикладывая свою свѣжую, миленькую ручку къ моему плающему лбу.

— Право, я объ себѣ и не думала! Съ какой стати стала бы я прочить себѣ въ женихи нашего общаго друга, съ его шотландскою фамиліею, которую натошакъ не выговоришь? Увѣряю тебя, что мнѣ до смерти надоѣло возиться съ нимъ весь день, да еще подъ жгучими лучами солнца!

Я отѣмѣла отъ удивленія, и лежала, вытаращивъ глаза.

— Зачѣмъ же, скажи Бога ради, ты все это надѣлала? произнесла я, съ трудомъ переводя дыханіе. Разъ навсегда, умоляю тебя, объясни мнѣ всю эту тайну. Что за цѣль была у тебя въ виду?

— Помочь тебѣ голову кельнскою водою спросила Долли, всприскивая меня душистою водою. Ты спрашиваешь, кака я у меня была цѣль? Душа моя! Идіоты одни дѣйствуютъ безъ цѣли. Мой планъ былъ очень простъ, и я готова объяснить тебѣ его сейчасъ же, но только съ условіемъ, что бы ты выслушала меня спокойно, какъ слѣдуетъ разумной дѣвушкѣ, и не кричала бы во все горло, какъ ты кричишь все это время. Если ты хочешь знать правду, то я хотѣла, что бы ты непременно бѣжала съ сэромъ Гуго. Видишь какое у меня сострадательное сердце Бѣдный малютка былъ просто въ отчаяніи.

— Зачѣмъ же ты непремѣнно хотѣла, что бы онъ съ мною ѣхалъ? спросила я съ удивленіемъ.

— Затѣмъ, душа моя, что я желала бы, что бы всю свою жизнь были спутниками одинъ другаго. Затѣмъ, что я надѣюсь до счастья увидѣть тебя леди Ланкастеръ.

— Этого никогда не будетъ! вскрикнула я, побагровѣвъ отъ волненія, и хотѣла вскочить съ постели, но запуталась въ одѣялѣ.

— Можетъ быть! Тебѣ, какъ видно, лучше нравится перспектива путешествовать въ товарномъ поѣздѣ съ маленькими Мекъ-Грегорами, которые будутъ цѣпляться тебѣ за юбку, и съ долговязымъ ихъ папою?

И Долли спокойно нюхала стелянку съ одеколономъ, пока говорила все это. Я упала на подушки, благодаря судьбу, что мои густые волосы закрываютъ меня отъ ея глазъ. Я горѣла отъ стыда.

— Какая ты дерзкая! прошептала я.

— Очень можетъ быть, возразила Долли, здравый смыслъ всегда кажется дерзкомъ. Жаль одного, что отъ моихъ дерзостей тебѣ въ товарномъ поѣздѣ не будетъ покойнѣе ѣхать, и что для Ромео и Юліи всегачи не будутъ отпускать мяса безъ денегъ.

— Что тебѣ до всего этого за дѣло? сказала я, нѣсколько ободрившись. Зачѣмъ ты насъ не хочешь оставить въ покоѣ? мы счастливы, какъ есть!

— Вы счастливы! Въ самомъ дѣлѣ? протяжно произнесла Долли. А ты увѣрена въ Ромео? Что касается до меня, то я нѣтъ! Ромео любитъ одѣваться у Пуля; онъ любитъ биллиардъ, шатолафитъ, актрисъ... Да! конечно, онъ у него теперь на одномъ планѣ, но глупа же ты послѣ этого, если воображаешь, что онъ объ нихъ вовсе не думаетъ. Неужели ты предполагаешь, что онъ согласится прожить гдѣ нибудь на чердакѣ, въ коморкѣ, держать грязную горничную, и питаться бараниною съ рисовымъ пудингомъ, лишь бы имѣть счастье обладать тобою?

Я молчала, полная негодованія, но сознавала, что ея логика была неоспорима: могла ли бы я одна замѣнить биллиардъ, шатолафитъ и актрисъ для Дика?

— Для меня это, право, новость, что ты такъ интересуешься моею личностію, сказала я. Я думаю, что тебѣ рѣшительно все равно, если бы я даже убѣжала изъ дому съ угольщикомъ.

— Ну, не думаю, что бы объятія угольщика годились для

миссъ Летранжъ, замѣтила она весело. Мнѣ вовсе не было бы пріятно, говоря о сестрѣ, называть ее *madame la Chaudronnière*.

— Конечно, продолжала она, перемѣнивъ вдругъ веселый тонъ на серьезный, отговаривая тебя отъ замужства съ Мель-Грегоромъ, я не объ одной тебѣ думаю. Дѣло въ томъ, что если ты выйдешь за нищаго (а нашъ достойный драгунъ нищій и есть), то ты окончательно убьешь наше имя. Мы и теперь упали очень низко; немного нужно, что бы мы очутились на послѣдней ступени общественнаго положенія.

Я начала снова метаться на постели. Ея житейская мудрость не безошибочна; но объяснить въ чемъ именно ошибка, у меня не хватало силы.

— Между тѣмъ, продолжала Долли; прогуливаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, если ты выйдешь за сэра Гуго...

— Никогда, вскрикнула я, прерывая сестру, я скорѣе дамъ съ себя кожу содрать! Фи! Выйдти замужъ за Гуго! Я умру отъ отвращенія черезъ недѣлю! Тьфу! какая гадость!...

Долли остановилась передъ трюмо, и начала осматриваться не съ простымъ чувствомъ самодовольства о, нѣтъ! она любовалась, какъ знатокъ изящнаго, на свою крошечную змѣиную головку, на толстые жгуты волосъ, цвѣта воронаго крыла, и на стройную свою фигуру.

— Глупая ты дѣвочка! Неужели ты не понимаешь, что я даю тебѣ совѣтъ, которымъ сама всегда руководюсь! Я влюблена не болѣе твоего въ достоинства Гуго, увѣрю тебя. Я знаю, что онъ добрый малый, старая деревянная кукла; но приди онъ сію минуту (не бойся, онъ для этого слишкомъ хорошо воспитанъ) и скажи: «миссъ Летранжъ, угодно вамъ выйдти за меня замужъ?» или «Долли, хочешь быть моею?» Я сейчасъ отвѣтила бы: «Да, милый Гуго, хочу, и благодарю васъ искренно». Я поклялась бы любить его, чтить, повиноваться ему, т. е. не ему (она сдѣлала презрительный жестъ); но его двѣнадцати тысячамъ ежегоднаго дохода, его французскому повару, его ложѣ въ театрѣ; я поклялась бы, и осталась бы вѣрна своей клятвѣ.

— Господи, если бы онъ за тебя посватался! простонала я.

— Подай мнѣ, продолжала Долли, все болѣе и болѣе одушевляясь (она рѣдко тратила такъ много словъ съ женщинами, подай мнѣ любого лорда изъ всей Великобританіи, будь онъ дряхлый, беззубый, гадкій старикашка, мнѣ все равно, я съ радостію кинусь ему на шею, протяни онъ мнѣ только свои

руки, разбитыя параличемъ, и предложи свое сердце, вмѣстѣ съ состояніемъ: я не задумажусь ни на минуту, и выйду за него. Только бы побольше денегъ. Деньги! деньги! деньги власти! деньги сила! деньги все на землѣ!

Я сѣла, спустивъ ноги на полъ.

— Да, сказала я, для тебя это такъ, но не для меня. На что женщинамъ власть? Что имъ съ нею дѣлать? Любовь выше и дороже всѣхъ властей на землѣ....

— Фи! я никакъ не воображала, что бы въ наше время кто нибудь, кромѣ дѣтей и старухъ, вѣрилъ еще въ этотъ древній мифъ. Любовь есть ничто иное, какъ эгоизмъ! возразила Долли, начиная снова плавно ходить по комнатѣ.

— Человѣка нельзя назвать эгоистомъ, если онъ живетъ для другаго, возразила я, думая, что сестра будетъ обезоружена этимъ доводомъ.

— Послушайся голоса житейской мудрости и практическаго смысла, продолжала она, выходи замужъ за Гуго, пожертвуй своею любовію, что бы спасти бѣдную семью, нищета которой сведетъ нашего отца прямо въ могилу. Вмѣсто того, что бы много толковать о своей преданности къ нему, выходи за Гуго, и тѣ спасешь отца отъ долговъ. Но если голосъ любви зардунаетъ мои совѣты, повѣсь себя на шею долговизаго шотландца, и ты будешь нищя, женщина безъ положенія, безъ средствъ, но счастливая любовію. Ты будешь обладать мужемъ съ великолѣпными усами и съ плечами въ косую сажень, а сѣдаго старика, отца твоего, сведешь въ могилу съ горя. Сдѣлай это, душа моя!

Она отворила дверь и вышла. — Долли, Долли! кричала я ей вслѣдъ, но она не слыхала, или притворилась, что не слышитъ.

ГЛАВА XXI.

Леди Марбетъ убила свой сонъ, а Долли убила мой сонъ. Какъ я ни переворачивала подушки, какъ ни поправляла одеяло, какъ не вертѣлась, стараясь заснуть, ничто не помогало.

Я силилась думать о самых ничтожных предметахъ, что бы успокоить мозгъ отъ раздраженія, и не могла сладить съ мыслями. Я была точно Орестъ, окруженный фуриями; меня, какъ его, мучили три мегеры: бѣдность Дика, ставшая преградой къ нашему соединенію и лишавшая его возможности удовлетворять прихотливымъ требованіямъ жизни (мнѣ, непривыкшей въ роскоши съ самаго дѣтства, и въ голову не приходило, что можно жить иначе, какъ мы жили); ревность Дика къ Гуго и, наконецъ, кокетничаніе его съ Долли. Будь я крѣпче силами, я легко могла бы разсудить, что если Дикъ собирается меня обмануть, то нечего и горевать о его бѣдности; напротивъ, лучше этой отговорки для отказа нельзя было и найти, и, наконецъ, если Дикъ ревнуетъ меня къ Гуго, то значитъ онъ не влюбленъ въ Долли. Но я такъ ослабѣла физически, что моральное мученіе было для меня почти невыносимо. Я не могла сражаться съ тремя орудіями заразъ. Черезъ четверть часа, показавшейся мнѣ за два, я вскочила. Часовъ у меня не было, какъ читателю извѣстно, но за дверь я слышала чиканіе ихъ. Отворяю дверь, смотрю: только пять часовъ. Остается полтора часа для того, чтобы одѣться. Сойду внизъ; смѣлымъ всегда везетъ счастье: кто знаетъ, быть можетъ, я встрѣчу Дика въ корридорѣ, на лѣстницѣ гдѣ нибудь, или въ бильярдной.

Остановившись около парадной гостиной, я услышала голоса. Подслушивать я не хотѣла, но старалась уловить звуки того голоса, который могъ бы, кажется, поднять меня изъ гроба. Этого голоса не было слышно; говорили женщины: старая каргали, молодые ворковали. Почти всѣ дамы, обитательницы Вэнтворта, собрались въ парадныхъ комнатахъ и раздѣлились на группы. У каждой въ рукахъ была чашка чаю; всѣ онѣ, повидимому, только что вернулись съ прогулки: на столахъ и креслахъ лежало множество круглыхъ шляпъ; платья дамъ были приподняты спереди, что бы лучше выказать красивые высокіе сапожки. Леди Кепль (жирная герцогиня) въ прелестной кружевной шляпкѣ стояла у стола, и толковала о чемъ то съ миссъ Сеймуръ. Ей, я думаю, пріятно было смотрѣть на такую худощавую барышню. Сегодня утромъ на ея долю выпала почетная роль: ей пришлось кататься съ леди Ланкастеръ въ семейной коляскѣ. Сама хозяйка, также въ шляпкѣ, душила какую то престарѣлую филантропку своими длинными повѣствованіями. Когда я вошла въ комнату, она ахнула.—Какъ! вы сонли внизъ? Очень рада! Сестрица

ваша принесла такія грустныя извѣстія о вашемъ здоровьѣ, что мы всѣ сомнѣвались: придете ли вы провести съ нами вечеръ? А видно теперь легче стало? Она погладила меня по щекѣ съ такою вѣжностію, съ какою погладила бы щеку любой красавицы готтентотки, которой его величество султанъ сэръ Гуго вздумалъ бы бросить платокъ.

— Вы, просто, героиня, ма сhérie, замѣтила ласково леди Кепль. Намъ ужасно хочется поскорѣе выслушать отъ васъ исторію объ этотъ несчастномъ *contre-temps*.

— Мужчины всѣ такъ глупы, воскликнула язвительно молодая леди (имя ея было миссъ Джиффордъ; она шла къ намъ съ другаго конца комнаты); они никогда не умѣютъ рассказывать исторій; вѣчно пропускаютъ подробности, составляющія главный характеръ дѣла.

— Какое это было страшное паденіе, я думаю, какое затруднительное положеніе! пищала миссъ Сеймуръ, одаренная отъ природы жалобнымъ дѣтскимъ голоскомъ.

— Я надѣла бы семимильные сапоги и убѣжала бы домой, вмѣшалась колко миссъ Джиффордъ. Она конечно, никогда этого не сдѣлала бы, а скорѣе отдала бы свою косу, а пожалуй и позволила бы отрѣзать себѣ два пальца, за счастье провести ночью часовъ шесть сряду *tête à tête* съ сэромъ Гуго.

— Счастье ваше, что это случилось не съ кѣмъ нибудь другимъ изъ молодыхъ людей, а съ Гуго, замѣтила гордо леди Ланкастеръ. Положеніе, въ которомъ вы находились, очень неловкое для молодой дѣвушки; но понасть на руки такому чловѣку, каковъ мой сынъ, не опасно ни для кого.

Я приняла всѣ эти увѣренія молча, и кусала себѣ только губы. Чувствуя, что я, въ нѣкоторомъ родѣ, сдѣлалась львицею, и что всѣ ждуть моего скромнаго рыканія, я начала:—Что же мнѣ рассказывать? Лошади испугались поѣзда, начали бить, понесли, и перебросили меня черезъ заборъ. Куда полетѣли всѣ прочіе, не знаю; затѣмъ мнѣ стало дурно; я упала въ обморокъ и очнулась въ трактирѣ. Ухъ! (Я дрожу отъ отвращенія, при воспоминаніи о немъ).

— Бѣдное дитя! воображаю, какъ вамъ тамъ было гадко, наивно замѣтила леди Кепль. Всѣ жирныя женщины наивны отъ природы, почему? уже, право, не знаю.

— Отвратительно, сказала я съ жаромъ. Я въ жизни никог-

да себя не чувствовала такъ скверно, какъ тамъ! Леди Ланкастеръ приняла мое замѣчаніе за личное оскорбленіе.

— Благодарите судьбу, моя душа, зато, что вы остались живы, сказала она съ упрекомъ, и зато, что съ вами былъ человекъ, который, вѣроятно, сумѣлъ сберечь васъ, какъ слѣдуетъ.

— Что же вы тамъ дѣлали, въ продолженіе столькихъ часовъ? быстро вмѣшалась миссъ Джиффордъ, предчувствуя, что намъ готовится проповѣдь. Ну, говорили, спали, въ пинетъ играли? Ахъ! да, я думаю, тамъ и карты то совсѣмъ не водятся?

— Я смотрѣла все время на часы, и читала ужасную книгу о страшномъ судѣ, неохотно отвѣчала я.

Всѣ засмѣялись, кромѣ леди Ланкастеръ.

— Какая прелестная картина! Вотъ тесна то! Я не могу себѣ представить что нибудь скучнѣе такого препровожденія времени! А что читаль сэръ Гуго? «Дрелингуръ передъ смертію» что ли? (Сочиненіе миссъ Джиффордъ).

— Онъ ничего не читаль.

— Бѣдный! ему было хуже чѣмъ вамъ; чѣмъ же онъ развлекался? курилъ? дремалъ?

— Ничѣмъ, онъ смиренно сидѣлъ.

— Не любезны же вы были оба! замѣтила хозяйка; миссъ Джиффордъ, какъ это не потрудиться занять другъ друга? Я вспомнила усилія сэра Гуго занять меня разговоромъ, и покраснѣла отъ стыда.

— Неужели насъ никто не хватился? спросила я въ смущеніи, двигая чашкою по блюдечку. Неужели никому въ голову не пришло поискать, куда мы дѣлись?

— О, нѣтъ! за вами всюду разошлись гонцовъ; они всю ночь напролетъ размыскивали васъ, да не знали гдѣ найти. Не правда ли, леди Ланкастеръ?

— Они пошли по другой дорогѣ, отвѣчала старуха. Она сидѣла, вытянувшись, какъ аршинъ, и смотрѣла на насъ черезъ очки. Вотъ отчего ошибка произошла: Гуго никогда въ жизни по этой дорогѣ не ѣзжалъ. Вѣдь онъ сдѣлалъ три версты крюку: не понимаю, что это ему вздумалось?

Я то очень хорошо понимала, и нагнулась подъ столъ, какъ будто ища носоваго платка.

— Что? васъ очень разбило? Сильно вы ушиблись? спрашивала миссъ Сеймуръ, корча сострадательную мину.

— Да, я вся въ синякахъ, отъ головы до пятки.

— Дитя мое! Зачѣмъ же вы раньше мнѣ этого не сказали? ласково виѣшалась леди Ланкастеръ, я вамъ съ горничною арники прислала бы. Это лучшее средство отъ ушибовъ. Дорогая моя! Я боюсь, что вы, пожалуй, не будете въ состояніи танцевать сегодня вечеромъ, если такъ разбиты?

— Танцевать? повторила я, наостривъ уши, какъ охотничья лошадь, которая слышала звукъ роговъ и лай собакъ.

— Развѣ вы этого не слышали? спросила леди Кепль. А мы весь день только объ этомъ и толкуемъ. У насъ декорации устроены; мы сами развѣшивали флаги и гирлянды все утро, послѣ завтрака.

Единственный балъ, на которомъ я была когда то, пришелъ мнѣ на память, но лице капитана Дашвуда, героя бала, исчезло почти у меня изъ головы. Онъ притомъ служилъ въ пѣхотѣ, а я мѣтила на кавалерію.

— У насъ въ семьѣ до баловъ не охотники, сказала медленно, торжественнымъ тономъ, леди Ланкастеръ. Въ этомъ домѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду не танцовали. Это экспромтъ: сыну хотѣлось повеселить молодежь.

— Какъ это мило съ его стороны! отвѣчала я весело, и глаза у меня заблестѣли отъ восторга.

— Да вѣдь это небольшой вечеръ будетъ, десять или девять паръ, не болѣе. Теперь всѣ въ городѣ.

Леди Кепль вздохнула. Съ радостію полетѣла бы и она туда же, но ея наряды, кружевы были причиною, что великолѣпный домъ Кепль, въ Паркѣ-Ленѣ, отданъ былъ въ наймы на нынѣшній сезонъ.

— Маленькіе импровизированные вечера всегда пріятнѣе, вѣжливо замѣтила она. Вѣда только въ томъ, что въ деревнѣ хорошихъ кавалеровъ ни за что не достанешь.

— Дѣйствительно, правда, сказала леди Ланкастеръ, помахивая головою, украшенною марабутовыми перьями; она имѣла такой торжественный видъ, какъ будто дѣло шло объ голодѣ въ Индіи. Въ нынѣшнія времена молодежь не сидитъ дома и не занимается хозяйствомъ; всѣ они странствуютъ по Египтамъ, Палестинамъ и по другимъ мѣстамъ, куда въ мое время никто не заглядывалъ (я полагаю, что такъ, потому что въ ея время нужно было ѣхать одиннадцать мѣсяцевъ, что бы добраться до Индіи). По моему мнѣнію, продолжала старуха, это главное зло

въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ. Это признакъ, что настаютъ послѣднiя времена.

«Ну, не веселый же будетъ вечеръ», подумала я. «Такъ, пожалуй, придется танцовать характерныя танцы поочередно». Леди Кепль замѣтила, что я недовольна.

— Не бойтесь, недостатка въ кавалерахъ не будетъ, шеннула она, вивая мнѣ головою. Сэръ Гуго сказалъ, что онъ пригласилъ нѣсколькихъ офицеровъ шотландскаго полка изъ Нантфорда.

— Мой сынъ самъ постоитъ за себя, вѣщала леди Ланкастеръ. Онъ неутомимый танцоръ.

Въ глазахъ маменьки нѣтъ вещи, на которую сынокъ не былъ бы способенъ.

— Сколько у насъ танцующихъ кавалеровъ на лицѣ? спросила миссъ Джиффордъ, и начала считать: сэръ Гуго — разъ; лордъ Кепль—два; онъ танцуетъ, леди Кепль?

— Когда нужно; ему несовсѣмъ ловко стоять на раду съ молодыми людьми.

Звонокъ къ обѣденному туалету раздавался въ залѣ.

— Боже мой! я и не воображала, что такъ поздно!..

— Мы сегодня обѣдаемъ въ семь часовъ, объяснила мнѣ леди Ланкастеръ, и мы побѣжали наряжаться, что бы плѣнять шотландцевъ.

ГЛАВА XXII.

Танцевальную залу предполагалось устроить въ столовой. Обѣдать рѣшено было внизу, въ большой передней, гдѣ полъ былъ каменный, такъ какъ леди Ланкастеръ не позволила произвести безпорядка въ прочихъ парадныхъ комнатахъ. По этому случаю, она очень извинялась передъ нами, говоря, что надѣется на наше снисхожденiе. За столъ слѣдовало сѣсть ранѣе обыкновеннаго. Обѣдъ долженъ былъ подаваться въ русскомъ вкусѣ, не съ самыми отборными винами. Мы примирялись съ всѣми этими неудобствами, ожидая съ нетерпѣнiемъ вечера и танцевъ.

Отъ души благословляю обычай, на основаніи котораго хозяйнѣ дома обязанъ вести къ обѣду самую почетную даму. А такъ какъ играть подобнаго рода роль я могла бы только въ какомъ нибудь пріютѣ, а не на пышномъ обѣдѣ лорда, то въ этотъ день мнѣ удалось избѣжать чести идти рядомъ съ Гуго. Какъ онъ ни маневрировалъ, что бы я сѣла по лѣвую его руку, я однако ускользнула. Судьба послала мнѣ въ сосѣди г. де Лалей, юношу съ запонками въ видѣ мертвой головы. Этотъ невинный мальчикъ, служившій въ гренадерахъ гвардіи, болталъ съ мною о Виндзорѣ, о Канадѣ, о пирожкахъ, о конькахъ и охотѣ.

Днѣкъ сидѣлъ ниже меня, по той же линіи. Мнѣ нужно было откинуться на спинку моего кресла, что бы имѣть возможность, изъ за моего гвардейца, прелестной вдовушки, скептика остряка и миссъ Джеффордъ, увидѣть спину и бѣлокурую голову Дика, на которой волосы кудрявились болѣе обыкновеннаго, вѣроятно, потому, что онъ облилъ ихъ холодною водою. По спицѣ и затылку трудно было отгадать: веселъ ли онъ, скученъ ли и что чувствуетъ. Я не могла ничего ѣсть отъ волненія.

— Благодарю! благодарю! не хочу! отвѣчала я безпрестанно лакеямъ въ плюшевыхъ ливреяхъ и штиблетахъ, которые совали мнѣ подъ носъ рыбу, мясо и дичь подъ самыми аппетитными приправами.

— Уже не католичка ли вы, миссъ Летранжъ? спросилъ наконецъ мой юноша. Онъ былъ славный мальчикъ, одинаково готовый сочувствовать феніямъ и валсировать съ хорошенькою дамою.

— Нѣтъ, а что? отвѣчала я съ удивленіемъ.

— Да вы, кажется, поститесь; сегодня среда; я и думалъ, что вы римскокатолическаго исповѣданія.

Я засмѣялась. — Нѣтъ, отвѣчала я, ѣсть не хочется.

— Вы вѣрно не любите танцевать?

— О, напротивъ.

— А танцы—отличный моціонъ, нужно для нихъ заранѣе запарисъ силами. И онъ, смѣясь, принялся ѣсть съ большимъ аппетитомъ, какъ бы въ доказательство истинны своихъ словъ. Но обѣдъ, наконецъ, пришелъ къ концу; около десяти часовъ мы всѣ собрались въ большой гостиной. Кавалеры начали натягивать перчатки; одинъ господинъ, понадѣявшись на разшѣръ своей руки, запаса дамскими перчатками; одна пара уже лопнула у

него, и онъ собирался погубить другую; два или три юные франты удалились, что бы надѣть свѣжіе галстуки. Послышался стукъ каретъ. Первые прѣехали Коксы. Лошади у нихъ почти чистокровныя; онѣ плясали на мѣстѣ; на дверцахъ кареты былъ изображенъ гербъ, величиною съ тарелку; у лакеевъ военныя кокарды на шляпахъ, потому что мистеръ Коксъ служить въ милиціи. Нельзя было безъ смѣха видѣть, какъ этотъ малютка миллионеръ, на смотрахъ, маршировалъ въ своемъ зеленомъ мундирѣ, отдавая честь начальнику. Вотъ въ какомъ видѣ англійскіе богатые торговцы ѣздили въ гости къ своимъ знакомымъ въ ту блаженную эпоху, о которой я разсказываю. Мистеръ Коксъ открылъ шествіе, ведя свою супругу подъ руку, и такъ какъ они оба были жирны донельзя, то въ дверяхъ проходъ для нихъ оказался очень затруднителенъ. Мистеръ Коксъ красовался въ малиновомъ бархатномъ жилетѣ, съ которымъ ни слезы, ни мольбы жены и дочерей не въ состояніи были его разлучить.

Позади родителей выступали цыплята, курочки и пѣтушки: Мортимеръ Спенсеръ де-Ласси Коксъ, благородный членъ нижняго парламента, представитель безчисленнаго множества различныхъ клубовъ, вель подъ руку сестру свою, Амарилію; въ арріергардѣ шли Лили Коксъ съ пунцовыми щеками, и Віолетта, отличавшаяся громкимъ голосомъ.

На леди Ланкастеръ было надѣто великолѣпное атласное платье сѣроперловаго цвѣта; на мистриссъ Коксъ — розовое моаръ-антикъ. Обѣ матеріи цѣны были одинаковой, но характеръ и эффектъ туалета обѣихъ дамъ представляли контрастъ поразительный. Первая леди приподнялась съ своего мѣста съ величіемъ королевы, и спокойно торжественнымъ тономъ произнесла:—Какъ ваше здоровье, мистриссъ Коксъ?

Коксы въ первый разъ въ жизни переступили черезъ порогъ Вэнтворта, и въ первую минуту до того растерялись, что хотя бы сейчасъ дать тягу домой. Несмотря на мое отвращеніе къ старухамъ вообще, я не могла безъ восторга глядѣть на леди Ланкастеръ. Она въ этотъ вечеръ олицетворяла собою престарѣлую королеву, принимающую депутацію отъ вѣрноподданныхъ гражданъ своего государства. Въ обыкновенные дни, это была прескучная старуха, надоѣдавшая всѣмъ намъ до смерти, разсказами безъ конца объ индійскихъ племенахъ, о религіозныхъ сектахъ и «о моемъ сынѣ», но всегда и вездѣ она оста-

валась *леди*, отъ головы до ногъ. Сколько бы Коксы ни накупили себѣ древнихъ домовъ и помѣстій у обнищавшихъ родовыхъ дворянъ; какія бы родословныя и гербы они себѣ ни приобрѣтали—настоящаго *grand' air* имъ не купить ни за какія деньги. У Гуго нѣтъ этого *grand' air*, но зато столько прямоты и добродушія въ характерѣ, что съ нимъ каждому человѣку какъ то легче и свободнѣе, чѣмъ съ его важною матушкою.

— Какъ поживаете, миссъ Коксъ? очень радъ васъ видѣть, кричалъ онъ весело. Миссъ Лили, здравствуйте! Надѣюсь, вы запаслись силами на сегодняшніе танцы; мы вѣдь положительно не отпустимъ васъ отсюда ранѣе сутокъ.—Вскорѣ прикатили и офицеры шотландскаго полка; человѣкъ шесть изъ нихъ пробрались въ гостиную, и, незнакомые ни съ кѣмъ, толпились въ углу, какъ рой пчелъ. Гуго ободрилъ ихъ, и представилъ каждого изъ нихъ матери; та подала руку полковнику, и отвѣсила такой великолѣпный поклонъ всѣмъ прочимъ офицерамъ, что робкій корнетъ, почти что ребенокъ по возрасту, чуть не упалъ въ обморокъ отъ ея надменнаго обращенія.

Гости наѣзжали непрерывно. Это были или деревенскіе жители, никогда не заглядывавшіе въ городъ; или люди, у которыхъ не хватало средствъ прожить въ Лондонѣ весь сезонъ; они ѣздили туда обыкновенно на одинъ или на два мѣсяца, и потому имъ еще рано было оставлять деревню. Папеньки и маменьки, сынки и дочки, всѣ собрались въ Вэнтвортъ. Въ половинѣ одиннадцатаго, сэръ Гуго подалъ руку леди Кепль и повелъ ее въ танцевальную залу; каждый кавалеръ выбралъ или даму своего сердца, или даму, которой его сейчасъ представили, или, наконецъ, ту, отецъ которой успѣлъ уже пригласить его обѣдать; за ними двинулись и мы. Столовая въ Вэнтвортѣ превратилась въ этотъ вечеръ въ что то волшебное. Розовая драпировка, разноцвѣтные флаги, гирлянды изъ плюща и цвѣтовъ, красовались всюду; мягкій свѣтъ безчисленнаго множества восковыхъ свѣчей падалъ на стѣны, на блестящій паркетъ и на разноцвѣтныя платья дамъ, которыя двигались взадъ и впередъ по залѣ, громко разговаривая и смѣясь между собою. Вдоль комнаты, подлѣ стѣнъ, стояли табуреты, и на нихъ размѣстились пожилыя леди съ крючковатыми носами. (Почему это въ Англіи, въ извѣстномъ возрастѣ, у всѣхъ старыхъ матронъ носы дѣлаются крючкообразны? Не понимаю!) Разноцвѣтныя атласныя и моаровыя платья, перья и драгоцѣнные камни дѣлали

ихъ похожими на дорогихъ птицъ изъ тропическихъ странъ. Окруженные зеленью и цвѣтами, онѣ зорко наблюдали за нарядною толпою молодыхъ дѣвушекъ, которыя, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были всѣ хорошенькія. Старушки, кромѣ того, сладко мечтали о предстоящемъ вкусномъ ужинѣ. Оркестръ настраивалъ инструменты; я была просто въ упоеніи. Мой вѣрный юноша гренадеръ пригласилъ меня на первый танецъ. Оказалось, къ его великому прискорбію, что балъ начался съ кадрили.

— Я, право, не воображала, что мнѣ придется васъ пригласить на скучный танецъ, сказалъ онъ. Помоему, это все равно, что сдѣлать грубость дамѣ, если ее попросишь на кадрили.

— Да, то есть на послѣдній, замѣтила я, смѣясь. А вы вѣдь меня на первый пригласили?

Сэръ Гуго носился по всей залѣ, говоря любезности пожилымъ леди, и перекидываясь шутками съ барышнями; наконецъ онъ добрался и до меня. Я сидѣла въ одиночествѣ на пунцовомъ бархатномъ табуретѣ.

— Вы конечно приглашены на первый вальсъ? спросилъ онъ.

— Да, приглашена!

— А нельзя ли того кавалера побоку?

— Нѣтъ, ни за что!

— Ну, такъ оставьте мнѣ слѣдующій. Вѣдь мы съ вами помирились: не такъ ли?

— Я даже не знала, что мы были въ ссорѣ.

— И отлично: значить, слѣдующій вальсъ мой? Онъ нацарапалъ, наскоро свое имя въ моей записной книжечкѣ, и убѣждалъ, по обязанности хозяина, къ другимъ дамамъ. Я солгала сэру Гуго; меня на вальсъ никто не приглашалъ. Меня звали многіе, да я всѣмъ лгала одинаково. Вальсъ я берегла тому, кто, кажется, забылъ обо мнѣ и думать. Послѣ кадрили сдѣлалась пауза. Танцоры отдыхали. Иноземные воины стали сблизаться съ туземцами, и между ними происходилъ обмѣнъ фразъ. Миссъ Коксы въ большомъ ходу. Что за славная миссъ Виолетта! съ нею такъ свободно говорятъ мужчины; вокругъ нея цѣлая толпа; хорошо, что леди Ланкастеръ далеко, и плохо слышитъ. Ея остроты не долетаютъ до меня. Но взрывъ смѣха, сопровождающій ихъ, ясно слышенъ. Рядомъ съ мною катаральный юноша кашляетъ очень громко. Его простуда измѣнила форму; онъ

теперь можетъ свободно пропнзнести «п» и «н», но откашляться ему нѣтъ никакой возможности. Онъ глухо хрипитъ.

— Вы попробовали бы пососать реглиску, сказала ему съ чувствомъ миссъ Сеймуръ.

— Не помогаетъ! возразилъ онъ сплнымъ голосомъ. Я уже полторы коробки съѣлъ.

Онъ, кажется, былъ сильно озабоченъ своею болѣзнію. Всѣ мужчины одинаковы: палець заболитъ, они уже падаютъ духомъ.

— Поди бай-бай, голубчикъ, совѣтую тебѣ! весело говорилъ злой де Ланей. Поставь ноги въ микстуру и напейся горячей воды. Завтра будешь молодцемъ! и, сказавъ это, шалунъ отвернулся.

Инвалидъ бѣгаетъ на него свирѣпый взглядъ, и ворчитъ себѣ подъ носъ, что ему очень хорошо.

— Чего хорошо? Если ты будешь лаять такимъ образомъ, то заглушишь оркестръ, и, сказавъ это, шалунъ ушелъ.

— Не сердитесь на меня за замѣчаніе, говорила леди Ланкастеръ молодой женщинѣ, неосторожно усѣвшейся близъ открытаго окна, но мнѣ кажется, что вы усѣлись какъ разъ на сквозномъ вѣтру. Простудитесь непременно! Мы, старухи, по опыту это знаемъ, притомъ вы декольте: это еще опаснѣе.

Оркестръ грянулъ вальсъ. Я все забыла. Сердце у меня забилося; кровь хлынула въ голову.

— Можетъ быть, онъ не видитъ меня! подумала я, встала, и робко подошла къ кругу зрителей, смотрѣвшихъ на танцующихъ. Ноги у меня дрожали. По залѣ носились пары, одна за другою. Тюль, ленты, тарлатанъ, мундиры и фраки мелькали во всѣхъ углахъ. Я прижала пальцами свою ушибленную руку и не чувствовала боли. Подойдетъ ли онъ? Боже мой! Подойдетъ ли онъ? Какой жестокий! Вдругъ толпа разступилась, и новая пара понеслась по залѣ. Прелесть что за пара!..

— Э! какъ же это! крикнулъ Гуго, увидавъ меня, а кавалеръ то вашъ куда дѣвался? Забылъ, что ли?

— Да, кажется, что такъ, сказала я, и губы мои задрожали.

— Не бѣда, хорошая рыба на днѣ моря не проживетъ; начнемте вальсъ со мною.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала я, съ ужасомъ отворачиваясь отъ него. Я не хочу вальсировать, право, не хочу.

Сэръ Гуго заупрямился. Вамъ, такому цвѣтку, да не танцо-

вать! Вздоръ! Я и слышать не хочу! У меня не достало силъ устоять противъ искушенія, да и голосу не хватило спорить. Мы понеслись, какъ вихрь по залѣ. Гуго хорошо танцевалъ, быстро, ловко и даже граціозно, словомъ какъ слѣдуетъ танцевать. Надо было правду сказать, что если онъ брался за что нибудь, то дѣлалъ хорошо. Наконецъ, у меня голова закружилась; мы сѣли, а вокругъ насъ неслись попрежнему безумныя пары подъ звукъ: *Il bacio!*

Я начала наблюдать за танцующими: одни танцевали въ тактъ, другіе совсѣмъ безъ такта; этотъ прыгалъ; тотъ несея плавно; иной спотыкался, какъ старая лошадь; другой летѣлъ какъ на скачкѣ. Амарилія Коксъ и какой то длинный дуракъ, неслись на меня какъ буря. «Виноваты! Надѣюсь, я васъ не ушибъ!» пролепеталъ онъ, и они понеслись дальше. Летитъ слѣдующая пара, стройная, ловкая. Я укусила себѣ губу до крови. Это сестра съ Дикомъ. Долли въ тюлевомъ платьѣ цвѣта масла; въ волосахъ ея пунцовыя гранаты; щеки горятъ, какъ розы; красныя губки полуоткрыты; она томно оперлась на руку Дика; голова ея сладострастно прильнула къ его плечу. По моему, ея манера танцевать неприлична въ хорошемъ обществѣ, но Дикъ, кажется, этого не находилъ; онъ съ наслажденіемъ любовался на колебаніе ея стана. Сестрица моя такого рода женщина, которая годилась бы въ героини самаго грязнаго романа.

— А помните, гдѣ мы были прошедшую ночь? А? сантиментально ореть Гуго, боясь, что я не услышу его. Мы сидимъ у самой арки, гдѣ стоитъ оркестръ.

— Я отдохнула, пойдемте танцевать, сказала я отрывисто, не будучи въ состояніи выдержать напора нѣжныхъ воспоминаній. Первый вальсъ кончился; за нимъ слѣдовали второй, третій и т. д. Пожилыя дамы сидѣли, какъ курпцы на гнѣздахъ, слушая какого то стараго пѣтушка, который напѣвалъ имъ разныя разности. У дверей толпа мужчинъ толковала о лошадяхъ и собакахъ, изрѣдка бросая споротменское замѣчаніе на счетъ той или другой *fillette*, которая пролетала мимо ихъ, взвивая громаднымъ шлейфомъ тюлеваго платья, и задѣвая ихъ по ногамъ.

— Что это вы не принимаете участія въ общемъ веселіи? спрашивалъ старый проказникъ, извѣстный въ обществѣ подъ именемъ сэра Филиппа Леруа, у хорошенькой вдовушки, ми-

стриссъ Марриать, которая, не желая оскорбить память усопшаго друга, и въ то же время не желая повредить себѣ въ глазахъ его будущаго намѣстника, ловко соединила въ своемъ бальномъ туалетѣ погребальный черный цвѣтъ съ бѣлымъ свадебнымъ.

— Мнѣ танцовать? Ахъ, какъ это можно! отвѣчала она, вздохнувъ, и указывая на свое черное платье.

— Вы находите, можетъ быть (онъ осторожно опустился на табуретъ, рядомъ съ нею); вы находите, что въ прежнее время танцы были граціознѣе? Это правда; нынѣшніе танцы попомоу—(онъ шепнулъ ей что то на ухо); не правда ли?

— Тсъ! тише! васъ могутъ услышать.

Много мнѣ было возни во время шенъ въ кадрилихъ и лансье, указывая тупоголовымъ юношамъ, когда подавать правую, когда лѣвую руку.

На этомъ балѣ я замѣтила, что мои красные волосы, вѣнокъ изъ папоротника и наивность, очень нравились мужчинамъ. Въ первый разъ въ жизни, я сознала свою красоту. Но счастье мое, что я не слышала, какъ одинъ господинъ выразилъ, глядя на меня, что гнѣдая дѣвочка, пожалуй, всѣхъ за поясъ заткнетъ. Меня приглашали почти всѣ кавалеры, кромѣ одного.

Дикъ, на свою долю, потанцовалъ порядкомъ; онъ не забылъ всѣхъ трехъ барышень Коксъ. Мало того, онъ протанцовалъ даже кадрилъ съ ихъ маменькою, которая выдѣлывала *pas de basque* и *chassée stoisée*, какъ въ ту эпоху, когда она рисовалась еще на балахъ подъ именемъ Марты Гаррисъ. Дикъ пригласилъ миссъ Джиффордъ, миссъ Сеймуръ, цѣлую кучу другихъ миссъ, и кончилъ всетаки Долли.

— Мнѣ такъ рѣдко пспадается ловкій кавалеръ, такая досада! кротко говорила сестра, глядя на Дика такъ, какъ, я думаю, Даллила смотрѣла на Сампсона, когда она хотѣла открыть тайну его силы.

— Такъ онъ Саиди! хитрый шотландецъ! долговязый папа! говорила я просеба съ негодованіемъ, вспоминая всѣ позорныя прозвища, которыми Долли награждала человѣка, ею же теперь увлекшагося. Ахъ, если бы я могла ему это передать! Зачѣмъ у сестры не было оспы въ дѣтствѣ? Вышла бы изъ нея достойная, полезная женщина, которая шла бы фланелевыми фуфайки для бѣдныхъ; подкачивала бы кресло отца къ камину поближе, а я повѣрjala бы ей свои тайны! Въ залѣ

стало душно Излишекъ хорошаго точно такъ же вреденъ, какъ излишекъ дурнаго. Запахъ желтофіолей и розъ просто отравилъ воздухъ. У насъ у всѣхъ разболѣлись головы. Какая то молоденькая дама отворила окно; леди Ланкастеръ приказала запереть его. У нея врожденное отвращеніе отъ свѣжаго воздуха. Барышни обмахивались вѣерами, кавалеры платками; коегдѣ по угламъ вспоминали про ужинъ. Бѣдные отцы семейства, которыхъ притащили сюда, какъ рабовъ, привязанныхъ къ семейной колесницѣ, мечтали уже о счастливой минутѣ вознагражденія за претерѣнные страданія.

— Пойдемъ Кепль, лѣнтяя такой! говорилъ сэръ Гуго, проходя мимо герцога и ударивъ по спинѣ это украшеніе парламента; что ты ничего не дѣлаешь? Бери какую нибудь пожилую дѣву подъ руку, веди ее къ столу. Или, постой, вотъ мистриссъ Коксъ, тащи ее: то то она обрадуется; шутка ли, иди объ руку съ милордомъ!

— Какъ? Мнѣ эту бурю вести? Нѣтъ, спасибо, братъ, на нее жарко глядѣть. А я вѣдь привыкъ къ холоду, да къ тѣни!

Однако онъ повиновался; другіе послѣдовали его примѣру. Леди, одна почетнѣе другой, поплыли мимо меня къ цѣли, о которой онѣ мечтали весь вечеръ. Музыканты ушли освѣжиться, и нѣкоторые изъ нихъ вернулись навеселѣ.

— Что же вы кушали уже? спросилъ меня Гуго, проводя обратно первыя пары.

Всѣ мои поклонники разошлись, и я сидѣла одна, точно птичка послѣ бури, унылая, одинокая.

— Нѣтъ, я не хочу ужинать, сказала я грустно, передвигая мой деревянный brasletъ на лѣвой рукѣ.

— Полноте! мы еще повертимся на паркетѣ. Я уже оттанцовалъ все, что слѣдовало, по обязанности хозяина, и теперь свободенъ, а у васъ не хватитъ силъ продолжать, если вы не выпьете шампанскаго. Матушка! нельзя же намъ и съ голоду умирать!

Мать покачала старою головою, между тѣмъ какъ фальшивые брилліанты (даже и они не соблазнили меня, въ ущербъ Дигу), дрожа, засверкали на ея морщинистой шеѣ! — Нѣтъ, зачѣмъ же это? сказала она, всегда готовая на защиту мнѣнія сына, и очень довольная тѣмъ, что нужно покормить кого нибудь. Я опять поддалась настойчивому требованію Гуго, и пошла въ комнату, гдѣ устроенъ былъ буфетъ. Тамъ меня заставили

съѣсть кусокъ дышенна и языка, которые чуть не съли у меня въ горлѣ, и напоили шампанскимъ (вино, отвратительнѣе котораго я ничего не знаю). Балъ приближался къ концу; но мнѣ судьба не улыбалась. Музыка начала мнѣ надоѣдать. На паркетѣ валялись обрывки газа и тюля, гирлянды на стѣнахъ завали, флаги обвисли, локоны у дѣвиць распустились, лица у всѣхъ покраснѣли, вспотѣли. Свѣжестъ туалетовъ и вообще всей наружности у дамъ—пропали. Женщина въ концѣ бала на мои глаза, всегда напоминаетъ вавханку. Мужчины легче переносятъ это генеральное сраженіе: они становятся только нѣсколько вялѣе, чѣмъ при началѣ бала.

— Это въ честь меня! сказалъ маленькій де Ланей, когда оркестръ грянулъ «гвардейскій вальсъ», и мы приготовились съ нимъ танцевать. Я нахожу, что это очень любезно со стороны Ланкастера.

— Вы мнѣ напоминаете человѣка, который раскланялся съ публикою при входѣ въ театр, потому что, въ минуту его появленія, король показался въ своей ложѣ, и его привѣтствовали восторженными восклицаніями, отвѣтила я, смѣясь. Чужая веселость всегда заразительна.

— Кто это дѣвица съ голубымъ бантомъ на маковкѣ? Нужно, право, имѣть вдвое длиннѣе руки, что бы обнять ея талію.

— Это миссъ Коксъ.

— Родня она главному поставщику на армію? Если да, то я попросилъ бы ее замолвить за меня словечко у папеньки.

— Право, не знаю.

— Выкажи она, съ своей стороны, небольшое желаніе, и я у ея ногъ, увѣряю васъ.

Амарилія—добрая и наивная дѣвушка, хотя нѣсколько откровенно выказываетъ свои прелести. Въ концѣ вечера счастье улыбнулось мнѣ мелькомъ и то не надолго. Я танцевала кадрили съ этимъ вѣчнымъ, безподобнымъ, невыносимымъ Гуго, а Дикъ поневолѣ очутился нашимъ *vis à vis*. Мы встрѣтились во время одной фигуры.

— Что я вамъ сдѣлала? сказала я со слезами въ голосъ; вся душа моя перелетѣла въ томные сніе глаза, которыми я взглянула на прекрасное лице моего Алкивиада. Онъ нерѣшительно посмотрѣлъ на меня какъ то сверху, и готовъ былъ, кажется, умилоствоваться.

— Ну! что же вы, миссъ Нелли? (какъ онъ смѣетъ меня называть миссъ Нелли) о чемъ вы задумались? Намъ давно пора фигуру кончить! кричалъ Гуго, хватая меня за руку, и счастье ускользнуло опять. Напрасно клеветуютъ на злыхъ людей, увѣрая, что они отравляютъ намъ иногда жизнь; не правда, добрые, простодушные дураки—вотъ кто нашъ страшный врагъ, наше истинное зло!

«Какъ судьба смѣется надъ человѣкомъ!» думала я просебя, идя вслѣдъ за леди Ланкастеръ, по широкой лѣстницѣ, ведущей наверхъ, въ спальня. «Я рассчитывала на этотъ балъ, какъ на верхъ блаженства; воображала, какъ мнѣ будетъ весело танцевать вмѣстѣ съ Дикомъ, а теперъ!..»

На другой день я проснулась, какъ разбитая. Все тѣло у меня ныло, голова была тяжела, какъ свинець, а глаза распухли страшно.

— Какой сюжетъ для картины! воскликнула Долли, входя въ мою комнату и всплескивая своими маленькими ручками. Она была въ бѣломъ пенюарѣ, свѣженькая, какъ маргаритка. «Рахиль, плачущая о дѣтяхъ своихъ», «Шарлотта на могилѣ Вертера», «Агриппина, тоскующая на урнѣ умершаго супруга!» Bravo! ты годишься въ любую изъ нихъ. Я пришла рѣшить вопросъ: которую изъ картинъ выбрать, что бы снять съ тебя портретъ?

— Ты меня, ты меня въ гробъ сведешь, Долли, говорила я, всхлипывая; пожалѣешь, да поздно будетъ!

— Что же дѣлать! Меня тогда уголовный судъ притянетъ на скамью подсудимыхъ, отвѣчала сестра, подходя къ окну, и приподнимая шторы, что бы лучше разглядѣть мою наружность. Отецъ милосердный! воскликнула она, да ты вѣдь хуже, чѣмъ я воображала. Тебѣ ни eau de Cologne, ни poudre de riz, ни лучшія румяна, ничто не поможетъ! Ты не позволительно дурна! Нѣтъ! ты даже и Рахиль перецеголяла! Тебѣ и думать нечего о томъ, что бы идти внизъ.

— Да я и не собиралась идти туда, говорила я, плача. Дѣлай тамъ что хочешь, я тебѣ не помѣшаю. Ступай, лги ему побольше на меня, выдумывай, сплетничай,.. я.... я.... останусь здѣсь и умру!...

ГЛАВА XXIII.

Въ этотъ день я совсѣмъ не обѣдала; на такое самоотверженіе, у насъ, въ Англіи, можетъ рѣшиться человѣкъ только въ припадкѣ крайняго отчаянія. Я сошла внизъ не ранѣе десяти часовъ вечера. Если бы я болѣе думала о своемъ здоровьѣ, то вовсе не должна была бы выходить изъ своей комнаты; мнѣ слѣдовало лечь въ постель, да покрѣпче выспаться; но такъ какъ, на другой день, намъ предстояло уѣхать изъ Вэнтворта, то могла ли я пропустить послѣдній удобный случай для примиренія съ Дикомъ? Несмотря на то, что моя голова готова была треснуть отъ боли, я рѣшилась идти въ гостиную, что бы слѣдить за дѣйствіями сестры. Итакъ я встала, умылась холодною водою, отчего мои щеки горѣли въ продолженіе цѣлаго вечера, свернула косу узломъ, перевила волосы вѣткою плюща, надѣла бѣлое платье съ розовымъ поясомъ, и отправилась внизъ. Я прокралась, какъ мышонокъ, въ парадную гостиную, гдѣ, кромѣ толпы великановъ лакеевъ, разносившихъ чай, никто не замѣтилъ моего присутствія. Большая часть общества была погружена въ самое скучное, по моему мнѣнію, занятіе. Тѣсно окруживъ столъ, дамы и мужчины съ увлеченіемъ играли въ карты.

Всѣ въ одинъ голосъ кричали, и хохотали отъ души. Тутъ спорили, считая выигрышъ и проигрышъ; тамъ переглядывались изъ за картъ; въ одномъ углу старались незамѣтно сплутовать, а въ другомъ сердились, зачѣмъ плутуютъ.

Каждый говорилъ; никто не слушалъ.

— Симпатія или антипатія? громовымъ голосомъ спрашивалъ сэръ Гуго у колкой молодой леди, сидѣвшей рядомъ съ нимъ.

— О, конечно, антипатія! ядовито отвѣчала она. Я всегда выбираю это слово, что бы вѣрнѣе выиграть.

— А я выбираю симпатію; она гораздо пріятнѣе, не правда ли? съ вздохомъ говорила миссъ Сэймуръ какому то духовному лицу англиканской церкви, который нѣжно смотрѣлъ на нее изъ подъ очковъ, изучая, повидимому, ея худую шею.

— Шесть за симпатію.

— Шесть за антипатію.

— Вы должны мнѣ тридцать шесть.

— Какъ это вы узнали?

— Сэръ Гуго! давай играть въ rouge et noir?

— Пожалуйста: это такъ смѣшно.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше въ фоханы!

— Или въ другую игру?

— Примите мой совѣтъ, Ланкастеръ, тотъ, кто ожидаетъ, всегда проигрываетъ.

Всѣ эти восклицанія, восходившія отъ forte къ fortissimo, оглушали меня. Дика между играющими не оказалось; но Долли была тутъ. Миссъ Летрапжъ сложила на время оружіе. Воображая, что я мечусь въ страданіяхъ на своей постели, наверху, и не могу стать ей поперегъ дороги, она совершенно успокоилась.

Въ ту минуту, какъ я вошла въ гостиную, сестра была занята новымъ дѣломъ. Она забыла, кажется, свою роль дальновидной, опытной въ житейской мудрости, женщины, роль, въ которой, два часа тому назадъ, она явилась въ мою комнату. Это уже не была развратная маркиза временъ Лудовика пятнадцатаго, ставящая свою честь на карту; нѣтъ, Долли являлась теперь невиннымъ ребенкомъ, чистою Маргаритою, которой не доставало только цвѣтка въ рукѣ, что бы возобновить сцену гаданія: «il m'aime, un peu, passionément, point du tout!»

Причиною такого мгновеннаго превращенія былъ юный лордъ, хлопчатобумажный промышленникъ, съ чувственнымъ носомъ и точно срубленнымъ подбородкомъ, который охотно взялъ на себя роль Фауста, говорю охотно, но не съ радостію, потому что въ нынѣшнія времена истинный джентльменъ, какъ бы молодъ онъ ни былъ, ничему особенно не радуется.

Вся дѣтская душа Долли высказалась въ невинномъ маневрѣ ея въ картахъ. Съ робкимъ румянцемъ на щекахъ, съ полуоткрытыми пунцовыми губками, она пристально смотрѣла своими страстными бархатными глазами прямо въ лице лорда, говоря: я готова всегда быть вашимъ партнеромъ; вы мнѣ приносите счастье. Старая игра видно надоѣла уже сестрицѣ. Но гдѣ же Ричардъ? Умеръ что ли онъ, или легъ спать? Я окинула глазами всю желтую гостиную, нигдѣ и признаковъ Дика не было. Не за портіерою ли онъ, въ сосѣдней комнатѣ? Но что это тамъ вдали? Чья это голова виднѣется изъ за спинки кресла? Надо посмотреть. Такъ и есть: это Дикъ. Онъ рас-

тянулся въ глубокомъ, мягкомъ бреслѣ, держитъ въ рукахъ книгу вверхъ ногами, а на лицѣ у него написаны скука и досада.

— Я вездѣ искала васъ, Дикъ! сказала я кроткимъ заискивающимъ голосомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Эго очень любезно съ вашей стороны. отвѣчалъ онъ, церемонно приподнимаясь съ мѣста, и стараясь (хотя безъ успѣха) придать ироническій тонъ своему голосу. Человѣкъ только въ веселомъ расположеніи духа можетъ быть насмѣшливъ.

— Я пришла, что бы помириться съ вами, продолжала я.

— А получили вы на это разрѣшеніе отъ сэра Гуго? спросилъ онъ колко.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да то, что говорю.

Мы стали другъ противъ друга, оба готовые вспыхнуть. Я первая овладѣла собою.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула я съ горечью. Какъ это Долли умѣла скоро посорить васъ съ мною!

— Вы сильно ошибаетесь; напротивъ, Дол....., то есть, ваша сестра заочно всегда за васъ заступается: она говоритъ, что вы молоды, переменчивы, легкомысленны.

И это называется заступаться! Лучше бы она назвала меня злою: это всетаки вѣжливіе.

— Какъ? сказала я, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства; она сказала, что я переменчива, легкомысленна! А сама то она что? Хотите знать что она такое? Сказать вамъ? Сказать? Она низкая лгунья: вотъ она что!

Дикъ свирѣпо закрутилъ усы. Ему не понравилась моя рѣзкая выходка.

— Давать прозвища нетрудно, замѣтилъ онъ съ сердцемъ; клеветать на другихъ, что бы себя очистить, вещь очень легкая; но дѣло въ томъ, что это еще не доказываетъ, что бы именно вы говорили правду.

Я близко подошла къ нему, и въ волненіи положила свою горячую руку на рукавъ его сюртука.

— Развѣ тотъ, кто лжетъ, не лжець? спросила я.

— Конечно лжець!

— А развѣ она не солгала, сказавъ вамъ третьяго дня, будто я желаю ѣхать съ Гуго, а не съ вами? Развѣ она не

знаеть, что я ненавижу Гуго? что онъ, на мои глаза, скучный, утомительный старикашка? Она все это знаетъ. Да и вы знаете, только вамъ... вамъ... хочется помучить меня и въ гробъ свести!.. Я закончила свою рѣчь, по обыкновенію, всхлипываніемъ. Дикъ наморщилъ брови, и сдѣлалъ гримасу.

— Ты правду говоришь, Нелли?

— Правду ли я говорю? Конечно; я не такая лгунья, какъ Долли.

— Ты честію своею отвѣчаешь?

— Отвѣчаю честію.

— И присягнешь?

— И присягну.

— Ты не хотѣла ѣхать съ нимъ? Повтори!

— Не хотѣла, не хотѣла! Я до того на него разозлилась, что вплоть до Вильтона почти ни одного слова съ нимъ не сказала; вольно же было ей деревянной башкѣ не замѣтить этого! Но какъ вы повѣрили такой явной сплетнѣ? вотъ чего я не понимаю!

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Что же тутъ невѣроятнаго, что бы молодая дѣвушка могла предпочесть богача нищему, у котораго двухъ пенни лишніхъ въ карманѣ нѣтъ?

— А развѣ людей любятъ только по толщинѣ ихъ кошелека? Если такъ, то худо пришлось бы жить на землѣ мнѣ и бѣдному отцу моему, возразила я задумчиво.

Съ карточного стола раздалась снова хохоть и громкія восклицанія.

— Сплутовалъ! сплутовалъ! хотите продать вашу очередь сдачи? Я дамъ за нее полкроны.

— Три шиллинга! Двѣнадцать и десять двадцать два. Я выхожу. Благодарю Я держу и т. д.

— Пойдемъ на веранду, Нелли, сказала Дикъ, взявъ меня за руку; тутъ такой гамъ, что ничего нельзя разслушать, что ты говоришь.

Мы перешли на веранду, въ которую выходили она гостиной. Разноцвѣтныя розы, плющъ, жасминъ, душистые вьюнки, переплетаясь между собою, образовали густую стѣну по обѣимъ сторонамъ ея. Полная луна обливала тихимъ серебристымъ свѣтомъ только что распустившіеся цвѣты, которые наполняли ароматомъ свѣжій вечерній воздухъ.

Боже милосердный! какъ отрадно, какъ сладко было мнѣ лежать на плечѣ Дика, когда онъ сѣлъ на скамьѣ, и нѣжно обнялъ меня! Верхъ моего густаго зеленого вѣнка задѣвалъ его по усамъ.

— Ну, не жалкій ли я ревнивецъ, красавица моя? говорилъ онъ, осыпая мои губы жаркими поцѣлуями.

— Правда, отвѣчала я, улыбаясь.

— А будешь ты когданибудь сердиться на меня?

— Никогда, никогда!

— Однако, говори: любишь ли ты меня хотя крошечку больше, чѣмъ Ланкастера, несмотря на всѣ мои недостатки?

— Да, но мнѣ слѣдовало бы васъ поменьше любить.

— Ахъ, ты, глупенькая дѣвочка! Ну, стою ли я, нищій, что бы ты меня предпочла богачу, у котораго такой великолѣпный домъ и имя съ титуломъ!

— Долли говорить тоже, что и вы. А если двое говорятъ одно, значить есть къ тому основаніе. Впрочемъ, вопросъ о моемъ замужествѣ еще не конченъ; все это можетъ быть направлено. Я еще не отказалась отъ богатаго дома и титула. Что же? будете вы ѣздить къ мнѣ, какъ къ леди Ланкастеръ?

— Чортъ меня возьми, если я когданибудь приѣду!

Глаза его блеснули при одной мысли объ этомъ.

— Нелли Ланкастеръ! Элеонора Ланкастеръ! какъ это мило звучитъ! задумчиво сказала я, срывая розу, и нюхала ее.

— Нелли Летранжъ лучше, а Нелли Мекъ-Грегоръ еще лучше; не правда ли, дорогая моя? возразилъ Дикъ, прижимая меня еще крѣпче къ своему сердцу. Луна равнодушно смотрѣла на двухъ бѣдняковъ, отдавшихъ вполне своему счастью. Въ эту минуту для насъ не существовалъ весь міръ. Мы забыли, что на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, что страсть проходитъ, а жизнь— краткій мигъ.

Теплая струя ночнаго вѣтра зашелестила между листьями и цвѣтами веранды, и обдала насъ облакомъ аромата.

— Дикъ, шепнула я, ахъ! если бы Богъ послалъ мнѣ въ эту минуту смерть! Я никогда, никогда не буду такъ счастлива, какъ теперь.

Дикъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Зачѣмъ говорить о смерти, душевка моя! Вѣдь твоя жизнь только что начинается, бѣдная ты, моя дѣвочка!

— Мекъ-Грегоръ! Мекъ-Грегоръ! гдѣ ты? загремѣлъ голосъ

нашего хозяина, прозаически прерывая нашу нѣжный разговоръ. Куда его нелегкая унесла?

Дикъ прижался, какъ куропатка, въ кустахъ. Темная голова показалась у окна, и Гуго тяжело вступилъ на веранду.

— А, — а, ты здѣсь? сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ, замѣтивъ притаившагося пріятеля.

— Да, мой другъ, вы такъ шумите за картами, что мы вышли сюда отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ. Не такъ ли? спросилъ Дикъ, обращаясь къ мнѣ съ самымъ нѣжнымъ взглядомъ.

Я пробормотала едва слышное *да*, прибавила, что уже поздно, что мнѣ пора спать, что голова болитъ. Лице у меня все вспыхнуло, и я быстро удалилась, предоставивъ обоимъ влюбленнымъ рѣшать мою судьбу жребіемъ, на чью долю выпадетъ счастье обладать моею прекрасною личностію.

ГЛАВА XXIV.

Зачѣмъ это я вдаюсь въ мелкія подробности, рассказывая исторію моей жизни? Станетъ ли еще кто читать ее? Стоитъ ли вниманія повѣсть о разбитомъ сердцѣ? Говорятъ, что мы судимъ другихъ всегда по себѣ. Найдетъ ли кто изъ читателей сходство съ исторіею своего собственнаго сердца, перелистывая эти страницы, на которыхъ я постаралась передать, со всевозможною вѣрностію, исторію моей любви? Согласится ли читатель сознаться, что человѣкъ въ припадкѣ любви дѣйствуетъ какъ безумный, и проститъ ли онъ мнѣ всѣ мои ошибки и увлеченія?...

Мы ѣхали домой. Желтая карета, запряженная двумя инвалидами-лошадьми, тяжело спускалась съ горы; старикъ кучеръ лѣниво смахивалъ кнутомъ слѣпней, облѣпившихъ спины бѣдныхъ животныхъ. Солнце ярко освѣщало пыльную дорогу; изрѣдка попадалось намъ одинокое вѣтвистое дерево. У дверей одного коттеджа я замѣтила бѣлокурога мальчика, который лакомился хлѣбомъ съ патокою, и, увидавъ нашу экипажъ, за-

хлопалъ загорѣлыми рученками; вдали виднѣлись ряды ульевъ, около которыхъ пчелы, лѣниво перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, собирали медъ на градѣ темнокрасныхъ аврикуловъ. Тутъ, ближе къ намъ, женщина кормила поросенка. Итакъ мы ѣдемъ домой! Вэнтвортъ уже позади насъ; мы отъѣхали отъ него три мили, и я вспомнила о миломъ прошломъ съ улыбкою на губахъ. Какъ ясно осталась у меня въ памяти группа, стоявшая на каменной террасѣ, въ минуту нашего отъѣзда! Леди Ланкастеръ, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ изъ такой тяжелой матеріи, что оно могло бы, кажется, стоять безъ посторонней помощи, съ материнскою нѣжностію обнимала меня (причемъ волосы на ея бородѣ ужасно кололи мнѣ щеку), говоря старческимъ глухимъ голосомъ:

— Надѣюсь, что *теперь*, моя милая, мы васъ часто будемъ видѣть!

Долли, поставивъ малютку ножку на ступень кареты, протягивала руку, обтянутую свѣтлозеленою перчаткою, сэру Гуго, и прощалась съ нимъ такъ грустно, какъ будто ей въ самомъ дѣлѣ было жаль разстаться съ нимъ. Дикъ, между тѣмъ, прислонился плечомъ къ притолкѣ, а изъ подъ его густыхъ усовъ мелькала нѣжная улыбка. Вся эта картина, съ ея яркимъ солнечнымъ освѣщеніемъ, съ густою зеленою воеругъ и съ чистымъ голубымъ небомъ, просто врѣзалась у меня въ головѣ. Въ тотъ же день, Дикъ долженъ былъ отправляться въ Коркъ, гдѣ стоялъ его полкъ (счастливый городъ!); но онъ обѣщалъ писать ко мнѣ, а я дала слово ему отвѣчать. Кажется, этого достаточно для того, что бы я имѣла право строить самыя очаровательныя воздушныя замки! И я строила ихъ дѣйствительно, сонно тащась по песчаной дорогѣ, въ самый жаръ полдня.

— Дорогой ты мой! ненаглядный! повторяла я безпрестанно, какъ я люблю тебя! Сложивъ руки и поднявъ глаза къ синему небу, я сидѣла въ состояніи какого то экстаза, счастливая донельзя. На головѣ у меня красовалась весьма не живописная коленкоровая зеленая шляпка. Но это не мѣшало моему пылкому воображенію работать подъ нею самымъ усерднымъ образомъ. За что я его такъ люблю? разсуждала я. Не за одну же красоту? Разлюбила ли бы я Дика, если бы онъ вдругъ сдѣлался черный, безобразный?... Ни за что! Отнимите у него руки, ноги, глаза, уши, для меня онъ останется тѣмъ же безцѣн-

нимъ Дикомъ, милымъ королемъ Олафомъ. Я мысленно заранѣе уже рисовала картину, сюжетомъ которой служили два лица: молодой драгунъ и молодая женщина въ скромномъ барракѣ. Занавѣсей у насъ не будетъ; средствъ на это не хватитъ. Квартиру намъ дадутъ казенную; нанимать свою не по силамъ. Можетъ быть, по срединѣ комнаты, удастся послать драгетовый коверъ, попроще, и поставить столъ съ зеленою суконною скатертю. Я воображала, что каминъ топится; передъ каминомъ стоитъ волтеровое кресло, а въ креслѣ сидитъ Дикъ въ полномъ мундирѣ (я обожала, какъ настоящая пансіонерка, военную форму). На полу, около кресла, на низенькомъ стулѣ, сижу я, положивъ руки на колѣни драгуна, и вперивъ нѣмный взоръ въ его прелестное лицо и въ три медали, украшающія его доблестную грудь. Я сижу, и нашептываю ему такія нѣжныя рѣчи, которыхъ мнѣ, при немъ, въ слухъ ни за что не произнести.

Когда я одна, то дѣлаюсь чрезвычайно краснорѣчива, но въ присутствіи Дика у меня отнимается языкъ. Другое дѣло, когда мы будемъ супругами; тогда, вѣроятно, я не оробѣю, и выскажу прямо ему въ глаза всю силу моей любви къ нему. Сцена перемѣняется. На картинѣ Дика не видно. Въ упомянутомъ выше креслѣ, я сижу одна, изящно, но просто, одѣтая; у меня пріемъ офицеровъ арміи ея величества: полковники, майоры, капитаны, толпятся вокругъ, восхищаясь моею красотой.

Съ какимъ скромнымъ достоинствомъ я должна буду держать себя! какъ просто, но умно, должна буду отвѣчать на ихъ комплименты!

Вышла замужъ въ девятнадцать лѣтъ! Какое романическое положеніе! Мистриссъ Мекъ-Грегоръ. Нелли Мекъ-Грегоръ. Майоръ и мистриссъ Мекъ-Грегоръ. Когда я приѣду домой, попробую написать это на бумажкѣ; посмотрю, какъ это пишется.

Вѣроятно губы мои предательски прошептали довольно явственно имена юныхъ супруговъ, потому что Долли, не произнесшая ни слова со времени нашего выѣзда ихъ Вэнтворта, вдругъ повернула голову ко мнѣ.

Сестра была въ сѣрой креповой шляпкѣ, съ пунцовымъ цвѣткомъ, который рѣзко выдавался на ея блестящихъ сизыхъ волосахъ; она медленно сказала:

— Ты, кажется, молишься?

— Нѣтъ, рѣзко отвѣчала я, досадуя, что она прервала мои мечты; къ чему я теперь стану молиться?

— У тебя губы шевелились; такъ я думала: уже не творишь ли ты краткую молитву, какъ это совѣтуютъ дѣлать набожные люди. Кто тебя знаетъ? можетъ быть, ты обо мнѣ захотѣла помолиться?

— Нѣтъ, я не молилась, повторила я; я сама съ собою разговаривала. Это гораздо веселѣе, чѣмъ молиться. (Боже милосердный! Не поставь мнѣ въ осужденіе этого кощунства!) Я отвернула голову, и начала любоваться на желтѣющія нивы, на луга, на дроздовъ, клюющихъ вишни въ огородахъ фермы, мимо которыхъ мы ѣхали.

— Ты, можетъ быть, мечтала о своемъ поклонникѣ? продолжалъ ангелъ въ креповой шляпѣ.

— Да, коротко отвѣчала я; я объ немъ мечтала.

Нѣтъ! уже полно мнѣ терпѣть Долины дерзости; скоро я выйду замужъ, и буду важничать передъ всѣми старыми дѣвухами.

— А— а! такъ ты получила уже свою длинную восковую куклу, возразила она насмѣшливо. Прекрасно! кукла съ деревяннымъ парикомъ и длинными ногами!

Я была приготовлена къ атакѣ, и потому, не задумавшись, дала отпоръ.

— Видно кисель винограда! кригнула я, вспыхнувъ отъ злости; тебѣ вѣрно хочется, что бы мы могли пѣть пѣсенку:

Миссъ Дженни и Полли — у нихъ,
У каждой свой женихъ?

Долли кротко улыбнулась; но глаза ея сверкнули.

— Да, душа моя, отвѣчала она простодушнымъ тономъ, я желала бы имѣть мужа, но только не съ тѣмъ, что бы жить съ нимъ въ рабочемъ домѣ, куда вы, вѣроятно, оба падете.

— А ты, кажется, готова душу свою продать за золото, возразила я, вздернувъ презрительно носъ кверху.

— Почему же нѣтъ? спокойно продолжала сестра; душа не приноситъ мнѣ никакой пользы. Оставьте мнѣ мое тѣло, красивое, нѣжное тѣло, и дайте столько денегъ, что бы я могла его отлично кормить и одѣвать: я отдамъ свою душу самымъ хладнокровнымъ образомъ.

Слова Долли поразили меня сильно. Но у меня не хватило

*

силѣ оспаривать ея софисмы, тѣмъ болѣе, что судьба ея души интересовала меня немного. Мы замолчали, и сложили на время оружіе, пова, наконецъ, не показался нашъ старшій, высокій домъ, этотъ пріютъ грачей, почти сплошь покрытый густымъ плющемъ. Струя синяго дыма вилась изъ трубъ его. Огня библиотеки выходили на дорогу. Стекла въ окнахъ были узенькія, рамы рѣшетчатыя; проѣзжая мимо, я высунулась изъ кареты, посылая рукою поцѣлуи старику отцу, лице котораго показалось изъ за переплетшихся между собою розъ; онъ радостно кивалъ мнѣ головою изъ окна. Боже мой! какъ онъ измѣнился! Какъ пожелтѣлъ! Дорогой мой старичокъ! Какъ часто грежится мнѣ твой образъ среди свѣжихъ, душистыхъ розъ!

Я бросилась къ отцу на шею; онъ принялъ въ свои объятія баловницу дочь съ грустною улыбкою.

— Ну, дѣвочка, сказалъ онъ тихо (голосъ его надорвалъ мое сердце); много ли ты хорошихъ людей видѣла? Я думаю, не однимъ поклонникомъ успѣла уже завестись. Тебѣ, пожалуй, не очень хотѣлось возвращаться домой, къ скучному старику отцу?

— Конечно, отвѣчала я, осыпая его поцѣлуями. Я ни за что сегодня не пріѣхала бы, если бы не знала, что завтра убьютъ кохинхинскаго пѣтуха; я нарочно принаровила такъ, что бы успѣть проститься съ бѣднымъ малымъ до его смерти. Ну, панусенька, продолжала я, ластясь къ старику, и просовывая свою руку подъ рукавъ его изношеннаго сѣраго сюртука, пойдемъ смотрѣть, какъ поживаютъ наши свиньи и цыпляты, а тамъ я тебѣ все расскажу.

И мы отправились съ отцомъ на птичный дворъ, осмотрѣли все наше имущество, а затѣмъ я начала ему передавать исторію пивника, моего паденія, обморока; я описывала, какъ мнѣ странно было очутиться въ полѣ, безъ чувствъ, какую я непріятную ночь провела въ кабакѣ, читая книгу и ожидая экипажа (на этомъ мѣстѣ разсказа, я замѣтила, что лице моего старичка ириналило очень мрачное выраженіе), потомъ я ему описала обѣдъ, туалеты леди Ланкастеръ и пропасть подробностей о ея хозяйствѣ. Я кончила тѣмъ, что призналась отцу, какъ пожеланный сэръ Гуго, этотъ выгодный, всѣми преслѣдуемый, женихъ, палъ жертвою любви къ моей скромной личности. Затѣмъ уже у меня и словъ не хватило; замолчавъ, я начала кормить пшеномъ нашихъ цыплятъ.

— Такъ вы готовитесь быть важною леди, миссъ Нелли? шутливо замѣтилъ отецъ. Такъ вы, пожалуй, не станете и говорить съ старикомъ отцомъ?

Новость эта произвела на него удивительное вліяніе; онъ помолодѣлъ, выпрямился, точно вдругъ переродился. Я облокотилась на рѣшетку свиного хлѣва.

— Папа! Я вѣдь только сказала, что сэръ Гуго въ меня влюбленъ; я не сказала, что я его люблю. А вѣдь это огромная разница.

Отецъ какъ будто не разслушалъ моихъ словъ.

— Ланкастеры и Летгранжи, говорилъ онъ просебя, какъ бы любясь на соединеніе этихъ двухъ именъ. Какъ это напоминаетъ старое время!

Меня пробирала дрожь, при воспоминаніи о товарномъ поѣздѣ, о комнатѣ въ баракахъ, о ежегодномъ доходѣ въ два пенса.

— Кажется, папа, я тебѣ надоѣла? говорила я, обрывая мохъ съ камней. Зачѣмъ это тебѣ такъ хочется, что бы я вышла замужъ за сэра Гуго?

— Бѣдная ты, моя дѣвочка! жалобно произнесъ отецъ. Вѣдь я совсѣмъ измучился, думая день и ночь о томъ только что съ тобою будетъ, когда я умру и лягу рядомъ съ твоею матерью. Нелли, я молю Бога (онъ набожно снялъ шляпу, и затѣмъ выпрямился съ гордостію древняго дворянина), что бы ты стала на прежнюю ступень общественнаго положенія, и подняла честь нашего имени въ этой сторонѣ. Я молюсь Ему, и вѣрю, что ты этимъ прибавишь мнѣ десять лѣтъ жизни. Такъ то, дитя мое!

Была ли мнѣ, послѣ этого, возможность разбить его мечты, сказать ему, что я дала слово человѣку, у котораго ни гроша за душою, ни положенія, ни каріеры? Можетъ быть, мнѣ и слѣдовало бы ему въ этомъ признаться, но духу не хватило. Мы повернули къ дому; я возвращалась съ грустію на сердцѣ, и сильно встревоженная. Цыпляты попрежнему рылись въ песокъ; сытныя свиньи хрюкали въ тепломъ углу; все вокругъ дышало миромъ, спокойствіемъ, но мой покой исчезъ, радость, счастье— все улетѣло!

ГЛАВА XXV.

Память прошлаго счастья есть великій крестъ, посланный Провидѣніемъ на страданіе человѣку. Забыть, что мы были когда то счастливы, что когда то любили; забыть тѣхъ людей, съ которыми тѣсно была связана вся наша жизнь, и которыхъ смерть оторвала отъ насъ, — это было бы великимъ благомъ для человѣка, у котораго сердце разбито скорбію и борьбою съ жизнью. Но нѣтъ, такого рода забвеніе какъ будто не существуетъ; все прошлое счастье, всѣ прошлыя радости воскресаютъ въ нашей памяти, какъ живые образы, и настоящее давить и гнететь насъ еще сильнѣе, при сравненіи его съ *прошедшимъ*... Но что же я опять вдаюсь въ разсужденія? Моя автобіографія смахиваетъ на мозаическую работу: такъ тщательно стараюсь я вывести всѣ малѣйшіе оттѣнки картины моего прошлаго. Вотъ и теперь: у меня передъ глазами рисуется спальня Долли, дѣвственная комната, съ бѣлоснѣжною постелію, съ бумажейнымъ пологомъ, съ полевыми цвѣтами въ вазахъ, съ нравственными картинами на стѣнахъ, и даже съ текстами въ рамкахъ. Все въ этой спальнѣ дышетъ святою невинностію и чистотою сердца. Долли сидитъ у туалета, и расчесываетъ свои роскошныя волосы. Коса у нея длинная, густая, сизочернаго цвѣта, безъ малѣйшей волны. Я усѣлась на открытомъ окнѣ, и выставила изъ него свою кудрявую голову, вдыхая вечерній воздухъ. Уже недѣля, какъ мы дома; я и сестра, собираясь лечь спать, вздумали насладиться дружескимъ разговоромъ tête-à-tête.

— Мнѣ очень жаль, что есть люди, которые перетолковываютъ каждое происшествіе по своему, говорила Долли, энергически проводя щеткою по волосамъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? разсѣянно спросила я.

— Да ничего особеннаго; я говорю только, что странно, откуда мистриссъ Смитъ могла слышать всю эту выдуманную исторію объ тебѣ и о Гуго. Исторія эта, говорятъ, ходитъ теперь по всему околодку.

— Мнѣ что за дѣло! отвѣчала я, наморщивъ брови.

— Тебѣ дѣла нѣтъ, конечно, возразила сестра, тихо проводя рукою по волосамъ, но всетаки это несовсѣмъ пріятно; если всѣ группы по конюшнямъ подсмѣиваются надъ тобою и

надъ сэромъ Гуго, рассказывая всѣмъ и каждому, какъ онъ сто-
налъ, плакалъ, цѣловалъ тебя въ то время; какъ ты была безъ
чувствъ. Ты въ самомъ дѣлѣ, душа моя, была въ то время
безъ чувствъ, и ничего не слыхала?

Я яростно потрясла своею красною гривкою.

— Дай Богъ, что бы я также мало слышала твои дерзости,
отвѣчала я.

Долли положила на туалетъ щетку, и весело улыбнулась.
— Ахъ, ты, бѣдная кукла! сказала она, вѣдь тебѣ, пожалуй,
придется за него замужъ выйти; иначе рта людямъ не заж-
мешь, и про тебя съ нимъ не одну шлетню распустятъ. Вотъ
умора то!

— Какъ! я должна выйти замужъ за человѣка, потому
только, что мы вмѣстѣ съ нимъ опрокинулись изъ шарабана?
спросила я съ горькимъ смѣхомъ. Ха, ха, ха! Это интересно!

— Нѣтъ, душа моя, возразила сестра, свертывая бантомъ
свою черную косу: ты должна выйти за него замужъ не по-
тому, что васъ вмѣстѣ опрокинули изъ шарабана, нѣтъ, объ
этомъ скоро забудутъ и говорить; но вотъ чего никто не
забудетъ, того, что ты провела цѣлыя сутки глазъ на глазъ
съ нимъ, въ трактирѣ, на большой дорогѣ. Объ этомъ *все*
знаютъ и *все* говорятъ.—Въ эту минуту мотылекъ, влетѣвшій
въ комнату, сгорѣлъ на свѣчкѣ, и это мнѣ доставило большое
удовольствіе. Я до того была озлоблена, что желала зла всѣмъ
и каждому.

Благочестивая Долли положила передъ собою библію, соби-
раясь читать ее на сонъ грядущій.

— Кстати, замѣтила она, помолчавъ, ты не имѣешь еще из-
вѣстія отъ Мекъ-Грегора?

— Нѣтъ еще, отвѣчала я неохотно.

— Странно! какая бы могла быть этому причина, небрежно
продолжала сестра.

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ, возразила я колко, между
тѣмъ какъ всѣ эти дни я мучилась, въ слѣдствіе этого *страннаго*
молчанія. Онъ былъ вѣрно занятъ, когда пріѣхалъ въ полкъ;
ему, видно, такъ много дѣла, что писать некогда.

— Ну, душа моя, если ты этимъ довольна, то и толковать
нечего.

Затѣмъ Долли набожно раскрыла библію. Длинные ея рѣ-
сницы бросали густую тѣнь на нѣжныя щеки; все лице дышало

миромъ и святостію. Спрашивается: зачѣмъ я торчу тутъ на окнѣ, болтаю ногами, и не ложусь спать? Сердце у меня кипитъ отъ негодованія. Все молчитъ кругомъ, только изрѣдка сова стонетъ на верхушкѣ вязовъ. Черезъ нѣсколько минутъ застежки библии щелкнули.

— Какой больной видъ у папа, сказала Долли, окончивъ свое благочестивое занятіе, и взглянувъ на меня такимъ яснымъ взоромъ, какъ будто бы она была чиста душою, какъ ангель; ему кажется хуже, чѣмъ было до нашего отъѣзда. Бѣдный старикъ! у меня сердце болитъ, глядя на него.

Я вскочила съ окна, и въ волненіи начала ходить по комнатамъ. Широкой голубой капотъ изъ шерстяной матеріи драпировался на мнѣ, какъ тога.

— Зачѣмъ ты это говоришь? спросила я дрожащимъ голосомъ: что бы только напугать меня, или ты, вправду, замѣтила, что онъ плохъ?

— Конечно, потому, что я это замѣтила, возразила Долли кротко. Развѣ я всю жизнь свою посвятила только на то, что бы мучить тебя?

— Такъ онъ серьезно боленъ, Долли? Ты такъ думаешь? испуганно проговорила я.

Долли встала и подошла къ окну. Она чрезвычайно напоминала собою бѣлую лилію, въ своемъ мягкомъ, бѣломъ вечернемъ капотѣ.

— Онъ такъ помоему боленъ, сказала она выразительно, что, если не получить наслѣдства, или вообще если ему судьба не улыбнется, то я убѣждена, что онъ году не проживетъ. Всѣ эти долги, этотъ страхъ за насъ... то есть, за тебя, я хотѣла сказать, за судьбу твою послѣ его смерти, все это вмѣстѣ доведетъ старика до могилы.

Жизнь безъ старичка отца! Въ первый разъ еще эта страшная мысль поразила меня.

— Долли! сказала я, схвативъ ее за руку. Какъ ты думаешь: успокою ли я отца, утѣшу ли я его, если открою ему, что Дикъ за меня сватается?

— Успокоишь ли ты его извѣстіемъ, что нашелся такой великодушный господинъ, который готовъ умереть вмѣстѣ съ тобою съ голоду, и который, своею любовію, препятствуетъ тебѣ исполнить давнишнее сердечное желаніе отца, что бы ты своимъ замужествомъ возвысила положеніе и честь нашего ро-

да? спросила ѣдко сестра. Да, конечно, ты этимъ чрезвычайно успокоишь отца. Лучшаго средства для его утѣшенія, ты не могла и придумать. Покойной ночи, Нелли!

Сказавъ эту фразу, Долли опустилась на колѣни, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, начала читать свою вечернюю молитву, а я бросилась на постель, и плакала до того, что наконецъ заснула.

ГЛАВА XXVI.

Заснула я въ слезахъ, а проснулась съ улыбкою. Горе, казавшееся мнѣ ужаснымъ наканунѣ, сегодня утромъ представилось совсѣмъ въ другомъ видѣ. Я знала, что Долли обладаетъ особеннымъ искусствомъ задѣвать человѣка заживое; ей нужно было непременно убѣдить меня въ измѣнѣ Дива, вотъ она и выдумала, будто отецъ въ послѣднее время сильно опустился. Правда, мнѣ самой это показалось, когда я приѣхала изъ Вэнтворта, но дѣло въ томъ, что тогда былъ жаркій день, а ему всегда дѣлается тяжело отъ жары. Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, плохъ? думала я, все еще сомнѣваясь въ словахъ сестры. Вчера я видѣла двухъ сорокъ: говорятъ, это хорошая примѣта. Дай Богъ! вѣрно я получу сегодня письмо; такъ разсуждала я, стоя передъ зеркаломъ, и укрѣпляя свои красныя косы длинными шпильками. Вдругъ блокъ на дверяхъ внизу заскрипѣлъ: вѣрно это отецъ всталъ и идетъ изъ дома. Я побѣжала внизъ. Его уже не было, и мнѣ пришлось читать самой утреннія молитвы для домашнихъ. Я усѣлась въ старомъ кожаномъ креслѣ, на которомъ сиживали еще наши предки, и развернула библію: на первой ея страницѣ отецъ вписалъ дни благополучнаго рожденія своихъ двухъ дочерей. Противъ меня, на лавкѣ, усѣлась прислуга въ чистыхъ чепчикахъ и фартукахъ; изъ открытыхъ оконъ комнаты видны были столѣтнія деревья нашего парка, облитыя жаркими лучами юнскаго солнца. Читая какую то длинную главу о царѣ израильскомъ Іосіи, я то и дѣло взглядывала въ окно, ожидая почтара. Онъ наконецъ показался

на дорогѣ; я пропустила нѣсколько словъ, по его милости, и въ смущеніи начала пальцемъ водить по строчкамъ, насилу доискиваясь того текста, на которомъ остановилась; затѣмъ скороговоркою прочитала молитвы о благоденствіи дома и живущихъ въ немъ, помянула королеву съ чадами и весь августѣйшій домъ, произнесла *аминь*, и, прежде чѣмъ прислуга встала съ колѣнъ, я уже очутилась на крыльцѣ.

Почтарь имѣлъ обыкновеніе вѣшать свою сумку съ письмами на ручку колокольчика; я распаковала ее, смотрю: «Тэймсъ», какая то брошюра, шесть писемъ въ синихъ конвертахъ, адресованныхъ купеческою рукою на имя сэра Адриана Летранжа (бѣдняжка, сэръ Адрианъ! не лучше ли мнѣ бросить эти письма въ огонь?) записочка на розовой бумажкѣ и два письма на имя миссъ Летранжъ и, наконецъ, одинъ конвертъ на имя Элеоноры Летранжъ.

Да, но всетаки нѣтъ письма отъ Дика! Заглушивъ свое горе, я распечатала конвертъ, и начала читать. Это было письмо отъ сестры моей матери; превосходная женщина, примѣрная мать семейства, спѣшила сообщить мнѣ, что «у милой Цециліи была вѣрноподобная лихорадка, а милый Арчи вышелъ сорокъ первымъ ученикомъ, и поступилъ въ армію. Немудрено, онъ такъ плохо учился послѣдніе три мѣсяца.» Я бросила письмо на полъ, и начала топтать его ногами.

— Это что значить? спросила Долли, сходя съ лѣстницы. Сестра была хороша и свѣжа, какъ іюньское утро. Не понимаю что ее побудило удостоить насъ сегодня своимъ присутствіемъ? Она никогда не выходила такъ рано изъ спальни.

— Ничего! закричала я, скомкавъ тетушкино письмо, и швырнувъ его въ другой уголъ комнаты.

— Опять письма не получила?

— Да, не получила.

— Боже мой! какъ странно! да не попало ли оно куда, въ журналъ?

— Это какимъ образомъ? мрачно возразила я.

— Ну, такъ ты вѣрно дала ему не тотъ адресъ, какой слѣдовало? (Какъ же! нашла дуру!)

— Нѣтъ, я дала вѣрный адресъ!

— Такъ ты неясно его написала.

— Такъ ясно, что слѣнный прочиталъ бы.

— Гмъ! Ну, такъ онъ вѣрно боленъ.

— Замолчи!.. крикнула я, поблѣднѣвъ, какъ полотно. Пусть онъ меня лучше забудетъ, чѣмъ сдѣлается боленъ. Долли! Долли! что это съ нимъ! сказала я, падая на скамью, и закрывающая лице руками.

— Можетъ быть, завтра будетъ письмо, отвѣчала Долли, отворачивая голову. Мнѣ даже показалось, что ея голосъ звучалъ ласково.

— Нѣтъ, видно письма никогда не будетъ! кричала я, въ отчаяніи колотя головою по деревянному столу.

— Шш! шш! не дѣлай сцены, папа идетъ!

Я употребила страшное усиліе, что бы скрыть свое горе. Ради отца, я готова была молча перенести всякое страданіе, и потому теперь я встала, пошла ему навстрѣчу, обняла его, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, поблагодарила за букетъ, которымъ онъ меня награждалъ по утрамъ ежедневно, и лѣтомъ, и зимою. Я крѣпко поцѣловала блѣдное измученное лице моего старика. Да, утренняя роса и тихая ночь освѣжили цвѣты, поблекнувшіе наканунѣ отъ солнца; они совсѣмъ ожили, но оживетъ ли снова представитель дома Летранжей? подниметъ ли онъ гордую свою голову, согнувшуюся подъ бременемъ тяжелой житейской скорби? Едва ли! Тамъ, въ обители Царя небеснаго, ему уготовано свѣтлое покойное мѣсто; его ждетъ за гробомъ новая жизнь, другая доля.

— Сегодня что ли у Коксовъ назначена игра въ крокетъ? спросила сестра, сидя съ нами за завтракомъ. Надѣюсь, что мы раньше четырехъ часовъ туда не отправимся?

— Я совсѣмъ къ нимъ не поѣду, сказала я.

— Пустяки! возразила Долли строгимъ голосомъ. Ты должна ѣхать. Въ свѣтѣ такъ не водится; если ты принимаешь приглашенія, ты должна являться куда тебя зовутъ. Иначе ты прослывешь невѣжею.

— Мнѣ не хочется ѣхать къ нимъ! жалобно повторила я, обращаясь къ отцу, и положивъ свою руку на рукавъ его сюртука.

— Тебѣ вѣрно хочется дома посидѣть съ старикомъ отцемъ, Нелли? Ну, и оставайся, дитя мое, не ѣзди туда! Безъ тебя найдется еще много людей, готовыхъ являться на приглашеніе Коксовъ.

— Какъ хочешь, впрочемъ, холодно возразила Долли. Съ дѣтьми природы трудно ладить. Бѣдный сэръ Гуго! Воображаю,

каковъ онъ будетъ сегодня! Я охотнѣе встрѣтилась бы съ медвѣдемъ въ лѣсу, чѣмъ съ нимъ.

Я начала ей мигать, что бы она замолчала, но уже было поздно.

— Развѣ сэръ Гуго Ланкастеръ будетъ тамъ? спросилъ отецъ, поднимая голову.

— Да, конечно; онъ прямо изъ города приѣдетъ, что бы видѣть... Амарилію Коксъ, добавила сестра. Мы всѣ замолчали на минуту.

— Знаешь что, Нелли? сказала мать, тихо вставая, и приготовляясь выйдти изъ комнаты. Уже не ѣхать ли тебѣ также? Вѣдь Коксы очень вѣжливы съ нами: зачѣмъ ихъ оскорблять?

— Мнѣ кажется, говорила Долли, когда мы вѣзжали въ ворота Коксъ-Парка, что сегодня вечеромъ здѣсь будутъ танцы; я слышала, какъ папа Коксъ говорилъ вчера леди Кепль, что его дочери такія смертныя охотницы прыгать, что если имъ не удастся потанцовать въ чужомъ домѣ, такъ онѣ задаютъ выпляску дома.

Когда мы подкатили къ крыльцу, то я замѣтила, что дворецкіи и офиціанты переглянулись между собою, при видѣ нашей старомодной кареты, но, какъ хорошо выдержанные люди, они не смѣялись. Мистриссъ Коксъ приняла насъ въ бѣлой гостиной, позолоченные карнизы, зеркала и мебель которой до того блестяли, что глазамъ было больно. Она объявила, что чувствуетъ себя чрезвычайно счастливою, принимая насъ въ своемъ домѣ, что ея *молодые леди* вѣроятно на дворѣ, и потому неугодно ли намъ будетъ присоединиться къ нимъ. У простыхъ смертныхъ бывають обыкновенно сыновья и дочери. Но у людей разбогачившихъ, какъ Коксы, иначе не могутъ быть какъ *молодые джентльмены и леди*. Въ лексиконѣ мистера Кокса комнаты носятъ названіе апартаментовъ; домъ называется замкомъ или резиденціею; жена извѣстна подъ именемъ леди, или супруги. Онъ не важничаетъ, но отвыкнуть отъ манеры выраженій манчестерскихъ бупцовъ ему такъ же трудно, какъ собагѣ отъ лая.

Мы вступили сквозь громадныя цѣльныя окна, отворенныя настежь, на широкую террасу, всю обставленную вазами и статуями, и затѣмъ сошли внизъ, на гладкую зеленую лужайку, гдѣ молодые леди и джентльмены Коксы съ гостями упражнялись уже въ крокетъ.

Игра эта помоему чрезвычайно пріятна. Гостей мы нашли немного, потому что модный свѣтъ въ это время съѣхался въ Лондонъ; даже лордъ и леди Кепль и тѣ уѣхали туда на мѣсяць, получивъ возможность нанять себѣ квартиру въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, хотя это было далеко не то, что ихъ собственный домъ въ Паркъ-Ленъ. Леди Ланкастеръ также была въ городѣ, и угощала своихъ родственниковъ въ Итонъ-Скверѣ. Но шотландскій полкъ занималъ попрежнему карауль въ Нантфордѣ. Въ Англии каждый человѣкъ обязанъ строго исполнять свой долгъ, а обязанность этого полка въ настоящую минуту состояла въ охраненіи собора и запасныхъ пушекъ Нантфорда отъ непредвидѣннаго нападенія какаго нибудь непріятеля. Маленькій де Ланей, съ видимымъ отвращеніемъ, остался также въ деревнѣ. Въмѣсто того, что бы сидѣть въ своемъ клубѣ, въ Лондонѣ, его хорошенькая дѣтская рожица обязана была торчать у постели умиравшаго дѣда, отъ котораго корыстолюбивый мальчикъ ждалъ наслѣдства.

— Эмили! Эмили! Амарилія, душа моя! закричала мистриссъ Коксъ, когда мы выступили на сцену. Амарилія—главный церемоніймейстеръ въ домѣ: она носилась по лужайкѣ въ изящномъ парижскомъ туалетѣ, который годился бы для любого *dejeuner dansant* въ Лондонѣ; сильно развитый бюстъ и длинный носъ миссъ Коксъ бросились каждому въ глаза.—Эмили! миссъ Летранжъ пріѣхали; устрой такъ, что бы и онѣ могли играть съ вами въ крокетъ, говорила мать. Амарилія стала въ тупикъ: оглянувшись кругомъ, она увидѣла, что нѣсколько паръ играющихъ уже начали свою партію; гдѣ достать еще двухъ кавалеровъ? Вотъ затрудненіе то! Все, что было мужчинъ въ околѣдкѣ, собралось у Коксовъ; не изъ земли же вырывать еще двоихъ для Летранжей!

— Мортимеръ Спенсеръ, двѣ миссъ Летранжъ и я, вотъ уже четыре, произнесла она съ разстановкою; но вѣдь это скучно! Развѣ позвать сэръ Гуго Ланкастера и г. де Ланей? Тѣ, пожалуй, играть не стануть. Сестры приглашали ихъ къ себѣ, но они отказались, говоря, что не умѣютъ играть въ крокетъ.

— Можетъ быть, замѣтила Доли съ сладкою улыбкою, если вы ихъ *теперь* пригласите, то они не стануть отказываться. Не слѣдуетъ позволять имъ лѣниться въ подобныхъ случаяхъ.

Амарилія покачала головою, и неохотно отправилась за ка-

валерами. Двѣ минуты спустя, она вернулась, ведя съ торжествомъ двухъ плѣнниковъ. Гуго, какъ кажется, готовъ былъ играть въ куклы, въ кегли, во что угодно, лишь бы я, тутъ участвовала.

— Когда птичка умѣетъ пѣть, и не хочетъ, ее надо *заставить* пѣть, игриво сказала сестра, протягивая братскую руку Гуго. Итакъ, милордъ, вы удостоили склониться на наше предложеніе; мы уже приготовились стать на колѣни, въ случаѣ отказа съ вашей стороны.

— Птички готовы пѣть до хрипоты, лишь бы нашлись такіе добрые люди, которые научили бы ихъ какъ пѣть, весело возразилъ де Ланей, вооружаясь палкою, необходимою для игры. Гуго вообще былъ тугъ на острогу, но теперь, увидавъ меня, онъ просто обезумѣлъ, и, вытаращивъ глаза, глядѣлъ мнѣ прямо въ лице, какъ школьникъ на сладкій пирогъ. Видно, плохо уже ему было, бѣдному, если онъ, имѣя полное право выбрать себѣ жену между самыми богатыми и красивыми женщинами въ Англии, таялъ передъ скромною деревенскою барышнею.

— На которую сторону намъ идти? Направо или налево? спросила Амарилія. Морти, другъ мой, поставь обручъ прямо.

Я пошла къ де Ланей, который былъ занятъ составленіемъ маленькаго букета изъ герани и геліотропа, и намѣревался воткнуть его въ петлицу своего мундира.—Хотите играть съ мною? торопливо спросила я.

Молодой воинъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.—Хочу ли я? Конечно; весьма буду счастливъ. Но позвольте васъ предупредить, что я никогда въ жизни не попадалъ шаромъ въ обручъ.

— Миссъ Коксъ! сказала я громко, нѣсколько дрожавшимъ голосомъ. Давайте, составимъ тройную партію: вы, я и г. де Ланей?

— Нѣтъ, тогда силы не будутъ равны, возразила Долли (тонъ ея, какъ мнѣ показалось, былъ рѣзче обыкновеннаго); ты сильна въ этой игрѣ, и хочешь поставить на одной сторонѣ двухъ слабыхъ игроковъ. Стань лучше на мое мѣсто, тогда силы сравняются.

— Я думаю, вмѣшалась Амарилія, что распределеніе миссъ Элеоноры очень вѣрно. Мортимеръ немного сильнѣе меня, а

сэръ Гуго и г. де Ланей одинаковыхъ силъ. Нужно же намъ имѣть хотя одного искуснаго игрока!

У Долли было слишкомъ много такта, что бы спорить съ хозяйкою дома; она закусилла губу, и отвѣчала, улыбаясь:—Значить, «биться до смерти» будетъ нашимъ девизомъ. Надѣюсь, что мистеръ Коксъ не разсердится, если мы его осраимъ.

Мистеръ Коксъ младшій носилъ очки, и былъ весь въ веснушкахъ, но сердце имѣлъ нѣжное. Долли никогда не тратила весь порохъ на одну птицу; у нея оставался всегда въ запасѣ зарядъ; притомъ же Мортимеръ Спенсеръ де Ласси былъ одною изъ самыхъ мелкихъ птичекъ той дичи, за которою она привела охотиться.

— Голубому шару начинать. Морти! брось къ миссъ Лестранжъ голубый шаръ.

Я мысленно рѣшилась слѣдовать всюду, куда ни пойдетъ де Ланей, и, несмотря на то, что его неопытная рука, бросающая шаръ шоколаднаго цвѣта, безпрестанно дѣлала промахи, я съ моимъ зеленымъ такъ ловко лавировала, что мы почти не разлучались. Юноша, въ первый разъ въ жизни, безсознательно служилъ мнѣ защитою.

— Я никакъ не ожидала, что мы опять такъ скоро встрѣтимся въ нашей сторонѣ, сказала я ему дружескимъ тономъ, подталкивая незамѣтно свой шаръ. Я думала, что вы давно уѣхали въ Виндзоръ.

— Такъ думалъ и я, но l'homme propose et le grand'oncle dispose *).

— Воображаю, какъ вамъ скучно! Долго вы здѣсь еще останетесь?

— Да, я думаю, до тѣхъ поръ, пока тамъ все не кончится, отвѣчалъ онъ, кивнувъ головою по направленію къ той сторонѣ, гдѣ жилъ его дѣдъ. — Нужно же дожидаться, когда онъ поціетъ на лонѣ Авраама, а онъ туда не торопится, какъ видно.

— А вамъ, какъ видно, не очень то жаль его? возразила я, стараясь смѣяться, между тѣмъ какъ искоса я поглядывала, куда дѣвался мой Иванушка-Дурачекъ.

*) Человѣкъ предполагаетъ, а дѣдъ располагаетъ.

— Чего тутъ жалѣть объ немъ, если онъ собрался умирать такъ некстати! Добро бы еще умеръ мѣсяцъ тому назадъ, мнѣ бы это было на руку, а то въ юнѣ мѣсяцѣ что я буду дѣлать въ Лондонѣ?

— Вотъ и объ васъ будутъ также говорить ваши наслѣдники, когда вы состарѣетесь, замѣтила я съ улыбкою.

— Безъ сомнѣннй, если только мнѣ не удастся умереть въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, отвѣчалъ онъ, смѣясь при мысли о своей смерти.

Лугъ въ саду Коксовъ, устроенный для игры въ крокетъ, былъ просто уголокъ рая. Гладнй, какъ столъ, онъ былъ обсаженъ липами; посрединѣ билъ фонтанъ въ каменномъ бассейнѣ. Липы въ то время цвѣли, и отъ ихъ аромата почти тяжело было дышать. Всѣ мы, разодѣтныя въ голубыя, зеленныя и бѣлыя платья, казались цвѣтами на роскошномъ коврѣ. Въ отдаленнй красовалась терраса съ полосатымъ маркизомъ надъ нею; тамъ, въ послѣдствнй, насъ должны были чѣмъ то угощать. Мистеръ Коксъ-папа подошелъ къ играющимъ, спрятавъ свои коротенькйя, жирныя руки въ карманы панталонъ. Его фнзномнй очень пригодилась бы ему въ эпоху народныхъ революцнй, потому что чернъ неминуемо признала бы его однимъ изъ своихъ.

— Ну, миссъ Летранжъ, спросилъ онъ сестру, какъ идутъ наши дѣла? Э? успѣваемъ, кажется? И онъ сипло захохоталъ.

— О, нѣтъ, мистеръ Коксъ! отвѣчала Долли съ улыбкою. Гдѣ мнѣ ждать успѣховъ? я все назадъ иду, увѣряю васъ!

— Боюсь, что бы вы не нашли, что мой сынъ слишкомъ слабый для васъ товарищъ, продолжалъ Коксъ, задирая голову и закидывая руки подъ фалды фрака. Онъ стоялъ, разставя широко ноги, подражая, вѣроятно, позѣ какого нибудь лорда.

— Напротивъ! возразила Долли; метнувъ лукавый взглядъ, изъ подъ пастушеской своей шляпы съ розами, на вспыхнувшего Мортимера. Стрѣлять въ него прямо было бы, по мнѣнню сестры, все равно, что стрѣлять по грачамъ. Она любила охоту, ради охоты, не обращая вниманнй на роль дичи.

Шесть лакеевъ огромнаго роста принесли на великолѣпныхъ подносахъ мороженое и питье. Мы бросили игру, и начали прохладяться. Я видѣла, какъ сэръ Гуго налилъ себѣ полный стаканъ какого то питья. Оно и кстати, подумала я, не мѣшало бы

ему почаще прибѣгать къ охлаждающимъ средствамъ. Мы снова принялись за игру.

— Что это мы съ вами не разлучны! замѣтилъ со смѣхомъ де Ланей, когда мы снова сошлись на луку, точно Касторъ и, какъ его, на П. начинается? Въ эту минуту мой зеленый шаръ вышелъ изъ черты, и покатился между лицами, встревоживъ цѣлый рой пчелъ. Я поневолѣ побѣжала за нимъ.

— Матушка кланяется вамъ, раздался около самого моего уха знакомый мнѣ голосъ. Я оглянулась: сэръ Гуго стоялъ передъ мною, грустный, молчаливый, какъ провинившійся школьникъ. Мужчинѣ не идетъ быть влюбленнымъ. Приятно смотрѣть на группы изъ саксонскаго фарфора, когда онѣ изображаютъ пастушковъ въ розовыхъ кафтанахъ и голубыхъ панталонахъ, дѣлающихъ глазки пастушкамъ, съ румяными щеками и напудренною головою; но когда живой человекъ, съ смуглымъ лицомъ, съ просѣдою, въ фракѣ, смотритъ на насъ масляными глазами, — это просто выходитъ карриатура. Бѣжать было бы невѣжествомъ, притомъ и поздно. Я остановилась.

— Очень благодарна за ея вниманіе, отвѣчала я.

— Вы знаете, что вѣдь я только сегодня ночью пріѣхалъ изъ города?

— Въ самомъ дѣлѣ!

— И пріѣхалъ то я нарочно ради — какъ вы его тамъ называете, — ну, ради врокета.

— Да?

— Неужели вы воображаете, что мнѣ Коксы нужны? Гуго не обращалъ вниманія на безчисленные голоса, требовавшіе его присутствія: дѣло у насъ шло слишкомъ серьезное, въ сравненіи съ партією въ врокеты.

Я спокойно била своимъ молоткомъ мягкую землю.

— Я, право, ничего не воображаю, сказала я.

— Неужели вы не догадываетесь, для кого я ѣзжу сюда? А вы, кажется, очень проникательны. (Что ему вздумалось приписывать мнѣ это качество? Это все равно, что назвать Долли благочестивою).

— Право, не догадываюсь! съ досадою отвѣчала я, замѣчая, что на насъ обращено общее вниманіе, и что даже мой шалунъ гренадеръ фыркаетъ, закрываясь носовымъ платкомъ.

— Я терпѣть не могу, когда меня допрашиваютъ; пожалуйста, идите играть.

Съ этими словами, я изъ всѣхъ силъ ударила свой шаръ палкою, и опрометью кинулась за нимъ. Гуго пошелъ вслѣдъ за мною; онъ былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ огорченъ. Ему казалось, что для него жениться дѣло очень легкое. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Не тутъ то было!

Мы наконецъ превратили игру. Несмотря на всѣ усилія Амарилиі, наша сторона проиграла. Не мудрено: я сдѣлала все что могла, что бы успѣхъ былъ не на нашей сторонѣ.

— Ну, теперь начнется кормленіе дѣтей! замѣтилъ мнѣ вполголоса де Ланей, когда мы, обезоруженные, отправились домой.

— Да, отвѣчала я весело, насъ ведутъ теперь надѣвать чистые фартуки и бабетки.

Дѣтскій полдникъ вышелъ просто лукулловскій пиръ. Это былъ цѣлый обѣдъ. Все, что только могъ изобрѣсть тысячный поваръ, все было на столѣ. Золотый сервизъ, серебряныя вазы, дорогіе цвѣты, виноградъ, похожій на сливы, и ананасы, величиною съ тыкву, красовались въ изобиліи; но, несмотря на эту роскошь, полдникъ былъ не оживленъ и даже скученъ, вѣроятно оттого, что число дамъ превышало число мужчинъ, и мы должны были любезничать между собою. Я вошла въ ту самую комнату, гдѣ Дикъ въ первый разъ поразилъ мое сердце; теперь я шла подъ руку съ какимъ то маіоромъ (имени его я не помню; знаю только, что онъ носитъ калоши и что товарищи по полку называли его барышнею), который и помѣстился за столомъ, рядомъ со мною. По другую сторону около меня сидѣла Виолетта Коксъ. Злые офицеры окрестили трехъ сестеръ Коксъ слѣдующими прозвищами: *вольная и свободная* была у нихъ старшая; *повольные и посвободные* вторая, и наконецъ *самая вольная и самая свободная* была уже третья. Виолетта курила регалии, и звала мужчинъ въ глаза по ихъ прозвищамъ. Лили курила сигаретты, а Амарилиа вовсе не курила, потому что ее тошнило отъ табаку. Вообразите себѣ *пес plus ultra* неприличія, живости и добродушія — вотъ вамъ портретъ Виолетты.

— А я васъ еще не распросила о вашемъ приключеніи въ Вильтонѣ? громогласно сказала меньшая миссъ Коксъ. Свои дѣла обдѣлывала, такъ не до васъ было. Ха! ха! ха! Вы, говорятъ, вверхъ ногами полетѣли, и стояли на головѣ, пока

сэръ Гуго Ланкастеръ не подошелъ и не поставилъ васъ на ноги?

— Тише! тише! умоляла я ее, дрожа отъ ужаса, что бы насъ не услышали.

— Да вѣдь не вы виноваты въ этомъ? Я, правда, слышала какую то сплетню, будто лошади совсѣмъ васъ не носили, а что всю эту исторію преспокойно устроила наша бабунка.

Я вся вспыхнула, и слезы навернулись у меня на глазахъ.

— Ахъ, какъ люди жестоки! сказала я. Какой ужасный свѣтъ!

— Господи! Ну, что тутъ ужаснаго? Никто и не думалъ васъ злословить. Всѣ полагали, что вы сдѣлали это изъ шалости. Да я не задумавшись, повторила бы тоже самое!

— Кто вамъ все это рассказалъ? спросила я въ негодованіи.

— Честію влянусь, не помню. Ахъ! да, такъ и есть, это старикъ Леруа; я вспомнила потому, что ему сильно досталось за это отъ Мекъ-Грегора: тотъ его просто по щекамъ отдулъ.

У меня сердце забило тревогу. Кисейный лифъ платья предательски выдавалъ мое волненіе. Наконецъ то я могу узнать что нибудь о Дикѣ!

— Кажется, Мекъ-Грегоръ уѣхалъ въ Ирландію? спросила я едва слышно.

— Да, бѣдный малый! Говорятъ, его ужасно тошнило, когда онъ ѣхалъ моремъ; онъ не переноситъ морской качки. Мы всѣ очень плакали, проводя его, а Эмии такъ слетла въ постель, и Богъ ее знаетъ зачѣмъ: вѣдь онъ на нее никакого вниманія не обращалъ. А красивый малый, не правда ли? Я всегда говорила, что этихъ ангеловъ соблазнительей не слѣдуетъ пускать иначе въ общество, какъ съ нашитымъ на груди билетикомъ: опасенъ.

— Какой онъ красавецъ! сказала я, отворачивая отъ нея голову.

— Да. Сегодня утромъ, Морти получилъ отъ него письмо; я увидѣла на конвертѣ его почеркъ, конечно сейчасъ схватила, распечатала, прочла отъ доски до доски, и вы думаете, что мнѣ досталось за это отъ брата?—ни чуть! Мекъ-Грегоръ прислалъ всѣмъ намъ по поклону, вотъ какой милый! (Значитъ онъ здоровъ, если пишетъ въ другимъ). Комната завертѣлась передъ мною; я схватила стаканъ воды и выпила его залпомъ.

— Что же онъ пишетъ? Здоровъ онъ? проговорила я съ трудомъ.

— Да, здоровъ, и, кажется, въ веселомъ расположеніи духа. Онъ пишетъ, что Коркъ очень пріятная стоянка, что тамъ гибель хорошенькихъ. Боже мой! что это съ вами? вы поблѣднѣли, какъ полотно!—Что это? Уже не умираете ли вы?

Нѣтъ, я не умираю, хотя съ радостію умерла бы. Олафъ! Олафъ! Я надѣяла уже тебѣ. И правда! куда бѣдной, глупой провинціалкѣ соваться въ жены такому красавцу, какъ ты!

Скучный поддникъ насилу пришелъ къ концу, и на террасѣ начались танцы. Музыканты были тѣ же, что и въ Вэнт-вортѣ.

Право, я не очень хотѣла танцевать; но вертѣться въ вальсѣ, хотя бы съ камнемъ на сердцѣ, встаети легче, чѣмъ сидѣть рядомъ съ неизбѣжнымъ Гуго. Мнѣ и безъ того пришлось съ нимъ танцевать.

— Пойдемте погулять на чистомъ воздухѣ, сказалъ онъ, увлекая меня подъ руку на лужайку, гдѣ мы играли недавно въ крокетъ. Сцена перемѣнилась; вечерній сумракъ придалъ всей природѣ таинственный видъ; липы возвышались какъ темныя привидѣнія; трава и цвѣты покрылись росой, и фонтанъ тихо урчалъ, освѣщенный луною.

— Не хочу, не хочу! торопливо сказала я, отодвигаясь отъ него. Трава сыра, я простужусь.

— Вы, кажется, не находили, что сыро, когда сидѣли на ступеняхъ террасы, вмѣстѣ съ де Ланей? возразилъ онъ довольно дерзко.

— Пожалуйста, не приставайте! замѣтила я съ раздраженіемъ.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить кое о чемъ, настаивала онъ, схвативъ меня за руку.

— Ради Бога, не говорите ничего! воскликнула я; я ничего не хочу слышать!

Когда мы возвращались домой, Долли спросила.—Что же, Нелли? сдѣлалъ тебѣ сегодня предложеніе сэръ Гуго?

— Нѣтъ! коротко отвѣчала я: не сдѣлалъ, и не сдѣлаетъ, если только у него есть хотя капля здраваго смысла!

ГЛАВА XXVII.

Въ то время, о которомъ я рассказываю, я вела журналъ, и если бы я не боялась надоѣсть тебѣ, милый читатель, я могла бы подробно передать все, что я дѣлала, и даже думала въ слѣдующіе за симъ полгода. Но, боясь, что бы ты не заснулъ надъ картинами моей ежедневной жизни, я дѣлаю скачекъ отъ іюня къ декабрю, и перехожу прямо къ описанію послѣдней зимы, проведенной мною въ тихомъ родномъ уголкѣ.

Горькіе были эти полгода! Они у меня унесли много, и ничего не дали въ замѣнъ. Я была богата счастьемъ, надеждою, любовью: въ эти шесть мѣсяцевъ я потеряла все!..

Въ суровое декабрьское утро я стояла у окна своей спальни, и молча смотрѣла вдаль. Вѣтеръ сильно дулъ въ оконныя рамы, резеда въ ящикѣ поблѣкла, птицы перестали пѣть. На дворѣ картина была невеселая. Въ этотъ годъ зима наступила поздно. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ еще не было снѣга, и рѣки не замерзли. Туманы и дожди превратили дороги въ грязь. Рождество безъ снѣга, говорятъ, пожива для кладбища, а въ этотъ годъ объ Рождествѣ не было снѣга.

Холодный, рѣвній вѣтеръ носился по всей окрестности; старія деревья гнулись, а черепица и желѣзныя трубы на крышахъ стучали отъ его порывовъ. Я тоскливо отвернулась отъ этой мрачной картины, и задумчиво посмотрѣлась въ зеркало.

Та ли это свѣжая, круглолицая, веселая дѣвочка, которая, полгода тому назадъ, съ улыбкою на губахъ, смотрѣлась въ это зеркало? Теперь передъ мною лице съ ввалившимися щеками, съ опущенными углами рта отъ страданій и горя; вокругъ глазъ темные круги; взглядъ туманный, какъ сквозь слезы; волосы небрежно свернуты на головѣ, длинное лице, ввалившаяся грудь. Стройная, изящная фигура прежней Нелли напоминаетъ теперь скорѣе какое то привидѣніе, а не живое существо, не двадцатилѣтнюю дѣвушку. Что же случилось со мною? Сказать вамъ? Вопервыхъ, у меня боленъ отецъ: онъ умираетъ. Богъ беретъ къ Себѣ моего старичка отца; уже мнѣ больше не гулять съ нимъ по саду и по полямъ; некому будетъ ласкать меня, шутить со мною, баловать меня! Все, все кончено. Господь, давшій его мнѣ, беретъ его назадъ!... Мысль о *неизбѣжности* его смерти поразила меня недавно. Стоя на

колѣняхъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, я читала свои вечернія молитвы; вдругъ мнѣ представилось, что отецъ долженъ скоро умереть. Я вскочила въ ужасѣ, старалась не думать объ этомъ, и въ слезахъ поверглась снова передъ Создателемъ, умоляя Его избавить меня отъ страшнаго креста. Господь не внялъ моей молитвѣ! Съ тѣхъ поръ я ни днемъ, ни ночью, не знала покоя; точно я сама боролась съ неумолимою смертію, стараясь отогнать ее отъ отца, отвлечь ее руку, уже занесенную надъ головою больнаго. Боже мой! Какъ мнѣ жить безъ него? Что со мною будетъ? Всѣ меня оставили, даже тотъ, на чью любовь я рассчитывала, какъ на опору въ жизни,—и тотъ меня забылъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ отъ Дика нѣтъ ни строчки. А я то, глупая! сколько нѣжныхъ, веселыхъ писемъ ему послала! Сначала кротко, затѣмъ съ горечью, но всегда съ любовью, я упрекала моего милаго за молчаніе. Отвѣта не было, и я въ отчаяніи замолкла также. Долги переимѣнила свое обращеніе со мною: она, время отъ времени, напоминала мнѣ, что слова ея сбываются, что я напрасно не приняла ея совѣта. Она утѣшала меня, говоря, что бѣдность Дика есть лучший предлогъ для моего отказа, что замужество по страсти до добра не доведетъ, и кончала свою проповѣдь постоянно однимъ и тѣмъ же, напоминая, какъ о спасительномъ яворѣ, о сэрѣ Гуго Ланкастерѣ. Другъ читатель! не осуди Нелле Летранжъ, не брось камнемъ въ нее; не говори, что она эгоистка и дѣвушка безъ сердца. Каюсь тебѣ: въ послѣднее время я сама часто начинала думать о сэрѣ Гуго. Не чувство любви, не состраданіе къ его покорности, притягивало меня къ нему,—нѣтъ, то была роковая сила судьбы. Богъ видитъ, что я имѣла честную цѣль въ виду: я убѣдила себя, что такъ должно быть, что это мой долгъ, что я обязана выйти за Гуго именно потому, что это жертва съ моей стороны, и жертва страшная. Теперь я вижу, что я ошиблась, но въ то время я только и бредила, что Ифигенію, дочерію Іефѳея, словомъ, примѣрами дѣтскаго самоотверженія....

Доктора объявили, что совершенное отсутствіе заботъ, неприятностей и горя продлитъ жизнь отца на нѣсколько недѣль. За счастье сохранить мое безцѣнное сокровище, хотя бы на короткое время, на землѣ, я безропотно приготовилась пожертвовать моимъ будущимъ, и отдалась тѣломъ и душою въ

руки Гуго; но сердце мое упорно оставалось вѣрнымъ другому.

Въ эти полгода наши домашнія дѣла сильно разстроились. Сыны израилены пріѣзжали описывать все наше имущество. Какая то личность съ горбатымъ носомъ, толстыми губами и грязнымъ еврейскимъ типомъ, перерыла весь нашъ домъ. Что бы спасти наше имя отъ крайняго униженія, и не поставить караульнаго у дверей дома Летранжъ, обязанность довѣреннаго сторожа надъ конфискованнымъ нашимъ имуществомъ была возложена на старика Коллинса.

Отцу было запрещено выходить за границу сада. «Надѣюсь, что они его хотя въ могилу то пропустятъ», съ горечью думала я. Счеты и весели падали на насъ градомъ. Мы стояли неподвижно, безъ защиты и спасенія отъ ихъ ударовъ. Что долженъ былъ чувствовать умиравшій старикъ въ такомъ положеніи, имѣя на рукахъ двухъ взрослыхъ дочерей? Горько было смотрѣть на него! Мистриссъ Смитъ ежедневно съ слезами приставала ко мнѣ, говоря, «что въ концѣ недѣли къ намъ поставятъ экзекуцію, что тамъ что ни толкуй, а они насъ со всѣмъ таки осрамятъ!»

Экзекуція! Вѣдь это уже послѣдній ударъ отцу! Перенесетъ ли его слабое тѣло это страшное униженіе, этотъ публичный позоръ честному имени? Ну, какъ онъ умретъ тутъ же, не дождавшись конца судебного слѣдствія? Я ломала руки отъ отчаянія. Да, я *должна* его спасти, *должна* рѣшиться. Я со злостію, съ негодованіемъ, смотрѣла на себя въ зеркало, и, стиснувъ зубы, твердила: *должна, да, должна!* Въ ту минуту, когда я стояла страшная, какъ леди Макбетъ, дверь отворилась, и Долли, не предупредивъ меня, быстро вошла въ комнату.

— Сэръ Гуго здѣсь, сказала она нерѣшительнымъ тономъ, не зная, какъ я еще приму эту новость. Все это время я отвѣчала дерзостями на ея совѣты и наставленія. Теперь я ей ничего не отвѣтила. Лице мое окаменѣло. Настала минута испытанія: я должна исполнить свой долгъ. Долли не подурнѣла отъ горя; щеки у нея не ввалились; глаза ея такіе же томные, выразительные; она нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, точно испуганная, но, несмотря на все это, прехорошенькая. Даже самый туалетъ ея очень обдуманъ; онъ простъ до нельзя; зато она глядитъ въ немъ настоящимъ ребенкомъ. На ней было толстое, черное саржевое платье, съ гладкимъ лифомъ, очень похожее на амазонку.

«Я напью на него чернаго грѣха, и траурный нарядъ мой будетъ готовъ», такъ вѣрно думала Долли, покупая это платье. Она не высказала своей мысли, но я отгадала, и зато возненавидѣла ее еще болѣе.

— Бога ради, будь съ нимъ повѣжливѣе! сказала она, подойдя къ мнѣ и положила руку мнѣ на плечо; онъ наша послѣдняя надежда.

— Знаю! холодно отвѣчала я.

— Умоляю тебя, не отталкивай его; будь къ нему внимательна; подумай хотя одинъ разъ въ жизни о другихъ, а не о себѣ. (Ей ли давать такія наставленія!)

— Зачѣмъ я стану его отталкивать? я буду съ нимъ очень вѣжлива. Теперь я уже рѣшилась, сказала я твердо, между тѣмъ какъ сердце у меня сжалось.

— Ты рѣшилась выйти за него замужъ? Неужели! воскликнула, вся вспыхнувъ отъ восторга, Долли. *Bon Dieu!* Какъ я счастлива!

— Отойди! рѣзко замѣтила я, отталкивая сестру, которая готова была обнять меня. Ея веселость была просто оскорбительна.

— Да ты принарядись, хотя немного, прежде чѣмъ сойдешь внизъ, сказала она, снимая голубую ленту съ своей головы и продѣвая ее въ мой кудрявый рыжій парикъ. Я отвернулась.

— Не нужно! грубо возразила я; не трогай меня, я не продажная; если я ему нравлюсь, пусть беретъ меня какова я есть. Я не хочу его обманывать. И не пригладивъ даже волосъ, вся измятая, я пошла къ жениху. Жаръ моей рѣшимости не успѣлъ еще остыть, какъ я уже столкнулась въ библиотекѣ съ своимъ суженымъ. Онъ стоялъ спиною къ камину, и что то тихо насвистывалъ просебя. Повидимому, онъ только что вернулся съ охоты. На немъ былъ старый, красный охотничій полуфракъ, весь въ пятнахъ, забрызганные грязью штблеты и толстыя ботинки. Несмотря на таковой нарядъ, онъ глядѣлъ всетаки честнымъ, довольно красивымъ мужчиною. Увидавъ меня, онъ пересталъ свистать, и опустилъ фалды фрака.

— Ну-съ? какъ здоровье папá сегодня? Надѣюсь, не хуже? съ искреннимъ участіемъ спросилъ онъ меня. Голосъ его звучалъ необыкновенно ласково.

— Нѣтъ, ему не хуже. Кажется, все также, благодарю васъ, отвѣчала я.

Я въ изнеможеніи опустила на диванъ, съ чувствомъ человѣка, готовящагося къ тому, что ему сейчасъ будутъ рѣзать руку или ногу, что сэръ Гуго операторъ, и что я жду только, что бы операція началась скорѣе. Ахъ! хотя бы мнѣ дали хлороформу, и позволили бы проснуться, когда все уже все кончится! Огонь въ каминѣ ярко пылалъ, голубое пламя, дрожа, вилось къверху. Я не могла оторвать глазъ отъ него.

— Какъ вы похудѣли, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. (Начинается! подумала я. Докторъ засучилъ рукава и снялъ сюртукъ).

— Очень можетъ быть! возразила я съ горечью, отъ бессонныхъ ночей и безпрестанныхъ слезъ не потолстѣешь.

— Господи! хотя бы мнѣ имѣть возможность снять съ васъ половину горя. Видите Богъ, что я готовъ все отдать за это счастье. Позвольте только!

Его кроткій голосъ, честныя, простыя слова, обезоружили меня совершенно. Я вынула носовый платокъ; лице у меня начало подергиваться, какъ у человѣка, готоваго разрыдаться, и я залилась горькими слезами. Мой носъ покраснѣлъ, вѣки распухли; я плакала, качаясь взадъ и впередъ, какъ ребенокъ въ припадкѣ отчаянія.

— Можно мнѣ взять на себя половину вашего горя, дорогая моя? спросилъ онъ тихо. Онъ подошелъ, и сталъ прямо противъ меня. Я сквозь слезы взглянула ему въ лице. Мнѣ стало легче, что дѣло шло къ концу.

— Вы хотите сказать, что бы я согласилась выйдти за васъ замужъ? спросила я.

— Да, именно такъ, простосердечно отвѣчалъ онъ. Вы знаете, что я давно этого желаю, давно жду вашего отвѣта, и томлюсь неизвѣстностію.

Мы замолчали. На одну секунду въ моемъ воображеніи мелькнулъ образъ кудрявой, античной головы; темныхъ, страстныхъ сѣрыхъ глазъ, такъ много мнѣ обѣщавшихъ, и вѣроломно измѣнившихъ. Затѣмъ я медленно, съ трудомъ, произнесла.

— Я исполню.... ваше желаніе.... съ условіемъ, что бы.... вы дали мнѣ.... денегъ.... какъ можно больше денегъ! Боже мой! Боже мой!.... Я снова залилась слезами: такъ унижительно была для меня эта роль. Онъ не спросилъ: на что мнѣ деньги, вѣроятно догадавшись въ чемъ дѣло; но веселое выражение

быстро исчезло съ его лица, и страданіе выразилось въ каждой чертѣ его.

— Зачѣмъ объ этомъ толковать? возразилъ онъ съ горечью, я думаю, вы сами знаете, что все, что я имѣю, къ вашимъ услугамъ, все, до послѣдняго фартинга. Дѣлайте изъ моего состоянія что хотите, но... мнѣ тяжело подумать, что вы выходите за меня замужъ только изъ за денегъ.

— Если я беру отъ васъ деньги, то должна идти за васъ замужъ, спокойно отвѣчала я. Иначе быть не можетъ. Я смотрѣла на этотъ расчетъ, какъ на простой и вѣрный. Столько то золота полагается за молодую жену, а вотъ столько то за другія ея достоинства. Онъ купецъ, я товаръ.

— Неужели вы *никогда* меня не полюбите? страстно спросилъ онъ.

Горько ему было видѣть, что его домъ, земля, грязныя деньги—цѣнятся выше, чѣмъ любящее сердце и нѣжные, честные глаза его. Говоря послѣднія слова, онъ сѣлъ подлѣ меня на диванъ.

— Я *постараюсь* полюбить васъ, отвѣчала я, стиснувъ зубы и борясь съ непреодолимымъ желаніемъ сказать ему дерзость, и убѣжать. Близкое сосѣдство съ нимъ уже возбуждало во мнѣ отвращеніе.

— А какъ бы мы могли быть счастливы! продолжалъ Гуго грустнымъ тономъ. Характеръ у меня ровный, съ мною легко жить. Въ эти двадцать лѣтъ, я матушкѣ ни въ чемъ не противорѣчилъ. А вамъ еще легче было бы со мною ладить, чѣмъ ей, старухѣ.

— Ну, такъ мы *постараемся* быть счастливы, сказала я твердо, подавая ему руку.

Операція почти кончилась, и я не умерла. Меня притянули на старческую грудь, украшенную грязнымъ, краснымъ фраккомъ; начали цѣловать, благодарить, благословлять, и называть нѣжными именами.

Я насилу вырвалась, убѣжала къ себѣ въ комнату, упала на постель, ломала руки, и, обливая слезами безмолвную подушку, кричала: «О Дикъ! Дикъ! душа моя! душа моя!»

ГЛАВА XXVIII.

Въ этотъ достопамятный день, сэръ Гуго, вѣроятно, уже не вѣздилъ на охоту за лисицами, тѣмъ болѣе, что онъ уѣхалъ отъ насъ въ половинѣ третьяго часа, когда охота уже кончается. Сѣвъ на свою длинноногую гнѣдую кобылу, онъ отправился докладывать маменькѣ, какую онъ выкинулъ штуку, и какую нажилъ себѣ хорошенькую капризную невѣсту. Я сказала, что была половина третьяго часа; значить, намъ оставалось довольно времени для обычной прогулки съ отцомъ, грустной прогулки, далеко не похожей на прежнія. Никакія убѣжденія съ моей стороны не могли подѣйствовать на отца: онъ никакъ не соглашался лежать цѣлый день въ постели и пригласить доктора. Старикъ ежедневно вставалъ, одѣвался, спускался внизъ въ свою бібліотеку, садился въ обычное свое кресло, и принимался за чтеніе. Но процессъ одѣванія и схожденія внизъ съ каждымъ днемъ совершались тише; силы его падали; движенія дѣлались медленнѣе; онъ все ближе и ближе подходилъ къ могилѣ. Предупреждать его объ опасномъ состояніи здоровья было бы лишнее; онъ зналъ самъ лучше всѣхъ, что скоро умереть, и смерть не пугала его; напротивъ, смертный часъ былъ бы для него вѣстникомъ мира и спокойствія. Но дѣло въ томъ, что, чувствуя приближеніе смерти, старикъ какъ будто жаждалъ насладиться природою; ему все было дорого: и обнаженныя деревья, и рѣзвій западный вѣтеръ, и даже сумрачное декабрьское солнце. Каждое утро мы отправлялись вдвоемъ изъ дома, а бесѣдуя дружески, тихо прохаживались по саду. Недолго намъ наслаждаться этимъ скромнымъ удовольствіемъ; пройдетъ нѣсколько времени, и мы разстанемся навѣки. Сначала мы могли обходить весь садъ, птичій дворъ и доходили даже до дубовой рощи; но, мало по малу, мы были вынуждены сокращать наши прогулки: въ рощѣ отцу было особенно трудно гулять. Безпрестанно встрѣчавшіяся препятствія, въ видѣ пней, срубленныхъ деревьевъ и кочекъ, затрудняли шагъ больного; такъ что ему то и дѣло приходилось останавливаться, даже садиться, что бы перевести духъ и собираться съ силами. Мы перестали туда ходить; недѣлю спустя и птичій дворъ былъ исключенъ изъ нашего маршрута, а затѣмъ гулянье наше ограничилось только аллею передъ домомъ. Бѣдный мой старичекъ все труднѣе

и труднѣе передвигалъ ноги. Господи! Какая пытка можетъ сравниться съ тѣмъ чувствомъ, которое мы испытываемъ, когда въ нашихъ глазахъ любимый человекъ таетъ ежедневно, таетъ какъ свѣчка, все быстрѣе и быстрѣе приближаясь къ могилѣ, и когда мы не въ состояніи удержать его ни силою, ни искусствомъ. Въ день моей помолвки, мы, по обыкновенію, вдвоемъ съ отцемъ, совершали наше медленное путешествіе по аллеѣ между клумбами цвѣтовъ, и черезъ каждые десять шаговъ, останавливались, что бы перевести духъ. Отецъ былъ закутанъ въ старый, теплый сюртукъ. (Какъ онъ избѣгалъ въ былыя времена эти кутанья!). Я шла рядомъ съ нимъ, поддерживая его подъ руку, и стараясь всячески не дать ему замѣтить, что я помогаю ему идти.

— Кажется, ты сегодня легче ходишь, дорогой папа? сказала я.

— Ты находишь, Нелли? А уже плохой я сталъ ходить, нечего сказать!

Мы остановились, что бы посмотрѣть на свѣжую зелень цвѣтовъ и на удобренную землю клумбъ, окруженныхъ рѣшеткою изъ проволоки.

— Если такая погода продолжится, то крокусы скоро зацвѣтутъ, замѣтила я.

— Но я ихъ въ цвѣту уже не увижу, тихо возразилъ отецъ.

Слезы навернулись у меня на глазахъ; я взглянула на измороженное желтое лицо моего старика, которое было для меня дороже всего на свѣтѣ, даже дороже моего коварнаго красавца Дива, и убѣдилась, что онъ говорить правду, что я одна увижу крокусы въ цвѣту. Я чуть не зарыдала, но удержалась во время. У меня впереди еще много слезъ, а теперь не хочу, не стану плакать, мысленно говорила я, крѣпко сжимая руку, которая опиралась на меня.

— Душка, папа! Не говори сегодня ничего грустнаго, произнесла я съ трудомъ; у меня есть хорошая новость для тебя.

— Новость, Нелли? спросилъ онъ весело. Ты вѣрно подражаешь древнимъ грекамъ, милая моя дѣвочка: они проводили весь день въ собираніи и передачѣ новостей.

Почти накануне смерти, отецъ готовъ былъ шутить для моего развлечения.

— И хорошая новость, продолжала я, улыбаясь, хотя слова эти

душили мнѣ горло. Мы медленно подвигались подъ вязами, обнаженные вѣтви которыхъ широко раскинулись вверхъ.

— Хорошія новости и дорогу сюда забыли, Нелли, возразилъ отецъ съ глубокимъ вздохомъ. Я опустила глаза, и начала вертѣть нижнюю пуговицу моей теплой кофты.

— Сэръ Гуго Ланкастеръ пріѣзжалъ сегодня опять, сказала я робко. Отецъ внезапно остановился, и оперся обѣими руками на костыль.

— Такъ онъ пріѣзжалъ? спросилъ старикъ торопливо. Новость касается его, Нелли?

Я вся покраснѣла.

— Да, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; или нѣтъ, не онъ, а я сама ему предложила свою руку, отвѣчала я, стараясь придать шутливый тонъ голосу. Что бы ни было, мы дѣло кончили: я выхожу за него замужъ.

— Господи! благодарю Тебя! произнесъ набожно старикъ; теперь есть кому позаботиться о моей дѣвочкѣ, когда я умру!

— Что же, ты доволенъ новостію, папа? Я говорила тебѣ, что она хорошая, приставала я, обнимая больнаго, и смѣясь слезою слезы.

— Вотъ оно какъ! произнесъ отецъ весело (мнѣ показалось, что самый голосъ его вдругъ окрѣпъ). Теперь я смѣло могу сказать: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего!» Да, Нелли, я не могъ бы умереть спокойно, зная, что моя меньшая дочь, моя малютка Нелли, принуждена будетъ терпѣть горькую участь гувернантки. Нѣтъ, теперь (онъ гордо пріосанился), она высоко подниметъ головку, среди лучшаго общества въ нашей сторонѣ, и будетъ стоять на той степени, на которой ей слѣдуетъ стоять, по достоинству.

— Что же мнѣ за радость стоять высоко въ обществѣ, когда тебя не будетъ тутъ, подлѣ меня? сказала я съ отчаяніемъ. Передъ глазами моими пронеслись, въ эту минуту, цѣлые десятки лѣтъ невольничества, которые я должна буду провести подъ одною крышею съ Гуго, безъ отца.

Зачѣмъ у меня не чахотка, какъ у этой бѣдной дѣвушки, которой я вчера носила желе? Зачѣмъ я не страдаю смертельнымъ кашлемъ, такъ изнурившимъ ее? То ли дѣло умереть! Въ газетахъ напечатали бы мой некрологъ. «Такого то года, числа и мѣсяца, скоропостижно умерла Элеонора Летранжъ, младшая дочь сэра Адриана Летранжа; она скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ,

на 19 году отъ рожденія». Дикъ прочиталъ бы это въ «Теймсѣ», и былъ бы пораженъ; его большіе глаза наполнились бы слезами; мучимый раскаяніемъ, онъ кинулся бы въ средину битвы (въ моемъ воображеніи всегда были наготовѣ битвы и непріатели), и, покрытый ранами, герой умеръ бы, осыпая поцѣлуями мою фотографическую карточку. Вотъ о чемъ я мечтала. Мои герои, обыкновенно, должны были умирать живописно.

— Нелли! прервалъ отецъ мои кровавыя мечты, помнишь: я тебѣ когда то читалъ короля Лира?

— Да, отвѣчала я, нѣсколько изумившись, это было очень давно, ты меня называлъ тогда своею маленькою Корделією. Я помню.

— Ну, душа моя, продолжалъ отецъ, задумчиво улыбнувшись, а помнишь ли ты, что Кентъ говорить, въ ту минуту, когда умеръ старый король:

...Только врагъ

Его вернуть захочетъ къ пыткамъ жизни!

(Пер. Дружинина).

— Папа, папа! кривнула я, обливаясь горькими слезами, и прижимаясь къ нему. Отчего ты меня съ собою не берешь? Господи! Мы такъ дружно съ тобою жили. Папа! не оставляй меня одну на землѣ!

— Тсъ! тсъ! сказалъ старикъ, ласково глядя меня по мокрой щекѣ. Что же скажешь женихъ, если у тебя румянецъ весь сойдетъ отъ слезъ? Богъ все къ лучшему дѣлаетъ, Нелли. Все къ лучшему, дитя мое. Мы за все должны благодарить Его.

— Не могу такъ думать! говорила я, рыдая. Не хочу! Не вѣрю!

Мы молча добрали до дома, но мысленно я упорно твердила одно и то же. Онъ не къ лучшему все дѣлаетъ! не къ лучшему! не къ лучшему! И голосъ моего безумнаго сердца бился, какъ слабая волна, о скалу непреклонной воли Творца!...

ГЛАВА XXIX.

Однажды утромъ, Долли вошла, своею кошачьею, едва слышною походкою, въ мою комнату. На сестрѣ было надѣто все то же черное саржевое платье съ предлиннымъ шлейфомъ; она

нашла меня распростертою на полу; слезы такъ и лились изъ моихъ голубыхъ глазъ, и орошали пыльный, старый коверъ.

— Что ты, Нелли? умерла, что ли? спросила Долли очень спокойнымъ голосомъ, держась за ручку двери; если да, то я пошлю за судебнымъ приставомъ.

— Нѣтъ! сказала я, громко вскрикнувъ и тыкая носомъ въ полинялыя голубыя клятки ковра, къ несчастію, не умерла еще, но дай Богъ, что бы это случилось.

— Неужели ты все еще горюешь о своей длинной восковой куклѣ? спросила она насмѣшливо. Ты вѣрно удалилась въ свою комнату съ намѣреніемъ оплакивать ее?

— Да, отвѣчала я, съ досадою поднимая голову, и закидывая назадъ свои мокрыя отъ слезъ спутанныя кудри, а такъ какъ это моя комната, а не твоя...

— То ты меня поблагодарила бы, если бы я «отчала», какъ выражаются Янки, возразила она, смѣясь и обнаруживая при этомъ два ряда прелестныхъ, бѣлыхъ и ровныхъ какъ жемчугъ зубовъ, которымъ позавидовалъ бы любой дантистъ. Погоди, я сію минуту отчалу, но у меня есть дѣло до васъ, о капитанъ!

— Если ты скажешь, что тебя или меня повѣсятъ, одинаково буду довольна, ворчала я, не зная что дѣлать отъ отчаянія.

— Ты просто дурочка, милая моя Нелли, сказала игриво сестра. Никогда не повѣрю, что бы ты охотно пошла въ петлю, точно такъ же, какъ и я; но, право (она приняла серьезный видъ), удивляюсь, что ты имѣешь глупость ревѣть такъ долго объ этомъ долговязомъ мошенникѣ. Если бы кто нибудь поступилъ со мною такимъ образомъ (она сжала свою крошечную бѣлую ручку въ кулакъ, и ея томные глаза страшно сверкнули), то я, не задумавшись, убила бы его; напоила бы его чаемъ съ стрихниномъ, воткнула бы ножъ въ спину обманщика, увѣрю тебя. Но ревѣть объ немъ, мечтать, положивъ съ горя палецъ въ ротъ?.. Никогда, никогда, никогда! (голосъ ея шелъ все кремендо и достигъ до фортиссимо).

— Уже если ты заговорила о подлости человѣческой, крикнула я, вскочивъ съ полу и топая ногами то, кто подлѣе меня? Я продаю себя, какъ товаръ, какъ бочку пива. Нѣтъ такого преступленія, на которое я не рѣшилась бы въ эту минуту если бы мнѣ только сказали, что, совершивъ его, я могу видѣть Дика въ этой комнатѣ. Нѣтъ, онъ меня не позабылъ! Быть-не

можеть! Я знаю навѣрно, что нѣтъ. Я убѣждена, что тутъ есть недоразумѣніе; когданибудь истина откроется, но тогда уже будетъ поздно.

Я снова упала на коверъ, рыдая что было силъ. Крестъ, посланный мнѣ, казался невыносимымъ. Долли подошла къ окну, и выглянула на дворъ.

— Дивъ! Дивъ! стонала я, гдѣ ты? гдѣ ты? Дорогой мой, неужели ты умеръ! Вернись ко мнѣ, Бога ради, вернись!

Я забыла о присутствіи Долли, забыла объ отцѣ, забыла обо всѣхъ; для меня въ эту минуту онъ одинъ существовалъ на землѣ, онъ, сдѣлавшій изъ моей жизни сначала рай, а потомъ адъ.

Долли подошла къ умывальнику, и налила немного воды въ тазъ.

— Перестань плакать, рѣзко сказала она, ты сама себя постлала постель, и спи на ней. Сэръ Гуго сидитъ у насъ внизу; вѣдь онъ имѣетъ на это полное право. Поди, вымой лице, да глаза, хорошенько, да постарайся ему понравиться, что бы онъ далъ намъ побольше денегъ. Въ такомъ растрепанномъ видѣ, какъ теперъ, ты никого не соблазнишь, увѣряю тебя!

Ея хладнокровіе образумило меня. Я встала, съ намѣреніемъ твердо нести свой крестъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ. Я начала мыться, плескаться, тереть лице мохнатымъ полотенцемъ, и безпрестанно смотрѣлась въ зеркало, стараясь убѣдить себя, что я скрыла слѣды своихъ слезъ этимъ способомъ.

Полчаса спустя, я уже сидѣла на зеленомъ диванѣ въ библиотекѣ, прямо противъ камина. Рядомъ съ мною, въ очень близкомъ разстояніи, усѣлся будущій спутникъ моей жизни. Онъ обнялъ рукою мою талию, и время отъ времени прикладывалъ своими колючими усами къ моимъ глазамъ, лбу и щекамъ, словомъ, цѣловалъ меня столько, сколько ему хотѣлось. Какъ же иначе? Вѣдь онъ купилъ меня! За пару прелестныхъ, синихъ глазъ, за великолѣпныя пунцовыя губы и за свѣжую, здоровую невѣсту, онъ заплатилъ хорошую цѣну, и даже не торговался: какъ же ему запретить насладиться своею покупкою? Я сидѣла неподвижно; меня еще не тошнило; вотъ все, что я могу сказать о себѣ. Нѣсколько времени спустя, мнѣ стало невыносимо жарко.

— Можно мнѣ немного отодвинуться? спросила я тихо, осво-

бождаясь изъ объятій страстнаго жениха. Мнѣ очень... что то жарко. Вѣрно отъ огня!

— Пожалуй! отвѣчалъ онъ весело. Въ каминѣ такой огонь, что быва можно зажарить. Отодвинемся немного: намъ будетъ посвѣжѣе. Не такъ ли, душка? Мы отодвинули диванчикъ въ тѣнь, куда не достигалъ жаръ отъ огня, но мнѣ не было легче. Рука моего сосѣда попрежнему лежала на моей талии, рука челоуѣка, купившаго меня, и эта рука точно насквозь прожигала мое тѣло.

— Хорошо намъ? не правда ли? шепталъ мой Адонись. А когда мы женимся, тогда еще лучше будетъ. Тогда мы всегда будемъ сидѣть вотъ такъ же.

Когда мы женимся! Боже мой! Если уже прологъ такой страшный, что же будетъ сама драма?

— Позвольте мнѣ, продолжала я робко, сѣсть на стулъ одной; мнѣ... рядомъ съ вами, неловко. Онъ ни слова не отвѣтилъ; я пересѣла на отдѣльный стулъ, и дышала уже вольнѣе.

— Нелли, вѣдь ты обѣщала постараться полюбить меня? произнесъ жалобнымъ голосомъ Гуго.

— Да, я постараюсь, право, постараюсь, воскликнула я, сжимая себѣ руки. Дайте мнѣ только время, умоляю васъ!

— Дать тебѣ время? повторилъ Гуго, посмотрѣвъ съ горькою улыбкою на свое пожелое лицо, отразившееся въ зеркалѣ. Тебѣ хорошо говорить; вѣдь въ мои годы нельзя долго ждать! Пока ты будешь приучать себя къ мысли, что ты должна меня полюбить, я состарѣюсь совершенно, и мнѣ уже будетъ не до любви.

Я ни слова ему не отвѣтила, соглашаясь неволью, что онъ далеко не юноша.

— Послушать тебя, продолжалъ онъ сердито, прохаживаясь по комнатѣ, такъ, право, каждый подумаетъ, что у меня горбъ или кривыя ноги, или вообще, что я какой нибудь уродъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, Нелли (онъ вдругъ остановился передъ мною), что именно во мнѣ противно для тебя? Право, я рѣшусь на все, лишь бы ты была покойна.

Я вздрогнула отъ ужаса. Горбатые носы сыновъ Израиля опять замелькали у меня въ глазахъ. «Неужели онъ откажется? подумала я, неужели онъ лишитъ меня послѣдней надежды спасти отца?»

— Перестаньте говорить вздоръ, воскликнула я шутливо, кивнувъ головою; ну, когда же я говорила, что вы мнѣ против-

ны? Развѣ вы не понимаете, что *вдругъ* полюбить человѣка нельзя? Вѣдь я вамъ обѣщала, что *постараюсь* любить васъ, и исполню свое слово. Чего вамъ больше отъ меня? Умоляю васъ, потерпите немного: дайте мнѣ время опомниться. Въ голосѣ моемъ слышны были слезы.

— Развѣ я все это время не терпѣла? грустно спросилъ онъ. Я вообще терпѣливъ отъ природы. Я не рассчитывалъ даже, что бы ты *вдругъ* могла ко мнѣ привязаться, но мнѣ больно видѣть, что ~~я~~ какъ будто съ каждымъ нашимъ свиданіемъ все холоднѣе, и холоднѣе дѣлаешься ко мнѣ.

Я молчала, и сидѣла, опустивъ цовинную голову.

— Нелли, кротко продолжалъ Гуго, хотя лице его передегивалось отъ волненія; если ты чувствуешь, что никогда въ жизни не полюбишь меня, а только будешь терпѣть мое присутствіе, скажи это прямо, дитя мое. Я уже пожилъ довольно; у меня хватить силъ физическихъ и нравственныхъ для того что бы перенести это разочарованіе.—Человѣкъ не можетъ рассчитывать, что бы въ жизни все дѣлалось по его желанію; притомъ моя наружность не можетъ придти по вкусу молодой дѣвушкѣ твоихъ лѣтъ. Говори откровенно, пока еще время не ушло; зачѣмъ намъ навлекать на себя несчастіе на всю жизнь?

Я долго смотрѣла на огонь, ломая свои руки. Послушаться мнѣ его? Боже, то то было бы счастіе! Это все равно, что вырваться изъ знойной степи Сахары, и отдохнуть гдѣ нибудь въ тѣни, въ прохладѣ весенняго воздуха. Что мнѣ дѣлать? Идти ли мнѣ на жертвенный алтарь такъ же весело и спокойно, какъ шла дочь Іефеая? Буду ли я въ состояніи принадлежать этому, всегда улыбающемуся, добродушному, супругу, безъ отвращенія и безъ грѣшныхъ помысловъ о *другомъ*? Неужели я допущу экзекуцію явиться въ наше имѣніе? Неужели рѣшусь убить своего старичка отца? *Никогда!* Ради его, предприняла я эту жертву, ради его совершу ее, ради его погибну! Всѣ эти мысли перебѣгали у меня въ головѣ, въ ту минуту, какъ жаркія губы прильнули къ моимъ: то были губы сэра Гуго.

— Нѣтъ, твердо произнесла я; я сдержу данное слово; постараемся сдѣлать другъ друга счастливыми. Въ свѣтѣ трудно жить, я знаю, но мы будемъ поддерживать другъ друга, и все устроится хорошо.

Онъ весь вспыхнулъ, и отвѣчалъ мнѣ съ трудомъ:

— Но если ты, въ самомъ дѣлѣ, выходишь за меня замужъ только изъ за денегъ?...

Я торопливо прервала его.—Вздоръ! крикнула я. Я буду вамъ вѣрною женою, и вы проживете съ мною не хуже, чѣмъ другіе живутъ! Мысленно же я твердила одно: «Господи! пошли мнѣ смерть».

ГЛАВА XXX.

Готовится жертвоприношеніе. Дочь кладетъ свою жизнь на алтарь, для спасенія отца. Бѣдную овечку украсятъ лентами, цвѣтами, и поведутъ на закланіе. Впереди ея пойдутъ музыканты съ трубами и литаврами, сзади палачъ съ ножомъ. Овечка, предчувствуя смерть, жалобно будетъ блеять!...

Метафору нужно объяснить: я—овечка, Гуго—палачъ, Долли—трубачъ, алтарь—свадебный аналой. Я все надѣялась, что день свадьбы будетъ отложенъ надолго, но онъ нагрянулъ внезапно, какъ день страшнаго суда. Однажды утромъ, сэръ Гуго кротко намекнулъ, что пора намъ обвиняться бы. Препятствій къ свадьбѣ нѣтъ болѣе, а причинъ на то, что бы ее не откладывать, очень много. Я было разсердилась, начала упрекать жениха въ недостаткѣ деликатности, говоря, что, съ его стороны, просто жестоко поднимать вопросъ о свадьбѣ, когда отецъ въ такомъ страшномъ положеніи. Но сказанное утромъ повторилось въ полдень. Отецъ самъ заговорилъ о свадьбѣ, поддерживая мнѣніе Гуго, что откладывать ее нечего. Въ этотъ день мы не пошли съ нимъ гулять. Онъ просидѣлъ все время въ своемъ кожаномъ креслѣ, и все ждалъ, ждалъ чего то. Я не отходила отъ него ни на минуту, сѣла подлѣ его кресла на скамеечку, взяла его за руку, и, время отъ времени, цѣловала ее, обливая слезами.

— Я таю, какъ снѣгъ весною, Нелли! отрывистымъ голосомъ произнесъ отецъ. Тяжело мнѣ, дитя мое! Уже поскорѣе бы конецъ! Жгучія слезы мои падали на его исхудалую руку; отвѣтить ему я была не въ силахъ.

— Гуго добрый мальи, продолжалъ больной. Я его люблю зато, что онъ къ тебѣ такъ привязанъ. Какъ бы я желалъ, что бы ваша свадьба совершилась поскорѣе, Нелли!

— Ты желаешь этого, папа? спросила я, задыхаясь отъ рыданій.

— Да, дѣвочка, желаю; по крайней мѣрѣ, когда я умру, онъ увезетъ тебя къ себѣ въ домъ, и успокоитъ тебя.

— Плохое будетъ это спокойствіе, папа, сказала я, опустивъ свою кудрявую голову на ручки кресла; но если тебѣ этого очень хочется, изволь, я завтра же съ нимъ обвѣнчаюсь.

Итакъ дѣло свершилось. Пастора увѣдомили; за обручальное кольцо и за оглашеніе въ церкви внесли деньги; день свадьбы назначили. Я спала мертвымъ сномъ въ день моего обрученія; преступники передъ казню всегда такъ спятъ. Мнѣ снились чудные сны; я видѣла какіе то бѣлые, розовые, лазоревые цвѣты, и среди ихъ Дика, который шелъ къ мнѣ навстрѣчу, окруженный какимъ то свѣтлымъ сіяніемъ. Я протянула къ нему руки, крича: «иду! иду!» и съ этимъ вмѣстѣ проснулась, проснулась, какъ Нелли Летранжъ, въ послѣдній разъ въ жизни.

Сегодня день моей свадьбы! Съ какимъ волненіемъ, съ какою робкою радостію, произносятъ эту фразу всѣ молодые дѣвушки невѣсты. На меня, напротивъ, мысль о предстоящей свадьбѣ наводила ужасъ и отчаяніе. Гдѣ тутъ думать о счастьи, когда сердце принадлежитъ одному, а судьба соединяетъ съ другимъ! Гостей и свадебныхъ подругъ у меня не было; музыкантовъ также не пригласили: не время давать балы, когда глава дома Летранжей на краю гроба. Свадьба моя была только предвѣстіемъ похоронъ. Приѣхалъ какой то дядя, старый эгоистъ, холостякъ полковникъ, котораго насилу вытасили изъ клуба и спокойной квартиры, и привлекли въ скучную уединенную деревню для того, что бы присутствовать свидѣтелемъ на свадьбѣ младшей его племянницы.

Свадебная церемонія была назначена въ одиннадцать часовъ утра. Когда роковая минута наступила, Долли, мистриссъ Смитъ и Мери начали возиться вокругъ меня въ моей бѣдной холодной каморкѣ. Онѣ обдергивали мое платье, приглаживали волосы, пригальвали банты, словомъ, одѣвали меня къ вѣнцу. Я стояла неподвижно, не спуская глазъ съ зеркала. На меня надѣли бѣлое кисейное платье, бѣлый плащъ и маленькую бѣлую

шляпку. Я была бѣла и холодна, какъ снѣгъ. Слезы у меня замерли: ихъ довольно вылилось въ послѣднее время. Впрочемъ, сегодня уже нечего было плакать: дѣла не поправишь. Судя безпристрастно, въ это достопамятное утро, Нелли Летранжъ, съ синими своими глазами, съ блѣднымъ личикомъ, рѣзко отѣненными волнистыми, какъ золото, волосами, въ изящномъ, хотя крайне простомъ, свадебномъ нарядѣ, была вдвое красивѣе сестры своей Долли, съ ея восточнымъ типомъ.

«Я стою своей цѣны!» съ горечью подумала я. Меня повели внизъ, и посадили въ Ноевъ ковчегъ, желтую карету—тоже. Я сидѣла всю дорогу молча, между тѣмъ какъ полковникъ, старый, истасканный воробей, чирикалъ всякія пошлости Долли, увѣряя ее, что она чертовски красивая женщина. (Онъ любилъ судить о женскомъ полѣ во вкусѣ регентства). Сестра принимала съ сладкою улыбкою всѣ его грязные двусмысленные комплименты, и, повидимому, была въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа.

Въ воздухѣ было сыро. Хлопья мокраго снѣга такъ и падали на обнаженныя деревья и поля. Въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, потому что небо и земля какъ будто слились въ бѣломъ туманѣ. Мы остановились у церковныхъ воротъ. Дядя подаль мнѣ руку, и повелъ по аллеѣ, усыпанной щепнемъ; шестеро оборванныхъ школьничковъ, да три старухи съ ознобленными красными носами, собрались на веселое зрѣлище. Всѣ могилы около церкви были покрыты бѣлымъ саваномъ снѣга; все вокругъ насъ дышало тишиною. Сэръ-Гуго—*мой Гуго* и его шаферъ, большоголовый молодой лордъ, хлопчатобумажный промышленникъ, встрѣтили насъ на порогѣ церковныхъ дверей. Сэръ Гуго былъ въ синемъ фракѣ, такомъ же галетукѣ; багровое лицо его, какъ нельзя лучше, гармонировало съ цвѣтомъ платья.

Съ румянцемъ въ лицѣ,
Съ огнемъ въ очахъ,

стоялъ мой суженый, вооруженный букетомъ, величиною съ копну. Букетъ состоялъ изъ дорогой зелени и нѣжныхъ, пахучихъ, оранжевыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ какъ воскъ. Онъ поднесъ мнѣ его съ нѣжнымъ взглядомъ, а лордъ Стокпортъ поднесъ такую же копну, но немного поменьше, сестрѣ. Я холодно сказала: *благодарю*, и взяла букетъ въ руку, не понюхавъ его и не взглянувъ

даже на него. Насъ поставили передъ алтаремъ. Гуго конечно помѣстился не туда, куда слѣдуетъ; его начали толкать, указывая, гдѣ его мѣсто. Затѣмъ мистеръ Баульсъ, съ краснымъ носомъ (онъ былъ краснѣе перьевъ фламинго), съ длинными зубами, стучавшими какъ кастаньеты, раскрылъ молитвенникъ, и началъ завязывать гордіевъ узелъ супружества. Я мало его слушала; мои глаза то и дѣло перебѣгали отъ сѣраго памятника сэра Адриана Летранжа, почившаго въ мирѣ на 26-мъ году отъ рожденія, къ бѣлому мраморному, воздвигнутому надъ прахомъ сэра Бриана, скончавшагося на 24-мъ году. Видно, всѣ члены нашей фамиліи не долголѣвны.

— Напоминаю вамъ, дѣти мои, что вы отвѣтите въ послѣдній день страшнаго суда, когда всѣ тайны нашего сердца будутъ открыты... убѣждалъ насъ въ чемъ то достопочтенный мистеръ Баульсъ. Хотя онъ почти галопомъ совершалъ церемонію вѣнчанія, все время гнулъ, и всею своею наружностію нарушалъ, такъ сказать, благочиніе священнаго обряда, но молитвы были такъ хороши, что онъ не могъ ослабить ихъ впечатлѣнія. Я невольно опомнилась отъ апатіи, въ которую впала. Холодный воздухъ церкви со сводами прохватилъ насквозь мое тонкое кисейное платье; я продрогла до костей; сердце мое ныло, пока я слушала торжественныя слова молитвы. Когда пасторъ спросилъ у сэра Гуго: «желаетъ ли онъ взять сію женщину себѣ въ жены?» тотъ твердо и громко отвѣчалъ: *желаю*. Съ тѣмъ же вопросомъ, на счетъ мужа, обратился ко мнѣ мистеръ Баульсъ, и я также отвѣтила: *желаю*, но голосъ мой напомнилъ скорѣе куклу, у которой сзади дернули пружинку, и она раскрыла ротъ, издавая звукъ, похожій на слово. Итакъ онъ, Гуго де Веръ, поклялся хранить и беречь меня, Элеонору, жену свою, до самой смерти. Я, съ своей стороны, дала клятву быть вѣрною и любящею женою Гуго; затѣмъ, мужъ надѣлъ мнѣ на холодный палець кольцо, это было первое звено супружеской моей цѣпи, и обрядъ вѣнчанія кончился. Онъ кончился, и между мною и дорогимъ Давкомъ раскрылась пропасть, черезъ которую я не буду смѣть переступить иначе, какъ сдѣлавшись клятвopреступницею!

Насъ обвинчали, и мистеръ Баульсъ, щелкая зубами, первый принесъ намъ свое поздравленіе. Мы росписались въ книгѣ: онъ, *Гуго де Веръ*—четкимъ, смѣльнымъ почеркомъ; я, *Элеонора*

Летранжъ — скатымъ и неразборчивымъ. Гуго усадилъ меня въ фэтонъ, ждавшій у воротъ.

Провидѣніе умѣряетъ холодный вѣтеръ для слабыхъ агнцевъ, говорится въ какомъ то мѣстѣ Святаго Писанія, и я горячо поблагодарила Бога зато, что мы ѣхали недолго. Я все время молчала, и хорошо дѣлала. Если бы я раскрыла ротъ, то у меня непремѣнно вырвался бы вопль отчаянія. Я нашла отца въ первой залѣ: онъ вышелъ, что бы привѣтствовать свою дочь. Для большей торжественности, старикъ облекся въ праздничный фракъ, который висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Я, съ страстнымъ порывомъ нѣжности, кинулась ему прямо въ объятія.

— Цѣлуй меня, папа, цѣлуй меня! кричала я, какъ безумная. Я сама не знаю что со мною дѣлается. Вѣдь я все еще *твоя* Нелли? Не правда ли? Вѣдь это ничего, что я замужемъ?

Отецъ протянулъ руку сэру Гуго, и ласково, кротко улыбнулся ему.

— Она вѣдь у насъ очень избалована, вы видите какая! сказала онъ, какъ бы извиняясь за мой порывъ. (Близость смерти примирила моего добраго, благороднаго отца со всѣми невзгодами нашей жизни). Она отцовская баловница — не такъ ли, Нелли? Любите ее, пожалуйста! Она была всегда доброю, нѣжною дочерію для меня, а изъ хорошихъ дочерей выходятъ хорошія жены.

Онъ остановился, что бы перевести духъ.

— Я буду ее любить, сэръ Адрианъ, отвѣчалъ торжественно Гуго; помоги мнѣ только Богъ сдѣлать ее счастливою.

Гуго дѣйствительно сдѣлалъ все, что могъ. Онъ сдержалъ свое слово, какъ честный человѣкъ.

ГЛАВА XXXI.

Я сдѣлала такого рода условіе съ мужемъ, что бы онъ, немедленно послѣ вѣнца, вернулся обратно въ Вентвортъ, а меня оставилъ бы дома съ тѣмъ, что бы я могла ходить за отцемъ до тѣхъ поръ, пока (трудно было мнѣ выговорить страшное

слово) *все* кончится. Я пожертвовала собою для того, что бы продлить жизнь отца, а онъ умеръ черезъ день послѣ моей свадьбы. Вотъ гдѣ оправдалась ничтожность человѣческихъ предположеній. Стоило ли жертвовать собою для одного дня счастья?

Отецъ, какъ я говорила прежде, упорно стоялъ на томъ, что онъ не боленъ. Но, въ день свадьбы нашей, онъ совершенно изнемогъ. Сильный духомъ, онъ палъ подъ бременемъ большаго тѣла. *Никто* сильнѣйшій поборолъ его. Онъ слегъ въ постель, и лежалъ тихо, недвижимо, все ожидая чего то. Я шага не дѣлала изъ его комнаты, и все время держала за руку, какъ бы силясь удержать его на краю пропасти. Снѣгъ тихо падалъ на землю, часы монотонно чикали, и короткій зимній день быстро смѣнился сумерками.

— Кончено съ мною, Нелли! сказалъ слабымъ голосомъ отецъ. Я точно измученная лошадь, не правда ли?

— Я взяла старую библію, принадлежавшую еще моей матери, и прочла ему нѣсколько успокоительныхъ страницъ изъ священной книги.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка моя: это меня успокоило, проговорилъ онъ, но больше слушать не могъ. Молча слѣдила я за неровнымъ хриплымъ дыханіемъ бѣднаго старичка. Мнѣ было до того тяжело на него смотрѣть, что я съ радостію отдала бы полжизни, что бы облегчить его страданія.

Наступила ночь; снѣгъ валилъ все сильнѣе и сильнѣе. Мистриссъ Смитъ вошла на цыпочкахъ съ чашкою чая для меня, и вышла изъ комнаты, обливаясь слезами (я плакать не могла). Затѣмъ вошелъ докторъ съ длиннымъ лицомъ, и тихо объявилъ мнѣ, что предсмертная агонія началась. Господи! точно я сама этого не знала! Онъ налилъ въ рюмку немного водки, и приказалъ подать ее больному. Я грубо оттолкнула его руку, говоря, что не позволю никому надобѣдать умирающему: пусть онъ кончается въ совершенномъ покоѣ. Въ эту минуту я ненавидѣла доктора, какъ постороннее лицо, равнодушно слѣдившее за угасающими силами моего безцѣннаго отца. Наконецъ, насъ оставили однихъ. Вѣтеръ жалобно завывалъ въ трубѣ и въ щеляхъ оконъ; мокрый снѣгъ превратился въ изморозь, и сильно билъ въ стекла. Страшно умирать въ такую ночь! Не лучше ли разставаться съ жизнію въ солнечный лѣтній день, когда дуптѣ какъ будто веселѣе летѣть къ престолу Божию по ясной лазури неба.

Отецъ, мало по малу, впадалъ въ забытiе. Вѣроятно, милосердный Создатель сжалился надъ нимъ, и облегчилъ его страданiя, лишивъ возможности видѣть бѣдную дочь, судорожно рыдавшую на колѣняхъ подлѣ кровати. Старику тяжело было бы перенести подобное зрѣлище. Все, что дѣлалось, дѣлалось къ лучшему. Было уже далеко за полночь; свѣчи, горѣвшiя въ спальнѣ, оплыли; вѣтеръ утихъ; я все еще не вставала съ'колѣнъ, и не выпускала 'руки, которая постепенно холодѣла въ моихъ рукахъ. Я не могла оторвать глазъ отъ изжелтаблѣднаго лица больного, замкнутое выраженiе котораго поражало своимъ спокойствiемъ. Дыханiе отца дѣлалось все тише и тише, и наконецъ совершенно прекратилось. Священный ужасъ охватилъ мое сердце; я встала съ благоговѣнiемъ, и начала молиться.

— Умеръ! сказала я мысленно. Вдругъ кроткiе глаза отца открылись; въ нихъ выразилось радостное удивленiе, какъ будто онъ увидѣлъ что то необыкновенное, и затѣмъ они снова сомкнулись навѣки. Голубчикъ, папа! Пошли тебѣ Господь миръ и радость въ той жизни!..

Итакъ семейный склепъ Лѣтранжей принялъ въ свои объятiя новаго члена. Какъ бы я желала, что бы меня похоронили радѣмъ съ отцомъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, что бы трубный гласъ архангела, въ послѣднiй день суда, вызвалъ насъ вмѣстѣ изъ гроба.

Утромъ изъ нашего дома вынесли тѣло. Когда гробъ пронесли мимо высокихъ вязовъ, подлѣ тѣнiю которыхъ онъ и я гуляли такъ часто, густыи снѣгъ началъ снова падать, и его замерзшия иглы сильно кололи мнѣ лице. Понастоящему, мнѣ слѣдовало бы плакать, во время похоронъ милаго, безцѣннаго моего старичка, но слезы у меня точно замерли. Долли плакала, мистриссъ Смитъ также, а я смотрѣла на нихъ съ кажимъ то тупымъ удивленiемъ. Я даже горя какъ будто не чувствовала. Меня просто придавила, уничтожила моя потеря. Гробъ пронесли сѣвозъ ворота, внесли въ церковь; мы простились съ умершимъ, и затѣмъ его опустили въ могилу; я подошла очень близко къ ней, и внимательно прочитала надпись, сдѣланную на надгробной плитѣ: *сэръ Адрианъ Лѣтранжъ, скончался 30 декабря 186*— Церемонiя похоронъ кончилась, и мы пошли обратно домой. Мнѣ казалось, что для меня въ жизни уже не существуютъ радости.

ГЛАВА XXXII.

Когда солнце заглянетъ въ мою комнатку, Нелли Летранжъ уже не будетъ тамъ. Привыкнувъ встрѣчать, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, знакомое лице рыжей дѣвочки въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ, превратившейся въ послѣдствіи въ стройную, мечтательную дѣвушку, — солнце грустно освѣтитъ пустую комнату. Съ вчерашняго дня, Нелли Летранжъ переехала въ спальню, служившую, такъ сказать, усыпальницею для всѣхъ Летранжей.

Я сидѣла на полу, около той постели, гдѣ скончался отецъ, и, припавъ къ ней лицомъ, цѣловала ее. Господь скалился надъ мною, и послалъ мнѣ слезы. Вчера я отрѣзала немного волосъ съ головы покойнаго; взянувъ на нихъ сегодня, я расшевелила свою рану; апатія моя прошла мгновенно; я почувствовала всю невозвратимость моей потери, и горячія слезы градомъ хлынули изъ глазъ.

Кромѣ меня и прислуги въ домѣ никого не было. Гуго уѣхалъ въ Вэнтвортъ съ тѣмъ, что бы, по возвращеніи, увести меня съ собою. Долли также отправилась къ какимъ то знакомымъ. Она цѣлое утро ходила по всѣмъ комнатамъ, забирая то фарфоръ, то какой нибудь сервизъ. Особеннаго права на эти вещи она, конечно, не имѣла; но она съ чувствомъ увѣряла всѣхъ, будто милый папа завѣщалъ ей то-то и то-то, и что нельзя же оставлять все, что есть въ домѣ, на произволь всякой дрянн, торговцевъ.

Полчаса спустя, она собралась уѣзжать; ее звали къ себѣ погостить какія то хорошія знакомыя. Сестра, конечно, не задумалась; она, какъ слѣдуетъ, поплакала при прощаніи, но на столько, что бы не обезобразить себя, и на станціи желѣзной дороги пожалала руки всей нашей прислугѣ. Оставшись одна, я наплакалась до безчувствія, и, положивъ голову на одѣяло кровати, не спускала глазъ съ пряди сѣдыхъ волосъ, лежавшей у меня на волѣняхъ. Дверь тихо отворилась, и мистриссъ Смитъ протро произнесла: «миледи! Сэръ Гуго пріѣхалъ». Я совсѣмъ забыла, что кромѣ меня въ комнатѣ никого не было, и потому не обратила вниманія на ея слова. Мистриссъ Смитъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, и еще громче произнесла: — «Миледи, сэръ Гуго вернулся, и желаетъ поговорить съ вами». Я нѣсколь-

ко минутъ глядѣла на нее бессознательно; затѣмъ вскочила, схватила ее шею обѣими руками, и прижала свою голову къ ее груди.

— Не называйте меня такъ! шепнула я. Пожалуйста! я ненавижу это прозвище. Зовите меня всегда *миссъ Нелли!* прошу, васъ! Мистриссъ Смитъ поцѣловала мое распухшее лицо, пригладила спутанные волосы, обращаясь вообще съ мною, какъ съ ребенкомъ.

— Я буду звать васъ, какъ хотите, голубушка моя; но не надо плавать; это грѣшно, увѣряю васъ. Вѣдь на все Божія воля! дрожащимъ голосомъ продолжала старушка. А уже ему, бѣдному барину, куда какъ тяжело было въ послѣднее время. Вы, я думаю, сами не желали бы теперь, что бы онъ ожилъ.

— Конечно! конечно! рыдая, говорила я. Развѣ у меня сердца нѣтъ? Развѣ я могу ему зла желать? Но мнѣ вотъ чего хотѣлось бы... умереть вмѣстѣ съ нимъ! Вѣдь не грѣшно же это желать, мистриссъ Смитъ?

— Грѣха тутъ никакого нѣтъ, дитя мое, но умереть безъ воли Божіей всетаки нельзя; погодите — и вашъ смертный часъ наступитъ. Мы всѣ умремъ; только успѣть бы приготовиться, а то мнѣ все равно, когда ни умереть.

Гуго съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ молодымъ мужьямъ, кричалъ снизу: Нелли! Нелли!

Нѣтъ, это не тотъ милый голосъ, къ которому я такъ привыкла. Голосъ Гуго моложе, сильнѣе, рѣзче какъ то. Онъ холодомъ отозвался въ моемъ сердцѣ.

— Я не хочу его видѣть! жалобно произнесла я, обращаясь къ мистриссъ Смитъ. Подите внизъ: скажите, что я прошу у него еще полчаса льготы.

Мистриссъ Смитъ покачала неодобрительно головою.

— Нѣтъ, дорогая моя, сказала она, не слѣдуетъ заставлять его дожидаться. Онъ вашъ супругъ, вы сами это знаете, да еще такой отличный баринъ! Такихъ людей, какъ онъ, со свѣчею не отыщешь.

Склонная съ дѣтства къ слѣпому повиновенію, я спустилась внизъ. Гуго стоялъ внизу лѣстницы, и тихо насвистывалъ что то просебя.

— Какъ ты себя отдѣлала, бѣдная ты моя дѣвочка! сказалъ онъ, грустно осматривая мои красные глаза, распухшій носъ и впалыя щеки, за которыя онъ заплатилъ такъ дорого.

— Что же мнѣ дѣлать? возразила я съ досадою. Что вамъ нужно? Мистриссъ Смитъ говоритъ, что вы меня спрашиваете.

— Я на четверенькахъ сюда приползъ бы изъ Вэнтворта, если бы только зналъ, что тебѣ отъ этого легче станетъ, отвѣчала онъ ласково, не обращая вниманія на мой грубый тонъ. Зачѣмъ ты такъ убиваешься? Слезами ничего не подѣлаешь, на все воля Господня.

Меня немного утѣшили такіе доводы; я молча опустила въ уголъ скамейки въ передней. Весь этотъ день я въ ротъ ничего не брала, и ослабѣла страшно.

— Когда ты будешь готова къ отъѣзду? спросилъ Гуго, видя, что его слова не дѣйствуютъ.

— Какъ? развѣ уже намъ нужно ѣхать? воскликнула я, всплеснувъ руками отъ отчаянія. Мнѣ хотѣлось бы еще разъ проститься съ всѣми старыми мѣстами.

— Теперь дни короткіе, сказалъ онъ, и мы раньше двухъ часовъ домой не дождемъ. Мнѣ не хотѣлось бы заморить лошадей скорою ѣздою, а матушка станетъ беспокоиться, если мы не явимся обѣдать.

— Когда же надо выѣхать? спросила я равнодушно.

— Да тогда, когда ты шляпу надѣнешь. Я сейчасъ пойду на конюшню и прикажу подавать лошадей; онѣ пожалуй простудятся, стоя на холоду, тамъ сыро какъ... *вздохнулъ*, хотѣлъ онъ сказать, но остановился, считая неприличнымъ употребить сегодня это слово. Я встала, и, едва волоча ноги, начала подниматься по лѣстницѣ.

— Да, кстати, Нелли, въ чемъ ты хочешь ѣхать: въ фазтонѣ или въ шарабанѣ? Оба экипажа тутъ.

— Только не въ шарабанѣ, сказала я съ жестомъ отвращенія

— А почему такъ? Сегодня не холодно.

— Онъ напоминаетъ мнѣ тотъ ужасный день, отвѣчала я, не подумавши. (Съ этого дня начались всѣ мои несчастія.)

Какой мужъ выдержалъ бы подобную дерзость? Но, право, я была точно безумная въ эту минуту. Доброе лице Гуго слегка измѣнилось.

— Тогда лошади были другія, замѣтилъ онъ, а самъ посебѣ шарабанъ не опрокинется.

Ему была невыносима мысль ѣхать въ закрытомъ экипажѣ цѣлыя 14 верстъ, глазъ на глазъ съ плачущею женщиною, хотя бы и молодою женою.

— Какъ хотите, отвѣчала я холодно; для меня совершенно все равно.

Подали шарабанъ. Я сѣла, опустивъ густой, черный креповый вуаль на лице. Погода вдругъ перемѣнилась; снѣгъ пересталъ идти, вѣтеръ утихъ; въ воздухѣ запахло весеннимъ тепломъ и сыростию.

Кладбище было все покрыто туманомъ. Я обернула голову, и не могла отвести глазъ отъ густыхъ плакучихъ ивъ, окружавшихъ могилы. Долго смотрѣла я на послѣднее убѣжище страдальца отца, смотрѣла до тѣхъ поръ, пока сѣрая церковная башня не скрылась изъ виду.

— Прощай, папа, прощай, мой милый! твердила я, потихоньку рыдая, и горькія слезы такъ и лились у меня по лицу, защищенному вуалемъ. Первый [пять миль Гуго оставилъ меня въ покоѣ. Онъ то говорилъ съ лошадьми, ласково понукая ихъ бѣжать ровнѣе, то обращался къ груму, съ вопросомъ: хорошо ли ихъ содержали у насъ въ домѣ? Но къ безмолвной статуѣ подъ чернымъ покрываломъ, онъ не обратился ни разу.

Наконецъ, я перестала плакать, и даже спрятала платокъ въ карманъ. Стало сильно темнѣть. Грумъ зажегъ фонари. Лошади бѣжали ровно, громко шлепая подковами по мягкой грязи. Коегдѣ мелькалъ огонь въ окнахъ коттеджей. Видя, что погода перемѣнилась, Гуго перебросилъ возжи въ правую руку, а лѣвою обнялъ меня за талію. Я была законною женою сэра Гуго, и потому грума остерегаться было нечего. Теперь онъ иначе смотрѣлъ на припадокъ нѣжности со стороны барина, чѣмъ въ тотъ достопамятный день паденія; но мое положеніе все-таки было неловко.

— Вотъ и хорошо, старушка! ласково сказалъ мой мужъ. Крѣпись! Что кончено, того не вернешь. На свѣтѣ, право, бываетъ горе и потяжелѣе этого. Въ эту минуту одна изъ лошадей шарахнулась въ сторону. Гуго быстро отнял руку.—Тише, дуракъ! Тише! крикнулъ онъ на лошадь. А мнѣ вдругъ сильно захотѣлось гинуть, что бы напугать ее еще болѣе.

— А что, Нелли? спросилъ Гуго, убѣжденный, что веселый разговоръ можетъ развлечь меня, какъ ты думаешь: доѣхала Долли до того мѣста, куда она отправилась?

— Думаю, что ей пора бы доѣхать.

— А долго она тамъ проживетъ? Ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Какъ же она потомъ устроится?

— Право, не знаю (въ голосѣ моемъ слышалось полнѣйшее равнодушіе).

— Бѣдная, право! Вѣдь это очень грустно: не имѣть угла, куда приклонить голову!

— У нея пропасть друзей.

— Да, *друзей*... конечно! Но вѣдь друзья будутъ приглашать ее къ себѣ погостить мѣсяца на два или на три, а жить къ себѣ не возьмутъ. Поселиться навсегда въ чужомъ домѣ невозможно. Она объ этомъ то и толковала съ мною сегодня утромъ. Мы съ нею долго разсуждали о ея положеніи. Увѣряю тебя, что мнѣ ее жаль до смерти. (Видно у Гуго нѣтъ людей, которые заслуживали бы истиннаго состраданія).

— Что же? Сообщила вамъ сестра планы на счетъ своей будущности? спросила я.

— Нѣтъ, да она, я думаю, и сама не знаетъ куда ей дѣться. Долли просила у меня совѣта, говоря, что она совсѣмъ голову потеряла отъ этого несчастія. И Гуго махнулъ головою, по направлению того мѣста, гдѣ я схоронила свое прошлое.

— Ужасно! насмѣшливо возразила я. Будетъ ли она въ состояніи пережить свое горе? Гуго не замѣтилъ моей насмѣшки. Когда онъ увлекался какою нибудь идеею, то летѣлъ впередъ, какъ безумный, не обращая вниманія ни направо, ни налево.

— Знаешь, что я ей посоветовалъ, Нелли? продолжалъ онъ; конечно, мнѣ слѣдовало бы предупредить тебя заранѣе, но я увѣренъ, что препятствія съ твоей стороны не будутъ; одно меня пугаетъ,—это моя старуха; она по временамъ страшно ворчитъ, а главное терпѣть не можетъ новыхъ лицъ въ домѣ.

— Что же это вы ей посоветовали? спросила я съ удивленіемъ.

— Пріѣхать и жить съ нами до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ, а это, конечно, очень скоро случится.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала я холодно, и меня всю передернуло. Гуго справедливо выразился, сказавъ, что, какъ бы велико несчастіе ни было, можетъ быть положеніе еще хуже.

— Ничего нѣтъ естественнѣе! родная сестра, родители скончались, угла нѣтъ, ораторствовалъ Гуго, внутренно сознавая, что едва ли я одобрю такого рода распоряженіе.

— Это очень мило съ вашей стороны, замѣтила я тихо. Мнѣ

стало совѣстно, что я такъ мало цѣню то, что онъ дѣлалъ изъ вниманія къ женѣ.

— О, вовсе нѣтъ! мы вѣдь съ нею большіе пріятели: она всегда благоволила ко мнѣ, даже въ ту пору, когда ты отъ меня отворачивалась, Нелли.

— Да?

— Конечно; я, впрочемъ, пригласилъ ее больше вотъ для какой цѣли: мнѣ хотѣлось, что бы ты имѣла въ нашемъ домѣ хотя одного товарища по лѣтамъ. Матушка, хотя и хорошая женщина (я не смѣю ничего сказать противъ нея), но едва ли вы сойдетесь въ привычкахъ и въ мысляхъ вообще, а мнѣ съ тобою невозможно будетъ проводить цѣлые дни. У меня хозяйство на рукахъ, охота пять разъ въ недѣлю; ну, и того... кончилъ бѣдный Гуго, совершенно сконфуженный неудачею своего плана, и стараясь отгадать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня.

— Это очень любезно, повторила я съ большею искренностію, чѣмъ прежде. А Долли?... Что она вамъ отвѣтила на предложеніе?

Гуго засмѣялся.

— Бѣдняжка! она, кажется, сама не помнила что дѣлала, расплакалась, и чуть не упала передъ мною на колѣни. Я, конечно, ее удержалъ. (Какая я злая! Несмотря на все мое горе, я захохотала, представивъ себѣ эту живую картину: Долли падаетъ на колѣни; сконфуженный Гуго поднимаетъ ее за руви. Мнѣ кажется, что если бы ей сказали, что Гуго все это передастъ мнѣ, она, вѣрно, удержалась бы отъ такой сцены!) Она все твердила, продолжалъ Гуго, что я дѣлаю благодѣяніе бездомной сиротѣ, что она насъ не будетъ долго беспокоить. Уже этого я не понимаю! развѣ у ней есть женишекъ на примѣтъ?— ну, и наконецъ она обѣщала, кажется, переѣхать къ намъ.

— А! а! произнесла я холодно, и тѣмъ разговоръ прекратился. Внутренно я сознавала, что было бы нечестно отговаривать мужа отъ его намѣренія, и я скорѣе позволила бы взорвать себя на воздухъ, чѣмъ сообщить что нибудь касательно сестры. Притомъ я страшно утомилась, и не чувствовала подъ собою ногъ, когда мы подѣхали къ крыльцу Вэнтворта.

Когда въ послѣдній разъ я видѣла Дика, онъ стоялъ на этомъ самомъ крыльцѣ, прислоняясь къ притолкѣ двери. Но сегодня я даже объ немъ забыла. Я пошла прямо за Гуго въ бібліоте-

ку; тамъ горѣло множество свѣчей, и гардины на окнахъ были спущены. Высокая, старая леди, вся въ черномъ (она, изъ вниманія къ невѣстѣ, облеклась въ трауръ), вышла мнѣ навстрѣчу, раскрыла свои объятія, и, цѣлуя меня, довольно торжественно, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, очень ласково, произнесла: «Милости просимъ, дорогая дочь!»

Увы! Теперь она одна имѣетъ право называть меня своею дочерью.

ГЛАВА XXXIII.

Странно устроены человѣкъ! Онъ не можетъ забыть прошедшаго счастья и старыхъ своихъ привязанностей, между тѣмъ, какъ горе и потери современемъ до того ослабляютъ свое вліяніе на него, что онъ готовъ почти отречься отъ тѣхъ слезъ и страданій, которыя самъ же считалъ вѣчными.

Пока дорогой человѣкъ живетъ съ нами, разговариваетъ, входитъ и выходитъ изъ дома, ласкаетъ насъ, мы чувствуемъ его присутствіе, мы живемъ его жизнью, такъ сказать. Но едва только крышка гроба захлопнется надъ нимъ, и могила приметъ его въ свои объятія, тотъ же человѣкъ, какъ бы близокъ онъ ни былъ, дѣлается для насъ какъ будто чужой. Горько подумать, что наше имя такъ скоро вычеркивается изъ списка живыхъ людей, и такъ быстро забывается всѣми. Бѣдные покойники! Читатель! тебѣ вѣрно не разъ случалось встрѣчать въ обществѣ людей, которые только что пережили страшную утрату, выстрадали горе, способное, кажется, убить слабое тѣло человѣка — и что же? Тѣ же самые люди разговариваютъ, смѣются, какъ прежде. Сознайся, что, при видѣ ихъ, у тебя вырывалось невольное восклицаніе: «какое равнодушіе! какое каменное сердце! Я не былъ бы въ состояніи такъ скоро забыть свое горе!» А посмотришь: смерть отнимаетъ у тебя твое послѣднее утѣшеніе, зеницу твоего ока, и ты такъ же, какъ прочіе, не теряешь способности современемъ веселиться, разговаривать о пустякахъ и даже вновь привязываться. Да, не даромъ сложилась по-

говорка: «*съ глѣзъ долой, изъ сердца вонъ*». Мы не въ состояніи оставаться вѣрными тѣмъ, кого больше не видимъ.

Послѣ кончины отца прошелъ цѣлый мѣсяць. Въ свѣтѣ у-стали толковать о свадьбѣ сэра Гуго Ланкастера и о смерти сэра Адриана Летранжа. Другія свадьбы и похороны доставили предметъ для разговора, а о первыхъ двухъ вспоминали только люди, лично ими заинтересованные.

Въ домѣ Летранжа былъ назначенъ аукціонъ; старая мебель наша разошлась по рукамъ манчестерскихъ и ливерпульскихъ торгашей. Пустыя комнаты большого дома наводили тоску и уныніе. Грязные сыны израилевы обшарили всѣ углы, и растащили все, что могли. Добрый мой Гуго купить для меня кожаное кресло отца; я теперь лежу въ немъ, и постараюсь умереть въ немъ же. Меня пересадили съ родной почвы на чужую, и, къ моему удивленію, умирить не могли. Видно, я очень живучее растеніе! Плакать я перестала, я даже часто смѣюсь, и, вмѣстѣ съ мужемъ, острою надъ тѣмъ, что кажется смѣшно. Когда я голодна, я ѣмъ; сплю отлично; у меня есть свои симпатіи и антипатіи; я нерѣдко шучу въ семьѣ, и черезъ каждые два дня у насъ непременно маленькая стычка съ свекровію, по поводу ея наставленій, какъ я должна себя держать; наконецъ у меня даже хватаетъ энергіи на то, что бы ссориться иногда съ Гуго, который постоянно кротокъ и добръ съ женою. Но не думайте, что бы я совсѣмъ помирилась съ своею участію, что бы я вычеркнула изъ сердца свое прошлое. Далеко нѣтъ! Горе мое, послѣ смерти отца, современемъ должно было бы ослабнуть, по законамъ природы. Дѣти всегда переживаютъ своихъ родителей, и очень не мудро, если въ послѣдствіи я помирилась бы совершенно съ этою страшною потерей, если бы вышла замужъ за Дика, и вмѣстѣ съ нимъ дѣлила свое горе; но сознаніе, что я пожертвовала собою напрасно, что, несмотря на всѣ перенесенныя мною страданія, старикъ отецъ все-таки лежитъ въ могилѣ, и что оттуда его не вызовутъ ни слезы мои, ни вопли, эта мысль разрывала мое сердце на части, и я невольно восклицала: «За что, Господи! за что на меня одну палъ этотъ тяжкій жребій?»

Мужа я ни капли не любила: двухъ человекъ вѣдъ разомъ любить невозможно. Сказать вамъ правду? Я даже не старалась привязаться къ нему; подчасъ я его ненавидила. Онъ же, съ своей стороны, постоянно былъ добръ и внимателенъ къ женѣ.

Правдѣ, мнѣ кажется, что онъ любилъ меня выше всего на свѣтѣ, а между тѣмъ виновать ли онъ, что природа создала его не очень красивымъ, смуглымъ баронетомъ, а не бѣлокурнымъ красавцемъ драгуномъ?

Я знаю навѣрное, что мужъ очень цѣнилъ мои достоинства; самая рѣзкость моя нравилась ему. Гуго былъ видимо счастливъ, сидя за столомъ рядомъ съ хорошенькою молодою женщиною; ему сильно надобно смотрѣть на одно и то же старое желтое лице матери. Мужемъ онъ былъ нѣжнымъ, непозволительно нѣжнымъ, даже до отвращенія. Въ двадцать лѣтъ трудно скрывать свои впечатлѣнія, но я употребляла всѣ силы, что бы не показать моему повелителю, какъ несносны мнѣ его ласки.

Онъ баловалъ и холилъ меня почти такъ же, какъ свою любимую гнѣдую лошадь, и понятно: кого же ему было и ласкать, какъ не законную жену? Но мнѣ нерѣдко приходила въ голову мысль: что если бы ему кто нибудь приглянулся? Правдѣ, будь это даже наша прачка, я и тогда не ревновала бы его. Меня пугала моя неволя. Вся прислуга сэра Гуго, женщины и мужчины, всѣ они имѣли право попросить разчета или отпуска, если бы имъ что нибудь вдругъ не понравилось въ домѣ. Я же была прикована къ мужу навѣки; мнѣ ни разчета, ни отпуска не дадутъ; я въ пожизненной кабалѣ. Въ тѣ минуты, когда мнѣ эта мысль приходила въ голову, я скрежетала зубами, и металась какъ тигръ въ влѣтѣхъ.

Сначала я имѣла глупость воображать, что священныя слова церковнаго обряда послужатъ мнѣ талисманомъ противъ грѣшныхъ помысловъ, что послѣ свадьбы, всякая мечта о *другомъ* будетъ для меня невозможна. Приходилось мнѣ не разъ слышать и читать въ книгахъ, что есть такія дурныя женщины, которыя, будучи замужемъ, любятъ постороннихъ мужчинъ; но я была увѣрена, что съ мною этого не случится.

Къ несчастію, случилось совсѣмъ другое. Со стыдомъ признаюсь, что я попала въ число дурныхъ женщинъ. Я думала о Дикѣ еще болѣе, когда сдѣлалась леди Ланкастеръ, чѣмъ когда была дѣвушкою. Тогда это была только неосторожность, а теперь преступленіе. Но дѣло въ томъ, что грязнаго, безнравственнаго въ моихъ мысляхъ ничего не было. Дикъ теперь завладѣлъ всѣмъ моимъ сердцемъ одинъ, а прежде я дѣлила его между имъ и отцемъ.

Съ какимъ то ожесточеніемъ я твердила себѣ: *отецъ умеръ,*

умеръ—и я ея больше никогда не увижу! На всю окружающую меня среду, я смотрѣла какъ сѣвось сонъ. Домашняя жизнь въ Вэнтвортѣ была до того однообразна, что я поневолѣ проводила цѣлые дни въ мечтахъ. Ъла я досыта; мнѣ было тепло, покойно; мнѣ ни въ чемъ не отказывали; но тоска и скука грызли меня постоянно.

Цѣлыя зимнія утра напролѣтъ просиживала я въ позолоченномъ креслѣ, разодѣтая въ дорогое, черное платье, все покрытое крепомъ. Матушка и я обыкновенно находились въ это время въ желтой гостиной, гдѣ каждый стулъ напоминалъ мнѣ Дика. Старуха вязала нескончаемые носки своему милому сынку; она была прескупая, и все читала мнѣ проповѣди объ экономіи; тутъ же она угощала меня апокрифическими легендами объ удивительной красотѣ Гуго въ дѣтствѣ, необыкновенныхъ его проказахъ въ ребяческомъ возрастѣ, о томъ, какъ у него была корь, какъ онъ учился, сколько разъ ломалъ себѣ шею и т. д.

Передъ обѣдомъ мы ѣздили съ леди Ланкастеръ, на жирныхъ варетныхъ лошадяхъ, съ визитами къ сосѣднимъ матронамъ, а если въ этотъ день не было охоты, то я бродила съ Гуго по конюшнямъ, терпѣливо выслушивала родословную каждой лошади, и съ грустію вспоминала нашихъ старыхъ инвалидовъ. Рѣдко, рѣдко удавалось мнѣ вырваться на волю. Тогда, накинувъ самый простой плащъ, и снявъ обручальное кольцо, я убѣгала въ самый отдаленный конецъ парка, и гуляла тамъ одна, воображая, что я все еще Нелли Летранжъ.

Вечеромъ мы, женщины, снова сходились съ своею работою, говорили пустяки, или слегка ссорились, а Гуго, нацѣловавшись съ мною досыта, шелъ спать, гдѣ нибудь въ углу, на диванѣ, и большею частію храпѣлъ. Точно такъ сидѣли мы однажды вечеромъ, послѣ обѣда. Леди Ланкастеръ, старшая, щелкала спицами своего вязанія; сэръ Гуго, не совсѣмъ еще заснувшій, читалъ «Теймсъ», употребляя его въ видѣ наркотическаго средства, а леди Ланкастеръ, младшая, неохотно трудилась надъ ермолкою своего супруга, время отъ времени взглядывая, то на желтое морщинистое лицо старухи свекрови, то на шершавую съ просвѣдью голову мужа, и мысленно твердила:

— Боже! какъ вы мнѣ оба надоѣли! Куда бы мнѣ отъ васъ уйдти? Куда бы только?...

*

— Матушка, помните вы Мекъ-Грегора? заговорилъ вдругъ Гуго.

— Мекъ-Грегора, другъ мой, какого это Мекъ-Грегора? ихъ такъ много! Есть сэръ Мальколмъ Мекъ-Грегоръ, приятель твоего покойнаго отца; затѣмъ еще генераль Мекъ-Грегоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ ее сынъ, я не о старикахъ толкую... Помните ли вы высокаго, красиваго малаго? Онъ еще у насъ былъ въ прошедшемъ году? Вотъ я о комъ спрашиваю.

— А! а! вспомнила, спокойно отвѣчала мать. Онъ еще пролилъ чашку кофея на мое свѣтлозеленое атласное платье. И мнѣ пришлось выводить эти пятны; помню, помню; онъ, кажется, сильно ухаживалъ за Доротою Летранжъ. Ну, такъ, теперь я навѣрно знаю кто такой онъ.

— Не помните ли вы нумера его полка? продолжалъ Гуго, забывшій, кажется, о своемъ снѣ.

— Это — — й драгунскій, произнесла я робко; что жетакое съ нимъ случилось?

— Ничего, душа! отвѣчалъ мой Филемонъ, смотря на меня съ масляною улыбкою, только тутъ напечатано, что этотъ полкъ командированъ въ Индію.

— Онъ въ Индію командированъ! повторила я, вскочивъ съ мѣста, и быстро убѣжала изъ комнаты. Въ дверяхъ я столкнулась съ дворецкимъ, который несъ чай на подносѣ; моя поспѣшность совершенно ошеломила этого важнаго господина.

На слѣдующій день, сэръ Гуго и его мать должны были ѣхать обѣдать и ночевать къ какимъ то сосѣдямъ. Мой глубокій трауръ служилъ предлогомъ для того, что бы я осталась дома; и нужно сказать правду, я пришла въ неописанный восторгъ, когда выпроводила сына съ матушкою. Я сама уговорила свекровь ѣхать въ гости, и взять съ собою Гуго, который выразилъ было желаніе остаться съ женою дома. Старуха очень похвалила меня зато, что я не эгоистка, и въ восхищеніи отправилась съ своимъ «милымъ мальчикомъ».

— Ну, слава Богу! сказала я, стоя на крыльцѣ, и слѣдя за фонарями кареты, которые исчезали въ темной аллеѣ. Затѣмъ я медленными шагами вернулась въ комнату, и лице мое приняло свое обычное мрачное выраженіе; свидѣтелей никого нѣтъ; мнѣ остерегаться нечего.

«Командированъ въ Индію! Командированъ въ Индію!» Эти

три слова въ продолженіе сутокъ звучали въ моихъ ушахъ, и теперь мнѣ казалось, что часы, чикая, повторяютъ ту же фразу. Дика отпраивать въ Индію, убьютъ его тамъ, и я его ницогда больше не увижу. *Никогда* вѣдь это не то, что черезъ годъ или два. Я не узнаю даже, на какую красавицу онъ промѣнялъ меня.

Мною овладѣло страстное, безумное желаніе бѣжать въ Дикую, спросить, за что онъ измѣнилъ мнѣ, и умолить его, что бы онъ взялъ меня съ собою въ дальнюю страну. Что мнѣ за дѣло, что это преступленіе? Отецъ не будетъ свидѣтелемъ моего позора! Въ этотъ вечеръ, за одинъ мигъ свиданія съ Дикомъ, за одну ласку его, я готова была пожертвовать своею будущностію, честію, даже жизнію. Увидать его, и умереть! Лечь въ землю, не заколоченною въ душномъ гробу, нѣтъ, просто лечь, уснуть въ свѣжей душистой землѣ, и лежать тамъ, пока тѣло не станетъ прахомъ, а душа не улетитъ въ невѣдомый міръ!

Огонь въ каминѣ ярко пылалъ; восковыя свѣчи мягко освѣщали всю комнату съ ея желтою мебелью, стариннымъ фарфоромъ и зеркалами; обстановка была самая привѣтливая домашняя, но мнѣ вдругъ стало душно въ ней. Задыхаясь, я подошла къ огню, отворила его, и вышла на веранду. Сильный порывъ вѣтра, съ дождемъ, съ шумомъ захлопнулъ за мною громадныя рамы, и я осталась подъ навѣсомъ мокраго маркиза, слѣдя за темными тучами, которыя быстро неслись по небу; полная луна выплыла на минуту изъ за нихъ, освѣтила веранду, и скрылась. На дворѣ было не холодно, и мнѣ дышалось тутъ легче, чѣмъ въ комнатахъ; я прислонилась головою къ одной колоннѣ, густо увитой мокрымъ плющемъ.

— Здѣсь когда то *онъ* цѣловалъ меня, сказала я тихо, прижимаясь къ колоннѣ. Въ то время, я твердо вѣрила, что мы во всю жизнь не разлучимся, и вотъ я осталась одна! одна навѣки! Господи! какъ тяжелъ Твой крестъ!

Вдругъ дождь прекратился; луна показалась снова; недалеко отъ меня зашелестѣли листья большаго лавроваго дерева, и оттуда показался человекъ. Онъ осторожно шелъ по дорожкѣ, усыпанной блестящимъ гравіемъ.

ГЛАВА XXXIV.

Нужно ли говорить, кто былъ этотъ человѣкъ? Въ первую минуту я не узнала его; — мною овладѣлъ ужасъ; но когда онъ подошелъ ближе, и я ясно разглядѣла стройнаго красавца, нагнувшася надъ мною, безумная преступная радость охватила мое сердце.

— Я крадся, какъ воръ, произнесъ онъ хриплымъ голосомъ; я все сторожилъ, когда мужъ твой уйдетъ, потому что я далъ себѣ клятву не уѣзжать отсюда, не повидавшись съ тобою.

Черная туча въ это самое мгновеніе застлала совсѣмъ луну; вокругъ насъ сдѣлалось темно.

— Дикъ! Дикъ! ты ли это? проговорила я, дрожа отъ волненія, и распахнула настежь окно, что бы освѣтить мрачный, огромный призракъ, явившійся передъ мною столь неожиданно.

Дикъ видно давно уже стоялъ на дождѣ; онъ промокъ до костей, и съ платья его вода лила ручьемъ. У меня сердце надорвалось, глядя на его измученное лице. — Войдите! дослѣшно произнесла я, вѣдь вы совсѣмъ мокры, не стойте на сырости. Я первая вошла въ теплую гостиную, гдѣ сильно пахло цвѣтами; онъ съ минуту колебался, стоя на порогѣ, какъ бы не рѣшаясь переступить завѣтную черту.

Мы даже не поздоровались. Подойдя къ пылавшему камину, мы молча смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ отчаяніи, какъ бы сознавая ту страшную пропасть, которая зіяла между нами. Наконецъ, Дикъ первый застоналъ, и произнесъ, задыхаясь:

— Нелли! Нелли! зачѣмъ ты это сдѣлала? Зачѣмъ обманула ты человѣка, который тебя такъ любилъ? Кровь хлынула мнѣ въ голову. Лице, шея, лобъ, все у меня покраснѣло. Покуда онъ молчалъ, я ему простила всѣ прошедшія ошибки, и готова была забыть даже его измѣну, но, услыхавъ эти слова, я обезумѣла отъ негодованія.

— Какъ вы смѣете это спрашивать? крикнула я. Вы сами меня погубили на всю жизнь! Вы сами были съ мною такъ жестоки, какъ никто; вы въ продолженіе полугода строчки ко мнѣ не прислали, вы даже ни одного слова не отвѣтили на мои безчисленные письма!...

Я замолчала, задохнувшись отъ волненія.

— Что... вы... сказали? медленно произнесъ Дикъ, грѣя свои широкия руки передъ огнемъ. Отъ мокраго дорожнаго пальто его шелъ паръ. Я снова начала осыпая его укорами, но онъ, съ видимымъ изумленіемъ, выслушивалъ страстный потокъ моихъ словъ.

— Я получилъ отъ васъ всего *одно* письмо, сказалъ онъ тихо, гдѣ вы требовали отъ меня клятвы не отвѣчать на него. Вотъ оно. Съ дня полученія, я день и ночь не разставался съ нимъ.

Онъ засунулъ руку въ боковой карманъ сюртука, и вытащилъ оттуда письмо. Я вырвала его у Дика, и дрожащими руками развернула бумагу. Да, это похоже на мой почеркъ, но писала письмо не я; это чужая рука; буквы выведены чище, старательнѣе, красивѣе, чѣмъ у меня; я посмотрѣла на подпись, ее не было совсѣмъ; я начала читать слѣдующее:

«Дорогой мой! мнѣ такъ отрадно, и вмѣстѣ такъ странно писать къ тебѣ. Но, Боже мой! какъ тяжело мнѣ выговорить, что это *первое* письмо мое должно быть и *последнимъ*, по крайней мѣрѣ, на долгое время. Не сердись на меня, я *все* рассказала отцу; ты знаешь, какъ я его люблю, и какъ мнѣ тяжело имѣть отъ него тайну. *Сначала* онъ очень на меня сердился, не хотѣлъ даже выслушать меня; сказалъ, что все это вздоръ; что мы съ тобою оба поступили безсовѣстно; долго я его уговаривала; наконецъ, я вырвала отъ него согласіе, но съ условіемъ, что бы все дѣло отложить на годъ, и что бы до тѣхъ поръ я никогда не видалась съ тобою и не переписывалась. Конечно, я начала умолять его перемѣнить такое строгое рѣшеніе, но все было напрасно! Вотъ горькое положеніе! Я невольно начинаю плакать, вспоминая, что долго тебя не увижу, и даже ничего не услышу о тебѣ. Дѣлать нечего, годъ когда нибудь да пройдетъ, и тогда подумай, какъ мы будемъ счастливы. Прощай, голубчикъ мой, Господь съ тобою.

Вовѣки твоя.»

Р. S. «Заклинаю и умоляю тебя, не отвѣчай на это письмо. Твое молчаніе будетъ доказательствомъ твоей любви. Иначе письмо твое непременно попадетъ въ руки отцу, и намъ будетъ плохо. Прощай, прощай, мой ненаглядный!»

— Я никогда не писала этого письма! сказала я, по возможности спокойнымъ голосомъ, хотя рукою схватилась за спинку

стула, что бы не упасть. Никогда! Письмо подложное. Писала его Долли!

— Что...о? произнесъ Дигъ, и голосъ его замеръ; онъ качался, какъ пьяный. Вы никогда этого не писали?

— Никогда! повторила я твердо. Много писемъ отправила я къ вамъ, но всѣ они дышали любовью, въ каждомъ изъ нихъ я спрашивала: зачѣмъ вы молчите и не исполняете даннаго слова.

— Я ни одного письма, кромѣ этого, не получала, отвѣчала Дигъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно; губы его тряслись и посинѣли.

Мы глядѣли другъ на друга молча; насъ ошеломилъ этотъ ударъ.

— Что побудило ее это сдѣлать? спросилъ онъ.

— Я понимаю! Я все теперь понимаю! застонала я, ломая себѣ руки. Она рѣшила, что я должна выйти за него замужъ (выговорить имя мужа мнѣ было *противно*), и я вышла; я попала въ западню, которую она мнѣ приготовила. Боже мой! Боже мой! Я не вынесу этого!

Кинувшись на оттоманку, я зарыла голову въ подушки, и рыдала, какъ безумная.

— Чертовка! произнесъ Дигъ, скрежеща своими бѣлыми зубами. Попадись она мнѣ теперь подъ руку, я ее разорвалъ бы на куски; даромъ, что она женщина. Клянусь, не задумался бы.

— Если мои проклятія, сказала я, приподнимаясь съ бѣшенствомъ, могутъ подѣйствовать на нее, такъ пусть же она знаетъ, что я, въ эту минуту, проклиная ее всѣми силами моей души. Я бросилась на полъ, и залилась слезами. Я плакала до того, что глаза мои почти исчезли подъ распухнувшими вѣками. Дигъ, между тѣмъ, стоялъ, облогодившись локтемъ на каменную полку камина, и смотрѣлъ на меня грустными, страстными глазами; онъ ни однимъ словомъ меня не утѣшилъ; ему самому, бѣдному, было не легко. Притомъ, я вѣдь уже принадлежала другому; у меня былъ свой утѣшитель, сэръ Гуго, а не онъ.

— Итакъ, это все была ошибка, злая ошибка, сказалъ онъ просебя, разбитымъ голосомъ. Золотые часы, чивая, какъ будто твердили вслѣдъ за нимъ: *ошибка! все ошибка!* Я, наконецъ, встала, и, какъ бы забывъ о существованіи сэра Гуго, сѣла на диванъ. Буря на дворѣ шумѣла попрежнему; дождь такъ

и билъ въ стекла, но буря въ груди нашей была страшнѣе этой.

— Нѣтъ, больше мнѣ не выдержать! сказалъ Дикъ, сжавъ руку въ кулакъ, и ударивъ ею, какъ молотомъ, по мраморной доскѣ вамина. Я долженъ уйти, а не то я съума сойду. Нелли! Я завтра уѣзжаю въ Индію; скажи мнѣ хотя одно ласковое слово на прощаніе. О Нелли! Нелли! вѣдь ты моя была, моя, а не его, чортъ бы его взялъ.

Взглянувъ на его блѣдное, прекрасное, страдальческое лице я все забыла: добродѣтель, честь, самолюбіе, все замолкло передъ голосомъ сердца. — Не уѣзжай, Дикъ! крикнула я, кинувшись къ нему. Развѣ ты не знаешь, что я люблю тебя; останься, ради меня; я безъ тебя жить не могу! Я схватила обѣими руками его руку, и прижалась къ нему головою.

— А мнѣ развѣ легко жить въ Англіи, зная, что ты принадлежишь другому? рѣзко спросилъ онъ. Вѣдь жизнь для меня вообще теперь не жизнь, но адъ, а жить въ Англіи было бы невыносимымъ мученіемъ. Нѣтъ, пусти меня! сказалъ онъ, злобно отталкивая мою руку; все лице его было точно въ конвульсіяхъ.

— Если ты уѣдешь, крикнула я, выдаясь ему на шею, я также уѣду! Ради самаго Создателя, возьми меня съ собою!

Онъ прижалъ меня къ разбитому своему сердцу, и мы безумно, страстно начали цѣловать другъ друга. Намъ никто не мѣшалъ. Дикъ отомкнулся первый, и хотѣлъ отвести меня рукою.

— Душа моя! Ты сама не знаешь что говоришь. Неужели ты думаешь, что я рѣшусь когда нибудь погубить любимую женщину? Въ голосъ его звучала жалобная нота.

— Я не слушала его, но, прижавшись къ нему съ отчаяніемъ, боялась одного, что бы насъ не разлучили.

— Не покидай меня! Вѣдь ты для меня *все* на землѣ. Возьми меня съ собою! твердила я.

Волосы рассыпались огненнымъ дождемъ по моимъ плечамъ; я не разнимала рукъ отъ его шеи. Дикъ стиснулъ зубы, и дышалъ съ трудомъ.

— Не возьму! сказалъ онъ хрипло. Бога ради, не искушай меня! Я скорѣе зарѣжу тебя, а не возьму съ собою. Развѣ позорить, клеймить женщину безчестіемъ, значить любить ее? Нелли! Нелли! Вѣдь ты должна бы быть моимъ ангеломъ хранителемъ. Не погуби своей души, и моей также!

Упрекъ, слышавшійся въ его голосъ, рѣзнулъ меня, какъ ножомъ. Я ни слова не отвѣтила. Молча онустилась я на его руки, и припадою моего безумія прошелъ въ одну минуту.

— Да, я преступница, Дикъ! прошептала я. Не возненавидь меня за это.

— Возненавидѣть тебя, красавица моя! Посмотрѣла бы ты теперь въ мое сердце, ты поняла бы, каково ему безъ тебя.

Крупныя слезы катились изъ его большихъ, свѣрыхъ глазъ, но онъ не покраснѣлъ бы отъ этихъ слезъ.

— Ну, теперь ступай! сказала я шепотомъ. Я успокоилась. Богъ съ тобою, голубчикъ мой!

— Малютка ты моя! Бѣлый ты мой цвѣточикъ! крикнулъ Дикъ, страстно цѣлуя меня и прижимая къ своей груди. Облако пронеслось мимо моихъ глазъ, и я упала безъ чувствъ.

Когда я опомнилась, я лежала на диванѣ; свѣчи почти догорѣли; огонь въ каминѣ потухъ. Дика уже не было въ комнатѣ; я осталась одна, одна навѣки!

ГЛАВА XXXV.

Гуго съ мамашею вернулись на другой день. Сильный вѣтеръ поднималъ сухія, красныя листья вѣзовъ, и влубомъ вертѣлъ ихъ по дорогѣ; обнаженныя деревья скрипѣли и гнулись. Часа въ четыре послѣ полудня, я молча стояла у окна своего будуара, и смотрѣла, какъ фамильная карета, запряженная гнѣдыми лошадьми, величественно катилась по аллеѣ парка.

Гуго въ коричневомъ тепломъ сюртукѣ правилъ, сидя на козлахъ; родительница его, вытянувшись, какъ аршинъ, сидѣла съ своею камеристкою внутри кареты; лакей и грумъ помѣстились сзади. «Ну, всѣ ѣдутъ! Здравствуйте! здравствуйте!» Что если бы всѣ знали, какъ я провела послѣднюю ночь! Царь Давидъ, распростертый на землѣ и уколающій Небеснаго Царя не отнимать у него маленькаго сына, не могъ молиться съ большимъ жаромъ, чѣмъ я вчера, когда, разбитая горемъ, лежа на полу и рыдая, я просила Господа, не о помилованіи меня, а объ отнятій у меня жизни. Въ это самое время, мой безцѣнный Дикъ, съ отчаяні-

емъ въ душѣ, пробирался, какъ воръ, въ бурную дождливую ночь, между деревьямъ нашего парка.

Съ Долли я уже знаю, какъ раздѣлаться. Что она носѣяла, то и пожнетъ. Я пойду къ Гуго сама, и все расскажу ему. Я признаюсь, что я поступала нечестно въ отношеніи къ нему, а ничего не скрою, передамъ ему съ малѣйшими подробностями о моемъ свиданіи съ Дикомъ; о томъ, какъ безумно я умоляла его увезти меня, и какъ я была счастлива убѣжденіемъ, что онъ любитъ меня страстно. Приэтомъ, я конечно не забуду упомянуть о способности милой моей сестрицы поддѣлываться подъ чужую руку: вещь, за которую, лѣтъ сто назадъ, ея прелестная голова висѣла бы непременно въ петлѣ. Я все расскажу мужу, и дамъ ему слово, что, съ этого дня, я отреклась отъ своего прощлага, и останусь вѣрною, честною женою его.

Гуго, конечно, вытолкаетъ меня въ шею. И подѣломъ! я это го должна ожидать. Воображаю, какъ его старуха мать будетъ сторониться, при встрѣчѣ съ мною, какъ она станетъ стараться, что бы ея атласное платье какъ нибудь не коснулось платья грѣшницы, въ которую однако Спаситель не бросилъ бы камня!.. Меня выгонять изъ дома; я посыплю голову пепломъ, облечусь во вретнице, и пойду собирать милостыню подъ окнами. Меня даже радовала такая перспектива; по крайней мѣрѣ я искуплю свой грѣхъ. Въ то время я готова была съ радостію перенести всякое страданіе, позоръ, пытку, что бы только доказать Долли, что ея адскія ухищренія ни къ чему не повели.

— Не рассказать ли сегодня все Гуго? или уже лучше завтра? говорила я просебя, барабани пальцами по стеклу, и глядя, какъ моя карета, за которую заплачено было страшно дорого, придвигалась къ моему дому. Гуго почтительно высадилъ мать (*мой мальчикъ*—примѣрный сынъ), и бросился ко мнѣ наверхъ, пересказывая черезъ три ступени заравъ.

— Ну, моя старушка, какъ поживаетъ? кричалъ онъ весело. Зачѣмъ ты внизъ, не сошла, что бы насъ встрѣтить? Я все время глазѣлъ по окнамъ.

— Отчего? Право, не знаю!.. отвѣчала я, страшно смутившись. Мнѣ это въ голову не пришло.

— Какъ я радъ, что наконецъ дома! воскликнулъ онъ, сбрасывая свои замшевыя перчатки, и кидаясь въ хрупкое камышевое кресло (я замѣтила, что всѣ полные мужчины стараются всегда усѣсться на самую хрупкую мебель); желаю всякаго благо-

получія моимъ добрымъ сосѣдамъ, но чѣмъ рѣже они будутъ посѣщать меня, тѣмъ лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала я, стараясь улыбаться.

— Право такъ! Пусть меня теперь попробуетъ ктонибудь пригласить къ себѣ, я непременно отвѣчу: извините, я женатъ, и быть не могу. А, Нелли? Что ты на это скажешь? (Я прогналъ жену со двора, и потому быть не могу, будетъ еще лучшимъ предлогомъ, подумала я съ горечью). А ты теперь сбѣгай внивь, да полюбозничай съ моею старушкою. Это будетъ очень встати; ты знаешь, какъ старые люди любятъ вниманіе.

— Ахъ, да, конечно, а я и забыла объ ней, воскликнула я, поворачиваясь къ двери, что бы идти поздороваться съ маменькою. Гуго пошелъ вслѣдъ за мною.

Старушку мы нашли въ библіотекѣ. Она еще не разоблачилась изъ своей тоги, и читала письма.

— Надѣюсь, что вы довольны своимъ визитомъ, робко произнесла я.

— Прелестъ, душа моя, прелестъ, какъ было хорошо! Она на минуту положила письмо на колѣни, поцѣловала меня въ щеку, и, какъ водится, уколола своими усами. (Препротивно жить въ домѣ, гдѣ всѣ родственники усаты!) Они отлично устраиваютъ свой кругъ знакомыхъ; никакого смѣшенія нѣтъ; тамъ уже никогда не рискуешь встрѣтить разбогатѣвшихъ выскочекъ, которые волею или неволею навязываются вамъ на шею; видѣлась съ любезнымъ епископомъ, съ лордомъ и леди Брендригъ; встати, эта леди очень объ васъ разспрашивала, жалѣла, что до сихъ поръ ей не удалось ближе съ вами познакомиться. Мы непременно должны ей отдать визитъ на будущей недѣлѣ.

— Извольте, если вамъ угодно. (Да, а я на будущей недѣлѣ буду уже во вретницѣ и съ сумою).

Прошелъ день, другой, третій, а я мужу все еще ничего не сказала. Не случилось ли этого и съ тобою, читатель? Какъ только тебѣ нужно передать комунибудь изъ близкихъ вещь, очень неприятную для васъ обоихъ, ты все стараешься откладывать свой разговоръ изъ дня въ день, утѣшая себя надеждою, что чѣмъ позднѣе онъ начнется, тѣмъ легче будетъ вести его. Мой милый продолжалъ жить по старому, дѣля свое время между Богомъ и людьми. Онъ ходилъ въ церковь, читалъ святныя книги по воскресеньямъ, а по буднямъ охотился, занимался дренажемъ и земледѣіемъ. На маленькія распри въ своемъ сера-

лѣ (гдѣ же ихъ не бываетъ, собенно, если молодая и старая женщины вмѣшиваются обѣ въ хозяйство?), онъ смотрѣлъ съ невозмутимымъ величіемъ Зевса. Если у меня были глаза красны, онъ приписывалъ это вѣтру или слабому воспаленію. Если я молчала, онъ былъ убѣжденъ, что я просто говорить не расположена, или не могу судить о предметахъ, исключительно его интересовавшихъ.

У Гуго были свои любимые коньки, на которыхъ онъ въ свободное отъ занятій время любилъ выѣзжать, и, выѣзжая, ораторствовалъ беспощадно. Въ настоящую минуту главнымъ конькомъ сдѣлалась проектированная линія желѣзной дороги, которая должна была пересѣчь его владѣнія, въ полторы мили отъ Вэнтворта, и идти черезъ одну изъ его фермъ. Большаго убытка онъ отъ этого конечно не понесъ бы, но, послушавъ его, можно было подумать, что эта линія совершенно раззоритъ лорда Ланкастера.

— Плохія времена настали! говорилъ онъ голосомъ оскорбленнаго человѣка, сидя за столомъ послѣ вкуснаго обѣда, и разбивая грецкіе орѣхи. Мы не имѣемъ права назвать своею собственностію ни одну десятину земли! Какъ разъ явится какой нибудь каналья прожекторъ, и начнетъ проводить свои дурацкія линіи тамъ, гдѣ его никто не проситъ.

— Пренепріятно! откликнулась старая леди, трясая своею головою, украшенною кажимъ то тюрбаномъ изъ чернаго бархата съ стальнымъ бисеромъ (любимая куафюра англійскихъ матронъ), это, я думаю, все виноваты гадкіе радикалы. Богъ знаетъ, до чего мы дойдемъ! Они кончатъ тѣмъ, что предложатъ власть рельсы въ нашихъ гостинныхъ.

— А чего это стоитъ! продолжалъ Гуго, сжимая орѣхъ щипцами съ такою злобою, какъ будто это была голова одного изъ директоровъ компаніи желѣзныхъ дорогъ; вѣдь это деньги, брошенные на вѣтеръ. И какой глупый народъ! проектъ утвердятъ, начнутъ копать землю, воображая, что это такъ легко, а попробуй ва! сунься они сюда! такъ увидятъ, какой у насъ грунтъ, и кончится тѣмъ, что они шести пенсаовъ на фунтъ не выручатъ.

— Неужели, мой другъ? спросила я, вздрогнувъ отъ его взгляда, и думая, что послѣднее замѣчаніе относится лично ко мнѣ. А дѣло было въ томъ, что Гуго, переколовъ всѣ орѣхи и не

и гвѣ больше занятія, посмотрѣлъ на меня безсознательно, какъ онъ часто это дѣлалъ.

— Помните, маменька, сказалъ онъ, прихлебывая свой кла- ретъ, и переводя есой взглядъ на мать; помните, какъ, лѣтъ пять тому назадъ, они начали толковать объ этой линіи. Тогда это имѣло смыслъ: мильтонская и тедластерская вѣтви не были проведены, но теперь я рѣшительно не вижу пользы отъ лиш- ней линіи.

Онъ замолчалъ, думая, что мы не вполне понимаемъ, въ чемъ дѣло.

— Эти гаднія компаніи! онѣ заберутъ все въ свои руки, увѣ- ряю тебя. Это просто невыносимо! Въ нынѣшнія времена дви- нуться безъ компаніи нельзя. Скоро, право, устроятся молитвен- ныя и спальныя компаніи на акціяхъ!

И наша почтенная родительница умолкла, поправляя свой токъ, отъ волненія съѣхавшій на лѣвое ухо.

— Лордъ NN произнесъ вчера въ парламентѣ великолѣпную рѣчь противъ проклятыхъ компаній желѣзныхъ дорогъ. Онъ по- ложительно ихъ всѣхъ уничтожилъ, разобравъ по ниточкѣ всѣхъ директоровъ. Мнѣ дѣла нѣтъ до того, что другіе скажутъ, про- должать сэръ Гуго, оглядывая свой гаремъ съ рѣшительнымъ видомъ, но, по моему мнѣнію, онъ, какъ ораторъ, краснорѣчивѣе ихъ *всѣхъ*, положительно *всѣхъ*, сколько ихъ тамъ ни есть!..

— О! о! произнесла съ благоговѣніемъ леди Ланкастеръ мать. Не прочитаешь ли ты намъ эту рѣчь, милый Гуго? по крайней мѣрѣ ту часть, которая намъ доступна. Мы съ удовольствіемъ ее прослушали бы. Не правда ли, Нелли?

Я вздрогнула и покраснѣла. Въ послѣднее время я все вздра- гивала и краснѣла. — Конечно, другъ мой, прочитай, пожалуй- ста! Я очень буду рада, произнесла я въ сильномъ волненіи.

Мы переселились въ большую гостиную; грумъ Томкинсъ при- несъ «Гэймъ», и Гуго началъ читать дѣлме два съ половиною столбца разсужденій, статистическихъ вычисленій и предположе- ній, украшенныхъ остроуміемъ лорда NN. Маманъ между тѣмъ воо- оруживъ свой длинный носъ очками, вытащила мѣшокъ съ рабо- тою для бѣдныхъ, и начала шить какія то рубашки и фуфайки, безпрестанно допрашивая милого чтеца, не усталъ ли онъ, не охрипъ ли, не нужно ли ему принести лепешечекъ изъ черной смородины.

Я также работала, стараясь обращать вниманіе на шитье и

чтеніе, а не мечтать о далекой странѣ, куда вѣхалъ теперь милый путешественникъ. Что мнѣ стоило смѣяться и выражать свои чувства встати! Я до смерти боялась, что бы старуха не подмѣтила, что я смѣюсь тамъ, гдѣ ничего смѣшнаго не было; а удивляюсь тому, чему вовсе не стоило удивляться. Слава Богу, все обошлось благополучно. Въ эту ночь я совсѣмъ не могла заснуть; у самыхъ оконъ моей спальни росла огромная шотландская ель; вѣтеръ чуть ее не сломалъ, до того буря была сильна; я глазъ не могла сомкнуть, при мысли, каково теперь на морѣ. Рамы оконъ дрожали, и мнѣ казалось, что каменные стѣны нашего дома тряслись.

— Что за страшная буря! замѣтила моя свекровь, когда мы поднимались по лѣстницѣ, обитой мягкимъ, толстымъ ковромъ, въ наши спальни. Какъ мы должны быть благодарны судьбѣ, моя милая, что у насъ нѣтъ никого изъ близкихъ на морѣ!

О, да! конечно, какъ не благодарить судьбу! Вамъ то, разумеется, дѣла нѣтъ, что «*Эвриалъ*» вышелъ ихъ Корка въ Индію, четыре дня тому назадъ, съ драгунскимъ полкомъ, а каково мнѣ? Сохрани Господи это злосчастное судно! Сохрани Онъ, по крайней мѣрѣ, хотя одного изъ пассажировъ, ѣдущихъ на немъ, моего милаго, съ блѣднымъ лицомъ, въ мокромъ морскомъ плащѣ, какимъ онъ представляется мнѣ день и ночь въ моихъ мечтахъ.

Время отъ времени, вѣтеръ какъ будто утихалъ; затѣмъ онъ съ новою яростію принимался бушевать; подъ окномъ моимъ слышались то стоны, то крики, то завываніе. Боже мой, твердила я мысленно, онъ утонетъ, непременно, утонетъ! Онъ, можетъ быть, утонулъ даже! Крабы, водяныя чудовища, впились въ его тѣло, сосутъ сердце, такъ недавно бывшее на моей груди!

Къ утру вѣтеръ стихъ, и я заснула тревожнымъ сномъ; мнѣ грезилось кладбище, покойный отецъ, могилы, утопленники. Я проспала долѣе обыкновеннаго; вѣки мои распухли, подъ глазами почернѣло. Я вышла въ завтраку очень поздно. (Въ Вэн-твортѣ это считалось преступленіемъ).

— Надѣюсь, вы меня не ждали, матушка? Извините, прошу васъ, сказала я довольно робко, входя въ столовую.

— Я думаю, моя милая, что вамъ не трудно было бы постараться посидѣть въ утреннихъ молитвахъ; сухо замѣтила леди Ланкастеръ. Это нехорошій примѣръ для слугъ, если хозяйки

дома нѣтъ на лице; притомъ, быть одѣтою въ девять часовъ утра вовсе не такъ затруднительно; по крайней мѣрѣ въ наше время мы позже не выходили.

— Ну, полноте, матушка! зачѣмъ ее такъ журить? сказалъ Гуго ласково, взявъ меня за руку. Вѣдь она у насъ слабенькая, не то что мы. Бѣдная моя старушка всю ночь напролетъ не спала! Посмотрите, вѣдь она и теперь дремлетъ еще. Что бы какъ нибудь развлечься, я принялась разсматривать небольшую пачку писемъ, лежавшую около моей тарелки. Моя переписка вообще была не мастерская. Первое письмо, попавшееся мнѣ подъ руку, было окоймлено широкимъ, чернымъ бордюромъ. Посмотрѣвъ на почеркъ, я вздрогнула, вскрыла конвертъ, и начала читать:

«Милая Нелли! писала сестра, такъ какъ ты и дорогой Гуго, котораго я не знаю, какъ благодарить, любезно предложили мнѣ у васъ погостить, то я спѣшу увѣдомить васъ, что я думаю прѣхать къ вамъ въ началѣ будущей недѣли. Надѣюсь, что мое присутствіе не будетъ неприятно многоуважаемой леди Ланкастеръ, тѣмъ болѣе, что я постараюсь употребить всѣ усилія, что бы никому изъ васъ не помѣшать.

Любящая сестра

Доротея Летранжъ.»

Итакъ страшный часъ наступилъ! пора приложить фитиль къ пороховой минѣ, которая взорветъ репутацію имени Летранжей и честь, равно какъ и спокойствіе, дома Ланкастеровъ. Вскорѣ послѣ завтрака, я пошла, и робко постучалась въ уединенную рабочую комнату Гуго, гдѣ онъ съ своимъ приеащикомъ занимался дѣлами вѣнвортскаго помѣстія.

— Гуго! можно мнѣ войти? спросила я.

— *Войди!* конечно можно.

Я вошла.

— Съ чего ты это выдумала стучаться, Нелли? Развѣ ты забыла тотъ достопамятный день, когда я сдѣлалъ тебя полною обладательницею всего моего состоянія? Мой рабочій кабинетъ не былъ исключенъ изъ границы твоихъ владѣній, какъ мнѣ кажется...

— Мнѣ нужно переговорить съ вами, сказала я, подходя къ столу, и не поднимая глазъ съ ковра.

— И прекрасно! Валяй съ плеча! Подойти только поближе къ огню, и не стой передъ мною съ видомъ преступницы.

— Я получила извѣстіе отъ Долли.

— Что у тебя... тицунъ на языкѣ, что ли, Нелли, что ты не ясно выражаешься? Сестра вѣрно ѣдетъ къ намъ, ты хочешь сказать?

— Да, она хочетъ быть у насъ на будущей недѣлѣ.

— Бѣдная Долли! очень радъ ее видѣть; ты вѣрно пришла потолковать съ мною касательно ея комнаты, уже ты это лучше сама устрой съ моею старухой. Она, пожалуй, разгнѣвается еще, если мы ее не пригласимъ на совѣтъ.

Я готовилась къ рѣшительному объясненію, какъ человѣкъ, собирающійся прыгнуть съ головою въ воду съ льдомъ.

— Гуго! (я начала вертѣть между пальцами ожерелье изъ черныхъ бусъ, висѣвшее на моей шеѣ). Гуго! позволь мнѣ написать, что бы она не пріѣзжала! проговорила я наконецъ

Гуго широко раскрылъ свои маленькіе глаза.

— Написать ей, что бы она не пріѣзжала? Предложить ей свой домъ и потомъ вытолкать? Оставить ее, такую хорошенькую, безъ крова и угла? Нѣтъ, Нелли, ты вѣрно шутишь!

— Я шучу? вскрикнула я съ жаромъ, если бы ты *все* зналъ, ты не говорилъ бы, что можно шутить въ эту минуту. Я *задохнусь* въ одномъ домѣ съ нею.

Гуго всталъ, и усадилъ меня рядомъ съ собою на диванѣ. — Вѣрно нынѣ ночью вѣтромъ сорвало крышу надъ твоєю комнатою, Нелли! Ха! ха! ха! Задохнется въ одномъ домѣ съ сестрою! И въ такомъ огромномъ домѣ! Много же тебѣ нужно воздуха! Ты, вѣрно, сказала это, не подумавши, такъ, съ вѣтру, не правда ли?

— Мнѣ теперь нельзя говорить необдуманно! серіозно возразила я. Гуго! мнѣ нужно переговорить съ тобою (блѣдныя щеки мои вспыхнули); мнѣ нужно сказать... Боже мой! какъ тяжело выговорить!...

— Вѣрно что нибудь на счетъ Долли? она, вѣроятно, провинилась, и сдѣлала какой нибудь промахъ, такъ что ли? спросилъ мужъ. Ну, другъ мой, мнѣ и дѣла до этого нѣтъ. Что бы она ни сдѣлала, это до меня не касается, а тебѣ не стоитъ плакать о пустякахъ.

— Вѣдь я не о сестрѣ только хочу поговорить съ тобою, а главное о себѣ, прервала я его въ волненіи.

Гуго нѣжно обнялъ меня, и смѣющимися глазами заглядывалъ мнѣ въ лице. — А — а! вы вѣрно совершили какое нибудь важ-

ное преступленіе, сказалъ онъ ласково, «аминь» произнесли слишкомъ тихо въ церкви, или толкнули горничную, когда она задѣла васъ гребнемъ за волосы?

Его довѣрчивость рѣзала меня ножемъ.

— Бога ради! не смѣйтесь! произнесла я жалобно. Если бы вы все узнали, у васъ духу не хватило бы смѣяться.

Мужъ мой ненавидѣлъ сцены; онъ струсилъ, воображая, что начинается одна изъ нихъ.

— У меня тоже есть коечто передать тебѣ, сказалъ онъ весело, вставая и подходя къ письменному столу, а какъ моя новость повидимому пріятнѣе твоей, то я выскажусь первый. Послѣ этого ты, пожалуй, не рѣшишься уже пускаться въ откровенности.

Я осталась на диванѣ, ломая себѣ руки и мысленно прося Бога, что бы Онъ помогъ мнѣ покончить скорѣе дѣло, признаться мужу чистосердечно во всемъ, и затѣмъ покориться его волѣ. Черезъ минуту, Гуго вернулся съ небольшимъ футляромъ изъ красной кожи въ рукахъ, и сѣлъ рядомъ съ мною.

— Помнишь, Нелли, сказалъ онъ, стараясь придать своему смѣющемуся лицу прилично серіозное выраженіе, по его мнѣнію, подходящее къ разговору,—помнишь, ты какъ то говорила мнѣ, что у тебя только одна фотографическая карточка покойнаго твоего отца?

— Да, отвѣчала я со слезами, не говорите объ немъ, прошу васъ! (Со смерти отца, съ мною никто объ немъ не говорилъ. Я не могла этого переносить.)

— Ну, не стану, не стану! сказалъ Гуго, извиняясь, мнѣ только хотѣлось тебѣ напомнить. А вотъ возьми это, посмотри, я для тебя заказалъ.

Онъ отперъ футляръ, и вынулъ оттуда большой золотый медаліонъ, съ монограммою имени отца, сдѣланною изъ брилліантовъ. Повозившись немного, онъ вскрылъ тонкую пружинку своими толстыми, неуклюжими пальцами, и отперъ медаліонъ. Я неохотно взглянула на него, но затѣмъ мгновенно слезы брызнули у меня изъ глазъ. Вотъ они, эти нѣжные, голубые глаза, эта ласковая улыбка,—которые скрылись отъ меня въ глубокой могилѣ. Это мой дорогой старичекъ отецъ, точно живой; такъ хорошо переданы были живописцемъ его черты и выраженіе лица. Отецъ былъ представленъ такимъ, какимъ онъ былъ въ цвѣтущее время своей молодости.

Я кинулась на шею Гуго; въ первый разъ въ жизни цѣловала я такъ искренно мужа. Бѣдный Гуго! онъ никакъ не ожидалъ, что бы радость могла произвести на меня такое сильное впечатлѣніе. Я залилась слезами. Онъ совершенно растерялся, и я видѣла, что у него ротъ складывается такъ, какъ будто онъ собирается свиснуть.

— Вотъ уже никакъ не ожидалъ, что я тебя такъ разстрою, Нелли, сказалъ онъ наконецъ.

— Стою ли я, что бы ты былъ такъ добръ ко мнѣ? вскричала я, не помня себя отъ волненія. А я то, я то! Какъ я не стѣмѣла до сихъ поръ оцѣнить тебя?

Гуго ласково погладилъ меня по головѣ.

— Ахъ, ты, моя старушка! прервалъ онъ меня, зачѣмъ вспоминать прошлое? Зачѣмъ растравлять старыя раны? Ну, что за бѣда, если ты даже ненавидѣла меня прежде, а теперь полюбила немного.

Мы оба замолчали. Гуго насвистывалъ какую то пѣсенку, а у меня мысли бѣжали одна за другою. Слова мужа: «зачѣмъ поминать прошлое?» такъ и звучали у меня въ ухахъ. Уже не такъ ли въ самомъ дѣлѣ? не лучше ли предоставить «мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ?» Развѣ я не довольно оскорбила Гуго тѣмъ, что воспользовалась его любовію, ласками, не давъ, въ замѣнъ, ничего, кромѣ слезъ и поблекшей красоты? Къ чему мнѣ еще терзать его честное сердце разсказами, какъ жена была ему невѣрна — не дѣломъ, конечно, но чувствомъ и помпленіемъ? Искушеніе миновало; прошлое не повторится. Зачѣмъ раскрывать передъ людьми тайну, которая должна навѣки остаться между Богомъ и мною? Однако, если я не передамъ мужу ничего, буду ли я, послѣ того, имѣть право мстить себѣ? Одно простекаеть изъ другаго...

— Знаешь что, Нелли? заговорилъ вдругъ Гуго, гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ обыкновенно говорилъ; главное несчастіе въ супружеской жизни простекаеть часто отъ того, что мужъ и жена ожидаютъ другъ отъ друга гораздо больше любви, чѣмъ они могутъ оба дать. Будемъ стараться обойти этотъ подводный камень. Я, съ своей стороны, ничего не желаю, какъ того, что бы ты современемъ, хотя на крошечку, считала себя счастливѣе, чѣмъ теперь, что бы ты съ удовольствіемъ встрѣчалась со мною. Сбудется это, я поблагодарю судьбу; если же нѣтъ, да-

*

вай жить и такъ. Что бы ни случилось, а я всетаки искренно благодарю провидѣніе зато, что ты моя жена.

— Провидѣніе наградило тебя очень жалкою долею! сказала я грустно.

— Хвастать нечѣмъ, это правда, шутливо отвѣчалъ мужъ, взявъ меня за ухо, но ты видишь: я и малымъ доволенъ. Однако мнѣ пора изъ дома. Нельзя же цѣлое утро баклуши бить около жениной юбки. Ступай ты лучше внизъ, да переговори съ маменькою насчетъ комнаты для Долли, и затѣмъ напиши, что мы ее ждемъ съ радостію въ любой день. А мнѣ, сударыня, прошу не поминать болѣе никогда ни объ ненависти, ни о коварствѣ, ни о какихъ злобныхъ ухищреніяхъ.

— Но вѣдь я ненавижу ее! У меня есть причины къ этой ненависти! Гуго! Гуго! кричала я внѣ себя, но мужъ ловко ретировался, боясь вступить въ новое преніе съ мною.

ГЛАВА XXXVI.

«Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь», твердила я безпрестанно просебя, сидя утромъ, глазъ на глазъ, съ свекровью, и почтительно выслушивая ея длинныя разсужденія о тамбурныхъ иголкахъ леди Брендретъ и о мохнатой шерсти, за которою она послала въ Глазго.—Въ всей Англіи, моя милая, такой шерсти не найдешь; я сама обошла всѣ лавки въ Реджентъ-Стритѣ, и не нашла, говорила старуха. Признаться ли тебѣ, читатель, что, послѣ всѣхъ моихъ тревоженій, намѣреній поступить такъ то и такъ то, послѣ клятвъ даже, я начала приходить къ убѣжденію, что месть и кара должны быть предоставлены одному Богу. Братъ на себя роль судьи мнѣ не приходилось. Ненависть моя къ сестрѣ остыла. Меня мучило, главное, то, что, изъ за меня, будетъ опозорена она, старшая представительница нашего рода, и что по личности родной сестры она останется безъ куска хлѣба и безъ угла. Развѣ не я сама причиною всей этой исторіи? Развѣ я менѣе преступна, чѣмъ сестра? За это то я и понесу заслуженное наказаніе, потому что для меня на-

стоящая пытка видѣть Долли въ своемъ домѣ, слышать ея медовый голось, смотрѣть на ея соблазнительную красоту, какъ бы торжествующую надъ моимъ тайнымъ горемъ! Это не только пытка, а медленная казнь! Ну, что же такое? Всякой казни мало для искупленія страшнаго преступленія женщины, которая унизилась до того, что начала умолять посторонняго человѣка увезти ее отъ мужа, женщины, которая обязана спасеніемъ своимъ только благородству и самоотверженію Мекъ-Грегора.

— У вашей сестры, Доротеи, былъ прекрасный тамбурный узоръ для вязанія, когда она въ послѣдній разъ гостила здѣсь, моя милая, говорила моя свекровь, и она, какъ кажется, мастерица работать, не то, что вы, Нелли? Кстати: охотничій сезонъ скоро придетъ къ концу, а у меня фуфайка Гуго далеко не готова. Надѣюсь, что ваша сестра поможетъ мнѣ ее доковчить на будущей недѣлѣ. Пишетъ она, въ какой именно день думаетъ пріѣхать?

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— А вы сами спрашивали ли ее объ этомъ? Если нѣтъ, то совѣтую вамъ, моя милая, сейчасъ же сѣсть и написать къ ней.

— Успѣю, лѣниво возразила я, до почты еще долго.

— Откладывать дѣла никогда не слѣдуетъ, увѣряю васъ, моя милая; такъ, по крайней мѣрѣ, меня матушка учила въ молодости; да и къ тому же вы мнѣ сегодня нужны. Мы поѣдемъ вмѣстѣ дѣлать визиты. Вы, право, ведете слишкомъ сидячую жизнь, Нелли! По временамъ кажется, будто вы въ летаргическомъ снѣ.

Я поневолѣ должна была уйдти писать, и отправила самое холодное письмо къ сестрѣ, увѣдомляя ее, что мой мужъ просилъ ей передать, что она можетъ пріѣхать, когда ей угодно, и что ей будутъ всегда рады. Я подписалась такъ: «преданная тебѣ Элеонора Ланкастеръ».

Насталъ день пріѣзда Долли; за нею выслали карету на станцію желѣзной дороги. Гуго предложилъ мнѣ выѣхать самой навстрѣчу. Я положительно отказалась отъ этой чести: Леди Ланкастеръ мать отправилась писать письма къ себѣ въ комнату, и, усѣвшись за письменный столъ, чуть не водила носомъ по бумагѣ: такъ онъ былъ длиненъ у нея. Я же помѣстилась въ покойномъ креслѣ въ своемъ будуарѣ, и развернула англійскій романъ. Книга сильно меня интересовала: въ ней шло дѣло о

женщинѣ, убѣжавшей отъ мужа и претерпѣвшей всевозможныя несчастія, въ слѣдствіе такого поступка. Въ послѣднее время, я сдѣлала большіе успѣхи по части нравственной философіи; но въ этотъ день мнѣ какъ то не вѣрилось, что и я могла бы подвергнуться горькой участи героини романа, если бы Дикъ согласился меня увести. Я дошла до того мѣста, гдѣ погибшая женщина умираетъ отъ голода и аневрисма въ исправительномъ домѣ: вдругъ послышался стукъ колесъ. Отложивъ окончаніе прощальной рѣчи умирающей грѣшницы до другаго времени, я вскочила съ кресла, подбѣжала къ окну, и украдкою посмотрѣла съвозъ гардины. Вижу: Долли граціозно выходитъ изъ кареты (сестра умѣетъ выходить и входитъ въ экипажъ съ граціею, которой позавидовала бы любая женщина въ Англіи); она вышла, и съ необыкновенною горячностію протянула Гуго свои ручки въ изящныхъ черныхъ перчаткахъ.

Долли въ глубокомъ траурѣ отъ головы до ногъ.

Блѣдный, милый папа умеръ, ясно выражаетъ ея дорогое кашемировое платье, почти сплошь покрытое чернымъ крепомъ. На ней даже черные шелковые чулки, какъ я успѣла замѣтить, когда она спускала ногу на подножку кареты.

— Нелли! Нелли! орать мой повелитель, но я молчала. Затѣмъ голоса мужа и сестры начали приближаться къ моей комнатѣ.

— Ея вѣрно нѣтъ здѣсь, говорилъ Гуго, иначе она отозвалась бы на мой голосъ: она всегда мнѣ откликается. Вѣроятно она вышла. Мужъ растворилъ двери будуара. Э! да она тутъ! сказалъ онъ весело. Жена! это что значить? Ступай скорѣе, здоровайся съ сестрою!

Долли кинулась было впередъ, съ намѣреніемъ пасть въ мои объятія, но особенное выраженіе моего лица мгновенно затормозило ея порывъ.

— Здорова ли ты? спросила я колодно, не протягивая ей даже руки.

Гуго въ страшномъ смущеніи смотрѣлъ, то на меня, то на сестру; ему было очень неловко.

— Однако вамъ, какъ видно, нужно о многомъ переговорить между собою, сказалъ онъ весело, и я, кажется, здѣсь совсѣмъ лишній; такъ не уйдти ли лучше?

И Гуго исчезъ, затворивъ за собою дверь.

Нѣсколько минутъ мы стояли, молча, другъ противъ друга,

точно два пѣтуха, готовые подраться. Затѣмъ Долли опустилась въ кресло.

— Такъ какъ ты, повидимому, не намѣрена предложить мнѣ стула, произнесла она съ улыбкою, то я сама сяду. Неужели и ты потеряла привычку быть предупредительною, Нелли? Нынѣ говорить это въ модѣ!

— Можетъ быть.

— Я видѣла, какъ ты умѣешь встрѣчать своихъ гостей, нужно теперь посмотреть, какъ ты ихъ выпроваживаешь.

— Увидишь.

Нѣжное, матовое лице Долли покрылось густымъ румянцемъ.

— Боюсь тебя встревожить новостію, но я должна предупредить тебя, что пользоваться вашимъ гостепріимствомъ долго я не могу, сказала она.

— Гмъ! что же ты въ рай, что ли, собираешься? спросила я насмѣшливо. Ты слишкомъ добродѣтельна, что бы жить на землѣ.

— Не въ рай, а въ собственный домъ, съ гордостію отвѣтила Долли. Я выхожу замужъ за лорда Стокпорта.

Меня точно ударило чѣмъ то по головѣ. Гдѣ, гдѣ мой романъ съ его нравственною тенденціею? Гдѣ же тутъ кара за преступленіе? Передъ мною сидитъ молодая дѣвушка; она всю жизнь свою лгала, поддѣлывалась подъ чужую руку, разбила счастье родной сестры, и чѣмъ же она наказана? Тѣмъ, что за нее сватается лордъ, съ восьмидесятью тысячами фунтовъ ежегоднаго дохода. Да, невольно подумаешь, что справедливость существуетъ только въ романахъ, а не въ дѣйствительной жизни.

— За лорда Стокпорта? воскликнула я. Вотъ счастливецъ то! Великолѣпные, черные глаза Долли сверкнули.

— Тебѣ жаль его? не правда ли? Да, дѣйствительно, бѣдняжка! Его жена уже не принесетъ такого вѣрнаго, чистаго и любящаго сердца, какъ жена сэра Гуго Ланкастера. Гдѣ тутъ! Эти два супружества и сравнивать невозможно!

— Зато она принесетъ съ собою въ приданое пропасть совершенствъ, рѣзко возразила я, едва перевода духъ отъ волненія.

Миссъ Летранжъ взглянула на меня съ вопросительнымъ видомъ, какъ бы не понимая точнаго смысла моихъ словъ.

— Списокъ достоинствъ леди Стокпортъ длиннѣе, чѣмъ списокъ Дездемоны, горько продолжала я. Она такая мастерица работать, такая музыкантша, такъ хорошо поетъ, что медвѣди заслушаются ея голоса, такая умница, образованная, острая, находчивая, такъ *отлично умѣетъ поддѣлываться подь чужую руку!*

Долли незамѣтно вздрогнула, но сейчасъ же оправилась.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросила она спокойно. Если бы твои рѣчи печатались, то къ нимъ нужно было бы прикладывать комментаріи.

Хотя сестра и притворилась спокойною, но я видѣла, какъ она крѣпко ухватила за ручку кресла. Я подошла къ письменному столу, и вынула оттуда письмо.— Вотъ разгадка моихъ словъ, сказала я медленно, держа бумагу передъ ея глазами. Надѣюсь, что лордъ Стокпортъ еще больше оцѣнитъ свое счастье, когда узнаетъ, какая ловкая у него жена!

Сестра вся помертвѣла, взянувъ на письмо.

— Что же? увѣрена ты теперь, что сдѣлаешься леди Стокпортъ? тихо спросила я.

Мы обѣ молчали нѣсколько секундъ. Долли заговорила первая; голосъ ея былъ рѣзче обыкновеннаго.

— Какъ попало оно къ тебѣ въ руки? спросила она. Ты вѣрно видѣлась съ нимъ?

Ея маневръ былъ очень ловокъ. Она изъ оборонительнаго положенія прямо стала въ наступательное.

— Тебѣ дѣла нѣтъ, какъ я достала письмо: довольно того, что оно у меня въ рукахъ, сказала я.

— Конечно! конечно! Жаль только, что подробности этой интересной исторіи погибнуть для потомства.

— Не безпокойся, отъ лорда Стокпорта я ничего не скрою, съ усмѣшкою возразила я.

— А отъ Гуго? спросила Долли, лукаво улыбаясь.

— Я буду безпристрастна, холодно отвѣчала я; они оба все узнаютъ.

Долли тихо засмѣялась, и щеки ея опять зарумянились.— Такъ вотъ какъ? Готовится новая трагедія, въ двухъ актахъ, подь заглавіемъ: «*Воскресеніе папаша доловязана*», колко замѣтила она.

Я воображала, что уничтожу сестру неоспоримымъ доказательствомъ ея преступленія, и вдругъ вышло совсѣмъ другое.

Какъ чайка радуется бурѣ, такъ Долли торжествовала, при мысли о борьбѣ съ мною.

— Значить, мы выступимъ обѣ на сцену домашняго театра въ Вэнтвортъ, Нелли? спросила она. А въ какой же день ты назначишь представленіе? Скажи заранѣе, мнѣ нужно быть готовою.

— Сегодня! крикнула я, не будучи болѣе въ силахъ владѣть собою, и не помня себя отъ бѣшенства. Преступленіе открыто: нечего откладывать.

— Невозможно, душа моя, возразила сестра, пожимая плечами. Одного изъ главныхъ актеровъ не достаетъ. Стокпортъ ранѣе воскресенья не приѣдетъ.

— Несчастный! воскликнула я. Хорошо же будетъ ему сюрпризъ, когда онъ узнаетъ, что невѣста *поддѣлываетъ фальшивые документы*.

Долли перестала улыбаться.

— Я никогда не противорѣчу, когда вещи называютъ ихъ именами, заговорила она серьезно; положимъ, я написала фальшивое письмо, но помоему цѣль извиняетъ средства; такъ случилось и теперь. Жаль только, что я нарушила одну изъ главныхъ заповѣдей!

— Которую именно?

— Одиннадцатую, предназначенную исключительно для женщинъ: *Хороши концы*, сказала Долли съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Да, ты нарушила ее для своей гибели, и теперь расплачивайся! воскликнула я съ жаромъ, досадуя на ея спокойствіе.

— Полно браниться! Это неприлично для женщинъ хорошаго круга. Что бы мы ни были, останемся, по крайней мѣрѣ, приличны! завершила сестра, вставая и граціозно поворачиваясь къ двери. Выдай меня, если хочешь, какъ поддѣлывательницу фальшивыхъ документовъ. Статья, подъ заглавіемъ: «*Скандалъ въ большомъ свѣтѣ*», обогатитъ нортвортскую газету; брось грязю въ нашу древнюю, честную фамилію; ты, право, больше сдѣлаешь вреда себѣ, чѣмъ мнѣ. Я никогда не была влюблена въ Стокпорта; никогда особенно не дорожила уваженіемъ общества; потерявъ и то и другое, я право не умру.

Кто то постучался въ дверь.

— Можно войти? спрашивалъ чей то старческій голосъ, и, не дождавшись отвѣта, длинный красный носъ, вооруженный

золотыми очками и подбородокъ, покрытый рѣдкими сѣдыми волосами, показались въ дверяхъ. Это была леди Ланкастеръ мать.

Мы сконфузились, какъ школьники, которыхъ во время церковнаго богослуженія поймали за игрою въ шашки. Но, къ счастью, мы скоро оправились.

— Мнѣ кажется, я нарушила очень пріятный tête-à-tête, щепетильно замѣтила старая леди, но я услышала вашъ голосъ, милая Доротея, и рѣшилась войти, что бы поздороваться съ вами. Не устали ли вы, послѣ такого длиннаго путешествія, дитя мое? Прекрасныя линіи желѣзныхъ дорогъ такъ несносны: вѣчно пересаживаешься изъ вагона въ вагонъ, да еще объ багажѣ хлопочи! Можетъ быть, я сужу, какъ старуха, но, повѣрите ли, представить себѣ не могу, какъ это въ нынѣшнія времена молодыя женщины и дѣвушки могутъ путешествовать однѣ? Такъ много было несчастныхъ случаевъ; экипажей на станціяхъ нѣтъ; къ тому же, это ужасное происшествіе съ мистеромъ Бритгсъ: вы слышали вѣрно?..

— Вы намъ совсѣмъ не помѣшали, дорогая леди Ланкастеръ, произнесла Долли, которая, воспользовавшись болтливостію старухи, успѣла вернуться къ своему обычному *apromb*; мы кончили нашъ разговоръ съ сестрою. Не правда ли, Нелли?

ГЛАВА XXXVII.

Настало двадцатое февраля 186—года. Въ это время, на южной сторонѣ кладбища Летранжъ, фіалки только что выставляютъ свои душистые бѣлые вѣнчики изъ подъ густой зеленой травы. Покойный сэръ Адрианъ Летранжъ чрезвычайно любилъ фіалки. Только что, бывало, весна начнется, онъ отправится съ своею маленькою дочерью, Нелли, на кладбище, любоваться и радоваться на милые цвѣты. Все теперь кончено! Старикъ въ землѣ, а сирота его, Нелли, не ходитъ уже болѣе искать фіалокъ; сама весна потеряла, въ ея глазахъ, всю прежнюю прелесть.

Въ тотъ день, о которомъ я говорю, мнѣ опять не спалось

ночью, и я опоздала къ молитвѣ, за что получила приличную нотацию. Послѣ завтрака, нашему Гуго осѣдлали старую лошадь, и онъ собрался въ какой то дальній отъѣздъ. Леди Ланкастеръ и я, стоя у дверей передней, любовались на милого кавалериста, который, въ самомъ дѣлѣ, много выигрывалъ на сѣдлѣ: его небольшой ростъ скрадывался на лошади, и вообще въ околodкѣ его считали лучшимъ наѣздникомъ.

— Какъ хорошъ Гуго верхомъ! воскликнула вдовствующая леди, вѣчно готовая любоваться на сына.

— Да, онъ не дурень въ красномъ, отвѣчала я съ меньшимъ восторгомъ, чѣмъ мать, это правда, но совершенно искренно, потому что, надо сознаться, я начала привязываться къ мужу.

Когда красный рыцарь исчезъ на поворотѣ, я пошла ходить одна по террасѣ. Солнце сильно грѣло; оно даже пекло мнѣ голову, когда я нагибалась, что бы поближе рассмотреть разноцвѣтные кровусы, мелькавшіе на лугу, то тамъ, то сямъ. Жирный маленькій снигирь усѣлся на каменной рѣшеткѣ террасы, и загѣлъ, что было силы. Я задумалась, слушая его нѣсенку.

«Зачѣмъ я не птица?» подумала я, какъ бы мнѣ весело было, какъ хорошо!

Внизу раздался шорохъ. Я посмотрѣла: Долли идетъ ко мнѣ навстрѣчу. На сестрѣ было надѣто шерстяное черное платье, *сшитое* такъ ловко, что оно какъ будто обливало всѣ ея формы; воротничокъ и рукава изъ тонкаго полотна отличались бѣлизною поразительною. Долли мастерица одѣваться съ вкусомъ и къ лицу; притомъ, скромный домашній туалетъ идетъ къ ней гораздо болѣе, чѣмъ бальное дезабилье современныхъ дамъ.

— Какое прелестное утро, не правда ли? сказала сестра, остановясь передъ мною, и втягивая душистый воздухъ своимъ маленькимъ носикомъ.

— Да, хорошо, отвѣчала я.

— Что за славное у васъ имѣніе, продолжала она, любясь на садъ съ его террасами, шоссированными аллеями, урнами, цвѣтами и тропическими растеніями.

— Ничего въ немъ нѣтъ особеннаго! отвѣчала я равнодушно, потому что въ самомъ дѣлѣ находила природу въ Вэнтвортъ-Паркѣ утомительною, какъ театральную декорацию

— Если бы ты умѣла цѣнить все то, что въ твоихъ рукахъ,

сказала сестра, слегка вздыхая, ты могла бы быть счастливѣйшею въ мірѣ женщиною, Нелли!

— Да, ты постаралась сдѣлать все для того, что бы я была счастлива.

— А что ты думаешь? Я поступила дурно, это правда, но для твоей же пользы; я такъ и вчера хотѣла тебѣ сказать, но нашъ разговоръ былъ прерванъ нестати добродѣтельной матроною. (Ахъ, да! скажи пожалуйста, не подслушивала ли она у дверей?) Цѣль моя была достигнута; твоя судьба устроилась прекрасно. Кстати, продолжала важно Долли, я тебѣ не сказала, Стокпортъ сегодня пріѣдетъ.

— Что же изъ этого?

— О! ничего особеннаго, конечно; но я думала, не лучше ли тебя предупредить, что бы ты вооружилась заранѣе, и разомъ уже уничтожила бы моего бѣднаго жениха.

Долли никогда не волнуется. Но въ эту минуту мнѣ сдавалось, что въ ея страстныхъ глазахъ, съ поволокою, свѣтитя какой то ужасъ, и что ея розовыя щеки горять ярче обыкновеннаго.

— Хорошо! отвѣчала я холодно, затѣмъ отвернулась отъ нея, и, задумавшись снова, облокотилась на балюстраду. Можно было подумать, что, высказавъ что ей нужно, Долли удалится; не тутъ то было, она подошла съ другой стороны, и, прислонившись къ каменнымъ периламъ, заговорила съ мною сбоку.

— Однако намъ нужно объясниться другъ съ другомъ, Нелли, сказала она, запинаясь. Что ты, *въ самомъ дѣлѣ* что ли, намѣрена выдать ему несчастный документъ, или ты его бережешь только, какъ пугало, что бы держать меня въ рукахъ?

— Мы покончили всѣ объясненія въ день твоего пріѣзда, и потому я не нахожу нужнымъ начинать ихъ снова, отвѣчала я, какъ можно суше. Притомъ, я тогда очень ясно высказала тебѣ мое рѣшеніе.

— Да, а подумала ли ты о себѣ? Не забудь, что есть на свѣтѣ человекъ, очень тебѣ близкій, который имѣетъ полное право распросить у тебя всѣ малѣйшія подробности этой исторіи; ты отъ него не отдѣлаешься такъ легко, какъ отъ меня, сказавъ: *«довольно того, что письмо у меня въ рукахъ!»* Нѣтъ! Какъ бы Гуго ни любилъ тебя, онъ всетаки потребуетъ отчета, какимъ образомъ письмо попало въ твои руки. Ты меня не

суди строго: лорды съ 80-ю тысячами годового дохода не рас-тутъ какъ грибы, поэтому мнѣ прощительно было пуститься на подлость, что бы поймать его на удочку.

— А ты воображаешь, сказала я съ жаромъ, что если бы дѣло шло о моей жизни, то я струсила бы и отказалась бы отъ своего намѣренія? Ошибаешься! По твоей милости, моя жизнь отравлена, и я ею не дорожу.

Долли опустила глаза, и начала чертить зонтикомъ по песку какіе то іероглифы.

— Я знаю, что ты не повѣришь мнѣ, и что мои убѣжденія пропадутъ даромъ, произнесла она задумчиво, но даю тебѣ честное слово, что я рѣшилась на это только потому, что хотѣла тебѣ сдѣлать добро. Я вообразила, что любовь твоя къ другому была пустымъ дѣтскимъ увлеченіемъ, телячьей при-вязанностію, отъ которой можно легко вылечиться.

— Да, конечно. Ты это сдѣлала безъ всякой *затаенной мысли* о своей собственной выгодѣ! Не такъ ли? Ну, такъ уже если ты думала только о моемъ счастьи, то взяла бы лучше ножъ, да и перерѣзала бы мнѣ горло! заключила я, вся вспыхнувъ. Голосъ у меня задрожалъ; я очень испугалась; «ну, какъ я вдругъ за-стону, захныкаю, *въ присутствіи* Долли,» подумала я (сестра всегда трунила надъ слезами). Не помня себя отъ страха; я бросилась въ домъ, скрылась въ своей комнатѣ, и тамъ уже наплакалась досыта. Слишкомъ два часа сряду я просидѣла въ креслѣ, закрывъ лице руками, погруженная въ раздумье. Бѣда была бы мнѣ, если бы милая мамаша застала меня въ такомъ положеніи; по ея мнѣнію, праздность для женщины есть гибель. Наконецъ, я встала, открыла ящикъ своего письменнаго стола, вынула оттуда «несчастный документъ», какъ его проз-валъ самъ авторъ, и медленно спустилась внизъ вмѣстѣ съ нимъ.

Я нашла Долли сидящую у камина. Она запустила пальцы бѣлой руки, на которой ярко горѣлъ брилліантъ обручальнаго кольца лорда Стокпорта, въ густые свои волосы, и устремила пристальный взглядъ на огонь. Ея щеки и уши горѣли отъ жара, но она какъ будто и не чувствовала этого. Я подошла къ самому ея креслу, и нагнулась надъ нею.

— Долли! произнесла я торжественно, я долго думала о мо-емъ мщеніи тебѣ. Всю эту ночь я не спала; я лишилась сна и аппетита. Наконецъ, я рѣшила вопросъ: смотри!

Съ этими словами, я кинула письмо въ огонь. Бумага вспыхнула въ одно мгновеніе, и превратилась въ пепелъ. Долги вскочила, и кинулась мнѣ на шею.

— Оставь сказала я, тихо отодвигая ее рукою, береги эти ласки для жениха, котораго тебѣ удалось удержать. Онъ ихъ больше оцѣнитъ, чѣмъ я. Итакъ мѣсть моя кончена. Да будетъ между нами одинъ Судія, Богъ, Тотъ, передъ лицомъ котораго предстанутъ и грѣшныя, и праведныя въ послѣдній день міра.

Какъ то разъ, утромъ, леди Ланкастеръ и я сидѣли вдвоемъ за работою въ маленькой гостиной. Разговоръ зашелъ о будущемъ моемъ зятѣ.

— Онъ, моя милая, очень достойный молодой человекъ, конечно, говорила старуха, смотря на меня черезъ очки, и на минуту отрывая вниманіе отъ фуфайки Гуго, которая у насъ быстро приближалась къ концу; объ этомъ и толковать нечего; мало онъ говорить, правда, ну, да, помоему, и это большое достоинство въ настоящее время, когда въ обществѣ развелась пропасть болтуновъ.

— Онъ уже слишкомъ молчаливъ! замѣтила я довольно мягко, внутренно сознавая, что, по настоящему, можно было по пальцамъ сосчитать тѣ слова, которыя онъ произнесъ съ тѣхъ поръ, какъ переступилъ порогъ нашего дома.

— Боже мой! продолжала моя свекровь, ударившись въ воспоминанія. Какъ я хорошо помню лавку его дѣда! Онъ былъ колпачникъ въ Бондъ-Стритѣ, такой вѣжливый, лысый, всегда выходилъ изъ лавки, когда къ нему подъѣдешь; выскочить, бывало, прямо къ дверцамъ кареты, и спрашиваетъ: что прикажете, миледи?

— Да, въ свѣтѣ все измѣняется, отвѣчала я наставительнымъ тономъ.

— Если бы онъ тогда мнѣ сказалъ, ораторствовала моя собесѣдница, дѣлая трагическій жестъ рукою, что, сорокъ лѣтъ спустя, мой сынъ и его внукъ будутъ свояки, я наказала бы его за эту дерзость, перемѣнивъ его лавку на другую.

Я засмѣялась. — Да, сказала я, это напоминаетъ исторію Ди-

ка Вашингтона, хотя не совсѣмъ вѣрно, потому что Дикъ былъ лордъ-меръ, а Стокпортъ просто лордъ.

Въ это время «достойный молодой человѣкъ» и Долли прогуливались по террасѣ. Сестра повидимому съ намѣреніемъ держалась у насъ на глазахъ. Вѣроятно, нѣжности юнаго виконта, за кулисами, принимали характеръ слишкомъ безцеремонный.

Итакъ свадьба ея рѣшена; сестра мѣтитъ въ виконтессы; красавица нищая отдаетъ руку и сердце богатому, но глупому принцу, точь въ точь какъ въ сказкѣ. Но когда же назначенъ свадебный пиръ? Когда провозгласятъ тосты за здравіе дома Стокпортъ и Летранжъ? Сначала Долли настаивала было, что бы свадьба отнюдь не совершилась ранѣе годовщины смерти *дорогаго папа*.

— Это невозможно! говорила она въ волненіи; объ этомъ нечего и поминать! Какое оскорбленіе его памяти! и т. д. и т. д. И, вслѣдъ за симъ, сестра удалялась въ свою комнату, закрывъ лице платкомъ; она не сердилась, нѣтъ, но казалась *оскорбленною*. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, передавалъ Гуго.

— Совсѣмъ была разстроена, бѣдняжка! говорилъ мой мужъ, дергая себя за усы, и смотря на концы вытянутыхъ своихъ ногъ. Стокпортъ рассказывалъ, что самъ не радъ былъ, зачѣмъ онъ поднималъ вопросъ о свадьбѣ. Онъ боится, что бы она цѣлый мѣсяцъ на него не стала дуться за это. Я думала совсѣмъ другое просебя, но ни слова не отвѣтила.

— Если у меня когда нибудь будутъ дочери, сказалъ Гуго (я опустила глаза), то мнѣ остается желать одного, что бы онѣ меня такъ же любили, какъ вы *объ* любили покойнаго. (Мы *объ*! Отецъ милосердный! Каково это слышать!)

— А я, право, желалъ бы, что бы они поскорѣе обвѣнчались; да и дѣлу конецъ, продолжалъ Гуго, зѣвая. Мнѣ до смерти надоѣло видѣть его рожу у насъ въ домѣ; вѣчно торчитъ во всѣхъ углахъ; настоящій болванъ, скажу тебѣ откровенно.

— Если ты будешь всегда донкихотствовать и собирать въ свое гнѣздо всю женину родню, плачься на себя, замѣтила я лукаво. Время творить чудеса; оно и убѣжденія лорда Стокпорта измѣнили совершенно рѣшеніе Долли. Я слышала сама, какъ она однажды говорила Гуго, сантиментально вздыхая:—Въ жизни нельзя всегда дѣйствовать по своимъ чувствамъ; я, конечно, иначе повела бы дѣло, но, изъ состраданія къ Стокпорту, — онъ страшно нетерпѣливъ и сдѣлался даже раздражите-

лень—я рѣшилась уступить. Я знаю, что ему нѣкоторые очень сочувствуютъ; въ былыя времена коекто также не выдержалъ долгой отсрочки; притомъ я боюсь за его здоровье, вѣдь онъ можетъ занемочь, не правда ли? (Сестра ухитрилась покраснѣть и опустила глазки.) Вотъ я и рѣшилась...

Значить, дѣло уладилось по милости нетерпѣнія жениха и покорности невѣсты. Онъ требовалъ, что бы свадьба была въ апрѣлѣ, она стояла за декабрь; порѣшили на срединѣ года, на іюнѣ мѣсяцѣ. Я умоляла, что бы свадьбу сыграли, какъ можно тише; мнѣ противно было назвать цѣлый домъ гостей, разыгрывать роль важной хозяйки въ первый разъ въ жизни, и веселиться въ то время, когда я еще въ глубокомъ траурѣ. Но, по обыкновенію, маманъ меня пересилила.

— Жизнь слишкомъ коротка, что бы ее тратить на слезы, моя милая, говорила она однажды утромъ, когда мы слегка сдѣпились по этому предмету; на насъ лежатъ одинаковыя обязанности, какъ къ живымъ, такъ и къ мертвымъ, и намъ не слѣдуетъ пренебрегать первыми для послѣднихъ. Я ни слова не отвѣтила, и опустила голову надъ работою.

— Мнѣ кажется, продолжала старуха, выведенная изъ терпѣнія моимъ молчаніемъ, что въ вашемъ преувеличенномъ горѣ мало религіознаго чувства; оно даже есть слѣдствіе недостатка религіи. Вы забыли о нашей главной добродѣтели, покорности; забыли о томъ, что нашъ Небесный Отецъ все дѣлаетъ къ лучшему. Леди Ланкастеръ въ разговорѣ употребляла во зло выраженіе: «Небесный Отецъ.»

— Хорошо покоряться Небесному Отцу тому человѣку, у котораго нѣтъ горя, крикнула я запальчиво, забывъ о пятой заповѣди, или, скорѣе, думая, что она относится только къ *роднымъ* матерямъ. Вдовствующая матрона поднялась, и выпрямилась.

— Если вы, моя милая, собираетесь воцунствовать, то мнѣ ничего не остается и говорить; лучше прекратите разговоръ, прошу васъ. И она величественно вышла изъ комнаты. Прекратить разговоръ, значило у насъ, что невѣстка должна извиниться, а что матушка всетаки настоятъ на своемъ.

Мартъ, апрѣль и май, съ ихъ дождливыми и ясными днями, пронеслись быстро; насталъ душный іюнскій день, день сестриной свадьбы, а моей гибели.

— Свѣтлый день, счастливый день для невѣсты, говорятъ,

замѣтилъ Гуго, только что вставъ съ постели, и лѣнливо растянувшись на диванѣ, у окна нашей спальни, откуда ему можно было любоваться на ясное, голубое небо, на высокія ели и на грачей, летавшихъ вокругъ своихъ гнѣздъ. Если эта пословица справедлива, то день твоей свадьбы не предвѣщали тебѣ счастья, Нелли! Помнишь, какъ тогда было холодно и сыро?

Я поднялась гораздо ранѣе мужа, и была уже одѣта.

— Пословицы часто лгутъ, безпечно отвѣчала я, вотъ эти три, напримѣръ: *«честность лучше денегъ», «доброта лучше чьей красоты», «кто рано встаетъ, тому и Богъ даетъ»*, развѣ онѣ всегда справедливы?

— Ну, Нелли, наконецъ то сегодня вечеромъ мы будемъ одни! всею сказаль мой мужъ. Это наслажденіе просто!

— Да, да! отвѣчала я съ разстановкою, но вотъ что я тебѣ скажу, Гуго: мнѣ иногда приходитъ въ голову мысль, нельзя ли и твоей матушкѣ жениха найти? Какогонибудь слабоумнаго старичка, джентльмена, которымъ она могла бы управлять посредствомъ палки, и который читалъ бы ей въ слухъ: *«Голосъ изъ бездны», «Нѣсколько словъ о грѣшникахъ!»* Гуго разразился громовымъ хохотомъ.

— Ой! ой! ой! Нелли! ты меня уморишь! Что же это Mitter выдѣлываетъ? Пилить тебя, разныя святыя книжки даетъ читать, что ли?

— Всего понемногу! отвѣчала я, смѣясь.

Церковь энтвортская отстояла на милю отъ дома; надо было добратъся до нея. Огромное зданіе съ четырехугольными окнами, безъ признаковъ зелени, далеко не походило на церковь Летранжа. Рабочіе и фермеры сэра Гуго собрались чествовать его свояченицу, точно она сама была изъ рода Ланкастеровъ. У первыхъ воротъ была устроена огромная арка, затѣмъ другая, еще больше и наконецъ, у церкви, третья, самая громадная. Дорога была почти вся усыпана розами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, впрочемъ, розъ не оберешься; такъ ихъ много. Проѣзжая мимо парка, я видѣла, какъ испуганныя лани боязливо поднимали головы, смотрѣли нѣсколько минутъ на богатый свадебный поѣздъ, и затѣмъ быстро исчезали въ чащѣ.

Церковный дворъ былъ полонъ народа. Чистенькія дѣти были принаряжены, какъ въ праздникъ; женщины присѣдали, мужчины кланялись, когда мы вышли изъ экипажей у воротъ, и пошли по красному сукну, разостланному вплоть до церков-

ныхъ дверей. За невѣстою шло двѣнадцать подругъ, шесть чистыхъ дѣвственницъ въ голубомъ и шесть въ розовомъ. Не легко было добыть эту дюжину дѣвъ!

Друзей собственно у Долли не было; она на женскую дружбу смотрѣла какъ на химеру, и мы должны были искать по всему околадку неизмѣнное число представительницъ женскаго пола, для составленія свиты леди Стокпортъ. Кажется, что пришлось захватить, какую то старую дѣву и маленькую дѣвочку, для полнаго комплекта.

Малютка де Ланей былъ шаферомъ у Стокпорта, не потому, что бы онъ считался пріятелемъ жениха, напротивъ, проказникъ на свадьбѣ же шепнулъ мнѣ, что такого дурака днемъ съ огнемъ не отыщешь, но дѣло въ томъ, что лордъ Стокпортъ когда то удостоилъ носить мундиръ того полка, гдѣ служилъ де Ланей, и потому обязанность шафера была возложена на сослуживца.

Для церковной церемоніи пригласили епископа, въ очень свѣжихъ батистовыхъ рукавахъ и съ весьма тонкими ногами; онъ служилъ съ двумя ректорами. Всѣ они бормотали молитвы просебя такъ быстро, что мы почти ничего не разслушали и не поняли. Когда торжественная церемонія, какъ ее назвали въ газетахъ, кончилась, Долли глубоко вздохнула. Мнѣ показалось, что она благодарить судьбу за то, что полная чаша богатаго супружества дошла въ цѣлости до ея усть. Затѣмъ мы всѣ сѣли въ кареты, и увалили обратно домой. Тамъ всѣ комнаты преобразились, какъ бы по волшебству. Леди Ланкастеръ настояла на своемъ, и устроила пиръ на славу.

— Неужели это та комната, гдѣ мы въ прошломъ году танцевали? спросила меня леди Кепль, сидя за завтракомъ.

— Да, отвѣчала я; не правда ли, какъ обстановка измѣнила ее характеръ?

За длиннымъ растянутымъ столомъ, уставленнымъ растеніями, цвѣтами, пирамидами изъ фруктовъ, сидѣлъ радъ щегольски одѣтыхъ дамъ и дѣвушекъ въ изящныхъ шляпкахъ, весело разговаривавшихъ и смѣявшихся съ кавалерами. Всѣ они казались очень счастливыми. Но жениху было не до смѣха. Онъ ѣлъ «roulet aux truffes», и имѣлъ очень торжественный видъ. Я увѣрена, что его мучилъ страхъ предстоявшаго благодарственнаго спича, неизбѣжной обязанности жениха на богатыхъ свадьбахъ. Стокпортъ до смерти былъ бы радъ, если бы

можно было жениться, не произнося ни одной лишней фразы. Между всѣми гостями рѣзко отличались Коксы; шумнѣе, веселѣе, говорливѣе и наряднѣе ихъ, никого не было. Одинъ Мортимеръ Спенсеръ де Ласси былъ мраченъ, какъ ночь; слезы застилали непрерывно его очи. Коксы неприличны, я знаю; но именно настояла, что бы ихъ пригласили. Они всегда очень ласкали моего бѣднаго Дика.

— Сколько у васъ тутъ перемѣнъ случилось съ прошлаго года, сказалъ лордъ Кепль, намекая на мое замужство.

— Да, много, отвѣчала я, вздрогнувъ невольно.

— Изъ тѣхъ, кто былъ тогда здѣсь, всѣ на лице и теперь, кромѣ одного, продолжалъ онъ, оглядывая сидѣвшихъ за столомъ.

— А кто же составляетъ исключеніе Кепль? спросилъ де Ланей, сидѣвшій налѣво отъ меня. Объясните намъ правдою съ исключеніями.

— Что вы смѣтаетесь? Мекъ-Грегора нѣтъ, развѣ вы не помните бѣднаго Мекъ-Грегора?

— Почему же онъ *бѣдный*? спросила я, силясь улынуться, потому, что его здѣсь нѣтъ?

— Развѣ вы не слышали? Ахъ, я полагалъ, вы знаете объ этомъ. Винавать, мнѣ не слѣдовало бы поминать его.

— А почему? хрипло произнесла я.

— О! да, развѣ на свадьбѣ говорятъ о грустныхъ предметахъ? Это считается дурнымъ предзнаменованіемъ; Стокпортъ не скажетъ мнѣ спасибо.

— Разъ начали, такъ доканчивайте, вмѣшался де Ланей, иначе намъ Богъ знаетъ что въ голову придетъ.

— Да вѣдь онъ, бѣдный малый, умеръ! Я это надняхъ слышала отъ его товарища. Онъ умеръ въ Лагорѣ отъ лихорадки. Очень жаль его! Умереть на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ и друзей... ужасно!

— Онъ умеръ! крикнула во все горло Виолетта Коксъ, услышавъ это черезъ столъ. Бѣдный Мекъ-Грегоръ! Господи! какъ мнѣ его жаль! Молодая вдругъ вскочила съ своего мѣста, и кинулась опрометью ко мнѣ.

— Бога ради, не срамись публично! шепнула она торопливо. Но въ ушахъ моихъ поднялся уже трезвонъ, тѣло похолодѣло, и я гранулась безъ чувствъ, точно такъ, какъ, пять мѣ-

скажевъ тому назадъ, я упала на руки того, кто обручился съ смертію.

ГЛАВА XXXVIII

И ПОСЛѢДНЯЯ.

Юня 7-го 186... Я дошла до послѣдней страницы моей жизни, которая, увы! была ничто иное, какъ

Ошибка, злая ошибка, ошибка отъ начала до конца!

Вамъ, можетъ быть, надоѣлъ мой романъ, милые читатели, но для меня эти воспоминанія имѣли свой интересъ. Видитеъ Богъ, такъ. Два съ половиною года прошли съ той зимней ночи, когда я, въ припадкѣ безумія, рѣшилась принести себя въ жертву милому отцу. Съ тѣхъ поръ, я постоянно раскаивалась въ своемъ грѣхѣ; я искупала его всячески. Я сдѣлалась хорошею женою моему мужу. Спросите Гуго; онъ скажетъ вамъ тоже самое. Трудно мнѣ было переработать себя, сломать, такъ сказать, свою натуру: я все сдѣлала, но выбилась положительно изъ силъ. Да, друзья мои! Помолитесь за меня. Я собралась въ дальній путь. *Je vais chercher un grand peut-être.* Я умираю, но умираю медленно; я могу, почти шагъ за шагомъ, слѣдить за разрушеніемъ моего тѣла. Красота моя и сила исчезли; скоро исчезну и я. Видно, Господь услышалъ мою молитву, и избавилъ меня отъ внезапной кончины. Зимой я была убѣждена, что доживу до преклонныхъ лѣтъ, до лѣтъ моей свекрови, по крайней мѣрѣ. Но, на послѣднемъ Рождествѣ, мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что я кажется не доживу до сѣдыхъ волосъ, и что скоро меня опустятъ въ темный фамильный склепъ Ланкастеровъ. (Боже мой! хотя бы они положили меня рядомъ съ моими!) Я была все еще очень хорошенькая женщина, это правда. Всѣ пріятели Гуго восхищались его красавицею женою, ея розовыми щечками, о которыхъ говорили какъ о чемъ то необыкновенномъ, тѣмъ болѣе, что румянецъ у меня былъ не покупный, какъ это шептали злыя матроны въ парикахъ, сплетничавшія на меня свекрови. Все это такъ, но я худѣла страшно; кольца падали у меня съ рукъ;

платья валились съ плечъ и висѣли мѣшкомъ. Я задыхалась во время ходьбы, и, спускаясь съ большой лѣстницы, нѣсколько разъ должна была останавливаться, что бы перевести духъ. Разъ какъ то я проговорила:

— Матушка! сказала я (Гуго любилъ, когда я ее такъ называла), не правда ли, что я дѣлаюсь похожа на Жанну Стевенсъ, которая умерла отъ чахотки въ прошломъ году?

— Пустяки, душа моя, отвѣчала торопливо старуха, не воображайте ничего. Молодые женщины въ ваши годы часто, худѣютъ зимою; не думайте о такомъ вздорѣ.

Но, говоря это, она была въ волненіи; длинный носъ ея поблговѣлъ, и двѣ крупныя слезы капнули на ея вѣчное вязанье. Я больше ее не спрашивала; но съ этой минуты убѣдилась, что судьба моя рѣшена. Мнѣ нужно умереть! лечь въ сырую землю съ мертвецами. На мнѣ уже лежитъ печать смерти; спастись нельзя. Я отсюда вижу новую мѣдную доску, на которой четко будетъ вырѣзано на латинскомъ языкѣ: «*Nic jacet Eleonora*» (*здѣсь покоится Элеонора*). Будущая леди Ланкастеръ, вмѣсто того, что бы молиться въ церкви, начнетъ разбирать по складамъ странную надпись, и ломать себѣ голову, воображая, какая такая была эта покойница Элеонора, прожившая только двадцать два года отъ роду?

Что съ мною будетъ? Великій Господи! Куда поидетъ душа моя? Заслужу ли я мѣсто въ свѣтлой обители Твоей, милосердный Создатель? отпустишь ли Ты всѣ мои прегрѣшенія, вольныя и невольныя?

— Ты поправишься, голубушка моя, поправишься непременно, дай только веснѣ настать! говорилъ мнѣ по временамъ Гуго, глядя меня по головѣ.

— Да, родный мой, я поправлюсь, я знаю! отвѣчала я, хотя мысленно увѣрена была въ противномъ. Впрочемъ, развѣ всѣ мои болѣзни не пройдутъ съ смертію? Развѣ всѣ скорби мои не исчезнутъ, когда я встрѣчусь съ моимъ милымъ за гробомъ?

Юня 20-го. Я умираю! Скоро, скоро меня не станетъ. Эти слова почти послѣднія; мнѣ трудно держать карандашъ, но я не хочу кончить моей автобіографіи, не доведя ее до самаго конца. Послѣднее слово поставимъ «смерть.» Теперь ночь, Я сижу въ отцовскомъ креслѣ, и молча смотрю на звѣздное небо.

Мнѣ чудится уже другой обновленный міръ, новое царство, мѣсто, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія!

Утѣшительныя слова! Они никогда меня такъ не радовали, какъ теперь, когда тѣло и душа изныли отъ страданій. Господи! иду! иду!...

«Въ дому Отца моего обителей много», сказалъ Спаситель. Въ которой изъ нихъ назначено мѣсто моей душѣ, измученной земными скорбями? Господи Иисусе Христе! сподоби меня явиться предъ престоломъ Твоимъ не позже завтрашняго дня! Сдѣлай меня достойною войти въ царствіе Твое. Отверзи мнѣ двери рая, когда я съ трепетомъ и любовію толкнусь у свѣтлыхъ вратъ небеснаго Твоего царства!...

ГОЛУБКА ВЪ ОРЛИНОМЪ ГНѢЗДѢ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА VII.

Раненный Орелъ.

Жизнь Эббо висѣла на ниточкѣ; онъ смутно сознавалъ смерть брата и свое собственное состояніе, какъ то можно было заключить изъ его словъ: «Не велите его уносить, мамаша; пускай, онъ дожидается меня».

Фридмундъ дожидался въ гробѣ передъ алтаремъ, въ часовнѣ замка, подъ голубымъ бархатнымъ покровомъ; на немъ лежалъ бѣлый крестъ, присланный Іоганною, шпага, щитъ, шлемъ и шпоры; восковыя свѣчи горѣли у головы и у ногъ. И если Христина оставала страдальца, лежавшаго на постелѣ, то затѣмъ только, что бы идти къ тѣсному ложу другаго сына, и, преклонивъ колѣни, вспоминала небесное спокойствіе, которое выражалось въ его чертахъ, когда она прощалась съ нимъ въ послѣдній разъ.

Шлейермахеръ, уѣхавшій послѣ смерти Фриделя въ Ульмъ, вскорѣ потомъ вернулся въ Адлерштейнъ, и, найдя Фрейгера внѣ всякой опасности, просилъ позволенія объяснить цѣль своего пріѣзда. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ императорскій лагерь,

съ письмомъ отъ гильдїи, просить утвержденія на постройку моста, что, за смертію стараго графа Шлангенвальда и наслѣдника его Гиромы, убитаго Фриделемъ, наслѣдство досталось Данкваргу Шлангенвальду, тевтонскому рыцарю и единственному наслѣднику стараго Вольфганга, который теперь находится съ императоромъ, и что есть надежда войти съ нимъ въ соглашеніе. Требовались подпись Фрейгера Эбергардта на письмѣ къ императору и его дозволеніе на заключеніе сдѣлки съ новымъ графомъ; слѣдовало торопиться, что бы виртембергскій маркграфъ не представилъ все дѣло, какъ оскорбленіе, нанесенное члену лиги.

Христіна понимала необходимость этого, и взялась выхлопотать, если можно, подпись сына, но лишь только она упомянула Морицъ и о мостѣ, какъ Эббо отвернулъ голову, застоналъ, и просилъ не говорить ему ни о томъ, ни о другомъ. Онъ вспомнилъ о своемъ хвастливомъ объявленіи, что мостъ долженъ быть построенъ, хотя бы это стоило крови. При его грустномъ настроеніи, вліяніе Шлейермахера, который сталъ въ послѣднее время между нимъ и его братомъ, возбуждало его ревность. «Ему ненавистно самое имя», сказалъ онъ, и, содрогнувшись, спряталъ свое лице. Онъ желалъ, что бы потокъ унесъ мостъ до послѣдняго обломка.

— Помилуй, другъ мой Эббо, зачѣмъ накликаешь бѣду на полезное дѣло, которое любилъ покойный братъ твой? Выслушай меня, и позволь высказать тебѣ мои мечты: я хотѣла бы превратить тотъ берегъ въ мирный памятникъ нашему умершему кроткому мальчику.

— Въ честь Фриделя? И онъ посмотрѣлъ на нее съ какимъ то участіемъ.

— Да, Эббо, я желаю оказать ему такую честь, какая была бы всего болѣе ему по сердцу. Постараемся положить конецъ соперническимъ притязаніямъ на тотъ лугъ, и предложимъ новому графу, рыцарю духовнаго ордена, присоединиться къ намъ, для постройки тамъ, или по близости, гдѣ безопасно, церкви и кельи для священника, который будетъ наблюдать за безопасностію моста, и служить обѣдни за упокой умершихъ обоихъ домовъ. Туда мы перенесемъ нашего милаго Фриделя, что бы онъ былъ первымъ стражемъ брода, и тамъ мы сами будемъ покоиться, когда придетъ наша пора, и такимъ образомъ жесто-

жая вражда, тяготѣвшая надъ нѣсколькими поколѣніями, угаснетъ навсегда.

— Угаснетъ въ его крови, произнесъ съ вздохомъ Эббо. Ахъ, зачѣмъ не въ моей собственной, мама! Но мы сдѣлаемъ священнымъ то мѣсто, гдѣ онъ палъ, и оградимъ его, что бы чуждые шаги не могли попирать его, а прекрасное изображеніе Фриделя будетъ тамъ стражемъ.

Мать, пользуясь настроеніемъ его мыслей, подсѣла къ его кровати, и принялась писать письмо къ графу Данкварту фонъ Шлангенвальду, а Эбергардтъ, довольный сочиненнымъ матерью письмомъ, которое, по тогдашнему обыкновенію, было церемонно и формально, согласился подписать, какъ ея письмо, такъ и письмо, принесенное Морницомъ: мать вложила перо въ его пальцы, и эта рука, которая такъ легко владѣла тяжелымъ мечомъ, теперь съ трудомъ водила легкимъ перомъ.

Морницъ Шлейермахеръ отправился отыскивать римскаго короля въ Каринтію. Подробнаго отвѣта нельзя было ждать раньше окончанія кампаніи, а вѣсти, полученныя спустя нѣсколько времени отъ Шлейермахера, посланнаго гонца въ Ульмъ, гласили, что Максимиліанъ займется этимъ дѣломъ по возвращеніи, а графъ Данквартъ объявилъ, что дастъ отвѣтъ, когда вернется, по окончаніи похода, для похоронъ отца.

Между тѣмъ Христина получила также письмо отъ Адлерштейна Вильдшлосса. Казимиръ изъяслялъ свое соболѣзнованіе о смерти молодаго Фридмунда, и снова предлагалъ свои услуги, въ случаѣ, если она и ея сынъ болѣе прежняго расположены принять его покровительство. Христина не показала этого письма сыну, что бы не раздражать его напрасно. Но это письмо заставило ее подумать о средствахъ привести въ исполненіе намѣреніе Фриделя разыскать отца.

Молодой бароць тоже рѣшился заняться этою священою обязанностію съ той минуты, какъ увидѣлъ, что жизнь его спасена. Онъ считалъ великимъ грѣхомъ свою прежнюю небрежность въ этомъ дѣлѣ, и полагалъ, что она навлекла на него всѣ бѣды. Онъ рѣдко говорилъ о своемъ намѣреніи, но мать отлично понимала его.

Въ одно октябрьское утро, Эббо, лежа въ постелѣ, лѣниво перевертывалъ страницы Житія святыхъ, присланнаго мастеромъ Готфридомъ для его забавы.

— Ты, кажется, усталъ, сынъ мой? спросила Христина. Дай мнѣ книгу: становится уже темно на дворѣ.

— Такъ темно, что навѣрно нашла снѣговая туча.

— Снѣгъ валить большими хлопьями, которые нашъ Фридель называлъ зимними бабочками.

— Эти бабочки отдѣляютъ насъ отъ несноснаго свѣта, сказали Эббо. Но, увы! онѣ недолговѣчны, и когда исчезнуть, то тутъ то и начнутся хлопоты! Собранія въ ратушѣ, воззванія къ лигѣ, ссоры съ маркграфомъ, высокопарныя рѣчи, все равно скучныя и безжизненныя.

— Едва ли ты будешь такъ думать, когда возвратится къ тебѣ силы и бодрость духа!

Пока они разговаривали такимъ образомъ, тяжелые шаги Гатто раздались на лѣстницѣ.

— Милостивая баронесса, сказалъ онъ, къ намъ пришелъ какой то охотникъ: онъ заблудился въ горахъ, и проситъ позволенія укрыться у насъ отъ бури.

— Прими его, Гатто, и угости, сказала баронесса.

— Сударыня, господинъ фрейгеръ, прибавилъ онъ, я не пришелъ бы къ вамъ наверхъ, но гость едва ли намъ подстать. Волосы его напомажены, отъ него несетъ духами, рубаха его изъ тонкаго голландскаго полотна, его одежда изъ самой мягкой кожи, у него поясъ съ драгоценною застежкой, а про арбалетъ и говорить нечего: просто чудо! Самъ баронъ пришелъ бы въ восторгъ, увидя его. У него поступъ господская, важная осанка; онъ за словомъ не постоитъ; у него рѣчь такъ и льется, онъ намъ всемъ полюбился, пока сушилъ платье, а о баронѣ онъ спрашивалъ, какъ равный о равномъ.

— Охъ, мамаша, неужели ты должна его принять! сказалъ Эббо. Кто бы могъ это быть? Зачѣмъ никто не явился къ намъ тогда, когда мы были бы рады гостю?

— Принять его надо, отвѣчала Христина, вставая; но состояніе твоего здоровья будетъ служить мнѣ предлогомъ, что бы не оставаться съ нимъ долго.

Хотя ей и непріятно было показываться чужому, но она надѣялась, что маленькое развлеченіе можетъ благотворно подѣйствовать на упавшій духъ сына. И, дѣйствительно, когда она ушла, Эббо принялся спрашивать подробно Гатто о гостѣ, и ждалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія матери.

Спустя довольно времени, она вернулась, и сказала:— Другъ

мой, Эббо, рыцарь хочеть тебя видѣть, послѣ ужина или завтра утромъ.

— Такъ онъ рыцарь?

— Да, конечно, настоящій рыцарь, по виду и обращенію, и очень вѣжливъ.

— Вѣжливъ съ вами, мама, въ вашемъ собственномъ домѣ! вскричалъ Эббо почти съ бѣшенствомъ.

— Ахъ, ты, ревнивый рыцарь! Тебѣ нѣтъ причины оскорбляться! Его обращеніе свободно и учтиво со всѣми, но въ немъ проглядываетъ чувство собственнаго достоинства.

— Онъ не назвалъ себя? спросилъ Эббо.

— Онъ назвалъ себя рыцаремъ Тейрданкъ, изъ свиты покойнаго императора; но, по моему мнѣнію, ему приличнѣе предводительствовать самому, чѣмъ состоять въ чьей нибудь свитѣ.

— Тейрданкъ, повторилъ Эбергардтъ, мнѣ незнакомо это имя. Такъ вы, мамаша, пойдете ужинать? Я не засну, пока не увижу его!

— Послушай, милый мой (она наклонилась и сказала ему тихо), ты долженъ принять его, но не поставишь ли у дверей Гейнца и Коппеля: ты совершенно беззащитенъ.

Она съ удовольствіемъ увидѣла, что онъ засмѣялся.— Я знаю, за кого вы принимаете его, но какой же рыцарь станетъ мстить раненому? Я менѣе беззащитенъ теперь, чѣмъ былъ тогда, когда родственникъ Вильдшлоссъ посѣтилъ насъ. Я не хочу оскорбить его недовѣріемъ. Если онъ, по доброй волѣ, отдался въ наши руки, то и я отплачу ему тѣмъ же, сказалъ Эббо.

— Таинственность, какою онъ окружилъ себя, возбуждаетъ мои подозрѣнія. Позволь мнѣ не оставлять тебя съ нимъ наединѣ.

— Нѣтъ, дорогая мамаша, дѣло, о которомъ онъ, вѣроятно, пришелъ переговорить, не терпитъ присутствія постороннихъ, отвѣчалъ сынъ. Посадите меня, и пригладьте мои волосы. Благодарю, мамаша: теперь я готовъ принять и друга, и недруга.

Когда кончился ужинъ, въ комнату Эббо вошла высокая фигура незнакомца, котораго лица онъ не могъ хорошо разглядѣть, при свѣтѣ огня, пылавшаго въ каминѣ, и который одинъ только освѣщалъ комнату.

— Добро пожаловать, господинъ рыцарь! сказалъ Эббо, жалѣю, что не могу принять васъ радушнѣе.

— Нѣтъ хозяина, котораго можно было бы болѣе извинить, чѣмъ васъ, сказалъ гость. Эббо встрепенулся при звукахъ

этого голоса. Я боюсь, что вы много страдали, и еще долго будете страдать.

— Рана, нанесенная мечемъ, почти зажила, отвѣчала Эббо; вся нестерпимая боль осталась только въ бѣдрѣ, разбитомъ пулею.

— И я увѣренъ, что лекари растравили рану. Я возненавидѣлъ лекарей съ тѣхъ поръ, какъ они держали меня три дня арестантомъ въ аптекѣ, гдѣ воияло лекарскими. Между тѣмъ, я самъ вылечился кувшиномъ воды отъ жестокой лихорадки, имъ на зло! Что они дѣлали съ тобою, бѣдный молодой человѣкъ?

— Они лили на рану горячее масло, что бы удалить ядъ свинца, сказала Эббо.

— Глупцы! Отчего же будетъ въ свинцѣ ядъ, когда его нѣтъ въ стали? Я это спрашивалъ у всѣхъ докторовъ, и никто не могъ дать мнѣ толковаго отвѣта. Они дѣлаютъ больше опустошеній между воинами, чѣмъ всѣ ружья, если бы даже ими вооруженъ былъ каждый ландскнехтъ!

Эббо не могъ не воскликнуть: — Тогда прощай рыцарская храбрость, она вовсе не будетъ нужна!

— Не повторяй отжившихъ пустяковъ, сказала Тейрдамъ, рыцарство въ душѣ, а не въ оружіи. Юноша, который на столько опередилъ свой вѣкъ, что строить мосты, долженъ былъ бы знать, что когда всѣ наши войска будутъ вооружены ружьями, то сомкнутые ряды ихъ будутъ словно стѣны, изрыкающія огонь, и такъ же непреодолимы, какъ линіи англійскихъ стрѣлковъ съ длинными луками, или фаланга македонянъ.

Свѣтъ падалъ на лице Эбергардта, и гость замѣтилъ его нахмурившіяся брови и дрожавшія губы. — Га! сказала онъ, личное знакомство твое съ этимъ оружіемъ довольно печально.

— Я не сержусь на то, что я раненъ, сказала Эббо; это была простая случайность войны.

— Я понимаю, подхватилъ рыцарь; тебя печалитъ тотъ выстрѣлъ, который разлучилъ двухъ прекрасныхъ юношей, на которыхъ было весело глядѣть. Молодой человѣкъ, никто такъ искренно не жалѣлъ о томъ, какъ король Максъ.

— И сму есть о чемъ пожалѣть, сказала Эббо. Онъ лишился не только одного изъ своихъ приверженцевъ, но и лучшей половины другаго.

— Однако же и въ этой половинѣ столько вѣса, что она можетъ составить одно цѣлое, за которое стоитъ постоять, ска-

заль Тейрданкъ, взявъ его ласково за руку. Какъ это ты свалилъ стараго Вольфганга? Онъ былъ опаснымъ противникомъ для такой тонкой руки, какъ эта, хотя она была и лучше вооружена, чѣмъ теперь. Ну, расскажи мнѣ все, какъ было. Я обѣщаль маркграфу виртембергскому разсмотрѣть это дѣло, когда поѣду въ монастырь св. Рупрехта, потому что мы оба съ королемъ Максомъ интересуемся этимъ дѣломъ, и пмѣемъ тутъ нѣчто въ виду.

Его добродушіе и доброжелательство болѣе подѣйствовали на Эббо, чѣмъ желаніе представить дѣло въ выгодномъ для себя свѣтѣ, притомъ же онъ былъ слишкомъ огорченъ, что бы прибѣгать къ политикѣ; онъ отвѣчалъ просто на вопросы Тейрданка, и объяснилъ, какъ, послѣ крушенія транспорта, въ немъ зародилась мысль построить мостъ.

— Надѣюсь, сказала Тейрданкъ, что купцы подѣлились съ вами? Опрокинутое имущество принадлежитъ, по праву, тому или другому владѣльцу берега.

— Оно такъ, господинъ рыцарь, но намъ думалось, что отнять то, чего путешественники лишились, благодаря несчастному случаю, было бы не рыцарски.

— Фрейгеръ Эбергардтъ! даю тебѣ слово, если ты будешь поступать такимъ образомъ, то никакія ружья не помѣшаютъ тебѣ оставаться рыцаремъ. Откуда набрался ты такихъ понятій?

— Мой братъ былъ настоящій святой Севастьянъ! Моя мать...

— А, перебилъ гость, ея пріятное, умное лице говоритъ въ ея пользу, если бы даже бѣдный Казимиръ Адлерштейнъ и не восхвалялъ ее до небесъ. Ахъ, другъ мой, ты положилъ преграду истинной любви. Неужели ты не могъ бы примириться даже съ такимъ отличнымъ вотчимомъ?

— Это невозможно, сказать Эббо, одушеваясь, потому что Шлангенвальдъ, при послѣднемъ издыханіи, признался, что мой отецъ не былъ убитъ на постояломъ дворѣ, но былъ проданъ туркамъ въ рабство, и, можетъ быть, еще живъ и доселѣ.

— Чортъ возьми! разразился Тейрданкъ. Мы заварили бы славную кашу! Проданъ въ рабство туркамъ, говоришь ты? Когда случилась вся эта исторія... убіеніе твоего дѣда и все прочее?

— Въ годъ, предшествовавшій моему рожденію, сказала Эббо. Это было въ сентябрѣ 1475 г.

— Такъ. Скажи мнѣ, молодой рыцарь, какъ произошла эта

схватка, которая задержала нашихъ, то есть, я хочу сказать, императорскихъ рыцарей съ ихъ воинами?

Эббо кончилъ свой разсказъ въ то самое время, какъ колоколь часовни зазвонилъ къ вечернѣ. Тейрданкъ повиновался его призыву, но прежде спросилъ, не прислать ли кого къ больному. Эббо поблагодарилъ его, сказавъ, что ему никого не нужно, пока мать не вернется изъ часовни.

— Я похвасталъ тебѣ, что умѣю лечить. Ты усталъ, и долженъ успокоиться совершенно. И, не говоря ни слова болѣе, рыцарь подержалъ рукою его подушки, и осторожно опустилъ его на нихъ. Спокойной ночи, славный молодой рыцарь, благословеніе святыхъ надъ тобою! Усни хорошенько, и выздоравливай на зло лекарямъ. Я не хочу терять васъ обоихъ.

Эббо съ нетерпѣніемъ ждалъ матери, и прислушивался къ доходящимъ до него звукамъ церковнаго гнѣнія.

Наконецъ, она явилась съ фонаремъ въ рукахъ, съ влажными отъ слезъ глазами, и, наклонясь, сказала ему:

— Онъ сдѣлалъ честь нашему покойнику, Эббо; сталъ на колѣни, и окропилъ его святою водою, и когда повелъ меня изъ церкви, то сказалъ мнѣ, что всякая мать въ Германіи позавидуетъ, что у меня такіе сыновья, даже и теперь. Ты долженъ любить его, Эббо.

— Я люблю его, какъ любятъ возвышеннѣйшіе образцы! воскликнулъ Эббо. Нашъ замокъ сталъ мнѣ дороже за то, что приютилъ его подъ своею кровлею.

— Онъ сказалъ тебѣ, кто онъ?

— Не прямо; но въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Христина улыбнулась, радуясь, что дѣло примиренія и прощенія было улажено личными качествами врага, котораго поведение въ часовнѣ глубоко тронуло ее.

— Итакъ, благодареніе Богу, все идетъ хорошо, сказала она.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Эббо; когда колоколь прервалъ нашъ разговоръ, онъ положилъ меня на подушки, такъ нѣжно, какъ... О, мамаша, если отецъ мой такъ же добръ, какъ и онъ, то я надѣюсь, что буду еще счастливъ. Мамаша! не проговоритесь никому, что мы его узнали, пока онъ самъ не откроется.

— Конечно, нѣтъ, сказала Христина, которая помнила объ опасности объявить домашнимъ, что врагъ находится въ ихъ рукахъ. Они могли выместить на немъ смерть Фриделя; но, хо-

тя она и знала, какъ Эббо способенъ увлекаться; знала, что одиночество и лихорадочное состояніе могло привести его въ возбужденное состояніе, но, тѣмъ не менѣе, ее изумляли восторгъ и обожаніе, которое внушала Эбергардту его гость.

— Гдѣ спитъ гость? спросилъ онъ у вошедшаго Гейнца.

— Въ комнатѣ вашей покойной бабушки, отвѣчалъ слуга. Не безпокойтесь; мы будемъ ухаживать за нимъ.

— Да! позаботься о немъ, сказалъ Эббо, и будьте всѣ съ нимъ какъ можно вѣжливы! Прощай, Гейнецъ.

Гейнецъ, уходя, сдѣлалъ знакъ Христинѣ, что хочетъ переговорить съ нею, незамѣтно отъ барона.—Милостивѣйшая госпожа, не безпокойтесь; я знаю, кто этотъ господинъ такъ же хорошо, какъ и вы. Я буду сторожить внизу лѣстницы, и горе тому, кто попытается пройти мимо меня!

— Бояться измѣны покуда нечего, Гейнецъ, но быть насторожѣ не мѣшаетъ.

— Да, сударыня; я готовъ, по первому вашему слову, спустить его въ западню.

— Боже тебя сохрани, Гейнецъ. Этотъ человекъ довѣрился нашей чести; нанести ему малѣйшую неприятность—значитъ смертельно оскорбить барона: онъ никогда тебѣ не проститъ.

— Лучше бы онъ никогда не отвѣдывалъ нашего хлѣба, бормоталъ Гейнецъ. Всѣ они предатели, и кто знаетъ что можетъ случиться?

— Стереги, стереги, Гейнецъ, вотъ и все, умоляла Христина, а главное никому ни слова объ этомъ! слышишь?

Оруженосецъ удалился, очень недовольный.

ГЛАВА VIII.

Рыцарь Гейрданкъ.

Снѣгъ падалъ всю ночь, не переставая, и продолжался утромъ; гость изъявилъ желаніе повидаться еще разъ съ молодымъ фрейгеромъ, и затѣмъ распрощаться. Христина была бы очень рада, если бы онъ убрался поскорѣе, но она чувствовала

ла себя обязанною удерживать его, потому что ихъ гора была совершенно непроходима, когда падалъ снѣгъ и приэтомъ дулъ сильный вѣтеръ; тогда нанесенныя груды снѣга скрывали страшныя пропасти, а низвергавшіяся лавины грозили смертію неосмотрительному путнику; даже тамошніе уроженцы погибали иногда на дорогѣ между замкомъ и деревенькою.

— Ни одинъ смѣлый горець, ни даже сынъ мой, сказала она, не возмется проводить васъ въ такую погоду въ ***.

— Куда, прекрасная баронесса? спросилъ Тейрданкъ съ полуулыбкою.

— Нѣтъ, сударь, я не хочу сказать того, что вы хотите держать въ тайнѣ.

— Такъ вы знаете меня?

— Конечно, я узнала въ васъ благороднаго врага, который великодушнымъ довѣріемъ своимъ къ намъ приобрѣлъ расположеніе моего сына.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ съ особенною усмѣшкою. Тейрданкъ Данквартъ, понимаю! Смѣю спросить: сынъ вашъ тоже проникнулъ Шлангенвальда?

— Вѣроятно, графъ: трудно провести моего Эббо. Онъ сказалъ: нашимъ гостемъ можетъ быть только одинъ человѣкъ во всей имперіи.

Тейрданкъ опять усмѣхнулся, сказавъ:—Итакъ, сударыня, вы не боитесь человѣка, родственники котораго такъ же, какъ и ваши, проливали столько родной намъ крови?

— Нѣтъ, таинственный рыцарь, вы, такъ же, какъ и мои сыновья, не можете отвѣчать за дѣла предковъ.

— Если бы было побольше такихъ людей, какъ вы, баронесса, сказалъ Тейрданкъ, то вѣчные раздоры скоро прекратились бы. Могутъ ли я идти къ вашему сыну? Я хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Христина не могла оставаться спокойною, зная, что Тейрданкъ находится въ комнатѣ сына, но дѣлать было нечего; притомъ же Гейнцъ былъ насторожѣ.

Эббо нетерпѣливо ждалъ посѣщенія гостя, который привѣтствовалъ его съ такою же отеческою добротою, какъ и наканунѣ, и спросилъ его совѣта касательно дороги, ведущей изъ замка. Эббо подтвердилъ слова матери, что дорога была непроходима, когда шелъ снѣгъ, и вьюга наметала цѣлыя груды его. Приэтомъ, Эббо рассказалъ гостю свои опасныя приключенія:

во время охоты въ горахъ зимою. Тейрданкъ рассказывалъ также, какъ мятежь и вьюга сбили его съ дороги въ горахъ, какъ онъ чуть не полетѣлъ въ глубочайшую пропасть, и какъ его спасла острая альпійская палка, которую онъ, во время паденія, счастливо вонзилъ въ гору, и за которую держался, пока не перевелъ духа, а затѣмъ вскарабкался наверхъ.

Тейрданкъ, замѣтивъ съ какииъ вниманіемъ слушалъ его молодой рыцарь, сказалъ:

— Я понимаю, какъ скучно смѣлому охотнику лежать здѣсь; но надѣюсь, что ты скоро начнешь свои странствія по горамъ съ прежнею отвагою. Какъ называется эта глубокая, сѣрая одинокая впадина подъ крутымъ нависшимъ утесомъ, котораго вершина оканчивается остриемъ, какъ пика? Я проходилъ мимо нея вчера, послѣ обѣда.

— Пармиганская межа, Красное Гнѣздо, прошепталъ Эббо, съ трудомъ выговаривая слова, при воспоминаніи о любовныхъ мѣстѣхъ Фриделя и объ общаніи его помазать Красное Гнѣздо смѣльчаку, забравшемуся на куполь собора въ Ульмѣ.

— Припоминаю, сказалъ гость серьезно. Ахъ, юноша! Твой братъ улетѣлъ выше. Плачь открыто, не стѣсняясь съ мною. Развѣ я не знаю, каково намъ, когда тѣ, которые были слишкомъ прекрасны для земли, воспользовались своими орлиными крыльями, и покинули насъ здѣсь?

Эббо смотрѣлъ сквозь слезы на благородное, печальное лице, которое ласково склонялось надъ нимъ. — Я не стану стараться утѣшить тебя, советуя забвеніе, сказалъ Тейрданкъ. Я былъ едва ли старше тебя, когда меня также постигъ жестокий ударъ, и до сѣдыхъ волосъ, что я говорю! до гроба я о томъ не забуду. У меня никогда не было брата, но я думаю, что такая братская любовь, какъ ваша, была рѣдкостью.

— Тѣ братья, какиихъ мы видали въ Ульмѣ, мало были на насъ похожи, сказалъ Эббо, отъ глубины души. Мы были тѣмъ тѣсно связаны, что я теперь остался какъ бы безъ правой руки. Я радъ, что мнѣ не придется жить прежнею жизнью, пока я не отправлюсь разженивать моего отца.

— Не будь слишкомъ торопливъ въ твоихъ разсказахъ, всеразилъ гость; а то, пожалуй, невѣрные завалятъ въ свои руки двухъ бароновъ, вмѣсто одного. Ты уже составилъ какой нибудь планъ?

Эббо объяснилъ ему, что онъ думалъ ѣхать въ Геную посе-

вѣтоваться съ купцомъ Джіаномъ Батистою-ден-Батисте, чье описаніе германскаго плѣннаго дворянина сдѣлало такое сильное впечатлѣніе на Фриделя. Тейрданкъ одобрилъ этотъ планъ, потому что генуэзцы имѣли сношенія и съ Триполи, и съ Константинополемъ.

— Срамъ, стыдъ, завонилъ онъ, что эти жадныя собаки, невѣрные, спокойно грабятъ лучшія страны въ мірѣ, а наши германскіе дворяне лежатъ здѣсь, какъ свиньи хрюкаютъ, и визжать надъ добычею, которую вырываютъ другъ у друга, и остаются глухи къ небесному и земному призыву. Ничто не можетъ вывести ихъ изъ праздности и разгульной жизни, пока врагъ не подступитъ къ самымъ дверямъ, а если появится въ средѣ ихъ человѣкъ иного закала, способный на рыцарскія, благородныя, истинно прекрасныя дѣла, то они сживаютъ его съ свѣта. Но ты, Адлерштейнъ, по окончаніи своего благочестиваго странствованія, ты возвратишься ко мнѣ. У тебя есть голова, способная мыслить, и сердце, способное чувствовать все горе и весь позоръ этой дурно управляемой страны.

— Я надѣюсь, сказалъ Эббо. Конечно, я жестоко пострадалъ за то, что занялся моею собственною распріею, вмѣсто того, что бы идти въ крестовый походъ.

— Я не о тебѣ говорю, сказалъ ласково Тейрданкъ. Твоя мосьть будетъ, быть можетъ, еще полезнѣе для меня, чѣмъ для тебя самого. Ты не говоришь поиталіянски? У тебя въ глазахъ есть нѣчто италіянское.

— Мать моей матери была италіянка, но она такъ рано умерла, что, ни моя мать, ни я, не знаемъ ея языка, отвѣчалъ Эббо.

— Тебѣ слѣдовало бы поучиться этому языку. Это займетъ тебя, пока ты въ постелѣ, и будетъ тебѣ полезно въ сношеніяхъ съ мусульманами. Не хочешь ли, я пришлю тебѣ книгъ? Напримѣръ, хронику о Карлѣ Великомъ и о всѣхъ его паладинахъ, написанную Пульчи и Боярдомъ, который самъ графъ и дворянинъ, губернаторъ Реджіо, и достоинъ воспѣвать геройскія дѣла. Онъ выставилъ Роланда рыцаремъ, умирающимъ отъ любви, хотя это совершенно противорѣчитъ повѣствованію архіепископа Турпина. Не хочешь ли я пришлю тебѣ?

— Когда былъ живъ братъ, то мы любили читать рассказы о рыцаряхъ.

— Такъ... или не хочешь ли получить суроваго стараго флорентинскаго гибеллина, который изслѣдовалъ всѣ три области

смерти. Я люблю его, ради его Беатриче, которая служила ему путеводною звѣздою.

— Я слыхалъ о немъ, сказалъ Эббо. Если онъ можетъ сообщить мнѣ, въ какихъ лучезарныхъ странахъ находится мой Фридель, то я съ охотою прочитаю его. Все это было такъ остроумно и занимательно что...

— Я могу также прислать тебѣ Петрарку, хотя ты еще слишкомъ молодъ, что бы понимать чувства, выраженные въ его сонетахъ, но сладкіе звуки ихъ ласкаютъ осиротѣвшее сердце.

Все утро прошло въ такихъ разговорахъ. Словоохотливый гость толковалъ, и о поэзіи, и о наукахъ; затѣмъ, переходилъ къ разсказамъ о своихъ архитектурныхъ планахъ, объ улучшеніяхъ въ огнестрѣльномъ оружіи, или о своихъ приключеніяхъ на охотѣ. Кажется, не было науки, искусства или какой нибудь сферы человѣческой жизни, которая была бы чужда подвижному уму Тейрданка, и разговоръ почти всегда кончался какимъ нибудь оригинальнымъ личнымъ воспоминаніемъ. Сначала Эббо слушалъ его съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ; но наконецъ напряженное вниманіе, съ какимъ онъ слушалъ гостя, который, очевидно, зналъ, что былъ узнанъ, хотя и не позволялъ высказать этого, стало его утомлять. Эббо видѣлъ, что небо очистилось и погода прояснилась, но онъ не посмѣлъ дать замѣтить это гостю, хотя и искалъ предлога прервать тяготившую его бесѣду, а Тейрданкъ слишкомъ былъ занятъ своими разсказами, планами и теоріями, что бы замѣтить состояніе, въ какомъ находился его слушатель.

Наконецъ бесѣда была прервана. Въ полдень, кто то постукавъ въ дверь, отворилъ ее настежь, и въ комнату безъ большихъ церемоній вошелъ Гейнцъ съ двумя другими, вооруженными съ ногъ до головы, людьми.

— Это что значитъ? спросилъ Эббо.

— Терпѣніе, господинъ фрейгеръ, сказалъ Гейнцъ, становясь между Эббо и чужимъ охотникомъ. Вы ничего не знаете, что здѣсь происходитъ. Мы не хотимъ лишиться васъ, какъ лишились вашего брата; вотъ мы увидимъ, не угодно ли этому рыцарю обратиться въ заложника, вмѣсто того, что бы отворять ворота, какъ предатель и лазутчикъ. Вери его, Кошпель, ты имѣешь на это полное право!

— Прочь! берегитесь, мерзавцы! закричалъ Эббо, приподнявшись на кровати, тѣмъ твердымъ рѣшительнымъ голосомъ,

*

которымъ заставлялъ ихъ всегда безпрекословно повиноваться. Онъ былъ раздосадованъ и смущенъ, а Тејрданкъ, который тутъ стоялъ и смотрѣлъ почти съ усмѣшкою, какъ бы забавляясь своимъ положеніемъ, нисколько не думалъ поддержать его.

— Съ вашего позволенія, господинъ фрейгеръ, сказалъ Гейнцъ, положивъ руку на его плечо, это до васъ не касается. Такъ какъ вы не можете защищать себя и нашу баронессу, то это уже наше дѣло. Я говорю вамъ, что его люди хотятъ захватить замокъ въ распахъ.

Въ то время, какъ Гейнцъ говорилъ, трепещущая Христина вошла въ комнату, и, поспѣшно подойдя къ сыну, сказала:— Господинъ графъ, справедливо ли, благородно ли такъ отплачивать за гостепрѣимство сына, когда онъ находится въ безпомощномъ состояніи?

— Какъ, мама! и, вы раздѣляете это заблужденіе? воскликнулъ Эббо. Что значить это сумасбродство?

— Ахъ, другъ мой, мы не сумасброды! Толпа вооруженныхъ людей всходитъ по Орлиной Лѣстницѣ, и также съ другой стороны, чрезъ Джемсовскій проходъ!

— Но они не тронуть ни одного волоса на вашей головѣ, сударыня, сказалъ Гейнцъ. Мы сбросимъ къ нимъ этого молодца со стѣны. Бери его, Коппель!

— Прочь, Коппель! загремѣлъ Эббо. Вы осрамите меня навѣки? Хотя бы въ немъ одномъ сидѣли всѣ Шлангенвальды, то онъ ушелъ бы отсюда такъ же свободно, какъ и прищель; но онъ столько же Шлангенвальдъ, какъ и я самъ.

— Онъ обманулъ васъ, фрейгеръ, сказалъ Гейнцъ. Письмо моей госпожи къ Шлангенвальду найдено въ его комнатѣ. Это измѣнническая личина.

— Дуракъ! сказалъ Эббо. Я хорошо знаю этого господина. Я знаю его въ Ульмѣ, и тѣ, которые идутъ къ нему сюда, не сдѣлаютъ мнѣ зла. Отвори ворота, и прими ихъ съ честью! Мама, мама! вѣрьте мнѣ: не предполагайте ничего худого. Я знаю что говорю.

Люди переглядывались одинъ съ другимъ. Христина ломала себѣ руки, воображая, что сынъ ея находится подъ какимъ то страннымъ роковымъ обаяніемъ.

— У барона, свои причуды, ворчалъ Коппель. Но я не откажусь отъ своей мести, въ угоду его совѣстливости. Пускай онъ

повлнется, что незнакомецъ—то самое лице, за которое онъ выдастъ себя!

— Клянусь, сказалъ Эббо медленно, что онъ истинный, благородный рыцарь, хорошо мнѣ извѣстный.

— Нѣтъ, такъ то неясно, господинъ фрейгеръ, сказалъ Гейнцъ. Мы не выпустимъ человѣка, подосланнаго къ намъ врагомъ нашимъ, чортъ знаетъ зачѣмъ; мы отомстимъ на немъ за всѣ обиды.

Холодный потъ выступилъ на лбу Эббо, и духъ занялся отъ страшнаго волненія, когда онъ почувствовалъ, что не имѣетъ силы защитить гостя. А гость все молчалъ, какъ будто все это его не касалось.

— Я не могу поклясться, что настоящее его имя Тейрданкъ, сказалъ Эббо, собравшись съ духомъ; я клянусь только въ томъ, что онъ не врагъ и не Шлангенвальдъ; я знаю его, и скорѣе умру, чѣмъ позволю нанести ему малѣйшее оскорбленіе. Въ ту же минуту, съ большимъ усиліемъ, которое жестоко отозвалось на его раненой ногѣ, онъ потянулся мимо Гейнца, и, схвативъ руку своего гостя, притянулъ его, какъ можно ближе, къ себѣ.

— Если они осмѣлятся притронуться къ вамъ, сударь, убейте меня до смерти!

Возлѣ замка затрубилъ рогъ. Люди стояли въ испугѣ. Христина трепетала за своего сына, который лежалъ, съ трудомъ переводя дыханіе но крѣпко сжимая руку пришельца, и устремивъ огненные глаза на бунтующихъ ландскнехтовъ. Звукъ рога раздался вторично.... Гейнцъ готовился сѣсть на безмолвнѣмъ врагомъ, а Кошпель, поднявъ свою алебарду, закричалъ:—Теперь, или никогда! но остановился.

— Никогда, съ вашего позволенія, сказалъ загадочный гость. Что же такое, что вашъ молодой баронъ не могъ поклясться, что мое имя Тейрданкъ! Развѣ вы враги всѣмъ насѣтѣ, кромѣ Тейрданка?

— Прошу не увертываться! сказалъ строго Гейнцъ, объявите ваше настоящее имя, какъ честный человѣкъ, и мы разсудимъ, другъ вы намъ, или недругъ.

— Мое имя немногосложно, какъ это извѣстно вашему барону, сказалъ гость медленно, посматривая на всѣхъ какими то странными глазами, и какъ бы по шучивая надъ смущенными ландскнехтами, которые съ трудомъ сдерживали свое бѣ-

шенство. Меня окрестили Максимиліаномъ; по рожденію я австрійскій эрцгерцогъ; по выбору германцевъ, римскій король.

— Императоръ!

Христина упала на колѣни; ландскнехты отшатнулись назадъ; Эббо прижалъ къ губамъ руку, которую держалъ, и упалъ въ обморокъ. Рогъ затрубилъ въ третій разъ.

ГЛАВА IX.

Примиреніе.

Эббо медленно и съ трудомъ приходилъ въ чувство послѣ обморока; одна мать сидѣла возлѣ него, когда онъ открылъ глаза. Онъ не могъ сообразить, былъ ли то странный сонъ, или все это случилось наяву. Мать, видя, что глаза его были ясны, дыханіе спокойно, въ рукѣ не замѣчалось жара, сказала: Императоръ не сдѣлалъ ему никакого вреда.

— А, такъ это была правда! Гдѣ же онъ? Ушелъ? воскликнулъ Эббо съ жаромъ.

— Нѣтъ, онъ внизу, въ замкѣ, читаетъ письма, которыя ему принесли. Успокойся, мой другъ, лежи; мнѣ такъ досадно было, что онъ чуть не убилъ тебя, когда ему стоило сказать одно слово...

— Онъ простилъ васъ, мама? спросилъ Эббо тревожно.

— О! да, и даже общалъ не приходитъ сюда, безъ моего разрѣшенія.

— Онъ не сердитъ на меня? спросилъ Эббо печально.

— Нѣтъ, онъ очень доволенъ тобою, и говорилъ не только мнѣ, но и другимъ, что ты вель себя умно и не измѣнилъ ему. Стало быть, ты узналъ его?

— Съ перваго же взгляда. Я думалъ и ты узнала его, мама; я не догадался, что ты принимаешь его за Шлангенвальда.

— Что же дѣлать! Сердце трепетало за моего единственнаго сына, послѣ того, какъ меня измѣннически лишили другаго; я видѣла, что онъ не тотъ, кѣмъ представляется.

— Кто съ нимъ теперь? спросилъ Эббо.

— Его свита, также Шлейермахеръ и Казимиръ Вильдшлоссъ.

— Ва!

— Какъ! развѣ онъ не сказалъ тебѣ?

— Нѣтъ. Онъ видѣлъ, что я его узналъ, и не скрывался отъ меня, но хотѣлъ, какъ я замѣтилъ, что бы я обходился съ нимъ, какъ съ простымъ рыцаремъ. Но зачѣмъ Вильдшлоссъ пріѣхалъ сюда?

— Кажется, что императоръ, по возвращеніи изъ Каринтіи, выразилъ намѣреніе оставить армію, согласно своимъ оригинальнымъ замашкамъ, и самому изслѣдовать дѣло о бродѣ. Онъ приказалъ слѣдовать за собою новому графу Шлангенвальду, господину Казимиру и мастеру Шлейермахеру. Онъ отослалъ ихъ въ Шлангенвальдъ, а самъ помѣстился въ монастырѣ св. Рупрехта, назначивъ Казимиру явиться туда къ нему сегодня утромъ. Изъ монастыря онъ отправился на охоту, и пробрался сюда. Но когда повалилъ снѣгъ, а онъ не возвращался, то спутники его перетревожились, и пошли отыскивать его.

— А! онъ намѣренъ былъ ходатайствовать за Вильдшлосса, сказалъ Эббо. Ну, какъ показался вамъ Казимиръ?

— Могла ли я замѣтить когонибудь, когда я думала только о тебѣ одномъ, мой бѣдный мальчикъ. Ты сталъ еще блѣднѣе! Я не могу допустить, что бы ктонибудь изъ нихъ, будь онъ король или императоръ, беспокоилъ тебя.

— Что вы, мамаша! Да я всего больше беспокоюсь отъ неизвестности, какъ отнесется онъ ко всѣмъ намъ послѣ такого пріема! Прошу тебя сказать ему, что я готовъ къ его услугамъ.

Давъ больному покушать и освѣжиться, кроткая посланница пошла доложить Максимилиану, который, спустя нѣкоторое время, явился, ведя за руку мать, и сказалъ веселымъ голосомъ, которымъ онъ особенно умѣлъ очаровывать своихъ слушателей.

— Я знаю, прекрасная баронесса, что ты скорѣе доверишь его самому Шлангенвальду, чѣмъ оставишь меня наединѣ съ твоимъ питомцемъ. Ну, какъ ты теперь себя чувствуешь, славный рыцарь?

— Хорошо, очень хорошо, государы! отвѣчалъ Эббо, если бы только не стыдъ и огорченіе, которые я испытываю...

— Тебѣ рѣшительно нечего стыдиться, сказалъ добродушный государь. Мнѣ не привыкать стать къ тому, что мои

вѣрные вассалы больше заботятся о своихъ расприхъ, чѣмъ о моихъ приказаніяхъ, мнѣ, царствующему надъ сборищемъ государей, которые не признаютъ иной воли, кромѣ своей собственной.

— Но можемъ ли мы надѣяться, сказалъ Эббо, что вы простите не только насъ, но и нашихъ „дандсенехтовъ, которые были введены въ заблужденіе?

— Какъ! того великана, который грозилъ мнѣ събирюю и другаго нестнаго малаго, готовившагося исполнить свой долгъ, по приказанію отца? Я уважаю этого малаго, фрейгеръ; я охотно завербовалъ бы его въ свои тѣлохранители, но, полагаю, что ему лучше будетъ здѣсь, чѣмъ со мною, „Massimiliano rochi danagi, какъ меня называютъ италіяны. Но, прибавилъ онъ съ важностію, я пришелъ теперь поговорить съ тобою: искренно ли ты желаешь примириться съ домомъ Шлангенвалда?

— Отъ всего моего сердца, сказалъ Эббо; я ненавижу гнусное правило: кровь за кровь!

— Графъ Данквартъ такого же мнѣнія. Онъ еще нажемъ вступилъ въ прусскую службу, и былъ далекъ отъ духа вражды, господствовавшаго между германцами. Но, судя по тому, что здѣсь происходило сегодня утромъ, я вижу, что ни тебѣ къ нему, ни ему къ тебѣ, нельзя прѣхать безопасно иначе, какъ въ моемъ присутствіи. Я думаю привезти его завтра сюда. Твой капелланъ отслужитъ здѣсь обѣдню, и вы оба поклонитесь, при мнѣ, въ вѣчной дружбѣ и въ соблюденіи мира.

Мать и сынъ съ радостію приняли это предложеніе, и Христина пошла распорядиться на счетъ угощенія съѣхавшихся гостей.

Эббо, остававшійся одинъ наверху во все время ужина, погружился было въ дремоту, когда, слышавъ осторожные шаги по лѣстницѣ, встрепенулся и закричалъ:— Кто тамъ идетъ? Я не сплю.

— Вашъ родственникъ, фрейгеръ, сказалъ знакомый голосъ; я пришелъ съ позволенія вашей матери.

— Милости просимъ, кузень, сказалъ Эббо, протягивая ему руку. Вы найдете здѣсь во всемъ перемѣну.

— Я уже молился въ часовѣ, сказалъ Вильдшлоссъ серьезно.

— Онъ любилъ васъ больше, чѣмъ я! замѣтилъ Эббо.

— Ваша ревность оказалась счастливою случайностію, сказать Вильдшлоссъ также серьезно; однако же тяжело утратить надежду, дѣлѣнную въ теченіе столькихъ лѣтъ! Какъ бы то ни было, я хочу теперь переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ. Знаете ли вы, на какую службу меня посылаютъ? Императоръ полагаетъ, что армяне или нѣкоторые другіе христіанскіе народы, живущіе на рубежѣ Оттоманской имперіи, могли бы стать нашими союзниками, и напасть на турокъ съ своей стороны. Меня онъ избралъ посломъ, и я въ самомъ непродолжительномъ времени ѣду въ Венецію; я узналъ о своемъ назначеніи только по пріѣздѣ сюда; его навели на эту мысль полученныя имъ сегодня письма; можетъ быть, также и крушеніе моихъ надеждъ. Онъ объявилъ свою волю съ обычною рѣшимостию, и, кажется, считаетъ это назначеніе великою милостию, а между тѣмъ что будетъ съ моею бѣдною малюткою? Она теперь въ ульмскомъ монастырѣ; но наследство большая обуза на шеѣ дѣвушки сироты. Дерзкій Лясла Траутбахъ уже просилъ руку этой бѣдной малютки; это запятанный кровью, игрокъ, развратный пьяница, которому я не довѣрилъ бы любимой собаки! Между тѣмъ моя смерть оставитъ дочь мою на произволъ его отца, который тотчасъ женитъ на ней сына. Даже его тетка, настоятельница монастыря, которая не-хочетъ вѣрить ничему дурному на его счетъ, уже давно настаиваетъ, что пора ее помолвить. При первой молвѣ о моей смерти, они обвиняютъ мою дочь, и тогда горе ей и горе моимъ вассаламъ!

— Король, совѣтовалъ ему Эббо, можетъ взять ее подъ свою опеку

— Молодой человекъ, сказалъ Казимиръ, наклонясь къ нему и говоря въ полголоса, онъ, конечно, могъ пріобрѣсть вашу любовь. Какъ друга, когда вы у него на глазахъ, трудно встрѣтить болѣе обязательнаго и чистосердечнаго человека, чѣмъ онъ; но, при всѣхъ его блестящихъ способностяхъ, онъ правду говоритъ о себѣ самомъ, когда называетъ себя простымъ беззаботнымъ стрѣлкомъ. Сегодня, когда я съ нимъ, онъ отдастъ бы мнѣ половину Австріи, и готовъ былъ бы вступить въ коединокъ, за меня и за Теклу. Но, чрезъ мѣсяць, когда я не буду у него на глазахъ, явится Траутбахъ, въ тотъ самый моментъ, когда его голова будетъ занята изгнаніемъ французовъ изъ Италіи, или реформою церкви, или побіеніемъ турковъ, или раздѣленіемъ имперіи на обруги, или даже новымъ западомъ у пушки, да что говорить,

просто цвѣточнымъ садомъ или прогулкою въ влѣтку льва. Онъ тотчасъ скажетъ: «конечно такъ, хорошо», что бы скорѣе отдѣлаться отъ докучливости, Траутбаха и тогда пропала моя бѣдняжка! Онъ еще, какъ римскій король, былъ вѣтрогономъ, погруженнымъ въ различные планы,—каковъ же онъ будетъ, какъ императоръ? Только его обычное сумасбродство держитъ его здѣсь, тогда какъ въ его австрійскихъ владѣнiяхъ все идетъ вкривь и вкосъ, благодаря его отсутствiю. Нѣтъ, нѣтъ! какой онъ опекунъ для моей дочери! Только вамъ однимъ могу я ввѣрить ее безопасно.

— Моя шпага, какъ рыцаря и родственника.... началъ было Эббо.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь дѣло идетъ не о странствующихъ рыцаряхъ и угнетенныхъ дѣвицахъ. Это было бы какъ разъ подстать самому королю Максу, сказала Вильдшлоссъ, съ тѣмъ оттѣнкомъ иронiи, который всегда задѣвалъ заживое Эббо. Есть одинъ только способъ спасти ее, а именно стать ея мужемъ.

Эббо встрепенулся отъ изумленiя, но Казимиръ, не дождавшись его отвѣта, продолжалъ, положивъ руку на его плечо:

— Мое первое желанiе, касательно дочери, было, что бы она воспитывалась у той неопѣненной дамы, которая тамъ, внизу. Святые угодники, соболѣзнуя о той, которая сама къ нимъ подходитъ, спасли ее отъ бѣды, какiя могъ навлечь на нее нашъ бракъ. Но было бы неразумно отдавать малютку на ея попеченiе, потому что Траутбахъ можетъ легко распустить слухъ о моей мнимой смерти, и потребовать къ себѣ племянницу, а вы еще не въ такихъ лѣтахъ, что бы сдѣлать васъ ея опекуномъ, какъ главу нашего дома. Но если бы обрядъ вѣнчанiя былъ совершенъ, тогда ея особа и земли будутъ принадлежать вамъ, и я оставилъ бы ее съ спокойнымъ сердцемъ.

— Но, сказалъ смущенный и растерявшiйся Эбергардтъ, какъ же съ этимъ быть? Говорятъ, что раньше нѣсколькихъ недѣль мнѣ невозможно будетъ стать на ноги. Да если бы даже я и въ силахъ былъ встать съ постели, то я такъ молодъ, я надѣлалъ столько промаховъ въ дѣлахъ съ моими собственными горцами и съ этимъ бѣдовымъ мостомъ, что какъ же могу я управлять такими имѣнiями, какъ ваши? Ктонибудь, болѣе достойный....

— Послушайте, Эббо, сказалъ Вильдшлоссъ, вы заблуждались; вы дѣйствовали слишкомъ поспѣшно; но скажите: гдѣ найти другаго юношу, котораго добрыя стремленiя были бы

такъ разумны, какъ ваши заблужденія, или который имѣлъ бы въ виду, чужое благо, а не собственное тщеславіе или деспотизмъ? Въ короткое время вы сдѣлали такъ много, что можно узнать, когда находишься на вашей границѣ, по виду вашихъ вассаловъ, по опрятности ихъ жилищъ, по урожаю на поляхъ и по обилію скота; кромѣ того, по лицамъ и тону, съ какимъ вассалы отзываются о своемъ господинѣ.

— Ахъ, это Фридела они любили! Они едва различали меня отъ брата.

— Таковой, какой вы есть, со всѣми промахами, какіе вы дѣлали, и будете дѣлать, вы, какъ я васъ знаю, единственный юноша, которому я желаю ввѣрить мою дочь и мои владѣнія. Старый вильдшлоссвй замокъ составляетъ ленное помѣстіе, переходящее къ наслѣдникамъ мужескаго пола, и должно возвратиться къ вамъ, но у меня есть жалованныя помѣстія, которыя могли бы послужить предлогомъ къ нескончаемымъ смутамъ и распрямъ, если вы и моя маленькая наслѣдница не будете соединены брачными узами. Что касается лѣтъ, то вамъ...?

— Восемнадцать минеть въ будущую пасху.

— Стало быть, вы старше ея только одиннадцатью годами. Малютка будетъ невѣстою въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, когда вы окончите ваши первые военные подвиги.

— А если мамаша будетъ воспитывать ее, сказалъ Эббо задумчиво, то она будетъ наилучшею дочерью, какую можно ей пожелать. Но, кузень, вы знаете, я также долженъ уѣхать, какъ только буду въ состояніи сидѣть на сѣдлѣ, что бы отыскать и выгнать отца моего.

— Это путешествіе будетъ короче и безопаснѣе моего. Генуэзцы и венеціанцы умѣютъ вести дѣла съ невѣрными о выкупѣ ихъ плѣнниковъ, и только по собственной ошибкѣ вы можете подвергнуть себя опасности. На худой конецъ, вамъ слѣдуетъ распорядиться такъ, что бы поручить вашу невѣсту вдову на попеченіе вашей матери.

— Тогда, прибавилъ Эббо, ей все же будетъ кого любить. Господинъ Казимиръ, это очень хорошо; однако, если бы вы знали меня безъ Фридела, то вы раскаялись бы въ своемъ предложеніи.

— Благодарю отъ всего сердца, сказалъ Вильдшлоссъ, но это не ваша забота. Вы никогда не были особенно дружны съ мною, когда и Фридель былъ съ вами. Но кончимъ дѣло, сынъ

мой. Вы съ этой поры позвольте мнѣ такъ называть васъ? Я не надолго останусь.

— Что же мнѣ надобно теперь дѣлать? спросилъ Эббо. Не долженъ ли я послать кольцо моей маленькой невѣстѣ, и ѣхать въ Ульмъ, на обрученіе съ нею, а потомъ весною привести ее домой?

— Нѣтъ, васъ не допускать къ ней. Только я, какъ отецъ, могу ее взять у игуменъи. И для благонадежности союза васъ надобно формально обвѣнчать въ присутствіи императора. Я сегодня же воспользуюсь лунною ночью, и поѣду за нею въ Ульмъ.

Эббо казался разстроеннымъ. Такая поспѣшность взволновала его. — До завтра! сказалъ онъ. Знаетъ ли объ этомъ мама?

— Я сейчасъ переговорю съ нею. Согласіе короля я уже получилъ. Онъ сказалъ: если у насъ есть одинъ здоровомыслящій и честный вассалъ, то намъ слѣдуетъ сдѣлать для него все, что можемъ. Ахъ, сынъ мой, я вамъ привезу ее, и вы будете ея совѣтникомъ и другомъ.

Этотъ планъ былъ, между тѣмъ, уже сообщенъ Христинѣ самимъ императоромъ, прежде Казимира. Вышедши сама замужъ по любви, она не могла сочувствовать такимъ намѣреніямъ, но проникательный Максимилианъ тотчасъ замѣтилъ ея неодобреніе, несмотря на ея робкое согласіе. — Я знаю, сказалъ онъ, что вы думаете: вашъ сынъ такъ молодъ, что онъ едва ли можетъ сознавать, какое обязательство беретъ на себя, а дѣвица, которой онъ отдаетъ свое сердце, слишкомъ молода для того, что бы удержать за собою это сердце; но, баронесса, я замѣчалъ, что люди, у которыхъ семейныя привязанности такъ сильно развиты, какъ у вашего сына, рѣдко увлекаются прихотями страстей. Привязанность ихъ неизмѣнно сосредоточивается на лицахъ, илѣющихъ законное на нее право. Какъ скоро сынъ вашъ будетъ смотрѣть на эту дѣвицу, какъ на свою жену, онъ полюбитъ ее, а она, воспитанная вами, будетъ достойна его любви; если же нѣтъ, прибавилъ онъ вѣтрено, то легко будетъ разорвать бракъ, заключенный съ ребенкомъ; нечего опасаться его неразрывности. Я никогда не видалъ, что бы такіе браки приводили къ добру. Ему слѣдуетъ только упрочить за собою помѣстія.

Не легко было возражать государю, который самъ на опытъ слишкомъ хорошо зналъ непрочность такихъ раннихъ браковъ.

Христина видѣла, что дѣло было уже рѣшено помимо нея, и что ей ничего болѣе не оставалось, какъ благодарить императора, и утѣшаться его восторженными похвалами ея сину.

ГЛАВА X.

ЖЕРТВЕННИКЪ МИРА.

Никто не рѣшился будить молодого фрейгера, пока солнце не взошло высоко; лучи его упали на его лице, и онъ открылъ глаза.

— Мама, зачѣмъ вы допустили меня заспать?

— Мнѣ казалось, что ты долго не заснешь съ вечера.

— Я надѣялся, что вы этого не замѣтите. Да, моя рана причиняла мнѣ сильнѣйшую боль, а чудеса вчерашняго дня совершенно вскружили мнѣ голову.

— Жестокій мальчикъ! зачѣмъ ты меня не повзвалъ?

— Что вы? послѣ всѣхъ хлопотъ вчерашняго дня, и имѣя въ виду то, что васъ ожидаетъ сегодня! Мнѣ то все равно: что бы ни случилось, я всетаки буду сповойно лежать. Я думаю, однако, что придется разбудить васъ, если мнѣ сдѣлается еще хуже, когда скроется луна; но вотъ пришелъ сонъ, и съ нимъ мой Фридель подсѣлъ ко мнѣ, и все глѣть мнѣ свои пѣсни.

— Онъ, убаюкалъ тебя, и ты былъ доволенъ, милый мой?

Христина приготовила сына къ предстоящимъ церемоніямъ; надѣла на него тонкую рубашу голландскаго полотна съ изящною вышивкою по воротнику и рукавамъ, ея собственныхъ рукъ, и раскинула по подушкѣ и по плечамъ его блестящіе темные волосы. Она хотѣла набросить на него пунцовую мантию, но онъ съ негодованіемъ откинулъ ее. — Братъ мой еще не похороненъ, а я буду одѣваться въ нарядныя платья. Дайте сюда черную бархатную мантию!

— Ахъ, Эббо, ты такъ похожъ болѣе на покойника, чѣмъ на жениха. Вѣдь ты испугаешь свою маленькую жену! Не такъ мечтала я нарядить тебя къ твоей свадьбѣ; сказала печально

мать, и встрѣтила въ слезахъ отца Норберта, за которымъ шли еще два монаха, принесшіе разную церковную утварь изъ монастыря. Они устроили наскоро жертвенникъ въ самой комнатѣ Эбергардта, между окнами; за ними вошелъ самъ капелланъ, и сталъ у алтаря, въ ожиданіи церемоніи.

Императоръ ввелъ Христину за руку. За ними шелъ сутуловатый, загорѣлый рыцарь въ бѣлой мантии съ чернымъ крестомъ тевтонскаго ордена. Эббо и Данквартъ Шлангенвальдъ, взглянувъ другъ на друга, седрогнулись: они вспомнили о своихъ убитыхъ родственникахъ.

Эббо разсматривалъ печальное, нѣсколько тупое, лице германца, на которомъ выражались простота и добродушіе, а тотъ, въ свою очередь, съ выпученными отъ изумленія глазами, пристально глядѣлъ на тщедушнаго юношу, рука котораго убила великана Вольфганга Шлангенвальда. Шлейермахеръ присутствовалъ здѣсь, также какъ и главные приверженцы той и другой стороны, которые стояли на заднемъ планѣ комнаты, Гатто, Гейнцъ, Кошпель, съ лицами, далеко не радостными; нѣсколько лицъ изъ свиты императора, и изъ свиты самаго Шлангенвальда.

Императоръ заговорилъ:—Мы свели васъ вмѣстѣ, господинъ графъ фонъ Шлангенвальдъ и фрейгеръ фонъ Адлерштейнъ, потому что вы дали намъ понять, что желаете забыть постыдные раздоры вашихъ предковъ, и жить, какъ добрые христіане, въ дружбѣ и братствѣ.

— Государь, это справедливо, сказала Шлангенвальдъ. Это справедливо, повторилъ Эббо.

— Хорошо, отвѣчалъ Максимилианъ. Наше царствованіе не могло лучше начаться, какъ окончаніемъ распри, стоявшей жизни храбрѣйшимъ сынамъ Германіи. Данквартъ фонъ Шлангенвальдъ! прощаешь ли ты наслѣднику фонъ Адлерштейна смерть твоего отца, павшаго въ свободномъ и честномъ бою, также какъ и другія обиды, нанесенныя его предками?

— Да, государь, я прощаю ему, повинуюсь объѣту, который далъ.

— А ты, Эбергардтъ фонъ Адлерштейнъ, отказываешься ли отъ мщенія за смерть твоего брата и за всякое другое зло, которое претерпѣлъ твой домъ?

— Я отказываюсь отъ мщенія навсегда.

— Далѣе, вмѣсто того, что бы спорить о правахъ на мѣстность, называемую Спорный Бродъ, и на остатки груза, выкиды-

ваемыя рѣкою, вы заодно съ ульмскими гражданами постройте мостъ надъ Браунвассеромъ; доли ваши будутъ распределены швабскою лигою, и пошлина можетъ быть взимаема съ каждаго проѣзжающаго воза и съ каждаго прогона скота.

— Мы согласны, сказали оба рыцаря.

— И я также, отъ имени двухъ ульмскихъ гильдій, прибавилъ Морицъ Шлейермахеръ.

— Такимъ же образомъ, продолжалъ императоръ, въ избѣжаніе распрей и для освященія мѣста, подавшаго поводъ къ нимъ, вы соединенными усиліями постройте церковь, гдѣ вы похороните обоихъ вашихъ родственниковъ, павшихъ въ послѣднемъ роковомъ бою, и гдѣ будетъ установлено вѣчное поминовеніе ихъ души, а также душъ другихъ членовъ вашихъ родовъ.

— Я охотно соглашаюсь на это, сказалъ тевтонскій рыцарь. Но Эббо, пораженный тѣмъ, что кроткаго, благочестиваго Фриделя положить вмѣстѣ съ его убійцею, предателемъ, готовился заявить, что онъ считаетъ это святотатствомъ, когда строгій, повелительный взглядъ Максимилиана напомнилъ ему, что нельзя требовать уступокъ отъ одной только стороны, и что онъ не могъ хуже оскорбить Фриделя, какъ сдѣлать его поводомъ къ сорѣ. Такимъ образомъ онъ также сказалъ: Я согласенъ.

— И въ знакъ дружества, я разорву и сожгу всѣ письменные вызовы дома Адлерштейна, сказалъ Шлангенвальдъ, вынимая изъ кармана собраніе письменныхъ ругательствъ, начиная съ каракуль на пожелтѣвшемъ измятомъ пергаментѣ и оканчивая письмомъ на грубой бумагѣ, вышедшимъ изъ подъ пера грамотнаго гражданина Гуго Сореля, съ кривою подписію двухъ послѣднихъ Адлерштейновъ, — всѣ съ огромными приложенными къ нимъ печатами съ изображеніемъ орла. Такое же собраніе писемъ, составлявшихъ архивъ дома Адлерштейна, лежало возлѣ Эббо; каждый изъ нихъ, взявъ кинжалъ, разсѣкъ на части эти документы, и швырнулъ ихъ въ огонь камина.

Такия торжественныя примиренія были не рѣдки, но увѣчно часто ни къ чему не приводили.

Послѣ того Максимилианъ служилъ обѣдно въ качествѣ діакона; онъ любилъ это дѣлать, изъ набожнаго ли смиренія, или изъ страсти ко всему оригинальному, а, можетъ, быть, благодаря тому и другому. По окончаніи службы, оба примирившіеся врага должны были поцѣловаться, и какъ они постились все утро,

то имъ приготовленъ былъ на завтрагъ бѣлый хлѣбъ и вино, съ тѣмъ, что бы они откушали за общою трапезою.

— Въ ожиданіи Казимира съ его невѣстою, я посмотрю на ваши горы; уважите мнѣ, гдѣ тотъ утесъ? спросилъ Максимилианъ.

— Тотъ утесъ! вскричалъ Эббо. Онъ не очень удобенъ для прогулки. Это просто крутая скала, скользкая, какъ ледъ; нога скользитъ по ней, если не упрется въ какойнибудь камень или въ сѣтъ плюща. Максимилианъ улыбулся: всякая опасность только подстрекала его, и онъ предложилъ отправиться немедленно на охоту за медвѣдами.

Однако же, въ эту минуту, нѣсколько всадниковъ показалось возлѣ брода, и гонецъ, опередившій ихъ, привезъ извѣстіе, что, вслѣдъ за ними, ѣдетъ фрейгеръ Вильдшлоссъ съ маленькою баронессою Теклою.

Казимиръ ѣхалъ съ своими провожатыми всю ночь, и остановился на короткое время ночевать въ гостиницѣ близъ Ульма; рано утромъ онъ пріѣхалъ въ монастырь, переговорилъ съ игуменьею Людмиллою, взялъ дочь, и посадивъ ее передъ собою на подушку, которую привязалъ къ сѣдлу, увезъ съ собою, а по дорогѣ рассказывалъ ей о доброй дамѣ и омолодомъ рыцарѣ, которымъ такъ захпато было ея дѣтское воображеніе.

Христина сошла внизъ, что бы принять ихъ. Нельзя было терять ни минуты времени, потому что императоръ хотѣлъ отправиться на охоту до сумерекъ, а для того, что бы онъ былъ свидѣтелемъ вѣнчанія, нужно было немедленно приступить къ церемоніи; терпѣніе уже начинало измѣнять ему.

Съ малютки поспѣшно сняли дорожное платье, причесали ея бѣлокурую головку, надѣли вѣнокъ, который Христина сдѣлала для нея изъ мирты, выращенной ею, когда она сама была дѣвучкою, и едва успѣвая отвѣчать на ея разспросы, и ласками уговаривала ее быть умницею.

Бѣдняжка! Она устала, дрожала отъ страху, и дичилась; когда ее принесли наверхъ и женихъ застѣнчиво привѣтствовалъ ее полуулыбкою, она затрепетала и закричала:—Гдѣ же красивый молодой рыцарь? Подъ этимъ покровомъ лежить какаято барышня, которую будутъ посвящать въ монахини.

— Вы и сами похожи на монашешку, сказала Эббо (потому что на ней было надѣто монашеское платье), но ненего дѣлать: мы должны примириться съ тѣмъ, каковы мы есть. И

когда она закрыла лице, и прильнула къ его матери, онъ прибавилъ болѣе шутивымъ и нежнымъ тономъ:—Вы давно объявили мнѣ, что будете моею женою!

— Ахъ, вѣдь васъ было тогда двое, и какъ вы были красивы!

Нетерпѣливый Максимилианъ вернулся, и привелъ съ собою капеллана, который, развертывая книгу, спросилъ у жениха кольца. Эббо посмотрѣлъ на Казимира, но Казимиръ признался, что онъ забылъ привезти кольца.

Эббо покраснѣлъ и сказалъ:—Надобно ихъ достать откуданибудь.

Максимилианъ вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія: вынувъ книжку, онъ отдалъ нѣсколько толстыхъ колецъ отъ своей золотой цѣпи, поддерживавшей охотничій рогъ, и сказалъ капеллану:—Ну, начинайте же поскорѣе, отче!

Во время церемоніи Текла, получившая монастырское воспитаніе, стояла смиренно на стулѣ, который былъ ей подставленъ, что бы капеллану не нужно было наклоняться къ ней при вопросахъ.

Когда обрядъ былъ оконченъ, женихъ и невѣста, мать и отецъ сочетавшихся, императоръ и графъ Данквартъ, подписали два свидѣтельства: одно взято было на храненіе капелланомъ, а другое отдано было въ домъ Адлерштейновъ.

Тогда Максимилианъ, въ заключеніе церемоніи, наклонился поцѣловать новорожденную; но разстроенная, усталая, бывшая не въ духѣ отъ усталости, и испуганная, Текла рада была выместить на комънибудь свое дурное расположеніе духа, и съ разсвѣтомъ ударила его по лицу изъ всей мочи своею маленькою ручкою, закричавъ:—Это что еще? подите прочь! Я знаю, что я никогда не выхожу за васъ замужъ!

— Тыя лучше для меня! сказалъ веселый императоръ, расхохотавшись отъ всего сердца. Прощайте, господинъ новорожденный! прибавилъ онъ. Богъ да благословитъ тебя за сегодняшнее дѣло; будь счастливъ съ своею маленькою фурією. Я принимаю ей медвѣжью шкуру, вмѣсто свадебнаго подарка.

Нѣсколько времени спустя, императоръ прислалъ фрейгеру Эбергардту связку италянскихъ книгъ, а баронессѣ, красиво обдѣланной медвѣжьей шкуръ, съ головою (вмѣсто глазъ вставлены были два рубина, съ золотымъ намордникомъ и золотую цѣпю на носу и съ вызолоченными когтями), съ приказаніемъ, не-

смотря ни на какую погоду, доставить это непременно въ замокъ для рождественскаго подарка.

ГЛАВА XI.

Старое желѣзо и новая сталь.

Неслѣдніе яркіе лучи солнца догарали однимъ лѣтнимъ вечеромъ. Пѣнясь и сверкая, катились темныя волны Браунвассера по своему каменистому руслу; широкая арка моста, перекинутаго черезъ рѣку, съ массивными перилами, словно подсмѣивалась надъ бурными волнами. Нѣсколько дальше, на опушкѣ лѣса, расположеннаго по горѣ, видѣлись хижинны и нѣсколько поселавъ, занятыхъ повѣдному востройкою мельницы; на лѣвомъ берегу строилась маленькая церковь, и видѣлся рой каменщиковъ, занятыхъ съ ночь до дождя.

По мосту шелъ запыленный человѣкъ, котораго можно было принять за пилигрима, судя по его шляпѣ, котомкѣ и длинной палкѣ, на которую онъ тяжело опирался, какъ человекъ, истомленный долголѣтнимъ трудомъ или страждовашіями. Остановившись по серединѣ моста, онъ обвелъ изумленнымъ, какъ бы недоумѣвающимъ, взоромъ кругомъ себя.

Недалеко отъ моста, стоялъ пожилой человѣкъ и держалъ двухъ лошадей; одна изъ нихъ была старая кобыла, совершенно бѣлая, другая—маленькая горная косматая лошадка. На берегу рѣки играла дѣвочка лѣтъ около семи, и таскала камни, для постройки своего собственнаго маленькаго строенія и известковый растворъ, которымъ пользовалась отъ работавшихъ около церкви каменщиковъ. Пилигримъ взглянулъ на дѣвочку, и, казалось, готовъ былъ обратиться къ ней съ вопросомъ, но какъ будто передумалъ, и, подойдя къ портику церкви, утѣлся на обломкѣ камня. Насупротивъ входа въ церковь, строились два монумента, и скульпторы оживляли двѣ фигуры: одна изображала воина съ щитомъ, на которомъ представлялъ быть змѣй; на другомъ же памятникѣ художникъ оживлялъ статую молодца—

го человѣка, почти мальчика, въ доспѣхахъ рыцаря, съ лютою въ рукахъ; возлѣ него лежалъ щитъ съ орломъ и голубемъ; на каскѣ былъ также орелъ.

Странно было то, что моделью для этой статуи сидѣлъ живый человѣкъ, совершенно съ тѣми же чертами лица, и съ печальнымъ выраженіемъ въ черныхъ глазахъ.— Сегодня послѣдній сеансъ, сказалъ скульпторъ, сходство схвачено, и я не буду болѣе васъ беспокоить.

— Очень радъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Мнѣ нужно на будущей недѣлѣ ѣхать въ Геную. Если императоръ не приплетъ мнѣ отвѣта, то я самъ отправляюсь разыскивать его, и покажу ему, что я уже теперь не хромаю.

Между тѣмъ дѣвочка вдругъ замѣтила пилигрима, и остановилась передъ нимъ; волосы ея были растрепаны, чепчикъ обился на бокъ. Странникъ рѣшился спросить ее:— Скажите, милая барышня, это вѣдь Спорный Бродъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, теперь это уже Дружественный Мостъ.

— А какой это замокъ? продолжалъ онъ.

— Замокъ Адлерштейнъ, отвѣчала дѣвочка гордо.

— А вы, маленькая барышня, Адлерштейнъ-Вильдшлоссъ?

— Да, и потомъ, подумавъ, она рѣшилась сама спросить: вы пилигримъ? Пойдите въ замокъ; вы тамъ поужинаете и отдохнете. И потомъ, прыгнувъ мимо его, она побѣжала къ рыцарю, крича:— Господинъ Фрейгеръ, вотъ здѣсь сидитъ пилигримъ, усталый и голодный, возьмите его домой, къ мамѣ.

— А тебя за кого онъ принялъ? вѣрно за чертенка? сказала молодой человѣкъ, и съ братскою заботливостію откинулъ назадъ ея свѣтлые, какъ ленъ, волосы и подвязалъ чепчикъ около ея пукленькаго невиннаго личика. Подойдя къ страннику, Эббо поклонился ему, и пригласилъ его въ замокъ.

— Эта гробница не графа ли Вольганга Шлангенвальда? спросилъ съ любопытствомъ пилигримъ, не отвѣчая на приглашеніе Эббо, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Какъ умеръ онъ?

— Въ бою.

— Отъ чьей руки?

— Отъ моей.

Пилигримъ съ удивленіемъ осмотрѣлъ его съ ногъ до го-

ловы, и, не говоря болѣе ни слова, взявъ свой посохъ и пошелъ далѣе, но не къ замку.

Черезъ четверть часа, рыцарь съ дѣвочкою встрѣтились опять съ пилигримомъ. Они ѣхали верхомъ, и съ жалостію смотрѣли на медленную усталую его походку. Эббо спросилъ: — Куда же ты идешь?

— Я пробираюсь въ деревню, къ церкви святаго Фридмунда, отвѣчалъ странникъ.

— Ого! Отсюда далеко; поѣдемъ лучше къ намъ; отъ насъ ближе, сказалъ Эббо, и послалъ Теклу, за которою пошелъ Гейнцъ къ замку, увѣдомить Хрестину, что онъ приведетъ странника, а самъ, сошедши съ лошади, помогъ старику влѣзть на лошадь, воскликнувъ: — А! да ты вѣрно уже сизивалъ прежде на сѣдлѣ!

Посадить путника на свою лошадь и идти возлѣ него, считалось въ средніе вѣка благочестивымъ дѣломъ. — Что это такое? воскликнулъ странникъ; новая дорога къ замку?

— Да, она удобнѣе. Ты вѣрно изъ здѣшнихъ мѣстъ? спросилъ рыцарь.

— Я былъ на службѣ у фрейгера, отвѣчалъ онъ сквозъ зубы.

— Какъ! у моего дѣда?

— Нѣтъ! У стараго фрейгера Эбергардта, а не у Вильдшлосса.

— Но я не Вильдшлоссъ! Я внукъ фрейгера Эбергардта! О, не былъ ли ты съ нимъ и съ моимъ отцемъ, когда на нихъ напали въ гостиницѣ? спросилъ онъ съ жаромъ, стараясь заглянуть въ лицо пилигрима, скрытое подъ широкими полями шляпы, которую странникъ еще болѣе надвинулъ на глаза, наклонивъ голову, и пробормотавъ просебя: «сынъ Хрестины.» Этого Эббо не разслышалъ, и старикъ воскликнулъ съ водущеюшею силой: — Вы отпустили ихъ! Когда? какъ? гдѣ?

— Нынѣ осенью, у Спорнаго Брода, отвѣтилъ нехотя Эббо, подавленный тяжелымъ воспоминаніемъ, но принужденный удовлетворить злобное любопытство стараго врага Шлангенвальда.

— Такъ ему и слѣдовало! Ай да молодецъ! вскричалъ старикъ съ восхищеніемъ. И этою самою шпагою?

— Этою шпагою я поразилъ его. Тебѣ знакома она? И, вынувъ оружіе, онъ подаль его старому воину, который, оглядѣвъ

его, съ вздохомъ возвратилъ молодому рыцарю, сказавъ:—Вы и эта шпага славно отомстили! Теперь позвольте мнѣ сойдти съ лошади; я знаю дорогу къ пещерѣ пустынника.

— Что это значить? сказала Эббо; ты отдохни у насъ. Пещера теперь пустая, и едва ли можно въ ней жить.

— Отпустите меня, пока я не успѣлъ навлечь на васъ бѣды. Я могу тамъ молиться и спасти мою душу. Каково мнѣ здѣсь видѣть все это? сказалъ странникъ.

— Видѣть что? спросилъ Эббо, стараясь опять заглянуть ему въ лице. Здѣсь, конечно, много перемѣнъ, но мы всегда рады гостю, старому приверженцу моего отца.

— Не тогда же однако, когда жена вышла замужъ за другаго, ворчалъ странникъ съ грустію, и за Вильдшлосса! Молодой человекъ, я могъ бы скорѣе простить все другое!

— Я не знаю, кто вы такой, что можете говорить о томъ, что прощаете или не прощаете чего нибудь моей матери, сказала Эббо, но она не вышла замужъ за другаго, и никогда не выйдетъ. Она отказывалась отъ всѣхъ предложеній, и особенно теперь, когда Шлангенвальдъ признался передъ смертію, что онъ не убилъ моего отца, а продалъ его туркамъ; я только и ждалъ, что бы вылетѣть отъ ранъ, и поѣду непремѣнно разыскивать его.

— Кто же эта дѣвочка, которая сказала мнѣ, что она Вильдшлоссъ?

— Эта дѣвочка, сказалъ Эббо, улыбувшись и немного покрасивъ, моя жена, дочь Вильдшлосса, который просилъ меня жениться на ней такъ рано для того, что бы она воспитывалась у моей матери.

Въ это время они приплы въ замокъ. Эббо, оставивъ его у входа, пошелъ впередъ, и сказалъ матери въ полголоса:—Этотъ странникъ одинъ изъ старыхъ ландскнехтовъ моего дѣда. Узнаете ли его вы, или Гейнцъ, приверженецъ старины, чрезвычайно недовольный перемѣнами?

— А ты шелъ въ гору пѣшкомъ и утомился! воскликнула Христина, глядя съ жалостію на неровные шаги сына.

— Отдохну, и все пройдетъ, сказалъ Эббо, сѣвши близь камня. Спустя минуту, странный, дикій, глухой крикъ матери заставилъ его встрепенуться, и подбѣжать къ ней. Она стояла съ сжатыми руками и блуждавшими глазами. Пилигримъ, сбросивъ шляпу на полъ, обнаружилъ сѣдую голову и загрубѣлое

лице, смотрѣлъ на нее, какъ будто пожиралъ ее глазами, и бормоталъ: — Нисколько не измѣнилась! ничуть не измѣнилась!

— Что это такое? загремѣлъ молодой фрейгеръ, что вы сдѣлали баронессѣ?

— Стой, Эббо, стой! закричала она. Это твой отецъ! На колѣни! Твой отецъ пришелъ! Это нашъ сынъ! — мой мужъ! О, обвинитесь! кричала она дико.

— Погодите, мамаша, сказалъ Эббо, обхватя ее рукою, хотя она вырывалась отъ него. Онъ все еще сомнѣвался въ истинѣ ея словъ, вспомнивъ, что Гейнцъ не призналъ странника. Вѣрно ли, что это мой отецъ?

— О, Эббо! вскрикнула бѣдная Христина, виѣ себя, какъ же мнѣ не знать? Я въ этомъ увѣрена! Я это чувствую! О будь къ нему снисходителенъ, Эбергардтъ! Онъ обыкновенно очень ласковъ! Эббо, неужели ты не чувствуешь, что это онъ самъ?

— Молодой человекъ правъ, сказалъ странникъ медленно. Пускай спрашиваетъ меня; я буду отвѣчать на всѣ вопросы.

— Простите меня, сказалъ Эббо, пристыженный, иростите, и упалъ на колѣно; но онъ слышалъ только крикъ его отца:—Ахъ, Стина, Стина, ты одна все та же, и, поднявъ голову, Эббо увидѣлъ, что мать, припавъ лицомъ къ его бѣлой бородѣ, дрожала отъ восторга, какого онъ никогда не видѣлъ въ ней прежде. Она съ рыданіемъ повторяла:—Мой сынъ! О, мои прекрасные близнецы! Нашъ сынъ, взгляни на него, другъ мой! И пилигримъ теперь только услышалъ, что Эббо сказалъ:—Простите и благословите меня, уважаемый отецъ.

Робко положилъ отецъ руку на черноволосую его голову и что то прошепталъ; потомъ сказалъ:—Встанъ же! Побѣдителю Шлангенвальда неприлично стоять на колѣняхъ! Ахъ, Стина! я зналъ, что твоя голова удивительно умна, но никакъ не могъ думать, что ты воспитаешь въ немъ мстителя Вольфгангу! Онъ такой тщедушный! А! Шнейдерлейнгъ! старый дурень, я узналъ тебя (онъ протянулъ ему руку). Такъ ты благополучно доѣхалъ домой?

— Да, мой милостивецъ; но если я оставилъ васъ живаго, то уже теперь я никогда ни про кого не скажу, что онъ умеръ, сказалъ Гейнцъ.

— Тѣмъ хуже было для меня, до настоящей минуты, сказалъ Эбергардтъ.

Онъ оченъ перемѣнился въ лицѣ, голосѣ, поступи, осанкѣ; онъ казался старѣе своихъ лѣтъ. Волосы и борода его совершенно побѣлѣли. Онъ сильно хромалъ, и когда бѣдная жена его осматривала его ноги, желая, какъ умѣла, облегчить его страданія разными извѣстными ей средствами, то она нашла ихъ не только разбитыми отъ дальней дороги, но и съ затвердѣвшими рубцами около ладыжки.

— Слѣды оговѣ, сказалъ онъ, когда она смотрѣла на нихъ съ ужасомъ и жалостію. Воображалъ ли я, что они когда нибудь поступятъ на попеченіе твоихъ нѣжныхъ рукъ? Затѣмъ, робко глядя рукою ея черные волосы, онъ сказалъ: Однако же они не сожгли тебя, какъ колдунью, бѣдняжка моя? Я думалъ, что мать не отпустить тебя подобру, и мнѣ чудилось уже, что я слышу трескъ костра.

— Она пощадила меня ради дѣтей, сказала Христина; да, Провидѣніе было милостиво къ намъ, но никогда не была я такъ счастлива, какъ въ настоящую минуту. Чувствуешь ли ты въ себѣ достаточно силы, мой милый, что бы пойти теперь съ мною въ часовню замка, принести нашу благодарность Богу? прибавила она робко.

— Я охотно пойду туда, отвѣчалъ онъ съ жаромъ, если бы даже мнѣ пришлось ползти на колѣняхъ.

Эббо суетился около отца, стараясь доставить ему всевозможныя удобства; но его родители были такъ заняты другъ другомъ, что едва замѣчали его; болѣе всего его огорчало то, что они ни разу не упомянули имени Фриделя. Онъ считалъ это несправедливостію къ брату, который первый задумалъ отыскивать своего, неизвѣстнаго ему, отца, и не понималъ, какъ родители могли забыть всѣ прежнія печали, что бы предаться своей новой радости, и отчего онъ какъ будто казался чужимъ своему отцу, и отчего ему какъ будто трудно было обратиться, что это его сынъ, и вспомнить о его близнецѣ братѣ; его притупленный, усталый умъ словно позволялъ ему сознавать до сихъ поръ только то, что онъ былъ у себя дома, вмѣстѣ съ своею Христиною.

Когда раздался колоколъ, Эббо предложилъ отцу опереться на него, но отецъ не обратилъ на это никакого вниманія; онъ весело шелъ, рука объ руку съ женою, а ея веселыя, восторженные улыбки и киванія головою тяжело дѣйствовали на сына, который привыкъ до этой поры замѣнять для нея все на свѣтѣ.

Эббо пошелъ за ними, и когда они проходили мимо гробницы Фриделя, ему почудилось, что мать указала на нее, но онъ и въ этомъ не былъ увѣренъ. Родители его стали рядомъ на колѣни, и радостно благодарили Бога, а Эббо, прислонясь къ гробницѣ, старался отогнать отъ себя нечестивую мысль, что грубый, невѣжественный отецъ держитъ себя въ отдаленіи отъ сына, вѣроятно изъ недовѣрчивости и зависти, и хочетъ передѣлать все, что онъ совершилъ, и еще болѣе привлечь къ себѣ мать, которая была для него всѣмъ на свѣтѣ, и ради которой онъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни, взявъ себѣ въ жены ребенка, который для него до сихъ поръ не могъ имѣть никакого значенія.

Развѣ это не значило перевернуть вверхъ дномъ естественный порядокъ вещей, если ему, привыкшему къ господству съ младенчества, вдругъ, на восемнадцатомъ году его жизни, придется уступить всѣ свои права старому поколѣнію? И подобныя тому мысли тѣснились въ его душу, когда всѣ домочадцы весело вышли толпою изъ часовни, что бы заняться приготовленіями къ пиру, и достойно отпраздновать возвращеніе стараго господина, совершенно позабывъ о молодомъ господинѣ, который остался наединѣ съ собою.

Подойдя къ гробу, на которомъ лежали доспѣхи и бѣлый крестъ, Эббо бросился на колѣни, и, положивъ свою голову на гробъ, шепталъ:—Ахъ, Фридель! Фридель! Если бы мы могли перемѣниться мѣстами! Ты лучше перенеси бы все это! По крайней мѣрѣ, ты никогда не тяготился одиночествомъ.

— Господинъ фрейгеръ! вдругъ прерогворилъ тоненькій голосокъ.

— Первое движеніе его выразило нетерпѣніе. Теяла вѣчно гонялась за нимъ, когда онъ вовсе не желалъ ея присутствія, но здѣсь онъ никакъ не ожидалъ найти ее, потому что она очень боялась этого гроба, и ее съ трудомъ могли заманить въ часовню, даже во время службы; ей все чудилось, что пустой шлемъ глядитъ на нее. Но теперь Эббо увидѣлъ, что она подошла такъ близко, какъ только могла, и глаза ея свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ свѣтомъ, какого онъ прежде въ нихъ не замѣчалъ.

— Что тебѣ нужно, Теяла? спросилъ онъ; тебя послали за мною?

— Нѣтъ, но я видѣла, что вы были здѣсь, совсѣмъ одни, сказала она, сложивъ свои ручки.

— Развѣ я не могу быть одинокимъ? сказалъ онъ грустно. Здѣсь лежитъ мой братъ, а къ матери возвратился его мужъ.

— Но гдѣ же я остаюсь съ вами! воскликнула Текла, и, между тѣмъ какъ онъ взглянулъ на нее полусмѣясь и полупечально, онъ встрѣтилъ такой ласковый любящій взглядъ, что не могъ не протянуть къ ней своихъ рукъ, а она, бросившись къ нему, обхватила рученками его шею.—Право, сказала она, я уже теперь никогда не буду бояться шлема, если только вы не будете приклонять къ нему свою голову, и говорить, что вы одиноки.

— Никогда не буду, Текла, повуда ты будешь моею маленькою женою! отвѣтилъ онъ. И хотя она была еще дитя, но онъ нашелъ странное утѣшеніе для своего сердца въ выраженіи ее глазъ, въ которыхъ высказывалось прежде одно любопытство и дѣтская безпечность, и въ которыхъ теперь промелькнуло, что то любящее и разумное.

— Что вы дѣлаете? спросила она, вздрогнувъ немного, когда онъ всталъ, и положилъ руку на шпагу Фриделя.

— Я хочу, что бы ты опоясала шпагою своего собственнаго рыцаря, сказалъ Эббо, снявъ ту, которую онъ такъ долго носить. Фридель, прибавилъ онъ, ты дашь мнѣ свою? Уступи мнѣ съ нею и твой нравъ, твою чистосердечную любовь и покорность!

Онъ помогъ маленькимъ пальчикамъ Теклы застегнуть поясъ, и потомъ, положивъ свою руку въ ее руки, сказалъ серьезно:—Текла! никогда не говори о томъ, что я теперь сказалъ, даже мамангѣ. Помни, это первая тайна твоего мужа.

И, чувствуя себя несовсѣмъ одинокимъ, когда она держала его руки, онъ вернулся въ залу, гдѣ отецъ сидѣлъ въ тѣхъ самыхъ креслахъ, которыя онъ привыкъ съ малолѣтства считать своими. Воскликаніе матери показало, что она думала объ немъ; она почувствовала себя счастливейше, чѣмъ когда либо, когда Эббо важно сталъ передъ своимъ отцомъ, и поднесъ ему славную старую шпагу, посланную имъ нѣкогда его еще неродившемуся сыну.

— Тебѣ, конечно, придется больше работать ею, чѣмъ мнѣ; ты уже и такъ съ славою поработалъ, сказалъ отецъ. Одинокъ же я не отражусь поддержать у себя нѣсколько времени моего добраго товарища. Съ женою, съ сыномъ, съ шпагою я какъ,

будто опять буду тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ; но все это настоящее чудо!

О себѣ онъ разсказалъ слѣдующее: Обморомъ, въ которомъ оставилъ его Гейницъ, по всей вѣроятности, спасъ его жизнь, остановивъ изліяніе крови; онъ ничего не зналъ, что было послѣ того; онъ очнулся уже на телѣгѣ между другими тѣлами. Въ шлангенвальдскомъ замкѣ увидѣли, что онъ дышетъ, и бросили въ темницу, гдѣ никто за нимъ не ходилъ; долго ли онъ пролежалъ, онъ этого не зналъ, потому что съ нимъ сдѣлалась горячка. Сильный организмъ вынесъ болѣзнь, несмотря на грубую пищу, скудное питье и пребываніе подъ темнымъ, сырмъ сводомъ. Въ половинѣ лѣта, когда Эбергардтъ привѣтствовалъ первый пробившійся сквозь рѣшетку его окна лучъ солнца, пришли взять его изъ темницы, посадили съ завязанными глазами и связанными руками на лошадь, и только когда онъ прибылъ въ турецкій лагерь, и очутился среди толпы германцевъ, такихъ же плѣнниковъ, какъ и онъ, ему развязали глаза.

Для Эбергардта перемена была къ лучшему. Турки обращались съ нимъ гораздо лучше, чѣмъ христіане. Прогулки на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ другимъ германцемъ, съ которымъ онъ былъ скованъ, были пріятнѣе, чѣмъ томленіе въ одиночномъ заключеніи. Въ Адрианополѣ имъ предложили принять мохамеданскую вѣру, и вступить въ турецкую службу, но они отказались въ одинъ голосъ. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ, предложившихъ за себя выкупъ, были отправлены въ Константинополь, въ ожиданіи выкупа, и обѣщали Эбергардту сообщить объ участи, постигшей его, по возвращеніи на родину. Хотя онъ и не особенно надѣялся, что его выкупятъ, зная недостаточность средствъ своего семейства, однако, тѣмъ не менѣе, ему было тяжело узнать, что они не исполнили своего обѣщанія.

— Увы! сказалъ Эббо, имъ не было случая исполнить его; гильдены стали рѣдки, или все стеклись въ большіе сундуки императора Фридриха. Выкупъ не могъ быть высланъ, и все они умерли невольниками. Я слышалъ объ этомъ въ Вормсѣ, когда ѣздилъ туда въ прошедшемъ мѣсяцѣ.

— Ты ѣздилъ въ Вормсѣ? спросилъ съ удивленіемъ Эбергардтъ.

— Мнѣ пришлось съѣздить туда по дѣламъ, и мы оба, Данквартъ Шлангенвальдъ и я, дѣлали розыски касательно участи, постигшей васъ. Я уже былъ бы теперь на пути, если бы

императоръ не задержалъ меня, подѣ предложомъ, что я еще недостаточно оправился и слишкомъ хромаю.

— Если бы ты поѣхалъ меня отпскивать, то не нашель бы меня, пожалуй, продолжалъ отецъ, и рассказалъ, какъ потомъ онъ съ другими невольниками былъ проданъ мавританскому купцу, торгующему невольниками, и привезенъ въ Тунисъ, гдѣ опять предлагали ему на выборъ принятіе исламисма и свободу, или рабство, и—влянусь, что на этотъ разъ мнѣ пришло въ голову, что невѣрные не только не хуже, но даже получше многихъ христіанъ; но когда мнѣ сказали, что эта вѣра признаетъ, что у женщинъ нѣтъ души, точно также, какъ у лошадей и собакъ, то я увидѣлъ, что это пустая вѣра, потому что моя маленькая Эрментруда и ты, Стина, имѣли душу лучшую, чище и разумнѣе, чѣмъ всѣ извѣстные мнѣ мужчины. Потомъ опредѣлили меня къ корсару на галеру, гдѣ, догоняя христіанскіе корабли, которые корсары брали въ плѣнъ и грабили, мы должны были работать веслами по двадцати и тридцати часовъ, безъ смѣны и безъ отдыха, а неутомимая плеть начальника судна подстрекала ослабѣвавшія силы. Въ это время намъ клали пищу въ ротъ, что бы не прерывать работы. Многіе не выдерживали, умирали, и тѣла ихъ выбрасывались въ море. Христина плакала, слушая его рассказъ, и глядя на его сгорбленную спину, которую она помнила такою стройною.

Эббо спросилъ:— Не былъ ли вмѣстѣ съ нимъ, въ числѣ невольниковъ, генуэзскій купецъ Джіанъ Батиста деи Батисте?

— Да, я знавала купца Джана, какъ мы его называли, но вы выговариваете его имя, какъ его произносятъ его соотечественники, отвѣчала старикъ.

Христина улыбнулась.— Эббо учился италіанскому языку; онъ думалъ, что это поможетъ ему отыскать васъ.

— Что я слышу! закричалъ отецъ, да онъ перещеголяетъ въ учености всякаго священника. И, однако же, онъ убилъ Вольганга!

Его просили продолжать свой рассказъ, и объяснить, какимъ образомъ онъ былъ освобожденъ.— Это случилось, когда болѣзненные припадки, бывшіе слѣдствіемъ его раны, стали возобновляться такъ часто, что онъ сдѣлался неспособнымъ къ морской службѣ, и его опредѣлили на работы при фортификаціи. Тутъ, скованный съ другимъ невольникомъ, работая подѣ

налицемъ солнцемъ, онъ имѣлъ одно то облегченіе, что съ нимъ обращались не такъ жестоко, какъ на морѣ, и онъ былъ между лучшимъ классомъ невольниковъ.—Я оставилъ всякую надежду на освобожденіе, сказалъ онъ.

Вдругъ имя его объявлено въ спискѣ выкупленныхъ невольниковъ, приказано отослать его въ Геную, и отвезти къ одному генуэзскому купцу. Въ этомъ купцѣ онъ узналъ своего товарища по невольничеству, былъ принятъ имъ, и угощенъ со всѣмъ радушіемъ гостепрѣимства.

— Это и былъ Батиста деи Батисте, сказалъ Эббо.

— Быть можетъ, отвѣтилъ отецъ. Постояте! Онъ мнѣ рассказывалъ, что попалъ въ тюрьму одной горной германской крѣпости и былъ освобожденъ двумя молодыми юношами. Онъ принялъ это за чудо, и рассказывалъ, что святые юноши, проводивъ его до монастыря, вдругъ исчезли.

Эббо объяснилъ отцу, какъ все было, и прибавилъ гордо:

— Онъ былъ мой плѣнникъ: я имѣлъ право освободить его.

— Да, конечно! Ты былъ здѣсь господиномъ съ малолѣтства, а же никогда, сказалъ жалобно старшій рыцарь, оглядываясь кругомъ. Эббо быстро подхватилъ:—Нѣтъ, вы настоящій фрейгеръ и молновластный господинъ здѣсь, и я готовъ вамъ повиноваться.

— Ты прекрасный, молодой юноша, уже посвященный въ рыцари, получившій книжное образованіе, и, въ добавокъ, обладатель всѣхъ вильдшлюсскихъ земель, сказалъ Эбергардтъ, окидывая страннымъ, изумленнымъ взглядомъ нѣжныя, умныя черты лица смущеннаго сына, и качая головою.

Христинна прервала молчаніе, прося его кончить свою исторію.

— Этотъ купецъ дѣйствовалъ не отъ себя, но какъ агентъ одного австрійскаго дворянина, который поручилъ ему узнать объ мнѣ, его товарищѣ невольничества, и если я живъ, то заплатить выкупъ и привезти меня домой, продолжалъ мужъ.

— Имя, имя дворянина? спросили съ жаромъ, въ одинъ голосъ, мать и Эббо.

— Итальянецъ всегда перекирвалъ наши германскія имена. Мнѣ помнится, что человѣкъ этотъ что то въ родѣ странствующаго рыцаря, о которыхъ говорится въ твоихъ балладахъ, Стина, — Тейр... Тейр...

— Тейрданкъ! закричалъ Эббо.

— Да, да, Тейрдангъ. Такъ вы знаете его? Кажется, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы вы съ Христиною не знали!

— Это самъ императоръ! воскликнулъ Эббо. Теперь я понимаю что значилъ лукавый взглядъ, съ которымъ онъ отгазаль мнѣ въ дозволеніи ѣхать за отцемъ, ссылаясь на мою хромоту, и который такъ разсердилъ меня! Онъ долго разспрашивалъ меня о Джіанѣ Батистѣ.

— Однако, если римскій король освободилъ васъ, мой другъ, сказала Христина, какъ же онъ не подумалъ о вашемъ путешествіи, и какъ могъ допустить, что бы вы дошли до такого отчаяннаго положенія?

Освободитель его нисколько не былъ въ этомъ виноватъ. На все даны были деньги, и Эбергардтъ ѣхалъ до Аосты съ итальянскими купцами; но когда онъ разстался съ ними, то онъ сбился съ пути. Въ всю свою жизнь онъ былъ только разбойникомъ на своей горѣ, потомъ невельникомъ у мусульманъ, и не привыкъ къ роли мирнаго путешественника; въ концѣ концовъ, провожатые его ограбили, избили, и оставили безъ всякихъ средствъ продолжать путь, конецъ котораго не обѣщали ему много радости. Онъ не надѣялся найти свою мать въ живыхъ; еще менѣе ожидалъ онъ, что его необъявленная жена пережила опасности, въ которыя онъ вовлекъ ее, и воображалъ, что его наслѣдственный замокъ, если не превратился въ развалину, то находится въ рукахъ его враговъ, или въ рукахъ соперничающей вѣтви его фамиліи, и онъ шель только узнать въ деревнѣ, что случилось съ его женою? а затѣмъ хотѣлъ поселиться пустыннымъ въ пещерѣ, гдѣ лежала его сестра, что бы видѣть оттуда гору, по которой у него была тоска, какъ по родинѣ. Теперь все окружавшее его казалось ему какимъ то страннымъ сномъ, какъ будто онъ заснулъ въ одномъ вѣкѣ, а проснулся въ другомъ. Ему до того нуженъ былъ покой, послѣ столькихъ потрясеній, что весь слѣдующій день онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, въ полудремотѣ, и почти ничего не говорилъ. Эббо началъ было докладывать отцу, какъ главѣ дома, о разныхъ дѣлахъ, касавшихся управленія имѣніемъ, но отецъ только качалъ отрицательно головою, или кивалъ, но не въ знакъ согласія, а въ знакъ утомленія; и мать совѣтовала сыну не тревожить усталаго путника, оставивъ дѣла идти своимъ порядкомъ, какъ было до сихъ поръ.

Эббо тяжело вздохнулъ, видя, что все, сдѣланное имъ, было

временное, и что сыновній долгъ требуетъ, что бы онъ отдалъ все, что проектировано и частію имъ окончено, на произвольнаго и неспособнаго и невѣжественнаго отца.

Несмотря на то, Эббо принялся за свои прежнія занятія по хозяйству. Его спрашивали, гдѣ ломать камень для постройки мельницы? говорили, что свиньи Беренда вошли въ рожь Бартеля, а Бартель ранилъ одну изъ этихъ свиней, и Эббо долженъ былъ примирить ихъ; возъ съ желѣзными вещами для мельницы просилъ увольненія отъ пошлины; сынъ Штейнмарка желалъ поступить въ школу для бѣдныхъ, и господинъ Фрейгеръ долженъ былъ написать ему свидѣтельство о бѣдности; овенна старухи Гретель упала въ оврагъ; пришли занять у барона канатъ и просить о помощи; Гансъ нашелъ слѣды волка, просилъ багоръ и охотничью собаку; Дитрихъ не понимаетъ, какъ обращаться съ ружьемъ, Фрейгеръ долженъ показать ему; изъ Ульма приглашали Фрейгера на сеймъ, по случаю налога, требуемаго императоромъ на веденіе италіанской войны. Потомъ пришло письмо отъ маркграфа виртембергскаго, главы швабской лиги, увѣдомлявшаго Фрейгера о шайкѣ разбойниковъ, появившейся въ окрестностяхъ; онъ просилъ Фрейгера озаботиться о поимкѣ ихъ.

Въ ту же ночь поднялась суматоха, замелькали факелы, и пришло извѣстіе, что у одного изъ поселянъ разбойники сожгли скирды сѣна, угнали скотъ, и увели молоденькихъ дочерей. Старикъ Эбергардтъ едва успѣлъ сойдти, прихрамывая, внизъ, какъ услышалъ шумъ, топотъ лошадей и бряцаніе оружія; онъ насчиталъ болѣе всадниковъ, чѣмъ сколько было когда либо въ отцовское время, и пошелъ опять спать.

Въ полдень Текла сбѣжала съ сторожевой башни съ вѣстію, что они входятъ на гору, и что она навѣрное могла сказать, что ея мужъ видѣлъ ее, и махалъ ей. Вскорѣ ея мужъ и прочіе всадники весело объявили, что они настигли воровъ, взяли ихъ въ плѣнъ, и нашли все украденное въ цѣлости. Гейнцъ и Коппель разглашали по всему дому, что ихъ молодой рыцарь самъ повалилъ атамана на землю, и держалъ его одною рукою, нога не пришла его связать.

— Одною рукою? медленно спросилъ Эбергардтъ, не могшій придти въ себя отъ изумленія.

— Но онъ былъ слабый, неловкій, сказалъ Эббо, далеко не такой сильный, какимъ казался.

— Не то, сударь, сказалъ Гейнцъ, попеременно взглядывая

то на стараго господина, то на молодаго, но старое желѣзо не устоитъ противъ новой стали.

— Но куда же вы дѣвали головы мошенниковъ? Я думалъ, вы принесете ихъ на пивахъ... или вы ихъ повѣсили? спросилъ старый рыцарь.

— Нѣтъ, я отправилъ ихъ въ Штутгартъ съ конвоемъ: я не люблю самъ наказывать; это приучаетъ людей не уважать закона. Да къ тому же обокраденный мужикъ былъ плангенвальдець.

— А онъ пришелъ къ вамъ съ жалобой?

— Да, мы условились, Данквартъ и я, что, въ отсутствіи одного изъ насъ, другой будетъ наблюдать за нижнимъ сосѣдомъ.

Старикъ Эбергартъ молча усѣлся во свое кресло съ такимъ видомъ, какъ будто все, что онъ слышалъ, недоступно его пониманію.

Эббо подошелъ почтительно къ отцу, и спросилъ, не угодно ли будетъ ему распорядиться на счетъ того, что бы уведомить императора о его освобожденіи, что нужно прежде всего поблагодарить его, а затѣмъ присягнуть ему въ вѣрноподанничествѣ.

— Послушай, я ничего этого не знаю. Ты и императоръ не нимаєте другъ друга; ты присягуешь, ну и кончено, осыпалъ старикъ. Мнѣ кажется, не стоитъ тревожить старика, который пришелъ домой затѣмъ лишь, что бы умереть спокойно.

— Однако, вы должны быть здѣсь господиномъ; это въ порядкѣ вещей, возразилъ Эббо.

— Я никогда не былъ здѣсь господиномъ и прежде, а теперь начинать уже поздно. Гейнцъ правду сказалъ: ржавое старое желѣзо должно лежать, когда дѣйствуетъ новая сталь. Я нигде не могу; гдѣ мнѣ справиться со всѣми этими мостами, мельницами, сеймами и лигами; мнѣ нуженъ только покой. Ахъ! Стина, моя бѣлая голубка, я зналъ, что у тебя умная головка, но когда я тебя оставилъ, такую кроткую, робкую, застѣнчивую, могъ ли я думать, что ты одна, безъ всякой помощи, устроишь въ борьбѣ, и научишь сына произвести всѣ эти перемѣны, — это все твои дѣла. Ты сдѣлала его ученымъ, сообразительнымъ и, со всѣмъ тѣмъ, славнымъ рыцаремъ.

— Отецъ, я радъ, сказалъ Эббо, что ты видишь, какъ велико дѣло голубки, которую ты привелъ въ орлиное гнѣздо.

ГЛАВА XII.

Звѣзда и искра.

Наступилъ 1531 годъ, а замокъ Адлерштейнъ стоитъ въ всемъ своемъ великолѣпїи. Виноградники вьются по скаламъ; отгородная зелень и цвѣты красуются во всѣхъ уголкахъ; новыя пристройки лѣплятся около стараго строенїя, и показываютъ потребности разрастающагося хозяйства.

Зала осталась главнымъ мѣстомъ сборнища для всей семьи; она и теперь обшита панелями; кромѣ того, въ ней пробито новое окно, выходящее на богатый зеленый дугъ, и изъ котораго видны мостъ надъ Браунвассеромъ и маленькая церковь.

У этого окна любитъ сидѣть баронесса Христина, семидесятилѣтняя старушка, которая попрежнему мила и дорога для всѣхъ окружающихъ ее. Она еще дѣятельна и прворна, и съ улыбкою слѣдитъ за тремя бѣлокурными дѣвочками, которыя бѣгаютъ взадъ и впередъ, и мимоходомъ лукаво намекаютъ милой бабушкѣ о страшной зѣвотѣ, одолюющей братьевъ, Эббо и Готерѣда, сидящихъ за уроками, но въ руководствомъ учителя, или заглядываютъ въ окно, и разсуждаютъ, усигьеть ли ихъ отецъ съ Фриделемъ, Максомъ и Казимиромъ вернуться къ завтраку.

Ахъ, вотъ они! Быстроглавая Викторїя прежде всѣхъ увидѣла кавалькаду, на которую Христина радостно посмотрѣла, и, оставивъ свою прядку, поспѣшила легкою, скорою поступью къ двери. Она никогда не отказывалась отъ удовольствїя встрѣтить сына на лѣстницѣ. Фрейгеръ, соскочивъ съ лошади, бросаетъ свою шляпу, становится на одно колѣно, и цѣлуетъ ея руку, а она цѣлуетъ его въ лобъ.

За столомъ молодежь, въ числѣ семи лицъ, хранитъ благоговѣнное молчанїе, такъ же, какъ отецъ и бабушка, которое иногда прерывается похвалою кушаньямъ, приготовленнымъ Эрментрудю.

Фридмундъ-Максимилїанъ прекрасный молодой человекъ, бѣлокурый, какъ прежніе Адлерштейны, говорятъ старыя люди, веселый и живой, которымъ сестры особенно гордятся.

По окончанїи завтрака или обѣда, они всѣ вмѣстѣ, и съ со-

баками, придвигаются къ камину, и тутъ дается воля веселымъ языкамъ.

Для нихъ отецъ и бабушка кажутся однихъ лѣтъ и одного поколѣнія; дѣйствительно, восемнадцать лѣтъ, раздѣляющія ихъ, почти сгладились съ теченіемъ времени. Она теперь молодая, красивая, старая госпожа. Онъ серьезный, пожилой человекъ, съ озабоченнымъ, задумчивымъ лицомъ и сѣдыми волосами. Фрейгеръ, подавъ руку матери, проводилъ ее къ ея любимому окну, и сѣлъ возлѣ нея. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Ульма, гдѣ былъ на сеймѣ, а потому одѣтъ въ черномъ бархатномъ платѣ съ бѣлымъ кружевнымъ воротничкомъ; на шеѣ виситъ лента съ знакомъ Золотаго Руна, а на рукѣ кольцо, отдѣленное когда то отъ цѣпи императора Максимилиана.

Онъ усѣлся возлѣ матери такъ, что бы ему смотрѣть на картину, повѣшенную на стѣнѣ близъ сидѣнія его матери. Эта работа вышла изъ рукъ не германскихъ великихъ живописцевъ того времени, но привезена изъ Италіи, и написана подъ ея голубымъ небомъ. На ней изображены два лица: одно представляетъ его самого, но еще въ первомъ цвѣтѣ молодости, хотя уже съ выраженіемъ грусти и озабоченности въ большихъ, черныхъ глазахъ. Другое лицо изображаетъ молодую, прелестную особу, которую можно было бы принять за его дочь: бѣлая, какъ лилія, съ розоватыми щеками и губами, нѣжная и воздушная, съ свѣтлоголубыми глазами и пріятною улыбкою.

— Я забылъ вамъ сказать, мама, говорилъ сѣдой Эббо, я получилъ отвѣтъ отъ придворнаго секретаря на счетъ командованія императорскою гвардіею, которое общалъ мой добрый уважаемый старшій государь своему крестнику.

— Опять какую нибудь вѣжливую отговорку, какъ я догадываюсь по твоему лицу, Эббо.

— Не совѣмъ такъ, мама. Командованіе вручается Фридриху-Максимилиану фонъ Адлерштейну-Вильдшлоссу и прочее, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что онъ свободенъ отъ увлеченія новымъ ученіемъ, проповѣдуемымъ докторомъ Лютеромъ.

— Новое ученіе? Однако же, оно есть самое старое изъ ученій.

— Равумѣется. Какъ мнѣ кажется, Лютеръ изложилъ съ большею ясностію и полнотою то, чему Фридель и я учились у вась-Это истинная католическая вѣра, но не такая, какъ понимаетъ ее испанскій король, а потому и сынъ мой долженъ ждать дома лучшихъ временъ для поступленія на службу.

— Но онъ, какъ кажется, не особенно о томъ горюетъ; по-смотри, онъ хохочетъ громче всѣхъ.

— Да, доживъ до двадцати двухлѣтняго возраста, онъ все еще остается мальчикомъ; а въ его лѣта быть серьезнѣе.

— Ты былъ предоставленъ самому себѣ, и самостоятельность выработала въ тебѣ серьезность не по лѣтамъ.

— Ты зачѣмъ тутъ усѣлась, моя прощя Викторія? отчего ты не играешь съ остальными дѣтими?

— Милый папа, позвольте мнѣ остаться съ вами. Я люблю слушать, когда вы разговариваете съ бабушкой. Скажите, когда вы получили этотъ знакъ, а за что?

— Добрый императоръ Максъ привезъ его въ день крестинъ своего крестника, твоего брата, и поднултилъ надъ твоею матерью, убѣдивъ ее, что это просто маленький золотой медвѣжій мѣхъ.

— Расскажи ей, какъ ты это получилъ.

— Но милости хвастовства и глухой надменности моихъ сосѣдей. При осадѣ Надуи, когда съ нами были наши союзники, пятьсотъ человекъ французовъ, подъ начальствомъ Баярда, перваго рыцаря Европы, наша артиллерія сдѣлала брешь въ стѣнѣ. Король предложилъ французскимъ рыцарямъ взять ее приступомъ; они были не прочь, но съ тѣмъ, что бы германскіе рыцари участвовали въ немъ, а не оставляли бы ихъ однихъ съ наемными ландскнехтами. И что же? Наша надменная кавалерія отвѣчала:—Мы никогда не польземъ на стѣну пѣшие, наравнѣ съ нашими ландскнехтами! Что бы пристыдить ихъ, я вызвался, какъ горецъ, болѣе привыкшій лазать, чѣмъ ѣздить, и сказалъ, что считаю за честь слѣдовать за такимъ рыцаремъ, какъ Баярдъ, хотя бы на четверенькахъ. Тогда они меня упрекнули моею мѣщанскою кровію. Никогда я не видѣлъ, что бы императоръ былъ такъ взбѣшенъ: онъ вѣдалъ, что всѣ умнѣйшіе люди были изъ мѣщанъ, и что онъ сдѣлаетъ меня кавалеромъ почетнѣйшаго ордена въ Европѣ. Онъ до того былъ разсерженъ своимъ войскомъ, что уѣхалъ въ ту же ночь, и велѣлъ снять осаду. Я рвалъ на себѣ волосы, потому что успѣлъ уже образумить нашихъ дворянъ, и мы прославили бы свое имя. Тѣмъ не менѣе, едва ли бы орденъ этотъ достался мнѣ, если бы герольды не провозгласили, что Сорели дворянинъ, и давно носили оружіе въ Литвиѣ. Я радъ, что это было доказано при жизни отца.

— Да, это обстоятельство и рожденіе внука были самыми торжественными радостями въ его жизни.

— Да, то было славное время, и мы были счастливы, пока, императоръ не назначилъ меня посланникомъ въ Римъ. Я не могъ не повиноваться приказаніямъ императора. Моя бѣдная Текла захворала въ Италіи оттого что скучала о двухъ старшихъ дѣтяхъ сынѣ и дочери, которые остались здѣсь съ вами, и потому климатъ Италіи былъ для нея убійственъ: ей нуженъ былъ швабскій горный воздухъ, но она ни за что не хотѣла расстаться со мною, пока я не похоронилъ ее. Вскорѣ послѣ того, императоръ прислалъ мнѣ самое милостивое письмо, и вызвалъ меня, но для меня это было уже поздно; письмо это было такое, что, যদি она шестью надрѣлами ранѣе, я готовъ былъ бы заплатить за него своею кровію, но онъ не прислалъ его ранѣе потому только, что оставилъ планъ той гигантской гробницы, въ которой онъ не былъ похороненъ! По крайней мѣрѣ, я пріѣхалъ къ вамъ, мамана, а гдѣ вы, тамъ и утѣшеніе. Жаль мнѣ покойнаго императора Максимилиана: онъ сочувствовалъ Лютеру, и приназывалъ курфюрсту саксонскому оберегать монаха Лютера, какъ сокровище. Онъ умѣлъ мыслить, но не умѣлъ дѣйствовать, а нынѣшній императоръ умѣетъ дѣйствовать, но не умѣетъ мыслить.

— Молодой императоръ никогда не любилъ тебя.

— Онъ обращается съ мною, какъ съ человѣкомъ, который можетъ быть ему полезенъ, но онъ никогда не проститъ мнѣ, что я жалъ руку Лютера, по окончаніи сейма въ Вормсѣ, и конвоировалъ доктора, при выѣздѣ его изъ города. А потомъ Георгъ Фрейндсбергъ назвалъ меня ханжою, наместомъ зато, что я удержалъ мое войско отъ участія въ дѣвельскомъ торжествѣ, во время разгроменія Рима. А вѣдѣмъ, смотришь: одни разстрожатъ свадьбу моей дочери, другіе мѣшаютъ службѣ моего сына, и все это зато, что я слушаюсь голоса моей совѣсти!

— Да, я вспоминаю сонъ, который я видѣла передъ рожденіемъ твоимъ и твоего брата. Мнѣ снилось, что я наблюдала двѣ искри, отдѣлившіяся отъ ивановскаго колеса, потухавшаго въ травѣ. Одна поднялась высоко, и горѣла ярко, какъ звѣзда.

— Моя путеводная звѣзда!

— Другая сверкала и прыгала въ травѣ, и, право, Эббо, мать твоя не ошибается, когда считаетъ, что во всѣ дни смуть и

*

испытаній истина ярко свѣтила въ мракѣ, и направляла твой путь, какимъ бы онъ ни былъ долгимъ и невѣрнымъ.

— Да, любящая меня мать можетъ такъ думать, но, увы! пуская спрашиваетъ она у неба, что бы истина сіяла ярче, и что бы звѣзда моя никогда меня не покидала!

Если путешествующіе въ Виртембергѣ, оставивъ въ сторонѣ Ульмъ съ его знаменитымъ полемъ сраженій, свернуть въ сторону, въ романическую мѣстность, разстилающуюся у подошвы Швабскихъ горъ, то они могутъ попасть въ зеленую долину, которую пересѣкаетъ свѣтлый, горный потокъ. Старый мостъ, мельница и красивая германская деревня расположены въ долинѣ. Господскій домъ, виднѣющійся изъ за лѣса и готическая церковь, привлекаютъ ихъ взоры, которые съ трудомъ отрываются отъ величественныхъ руинъ стараго замка, расположеннаго на одномъ изъ уступовъ. Если они спросятъ у почтеннаго крестьянина, который сторожежъ въ церкви:

— Чей этотъ замокъ?

То получать слѣдующій отвѣтъ:

— Замокъ фонъ Адлерштейнъ.

— Развѣ эта фамилія вся вымерла?

— Да, да; они построили вонъ тотъ домъ, когда замокъ развалился. Они всегда здѣсь жили.

Церковь очень красива; рѣзьба подъ каведрою замѣчательно хороша; но всего замѣчательнѣе въ ней двойная гробница, надъ которою изображены, противъ обыкновенія, не мужъ съ женою, но два рыцаря въ полномъ облаченіи.

— Чѣмъ эти двѣ статуи?

— Двухъ добрыхъ фрейгеровъ, Эббо и Фриделя.

— Вѣрно отецъ и сынъ, одинъ старикъ, а другой еще въ цвѣтѣ юности; у молодого въ рукахъ лютня, у старика библія и орденъ Золотого Руна.

— Нѣтъ (сторожежъ качаетъ головою) это два близнеца; они родились, когда отецъ былъ въ плѣну у сарацинъ, во время крестовыхъ походовъ. Фриделя то убилъ турки у моста, а братъ и построилъ тутъ церковь. Они и теперь являются на горѣ, то одинъ, то оба вмѣстѣ.

Вы видите, что строеніе вовсе не во вкусѣ вѣка престо-

вѣхъ походовъ, и съ улыбкою выслушиваетъ объясненіе стараго крестьянина. Вы разбираете готическія буквы надписи, которая гласитъ на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ:

Grate pro Anima Friedmundis Equitis Baronis Adlersteini. A. D. MCCCCXIII.

Съ другой стороны вы читаете:

— Bis jacet Eberardus Eques Barn, Adlerstein. A. D. MDXIII.

Demum.

Да, это братья, но между ихъ смертію прошло цѣлые полвѣка. Не это ли означаетъ странное Demum?

Въ головѣ у нихъ стоитъ статуя старушки, еще бодрой по осанкѣ. Этотъ монументъ былъ поставленъ, вѣроятно, позже; на немъ надпись германская. Она съ сокращеніями; ее трудно разобрать, на смыслъ ея такой:

«Здѣсь покоится Христина Сорель, жена Эбергардта, фрейгера фонъ Адлерштейнъ, и мать фрейгера Эбергардта и Фриделя. Она скончалась двумя днями раньше своего сына, въ праздникъ св. Фридмунда MDXIII.

Дѣти ея возстанутъ, и провозгласятъ ее благословенною.

«Памятникъ сооруженъ благодаримъ и любящимъ ея внукомъ, фрейгеромъ Фридмундомъ - Максимилианомъ и его братьями и сестрами. До свиданія!

СЛАВЯНСКІЙ ГОРОДЪ ВЪ БОГЕМИИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Въ южной части Эгерланда, недалеко отъ Франценсбада и границы Баваріи, находится Эгеръ, маленький городокъ, населенный двѣнадцатью тысячами жителей, городокъ дѣятельный, снабжающій весь эгерландскій округъ своими произведеніями и ремеслами. Онъ отстоитъ на полмили отъ франценсбадскихъ минеральныхъ водъ, и потому всѣ пріѣзжіе на воды почитаютъ, какъ будто обязанностію, побывать въ немъ, и осмотрѣть его историческія древности.

На правой сторонѣ кремнистой дороги, окоймленной столѣтними тополями, высится Каммербюль, вулканъ, потухшій съ незапамятныхъ временъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и геологовъ: фонъ Борна, Рейсса, Стеффенса, Гольфуса, Бишофа, Гёте, Александра фонъ Гумбольдта, Берцеліуса, фонъ Буша, Кюна, Генриха Котты и графа Каспара Штеренберга, который въ лавѣ его провелъ подземныя шахты. Осмотрѣніе одного уже Каммербюля, находящагося на полпути отъ Эгера, оправдываетъ любопытство путешественниковъ, особенно русскихъ, осмотрѣть городъ, съ именемъ котораго связано много единоплеменнымъ намъ воспоминаній.

Эгеръ, древній Хебъ или Гебъ (т. е. изгибъ рѣки), получилъ свое начало отъ славянъ, въ періодъ передвиженія народовъ, хотя нѣкоторыя чешскія хроники и приписываютъ его основаніе императору Генриху Птицелову, во время войны его съ

венграмъ; но лучшими доказательствами его славянскаго происхожденія служатъ названія множества мѣстечекъ, лежащихъ вокругъ, какъ то: Дирницъ, Добрау, Долецъ, Гастницъ, Козель, Кливагъ, Креницъ, Лема, Рыбаницъ, Палицъ, Поградъ, Ранковичъ, Ширницъ, Ставницъ, Стобичъ, Приничницъ, Спада и нѣкоторыя другія имена, все славянскія. Свое гражданское значеніе получили Эгеръ только при императорѣ Фридрихѣ I въ 1179 году, и потомъ все болѣе и болѣе населялся и укрѣплялся при императорахъ Фридрихѣ II и Генрихѣ VII. Въбѣдъ въ Эгеръ идетъ чрезъ древній каменный мостъ, переброшенный черезъ голубую Эгру, и украшенный алебастровыми статуями Спасителя, Богоматери и четырехъ апостоловъ евангелистовъ!

Осмотръ эгерскихъ достопримѣчательностей начинается обыкновенно съ городской площади, на которой красуется фонтанчикъ, украшенный бронзовою статуею Валленштейна, и находится домъ, обращенный нынѣ въ ратушу, въ которомъ онъ былъ убитъ ночью, 25 февраля 1634 года, ирландцемъ Деверу. По массивной деревянной лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ; дверь налѣво вела въ запыленную комнату, служащую, въ настоящее время, канцеляріею ратуши. То была знаменитая спальня Валленштейна? Вещей, сохранившихся въ ней отъ момента убійства, и способныхъ подвигнуть хладнокровное воображеніе къ воссозданію кровавой драмы, очень немного. На стѣнахъ висѣли, въ полированныхъ золоченыхъ тонкихъ рамахъ, двѣ старинныя картины изображавшія послѣднія минуты существованія герцога фриланскаго. Одна изъ нихъ представляетъ тотъ мигъ, когда, искутанный предчувствіемъ близкой смерти, герой тридцатилѣтней войны встаетъ полураспадѣтъ съ постели, а другая, когда онъ падаетъ, пораженный португизаю Деверу. Куда дѣлась постель Валленштейна — неизвѣстно! У правой стѣны отъ входа стоятъ замѣчательныя рѣзьбою по дереву, китайскія этажерки, принадлежавшія (какъ говорятъ) убитому, а еще правѣе — деревянный съ стеклянными дверцами шкафъ, въ которомъ хранятся маршальскій жезлъ Валленштейна, два, три шведскія знамени, отбитыя подъ его начальствомъ, тяжеловѣсный карабинъ силача Морица саксонскаго и пердуванъ, кончикъ коня которой изогнулся въ груди Валленштейна. Вотъ и все, что только и осталось изъ видимыхъ воспоминаній о человѣкѣ,

игравшемъ значительную роль въ своей жизни, и самовластно управлявшемъ судьбами Богеміи.

Вторая, сосѣдняя комната, съ большимъ овальнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, зала городского совѣта, увѣшана портретами австрійскихъ императоровъ, чуть ли не съ Фридриха II, до нынѣ царствующаго императора, писаннаго еще отрокомъ въ гусарскомъ венгерскомъ мундирѣ. Кругомъ и около этихъ портретовъ нависла паутина и пыль. Косвенные лучи заходившаго солнца, играя на царственныхъ лицахъ, переливались на украшеніяхъ ихъ одеждъ, на латахъ, лентахъ и орденгахъ, и уста уже почившихъ владыкъ, казалось, двигались, глаза будто сверкали жизнью, и съ удивленіемъ и гнѣвомъ вопрошали будто: «Зачѣмъ пришли мы тревожить ихъ съ папирсами и отвратительными австрійскими сигарами, среди пропитаннаго гнилью, спертаго комнатнаго воздуха?» Старая полуслѣпая собака, сопровождавшая нашего чичироне въ юбѣхъ (многія мужскія должности исполняютъ въ Германіи женщины), имѣла, кажется, болѣе уваженія къ этому историческому зданію: она поминутно лаяла, точно стыдила насъ.

Вручивъ каждый по шести копѣекъ, на русскія деньги, нашей путеводительницѣ, мы уже собрались уходить.

— Позвольте, позвольте, пріостановила насъ обязательная женщина, вы не видали еще главнаго.

— Чего же?

— Да галереи и веротъ которыя со смерти Валленштейна заперты наглухо, и сквозь которыя вкрались убійцы въ его спальню.

Полезная, но поздняя предупредительность! Все наше русское общество только поблагодарило почтенную женщину.

— Теперь куда же идти? совѣтовались мы. Въ древній эгерскій замокъ, въ кровавую пиршественную залу? Въ упраздненные австрійскіе казематы? Въ эгерскія капеллы?

— Лучше было бы въ какую нибудь гостиницу, возвысилъ голосъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, ярославскій торговецъ, пробиравшійся, чрезъ Франценсбадъ, въ Вѣну, для сбита своихъ русскихъ товаровъ. Охота смотрѣть на всякую гниль! Слава Богу, и назывались, и начихались.

Нужно пріетомъ замѣтить, что зѣваль и чикаль только онъ одинъ.

Неволью пришли мнѣ пріетомъ на память «Москва и Мо-

сквичи», М. Н. Загоскина, и тотъ старый будочникъ-инвалидъ, который ничего достопримѣчательнѣе и прекраснѣе въ Москвѣ не признавалъ, кромѣ такъ называемаго «Болота» гдѣ ему доставались отъ торговцевъ клочки сѣна и бревешки дровъ. Но о вкусахъ не спорять.

— Смотрѣть, такъ смотрѣть! порѣшили мы, и отправились далѣе.

Эгеръ сохранилъ весь древневѣковъ видъ наибольшей части древнихъ германскихъ городовъ: узкія, кривыя, едва проѣзжаемыя улицы, готическія зданія, покрытыя острыми, черепичными или грифельными кровлями, закоптѣлыя стѣны, изрытыя трещинами стрѣльчатыхъ огня, и даже жидовскій кварталъ, что то въ родѣ ущелія, сквозь которое мы и пришли къ эгерскому замку. Его окружалъ широкій и глубокій ровъ, вѣроятно когда то наполненный водою, но нынѣ зеленѣющій самою цвѣтущею зеленью: на днѣ его процвѣтали крапива, репейникъ и другія подобныя зедія, да бродила, неизвѣстно какъ попавшая въ него, корова. Ровъ этотъ перепоясывалъ деревянный мостъ, невольно напоминавшій стихи Жуковского

То обмахъ, то плоть играющій
По развалинамъ сѣдымъ.

Полугнившій, колеблющійся подъ ногами, мостъ сильно скрипѣлъ, и будто издавалъ этимъ скрипящимъ звукомъ: «Берегитесь, что бы не сломать себѣ шеи!» И это было не бесполезно. Черезъ маленькую, едва, едва державшуюся, деревянную калитку вошли мы въ густыи, запущенный садъ, въ средину высокыхъ каменныхъ полуразвалившихся стѣнъ, построенныхъ, какъ сбивчиво увѣряють эгерскіе хронографы, одни, будто около 1057 года, гораздо прежде самаго Эгера, маркграфомъ Фридрихомъ Фобургомъ, баварскимъ вассаломъ; другіе, императоромъ Фридрихомъ I, около 1183 года. Надѣво, ооло самой стѣны, высоко чернѣлась громадная четырехугольная башня, сложенная изъ огромныхъ тесаныхъ плитъ черной каммербюльской лавы. Верхъ ея надстроенъ нѣсколькими аршинами новѣйшаго краснаго кирпича. Когда и къмъ возведенъ былъ этотъ зубчатый кирпичный наметъ, нельзя было допроситься. Построеніе самой башни всѣ единогласно приписываютъ римлянамъ.

Я почти совершенно убѣжденъ, что всякое описаніе, какъ бы ни было оно подробно и ясно, вполнину уничтожаетъ пре-

дестъ и истину настоящей дѣйствительности. Какъ можно видѣть самое короткое время возсоздать на одной какой нибудь писанной страницѣ, со всѣми событіями, со всѣми этими переплетомъ вражды и побѣдъ, честолюбія и паденій, любви и ненависти, давно минувшихъ для живущихъ нынѣ? Какъ можно домыслить или воображеніемъ то, что становится почти мифомъ, за несуществованіемъ вѣрныхъ историческихъ данныхъ? Вѣкъ исчезаетъ за вѣкомъ и стирается съ лица земли одинъ другаго, точно такъ же, какъ вытѣсняется изъ жизни челоуѣкъ челоуѣкомъ. Остаются только одни преданія отъ первыхъ, да короснія пракомъ и тѣннємъ могилы отъ вторыхъ, надъ гробовыми могилами которыхъ сохраняются только имена, да годъ рожденія и смерти. Кто изъ живущихъ нынѣ отгадаетъ то, что было упущено невниманіемъ или пренебреженіемъ современниковъ?

Эгерскій замокъ очень древень. Уже императоръ Фридрихъ I имѣлъ въ немъ свой дворець (palatium) и своего капеллана. Между тѣмъ, исчисляя обитателей замка, чешскія хроники еще прежде Фридриха I упоминаютъ о маркграфѣ Фобургъ-Гурундусѣ «de Egege», Удальрихѣ и братѣ его, пилигримѣ Адельгеймѣ Гурундусѣ и наконецъ уже о Фридрихѣ. Чешскіе герцоги и короли: Бранцеславъ, Оттокаръ, Венцель, Альбертъ, Іоаннъ, Карлъ, Сигизмундъ, Георгій Падибрадь, и Фердинандъ-Максимилиандъ и другіе австрійскіе императоры, временно пребывали въ этомъ замкѣ, съ своими феодальными бурграфами, ландрихтерами, гауптманами и перлегерами. Послѣднимъ посѣдилъ его императоръ Іосифъ въ 1766 и 1769 годахъ.

Въ настоящее время, только два любопытныя зданія принадлежатъ путешественниковъ въ замокъ: это древняя двухэтажная капелла и развалины дворца, въ которомъ съ 1633 года поселился эгерскій комендантъ, оберъ-лейтенантъ Гордонъ, пригласившій въ себѣ на ужинъ сподвижниковъ Валленштейна—маршала Илло, генерала Фрейгера Эрлманна, генерала Тредки, оберъ-егермейстера богемскаго двора, Винница, и капитана Неймаца, и угостившій ихъ смертію послѣ ужина, между 7 и 8 часами, въ одинъ вечеръ съ ихъ начальникомъ. Солдаты, сопровождавшіе ихъ, были добыты съ Неймацомъ въ кухню, гдѣ имъ также приготовленъ былъ ниръ.

Со времени этого убійства, дворець замусьдъ. Благородные

мариграфы не хотѣли жить на мѣстѣ крови; въ простомъ классѣ жителей распространилася молва, что въ полночь, по за-
дамъ дворца, бродятъ тѣни убіенныхъ, и это большое зданіе,
превратившееся, дѣтъ черезъ двадцать, въ сборное мѣсто для
танцевъ ремесленного общества, представляетъ нынѣ одніе
развалины. Продолговатый двухэтажный виадрантъ стѣны этихъ
развалинъ, выходящій однимъ фасомъ на веселую эгерскую
долину, напоминаетъ теперь собою лишь одинъ оставъ пре-
краснаго когда то цѣлаго, представляющагося нынѣ гла-
замъ безъ оконъ, безъ половъ, безъ дверей. Широкия, раздѣлен-
ныя тонкими переплетами бѣлаго мрамора, стрѣльчатыя ита-
лійскія окна верхней залы полуразрушились, а на безобраз-
ныхъ зигзагахъ стѣны и на нижнемъ слѣду пола вырастаютъ
молодые побѣги яворовъ, сосенъ и пирамидальныхъ тополей.
Время и непростительная невнимательность эгерцевъ къ на-
матникамъ своей исторіи, спѣшатъ докончить истребленіе, на-
чатое вѣками, того, что имъ на какомъ языкѣ не можетъ имѣть
настоящаго, вѣрнаго названія и что положительно невозможно
считать за развалины. Массу хорошо сохранившихся каме-
ней врядъ ли будетъ правдоподобно именовать ими, тождо так-
же, какъ не совсѣмъ еще разложившееся и несложненное чер-
вами человѣческое тѣло—подлиннымъ трупомъ.

Напротивъ этого безмолвствующаго дворца, на лѣвомъ бе-
регу Эгры, выстроены были, по стариннымъ хроникамъ, чеш-
скимъ королемъ Венцелемъ II, замокъ Венцельсбургъ, соеди-
нявшійся съ эгерскимъ замкомъ длиннымъ деревяннымъ мо-
стомъ, уничтоженнымъ въ послѣдствіи, по протесту эгерскаго
магистрата, королемъ Венцелемъ IV въ 1398 г. Въ 1632 году,
разрушенъ былъ и самый Венцельсбургъ, на мѣстѣ котораго
возведены были австрійскіе редуты, существовавшіе съ 1648
по 1796 годъ, и также нынѣ разрушенныя. Многія мѣстные
хроники отвергаютъ впрочемъ это преданіе о построеніи Вен-
цельсбурга, и стараются доказать, что онъ основанъ былъ им-
ператоромъ Генрихомъ Птицалевомъ, для защиты отъ нападе-
нія славянъ.

По обѣимъ сторонамъ пиршественной залы, на противопо-
ложныхъ краяхъ, видѣются двѣ двери, изъ которыхъ одна бы-
ла парадная входная, а другая вела, черезъ деревянные пере-
ходы, въ верхнюю капеллу, въ которой вѣроятно собиралось

слушать обѣдню одно высшее дворянское сословіе *). Время построенія этой двухэтажной капеллы положительо не опредѣляютъ сами жители и историографы Эгера. Но всѣмъ вѣроятнѣе, зданіе нижней капеллы, съ углами изъ тесаного камня, сложенное на половину изъ лавы, на половину изъ базальта и кирпича, построено была маркграфомъ Фобургомъ, строителемъ знаменитаго Вальдзасенскаго монастыря, въ Баваріи, нынѣ упраздненнаго, гораздо прежде 1213 года, въ которомъ, по эдикту императора Фридриха II, начато въ ней богослуженіе. Постройку верхней капеллы приписываютъ богатому эгерскому гражданину Сигизмунду Вану, между 1458 и 1467 годами. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ этой верхней капеллѣ до сихъ поръ еще показываютъ, на чердакѣ, маленькую комнатку, нѣчто въ родѣ погребальнаго склепа съ сводами, въ четыре аршина длиною и въ два шириною, въ которой Ванъ занимался алхиміею.

Капеллы эти, освященныя во имя св. Эргарда, и св. Урсулы и св. Мартина, совмѣщаютъ для эгерцевъ множество политическихъ и религіозныхъ воспоминаній. Въ 1213 году, въ золотой грамотѣ, хранившейся въ одномъ изъ алтарей, императоръ Фридрихъ II влѣтвенно обязывается защищать церковныя права и права гражданъ Эгера. Царь Павелъ II, желая, что бы эгерцы и король Георгій подчинились венгерскому королю, Матвѣю Корвину, отлучилъ на три года отъ церкви все народонаселеніе Эгерланда, и потомъ, когда это отлученіе миновалось, въ память того, что мостъ верхней капеллы обвалился отъ напыва вѣтрушникъ, даровалъ въ 1475 году буллу, дающую власть священникамъ этой капеллы разрѣшать впередъ грѣхи *на сто дней*. Въ 1540 г. въ одной изъ этихъ капеллъ крещено было нѣсколько турокъ. Съ 1566 года, обѣ капеллы, священники и причетъ которыхъ получали содержаніе отъ города и отъ налоговъ на нѣсколько окружныхъ селеній, пришли въ упадокъ, и богослуженіе прекратилось. Оставленные безъ надзора, онѣ постоянно разрушались, и въ концѣ XVII столѣтія были превращены въ пороховый магазинъ, въ которомъ Эгеръ хранилъ

*) Нѣкоторые утверждаютъ, что въ верхней капеллѣ слушали богослуженіе протестанты, а въ нижней весь плебсъ Эгера, католики.

свои военные запасы. Пятьдесятъ лѣтъ стояла потому капелля безъ крыши, и только, въ 1818 году, эгерскій комендантъ Роль, похриль ее на свой счетъ новою кровлею.

Внутренность обѣихъ капелль поражаетъ смѣсю и разнообразіемъ колоннъ и капиталей; кажется, что онѣ собраны изъ разныхъ странъ у разныхъ народовъ, и, съ большимъ терпѣніемъ и денежными пожертвованіями, перевезены стрѣтелями на нынѣшнее свое мѣсто. Спустясь девять гранитныхъ ступеней, въ полумрачную нижнюю капеллу, точно въ какую нибудь катакомбу первыхъ временъ христіанства, мы очутились въ сыромъ четвероугольномъ пространствѣ, украшенномъ четырьмя гранитными египетскими колоннами, поддерживающими своды верхней капеллы, изъ которой, чрезъ широкую мраморную балюстраду единственно и проникаетъ только свѣтъ. Около этой балюстрады возвышаются также четыре мраморныя колонны; на капителяхъ двухъ заднихъ изъ этихъ колоннъ, къ удивленію, взглядъ встрѣчаетъ изображеніе языческаго Пріапа! Изъ какого жреческаго храма, и когда попали сюда эти скандалезныя для христіанскихъ молещщиковъ фигуры? Этого не могла намъ объяснить и сама наша старая путеводительница, нѣсколько десятковъ лѣтъ занимающаяся сопровожденіемъ путешественниковъ, и заучившая наизусть всѣ сказанія о замкѣ и капеллахъ. Легкія, спирально витыя, колонны мавританскаго стиля поддерживаютъ опустѣлый алтарь этой верхней капеллы.

Эгерскій соборъ, украшенный, какъ говорятъ, когда то четырьмя башнями, сгорѣвшими въ 1742 году, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Темный и сырой, какъ и замковыя капеллы, онъ окруженъ статуями святыхъ, и сохраняетъ въ себѣ только останки св. Мирона и св. Маргариты, привлекающіе эгерцевъ къ богослуженію. Уваженіе къ нимъ римскокатоликовъ, вѣроятно по давности времени, весьма сомнительно, хотя оставы ихъ и облечены въ бархатъ и украшены по ногамъ и по рукамъ горными хрусталами, аметистами, гранатами, сердоликами и другими туземными камнями, находимыми въ Богемии. Останки Мирона и Маргариты, заключенные въ стеклянные ящики, помѣщались во время нашего посѣщенія на полу, въ задней части собора, и церковный кистеръ, показывая ихъ намъ, вертѣлъ ими такъ небрежно, какъ будто

показываеь какія нибудь обыкновенныя вещи любого музея.

Когда мы, въ девять часовъ вечера, покидали Эгерь, онъ уже закирала, готовый отойти ко сну, что бы на утро, въ пять часовъ, проснуться для новой дѣятельности.

В. Т.

Франценсбадъ

ПРИЗЫВЪ КЪ ТРУДУ.

I.

Въ вопросѣ о женской эмансипаціи женщина конечно больше другихъ заинтересована: онъ близокъ ея сердцу; съ нимъ тѣсно связаны всѣ интересы ея жизни; въ немъ заключается ея будущее... Въ настоящее время, этотъ вопросъ содержитъ въ себѣ все—и кодексъ ея правъ, и «великую карту», и высшій судъ, куда она предъявляетъ свой искъ, и подаетъ послѣднюю апелляцію; онъ—знамя ея свободы и политическая формула ея жизни. Литература по этому предмету представляетъ какъ бы невидимую трибуну, съ которой раздается голосъ женщины, впервые заговорившей о себѣ. И здѣсь она дома, какъ хозяйка у своего очага, или какъ народный депутатъ въ представительномъ собраніи, и отсюда ни мужчина, ни законъ изгнать ее не могутъ, какъ изгнали изъ всѣхъ прочихъ «не свойственныхъ и не приличныхъ ея полу областей»...

Къ несчастію, въ то время, когда въ нашей литературѣ былъ поднятъ вопросъ объ эмансипаціи женщины, въ большинствѣ женской среды господствовало унылое равнодушіе къ ихъ собственнымъ интересамъ, а тѣ немногія, принимавшія въ нихъ участіе, смотрѣли на разработку такъ близко касающагося ихъ вопроса съ тревожнымъ опасеніемъ и тайнымъ предчувствіемъ, что разработка эта не приведетъ къ положительнымъ результатамъ, потому что за нее исключительно взялись... мужчины

Съ невольнымъ недоувѣріемъ взирали онѣ на этихъ публицистовъ, трактовавшихъ на разные лады объ общественномъ призваніи женщины, выходявшихъ на единоборство отъ имени дѣлой рати, или одиноко выступавшихъ на арену, что бы, въ новомъ турнирѣ за возрожденіе женщинъ, въ честь ихъ ломать копыя. Можетъ быть, возникало невольно сомнѣніе, подъ маскою этихъ современныхъ бойцовъ, не скрывается ли старое лицо рыцаря Ланселота, обожавшаго въ образѣ женщины идеальное существо, нѣчто среднее между человѣкомъ и ангеломъ, или какуюнибудь *belle châtelaine*, которая живетъ въ замкѣ съ высокими башнями, окруженная своими вассалами, огороженная крѣпкими затворами отъ жизни, между тѣмъ, какъ онъ, одушевляемый любовью къ ней, рискуетъ по бѣлому свѣту, подвергаетъ себя разнаго рода приключеніямъ, совершаетъ подвиги, одерживаетъ побѣды и т. д. Современный рыцарь Ланселотъ, конечно, уже не въ шлемѣ и не въ латахъ; наружный видъ его измѣнился, а съ нимъ измѣнился и складъ его мысли, и строй рѣчи. Но, въ сущности, взглядъ его на женщину, полуфантастическій, полуматеріальный, почти тотъ же, что и въ средніе вѣка, только одѣтый въ форму, болѣе приличную нашему времени. Что же удивительнаго, если женщины возлагаютъ мало надеждъ на его защиту, если онѣ стали недоувѣрчивы къ магическимъ звукамъ свободы, недоувѣрчивы къ этимъ мнимымъ мессіямъ, которые такъ часто искушали ихъ сердце сладкими рѣчами, но ничего не сдѣлали, что бы уравнять ихъ, на дѣлѣ, и по закону, съ собою?

Развѣ женщины такъ скоро могли забыть тѣ недавніе историческіе уроки, которые заронили въ нихъ этотъ скептицизмъ? Въ самомъ дѣлѣ, сколько реформаторовъ, одинъ за другимъ, являлось перадъ ними, то вдохновенными пророками, возвѣщавшими имъ близкое пришествіе «земнагорая»; то смѣлыми демократами, признававшими за ними, въ принципѣ, всѣ права, политическія, гражданскія и общественныя, наравнѣ съ мужчинами; то мудрыми политикоэкономами, требовавшими, что бы законодательство обеспечило право женщины на трудъ, опредѣлило ея значеніе въ экономическомъ бытѣ народа, и увеличило ея заработную плату! И что же? Пророки оказались ложными гадателями, демократы измѣнили женщинѣ въ моментъ торжества великой французской революціи, и не прибавили ни одной буквы въ гражданскомъ законѣ въ пользу равноправ-

пости женщины! Все осталось постарому, несмотря на громкіе протесты и на знаменитую «Déclaration des droits de l'homme».

Не прошло и полустолѣтія послѣ французской революціи, какъ на сцену выступаетъ извѣстная школа сенъ-симонистовъ, провозгласившая равенство и свободу женщины... Вотъ, наконецъ, настала для нея, такъ давно возвѣщенная, счастливая эра! вотъ и для нея осуществится «золотой вѣкъ Австрии!» Явился великій учитель, торжественно объявившій законъ равенства между мужчиною и женщиною. Но учитель умеръ, успѣвъ только завѣщать свою доктрину молодымъ и пламеннымъ своимъ ученикамъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя были: Анфантенъ, Базаръ и Родригъ. Что же сдѣлали эти даровитые адепты Сенъ-Симона? Выбравъ изъ своей среды «верховныхъ отцовъ», они ждали появленія «верховой матери», которая должна была возвѣститъ міру законъ нравственности, приличія и цѣломудрія. Что бы отыскать эту «верховную мать», или, какъ называли они ее иначе, «свободную женщину», они отправились на Востокъ, гдѣ, по какому то странному и необъяснимому ихъ убѣжденію, она должна была находиться. Свободная женщина на Востокѣ, въ этой классической странѣ рабства ея, на этомъ древнемъ рынкѣ ея красоты! Едва ли нужно прибавлять, что поиски эти не увѣнчались успѣхомъ... Признавъ женщину свободною и равною мужчинѣ, въ храмѣ, въ государствѣ и въ семьѣ, послѣдователи Сенъ-Симона съ тѣмъ вмѣстѣ утверждали, что общественную единицу составляетъ не мужчина и женщина, взятые отдѣльно, но *пара*, такъ какъ каждый изъ нихъ, одинъ безъ другаго, не полное существо. Гдѣ же тутъ, спрашивается, женская самостоятельная личность? Женщина приобщена къ мужчинѣ, и сливается съ нимъ, какъ часть съ цѣлымъ. Она его alter ego, его предикать, и оба они сливаются въ синтезѣ слѣдующаго положенія: мужчина и женщина вмѣстѣ составляютъ челоуѣка. Впрочемъ, такъ какъ мужчина представляетъ, подобно женщинѣ, арифметическую дробь, и между ними сдѣлано равенство воздаянія, то женщина, пожалуй, не въ правѣ жаловаться на эту теорію коллективнаго существа. Были, правда, между сенъ-симонистами и такіе, которые склоняли вѣсы количественнаго уравненія на сторону мужчинъ. Напримѣръ, Огюстъ Контъ (онъ впрочемъ въ послѣдствіи отдѣлился отъ сенъ-симонистовъ) утверждалъ, что равенство половъ несовмѣстимо съ социальнымъ порядкомъ, что основное начало брака есть

подчиненіе женщины, и что она, по уму своему, виже мужчины. Признавая въ женщинѣ *радикальную* неспособность въ дѣлѣ управленія государствомъ, Огюсть Контъ доказываетъ, что «экономія человѣческой семьи не можетъ быть нарушена безъ совершеннаго измѣненія женскаго лицеваго состава». Между тѣмъ Фуріе, которому женщина обязана болѣе другихъ, за установленный имъ принципъ эмансипаціи, призналъ тождество природы двухъ половъ, и уравнивалъ ихъ между собою.

Ученіе Фуріе послужило основаніемъ, изъ котораго современные передовые мыслители развили новыя начала эмансипаціи; но сколько людей отвергнули истину, въ немъ заключенную, и усвоили себѣ только ея ложную сторону! Эмансипація женщины была смѣшана съ грязью разврата; свобода ея понята, какъ необузданный произволь страсти, внушенія и побужденія которой были святы, какъ голосъ природы, и приняты основнымъ принципомъ дѣйствія. Страсть была доведена до апогеоза въ романахъ Жоржъ-Занда. Писательница эта, несмотря на социальный характеръ своихъ высоко художественныхъ повѣстей, несмотря на безспорное превосходство ея героинь передъ героями, не представила намъ, однако, ни одной личности эмансипированной женщины, въ истинномъ и высокомъ смыслѣ этого слова. Всѣ ея женскіе образы, какъ ни прекрасны они въ художественномъ отношеніи, за исключеніемъ весьма немногихъ (я не говорю о ея послѣднемъ романѣ), могутъ быть сведены къ одному общему типу, къ типу героини любви, но преимуществу; любовь — главный герой ея романовъ; она воспѣваетъ ее въ всѣхъ видахъ, на всѣ лады, и ею освѣщаетъ все... Всѣ ея женщины плѣняютъ насъ какою то сказочною волшебною красотою, и поражаютъ такую необыкновенною природною силою, такимъ глубокимъ развитіемъ мысли, а нѣкоторыя изъ нихъ даже такими всесторонними научными познаніями, что намъ невольно приходится жалѣть о томъ, что эти рѣдкія дарованія тратятся лишь на краснорѣчивыя любовныя изліянія, на изящныя и выпренныя діалоги, отличающіеся хотя часто и парадоксальною, но всегда тонкою и изумительною діалектикою... Кромѣ того, въ романахъ этой писательницы нѣтъ почвы, которая служила бы реальною основою для отношеній людей другъ къ другу, и была бы сценою для дѣйствительной жизни съ всѣми ея нестройными разнообразными элементами, а героини ея не представляютъ собою того личнаго центра, въ которомъ

сосредоточивался бы и воплощался бы историческій смыслъ вѣковой борьбы женщины съ общественнымъ гражданскимъ и нравственнымъ рабствомъ, надъ нею тяготящемъ. Вотъ одна изъ причинъ, какъ мнѣ кажется, почему повѣсти Жоржъ-Занда не разрѣшаютъ женскаго вопроса, съ какойнибудь его стороны. Къ тому же, она ставитъ своихъ героинь въ исключительное привилегированное положеніе, не могущее дать никакой мѣрки для общаго состоянія женщины въ Франціи, или гдѣ бы то ни было. Онѣ слишкомъ прозрачны, и, въ то же время, надѣлены авторомъ всевозможными дарами, и, по большей части, поставлены въ такія условія, что имъ и нечего приобретать, ни матеріальныхъ средствъ, ни нравственныхъ правъ, потому что уже гдѣ, а въ Франціи права красавицы женщины надъ сердцемъ мужчины неоспоримы и неограниченны, а до другихъ правъ ей какъ будто и дѣла нѣтъ. По отношенію только къ браку, Жоржъ-Зандъ пропагандировала эмансипацію, но и въ этихъ ея романахъ одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дѣйствительнымъ содержаніемъ жизни, и выступаетъ ярко на первый планъ, фантазмагорія мысли и, если можно такъ выразиться, вдохновенная галюцинація страсти, которыми она исключительно увлекаетъ читателя. И тутъ почва ускользаетъ изъ подъ пера автора, представляющаго замужнюю женщину какъ бы внѣ закона. Нарушая свой долгъ, она не несетъ никакихъ послѣдствій за измѣну ему, а между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что кодексъ Наполеона даетъ такую власть мужу надъ женою, что, какъ говоритъ Лигуве, «самый неограниченный государь не можетъ сдѣлать столько зла, сколько жестокой мужъ, съ кодексомъ въ рукахъ»... Конечно, если бы Жоржъ-Зандъ оставалась въ своихъ произведеніяхъ только художникомъ, тогда мы не въ правѣ были бы требовать отъ нея развитія общественныхъ идей и задачъ; но талантливая писательница эта въ многихъ своихъ романахъ проводила разныя соціальныя доктрины, и была, какъ извѣстно, приверженницею женской эмансипаціи, слѣдовательно укоръ нашъ не вполне незаслуженный.

Тотъ же самый упрекъ, но съ большимъ еще основаніемъ, мы могли бы сдѣлать Виктору Гюго. Въ своемъ послѣднемъ романѣ, «Les misérables», который весь построенъ, или имѣетъ претензію быть построеннымъ, наисключительно соціальной задачѣ, какъ отнесся авторъ къ *соціальному* вопросу о положеніи женщины? Перенесенный въ этотъ романъ, онъ былъ бы, какъ нельзя бо-

*

лѣе, на мѣстѣ, и имѣлъ бы драматическое значеніе. Изъ абстракта онъ сдѣлался бы живымъ образомъ, реальною художественною истиною. Въ маленькой Козеттѣ, намъ чудилось, истина эта воплотится, и женщина пойдетъ въ міръ, рука объ руку съ Жаномъ Вальжаномъ, этимъ идеальнымъ представителемъ несчастнаго, угнетеннаго сына народа, всѣ скорби неправды и муки котораго онъ вынесъ столь геройски на своихъ мощныхъ плечахъ. Подобно ему, женщина была угнетена, подобно ему, она носила терпѣливо вѣковья свои цѣпи, и вотъ онъ, жертва закона и общества, беретъ въ свои сильныя руки маленькую дѣвочку, избитую, измученную, и уноситъ ее подальше отъ злыхъ людей, не имѣвшихъ къ ней состраданія. Какой поэтической, великій моментъ, въ которомъ писатель социалистъ могъ бы увидѣть знаменіе историческаго событія! Какая прекрасная картина для художника, что бы представить зарю возрожденія женщины! Но указать на зарождающійся свѣтъ пророческимъ перстомъ... для этого, быть можетъ, нуженъ высшій инстинктъ генія, истинное чутье историка, а того и другаго не хватило у французскаго романиста, котораго Наполеонъ I такъ мѣтко называлъ гениальнымъ ребенкомъ. Подобно Мишеле, Гюго смотритъ на женщину, какъ на прелестную конфетку, или какъ на благоухающій цвѣтокъ, и старый идеаль увѣковѣченъ въ новомъ образѣ. Правда, въ лицѣ Фантины онъ указалъ намъ на цѣпи, которыми скованъ трудъ женщины, на ея паденіе, въ слѣдствіе голода и нужды; изобразилъ яркими красками муки матери, работающей для пропитанія малютки дочери, и, наконецъ, нарисовалъ трагическую картину ея смерти въ больницѣ. Но что такое Козетта, дочь этой несчастной женщины, главная героиня романа или поэмы? Надъ нею стоитъ остановится побольше.

Оторванная отъ матери, выросшая въ нищетѣ и побояхъ, Козетта была уже восьми лѣтъ работницею: она носила воду, мела полы, мыла посуду, вязала чулки, прислуживала въ трактирѣ, и за все это ее били, ругали, съ ранняго утра до поздней ночи, и за все это бѣдняжка почти всегда была голодна; платье на ней было изорвано; грудь открыта; на босыхъ ногахъ были надеты деревянные башмаки... Однажды вечеромъ злая трактирщица, мучительница несчастной малютки, посылаетъ ее за водою въ глухой лѣсъ. Дѣвочка дрожить отъ страха, но, скрѣпя сердце, отправляется съ большимъ ведромъ въ ругѣ въ странный лѣсъ. Но когда она, накачавъ воду, возвращается домой,

кто то настагаетъ ее сзади, чья то могучая рука освобождаетъ ее отъ ея тяжелой ноши. Таинственный избавитель оказывается никто иной, какъ Жанъ Вальжанъ. Заплативъ за нее деньги, онъ увозитъ ее навсегда отъ безчеловѣчной трактирщицы. Десять лѣтъ спустя, мы снова встрѣчаемся съ Козеттою. Сколько тайныхъ надеждъ она возбуждаетъ въ читателѣ! Онъ ждетъ, что явится, наконецъ, на сцену женщина, дочь народа, плебейка по чувствамъ, по воспитанію, свободная отъ всѣхъ предрассудковъ, потому что жизнь ея сложилась внѣ всѣхъ, установленныхъ обычаемъ, формъ, вдали отъ всего, что мѣшаетъ ея самостоятельному развитію, женщина въ человѣческомъ значеніи этого слова. Но чѣмъ оказывается она? Козетта, дочь потерянной женщины, воспитанница и приемышъ освобожденнаго каторжника, является у Виктора Гюго прелестнымъ аристократическимъ ребенкомъ, въ полномъ невѣдѣніи жизни, которую такъ бережно прячетъ отъ нея Жанъ Вальжанъ; однимъ словомъ, это поэтическій образъ женщины-малютки, пѣвчей пташки, хорошенькой куклы, достойной быть героинею извѣстной книги Мишеле «L'Amour». Это избалованное, изпѣженное дитя не способно ни къ какому серіозному дѣлу. Козеттѣ нужна богатая обстановка, нуженъ знатный мужъ и всѣмъ этимъ награждаетъ, подъ конецъ, авторъ свою героиню. Женихъ ея оказывается неожиданно, нежданно богатымъ наслѣдникомъ и въ добавокъ барономъ. Должно быть, между падшею женщиною и артисткою, Викторъ Гюго не видѣлъ промежуточныхъ ступеней, между порокомъ и дѣтскимъ простосердечіемъ не нашелъ середины. Да и въ умѣ француза другой идеалъ не вмѣщается: либо маркиза, либо лоретка. Викторъ Гюго сдѣлалъ и безъ того нѣкоторую уступку демократическому чувству, что выдалъ свою героиню только за барона..

Такимъ образомъ, мы видимъ, что французская литература, въ лицѣ своихъ первоклассныхъ беллетристовъ, не подвинула женскаго вопроса ни на шагъ. А сколько другихъ писателей, выставившихъ, по примѣру ихъ, слова свободы, равенства и братства на своемъ знамени, сколько патентованныхъ друзей и благодѣтелей всѣхъ «угнетенныхъ и униженныхъ», которые расплодись, въ это послѣднее время, во всѣхъ литературахъ, и выступили на сцену въ защиту женщины, а въ окончательномъ результатѣ только утвердили ее на разрушенномъ ихъ же теорію пьедесталѣ, и, въ сущности, увѣнчали старыя кумиры!.. Какъ язычни-

ки, приносили они этому милому идолу, кто золотыя ткани, разноцвѣтныя ленты, кто серги и кольца, и, нарядивъ женщину въ пестрые лоскутья, облачивъ во всѣ прежнія регалии, они поклонились ей, какъ божеству, и воскурили передъ нею оміамъ; они провозгласили ее своею законною царицею, властительницею ихъ сердца, трепещущаго отъ ея милого лепета, и жаждущаго только ея любви! И до сихъ поръ продолжается этотъ веселый праздникъ, этотъ роскошный маскарадъ женщины, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, мы видимъ другое... Мы видимъ, что сотни тысячъ женщинъ носятъ цѣпи непосильной работы и насильственного порока, и съ завистію и горечію смотрятъ на вѣнокъ праздности, которымъ увѣнчаны ихъ счастливыя сестры, и изъ среды ихъ, мы слышимъ, поднимается уже чаще и чаще голосъ ропота и протеста...

II.

Переходя къ публицистамъ, занимавшимся въ русской литературѣ «женскимъ вопросомъ», я должна принести имъ, отъ имени женщинъ, благодарность за все искреннее и добросовѣстное желаніе ихъ помочь намъ въ трудномъ нашемъ дѣлѣ... Но и между ними, сказать по правдѣ, было не мало этихъ рыцарей полумѣръ, которые, какъ замѣчаетъ г-жа Милль, совѣтуютъ женщинамъ «образовать свои понятія и свой вкусъ, пріобрѣтать общія познанія, заниматься поэзіею, искусствомъ, даже кокетничать съ наукою»... Одни говорили, что специальность женщины есть *энциклопедизмъ*, другіе, что основной принципъ женской дѣятельности есть эстетика, третьи, что, «при разрѣшеніи всякаго соціального вопроса, необходимо обращаться къ законамъ физической природы, какъ къ принципу непреложному»...

Но интересно узнать, какое руководство и какой масштабъ даютъ намъ эти законы, по которому мы могли бы рѣшать соціальныя вопросы? Самое большое, что можетъ до сихъ поръ высказать объ этомъ самый свѣдущій фізіологъ или антропологъ, это скромная надежда, что современемъ естественныя науки дадутъ удовлетворительный отвѣтъ на такой вопросъ. А въ ожиданіи, пока дадутъ, мы знаемъ, какъ нельзя лучше и достовѣрнѣе, что образованіе, т. е. умственное развитіе человѣка, имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на устройство его матеріальнаго

быта и на его отношеніе къ природѣ. Образование противоположается естественному развитію человѣка, или естественному состоянію, въ которомъ жизнь управляется и руководствуется однимъ непосредственнымъ физическимъ закономъ. Человѣкъ вышелъ изъ этого состоянія, и вступилъ въ періодъ разумной жизни. Съ этого переходъ только и начинается. Исторія человечества до сихъ поръ заключаетъ въ себѣ почти весь матеріалъ, изъ котораго строятся остальные политическія науки, и рѣшаются основныя задачи общественнаго устройства.

Изъ этого мы можемъ вывести тотъ принципъ, въ силу котораго не физическая природа, а разумъ есть источникъ равенства, и изъ него вытекають всѣ права. Это равенство двухъ половъ можно установить только въ теоріи, такъ какъ на практикѣ его еще нѣтъ. Въ своей совокупности, т. е. въ численномъ своемъ большинствѣ, женщина несомнѣнно стоитъ ниже мужчины. Но такое статистическое сравненіе не дало бы намъ никакого мѣрила для справедливой и вѣрной оцѣнки двухъ половъ. И потому мѣркой равенства и единицею сравненія мужчинъ и женщинъ мы должны взять индивидуума. Родъ, какъ извѣстно, есть отвлеченное понятіе, которое становится реальнымъ только въ отдѣльныхъ явленіяхъ, т. е. въ отдѣльныхъ человѣческихъ существахъ. Родъ не исчерпывается въ одномъ видѣ, но зато видъ есть выраженіе рода. Вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли женщина, *индивидуально* по уму, или по таланту, или по политической и гражданской способности, возвыситься до мужчины, и стать съ нимъ рядомъ. Исторія отвѣчаетъ намъ утвердительно на этотъ вопросъ. Но одной признанной способности мало. Мы желали бы не отвлеченнаго права учиться и развиваться (въ принципѣ мужчинамъ ничего не стоитъ быть щедрыми, великодушными и справедливыми), но фактическаго, т. е. признаннаго и утвержденнаго гражданскимъ закономъ, права; одно только практическое развитіе можетъ вызвать на свѣтъ то, что лежитъ въ природѣ женщины, и превратить возможность въ фактъ. Права создаются не потребностями, по крайней мѣрѣ не одними потребностями: права утверждаются государствомъ, иначе говоря закономъ. Вотъ что говорить, по этому поводу, Куно Фишеръ: «Человѣкъ, какъ личность, есть единичная отдѣльность, которая находитъ для себя поприще не въ беззавѣтномъ свѣтломъ наслажденіи жизни, какъ прекрасное недѣлимое, но среди публич-

ной общественной жизни и ея соизволенія. *Какъ личность, я имѣю значеніе только на столько, на сколько я признаюсь дру-гими.* Здѣсь моя сфера опредѣлена властію государства; какъ лице, я имѣю общественное значеніе, основанное на всеобщемъ признаніи, ограниченное и утвержденное властію закона. *Я значу, на сколько онъ меня признаетъ, и какъ бы соизволяетъ.* Такое соизволенное и допускаемое существованіе мы обозначаемъ словомъ *право*. (Куно Фишеръ. Томъ I. Переводъ Н. Стрехова).

Право не создается; оно существуетъ само по себѣ, потому что оно есть законное притязаніе человѣка на употребленіе въ дѣло своихъ природныхъ дарованій и наклонностей, потребность, требующая себѣ удовлетворенія, какъ голодъ и жажда. Оно о-сновное начало, вытекающее изъ самой природы, которое абсолютно всегда существовало, но которое признается въ политической жизни только съ развитіемъ человѣческаго общества.

«Право, по словамъ Жени д'Эрикуръ, обнимаетъ собою не только матеріальную жизнь, свободу нашихъ движеній, нашу безопасность, но и развитіе нашего разума, нашихъ способностей, нашей привязанности, любви, нашихъ производительныхъ силъ п нашей самодѣятельности»...

Что касается энциклопедисма, то, если энциклопедическое образованіе можетъ быть пригодно для женщинъ достаточныхъ классовъ, спрашивается, что можетъ онъ дать женщинамъ бѣдной, снискивающей себѣ трудомъ средства къ существованію? Литература, наука, искусство, въ общемъ, а не въ специальномъ значеніи слова, не приготавливаютъ ее ни къ какому дѣлу, и не даютъ ей опоры въ жизни... Что же дѣлать бѣднымъ женщинамъ? Что дѣлаетъ общество съ ними?...

«Женщину выдаютъ замужъ, отвѣчаютъ на это обыкновенно, и мужъ рабстаетъ на нее...» На практикѣ, однако, бываетъ не всегда такъ. Общественное устройство жизни европейскихъ народовъ клонится къ тому, что бракъ дѣлается рѣже и рѣже. Перепись народонаселенія каждаго государства представляетъ намъ статистическія доказательства постепеннаго уменьшенія браковъ. Такъ, на примѣръ, въ Франціи, въ послѣднее время, число браковъ уменьшается почти на 2,000, несмотря на увеличивающееся народонаселеніе *). Въ Англіи состави-

*) Въ 1861 году, въ Франціи было браковъ 305,208; въ 1862—305, 514;

лось цѣлое общество незамужнихъ женщинъ. Въ бѣдныхъ классахъ, въ слѣдствіе распространенія работъ на мануфактурахъ, семейныя узы ослабляются значительно. Жюль Симонъ, въ своемъ интересномъ сочиненіи «Работница», не одинъ разъ оплакиваетъ этотъ грустный фактъ, и горько о немъ соболюзнуетъ. Что же дѣлать женщинѣ незамужней, или матери семейства, мужъ которой не въ состояніи содержать ни ея, ни дѣтей? А если она молода, и хлѣба у нея нѣтъ,—что тогда?... Мы знаемъ, какіе роковые отвѣты даетъ дѣйствительность въ подобныхъ случаяхъ... Не будемъ однако останавливаться на нихъ, и скажемъ одну истину, въ которой пора наконецъ мужчинамъ убѣдиться.

Жизнь давно рѣшила вопросъ о женщинѣ. У нея нѣтъ двухъ законовъ, одного благодушнаго и умѣреннаго, приноровленнаго къ болѣе слабому и нѣжному организму женщины, и скромному, сообразно ея типу; другаго, болѣе жесткаго и суроваго, приспособленнаго и соотвѣтствующаго организму мужчины. Жизнь проводитъ строгій уровень между ними, который, громче всѣхъ научныхъ классификацій эстетическихъ теорій и идеаловъ, доказываетъ, что она предназначила ихъ для одной общей цѣли.

Для женщины, какъ и для мужчины, жизнь есть борьба за существованіе; трудъ за кусокъ хлѣба, или за умственную пищу; война за свои права и свободу. Они, какъ товарищи, должны дѣлить все пополамъ, страданія и радости, скорби и труды, всепоровну и побратски. Одному достается на долю одно, другому другое; но въ итогѣ одно стоитъ другаго... Если мужчина безъ труда не можетъ добыть себѣ хлѣба, то и для женщины манна не падаетъ съ неба: оба они должны пить и ѣсть; должны имѣть кровь и одежду; оба, исключая матеріальныхъ нуждъ, имѣютъ высшія потребности.

Но, говорятъ экономисты, открытіе женщинамъ одинаковаго поля дѣятельности съ мужчинами должно неминуемо повести къ тому, что увеличится толна конкурентовъ, и въ слѣдствіе этого понизится заработная плата. Этотъ доводъ теряетъ силу, если мы взглянемъ на вопросъ съ другой стороны.

въ 1863 г. 301, 376, а въ 1864 г. число ихъ понизилось до цифры 299, 579. (Annuaire de l'économie politique et de la statistique, par Maurice Block: Paris, 1867, page 34.)

Мы знаемъ, что все то, что служить къ развитію народа, благопріятствуетъ вмѣстѣ производству и сбыту. Чѣмъ больше будетъ развитъ народъ, тѣмъ больше у него будетъ потребностей, и, слѣдовательно, тѣмъ больше онъ будетъ производить, такъ какъ сумма потребностей цѣлаго народа удовлетворяется суммою его труда. А чѣмъ больше труда, тѣмъ больше капиталовъ: трудъ рождаетъ капиталъ. А. Смитъ утверждаетъ, что трудъ есть основа производства.

Приэтомъ является вопросъ: что умножаетъ и возбуждаетъ человѣческія потребности? Извѣстно, что въ дикомъ состояніи потребности у людей бывають очень несложны и незатѣйливы: онѣ ограничиваються удовлетвореніемъ первыхъ физическихъ нуждъ. Только съ развитіемъ цивилизаціи, потребности человѣка видоизмѣняются, и обращаются на болѣе разнообразныя предметы. Чѣмъ же выше и полнѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ трудъ его производительнѣе, точно также, чѣмъ свободнѣе трудъ, тѣмъ больше производства. Свобода же экономическая, какъ и всякая другая, есть слѣдствіе развитости общества. И такъ, чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ оно богаче, и наоборотъ. И не только оно богаче его, но и свободнѣе, и нравственнѣе. Слѣдовательно, образованіе женщинъ, увеличивъ потребности общества, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать умноженію и улучшенію производства цѣнностей и соціальному развитію.

Изъ вышеприведенныхъ экономическихъ положеній, мы видѣли, что между матеріальнымъ благосостояніемъ и образованіемъ народа существуетъ самая тѣсная органическая связь и полное взаимодѣйствіе. Конечно, ни первое, ни послѣднее, не можетъ достигнуть большаго развитія безъ политической свободы и безъ справедливаго законодательства.

Но для насъ вовсе не важенъ вопросъ: которое изъ двухъ началъ, образовательное или экономическое, играетъ первенствующую роль въ исторіи народовъ, и которое изъ двухъ повинетъ скорѣе вопросъ о женской эмансипаціи къ его практическому разрѣшенію. Для насъ ясно, что, въ сущности, это только разныя его-стороны, и что на практикѣ онѣ не раздѣльны. Эмансипаторы экономисты требуютъ для женщины одинаковаго вознагражденія ея труда съ трудомъ мужчины; эмансипаторы публицисты — уравненія ея гражданскихъ и политическихъ правъ. Одни просятъ для нея хлѣба, другіе свободы. Съ перва-

го взгляда, требованія эти кажутся противоположными; въ существѣ дѣла это одно и то же.

Отъ нищеты, сотни тысячъ женщинъ предаются пороку; но кто считалъ женщинъ, которыя погибли отъ недостатка дѣятельности, отъ недостатка умственного и нравственного развитія, отъ пустоты, пошлости, скуки и зависимости, погибли отъ того, что среда, ихъ окружавшая, извратила и направила къ злу ихъ природныя силы, или задавила ихъ?

III.

Женщина должна выбрать себѣ, прежде всего, какую нибудь специальность, научную или техническую, смотря по своимъ наклонностямъ и способностямъ, и по тому положенію, въ которомъ она находится. Она должна знать, что какъ нищета, такъ и необразованіе, безспорно рабство, и что работа, при этихъ рабскихъ условіяхъ, не только всякую, но и всякаго задавить... Кто попалъ подъ этотъ жребій, тому никогда не выбратся на широкую дорогу труда и независимости. И какъ нужны необыкновенныя силы, что бы хорошо овладѣть многими знаніями, то большинство должно стремиться къ усвоенію какого нибудь одного: это будетъ выгоднѣе и для себя и для общества.

Говорять, что сила женщины есть болѣе пассивная и инертная. Открывъ ее въ женщинѣ, мужчины ее опозитизировали, быть можетъ, потому, что нашли это свойство очень выгоднымъ для себя и удобнымъ для полного господства надъ нею. Но пусть это насъ не обольщаетъ, и не приводитъ въ трепетное умиленіе. Въ этой силѣ нѣтъ ничего дѣйствительно прекраснаго; это сила вѣчнаго пребыванія на одномъ неподвижномъ пунктѣ, своего рода косность. Неужели же мы всегда будемъ довольны воснеиємъ въ предразсудкахъ и невѣжествѣ и неизмѣнно одинаковымъ уровнемъ нашихъ понятій, знаній, мыслей и стремленій? Неужели это насъ не унижаетъ въ собственныхъ глазахъ, и мы не захотимъ выбиться изъ старой затоптанной колеи, гдѣ все заглохло въ тупой рутинѣ, и откуда нѣтъ ни разумнаго выхода, ни прямаго пути?—Но мы уже сознали наше положеніе, а знаніе даетъ нравственную свободу... Мы сбросили уже съ себя старое, и вышли изъ пассивной роли... Мы перестали уже нянчиться съ навязываемыми намъ идеалами, съ своими психологическими

фантазіями и мечтами, воображая, что тутъ то и есть сущность жизни, истинное ея зерно и основа, и поняли, что дѣло лучшей и самый кратчайшій путь къ достиженію того, къ чему мы стремимся, а именно къ воспитанію и развитію нашихъ внутреннихъ силъ и къ внѣшней дѣятельности. Да, мы убѣдились, наконецъ, что дѣло, фактъ, моментъ внѣшней жизни необходимо для человѣка, потому что мимо него онъ ничѣмъ не въ силахъ былъ бы опредѣлить свою мысль, свою внутреннюю силу; она расплывалась бы постоянно въ туманѣ безпредметнаго созерцанія, въ которомъ собственное наше лице замѣняло бы постоянно само для себя все на свѣтѣ. Всякій опытъ и фактъ необходимо выводить эту силу, изъ нашего я, въ сферу внѣшней дѣятельности его, въ область дѣла. Этой то области не доставало женщинамъ, и отсутствіемъ ея объясняется отчасти тотъ лихорадочный жаръ, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онѣ бросились на все, что хотя сколько нибудь было похоже на дѣло. Толчекъ былъ неудержимый, и школы, мастерскія, возникали съ необыкновенною быстротою. Заговоривъ о мастерскихъ, я не могу пропустить безъ вниманія одной статьи, надѣлавшей въ свое время много шума, и напечатанной въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Въ этой статьѣ было сказано: «что хотя мастерскія Вѣры Павловны и общества женскаго труда очень милыя, сами по себѣ, вещи, но плохія средства для устройства женскаго дѣла...» И далѣе, что «ассоціація должна устроить трудъ и распредѣлить продуктъ, но то и другое она должна устроить безъ всякой торговой или коммерческой связи съ ними, какъ двѣ особыя несоразмѣримыя статьи жизненной экономіи. Въ такомъ случаѣ, она даетъ ему обезпеченіе въ полномъ смыслѣ этого слова, и получаетъ отъ него трудъ, свободный и невнужденный.»

Съ экономической точки зрѣнія, противъ этого нечего возражать, но въ практическомъ отношеніи можно замѣтить, что плохо ли это средство или нѣтъ, но покуда другаго нѣтъ; покуда дальше не было дороги, лучше это, чѣмъ ничего.

Кстати скажу, что въ душѣ женщины должно шевелиться одно горькое недоумѣніе. Сколько разъ, изустно и печатно, бросали намъ свой укоръ (въ томъ числѣ и г. Жуковскій), что мы толкуемъ вкривь и вкось объ эмансипаціи, и всетаки остаемся въ томъ же положеніи, ничего не дѣлая,

что бы выйти изъ него. Намъ столько разъ выражали, самымъ снѣптическимъ и обиднымъ тономъ, сомнѣніе, дѣйствительно ли мы тяготимся своимъ положеніемъ, и понимаемъ ли его, какъ слѣдуетъ, что мы переконфузились не на шутку... И какъ было въ самомъ дѣлѣ не переконфузиться! Между нами сказать, читательница, мужчины были совершенно правы въ своихъ упрекахъ: мы заслуживали ихъ вполне. Но въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, мы только что пробуждались послѣ долгаго сна; мы жили въ какой то лихорадкѣ дѣятельности, а когда порывъ обратился въ дѣло, то, съ перваго же шага по этому трудному пути, насъ уже предостерегали, что мы далеко не уйдемъ, и наши попытки устроить что нибудь собственными руками называли «милымъ вздоромъ», т. е., попросту говоря, глупостію. Въ заключеніе прибавляли же глубокомысленно: «нужно измѣнить элементарныя условія экономической почвы, обеспечить матеріально женщину, и такимъ только образомъ можно приподнять ее до уровня существа свободнаго, изъ того глубокаго надеянія, въ которомъ держитъ ее до сихъ поръ роковая экономическая гидра...»

Опять таки, теоретически говоря, г. Жуковскій правъ; но на практикѣ, ни онъ, ни другіе экономисты и публицисты, не знаютъ, какимъ образомъ можно обеспечить матеріально женщину, какимъ оружіемъ разсѣчь голову экономической гидры... Это вопросъ весьма сложный, и женщины, конечно, не были такъ наивны, что бы видѣть въ ассоціаціяхъ или артеляхъ его развязку. Однако же, не мѣшаетъ при этомъ случаѣ напомнить публицистамъ, что въ западной Европѣ именно ассоціаціями и артелями начался рабочій вопросъ.

Но между рабочимъ и женскимъ вопросомъ та разница, что рабочій классъ мужчинъ, пользуясь привилегіею труда, заботился и хлопоталъ преимущественно, или о возвышеніи заработной платы, или о томъ, какъ бы, посредствомъ ассоціаціи, устроить производство и потребление. Онъ боролся или съ хозяиномъ, или съ капиталомъ. Нашъ же вопросъ поставленъ не совсѣмъ въ такомъ видѣ. Онъ еще не хозяйственный; онъ только *пробный* вопросъ о нашей способности.

Весь вопросъ, какъ мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ одна только практика можетъ открыть и доказать намъ, нагляднымъ образомъ, нашу пригодность или непригодность къ разнымъ сферамъ труда, то мы должны испробовать

тѣ и другія *на дѣлѣ*. Это есть единственный путь къ дозна-
нію нашихъ способностей и вѣрнѣйшее мѣрило нашей само-
дѣтельности. Споръ объ умственномъ превосходствѣ мужчины
можетъ быть рѣшенъ на фактѣ только тогда, когда женщины
начнутъ думать и дѣйствовать за себя, сознательно и само-
стоятельно, и когда передъ ними будутъ открыты тѣ же сред-
ства, учиться и образовать себя, какія доступны мужчинамъ *).
Только фактами можно уничтожить предрассудки о женщинахъ,
вкоренившіеся такъ глубоко въ обществѣ, и являющіеся, въ слѣд-
ствіе этого, злѣйшими врагами женскаго дѣла.

Намъ столько вѣговъ говорили, что мы не способны къ выс-
шей практической или теоритической дѣятельности; столько
разъ намъ повторяли, что мы рождены только для любви и для
кухни, что мы увѣровали, наконецъ, въ эти изреченія, и нуж-
но будетъ много времени, что бы мы сами сознали въ себѣ силы
и способности, положенныя въ насъ природою, и убѣдили въ
нихъ другихъ. И пройдетъ не менѣе времени, покуда мужчины,
даже въ образованныхъ слояхъ общества, будутъ смотрѣть по-

*) Умственное превосходство мужчинъ передъ женщинами, какъ существ-
вующій фактъ, очевиденъ и неоспоримъ. Но, призывая его, очень немно-
гіе изслѣдовали его причину, путемъ историческимъ или научнымъ. Теорія
Дарвина, если не ошибаемся, представляетъ данныя, на основаніи кото-
рыхъ, повѣряя ихъ историческими фактами, можно было бы получить ключъ
къ разъясненію этого вопроса. Предположимъ, что Дарвинъ правъ въ этомъ
положеніи, что «употребленіе или неупотребленіе мозга бываетъ причиною
его измѣненія», а въ этомъ нельзя сомнѣваться, если «упражненіе известна-
го органа придаетъ ему силу, а неупотребленіе уменьшаетъ его въ объ-
емѣ»; отсюда мы придемъ къ тому выводу, что такъ какъ умъ женщины
нормально не развивался, а былъ постоянно угнетенъ и задавленъ, то
естественно, что онъ не можетъ имѣть силы мужскаго ума. Мы пойдемъ
еще далѣе, и примѣнимъ къ человѣку теорію Дарвина, объ естественномъ
подборѣ. Ученый этотъ говоритъ, что «естественный подборъ, въ силу за-
кона, по которому свойство наследуется въ соответствующіе возрасты, мо-
жетъ видоизмѣнить организмъ, и, посредствомъ этого процесса, сохраняется
малѣйшее уклоненіе, если то для него выгодно.» Отправляясь отъ этой
точки зрѣнія, мы можемъ предположить, что превосходство мужскаго ума
надъ женскимъ обусловливается наследственной передачею измѣненій,
происшедшихъ въ организмѣ мужскаго мозга, и удержанныхъ имъ, и что
этимъ измѣненіямъ онъ обязанъ отчасти, конечно, тѣми преимуществами,
которыми онъ пользуется изъ рода въ родъ, по праву сильнаго и болѣе ра-
зумнаго, и что, въ слѣдствіе той же наследственной передачи, прогрессія въ
развитіи женскаго ума шла весьма медленно.

человѣчески на трудовую женщину, и относиться съ уваженіемъ къ ней.

Въ настоящее же время, поднимается, изъ довольно многочисленной среды общества и журналистики, такой ропоть, такой единодушный протестъ противъ новаго идеала женщины, что невольно хочется вникнуть поглубже въ причину, повергнувшую русскихъ мужчинъ въ такой ужасъ передъ новою идеею, изъ которой должна родиться эта женщина; хочется, во что бы то ни стало, разобрать мотивы глубокой антипатіи, успѣвшей возникнуть противъ нея... За что же эта преждевременная злоба, эта незаслуженная ненависть? Во имя чего? Во имя стараго идеала? Они говорятъ, что искренно уважаютъ трудъ женщины и серьезное ея образованіе; пользу этихъ двухъ началъ они и не думаютъ отрицать, но возстаютъ единственно противъ независимости женщины. Вы хотите, говорятъ они, что бы женщина могла существовать, безъ помощи мужчины, своимъ собственнымъ трудомъ; вы хотите одиночества женщины, отдѣленія и разъединенія ея съ нимъ; вы желаете создать для нея положеніе внѣ семьи... Поймите же, что не разъединять, а соединять надо больше мужчинъ съ женщинами; надо, по возможности, устроить жизнь такъ, что бы всѣ женщины выходили замужъ, и всѣ мужчины женились; тогда для всѣхъ женщинъ найдется дѣло, и всѣ люди будутъ счастливы...

За этими общими сѣтованіями кроются еще чисто субъективныя причины, или, такъ сказать, *сердечныя основанія*, на которыя опирается вражда мужчинъ къ женскому вопросу, и которыми объясняется отчасти ихъ безотчетный страхъ. Да, что бы они ни говорили, а въ душѣ они боятся эминиспаціи, боятся принциповъ, ею воздвигнутыхъ. Эти принципы равноправности, независимости, труда, думаютъ мужчины, убьютъ въ женщинѣ поэзію, высшую ея красоту, уничтожатъ съ прекраснаго ея чела печать *женственности*, идеальный типъ ея. Они сдѣлаютъ, изъ слабаго, кроткаго, прелестнаго существа, существо жесткое, сильное, практическое, независимое, смѣлое... Идеаль исчезнетъ, а на мѣсто его явится вполне реальное человѣческое лице... Вмѣсто Джульеттъ, Дездемонъ, Гретхенъ и Элоизъ, будутъ учительницы, професорши, докторши и т. д. Чѣмъ же тогда будетъ жизнь? Куда дѣнется счастье, поэзія ея?

Они забываютъ, что поэзія не можетъ быть убита разу-

момъ, что свобода не можетъ уничтожить нравственную красоту, а мѣръ науки не исключаетъ мѣра чувства, и что надо же когда нибудь низвести идеаль во время и въ пространство... Доказательство этого мы видимъ на мужчинахъ. Извѣстно, что величайшіе поэты были мужчины.... Отъ чего это? Не отъ того ли, что разумъ женщины былъ слабъ, мало развитъ, что взоръ ея не проникалъ глубоко въ тайны природы, не охватывалъ всего безконечнаго горизонта жизни, а устремлялся на одну точку любви, въ орбитѣ которой заключался для нея весь мѣръ, кончалась вся вселенная... Мировые перевороты совершались вокругъ нея, измѣнялось лице земли, а она все глядѣла, точно очарованная, на свое свѣтило. И въ этомъ любовномъ созерцаніи находятъ мужчины высшую поэзію женщины, ея красоту и призваніе. Пусть взглядъ ея спустится на землю: пусть она вопрошаетъ тайны природы или загадки науки, и она уже измѣнила своему призванію, нарушила свою красоту! Какъ будто нѣтъ поэзіи въ наукѣ, въ творчествѣ, въ законахъ природы, въ историческихъ событіяхъ! Все, что велико, все то прекрасно и поэтично. Если бы гениальныя открытія Ньютона и Галилея были сдѣланы женщинами, неужели сила генія и сила фантазіи, съ помощію которыхъ мировые законы были найдены, не облекли бы этихъ женщинъ, въ глазахъ всего свѣта, въ то величіе, до какого не возвысилась еще ни одна изъ нихъ, не освѣтили бы ихъ высшею поэтичностью и красотой; неужели ларвовый вѣнокъ, который увѣнчалъ бы ихъ головы, не стоялъ бы вѣнка, украшавшаго идеальную, но безумную голову Офеліи? Неужели великія женщины, въ какой бы то ни было сферѣ науки или искусства, въ нашихъ глазахъ не будутъ лучшими представительницами ума, таланта, поэзіи, женщинами надъ женщинами, точно также, какъ Шекспиръ, Гёте, Ньютонъ, Кеплеръ, Лейбницъ и многіе другіе, будутъ вѣчно знаменитыми представителями челоувѣчества, людьми *по преимуществу*, первыми людьми? Въ самомъ дѣлѣ, почему это идеаль мужскаго рода можетъ варіировать до безконечности, въ самыхъ разнообразныхъ личностяхъ, въ самыхъ противоположныхъ дѣятеляхъ, можетъ быть выраженъ и въ лицѣ завоевателя, великаго администратора и политика, въ лицѣ художника и поэта, историка, ученаго и философа, наконецъ, въ образѣ гражданина и семьянина, а идеаль женщины, по какому то фаталисти-

ческому закону, навязанному ея природѣ, долженъ неизмѣнно и ненарушимо увѣковѣчиваться въ одномъ только поэтическомъ образѣ *возлюбленной*? И когда всему а свѣтъ суждено измѣняться, одна только женщина, какъ мраморная статуя, должна пребывать навѣки неизмѣняемою и неподвижною? Неужели любовь альфа и омега ея жизни, и, кромѣ нѣжнаго сердца, она ничего не можетъ дать міру? Но въ томъ то и заключается главная ошибка этого поэтического воззрѣнія на женщину, что оно какъ бы исключаетъ ее изъ всего міра, уединяетъ отъ всѣхъ людей, заставляетъ жить только для одного. И это не мифъ и не притча; это исторія женщины, отъ начала міра до XIX вѣка включительно! Намъ говорятъ: такъ было и такъ будетъ во вѣки вѣковъ. Женщина создана для любви: таковъ законъ ея природы. Но вѣдь любить можно только одного, и для любимаго человѣка она останется всегда женщиною, въ поэтическомъ значеніи слова, а для другихъ людей, и въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни, она должна проявить свой разумъ и всѣ тѣ способности, которыми надѣлена (надо, что бы всякое дарованіе было на своемъ природномъ мѣстѣ). Въ любви она сохранить женственность, нѣжность, непосредственность чувства; въ жизни же дѣйствительной, въ сферѣ труда, въ области мысли, она уже не женщина, она просто человѣкъ.

Странно думать, что женщина, достигшая умственного и нравственного развитія, способна будетъ меньше любить, чѣмъ простая крестьянка, никогда ничему неучившаяся, или институтка, недоучившаяся, или, что она будетъ не столь поэтична, потому что образованіе открыло ей новые источники знанія и наслажденія, чѣмъ та, которая живетъ въ туманѣ одного непосредственнаго чувства, и, какъ слѣпая, глядитъ на міръ божій. Но требовать, что бы женщина была всегда поэтична, только поэтична, это значитъ не понимать жизни. Поэзія не есть норма жизни: это ея цвѣтокъ, ея музыка, ея аромать. Возможно ли, что бы музыка, аромать и цвѣты были единственнымъ и постояннымъ содержаніемъ всей жизни? Этому также наввно требовать, какъ сказать человѣку: «будь всегда молодъ и свѣжъ!» или: «будь вѣчно веселъ!»

Итакъ, напрасны опасенія мужчинъ: человѣческая природа, совершенствуясь, не можетъ утратить такихъ свойствъ и качествъ, которыя присущи ей. Но совершенствоваться и разви-

ваться она должна: таковъ великій законъ, управляющій не только исторією народовъ, но и всею органическою жизнію. Будемъ же вѣрить, что настанетъ и для женщины время, когда она вступитъ во всѣ права, принадлежащія свободному и разумному существу, когда рѣчь ея будетъ не за кулисами, а на сценѣ общественной жизни, когда она займетъ свое мѣсто въ исторіи цивилизаціи.....

Каковъ бы ни былъ приговоръ этого далекаго будущаго надъ судьбою женщины, она должна понять, что одно образованіе можетъ дать ей ту самостоятельность разума и ту гражданскую полноправность, которыми пользуется мужчина. Всякое другое равенство будетъ недѣйствительно.

Въ настоящее время, представляется для женщины возможность сдѣлать первые шаги навстрѣчу къ этому будущему, и поработать для собственнаго развитія. Существуетъ, какъ извѣстно, предположеніе устроить рядъ лекцій, или курсовъ, для женщинъ, и тѣмъ положить начало серіозному женскому образованію. Если проектъ этотъ осуществится, то откроется наконецъ для насъ доступъ къ знанію и къ практическому при-мѣненію его къ жизни.

Призываемъ же русскихъ женщинъ къ слушанію лекцій..... Будемте учиться, добросовѣстно и бодро, не забывая при этомъ ни на минуту, что только образованіе можетъ сдѣлать насъ годными къ какому бы то ни было дѣлу: будетъ ли это воспитаніе дѣтей, серіозная научная цѣль, или скромное обученіе грамотѣ въ нашихъ народныхъ школахъ, или снискиваніе себѣ трудомъ средствъ къ жизни.

Въ заключеніе, воздадимъ хвалу, и принесемъ нашу искреннюю и горячую благодарность тѣмъ лицамъ, которыя взяли инициативу въ этомъ дѣлѣ, и содѣйствовали его будущему успѣху.

Екатерина С.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Гигиена: объ употребленіи въ пищу лошаднаго мяса въ Франціи.

Въ прошломъ году, въ одной изъ русскихъ газетъ, была помѣщена корреспонденція изъ Варшавы, въ которой довольно обстоятельно доказывалась польза распространенія лошаднаго мяса, какъ въ высшей степени питательной и здоровой пищи. Но увидѣвъ Заявленіе это, имѣвшее болѣе случайный характеръ, не вызвало ни малѣйшаго замѣчанія, ни со стороны нашей журналистики, ни со стороны ученыхъ. Между тѣмъ у насъ этотъ вопросъ долженъ былъ бы заслуживать большаго вниманія именно потому, что нигдѣ не потребляется такое ничтожное количество мясной пищи, какъ у насъ. Уже не говоримъ о печальномъ положеніи земледѣльческихъ классовъ нѣкоторыхъ губерній въ настоящемъ году, явленіи, совершенно выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ; но если мы только припомнимъ, что и въ обыкновенное время нашъ крестьянинъ питается въ продолженіе болѣе 300 дней хлѣбомъ, капустою и квасомъ, и только въ остальные дни, которые приходятся на воскресные и годовые праздничные дни, мясомъ, то намъ кажется, что вопросъ объ увеличеніи источниковъ мясной пищи, по цѣнѣ, доступной вообще для недостаточнаго большинства крестьянъ и горожанъ, составляетъ у насъ вопросъ серіозной важности. Фактъ пора-

зительной недостаточности питанія русскаго крестьянина извѣстенъ каждому, кто только бывалъ въ деревняхъ, и присматривался къ его быту. А потому наша журналистика и ученые едва ли меньшую услугу оказали бы нашему крестьянству, если бы, вмѣсто того, что бы серьезно трудиться и измышлять надъ благодарнымъ вопросомъ, — какая примѣсь къ хлѣбу питательнѣе, солома или мохъ, — соединенными силами попытались поколебать въ обществѣ укоренившійся вѣками предразсудокъ относительно конины, какъ пищи, и научными доводами убѣдить въ ея полезности и здоровости.

Такъ какъ вопросъ этотъ у насъ никогда и ни гдѣмъ не былъ изслѣдуемъ ни въ гигиеническомъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ, то мы и считаемъ не бесполезнымъ познакомить читателей съ тѣми опытами и изслѣдованіями, которые были предприняты по этому вопросу въ Франціи.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Франціи лошадиное мясо начало обращать на себя вниманіе и экономистовъ, и ученыхъ, и они энергично старались побѣдить то, ни на чемъ не основанное, предубѣжденіе противъ этой пищи, которое существовало въ народѣ, и поддерживалось латинскимъ духовенствомъ. Наконецъ, ихъ усилія въ прошломъ году увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Подобно Пруссіи, Англии, Австріи Даніи и нѣкоторымъ другимъ европейскимъ государствамъ, въ Франціи допущена публичная продажа конины. Лишь только официальное разрѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ, то тотчасъ же въ различныхъ пунктахъ Парижа открылось нѣсколько лавокъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ преимущественно бѣдными классами. Въ ноябрѣ (разрѣшеніе послѣдовало въ іюлѣ прошлаго года) уже насчитывалось въ Парижѣ до 18 заведеній, торгующихъ этимъ новымъ мясомъ. Такое быстрое увеличеніе мясныхъ лавокъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ въ его пользу.

Замѣчательнѣе всего тутъ то, что всѣ эти заведенія, какъ мы уже говорили, находятся въ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно скучены недостаточные классы. Этимъ обстоятельствомъ ясно опредѣляется назначеніе лошадиного мяса — снабжать недостаточные классы, не имѣющіе возможности покупать обыкновенное мясо, мясомъ дешевымъ по цѣнѣ, но вполне питательнымъ и здоровымъ по своимъ качествамъ.

Постоянное возвышеніе цѣны на говядину, которая, поэтому съ

каждымъ годомъ становилась все недоступнѣе и недоступнѣе для бѣдныхъ семействъ, побудило обратиться въ Америку, за искусственно сохраняемымъ мясомъ, такъ называемымъ *tassaio*, (тассахо), при готовляемымъ въ государствахъ Южной Америки Боливии, Чили, Парагваѣ и т. д. Но опыты указали, что оно совсѣмъ не обладаетъ тѣми свойствами, которыя ему старались придать на равнѣ съ свѣжимъ мясомъ. Самый важный недостатокъ его заключался въ несвѣжести; ибо извѣстно, до какой степени трудно, высушивать какия нибудь органическія ткани, и особенно въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, въ какиихъ производится въ Южной Америкѣ высушиваніе мяса. Обыкновенно остаются части, мало просушенныя, которыя потомъ подвергаются разложению, и мясо чрезъ это не только получаетъ дурной запахъ, но дѣлается положительно вреднымъ для здоровья. Поэтому то и обратили вниманіе на конину.

Главнымъ затрудненіемъ къ ея введенію въ общее употребленіе была извѣстная и присущая каждому человѣку брезгливость. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было внушить на столько смѣлости людямъ, считающимъ конину поганымъ мясомъ, что они вдругъ преодолѣли въ себѣ отвращеніе къ ней. Теперь на бы этотъ счетъ уже успокоились: опыты доказали, что вопросъ совсѣмъ не во вкусѣ, болѣе или менѣе неприятномъ, и не въ томъ, на сколько конина въ состояніи разнообразить столъ гастронома; но единственно въ томъ серіозномъ прибавкѣ, которымъ увеличится запасъ здоровыхъ питательныхъ веществъ, доступныхъ, по своей дешевизнѣ, недостаточно питающимся людямъ. Дѣло идетъ только о томъ, что бы бѣдныя хозяйства могли пріобрѣтать, за сходную цѣну, здоровое и питательное мясо. А. передъ такимъ капитальнымъ вопросомъ, вопросъ о вкусѣ совершенно теряетъ свою относительную важность. Но даже и въ этомъ отношеніи, т. е. относительно вкуса, конина совершенно удовлетворительна, подтвержденіемъ чего служитъ громадное потребленіе конины въ Европѣ. Зажаренное въ мѣру, лошадиное филе, несмотря на свой черноватый цвѣтъ, очень вкусно. Другія части, по вкусу, конечно ниже филе, но все таки вовсе не неприятны.

Но торжество этого мяса и даже, можетъ быть, превосходство его надъ говядиною, въ особенности же надъ бараниною, оказывается въ приготовленіи изъ него бульона. Конина даетъ великолѣпный бульонъ, столь же вкусный, но болѣе питатель-

ный, чѣмъ говяжій буліонъ. Медики прописываютъ его, какъ превосходное, восстанавливающее силы выздоравливающихъ больныхъ средство. Люди, разстроившіе свое здоровье дурными условіями питанія, съ успѣхомъ восстанавливаютъ его, употребленіемъ этой укрѣпляющей и здоровой пищи.

Такъ какъ мясо это должно служить пищею, по преимуществу, бѣднымъ классамъ, то вопросъ о его цѣнѣ есть вопросъ очень важный. Въ Клиши лучшее лошадиное филе продается по 2 франка за килограммъ (около двухъ съ половиною фунтовъ); между тѣмъ какъ говяжье отъ 7 до 8 франковъ. Но филе—роскошь, и потому не можетъ служить основаніемъ для сравненія. Средняя цѣна конины вообще для буліона или для жаркого не превышаетъ 40 сантимовъ за килограммъ, тогда какъ обыкновенная говядина продается дороже двухъ франковъ.

Относительно количества конины, потребляемаго въ Парижѣ, нужно замѣтить, что оно очень значительно. 19 мясныхъ лавокъ, имѣющихъ право продавать только одну конину, продаютъ около 100 лошадей въ недѣлю (каждая лавка убиваетъ отъ 5 до 6 лошадей въ недѣлю), что составитъ въ годъ около 5,000. Разумѣется, въ непродолжительномъ будущемъ, можно ожидать, что это количество увеличится въ значительномъ размѣрѣ, судя по быстротѣ, съ какою до сихъ поръ открывались мясныя лавки. За количество лошадей, доставляемыхъ на мясо, опасаться нечего ибо пять тысячъ лошадей, убиваемыхъ на мясо, при существованіи 19 лавокъ, составляетъ только $\frac{1}{15}$ всего количества, могущаго быть употребляемымъ для этой цѣли.

На продажу должны биться лошади, совершенно здоровыя, и только средняго возраста, т. е. отъ 6 до 12 лѣтъ. Этотъ послѣдній возрастъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть превышенъ. Всякое животное, зараженное чѣмъ нибудь, строго воспрещается въ продажѣ; даже не допускаются къ продажѣ лошади, получившія переломы костей, на томъ основаніи, что, послѣ этого поврежденія, два три часа спустя, уже развивается лихорадочное состояніе. Наблюденіе за всѣмъ этимъ лежитъ на обязанности инспектора ветеринара, обыкновенно назначаемаго администраціею. Каждая, назначенная къ бою, лошадь подвергается предварительному осмотру этого чиновника, наблюденіе котораго впрочемъ этимъ не ограничивается: онъ осматриваетъ ее и зарѣзанную, и, если окажется, что ея легкія повреждены, или не имѣютъ нормальнаго цвѣта, запрещаетъ ее въ продажѣ. Онъ

же наблюдаетъ и за качествомъ мяса, находящагося уже въ лавкѣ.

Добываніе мясниками лошадей для убоя обыкновенно дѣлается чрезъ такъ называемыхъ лошадиныхъ маклеровъ, которые отыскиваютъ ихъ въ провинціи. По преимуществу для этой цѣли покупаются мерены и кобылы, мясо которыхъ гораздо нѣжнее и вкуснѣе мяса вола.

Замѣчательно, что каждый мясникъ, продающій конину, въ то же время и колбасникъ. Это объясняется тѣмъ, что лошадь имѣетъ ту важную особенность, что всѣ ея части, какъ и усвины, могутъ быть, утилизованы, употребляя ихъ на приготовленіе сосисокъ. Лошадиныя сосиски очень пріятны на вкусъ, и издаютъ пріятный запахъ. По причинѣ чрезвычайно дешевой цѣны (60 сантимовъ фунтъ съ четвертью русск., а обыкновенныя продаются по 2 франк.), ихъ всегда раскупаютъ нарасхватъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ Парижѣ только что возникнувшая промышленность новаго мяса. Опытъ не замедлитъ произнести, въ своемъ окончательномъ приговорѣ, тѣ выводы, которыя долженъ оказать этотъ продуктъ бѣднымъ классамъ и на которыя уже съ давнихъ поръ указывали ученые и экономисты.

До сихъ поръ, мы разсматривали вопросъ о конинѣ съ чисто практической его стороны, но намъ остается еще разсмотрѣть его и съ болѣе теоретической точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что бы лошадиное мясо могло быть введено въ общественное употребленіе прочнымъ и серьезнымъ образомъ, необходимо разрѣшить слѣдующіе три вопроса:

1) Потребленіе конины можетъ ли быть здоровымъ и соответствующимъ требованіямъ гигиены?

2) Въ достаточномъ ли количествѣ существуетъ она, что бы можно было разсматривать ее, какъ серьезное увеличеніе питательныхъ веществъ для массъ?

И, наконецъ, 3) дѣйствительно ли дешево ея потребленіе?

На первый вопросъ существуетъ столько удовлетворительныхъ отвѣтовъ, что затрудненіе состоитъ только въ ихъ выборѣ.

Самымъ сильнымъ аргументомъ въ пользу конины говорить то, что лошадь, подобно быку, овцѣ, есть животное существенно травоядное, а потому никакой вредный для человѣческаго здоровья элементъ не можетъ выработаться въ ея организмѣ.

Можно больше сказать: лошадь, относительно выбора пищи, разборчивѣе, чѣмъ корова или быкъ. Послѣдніе, въ большей части, довольствуются дурнымъ сѣномъ, между тѣмъ какъ лошадь его обыкновенно отбрасываетъ. Слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что мясо лошади богаче растворимыми азотистыми веществами, чѣмъ мясо быка или коровы. Либихъ, назадъ тому десять лѣтъ, нашелъ, что лошадиное мясо содержитъ въ себѣ больше креатина, т. е. бѣлковыхъ веществъ, чѣмъ мясо быка. И это нисколько не будетъ удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе разницу, какъ въ ихъ пищѣ, такъ и въ образѣ жизни. Лошадь, какъ мы уже говорили, питается лучшимъ кормомъ, и совершаетъ болѣе движенія; напротивъ, быкъ, не будучи разборчивымъ, питается всѣмъ, что ему подсунуть, и, находясь въ болѣе неподвижномъ положеніи, склоненъ въ образованію у себя жира, содержащаго, кромѣ стеарина, какъ и у всѣхъ жвачныхъ животныхъ, маргаринъ, олеинъ, холестеринъ, что и придастъ его мясу неприятный вкусъ.

Паранъ-Дюшатле, писавшій свои мемуары объ общественной гигиенѣ, назадъ тому 30 лѣтъ, увѣряетъ, что лошадиное мясо, подъ именемъ говяжьяго, продавалось въ Парижѣ въ всѣ времена.

Во время голода, свирѣпствовавшаго въ концѣ прошлаго столѣтія, большая часть мяса, потребляемаго въ Парижѣ, въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, была, по словамъ ветеринара Гюсарда битая конина, что, однако же, не производило въ обществѣ ни малѣйшаго вреда. Извѣстный французскій хирургъ, Ларрей, давалъ лошадиный буліонъ раненымъ, какъ превосходное укрѣпляющее средство.

Въ 1811 г. Каде, Пермантье и Паризе, въ своемъ отзывѣ, представленномъ въ полицейскую префектуру, утверждали, «что лошадиное мясо имѣетъ очень хорошій вкусъ, что оно такъ же питательно, какъ и мясо другихъ животныхъ, что работники Монфокона, употребляющіе его, пользуются хорошимъ здоровьемъ.» Они требовали, отъ имени совѣта общественнаго здравія, «что бы учредили особую бойню, исключительно назначенную для боя лошадей.»

Между учеными, которые оказались въ этомъ дѣлѣ наиболѣе ревностными, въ особенности нужно указать на Исидора Жофруа-Сентъ-Илера. Съ 1848 г. онъ постоянно обращать

вниманіе своихъ слушателей на этотъ предметъ. Онъ писалъ мемуары за мемуарами, и дѣйствительно, своею неутомимою ревностію, много помогъ распространенію въ французскомъ обществѣ болѣе здравыхъ воззрѣній на конину, какъ на здоровое, питательное вещество.

Другой французскій ученый, Реноль, директоръ альфортской ветеринарной школы, заботился объ этомъ вопросѣ болѣе съ практической стороны.

Реноль очень хорошо зналъ, что самое важное затрудненіе къ распространенію въ обществѣ лошадинаго мяса, какъ птицы, заключается въ отвращеніи къ нему. Поэтому онъ и положилъ, что его то прежде всего и нужно уничтожить, и, что бы достигнуть этого, онъ самъ рѣшился подать примѣръ другимъ. Послѣ различныхъ опытовъ, имѣвшихъ цѣлію опредѣлить вкусъ различныхъ частей лошадинаго мяса, онъ наконецъ разъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ служащихъ въ альфортской школѣ. Въ то же время, онъ роздалъ куски мяса мелкимъ чиновникамъ и служителямъ этого заведенія, а воспитанниковъ уговорилъ замѣнить обычное блюдо изъ говядины блюдомъ, приготовленнымъ тѣмъ же способомъ изъ конины. Результаты были блистательные: всѣ нашли, что мясо очень вкусно. Послѣ этого, Реноль роздалъ порцію конины многимъ рабочимъ и ремесленникамъ альфортской общины, не принадлежавшимъ къ школѣ, причемъ всякій могъ выбирать по своему вкусу что кому нравилось. Эти послѣдніе до такой степени были удовлетворены этимъ мясомъ, что просили Реноля удѣлять имъ часть лишняго мяса всякій разъ, когда онъ будетъ его имѣть. Но Реноль понималъ, что, для упроченія окончательнаго успѣха, этого еще очень недостаточно, и потому онъ убѣдилъ своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, преодолѣвъ отвращеніе, отобѣдать у него. На этомъ обѣдѣ собрались люди самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній; тутъ были высшіе административные чиновники, члены медицинской академіи, адвокаты, публицисты, негѣціанты, которые приступили къ обѣду, приготовленному изъ лошадинаго мяса, съ нескрываемымъ отвращеніемъ, но, отвѣдавъ первыя блюда, тотчасъ же сознавались въ неосновательности своего предубѣжденія противъ конины, которая, по общему признанію обѣдавшихъ, была очень вкусна.

Этотъ опытъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ. Съ этого време-

ни, т. е. съ 1858 г., начинается рядъ банкетовъ гиппофаговъ въ большихъ городахъ Франціи, которые и имѣли громадное вліяніе на измѣненіе взгляда на эту новую пищу.

Нужно замѣтить, что Франція, въ дѣлѣ введенія въ общественное потребленіе конины, значительно отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ. Въ Даніи, напримѣръ, первая лавка съ кониною появились въ 1807 г. Въ Копенгагенѣ конина продается среднимъ числомъ 25 сантимовъ за килограммъ. Съ 1841 года, она стала вводиться въ различныхъ германскихъ государствахъ. Австрія и Пруссія первая послѣдовали примѣру Даніи, такъ что въ 1825 г. въ Пруссіи (въ Берлинѣ) уже существовало 5 лавокъ. Въ Австріи это мясо находится въ общемъ употребленіи. Всѣ эти факты, самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ о здоровыхъ качествахъ лошадиного мяса, и совершенно удовлетворительно отвѣчаютъ на первый вопросъ.

Перейдемъ ко второму вопросу. Въ достаточномъ ли количествѣ существуетъ лошадиное мясо, что бы введеніе его въ общественное потребленіе могло оказать важное вліяніе на общественную экономію, и, въ особенности, на экономію недостаточныхъ классовъ?

Разсматривая данныя, представляемыя французскою официальною статистикою, и другіе документы о числѣ лошадей, находящихся въ Франціи, о средней продолжительности ихъ жизни и о количествѣ мяса, доставляемаго среднею лошадыю, Исидоръ Жофруа-Сентъ-Илеръ высчиталъ, что мясо лошадей, умирающихъ естественною смертію, или убитыхъ, составляетъ во Франціи ежегодно приблизительно:

$\frac{1}{16}$ говяжьего и $\frac{1}{16}$ свиного, расходуемаго ежегодно въ пищу;

$\frac{2}{3}$ мяса барановъ, овецъ, козъ

и $\frac{1}{14}$ всѣхъ остальныхъ мясъ, въ томъ числѣ и колбасныхъ произведеній. Такъ что все количество лошадиного мяса, по его вычисленію, составитъ болѣе $2\frac{1}{2}$ милліоновъ годовыхъ среднихъ порцій.

Эти цифры довольно краснорѣчиво указываютъ, что этотъ вопросъ вовсе не маловажный, и что, въ виду тѣхъ высокихъ цѣнъ на обыкновенное мясо, которыя существуютъ въ Парижѣ, введеніе въ общественное потребленіе такого дешеваго, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ здороваго и удовлетворительнаго, въ отноше-
ніи вкуса, питательнаго вещества, имѣеть громадную важность.

При этомъ нужно замѣтить, что въ Франціи считается ло-
шадей до 3 милліоновъ, головъ, а въ Россіи до 14, слѣдователь-
но и количество мяса должно пропорціально увеличиться.

Что касается до выгодъ распространенія конины, какъ пита-
тельнаго вещества съ экономической точки зрѣнія, то читате-
ли, на предшествовавшихъ страницахъ, уже видѣли громадную
разницу цѣнъ, которая удовлетворительно, по нашему мнѣнію,
разрѣшаетъ вопросъ съ этой стороны. Снабдить бѣдные клас-
сы хорошимъ мясомъ, среднимъ числомъ, по 40 сантимовъ за
килограммъ—это истинное и неоспоримое благодѣяніе!

Въ заключеніе, прибавимъ, нужно не забывать того, что
мясо вообще есть основной питательный матеріалъ между всѣ-
ми остальными питательными веществами, составляющими толь-
ко какъ бы дополненіе къ нему. Между тѣмъ, сколько гиб-
нетъ этого питательнаго матеріала передъ глазами человѣка,
питающагося мясомъ въ такомъ незначительномъ количествѣ,
что наконецъ эта постоянная недостаточность вознаграж-
денія траты организма сначала его обезсиливаетъ, а потомъ
производитъ различныя страданія и наконецъ преждевре-
менную смерть. Загляните въ любую статистику, и вы уви-
дите, въ какой поразительной правильности соотношенія на-
ходится средняя продолжительность человѣческой жизни съ
количествомъ потребляемаго мяса. И неужели мы, благодаря
укоренившемуся предразсудку, будемъ оставаться равнодушны-
ми, и бездѣтельно смотрѣть на преждевременную смерть мил-
ліоновъ, успокоивая себя тѣмъ тупымъ аргументомъ, что пред-
ки наши не ѣли этого поганнаго мяса, а слѣдовательно и намъ
не нужно? Но вѣдь мало ли чего не дѣлали наши предки! Ес-
ли бы мы имъ слѣпо подражали, то мы, что бы быть послѣдо-
вательными, отъ многого должны были бы отвязаться; мы со-
всѣмъ не должны были бы пользоваться тѣми благодѣтельными
открытіями, о которыхъ предки наши не только не могли воо-
бразить, но и самую мысль о чемъ сочли бы величайшимъ грѣ-
хомъ.

Итакъ, по нашему крайнему убѣжденію, наша журналистика
и наши ученые должны взять на себя инициативу въ этомъ дѣ-
лѣ, и дружными усиліями стараться разсѣять мракъ, окружающій
тѣхъ, кто, по своему низкому экономическому положенію, не имѣя

возможности пользоваться благодѣяніями просвѣщенія, не въ состояніи отдѣлаться отъ традицій вѣковаго невѣжества. Развѣ не во имя роли просвѣтителей и руководителей мы считаемъ себя правѣ пользоваться чужимъ трудомъ?

Искусственное либиховское молоко.—Возраженія противъ него въ французской медицинской академіи.

Прискорбный фактъ ужасающей смертности грудныхъ младенцевъ въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, подтвержденный недавними преніями въ французской медицинской академіи, долженъ быть приписанъ, въ большей части случаевъ, замѣненію молока матери или молока кормилицы искусственною пищею, состоящею, обыкновенно, изъ бульона или какой нибудь мучной похлебки и, слѣдовательно, пищею, хотя и измѣняющеюся иногда по мѣстнымъ обычаямъ, но совершенно не приуроченною къ слабому дѣтскому организму, и потому влекущею за собою обыкновенно разстройство пищеваженія, питанія потомъ самую смерть.

Такое печальное положеніе грудныхъ дѣтей обратило на себя вниманіе знаменитаго химика Либиха: онъ задумалъ сдѣлать какой нибудь составъ, который, не требуя на свое приготовленіе большихъ издержекъ, между тѣмъ могъ бы замѣнить для дѣтей женское молоко. Принявъ въ основаніе для своего состава анализъ женскаго молока, сдѣланный г. Гайдлеромъ, онъ, послѣ многочисленныхъ опытовъ, остановился на одной жидкой смѣси, состоящей изъ снятаго коровьяго молока, пшеничной муки, ячменнаго солода и двууглекислаго поташа. Смѣсь эта должна даваться помощію обыкновеннаго рожка.

«Для приготовления моего искусственнаго молока, говоритъ Либихъ, варятъ 16 граммъ пшеничной муки въ 160 граммъ снятаго молока до тѣхъ поръ, пока жидкость не будетъ представлять прозрачнаго однороднаго бульона; потомъ снимаютъ съ огня, и тотчасъ же прибавляютъ 16 граммъ ячменнаго солода, смѣшаннаго съ 32 граммъ холодной воды, и 3 грамма раствора двууглекислаго кали (состоящаго изъ 11 частей воды и 2 частей двууглекислаго кали).

«Прибавивъ ячменнаго солода, сосудъ ставятъ въ горячую воду, или въ теплое мѣсто, и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока буліонъ не сдѣлается жидкимъ, какъ сливки. Минуть черезъ пятнадцать, все это снова ставится на огонь, и кипятится нѣсколько времени, потому, что бы освободить его отъ ячменной клѣтчатки, процѣживается сквозь сито. Раньше, чѣмъ давать это молоко дѣтямъ, необходимо на нѣкоторое время оставить его въ покоѣ для того, что бы клѣтчатка и твердыя части, въ немъ находящіяся, совершенно отстоялись.

«Искусственное молоко, приготовленное такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ пластическіе и жиробразовательные элементы, приблизительно въ пропорціи отъ 10 — 38, какъ въ женскомъ молокѣ».

Описаніе это мы заимствуемъ изъ записки Либиха, адресованной имъ въ прошломъ году въ парижскую академію наукъ. Далѣе онъ прибавляетъ, что опытами, дѣланными въ продолженіе шести мѣсяцевъ надъ двумя его собственными дѣтьми, онъ пришелъ къ убѣжденію, что его молоко составляетъ вполнѣ «совершенное питательное вещество». Послѣ этого, оно стало употребляться многими семействами въ Германіи, въ Англии и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, подъ названіемъ супа или алимента для грудныхъ дѣтей. Въ Лондонѣ образовалось даже общество, состоящее изъ 8 врачей и маркиза Тоунскенда, съ цѣлю готовить и распространять его, по дешевой цѣнѣ, между бѣдными семействами. Изобрѣтатель полагаетъ, что его составъ могъ бы также служить и для французскихъ бѣдныхъ семействъ.

Это предложеніе вызвало въ академіи самый живѣйшій протестъ, какъ противъ самаго состава, такъ и противъ его пробы въ Франціи. Напомнивъ о безчисленныхъ трудностяхъ, которыя встрѣтять кормилицы, при приготовленіи каждый день и при сохраненіи, въ продолженіе 24 часовъ, смѣси, столь легко подвергающейся порчѣ, г. Гибуръ сомнѣвается, что бы производство ея въ большихъ размѣрахъ дало благопріятные результаты. Онъ спрашиваетъ: въ какой формѣ ее пустать въ продажѣ, въ жидкой или въ твердой? Если въ жидкой, то она быстро придетъ въ броженіе, лишь только придетъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ; если же въ твердой, то ее, предъ употребленіемъ, каждый разъ снова придется готовить; но при этомъ не утратить ли она своихъ здоровыхъ качествъ?

«Утверждаютъ, продолжаетъ г. Гибуръ, что искусственное молоко заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя элементы, которые находятся и въ настоящемъ. Но дѣйствительно ли это такъ? Мнѣ кажется, что мы имѣемъ въ своихъ рукахъ *натуральный* продуктъ, который ближе подходитъ, по своему составу, къ женскому молоку, чѣмъ смѣсь изъ снятаго коровьяго молока, муки и т. д., продуктъ этотъ *коровье молоко*».

Онъ выводитъ, на основаніи многочисленныхъ сравнительныхъ анализовъ, что женское молоко заключаетъ въ себѣ вообще нѣсколько болѣе воды, молочнаго сахара, и менѣе масла и казеина, чѣмъ коровье. Слѣдовательно, стоитъ только къ коровьему молоку прибавить $\frac{1}{5}$ часть его вѣса сахарной воды, и тогда получится продуктъ, легко приготовляемый и болѣе способный замѣнить женское молоко, чѣмъ какая бы то ни было искусственная смѣсь.

За Гибуромъ, Деполь сообщилъ академіи печальные результаты опытовъ, предпринятыхъ имъ, вмѣстѣ съ Вюрцемъ (химикомъ), съ цѣлю опредѣлить безвредность искусственнаго молока. Деполь говоритъ:

«Либихъ самъ приготовилъ мнѣ, въ первый разъ, свой бульонъ; я его попробовалъ. Уступая натуральному молоку, онъ однако же, не былъ дуренъ на вкусъ. Потому онъ мнѣ далъ записку, съ обстоятельнымъ указаніемъ условій его приготовления. И потому опыты производились съ точнымъ исполненіемъ всѣхъ благопріятныхъ условій.

«Два первые ребенка, подвергнутые мною опыту, были двойни, рожденные не много раньше срока. Ихъ вѣсъ, менѣе средняго, былъ 2,250 граммъ (около 5 ф. русск.) для перваго и 2,640 для втораго. Питаемые молокомъ Либиха, они умерли черезъ два дня. Третій ребенокъ былъ рожденъ въ срокъ; его здоровье казалось очень хорошимъ, когда ему начали давать искусственное молоко. На второй день испражненія его одѣлались зелеными, и онъ на третій день умеръ. Послѣдній ребенокъ вѣсилъ 2,760 грам.; довольно здоровый, будучи кормленъ тѣмъ же порядкомъ онъ умеръ на четвертый день отъ поноса».

Подобные результаты конечно не могли расположить французскихъ врачей въ пользу искусственнаго либиховскаго молока.

Буде, соглашаясь съ Гибуромъ, указалъ между прочимъ на неудобство приготовления этого препарата, требующаго извѣстной точности и деликатности приемовъ, и заключилъ, что недо-

статокъ женскаго молока можетъ быть восполненъ только коровьимъ, козьимъ, ослинымъ или другимъ какимъ нибудь молокомъ.

Затѣмъ Погжіаль напалъ на либиховское молоко съ химической точки зрѣнія. Онъ старался доказать, что оно вовсе не представляетъ того же самаго химическаго состава, который представляетъ женское, и потому не можетъ содержать въ себѣ тѣхъ же самыхъ пластическихъ и жиροобразовательныхъ элементовъ.

«Либихъ, говоритъ онъ, принявъ въ основаніе своего препарата составъ женскаго молока, анализированнаго Гайдлеромъ, и по которому оно содержитъ въ себѣ на 1,000 частей 108 твердыхъ частей, состоящихъ изъ 31 ч. казеина, 43 молочнаго сахара, 31 жира и солей. Эти цифры очень оспоримы. Въ самомъ дѣлѣ, Пайаль и Дойеръ достигли другихъ результатовъ. Первый нашелъ, на 1,000 ч. женскаго молока, вмѣсто 108 твердыхъ частей, 141, въ числѣ которыхъ 78 частей молочнаго сахара, а второй 126, въ числѣ которыхъ молочнаго сахара 70».

Такимъ образомъ препаратъ Либиха, основанный на неточномъ эквивалентномъ отношеніи элементовъ женскаго молока, грѣшитъ въ своемъ основаніи. На это еще не все. Снятое коровье молоко, входящее въ составъ искусственнаго либиховскаго молока, теряетъ большую часть своихъ жирныхъ веществъ. Чѣмъ замѣняетъ ихъ Либихъ? Прибавляя въ свою смѣсь извѣстное количество пшеничной муки, которая, въ присутствіи солода ячменнаго, даетъ сахарады. Но развѣ можно равнодушно относиться къ замѣненію молочныхъ жирныхъ веществъ сахарадами? Извѣстно, что масло производитъ значительно болѣе теплоты, чѣмъ сахаръ. Кромѣ того, оно участвуетъ въ образованіи жирныхъ веществъ и жировой дѣтской ткани. Питаніе ребенка будетъ неполное, когда оно будетъ совершаться при подобныхъ условіяхъ. Сверхъ того, пшеничная мука и солодъ ячменный вводятъ въ искусственное молоко глютинъ, который для новорожденнаго вовсе не представляетъ тѣхъ же свойствъ, какъ казеинъ. Наконецъ Погжіаль утверждаетъ, что искусственное молоко, хотя довольно пріятное на вкусъ, далеко не обладаетъ ни пріятнымъ запахомъ, ни нѣжнымъ вкусомъ настоящаго молока,—обстоятельство совсѣмъ не маловажное, ибо невозможно отрицать вліянія, оказываемаго на пищевареніе, вкусомъ и запахомъ. Онъ такъ же отрицаетъ, что бы искусственное

молоко могло выполнить физиологическую роль женскаго молока, при питаніи новорожденнаго, и, въ случаѣ недостатка молока матери, совѣтуеть предпочесть ему коровье, очень мало различающееся, по своему составу и свойствамъ, отъ женскаго.

Либихъ не оставилъ безъ отвѣта такіе неблагоприятные отзывы о его искусственомъ молокѣ; но его отвѣтъ былъ обращенъ только къ одному Погжіаю.

«Предлагая публично препаратъ искусственаго молока, могущаго замѣнить женское молоко для грудныхъ дѣтей, я думалъ оказать этимъ дѣйствительную услугу многимъ семействамъ и врачамъ; но я справедливо былъ наказанъ, за свою смѣлость сдѣлать что нибудь въ пользу человѣчества, не получивъ на это предварительнаго соизволенія моихъ противниковъ, членовъ медицинской академіи».

Уколовъ такимъ образомъ своихъ противниковъ, онъ потомъ объясняетъ причины, побудившія его предложить свою смѣсь. Онъ говоритъ, что обыкновенно, за недостаткомъ материнскаго молока, питаніе грудныхъ дѣтей въ городахъ и деревняхъ производится *букиономъ, приготавливаемымъ изъ пшеничной муки съ коровьимъ молокомъ*. Поэтому всякое новое вещество, имѣющее цѣлю замѣнить его, и что бы имѣть вѣрный успѣхъ, должно быть основано главнымъ образомъ на тѣхъ же самыхъ элементахъ, которые входятъ въ его составъ, и потому нужно было только улучшить его. «Вотъ это то и привело меня къ мысли прибавить къ нему ячменнаго солода и двууглекислаго поташа, что бы восполнить недостатокъ фосфатовъ и шелочей, которыхъ ему не доставало».

Кромѣ того, онъ прибавляетъ, что одинъ франкфуртскій врачъ Нефойль въ скоромъ времени издастъ статистическія данныя, доказывающія, что смертность грудныхъ младенцевъ, питаемыхъ его смѣсію, значительно уменьшилась.

Читатели видятъ, что, хотя рѣшительнаго вывода о полезности или вредности либиховскаго искусственаго молока сдѣлать нельзя, по недостатку болѣе многочисленныхъ и точныхъ наблюдений, за исключеніемъ химическихъ, однако невозможно не обратить вниманія на то, что если Либихъ и былъ правъ, жалуюсь на придирчивость и предубѣжденіе французскихъ ученыхъ, столь рѣзко осудившихъ его составъ, то, тѣмъ не менѣе, въ своемъ отвѣтѣ Погжіаю, онъ уже и самъ не сравниваетъ его

не только съ женскимъ, но даже и съ коровьимъ молокомъ, прямо говоря, что онъ имѣлъ въ виду только улучшить *бульонъ*, употребляющійся обыкновенно бѣдными семействами. Изъ этого признанія ясно, что и съ его стороны было преувеличеніе достоинствъ предлагаемой имъ *улучшенной* смѣси, когда онъ говорилъ, что оно вполне, по своему химическому составу (мы уже видѣли, что онъ въ этомъ также ошибался), можетъ замѣнить для грудныхъ дѣтей женское молоко.

II. н—въ.

РОГОЖНЫЕ И ПОКРЫШЕЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Въ 1863 году возбуждена была военнымъ министерствомъ переписка, съ провіантскимъ начальствомъ на Кавказѣ, о возможномъ сокращеніи количества рогожныхъ матеріаловъ, ежегодно требуемыхъ на Кавказъ, или даже изысканія способовъ замѣнить рогожи чѣмъ либо другимъ, для отвращенія ощутительнаго, при заготовкѣ ихъ, оскудѣнія лѣсовъ въ Россіи. Но авторитеты—дѣатели по провіантской части, будучи вѣрными консерваторами старины, кабинетною отпискою избѣгли благопріятнаго исхода предложеній, вытекавшихъ изъ благоразумной предусмотрительности. Конечно, при отпискѣ сохранена была канцелярская тайна, такъ что смотрители 140 провіантскихъ магазиновъ на Кавказѣ, главные расходчики покрышечныхъ матеріаловъ, и имѣющіе возможность уяснить многое, могли слышать о сказанной перепискѣ только по секрету, но что бы рѣшиться подать свой голосъ по этому предмету, Боже упаси!..

Неизбѣжный вопросъ: почему все это велось, такъ, а не иначе? отчасти объясненъ авторомъ статьи «Обзоръ дѣятельности военнаго министерства въ послѣднее пятилѣтіе (1861—1865 г.)», напечатанной въ № 10 «Военнаго Сборника» 1865 года, на стр. 223.

Только такимъ образомъ рутина тогда восторжествовала, и

требованіе рогожныхъ матеріаловъ нисколько не уменьшилось; именно въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ (далекое прошлое оставимъ въ покоѣ) до настоящей минуты, для Кавказа одинаково заподражается, вмѣстѣ съ провіантомъ, на 100 четвертей муки 75 рогожъ и на 100 четвертей крупы 125 рогожъ.

Приэтомъ однако, съ 1860 года, законоположенія о преміи за сбереженіе провіанта, вмѣсто складки такого на мышеядъ и раструску, распространены на кавказскіе магазины, а постановленія, изъясненныя въ ст. 281, 282, 283, 311, 312, 313 и 314 книги II части IV Свода (изд. 1859 г.), въ отношеніи свидѣтельства, сортировки и продажи рогожныхъ матеріаловъ, не тронуты, несмотря на то, что они устарѣли, и, будучи на практикѣ положительно не примѣнимы, никогда не исполняются.

Такой порядокъ не долженъ продолжаться, потому что странно видѣть, съ одной стороны, довѣріе къ каждому смотрителю хранить два года, за извѣстную плату, провіантъ, четверть котораго стоитъ отъ 4-хъ до 6-ти руб. и въ то же время, съ другой стороны, недовѣріе къ тому же хозяину въ отношеніи покрыши на тотъ же провіантъ; тогда какъ въ обоихъ случаяхъ интересъ зрителя заставлялъ бы его, при другихъ условіяхъ, одинаково беречь и то, и другое.

А что, кромѣ того, громадная отчетность о матеріалахъ и сортировка ихъ, не принесли ни малѣйшей пользы, то это доказывается слѣдующимъ:

- 1) Пропорція заподражавшихся ежегодно рогожныхъ матеріаловъ, въ десятилѣтній періодъ, вовсе не уменьшилась.
- 2) Выручки денегъ отъ продажи по магазинамъ рогожныхъ матеріаловъ, соразмѣрно хранящагося количества ихъ, нѣтъ, или цифра ея совершенно ничтожна. Изъ этого нераціональность приведенныхъ постановленій весьма очевидна.

Между тѣмъ, вести *только по книгамъ* счетъ рогожнымъ матеріаламъ, 5-ти сортовъ кулей и 5-ти рогожъ (ни одинъ изъ смотрителей 1 и 2 классовъ магазиновъ свести счетъ въ натурѣ не въ состояніи, по значительности накопленія количества ихъ), и пересортировывать ихъ (что бываетъ только на бумагѣ), — для большинства смотрителей камень преткновенія, и ставить ихъ въ необходимость содержать, на свой счетъ, по крайней мѣрѣ, одного лишняго писца.

Для столоначальниковъ же въ оберъ-провіантмейстерствахъ (нынѣ отдѣлахъ) и въ интендантствахъ, которымъ приходится

*

заготавливать разрѣшенія на пересортировку матеріаловъ, или на уничтоженіе ихъ, по представляемымъ актамъ, большею частію безграмотно и съ ошибками написаннымъ, составляетъ громадный, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бесполезнѣйшій трудъ и безконечную переписку.

Затѣмъ однимъ ревизующимъ магазины рогожные матеріалы въ магазинѣ и ихъ пересортировка даютъ полную возможность держать смотрителя въ страхѣ, и во всякую данную минуту аттестовать его, какъ неаккуратнаго и даже бесполезнаго для службы чиновника.

Въ замѣнѣ всѣхъ этихъ постановленій, не принесшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ это объяснено выше, ни малѣйшей пользы казнѣ, и для сбереженія также бесполезно затрачиваемаго труда многихъ чиновниковъ, начиная съ смотрителя магазина и кончая столоначальниками и начальникомъ отдѣленія въ отдѣлахъ и интендантствѣ, который трудъ можетъ быть обращенъ на другое болѣе полезное дѣло, мнѣ кажется, возможно допустить, въ видѣ опыта, на *три* года, слѣдующую мѣру:

1) Вести счетъ рогожнымъ матеріаламъ по магазинскимъ книгамъ всего двумя сортами, т. е. годныхъ и негодныхъ матеріаловъ.

2) Всѣ рогожные матеріалы *оставитъ* смотрителю магазина безотчетно съ тѣмъ, что бы поставляемымъ въ магазинѣ количествомъ матеріаловъ, для сбереженія провіанта, онъ довольствовался, съ полною отвѣтственностію за сохраненіе его безъ порчи.

3) Свидѣтельства и сортировку матеріаловъ по магазинамъ, существующія по постановленіямъ, а дѣлаемые только на бумагѣ, отмѣнить: при ревизіяхъ же, смотрѣть только, что бы провіантъ весь былъ на лицѣ, и сбереженъ безъ порчи.

4) За предоставленіе рогожныхъ матеріаловъ въ безотчетное распоряженіе смотрителю, наравнѣ съ провіантомъ, уменьшеніе труда его, поведенію отчетности и сортировки этихъ матеріаловъ, равно охраненіе его отъ разныхъ другихъ на этотъ предметъ хлопотъ и расходовъ, и огражденіе тѣмъ смотрителя отъ могущихъ быть притязаній ревизующихъ магазинъ, въ отношеніи рогожныхъ матеріаловъ, уменьшить *теперь же* доставку ихъ въ магазины на $\frac{1}{2}$ часть заподрыжаемой пропорціи.

и 5) Всякому изъ смотрителей, донесшему, въ концѣ года, о количествѣ сбереженныхъ имъ, изъ числа доставленныхъ въ

его магазинъ, рогожныхъ матеріаловъ, послѣ уменьшенія доставки ихъ на $\frac{1}{3}$, къ слѣдующему году (черезъ что уменьшится количество новаго заподрада рогожъ) выдавать, за каждую сбереженную рогожу, половину заготовительной платы, и поощрять подобныхъ смотрителей. По истеченіи трехъ лѣтъ, результатъ покажетъ, что предположеніе это не ошибочно, и что должно дѣлать напередъ.

Въ настоящее время можно быть увѣреннымъ, что найдется не одинъ разумный смотритель, который съ радостію и благодарностію встрѣтитъ эту новую мѣру.

На періодъ времени, съ іюля 1868 по іюль 1869 года, заподражено, для магазиновъ четырехъ отдѣльныхъ раіоновъ кавказской арміи, рогожныхъ матеріаловъ слишкомъ 352 т.; по сложной цѣнѣ рогожа обошлась казнѣ по 25 коп. сер. за штуку; уменьшивъ все это количество на $\frac{1}{3}$, составитъ уменьшеніе рогожъ на 117 т., или, считая по 25 коп. за штуку, болѣе 29 т. руб. ежегоднаго сбереженія для казны.

Возможность уменьшенія этого количества на $\frac{1}{3}$ теперь же предоставляется силою заключеннаго контракта съ поставщиками, въ которомъ постоянно помѣщается условіе, «что подрядчикъ не въ правѣ претендовать на казну, если начальство найдетъ нужнымъ уменьшить или увеличить пропорцію заподраженнаго количества».

А что уменьшеніе на $\frac{1}{3}$ доставки покрыва для провіанта не можетъ затруднить кавказскихъ смотрителей, въ отношеніи сбереженія его, то въ этомъ можно удостовѣриться свѣдѣніями съ мѣстъ выдѣлки рогожъ въ Россіи: сколько, дѣйствительно, покупалось рогожъ и отправлялось для кавказскихъ магазиновъ, и сличеніемъ этихъ свѣдѣній съ количествомъ рогожъ, заподражавшихся провіантскимъ вѣдомствомъ для тѣхъ же магазиновъ.

Константинъ П. Моцескій.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

(Разсказъ Эдмона Абу.)

I.

Я увѣренъ, что вы двадцать разъ проходили мимо дома доктора Оврея, не подозрѣвая, что тутъ совершаются чудеса. Это скромное невидное жилище безъ пышности и безъ вывѣски; даже на дверяхъ вы не прочтете столь обыкновенной надписи: «Частная больница.»

Домъ этотъ стоитъ въ концѣ алеи Монтель, между готическимъ дворцомъ князя Салтыкова и гимназіею великаго Триата, который возрождаетъ и преобразовываетъ челоуѣчество посредствомъ трапеціи. Сквозь рѣшетку, вырощенную подь бронзу, видны садъ, гдѣ множество сирени и розановъ. Комната привратника налѣво; направо, въ павиліонѣ, помѣщается кабинетъ доктора и комнаты его жены и дочери. Главный корпусъ зданія находится на заднемъ планѣ; всѣ окна его фасада обращены на юговостокъ, въ паркѣ, густо насаженный каштановыми и липовыми деревьями.

Тамъ то именно докторъ лечитъ и возвращаетъ здоровье помѣшаннымъ. Я васъ не привелъ бы къ нему, если бы вы могли встрѣтить тамъ всевозможные виды умопомѣшательства или бѣшеннаго сумашествія. Г. Овей создалъ себѣ, какъ говорятъ, специальность: онъ лечитъ мономанію. Это

отличнѣйшій человекъ, полный знанія и ума, полудокторъ, полуфилософъ, ученикъ Эсквирола и Лароштіера.

Если бы вы его когда нибудь встрѣтили, съ его пѣшивою головою и гладко выбритымъ подбородкомъ, въ черномъ платьѣ и съ добродушнымъ лицомъ то вы не узнали бы съ разу докторъ ли онъ, или профессоръ или священникъ. Когда онъ зашевелитъ своими толстыми губами, вы сейчасъ догадаетесь, что онъ вамъ скажетъ: «дядя мое!»

У него довольно красивые, но выжуклые глаза; взглядъ его отировенный, ясный, спокойный; въ немъ такъ и свѣтится цѣлый рой добрыхъ мыслей. Сквозь эти большіе глаза такъ и проглядываетъ прекрасная душа.

Призваніе г-на Оврей объяснилось, когда онъ еще былъ ученикомъ въ Сальпетриерѣ. Онъ съ увлеченіемъ изучал мовоманію, т. е. помѣшательство на одномъ предметѣ, это любопытное поврежденіе умственныхъ отправленій, безъ всякой физической причины, безъ всякаго видимаго измѣненія нервной системы, и которое вылечивается моральными средствами. Въ его наблюденіяхъ ему много помогла молоденькая смотрительница изъ палаты Пинеля, хорошо воспитанная и довольно красивая дѣвушка. Онъ влюбился въ нее, и сдѣлавшись докторомъ, тотчасъ на ней женился, и такимъ образомъ весьма скромно началъ свою каріеру.

Однако у него были небольшія деньги, на которыя онъ устроилъ частную больницу, описанную нами выше. Будь онъ немного шарлатанъ, онъ уже давно составилъ бы себѣ состояніе; но онъ хлопочетъ только о томъ что бы не быть въ убыткѣ. Онъ не любитъ шума, и если ему удастся вылечить трудно больного, то онъ не кричитъ объ этомъ по всему городу. Его репутація составила сама собою, почти безъ его вѣдома.

Хотите добазательства моихъ словъ: его книга «*Movomanie raisonnée*», изданная Баллеромъ въ 1842 году, дошла до шестаго изданія, хотя онъ ни одного экземпляра не посылалъ въ журналы. Конечно, скромность большая добродѣтель, но не надо ее употреблять во зло.

Дѣвица Оврей, его дочь, имѣетъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ приданого, но ей уже двадцать два года отъ рода.

Нѣсколько времени тому назадъ (кажется, въ четвергъ,

тринадцатаго декабря) извоищій купе остановился у воротъ дома г-на Оврея. Кучерь позвонилъ, ворота отворились, и карета подъѣхала въ подъѣзду флигеля, занимаемаго докторомъ: два человекъ быстро вошли въ его кабинетъ. Горничная попросила ихъ сѣсть, и подождать, пока докторъ кончитъ свой утренній визитъ въ больницу. Было десять часовъ утра.

Одинъ изъ этихъ господъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, высокій, брюнетъ, сангвиническаго тѣлосложенія, красноватый, довольно некрасивый, и въ особенности довольно неуклюжій, съ ушами проколотыми, съ толстыми руками (большіе пальцы на рукахъ были замѣчательны своею величиною).

Однимъ словомъ, представляете себѣ простаго, необразованнаго рабочаго, который нарядился бы въ сюртукъ своего ховлина, и вы увидите г-на Морло.

Его племянникъ, Франсуа Томакъ, былъ молодой человекъ двадцати трехъ лѣтъ, котораго наружность трудно описать, потому что она изъ числа дюжинныхъ.

Онъ не великъ и не малъ ростомъ, не красивъ и не дуренъ, не статенъ, какъ Геркулесъ, и не похожъ на денди, но во всемъ посредственъ, скромненькъ съ головы до ногъ, съ темнорусыми волосами, и, если можно такъ выразиться, съ такимъ же умомъ и одеждою.

Когда онъ вошелъ къ г-ну Оврею, то онъ былъ въ большомъ волненіи, ходилъ съ какимъ то бѣшенствомъ, не могъ ни минуты оставаться покойнымъ, разсматривалъ двадцать разъ одинъ и тотъ же предметъ; и, вѣроятно, трогалъ бы все, но руки его были связаны.

— Успокойся, говорилъ ему дядя; я это дѣлаю для твоей пользы. Ты здѣсь будешь совершенно счастливъ, и докторъ тебя вылечить.

— Я не боленъ. Зачѣмъ мнѣ связали руки?

— Потому что ты меня выбросилъ бы изъ кареты. Ты не въ своемъ умѣ, мой бѣдный Франсуа; г-нъ Овейр тебя обрздумить.

— Я также въ своемъ умѣ, какъ и вы, дядюшка, и не понимаю, о чемъ вы толкуете. У меня умъ ясный, сужденіе положительно и память безподобна. Хотите я вамъ стихи прочитаю? Не перевести ли вамъ что нибудь съ латинскаго языка? Вотъ Тацитъ въ этой библіотекѣ. Если этого не

достаточно, я разрѣшу задачу изъ ариѳметики или геометріи.. Вы не желаете? Ну! такъ слушайте я вамъ разскажу что мы сегодня дѣлали съ утра. Вы пришли въ восемь часовъ, не будить меня, потому что я не спалъ, но вытащить меня изъ постели. Я одѣлся безъ помощи Жермена; вы попросили, что бы я съ вами поѣхалъ къ доктору Оврею; я отказался; вы начали настаивать, я разсердился. Жерменъ помогъ вамъ связать мнѣ руки: я его за это прогоню сегодня вечеромъ. Я ему долженъ за 13 дней службы, т. е. 13 франковъ, потому что я его нанимаю за 30 франковъ въ мѣсяцъ. Вы должны ему дать что нибудь, потому что онъ изъ за васъ лишается подарка къ новому году. Ну, что же вы скажете на это? развѣ я не разсуждаю? и все ли вы еще расчитываете меня выдавать за сумасшедшаго?... Ахъ, милый дядюшка, будьте добры! Помните, что моя мать была ваша родная сестра. Что бы она сказала, моя бѣдная мать, если бы она меня здѣсь увидала?... Я на васъ не сержусь; еще все можно устроить мирно. У васъ есть дочь, г-жа Клара Морлю..

— Ха, ха! наконецъ попался! Понимаешь ли ты, что ты потерялъ разсудокъ. У меня дочь? Но я холостякъ, совершенно холостякъ.

— У васъ есть дочь, повторилъ машинально Франсуа.

— Бѣдный мой племянникъ!.. Слушай внимательно. Есть у тебя двоюродная сестра?

— Двоюродная сестра? Нѣтъ; у меня нѣтъ двоюродныхъ сестеръ. О! вы меня не поймаете. У меня нѣтъ ни кузеновъ, ни кузинъ.

— Я тебѣ дядя, не правда ли?

— Да, вы мой дядя, хотя вы, кажется, забыли объ этомъ сегодня.

— Итакъ; если бы у меня была дочь, то она была бы тебѣ двоюродною сестрою, но какъ у тебя нѣтъ двоюродной сестры, то у меня нѣтъ дочери.

— Да, да, это правда.. Я имѣлъ счастье съ нею познакомиться на водахъ Эмса, гдѣ она была съ своею матерью. Я ее люблю; я думаю, и она равнодушна ко мнѣ, и я имѣю честь просить у васъ ея руки...

— Руки! чьей?

— Руки вашей дочери.

— Нечего дѣлать, подумалъ дядюшка Морло. Г. Оврей сдѣлаетъ чудо, если вылечить его! Я буду платить шесть тысячъ франковъ изъ доходовъ племянника за его леченіе. Кто изъ тридцати платитъ шесть, имѣетъ въ остаткѣ 24. Вотъ я и богачъ. Бѣдный Франсуа! Онъ сѣлъ, и открылъ первую попавшуюся ему книгу. Садись сюда, сказалъ онъ Франсуа, я тебѣ почитаю что нибудь. Постарайся слушать: это тебя успокоитъ. Онъ сталъ читать: «Мономанія, или помѣшательство на одномъ пунктѣ, происходитъ отъ упорнаго преслѣдованія одной мысли, отъ исключительнаго порабощенія одной страсти. Она овладѣваетъ сердцемъ; тамъ надо ее исцѣлить и лечить. Мономанію можетъ вызвать любовь, страхъ, честолюбіе, самолюбіе, раскаяніе. Она проявляется въ тѣхъ же симптомахъ, какъ и страсть; то выражается радостію, веселостію, шумомъ и дерзостію, то застѣнчивостію, тоскою и молчаніемъ.»

Во время этого чтенія, Франсуа какъ будто успокоился, и сталъ дремать. Было очень жарко въ кабинетѣ доктора.

Браво! подумалъ г-нъ Морло, вотъ уже дѣйствіе медицины: она усыпляетъ человѣка, который ни голоденъ, ни сытъ.

Франсуа не спалъ, но онъ мастерски представлялъ спящаго человѣка. Онъ наклонялъ мѣрно голову, и математически уравнивалъ свое дыханіе. Дядя Морло поддался на удочку; онъ сталъ читать просебя, потомъ зѣвнуль, пересталъ читать, уронилъ книгу, закрылъ глаза, и въ самомъ дѣлѣ уснулъ, къ великому удовольствію своего племянника, который искоса, плутовски слѣдилъ за нимъ.

Франсуа пошевелилъ стуломъ. Г-нъ Морло сидѣлъ, какъ вкопанный. Франсуа сталъ ходить, скрыпя сапогами: г-нъ Морло началъ храпѣть. Тогда сумасшедшій подошелъ къ письменному столу, взялъ ножикъ, вставилъ его рукояткою въ щель, и разрѣзалъ веревку, которою связаны были руки. Освободивъ такимъ образомъ свои руки, онъ едва удержался, что бы не вскрикнуть отъ радости, и тихими шагами подошелъ къ дядѣ. Менѣе чѣмъ въ двѣ минуты, г-нъ Морло былъ крѣпко связанъ, но такъ осторожно, что даже не проснулся.

Франсуа полюбовался своимъ искусствомъ, и взялъ книгу,

которая лежала на полу. Это была книга «*Monomanie raisonnée*», послѣдняго изданія. Онъ ее унесъ въ другой конецъ комнаты, и сталъ читать, какъ разумный человѣкъ, въ ожиданіи доктора.

II.

Однако я вамъ долженъ разсказать коечто изъ прежней жизни Франсуа и его дяди. Франсуа былъ единственный сынъ токаря въ пассажѣ Сомонъ, по фамиліи Томасъ. Токарное ремесло довольно выгодное; оно приноситъ почти сто на сто на всѣ предметы по этой части. Со смерти отца, Франсуа пользовался честнымъ довольствомъ, называемомъ честнымъ вѣроятно потому, что позволяетъ человѣку не дѣлать подлостей, а можетъ быть и потому, что позволяетъ одолжать ближняго.

У него было тридцать тысячъ годового дохода.

Франсуа во всемъ былъ очень невзыскателенъ, какъ я вамъ уже говорилъ. Онъ имѣлъ врожденную наклонность къ всему, что лишено блеска, и, конечно, выбиралъ свои перчатки, жилеты и сюртуки въ тѣхъ неяркихъ цвѣтахъ, которые идутъ отъ чернаго къ коричневому. Онъ не помнилъ, что бы, даже въ дѣтствѣ, ему понравилось чтонибудь пестрое, и орденская лента, которой болѣе всего желаютъ нѣкоторые, никогда не возмущала его сна. Я не ношу лорнетки, потому что у меня хорошее зрѣніе, говорилъ онъ; ни булавки на галстухъ, потому что галстухъ держится и безъ булавки; но дѣло было въ томъ, что онъ боялся обратить на себя вниманіе. Даже блескъ его сапоговъ ослѣплялъ его. Онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы судьба наградила его знатною фамиліею, а если бы, на бѣду, крестный отецъ называлъ его Америкомъ или Фердинандомъ, то онъ никогда не подписывалъ бы своего имени. Къ счастью, его имя и фамилія были такъ скромны, какъ будто онъ самъ ихъ выбралъ.

Застѣнчивость помѣшала ему выбрать каріеру. Когда онъ, получивъ бакалаврскую степень, переступилъ порогъ коллегіума, то онъ прислонился къ большой двери, веду-

щей къ всему, и остался въ созерцаніи семи или восьми дорогъ, открытыхъ передъ нимъ.

Судейская должность казалась ему слишкомъ шумною; медицина слишкомъ безпокойною; преподаваніе слишкомъ важнымъ; торговля слишкомъ сложною; административная должность слишкомъ стѣснительною.

Что же касается до военной службы, то ему и думать о ней не хотѣлось; не то, что бы онъ боялся неприятели, но его пугалъ мундиръ. Итакъ онъ остался при первомъ своемъ занятіи, не по легкости его, но потому, что оно оставляло его въ совершенной неизвѣстности: онъ просто сталъ жить своими ежегодными доходами.

Такъ какъ онъ не самъ заработалъ свои деньги, то охотно ихъ отдавалъ взаймы. Въ замѣнъ такой рѣдкой добродѣтели, небо наградило его множествомъ друзей. Онъ любилъ ихъ всѣхъ искренне, и очень любезно исполнялъ ихъ желанія. Когда онъ встрѣчалъ когонибудь изъ нихъ на бульварѣ, то позволялъ брать себя подъ руку и вести куда хотѣлъ его пріятель. Замѣтьте, что онъ не былъ ни глупъ, ни простъ, ни невѣжда. Онъ зналъ три или четыре языка изъ новѣйшихъ, зналъ латинскій и греческій языки и все, чему учили его въ коллегіумѣ: онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о торговлѣ, о литературѣ, агрономіи, и очень здраво судилъ о какойнибудь вновь вышедшей книгѣ, если никто его не слушалъ.

Но съ женщинами болѣе всего проявлялась его слабость. Онъ всегда долженъ былъ любить хотя одну; и если бы онъ проснулся, не бывъ влюбленнымъ въ когонибудь, то, вѣроятно, всталъ бы не въ духѣ, и надѣлъ бы свои носки на выворотъ.

Когда онъ бывалъ въ концертѣ или въ театрѣ, то тотчасъ отыскивалъ какоенибудь личико, которое ему понравилось бы, и влюблялся въ него до вечера. Если онъ находилъ такое личико, то спектакль ему нравился, концертъ былъ обворожителенъ; если же нѣтъ, то ему казалось, что актеры дурно говорили, а пѣвцы фальшивили. Его сердце такъ боялось пустоты, что, даже при видѣ весьма посредственной красоты, онъ изъ себя выходилъ, что бы найти въ ней совершенства.

Вы сами догадываетесь, что эта всеобщая любовь къ

женскому полу не выражалась распутствомъ; напротивъ, она была совершенно невинна. Онъ любилъ всѣхъ женщинъ, не говоря имъ о любви, потому что никогда не дерзаль заговорить о чемъ нибудь съ одною изъ нихъ. Онъ былъ самый чистосердечный и безвредный повѣса, донъ Жуанъ, если хотите, но съ донною Юліею.

Когда Франсуа былъ влюбленъ, онъ мысленно составлялъ самыя отважныя объясненія, которыя всегда замирали, невысказанными, на устахъ. Онъ ухаживалъ, выливалъ всю душу, велъ длинныя бесѣды, прелестныя разговоры, въ которыхъ онъ и спрашивалъ, и отвѣчалъ все самъ.

Онъ изобрѣталъ рѣчи, достаточно сильныя, что бы размягчить гранитъ, достаточно пылкія, что бы согрѣть ледъ: но ни одна женщина не оцѣнила его безмолвнаго стремленія: надо имѣть силу воли, что бы быть любимымъ!

Между желаніемъ и волею большая разница: желаніе мягко паритъ на облакахъ, воля бѣжитъ пѣшкомъ по камнямъ; одно ждетъ все отъ случая, другая надѣется только на себя; воля идетъ прямо къ цѣли, чрезъ заборы и канавы, чрезъ овраги и горы, желаніе сидитъ на одномъ мѣстѣ, и поетъ сладкимъ голосомъ:

«Колокольчикъ, колокольчикъ, пріѣзжай, или я умру!»

Однако же, въ августѣ, то есть за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, когда Франсуа связалъ руки своему дядюшкѣ, онъ дерзнулъ открыто полюбить и высказаться. Въ Эмсѣ онъ встрѣтилъ дѣвушку, почти такую же дикарку, какъ и онъ, и лихорадочная застѣнчивость которой придала ему смѣлости. Это была нѣжная и деликатная парижанка, блѣдная, какъ фруктъ, созрѣвшій въ тѣни, съ прозрачнымъ цвѣтомъ лица, подобнымъ тому, который встрѣчаешь на дѣтскихъ личикахъ, на которыхъ можно сосчитать всѣ голубыя жилки.

Она сопровождала мать, лечившуюся отъ закоренѣлой болѣзни (кажется, она страдала хроническимъ воспаленіемъ гортани).

Должно быть и мать, и дочь жили вдали отъ свѣта: такъ ихъ, повидимому, удивляла шумная толпа туристовъ.

Франсуа былъ имъ представленъ неожиданно, однимъ его знакомымъ, который ѣхалъ въ Италію чрезъ Германію. Онъ видѣлся съ ними постоянно въ продолженіе мѣсяца, и былъ, можно сказать, ихъ единственнымъ знакомымъ.

Для чувствительныхъ душъ толпа можетъ быть тою же пустынею: чѣмъ болѣе шума вокругъ нихъ, тѣмъ ближе онѣ соединяются между собою, и ведутъ задушевную бесѣду.

Молодая парижанка и ея мать совершенно овладѣли сердцемъ Франсуа. Онѣ каждый день открывали въ немъ новыя сокровища, подобно тому, какъ первые мореплаватели, которые завладѣли Америкою, постоянно находили въ ней новыя богатства.

Онѣ ни разу не спросили, богатъ ли онѣ или бѣденъ, и довольствовались тѣмъ, что онѣ былъ добрѣ; никакое сокровище не могло быть для нихъ драгоценнѣе находки таковаго золотого сердца.

Съ своей стороны, Франсуа совершенно преобразился.

Слыхали ли вы когда нибудь, какъ весна быстро распускается въ садахъ Россіи? Вчера еще снѣгъ покрывалъ все; сегодня блеснулъ горячій лучъ солнца, зима исчезаетъ, и все покрывается зеленью. Такъ точно быстро расцвѣла любовь Франсуа. Его холодность и принужденность такъ быстро унеслись, какъ уносятся льдины, по вскрытіи рѣкъ: стыдливый и робкій ребенокъ сдѣлался человѣкомъ въ нѣсколько дней. Я не знаю кто изъ нихъ первый заговорилъ о свадьбѣ, но это все равно. Когда два чистыя сердца заговаряютъ о любви, то любовь эта честная.

Франсуа былъ совершеннолѣтенъ и независимъ, но та, которую онѣ любилъ, зависѣла отъ отца, и его согласіе надобно было получить. Тутъ застычивость молодаго человѣка взяла верхъ. Напрасно говорила ему Клара: «Пишите къ отцу; онѣ предупрежденъ; вы получите его согласіе съ первою почтою.» Франсуа писалъ и переписывалъ письмо болѣе ста разъ, а всетаки не рѣшился его послать.

А между тѣмъ дѣло было очень просто, и всякій другой блистательно его совершилъ бы. Франсуа зналъ имя, положеніе, состояніе и даже характеръ своего будущаго тестя. Ему повѣряли всѣ маленькія домашнія тайны; онѣ почти уже былъ членомъ семейства. И что же ему оставалось сдѣлать? Написать просто, въ нѣсколькихъ словахъ, кто онѣ таковой, что имѣетъ, и нечего было сомнѣваться въ отвѣтѣ. Но онѣ такъ долго колебался, что, черезъ мѣсяцъ, Клара и мать ея начали въ немъ сомнѣваться. Я думаю, что онѣ еще подождали бы недѣли двѣ, но отецъ не позволилъ. Онѣ рѣ-

шилъ, что если Клара влюблена, а Франсуа не рѣшается просить ея руки, то надобно какъ можно скорѣе увести молодую дѣвушку въ Парижъ. Можетъ быть, тогда г. Франсуа Томасъ рѣшится объявить свое намѣреніе: онъ знаетъ, гдѣ они живутъ.

Однажды утромъ, Франсуа пошелъ къ своимъ дамамъ, что бы предложить имъ прогулку; но хозяинъ гостиницы объявилъ ему, что онѣ уѣхали въ Парижъ, и что комнаты ихъ уже заняты англійскимъ семействомъ.

Такой неожиданный ударъ, какъ громомъ, поразилъ молодого человѣка, и онъ потерялъ рассудокъ. Онъ вышелъ, какъ сумасшедшій, изъ гостиницы, и сталъ искать Клару вездѣ, гдѣ онъ ее прежде встрѣчалъ.

Онъ вернулся домой съ ужаснѣйшею мигренью, и Богъ знаетъ какъ началъ ее лечить.

Онъ велѣлъ себѣ пустить кровь, принималъ горячія ванны, ставилъ себѣ самые сильные горчичники; онъ какъ будто хотѣлъ физическою болью заглушить душевныя страданія.

Когда ему стало полегче, то онъ тотчасъ уѣхалъ въ Францію, съ твердымъ намѣреніемъ просить руки Клары, не давъ себѣ времени даже переодѣться.

Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ выскочилъ изъ вагона, бросилъ свой багажъ, взялъ извозчика и закричалъ ему:

— Къ ней, и какъ можно скорѣе!

— Куда прикажете?

— Къ господину.... въ улицу.... право не знаю....

Онъ забылъ вдругъ имя и адресъ той, которую любилъ. «Поѣду домой, подумалъ онъ; я найду адресъ.» Онъ подаль свою карточку кучеру, который и отвезъ его домой.

Привратникъ его былъ бездѣтный старикъ.

Входя въ швейцарскую, Франсуа низко поклонился старику, и сказалъ ему:

— Милостивый государь, у васъ есть дочь, Клара Эммануэль. Я хотѣлъ писать къ вамъ, что бы просить ея руки, но нашель, что будетъ приличнѣе лично объ этомъ просить.

Тотчасъ догадались, что онъ сошелъ съ ума, и послали за дядею, въ предмѣстіе св. Антонія.

Дядя Морло былъ самый честный человѣкъ въ улицѣ

Шаронъ, одной изъ длиннѣйшихъ парижскихъ улицъ. Онъ былъ столяромъ, и дѣлалъ старинную мебель. Работалъ онъ съ весьма обыкновеннымъ искусствомъ, но съ необыкновенною честностію. Онъ никогда не рѣшился бы продать крашеное дерево за настоящее эбеновое, или какой нибудь бѣдетъ своей работы за мебель среднихъ вѣковъ. Однако же онъ, какъ и всякій другой столяръ, мастерски умѣлъ сдѣлать въ новомъ деревѣ трещины и червоточины, въ которыхъ черви были не повинны.

Морло держался твердо того принципа, что бы никому не дѣлать зла.

Онъ бралъ только пять на сто чистаго барыша; умеренность эта весьма невыгодная, когда торгуешь предметами роскоши. И потому онъ приобрѣлъ гораздо болѣе уваженія, чѣмъ денегъ. Когда Морло писалъ счетъ, то пересчитывалъ его непременно три раза: такъ онъ боялся ошибиться въ свою пользу!

Послѣ тридцатилѣтней торговли, онъ почти такъ же былъ богатъ, и какъ при выходѣ изъ ученія: онъ также скромно зарабатывалъ свой кусокъ хлѣба, какъ самый послѣдній изъ его рабочихъ, и спрашивалъ себя иногда съ завистию: какъ это г-нъ Томасъ могъ составить себѣ состояніе? И если его шуринъ смотрѣлъ на него свысока, съ гордостію выскочки, то онъ платилъ ему тѣмъ же, съ гордостію чловѣка, который не захотѣлъ сдѣлаться выскочкою. Онъ вѣжничалъ своею посредственностію, и съ плебейскою гордостію говорилъ: «По крайней мѣрѣ я ничемъ никому не обязанъ.»

Человѣкъ странное животное: не я первый это замѣтилъ.

Этотъ добрѣйшій Морло, который своею боязливою честностію смѣшилъ весь околорокъ, въ глубинѣ своего сердца почувствовалъ какое то пріятное ощущеніе, когда узналъ о болѣзни своего племянника.

Онъ услыхалъ тоненькій, вкрадчивый голосъ, который ему шепотомъ говорилъ: «Если Франсуа съ ума сошелъ, ты будешь его опекуномъ.» Честность тотчасъ отвѣтила: «отъ этого богаче не будешь.»

— Какъ, началъ снова голосъ, леченіе сумасшедшаго не можетъ стоить тридцати тысячъ франковъ въ годъ! Къ тому

же мы будемъ хлопотать, наши дѣла могутъ пострадать отъ этого; мы, право, заслуживаемъ вознагражденіе, и никого не обижаемъ.

— Но, отвѣтило безкорыстіе, мы должны даромъ помогать родственникамъ.

— Какъ бы не такъ, продолжалъ голосъ; а зачѣмъ наши родственники не помогли намъ? У насъ были трудныя минуты, большіе платежи въ срокъ, и проч., а ни племянникъ Франсуа, ни покойный отецъ его, не думали намъ помогать.

— Ба! заговорила доброта душевная, это и такъ пройдетъ. Франсуа, вѣроятно, скоро выздоровѣетъ.

— А можетъ быть и умереть, продолжалъ снова упрямый голосъ, и мы получимъ наслѣдство, никого не обижая. Мы тридцать лѣтъ почти даромъ трудились; какъ знать, можетъ быть этотъ ударъ въ вѣтреную голову и составитъ наше состояніе.

Нашъ добрякъ зажалъ себѣ уши, но уши были такія большія, такъ удобно расширялись, въ видѣ морской раковины, что тоненькій голосокъ постоянно пробирался туда противъ его воли.

Дядюшка передалъ свое заведеніе, находящееся въ улицѣ Шаронъ, своему помощнику, а самъ переселился на зиму въ красивую квартиру своего племянника. Онъ спалъ на хорошей постелѣ, и былъ тѣмъ доволенъ. Онъ отлично купался, и пересталъ жаловаться на судороги въ желудкѣ, которыми прежде постоянно страдалъ. Ему прислуживалъ, чесалъ и брилъ его Жермень, и онъ привыкъ къ этому. Мало помалу, его перестала огорчать болѣзнь племянника, и онъ приучилъ себя къ мысли, что Франсуа никогда не будетъ здоровъ. Развѣ иногда, для очищенія совѣсти, онъ поворачивалъ себѣ: «Я никого не обижаю!»

Черезъ три мѣсяца, онъ уже вообразилъ, что это его квартира и что ему неудобно имѣть у себя въ домѣ сумасшедшаго.

Безпрестанныя бредни Франсуа и манія его просить руки Клары сдѣлались невыносимымъ бременемъ: онъ рѣшился освободиться отъ него, и свести его къ г-ну Оврею.

— Наконецъ, говорилъ г-нъ Морло, за племянникомъ будутъ лучше смотрѣть, и я буду покойнѣе. Вѣдь наука го-

ворить, что перемѣна мѣста бываетъ очень полезна для помѣшанныхъ: я только исполняю свой долгъ.

Вотъ какія были его мысли, когда онъ заснулъ, а Франсуа связалъ ему руки. Каково будетъ его пробужденіе?

III.

Докторъ вошелъ, извиняясь. Франсуа всталъ, положилъ книгу на столъ, и началъ объяснять въ чемъ дѣло скорого-воркою, и шагая быстро по комнатѣ.

— Милостивый государь, я привезъ на ваше попеченіе роднаго брата моей матери. Вы видите человѣка лѣтъ пятидесяти, зачерствѣлаго въ ручной работѣ, и привыкшаго къ всѣмъ лишеніямъ трудолюбивой жизни; родился онъ отъ совершенно здоровыхъ родителей, и въ семействѣ его никогда не было случая умопомѣшательства. Вамъ не придется бороться съ наслѣдственною болѣзнію. Онъ боленъ самымъ любопытнымъ помѣшательствомъ на одномъ пунктѣ: онъ съ невыразимою быстротою переходитъ отъ самаго грустнаго къ самому веселому настроенію; это странная смѣсь мономаніи съ меланхоліею.

— Онъ не совершенно потерялъ рассудокъ?

— Нѣтъ, милостивый государь, онъ не совсѣмъ сумасшедшій, но только помѣшанъ на одномъ пунктѣ, и совершенно подходитъ къ вашей специальности.

— Какой же отличительный характеръ его болѣзни?

— Увы, милостивый государь, характеръ нашего вѣка—скупость! Бѣдный больной вполнѣ дитя своего вѣка. Работая почти съ дѣтства, онъ безъ всякаго состоянія. Любезный дядюшка сперва завидовалъ, потомъ вообразилъ себѣ, что, въ качествѣ моего единственнаго родственника, онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ послѣ смерти, или опекуномъ въ случаѣ умопомѣшательства, и такъ какъ слабоумные часто представляютъ себѣ то, чего бы желали въ самомъ дѣлѣ видѣть, то несчастный вообразилъ себѣ, что я сумасшедшій. Онъ говоритъ это всѣмъ, и вамъ скажетъ тоже самое. Въ каретѣ, хотя руки были связаны у него, онъ воображалъ, что меня везетъ къ вамъ.

— Когда вы замѣтили первый припадокъ?

— Почти три мѣсяца тому назадъ. Онъ пришелъ къ моему швейцару, и сказалъ ему страннымъ голосомъ:—г-нъ Эммануэль у васъ есть дочь... оставьте ее въ вашей комнатѣ, и придите помочь мнѣ связать племянника.

— Понимаетъ ли онъ свое положеніе? Знаетъ ли онъ, что онъ боленъ?

— Нѣтъ, милостивый государь, и я полагаю, что это хорошій знакъ. Я вамъ еще скажу: у него разстройство питанія; онъ почти потерялъ апетитъ, и страдаетъ бессоницею.

— Тѣмъ лучше! помѣшанный, который хорошо спитъ и ѣстъ, почти неизлечимъ. Позвольте мнѣ его разбудить.

Г. Оврей слегка дотронулся до плеча спавшаго; тотъ вскочилъ на ноги. Первое его движеніе было протереть себѣ глаза руками; когда же онъ увидалъ, что руки у него связаны, то догадался въ чемъ дѣло, и, громко разсмѣявшись, сказалъ:—Вотъ славная шутка!»

Франсуа сказалъ потихоньку доктору:

— Видите! черезъ пять минутъ, онъ будетъ какъ бѣшеный.

— Не беспокойтесь; я знаю какъ надо съ нимъ обходиться.

Онъ улыбнулся больному, какъ улыбаются дѣтямъ, которыхъ хотятъ занять.

— Другъ мой, сказалъ онъ ему, вы рано проснулись; что вы видѣли во снѣ?

— Я ничего не видалъ. Мнѣ смѣшно, что меня связали, какъ вязанку дровъ. Какъ будто я сумасшедшій!

— Видите, сказалъ Франсуа.

— Пожалуйста, докторъ, развяжите меня: мнѣ удобнѣе будетъ съ вами говорить на свободѣ.

— Дитя мое, я развяжу вамъ руки, но общаете ли вы мнѣ вести себя хорошо?

— Однако, милостивый государь, вы, кажется, въ самомъ дѣлѣ принимаете меня за сумасшедшаго?

— Нѣтъ, мой другъ, но вы больны, и мы васъ вылечимъ. Вотъ ваши руки свободны; не употребляйте ихъ во зло.

— Чортъ возьми! что мнѣ съ ними дѣлать? я привезъ вамъ племянника.

— Хорошо, перебилъ г-нъ Оврей мы поговоримъ объ

*

этомъ послѣ. Я нашель васъ спящимъ: вы часто спите днемъ?

— Никогда; но эта глупая книга...

— О! о! сказалъ авторъ, кажется онъ серьезно боленъ. И такъ вы полагаете, что вашъ племянникъ помѣшанъ?

— Да, помѣшанъ, помѣшанъ, до бѣшенства, и доказательствомъ можетъ служить то, что я долженъ былъ связать ему руки.

— Помилуйте! вѣдь у васъ были руки связаны; развѣ вы забыли, что я развязалъ вамъ ихъ сейчасъ?

— У меня? Нѣтъ у него! Дайте мнѣ вамъ объяснить все дѣло!

— Тихе, тихе, мой другъ, вы очень горячитесь, вы очень красны: я не хочу, что бы вы утомлялись; отвѣчайте только на мои вопросы. Вы говорите, что вашъ племянникъ боленъ?

— Онъ помѣшанъ, помѣшанъ, помѣшанъ!

— И васъ это радуетъ?

— Меня?

— Будьте откровенны. Вѣдь вы не желали, бы что бы онъ выздоровѣлъ?

— Отчего вы такъ полагаете?

— Потому что тогда состояніе его перейдетъ къ вамъ: вы будете богаты! Вы недовольны тѣмъ, что, работая такъ долго, вы ничего не приобрѣли? А теперь вы воображаете, что пришла ваша очередь разбогатѣть?

Г. Морло не отвѣчалъ. Онъ упорно глядѣлъ на полъ. Онъ спрашивалъ: сонъ ли это или дѣйствительность, и что это за исторія? Связанныя руки, допросъ, вопросы этого незнакомца, который читаетъ въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ?

— Слышатся ли ему голоса? спросилъ докторъ.

Бѣдный дядюшка чувствовалъ, что волосы у него становятся дыбомъ. Онъ вспомнилъ упорный голосъ, который кричалъ ему на ухо, и машинально отвѣтилъ:— Иногда!

— А онъ подверженъ видѣніямъ?

— Помилуйте, я совершенно здоровъ! Выпустите меня! Я голову здѣсь потеряю. Спросите моихъ друзей: они всѣ вамъ скажутъ, что я здоровъ. Пощупайте мой пульсъ, вы увидите, что у меня нѣтъ лихорадки.

— Бѣдный дядюшка, сказалъ Франсуа, онъ не знаетъ, что помѣшательство есть бредъ безъ лихорадки.

— Милостивый государь, прибавилъ докторъ, если бы я могъ своимъ больнымъ дать лихорадку, то они скоро всѣ выздоровѣли бы.

Г. Морло упалъ въ кресло. Племянникъ его продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Ахъ, г-нъ докторъ, сказалъ Франсуа, я очень огорченъ несчастіемъ дяди, но меня утѣшаетъ то, что я могу поручить его такому искусному врачу, какъ вы. Я прочиталъ ваше великолѣпное сочиненіе: «*Monomanie raisonnée*», и нахожу, что это самая замѣчательная книга въ этомъ родѣ, послѣ «*Traité des maladies mentales*», великаго Эскироля. Я недавно завтракалъ въ дежурной комнатѣ Сальпетриера съ нѣкоторыми учениками. У меня есть тамъ товарищъ, г-нъ Равель.

— Я слышалъ о немъ, какъ о многообѣщающемъ молодомъ докторѣ.

— Всѣ эти господа меня увѣрили, что только вы одни можете вылечить дядю. Впрочемъ, я знаю, что вы совершенный отецъ для вашихъ пациентовъ, и нахожу лишнимъ особенно рекомендовать вамъ г-на Морло. Что же касается до платы, то я совершенно полагаюсь на васъ.

— Онъ взялъ изъ кармана билетъ въ 1,000 франковъ, и положилъ его на каминъ.

— Я буду имѣть честь, сказалъ Франсуа, явиться къ вамъ на этой недѣлѣ. А въ какомъ часу можно видѣть больныхъ?

— Отъ 12 до 2-хъ; что же до меня касается, то я всегда дома. До свиданія, милостивый государь.

— Остановите его, закричалъ г-нъ Морло, не выпускайте его; вѣдь онъ сумасшедшій, а не я! Я вамъ объясню, на чемъ онъ помѣшанъ.

— Успокойтесь, дядя, сказалъ Франсуа, уходя. Я васъ оставляю на рукахъ г-на Оврея; онъ объ васъ позаботится.

Г. Морло хотѣлъ убѣжать за племянникомъ, но докторъ его удержалъ.

— Какой фатализмъ! кричалъ дядя; онъ не скажетъ ни одной глупости! Если бы онъ могъ хотя немного погово-

рить безразсудно, то вы увидѣли бы, что не я, а онъ по-мѣшанъ.

Франсуа уже держался за ручку дверей.

Онъ вернулся, какъ будто что то забылъ, и, быстро по-дойдя къ доктору, сказалъ ему:

— Милостивый государь, болѣзнь дяди не единственная причина, по которой я къ вамъ пришелъ.

— А! а! проговорилъ г-нъ Морло, для котораго блеснула надежда.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— У васъ есть дочь.

— Наконецъ то! вскричалъ бѣдный дядя. Вы слышите что онъ вамъ говоритъ: «У васъ есть дочь!»

Докторъ отвѣтилъ Франсуа:

— Да, милостивый государь; объяснитесь.

— У васъ дочь, Клара Оврей.

— Наконецъ то попался! попался. Я вамъ говорилъ.

— Да, отвѣчалъ докторъ.

— Она была, мѣсяца три тому назадъ, въ Эмсъ, со своею матерью?

— Bravo, bravo! заревѣлъ г-нъ Морло.

— Да, милостивый государь, отвѣчалъ г-нъ Оврей.

Г. Морло подбѣжалъ къ доктору, и сказалъ:

— Вы вѣроятно не докторъ, а одинъ изъ содержащихся здѣсь?

— Другъ мой, отвѣтилъ докторъ, если вы не будете благо-разумны, я то велю вамъ дать душъ колодной воды.

Г. Морло съ ужасомъ отступилъ. Племянникъ продол-жалъ:

— Милостивый государь, я люблю вашу дочь, надѣюсь, что и она не равнодушна ко мнѣ, и если ея чувства не измѣнились съ сентября мѣсяца, то я имѣю честь просить у васъ ея руки.

Докторъ отвѣчалъ:

— Я, вѣроятно, имѣю удовольствіе говорить съ г-мъ Франсуа Томасъ?

— Точно такъ, и я долженъ былъ бы начать съ того, что бы сказать вамъ мое имя.

— Милостивый государь, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что вы долго заставили себя ждать.

Въ эту минуту, вниманіе доктора было привлечено къ г-ну Морло, который съ яростію теръ свои руки.

— Что съ вами, мой другъ, обратился онъ къ нему ласковымъ, мягкимъ голосомъ.

— Ничего, ничего, я вытираю руки.

— Зачѣмъ?

— На нихъ что то есть, что мнѣ мѣшаетъ.

— Покажите! я ничего не вижу. Что вы видите?

— Состояніе моего племянника. Возьмите его скорѣе! Я честный работникъ; я не хочу брать чужаго добра.

Въ то время, какъ докторъ слушалъ первыя бредни г. Морло, съ Франсуа сдѣлался страшный переворотъ: онъ блѣднѣлъ; ему было холодно; зубы стучали сильно. Г. Оврей обернулся къ нему, что бы спросить: что съ нимъ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ; она идетъ; я ее слышу, это радость.... но я совершенно разбитъ. Счастіе выпало мнѣ, какъ снѣгъ на голову. Зима будетъ суровая для влюбленныхъ. Докторъ посмотрите, что у меня въ головѣ?

Г. Морло подбѣжать къ нему, крича:

— Довольно! перестань бредить! я не хочу, что бы ты былъ помѣшанъ; скажутъ, что я тебя съ ума свелъ; я честный человекъ! Докторъ, посмотрите на мои руки, обыщите карманы, пошлите ко мнѣ на домъ, въ улицу Шаронъ, въ предмѣстіе св. Антонія, откройте всѣ ящики въ квартирѣ, вы увидите, что у меня ничего нѣтъ чужаго!

Докторъ не зналъ, какъ ему быть между двумя больными, какъ вдругъ открылась дверь, и вошла Клара, что бы позвать отца къ завтраку.

Франсуа вскочилъ на ноги; но онъ только мысленно встрѣтилъ дѣвицу Оврей; тѣло его тяжело упало въ кресло, и онъ едва внятно проговорилъ нѣсколько словъ:

— Клара, это я! Я васъ люблю; хотите вы?.. Онъ провелъ рукою по головѣ. Лице его побагровѣло; виски бились усиленно, и онъ чувствовалъ сильную боль надъ бровями.

Клара, чуть живая, взяла его обѣ руки; кожа его была сухая, а пульсъ такъ скоро бился, что бѣдная дѣвушка испугалась. Не въ такомъ видѣ она надѣлась его вновь встрѣтить. Въ нѣсколько минутъ пожелтѣли его ноздри; потомъ

сдѣлалась рвота, и г-нъ Оврей понялъ, что у него желчная лихорадка.

— Жаль, что эта лихорадка не случилась у его дяди, подумалъ онъ; она спасла бы его.

Онъ позвонилъ. Вошла горничная, потомъ г-жа Оврей, которую Франсуа едва узналъ, такъ онъ былъ слабъ. Надобно было тотчасъ уложить больного. Клара предложила свою комнату и свою постель. Это была прелестная постель съ бѣлыми занавѣсками; комната уютная, кокетливая, обитая розовымъ ситцемъ, и украшенная зеленью въ красивыхъ фарфоровыхъ горшкахъ; на каминѣ стояла онисевова вазочка, единственный подарокъ, который Клара взяла отъ Франсуа.

Если у васъ будетъ лихорадка, милый читатель, я вамъ желаю попасть въ такой лазаретъ.

Въ то время, какъ укладывали больного, дядя его былъ въ изступленіи, бѣгалъ по комнатамъ, то останавливая доктора, то цѣлуя больного, то схватывая за руку г-жу Оврей, и кричалъ во все горло:—Скорѣй спасите его!

— Я не хочу, что бы онъ умеръ, я не позволю ему умереть, я имѣю на то право, я его дядя и опекунъ. Если вы его не вылечите, скажутъ, что я его уморилъ. Будьте свидѣтелями, что я не желаю быть его наслѣдникомъ; я все свое состояніе отдаю бѣднымъ; дайте стаканъ воды, что бы я могъ вымыть руки.

Его перевели въ лазаретъ. Тамъ онъ такъ волновался, что пришлось надѣть ему горячую рубашку; больничные служители стали за нимъ ухаживать.

Г-жа Оврей съ дочерью съ любовью заботились о Франсуа, не взирая на нѣкоторыя непріятныя случайности такого рода болѣзни; но нѣжный цолъ любить, самопожертвованія.

Вы мнѣ на это скажете: тутъ нечему удивляться, потому что обѣ эти женщины видѣли въ немъ, одна зятя, другая мужа, но я думаю, что даже, если бы онъ былъ совершенно чужой, то это мало бы измѣнило дѣло. Напрасно думаютъ, что Сенъ-Венсантъ-де-Пель основалъ орденъ сестеръ милосердія; онъ только одеждою отличилъ ихъ отъ другихъ женщинъ, потому что въ каждой женщинѣ, какого бы она ни

была состоянія, и всякихъ лѣтъ, есть призваніе быть сестрою милосердія!

Проводя дни и ночи въ комнатѣ больного, мать и дочь, въ свободныя минуты, утѣшали себя воспоминаніемъ прошедшаго, и строили планы на будущее. Онѣ не могли понять ни долгаго молчанія Франсуа, ни его внезапнаго возвращенія, ни случая, который привелъ его въ домъ г-на Оврей.

Если онѣ любилъ Клару, то зачѣмъ онѣ заставилъ себя ждать три мѣсяца? Развѣ онѣ не могъ и безъ болѣзни дяди войти въ ихъ домъ?

Если онѣ забылъ о своей любви, то зачѣмъ онѣ не повезъ дядю къ другому доктору? ихъ много въ Парижѣ. Можетъ быть, онѣ воображалъ, что его любовь прошла, и она воскресла неожиданно, при появленіи Клары? Но и это предположеніе несправедливо, потому что, прежде чѣмъ онѣ увидалъ Клару, онѣ просилъ ея руки.

На всѣ эти вопросы отвѣтилъ самъ Франсуа въ бреду. Клара, нагнувшись надъ его постелію, жадно ловила каждое слово, и толковала о немъ съ матерью и докторомъ, который вскорѣ сталъ отгадывать истину. Для человѣка, привыкшаго разбирать самыя запутанныя мысли и читать въ душѣ помѣшанныхъ, какъ въ полуистертой книгѣ, лихорадочныя грезы были весьма понятны, и самый запутанный бредъ могъ дать нѣкоторое объясненіе.

Вскорѣ узнали, что онѣ дѣйствительно потерялъ разумъ: и при какихъ обстоятельствахъ, и даже объяснилось, что онѣ невинно причинилъ болѣзнь дяди.

Тогда начались новыя опасенія для г-жи Оврей. Франсуа былъ помѣшанъ. Вылечится ли его болѣзнь этимъ страннымъ кризисомъ, который дочь произвела нечаянно. Докторъ увѣрялъ, что лихорадка имѣла способность вылечивать отъ сумасшествія, но нѣтъ правилъ безъ исключенія, особенно въ медицинѣ. Даже если Франсуа и выздоровѣетъ, не можетъ ли съ нимъ повториться этотъ самый припадокъ? Согласится ли г-нъ Оврей отдать свою дочь за одного изъ своихъ пациентовъ?

— Что касается до меня, говорила Клара съ грустною улыбкою, я ничему не боюсь, и охотно рискну. Я причина его бѣдствій; я и должна его утѣшать. Да, наконецъ, его пунктъ

помѣшательства состоялъ въ томъ, что бы просить моей руки: ему нечего будетъ просить, когда я буду его женою, и намъ нечего бояться. Бѣдный другъ! онъ былъ боленъ отъ слишкомъ сильной любви; лечи его хорошенько, милый папа, но не черезчуръ, отъ этой болѣзни; пусть онъ останется на столько сумасшедшимъ, что бы любить меня, какъ я его люблю!

— Посмотримъ, сказалъ отецъ, подожди, что бы прошла лихорадка. Если онъ будетъ огорченъ или сконфуженъ своею болѣзнию, если онъ будетъ грустенъ, послѣ своего выздоровленія, то я за будущее не отвѣчаю. Но если, напротивъ, онъ будетъ вспоминать о своей болѣзни безъ стыда и сожалѣнія, и будетъ говорить о ней покойно, если ему не будетъ тяжело видѣться съ лицами, которыя за нимъ ухаживали, то я смѣло могу сказать, что новыхъ припадковъ не будетъ.

— Ахъ, папа! чего же ему стыдиться? что онъ любилъ до сумасшествія? Это благородное и великодушное сумасшествіе, которому не подвергается мелкая душонка. И какъ же можетъ онъ чувствовать отвращеніе къ тѣмъ, кто за нимъ ухаживалъ во время болѣзни?... Къ намъ?...

Черезъ шесть дней бреда, обильный потъ прекратилъ лихорадку, и больной сталъ выздоравливать. Когда онъ очнулся, и увидаль, что онъ въ незнакомой комнатѣ, съ г-жею Оврей и ея дочерью, то подумалъ, что онъ еще въ гостиницѣ, въ Эмсѣ. Его слабость, худоба и присутствіе доктора навели его на другія мысли: онъ сталъ что то припоминать; докторъ помогъ ему: онъ ему понемногу сказалъ всю истину, подобно тому, какъ понемногу даютъ пищу изнуренному голодомъ.

Франсуа слушалъ о своихъ приключеніяхъ, какъ бы онъ слушалъ романъ, къ которому онъ не причастенъ: онъ былъ совершенно другимъ новымъ человекомъ; онъ, послѣ лихорадки, какъ будто всталъ изъ гроба.

Мало помалу къ нему возвращалась память. У него въ головѣ какъ будто была пустота, которая наполнялась безъ всякаго сотрясенія. Вскорѣ онъ совершенно овладѣлъ своимъ разумомъ, и вспомнилъ все прошедшее.

Его излеченіе было дѣломъ науки, и въ особенности терпѣнія.

Въ этомъ то случаѣ надоно было удивляться осторожности и отцовскому вниманію г-на Оврея. Этотъ добрыйшій человекъ обладалъ этими двумя качествами.

25-го декабря, Франсуа, сидя на своей постелѣ, и подкрѣпленный куринымъ бульономъ и ялицемъ въ смятку, разсказалъ безъ запинки, безъ застѣнчивости, безъ отступлений, безъ стыда и сожалѣнія, но съ совершенно покойною радостію, все, что съ нимъ случилось въ эти три мѣсяца. Клара и г-жа Оврей плакали, слушая его; докторъ, казалось, что то записывалъ, но, кромѣ чернилъ, на бумагу падала иногда и слеза.

Когда разсказъ былъ конченъ, выздоравливающій прибавилъ, въ заключеніе:

— Сегодня, 25 декабря, въ 3 часа пополудни, я сказалъ моему добрейшему доктору и дорогому отцу г-ну Оврею, адресъ котораго я больше не забуду: Милостивый государь, у васъ есть дочь, Клара Оврей; я ее видѣлъ лѣтомъ въ Эмсѣ съ матерью; я ее люблю; она мнѣ доказала, что и она меня любитъ, и, если вы не боитесь, что бы я опять былъ боленъ, я имѣю честь просить ея руки.

Докторъ только наклонилъ голову, въ знакъ согласія, но Клара обняла больного, и поцѣловала въ лобъ. Я не желалъ бы для себя другаго отвѣта, когда буду просить о томъ же.

Въ тотъ же день, г-нъ Морло, немного успокоенный, всталъ въ 8 часовъ; съ него сняли горячечную рубашку. Вставъ, онъ взялъ туфли, ворочалъ, переворачивалъ ихъ, осмотрѣлъ тщательно, и передалъ служителю, прося его посмотреть: нѣтъ ли въ нихъ тридцати тысячъ; тогда только онъ рѣшился ихъ надѣть. Онъ расчесывалъ волосы полчаса, повторяя: — Я не хочу, что бы сказали, что состояніе моего племянника у меня въ волосахъ. Онъ стряхивалъ всю свою одежду, и тщательно осматривалъ всѣ карманы. Одѣвшись, онъ спросилъ карандашъ, и написалъ на стѣнахъ своей комнаты:

«Не пожелай добра ближняго своего.»

Потомъ онъ началъ быстро тереть себѣ руки, что бы убѣдиться, что состояніе Франсуа какъ нибудь не пристало къ его рукамъ; онъ щупалъ каждый палецъ, и пересчиталъ ихъ по очереди.

Г. Оврей пришелъ къ нему по обыкновенію; онъ вообразилъ себя передъ судьей, и требовалъ, что бы его обыскали. Докторъ заставилъ себя узнать, и объявилъ ему, что Франсуа совершенно здоровъ. Бѣдный добрякъ спросилъ, нашлись ли деньги:—Такъ какъ племянникъ выходитъ отсюда, то ему надобно денегъ, а у меня ихъ нѣтъ; впрочемъ, можетъ быть, онѣ въ моей постелѣ.»

И, прежде чѣмъ успѣли его остановить, онъ все сбросилъ съ постели. Докторъ выщелъ, пожавъ ему руку; онъ началъ вытирать эту руку.

Принесли ему завтракъ. Онъ началъ осматривать свою салфетку, стаканъ, ножикъ, тарелку, повторяя, что онъ не хочетъ проглотить состоянія своего племянника. Кончивъ кушать, онъ опять сталъ мыть руки.

— Видка вѣдь серебряная, говорилъ онъ; пожалуй, у меня на рукахъ останется серебро!

Г. Оврей надѣется его вылечить, но не такъ скоро. Впрочемъ, болѣею частію, умопомѣшательство вылечивается лѣтомъ или осенью.

ПОЪЗДКА ПО НИЛУ.

Есть много описаній путешествій по этой, можетъ быть, самой замѣчательной рѣкѣ, и богатство тамошней природы лучше всего доказывается разнообразіемъ этихъ описаній.

Множество разныхъ судовъ встрѣчаютъ путешественника на Нилѣ. Внизъ, къ Каиру и Александріи, несутся по теченію рѣки лодки, тяжело нагруженныя хлѣбомъ; другія плывутъ съ Верхняго Нила съ товарами, а тамъ какое нибудь, отслужившее свою службу, нильское судно, на которомъ когда то гордо развѣвались разноцвѣтные флаги, и которое перевозило путешествующихъ франковъ до самыхъ катарактовъ, идетъ биткомъ набитое арабами, турками, мужчинами и женщинами. Весь этотъ людъ, — пилигримы, ѣдущіе въ Мекку на Кеннехъ, что бы оттуда предпринять, черезъ Коссеиръ на Черномъ морѣ, морское путешествіе къ городу Мохамеда. Часто случается, что старая, ветхая лодка не выдерживаетъ тяжести: судно начинаетъ течь, и сотни пилигримовъ погибаютъ ужасною смертію въ волнахъ Нила. Въ другомъ мѣстѣ проѣзжаетъ мимо желѣзное судно съ англійскимъ флагомъ; ему салютуютъ ружейными выстрѣлами, на которые драгоманъ господъ англичанъ вѣжливо отвѣчаетъ, по данному приказанію, между тѣмъ какъ въ крытой каютѣ какая то леди разыгрываетъ на своемъ роялѣ новѣйшія піесы. Вотъ что то презабавное спускается по Нилу. Тысячи горшковъ, съ замазанными отверзтіями, связанные ручка съ ручкою, сплавляются

по Нилу. Это горшечные плоты, идущіе изъ Кеннеха, лучшаго горшечнаго рынка, въ Каиръ. Два араба переплываютъ, съ одного берега рѣки на другой, по туземному способу. Одинъ упирается грудью въ выдолбленную тыкву, а другой избралъ себѣ опорой кусокъ пальмоваго дерева. Третій ѣдетъ на широкой спинѣ буйвола, который, несмотря на тяжесть, хладнокровно и увѣренно борется съ теченіемъ, тихо покачивая своею головою съ маленькими глазами и широкою мордою.

Ну, а что же крокодилы? Развѣ смѣлый пловецъ и всадникъ, ѣдущій по водѣ, не боятся страшныхъ обитателей Нила? Что бы успокоить всѣхъ путешественниковъ по Нилу, на этотъ вопросъ можно отвѣчать отрицательно. Крокодилы, которые еще до настоящаго времени въ Верхнемъ Египтѣ до того многочисленны, что ихъ можно видѣть дюжинами на открытыхъ песчаныхъ берегахъ, не появляются дальше Бени-Суэса, нѣсколько миль выше Каира. Европейская промышленность, такъ широко распространившая свою живую дѣятельность во всемъ Нижнемъ Египтѣ, даже на водѣ, повидимому, отбила у этихъ животныхъ охоту поселяться въ низовьяхъ Нила, такъ что въ настоящее время большая рѣдкость встрѣтить экземпляръ крокодила къ сѣверу отъ 29 до 30 градусовъ широты. Особенно часто встрѣчаются крокодилы въ Верхнемъ Египтѣ, около Дендеры и Тебена: тамъ, на песчаныхъ отмеляхъ, или на плоскихъ берегахъ, они лежатъ, въ видѣ огромныхъ грязнозеленыхъ древесныхъ стволовъ, отъ 5 до 10 фунтовъ длиною, одинъ возлѣ другаго, иногда даже другъ на другѣ, отъ времени до времени открывая и закрывая свою алчную пасть. Маленькая цапля составляетъ ихъ постоянное общество; она разгуливаетъ по ихъ чешуйчатою панцырю, уничтожаетъ на немъ многочисленныхъ гадинъ, и, при всякой приближающейся опасности, поднимаетъ громкій крикъ. Сейчасъ же крокодилы бросаются въ рѣку, такъ что вода закипитъ бѣлою пѣною, и поднимется надъ ними большими волнами. Крокодилы весьма опасны для людей, и не рѣдко случается, что крокодилъ схватываетъ египтянина или негра. Крокодила очень трудно застрѣлить: пуля отскакиваетъ отъ его панцыря, и очень не много мѣстъ есть на его тѣлѣ, которыя можно ранить. Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ ахиллесова пятка

крокодила, мѣстечко за ухомъ. Египтяне ловятъ ихъ большими, крѣпкими сѣтями; мясо они вовсе не употребляютъ въ пищу, но снимаютъ только панцырь, и вѣшаютъ его надъ дверями своихъ жилищъ, какъ вѣрное средство противъ дурнаго глаза. Проѣзжая по египетскому городу, путешественникъ надъ всякимъ входомъ, особенно въ новыхъ домахъ, непременно увидитъ или подобнаго выпотрошеннаго крокодила, или алоэ; и то и другое, по египетскому народному повѣрью, самое испытанное средство, что бы охранить хозяина украшеннаго такимъ образомъ дома отъ дурнаго глаза и всякаго подобнаго несчастія.

Не такъ опасны, какъ крокодилы, для здоровья, а порою и для драгоценной жизни путешественника, но, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени ужасны и мучительны, это легіоны крылатыхъ и безкрылыхъ насѣкомыхъ, неизбѣжныхъ догучныхъ спутниковъ на Нилѣ. Начиная отъ длинношерстной большеногой, отвратительной тарантулы, до малѣйшихъ, почти невидимыхъ, москитовъ, свѣ они днемъ и ночью общими силами устремляются на путешественника, и искусываютъ его буквально до крови, если онъ не запасся сильнѣйшимъ порошкомъ противъ насѣкомыхъ.

Какъ только зайдетъ солнце, и путешественники принуждены бываютъ уйдти въ каюты, начинается настоящая жизнь этихъ египетскихъ злыхъ духовъ. Тарантулы и длинноногіе пауки оставляютъ свои покойные углы, и начинаютъ охоту за мухами и москитами; широкіе и сплюснутые тараканы, съ цитами, имѣющими часто $\frac{3}{4}$ дюйма въ діаметръ, ползаютъ взадъ и впередъ по стѣнамъ каюты; коричневые и черные жуки жужжа летаютъ около зажженныхъ свѣчей, а свирѣпые легіоны москитовъ храбро нападаютъ, и язвятъ чужеземнаго путника на Нилѣ. Къ увеличенію напасти еще, къ этимъ летучимъ отрядамъ присоединяются извѣстныя маленькія насѣкомыя, которыя, еще во времена Моисея, были язвою египтянъ, и которыхъ французское остроуміе охарактеризовало названіемъ «легкой кавалеріи». Только что удастся путешественнику побѣдить наконецъ всѣхъ этихъ маленькихъ, но многочисленныхъ, враговъ, и закрыть глаза, въ надеждѣ уснуть, какъ сейчасъ же его будитъ шуршаніе, жужжаніе и несносный зудъ; это нападаетъ новый врагъ, почти невидимое насѣкомое, изъ рода

москитовъ, называемое на народномъ арабскомъ языкѣ: «акулъ оскутъ.» Надобно имѣть невѣроятное терпѣніе, что; бы вынести первые подобнаго рода вечера и ночи но человѣку дана способность мириться съ тѣмъ, что неизбѣжно. Египтяне до такой степени привыкли къ этой язваѣ, что они едва чувствуютъ ее: только ссоріоны и нѣкоторые изъ многочисленныхъ родовъ здѣшнихъ змѣй внушаютъ имъ страхъ, и заставляютъ принимать нѣкоторыя необходимыя предосторожности.

Къ всѣмъ этимъ прелестямъ, не дающимъ, въ началѣ путешествія, сомкнуть спокойно глазъ, присоединяется еще другая, хотя и не такая мучительная, напасть. Громкій вой шакаловъ, которыхъ голодъ и хищничество гонять поближе къ людямъ, почти всю ночь напролетъ раздается въ ухахъ сонныхъ путешественниковъ, что ихъ очень пугаетъ, потому что они думаютъ, что это кричатъ: гиены и другіе хищныя степныя звѣри. Но удовольствіе путешествія по Нилу отъ всего этого нисколько не уменьшается; оно такъ велико, что передъ нимъ исчезаютъ всѣ темныя стороны, даже еще въ воспоминаніи получаютъ особенную прелесть.

Скоро лодка останавливается у одного изъ верхнеегипетскихъ городовъ: тутъ сейчасъ собирается равный народъ, египтяне, негры, что бы посмотреть на франковъ. Здѣсь выходятъ на берегъ, и отправляются въ открытую кофейню, съ навѣсомъ изъ соломенныхъ матовъ, и, кромѣ того, еще защищенную отъ солнечныхъ лучей густою тѣнію египетской смоковницы. Вся туземная публика вѣжливо встаетъ съ своихъ мѣстъ, и привѣтствуетъ вошедшихъ иностранцевъ, восклицаніемъ: «Буди благословенъ вашъ приходъ!» Между тѣмъ хозяйинъ, арабъ, спѣшитъ наливать въ маленькія чашечки кофей, приготовляемый поарабски, на очагѣ въ лестяномъ кофейникѣ, окруженномъ клубами пара. Вамъ наливаютъ въ чашку наполовину кофейной гущи, наполовину черной жидкости, такъ какъ нашъ способъ приготовления кофей совершенно не знакомъ арабамъ, потому что, по ихъ мнѣнію, кофей вѣдь не сушь. Вотъ, тамъ кто то спокойно сидитъ, поджавъ ноги, на соломенномъ матѣ; по его наружности и костюму, мы сейчасъ узнаемъ въ немъ страннаго арпаута, турецкаго полицейскаго солдата, однимъ кулакомъ усмиряющаго арабскую деревню. Турецкая, собран-

ная навади, феска, покрываетъ бритую голову, между тѣмъ какъ загорѣлое лице съ лугавыми глазами окоймлено огромною бородою. За широкимъ поясомъ, надѣтомъ на бывшую когда то бѣлою греческую фустанеллу, ваткнутъ арсеналъ всякаго оружія; тамъ торчатъ пистолеты въ серебряной оправѣ, ятаганы, кинжалы и разные другіе инструменты, которые, надо думать, служатъ не для забавы; въ боковыхъ карманахъ, прикрѣпленныхъ на груди, воткнуто по дюжинѣ патроновъ. Его длинное ружье лежитъ подлѣ него на матѣ, а яркая, красная куртка, богато вышитая золотомъ, небрежно свѣшивается съ плечъ. Страшный арнаутъ, несмотря на то, что онъ мусульманинъ, отнюдь не прочь налить себѣ въ чашку, вмѣсто кофея, крѣпкой одуряющей водки, потому что главное его занятіе, кромѣ грабежа и спанья, пьянство. Сверхъ того, арнауты въ высшей степени влюбчивы и ревнивы, хотя египтянки не очень то къ нимъ благосклонны. Деньги имѣтъ ему бѣда: онъ броситъ послѣдній шіастръ для минутнаго наслажденія. Такъ живетъ здѣшняя полиція изъ дня въ день: это настоящіе паразиты въ странѣ древнихъ фараоновъ.

Самое большое удовольствіе для арнаута смотрѣть, кура съ серіознымъ видомъ свой чубукъ, на верхнеегипетскій танецъ гавазы, который танцуется при гудѣніи дарабука, барабана и тамбурина; танецъ этотъ требуетъ чрезвычайно гибкихъ движеній; по древнему обычаю, его танцуютъ голыми ногами, и приэтомъ раскрашенными руками прихлопываютъ въ тактъ кастаньетами. Путешественники могутъ очень дешево видѣть подобное представленіе въ всякомъ сколько нибудь порядочномъ городкѣ, и хотя мнѣнія о красотѣ нѣкоторыхъ египетскихъ танцевъ очень расходятся между собою, тѣмъ не менѣе, европейскія дамы не отказываются взглянуть на гавазы. Остаются ли онѣ имъ довольны, это другой вопросъ.

Какъ радость свою египтянинъ выражаетъ шумно, точно такъ же и горе его выражается громко и необузданно. Остановясь у одной деревни, гдѣ низенькія хижины подались къ самому Нилу, между тѣмъ какъ толубятни, какъ четырехугольныя башни, высоко поднимаются въ воздухъ, мы были свидѣтелями печальнаго зрѣлища оплакиванія покойника. Еще издали слышался громкій, пронзительный женскій

крикъ; неподалеку отъ берега, женщины съ всей деревни собрались омывать одного изъ умершихъ своихъ земляковъ. Однѣ кидались на землю, бросали мыль въ воздухъ, и покрывали себѣ голову и лице мокрымъ нильскимъ иломъ. Другія опускали руки въ глиняный сосудъ съ жидкимъ индиго, и потомъ очень сильно били себя ими по щекамъ, до того что у нѣкоторыхъ начинала течь кровь. Потомъ схватились всѣ за руки, какъ въ короводѣ, и принялись прыгать, какъ сумасшедшія. Наконецъ, усталость превозмогла. Длинными рядами онѣ усѣлись, скорчившись, на землѣ, прислонивъ спины къ стѣнамъ хижинъ, и закурили табакъ изъ короткихъ чубуковъ, пуская въ ясный воздухъ голубые клубы, причемъ носовое кольцо, особенное украшеніе верхне-египетскихъ женщинъ, онѣ осторожно вляли на вончикъ трубки. Этотъ вой, повидимому, очень мало беспокоитъ мужское населеніе; такое заключеніе можно было сдѣлать, глядя на одного старика: съ ранняго утра до поздняго вечера, онъ вытаскивалъ изъ Нила подъемное ведро, выливалъ изъ него воду въ канаву, по которой вода должна была течь на самые отдаленные луга, и потомъ снова опускалъ его въ воду. Вся его одежда состояла (въ декабрѣ мѣсяцѣ) изъ *такіе*, маленькаго бумажнаго капишона, покрывавшаго его голову. Жалобные вопли не имѣли на него никакого вліянія. Ведро преспокойно продолжало опускаться и подниматься вверхъ и внизъ, и занятый своимъ дѣломъ арабъ даже ни разу не полюбопытствовалъ повернуть голову.

Немного отступя отъ берега, стоятъ, усѣянные желтыми цвѣтами, кусты хлопчатника; мѣстами показывается, изъ треснувшихъ плодовыхъ коробочекъ, блестящее бѣлое растительное вещество, большими массами вывозимое изъ Верхняго Египта въ Европу. Далѣе разстилаются большія поля, засаженные толстыми стеблями сахарнаго тростника, съ густо разросшимися шишками египетской дурры, соперничающей въ вышинѣ съ сахарнымъ тростникомъ. Вооруженные большими трещотками и бичами, безпрестанно приводимыми въ дѣйствіе, мужчины и дѣти отгоняютъ безчисленные стаи воробьевъ, цѣлыми тучами летающихъ надъ полями, и производящихъ страшное опустошеніе. Несмотря на всевозможныя предосторожности, они покидаютъ у бѣднаго земледѣльца всю жатву, и ни къ чему не ведутъ

его жалобы на пашей зато, что они привлекли воробьевъ, разведя плантациі сахарнаго тростника, гдѣ, въ густомъ кустарникѣ, птицы находятъ себѣ удобное и безопасное убѣжище на ночь.

Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть какіе нибудь памятники, какія нибудь чудеса египетской древности, требующіе болѣе продолжительнаго пребыванія, лодка останавливается на нѣсколько дней. Тутъ ждутъ на берегу, готовые къ услугамъ, ослы и проводники, что бы везти иностранцевъ къ твореніямъ фараоновъ, гдѣ англичанинъ раскрываетъ Вилькинсона или Муррея, французъ Шамполіона, нѣмецъ Лепсиуса, что бы на страницахъ своей книги отыскать іероглифы, или окаменѣлое изображеніе какого нибудь царя, изъ незапамятныхъ временъ человѣческой исторіи. Тутъ путешествуютъ, странствуютъ по днямъ, лазаютъ по описаннымъ и расписаннымъ могиламъ, и нѣтъ конца удовольствію, когда кому нибудь удастся откопать нѣсколько новыхъ мумій, вырвать изъ земли новыя сокровища искусства и науки. Въ такихъ случаяхъ самый обязательный человѣкъ тотъ, который, въ слѣдствіе специальныхъ знаній, имѣетъ ключъ къ пониманію іероглифовъ.

АНГЛІЙСКАЯ ПАЛАТА ОБЩИНЪ.

Новое зданіе англійскаго парламента возвышается на берегахъ Темзы, между рѣкою, по которой мелькають тысячи пароходовъ, и Вестминстерскимъ аббатствомъ, гдѣ старая Англія набрасываетъ на все, соприкасающееся съ этимъ памятникомъ, торжественныя тѣни прошлаго. Несмотря на то, что зданіе парламента выстроено въ готическомъ стилѣ, возобновленное послѣ пожара 1834 г., оно носитъ на себѣ характеръ современности. Архитекторомъ былъ Барри, и если бы деньги однѣ были въ состояніи создавать образцовыя произведенія, то англійскій парламентъ былъ бы однимъ изъ чудесъ свѣта, потому что на него потрачены милліоны. Въ отношеніи архитектурнаго совершенства можно держаться различнаго мнѣнія, но иностранецъ, посѣщающій въ первый разъ Лондонъ, при видѣ этого колоссальнаго зданія съ массивными башнями и башенками, съ длиннымъ величественнымъ фасадомъ, выдающимся двумя флигелями на рѣку, съ окнами, украшенными гербами и арабесками, сразу убѣдится, что это зданіе—резиденція верховной власти англійскаго народа. Внутренняя отдѣлка зданія не уступаетъ, по роскоши, внѣшности. Фрески и украшенія, въ стилѣ временъ Елисаветы и Тюдоровъ, цвѣтныя стекла, бросающія таинственный отсвѣтъ на лѣстницы, корридоры, галереи — словомъ, ничто не упущено изъ вида для приданія торжественности и величія этимъ покоямъ, предназна-

ченнымъ для законодательной власти страны. Этотъ дворецъ вмѣстѣ съ тѣмъ и клубъ, въ которомъ каждый членъ обихъ палаты чувствуетъ себя какъ дома, и можетъ пріятно проводить свободные отъ засѣданія часы. Въ распоряженіи его находится бібліотека, въ которой до 50 т. томовъ. Книги эти хранятся въ четырехъ тихихъ, восхитительныхъ комнатахъ, сообщающихся между собою, но отдѣленныхъ другъ отъ друга тяжелыми портіерами изъ дамъ. Дубовый потолокъ расписанъ красками. Книжные шкафы составляютъ образцовыя произведенія столярнаго ремесла. Въ средней комнатѣ стоитъ столъ, окруженный мягкими стульями, и освѣщенный двумя газовыми лампами. Парламентъ ассигнуетъ ежегодно, на содержаніе бібліотеки и покупку новыхъ книгъ, 800 фун. ст. Для лицъ, отличающихся менѣе интеллектуальными потребностями, предназначена курильная комната, великолѣпная зала, раздѣленная на два отдѣленія, и уставленная длинными столами передъ диванами. Окны этой залы выходятъ на Темзу, и большинство депутатовъ отправляется туда просто для того, что бы подышать свѣжимъ воздухомъ въ промежуткахъ утомительныхъ преній. Колокольчикъ, проведенный въ верхній этажъ, извѣщаетъ ихъ, когда начинается голосованіе. Далѣе, при парламентѣ находится роскошная столовая, въ которой почти ежедневно обѣдаютъ отъ 200 до 300 членовъ парламента. Комитетъ, выбранный палатою общинъ, заправляетъ кухмистерскою, и назначаетъ хозяина, который ведетъ дѣло на свой рискъ, но продаетъ все ниже обыкновенныхъ ресторанныхъ цѣнъ, потому что ничего не платитъ за помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, прислугу и посуду. Роспись блюдъ предоставляется на утвержденіе комитета, который устанавливаетъ и цѣны. Для чужихъ накрываютъ столъ въ другой комнатѣ.

Въ залѣ засѣданій палаты общинъ возвышается родъ трона, въ которому ведутъ ступени. Это мѣсто спикера, существа, пользующагося какимъ то сверхъестественнымъ почитаніемъ; до послѣдняго времени, его присутствіе считалось безусловно необходимымъ для приданія характера законности рѣшеніямъ собранія. Лѣтъ десять тому назадъ, спикеръ заболѣлъ, и нѣсколько членовъ парламента приняли присягу въ его отсутствіе. Тотчасъ же поднялись сомнѣнія на счетъ дѣйствительности этой присяги, и нужно было особое рѣше-

не парламента, что бы успокоить встревоженную совѣсть его членовъ. Въ настоящее время предсѣдательствующій въ комиссіи путей сообщенія можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнять спикера. Древнѣйшій спикеръ, имя котораго сохранилось въ исторіи,—сэръ Томасъ Гунгерфордъ, засѣдавшій въ 1377 г. Начиная отъ него и до настоящаго спикера, Эвелина Денисона, эти выборные чиновники образуютъ родъ династіи. Атрибутъ этого званія, позолоченный жезлъ, лежалъ прежде на полу, а теперь занимаетъ почетное мѣсто на столѣ, между сводами законовъ и песочными часами. Совершивъ свой переворотъ, Кромвель похитилъ этотъ жезлъ. Но съ тѣхъ поръ не дѣлалось болѣе попытокъ втѣснить законодательную власть динтыгурою меча. Хотя должность спикера не пожизненна, но онъ занимаетъ ее обыкновенно до преклонныхъ лѣтъ, и заѣмъ награждается мѣстомъ въ палатѣ перовъ. Онъ получаетъ 6,000 ф. ст. въ годъ, и пользуется, кромѣ того, роскошнымъ помѣщеніемъ въ зданіи парламента. На обязанности его лежитъ руководить преніями, и приглашать членовъ палаты общинъ являться въ придворныхъ костюмахъ. Браить и нѣкоторые другіе члены никогда не исполняютъ его приглашеній; считая комедію одѣваться въ фракъ, короткіе брюки и препоясываться шпагою. Но, по нашему мнѣнію, спорѣ можно назвать комедіантскимъ тотъ костюмъ, въ которомъ засѣдаетъ самъ спикеръ, на своемъ возвышеніи въ палатѣ общинъ. Его огромный напудренный парикъ и черная мантия—анахронисмы, отъ которыхъ его не мѣшало бы освободить, какъ освободили отъ треуголки. Въ башнѣ Викторіи находятся огромныя ворота, въ которыя вѣзжаетъ королева, при открытіи засѣданій парламента. Она тотчасъ же отправляется въ королевскую уборную, гдѣ статсъ-дамы одѣвали ей прежде королевскую мантию. Но съ тѣхъ поръ, какъ королева носитъ трауръ, эта эмблема королевской власти раскладывается на престолѣ въ палатѣ перовъ. Трудно составить себѣ понятіе о великолѣпнн этой залы перовъ, съ ея массивною позолотою, съ стѣнами, покрытыми фресками, съ двѣнадцатью готическими окнами, расписанными живописію, окнами, которыя смягчаютъ свѣтъ, и въ то же время надѣляютъ его тысячью красокъ. При открытіи парламентской сессіи, въ два часа, двери широкаго распахиваются, и ге-

рольды вносятъ, на красныхъ бархатныхъ подушкахъ, корону и государственный мечъ. При входѣ королевы, перы встаютъ съ мѣстъ, которыя занимаютъ въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ. Затѣмъ церемоніймейстеръ съ чернымъ жезломъ отправляется въ палату общинъ, и приглашаетъ гг. депутатовъ къ слушанію рѣчи королевы. Депутаты выбѣгаютъ въ двери, какъ рой школьничковъ. Шума, толкаясь, они тѣснятся въ безпорядкѣ около скамьи лордовъ. И странно видѣть, какъ эти серьезные государственные мужи, отгѣсняемые своими собратіями все дальше и дальше, отодвигаются на свои скамьи, украшенныя рѣзбою, и забиваются между львовъ и единороговъ. Унизительное положеніе членовъ палаты общинъ передъ скамьею лордовъ, во время королевскаго засѣданія, имѣетъ свои историческія основанія; зато палата общинъ пользуется большою долею уваженія и власти, чѣмъ палата лордовъ, и потому гг. члены палаты общинъ охотно снисходятъ до того, что садятся у подножія лордовъ, во время королевскаго засѣданія, зная, что вообще они стоятъ высоко надъ ними. Выйдя изъ верхней палаты, они собираются у себя въ залѣ, и совѣщаются о какомъ нибудь биллѣ, исходящемъ отъ нихъ самихъ, прежде, чѣмъ перейдутъ къ обсужденію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. За исключеніемъ среды, когда засѣданіе происходитъ днемъ, и субботы, дня отдыха, депутаты собираются всякій будничный день, съ 4 часовъ пополудни до 2 или 3 часовъ утра. Принимая въ вниманіе, что большая часть членовъ парламента имѣютъ собственныя дѣла, завалены письмами, просьбами, что иные засѣдаютъ каждое утро по нѣскольку часовъ въ комитетахъ, нельзя не подивиться этой чисто англійской энергіи, не знающей времени и отдыха въ исполненіи общественныхъ обязанностей. Между всякимъ восходомъ и закатомъ солнца, англійскому депутату предстоитъ справить двойную дневную работу.

Въ принципѣ, засѣданія палаты общинъ должны производиться втайнѣ, и только въ силу своеобразной сдѣлки съ закономъ допускаются посторонніе слушатели. Депутаты какъ будто не замѣчаютъ присутствія профановъ, которымъ сами же раздають входные билеты, или заносятъ ихъ имена въ списокъ. Въ новой залѣ Вестминстерскаго дворца выстроены для публики двѣ галереи, стоявшія страшныхъ сумѣ (stranger's gal-

lery и speaker's gallery). А между тѣмъ, любому изъ членовъ палаты стоитъ только сказать спикеру: «Сэръ, я вижу тамъ наверху лицъ, не принадлежащихъ къ палатѣ», и галереи опорожняются. Обнародованіе парламентскихъ преній предшествовало допущенію публики въ залу засѣданія. Въ 1738 г. журналъ «Gentleman's Magazine» нарушилъ древній обычай, и уклонился отъ существующаго запрещенія. Въ статьяхъ, озаглавленныхъ: «Пренія лидлмутскаго сената», онъ сообщилъ читателямъ своимъ подробный отчетъ о засѣданіяхъ парламента, въ которомъ каждый ораторъ указывалъ себя. Это возбудило сильное негодованіе на стамптъ-палаты общинъ; старыя привилегіи были употреблены въ дѣло, для суроваго наказанія смѣльчаговъ. Между парламентомъ и печатью возгорѣлась ожесточенная борьба, въ которой мужественные публицисты, Кевъ, Вудфоль и Перри, доставили правому дѣлу торжество въ мнѣніи образованнаго англійскаго сословія. Законъ еще и до сихъ поръ не призналъ этого права печати, но никому теперь и въ умъ не приходитъ оспоривать его у нея. Въ обѣихъ палатахъ устроены мѣста для журналистовъ, за которыми находятся освѣщенныя гасомъ комнаты; здѣсь стенографы восстанавливаютъ свои стенограммы. Въ галерею, предназначенную для публики, можно попасть только съ билетомъ, собственноручно написаннымъ и подписаннымъ однимъ изъ членовъ парламента. Запасшись этимъ драгоценнымъ автографомъ, вы идете въ зданіе парламента черезъ Вестминстеръ-голдъ, единственную, дѣйствительно древнюю часть зданія, выстроенную Вильямомъ Руфусомъ, и возбуждающую великія, но мрачныя, воспоминанія. Здѣсь былъ провозглашенъ протекторомъ Кромвель, здѣсь были приговорены къ смертной казни: Томасъ Моръ, Іоанна Грей, графъ Эссексъ, любимецъ Елисаветы, и Карлъ I. Изъ этой огромной вала съ голыми сводами ведетъ каменная лѣстница съ готическимъ окномъ на верхъ въ Стефинсъ-голдъ, галерею, украшенную съ обѣихъ сторонъ бѣлыми мраморными статуями. При входѣ, чиновникъ палаты отбираетъ отъ васъ билетъ и бросаетъ его въ стеклянную вазу. Отъ 300 до 400 человекъ, выполнившихъ эту формальность, прохаживаются по залѣ, разсматривая на досугъ историческія бюсты Гампдена, Фалькланда, Вальпола, Бурке, Питта и Фокса, разставленные

другъ противъ друга; такъ какъ будто они и по смерти продолжаютъ свою парламентскую борьбу. Присутствіе такой многочисленной публики объясняется тѣмъ, что каждый членъ парламента имѣетъ право ежедневно выдавать по одному билету; а такъ какъ, по меньшей мѣрѣ, $\frac{3}{4}$ членовъ пользуются этимъ правомъ, то число публики значительно превосходитъ число предназначенныхъ для нея мѣстъ. У дверей палаты общинъ, какъ у вратъ рай, болѣе призванныхъ, чѣмъ избранныхъ; запасшись подписію члена парламента, получаешь только кандидатуру на право входа, определяемое по жребію. Въ половинѣ четвертаго, тѣсная толпа окружаетъ чиновника, который, вынимая одинъ билетъ за другимъ изъ вазы, громко выкликаетъ имена обладателей ихъ. На 70-мъ онъ останавливается. Счастливецъ тотчасъ же уводитъ въ залу засѣданія, тѣхъ же, имена которыхъ остались въ вазѣ, чиновникъ проситъ подождать втораго тиража. Въ 5 часовъ производится этотъ второй тиражъ, и тѣ, имена которыхъ вынутся въ этотъ разъ, разсаживаются на скамьи, по обѣимъ сторонамъ Стефинсъ-голла, въ порядкѣ вышнута ихъ билетовъ. Чего они ждутъ? Всѣ надѣются, что кто-нибудь изъ допущенной въ залу засѣданія публики уйдетъ до конца засѣданія. Альфонсъ Эскироль, находившійся однажды седьмымъ въ ряду ожидавшихъ, спросилъ полицейскаго, стоявшаго въ залѣ на часахъ: можетъ ли онъ надѣяться попасть въ залу засѣданія? Полицейскій такъ энергически закачалъ головою, что можно было ясно понять, что нѣтъ ровно никакой надежды. — Ну, а если бы я былъ пятымъ? продолжалъ разспрашивать Эскироль. — Все равно. Можете быть, что третій нервный удастся попасть въ залу между 12 и 2 часами ночи; но остальные напрасно ждутъ. Несмотря на такой безотрадный отвѣтъ, свыше 50 человекъ ждали всю ночь, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ публики утомится и выйдетъ. Такое героическое терпѣніе служитъ лучшимъ доказательствомъ живаго участія англичанъ къ парламентскимъ преніямъ. Сотни любопытныхъ, не получившихъ входныхъ билетовъ, стоятъ по цѣлымъ часамъ въ Вестминстеръ-голлѣ, что бы посмотрѣть на членовъ палаты, когда они проходятъ въ залу засѣданій. Отъ времени до времени по громадной залѣ пробѣгаетъ глухій ропотъ, въ которомъ можно явственно различить имена Брай-

та, Гладстона, Стюарта Милля, Дизраэли и лорда Стенли, и взоры всѣхъ стараются прочесть на челѣ этихъ государственныхъ мужей, въ рукахъ которыхъ лежатъ судьбы Англии, событія предстоящаго вечера. Если члены парламента принимаютъ за тѣней слушателей изъ плоти и крови, сидящихъ въ открытыхъ галереяхъ подъ взорами всѣхъ, то, само собою разумѣется, что дамы, присутствующиѣ на засѣданіяхъ въ рѣшетчатой ложѣ, они буквально чуждаются. Первоначально женщины были совершенно исключены отъ присутствія въ залѣ засѣданія, но любопытство помогло дочерямъ Евы найти себѣ тайный обсервационный постъ. Въ старомъ аданіи парламента, въ потолкѣ, находилось отверстие, въ которое проходилъ вентиляторъ. Сквозь это отверстие дамы смотрѣли въ залу. Правда, помѣщеніе было не совсѣмъ удобно: воздухъ странно удушливъ и пронитанъ запахомъ отъ лампъ. Между тѣмъ, оно было постоянно полно; даже леди проводили въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ цѣлыя ночи. Такое мужество заслуживало награды; при постройки новаго зданія, архитекторъ, по соглашенію съ властями палаты, устроилъ ложу для дамъ. Но такъ какъ преданіе возстаетъ противъ допущенія женщинъ, то ложа сдѣлана рѣшетчатая. Депутаты доставляютъ пропускъ женамъ своихъ друзей, но желающихъ такъ много, что дамамъ, записавшимся у чиновника при дверяхъ, приходится иногда дожидаться кедѣли по двѣ входнаго билета. Дамская галерея возвышается за галереєю журналистовъ, и тянется во всю ширину залы. Она узка, но очень удобна; къ ней примыкаетъ буфетъ, въ которомъ раздается бряканіе чашекъ и ложекъ, потому что прекраснымъ затворницамъ предоставлено право наслаждаться чаемъ и различными другими прохладительными. На стѣнѣ, вѣроятно въ насмѣшку, написано огромными буквами: «Просить молчать». Англичане сильно воамущаются этою надписію. Вы спросите, какое зрѣлище открывается съ этихъ галерей? Великое зрѣлище народа, управляющаго самимъ собою. Палата общинъ рѣзко отличается, по стилю своей внутренней отдѣлки, отъ палаты лордовъ. Тутъ нѣтъ ни золота, ни живописи; стѣны и потолокъ изъ дуба. На четырехъ рядахъ снамеекъ, тянущихся съ каждой стороны, депутаты, въ небрежныхъ позахъ, ждутъ открытія засѣданія. Дѣловымъ свѣтъ падаетъ въ залу сквозъ

узкое окно съ разрисованнымъ стекломъ. Около четырехъ часовъ входитъ, стоящій при дверяхъ служитель, неся передъ собою жезлъ, и докладываетъ о прибытіи спикера. Всѣ депутаты встаютъ, и садятся только когда президентъ займетъ свое мѣсто. Открывается ли этимъ засѣданіе? И да, и нѣтъ, потому что ожидавія публики могутъ быть еще обмануты. Всякій членъ палаты, которому покажется, что въ залѣ менѣе 40 уполномоченныхъ можетъ потребовать перечета ихъ. Публика обязана удалиться. Песочные часы, стоящіе на столѣ спикера, перевертываются, и, въ теченіе двухъ минутъ, во время которыхъ песокъ пересыпается, депутатамъ, находящимся въ корридорахъ, предоставляется право войти. Если, по истеченіи этого срока, спикеръ не насчитаетъ 40 присутствующихъ членовъ, то засѣданіе откладывается до слѣдующаго вечера. Но подобные случаи весьма рѣдки; обыкновенно палата общинъ переходитъ къ очереднымъ занятіямъ. Въ теченіе часа или двухъ, прочитываются просьбы и предложенія второстепеннаго интереса. Затѣмъ переходятъ къ живучему вопросу дня. Съ этой минуты начинаются рѣчи; до тѣхъ поръ пренія носятъ на себѣ просто характеръ разговора между образованными людьми о серьезныхъ предметахъ. Въ принципѣ, право слова принадлежитъ каждому, кто встанетъ. Если же встаютъ двое заразъ, то спикеръ дѣлаетъ между ними выборъ, и выбираетъ обыкновенно извѣстнѣйшаго, наиболѣе любимаго собраніемъ, оратора. Въ важныхъ преніяхъ каждая партія стоваривается заранѣе, кому говорить, и передаетъ спикеру листъ съ обозначеніемъ имени по порядку. Чаще всего пренія ведутся совершенно свободно, переходя, въ естественномъ порядкѣ, отъ одного оратора къ другому. За своею деревянною перегородкою, защищенною зеленымъ зонтикомъ отъ свѣта, спикеръ присутствуетъ при преніяхъ болѣе въ качествѣ слушателя, чѣмъ руководителя. Онъ безмолвствуетъ, какъ египетскій сфинксъ, котораго напоминаетъ и его странный головной уборъ. После всѣхъ рѣчей краснорѣчивыхъ рѣчей, воспламенившихъ собраніе, пренія утрачиваютъ пылъ, и сканьди пустыютъ, потому что настаетъ время обѣда. Засѣданіе взяло тянется въ почти опустѣлой залѣ. Рѣчи, пропавшія въ этой пустынѣ, предназначаются исключительно для галереи журналистовъ, и отсутствующіе члены читаютъ ихъ на другой день

въ своей газетѣ. Около 9 часовъ депутаты возвращаются изъ столовой, и пренія принимаютъ болѣе оживленный характеръ. Вдругъ невидимыя лампы освѣщаютъ потолокъ изъ матоваго стекла. Это таинственное освѣщеніе производитъ магическое дѣйствіе. Рѣчи выливаются свободнымъ потокомъ изъ устъ, и нравственная атмосфера палаты становится жгучѣе и жгучѣе. Ораторъ министерства и предводитель оппозиціи выступаютъ обыкновенно во всоруужіи на арену уже ночью, когда электрическое сотрясеніе сообщится всѣмъ скамьямъ. Съ обѣихъ сторонъ перекрещиваются прививы ко вниманію, ироническій смѣхъ и восторженные возгласы. Послѣ этихъ послѣднихъ рѣчей, когда большой вестминстерскій колоколь пробьетъ два часа, а остальные городскіе колокола повторятъ этотъ бой, какъ часовые во мракѣ ночи свой окликъ, начинается такъ называемое голосованіе. Прежде чѣмъ приступить къ этому голосованію, спикеръ поднимается, и произноситъ: «Посторонніе должны удалиться». Но это замѣчаніе обращается не къ публикѣ на галереяхъ, которая не существуетъ для палаты общинъ. Посторонніе, которыхъ имѣетъ въ виду спикеръ, — перы, государственные люди и посланники, которымъ, въ видѣ особой милости, дозволяется помѣщаться въ самой залѣ, подѣ часами, на особыхъ мѣстахъ, въ сторонѣ отъ скамей депутатовъ. Они должны удалиться; прочая же публика можетъ остаться. Опять переворачиваются песочные часы, пересыпающіеся двѣ минуты. Колокольчики, проведенные по всему дому и приводимые въ дѣйствіе посредствомъ электричества, призываютъ депутатовъ изъ библіотеки, курильной и другихъ мѣстъ. Какъ только песокъ пересыпится, служители зданія запираютъ двери, и кто не попалъ въ комнату, тотъ не можетъ принять участіе въ голосованіи. Спикеръ прочитываетъ вопросъ, который подлежитъ голосованію, и затѣмъ произноситъ освященный обычай слова: «Желающіе сказать да идутъ направо, нѣтъ налево.» Двумя рядами направляются депутаты къ двумъ галереямъ, тянущимся по обѣимъ сторонамъ залы. Галереи эти устроены совершенно одинаково; въ нихъ поставлены стулья, и зимою онѣ отапливаются бѣлымъ мраморнымъ каминомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ галерея образуетъ уголъ, поставлена каедрa и продѣлана рѣшетка съ отверстіемъ, сквозь которое можетъ пройти

только одинъ человѣкъ. На каедрѣ стоятъ два счетчика, выбранные спикеромъ: одинъ изъ правительственной партіи, другой изъ партіи оппозиціи. Они считаютъ проходящихъ депутатовъ, а два секретаря отмѣчаютъ черточкою каждое имя въ списокѣ членовъ, который держатъ въ рукахъ. Это и есть голосованіе. Въ галерею направо отправляются тѣ, которые стоятъ за предложеніе, въ галерею налѣво тѣ, которые не согласны съ нимъ. Затѣмъ счетчики правой и лѣвой стороны пересчитываютъ ихъ, и идутъ вмѣстѣ къ спикеру. Тотъ изъ нихъ, который принадлежитъ къ восторжествовавшей партіи, возвѣщаетъ о результатахъ голосованія. Правда, случается, что депутаты, вмѣсто того, что бы подавать голосъ, выходятъ изъ залы, поручаютъ присчитать себя направо или налѣво, и возвращаются уже послѣ отобранія голосовъ. Но, въ всякомъ случаѣ, этотъ способъ провѣрки отличается большею быстротою и гораздо удобнѣе голосованія посредствомъ вставанія и сидѣнія, гдѣ нуженъ слишкомъ значительный перевѣсъ на той или на другой сторонѣ, что бы не дать повода къ перепровѣркѣ, иногда даже къ отнимающей много времени поименной переключкѣ.

Палата общинъ насчитываетъ въ своей средѣ много знаменитостей самаго разнообразнаго рода. Последніе выборы привели на ея скамьи новыхъ людей, Стюарта Милля, Гюгса, Торренса и Фоусета. Рожденіе и деньги все еще имѣютъ перевѣсъ, но личное уваженіе пріобрѣтается только ораторскимъ талантомъ. Золото, сила, энергически сказывающаяся на выборахъ, теряетъ все свое обаяніе у порога палаты общинъ. Здѣсь имѣютъ вѣсъ только дарованія, заявившія себя на общественныхъ преніяхъ, или на совѣщаніяхъ комитетовъ. Стюартъ Милль слылъ буквальномъ, пока не произнесъ въ парламентѣ ряда изумительныхъ рѣчей. Англійскіе ораторы обладаютъ особымъ родомъ краснорѣчія, вытекающимъ изъ духа ихъ учреждений. Въ ихъ рѣчахъ слышится сознаніе силы. Въ другихъ странахъ можно встрѣтить, пожалуй, ту же силу, талантъ, но не то гордое самосознаніе. Когда Брайтъ говоритъ, въ словахъ его отражается духъ свободнаго народа. Съ какою гордою самоувѣренностію приступаетъ онъ къ всевозможнымъ вопросамъ, и смотритъ имъ прямо въ лице! Какая истосаксон-

ская жилка звучить въ его нападкахъ, въ его ѣдкой ироніи! Какъ естественно восходитъ онъ до самыхъ возвышенныхъ порывовъ вдохновенія! Вдругъ приходитъ ему въ голову какая нибудь игра словъ, какая нибудь острота, и онъ, ни мало не стѣсняясь, вклеиваетъ ее въ свою рѣчь, при оглушительномъ смѣхѣ собранія. Мысли его не симпатичны большинству собранія, но онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Его свѣтлый взглядъ сохраняетъ постоянно свою самоувѣренность; черты его не теряютъ ни на минуту выраженія откровенности и смѣлости. Ни въ движеніяхъ, ни въ голосѣ, никогда не дозволяетъ онъ себѣ и тѣни угрозы; въ его рѣчахъ слышится скорѣе добродушіе сознающаго свою силу льва. Какая разница между краснорѣчіемъ квакера Брайта и краснорѣчіемъ Гладстона, этой вѣчно полной, но никогда не выливающейся изъ береговъ своихъ, рѣки. Гладстонъ говоритъ, какъ пишетъ; онъ отбѣняетъ интонаціею голоса каждое предложеніе. Его чудныя воззванія къ разуму и чувству справедливости отличаются крайнею ясностію и убѣдительностію. Забываешь, что передъ тобою человѣкъ: кажется, будто сама истина старается убѣдить васъ его устами. Когда онъ садится, то всѣ взоры обращаются на Дизраэли. Онъ одѣтъ по своеобразной модѣ: въ черномъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и свѣтложелтыхъ панталонахъ; черные волосы его кокетливо развѣваются вокругъ умнаго лба. Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ на васъ въ парламентѣ примиряющее положеніе партій. Правда, мнѣнія отдѣлены тамъ простыми отбѣнками, и прошедшее не возбуждаетъ воспоминаній, которыя стояли бы отверзтою пропастію между правительствомъ и оппозиціею. Назначеніе министерства тори можетъ не нравиться большинству, но каждый знаетъ, что оно не грозитъ нарушеніемъ общественныхъ правъ. Къ чему напримѣръ Дизраэли негодовать на печать, которая прославила его имя? Есть ли въ Англии хотя одинъ государственный человѣкъ, который не употреблялъ бы права сходовъ въ свою пользу? Впрочемъ, общественная жизнь сосредоточивается не въ парламентѣ; часто движеніе, вышедшее изъ самыхъ темныхъ и низкихъ слоевъ общества, встрѣчаетъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе въ обѣихъ палатахъ. Тогда меньшинство при-

бѣгаетъ къ праву сходакъ, и общественное мнѣніе производитъ давленіе, которое вовсе не новость въ Англии. При эмансипаціи католиковъ, при реформѣ 1832 г., при отбѣннѣ хлѣбныхъ законовъ 1846 г., уличная агитація и угрожающій тонъ народныхъ ораторовъ восторжествовали надъ оппозиціею парламента. Тоже повторилось и при реформѣ 1867 г., которая существенно измѣнить составъ палаты общинъ.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ.

I.

Что бы составить себѣ ясное и точное понятіе объ учрежденіяхъ Великобританіи, нельзя судить о нихъ по внѣшней сторонѣ явленій и по поверхностнымъ наблюденіямъ, какъ это обыкновенно дѣлается, но нужно проникнуть въ внутренній ихъ смыслъ. Съ перваго взгляда, англійскій полицейскій служитель (policeman) и французскій городскій сержантъ (sergent de ville) покажутся между собою весьма сходными, но, при болѣе подробномъ и тщательномъ сравненіи англійской и французской полиціи, мы замѣтимъ довольно рѣзкую между ними разницу. Основныя правила устройства полиціи, личный ея составъ и даже отправленіе служебныхъ обязанностей въ этихъ двухъ странахъ не одинаковы. вмѣсто того, что бы служить орудіемъ правительственной власти, или, въ рукахъ преобладающей партіи, средствомъ для угнетенія прочихъ, какъ въ Франціи, англійская полиція представляетъ собою надежный оплотъ противъ нарушителей общественнаго порядка, не имѣя, сверхъ того, никакой иной побочной цѣли. Въ этой странѣ каждый полицейскій агентъ хотя и назначается правительствомъ, обязанъ однако непремѣнно каждому прохожему на улицѣ давать требуемыя справки, свѣдѣнія и указанія, оказывать защиту и всякое пособіе, словомъ онъ принадлежитъ не государству, но исключительно обществу.

Въ началѣ XIX столѣтія, лондонская полиція находилась еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Каждый приходъ имѣлъ

своихъ собственныхъ перловныхъ стражей и ночныхъ карауль-
ныхъ. Последний изъ этихъ караульныхъ (watchmen) существу-
етъ иди до крайней мѣры существовалъ еще нѣсколько лѣтъ тому
назадъ въ кварталѣ Шоредичъ. Жители этого квартала сложи-
лись, что бы на свой счетъ держать и тѣмъ охранять, этотъ
живый памятникъ прошедшаго вѣка. Въ 1863 году можно
было видѣть, какъ онъ въ вечернее время, въ старинной одеж-
дѣ своей, съ фонаремъ въ рукахъ, бродилъ по улицамъ, а вѣтъ
ночное привидѣние. Но ворами и грабителями, которые не вѣ-
рали въ привидѣнія и не боялись мертвецовъ, не страшень былъ
этотъ старый ночной сторожъ, представитель древности. Эти
неудовольствительные, черныя калѣвы, въ началѣ употреблен-
ныя въ фонаряхъ, масляный свѣтъ старинныхъ реверберовъ, и
въ то время оказывались неудовлетворительными, даже въ цѣлту-
щій періодъ своего существованія, эти блюстители порядка и
тишины, ограждавшіе общественную безопасность, на самомъ
дѣлѣ были жалкими представителями охранной силы. Лондон-
скіе сторожки, хорошо знавшіе эту столицу, 50 лѣтъ тому на-
задъ, причисляютъ не мало случаевъ разбоя и грабежа, кото-
рые совершались всоруженною рукою въ уединенныхъ и худо
оборудованныхъ улицахъ. Про эту стражу рассказываютъ разные
анекдоты, о ея какъ о ея караульные чербыды были и были до
полубюргетъ и ограблени не хуже любало прокопато, мелю-
дме люди срывали съ нидь плащи, изъ рукъ выривали фонари и
целую массу кивались въ такомъ бостомѣ по улицамъ, выжи-
дая съ обробыкъ, нашьомъ ночные часы, иногда даже перево-
рачивали будку, въ которой спалъ насобый, въ прислоненіи къ
стѣнѣ, оставляя такимъ образомъ плащаго въ критиче-
скомъ положеніи. Были, однако же, годотоби и въ то время,
которые стояли подъ вѣдѣннѣмъ шлицейскихъ правденій, или
нѣ ресторированій маинотрата, она числа нѣкъ далеко не соответ-
ствовала потребности такого большаго и многолюднаго го-
рода, какъ Лондонъ, въ началѣ 19-го вѣка.

Несмотря, однако же на признанную большинствомъ недо-
влетворительность подобной системы полицейскаго надзора и на
принадлежнн, нрѣмю, высказываемая многими, только съ 1829 г.
была сдѣлана первая попытка въ измѣненіи и улучшеніи пре-
дѣлей караульныхъ системъ. Но въ началѣ предпринятія мѣ-
ры усовершенствованія встрѣлены были съ крайнею недовѣри-
востью. Одинъ изъ противниковъ билля, составленнаго по этому

поводу, въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Постоянныя арміи неоднократно поработали народы; полиція же унижаетъ ихъ достоинство.» Существованіе силы, основанной на принципѣ единства, и, по своимъ правиламъ, нѣсколько сходной съ военною дисциплиною, возбудило серіозныя опасенія за старинныя льготы, которыми такъ много дорожатъ англичане.

Напрасно государственные люди, стоявшіе въ то время въ главѣ управленія, утверждали, что репрессивная, т. е. обуздательная, система на почвѣ Великобританіи никогда не можетъ принять характеръ политической; лишь послѣ многолѣтняго опыта разсѣялись сомнѣнія и опасенія, и народонаселеніе Лондона примирилось наконецъ окончательно съ этимъ нововведеніемъ, которое сразу дало хорошіе результаты.

Впрочемъ, если правительство выполнило въ точности свои обѣщанія, то это обстоятельство слѣдуетъ отчасти приписать вліянію общественнаго мнѣнія, которое не переставало зорко слѣдить за примѣненіемъ и успѣхами новаго учрежденія. Такимъ образомъ новѣйшій полицменъ, въ сущности, ничто иное, какъ преобразованный прежній караульщикъ. Всѣмъ извѣстно, что Роберту Пиллю принадлежитъ великая заслуга устройства нынѣшней системы полиціи, называемой англичанами *constabulary system* (система констеблей), которая въ настоящее время такъ сроднилась съ народнымъ духомъ, что полицейскимъ агентамъ (въ синемъ мундирѣ и низкихъ басторовыхъ шляхахъ) присвоено уже особое прозвище, *Peelers and Bobbies*. Оба эти прозвища происходятъ отъ имени преобразователя Роберта Пилля, а именно *Peelers* отъ *Peel* (Пилль) и *Bobbies* отъ сокращенія имени *Robert* (Робертъ). Англичане весьма любятъ такіа сокращенія именъ; такъ изъ *Richard* (Ричардъ) они производятъ *Dick* (Дикъ), а изъ *Robert* (Робертъ) *Bob* или *Bobby* (Бобъ или Бобби). Иностранецъ, однако же, назвавшій констеблей этими именами, могъ бы навлечь на себя неспрїятность, по той причинѣ, что уличные мальчишки въ Лондонѣ обратили ихъ въ насмѣшку.

Что бы ознакомить читателя съ настоящею организаціею лондонской полиціи, мы постараемся въ этомъ очеркѣ объяснить характеръ этого учрежденія, средства, употребляемыя для раскрытія преступленій, и отношенія полиціи къ личностямъ, опаснымъ и вреднымъ для общества. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что здѣсь идетъ рѣчь о странѣ, въ которой

гражданскія права достигли широких размѣровъ, гдѣ правительству предстояло разрѣшить трудную задачу упрочить силу закона, не оскорбляя въ то же время чувства человеческого достоинства, составляющаго отличительную черту англійскаго гражданина.

Лондонская полиція раздѣляется на двѣ отдѣльныя другъ отъ друга вѣтви; одна обнимаетъ пространство въ 15 миль вокругъ мѣстности, именуемой Charing-Cross (Чарингъ-кросъ) и носитъ названіе столичной полиціи (metropolitan police); другая сосредоточена въ старой части города, известной подъ именемъ Сити (City), отъ которой и получаетъ названіе полиціи Сити (city-police). Первою мы займемся преимущественно потому, что она главнѣйшая въ королевствѣ. Прямо противъ Трафальгарской площади, на которой возвышается колонна Нельсона, тянется Парламентская улица (parliamentary street), одна изъ живенныхъ артерій Лондона, гдѣ болѣе всего чувствуется присутствіе и вліяніе англійской правительственной власти. Улица эта, какъ указываетъ самое названіе ея, доходитъ до палаты общинъ; вдоль всей ея длины расположены зданія адмиралтейства (admiralty), казначейства (treasury), казармы конной гвардіи (horseguards), министерства коммерціи, (board of trade), министерства внутреннихъ дѣлъ (home-office), а также и разныя другія казенныя строенія, принадлежація разнымъ вѣдомствамъ. По лѣвой сторонѣ Парламентской улицы, по направленію къ Темзѣ, открывается огромный сводъ, занимающій всю глубину большаго частнаго дома, и проходъ (passage), конецъ котораго выходитъ на такъ называемый Большой Шотландскій Дворъ (Great-Schotland-Yard). Зданія, его окружающія, по видимому ничѣмъ особеннымъ не отличающіяся, постоенно мѣстами расходятся, или какъ бы отодвигаются, образуя площадь съ неправильными краями. Въ этихъ некрасивыхъ кирпичныхъ строеніяхъ, на одномъ изъ которыхъ находится часы, помѣщаются различныя канцеляріи. На одной половинѣ этого двора выдѣляется небольшое, низкое, неуклюжее зданіе, въ одинъ этажъ, котораго окна снабжены желѣзными рѣшетками; въ немъ помѣщается столичное полицейское управленіе (metropolitan-police-office), соответствующее парижской полицейской префектурѣ, если только подобнаго рода учрежденіе существуетъ въ Лондонѣ. Наружный видъ этого строенія вовсе не имѣетъ казарменнаго характера, ни малѣйшихъ приспособленій для защиты;

*

даже у входа не видно ни одного часового. Подсотины сибирячаны без труда могли бы разнести этот невзрачный домик; но подобных шалунов не найдется в странѣ, которая съ давнихъ поръ привыкла къ самоуправленію. Большую частію, нѣсколько полицменовъ, въ ожиданіи приказаній, стоятъ вдоль деревянной стѣны, выступившей на площадь, на супротивъ полицейскаго управленія. Шотландскій Дворъ служитъ средоточіемъ весьма важной и могущественной полицейской организаціи. Начальнику столичной полиціи присвоено названіе комиссіонера, (commissioner); ему вмѣняется въ непремѣнное условіе имѣть званіе адвоката; безъ этого условія онъ не можетъ получить должності комиссіонера. Сэръ Ричардъ Майнъ (Richard Main), занимающій этотъ постъ съ 1820 года, состоялъ прежде адвокатомъ при такъ называемомъ Линкольнъ-Иннѣ (Lincoln's Inn), и принадлежитъ съ 1822 года къ членамъ адвокатской корпораціи. Неся отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который, въ свою очередь, есть лице, отвѣтственное передъ парламентомъ, комиссіонеръ обладаетъ весьма обширною властію; оставаясь притомъ подъ постояннымъ контролемъ общественнаго мнѣнія, которое въ Англіи имѣетъ весьма важное значеніе.

Начальникъ полиціи (commissioner) имѣетъ двухъ помощниковъ (assistant-commissioner), которые по большей части избираются изъ военнаго званія. Въ настоящее время одинъ изъ помощниковъ уволенный отъ службы подполковникъ, другой отставный капитанъ. Посредствомъ ихъ вліянія, полицейское учрежденіе, имѣющее совершенно гражданскій характеръ, по протекствіи нѣсколькихъ лѣтъ, приобрѣло военный отбѣнокъ. Пространство, подлежащее вѣдѣнію столичной полиціи охватываетъ поверхность въ 700 кв. миль, и раздѣляется на 21 отдѣленіе, изъ которыхъ каждое управляется главнымъ надзирателемъ (superintendent). Отдѣленія эти подраздѣляются на части (subdivisions), а эти опять на участки (sections), а участки или секціи на округили околотки, именно такъ называемые beats. Этими различными дѣленіями опредѣляется іерархическое развѣтвленіе личнаго состава, а также характеръ, сущность и значеніе каждой изъ этихъ степеней служебной карьеры. Подраздѣленія или части (subdivisions) состоятъ подъ надзоромъ или управленіемъ инспектора (inspector), а участки подъ наблюденіемъ полицейскаго сержанта; округи же или околотки (beats) подчинены простому полицмену.

Каждое отделение, посредством телеграфа, сообщается съ центромъ: управленіемъ съ Шотландскимъ Дворомъ, а око электрическими проволоками соединяется съ главными пожарными депо или станціями (fire-stations); такъ что въ продолженіе не болѣе одной минуты, могутъ быть извѣщены повсюду объ угрожающей опасности, что бы соединенными силами отправиться въ мѣсто навлеченія, въ случаѣ сильнаго огня.

Если бы мы ограничились этими общими чертами, то это дало бы весьма неясное и неполное понятіе объ англійской полиціи. Что бы ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, необходимо разсмотрѣть внимательно дѣйствія и факты, и выкинуть въ практическую сторону служебной полицейской дѣятельности. При этомъ прежде всего рождается вопросъ: какимъ образомъ поступаютъ въ должность подисмена, и какой для этого соблюдается порядокъ? Каждый, имѣющій не болѣе 35-ти лѣтъ отъ роду, умѣющій читать и писать, и достигающій 5 футовъ и 7 дюймовъ англійской мѣры, уже удовлетворяетъ первоначальнымъ условіямъ, необходимымъ для поступленія въ отрядъ Ричарда Майна. Онъ можетъ быть холостымъ или женатымъ, но въ послѣднемъ случаѣ не долженъ имѣть болѣе двухъ дѣтей. Кроме выше означенныхъ обыкновенныхъ условій, отъ поступающаго требуется, что бы онъ былъ честный, трезвый, дѣятельный и смѣтливый, и имѣлъ бы, сверхъ того, то, что англичане называютъ good-temper (добрый характеръ или нравъ), т. е. былъ одаренъ сноровистіемъ или хладнокровіемъ и терпиміемъ. Кто сознаетъ за собою вышеупомянутыя качества, можетъ прямо обратиться къ властямъ Шотландскаго Двора, которыя потомъ подвергаютъ его свидѣтельствуванію врача, состоящаго при администраціи. Этотъ врачъ, лице также отвѣтственное, но совѣсти рѣшаетъ, обладаетъ ли кандидатъ на нивную должность достаточною телесною силою и здоровьемъ и умственными способностями, для выполненія утомительныхъ и трудныхъ обязанностей, обыкновенно возлагаемыхъ на полицейскаго служителя. Выдержавъ услышимо это испытаніе, искатель мѣста долженъ еще представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи, подписанное священникомъ или директоромъ работъ, или нѣкѣми лицами изъ вѣрученства, знавшими его лично по крайней мѣрѣ въ теченіе 5 лѣтъ. По предъявленіи уже таково свидѣтельства, онъ назначается въ констебли или полиц-мены.

Затѣмъ этого новаго констебля тотчасъ же отправляютъ въ такъ называемые приготовительные классы, гдѣ онъ изучаетъ различныя, еще незнакомныя ему; обязанности принятой имъ на себя должности. Въ казармахъ, известнымъ въ Лондонѣ подъ именемъ Веллингтонскихъ (Wellington-barracks) и занимаемыхъ гвардейскими войсками находится особое отдѣленіе, предназначенное для упражненій вновь поступающихъ членовъ Шотландскаго Двора. Въ продолженіе шести часовъ, ежедневно новобранцы эти обучаются различнымъ маневрамъ, подъ наблюденіемъ помощника начальника столичной полиціи (assistant-commissioner), инспектора или одного изъ прочихъ офицеровъ полиціи.

Такое предварительное приготовленіе къ полицейской службѣ обыкновенно продолжается около двухъ или трехъ недѣль, смотря по большимъ или меньшимъ способностямъ каждаго. Новые констебли распределяются затѣмъ въ нѣкоторыя изъ участковъ, находящихся въ окрестностяхъ Лондона. Такъ какъ новички въ началѣ не расторопны и еще мало развиты, то, сравнивая ихъ съ недозрѣвшими ягодами (green), и разумѣя ихъ подъ этимъ названіемъ green, для окончательнаго ознакомленія ихъ съ разнообразными служебными занятіями и обязанностями, ихъ присоединяютъ къ испытаннымъ уже старымъ служивымъ.

Полицейскому отлучается одежда отъ правительства; при вступленіи на службу, онъ получаетъ мундиръ, который обязанъ носить постоянно на улицѣ; мундиръ этотъ состоитъ изъ куртки и панталонъ темносиняго сукна; куртку застегивается плотно до верку; на воротникѣ нашита буква или цифра. Буква означаетъ отдѣленіе, къ которому онъ принадлежитъ, а цифра номеръ полицейскаго отдѣленія. Двадцать одна буква алфавита служитъ для обозначенія 21 полицейскаго отдѣленія. Въ дневникахъ газетъ каждое утро печатается, напримѣръ: «Отставка F. 50». Это значитъ, что констебль, носившій номеръ 50 въ отдѣленіи F. (Ковентъ-Гарденъ), уволенъ. Иногда одинъ и тотъ же полицейскій носитъ на мундирѣ двѣ буквы, напр. R. R., что означаетъ резервъ отдѣленія R. Тяжелая кожаная шляпа прежняго времени, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, замѣнена некрасивымъ, но легкимъ, поярковымъ головнымъ уборомъ, на подобіе каски, который, какъ утверждаютъ, болѣе предохраняетъ голову отъ ударовъ и другихъ случайностей. Въ дождливое время

констебль покрываетъ плечи маленькимъ чернымъ плащомъ изъ лакированной клеенки. Плащъ этотъ весьма удобно свертывается въ трубку и посредствомъ пояса пристегивается сбоку. Все вооруженіе полицмена состоитъ въ короткой палкѣ, называемой *trident* или *staff*, которую онъ никогда не носитъ открыто въ рукахъ, но сохраняетъ въ кожаныхъ ножнахъ. Онъ вынимаетъ ее только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда ему приходится защищать свою жизнь, или задержать арестанта, который пытается освободиться силою. Эта палка, однако, имѣла бы мало значенія безъ тесьмы изъ бѣлой и синей шерсти, которую онъ привязываетъ къ рукаву во время исполненія обязанности на службѣ. Эта многозначительная лента или тесьма, которую полицмень имѣетъ право носить при себѣ только въ извѣстныя часы и въ предѣлахъ своего участка, служитъ для всѣхъ признаковъ власти, предоставленной полицмену закономъ. Такой знакъ на рукавѣ полицмена уважается даже тѣми людьми всякаго рода, которые ни передъ кѣмъ не преклоняются.

Съ дня своего вступленія въ должность, констебль обязывается своею честію посвящать службѣ все свое время; онъ не имѣетъ права заниматься какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, или промысломъ, и если онъ женатъ, то и жень его не дозволяется содержать лавку, магазинъ или мастерскую. Подобно солдату, онъ принадлежитъ совершенно своей командѣ, и обязанъ явиться въ мѣсто при первомъ сигналь. Столичной полиціи исключительно ввѣренъ надзоръ не только за самимъ городомъ Лондономъ (за исключеніемъ части, называемой Сити), но и за нѣкоторыми графствами, примыкающими къ городу. Слѣдовательно, подъ поврительствомъ столичной полиціи, находится народонаселеніе, простирающееся до трехъ съ половиною милліоновъ. Но, съ другой стороны, цифра эта не опредѣляетъ еще предѣлъ населенія: Лондонъ расширяется въ такія размѣры, что трудно указать или положительно очертить его границы въ будущемъ. Болоты и пустыни неожиданно и быстро превращаются въ кварталы, устраиваемые иногда въ новѣйшемъ вкусѣ, среди роскошной обстановки, словно вызванныя волшебною силою. Большая часть открытыхъ пространствъ, полей и огородовъ, отдѣлявшихъ прежде громадный городъ отъ многочисленныхъ пригородныхъ мѣстностей въ графствахъ: Миддлсексъ, Суррей Кентъ, Эссексъ, и Герфордширъ, въ на-

стоящее время замѣтно исчезаютъ, и вместо нихъ выступаютъ разнообразныя и обширныя каменные постройки. Остатки луговъ и полей, напоминающіе о прежнихъ пастбищахъ многочисленнаго стада рогатаго скота, нынѣ тщательно обрабатываются, и, обращенныя заботливымъ трудомъ въ мягкіе ковры, украшаютъ окранныя роскошныхъ виллъ. Помыто, что такое обширное распространіе участковъ все болѣе и болѣе усложняетъ и увеличиваетъ потребность бдительнаго надзора за общественною безопасностію. По приблизительному расчету, оказывается, что на каждую единицу наличнаго состава Лондонской столичной полиціи ложится забота и попеченіе о безопасности и спокойствіи шестисотъ особъ.

Конечно, собственно повори, цѣра эта небольшая, такъ по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда покажется многимъ, особенно тѣмъ, которымъ мало знакомы разнообразныя стороны полицейской дѣятельности; но, вникая въ сущность обязанностей полиціи, и принимая въ соображеніе пространство улицъ, дворовъ, многочисленныхъ зданій, магазиновъ и разныхъ заведеній, экипажей и прохожихъ и т. п. предметовъ, которые всѣ входятъ въ сферу наблюденій полицейскаго служителя, нельзя не удивляться тѣмъ неустойчивымъ трудамъ и неуспынной бдительности, терпѣнію и распорядительности, которыя необходимы для точнаго и безукорызнаго выполненія полицейскихъ обязанностей.

Въ прежнія времена, т. е. до 1830 года, для полиціи служба начиналась на самомъ дѣлѣ только отъ захода солнца, но въ настоящее время она раздѣляется на дневныя и ночныя патрули. Первые обходятъ улицы съ шести часовъ утра до десяти часовъ вечера, вторые съ десяти вечера до шести утра. Одна и та же стража, безъ перерыва и очереди, конечно, не была бы въ состояніи обходить улицы во все означенное время; поэтому она и мѣняющаяся караулами, по известному менѣвному порядку. Новые патрули по очереди замѣняютъ тѣхъ, которые окончили свой обходъ, а эти послѣдніе снова принимаются за дѣло, послѣ кратковременнаго отдыха.

Полицейскіе, исполняющіе ночную службу, находятъ въ обходѣ восемь часовъ, и это въ продолженіе восьми часовъ въ году; въ теченіе другихъ четырехъ мѣсяцевъ они исправляютъ должность свою днемъ, и каждый изъ нихъ сменяется по очереди. Каждый полицменъ совершаетъ свой обходъ съ аккурат-

ностью движения часовъ, а потому сержантъ или инспекторъ въ любой часъ можетъ найти людей, которые ему нужны. Околодотъ, на который распространяется бдительность этихъ стражей общественного порядка, измѣняется, смотря по обстоятельствамъ; но границы околодка днемъ назначаются гораздо больше, чѣмъ въ ночь.

Околодь, напр. въ три или четыре дня, уменьшается до полутора или въ ночное время, т. е. обыкновенно на половину. Следовательно, городъ особенно внимательно стерегутъ именно въ эти часы она и покоя, когда обыкновенно по причинамъ, весьма понятнымъ, совершается наибольшее число злодѣяній. Крепкіе постоемъ гвѣздихъ, имѣются еще отрядъ конныхъ констеблей, называемыхъ конною силой или стражемъ (mounted force), которые прѣвъ жему, незнакому съ Лондономъ и его учрежденіями, легко могутъ показаться чуждыми въ родѣ жандармовъ; ихъ, однако же вовсе не слѣдуетъ сравнивать съ послѣдними; эти всадники имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и обязанности съ другими подобными агентами англійской полици, и отличаются отъ нихъ развѣ только въ томъ отношеніи, что ихъ объѣзды простираются на большее протяженіе, т. е. ихъ наблюденію поручаются большія пространства, и что ихъ употребляютъ преимущественно для надзора въ сельскихъ округахъ, подвѣдомственныхъ столичной полици. При выборѣ охотниковъ для этой должности, даютъ предпочтеніе молодымъ людямъ, умѣющимъ ѣздить верхомъ.

Независимо отъ обширности, весьма затрудняющей надзоръ, есть еще одно препятствіе, съ которымъ приходится бороться новой системѣ полицейскаго наблюденія, — это именно та разнообразность или разнохарактерность въ населеніи и нравахъ, замѣчаемая въ различныхъ кварталахъ Лондонъ въ этомъ отношеніи состоитъ какъ бы изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собою городовъ, такъ что, напримеръ, одинъ кварталъ или участокъ, въ сравненіи съ другимъ, подобнымъ же кварталомъ, является совершенно иною странкою, въ которой все незнакомо, чуждо. Кто бы ни отправился напр. изъ Геймаркета, Пикадилли и Поль-Моля въ загородныя мѣстности, какъ напр. въ Баннингъ (Warring) и въ Ветналъ-Гринъ (Vetnal Green), тотъ въ извѣстномъ отношеніи испытаетъ разительный переходъ отъ высшей цивилизаціи къ крайнему невѣжеству; между тѣмъ, эти двѣ противоположности почти граничатъ между собою въ Лондонѣ.

Прохожіе, въ ночное время, опасаются въ особенности одной, весьма тѣсно обстроенной, части города, которой сами англичане присвоили странное названіе Тигровой бухты (Tiger-Bay). Это дѣйствительно лондонская Бенгалія, но сырая и мрачная, въ которой кровожадныхъ тигровъ замѣняютъ опасные, злонамѣренные люди. Извѣстныя мѣстности этого всемірнаго города образуютъ настоящія колоніи иностранцевъ; въ сосѣдствѣ съ кварталомъ, называемымъ Блюгетъ-Фильдсъ (Bluegates-Fields) обитаютъ желтокожіе китайцы, томимые въ бѣднѣишхъ жилищахъ, въ которыхъ воздухъ пронитанъ ѣдкимъ и зловреднымъ запахомъ опиума; здѣсь же гнѣздятся публичныя женщины самаго низкаго разряда, болышею частію англичанки и ирландки. Всѣмъ, кому угодно отыскать представителей Германіи, надобно отправиться въ кварталъ Вайтъ-Чапелъ (White-Chapel). Итальянцы проживаютъ недалеко отъ квартала Сафронъ-Гилля (Saffron-Hill) и Лдасеръ-Лена (Leather-Lane), занимаюсь скульптурою, золоченіемъ на деревѣ, литьемъ фигуръ изъ гипса и игрою на шарманкахъ; они распространяютъ искусства, которыя такимъ образомъ, при ихъ содѣйствіи, проникаютъ въ бѣднѣишій классъ народа. Но нужно остерегаться кинкала. Убіеніе, совершенное четыре или пять лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ публичныхъ домовъ этого квартала, выказало вполне свойственный этой мѣстности характеръ, и напомнило жителямъ существованіе пресловутой итальянской вендетты. Лондонскій Парижъ, который, впрочемъ, не имѣетъ ничего привлекательнаго, расположенъ около Лейстеръ-Сквера (Leicester-Square) и квартала Сохо (Soho). Подобно тому, какъ во время войны каждый родъ оружія имѣетъ свое особое назначеніе, такъ и каждое отдѣленіе полиціи отличается до извѣстной степени особеннымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ, имѣя, съ тѣмъ, вмѣстѣ общій кругъ обязанностей, соответствующихъ, однако же, потребностямъ именно той части города, которая подлежитъ его надзору. Различныя видопзмѣненія полицейской службы болѣе или менѣе обрисовываются обычаями отдѣльныхъ кварталовъ. Полицейскіе, слѣдящій за безпорядками и развратомъ утонченныхъ и роскошныхъ обитателей Геймаркета (Haymarket), имѣли бы полное право считать себя обреченнымъ на изгнаніе къ свиньямъ, если бы ему начальствомъ было предписано немедленно отправиться на службу въ Истъ-Эндъ. Всякому, послѣ этого бѣлаго описанія, уже должно быть понятно, что для того, что бы упра-

виться съ такимъ разнообразнымъ народонаселеніемъ, и при такихъ рѣзкихъ противоположностяхъ, требуются со стороны городскихъ стражей весьма разностороннія способности и большая находчивость, а отчасти пониманіе разныхъ нарѣчій.

Но, кромѣ случайныхъ и неожиданныхъ разнообразныхъ занятій полицмена, которыхъ перечислить и даже предвидѣть трудно, и которыя видоизмѣняются, смотря по той или другой части города съ ея особенностями, есть еще совокупность общихъ обязанностей, не измѣняющихся круглый годъ въ какомъ бы кварталѣ ни находился полицменъ. Въ этомъ отношеніи, напимѣръ, первымъ долгомъ полицмена считается сохраненіе и восстановленіе порядка на улицахъ, избѣга, по возможности, открытаго вѣшательства.

Если случается, что въ большихъ, многочисленныхъ улицахъ движеніе становится затруднительнымъ, то онъ долженъ немедленно заботиться объ уменьшеніи шаара экипажей и толпы, предупреждать несчастные случаи, и умѣрять, по возможности, эту постоянную уличную суматоху, которую англичане называютъ «London traffic». Въ многихъ случаяхъ вліяніе полицмена принимаетъ чисто нравственный характеръ: онъ избирается въ посредники или по крайней мѣрѣ къ нему обращаются за совѣтомъ почти каждый разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сперъ происходитъ на улицахъ. Ему приходится тогда судить между самыми положительными, и въ то же время противоположными мнѣніями, и рѣдко случается, что бы не признавали его рѣшеніи, отличающагося обыкновенно вѣрностію. Происходя изъ темной массы народонаселенія, эти люди получили большую частію только первоначальное образованіе. Хотя имъ и даются письменныя и словесныя наставленія, но никакія инструкціи и правила не въ состояніи заставить то мѣткое чувство и ту смѣтливость, которыя необходимы не рѣдко при исполненіи столь разнообразныхъ обязанностей. Полицменъ, сверхъ того, долженъ обладать обширною памятію и, въ извѣстной степени, постояннымъ присутствіемъ духа, что бы отвѣчать на различные вопросы, съ которыми обращаются къ нему проходящіе, особенно вновь прибывшіе въ Лондонъ. Ему должны быть извѣстны всѣ улицы, закоулки и дома его участка; онъ, надежный путеводитель всякаго иностранца въ Лондонѣ, охотно оказываетъ услуги каждому человѣку, находящемуся въ затрудненіи, никогда не требуя и не ожидая вознагражденія за свои услуги. Если онъ

самъ не въ состоянн дать надлежащя и исполнн удовлетвори-
 тельныя справки, то обратится за ними къ другому полицме-
 ну, и не броситъ дѣла до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ его съ ус-
 гбхомъ. Всѣ съ признавательностию отзываются объ услужливо-
 сти и вѣжливости англійскихъ полицменовъ. На Лондонскомъ
 мосту (London-Bridge), на которомъ бываетъ самое сильное
 движеніе экипажей, можно видѣть какъ констебль осторожно
 переводитъ испуганныя женщины, которыя одна боятся со-
 вершить этотъ оищенный переводъ. Рассказываютъ, что на Га-
 рибальди, во время его путешествія въ Лондонъ, особенно пріят-
 ное впечатлѣніе произвели эти скромные слушатели: «когда я
 говорилъ объ англійской полиціи, то я снижаю плечу», сказалъ
 онъ однажды, обнажая голову. Достоинство этой полиціи, кото-
 рая, въ самомъ дѣлѣ, въ состоянн очаровать иностранца, со-
 стоитъ именно въ томъ, что она безъ суетни и придирчивости
 умѣетъ быть всегда полезною. Вооруженный стоическимъ тер-
 пѣніемъ, этотъ пилеръ (peeler) пользуется правами, дарованны-
 ми ему закономъ, съ большою сдержанностію и умѣренностію.
 Несмотря на то, у него бываютъ враги, которые его однако
 боятся. Когда онъ важно и кладовровно идетъ своимъ рав-
 нымъ шагомъ, то нужно видѣть, съ какою поспѣшностію уда-
 лятся подозрительные люди, забѣгая его тѣни. «Вотъ онъ»
 (hate he is), шепчутъ между собою молодые карманники, бро-
 дяги и женщины извѣстнаго ремесла, и внезапно всѣ эти тем-
 ныя личности зла и разврата исчезаютъ, при его появленіи.

При переходѣ изъ первобытнаго состоянн въ цивилизаціи,
 человекъ, до известной степени, предоставляет обществу за-
 боты объ охраненн его. Поэтому и чувство самоохраненн и
 развитіе природныя чувства вообще, отъ недостатка упражне-
 нн, слабѣетъ и останавливается у городскихъ жителей. Но если
 среди городского населенн казаны найти тѣ первобытныя
 качества, которыя составляютъ гордость и уверенность героявъ,
 то ихъ слѣдуетъ искать у агентовъ полиціи, которыхъ можно
 называть онами и улами столицы. У констеблей однако эти спо-
 способности не бываютъ врожденными, какъ у дикарей; онѣ, на-
 противъ того, приобретаются ими на службѣ, и развитіе ихъ
 составляетъ предметъ шлицейскаго воспитанн. Сначала моло-
 дые новички Шотландскаго Двора походятъ на ревуртовъ; толь-
 ко мало по малу они привыкаютъ поднѣмать множество мелоч-
 ныя подробности, которыя ускользаютъ отъ вниманн дру-

гихъ людей, и которыя, въ совокупности, имѣють болѣе значеніе. Хорошій полицменъ знаетъ привычки, нравы, логичнѣе каждой подозрительной личности; онъ читаетъ на лицѣ ихъ тайны загадочнаго прошлаго, и приписываетъ имена тѣмъ безличнымъ существамъ, которыя существуютъ днемъ и ночью въ извѣстныхъ кварталахъ Лондона или его окрестностяхъ.

Для него дома — не только постройки изъ камня и кирпича, не безмолвныя стѣны: это особыя лица, вѣтренныя его попеченію, встрѣаемыя имъ на каждомъ шагѣ; онъ зорко всматривается въ нихъ, ревниво слѣдитъ за малѣйшею переменою ихъ внѣшности, и по наружному виду ихъ убѣждается въ томъ, что все находится въ порядкѣ, *all is right*. Прозорливость его въ особенности проявляется во время ночныхъ обходовъ; отъ бдительности его не укроется ни одно, даже самое уединенное или заброшенное, зданіе, которое могло бы служить убѣжищемъ первому встрѣнному; входъ въ это зданіе онъ открываетъ каковыя и будь знакомъ, ему одному только извѣстными. Такимъ образомъ, онъ тотчасъ узнаетъ, входилъ ли кто либо во время его отсутствія въ домъ или нѣтъ. Если онъ замѣтитъ, что въ какомъ либо домѣ окна или ставни небрежно или неплотно закрыты, то онъ увѣдомитъ о томъ живущихъ въ домѣ, кога бы пришлось для этого разбудить ихъ. Онъ осмотритъ все закоулки, обшаритъ все углы, ощупаетъ каждый замокъ, что бы убѣдиться въ его исправности и прочности, и такимъ образомъ ему случается иногда ловить воровъ, покушающихся на кражу съ замкомъ, на самомъ мѣстѣ преступленія.

Онъ знаетъ и помнитъ счетомъ все годовыя роженіа на каждой улицѣ своего околда, пересчитавъ ихъ десятки разъ, а потому, даже съ завязанными глазами, всегда знаетъ, гдѣ онъ находится, среди своихъ ночныхъ прогулокъ. Держа въ рукахъ глухой фонарь, онъ являеи похожъ на лунатика, который молча бредитъ по захоластію въ темнотѣ, но до всякаго случая онъ ясновидящій лунатикъ. Хотя ему приходится преодолевать дремоту во время холодныхъ и долгихъ часовъ, предшествующихъ первымъ лучамъ утренней зари, но его разумъ и чувства никогда не дремлютъ, а воры и грабители, услыжавъ въ ночной тишинѣ его твердый и мѣрный шагъ, бѣгутъ безъ оглядки. Конный констебль, котораго объѣздъ гораздо продолжительнѣе, еще болѣе подвергается суровому вліянію погоды, особенно въ открытыхъ мѣстахъ и при пронзительномъ сѣверномъ

вѣтрѣ. Въ зимнее время онъ ѣдетъ словно по пустынѣ: обнаженные деревья алей, поля и огороды погружены въ туманъ и мракъ. Ему необходимы сильные нервы и бодрый духъ, что бы пренебрегать опасностію, и не бояться западни или засады, для него приготовленной; хотя бы онъ и не былъ спокоенъ въ душѣ, но не обнаруживаетъ ни малѣйшей робости; напротивъ того, во всей его внѣшности, даже въ прямыхъ и ровныхъ складкахъ его широкаго плаща, высказывается общественный покровитель, всѣмъ равно доступный и на все готовый. Лошадь констебля также въ своемъ родѣ полицменъ: при малѣйшимъ зловѣщемъ звукѣ, она поднимаетъ уши, какъ бы прислушиваясь въ шуму вѣтра, вѣтвей и другихъ предметовъ, и стараясь понять этотъ говоръ.

Столица Англіи вполне отдана попеченію гражданской власти: въ Лондонѣ нигдѣ нѣтъ ни военныхъ карауловъ, ни жандармовъ, ни патрулей въ ночное время, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ, напримѣръ серіознаго волненія или мятежа. Полиція и не ожидаетъ никакой помощи отъ войска. Но бываетъ иногда наоборотъ; напримѣръ, во время крымской кампаніи, когда англійскія войска были заняты внѣшнею войною, констебли заняли мѣста солдатъ въ веряхъ и въ другихъ помѣщеніяхъ морскаго вѣдомства.

Неся всю отвѣтственность за спокойствіе въ городѣ, полиція приступаетъ, черезъ своихъ агентовъ, ко всѣмъ необходимымъ арестованіямъ. Если, въ присутствіи констебля, совершается преступленіе, то онъ немедленно, именемъ закона, арестуетъ виновнаго, и отводитъ его въ помѣщеніе, извѣстное подъ именемъ station-house (полицейская караульня.) Здѣсь онъ отдаетъ о случившемся отчетъ инспектору, который заноситъ это въ особую книгу, а подеудимаго отсылаетъ въ тюрьму, до слѣдующаго засѣданія судей, т. е. до другаго утра *). Агентъ, побудившій заключить преступника въ тюрьму, приглашается въ судъ полиціи въ одно время съ подеудимымъ; въ присутствіи

*) Если проступокъ не очень важенъ, то инспекторъ имѣетъ право освободить арестанта, потребовавъ съ него денежное обеспеченіе. Этою льготою пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда задержаніе произошло въ субботу вечеромъ, потому что тогда пришлось бы арестанту ожидать допроса до понедельника, такъ какъ судьи никогда не являютъ въ засѣданіе по воскресеньямъ.

послѣдняго и члена суда, онъ повториетъ заявленіе, сдѣланное имъ наканунѣ инспектору, и объясняетъ главнѣйшія обстоятельства, подавшія поводъ къ задержанію виновнаго. Въ подобномъ случаѣ, конечно, констебль играетъ роль обязательнаго свидѣтеля, и долженъ строго наблюдать за своими словами, потому что, при обнаруженіи малѣйшей въ его словахъ неправды, онъ подвергается судебному преслѣдованію за ложное показаніе, преступленіе, за которое англійскій законъ караетъ строго.

На этомъ основаніи и въ небываніе невольныхъ погрѣшностей и недомолвокъ, въ программу занятій молодыхъ полицсменовъ входитъ, между прочимъ, пріученіе ихъ выражаться ясно и точно, безъ всякой притомъ напыщенности при показаніяхъ въ полицейскихъ судахъ, а потому и заставляютъ ихъ присутствовать въ засѣданіяхъ этихъ судовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, что бы они ознайомились съ производствомъ дѣлъ и обязанностями разныхъ должностныхъ лицъ, во время разбирательства жалобъ.

Нужно замѣтить, что такъ какъ полицсменъ, въ теченіе всей своей дѣятельности, встрѣчается преимущественно съ темными сторонами жизни, то ему и нѣтъ никакого повода склоняться на сторону оптимизма.

Въ самомъ дѣлѣ, ежедневно приходится ему дѣйствовать противъ грубыхъ страстей, несправедливыхъ нападеній и своеволія, бороться съ разными человѣческими слабостями, предупреждая, по возможности, всякій вредъ отъ нихъ. Одинъ изъ пороковъ, причиняющихъ полицсменамъ наибольшія хлопоты, составляетъ пьянство, весьма распространенное въ низшихъ слояхъ общества. Дурныя наклонности англичанъ появляются какъ бы періодически, такъ, на примѣръ, обычай требуетъ, что бы извѣстные классы престолярдіа, въ праздникъ Св. Троицы и въ нѣкоторые другіе годовые праздники, упивались до безпамятства джиномъ, не рѣдко въ продолженіе цѣлой недѣли. Грустно, но и любопытно вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣть, какія многостороннія занятія бывають въ то время у констеблей и сержантовъ на улицахъ Лондона. Поведеніе ихъ тогда въ особенности достойно удивленія. Съ стоическимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ, они переносятъ брань и ругательства людей невѣжественныхъ, окончательно потерявшихъ рассудокъ отъ излишняго употребленія крѣпкаго напитка. Съ кладновровіемъ и вроникнутые чувствомъ челоуѣколюбія, они связываютъ и переносятъ на послѣ-

какъ совершенно опытившимъ женщинъ, которыя, какъ утверждаютъ, бодрѣею частью принадлежатъ къ уроженкамъ Ирландіи, но это вѣроятно на томъ основаніи, что народъ зеленаго Эрина считается коломъ отлученія; на него каждый охотно сваливаетъ особенно тѣ грѣхи, за которые приходится краснѣть. При добрыхъ и разныхъ другахъ обстоятельствахъ, полиціменъ долженъ умѣть отличить границы, отдѣляющія личную свободу отъ своеволія, которое легко можетъ дойти до безобразія, а потому не должно быть терпимо. Ни одинъ изъ полиціменовъ не имѣетъ права подойти къ какому бы то ни было лицу, пока она держитъ себя такъ, что не причиняетъ никому безпокойства, и нѣтъ явнаго повода опасаться съ его стороны, нарушенія закона. Хотя достоинство жандарменскаго стража и обусловливается порядкомъ и въ жѣноторой степени нравственностію, но бобби, однако же, имѣетъ свои слабости: онъ любитъ женщинъ и покровительствуетъ имъ. Иногда впрочемъ случается, что, привыкнувъ, при исполненіи служебныхъ своихъ обязанностей, находится въ частыхъ сношеніяхъ съ домами весьма сомнительной добродѣтели, онъ ошибается, и въ такую пору, когда ему уже трудно раздичать, какъ говорится, штицу по полету, принимаетъ порядочныхъ женщинъ за женщинъ развратнаго поведенія. Всякое притѣвленіе или злоупотребленіе власти, съ его стороны, во время исполненія службы, строго наказывается, и каждый, считающій себя обиженнымъ и недовольный поведеніемъ констебля, имѣетъ право жаловаться на него, и вызвать его на судъ въ полицейскій магистратъ. Слѣдствіе или разборъ по жалобѣ и взысканіе за вину и удовлетвореніе обиженнаго, производится гласно. Никогда не бываетъ, что бы полицейскія власти старались скрывать ошибки, а тѣмъ болѣе неблагонамѣренныя поступки своихъ подчиненныхъ; они, напротивъ того, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ обнаруживаютъ и караютъ малѣйшія нарушенія по должности. Однажды, въ подобномъ случаѣ, въ недавнее время, г-нъ Воланъ (Wolgan), главный судья въ Боу-Стритѣ (Bow-Street), выразился слѣдующими словами: «Для поддержанія строгаго порядка и справедливости, главнѣйшее условіе заключается въ томъ, что бы полиція, во время исполненія своихъ обязанностей, никогда не выходила изъ предѣловъ благоразумія.» Высшіе агенты Скотлендъ-Ярда имѣютъ право, съ своей стороны, налагать на констеблей различныя дисциплинарныя наказанія, какъ то: денежныя

пени или штрафы, разжалованіе и увольненіе отъ службы *). Что касается частной жизни полицмена, то онъ бываетъ, конечно, или женатый или холостой. Въ первомъ случаѣ, живя съ своимъ семействомъ, онъ иногда находитъ возможность имѣть даровое жилище. Нѣкоторые владѣльцы домовъ, отдаваемыхъ въ наемъ, обращаются въ мѣстное полицейское управленіе съ просьбою доставить имъ женатаго агента, который на нѣкоторое время занялъ бы пустой домъ съ тѣмъ, что бы жена его взяла на себя трудъ показывать его наемщикамъ. Случается также, что старушки, живущія своими доходами, уступаютъ констеблю безвозмездно квартиру съ хозяйствомъ: онѣ полагаютъ, что синія одежда наведетъ страхъ на воровъ, и воображаютъ такимъ образомъ, что, помѣстивъ у себя полицмена, находятся подъ защитою правительства. Что англійское правительство какъ бы поощряетъ семейное положеніе городскихъ стражей, можно заключить изъ того, что женатый агентъ получаетъ 40 фунтовъ каменнаго угля въ недѣлю, въ продолженіе цѣлаго года, тогда какъ его холостые товарищи имѣютъ право на полученіе только половины этого количества, въ теченіе однихъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Бобби (Bobby) любитъ также дѣтей; это чувство ясно обнаруживается тѣмъ отеческимъ покровительствомъ, которое онъ постоянно оказываетъ дѣтямъ, даже такимъ, которыхъ вовсе не знаетъ, и встрѣчаетъ въ первый разъ. Надобно видѣть, съ какою заботливостію онъ отводитъ домой заблудившихся дѣтей. Нельзя послѣ этого допустить и мысли, что бы онъ не дорожилъ своимъ собственнымъ гнѣздомъ или былъ равнодушенъ къ роднымъ своимъ дѣтямъ. Знающіе хорошо бытъ полицменовъ лондонскихъ утверждаютъ, что, живя среди тревоженій, а иногда и драмъ житейскихъ, они съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ наслаждаются спокойствіемъ домашняго очага. Люди эти, почти ежедневно, во время ночныхъ своихъ обходовъ, встрѣчающіе отрѣбіе челоуѣчества, злоумышленниковъ всякаго

*) Денежной пени констебли гораздо менѣе боятся, нежели разжалованія, потому что последнее влечетъ за собой, кромѣ нравственнаго униженія, уменьшеніе жалованья и разжалованному констеблю приходится иногда долго ждать, пока онъ снова достигнетъ комышенія овлада. Агентъ, уволенный отъ службы, теряетъ всѣ деньги, которыя ему слѣдовало бы получить отъ администраціи.

разряда, преслѣдуемые не рѣдко воспоминаніемъ печальныхъ сценъ, которыхъ поневолѣ были очевидцами, эти люди, по возвращеніи въ свое жилище, съ какимъ то особеннымъ умиленіемъ любятъ бѣловурыми головами своихъ малютокъ. Гордятся они и своими женами, одѣвающимися въ воскресенье въ новыя платья; охотно прогулялся бы каждый изъ нихъ въ рошѣ Шутерсъ-Гила (Shooter's-hill), но отпускъ, къ сожалѣнію, дается полиціеменамъ очень рѣдко *). Англійскій ремесленникъ отдыхаетъ на седьмой день; письмоноски также отдыхаютъ; одинъ полиціеменъ не знаетъ отдыха. Десять часовъ служба днемъ или восемь ночью, въ продолженіе всей недѣли, представляютъ неизмѣнный кругъ обязательныхъ его занятій. Воскресные и праздничные дни труднѣе и неприятнѣе для полиціеменовъ, чѣмъ дни обыкновенныя; у нихъ тогда болѣе работы, потому что злоумышленники не уважаютъ постановленій англиканской церкви, относительно соблюденія праздника, и, вмѣсто того, что бы гулять или молиться, они пользуются временемъ богослуженія и отсутствіемъ жителей, и незамѣтно пробираются во внутренность опустѣвшихъ домовъ. Въ такіе дни полиціеменъ бдительно стережетъ дома молящихся и беззаботно гуляющихъ. Совершенно инаго рода жизнь холостаго констебля. Онъ не живетъ тамъ, гдѣ ему вдумается: его жилище, или его home, какъ выражаются англичане, находится въ полицейскомъ управленіи, гдѣ онъ за помѣщеніе платитъ въ недѣлю по одному шиллингу. Тутъ холостые полиціемены живутъ какъ бы артелию, имѣя общій столъ. Закупка провизіи поручается одному изъ товарищей, именуемому запасателемъ. Въ концѣ недѣли онъ сводитъ счета поставщиковъ, подводитъ итоги всѣмъ расходамъ, и, посредствомъ весьма простаго дѣленія, выводитъ ту сумму, которую долженъ вносить каждый за свое продовольствіе. Этимъ способомъ, безъ сомнѣнія, припасы обходятся дешевле, такъ что за умѣренную плату, отъ 8 до 9 шиллинговъ въ недѣлю, полиціемены получаютъ корошную, свѣжую пинцу; за каждымъ обѣдомъ имъ подаютъ на столъ большой кусокъ жаренаго мяса, такъ называемый джоннтъ. Эти, большею частію молодые и крѣпкаго

*) Простые констебли имѣютъ семь свободныхъ дней въ теченіе цѣлаго года, серванты десять, инспекторы 14, а главные надзиратели 28 дней.

тѣлосложенія, люди, при постоянномъ движеніи на воздухѣ, лишены сна во время долгихъ ночныхъ обходовъ, должны бы, кажется, обращать вниманіе исключительно на удовлетвореніе физическихъ потребностей; тѣмъ не менѣе однако, умственное образованіе не упущено также изъ вида. Въ каждомъ полицейскомъ отдѣленіи находится кабинетъ для чтенія, имѣющій около 1,700 томовъ. Эти бібліотеки подвижныя, и, при перемѣщеніяхъ своихъ, дополняютъ другъ друга. Такъ напр., когда полицейскіе агенты въ Вуличѣ перечитали всѣ книги, находящіяся въ ихъ отдѣленіи, то пересылаютъ ихъ, въ пакетахъ по сту томовъ, въ другое правленіе, которое, въ свою очередь, въ замѣнѣ присланныхъ, отправляетъ къ нимъ скромныя богатства своей бібліотеки. Каждый констебль платитъ въ бібліотеку ежемѣсячно ничтожную сумму, равняющуюся 3 коп. сер., на покупку новыхъ книгъ. Полицейское управленіе получаетъ также по одной газетѣ и сверхъ того находитъ иногда средства на содержаніе школы. Для этой цѣли собираютъ подписку на вознагражденіе учителя, который, впрочемъ, никогда не избирается изъ среды полицейскаго сословія. Такой образъ служебнаго управленія находитъ себѣ, какъ горячихъ защитниковъ и почитателей, такъ и критиковъ, его порицающихъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ констеблей, ихъ тѣсный кругъ товарищества уподобляется счастливому семейству, члены котораго, связанные между собою узами однородныхъ наклонностей и одинакихъ обязанностей, могутъ быть весьма довольны своею участію. Другіе, напротивъ того, выставляя однѣ темныя стороны своего быта, жалуются особенно на слишкомъ ограниченное содержаніе свое.

Констебли раздѣляются на четыре класса, изъ коихъ каждому соответствуетъ особый окладъ жалованья, начиная отъ 23 фр. 75 сант. до 31 фр. 25 сант. въ недѣлю. Слѣдовательно наименьшій окладъ жалованья констебля составляетъ въ мѣсяцъ отъ 95 до 100 фр., или, не принимая въ соображеніе курса, около 25 руб. нашею монетою, а высшій окладъ 125 до 130 фр. или 32 руб. Во всякомъ случаѣ, вознагражденіе простаго полисмана не превышаетъ той суммы, которую зарабатываетъ англійскій ремесленникъ. А потому каждый болѣе или менѣе развитый человѣкъ, поступающій на служеніе обществу въ полиціи, полагаетъ всю надежду свою на повышеніе. Однако, несмотря на то, изъ десяти констеблей только одинъ доходитъ до званія

*

сержанта; для этого необходимо обратить на себя вниманіе начальства, и затѣмъ выдержать экзамень (это условіе существуетъ впрочемъ лишь съ 1865 года). Кандидатъ на должность сержанта долженъ умѣть правильно писать подъ диктовку, знать четыре правила ариметики, и составить толковый рапортъ, или донесеніе, съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ онъ задержалъ или отпустилъ арестанта, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Различаютъ два разряда сержантовъ: одни получаютъ 32 фр. 50 сант.; другіе 35 фр. въ недѣлю, т. е. около 140 или 150 фр. въ мѣсяць, стало быть, среднимъ числомъ, отъ 35 до 40 р. с., — также награжденіе весьма умѣренное за усиленные труды. Для сержантовъ, желающихъ подняться до званія инспектора (съ жалованьемъ 56 фр. 87 сан. или 65 фр. 62 сант. въ недѣлю), назначено труднѣе испытаніе. Инспектору, помогающійся должности главнаго надзирателя, долженъ, сверхъ того, умѣть разрѣшать въ подробности разные вопросы изъ практическаго права, требующіе уже довольно обширныхъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ личнымъ опытомъ и размышленіемъ; на этомъ основаніи, на означенное мѣсто опредѣляются только люди, весьма способные, прослужившіе до 20 лѣтъ въ полиціи. Имъ назначено содержанія 6,325 фр. въ годъ, въ которому въ извѣстныхъ случаяхъ присоединяется награжденіе въ 500 фр. Такимъ образомъ главные надзиратели получаютъ, вмѣстѣ съ наградными, почти вдвое болѣе инспектора. Это конечная цѣль или предѣлъ каріеры полицмена. Это соотвѣтствуетъ тому, что на конскихъ скачкахъ называютъ winning post (призовый столбъ); но число служащихъ, достигающихъ этой цѣли, ограничено. Многие довольно образованные молодые люди поступаютъ въ составъ англійской полиціи, что бы найти себѣ источникъ пропитанія; но весьма медленное повышеніе довольно скоро охлаждаетъ ихъ къ этой службѣ, и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, они бросаютъ ее, лишь только имъ открывается лучшая перспектива. И, дѣйствительно, если взвѣсить, съ одной стороны, скудное возмездіе, выдаваемое полицмену, съ другой же труды и лишения, сопряженныя съ этою должностію, а также опасности, которымъ онъ подвергается, постоянное напряженіе вниманія и отвѣтственность за всякое упущеніе, то нельзя и удивляться, если полицмень жалуется на несоразмѣрность труда и возмездія. На всякомъ другомъ поприщѣ недостатокъ содержанія вознаграждается другими преимуществами, напр. почетомъ или

славою; совершенно особаго рода скромное поприще констебля. Хотя обязанности полиціи не имѣютъ ничего унизительнаго, особенно въ стравѣ, гдѣ онѣ исполняются съ такимъ приличіемъ и достоинствомъ, но зато и не доставляютъ ни почестей, ни богатства, и никакъ не могутъ быть причислены къ пріятнымъ.

Весьма замѣчательнъ и достоинъ подражанія тотъ способъ, которымъ содержатся въ Англїи такъ называемые представители общественной силы.

Англичанинъ платитъ на полицію такъ же, какъ онъ платитъ за воду или за газъ; просматривая каждыя шесть мѣсяцевъ квитанцію своихъ вносовъ, онъ тотчасъ можетъ разсчитать во сколько ему обходится охраненіе со стороны полиціи. Плата, вносимая каждою мѣстностію въ кассу Scotland-Yard, распределяется соразмѣрно значенію каждаго прихода, города или деревни, расположенныхъ въ кругѣ столицы. Тотъ, у котораго больше имущества, и который поэтому болѣе рискуетъ потерять, а слѣдовательно и болѣе нуждается въ охраненіи его, платитъ согласно этому и наибольшій налогъ, т. е. участвуетъ въ расходахъ для общей безопасности въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ его потребностямъ. Государство въ этомъ отношеніи поставлено въ такое же положеніе, какъ и обыкновенное частное лице: т. е. наравнѣ съ прочими, оно платитъ подати; оно также плательщикъ налоговъ, а на этомъ основаніи, имѣя на своемъ попеченіи многія значительныя имущества и зданія, требующія весьма дѣятельнаго надзора и охраненія, вноситъ самую высшую плату. Это, повидимому, совершенно новый способъ понимать значеніе львиной доли; впрочемъ толкованіе въ иномъ смыслѣ пожалуй и не было бы терпимо въ Англїи. Правительственныя зданія, какъ то адмиралтейство, монетный дворъ, общественныя зданія, музеи и пр., почитаются какъ бы потребителями или кліентами столичной полиціи, и пользуются ея услугами за установленную ежегодную плату. *) Если обыкновенныя государственныя учрежденія подчинены такимъ условіямъ, то само собою разумѣется, что кристальный дво-

*) Такъ напр., въ 1863 году, британскій музей (British Museum) платилъ полиціи 822 фунта стерлинговъ, почтовое отдѣленіе 350, картинная галерея (National Gallery) 524 и гринвичскій госпиталь 1,288 ф. ст.

рець для выставки, театры и концертныя залы обязаны, изъ собственныхъ источниковъ, нанимать себѣ въ Scotland-Yard полицейскій надзоръ и защиту. Каждое промышленное общество, каждый торговый домъ или банкъ, которые находятъ необходимымъ и желаютъ воспользоваться особымъ мѣстнымъ надзоромъ, могутъ за опредѣленный платежъ приобрести для этой цѣли констеблей, сержантовъ и инспекторовъ; но имъ необходимо заключить для этого особый договоръ. Нѣкоторые учрежденія имѣютъ свою собственную полицію; такъ напр. многія общества желѣзныхъ дорогъ нанимаютъ на свой счетъ людей, одѣваютъ ихъ въ особенную форму, и поручаютъ имъ наблюдение за порядкомъ въ зданіяхъ и на линіи самой дороги. Обязанности и власть этой частной полиціи не распространяются за предѣлы того зданія или того мѣста, которыя поручены ей надзору, а потому какъ только эти наемные констебли удаляются отъ протяженія желѣзной дороги или отъ тѣхъ помѣщеній для охраненія которыхъ они наняты, то должность ихъ немедленно кончается и они становятся обыкновенными гражданами.

Для того, что бы каждый платящій (rate-payer) зналъ на какіе расходы употребляются вносимыя имъ деньги, сэръ Ричардъ Майнъ ежегодно публикуетъ вѣрный отчетъ сборовъ и расходовъ по вѣдомству полиціи. Здѣсь не существуетъ секретныхъ фондовъ и суммъ, опредѣленныхъ на негласные расходы: все открыто и ясно для всѣхъ. Въ самомъ началѣ помѣщены доходы отъ сборовъ съ каждаго прихода или деревни, затѣмъ суммы, платимыя общественными и частными заведеніями, и различныя штрафныя деньги, собираемыя въ теченіе года тринадцатью полицейскими управленіями за извѣстнаго рода проступки. Въ статьѣ расходовъ находятся издержки на канцелярію и обмундированіе, выдача жалованья высшимъ полицейскимъ чиновникамъ и констеблямъ, и всѣ затѣмъ остальные расходы выставляются въ отчетѣ во всей подробности. Въ обыкновенное время, когда все спокойно, какъ напр., въ 1863 году, столичная полиція обходится отъ 13 до 14 милліоновъ франковъ въ годъ. Гражданскій и мирный характеръ этого учрежденія обнаруживается даже вѣдомостію о поставкѣ разныхъ предметовъ, такъ напр. сумма, уплачиваемая на заказъ мундировъ, довольно значительна, тогда какъ издержки на закупку оружія весьма умѣренны. Обстановка англійскаго констебля не имѣетъ

на видъ ничего военнаго; онъ не поставленъ на мѣсто для того, что бы возбуждать страхъ, но для того, что бы предохранять общество противъ разныхъ внутреннихъ и скрытыхъ враговъ, прибѣгающихъ гораздо чаще къ хитростямъ, нежели къ насилію. Отношенія его къ очень бѣднымъ людямъ имѣютъ иногда даже характеръ благотворительный; въ навѣстныхъ случаяхъ ему предоставлено, на счетъ казны, облегчать положеніе бродягъ, больныхъ, арестантовъ и людей убогихъ или получившихъ увѣчые или ушибы отъ несчастнаго случая на улицѣ. Не довольствуясь ролью добраго самаритянина, которую исполняетъ онъ отъ имени общества, онъ и самъ отъ своего лица оказываетъ разныя маленькія услуги ремесленникамъ, за которыя хотя и получаетъ плату, но посредствомъ такихъ услугъ поддерживаетъ дружественныя отношенія съ этими людьми. Такъ напр. полицменъ иногда стучится въ двери ремесленниковъ, которымъ необходимо очень рано вставать, и за это получаетъ умѣренное вознагражденіе. Но, несмотря на это, констебль, какъ должностное лице, какъ ревностный исполнитель своихъ обязанностей, совершенно чуждъ политики, и не принадлежитъ ни къ какой партіи. Человѣкъ въ синей одеждѣ, какъ называютъ его англичане, не имѣетъ никакого другаго оттѣнка, кромѣ свойственнаго его платью. Перемѣняется ли правительство, смѣняются ли министры, полицменъ, находящійся на службѣ въ узкихъ корридорахъ и у входа въ парламентское зданіе, смотритъ на эти явленія совершенно равнодушно. Что бы всего лучше судить объ этомъ типѣ, надобно видѣть полицмена въ время выборовъ: обращеніе его съ всѣми членами избирательнаго совѣта одинаково; съ неизмѣнною вѣжливостію онъ встрѣчаетъ всѣхъ безъ различія кандидатовъ, и равно озааряетъ лучами своего покровительства, какъ радикаловъ, такъ и членовъ торійской партіи. Его служебный долгъ исполненъ, и онъ спокоенъ, когда не нарушается окружающею толпою порядокъ вокругъ того мѣста, которое назначено для выборовъ, и воры не слишкомъ глубоко запускаютъ свои руки въ сосѣдніе карманы. Онъ можетъ имѣть свое собственное мнѣніе, и въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно либеральнаго направленія; но чувства его, каковы бы они ни были, не имѣютъ ничего общаго съ кругомъ его дѣятельности, и обязанности свои онъ исполняетъ повсюду безразлично.

Англійская полиція никогда не была организована въ видахъ

политическихъ, а потому движеніе феніевъ застало ее въ распихъ. Численный составъ полиціи (7,782 человекъ) не достаточенъ и въ мирное время для огражденія спокойствія столь огромной столицы, каковъ Лондонъ, и для наблюденія за всею массою злоумышленниковъ, ее населяющихъ; тѣмъ менѣе еще она въ состояніи была воспрепятствовать возникновенію заговора, или выдержать своего рода междоусобную войну. Въ слѣдствіе этого увеличили составъ полиціи 1,000 констеблями, 100 сержантами и 20 инспекторами, и никто рѣшительно не выразилъ своего неудовольствія за такое расширеніе общественной силы; только нѣкоторые недобѣрчивые умы опасаются, что бы правительство не вздумало, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, усилить власть полиціи, и присвоить этому учрежденію другое направленіе. Конечно если бы феніи, благодаря страху, который они возбудили, успѣли превратить вполне достойную уваженія систему охраненія общественной безопасности въ систему шпионства и устрашенія, то этимъ они всего лучше отомстили бы своимъ врагамъ. Но едва ли существуетъ поводъ серьезно опасаться такихъ послѣдствій, ибо англичане слишкомъ высоко цѣнятъ преимущество быть подъ управленіемъ и защитой закона, который они свято чтятъ; употребленіе же обуздывающихъ мѣръ неминуемо повлекло бы за собою ограниченіе гласности, не только въ печати вообще, но и въ порядкѣ и отчетности разныхъ учрежденій и стѣсненіе личной свободы, а между тѣмъ упомянутыя преимущества составляютъ вѣрнѣйшее обеспеченіе противъ всякихъ попытокъ опрокинуть внутренней порядокъ. Тревоги, возникшія въ слѣдствіе нападенія феніевъ, вызвали совсѣмъ другую мѣру, которая ясно доказываетъ вполне общественное устройство англійской полиціи. Правительство начало приглашать добровольныхъ констеблей и 113,674 человекъ отозвались на этотъ вызовъ, присягнувъ на службу. Эти спеціальные констебли, какъ ихъ называютъ, тѣмъ отличаются отъ настоящихъ констеблей, что они не носятъ мундира и не получаютъ никакого вознагражденія. Въ время исполненія возложеннаго на нихъ порученія, они пользуются тѣми же правами, какъ и настоящіе полисмены. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже доказать это на дѣлѣ, схвативъ недавно вора, который пробрался было въ частный домъ.

Нельзя не удивляться вѣнанію, которое производитъ появленіе полисмена на всѣ классы англійскаго населенія. Не столь-

ко, кажется, ви́шніе атрибуты его власти, какъ то мундиръ, палка и кожаный нарукавникъ, внушаютъ уваженіе самымъ смѣлымъ, даже нахальнымъ, людямъ, но преимущественно то существенно важное условіе, что полисменъ, какъ олицетвореніе общественнаго самосознанія, только въ тѣхъ случаяхъ принимаетъ офиціальное участіе, когда ви́шательство его неизбежно. При народныхъ сходбищахъ, дозволенныхъ закономъ, полисменъ исчезаетъ съ сцены, хотя, никѣмъ не замѣченный, находится всегда наготовѣ на случай надобности, наприм. если бы въ толпѣ произошелъ явный беспорядокъ. Онъ не щадитъ себя, если этого требуютъ обстоятельства. Если онъ встрѣтитъ сопротивленіе, то употребляетъ физическую силу, которою отличаются полисмены. Какъ бы крѣпко ни было однако жѣ тѣлосложеніе констебля, оно съ лѣтами ослабѣваетъ, особенно при тягости полицейской службы. А потому для полисменовъ учреждена сберегательная касса. Каждый изъ нихъ удѣляетъ извѣстную долю жалованія (*), которая и составляетъ основной капиталъ, такъ называемый, пенсіонный фондъ. Сверхъ того эта сберегательная касса увеличивается другими источниками, такъ что, по разсчету, старые служивые столичной полиціи получаютъ, въ видѣ пожизненной пенсіи, сумму, превышающую въ пять разъ сумму ихъ взносовъ.

Правленіе Шотландскаго Двора, раздаетъ также вспомошествованія вдовамъ и дѣтямъ констеблей, умершихъ въ слѣдствіе ранъ, полученныхъ ими во время исполненія должности. Правленіе же хоронитъ на свой счетъ умершихъ констеблей и деньги, уплаченныя за похороны, выставляются въ ежегодныхъ отчетахъ сэра Ричарда Майна.

Лондонъ, по всей вѣроятности, единственный городъ въ ширѣ, который имѣетъ двѣ полиціи (одну для столицы, другую для Сити). Съ времени бракосочетанія принца вельскаго, обсуждали вопросъ о соединеніи этихъ двухъ вѣтвей, но, послѣ многихъ споровъ объ этомъ предметѣ въ англійскихъ журналахъ, попытку эту окончательно отложили въ сторону. Главнѣйшія черты, отличающія другъ отъ друга эти двѣ

*) Констебль низшаго разряда, получающій 19 шиллинговъ въ недѣлю, платитъ 4 пенса (12 коп. сер.), тогда какъ первоклассный инспекторъ, изъ еженедѣльнаго жалованія въ 2 фунта, 12 шиллинговъ и 6 пенсовъ, вноситъ въ сберегательную кассу по одному шиллингу (30 коп. сер.).

системы, или отрасли одной и той же системы, состоятъ въ томъ, что полиція въ Сити находится подъ начальствомъ лорда-мера, и альдерменовъ. Власть ея распространяется собственно на округъ, границы котораго опредѣлены уже съ давняго времени, и число жителей котораго мало увеличивается. Сравнительно съ столичною полиціею, личный ея составъ въ Сити многочисленнѣе: рассчитано, что констебль Сити имѣетъ подъ своимъ надзоромъ 10 акровъ, (5 десятинъ) пространства и 184 чело-вѣка, тогда какъ констебль первой отрасли долженъ бдительно наблюдать за пространствомъ въ 72 акра (36 десятинъ) и сред-нимъ числомъ за 600 жителей. Служащіе подъ начальствомъ лорда-мера получаютъ также и лучшее вознагражденіе, нежели служащіе у сэра Ричарда Майна. Но, за исключеніемъ этихъ от-личій и нѣкоторыхъ особенныхъ устарѣлыхъ обычаевъ, прису-щихъ старой Сити, эти обѣ части весьма между собою сходны. Въ остальной Англїи каждое графство имѣетъ свою собствен-ную полицію, въ главѣ которой стоитъ главный констебль го-рода; мѣстечки находятся также подъ надзоромъ собственной полиціи, агенты которой избираются и назначаются наблюда-тельнымъ комитетомъ, который платитъ имъ жалованье изъ суммъ отдѣльныхъ приходовъ. Всѣ эти отдѣльныя отрасли мѣст-ныхъ и независимыхъ другъ отъ друга полицейскихъ управле-ній, соединяются подъ главнымъ начальствомъ министра внут-реннихъ дѣлъ, т. е. главы полиціи всего государства.

До сихъ поръ мы разсматривали только одну сторону поли-цейскаго механизма; другую часть его составляетъ полиція се-кретная. Но подобное названіе едва ли приличествуетъ англїй-скому учрежденію, въ которомъ все совершается гласно, такъ что всѣмъ извѣстно, какое значеніе подобная отрасль полиціи имѣетъ въ государствѣ, и что она ему стоитъ; только средства, употребляемыя для раскрытія преступленій, остаются тайною для публики.

Изъ предъидущаго подробнаго описанія лондонской полиціи, мы можемъ вывести заключеніе, что организація преобразован-ной петербургской полиціи, въ главныхъ очертаніяхъ своихъ, сходствуетъ съ организаціею столичной полиціи Лондона. Такъ, напримѣръ, констеблямъ соотвѣтствуютъ городовые, сержантамъ околдочные назиратели; дальнѣйшія раздѣленія вверху нѣ-сколько расходятся; такимъ образомъ отдѣленія, повидимому, изо-бражаютъ участки, а участковые приставы представляютъ глав-

ныхъ надзирателей, которыхъ въ Лондонѣ всего 18. По обширности же англійской столицы, которая приблизительно въ 5 или 6 разъ больше Петербурга, по крайней мѣрѣ относительно населенія, отдѣленія должны бы скорѣе соответствовать нашимъ отдѣленіямъ, которыми завѣдуютъ полиціимейстеры. Comissioner, или начальникъ столичной полиціи, есть то же самое для Лондона, что для Петербурга оберъ-полиціимейстеръ; помощниковъ же, assistants, онъ не имѣетъ, если не причислить къ нимъ полиціимейстеровъ; но тогда спрашивается: въ чему же три помощника въ Петербургѣ, когда въ Лондонѣ ихъ всего два? По содержанию, назначенному полицейскимъ чинамъ, также существуетъ нѣкоторое сходство въ обихъ столицахъ: констебли получаютъ 25 рублей (низшій окладъ), а городовые 20 рублей; сержантамъ назначено (также по низшему окладу) около 35 рублей, а околodочнымъ надзирателямъ 33 рубли въ мѣсяцъ. Далѣе и по содержанию должности опять расходятся. Такъ напримѣръ superintendent получаетъ въ годъ всего 6,325 франковъ, что на наши деньги составляетъ около 1,600 рублей, а должности участковаго пристава присвоено 2,100 рублей. Хотя намъ неизвѣстно сколько выдается жалованья assistant-commissioner, но нѣтъ сомнѣнія, что менѣе 4,000 руб., или 16,000 франковъ. Вообще, должно замѣтить, что низшимъ должностямъ присвоены въ Лондонѣ большіе оклады, нежели въ Петербургѣ, а должностямъ высшимъ меньшее содержаніе, чѣмъ въ петербургской полиціи. Наконецъ секретному отдѣленію лондонской полиціи соответствуетъ петербургская сыскная полиціа. Мы воздержимся отъ всякаго дальнѣйшаго сравненія этихъ двухъ столичныхъ полицій, а также вывести какое либо заключеніе изъ этого сравненія, во 1-хъ потому, что лондонская полиціа успѣла уже окрѣпнуть и приобрести популярность, а петербургская публика еще не освоилась съ новою реформою полиціи, и во 2-хъ что въ Лондонѣ легко найти развитыхъ, честныхъ и вообще удовлетворяющихъ условіямъ полиціи констеблей и сержантовъ. Про Петербургъ нельзя сказать того же самаго: выборъ городовыхъ и околodочныхъ надзирателей весьма затруднителенъ. Скажемъ только одно: по мнѣнію нашему, желательно было бы, что бы полиціа наша, вмѣсто военнаго, приняла бы также гражданское устройство:

II.

Кто мало знает Англию, тому, без всякаго сомнѣнія, покажется, что въ этой именно странѣ разнымъ злоумышленникамъ легко укрыться отъ заслуженной кары закона. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ не существуетъ прокурорскаго надзора; широкая личная свобода, съ другой стороны, такъ обеспечиваетъ каждому, что, повидимому, надзоръ правительственныхъ агентовъ ставится наивысшимъ или тщетнымъ. Такъ, напримѣръ, каждое лице можетъ остановиться въ гостиницѣ, не объявляя с своего имени и никто не имѣетъ права спросить его, кто онъ, откуда и куда отправляется. Нигдѣ не требуется ни паспортовъ, ни книжекъ для ремесленниковъ, ни подорожныхъ; подобнымъ стѣсненіямъ не согласился бы подвергнуться и самый послѣдній изъ английскихъ гражданъ. Въ частныхъ домахъ нѣтъ привратниковъ, или швейцаровъ; каждый уходитъ изъ дома, и возвращается къ себѣ, когда вздумается, имѣя при себѣ ключъ отъ входныхъ дверей; для нѣкоторыхъ жильцовъ это представляетъ удобство вернуться ни къ кому не замѣченными. Такъ какъ англичане вообще очень мало распространяются о своихъ дѣлахъ, то молчаливость путешественника и разныхъ квартирантовъ такъ называемаго *lodging house* (меблированныхъ комнатъ), ни въ комъ не возбуждаетъ неблагопріятнаго подозрѣнія. Ломберды представляютъ ничто иное, какъ лавки для принятія въ залогъ вещей, а потому при закладѣ какой либо вещи каждый можетъ явиться къ содержателю такой лавки подъ чужимъ именемъ и получить, безъ всякихъ формальностей, условленную подъ залогъ сумму, ибо судныя конторы эти составляютъ частное предпріятіе, и совершенно независимы отъ правительства. Частная жизнь вообще не подвергается никакому контролю до тѣхъ поръ, пока она не подастъ повода къ жалобамъ, и иностранцы въ этомъ отношеніи пользуются такими же привилегіями, какъ и коренные граждане. Пріятно надобно принять въ соображеніе особенное географическое положеніе Великобританскаго королевства, окруженнаго съ всѣхъ сторонъ водою; его торговля сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ и безчисленное множество кораблей, отплывающихъ ежедневно изъ ея доковъ и гаваней. Поэтому, часто случается, что человекъ, котораго предпола-

ють въ Австраліи, или въ Новой Зеландіи и не думаль выѣзжать изъ Лондона; и наоборотъ подозрительное лице, которое отыскивають въ столицѣ, давно уже успѣло уѣхать въ Америку. Но, несмотря на всѣ эти препятствія и затрудненія, число преступниковъ, которымъ удается ускользнуть отъ реэмиссовъ полиціи, довольно незначительно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ учреждемъ особый классъ агентовъ, на которыхъ возложена специальная обязанность отыскивать слѣды злоумышленниковъ. Центръ этого учрежденія, основаннаго только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находится также въ Шотландскомъ Дворѣ; личный составъ его заключается въ одномъ главномъ инспекторѣ, трехъ инспекторахъ и пятнадцати сержантахъ, получающихъ всѣ инструкціи непосредственно отъ сэра Ричарда Майна. Такіе агенты указатели называются отыскателями или сыщиками, названіе, вполне соответствующее роду ихъ обязанностей, состоящихъ въ отысканіи виновниковъ причиненной обиды или зла. Для того, что бы англійская полиція отыскивала виновнаго, необходимъ такъ называемый юристами *corpus delicti*, указывающій на преступленіе и, кромѣ того, обыкновенно принесеніе жалобы со стороны обиженнаго или пострадавшаго. Такимъ образомъ, собственно говоря, эти агенты ничто иное, какъ переодѣтые констебли. Они, дѣйствительно, и выбираются изъ числа констеблей, одаренныхъ вѣрнымъ взглядомъ, и выказывающихъ склонность къ этой секретной службѣ. Авторъ настоящей статьи въ «*Revue des Deux Mondes*» рассказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ въ время его пребыванія въ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однажды ночью, воры забрались въ дворъ дома, въ которомъ онъ жилъ. На другое утро онъ объявилъ о случившемся полицейскому управленію, не по причинѣ цѣнности похищенныхъ у него вещей, но собственно съ цѣлю узнать, какимъ образомъ въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ англійская полиція. На слѣдующій день къ нему пришелъ господинъ въ обыкновенной одеждѣ, объявившій себя агентомъ администраціи: это былъ дѣйствительно сыщикъ. Онъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ; касательно украденныхъ вещей уже было произведено самое подробное разслѣдованіе, какъ будто дѣло шло о потерѣ всего состоянія, и по собраннымъ свѣдѣніямъ слѣдовало предполагать, что часть похищеннаго была продана нѣкоторымъ купцамъ въ Дейтфордѣ. Во время слѣдованія къ этому городу или

предѣстію Лондона, «я имѣлъ неоднократно случай», говорить г. Эскирсу, «оцѣнить мѣткій умъ, смѣтливость и практическій навыкъ моего проводника. Онъ какъ будто видѣлъ, что происходило за стѣнами нѣкоторыхъ подозрительныхъ домовъ, и описалъ мнѣ такія подробности о жизни и нравахъ жителей, въ меблированныхъ квартирахъ послѣдняго разряда, которымъ повзвидовали бы многіе англійскіе романисты». Всѣ подозрительныя личности были ему извѣстны. «Этотъ молодой человѣкъ, который прошелъ мимо насъ, изъ хорошаго семейства, но съ нѣкотораго времени онъ связался съ негодями, и, по всей вѣроятности, скоро попадетъ въ наши руки. А этотъ, въ синей курткѣ, продолжалъ онъ, который бродитъ около магазина часового мастера, явился сюда не съ добрыми наміреніями; ему хочется справиться о времени на чужихъ часахъ. Замѣтили ли вы, спросилъ онъ меня вслѣдъ затѣмъ, женщину въ шляпкѣ полинявшаго зеленого цвѣта? Это утайница краденыхъ вещей». Спшикъ этотъ разсказалъ мнѣ нѣкоторые свои усѣхи, и вообще говорилъ объ участіи своемъ въ разныхъ происшествіяхъ, какъ солдатъ говорить о походахъ, въ которыхъ участвовалъ. Ему приходилось, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нѣсколько разъ въ день измѣнять свою наружность; для этого употреблялъ онъ поддѣльные волосы, бакенбарды, щепотку румянъ и черной краски. При объясненіи одного происшествія, случившагося весьма недавно, и при которомъ онъ успѣлъ также отличиться, онъ сообщилъ мнѣ, что люди, которые охотятся за чужимъ добромъ, смотря по націи, къ которой принадлежатъ, употребляютъ своеобразные приемы, при совершеніи своихъ преступныхъ дѣйствій. «Такъ, при входѣ въ какой либо домъ, въ которомъ ночью былъ произведенъ грабежъ, мы тотчасъ, по нѣкоторымъ признакамъ, узнаемъ, присовокупилъ онъ, нѣмъ была учинена кража, иностранцами или англичанами. Первые придерживаются правила поспѣшно дѣйствовать, и, не медля, спастись; послѣдніе, напротивъ того, изъ удалства или презрѣнія къ опасности, не торопятся, и распоряжаются, какъ у себя дома. Часто случается, что наши ночные воры, разломавъ двери или ставни жилого дома, закуриваютъ свои трубки, осматриваютъ чуланы, обяскиваютъ погребъ и садятся безцеремонно за столъ и пьютъ за здоровье спящихъ подъ ними жильцовъ». Разговаривая такимъ образомъ, мы пришли въ Дейт-фардъ, гдѣ словоохотливый спутникъ мой началъ водить меня

по разнымъ темнымъ лавочкамъ. Вездѣ его встрѣчали, хотя съ недовольнымъ видомъ, но вѣжливо, какъ принимаютъ гостя, котораго боятся, и отъ котораго желали бы поскорѣе отдѣлаться, но съ которымъ однако благоразуміе велитъ быть привѣтливѣе. Вещи, которыя были украдены въ моемъ жилищѣ, тамъ не нашлись, или я не могъ ихъ узнать, а что бы дать ходъ судебному изслѣдованію, нужно было принести присягу о подлинности вещей. «Can you swear (можете ли вы присягнуть), что эти предметы принадлежатъ вамъ?» Вотъ первый вопросъ, съ которымъ въ подобномъ случаѣ обращается англійская полиція. Впрочемъ я не потерялъ напрасно дня, я былъ весьма доволенъ разговоромъ съ моимъ спутникомъ, и благодаренъ ему за тѣ подробности, на которыя онъ обратилъ мое вниманіе, описывая нравы разныхъ преступниковъ. Точно также, какъ нѣкоторыя фирмы, заведенія, дома и нѣкоторые частные люди въ Англіи имѣютъ собственную полицію, каждый имѣетъ право содержать на свой счетъ людей, которые обязываются розыскивать и развѣдывать исключительно въ его интересахъ. Слѣдовательно, на этомъ основаніи, существуютъ два разряда сыщиковъ: одни официальные, назначаемые администраціею Ричарда Майна, и получающіе изъ администраціи же свое вознагражденіе, а другіе, не признаваемые должностными лицами, не имѣющіе никакой власти, и дѣйствующіе на счетъ тѣхъ, которымъ они продаютъ свои услуги. Вообще говоря, раскрытіе преступленій составляетъ такой же промыселъ, какъ и всякій другой, съ тою только разницею, что въ одномъ случаѣ онъ контролируется государствомъ, а въ другомъ состоитъ въ вѣдѣніи частнаго предпріятія, по вольному найму. Въ послѣднемъ случаѣ эти секретные агенты получаютъ наименованіе частныхъ сыщиковъ, которые очень часто принадлежатъ къ частнымъ слѣдственнымъ конторамъ (private inquiries offices), куда каждый имѣетъ право обратиться для полученія за извѣстную денежную плату желаемыхъ свѣдѣній. Развитіе этой индустріи или промысла много способствовало къ основанію особаго учрежденія для расторженія браковъ. Жена, желающая учредить надзоръ за своимъ мужемъ, или мужъ, поручающій слѣдить за своею женою, представляютъ отличную практику для частныхъ агентовъ, извлекающихъ для себя пользу въ всякомъ случаѣ, какія бы ни вышли послѣдствія для этихъ мужей и женъ. Многие страсти

содержать на собственный счет или на счет своих клиентов одного из таких сыщиков. При ведении процесса напр., оба адвоката, как со стороны обиженного, так преимущественно со стороны обвиняемого, имѣя иногда надобность проникнуть въ нѣкоторыя тайны, что бы разъяснить неясность или запутанность, прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ опытности и къ свѣдѣніямъ частнаго сыщика. На браконьеровъ этихъ, охотящихся на чужой землѣ, члены правильной полиціи смотрятъ косо и даже съ презрѣніемъ, упрекая ихъ въ томъ, что они занимаются грязнымъ дѣломъ, слишкомъ часто изъ корыстныхъ видовъ, исполняя такія порученія и открытія, которыя администрація никогда не рѣшилась бы принять на себя. Когда однажды оставный инспекторъ поступилъ въ секретную справочную контору, то начальство Шотландскаго Двора порицало его за этотъ поступокъ, угрожая лишить его пенсіи. Случается однако, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, кто нибудь изъ офицеровъ сэра Ричарда Майна пользуется услугами посторонняго шпиона, не принадлежащаго къ составу столичной полиціи, но тогда и вся отвѣтственность остается на официальномъ лицѣ. Его бы осудили, если бы поведеніе его наемнаго помощника подало поводъ къ серьезнымъ упрекамъ. Тоже самое должно сказать и о женщинахъ сыщикахъ, которыя никогда не занимаютъ непосредственно правительствомъ, хотя онѣ играютъ довольно значительную роль въ открытіи зла и преслѣдованіи преступниковъ. Агентъ, который даетъ имъ занятіе, самъ имъ и деньги платитъ; администрація же показываетъ видъ, что не имѣетъ никакого съ ними дѣла. Такія орудія сыскаго искусства, въ послѣдствіи, выступаютъ въ качествѣ свидѣтелей въ дѣлѣ, для раскрытія коего употребляли ихъ секретныя услуги. Открытіе преступленій составляетъ настоящую науку, имѣющую свои непреложные принципы и правила. Одно изъ такихъ правилъ состоитъ въ томъ, что никогда не слѣдуетъ пренебрегать какимъ либо указаніемъ, или, по выраженію одного ловкаго сыщика, «нѣтъ никакихъ такъ называемыхъ мелочныхъ обстоятельствъ.» Шотландецъ, совершившій подлогъ, въ продолженіе нѣкотораго времени весьма удачно скрывался отъ всѣхъ розысковъ полиціи. Несмотря на то, наконецъ, отыскали гостиницу въ Лондонѣ, въ которой онъ провелъ одну ночь, но откуда на другой день исчезъ, не сказавъ, куда онъ отправился, и не оставивъ никакихъ по себѣ слѣдовъ. Слуги, спрошенные въ

гостиницѣ, ничего не знали про этого путешественника; только одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что во время завтрака неизвѣстный, дѣлая замѣтки въ памятной книжкѣ, сломалъ при этомъ золотую ручку для вставки карандаша; что, повидимому, ему было весьма неприятно. Для каждаго, непосвященнаго въ тайны этой науки, такое обстоятельство безъ сомнѣнія показалось бы ничтожнымъ; но въ глазахъ инспектора и сержанта, которымъ было поручено выслѣдить виновнаго, это ничтожное свѣдѣніе было лучшемъ свѣта. Во всѣхъ лавкахъ ювелировъ навели справки, не былъ ли въ которой либо изъ нихъ неизвѣстный джентльменъ описанныхъ примѣтъ, и не отдавалъ ли исправить палочку для вставки карандаша. По истеченіи нѣсколькихъ дней эти розыски увѣнчались успѣхомъ: одинъ изъ ювелировъ въ Сити получилъ для исправленія искомый предметъ; домъ этого купца былъ подверженъ особенно тщательному надзору, и въ первую слѣдующую субботу разыскиваемый самъ явился за своею ручкою. Его тутъ же и арестовали.

Какъ въ всѣхъ другихъ искусствахъ, такъ и въ упомянутомъ, одни теоретическія правила недостаточны; нужны врожденныя дарованія и своего рода геніальность. Такъ нѣкоторые смѣшники отлично удерживаютъ въ памяти числа и лица. Точное опредѣленіе времени въ многихъ случаяхъ можетъ служить подтвержденіемъ истины, а относительно лицъ имъ ежедневно приходится доказывать тождественность такихъ особъ, которымъ желательно оставаться неузнанными. Вниманіе сыщиковъ впрочемъ не останавливается только на внѣшнихъ чертахъ лица, потому что человѣкъ очень легко можетъ измѣнить свой видъ, вырасить волосы и бороду, или скрыть природный цвѣтъ лица; но не такъ легко, въ особенности въ минуту изумленія, испуга или смущенія, измѣнять свой голосъ. Звучность голоса, высокіе или низкіе тоны, малѣйшіе недостатки въ произношеніи, составляютъ также неизмѣнные признаки личности человѣка. Нѣкоторые изъ тайныхъ агентовъ владѣютъ какъ бы шестымъ чувствомъ, которымъ различаютъ эти малѣйшіе, едва замѣтные, оттѣнки. Какой необыкновенный инстинктъ у нихъ, для разъясненія самыхъ мелочныхъ фактовъ, сочетаній и сближенія разныхъ предположеній и разрѣшенія загадочнаго явленія! Какое у нихъ чутье и какая настойчивость при преслѣдованіи бѣглеца и отысканіи его слѣда! Инны хорошо знаетъ воровскій языкъ, основательно изучилъ обычаи этой тайной и

опасной области зла и порока, и, несмотря на то, может она-
завшись неспособна къ успѣху подвизаться на этомъ по-
прищѣ, для котораго нужно особое призваніе отъ природы!
Истинные, даровитѣе сынки призваны къ своимъ занятіямъ;
эти можно сказать незакидны сами по себѣ обязанности имѣ-
ють для нихъ всю прелесть борьбы. Изъ любви въ дѣлу, они
выносятся съ берлогами злоумышленниковъ, пренебрегая всѣ
опасности, лишии себя сна и отдыха, не рѣдко забывая голодъ.
Надежда на вознагражденіе и прибыль бавъ сомнѣній усили-
ваютъ ихъ ревность; но и самолюбіе играетъ въ этомъ случаѣ
немаловажную роль. Какъ чистѣйшей породы гончія собака,
они съ энтузіасмомъ гонятся за своею дичью, и нагъ великъ
восторгъ ихъ въ тотъ моментъ, когда они наконецъ настигли
ее! Изъ дѣла съ людьми хитрыми, съ тонкими плутами, они и
сами должны хитрить, и скрываться подъ непроницаемою ма-
скою. Иногда имъ не нѣсколько разъ въ день приходится пере-
одѣваться. Во время всемірной выставки въ 1862 году въ Лон-
донѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, совершались по но-
чамъ кражи въ такъ называемомъ австрійскомъ отдѣленіи.
Скитнику, отряженному изъ полиціи, пришла въ голову ориги-
нальная мысль надѣть на себя зеленое покрывало (которымъ
на ночь закрывались статуи и другіе предметы искусства), и
простоять ночь на пьедесталѣ, противъ богатой выставки.
Всюррѣ повазался воръ, одѣтый въ блузу, и, захвативъ пару
сапогъ, хотѣлъ прѣворно удалиться, но неподвижная статуя
неожиданно зашевелилась и скватила его. Испугъ бѣдняка былъ
такъ великъ, что польшейскій агентъ, воображая, что онъ ли-
шился жизни, уже началъ раскаяваться въ хитрой выдумкѣ; но
для пойманнаго вора дѣло это омончилось страхомъ и осу-
жденіемъ.

Новѣйшія изобрѣтенія науки и промышленности доставили
англійскому обществу новое оружіе для защиты противъ зло-
дѣевъ. Рассказываютъ, что у извѣстнаго Генсборо было сосѣ-
домъ какою то духовникъ, изъ сада котораго были похищены
ягоды, и всѣ старанія поймать вора были тщетны. Однажды
лѣтомъ Генсборо всталъ очень рано, и отправился въ садъ
своего сосѣда, что бы срисовать съ натуры старей вазъ. Онъ
ушелъ въ темный уголъ сада, и принялся уже за работу, какъ
вдругъ замѣтилъ человѣка, выглядывавшаго изъ за забора съ
улицы, и осматривавшаго мѣстность. Пользуясь этимъ обсто-

ательствомъ, живописецъ наскоро нарисовалъ портретъ вора, и такъ вѣрно, что въ немъ тотчасъ узнали жителя одной изъ сосѣднихъ деревень. Въ этомъ случаѣ карандашъ живописца служилъ учителемъ, но люди, подобные Генсборо, рѣдки, и если бы приходилось только на нихъ рассчитывать для раскрытія истины, то многіе фруктовые сады подвергались бы опустошенію. Въ настоящее время существуютъ уже другія болѣе легкія и удобныя средства для розыска виновныхъ. Каждый человекъ имѣетъ уже обвинителя въ своей собственной тѣни. Фотографія, въ слѣдствіе дешевизны, въ послѣднее время такъ распространилась въ Англии, что едва ли найдется не только богатый, но даже бѣдный человекъ, котораго изображеніе не было бы снято на стеклѣ или на бумагѣ. Узнавъ о преступленіи, полиція, если подозрѣваетъ кого либо, тотчасъ старается достать одинъ изъ портретовъ этого лица. Затѣмъ съ портрета этого снимаютъ огромное количество снимковъ, которые вывѣшиваются на стѣнахъ, или печатаются въ главѣ объявленія, съ означеніемъ рода преступленія, характера бѣжавшаго злодѣя и суммы вознагражденія тому, кто отыщетъ его, или сообщить о немъ свѣдѣнія. Извѣстны также услуги, которыя приноситъ химія при розыскѣ полиціи; но существуетъ еще другое изобрѣтеніе, отъ котораго можно было бы ожидать менше пользы при изслѣдованіи преступленій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, воры ограбили лавку часового мастера въ Лондонѣ; преслѣдуемые агентами, и имѣя при себѣ похищенные часы въ значительномъ количествѣ, они вздумали, при переправѣ черезъ Темзу, уничтожить всякую улику, бросивъ часы въ рѣку. Мутное и темное русло казалось имъ лучшимъ мѣстомъ для скрыванія похищенныхъ вещей, «ибо рѣки ничего не проболтаютъ», какъ выразился одинъ изъ воровъ для того, что бы убѣдить товарищей отблаться отъ опасной добычи; но они ошиблись, потому что Темза не утаила воровства. Сэръ Ричардъ Майнъ пригласилъ нѣсколькихъ водолазовъ, хорошо знающихъ съ ложемъ рѣки, которой русло осмотрѣли, въ его присутствіи, по направленію тѣхъ мѣстъ, которыя были указаны полицейскими агентами. Всѣ часы нашлись, и одни изъ нихъ, не получившіе никакого поврежденія отъ пребыванія своего въ водѣ, и въ настоящее время вывѣшены у окна часового мастера на Страндѣ. Изъ всего этого видно, что способъ, употребляемый англичанами для открытія преступленій, ма-

*

до отличаются отъ тѣхъ, которые приняты и въ другихъ странахъ; но не въ этомъ состоитъ сущность дѣла. Надобно знать, съ какими именно врагами общественнаго спокойствія и безопасности должна постоянно вѣздаться англійская полиція, и каковъ характеръ тѣхъ вредныхъ людей, съ которыми она болѣе или менѣе обязана вступать въ открытую и тайную борьбу, а потому здѣсь и не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ англійскихъ ворахъ вообще. Карлейль называетъ въ одномъ мѣстѣ англійскихъ воровъ чортовымъ полчищемъ (Devil's regiment), слѣдовало бы сказать арміею. Въ подробномъ спискѣ, обнародованномъ въ 1858 году Албаніемъ Фолбланкомъ, насчитывалось въ то время въ Соединенномъ королевствѣ до 160,346 преступниковъ, изъ которыхъ 25,434 находились въ заключеніи и 134,922 на свободѣ. Съ этихъ поръ число ихъ постоянно увеличивалось, и всѣ они лично извѣстны полицейскимъ чинамъ. А потому, если завтра же министръ внутреннихъ дѣлъ отдастъ приказъ сэру Ричарду Майну и главнымъ констеблямъ арестовать всѣхъ подозрѣваемыхъ, находящихся въ предѣлахъ 52 кварталовъ Англій и княжества Вэльскаго, то агенты безъ большаго труда отыщутъ мошенниковъ всѣхъ разрядовъ и начинающихъ убійцъ. Всякому извѣстно, что эти люди каждый день совершаютъ кражи для добыванія средствъ къ пропитанію. Опытный сыщикъ докажетъ, даже на дому и имена утайщиковъ, расположенныхъ въ его участкѣ, которымъ предаются похищенные предметы. Число такихъ домовъ доходило въ 1858 году до 3,122. Съ перваго взгляда поэтому показалось бы, что ничего нѣтъ легче, какъ поимочить съ этимъ полчищемъ злодѣевъ. На вопросъ: законъ ли этому препятствуетъ?—получимъ отвѣтъ отрицательный, и мы, безъ сомнѣнія, удивили бы многихъ англичанъ, если бы сказали имъ, что только отъ ихъ полиціи зависитъ поразить однимъ ударомъ всѣхъ опасныхъ людей. Одно изъ постановленій судебной книги, писанное почти цѣлое столѣтіе тому назадъ, и не отмѣненное, гласитъ, что каждое, подозрѣваемое въ воровствѣ лице, посѣщающее улицы и площади, представляющія болѣе удобства для посягательства на чужую собственность, можетъ быть призвано къ суду, и по осужденіи заключено въ тюрьму. Чѣмъ же объясняется то обстоятельство, что это ясное постановленіе закона никогда не исполнялось? Просто тѣмъ, что оно совершенно удаляется отъ общихъ принциповъ англійскаго судо-

производства, и что оно живо затрогиваетъ чувство естественнаго права, давно вкоренившееся въ народѣ. Осуждать намѣренія прямо прѣтивно духу и характеру англичанъ, а потому они и не хотятъ пользоваться подобною, хотя и законною, мѣрою. Въ слѣдствіе этого, практическое примѣненіе этого закона не сходно съ точнымъ его смысломъ. Самое подозрительное лице можетъ днемъ свободно прохаживаться по улицамъ Лондона, не обращая вниманія на полицію, но для того, что бы арестовать его, нужно схватить его, какъ выражаются, съ срукю въ мѣшкѣ» (la main dans le sac). Другое дѣло ночью: каждый констебль, замѣчая бродящаго около жилого помѣщенія, съ подозрительнымъ намѣреніемъ, имѣетъ право отвести такое лице именемъ власти въ полицейское правленіе; но арестованный освобождается на другое утро, коль скоро судьями доказывается ложность подозрѣнія. Право свободнаго движенія распространено до того, что цѣлыя шайки мошенниковъ перешаиваются съ одного мѣста на другое, когда извѣстныя празднества, какъ напр. скачки, или открытыя выставки, привлекаютъ огромное стеченіе зрителей въ одинъ изъ городовъ Англїи. Полиція почти всегда предупреждается о ихъ движеніяхъ, и зорко слѣдитъ за ними. Въ то время, когда душеніе людей на улицахъ (gagrotage) *) распространяло такой страхъ на жителей Англїи, цѣлое общество подозрительныхъ людей отправилось однажды съ этимъ намѣреніемъ изъ Лондона въ Манчестеръ. Къ ночи прибыли они къ цѣли своего путешествія, и едва только успѣли выйдти изъ одного вагона 3-го класса, какъ полицейскіе инспекторы попросили ихъ слѣдовать за ними въ одно изъ помѣщений станціи. «Господа», обратились инспекторы къ нимъ, «позвольте осмотрѣть ваши лица.» Когда, при гасовомъ освѣщеніи, узнали

*) Въ 1862 и 1863 годахъ на улицахъ Лондона, во время ночей, господствовалъ страхъ. Казнь, извѣстная въ Испанїи подъ именемъ gagotta, подава, извѣстному классу грабителей, мысль неожиданнаго нападенія на людей, что очень часто имѣло весьма серьезныя послѣдствія. Что бы вполне удачно совершить подобный грабежъ, сопровождаемый насиліемъ, обыкновенно требовалось трое людей: первый шелъ впереди жертвы своей, и подавалъ своимъ товарищамъ знакъ въ случаѣ опасности; другой ловкою рукою сжималъ проходящему горло, а третій въ это время обшаривалъ карманы несчастнаго, почти задушеннаго, человѣка.

ихъ фізіономіи, полиція ихъ долѣе не задерживала, но каждый изъ гарротеровъ хорошо понималъ, что злое намѣреніе, съ которымъ онъ пріѣхалъ, сдѣлалось извѣстнымъ, и что имъ оставалось возвратиться въ Лондонъ, сожалѣя о деньгахъ, которыя напрасно издержали на проѣздъ въ Манчестеръ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, англійскій моралистъ Генрихъ Мэгу (Henry Mayhew) возымѣлъ оригинальную идею созвать на митингъ лондонскихъ воровъ, не достигшихъ двадцати одного года. Сто пятьдесятъ изъ нихъ явились на этотъ вызовъ; мѣстомъ собранія назначенъ былъ одинъ изъ классовъ британской соединенной школы (British Union school). Посѣтители разсѣлись на скамьяхъ, и по длитѣ ихъ волосъ можно было приблизительно судить о времени ихъ послѣдняго выхода изъ тюрьмы. Почти всѣ они одѣты были въ рубище и лохмотья, но, тѣмъ не менѣе, выражали шумную веселость, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ, которые были постарше и принимали мрачный видъ. Въ продолженіе получаса, они подражали звукамъ всѣхъ домашнихъ животныхъ; въ этомъ странномъ концертѣ громче всѣхъ раздавался крикъ пѣтуха. Въ первый моментъ, председательствующій уже думалъ, что напрасно потерялъ свой вечеръ, но, по данному знаку и приглашенію его, водворились порядокъ и тишина. Одинъ изъ присутствующихъ, едва достигшій девятнадцатилѣтняго возраста, находился уже двадцать девять разъ въ тюрьмѣ; это открытіе встрѣчено было аплодисментами, и всѣ встали съ своихъ мѣстъ, что бы посмотрѣть на молодого героя. Нѣкоторые другіе написали мѣломъ на шляпахъ цифру, означавшую ихъ походы, т. е. сколько разъ они были подвергавемы заключенію. Причины ихъ бродяжнической жизни и развращенія, какъ сами они объяснили, заключались въ нерадѣніи къ нимъ родителей, дурномъ обращеніи съ ними ихъ хозяевъ и вредномъ вліяніи и дурныхъ примѣрахъ ихъ товарищей, которые увлекли ихъ съ собою на этотъ путь. Изъ числа ихъ, шестьдесятъ три умѣли читать и писать. У нихъ была своя литература, и они съ необыкновенною жадностію читали исторіи о ворахъ и біографіи знаменитыхъ разбойниковъ; тѣ, которые сами не могли прочесть, просили болѣе свѣдущихъ товарищей читать имъ въ слухъ подобныя сочиненія. Между этими молчаливыми преступниками оказалось двадцать, которые были назва-

всемы розгами по два, по три и даже по четыре раза *) Одного полицмейстера, въ статскомъ платьѣ, также находилса въ залѣ; когда его присутствіе было замѣчено, то послышалса роботъ: раздалса свистки.

Имѣлъ ли онъ право быть въ этомъ собраніи? Его просили выйти, и онъ, извиняясь, удалилса. Въ продолженіи вечера, президентъ (Henry Maubew) послалъ одного изъ членовъ митинга развѣстить однихъ фунтъ стерлинговъ. Когда молодой воръ возвратилса съ мелкою монетою, раздалса взрывъ шиподисментовъ. Товарищи его бѣлись, что, если бы онъ не вернулся, они убили бы его. Нельзя предполагать, что бы этотъ замѣчательный митингъ привелъ къ какимъ нибудь правтическимъ выводамъ, но подобными свѣдѣніями, взятыми прямо изъ жизни, нельзя пренебрегать, когда рѣчь идетъ о такомъ классѣ людей, съ которымъ обществу полезно ознакомиться.

Г. Эскирозъ, имѣя желаніе поближе увидѣть этого разрада личности, года два тому назадъ, обратилса съ этою цѣлію къ одному сыщиву, который привелъ его въ клубъ мошенниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое названіе придумать для трактира, гдѣ постоянно бываетъ сборище самыхъ подозрительныхъ и весьма опаснаго свойства людей? Г. Эскирозъ откровенно объяснилъ причину своего прихода въ качествѣ писателя. Это объясненіе принято было холодно; но безъ всякаго признака удивленія или негодованія «Вы не должны ожидать, что бы мы разсказали вамъ тайны нашего промысла», сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, «съ подобною цѣлію вамъ придется обратиться въ другимъ»; но мы охотно отвѣтимъ на вопросы, которые вы намъ предложите касательно оборотовъ нашей отрасли торговли (business). Этого только и хотѣлъ любознательный наблюдатель нравовъ. Воѣ были того мнѣнія, что ихъ промышленность принадлежитъ къ одной изъ самыхъ невыгодныхъ для предпринчиваго человѣка, и въ самомъ дѣлѣ, до какой суммы простирается цѣнность мошенничныхъ и украденныхъ предметовъ въ Лондонѣ въ течение цѣлаго года? До 50,000 э. стер., изъ коихъ на долю каждаго вора

*) Англійскіе судьи, на основаніи закона, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, приговариваютъ къ этому роду тѣлеснаго наказанія, которое также употребляется въ тюрьмахъ, въ случаѣ возмущенія или неисполненія установленныхъ правилъ.

придется отъ 1,500 до 2,000 ф. въ годъ. Но эти цифры еще не представляютъ настоящей чистой прибыли. Объ этомъ англійскіе мазурики, съ своей точки зрѣнія, разсуждаютъ весьма основательно. По ихъ словамъ, въ цивилизованныхъ странахъ нѣтъ ни одного человѣка, котораго такъ обманывали бы и обирали бы, какъ именно вора. Напримѣръ, за золотыя часы, стоящіе по крайней мѣрѣ 100 гиней (700 рубл.), предлагаютъ 2 соверна (12 рубл. сер.), и всего лишь 30 шиллинговъ за банковый билетъ въ 5 ф. стерл. *). Чѣмъ легче можно узнать похищенную вещь, тѣмъ меньшую цѣну за нее предлагаетъ покупатель во ровскихъ вещей. Онъ, съ своей стороны, пожалуй, правъ, за рискъ свой требуя платы; но покушающійся на преступленіе подвергается гораздо большимъ опасностямъ и отвѣтственности, въ которыхъ нисколько не участвуетъ келейный покупатель. Если присовокупить къ этому прочія невзгоды, а именно: тюремное заключеніе, неудавшееся предпріятіе, дни ожиданія безъ всякаго заработка, частныя тревоги, обманутыя надежды, потери въ слѣдствіе разныхъ случайностей и тому подобныя неудовольствія, неразлучныя съ жизнью злоумышленниковъ, то можно вообразить себѣ, съ какою горечію нѣкоторые вори отзываются о своемъ несчастномъ промыслѣ. Званіе или профессія честнаго человѣка, громко провозгласили они, во сто тысячъ разъ лучше, чѣмъ злоумышленника; на одного изъ этихъ послѣднихъ, живущаго нѣкоторое время въ изобиліи, сколько приходится несчастныхъ, съ трудомъ пробивающихся изъ дня въ день, имѣя въ перспективѣ тюрьму и висѣлицу. Но какъ почти исключительно одинъ лишь матеріальный интересъ въ ихъ глазахъ имѣетъ важное значеніе, то многіе между ними сожалѣютъ, что они послѣдовали, какъ они выражаются, своему призванію (calling). Ихъ положеніе скверное, но имъ очень трудно выйдти изъ него; они или не знаютъ никакого мастерства, или, если въ молодости и учились чему нибудь, то давно успѣли все забыть. Кромѣ того порочныя привычки, сильно вкоренившіяся, отвращеніе къ постоянному труду, нравственный упадокъ, и, надобно сознаться, страсть къ различнымъ приключеніямъ, удерживаютъ ихъ ро-

* Здѣсь разумѣется идетъ рѣчь о билетахъ банковыхъ, номера и названіе которыхъ уже объявлены полиціи законнымъ ихъ владельцемъ.

ковою силою въ томъ кругу, который они сами себѣ очертили. Авторъ настоящей статьи изъ этого клуба (club) вынесъ нѣсколько поучительныхъ признаній изъ устъ людей, предававшихся гнусной жизни, но съ тѣмъ вмѣстѣ и какое то тоскливое чувство.

Протестантскіе миссіонеры, находящіеся во всѣхъ большихъ городахъ Великобританіи, такъ же старались разузнать идеи и понятія воровъ. Живя среди ихъ въ извѣстныхъ кварталахъ Лондона, куда ночью не всякій рѣшится идти, миссіонерамъ этимъ удобно было изучать бытъ и нравы этой шайки бродягъ. Но опытъ показалъ, что, при на лучшихъ намѣреніяхъ и при всемъ стараніи, они очень мало принесли пользы. Многимъ изъ этихъ отверженцевъ общества удалось привить внѣшніе обряды, но каждый изъ нихъ отъ этого не становится лучшимъ человѣкомъ. Лишь только представится удобный случай—и его дурныя наклонности всегда одержать верхъ надъ совѣстію и неукрѣпившеюся еще вѣрою. Но эти злоумышленники, несмотря на то, чувствуютъ признательность къ людямъ, которые занимаются ими, и показываютъ къ нимъ участіе. У одного господина, бывшего въ тѣсной дружбѣ съ такимъ миссіонеромъ, украли перчатки; спустя нѣсколько дней, онъ проходилъ по той же улицѣ, какъ къ нему подошелъ неизвѣстный человѣкъ, сказавъ: «я не зналъ васъ, иначе не похитилъ бы у васъ перчатокъ; получите ихъ обратно, и простите меня.»

Какъ въ всѣхъ большихъ городахъ, такъ и въ Лондонѣ, существуютъ разныя категоріи людей, живущихъ обманомъ и грабежемъ. Между этими злодѣями встрѣчаются весьма искусные мастера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ числѣ представленныхъ въ судъ инструментовъ и орудій, употребляемыхъ для кражи съ взломомъ, нѣкоторые оказались такой превосходной отдѣлки, что даже полицейскіе агенты не могли скрыть своего удивленія. Нѣкоторые burglars (занимающіеся по ночамъ кражею со взломомъ) дошли, дѣйствительно, до необыкновеннаго искусства, и между желѣзными орудіями на нѣсколько сотъ фунтовъ вѣсомъ, которыя отправляются ежегодно въ вуличскій арсеналъ для переплавки, попадаютъ нерѣдко образцовыя произведенія, о которыхъ сожалѣютъ знатоки. Англичане большіе любители разныхъ игръ и упражненій (sports), и эта общая наклонность, національная характеристическая черта, произвела особый родъ обмана. «Однажды, говоритъ Альфонсъ Эскиросъ

когда я прогуливался по такъ называемому Страндъ, совершенно неизвѣстный мнѣ англичанинъ спросилъ у меня названіе одной перьевы. Чрезвычайно рѣдко случается, что бы какойнибудь господинъ обратился съ вопросомъ къ незнакомому, а потому еще болѣе страннымъ показалось мнѣ, что англичанинъ спрашивается у иностранца о названіи зданія. Это возбудило во мнѣ подозрѣніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ послужило сильнѣйшимъ для меня поводомъ выказать готовность вступить съ нимъ въ разговоръ, тѣмъ болѣе, что наружность его была довольно странная. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ, подъ предлогомъ познакомиться ближе, мой компаніонъ, отличавшійся весьма высокимъ ростомъ и желтоватыми волосами, предложилъ мнѣ войти съ нимъ въ гостиницу. Я принялъ приглашеніе, потому что все предвѣщало какое нибудь приключеніе.

«Въ то время въ Голивэль-Стритъ улицъ, идущей вдоль нѣкоторой части Странда, и имѣвшей дурную славу, была такая то гостиница (public-house), довольно невзрачнаго и подозрительнаго вида; этого трактира теперь уже не существуетъ. Англичанинъ, который, повидимому, хорошо зналъ внутреннее расположеніе заведенія, провелъ меня въ большую залу, дурно освѣщенную, но меблированную такимъ же образомъ, какъ и другіе parlours (гостиныя, разговорныя) въ Лондонѣ. Нѣсколько массивныхъ столовъ изъ краснаго дерева, окруженныхъ скамейками изъ того же дерева, были разставлены въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Мы усѣлись за однимъ изъ нихъ, и хозяинъ мой, или амфитріонъ (онъ пожелалъ принять на себя эту роль), приказалъ слугѣ принести два стакана хересу, при совокупивъ выразительнымъ тономъ: «И что бы былъ самый лучший» (the best). Послѣ обычныхъ церемоній, принятыхъ у нашихъ сосѣдей, т. е. поклонившись другъ другу на англійскій манеръ, мы едва успѣли помочить губы золотою влагою, какъ вошелъ въ залу приземистый и плотный мужчина, съ грубыми чертами лица, загорѣвшимся лицомъ и черными волосами. Двѣ личности эти казались совершенно другъ друга не знали. Вновь пришедшій, потребовавъ себѣ стаканъ пива, спросилъ позволенія сѣсть къ нашему столу. Онъ объявилъ намъ, что онъ clergyman (духовное лице), находится въ отпуску и только недавно прибылъ въ Лондонъ съ цѣлію повеселиться; повидимому, онъ былъ въ восторгѣ отъ города и разнообразныхъ

развлеченій, но присовѣшувая, что придется ему поваляться, возвратясь въ свою пустыню. Въ этотъ день онъ присутствовалъ въ Agricultural-Hall при гимнастическихъ и акробатическихъ упражненіяхъ и чрезвычайно жалѣлъ, что не могъ состязаться съ другими бойцами. Что бы доказать намъ свою силу, онъ, засучивъ рукавъ, обнажилъ руку, которая видомъ своимъ оправдывала его слова; онъ хвастался тѣмъ, что въ состояніи бросить чугунное ядро, не помню уже на сколько то метровъ. Другой англичанинъ принялъ это завѣреніе съ явнымъ недобѣрчивостію. «Этого быть не можетъ!» вскричалъ онъ; «вы никого не увѣрите въ этомъ, но я желаю испытать васъ, и держу съ вами пари на 12 бутловокъ шампанскаго, которыя мы и разопьемъ здѣсь же, и выкуримъ при этомъ двѣ дюжины газанскихъ сигаръ. Мой другъ, сказалъ онъ, указывая на меня, будетъ намъ судьбою въ этомъ пари».—Clergman хладнокровно принялъ этотъ вызовъ. Оставалось одно затрудненіе: найти удобное мѣсто для исполненія этого фокуса. Провинціалъ въ черной одеждѣ предложилъ улицу, но другой житель, лондонскій, весьма основательно замѣтилъ, что на проѣзжей дорогѣ не дозволять этого, но къ счастью онъ зналъ по близости садъ, который былъ удобенъ для подобныхъ упражненій. «Отправимся туда!» кричали оба англичанина. Мы вышли, и я шелъ съ ними нѣсколько времени, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ что спутники мои могли себѣ вообразить, что я пошелъ на удочку. Но когда мы подошли къ темной аркѣ, которая вела въ узкую и безлюдную аллею, я объявилъ моему другу, что вовсе не намѣренъ идти далѣе. «Какъ вамъ угодно!» пробормоталъ онъ сквозь зубы, бросивъ на меня злобный взглядъ. Если бы я продолжалъ идти съ ними, то вотъ что случилось бы со мною: меня завели бы въ какую нибудь трущобу, гдѣ, подъ какою нибудь предлогомъ планъ бросанія чугуннаго ядра былъ бы оставленъ, а вмѣсто того занялись бы игрою въ перли, и меня заставили бы держать сторону одного изъ играющихъ; я, конечно, держалъ бы пари за того, котораго принялъ бы за болѣе искуснаго игрова. Вскорѣ однако же шансы переимѣнились бы, и онъ проигрывалъ бы одну игру за другою, вовлекая меня въ свой мнимый проигрышъ. Иностранцевъ, а въ особенности пріѣзжихъ англичанъ, въ Лондонѣ ежедневно обираютъ на значительную сумму эти мошенники кегельной игры, и ихъ король, (king of Skittlesharpers), тотъ самый, котораго я встрѣтилъ на Страндѣ, неод-

пократьо уже былъ судимъ. Впрочемъ, судьи въ подобныхъ случаяхъ приговариваютъ къ очень умѣреннымъ наказаніямъ, какъ будто хотятъ сказать обвинителю: какой чортъ занесъ васъ въ эту труппу!

Изъ разнообразныхъ видовъ воровъ, а ихъ безчисленное множество, изъ всѣхъ преступниковъ, а ихъ имя легионъ, всего болѣе заботъ и хлопотъ причиняютъ полиціи англійской такъ называемые *ticket-of-leave-men* (люди съ отпускнымъ билетомъ). Это однако же требуетъ объясненія: буквальный переводъ этихъ словъ не даетъ вѣрнаго понятія о такомъ типѣ, который встрѣчается въ одной Великобританіи.

Намъ приходится привести на память читателямъ нѣсколько историческихъ фактовъ. Система переселенія (*transportation*) процвѣтала въ Англіи сто сорокъ лѣтъ, но уже въ 1837 году колоніи стали рѣшительно отказываться принимать отправляемыхъ къ нимъ преступниковъ; а на основаніи какаго права можно было бы принудить ихъ подбирать тотъ соръ и мусоръ, который выбрасывало за океанъ родное отечество? Надобно было придумать какое либо измѣненіе въ системѣ наказаній. Въ 1853 году лордъ-канцлеръ предложилъ парламенту замѣнить переселеніе или транспортацию другою карательною мѣрою, — заключеніемъ. Этотъ новый терминъ былъ принятъ въ уголовномъ законодательствѣ для новой мѣры наказанія. Въ замѣнъ каторжныхъ работъ въ отдаленномъ краю, установлено было заключеніе въ тюрьмахъ, или на понтонахъ, внутри государства, и какъ послѣдній карательный способъ признанъ былъ болѣе строгимъ, чѣмъ прежній, то положено было сократить срокъ, назначенный судебнымъ приговоромъ. Въ настоящее время только западная часть Австраліи, Бермудскіе острова и Гибралтаръ принимаютъ еще къ себѣ англійскихъ ссыльнокаторжныхъ. Такимъ образомъ Англія съ тѣхъ поръ вынуждена была оставлять у себя большую часть осужденныхъ преступниковъ, невольно терпя у себя это зло. Люди этого разряда, изгоняемые прежде изъ своей родины, тревожили жителей другой части земнаго шара, а нынѣ, по выходѣ изъ тюрьмы, причиняютъ страхъ и безпокойство своимъ землякамъ. Тѣхъ именно опасныхъ злодѣевъ, отъ которыхъ преимущественно желала бы избавиться Великобританія, всего болѣе опасаются колоніи, и ни на какихъ условіяхъ не допускаютъ къ себѣ. Но это не единственная причина, вызвавшая законъ 1853 года. Пока Англія

пользовалась легкимъ средствомъ навязывать другимъ отверженцевъ туземнаго населенія, она мало заботилась о ихъ нравственномъ преобразованіи. Но, когда правительство лишилось этого вспомогательнаго средства, вниманіе всѣхъ обратилось къ тюремной дисциплинѣ, и начали употреблять разные методы, для возбужденія между преступниками желанія вести дунній образъ жизни. Было рѣшено, что бы правительство, или въ этомъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ право выдавать отпускныя билеты тѣмъ изъ заключенныхъ, которые хотя и не отсидѣли полный срокъ въ тюрьмѣ, но которыхъ поведение на столько было удовлетворительно, что внушало къ нимъ довѣріе. Эта система имѣла успѣхъ въ Бермудѣ, и можно было надѣяться, что она оправдается въ Англїи.

Другія причины, кромѣ закрытія колоній (это наименованіе дали отказу ихъ принимать на будущее время ссыльныхъ), также волновали общественное мнѣніе. Въ послѣднее время (съ конца пятидесятихъ годовъ) образовалась особая школа изъ законовѣдовъ и филантроповъ, во главѣ которой, стоитъ г. Гилль, бывший городской судья (recorder) въ Бирмингамѣ *). Еще будучи судьей, онъ смѣло и безбоязненно выражалъ свое мнѣніе о неудовлетворительности карательной системы англійской. Дѣйствія суда и полиціи въ Англїи, конечно, не остаются безъ всякаго вліянія и пользы, ибо, арестуя преступника, они отнимаютъ у него возможность на болѣе или менѣе продолжительное время вредить обществу. Они борются противъ зла, но не исцѣляютъ его. По крайней мѣрѣ, г. Гиль, съ своей стороны, сомнѣвается въ этомъ, а опытность, имъ прїобрѣтенная, заслуживаетъ большаго довѣрія. По его выраженію, Англїя, съ невѣроятными усилиями, среди горъ своихъ узаконеній, поднимаетъ цѣлый океанъ для того, чтобы перевезти перышко или утопить муху *). Къ тому же, муха не уто-

*) Нынѣ онъ поселился съ двумя дочерьми въ Бристоль, въ богатомъ и красивомъ сельскомъ домѣ, гдѣ предается своимъ любимымъ ученымъ занятіямъ.

**) Это намекъ на слѣдующіе стихи поэта:

An Ocean into mountains rais'd
 To waft a feather or to drown a fly.
 Вдругъ океанъ поднялся среди горъ,
 Что бы перо снести или муху утопить.

нула вовсе; она расправляет крылья на солнцѣ, готовясь снова летать. Другими словами и говоря безъ метафоръ, негодай, котораго только что пришибъ законъ, снова поднялся, и, презирая цивилизацію, идетъ ей наперекоръ. Воръ очень дорого стоитъ государству; рассчитано, что издержки судебныя на полицію и тюрьмы составляютъ громадную сумму, отъ 10 до 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; слѣдовательно на этотъ предметъ англичане тратятъ болѣе, чѣмъ на содержаніе своей арміи. Но собственно о деньгахъ менѣе сожалѣетъ Гилль; ему болѣе жаль совершенно напрасныхъ страданій. Въ глазахъ этого просвѣщеннаго судьи, страданіе и кара или наказаніе должны быть употребляемы обществомъ, какъ элементы или начала нравственнаго перерожденія. По мнѣнію его, главная преграда, заграждающая осужденному путь къ свободѣ, не въ тюрьмѣ и даже не въ приговорѣ судебной власти или трибунала: непреодолимое для него препятствіе его дурный нравъ и собственная воля; твердая его рѣшимость творить зло—вотъ желѣзная стѣна, черезъ которую ему не перелѣзть. Исполнивъ въ точности всѣ обязанности своей должности, г. Гилль обыкновенно менѣе рассчитывалъ на свойство карательныхъ мѣръ, определенныхъ закономъ, нежели на совокупность средствъ, направленныхъ къ тому, что бы возвысить характеръ арестантовъ, и пробудить въ нихъ голосъ совѣсти. «Повѣрьте мнѣ», сказалъ онъ въ главномъ судѣ Бирмингама, «часъ освобожденія не тогда насталъ для заключеннаго, когда онъ пробылъ свой узаконенный срокъ, но когда его поведеніе служитъ вѣрнымъ ручательствомъ его исправленія, и когда онъ на самомъ дѣлѣ оказывается способнымъ принести пользу своему отечеству.» Эти сужденія отчасти послужили поводомъ къ основанію школъ исправленія (reformatories) для молодыхъ воровъ, превосходныхъ послѣдовательныхъ (градационныхъ) тюремъ въ Ирландіи и новѣйшей системы такъ называемыхъ ticket-of-leave-men. Эти отпускные по билетамъ люди до известной степени соответствуютъ освобожденному французскому каторжнику; но не слѣдуетъ однако смѣшивать эти два типа.

Английскій колодникъ, о которомъ здѣсь говорится, свободенъ только условно, какъ явствуетъ изъ самаго смысла слова leave, означающаго отпускъ, и; стало быть, онъ во всякое время можетъ быть возвращенъ въ тюрьму или къ каторжнымъ работамъ. Въ законѣ, дѣйствительно, сказано, что лишеніе льго-

ты или милости, оказанной осужденному каторжнику, зависит отъ министра, и что въ этомъ случаѣ онъ будетъ снова отведенъ въ тюрьму, что бы пребыть тамъ остальное время, согласно состоявшемуся приговору. Онъ относительно государства находится, такимъ образомъ, въ положеніи должника, который уплатилъ только половину или часть своего долга, и котораго кредиторъ отпустилъ на слово, сохраняя за собою право снова его забрать, когда вздумается. Что бы опять засадить осужденнаго, нѣтъ надобности, что бы онъ снова совершилъ преступленіе; по принципу, для этого достаточно, если онъ сошелся съ людьми сомнительнаго свойства, ведетъ жизнь праздную и безпорядочную, или не въ состояніи указать, какими существуетъ средствами, и потому ясно, что его свобода весьма ненадежна: каждую минуту она можетъ быть уничтожена однимъ почеркомъ пера. Кто бы подумалъ, что эта то именно непрочность освобожденія или отпуска въ многихъ случаяхъ способствуетъ особенному снисхожденію, оказываемому всякому условноотпущенному. Что бы разъяснить такое кажущееся противорѣчіе, надо хорошо знать политическія нравы англичанъ. На министра, какъ мы выше сказали, возложена диктатура относительно этихъ временно-освобожденныхъ, а потому онъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится злоупотреблять этою властію, а, напротивъ того, часто колеблется пользоваться ею, въ слѣдствіе лежащей на немъ огромной нравственной отвѣтственности. Вообще, подобныя административныя мѣры противны духу англичанъ. Обвиненный, о которомъ полиція доставляетъ неблагопріятныя свѣдѣнія, судится такимъ образомъ при его отсутствіи и при закрытыхъ дверяхъ, а въ Англіи весьма неохотно осуждаютъ челоуѣка, не выслушавъ его предварительно, хотя бы онъ былъ каторжникомъ. Итакъ, въ дѣйствительности, это условное прощеніе болѣею частью соответствуетъ совершенному помилованію (free pardon).

Въ сущности, успѣхъ тутъ находится въ прямой зависимости отъ достоинства и практичности пенитенціарной системы. Весь вопросъ заключается въ томъ: есть ли какая нибудь возможность измѣнять людей, и существуютъ ли какія либо средства обратить преступника въ полезнаго гражданина? Вотъ вопросы, которые надлежало разрѣшить. Обратились тотчасъ къ физиологіи, къ религіи, къ ученію моралистовъ. Но нужно замѣтить,

что оппозиція со стороны колоній, противъ системы переселенія, застигла Англію въ такой моментъ, когда она не приготовлена была къ предпріятію столь трудной реформы. Завѣдываніе тюрьмами довѣрено было сэру Джошуа Джеббу, человѣку съ свѣтлымъ умомъ, который дѣйствовалъ въ видахъ правительства. Но новая система только тогда могла принести дѣйствительную пользу, когда исправленіе заключеннаго происходило на самомъ дѣлѣ, т. е. было истиннымъ, а не кажущимся или притворнымъ. Желая въ этомъ убѣдиться, правительство весьма много рассчитывало на содѣйствіе священниковъ, которымъ поручено было духовное назиданіе въ тюрьмахъ. Весьма многіе изъ нихъ были люди очень почтенные и достойные довѣрія, но, быть можетъ, они легче другихъ вдавались въ обманъ. Арестантъ, одаренный счастливою памятью, который при нихъ изустъ читалъ цѣлыя главы изъ библіи, выказывалъ притворное раскаяніе, и принималъ причастіе по обрядамъ протестантской церкви, могъ быть увѣренъ, что получить помилованіе. Такіе люди придавали преступленію высшее безобразіе, прикрывая его лицемеріемъ и ханжествомъ. Сами, обманутые искусными притворщиками, священники вводили въ заблужденіе правительство, въ отношеніи многихъ изъ этихъ злодѣевъ, которые имъ показались покаявшимися и исправленными. Впрочемъ то, что называютъ въ тюрьмахъ хорошимъ поведеніемъ, не служитъ еще доказательствомъ совершившагося нравственнаго переворота. Въ Англійи существуетъ особый классъ воровъ, которые одну пятую часть всей своей жизни проводятъ въ тюрьмѣ; имъ дали характеристическое названіе старыхъ тюремныхъ птицъ (old-gaol-birds), и они не чувствуютъ никакого отвращенія къ своей клѣткѣ^{*)}. Считаая себя какъ бы у себя дома, часто самые упорные и неисправимые преступники лучше другихъ умѣютъ сособразоваться съ правилами пенитенціарной системы, легко покоряясь знакомой дисциплинѣ. Многіе изъ этихъ старыхъ воробьевъ, при новомъ порядкѣ вещей, такъ ловко умѣли вести себя, что двери темницы не замедлили открыться передъ ними. Вскорѣ, однако же, замѣтили, что между

^{*)} Одинъ изъ арестантовъ сказалъ однажды про своего товарища, котораго опять пришлось заключить въ тюрьму: «Вотъ блудный сынъ возвращается въ отцовскій домъ; намъ слѣдовало бы отпраздновать его прибытіе.»

хорошимъ арестантомъ и честнымъ человѣкомъ разница весьма большая. Большинство вновь осужденныхъ можно даже уподобить слѣпцамъ, которые не могутъ уже идти по другой дорогѣ, вромѣ той, которую они знаютъ вдоль и поперекъ и которую ощупью найдутъ, а тюремное заключеніе не могло ихъ научить владѣть собою и разумно употреблять свободу.

Съ 1 октября 1853 года по 31 марта 1861 г., т. е. въ теченіе семи съ половиною лѣтъ, когда система освобожденія по условнымъ отпускнымъ билетамъ (ticket of leave) была наиболѣе въ ходу, разрѣшено 9,180 отпусковъ, изъ коихъ 384 были отобраны за дурный образъ жизни, а 1,030 человѣкъ, изъ числа получившихъ такой отпускъ, были осуждены за повторительныя преступленія. Надобно также принять еще во вниманіе опасности, которымъ подвергаются освобожденные изъ тюрьмы.

Имѣя въ карманѣ свой билетъ, онъ остается совершенно одинокимъ въ городѣ, который избралъ своимъ мѣстомъ пребыванія, или, что еще хуже, при встрѣчѣ съ прежними товарищами, подвергается пагубному вліянію ихъ совѣтовъ. Съ одной стороны, искушенія въ слѣдствіе нужды ежедневно усиливаются, тѣмъ болѣе, что, съ другой стороны, въ слѣдствіе внушаемаго имъ отвращенія и недовѣрія, увеличиваются для него препятствія снискать себѣ пропитаніе. Что бы устоять при такихъ условіяхъ, и не попасть въ прежній омутъ, нужны твердая воля и испытанная добродѣтель, а какой же нравственной энергіи можно ожидать отъ преступника, котораго старались приучить къ добру и пробудить совѣсть одними назиданіями и механическою системою. Этотъ ticket-of-leave-man есть англійскій Жанъ Вальжанъ. Романъ *) и театр наперерывъ старались, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, выставить этотъ новый типъ, вполне достойный возбудить къ себѣ живой интересъ.

Теперь остается рассмотреть, какъ дѣйствуетъ англійская полиція въ отношеніи этихъ каторжниковъ, освобожденныхъ въ слѣдствіе слабой снисходительности закона. Въ началѣ, одно изъ условій облегченія или милости, оказываемой преступнику, состояло въ томъ, что, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ обязывался, отъ времени до времени, являться къ мѣстнымъ властямъ. Но надобно признаться, что эта мѣра весьма рѣдко исполнялась

*) Never too late to mend, романъ Уарльса Риза.

на практикѣ. Находили, что положеніе этого человѣка и безъ того уже было крайне печально, а это специальное наблюденіе, позоря его официально, могло еще болѣе ему повредить. Притомъ, этимъ несчастнымъ часто отказываютъ въ работѣ, а обыкновенныя рабочіе и мастеровые съ трудомъ ихъ принимаютъ въ средѣ своей, питая къ нимъ антипатію. Четыре года тому назадъ, четыре мировые судьи Йоркшира (Yorkshire) слѣдующимъ образомъ выразили жалобы этихъ ticket-of-leave-men: «Мы желали бы жить честно, но мы не находимъ желающихъ взять насъ въ работники. Полицейскіе же агенты наши главные враги; они преслѣдуютъ насъ, какъ собакъ, всѣмъ объясняютъ, кто мы такіе, и всѣ отъ насъ отворачиваются. Требовать, сверхъ того, что бы мы представлялись имъ, заявляли о себѣ,—это значило бы публично выставить нашъ позоръ, и тогда намъ оставалось бы выбирать изъ двухъ крайностей: снова воровать, или умереть съ голода.» Какъ несомнѣтельны съ характеромъ, обычаями и учрежденіями англійскими, шпионство, доносы и всякій надзоръ ненавистны сынамъ Альбіона. Ревниво охраняя свои права и свободу, англичане боятся этого обоюдостраго оружія, которое, будучи употребляемо часто и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, можетъ нанести вредъ имъ самимъ; ибо, начиная съ воровъ, можно распространить эту мѣру и на другихъ, только кажущихся вредными. На этомъ основаніи, публичное мнѣніе энергично возстало противъ подобныхъ стѣснительныхъ мѣръ, даже направленныхъ къ обузданію этихъ осужденныхъ, отпущенныхъ до окончанія срока, и такимъ образомъ условіе, написанное на обратной сторонѣ самаго билета, обратилось въ мертвую букву. Но, спрашивается, не опасно ли дозволить преступнику, который, быть можетъ, вовсе не заслужилъ прощенія, безконтрольно проживать и скрываться въ Лондонѣ, охотясь снова за чужимъ добромъ? Опасность эта существуетъ въ дѣйствительности, и всѣ инспекторы полиціи подвергаются этому опыту. Одинъ изъ нихъ знаетъ каторжника, освобожденнаго ранѣе назначеннаго срока, который держитъ въ Лондонѣ специальную школу для обученія воровъ, въ которой тридцать мальчиковъ и молодыхъ дѣвушекъ пользуются уроками этого ловкаго и искуснаго учителя. Недавно, а именно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, другой ticket-of-leave-man который успѣлъ усыпить зоркое вниманіе полиціи, ни въ чемъ его не подозрѣвавшей, уже намѣревался вступить въ бракъ съ

богатою леди; но въ это самое время случайно открылся цѣлый рядъ мошенничествъ, которыхъ онъ былъ виновникомъ. На дѣлѣ оказывается, что, примѣнивъ и испытавъ поочередно строгія средства, умѣренные и самыя снисходительныя, Англія въ настоящее время находится въ большомъ затрудненіи относительно своихъ преступниковъ, не зная, что съ ними дѣлать. Находясь въ тюремномъ заключеніи, они составляютъ тяжелое бремя для государства; будучи на свободѣ, они не рѣдко успѣваютъ ускользнуть отъ правосудія, и хитро обмануть неусыпную бдительность мѣстныхъ властей, которымъ даже не удается внушить имъ благодѣтельный страхъ. Древній законъ возмездія едва ли въ наше время найдетъ почитателей между людьми просвѣщенными вообще, и въ Англіи въ особенности; но, съ другой стороны, надежда на нравственное исправленіе значительно поколебалась неудавшеюся системою ticket-of-leave *)

*) Все сказанное, весьма очевидно, не относится до системы ticket-of-leave-men и самихъ условноосвобожденныхъ въ Ирландіи. По статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ Ирландіи обратно отозванные по разнымъ причинамъ составляютъ всего около 7%, а въ Англіи, включая тѣхъ, которые за малые проступки подвергаются аресту, безъ penal servitude въ тюрьмахъ графствъ, процентъ этотъ доходитъ до 40 и болѣе. При этомъ расчетѣ, еще не принято въ соображеніе, что въ Англіи многіе рецидивы (повторительныя преступленія) остаются необнаруженными, въ слѣдствіе того, что тамъ многимъ ticket-of-leave-men удается не рѣдко надолго ускользнуть отъ всякаго контроля и наблюденія, чего не можетъ быть въ Ирландіи. Выведенныя цифры относятся между собою, какъ 1 къ 6, т. е. въ Ирландіи, изъ 100 освобожденныхъ по билету, подлежатъ возвращенію въ тюрьму 7 человекъ, а въ собственной Англіи отъ 40 до 45; другими словами, въ Англіи въ 6 разъ болѣе неблагонадежныхъ и опасныхъ ticket-of-leave-men, чѣмъ въ Ирландіи. Причины такой значительной разницы заключаются въ слѣдующемъ. Не говоримъ уже о томъ, что, по основному принципу, ирландская пенитенціарная система стоитъ несравненно выше англійской и всякой иной, но во 1-хъ, арестанты, по условному билету, ticket-of-leave, въ рѣдкихъ случаяхъ освобождаются изъ обыкновенной тюрьмы, а изъ промежуточныхъ или приготовительныхъ (intermediale-prisons), составляющихъ собственно третій періодъ карательно исправительной системы; во 2-хъ, условія, означенныя въ отпускномъ билетѣ, строго соблюдаются, и отпускныя арестанты, оставаясь до окончанія срока подъ контролемъ и наблюденіемъ, за всякое нарушеніе правилъ, или дурное поведеніе, немедленно отзываются обратно. На самомъ дѣлѣ, эти ticket-of-leave-men въ Ирландіи, доказавъ на опытѣ извѣстную степень благонадежности, въ послѣднее время приобрѣли уже нѣкоторое довѣріе, такъ что безъ особен-

*

Но слѣдуетъ ли на этомъ основаніи отказаться отъ попытокъ исправить тѣхъ злоумышленниковъ, которые не совсѣмъ не исправимы? Не слѣдуетъ, ибо путь къ раскаянію открытъ. Въ всякомъ случаѣ, послѣ всѣхъ неудачъ, репрессивныя дѣйствія составляютъ въ настоящій моментъ самую твердую ограду, при упорной борьбѣ общества съ этою арміею преступленія. Въ свободномъ же государствѣ и не должно быть иной полиціи, какъ та, каковую мы встрѣчаемъ въ Англіи. Тамъ, гдѣ она представляется таинственною силою, тѣнію инквизиціи, она пораждаетъ особаго рода странныя душевныя болѣзни. Специальные врачи такихъ болѣзней въ лечебницахъ и госпиталяхъ не рѣдко встрѣчаютъ несчастныхъ, которымъ кажется, что ихъ преслѣдуетъ, сжимаетъ или душитъ, или заколдовалъ, какой то невидимый врагъ. Англійская же полиція успокоиваетъ: она только тѣхъ тревожитъ, у которыхъ не мало причинъ ее избѣгать и бояться. Хотя она отвѣчаетъ передъ правительствомъ, но дѣйствуетъ въ интересахъ и при содѣйствіи всего общества. Чаше всего она защищаетъ слабого противъ сильнаго. Чего, напримѣръ, домогается этотъ инспекторъ, который въ полночь ходитъ по улицамъ Лондона, такъ сурово смотря на освѣщенные окна, за которыми виднѣются тѣни молодыхъ дѣвушекъ? Ему поручено наблюдать за исполненіемъ закона, воспреещающаго хозяйкамъ во зло употреблять свою власть надъ бѣдными швеями, которыхъ онѣ лишаютъ сна, требуя отъ нихъ слишкомъ продолжительной вечерней работы. Характеристическая черта англійской полиціи, которою особенно восхищаются иностранцы, состоитъ въ томъ, что ей нѣтъ никакого дѣла до мнѣній и образа мыслей, что она чужда борьбы всякихъ партій. Древнимъ парламентскимъ актомъ хотя и предоставлено право арестовать тѣхъ, которые въ публичномъ мѣстѣ позволяютъ себѣ произносить мятежныя слова; но дежурный агентъ полицейскій дѣлаетъ видъ, что не слышитъ

наго затрудненія находить работу, чему впрочемъ много способствуютъ печальные общества. Англія могла бы выйти изъ затруднительнаго положенія въ отношеніи своихъ преступниковъ, введя цѣликомъ ирландскую систему во всей Великобританіи, но, повидимому, препятствіемъ къ тому служитъ противная партія, къ которой принадлежитъ и начальникъ гюремной администраціи, Джошуа Джеббъ. *Ред.*

этихъ пустыхъ рѣчей, которыя относятъ вѣтеръ. Затѣмъ нѣтъ въ Англіи ни подозрѣваемыхъ, ни опасныхъ или вредныхъ людей, находящихся на замѣчаніи и подѣ присмотромъ начальства. Иные спросятъ, быть можетъ: какимъ же образомъ правительство, при отсутствіи или недостаткѣ надзора, не только въ состояніи удержаться, но даже не безъ основанія считается весьма прочнымъ. Это потому, что оно сумѣло посредствомъ свободы пріобрѣсти себѣ силу, которая выше и крѣпче полиціи и армій, симпатію общественнаго мнѣнія, о которую нынѣ разбился одинъ изъ самыхъ грозныхъ заговоровъ, какіе бывали въ исторіи.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ГЕНЕРАЛЬ-ПОЧТМЕЙСТЕРА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ *).

I.

1865—1866 годъ.

Въ продолженіе отчетнаго года (съ 1-го іюля 1865 по 30-е іюня 1866 года) было:

Дохода	14.386,986 долл.
Расхода	15.352,079 »
Дефицитъ	965,093 долл.

Уменьшеніе дохода, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, составляло $1\frac{1}{5}\%$, а увеличеніе расхода 12% .

На 1867—1868 годъ исчислено расхода 17.583,000 д.

Дохода, съ прибавленіемъ 5% противъ предъидущаго. 15.806,335 д.

Излишекъ расхода противъ дохода . . . 1.776,665 д.

Въ продолженіе года было продано:

*) Извлеченія эти составлены г. А. Чаруковскимъ.

Почтовыхъ марокъ	347.734,325	на сумму	10.816,661 д.
» Штемп.			
конвер.	30.386,200	»	921.500 » 50 ц
Заказныхъ штемп.			
бланок.			
и конвер.	7.683,525	»	230,006 » 75 »
» штемп.			
банде-			
ролей .	1.025,000	»	20,500 » »

Всего на сумму 11.988,668 д. 25 ц.

На 858,769 д. 25 ц. менѣе предъидущаго года.

Подано на почту почтовыхъ марокъ, конвертовъ и проч. на сумму 12.204,729 д. 54 ц, т. е. на 216,061 д. 29 ц. болѣе, нежели продано. Эти конверты и марки были проданы въ предъидущихъ годахъ и оставались неупотребленными. Такихъ конвертовъ и марокъ къ 1-му іюля 1865 г. считалось въ рукахъ публики на 447,710 д.

Заказы на штемпельные конверты съ печатнымъ адресомъ отправителя, для возвращенія письма, въ случаѣ неотысканія получителя,— постоянно возрастаютъ. При общемъ употребленіи такихъ конвертовъ, число нерозданныхъ писемъ значительно уменьшится.

Въ продолженіе года поступило 66 жалобъ на похищенія, сдѣланныя вооруженною рукою, на сумму 4.226,06. Изъ нихъ 57 жалобъ, на сумму 3,852 д. 40 ц., были удовлетворены, а въ девяти отказано.

Къ 30 іюня 1866 г. состояло 6,069 контрагентовъ для перевозки почтъ.

Почта отправлялась по 6,930 трактамъ, общая длина которыхъ составляла 180,921 милю. Почты прошли въ продолженіе года 71.837,914 миль, и уплачено за провозъ 7.630,474 д. Прибавивъ къ этому 779,710 д., содержаніе почтовыхъ агентовъ по перевозкѣ почтъ, общій расходъ составитъ 8.410,184 д.

Почта перевозилась:

	На простран- ствѣ.	Провозъ въ годѣ.	Упла- чено.	На ми- лю.
Но желѣзнымъ дорогамъ . . .	32,092	30.609,467	3.391,592	11 ц.

На пароходахъ	14,346	3.411,962	440,844	13 ц.
По обыкновен- нымъ дорогамъ	134,483	37.816,485	3.798,038	около 10 ц.

Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, увеличилось:

Протяженіе почтовыхъ трактовъ на . . . 38,581 м.

Пройденное почтами разстояніе . . . 13.724,420 »

Расходъ по пересылкѣ 1.393,590 д.

Это увеличеніе произошло преимущественно отъ возста-
новленія хода почтъ въ южныхъ штатахъ. Въ этихъ шта-
тахъ поступило прихода 693,835 д. Расходъ (не включая
содержанія агентовъ) превышалъ доходъ на 75,383 дол.

Изготовление почтовой карты продолжается. Два листа
уже гравированы, и поступятъ въ продажу въ теченіе
зимы.

Штрафы и взысканія съ контрагентовъ за неисправно-
сти въ продолженіе года составляли 62,956 д. 48 ц. Изъ
нихъ 6,654 д. 39 ц. были сложены.

Расходъ на заготовленіе разнаго рода мѣшковъ для пе-
ресылки корреспонденціи составлялъ 53,627 д. 50 ц. Сра-
внительно съ предыдущимъ годомъ, менѣе на 38,088 д.
36 ц.

Сборъ за заграничную корреспонденцію составлялъ
2.289,219 д. 30 ц.; на 469,290 д. 70 ц. болѣе предъ-
идущаго года.

Изъ этого сбора поступило:

1.840,800 92 — за обмѣнъ корреспонденціи съ Евро-
пою.

328,341 33 — съ корреспонденціи британскихъ вла-
дѣній Сѣверной Америки.

120,077 05 — съ корреспонденціи Вестъ-Индіи, Мек-
сики, Центральной и Южной Аме-
рики.

Заграничныхъ писемъ было въ Соединенныхъ Шта-
тахъ:

Получено . . . 4.543,630 писемъ.

Отправлено . . . 4.886,916 »

Итого 9.430,546 писемъ.

Изъ этого числа 8.564,847 писемъ обмѣнено съ Евро-
пою; болѣе, нежели въ 1865 году, на 1.851,330 писемъ.

Газетъ было:

Получено изъ заграницы 1.381,724 экз.

Отправлено 2.804,442 »

Итого 4.186,166 экз.

Изъ этого числа 3.828,135 экз. были обмѣнены съ Европою, болѣе предъидущаго года на 29,157 экз.

Увеличеніе обмѣна заграничной корреспонденціи, преимущественно съ материкомъ Европы, составляло болѣе 25%.

Перевозка почтъ по океану обошлась:

За атлантическія линіи 525,307 д. 16 ц.

Вестъ-индская 57,871 » 69 »

Центральной и Южной Америки 17,377 д. 45 ц.

Заключена почтовая конвенція съ Италією. Съ 1-го января 1868 года, предположено измѣнить основанія конвенціи съ Великобританією.

Заклученъ контрактъ съ нью-йоркскою пароходною компанією Тихаго Океана, на перевозку почты между Санъ-Франциско и Гонгъ-Конгомъ, заходя въ Гонолулу (на Сандвичевыхъ остров.) и въ Канагаву (въ Японіи). Компанія обязана содержать не менѣе 4 пароходовъ, каждый не менѣе 3,500 тоннъ вмѣстимости.

На дѣлѣ оказалось, что гавань Гонолулу имѣеть только 21 футъ глубины. Пароходъ, устроенный для безпрепятственнаго входа въ эту гавань, не представлялъ бы необходимыхъ условій для успѣшнаго и безопаснаго плаванія по океану, между Санъ-Франциско и Гонгъ-Конгомъ, на разстояніи 7,087 миль, а потому рѣшено портъ Гонолулу оставить въ сторонѣ.

Въ продолженіе года открыто почтовыхъ конторъ 1,143

Уничтожено 636

Всего состояло къ 30 іюня 1866 г. 23,828 конт.

Въ теченіе года замѣщено вакансій:

За выходомъ въ отставку почтмейстеровъ 4,679 ч.

Въ возстановленныхъ конторахъ южныхъ

штатовъ 2,778 »

За увольненіемъ 1,065 »

За перемѣною названія или помѣщенія	192 ч.
За смертію почтмейстеровъ	217 »
Въ конторахъ, вновь учрежденныхъ	1,143 »
Итого	<u>10,074 ч.</u>

Разноска писемъ по домамъ производится въ 46 значительнѣйшихъ городахъ. Для этого имѣется 863 письменосца, съ содержаніемъ 589,236 д. 41 ц.

Около 4 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рестовыхъ писемъ были рассмотрѣны и распределѣны. Изъ нихъ болѣе 40% были присланы изъ 47 значительныхъ почтовыхъ конторъ. Кромѣ того, 600,000 писемъ остались нерозданными, за неоплатою ихъ пересылки или по причинѣ неясности адресовъ.

32,814 рестовыхъ писемъ, съ денежными вложеніями не менѣе одного доллара, на сумму 244,589 д. 99 ц., были отпращены по принадлежности, изъ нихъ 27,948 писемъ, съ вложеніемъ 221,066 д. 19 ц., были выданы по принадлежности.

Рестовыхъ писемъ, съ вложеніемъ менѣе одного доллара, было 13,834; сумма вложеній составляла 3,652 д. 55 ц. Изъ нихъ 11,175 писемъ, на сумму 3,001 д. 23 ц., выданы по принадлежности.

Изъ 26,610 писемъ, съ вложеніемъ разныхъ денежныхъ документовъ, на сумму 7.826,881 д. 68 ц., было выдано 24,053 письма.

Изъ 67,610 писемъ и посылокъ, съ вложеніемъ фотографій и ювелирныхъ издѣлій, 42,745 были выданы. Большая часть вещей, заключающихся въ посылкахъ, которыя не могли быть выданы,—продана съ аукціона. Выручка составляла 3,543 д. 14 ц.

193,754 письма возвращены невскрытыми въ иностранныя государства. Слѣдовавшая бы за нихъ плата составляла 9,879 д. 40 ц. Изъ заграницы возвращено 72,440 писемъ, за которыя слѣдовало бы получить 2,039 д. 26 ц.

17,806 писемъ, казенныхъ или принадлежащихъ конгрессу, возвращены въ подлежащія мѣста.

8,918 писемъ военнаго вѣдомства возвращены въ управленіе генераль-адъютанта.

Изъ 1.746,156 простыхъ писемъ, возвращенныхъ посылателямъ, было выдано 1.275,845 писемъ.

Всего въ продолженіе года изъ рестовой экспедиціи было отправлено 2.093,444 письма разнаго рода, изъ которыхъ 1.602,224 выданы по принадлежности, что составляетъ 77⁰/₀.

Около 2.500,000 писемъ уничтожено. Изъ нихъ болѣе 60⁰/₀ составляли циркуляры, объявленія о лотереяхъ и другихъ предпріятія и т. п. Остальная часть состояла изъ писемъ неподписанныхъ, или написанныхъ такъ, что не было возможности прочесть.

Число приѣмныхъ мѣстъ для трансферта денегъ увеличилось до 766, и предположено открыть еще 67 мѣстъ.

Въ продолженіе года было выдано: 243,609 ассигновокъ, на сумму 3.977,259 д. 28 ц. Уплачено по 233,124 ассигновкамъ 3.903,890 д. 22 ц.

Среднимъ числомъ, стоимость каждой ассигновки была 16 д. 32 ц.

По 1,432 ассигновкамъ были выданы дубликаты; изъ нихъ 1,124—въ замѣнъ утраченныхъ на почтѣ или иначе, 296 уничтоженныхъ за давностію и 12 — вмѣсто ассигновокъ съ неправильными надписями.

Всего по этой операціи поступило дохода	35,803 д. 06 ц.
Было расхода	28,664 » 27 »
Чистаго дохода	7,138 д. 79 ц.

Въ настоящее время взимается за переводъ суммъ: не болѣе 20 долларовъ по 10 центовъ. Болѣе 20 долларовъ по 25 центовъ. Очевидно, что посылающему менѣе 40 долларовъ выгоднѣе получить двѣ ассигновки съ платою за каждую по 10 центовъ, нежели взять одну и заплатить 25 центовъ. Черезъ это увеличивается трудъ служащихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность ошибокъ. Назначивъ взимать по 15 центовъ за переводъ суммы отъ 20 и не менѣе 30 долларовъ, можно оставить существующую таксу безъ перемѣны.

Сознавая необходимость развитія почтовыхъ учреждений, генераль-почтмейстеръ продолжаетъ слѣдовать плану, принятому его предшественникомъ, не стѣсняясь тѣмъ, что почтовые расходы превышаютъ доходъ. Этотъ дефицитъ съ

избыткомъ вознаграждается развитіемъ торговли и промышленности, а также и моральнаго прогресса страны.

Въ заключеніе указывается на необходимость увеличенія окладовъ служащихъ, по случаю возвышенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности.

II.

1866—1877 годъ.

Доходъ почтоваго управленія, за отчетный годъ по 1-е іюля 1867 года, составлялъ 15.237,026 д. 87 ц.; къ этому слѣдуетъ прибавить суммы, отпущенныя изъ казначейства:

На устройство предметовъ для перевозки почтъ	900,000 д. — ц.
На устройство сухопутныхъ и морскихъ почтовыхъ сообщеній между Нью-Йоркомъ и Калифорніею . . .	900,000 » — »
На пароходное сообщеніе между Санъ-Франциско, Японіею и Китаемъ	41,666 » 67 »
Между Соединенными Штатами и Бразиліею (въ томъ числѣ 100,000 д. на покрытие расходовъ минувшаго года)	250,000 » — »
На новыя почтовые дороги . . .	150,000 » — »
На пополненіе недостатковъ . .	1.500,000 » — »
Всего	19.978,693 д. 54 ц.
Всякаго рода расхода	19.235,483 » 46 »
Остатка	743,210 д. 08 ц.

Сравнительно съ предъидущимъ годомъ, почтовый сборъ увеличился на 6⁰/₁₀, а расходъ на 25³/₁₀⁰/₁₀.

На 1868—69 годъ исчислено	21.000,000 д.
На сухопутное и морское сообщеніе Нью-Йорка и Калифорніи	900,000 д.
На пароходное сообщеніе Санъ-Франциска съ Японіею и Китаемъ	500,000 »

На пароходное сообще- ніе между Соединенными Штатами и Бразиліею	150,000 д.	
На пароходное сообще- ніе между Санъ-Францис- ко и Сандвичевыми остро- вами	75,000 »	
На пополненіе недо- статка на бразильскую ли- нію въ 1866 году	<u>12,500 »</u>	1.637,500 д.
Итого предполагается расхода		22.837,500 д.
Обыкновенный доходъ, включая въ это число 700,000 на заготовленіе вещей для перевозки почтъ, исчисленъ въ	16.700,000 д.	
На содержаніе линій: калифорнской, китайской и бразильской и недочеты	<u>1.562,500 »</u>	18.262,500 д.
Итого передержки		4.575,000 д.

Въ продолженіе года продано 371.599,605 почтовыхъ марокъ—на сумму 11.578,607 д.; 44.566,150 штемпельныхъ конвертовъ—на сумму 1.290,588 д. 50 ц.; 16.662,750 такихъ же конвертовъ съ отпечатаніемъ картъ и объявленій— на сумму 494,712 д. 50 ц. и 1.857,750 бандеролей для газетъ — на сумму 37,155 д. Всего на сумму 13.401,063 д.

Сравнительно съ предъидущимъ годомъ, количество проданныхъ марокъ увеличилось около 65⁰/₀, а штемпельныхъ конвертовъ слишкомъ на 61⁰/₀. Это увеличеніе должно быть приписано введенію конвертовъ съ печатными картами и объявленіями, которыя, въ случаѣ невыдачи по адресу, возвращаются посылателю безъ всякой добавочной платы. Увеличеніе пересылки такого рода конвертовъ составляло 106⁰/₀.

Предсказаніе, сдѣланное въ отчетѣ прошедшаго года о томъ, что употребленіе этихъ конвертовъ будетъ много способствовать уменьшенію числа *мертвыхъ писемъ*,

подтвердилось. Оказалось, что количество ихъ въ минувшемъ году уменьшилось почти на милліоны. Считаютъ, что такихъ конвертовъ было употреблено въ продолженіе года до 50.000,000; изъ нихъ только $\frac{1}{3}$ была изготовлена почтовымъ управленіемъ. Продажа марокъ и конвертовъ дала въ продолженіе года 12.988,134 д. 32 ц.; на рукахъ почтмейстеровъ осталось непроданныхъ на 412,928 д. 78 ц.

Въ продолженіе года утрачено на почтѣ 19 пачекъ съ почтовыми марками, на сумму 3,830 д. и 7 пачекъ съ штемцельными конвертами, на сумму 1,191 д. 90 ц.

Въ продолженіе года поступило 28 жалобъ на грабежи съ оружіемъ въ рукахъ. Изъ нихъ 24 на сумму 6,064 д. 05 ц. признаны справедливыми, а по четыремъ на 383 д. 27 ц. отказано.

Были сдѣланы опыты печатанія марокъ на рельефной бумагѣ для затрудненія злоупотребленій. Фибры такой бумаги переламываются, и уничтожающій штемпель отпечатывается глубже. Увеличена также клейкость марокъ.

Контракты:

Къ 30 іюля 1867 г. имѣлось 6,376 контрагентовъ на перевозку почтъ.

Почтовыхъ дорогъ было 7,743; общее ихъ протяженіе 303,245 миль. Почта, въ теченіе года, прошла 78.982,789 миль, перевозка стоила 9.336,286 д. Прибавляя къ этой суммѣ содержаніе чиновниковъ почтовыхъ вагоновъ, дорожныхъ агентовъ, кондукторовъ и багажныхъ служителей, всего 1.020,871 д, общій расходъ составитъ 10.357,157 д. Перевозка почтъ производилась:

	На протяженіи.	Число миль, пройденныхъ въ годъ.	Стоимость перевозки вообще.	Стоимость на миль.
По желѣзнымъ дорогамъ . .	34,015	32.437,900	3.812,600	11,75
На пароходахъ	15,094	3.210,740	472,206	14,70
По обыкновеннымъ дорогамъ	153,136	43.334,149	5.051,480	11.65

Сравнительно съ 1866 годомъ, протяженіе дорогъ увеличилось на 22,324 мили. Пройдено почтами болѣе 7.144,875 миль. Плата увеличилась на 1.705,812, а со-

держаніе чиновниковъ и служителей на 241,161, что составляетъ вмѣстѣ 1.946,973 д.

Опредѣленіемъ конгресса разрѣшено генераль-почтмейстеру линію хода почтъ между Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско продолжить по океану до Калифорніи, Портланда и Орегона, отправляя корреспонденцію не менѣе трехъ разъ въ мѣсяць, съ платою не болѣе 25,000 долларовъ въ годъ.

Въ слѣдствіе чего была сдѣлана публикація въ газетахъ, и 6 іюня 1867 г. принято предложеніе калифорнско-орегонско-мексиканской пароходной компаніи, которая взялась перевозить почту за 25,000 долларовъ въ годъ.

Сухопутная почта въ Калифорнію перевозилась не всегда аккуратно; причиною тому были снѣга, разлитіе рѣкъ и, главное, нападеніе индійцевъ, котырые, съ 1-го апрѣля по 15-е августа 1867 года, сожгли 12 станцій, вмѣстѣ съ большими запасами овса и сѣна, разрушили три почтовые фургоны, опасно ранили нѣсколькихъ пассажировъ, и убили 13 агентовъ почтсодержателей.

По закону, генераль-почтмейстеру предоставляется право отправлять почты по желѣзнымъ дорогамъ съ тѣмъ, что бы годовая плата за провозъ не превышала:

На линіяхъ 1-го класса 300 долларовъ на милю.

На дорогахъ 2-го класса 100 долларовъ на милю.

На дорогахъ 3-го класса 50 долларовъ на милю.

На тѣхъ линіяхъ, гдѣ признается необходимымъ отправлять почту болѣе двухъ разъ въ день, генераль-почтмейстеру предоставлено производить добавочную плату.

На этомъ основаніи, по 366 линіямъ желѣзныхъ дорогъ, приведены въ извѣстность число почтъ, объемъ занимаемыхъ помѣщеній и вѣсъ корреспонденціи. Соотвѣтственно этимъ даннымъ, заключены контракты на пересылку почтъ. Изъ нихъ:

На 2 дорогахъ, гдѣ вѣсъ почты составляетъ ежедневно болѣе 20,000 фунтовъ, назначена плата по 375 дол. на милю.

На 4 дорогахъ назначена плата по 300 дол.

На прочихъ отъ 275 до 50 д. и на 31 дорогѣ плата эта составляетъ отъ 47 дол. 77 центовъ до 20 дол. на милю.

Карта хода почтъ, начатая при генераль-почтмейстерѣ Блерѣ, подвигается впередъ. Первая часть (штаты Нью-Гемпшейръ, Вермонтъ, Массачузетсъ, Родъ-Айландъ и Коннектикутъ съ частію Нью-Йорка и Мена) изготовлена и разослана къ почтмейстерамъ и другимъ лицамъ. Вторая часть (штатъ Нью-Йоркъ съ соеѣдными мѣстами) оканчивается и будетъ выпущена въ теченіе зимы. Третья часть (штаты Пенсильванія, Нью-Джерзи, Делаваръ, Мэриландъ и Колумбія) находится въ работѣ.

Штрафы и вычеты съ подрядчиковъ за разнаго рода неисправности составляли 188,839 д. 46 ц., изъ нихъ сложено 42,931 д. 79 ц.; а 145,907 д. 97 ц. взысканы или удержаны.

На заготовленіе сумокъ, замковъ и ключей употреблено 80,440 дол., т. е. на 26,812 д. 50 центовъ болѣе, нежели въ предъидущемъ году.

Почта перевозится по 18 линіямъ желѣзныхъ дорогъ, протяженіе которыхъ составляетъ 4,435 миль; на 879 миляхъ существуетъ двукратное отправленіе. Такимъ образомъ, почты проходятъ ежедневно по 5,314 миль. Для перевозки этихъ почтъ содержится 160 человекъ старшихъ и младшихъ чиновниковъ, и содержаніе ихъ составляетъ 187,900 дол. въ годъ. Для исполненія тѣхъ же обязанностей на обыкновенныхъ дорогахъ потреблялось бы только 86 человекъ, съ содержаніемъ въ 92,880 долларовъ.

Перевозка почтъ въ почтовыхъ вагонахъ, облегчая занятія почтовыхъ конторъ, даетъ возможность уменьшить до нѣкоторой степени число служащихъ въ нихъ лицъ. Это число трудно опредѣлить, но достовѣрно, что въ почтовыхъ конторахъ Чикаго, Каира, С. Жозефа, Буффало, Вашингтона, Ричмонда, Мемфиса и Чатануга сокращено около 30 чиновниковъ. Кромѣ того, безъ почтовыхъ вагоновъ, въ этихъ самыхъ конторахъ число чиновниковъ потребовалось бы не уменьшить, а усилить. Вмѣстѣ съ прочими почтовыми мѣстами, уменьшенія можно считать до 60 чиновниковъ. Полагая содержанія каждому по 1000 долларовъ въ годъ, сокращеніе будетъ составлять около 60,000 дол., слѣдовательно содержаніе линій почтовыхъ вагоновъ будетъ обходиться ежегодно дороже только на 35,000 долларовъ или по 7 дол. на милю противъ старыхъ дорогъ.

Но какъ отъ такого порядка ходъ почтъ ускорился на 12, 24 и даже до 48 часовъ, то увеличеніе расхода вполнѣ вознаграждается.

Сборъ за заграничную корреспонденцію составлялъ 2,441,242 д. 52 ц., болѣе на 152,023 д. 22 ц., нежели въ предыдущемъ году. Изъ этой суммы поступило:

За европейскую корреспонденцію	1.969,605 д. 55 ц.
За корреспонденцію британскихъ провинцій въ Сѣверной Америкѣ	348,303 » 88 »
За корреспонд Вестъ-Индіи, Мексики, Центральной и Южной Америки, Японіи и Китая	123,333 д. 09 ц.
На долю Соединенныхъ Штатовъ пришлось	1.191,404 д. 67 ц.
Получено писемъ изъ Европы и Южной-Америки	4.985,833 п.
Отправлено	5.312,401 »
Итого	<u>10.298,234 п.</u>

Прибавимъ количество писемъ, обмѣненное съ британскими провинціями

	2.806,000 »
Получено всего	<u>13.100,000 п.</u>
Газетъ отправлено	2.956,599 экз.
» получено	1.871,710 »
Итого	<u>4.828,482 экз.</u>

Перевозка этихъ почтъ на пароходахъ иностранныхъ атлантическихъ линій стоила 1.091,189 д. 55 ц.

На пароходахъ Соединенныхъ Штатовъ 878,416 дол.

Почтовую конвенцію, заключенную въ 1848 году съ Великобританіею, предположено измѣнить, причеиъ портъ за письмо съ 24 ц. понизится до 20 центовъ.

Кромѣ Великобританіи, заключены почтовые конвенціи съ Бельгіею, Швейцаріею, Нидерландами, Сѣверогерманскимъ Союзомъ и Италіею, согласно основаніямъ, принятымъ на парижскомъ конгрессѣ, а также съ колоніальными управленіями въ Гонгъ-Конгѣ.

Допущенъ обмѣнъ страховыхъ писемъ между Соединен-

ными Штатами и Новымъ Брауншвейгомъ, Новою Шотландіею и островами Принца Эдуарда.

Преобразованы сообщенія съ Японіею.

Заключенъ контрактъ съ калифорно-орегонско-мексиканскою пароходною компаніею, которая за 875,000 долларовъ обязалась учредить почтовое сообщеніе между портами Санъ-Франциско и Гонолулу, и дѣлать, въ продолженіе года, по 12 рейсовъ туда и столько же обратно.

Правительство Венецуелы предложило учредить прямую линію почтовыхъ сообщеній съ тѣмъ, что бы расходы по содержанію принимались, по равной части, обоими правительствами.

Почтовое пароходство между Нью-Йоркомъ и Рио-Жанейро производилось правильно. Оказалось необходимымъ пароходамъ этой линіи заходить въ портъ Пары, при устьѣ Амазонской рѣки, чрезъ что каждый рейсъ удлинился на двое сутокъ, а потому расходъ увеличился на 30,000 долларовъ.

Къ 30 іюня 1866 г. было почтовыхъ мѣстъ	29,389
Уничтожено	6,111
Въ продолженіе года прибавлено	1,885
Итого менѣе на	<u>4,226 м</u>
Къ 30 іюня 1867 года было всего	25,163 м.
Состояло чиновниковъ,	
опредѣляемыхъ президентомъ	837
„ генераль-почтмейстеромъ	24,326
Въ продолженіе года было вакансій:	
За выходомъ въ отставку почтмейстеровъ .	4,065
За увольненіемъ	3,444
За переименованіемъ и переименованіемъ .	135
За смертію почтмейстеровъ	215
При открытіи новыхъ конторъ	1,885
Итого	<u>9,744 ч.</u>

Для перевозки почты состояло 899 агентовъ, содержаніе которыхъ стоило 859,330 дол.

Разноска писемъ по домамъ производилась въ 47 городахъ, посредствомъ 943 письмовоенцевъ, содержаніе которыхъ стоило 699,984 дол. 34 ц.

Въ рестовую экспедицію поступило нерозданныхъ писемъ:

Внутреннихъ	8619,062 пис.
Неоплаченныхъ, преимущественно за неоплату порта	448,796 »
Заграничныхъ	179,416 »
Возвращенныхъ изъ заграничій	64,194 »
	<hr/>
	4.308,508 пис.

Меньше противъ предыдущаго года на 892,097 писемъ количество такого рода писемъ уменьшилось:

Внутреннихъ почти на $19\frac{0}{100}$.
Заграничныхъ на $4\frac{1}{2}\frac{0}{100}$.

Въ числѣ рестовыхъ писемъ было:

Денежныхъ, съ вложеніемъ одного доллара и выше, 21,365 писемъ, на сумму 130,365 дол.; изъ этого количества 668 писемъ, съ вложеніемъ 8,564 д. 56 ц., были посланы страховыми. Возвращено посылателямъ 18,577 писемъ, съ вложеніемъ 127,135 дол. 48 ц.

Съ вложеніемъ суммъ меньше одного доллара было 13,770 писемъ, на сумму 3,869 д. 24 ц., изъ нихъ 10,372 письма, съ вложеніемъ 3,485 дол. 09 ц., возвращены посылателямъ.

Сумма денегъ, вынутыхъ до 1 іюля 1867 г. изъ нерозданныхъ писемъ, составляла 19,914 д. 67 ц. Прибавивъ 5,159 дол. 20 ц., вырученныхъ отъ продажи цѣнныхъ бумагъ, общій итогъ составитъ 25,073 дол. 87 ц.

Число писемъ, съ вложеніемъ векселей, чековъ и т. ж. бумагъ, составляло 21,262 писемъ, на сумму 5.109,554 дол. 48 ц.; изъ нихъ 19,991 возвращено посылателямъ.

Въ 49,386 писемъ были вложены фотографіи и разныя другіе предметы. Изъ нихъ 34,992 письма возвращены посылателямъ. Отъ продажи съ публичнаго торга за эти предметы выручено 835 д. 05 ц.

Казенныхъ манетовъ возвращено 17,304.

Изъ 97,059 писемъ, содержавшихъ почтовые марки и предметы малой цѣнности, возвращено посылателямъ 88,679.

186,189 писемъ возвращены не вскрытыми въ заграничныя почтовые конторы и 64,194 получены обратно изъ заграничій.

*

1.677,875 простых писемъ остались невыданными; изъ нихъ 1.421,871 пис. (84⁰/₁₀₀) возвращены посылателямъ.

Такимъ образомъ изъ 4,306,508 рестовыхъ писемъ:

1.611,686 — возвращены посылателямъ.

18,553 — оставлены до востребованія.

186,189 — возвращены въ заграничныя конторы.

2.490,080 — уничтожены.

Изъ этого числа около 1.500,000 не имѣли значенія, потому что по большей части заключали въ себѣ циркуляры и объявленія о лотереяхъ. Остальныя письма были, по большей части, съ неразборчивыми адресами, а многія и совсѣмъ безъ адресовъ.

Отношеніе количества рестовыхъ писемъ къ почтовому доходу представляетъ слѣдующіе результаты:

На 1,000 долларовъ почтоваго дохода приходилось рестовыхъ писемъ:

Въ 1861 году	329
» 1862 »	302
» 1863 »	246
» 1864 »	301
» 1865 »	326
» 1866 »	347
» 1867 году	278.

Такимъ образомъ, въ продолженіе 8 лѣтъ, на цифру дохода, представляющаго среднимъ числомъ сборъ за 33,000 писемъ, оказалось 103 рестовыя письма.

Общее число пересланныхъ писемъ опредѣляется:

Въ 1866 — 438.846,607

» 1867 — 462.279,719.

Слѣдовательно, число рестовыхъ писемъ составляло въ 1866 году — 1⁰/₁₀₀, а въ 1867 $\frac{4}{5}$ ⁰/₁₀₀ — общаго количества.

Состояло 1,224 приѣмныя мѣста для денежной корреспонденціи; изъ нихъ 458 открыты въ теченіе года.

Выдано 474,496 ассигнровокъ на сумму 9.229,327 д. 72 ц.

Уплачено по 461,876 ассигновкамъ, на сумму 8.977,874 д. 71 ц.

Возвращено посылателямъ. 93,366 » 02 » 9.071,240 » 73 »

Не востребовано 158,086 д. 99 ц.

Въ предвѣдущемъ году было выдано ассигновокъ на 3.977,259 д. 28 ц. и уплачено 3.903,890 д. 22 ц.

Итого приходилось на каждую ассигновку:

Въ 1867 году по 19 д. 45 ц.
 » 1866 » » 16 » 32 »

По 2,069 ассигновкамъ были выданы дубликаты. Изъ нихъ 1,915 въ замѣнъ утраченныхъ.

141 въ замѣнъ потерявшихъ значеніе, потому что съ дня выдачи ассигновки прошло болѣе года.

13 имѣвшихъ болѣе одной передаточной надписи.

По этой операціи поступило дохода 70,889 д. 57 ц.

Расходы составляли:

Почтмейстерамъ за комиссію	19,835 д. 03 ц.
Жалованья чиновникамъ	20,048 » 28 »
Вознагражденія за утраты	3.562 » — »
На канцелярскіе и другіе расходы	1,183 » 65 »
Итого	44,628 д. 96 ц.

Затѣмъ осталось чистаго дохода 26,260 д. 61 ц.

Одинъ бывшій почтмейстеръ утаилъ 52 бланка почтовыхъ ассигновокъ, и вписалъ въ нихъ небольшія суммы, будто бы принятыя почтмейстеромъ. По 29 такимъ ассигновкамъ, было уплачено 1,322 д. Обманъ открытъ, и виновный приговоренъ на 3 года къ строгому тюремному заключенію и къ 500 дол. штрафа.

Въ заключеніе, генераль-почтмейстеръ обращаетъ вниманіе конгресса на увеличеніе занятій, а потому ходатайствуетъ объ увеличеніи штата чиновниковъ.

Вопросъ о ближайшей связи телеграфовъ съ почтами обращаетъ общее вниманіе. Есть слухи, что въ Великобританіи предполагается соединить эти два учрежденія, а потому генераль-почтмейстеръ полагаетъ назначить особую комиссію, для разсмотрѣнія того, въ какой мѣрѣ это предположеніе можетъ быть примѣнимо въ Соединенныхъ Штатахъ.

Многіе члены конгресса употребляютъ *факъ-симиль* для франкированія своей корреспонденціи. Подъ этимъ видомъ пересылаются въ огромномъ количествѣ книги неприличнаго содержанія, лотерейныя объявленія и т. п. предметы. Стоимость бесплатной пересылки корреспонденціи, съ 700,000 долларомъ, увеличилась до милліона.

Необходимо постановить, что бы надписи на корреспонденции, пересылаемой бесплатно, дѣлались непременно собственноручно лицами, имѣющими право на такую пересылку.

Въ заключеніе, генералъ-почтмейстеръ настаиваетъ на необходимости освободить отъ налоговъ и поцлинъ постройку и содержаніе атлантическихъ почтовыхъ пароходовъ, а также дать имъ субсидію.

Сравнительная ведомость прихода и расхода.

Годы.	Расходъ.	Доходъ.	Передержка.	Остатокъ.
1854	8.557,424 12	8.955,586 22	1.621,837 90	—
1855	9.988,342 29	7.352,136 13	2.626,206 16	—
1856	10.407,868 18	7.620,821 66	2.787,046 50	—
1857	11.507,670 16	8.053,951 76	3.453,713 40	—
1858	12.721,636 56	8.186,792 86	4.543,843 70	—
1859	14.964,493 33	7.968,484 07	6.906,000 36	—
1860	14.874,772 89	9.218,067 40	5.656,705 49	—
1861	13.606,759 11	9.049,296 40	4.557,462 71	—
1862	11.125,364 13	9.012,549 56	2.112,814 57	—
1863	11.314,206 84	11.163,789 59	150,417 25	—
1864	12.644,786 20	12.438,252 78	206,532 42	—
1865	13.694,728 28	14.556,158 70	—	861,430 42
1866	15.352,079 30	14.386,986 21	965,093 09	—
1867	18.043,816 79	16.137,026 87	1.906,789 92	—

UC 61830-35/60-1189

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C048140272

О подпискѣ на «**ЗАПИСКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ**» въ 1868 годѣ.
 Цѣна на «Записки для Чтенія» за годъ 7 р.,
 съ пересылкою и доставкою на домъ.
 Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ
 писокъ для Чтенія» (на В. Конюшенной ул. д. Утина № 5).
 Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: въ редакцію «За-
 писокъ для Чтенія», въ С.-Петербургъ.

О подпискѣ на «**БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ**», ежедневную
 газету съ книжками «Записокъ для Чтенія», въ 1868 году.

«Биржевыя Вѣдомости» выходятъ въ 1868 году ежедневно
 листами большаго формата, въ понедѣльники же и дни, не-
 посредственно слѣдующіе за табельными праздниками, въ по-
 дулистахъ того же формата, съ книжками «Записокъ для
 Чтенія».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за «Биржевыя Вѣдомости», вмѣстѣ съ
 книжками «Записокъ для Чтенія»:

	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.
На годъ	15 —	16 —	18 —
На полгода	8 —	9 —	10 —

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Бир-
 жевыхъ Вѣдомостей» (на В. Конюшенной ул. д. Утина № 5).
 Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: въ редакцію «Бир-
 жевыхъ Вѣдомостей», въ С.-Петербургъ.

О подпискѣ на «**ВЕЧЕРНІЮЮ ГАЗЕТУ**» въ 1868 году.
 «Вечерняя Газета» политическая и литературная, выхо-
 дить въ 1868 году ежедневно, за исключеніемъ понедѣль-
 никовъ и дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными
 праздниками.

Подписная цѣна: съ 1-го іюля за полгода 4 р., за одинъ мѣ-
 сяць 75 к., съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Вечер-
 ней Газеты» (на В. Конюшенной ул. д. Утина № 5). Гг. иного-
 родные адресуютъ свои требованія: въ редакцію «Вечерней Га-
 зеты», въ С.-Петербургъ.

Пріемъ объявленій казенныхъ и частныхъ, для
 помѣщенія въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Запискахъ для Чте-
 нія» и «Вечерней Газетѣ». Плата за помѣщеніе объявленій по
 таксъ, находящейся въ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

За редактора **И. Усовъ**.